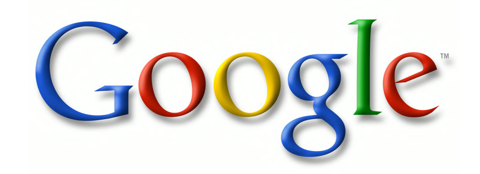

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

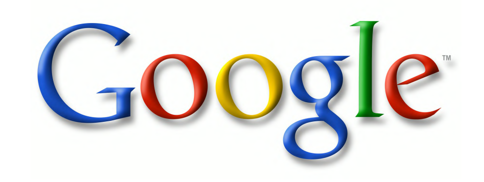
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

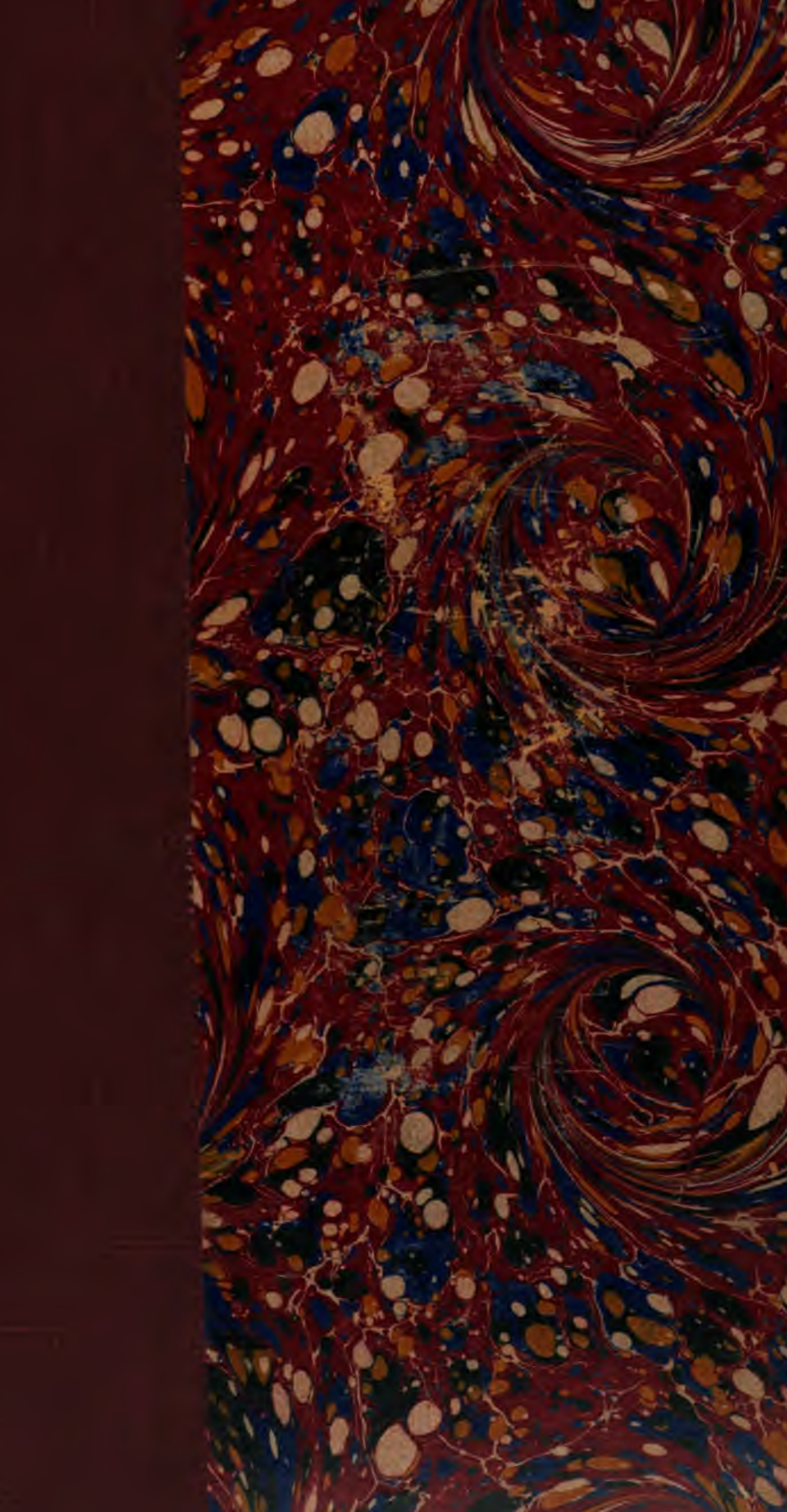
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

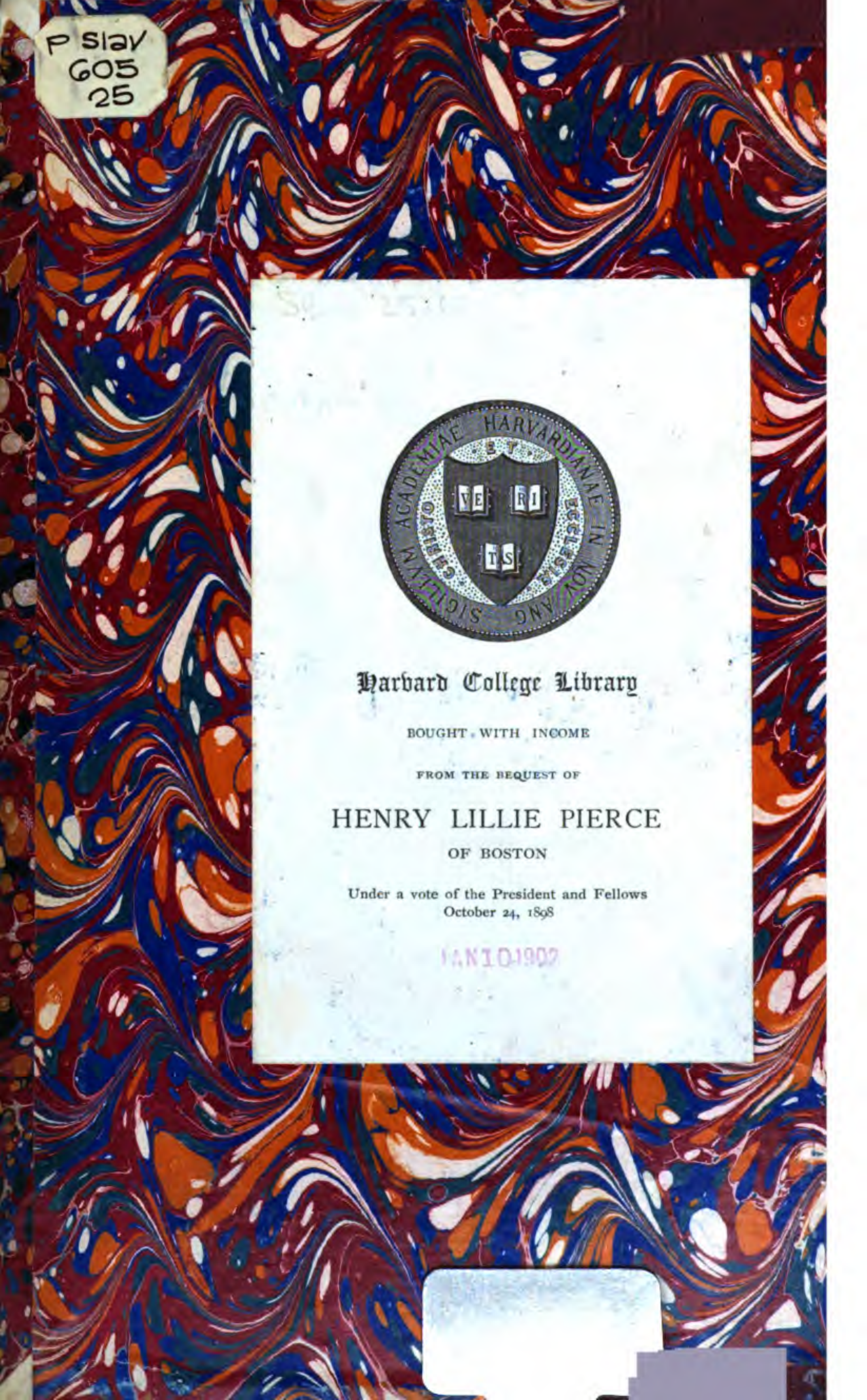
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

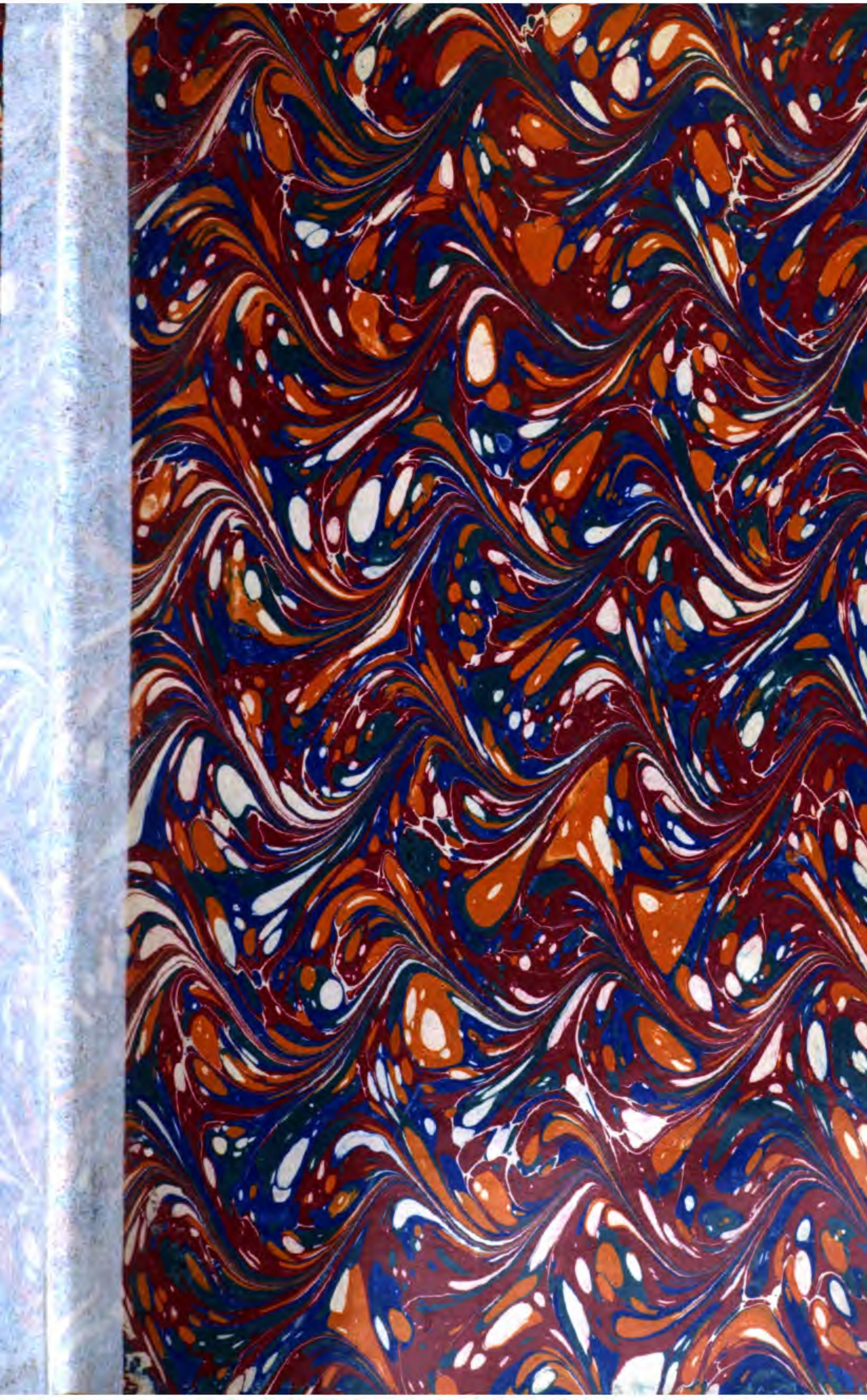
FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE

OF BOSTON

Under a vote of the President and Fellows
October 24, 1898

JAN 10 1902

BUCH

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1878

[девятый годъ].

РУССКАЯ
СТАРИНА
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
ТОМЪ XXIII.
1878.
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ-ТРЕТІЙ
Ѳ. ВОЛКОВЪ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИНЪ
КУЛИБИНЪ
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВЪ
ШЛЕЦЕРЪ
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ
РАДИЩЕВЪ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИНЪ
МОРДВИНОВЪ
КРЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ГРИБОѢДОВЪ
ПУШКИНЪ
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
Состав. А. Шарлемань.
рис. К. Брожъ.

P Slav 605.25
~~Slav 25.10~~

Harvard College Library
Jan. 1 , 1902
PIERCE FUND

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. **СЕНТЯБРЬ.** 1878 годъ

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ. При этой книгѣ прилагается портретъ оберъ-камергера князя **Ивана Алексѣевича Долгорукаго**, казненнаго 26-го октября 1739 г., близь Новгорода. Рисунокъ **К. О. Брожа** съ весьма рѣдкой гравюры, сообщенной П. А. Ефремовымъ. Гравировалъ въ Парижѣ Академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ 1878 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

«Русская Старина» **1870** г. (третье изд.), **1876** г. (второе изд.) и **1877** г.—по **8** руб. съ перес.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября.

Труды III-го Археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 года. Съ рисунками въ текстѣ и съ отдѣльнымъ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 25 таблицъ. Т. I, LXXXV+352; т. II, 330+361. Ц. 25 руб. сер.

Въ началѣ перваго тома (I—LXXXV) помѣщены общія свѣдѣнія, касающіяся съѣзда, и протоколы послѣдняго; вторую половину его составляютъ рефераты, числомъ 30. Второй томъ состоитъ изъ 28 рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ, и 17 рефератовъ, присланныхъ къ съѣзду, но не подвергавшихся обсужденію и потому помѣщенныхъ въ приложеніяхъ, занимающихъ, впрочемъ, около трети всего изданія.

Труды Кіевскаго археол. съѣзда распадаются, по своему содержанію, на три категоріи: А) Сообщенія, имѣвшія цѣлью опредѣлить общее значеніе археологіи въ ряду другихъ наукъ, способы археологическихъ занятій и средства къ расширенію археологическихъ изслѣдованій въ Россіи. Сюда относятся слѣдующія статьи: въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки, И. Е. Забѣлина; что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи, гр. А. С. Уварова; какія могутъ и должны быть устраиваемы при университетскомъ преподаваніи практическія занятія и упражненія, проф. А. Г. Брикнера; нѣкоторыя соображенія о лучшей организаціи дѣятельности археологическихъ коммисій, М. В. Юзефовича.

Б) Сообщенія, имѣющія мѣстный интересъ; сюда относятся рефераты: о св. Софіи кіевской, прот. Лебединцева; слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ, г. Каминскаго; о мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., проф. Ѳеофилактова; матеріалы для археологіи Волыни, г. Рогге; о находкахъ каменнаго вѣка въ Волынской губ., г. Оссовскаго; о курганахъ Черниговскаго уѣзда, г. Константиновича; сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи, г. Самоквасова; о трехъ городищахъ въ Козелецкомъ уѣздѣ, г. Мисевскаго; кіевская архитектура X—XII вѣковъ, проф. Лашкарева; о значеніи нѣкоторыхъ фресокъ кіево-соф. собора, проф. Павлова; о разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время, проф. Бруна; объ уничтоженіи памятниковъ старины въ южной Россіи, г. Левченка; древнѣйшее арабское свидѣтельство о Кіевѣ, проф. Гаркави; гдѣ нужно искать рѣку, называемую Каялой, г. Ваденюка; о происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ, г. Юрченка; преданія и суевѣрныя сказанія о кладахъ—къ вопросу объ археологической топографіи Гадячскаго уѣзда, г. Иващенка; Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи, г. Дашкевича; о новонайденныхъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра (Ольгердовича), проф. Антоновича; откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева, г. Оссовскаго; о Константинѣ Ив., князѣ Острожскомъ, г. Романовскаго; подложное письмо половца Сляры къ кіевскому князю Владиміру, проф. Малышевскаго; отличительныя черты южно-русской народной орнаментики, г. Волкова; кіево-кирилловская Троицкая церковь; въ какихъ мѣстахъ Кіевской и смежныхъ губерніяхъ находимы были каменныя орудія, г. Волошинскаго; роскопки кургановъ и археологическія находки въ Васильковскомъ уѣздѣ, г. Витковскаго; замѣчанія о курганахъ Кіевской губерніи г. Люценка; нѣсколько словъ о новѣйшихъ археологическихъ находкахъ въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ, проф. Борисяка; о Золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ, г. В. А. Толстаго. Кромѣ того, къ сообщеніямъ мѣстнаго характера слѣдуетъ отнести рядъ рефератовъ, посвященныхъ описанію древнихъ письменныхъ памятниковъ, старинныхъ библіотекъ (напр., библіотеки Петра Могилы, славяно-русскихъ памятниковъ, находящихся въ Львовскихъ архивахъ и библіотекахъ); изслѣдованія о малорусскихъ думахъ въ связи съ великорусскими былинами; о народныхъ преданіяхъ и суевѣріяхъ и т. п. (рефераты проф. Срезневскаго, Миллера, гг. Житецкаго, Голубева, Калужняцкаго, Иващенка, Люценка и др.).

В) Къ третьей категоріи слѣдуетъ отнести рядъ рефератовъ, посвященныхъ объясненію извѣстій древнихъ писателей о мѣстностяхъ, входящихъ теперь въ составъ Россіи, описанію древностей, найденныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи,

КНЯЗЬ ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ,

ОБЕРЪ-КАМЕРГЕРЪ И СВ. АНДРЕЯ КАВ., РОД. 1708 Г, КАЗНЕНЪ 26 ОКТ. 1739 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1878 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ. 27 МАРТА 1878 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ПОХОЖДЕНІЯ ИЛИ ИСТОРІЯ ЖИЗНИ ИВАНА МИГРИНА

ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАКА.

1770—1850 гг.[1]).

I.

Я родился Полтавской губерніи Золотоношскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Ирклѣевѣ, 1770 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ домѣ дѣда моего, поручика Василія Мигрина. Отецъ мой былъ поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, мать Анна Дмитріевна, урожденная Фурмей. Вскорѣ послѣ рожденія моего, родители мои переселились, того же уѣзда, въ казенное селеніе Васютинцы, гдѣ достался отцу моему, по женѣ, хуторъ съ мельницею и садомъ; къ этому хутору отецъ мой прикупилъ земли, а въ послѣдствіи приписались къ нему изъ вольныхъ крестьянъ душъ двадцать, и такимъ образомъ жилъ безъ нужды. Въ Васютинцахъ, при родителяхъ прожилъ я до 15-ти лѣтъ, гдѣ обучился и грамотѣ при помощи приходскаго дьячка. Потомъ поступилъ партикулярно въ золотоношскій земскій судъ, гдѣ научился писать; а чрезъ нѣсколько лѣтъ опредѣленъ уже былъ въ тамошній земскій судъ и исправлялъ должность секретаря.

Всѣ родные мои, упомянутый дѣдъ Василій и бабка, дѣти его, а мои дяди, и братья матери моей, тоже дяди мои, любили и ласкали меня; особенно же любилъ и благодѣтельствовалъ мнѣ дядя по отцу—поручикъ Иванъ Васильевичъ Мигринъ, который благодѣтельствовалъ и родителямъ моимъ; онъ былъ добрый и умный человѣкъ. Послѣ него остались и находятся нынѣ въ живыхъ дѣти его: поручикъ Николай и бывшій учителемъ Пантелеймонъ.

---

[1]) Писано, какъ видно изъ помѣты, въ 1850 году.

Во время служенія моего въ земскомъ судѣ, проѣзжалъ чрезъ Золотоношу знакомый мнѣ лекарь Евтушевскій, имѣвшій въ Золотоношскомъ уѣздѣ небольшое имѣньице и опредѣленный въ армію, въ Молдавіи расположенную. Съ Евтушевскимъ сблизилъ меня слѣдующій случай: онъ поссорился съ казенными крестьянами и за буйство былъ представленъ ими въ земскій судъ, связаннымъ; онъ просилъ помощи и защиты моей, и я, по званію секретаря, имѣя вліяніе на дѣла по суду, освободилъ его отъ всѣхъ хлопотъ и непріятностей. Съ этого времени возродилась между нами особенная пріязнь, и какъ онъ вскорости долженъ былъ отправиться въ армію къ своей должности, то началъ уговаривать меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, обнадеживая опредѣлить меня въ полкъ, гдѣ, прослуживши годъ, могу получить чинъ прапорщика и возвратиться домой военнымъ офицеромъ. Я представлялъ ему, что родители мои не согласятся отпустить меня, что родные мои всѣ любятъ меня, и я, по молодымъ лѣтамъ моимъ, занимаю уже хорошую должность; онъ не переставалъ убѣждать меня, говоря, что если родители не согласятся отпустить меня, то можно уѣхать не сказавши имъ, а послѣ, по пріѣздѣ на мѣсто, извѣстить о себѣ. Пылкость молодости и убѣжденія Евтушевскаго склонили наконецъ меня послѣдовать его совѣту, и я, не сказавши никому и не взявъ даже увольненія отъ должности,—отправился тайнымъ образомъ вмѣстѣ съ нимъ, весною, а какого именно года—того не помню.

Начальство и сослуживцы мои, не подозрѣвая ничего, были въ недоумѣніи: какъ и куда пропалъ безъ вѣсти секретарь! Родители мои, и особенно бѣдная мать, горько оплакивали меня. И теперь (1850 г.) жалѣю я, что причинилъ много скорби родителямъ моимъ необдуманнымъ поступкомъ.

О неизвѣстной отлучкѣ моей отъ должности, по прошествіи нѣкотораго времени, земскій судъ дѣлалъ публикацію; но какъ на рукахъ у меня не было ни казенной суммы, ни дѣлъ, и все было въ порядкѣ, то я и оставался спокойнымъ.

У меня былъ видъ на званіе значковаго товарища войска малороссійскаго, выданный мнѣ прежде еще отъ полковника Зенченко, и съ нимъ я отправился.

Евтушевскій отправился на своихъ лошадяхъ; мы заѣхали къ моему дѣду, переночевали у него; я сказалъ, что отправляюсь въ уѣздъ по дѣламъ суда, и не открылъ о своемъ намѣреніи. Отсюда отправились мы въ Крюковъ-посадъ, близъ Кременчуга, гдѣ была коммисаріатская коммисія, изъ коей лекарь долженъ былъ получить прогоны до мѣста расположенія полка, въ который былъ опредѣленъ. Здѣсь прожили мы недѣли двѣ въ ожиданіи прогонныхъ денегъ.

Евтушевскій представилъ свои бумаги, въ коммисіи представляли ему разныя затрудненія въ полученіи денегъ; это сконфузило его, онъ былъ человѣкъ весьма робкій и несмѣлый, такъ что я, назвавшись его именемъ, ходатайствовалъ вмѣсто него и получилъ уже деньги.

Получивши деньги изъ коммисіи, отправились мы въ Молдавію, гдѣ квартировалъ пѣхотный полкъ, въ который опредѣленъ былъ Евтушевскій,—въ крѣпость Бендеры, а оттуда въ деревню Васлуи. Оказалось, что въ тотъ полкъ, въ который назначенъ былъ Евтушевскій, опредѣленъ уже другой лекарь, и онъ остался за штатомъ. Тутъ прожили мы дней десять; денегъ ни у Евтушевскаго, ни у меня нисколько не было; въ дорогу взято было въ запасъ два круга сала и сухари: этимъ продовольствовались мы и человѣкъ Евтушевскаго, въ пути и на мѣстѣ; наконецъ, запасы были съѣдены, мы находились въ самомъ затруднительномъ положеніи и Евтушевскій выговаривалъ мнѣ, что я поѣлъ его запасъ.

Въ Бендерахъ встрѣтилъ я земляка моего Невѣровскаго—отецъ его служилъ городничимъ въ Золотоношѣ. Онъ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку поручикомъ; увидясь со мною, Невѣровскій приглашалъ меня поступить въ тотъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ; но мнѣ хотѣлось поступить въ кавалерію и потому я отказался отъ его предложенія. Въ послѣдствіи Невѣровскій былъ генералъ-лейтенантомъ, извѣстнымъ по своей храбрости.

Изъ Васлуи посовѣтовали Евтушевскому отправиться въ главную квартиру арміи—въ Яссы, гдѣ должны дать ему новое назначеніе. Мы отправились въ Яссы, но главная квартира выѣхала въ мѣстечко Галацъ, при Дунаѣ. Мы поѣхали туда.

Въ Галацѣ указали мнѣ на дежуръ-маіора Панкратьева (отца корпуснаго командира, генерала Панкратьева, дѣйствовавшаго въ Венгріи въ 1849 году). Я явился къ нему, объявилъ о желаніи моемъ вступить въ службу; онъ, разспросивши о званіи моемъ, сказалъ, что напишетъ рекомендательное письмо къ пріятелю своему, донскому полковнику Кульбакову, и написавши письмо, отдалъ мнѣ. Между тѣмъ поразспросивши о казачьей службѣ, я узналъ, что всякій казакъ долженъ имѣть собственную лошадь и оружіе, а я не въ состояніи былъ имѣть этого.

Положеніе мое было самое тяжелое и, можно сказать, отчаянное. Вдали отъ родины, безъ всякаго знакомства, безъ денегъ и даже безъ хлѣба, я не зналъ куда и къ кому обратиться. Въ мрачномъ расположеніи духа и иногда съ тощимъ желудкомъ, бродилъ я по улицамъ Галаца, раздумывая о своемъ горестномъ положеніи. Жалѣлъ о необдуманномъ поступкѣ своемъ. Будучи окруженъ любовію род-

ныхъ и стороннихъ, которые знали меня, не имѣя ни въ чемъ недостатка,—я добровольно бросился въ неизвѣстность и нищету; благоразуміе заставляло меня возвратиться домой; но ложный стыдъ удерживалъ: съ чѣмъ явлюсь я и какъ будутъ смотрѣть на меня прежніе товарищи мои? Видно, такъ судьбѣ было угодно! Положившись во всемъ на Бога, я безъ всякаго плана и намѣренія ожидалъ, что̀ будетъ со мною.

Денегъ ни у Евтушевскаго, ни у меня, какъ сказано уже, не было; наконецъ, не стало совершенно и хлѣба. Я отправился на рынокъ; заходилъ въ нѣсколько лавокъ хлѣбниковъ-молдаванъ; торгую хлѣбъ, но за него требуютъ деньги, а гдѣ ихъ взять? Иду по фруктовому ряду; фруктовъ множество и дешевы,—но все-же надобны деньги! Я поднялся на хитрость: у каждой изъ торговокъ бралъ будто на пробу нѣсколько ягодъ; такимъ образомъ, пройдя весь рядъ и ничего не купивши, я утолилъ нѣсколько свой голодъ. На другой день маневръ этотъ также удался мнѣ; но, на третій, меня уже замѣтили, что я люблю лакомиться даромъ, и не подпускали уже къ фруктамъ.

Къ счастью моему, разъ проѣзжала чрезъ рынокъ коляска; одна торговка съ булками, поспѣшая перейти съ лоткомъ чрезъ дорогу, опрокинула лотокъ и, пока она подбирала булки,—я подцѣпилъ двѣ булки, спряталъ ихъ подъ полу, да и былъ таковъ! Какая роскошь была тогда для меня!—Что дѣлать: нужда многое извиняетъ!

Въ такомъ безнадежномъ положеніи проходя разъ, днемъ, по берегу Дуная, я замѣтилъ, что къ нему подъѣзжала лодка съ черноморскими казаками. Я остановился и безъ всякихъ мыслей поджидалъ пока лодка пристанетъ къ берегу. Лодка пристала; изъ нея вышелъ офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ на груди; это былъ полковникъ Головатый—начальникъ пѣхоты черноморскихъ казаковъ. Въ немъ-то судьба указала мнѣ въ послѣдствіи начальника моего, руководителя моей службы и всѣхъ послѣдствій, отъ нея происшедшихъ.

Головатый, поровнявшись со мною, спросилъ что̀ я за человѣкъ и что мнѣ надобно? Я объявилъ ему, что дворянинъ, заѣхалъ въ чужую сторону, не имѣю ни денегъ, ни хлѣба, едва не умираю съ голода, и желалъ бы поступить въ службу. Онъ осмотрѣлъ меня—я былъ видный молодой человѣкъ, одѣтъ пристойно; спросилъ, откуда родомъ? Я отвѣчалъ: изъ мѣстечка Ирклѣева. «А, вражій сынъ,—сказалъ онъ,—ще и землякъ!»

Потомъ, поразспросивши меня и узнавши, что я человѣкъ письменный, былъ секретаремъ въ земскомъ судѣ,—сказалъ:

— «Такихъ хлопцивъ намъ треба! Обожди меня трохи, мнѣ треба повидѣться съ панами».

Чрезъ два—три часа, Головатый возвратился и взялъ меня съ собою на лодку. Мы отправились къ острову близъ Браилова, гдѣ стояла черноморская флотилія изъ 50-ти или болѣе лодокъ черноморскихъ казаковъ. Тогда была война съ Турціею и въ отсутствіе Потемкина командовалъ арміею князь Репнинъ. Это было въ 17... году.

На-утро Головатый приказалъ мнѣ явиться въ канцелярію его. Я пришелъ въ канцелярію, предоставился управляющему канцеляріею; онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и писать. Въ канцеляріи увидѣлъ нѣсколько человѣкъ—казаковъ; они были въ изорванномъ, грязномъ, простомъ платьѣ. Это озадачило меня; я говорилъ, что я благородный человѣкъ—какъ мнѣ сидѣть и заниматься съ простыми людьми. Правитель канцеляріи, услыхавъ это, сдѣлалъ мнѣ на первый разъ замѣчаніе, и сказалъ, что здѣсь всѣ благородные люди:

— «Сей хорунжій, сей сотникъ», и т. д.

Въ послѣдствіи времени, когда ближе узналъ черноморцевъ и самъ сдѣлался казакомъ, я увидѣлъ, что они не охотники щеголять и живутъ по-просту.

Объ отзывѣ моемъ донесли Головатому, что я еще кобянюсь.

— «А, бисовъ сынъ!—сказалъ онъ,—обрить ему швыдче голову показачьи; тогда онъ будетъ уже нашимъ».

Такимъ-образомъ мнѣ остригли волосы, отрѣзали длинную мою косу (тогда носили еще косы) и оставили только одну косичку на переди, называемую «чуприна»,—и я сталъ черноморцемъ, и зачисленъ казакомъ въ Васюринскій курень.

Платье мое собственное было: кафтанъ—по нынѣшнему фракъ, и плащъ. Изъ плаща велѣли мнѣ сшить казачій кафтанъ; но пока шили его, я гулялъ во фракѣ—съ чуприною. Казаки, смотря на меня въ такомъ костюмѣ, говорили:

— «Се швединъ!»

— «Ни,—говорили другіе,—се прусинъ!»

Для меня все равно какъ бы ни называли, лишь бы хлѣбомъ кормили; а хлѣбъ, благодареніе Богу, у меня уже былъ.

На островѣ близъ Галаца простояли мы до осени, а на осень вышли на твердую землю при рѣкѣ Серетѣ. Здѣсь выстроили землянки. Осеннія ночи были и сыры и холодны, при томъ же были и лихорадки на людяхъ. По молодости и по непривычкѣ къ бивачной жизни, проводить такія ночи въ землянкѣ мнѣ было трудно: ни постилки, ни укрыться было нечѣмъ; но, къ счастію моему, меня зналъ провіантскій чиновникъ, завѣдывающій хлѣбными магазинами; онъ позволилъ мнѣ помѣщаться на ночь въ провіантскомъ магазинѣ и я,

подостлавши одинъ куль и укрывшись другимъ, проводилъ ночи не страдая отъ стужи, а сила молодости придавала самый покойный сонъ!

Когда стояли мы еще на островѣ близь Галаца,—въ это время пріѣзжалъ для смотра черноморскихъ лодокъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, на яхтѣ, и я видѣлъ его. Съ нимъ пріѣзжала какая-то дама, которую называлъ онъ Катериною,—кажется, племянница его.

Командѣ велѣно было отправиться на зиму на островъ Березань, близь Очакова, гдѣ былъ и кошъ. Я отправился вмѣстѣ съ командою и несъ на себѣ, какъ и прочіе казаки, сухари; въ то время была еще у меня лихорадка, я отсталъ отъ команды и пошелъ боковою дорогою, надѣясь, если не догоню команды, ночевать гдѣ-нибудь по дорогѣ въ землянкѣ. Долго шелъ утомленный, сѣло солнце, наконецъ, и ночь; жилья никакого не было, а степь необъятная. Я остановился, помолился Богу, легъ на травѣ и укутался шинелью. Кромѣ палки, никакого другаго оружія при мнѣ не было. Проснулся, солнце уже взошло; пустился опять въ путь, не зная далеко ли еще осталось идти, и куда идти.

Вдругъ увидѣлъ ѣхавшаго по дорогѣ человѣка; спросилъ у него: далеко ли до команды конныхъ казаковъ, которые, какъ извѣстно мнѣ было, стояли недалеко, близь Измаила. Онъ сказалъ, что будетъ верстъ 30, и указалъ мнѣ путь. Къ вечеру дошелъ я до куреня конной команды, явился къ куренному атаману, объявилъ, что я казакъ Васютинскаго куреня—писарь изъ канцеляріи полковника Головатаго. Меня приняли, накормили и на другой день отправили, вмѣстѣ съ казаками, на повозкѣ, до селенія Слободзеи, гдѣ явился къ начальнику—черноморскому полковнику Мокіо, объяснилъ ему, что отсталъ отъ команды по болѣзни, что едва не умеръ было въ дорогѣ, совершенно ничего не помню и не знаю какъ дойти до Березани; этимъ думалъ я подвигнуть его къ состраданію и помощи мнѣ;—въ отвѣтъ получилъ, что и не такіе люди какъ я, но и получше, пропадаютъ въ степи! Между тѣмъ меня оставили въ Слободзеѣ въ ожиданіи оказіи, когда будетъ въ Березань, и помѣстили въ одномъ куренѣ.

Слободзея—обширное селеніе на Днѣстрѣ. Тамъ жили черноморцы, молдаваны, малороссіяне и поляки. У полковника Головатаго былъ здѣсь домъ и семейство его; казаки, не имѣющіе здѣсь собственныхъ домовъ, жили бѣдно и во всемъ нуждались; провіантъ отпускали имъ не такой какъ для армейскихъ полковъ, а пополамъ съ пескомъ. Изъ такой муки можно было еще ѣсть хлѣбъ тогда, когда онъ горячій, только что испеченъ; а какъ застынетъ, то и не угрызешь. Иногда ночью, когда уже спали, вдругъ слышишь зовъ: «вставайте, казаки! хлѣбы изъ печи вынули», и я вставалъ вмѣстѣ съ другими

и принимался ѣсть горячій хлѣбъ. «Голодъ не тетка!»—говоритъ пословица. Хлѣбъ по ночамъ съ пескомъ былъ мнѣ не по вкусу; нерѣдко я ходилъ по селенію и выпрашивалъ у добрыхъ людей для себя бѣлаго хлѣба; заходя въ дома молдаванъ, я замѣтилъ, что они мамалыги—родъ коржей, кладутъ подъ подушки. Случалось, что иногда, зайдя въ домъ молдаванина и не заставая въ немъ никого, голодъ подвергалъ меня искушенію и я похищалъ мамалыгу. Такимъ образомъ, проживши въ Слободзеѣ мѣсяцъ, я испытывалъ крайнюю нужду и голодъ.

Разъ, одинъ старый казакъ сказалъ мнѣ:

— «А хочешь ли я накормлю тебя пшеничными галушками?»

Галушки! національная моя пища и въ моемъ тогдашнемъ положеніи?... Да это такая роскошь, о которой я и думать не смѣлъ!

— Да гдѣ же ты возьмешь муки для галушекъ? возразилъ я казаку.

— «Не твое дѣло гдѣ и какъ я добуду муки, а добуду, и галушки будутъ».

Я опять сталъ допытывать его. Тогда онъ отвѣчалъ: «Вонъ, бачь, мельница (въ виду была вѣтряная мельница), скажу слово—она будетъ молоть, а мука сыпаться въ курень».

И точно, казакъ сварилъ галушекъ и пригласилъ меня на великолѣпную трапезу, за которой мнѣ давно уже не случалось быть.—Славныя были галушки; а добылъ муку старый казакъ, вѣроятно, тѣмъ же средствомъ, какъ добывалъ я мамалыги!

Въ это время жена Головатаго давала обѣдъ для всѣхъ казаковъ; на дворѣ устроены были вмѣсто столовъ доски; жена его и дочь—дѣвица лѣтъ 18-ти, сами хлопотали около стола и укладывали ложки деревянныя. При столѣ поставленъ былъ чанъ съ терновымъ квасомъ; я былъ, въ числѣ прочихъ, на обѣдѣ. Выпивъ послѣ обѣда кружку терноваго квасу и чувствуя жажду, я черезъ нѣсколько времени подошелъ къ чану, чтобы еще выпить.—Казакъ, который раздавалъ квасъ, замѣтилъ меня и сказалъ:

— Э, братъ, да ты въ другой разъ пьешь!

Изъ Слободзеи отправлялся на Березань одинъ еврей-шинкарь съ бочкою водки; онъ пригласилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ, и я радъ былъ этому случаю, чтобы не идти одному; а между тѣмъ еврей и продовольствовалъ меня въ пути, что̀ было мнѣ весьма кстати. Въ дорогѣ пробыли около мѣсяца и ѣхали все пустою степью, верстъ 400. Проѣзжали мимо Гаджи-Бея—нынѣшней Одессы; тамъ было только два—три десятка простыхъ избъ и съ полсотни землянокъ. Это было въ 1792 году. Что̀ нынѣ Одесса и что ожидаетъ еще ее впереди!

Въ Березани явился я къ полковнику Мокрому, начальствовавшему находящимися здѣсь кошемъ, и сказалъ, что я опредѣленъ къ нему писаремъ. Званіе это не то что простой писарь, а было довольно почетное, замѣняющее секретаря.

Полковникъ Мокрый былъ человѣкъ нетрезвой жизни и безпрестанно бывалъ пьянъ. Онъ обращался со мною какъ съ простымъ казакомъ и употреблялъ во всѣ черныя работы. Въ косовицу, когда деньщикъ его былъ на покосѣ, онъ заставлялъ меня готовить для него обѣдъ и ужинъ, носить воду большимъ ушатомъ—ведеръ въ шесть (воду носилъ съ другимъ казакомъ), ходить за лошадью, поить ее, чистить конюшню, и проч. На возраженіе мое, что я никогда не готовилъ кушанья и не умѣю, онъ говорилъ мнѣ:

— Ѳедоръ! ты казакъ, а казакъ долженъ все знать!

Правду сказать, блюда были не мудреныя—борщъ да каша, но не вдругъ привыкъ готовить ихъ. Иногда такой борщъ варилъ, что только казачій желудокъ могъ переварить его; но полковникъ былъ снисходителенъ, замѣчая только иногда, что борщъ или прѣсенъ, или слишкомъ уже киселъ, или недоваренъ, однако кушалъ его съ аппетитомъ.

Приближенные къ полковнику офицеры и деньщикъ его, будучи недовольны вообще поведеніемъ его и обхожденіемъ съ ними, подстрекали и меня къ неудовольствію на него, говоря, что я кошевой писарь и въ отношеніи ко мнѣ полковникъ во зло употребляетъ власть свою; но я, по кротости характера своего, молчалъ и сносилъ все терпѣливо, безъ малѣйшаго ослушанія начальнику.

Отсюда написалъ я къ роднымъ своимъ въ Малороссію и извѣстилъ о себѣ, и получилъ письмо отъ благодѣтеля, дяди моего—Ивана Васильевича Мигрина. Онъ писалъ, что родные мои, считая меня погибшимъ, очень обрадовались, что я живъ; увѣщевалъ меня возвратиться домой, представляя, что, будучи обольщенъ и увлеченъ такою сволочью—казаками, не могу научиться отъ нихъ ничему доброму, кромѣ воровства и разбоя, и что, заразившись ихъ примѣромъ, и самъ могу сдѣлаться такимъ же. Писалъ, что мнѣ можетъ представиться случай отправиться въ Петербургъ, гдѣ живетъ дядя мой Михайло Петровичъ Чернавскій, который поможетъ въ этомъ, и что ожидаютъ пріѣзда изъ Петербурга въ Иркліевъ сосѣда нашего Грушко, который служилъ при дворѣ берейторомъ, и съ нимъ могъ бы я отправиться въ Петербургъ.

Но стыдъ, что я явлюсь на родину простымъ казакомъ, оборваннымъ,—удержалъ меня и я положился во всемъ на волю Божію, въ надеждѣ, что вѣрная, усердная служба моя когда нибудь вознаградится.

На Березань пріѣзжалъ для свиданія со мною отецъ мой, не нарочно для свиданія, а будучи въ Херсонѣ, куда привозилъ для продажи лѣсъ по Днѣпру изъ Бѣлоруссіи.

Неприличное поведеніе полковника Мокраго возстановило противъ него всѣхъ куренныхъ атамановъ; ихъ было до сорока атамановъ; они совѣтывались со мною и положили написать жалобу Головатому. Составленіе жалобы поручено мнѣ, такъ какъ безпорядки по управленію извѣстны были мнѣ болѣе другихъ. Жалобу подписали однако не болѣе двадцати атамановъ. По ней Головатый вытребовалъ къ себѣ для объясненія Мокраго; онъ явился къ начальнику въ пьяномъ видѣ и нагрубилъ, за что и былъ отрѣшенъ отъ командованія Березанскимъ кошемъ.

На мѣсто Мокраго назначенъ былъ на Березань кошевымъ атаманомъ подполковникъ Сутыка—человѣкъ дѣятельный, строгій, но простой.

По распоряженію правительства, предположено было снять съ Березани кошъ и перевести его на островъ Тамань. Отъ Головатаго предписано было мнѣ сдѣлать подробную опись строеній кошевыхъ и казеннаго имущества: снарядовъ, провіанта и проч. Все это было мною исполнено и Головатый остался доволенъ.

Между тѣмъ послѣдовало отъ Головатаго предписаніе, чтобы меня числить по списку хорунжихъ. Это—офицерское званіе; должно бы получить утвержденіе въ чинѣ отъ высочайшей власти, но тогда было какъ-то просто: по одному предписанію Головатаго я сдѣлался хорунжимъ.

Провіантъ и нѣкоторыя кошевыя тяжести велѣно было продать и это поручено мнѣ вмѣстѣ съ провіантскимъ чиновникомъ. Покупщикъ провіанта изъ благодарности сдѣлалъ мнѣ пару платья хорошаго сукна, и я, по крайней мѣрѣ, былъ одѣтъ прилично. Орудія артиллерійскія и порохъ перевезли въ Ениколь и на зиму кошъ отправили на островъ Тамань.

II.

Переѣздъ изъЕниколя въ Тамань—чрезъ Керченскій проливъ, шириною до 30-ти верстъ; было глубокое осеннее время, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, такъ что по проливу образовывался и шелъ уже сильно ледъ. Была изготовлена лодка съ мачтою; подполковникъ Сутыка отправился вмѣстѣ со мною и еще восемью или десятью человѣками. Вѣтеръ съ моря былъ очень сильный; приближался вечеръ, и лодка оказалась ненадежною; проѣхавъ немного, вѣтеръ сломилъ мачту; должно бы было воротиться назадъ, но подполковникъ былъ человѣкъ рѣшительный: велѣлъ кое-какъ исправить и поставить вновь мачту. Пустились далѣе, а льдины все болѣе и болѣе собирались въ огром-

ныя массы и затрудняли путь, грозя силою теченія опрокинуть лодку; наконецъ, за версту или двѣ отъ берега Тамани, льдины сдѣлались совершенно сплошными, только кое-гдѣ оставались между ними маленькія дорожки и ими-то мы съ величайшимъ трудомъ добрались до берега. Опасность въ плаваніи была большая: каждую минуту лодку нашу могло затереть льдомъ и опрокинуть ее; но милосердый Господь сохранилъ жизнь мою!

По пріѣздѣ въ Тамань (въ 1794 году), явились Сутыка и я къ начальнику—полковнику Головатому; онъ принялъ насъ ласково, и велѣлъ мнѣ явиться къ нему на другой день. Когда я явился къ нему, онъ разспрашивалъ меня о житьѣ нашемъ въ Березани и между тѣмъ спросилъ объ Очаковскомъ городничемъ Зоринѣ и о томъ—какъ отозвался онъ о куреняхъ, подаренныхъ Головатымъ графу Салтыкову?

Надобно сказать, что курени, построенные казаками на Березани, собственными средствами, безъ пособія казны, были ихъ собственностію; они были ни что иное какъ землянки, въ которыхъ очень мало употреблено лѣсу, и потому они стоили весьма малой цѣнности. У графа Салтыкова, близь Очакова, было имѣніе. Курени эти Головатый подарилъ Салтыкову, для чего препроводилъ къ нему въ С.-Петербургъ составленную мною опись куренямъ; но, не видавши ихъ въ натурѣ, по описи нельзя было судить о достоинствѣ ихъ, и какъ около Очакова мѣста безлѣсныя, то 40 куреней въ такой сторонѣ могли представляться пріятною находкою; но курени, въ которыхъ въ каждомъ было только по 8-ми небольшихъ бревенъ, сами по себѣ стоили весьма незначительной цѣны. Графъ Салтыковъ переслалъ опись къ городничему Зорину, чтобы онъ принялъ по ней курени и отправилъ ихъ въ имѣніе его. По этому-то случаю и спросилъ меня Головатый о Зоринѣ.

У Головатаго были въ это время гости—свои подчиненные, и нѣкоторые съ женами. На вопросъ его о Зоринѣ и о томъ—какъ отозвался онъ о подаренныхъ графу Салтыкову куреняхъ, я затруднился отвѣчать ему, сказавши, что Зоринъ отозвался очень нехорошо, такъ что совѣстно и непристойно даже и повторить слова его, особенно при дамахъ. Онъ приказалъ мнѣ сказать прямо, и я, исполняя волю начальника, сказалъ, что Зоринъ отозвался такъ:

— «Соломонъ этотъ Головатый!»

И прямо на-бѣло повторилъ то̀, чѣмъ заключилъ Зоринъ эту фразу—изъ русскаго народнаго словаря... Это заставило расхохотаться Головатаго; онъ велѣлъ мнѣ еще повторить отвѣтъ городничаго, и я повторилъ его въ присутствіи дамъ... Патріархальная простота нравовъ! Давно было это и притомъ въ Черноморіи; а черно-

морцы тогдашняго времени, составлявшіе сборище людей со всѣхъ сторонъ—вовсе не отличались деликатностію, свойственною позднѣйшему времени и образованію.

Подполковникъ Сутыка былъ въ немилости у главнаго кошеваго атамана всѣхъ черноморскихъ казаковъ—Чепиги. По сдачѣ команды въ Березани, онъ остался безъ мѣста и назначенія. Головатый принималъ участіе въ его бѣдномъ положеніи и велѣлъ мнѣ изготовить на высочайшее имя прошеніе отъ Сутыки объ опредѣленіи его членомъ во вновь учреждаемую войсковую канцелярію войска черноморскаго; я написалъ просьбу, но она не имѣла успѣха, и при жизни Чепиги Сутыка не могъ получить никакого мѣста, а получилъ уже по смерти его.

Атаманъ Чепига съ кавалеріею воротился изъ похода въ 1793 г., за годъ до прихода пѣхоты черноморскихъ казаковъ, и основалъ кошъ свой, то-есть построилъ землянки, въ 200 верстахъ отъ острова Тамани, на Кубани. Мѣсто это было изобильно лѣсомъ и водою; оно показалось выгоднымъ для устройства постояннаго города, и приступили къ устройству: заложили церковь, выстроили домъ для канцеляріи и начали строить частные дома. Затѣмъ послѣдовало и разрѣшеніе правительства: быть здѣсь городу, который и названъ Екатеринодаромъ.

Избраніемъ мѣста для города на Кубани Головатый сдѣлалъ большую, невознаградимую ошибку: мѣсто это окружено болотами; въ весеннее время свирѣпствуютъ тамъ лихорадки и производятъ въ народѣ сильную смертность. Замѣтилъ это и атаманъ, но уже поздно, когда существованіе города было утверждено, начаты и окончены нѣкоторыя капитальныя постройки. Вотъ какимъ образомъ образовался Екатеринодаръ. Со стороны правительства не было прислано опытныхъ и свѣдущихъ людей для осмотра удобности мѣста для поселенія. Съ того времени донынѣ Екатеринодаръ все такъ же мѣсто самое нездоровое и особенно весною много умираетъ людей. Самое лучшее мѣсто для основанія города было бы островъ Тамань—въ отношеніи здоровья людей; но въ отношеніи военномъ—охраненія границъ отъ набѣговъ закубанцевъ, Екатеринодаръ представляетъ преимущество.

Головатый, при новомъ образованіи войсковаго управленія, назначенъ былъ войсковымъ кошевымъ судьею и хотѣлъ опредѣлить меня въ войсковую канцелярію секретаремъ; но войсковой писарь Котляревскій имѣлъ уже въ виду человѣка, для помѣщенія на вакансію секретаря; и такъ, меня помѣстили въ войсковую канцелярію, давъ въ управленіе мнѣ двѣ экспедиціи.

Для всѣхъ канцелярскихъ выстроена была близъ канцеляріи боль-

шная землянка, въ которой и помѣщался я вмѣстѣ съ другими. Продовольствіе было войсковое и весьма достаточное. Жалованья никто изъ канцелярскихъ не получалъ. Между тѣмъ меня зачислили въ списокъ полковыхъ старшинъ.

Я по природѣ своей былъ лѣнивъ, любилъ поспать долѣе другихъ, а потому и къ службѣ былъ не весьма ретивъ. Разъ какъ-то ночью, часу въ 1-мъ, я проснулся въ своей землянкѣ и мнѣ пришла мысль отправиться въ канцелярію, чтобы приготовить бумаги къ завтрашней почтѣ. Нужныхъ бумагъ вовсе не было, слѣдственно, не было и особенной надобности быть мнѣ въ канцеляріи; то была какая-то безотчетная мысль!—Пришедъ въ канцелярію и разбудивъ сторожа, велѣлъ ему засвѣтить свѣчку и началъ заниматься.

Полковникъ Головатый былъ человѣкъ весьма умный: на немъ лежали всѣ заботы объ устройствѣ и благосостояніи войска. Кошевой же атаманъ, бригадиръ Чепига, былъ добрий человѣкъ и—только; дѣлами мало занимался и былъ даже вовсе неграмотный, а потому всѣми дѣлами и управленіемъ по войску завѣдывалъ Головатый. Домъ его былъ близъ канцеляріи. Озабоченный думою, Головатый прохаживался около своего дома; ночь была осенняя, темная. Увидѣвъ огонь въ канцеляріи въ такое необыкновенное время, онъ зашелъ туда и спросилъ: кто здѣсь и что̀ дѣлаетъ?

— «Я, батьку, Мигринъ, занимаюсь здѣсь».

— А, добре!—сказалъ онъ и съ тѣмъ вышелъ.

Этотъ нечаянный случай поселилъ въ немъ выгодное мнѣніе обо мнѣ.

Чрезъ нѣсколько времени, мнѣ опять какъ-то вздумалось отправиться въ канцелярію ночью для занятій, и опять Головатый, увидѣвъ огонь, зашелъ въ канцелярію; тотъ же вопросъ его и тотъ же мой отвѣтъ.

— «Добрий ты чоловѣкъ, что такъ занимаешься»,—сказалъ Головатый.

Я продолжалъ службу въ канцеляріи, по обыкновенію своему,—кое-какъ, и такимъ образомъ прошло около году. Между тѣмъ, послѣдовало повелѣніе объ отправленіи въ Польшу двухъ конныхъ полковъ, съ которыми отправлялся атаманъ Чепига. Ему нуженъ былъ письмоводитель и Головатый рекомендовалъ ему меня, какъ самаго достойнаго къ занятію этой должности, и этому помогло именно то, что Головатый засталъ меня, какъ сказано выше, два раза во время поздней ночи въ канцеляріи!

Должность письмоводителя при кошевомъ атаманѣ, особенно безграмотномъ, каковъ былъ Чепига,—конечно, была значительною: прія-

тели мои, которыхъ я успѣлъ уже пріобрѣсти, радовались моему назначенію; другіе завидовали мнѣ; но вообще я былъ всѣми любимъ за мирный и кроткій характеръ мой.

Полки отправились прямо въ Польшу, а атаману Чепигѣ велѣно было явиться въ Петербургъ. Онъ взялъ съ собою меня, одного офицера и одного казака, и мы отправились въ столицу.

III.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, явились мы къ тогдашнему вельможѣ—временщику графу Платону Александровичу Зубову, принимавшему участіе въ дѣлахъ войска черноморскаго. Потемкинъ тогда уже умеръ. Тогда было лѣтнее время, государыня и дворъ были въ Царскомъ Селѣ; тамъ же былъ и графъ Зубовъ, и мы отправились въ Царское Село.

Графъ Зубовъ поручилъ правителю канцеляріи его, полковнику Грибовскому, отвести намъ квартиру и доставить всѣ удобства жизни.

Намъ отвели квартиру недалеко отъ дворца, столъ давали отъ двора; въ распоряженіе наше предоставлена была карета и опредѣленъ офицеръ, которому велѣно было показывать, по желанію нашему, все любопытное.

Мы нѣсколько разъ ѣздили въ Петербургъ, были въ Кронштадтѣ, въ Петергофѣ, осматривали кунсткамеру, арсеналъ, были въ Невскомъ монастырѣ и разъ обѣдали у митрополита Гавріила.

Въ Невскомъ монастырѣ поразили меня картины, изображающія блуднаго сына. Я примѣнялъ себя къ положенію блуднаго сына, и я, такъ же какъ и онъ, будучи въ довольствіи на своей родинѣ, оставилъ отца и мать и пустился въ неизвѣстный путь жизни... Съ чувствомъ молился я тогда и прибѣгалъ къ милосердію Божію...

Дня черезъ два по пріѣздѣ въ Царское Село, намъ велѣно было явиться во дворецъ для представленія государынѣ императрицѣ, и мы явились; но насъ никто не предварилъ о придворномъ этикетѣ: какъ должны были мы представиться. Быть можетъ, это было и намѣреніе государыни, чтобы видѣть какъ черноморцы, сыны безъискусственной природы, представятся ей.

По выходѣ государыни, атаманъ, я и бывшій съ нами черноморскій офицеръ, всѣ прямо подошли къ рукѣ государыни. Она говорила съ Чепигою не много; помню—она сказала:

— Хорошо сдѣлали, что заняли по Кубани мѣсто нужное.

Въ квартирѣ нашей посѣщалъ насъ иногда Левъ Александровичъ

Нарышкинъ и протопопъ при государынѣ, Самборскій. Послѣдній при священнической рясѣ брилъ бороду и усы.

Бритая борода при рясѣ, натурально, сначала удивила насъ и протопопъ объяснилъ намъ это. Онъ былъ при посольствѣ нашемъ въ Вѣнѣ и носилъ, по обыкновенію, бороду; но какъ въ Германіи бородъ не носятъ, то каждый разъ, при появленіи его на улицѣ, мальчишки бѣгали за нимъ толпами какъ за чудомъ, и онъ, съ высочайшаго разрѣшенія, сбрилъ бороду.

По возвращеніи въ Петербургъ, императрица оставила его при себѣ и не приказала уже отпускать бороды, для убѣжденія существовавшихъ еще тогда во множествѣ раскольниковъ въ Петербургѣ, что святость заключается не въ бородѣ и что сама императрица, блюстительница правовѣрія, держитъ при своей особѣ священника безъ бороды.

Самборскій разсказывалъ, что онъ посѣщаетъ богатое купечество изъ раскольниковъ и что они, упрекая его въ обритіи бороды, говорили, что случившіеся предъ тѣмъ неурожайные годы были въ наказаніе за грѣхи наши и развращеніе, когда православные священники — неслыханное противузаконіе! — начали уже брить бороды!!! — На это Самборскій возражалъ имъ, что у его отца, священника, борода была до пояса, однако неурожаи бывали еще сильнѣе.

При правителѣ канцеляріи графа Зубова, полковникѣ Грибовскомъ, былъ чиновникъ — фамиліи его нынѣ не припомню; онъ былъ ближайшій человѣкъ къ Грибовскому, а Грибовскій могъ дѣлать тогда все. Съ этимъ чиновникомъ познакомился я еще прежде, когда пріѣзжалъ онъ въ Очаковъ по дѣламъ Грибовскаго, у коего было тамъ имѣніе.

Я встрѣтился здѣсь съ нимъ, какъ съ знакомымъ уже, и еще болѣе сблизился съ нимъ. Онъ посѣщалъ насъ въ квартирѣ, и разъ въ откровенной бесѣдѣ сказалъ мнѣ, что атаманъ можетъ получить значительную сумму изъ казны, слѣдующую за минувшую турецкую кампанію войску за провіантъ и фуражъ, на полученіе коихъ войско вовсе не надѣялось. Я доложилъ атаману; онъ былъ очень радъ, и по совѣту этого чиновника, составлено было отъ атамана представленіе. По расчету оказалось, что въ выдачу войску причиталось суммы до 80,000 руб. асс. Это была — просто находка и мы удивлялись добродушію и расположенію къ намъ чиновника, который безъ всякихъ видовъ оказалъ такую важную услугу. Но когда послѣдовала ассигновка изъ казны суммы, то оказалось, что пріятель мой не такъ безъинтересенъ, какъ мы полагали. Онъ объявилъ, что хотя по совѣту и наставленію его и ассигнована намъ въ выдачу сумма, но, чтобы за разъ получить ее, надобно пожертвовать на канцелярію по 15-ти процентовъ съ рубля, иначе въ нѣсколько лѣтъ не получимъ

ся. Обстоятельство это довелъ я до свѣдѣнія атамана, и онъ, подумавши, согласился. Такимъ образомъ мы получили войсковую сумму и отослали ее по принадлежности сполна. При этомъ случаѣ и я могъ бы имѣть значительную пользу для себя, но не хотѣлъ воспользоваться, считая это предосудительнымъ.

Атаманъ Чепига сдѣлалъ представленіе о награжденіи нѣкоторыхъ черноморскихъ офицеровъ чинами и включилъ меня. Тутъ я за отличную службу произведенъ, по высочайшему повелѣнію, въ капитаны и получилъ на чинъ патентъ.

Пожертвованіе процентовъ изъ полученной суммы усилило пріязнь ко мнѣ помощника Грибовскаго; онъ вызывался мнѣ на всѣ услуги и одолженія, пользуясь расположеніемъ Грибовскаго. Говорилъ, что, по представленію атамана, мнѣ могутъ дать чрезъ недѣлю маіорскій чинъ; тогда было это возможно! но я ни при этомъ случаѣ, ни послѣ не воспользовался его предложеніемъ, что было весьма легко, особенно въ послѣдствіи времени, когда я пользовался неограниченною довѣренностію Чепиги, за котораго, по безграмотству его, подписывалъ егоименемъ всѣ бумаги—что было не тайно, а всѣмъ извѣстно.

Въ Царскомъ Селѣ прожили мы мѣсяцъ. Въ продолженіе этого времени разъ были приглашены мы къ столу императрицы. Атаманъ обѣдалъ за однимъ столомъ съ государыней, но я, какъ не штабъ-офицеръ, не могъ быть удостоенъ этого счастія. Атаманъ же разсказывалъ, что государыня во время стола была милостива къ нему и когда подали дессертъ, то она сама изволила положить винограду на тарелку и послала къ нему. Въ избыткѣ чувствъ благодарности, онъ не могъ произнести ни одного слова и только слезы полились изъ глазъ его...

На прогоны отпустили намъ 2,000 руб. серебромъ, снабдили на дорогу провизіею и, между прочимъ, огромнымъ пирогомъ съ рыбою, въ аршинъ длины.

Мы отправились въ Брестъ-Литовскій—это было въ августѣ 1794 года. Въ Брестѣ нѣсколько времени ожидали своихъ двухъ конныхъ черноморскихъ полковъ и, когда они пришли, двинулись въ походъ къ Прагѣ. Не доходя верстъ 200 до Праги, встрѣтили мы главнокомандующаго Суворова; начальники и офицеры—въ числѣ ихъ и я—являлись къ Суворову, и потомъ отправились далѣе.

Отойдя немного отъ лагеря, встрѣтили мы отрядъ поляковъ, человѣкъ 400; разбили его и побрали плѣнныхъ: это первое дѣло, въ которомъ я былъ. Потомъ встрѣтили мы нашъ аріергардъ, которымъ командовалъ графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ; начальники и

офицеры являлись къ нему, и онъ потчивалъ насъ водкою. Мы примкнули къ аріергарду и слѣдовали далѣе.

Предстояла переправа черезъ Бугъ. На той сторонѣ поляки устроили береговыя батареи; съ нашей стороны тоже устроены были батареи. Графъ Зубовъ выѣхалъ съ своимъ штабомъ, и тутъ оторвало ему ногу, которую отняли ему — и онъ остался живъ. Наши войска постройили чрезъ рѣку мостъ, перешли чрезъ него и прогнали поляковъ.

Послѣ того было еще сраженіе подъ мѣстечкомъ Кобылкою, гдѣ также прогнали поляковъ, но черноморцы въ этомъ дѣлѣ не участвовали.

Наконецъ, подступило войско наше къ Прагѣ. Простоявши здѣсь дня три, назначенъ былъ штурмъ крѣпости. На зарѣ пущена была ракета: знакъ, чтобы всѣ были готовы; по второй ракетѣ — пошли на штурмъ.

Описывать прагскаго штурма не буду,—это извѣстно по исторіи; скажу только, что это была ужасная рѣзня! Солдаты были озлоблены противъ поляковъ за истребленіе ими не задолго предъ тѣмъ, измѣннически, русскаго отряда въ Варшавѣ. Солдаты рѣзали кого ни попало и грабили весь день и ночь. Тогда существовала еще такая варварская система войны и это не считалось преступленіемъ.

При вступленіи въ Прагу, я отбился какъ-то отъ своей команды казаковъ, а быть можетъ, и струсилъ—не помню, забылъ уже... и присталъ къ артиллеріи, думая, что, во всякомъ случаѣ, при пушкахъ безопаснѣе... Саблю однако-же имѣлъ обнаженную, какъ герой штурма...

На другой день явилась къ Суворову депутація изъ Варшавы съ покорностію безусловною. Тутъ отданъ уже былъ строгій приказъ войскамъ—вести себя мирно, хотя бы даже и были выстрѣлы изъ домовъ.

За прагскій штурмъ атаманъ Чепига произведенъ въ генералы.

Въ Варшавѣ простояли мы около года, и потомъ возвратились въ Россію; квартиры назначены были намъ за Брестъ-Литовскомъ, въ мѣстечкѣ Черешовѣ, принадлежащемъ князю Чарторижскому.

Чрезъ нѣсколько времени по размѣщеніи нашемъ въ мѣстечкѣ, пришелъ туда какой-то драгунскій полкъ и командиръ объявилъ, что эти квартиры назначены для его полка. Атаманъ, какъ человѣкъ смирный и несмѣлый,—не спорилъ, уступилъ даже собственную свою квартиру и помѣстился самъ въ конюшнѣ; а меня между тѣмъ отправилъ съ донесеніемъ къ главнокомандующему, испрашивая разрѣшенія: куда ему дѣваться съ своими полками?—Я хотѣлъ явиться прямо къ главнокомандующему, но мнѣ сказали, что Суворовъ съ бумагами никого не принимаетъ, и отослали меня къ правителю канцеляріи его Курису; но отъ него едва въ три дня добился разрѣшенія, ко-

торое, впрочемъ, было благопріятно: квартиры въ Черешовѣ остались за нами.

Атаманъ велѣлъ мнѣ написать представленіе къ главнокомандующему—о награжденіи чинами нѣкоторыхъ черноморскихъ офицеровъ и меня о производствѣ въ маіоры; но съ тѣмъ вмѣстѣ велѣлъ помѣстить и своихъ повара и конюха—о производствѣ ихъ въ офицеры. Представленіе было написано, и я отправился съ нимъ въ Варшаву; но подать его не рѣшился и посовѣстился, чтобы послѣ въ Черноморіи не смѣялись и не упрекнули бы насъ, что это сдѣлалъ именно я, а не атаманъ, зная о вліяніи моемъ на него и непосредственномъ управленіи всѣми дѣлами. Случай былъ весьма благопріятный къ моему повышенію, но я не хотѣлъ воспользоваться имъ!

Изъ Черешова выступили мы въ лагерь верстъ за двѣсти, въ мѣстечко Бѣльскъ, на лѣтнее время. На продовольствіе войскъ слѣдовало получить намъ изъ казны деньги. Послали въ Варшаву офицера съ требованіемъ. Надъ нимъ въ коммисіи смѣялись какъ надъ чудакомъ и онъ возвратился ни съ чѣмъ. Послали еще другаго, порасторопнѣе; но и этотъ былъ не болѣе счастливъ, и возвратился безъ успѣха. Тогда приступили ко мнѣ войсковые старшины и офицеры, да и самъ атаманъ, чтобы я принялся за это дѣло и уладилъ его. А какъ извѣстно было, что при отпускѣ изъ коммисіи денегъ, особенно отъ кавалерійскихъ полковъ, требовали значительныхъ пожертвованій, то и предоставлено было мнѣ ничего не пожалѣть, лишь-бы что-нибудь получить.

Пріѣхавъ въ Варшаву, я явился въ коммисію съ своимъ требованіемъ; меня также начали проводить и оказывать тѣ же продѣлки, какъ и двумъ прежнимъ офицерамъ; я терпѣлъ это нѣсколько дней и наконецъ сказалъ, что явлюсь съ жалобою прямо къ Суворову. Это подѣйствовало: ко мнѣ сдѣлались ласковѣе и снисходительнѣе.

Одинъ изъ чиновниковъ коммисіи, или секретарь ея, вошелъ, наконецъ, въ ближайшія сношенія со мною и сказалъ, что требованіе атамана написано недостаточно и что слѣдуетъ гораздо болѣе къ полученію суммы, и давалъ наставленіе какъ должно написать требованіе. Чтобы не сдѣлать еще промаха, я просилъ его самого заняться этимъ дѣломъ, обѣщая уступить въ пользу чиновниковъ коммисіи значительную сумму за то, что полки получатъ гораздо болѣе, нежели ожидали. Требованіе составлено по всѣмъ правиламъ и вышло къ полученію болѣе 100 т. руб. асс.—Я отдалъ на коммисію 16 т. руб. и 10 т. руб. осталось въ собственную мою пользу. Наличныхъ денегъ для полковъ осталось 80 т. руб.—сумма, которой ни-

какъ не надѣялись они получить, а оставленная мною для себя сумма не превышала назначенныхъ мнѣ издержекъ на коммисію.

Такимъ образомъ пріобрѣлъ я и свой собственный капиталъ. Совѣсть, кажется, не упрекаетъ меня за это: ибо, безъ моего ходатайства и настоянія, полки, быть можетъ, и вовсе ничего не получили бы.

На обратномъ пути, я получилъ въ Брестѣ-Литовскомъ жалованья на полки 20 т. руб. асс.—Между тѣмъ, полки выступили уже изъ Бѣлицъ во свояси, въ Черноморію, и я нагналъ ихъ въ Елисаветградѣ.—Въ пути со мною былъ одинъ только казакъ. Атаманъ и офицеры встрѣтили меня радостно—съ такою кучею денегъ, и всѣ остались мною очень довольны; доволенъ остался и я.

Изъ Елисаветграда отправился я, вмѣстѣ уже съ атаманомъ и съ полками, въ Екатеринодаръ, куда и прибыли предъ праздникомъ Рождества Христова. Проходя чрезъ Екатеринославъ, по случаю тезоименитства императрицы, губернаторъ Миклашевскій пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ на балъ, на которомъ, въ числѣ прочихъ, былъ и я.

По прибытіи въ Екатеринодаръ, Чепига оставилъ меня при себѣ въ качествѣ дежурнаго капитана и я управлялъ собственною его канцеляріею; былъ у него всегдашнимъ домашнимъ человѣкомъ, имѣлъ у него столъ и иногда распоряжался по его хозяйству. Обхожденіе его со мною было самое отеческое.

Таковое благосклонное расположеніе ко мнѣ кошеваго атамана доставило мнѣ общее уваженіе по войску, и, въ молодыхъ лѣтахъ моихъ—не болѣе 25-ти, было очень лестно. Главное управленіе по войску сосредоточивалось въ моихъ рукахъ; по безграмотности атамана, я могъ бы многое сдѣлать и составить себѣ хорошее состояніе; но я дорожилъ добродушнымъ и милостивымъ довѣріемъ ко мнѣ начальника и не употреблялъ его во зло.

Всѣ интересовались знакомствомъ со мною и старались пріобрѣсти дружбу мою.

Въ Екатеринодарѣ содержалъ питейные сборы откупщикъ Яншинъ; сборами этими управлялъ Данило Гавриловичъ Похитоновъ. Онъ весьма желалъ познакомиться со мною и насъ свели съ нимъ. Въ послѣдствіи времени я сдѣлался съ нимъ большимъ пріятелемъ.

Разъ проходилъ я мимо тюрьмы, гдѣ содержались арестанты, и слышу голосъ:

— «Иванъ Ивановичъ! спаси меня! Заковали меня и вкинули въ тюрьму невиннаго!»

Это заставило меня остановиться, и я узналъ, что то былъ дворянинъ Кованько, который посаженъ въ тюрьму по домогательству

откупщика Яншина. Я успокоилъ его, и сказалъ, что узнаю въ войсковой канцеляріи о его дѣлѣ, и, если можно, буду стараться помочь ему.

Дѣйствительно, я узналъ въ войсковой канцеляріи, что Коваанько подвергнутъ тюремному содержанію безъ особенно важной причины, за ссору съ Похитоновымъ. Но все это было придумано заблаговременно, съ умысломъ. Кованько состоялъ повѣреннымъ при откупщикѣ Яншинѣ, и когда сей послѣдній началъ обижать его и хотѣлъ отрѣшить отъ должности, то Кованько грозилъ сдѣлать доносъ на существованіе по откупамъ большихъ злоупотребленій.

Большія дѣла творили тогдашніе откупщики, и при богатствѣ своемъ были всесильны!

Яншинъ уладилъ съ Кованькою, и послалъ его обревизовать екатеринодарскіе сборы,—предписавъ между тѣмъ секретно Похитонову ввести Кованько въ ссору съ нимъ, чтобы имѣть предлогъ задавить его, что весьма легко казалось ему сдѣлать въ такомъ отдаленномъ краю отъ высшаго начальства, гдѣ трудно было достигнуть правосудія, и при особенной дружбѣ его съ полковникомъ Головатымъ, который отдавалъ свой значительный капиталъ въ оборотъ Яншину.— Я ничего этого не зналъ и принялъ участіе въ положеніи Кованьки изъ одного христіанскаго сострадания.

Похитоновъ предостерегалъ меня, чтобы я отказался отъ помощи въ дѣлѣ Кованьки, говоря, что я возстановлю этимъ противъ себя Головатаго; но это не удержало меня, и, по ходатайству моему, Кованько освобожденъ изъ тюрьмы и оставленъ подъ домашнимъ надзоромъ откупа. Онъ писалъ и жаловался Яншину; тотъ ничему не внималъ. Но когда вступилъ на престолъ Павелъ—императоръ строгій и справедливый, тогда Кованько писалъ къ Яншину, что онъ дойдетъ до правосудія царя и ему, за преступныя дѣянія, будетъ жестокая награда... Это образумило Яншина: Кованько былъ освобожденъ; онъ поѣхалъ къ Яншину въ Кременчугъ, помирился съ нимъ, и Похитоновъ говорилъ мнѣ послѣ, что Яншинъ дорого купилъ мировую съ Кованькой: обошлось тысячъ двадцать.—Такимъ образомъ, я имѣлъ удовольствіе облегчить начально участь бѣдняка, котораго состояніе въ послѣдствіи было достаточно обезпечено.

Головатый, по этому случаю, сдѣлался ко мнѣ холоденъ, и я не пользовался уже прежнимъ добрымъ расположеніемъ его; но я не жалѣлъ о томъ—ради добраго дѣла.

IV.

Проживши около года въ Екатеринодарѣ, отпросился я въ отпускъ на родину и отправился вмѣстѣ съ землякомъ и пріятелемъ моимъ сотникомъ Порохлею. Всѣ родные мои были чрезвычайно обрадованы пріѣздомъ моимъ; я всѣхъ ихъ посѣщалъ.

Въ Малороссіи прожилъ я мѣсяцевъ пять и проживалъ большую часть времени въ м. Иркліевѣ, въ домѣ богатаго помѣщика Угричича-Требинскаго, сынъ коего, Александръ Максимовичъ, былъ долгое время управляющимъ таганрогскою таможнею, съ которымъ, въ послѣдствіи времени, и здѣсь видался я. Нынѣ (1850 г. ?) онъ статскій совѣтникъ и управляетъ петербургскою таможнею. Въ домѣ Требинскаго время проводилъ я весьма пріятно.

Въ это время пріѣзжалъ въ Малороссію дядя мой по матери—губернскій секретарь Михаилъ Петровичъ Чернавскій. Онъ управлялъ всѣми имѣніями графа Разумовскаго и имѣлъ значительное состояніе.

По пріѣздѣ его, я сдѣлалъ ему визитъ, утромъ. Онъ, быть можетъ, занимался въ это время дѣлами, и потому принялъ меня—не то чтобы сухо, но я ожидалъ отъ него гораздо болѣе родственнаго пріема. Потомъ я еще разъ посѣтилъ его и ожидалъ отъ него подобной вѣжливости; но онъ, видно, не призналъ этого нужнымъ. Таковое холодное обхожденіе его со мною не произвело между нами симпатіи. Нѣсколько разъ послѣ того встрѣчался я съ нимъ въ домѣ Требинскаго, и когда онъ заводилъ разговоръ о Петербургѣ, я, бывши тамъ два года и считая себя знающимъ не менѣе его нерѣдко спорилъ съ нимъ и противорѣчилъ ему. Таковое поведеніе мое съ дядею было поводомъ рѣшительнаго равнодушія и отсутствія всякаго сочувствія ко мнѣ. Нынѣ жалѣю я о томъ, потому что послѣдующія обстоятельства жизни моей заставляли меня искать помощи его—но ничего не могъ получить!

Пріобрѣтенными мною въ Польшѣ деньгами я не умѣлъ распорядиться благоразумно и не наблюдалъ въ нихъ строгой бережливости: часть изъ нихъ прожилъ; часть роздалъ пріятелямъ въ долгъ, и не получилъ. У меня оставалось еще не болѣе половины—5,000 руб. асс. Тогда пришла мнѣ благая мысль: чтобы не растратить остальнаго, пріобрѣсти, въ запасъ для будущности, какое-нибудь имѣньице. Отъ одного сосѣда узнаю, что продается небольшое имѣніе въ Херсонской губерніи, и когда собрался возвратиться въ Черноморію,—добрый дядя мой Иванъ Васильевичъ Мигринъ

согласился отправиться вмѣстѣ со мною въ Херсонскую губернію, для осмотра продаваемаго имѣнія, и мы поѣхали.

Имѣніе это было въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ, деревня Маріановка: крестьянъ 24 души; земли три тысячи десятинъ; господскій домикъ, садъ, скотъ, хорошій прудъ съ рыбою; оно принадлежало дворянкѣ, вдовѣ—фамилію теперь не припомню, и за все это заплатилъ я пять тысячъ рублей ассигнаціями. Въ нынѣшнее время (1850 г.) одна земля эта стоитъ сто тысячъ рублей!

Оставивши въ купленной деревнѣ человѣка для управленія, я возвратился въ Екатеринодаръ.

Атаманъ Чепига встрѣтилъ меня съ радостію; онъ скучалъ за мною, и, при первой встрѣчѣ со мною, сказалъ мнѣ, между прочимъ слова, изъ малороссійской пѣсни:

«Ждала, ждала, да и плакати стала!»

Онъ, точно, любилъ меня какъ сына.

Открылась война съ Персіею; полковника Головатаго командировали въ Астрахань съ двумя пѣшими полками казаковъ и съ флотиліею. Около Астрахани, гдѣ расположены были казаки, мѣста, какъ извѣстно, болотистыя и нездоровыя. Болѣзни и смертность истребляли людей, такъ что полки, простоявши въ этихъ мѣстахъ годъ, лишились въ это время изъ тысячи человѣкъ—400. Наконецъ, и Головатый умеръ тамъ-же.

По замиреніи съ Персіею, полки возвратились въ Черноморію въ самомъ жалкомъ видѣ: люди изнуренные, больные, оборванные—все платье износили.

До возвращенія еще полковъ изъ Астрахани, скончался благодѣтель мой атаманъ Чепига, расположеніе коего ко мнѣ съ каждымъ днемъ увеличивалось и вліяніе мое на войсковыя дѣла, за отсутствіемъ Головатаго, еще болѣе распространилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось общее расположеніе и уваженіе ко мнѣ войска.

По смерти Чепиги, должность кошеваго атамана исправлялъ временно войсковой кошевой писарь, подполковникъ Котляревскій. По донесеніи начальству въ Петербургъ о смерти Чепиги, назначенъ былъ на мѣсто его кошевымъ атаманомъ Головатый; но повелѣніе объ этомъ получено по смерти уже его, и потому Котляревскій утвержденъ настоящимъ кошевымъ атаманомъ.

Возвратившіеся изъ Астрахани полки, не имѣя одежды и обуви, не имѣли и хлѣба для продовольствія. Они просили атамана оставить ихъ въ Екатеринодарѣ на нѣкоторое время, чтобы оправиться отъ труднаго похода, одѣть ихъ и пока продовольствовать ихъ на войсковой счетъ. Атаманъ Котляревскій дозволилъ имъ остаться въ

Екатеринодарѣ одну недѣлю—въ это время продовольствовали ихъ отъ войска; и по окончаніи недѣли, велѣно было имъ отправиться на заработки—кто куда хочетъ.

Казаки просили продолжать продовольствіе имъ хотя въ теченіе одного мѣсяца. Атаманъ, человѣкъ твердаго и жесткаго характера—отказалъ.

Люди дѣйствительно были въ самомъ крайнемъ положеніи: они остались вовсе безъ хлѣба и безъ всякихъ средствъ къ продолженію существованія своего. Оказался между ними ропотъ, наконецъ, самый бунтъ и неповиновеніе властямъ. Для усмиренія ихъ атаманъ послалъ команду; нѣкоторыхъ казаковъ схватили и посадили въ яму. Товарищи освободили ихъ и продолжали буйство. Другая посланная команда не могла ничего уже сдѣлать съ ними.

На кавказской линіи былъ инспекторъ, генералъ, командующій тамъ отрядомъ. Атаманъ извѣстилъ его о происшедшемъ въ Екатеринодарѣ. Онъ прибылъ туда съ однимъ армейскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ это время была въ Екатеринодарѣ ярмарка и къ недовольнымъ казакамъ пристало еще нѣсколько тысячъ. Посылали нѣсколько командъ казаковъ для усмиренія ихъ, но и тѣ къ нимъ приставали. Такимъ образомъ, ни армейскій полкъ, ни черноморскія команды ничего не могли сдѣлать съ возмутившимися. Впрочемъ, драки и кровопролитія не было.

Атаманъ Котляревскій не упалъ духомъ и говорилъ, хотя самъ погибнетъ, но поставитъ на своемъ и что воля его должна быть исполнена. Таковъ и долженъ быть начальникъ въ трудныхъ обстоятельствахъ!

Атаманъ и инспекторъ уговаривали непокорныхъ и спрашивали: чего они хотятъ? Они отвѣчали: чтобы отправили ихъ къ государю и ему принесутъ они жалобы свои. Начальники сказали, что нельзя же всѣхъ отправить къ государю: пусть они изберутъ отъ себя депутатовъ и пошлютъ въ Петербургъ. Казаки согласились на эту мѣру и успокоились.

Они сдѣлали между собою совѣщаніе: кого бы изъ офицеровъ отправить съ избранными изъ среды ихъ депутатами? и рѣшили единогласно: избрать Мигрина, какъ человѣка, пользующагося общею доброю славою, въ полной увѣренности, что я буду защищать ихъ интересы и, по мнѣнію ихъ, правое ихъ дѣло.

Понимая всю важность и отвѣтственность такого порученія, я спрашивалъ атамана, какъ поступить мнѣ въ этомъ случаѣ: исполнить-ли желаніе казаковъ, или отказаться отъ него? Атаманъ совѣтовалъ мнѣ не отказываться отъ этого порученія; что онъ снабдитъ меня

письмами къ начальству въ Петербургъ, и я могу оказать услугу правительству, способствуя къ наказанію виновныхъ—какъ того заслуживаютъ они, и успокоенію остальныхъ. Я согласился и объявилъ о томъ казакамъ. Они, для охраненія моего, поставили около квартиры моей караулъ.

Казаки избрали изъ себя 16 человѣкъ, мнѣ отпустили изъ войсковой суммы 4,000 руб. асс.; атаманъ и инспекторъ написали письма къ состоящему при императорѣ генералъ-адъютанту Ростопчину и мы, весною 1797 года, на восьми тройкахъ отправились въ Петербургъ.

V.

Письма, врученныя мнѣ отъ атамана и инспектора, въ которыхъ описаны были противозаконныя дѣйствія бунтовщиковъ, хранилъ я въ великой тайнѣ; иначе, если бы они узнали объ нихъ, могли бы лишить меня жизни.

Проѣздомъ въ Москвѣ, былъ я въ театрѣ, и два казака были со мною неразлучно. Дорогою я старался угождать казакамъ и продовольствовалъ ихъ изобильно.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, отправились мы въ г. Гатчино, гдѣ былъ тогда императоръ. Я явился во дворецъ къ генералу Ростопчину и представилъ ему письма атамана и инспектора. Казаки были всѣ со мною. Онъ сказалъ, что государь поѣхалъ прогуливаться и приказалъ мнѣ дожидаться его. Мы ожидали часу до втораго по полудни. Между тѣмъ, мнѣ подали закусить. Къ государю допущены мы не были, а вошелъ адъютантъ Ростопчинъ, съ карауломъ, и объявилъ высочайшую волю, что казаковъ велѣно препроводить подъ арестъ въ Петропавловскую крѣпость, а мнѣ велѣно отправиться въ Петербургъ и жить тамъ на квартирѣ. Мнѣ объявилъ адъютантъ особенно, что если бы кто изъ казаковъ вздумалъ сопротивляться, то велѣно приколоть таковаго.

Въ Петербургѣ нашелъ я квартиру на Адмиралтейской площади, въ гостинницѣ «Лондонъ». Надъ казаками учреждена была въ крѣпости слѣдственная коммисія. На спросы казаковъ о происшествіяхъ въ Екатеринодарѣ, они сослались на меня, говоря, что Мигринъ все знаетъ, онъ все объяснитъ и дастъ отвѣтъ за нихъ.

Потребовали меня въ коммисію; я явился въ присутствіе и объяснилъ по сущей истинѣ какъ было дѣло: какъ казаки бунтовали, какъ они отбивались отъ посланныхъ командъ, какъ отбили задер-

жанныхъ подъ арестомъ товарищей своихъ. Какъ ни жаль было мнѣ казаковъ—зная, что за поступки ихъ ожидало справедливое возмездіе,—но, какъ вѣрный подданный царя, не могъ сказать иначе. Тогда казаки образумились и поняли, что явился не защитникомъ и ходатаемъ ихъ, а обвинителемъ предъ правительствомъ за противозаконныя дѣйствія ихъ. Они сказали:

— «Видно остается намъ надежда на одного Бога, а не на тебя!»

Упрека этого я не могъ принять на свой счетъ. Предложеніе ихъ отправиться съ ними въ Петербургъ согласился я принять съ воли атамана, въ видахъ пользы службы (?). . . . .

. . . .

Одинъ изъ членовъ коммисіи, обратившись ко мнѣ, сказалъ, что и я прикосновененъ къ этому дѣлу. Таковая рѣчь сильно огорчила и поразила меня, и я выразился, что меня не только не должно считать прикосновеннымъ къ бунту—и слѣдственно виновнымъ,—напротивъ, по моему мнѣнію, заслуживаю признательности отъ правительства за то, что, воспользовавшись довѣренностію и уваженіемъ ко мнѣ казаковъ, согласился отправиться во главѣ депутаціи ихъ и тѣмъ способствовалъ не только къ усмиренію непокорныхъ, но и къ спокойствію всего края. Рѣчь эта подѣйствовала и меня отпустили изъ коммисіи.

Вскорѣ вытребованъ былъ въ Петербургъ атаманъ Котляревскій; онъ принятъ былъ милостиво и ходатайствовалъ за меня, представляя, что я пріѣздомъ съ казачьими депутатами оказалъ услугу войску, передавъ въ руки правительства непокорныхъ; и до меня слѣдственная коммисія болѣе уже не касалась.

По возвращеніи моемъ въ Екатеринодаръ, вскорѣ собралось около квартиры моей, утромъ, человѣкъ пятьдесятъ казаковъ. Я вышелъ къ нимъ и спросилъ: что̀ имъ нужно? Они спрашивали меня: куда дѣвалъ я казаковъ, которые поѣхали со мною въ Петербургъ?—Я сначала оробѣлъ-было, думая, что они пришли раздѣлаться со мною за своихъ товарищей, о задержаніи коихъ слухи дошли уже до нихъ; но потомъ ободрился и отвѣчалъ, что представилъ ихъ къ государю, но поступокъ ихъ былъ не одобренъ, ихъ сочли ослушниками противу начальства и велѣли судить, а меня, какъ невиннаго, отпустили. По принятымъ мѣрамъ въ войскѣ все уже успокоилось и явившіеся ко мнѣ казаки, видя, что противъ высшей власти и силы спорить нельзя—разошлись.

Изъ задержанныхъ въ Петербургѣ казаковъ, двухъ главныхъ виновниковъ осудили и, по наказаніи, сослали въ Сибирь; остальныхъ 14 человѣкъ препроводили для сужденія въ Усть-Лабинскую крѣпость; но судъ сдѣлалъ съ нихъ самое легкое взысканіе.

VI.

Въ это время случилось происшествіе, воспоминаніе о коемъ донынѣ (1850 г.), по прошествіи болѣе 50-ти лѣтъ,—когда, доживши до глубокой старости, готовлюсь каждый часъ разстаться съ жизнію и предстать предъ судомъ Бога, чтобы дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ,—повѣряя минувшую жизнь свою, въ тихія минуты бесѣды съ самимъ собою,—тревожитъ совѣсть мою и нарушаетъ спокойствіе. Не хочу утаивать объ этомъ происшествіи, чтобы оно послужило примѣромъ и наставленіемъ дѣтямъ моимъ и вообще молодымъ людямъ: что дурное дѣло, какая бы ни была побудительная причина его—легкомысліе ли, вѣтренность ли, порывъ страсти, или просто необдуманность,—не можетъ остаться безъ наказанія, которое рано или поздно постигнетъ виновнаго!

Атаманъ Котляревскій поѣхалъ изъ Екатеринодара для осмотра станицъ по войску. За отсутствіемъ исправлялъ должность его подполковникъ Чепига—племянникъ бывшаго атамана. Разъ былъ я у него въ домѣ; тутъ былъ онъ, жена его и еще одна подполковница, пріятельница ея. Между разговоромъ о разныхъ предметахъ зашла рѣчь объ одной извѣстной развратнымъ поведеніемъ своимъ вдовѣ простаго казака. Жена Чепиги сказала, что она велѣла бы женщину эту распять на крестѣ, обрѣзать ей до пояса платье и потомъ выгнать ее съ безчестіемъ за городъ. Бывшій тутъ же въ компаніи городничій сказалъ, что если бы ему дали такое предписаніе, онъ исполнилъ бы его въ точности.

Пріятельницы, изрекшія такой ужасный приговоръ, выдавая себя за строгихъ блюстительницъ чистоты нравовъ, были сами точно такого же поведенія, что въ особенности въ отношеніи жены Чепиги было мнѣ совершенно извѣстно...

Въ угожденіе невинной женѣ Чепиги, я (какъ секретарь въ войсковой канцеляріи) сказалъ въ канцеляріи повытчику, чтобы онъ написалъ предписаніе городничему о поступленіи съ сказанною вдовою, за развратное поведеніе ея, по вышеупомянутому, и несчастную подвергли этому истязанію и посрамленію, и выгнали изъ города.

Я хотя и не подписывалъ этой бумаги, но она составлена была съ моихъ словъ; слѣдственно, вину этого безчеловѣчнаго поступка приписываю я собственно себѣ. Въ этомъ необдуманномъ поступкѣ

я цѣлый вѣкъ свой каялся и теперь съ душевнымъ прискорбіемъ и сожалѣніемъ вспоминаю о немъ!

Во времена тогдашняго невѣжественнаго понятія черноморцевъ, поступокъ этотъ не казался преступленіемъ, ни даже жестокимъ, а былъ принятъ какъ смѣшное позорище... Не такъ думаю я объ немъ нынѣ! Приношу чистосердечное раскаяніе...

Атаманъ Котляревскій сдѣлался болѣнъ, безъ надежды къ выздоровленію. Заботясь о благосостояніи войска, онъ затруднялся въ выборѣ преемника по себѣ: въ войскѣ было восемь подполковниковъ; должно было избрать изъ нихъ, но кого? Преимущественно достойнаго онъ не находилъ и, какъ онъ былъ хорошій христіанинъ, то положился въ этомъ на волю Божію: на восьми билетикахъ написалъ имена всѣхъ подполковниковъ, свернулъ и положилъ ихъ на образъ; потомъ положилъ три земныхъ поклона и взялъ одинъ билетъ: жребій палъ на младшаго изъ подполковниковъ—Бурсака.

Котляревскій послалъ прошеніе къ государю о увольненіи его по тяжкой болѣзни отъ службы и рекомендовалъ на свое мѣсто Бурсака. Императоръ благоволилъ къ Котляревскому за прямоту характера его и откровенность въ его донесеніяхъ. Было нѣсколько случаевъ, гдѣ закубанцы прорывались чрезъ наши кордоны и дѣлали грабежи. Котляревскій, донося объ этомъ государю, сознавался, что это послѣдовало отъ недосмотрѣнія команды или отъ недостаточности его распоряженій—и просилъ помилованія; это нравилось справедливому императору, и атаманъ оставался безъ замѣчаній и взысканій.

Бурсакъ былъ утвержденъ кошевымъ атаманомъ, а Котляревскій уволенъ съ пенсіею 1,000 руб. асс.

По смерти войсковаго судьи Головатаго, званіе это было упразднено и назначенъ въ войсковую канцелярію первоприсутствующій членъ; въ должность эту опредѣленъ присланный изъ Петербурга, изъ армейскихъ, генералъ-лейтенантъ Кирѣевъ; прокуроромъ присланъ, также изъ Петербурга, Овцынъ. Въ продолженіе этого времени вступилъ въ черноморскую службу управлявшій прежде екатеринодарскимъ питейнымъ сборомъ—пріятель мой Похитоновъ, зачисленъ прямо сотникомъ и помѣщенъ секретаремъ въ войсковую канцелярію. Это былъ человѣкъ дѣятельный и весьма способный къ дѣламъ. Съ нимъ я совершенно сдружился.

Прокуроръ Овцынъ былъ человѣкъ безпокойнаго характера; онъ не сошелся съ генераломъ Кирѣевымъ и дѣлалъ препятствія и придирки по дѣламъ. Генералъ послалъ на него нѣсколько донесеній въ сенатъ; прокуроръ не унимался и позволялъ себѣ многое говорить въ присутствіи; генералъ приказалъ все это записывать въ журналъ.

Разъ, прокуроръ до того забылся, въ присутствіи генерала въ канцеляріи, что говорилъ, если ему дадутъ денегъ, то онъ уладитъ всѣ дѣла и будетъ жить мирно. Генералъ, выведенный изъ терпѣнія такимъ нахальствомъ прокурора, тутъ же въ присутствіи арестовалъ его и отдалъ подъ арестъ призваннымъ солдатамъ. Когда донесено было о семъ высшему начальству, то генералъ и прокуроръ оба отрѣшены были отъ должностей: первый за превышеніе власти своей, послѣдній за безпорядки по должности.

По смерти полковника Головатаго, оставшееся значительное имѣніе и капиталъ его, по распоряженію таврическаго генерала-губернатора, въ вѣденіи коего находилась и Черноморія,—велѣно было сдать въ распоряженіе таврической дворянской опеки. Назначенные отъ опеки опекуны прибыли въ Екатеринодаръ, для пріема имѣнія. Дѣло это было у меня по экспедиціи и я оказалъ по немъ безкорыстныя услуги опекунамъ. Похитоновъ также познакомился съ опекунами и съ пріѣзжавшимъ вмѣстѣ съ ними секретаремъ уѣзднаго суда Лыковымъ.

Похитонову нужны были для оборота деньги; онъ отправился въ Таганрогъ, чтобы достать ихъ отъ знакомыхъ опекуновъ Головатаго. Въ Таганрогѣ остановился онъ въ домѣ секретаря Лыкова, противъ коего былъ домъ уѣзднаго казначея Капельки. Жена Капельки содержала маленькій домашній дѣвичій пансіонъ. Похитоновъ, проживъ нѣсколько дней въ Таганрогѣ, познакомился съ казначеемъ; видѣлъ воспитывавшихся тамъ дѣвицъ и замѣтилъ одну изъ нихъ—свѣженькую, полненькую, черноглазую брюнетку, сироту, дочь артиллерійскаго капитана, служившаго и умершаго въ Тобольскѣ—Евдокію Григорьевну Иванову. Разспросивши о ней, узналъ, что сирота эта пріѣхала изъ Сибири съ матерью своею, вдовою, по полученіи извѣстія о смерти роднаго дяди ея, артиллеріи полковника Ѳедора Ивановича Иванова, послѣ коего осталось порядочное имѣніе въ Таганрогскомъ уѣздѣ, которое и введено во владѣніе ея; но имѣніе и сама она, по несовершеннолѣтію, были въ опекѣ; опекуномъ былъ сосѣдъ-помѣщикъ, титулярный совѣтникъ Павелъ Семеновичъ Осинскій, а попечителемъ таганрогскій предводитель дворянства, помѣщикъ, надворный совѣтникъ Григорій Ивановичъ Коваленскій.

Возвратившись въ Екатеринодаръ, Похитоновъ, любившій меня искренно и преданный мнѣ, началъ совѣтывать мнѣ жениться и указалъ на дѣвицу Иванову, разсказавъ все подробно, что было извѣстно ему объ ней, что она дѣвочка умная и добродушная и проч. Я наотрѣзъ отказалъ ему, говоря, что, пользуясь общимъ уваженіемъ, ведя жизнь привольную и ни въ чемъ не нуждаясь,—не думаю еще жениться. Такъ это дѣло и осталось.

У Похитонова былъ еще въ Таганрогскомъ уѣздѣ старый пріятель его, Өедоровичъ (коллежскій регистраторъ); онъ жилъ за Дономъ, на Кагальникѣ, и управлялъ имѣніемъ.

Опекунъ Осинскій, управляя сиротскимъ имѣніемъ,—да проститъ ему Богъ!—велъ дѣла не совсѣмъ добросовѣстно: отрѣзалъ себѣ участокъ сиротской земли и захватилъ нѣкоторыя вещи изъ движимости; поэтому онъ желалъ самъ пріискать для Евдокіи Григорьевны жениха, который былъ бы обязаннымъ за то собственно ему. Выборъ его остановился на Өедоровичѣ, какъ человѣкѣ смирномъ и безъ претензій, который не требовалъ бы всего, а остался доволенъ тѣмъ, что̀ получитъ. Онъ предложилъ Өедоровичу, тотъ согласился, оставалось только привести планъ этотъ въ исполненіе—женить Өедоровича.

Өедоровичъ обѣщалъ Похитонову пріѣхать къ нему въ Екатеринодаръ на Пасху погостить. Онъ ожидалъ; но вдругъ Өедоровичъ пишетъ письмо къ Похитонову, что онъ не можетъ пріѣхать къ нему, потому что ему на праздникъ надобно быть въ Таганрогѣ, гдѣ сыскали ему невѣсту, дѣвицу Е. Г. Иванову, и онъ намѣренъ отправиться туда и жениться.

Похитоновъ, получивъ это письмо, пришелъ ко мнѣ, показалъ его мнѣ и сказалъ: «экой ты теленокъ! не умѣешь пользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ; упустивши его, ты не будешь уже, быть можетъ, имѣть другаго подобнаго. Өедоровичъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тебя и онъ воспользуется этимъ счастіемъ».—Я и на этотъ разъ остался при прежнемъ намѣреніи своемъ.

Послѣ сего разговора, я два—три дня раздумывалъ о немъ, и наконецъ мнѣ пришла мысль: «женюсь!» Прихожу къ Похитонову и говорю ему: ѣдемъ.—Куда?—Въ Таганрогъ.—Зачѣмъ?—Жениться. Извѣстіе это, по дружбѣ его ко мнѣ, очень обрадовало его. Я началъ было говорить о сборахъ; онъ возразилъ, что собираться и откладывать некогда, иначе будетъ поздно. И дѣйствительно, на другой же день, взявши подорожную, отправился я вмѣстѣ съ Похитоновымъ въ Таганрогъ и пріѣхалъ туда за три дня до Пасхи 1800 года.

Остановились у секретаря Лыкова. Были въ домѣ казначея Капельки и тамъ увидѣлъ я въ первый разъ невѣсту мою, Евдокію Григорьевну: она была очень молода—ей не было еще и полныхъ 15-ти лѣтъ, но сложена довольно уже хорошо. Я бесѣдовалъ съ нею, но особенныхъ изъясненій не было.

Похитоновъ познакомилъ меня съ предводителемъ Коваленскимъ. Онъ встрѣтилъ меня радушно, и сказалъ, что знакомъ уже со мною чрезъ опекуновъ Головатаго, бывшихъ въ Черноморіи, которые отзывались съ благодарностію объ оказанныхъ имъ мною по канцеляріи

одолженіяхъ; а потому онъ предупрежденъ уже въ мою пользу и уважаетъ меня.

Хорошо всегда оказывать услуги людямъ: воображаешь, что никогда уже не встрѣтишься съ ними и не будешь имѣть въ нихъ надобности; но иногда обстоятельства поставляютъ съ такими людьми въ непредвидѣнныя близкія отношенія и тогда они бываютъ полезны. Равно не должно дѣлать и огорченій людямъ, по видимому, самымъ ничтожнымъ и безсильнымъ: можно ли предвидѣть будущее? Иногда эти люди возвышаются, или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ могутъ имѣть вліяніе на судьбу нашу.—Вѣкъ пережить—не поле перейтить!—все можетъ случиться, чего вовсе и не воображаешь.

Когда Похитоновъ объявилъ предводителю о моемъ намѣреніи жениться, Коваленскій одобрилъ, отозвался съ похвалою о качествахъ невѣсты и обѣщалъ ближайшее содѣйствіе свое, такъ какъ она зависитъ отъ него непосредственно.

Спросили невѣсту о ея желаніи; она, какъ молодая дѣвушка, замялась; но Коваленскій уреонилъ ее: выхвалялъ меня, и говорилъ, что она будетъ со мною въ супружествѣ счастлива, и дѣло улажено.

Похитоновъ, во всемъ касающемся до меня, принималъ самое искреннее дружеское участіе. Разъ, бесѣдуя со мною, сказалъ, что онъ, обсуживая о моемъ намѣреніи жениться, думаетъ—не лучше ли будетъ, если я откажусь отъ него; ибо онъ по разспросамъ узналъ, что мать Евдокіи Григорьевны подвержена слабости—запоя; а съ такою тещею семейное счастіе и спокойствіе не могутъ быть прочными.—Я отвѣчалъ, что не могу отстать.—«Да развѣ ты влюбился?»—спросилъ онъ.—Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ я,—но отстать не могу. Тогда Похитоновъ сказалъ: «Видно судьба хочетъ этого; съ Богомъ!»

15-го апрѣля 1850 года исполнится 50-ти лѣтній юбилей моего супружества: золотая свадьба! и я благодарю Бога за счастіе, которымъ онъ благословилъ наше супружество—такъ рѣдко и не многими достигаемое! Въ этомъ признаю особенное милосердіе и благость Божію...

Въ такомъ важномъ обстоятельствѣ жизни нашей, какъ супружество, нельзя не допустить предопредѣленія. Я родился въ Малороссіи, Евдокія Григорьевна—въ Сибири: два противоположные полюса—и судьба соединила ихъ! Еслибъ Похитоновъ не получилъ письма Ѳедоровича о намѣреніи его отправиться въ Таганрогъ, для женитьбы,—тогда и мнѣ не пришла бы мысль жениться. Чудны судьбы Твои, Господи!

Въ это время пріѣхалъ изъ Кагальника въ Таганрогъ и избранный опекуномъ Осинскимъ женихъ Евдокіи Григорьевны—Ѳедо-

ровичъ, чтобы окончить дѣло; но уже опоздалъ. Онъ, какъ добрый христіанинъ, принялъ это совершенно равнодушно; познакомился со мною и говорилъ мнѣ, что ни онъ не въ претензіи, что Евдокія Григорьевна выходитъ за меня замужъ, ни я не долженъ бы былъ сѣтовать, еслибы она вышла за него: въ такомъ важномъ случаѣ жизни непремѣнно существуетъ предопредѣленіе судьбы, и я вѣрю этому.

Матери Евдокіи Григорьевны—Татьяны Петровны, не было тогда въ Таганрогѣ: она жила въ деревнѣ. Говорили, что надобно выписать ее и спросить ея согласія; но Коваленскій отсовѣтовалъ, сказалъ, что это излишнее: достаточно одного его согласія. И такъ, на Ѳоминой недѣлѣ, 15-го апрѣля 1800 г., я повѣнчался на Евдокіи Григорьевнѣ; Г. И. Коваленскій былъ посаженнымъ отцомъ, а жена его, Елена Григорьевна—посаженною матерью.

Повѣнчавшись, отправился я въ Черноморію и чрезъ два мѣсяца пріѣхалъ въ Таганрогъ, сдѣлали свадьбу и пиръ, и проживши нѣсколько дней въ городѣ, пріѣхали въ деревню Евдокіи Григорьевны—Совѣтъ (нынѣ село), гдѣ проживши короткое время, взявши съ собою молодую жену и тещу, отправился въ Екатеринодаръ.

VII.

По восшествіи на престолъ императора Александра, войско черноморское назначило отправить въ Петербургъ депутатовъ съ поздравленіемъ. Избрали подполковника Бурноса, меня и поручика Бѣлаго, и мы отправились, лѣтомъ 1801 г., въ Петербургъ; я—въ третій уже разъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, явились мы къ генералъ-прокурору . . . . что нынѣ министръ юстиціи; онъ назначилъ намъ день, когда должны были мы явиться ко двору.—Въ назначенный день явились мы во дворецъ и генералъ-прокуроръ представилъ насъ къ императору. Государь говорилъ съ нами очень мало. Насъ наградили подарками и мнѣ достались золотые часы съ цѣпочкою, которые и донынѣ хранятся въ семействѣ моемъ.

Въ Петербургѣ прожили мы съ мѣсяцъ.—Замѣчательно, что въ то время ходило свободно по рукамъ въ публикѣ множество стиховъ и сочиненій, въ которыхъ охуждали дѣйствія покойнаго императора и превозносили похвалами вновь вступившаго на престолъ. Сочиненія дерзкія оставались безъ преслѣдованія.

Бурсакъ избранъ въ атаманы Котляревскимъ,—какъ сказано выше,—будучи самымъ младшимъ изъ восьми подполковниковъ въ войскѣ. Всѣмъ прочимъ, имѣвшимъ по старшинству службы болѣе

его право на начальствованіе,—это очень не нравилось; они были недовольны распоряженіями его и враждовали противъ него. Всѣ штабъ-офицеры были хорошо знакомы со мною; они привлекли и меня на свою сторону, и какъ дѣла по управленію войскомъ были мнѣ совершенно извѣстны, то склонили меня сдѣлать донесеніе высшему начальству на разныя злоупотребленія по управленію и растрату войсковыхъ суммъ.—Пріятель мой Похитоновъ также поддерживалъ эту мысль и совѣтами своими способствовалъ приведенію ея въ исполненіе.

При моемъ мирномъ и кроткомъ характерѣ, не могу объяснить себѣ: какъ родилась во мнѣ такая мысль, которой одобрить, конечно, не могу.

Бумаги со всѣми доказательствами были изготовлены; но отправить ихъ по почтѣ изъ Екатеринодара я не могъ рѣшиться, потому что это было бы тотчасъ обнаружено и меня придавили бы.—Бумаги оставались у меня и, быть можетъ, далѣе я одумался бы и уничтожилъ ихъ, но, видно, такъ должно было быть, чтобы намѣреніе мое приведено было въ дѣйствіе.

Ко мнѣ пріѣхалъ знакомый повѣренный откупщика Яншина, по дѣламъ откупа. Онъ останавливался у меня на квартирѣ, и, при отъѣздѣ его, я вручилъ ему запечатанныя бумаги, чтобы онъ отдалъ ихъ на почтѣ проѣздомъ чрезъ Азовъ. Онъ отдалъ бумаги,—и дѣло загорѣлось...

По высочайшему повелѣнію назначенъ былъ для производства слѣдствія севастопольскій военный губернаторъ, извѣстный генералъ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ.

Атаманъ, весьма натурально, вознегодовалъ на меня и старался всѣми силами повредить мнѣ; его сторону принялъ и первоприсутствующій генералъ Кирѣевъ. Положеніе мое было весьма затруднительное и опасное и я боялся, что, при всей справедливости извѣта моего, меня же обвинятъ и засудятъ.

Мнѣ давали самые строгіе запросы и требовали немедленно отвѣтовъ, стараясь запутать меня и сдѣлать самого прикосновеннымъ къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ. Я упалъ духомъ и трусилъ ужасно; но Похитоновъ ободрялъ и поддерживалъ меня совѣтами и наставленіями.

Съ Михельсономъ пріѣзжалъ чиновникъ Михаилъ Степановичъ Жуковскій—(въ послѣдствіи генералъ-интендантъ арміи [1]). Я познакомился съ нимъ, открылъ ему опасенія свои и совершенную невинность свою. Онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться къ Михельсону, далъ наставленіе какъ объясниться съ нимъ и просить его защиты и покровительства. Я явился къ генералу; онъ выслушалъ меня благосклонно; сказалъ, что не хорошо доносить на свое начальство, впрочемъ, объ-

[1]) Отецъ статсъ-секретаря тайнаго совѣтника Степана Михайловича Жуковскаго († 1877 г.). Ред.

щалъ обратить на дѣло особенное вниманіе и соблюсти строгую справедливость.

Въ послѣдствіи, къ совершенному удовольствію моему, сенатъ кончилъ дѣло ничѣмъ: никто не пострадалъ, ни я, и никто не были обвинены. Рѣшеніе состояло въ томъ, что: какъ Черноморія край новый, положительныхъ и точныхъ правилъ и закона на управленіе ея еще не утверждено—она управлялась болѣе по произволу и мѣстному соображенію атамана; распоряженіе войсковыми суммами зависѣло также отъ распоряженія и произвола атамана,—то и велѣно: прекративъ дѣло это, оставить его безъ всякихъ послѣдствій.

Я ожилъ тогда!...

Происшествіе это было чрезвычайнымъ урокомъ для меня!—Не должно никому увлекаться недобрымъ совѣтомъ, а помнить святое правило: «чего себѣ не желаешь, того и другому не желай!» Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія: бываютъ случаи, когда молчаніе о извѣстномъ злѣ или преступленіи—можетъ быть предосудительно; но эти случаи такъ рѣдки! Добрые люди думаютъ такъ: пусть погибнетъ виновный, если того заслуживаетъ,—да не отъ моихъ рукъ!—Преступленіе или худое дѣло, какъ бы ни было скрытно,—рано или поздно получаетъ должное возмездіе: это непреложный законъ истины и небеснаго правосудія.

Мудрая законодательница наша Екатерина II изрекла: «доносы полезны, но доносчики нетерпимы!»

Въ то время я не зналъ этого мудраго изрѣченія, проникнутаго духомъ кротости, великодушія и христіанскаго человѣколюбія.

Хотя дѣло, по донесенію моему начавшись, кончено и благополучно и никто не пострадалъ, но атаманъ, весьма естественно, не имѣлъ уже ко мнѣ благосклонности. Какъ ни сроднился я съ Черноморіею и какъ ни пріятно было мнѣ жить тамъ, пользуясь общимъ уваженіемъ,—я рѣшился разстаться съ нею и вышелъ въ отставку, тѣмъ же капитанскимъ чиномъ. По тогдашнему положенію, офицерамъ иррегулярныхъ войскъ не давали при отставкѣ чиновъ, какъ армейскимъ.

Разсуждая теперь объ оставленіи мною Черноморіи, я признаю явный перстъ Божій, указавшій мнѣ путь. Климатъ черноморскій не только въ тогдашнее время, но и донынѣ, при усилившихся тамъ народонаселеніи и гражданственности—гибеленъ для людей: изнурительныя лихорадки и прочія болѣзни ежегодно похищаютъ много жертвъ. Не только изъ сверстниковъ, но изъ людей гораздо моложе меня—всѣ до одного давно уже померли, я еще живу: велико, неизреченно милосердіе Божіе ко мнѣ! Иванъ Мигринъ.

15-го марта 1850 г.

Сообщ. въ 1876 г. **Григ. Ив. Мигринъ**, изъ Таганрога.

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

XXIV [1]).

Въѣздъ губернатора въ Симбирскую губернію. — Симбирскъ. — Выѣздъ на ревизію въ губернію. — Крестьянскій бунтъ на межѣ. — Маіоръ Э. И. Стоговъ.—Жандармы и отношенія къ нимъ губернатора.—«Секретная инструкція». — Гр. Строгановъ. — Бенардаки. — Основаніе его богатства.—Бурлаки и вопросъ о паспортахъ.

1834 г.

Въ Симбирскую губернію я въѣхалъ 29-го марта. Вода ливнемъ стекала съ горъ, земля во многихъ мѣстахъ обнажилась, а по дорогѣ черноземная грязь такъ затягивала полозья, что я на первой станціи Симбирской губерніи, не смотря, что въ экипажъ мой впрягли восемь лошадей, принужденъ былъ его оставить, приказавъ его поставить опять на лѣтній ходъ, а самъ, пересѣвъ въ розвальни съ слугою, въ одномъ тепломъ сюртукѣ и вицъ-мундирѣ потащился далѣе, а чрезъ двѣ станціи прибылъ въ первый городъ Симбирской губерніи—Ардатовъ.

Тутъ и слуха не было еще о смѣнѣ прежняго губернатора и о моемъ назначеніи. Остановясь на постояломъ дворѣ, я послалъ просить къ себѣ городничаго, который, явясь ко мнѣ, самымъ подозрительнымъ образомъ на меня поглядывалъ и казалось, что онъ подозрѣвалъ во мнѣ самозванца! Какъ скоро это недоразумѣніе объяснилось, онъ тотчасъ предложилъ мнѣ, для отдыха, перебраться на его квартиру,—ибо дѣйствительно та, которую мнѣ предоставила судьба на первыхъ порахъ въ моей гу-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 627—648; т. XVII, стр. 127—144; 251—266; 771—786. Изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—423. Нынѣ помѣщаемыя главы написаны И. С. Жиркевичемъ, какъ видно изъ его помѣтки: «въ Витебскѣ, въ 1841 г. марта 31-го».

берніи, была очень неудобна, а въ особенности грязна,—на что я съ благодарностью изъявилъ свое согласіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ отдыха я хотѣлъ пробыть въ этомъ городѣ одинъ день для осмотра казенныхъ заведеній, а болѣе всего разспросить кое-что касательно начатаго уже обращенія казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ. Попросивъ городничаго, прежде чѣмъ ѣхать къ нему на квартиру, свезти меня въ городскую больницу и тюрьму, мы вышли на крыльцо и, когда подъѣхалъ его экипажъ, я подумалъ, что онъ надо мной смѣется, или долженъ быть весьма странный въ своемъ образѣ жизни: я увидѣлъ въ первый разъ тарантасъ,— экипажъ, о которомъ и понятія не имѣлъ!..

Признаюсь, первая встрѣча съ общественными заведеніями, тюрьмою и больницею не совсѣмъ меня норадовала, а разспросы о средствахъ къ улучшенію этихъ заведеній меня еще болѣе огорчили. Но за то другой предметъ, именно переходъ крестьянъ въ удѣлъ, меня успокоилъ.

Въ самомъ Ардатовѣ цѣлая слобода населена бывшими казенными, а теперь удѣльными крестьянами и они не только не огорчились перемѣной своей участи и названія, но, казалось, еще болѣе были довольны онымъ, ибо съ самой первой минуты перехода они заявили свои претензіи на сосѣдніе участки какъ къ городу, такъ и къ мѣстнымъ помѣщикамъ, и новое ихъ начальство крѣпко обнадежило и уже принялось за нихъ хлопотать... На другой день явился ко мнѣ исправникъ и подтвердилъ тѣ же свѣдѣнія касательно уѣзда, съ оговоркой, что тамъ крестьяне болѣе толкуютъ о своемъ переворотѣ и что по сіе время находятся въ чаду своего превращенія...

Не доѣзжая 12-ти верстъ до Симбирска, совершенно на ровномъ мѣстѣ, часу въ первомъ ночи, наѣхали на экипажъ, въ половину опрокинутый въ воду, которая потокомъ стремилась черезъ дорогу и черезъ мостъ. На послѣднемъ стоялъ человѣкъ, по колѣна въ водѣ и держа лошадь подъ уздцы, кричалъ намъ, чтобы мы держались другой стороны дороги, ибо собственный экипажъ свидѣтельствуетъ, что здѣсь рытвина, и что онъ едва-едва не утонулъ, а теперь ждетъ помощи изъ дер. Баратаевки, куда онъ послалъ верхомъ своего ямщика. Возница мой, слѣдуя совѣту, взялъ влѣво и мой тарантасъ немедленно сталъ въ pendant другому экипажу, т. е. на бокъ въ рытвину, зачерпнувши кузовомъ воду.

Чиновникъ мой Брянцевъ, ѣхавшій со мной, еще наканунѣ жаловавшійся на большую головную боль, спалъ. До моста оставалось саженей пять, но вода въ этомъ мѣстѣ съ такой силой неслась, что я не рѣшился перейти, а, боясь быть снесеннымъ и какъ я ни желалъ сохранить свое инкогнито до самаго города, принужденъ былъ приказать своему ямщику, чтобы онъ, отпрягши осторожнѣе лошадь, скакалъ бы въ деревню и собралъ тамъ мужиковъ, чтобы шли скорѣе вытаскивать губернатора. Тутъ проснулся и Брянцевъ мой, у котораго отъ холода и, вѣроятно, отъ усилившейся болѣзни, открылся бредъ, и, не постигая гдѣ мы и что съ нами, началъ вертѣться съ боку на бокъ, нести всякую ахинею и непремѣнно требовалъ, чтобы его выпустили вонъ. Какъ ни убѣждалъ его оставаться въ покоѣ, принужденъ былъ вступить въ единоборство и еле-еле удержалъ его въ экипажѣ. Такимъ образомъ болѣе часу проваландались мы, рискуя ежеминутно выкупаться: стоило коренной лошади дернуть и нашъ тарантасъ тотчасъ бы опрокинулся въ воду. Наконецъ, показались, верховыхъ и на саняхъ, человѣкъ 30 крестьянъ, и начались нескончаемые крики, толки, кончившіеся тѣмъ, что отъ тарантаса до моста установили до шести саней безъ лошадей и я по импровизированному мосту, перескакивая съ однихъ саней на другія, добрался до послѣднихъ—запряженныхъ, гдѣ усѣвшись на днищѣ торжественно былъ ввезенъ на клячѣ въ Баратаевку. Товарища моего вынесли на рукахъ и потомъ точно такъ же привезли въ деревню. На другой день въ городѣ происшествіе это разгласилось и князь Баратаевъ, владѣлецъ этой деревни, привѣтствовалъ меня русскимъ каламбуромъ:

— «Ваше пр—ство не можете жаловаться, чтобы васъ въ Баратаевкѣ сухо встрѣтили!»

Въ Симбирскъ я пріѣхалъ ночью съ 30-го на 31-е марта.

Въѣхавши въ городъ, я велѣлъ ямщику везти себя въ лучшую гостинницу, строго запретивъ объявлять, что я губернаторъ. Подъѣхавши къ какимъ-то воротамъ, принялись стучать, чтобы вызвать дворника, который, послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ явился и повелъ насъ въ номеръ, въ которомъ не было даже зимнихъ рамъ, а стояли одиночныя съ разбитыми стеклами, заклеенными большею частью бумагою, да и та мѣстами порванная. Холодъ и сырость въ комнатѣ были невыносимые. Все убранство ея

состояло изъ трехъ или четырехъ просиженныхъ соломенныхъ стульевъ, изъ неокрашенной, загаженной мухами и клопами кровати съ соломеннымъ тюфякомъ, желѣзнаго сломаннаго ночника и стѣнъ, унизанныхъ прусаками. Наконецъ пришелъ хозяинъ, мѣщанинъ въ грязномъ сюртукѣ и растрепанный до-нельзя, объявившій съ самодовольствомъ, что это лучшій № въ его гостинницѣ и что «самые хорошіе господа завсегда у него притуляются». Дѣлать было нечего, безропотно покорился своей участи, и, чтобы какъ нибудь скоротать до разсвѣта, я приказалъ согрѣть самоваръ и пустился разспрашивать хозяина о городскихъ новостяхъ. Хозяинъ оказался очень глупымъ мужикомъ и вдобавокъ совсѣмъ неразговорчивымъ, такъ что я его тотчасъ отпустилъ, а самъ, сидя на стулѣ, не рѣшаясь лечь на кровать, продремалъ до свѣта.

Въ 6 часовъ утра послалъ человѣка съ подорожною оповѣстить полиціймейстера, что новый губернаторъ ночевалъ уже въ городѣ. Сей немедленно явился и я просилъ его дать мнѣ болѣе приличную квартиру. Онъ мнѣ объявилъ, что весь губернаторскій домъ къ моимъ услугамъ и что тамъ я могу остановиться хоть сейчасъ; тогда я повторилъ вновь свое требованіе—квартиру. Черезъ полчаса я уже перешелъ на нее и, очистившись отъ дорожной грязи, приказалъ себя везти къ бывшему губернатору Z*........., котораго встрѣтилъ уже на дорогѣ, ѣхавшаго ко мнѣ. Пересѣвъ къ нему въ сани, я отправился къ нему въ домъ. Z*......... я нашелъ въ совершенномъ отчаяніи; указъ о смѣнѣ его былъ полученъ въ Симбирскѣ 25-го числа, а до того времени онъ и не думалъ о томъ. Первое, что онъ мнѣ предложилъ—это очистить для меня домъ, но я ему объявилъ, что если онъ изъ Симбирска уѣдетъ прямо не изъ губернаторскаго дома, то моя нога въ ономъ не будетъ, со дня его отъѣзда, ровно шесть мѣсяцевъ, что̀ меня сильно разстроитъ, но, не смотря на все, непремѣнно поступлю такимъ образомъ. Затѣмъ старался успокоить его и, какъ замѣтно, не безъ успѣха, передавъ ему мнѣніе и отзывъ о немъ государя и нѣкоторыхъ министровъ, такъ что когда вошла въ кабинетъ его жена, съ которою онъ меня познакомилъ, то онъ весело передалъ ей все мною сказанное, говоря, что положеніе его не такъ худо, какъ онъ себѣ воображалъ. Оба разсыпались въ благодарностяхъ за мою деликатность, что я не пользуюсь своимъ правомъ и не выживаю ихъ съ занимаемой ими квартиры,

просили домъ ихъ считать своимъ и, пока не обзаведусь своимъ хозяйствомъ, сдѣлалъ бы имъ честь обѣдать у нихъ. Поблагодаривъ за предложеніе, я далъ слово обѣдать у нихъ этотъ день, не ручаясь за будущее, и, пробывъ у нихъ около часу, вернулся домой, а между тѣмъ въ городѣ уже прошла вѣсть о моемъ внезапномъ прибытіи.

Я объявилъ полиціймейстеру, ожидавшему меня на квартирѣ, что я въ этотъ день никого принимать не могу, но желалъ бы лишь видѣть у себя вице-губернатора, управлявшаго губерніею, также управляющаго удѣльною конторою NN. и обоихъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ: губернскаго—маіора Стоговá, и командированнаго по удѣльной части — подполковника Ф...., которыхъ просилъ непремѣнно пожаловать ко мнѣ. Вице-губернаторъ пріѣхалъ чрезъ ¼ часа, а Ф.... черезъ часъ. О Стоговѣ и о NN. полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что первый отозвался усталостью, такъ какъ онъ только что вернулся въ городъ, а послѣдній отвѣчалъ ему на приглашеніе «хорошо». Прождавши сихъ двухъ господъ до 3-хъ часовъ, я поѣхалъ обѣдать къ Загряжскому, гдѣ, кромѣ хозяевъ, обѣдалъ еще съ нами Ф....

Послѣ обѣда, возвратившись домой, часовъ около 6-ти вечера, пріѣхалъ ко мнѣ старый мой знакомый, бывшій губернскій предводитель, кн. Баратаевъ, и едва мы перекинулись нѣсколькими привѣтствіями, какъ доложили о пріѣздѣ NN. Баратаевъ тотчасъ всталъ и, простившись со мной, вышелъ (Баратаевъ былъ въ мундирѣ). Вошелъ NN., въ черномъ фракѣ съ вытертыми и облѣзлыми пуговицами. Если бы я и не былъ предупрежденъ на счетъ NN., то и тогда такое неприличіе его костюма при первомъ свиданіи со мною, какъ съ начальникомъ губерніи, могло бы меня удивить, но тутъ я тотчасъ понялъ и цѣль и дерзость сего чиновника. Со всѣмъ тѣмъ, заботясь объ исполненіи лишь священнаго слова государя и о настоящемъ дѣлѣ, а не о формахъ одежды—я съ привѣтливостью пригласилъ г. NN. садиться; рекомендуясь ему какъ новопріѣзжій, просилъ о знакомствѣ, извиняясь, что не предупредилъ его моимъ визитомъ, и просилъ его вразумленія и свѣдѣній по общему нашему дѣлу. Съ первыхъ словъ онъ началъ бранить Z*.........., казенную палату и прежнее управленіе казенныхъ крестьянъ. Въ самыхъ рѣзкихъ и неприличныхъ словахъ отзывался онъ о сдѣланныхъ, до

моего прибытія, распоряженіяхъ и съ нахальствомъ объявилъ, «что онъ съумѣетъ справиться», хотя видимо бунтуетъ крестьянъ ихъ прежнее начальство. Потомъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ дѣла, началъ разсказывать мнѣ городскіе анекдоты, распри Z*.......... съ нимъ и съ другими и, наконецъ, свелъ свою рѣчь къ наставленіямъ меня какъ управлять губерніею. Раза три или четыре я пробовалъ прерывать его разсказы и сводилъ рѣчь на настоящее дѣло, но онъ какъ будто бы все увертывался отъ моихъ разспросовъ и еще съ бо́льшимъ увлеченіемъ продолжалъ свои росказни. Въ такой бесѣдѣ мы провели съ часъ времени и когда онъ всталъ и сталъ прощаться со мной, я ему сказалъ:

— Милостивый государь! Я знаю, что вы не подчинены моему начальству. Но въ настоящемъ дѣлѣ у насъ цѣль общая— ибо Государь повелѣть соизволилъ мнѣ въ особенности озаботиться, чтобы переходъ казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ совершился мирно и покойно; а такъ какъ я долженъ признаться вамъ, что, служа постоянно по военной части и не бывъ помѣщикомъ, не знаю всѣхъ подробностей крестьянскаго быта, а между тѣмъ, по настояніямъ и моего и вашего начальства, долженъ предполагать, что существуетъ разница между бытомъ казеннаго и удѣльнаго крестьянина, а потому прошу васъ, ради пользы службы, если бы вамъ пришлось дѣлать какія либо распоряженія, разорительно перемѣняющія привычки крестьянъ,—приступая къ онымъ, не откажите мнѣ—не письменно, но хоть словесно, предварить меня, чтобы я, во всякое время, былъ готовъ, если надобность потребуетъ, вамъ содѣйствовать...

— «Вижу, ваше пр—во,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—цѣль вашу: вамъ очень хочется взять удѣльныхъ крестьянъ подъ вашу руку. Это очень легко сдѣлать. Я завтра же рапортуюсь больнымъ и вы можете распоряжаться какъ вамъ будетъ угодно»...

— Г. NN.!—вскричалъ я, весь вспыхнувъ отъ такой наглости ...., — я виноватъ, что поводъ къ такой дерзости вашей подалъ я самъ, тѣмъ, что съ перваго раза не осадилъ васъ, когда вы позволили себѣ явиться ко мнѣ, начальнику губерніи, въ этомъ фракѣ! Знайте, что я не унижу себя принятіемъ вашихъ на себя обязанностей, но сейчасъ же васъ отрѣшу и съ жандармомъ прямо отправлю въ Петербургъ при донесеніи моемъ Государю, а васъ замѣню другимъ чиновникомъ.

Онъ затрясся отъ испуга и, перемѣня тонъ, тотчасъ сталъ извиняться, говоря, что, точно, былъ неостороженъ, что отъ усиленныхъ занятій голова его въ напряженномъ состояніи, часто не помнитъ что̀ говоритъ и что онъ проситъ великодушно простить его и что цѣль у него точно та же, какъ и у меня—исполнить волю и повелѣніе государя. Въ доказательство того, что онъ смотритъ и почитаетъ меня какъ хозяина здѣшней губерніи, слѣдовательно, отчасти и своимъ начальникомъ — это то, что, когда завтра будутъ представляться мнѣ чиновники, онъ прибудетъ тоже со всѣми своими служащими и съ рапортомъ—однимъ словомъ, видимо перепугался и образумился.

Какъ много я ни былъ предупрежденъ въ Петербургѣ, но я не думалъ, чтобы NN. былъ таковъ, и, предвидя въ будущемъ общее съ нимъ служеніе, я взялъ на себя—опять пригласить его сѣсть съ собою, сталъ говорить о дѣлѣ. Отвѣты получалъ пристойные и удовлетворительные, а чрезъ полчаса, отпуская его, я же извинился въ своей горячности. Просилъ его не только извинить меня, но не перепускать черезъ порогъ этого происшествія и размолвки между нами. Просилъ отнюдь не являться ко мнѣ съ рапортомъ, повторяя, что не признаю себя его начальникомъ въ частности, но на случай затрудненій при переходѣ крестьянъ, по волѣ его же начальства, обязанъ съ нимъ участвовать вмѣстѣ, и получилъ отъ него слово, что все останется между нами, какъ будто не было размолвки, и никому ни слова не скажетъ объ этомъ. На другой день онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ прочими чиновниками, въ мундирѣ, и я, въ тотъ же день, въ числѣ значительнѣйшихъ лицъ, заплатилъ ему мой визитъ. На Святой недѣлѣ обѣдалъ у него публично—а онъ, между тѣмъ, исказивъ нашъ разговоръ, съ жалобой на меня, въ тотъ же день, отнесся къ Перовскому и тѣмъ положилъ основу непріязни сего послѣдняго ко мнѣ и настоящему (писано въ 1841 г.) непріятному для меня положенію.

На другой день чиновники и жительствующіе въ городѣ дворяне удостоили меня своимъ посѣщеніемъ, и послѣ нихъ явился и г-нъ маіоръ Э. И. Стоговъ. Сей послѣдній доставилъ мнѣ въ разговорѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя указали мнѣ путь къ моимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ вторичнаго посѣщенія NN,

я получилъ офиціальное письмо отъ Перовскаго, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, «что, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, онъ просилъ меня покровительствовать и содѣйствовать удѣльнымъ распоряженіямъ, но онъ опасается, чтобы не произошло тутъ какого либо недоразумѣнія. Удѣльное начальство и управленіе имѣютъ особыя правила и учрежденія, состоя въ непосредственномъ вѣденіи удѣльнаго департамента, а потому, и теперь повторяя свою покорную просьбу о томъ же предметѣ, долгомъ считаетъ присовокупить, что эта просьба именно относится къ тѣмъ случаямъ, когда мѣстное удѣльное начальство само будетъ обращаться за содѣйствіемъ», — однимъ словомъ, я понялъ, что NN. жаловался на то, что̀ произошло между нами при первомъ нашемъ свиданіи, представивъ Перовскому весь разговоръ въ превратномъ видѣ.

Я отвѣчалъ Перовскому, что помню въ буквальномъ смыслѣ всѣ сдѣланныя имъ въ Петербургѣ мнѣ наставленія и порученія; что вовсе не думалъ ни на волосъ отступать отъ нихъ. Съ юности моей поставилъ себѣ за самое строгое правило — не вмѣшиваться никогда въ чужія дѣла, и я свято, по сіе время, слѣдую оному. Не нарушая его, не нарушу и въ отношеніи удѣльнаго вѣдомства. Чрезъ двѣ почты я получилъ указъ сената, что сенатору Перовскому высочайше повелѣно отправиться въ Симбирскъ, для удобнѣйшаго устройства удѣльнаго управленія и для соглашенія дѣйствій онаго съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, предоставляя ему дѣйствовать въ семъ случаѣ на правахъ ревизующаго губернію сенатора. Перовскій прибылъ въ Симбирскъ около половины мая.

На первый день св. Пасхи я обѣдалъ у кн. Баратаева, уже не губернскаго предводителя, но, за неутвержденіемъ таковаго, исправляющаго эту должность. Кромѣ этого званія онъ исполнялъ обязанности попечителя губернской гимназіи и секретаря «Общества христіанскаго милосердія», существовавшаго въ Симбирскѣ уже 15 лѣтъ. Первымъ учредителемъ онаго былъ кн. Баратаевъ, а предсѣдательница — супруга ген.-маіора Ивашева, и все общество состояло подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицъ, сперва Елисаветы Алексѣевны, а потомъ Александры Ѳедоровны. Цѣль онаго была — пособіе нуждающимся, стыдящимся просить милостыню, воспитаніе и покровительство дѣвицамъ, дочерямъ бѣдныхъ чиновниковъ и разночин-

цевъ, служащихъ въ губерніи. Первоначально число воспитанницъ назначено было 10, а затѣмъ, когда средства общества усилились, численность оныхъ прибавилась до 20-ти и потомъ до 30-ти, далѣе же не шла. Заведеніе это помѣщалось въ небольшомъ каменномъ двухъэтажномъ домѣ съ садомъ, пожертвованномъ однимъ изъ членовъ, и какъ внутреннее управленіе, такъ равно и воспитаніе, получаемое дѣвицами, признано было примѣрнымъ не только всѣми, но и самимъ Государемъ, удостоившимъ, въ пребываніи своемъ въ Симбирскѣ, обозрѣть это заведеніе во всей подробности. Такъ какъ воспитанницы, поступившія туда, исключительно принадлежали къ бѣдному сословію и по выходѣ оттуда, по необходимости, встрѣчались въ семьѣ съ нуждой, то вся роскошная обстановка, какую встрѣтишь въ подобныхъ заведеніяхъ, была устранена, и только самая строгая чистота, поддерживаемая самими воспитанницами, по очереди, царствовала повсюду. Мебель, кровати, постельное бѣлье, были самыя простыя, ѣда тоже, но сытная, и все вниманіе начальницы обращено было на то, чтобы дѣвицы, относительно всего обыденнаго и необходимаго, работы исполняли бы собственноручно, ничего не поручая служанкамъ, кромѣ, конечно, самыхъ черныхъ работъ. Занятія ихъ заключались преимущественно въ рукодѣліяхъ и въ преподаваніи нѣкоторыхъ новѣйшихъ языковъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ чтобы быть порядочной гуверганткой, музыки и танцевъ—послѣднее скорѣе какъ гигіеническое средство, въ видѣ усиленнаго моціона. За все время своего существованія, заведеніе ни разу не испросило пособія ни копѣйки отъ казны, а постоянно поддерживалось одною частною благотворительностью, и во время пребыванія моего въ Симбирскѣ, благодаря разумной и честной распорядительности управленія этого заведенія, оно насчитывало у себя уже капиталу до 70 т. р. асс. Въ Симбирскѣ находилось еще и другое заведеніе, содержимое также на частныя благотворительныя средства,—дворянскій пансіонъ съ 20-ю воспитанниками, коимъ завѣдывалъ тотъ же кн. Баратаевъ.

Желая какъ можно скорѣе и ближе ознакомиться съ губерніею, и въ особенности съ положеніемъ бывшихъ казенныхъ, а нынѣ удѣльныхъ крестьянъ, я отправился, недѣли чрезъ три по-

слѣ своего пріѣзда, на ревизію въ г. Буинскъ, верстахъ въ 50-ти отъ Симбирска. Но не успѣлъ я пріѣхать туда, какъ получилъ съ нарочнымъ донесеніе отъ вице-губернатора, что въ Сызранскомъ уѣздѣ между Лашманами возникло безпокойство, по поводу отчужденія сенатомъ участка земли отъ одной казенной волости къ помѣщичьему владѣнію. Это волненіе началось еще въ прошломъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда былъ объявленъ имъ сенатскій указъ на мѣстѣ, и Лашмане оказали сопротивленіе, прогнавъ съ межи землемѣра съ земскою полиціей, не давъ первому приступить даже къ межеванью,—но, за позднимъ временемъ года, дѣло это было оставлено безъ разслѣдованія и отложено до весны. Теперь же, когда исправникъ и землемѣръ, взявшіе съ собой 12 человѣкъ инвалидовъ, прибыли на мѣсто для объявленія и исполненія сенатскаго указа, то Лашмане, огульно, и небольшое число удѣльныхъ крестьянъ, всѣхъ до 4 т. душъ, собравшись толпой, оказали сопротивленіе и чиновники вмѣстѣ съ командой вынуждены были удалиться. При семъ вице-губернаторъ Огневъ доносилъ мнѣ, что губернское правленіе сдѣлало уже распоряженіе о командированіи на мѣсто, на подводахъ, двухъ ротъ гарнизоннаго баталіона, но что онъ, въ ожиданіи моего согласія или разрѣшенія, пріостановился отправленіемъ этой команды.

Постигая вполнѣ, что первыя мои распоряженія по столь важному предмету короче ознакомятъ меня и съ губерніей и съ правительствомъ, я поѣхалъ обратно въ Симбирскъ, и, по пріѣздѣ, отношеніями пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе NN., также гг. Ф.... и Э. И. Стогова. Первые два не явились и даже не дали отзыва, а когда послѣдній прибылъ и объяснилъ мнѣ все происшествіе отъ начала, какъ оно было, то я упросилъ его лично мнѣ содѣйствовать, отправиться тотчасъ на мѣсто—за 280 верстъ, объяснить дѣло, убѣдить словами неповинующихся, предваря ихъ о крутости моего нрава и рѣшимости къ строгимъ мѣрамъ, если буду вынужденъ къ тому. А между прочимъ просилъ его, чтобы онъ по тракту приказалъ бы заготовить 200 подводъ и если онъ не увидитъ успѣха въ своемъ предпріятіи, то чтобы увѣдомилъ меня чрезъ нарочнаго и я, конечно, на другой день лично явлюсь для дальнѣйшихъ распоряженій. Извѣстя о семъ вторичными отношеніями гг. Ф.... и NN., я рѣшительно требовалъ отъ нихъ, чтобы, въ случаѣ моего выѣзда изъ города,

они оба мнѣ туда сопутствовали. Но какъ сіе подѣйствовало на ихъ мнѣнія—я не знаю, ибо дошло до моего свѣдѣнія, что оба они въ тотъ же день куда-то изъ Симбирска выѣхали. Послѣдствіе открыло мнѣ общую имъ обоимъ трусость дѣйствовать тамъ, гдѣ есть рискъ жертвовать собою лично.

На пятый день послѣ того, Э. И. Стоговъ возвратился ко мнѣ и передалъ на словахъ, а потомъ извѣстилъ меня письмомъ, что когда онъ прибылъ на мѣсто, то дѣйствительно нашёлъ тамъ въ полѣ, на бивуакахъ, толпу народа болѣе чѣмъ въ 2,000 человѣкъ, которые, безъ малѣйшаго волненія, избрали изъ среды своей выборныхъ, прислали ихъ къ Стогову, прося, чтобы онъ объяснилъ имъ въ чемъ именно заключается дѣло и какъ рѣшилъ сенатъ ихъ тяжбу съ помѣщикомъ? Стоговъ удовлетворилъ ихъ просьбѣ, весьма толково разъяснилъ все дѣло; оказалось изъ ихъ разсказовъ и разспросовъ, что волостной писарь ихъ, своими кривыми толкованіями, ввелъ крестьянъ въ сомнѣніе, утверждая, что дѣло еще не совсѣмъ рѣшено и что можно опять просить сенатъ о перерѣшеніи дѣла. Когда-же онъ объявилъ имъ о послѣдствіяхъ ихъ неповиновенія и какую бѣду они накликаютъ на свои головы, то они слезно начали просить его заступничества за нихъ предъ правительствомъ, изъявляя готовность свою тотчасъ доказать на дѣлѣ, что они и въ мысляхъ не имѣли сопротивляться указу, и тутъ-же начали помогать землемѣру въ его работахъ отрѣзки отъ нихъ земли въ пользу помѣщика, что̀ и было исполнено при всемъ собравшемся народѣ. Стоговъ привезъ ко мнѣ трехъ выборныхъ, которые на колѣняхъ просили пощады и помилованія ихъ глупости и недоразумѣнія, на что, конечно, я съ радостію согласился, прочитавъ имъ приличное наставленіе, и весь этотъ бунтъ, для усмиренія котораго собирали такую грозную военную силу, кончился тихо и мирно, съ отдачею подъ судъ лишь одного только писаря.

Признательность моя по сему дѣлу вполнѣ принадлежитъ Э. И. Стогову и въ томъ-же духѣ донесъ я моему начальству о семъ происшествіи, а между тѣмъ другіе два героя, Ф.... и NN., съ общаго согласія, представили дѣло сіе удѣльному начальству какъ весьма важное и влекущее за собою медленную еще развязку, при чемъ NN просилъ удѣльный департаментъ, что какъ по смыслу указа о переходѣ казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, въ

которомъ о Лашманахъ включенъ особый параграфъ, сіи послѣдніе поступаютъ въ удѣльное вѣдомство не вполнѣ, а только подчиняются завѣдыванію онаго, и Лашмане имѣютъ всѣ земли въ собственности у себя, а не въ общинномъ владѣніи деревнями или селеніями, и, при прежнемъ еще управленіи, у нихъ были непрестанныя тяжбы или между собою или съ сосѣдними помѣщиками, которыя и по сіе время разбираются судомъ,—то нельзя-ли, хотя на первый разъ, устранить удѣльныхъ чиновниковъ отъ присутствія при подобныхъ разборахъ, ибо и въ настоящемъ случаѣ, который можетъ продлиться весьма долго, губернаторъ требуетъ присутствія даже самого управляющаго удѣльною конторою, не взирая на то, что онъ въ настоящее время занятъ важнѣйшимъ дѣломъ переустройства удѣльнаго управленія, распространяющагося слишкомъ на 240,000 душъ. Послѣдствіемъ сего было, что департаментъ удѣловъ, разъяснивъ смыслъ параграфа о Лашманахъ, разрѣшилъ удѣльной конторѣ, согласно съ представленіемъ: «при разборѣ споровъ о лашманскихъ земляхъ, не отряжать вовсе своихъ депутатовъ и не только не защищать ихъ дѣлъ по спорамъ, но даже не вмѣшиваться въ нихъ», дополняя въ заключеніе, «чтобы управляющій резолюцію сію сообщилъ губернскому начальству, для будущихъ его, по подобнымъ дѣламъ, соображеній»—однимъ словомъ, испугъ NN. и Ф.... явиться на мѣсто, тамъ, гдѣ былъ личный рискъ ихъ, положилъ основаніе той ошибки, которая въ послѣдствіи надѣлала большія затрудненія и непріятности!

Само по себѣ разумѣется, что предметъ сей привлекъ на себя все мое вниманіе и я сталъ подъ рукою всячески стараться слѣдить за распоряженіями новаго надъ крестьянами начальства (прибавлю отъ себя — не изъ тайнаго желанія найти что нибудь дурное, для своихъ личныхъ цѣлей, а единственно во избѣжаніе новыхъ столкновеній, и, всетаки для общаго дѣла, знать что̀ дѣлается). Гг. NN. и Ф.... безпрестанно выѣзжали изъ города въ удѣльныя имѣнія и большею частью вмѣстѣ. Ф...., какъ жандармскій уполномоченный, каждый разъ запискою давалъ знать губернатору о своемъ выѣздѣ въ такой-то уѣздъ, требовалъ, чтобы давалось исправнику строгое предписаніе исполнять всѣ его требованія—и каждый разъ онъ былъ удовлетворяемъ вполнѣ. Въ числѣ записокъ его къ моему предмѣст-

нику, я нашелъ нѣсколько наполненныхъ не только язвительными указаніями о томъ, что ему, Ф...., не было сдѣлано встрѣчи, не исполнено въ точности или замедлено его предписаніе (такъ называлъ онъ сношенія свои съ земскою полиціей), но даже иногда относился съ упреками къ самому начальнику губерніи, и въ одной запискѣ онъ рѣшился даже требовать, чтобы исправникъ Ставропольскаго уѣзда немедленно былъ-бы смѣненъ и отданъ подъ судъ, что̀ Z*......... и выполнилъ, къ сожалѣнію. Это уже такъ возвысило Ф.... въ своемъ собственномъ мнѣніи, что и ко мнѣ онъ началъ безпрестанно присылать записки съ извѣщеніемъ о своихъ поѣздкахъ, о неисправности мостовъ, дорогъ, по которымъ онъ ѣхалъ, о нескорой явкѣ чиновниковъ и разномъ подобномъ вздорѣ. Но я съ перваго начала, въ приличныхъ выраженіяхъ, въ моемъ отзывѣ указалъ ему, что онъ не можетъ писать того, что не входитъ никакъ въ его инструкцію, но что всякое дѣльное указаніе, сдѣланное имъ, всегда уважится вполнѣ и съ благодарностью, но что чиновники земской полиціи, кромѣ провожанія г. Ф...., имѣютъ другія, важнѣйшія занятія.

Между прочимъ доходили до меня слухи, что въ уѣздахъ, куда отправляется г. Ф...., все занятіе сопровождающихъ его членовъ земской полиціи заключается въ томъ, что отводятъ и устраиваютъ ему квартиру, доставляютъ ему разныя житейскія выгоды,

. . . .

Почитая унизительнымъ входить въ подробныя по сей части изслѣдованія, не могу однакожъ не дать сему вѣры, ибо въ послѣдствіи изъ десяти исправниковъ въ губерніи, четверо, по особому, мимо прямаго начальства, ходатайству, чрезъ удѣльный департаментъ получили подарки, перстнями изъ Кабинета. Всѣ четверо были самые неисправные и слабые по первой своей обязанности и кромѣ того весьма предосудительной нравственности. Одинъ изъ нихъ, а именно, Корсунскаго уѣзда, К....... (я нарочно здѣсь выставляю его имя), въ первый пріѣздъ мой въ его уѣздъ, когда я, по обыкновенію своему, при встрѣчѣ меня на границѣ уѣзда, взялъ съ собою въ экипажъ и сталъ разспрашивать о дѣлахъ, меня интересующихъ, то онъ сталъ жаловаться на распоряженія NN. и Ф...., охуждая ихъ на каждомъ шагу. Но на строгое замѣчаніе мое, что на все, что удѣльное управленіе дѣлаетъ, онъ долженъ взирать какъ на высшее распоряженіе и, безъ всякой

критики о важнѣйшихъ дѣлахъ, непремѣнно доводить до моего свѣдѣнія,—оно видимо сконфузился и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ. Чрезъ мѣсяцъ онъ получилъ брилліантовый перстень и перешелъ на службу въ удѣльную контору. Замѣтно было, что онъ былъ направленъ NN. или Ф.... къ возбужденію моего противодѣйствія, дабы имѣть поводъ къ будущей клеветѣ на меня Перовскому.

Подполковникъ Ф...., въ числѣ прочихъ ко мнѣ своихъ записокъ, при самомъ началѣ доставилъ одну, гдѣ говоритъ, что онъ два раза писалъ уже къ Загряжскому объ одномъ удѣльномъ крестьянинѣ, съ котораго какой-то чиновникъ взялъ 1,200 р., чтобы нанять ему подставщика въ рекрута, но обманулъ его. Отыскавъ сіе дѣло, я нашелъ, что Загряжскимъ сдѣлано было уже должное распоряженіе къ производству слѣдствія, два раза уже онъ дѣлалъ по сему предмету понужденія; со всѣмъ тѣмъ рѣшился и я оное имѣть въ ближайшемъ виду и настаивать къ скорому его окончанію. Извѣстивъ о семъ вѣжливо Ф...., я далъ кому должно предписаніе. Дня черезъ два я получилъ еще о семъ записку, что дѣло это идетъ очень медленно (!). Я и на это ему отвѣтилъ, и еще далъ понужденіе. Наконецъ, еще чрезъ два дня, получаю опять записку отъ Ф...., настоятельно отъ меня требующаго, чтобы я извѣстилъ его, когда это дѣло кончится, ибо онъ полагаетъ, что крестьянинъ оттого лишь не получаетъ удовлетворенія, что онъ—удѣльный.

Надо сказать, что я замѣтилъ предъ этимъ, что Ф.... сдѣлалъ привычку, или умыселъ, навѣщать меня по дѣламъ службы въ сюртукѣ, что мнѣ вовсе не нравилось, что я и старался отстранить, не приглашая даже тогда садиться у себя въ кабинетѣ, когда въ другое время всегда принималъ его привѣтливо, и это онъ, должно быть, замѣтилъ, вслѣдствіе чего сталъ забрасывать меня пустыми своими записками, такъ что иной день я получалъ отъ него штукъ до десяти.

Выведенный послѣднею запискою Ф.... изъ терпѣнія, я отвѣчалъ ему, что я искалъ въ законахъ формы переписки съ жандармскими штабъ-офицерами, но ближайшаго примѣненія не нашелъ, какъ ту, которая указана для командировъ баталіоновъ внутренней стражи (тѣ губернатору доносятъ, а губернаторъ къ нимъ пишетъ отношеніями), что отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ я обязанъ только Государю и сенату. Но привыкнувъ все дѣлать гласно и изъ личнаго моего къ нему, Ф...., уваженія, на

этотъ разъ—въ послѣдній—я и ему даю отчетъ... и тутъ прописалъ все, что онъ самъ писалъ къ Загряжскому и ко мнѣ, что мы оба уже сдѣлали, что отвѣчали ему, Ф...., и заключилъ тѣмъ: «что, сдѣлавши свое дѣло, окончаніе предоставляемъ обыкновеннымъ формамъ судопроизводства и что, кромѣ понужденія, я не имѣю власти опредѣлить когда и какъ дѣло кончится».

Разумѣется, отвѣтъ мой ему не понравился. Онъ возразилъ мнѣ, что я его обидѣлъ, примѣнивъ его къ офицеру внутренней стражи; что онъ имѣетъ счастіе носить одинъ мундиръ съ графомъ Бенкендорфомъ, и это мнѣ должно быть извѣстно, ибо я недавно самъ оставилъ военную службу. Отвѣтъ мой нынѣ вынуждаетъ его пріостановить всякую переписку со мной и впредь все, что дойдетъ до его свѣдѣнія, на основаніи «секретной инструкціи», будетъ прямо доносить своему графу.

Я благодарилъ Ф.... за первое, со времени нашего знакомства, пріятное для меня извѣщеніе, ибо окончаніе этой корреспонденціи много убавитъ у меня дѣла—и затѣмъ я рѣшился всѣ записки Ф...., отъ прибытія моего въ губернію, включительно съ послѣднимъ отзывомъ, а также и копіи съ моихъ отношеній, представить министру, съ просьбой устранить отъ меня назойливую и безполезную переписку жандармскаго штабъ-офицера, а равно и фамильярные, въ сюртукѣ, визиты.

Вслѣдъ за тѣмъ гр. Бенкендорфъ, при особомъ письмѣ, выслалъ мнѣ секретную инструкцію, на которую ссылался Ф.....

. . . .

. . . .

выставлена вполнѣ цѣль учрежденія жандармовъ, коихъ обязанность заключается прямо въ томъ, чтобы все, что частно дойдетъ до ихъ слуха, сообщать словесно, въ родѣ предостереженія, начальникамъ губерніи для ихъ прямыхъ дѣйствій, и только въ случаѣ требованія самого начальника давать записки—но вовсе не въ обремененіи ихъ или не въ надзорѣ за ними и наставленіи; и въ письмѣ ко мнѣ гр. Бенкендорфъ поручаетъ особому моему покровительству обоихъ своихъ штабъ-офицеровъ, «изъ коихъ,—пишетъ онъ,—на Ф.... возложена обязанность лишь по дѣламъ, относящимся до удѣльныхъ крестьянъ», слѣдовательно, вовсе не до дорогъ или до земской полиціи, какъ тотъ мечталъ и блажилъ при Загряжскомъ и со мною.

Очень скоро по пріѣздѣ моемъ въ Симбирскъ, проѣзжалъ чрезъ оный гр. Строгановъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, который пробылъ тутъ нѣсколько дней. Посѣтивъ присутственныя мѣста, зависящія отъ министерства, обозрѣлъ поверхностно архивъ губернскаго правленія, повѣрилъ возможность и скорость выправокъ и, кажется, остался вообще доволенъ. Изъ разговоровъ его со мной, болѣе замѣчательные приведу здѣсь.

— О жандармахъ. «Какъ вы съ ними въ сношеніяхъ? Откровенны или нѣтъ? Ладите ли съ ними?» (это было еще до послѣдней записки Ф....),—спросилъ графъ.

— Не знаю, можно ли и должно ли быть откровеннымъ съ жандармами,—отвѣчалъ я.—Они приставлены наблюдать за нами, пускай доносятъ чтò хотятъ обо мнѣ, я объ этомъ не забочусь, ибо на совѣсти ничего не имѣю. Отношеній ихъ къ предмѣстнику моему одобрить я не могу, ибо имѣю у себя образчики, не имъ въ пользу служащіе, — гр. Строгановъ взялъ два дѣла изъ канцеляріи, заключающія въ себѣ переписку губернатора Загряжскаго съ Ф.... о ставропольскомъ исправникѣ и о проч. дѣлахъ.—«Это правда,—замѣтилъ Строгановъ по прочтеніи дѣлъ,—записки Ф.... писаны не совсѣмъ въ приличныхъ выраженіяхъ; но, повѣрьте мнѣ, что къ вамъ никто такъ писать не осмѣлится, а Загряжскій самъ подалъ поводъ».

— О городской тюрьмѣ. «Врядъ-ли все это хорошо и практично, что такъ хорошо содержатся! Тепло, опрятно, сыто—много найдется охотниковъ для такой удобной жизни!»

. . . .

— О домѣ трудолюбія, воспитательнаго заведенія Общества христіанскаго милосердія. «Это такъ хорошо, что я въ Петербургѣ ничего лучшаго не видывалъ. Но знаете ли, чтò именно необыкновенно? Во всемъ видѣнъ практическій смыслъ, которымъ здѣсь руководятся, начиная съ воспитанія и кончая самымъ помѣщеніемъ. Воспитанницъ здѣсь не готовятъ для блестящихъ пріемовъ въ салонахъ, гдѣ бы онѣ принимали гостей и болтали бы «des jolis riens» по французски, а выдутъ хорошія помощницы для своихъ неимущихъ родителей, могущія сами зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и, возвратясь отсюда въ свою семью, не будутъ тяготиться той бѣдной обстановкой, въ которой, быть можетъ, имъ во всю жизнь придется жить, такъ какъ глазъ ихъ съ малолѣтства привыкъ къ тому, чтò ихъ теперь окружаетъ. А гдѣ

онѣ въ настоящее время живутъ—это клѣтка, въ которой порожняго угла нѣтъ. Но все такъ чисто, опрятно, уютно. Непостижимо—кѣмъ все это держится и кто этимъ руководитъ?!»

На замѣчаніе мое, что душа всего этого учрежденія кн. Баратаевъ—онъ замѣтилъ: «необыкновенный человѣкъ. Но вредный для себя: языку даетъ большую свободу».

— Тѣмъ не менѣе, в. с.,—сказалъ я,—онъ могъ быть употребленъ съ большою пользой на службѣ, какъ, напримѣръ, губернаторомъ, чего, какъ я слышалъ, онъ самъ желаетъ.

— «Никогда!»—возразилъ графъ.

Благородный пансіонъ гр. Строгановъ нашелъ для Симбирска недостаточнымъ. О заведеніи приказа общественнаго призрѣнія замѣтилъ мнѣ, что «много-много будетъ мнѣ трудовъ и заботъ».

Наканунѣ отъѣзда своего графъ просидѣлъ у меня утромъ часа полтора, и въ разговорѣ спросилъ у меня: «кто здѣсь содержитъ откупъ?»

— Кузинъ, Позенъ и К°,—отвѣчалъ я,—а представитель этой фирмы Бенардаки.

— «Это что за человѣкъ? Знакомы ли вы съ нимъ?«

— Сомнѣнія нѣтъ. Какъ не быть знакому съ откупщикомъ? Весьма умный и замѣчательно способный человѣкъ.

— «А знаете ли вы что даетъ откупъ полиціи?»

— Нѣтъ; меня это мало интересовало, ибо я знаю, что всѣ чины отъ мала до велика находятся у нихъ на жалованьѣ.

— «Я могу вамъ кое-что сообщить по этому предмету,—сказалъ графъ.—У меня есть привычка исправниковъ возить съ собою и разспрашивать ихъ о всѣхъ дѣлахъ въ ихъ уѣздахъ и, между прочимъ, чѣмъ и какъ содержатъ они себя. Многіе указывали на получаемое жалованье, на свои собственныя имѣнія, но никто не заикнулся о какихъ либо косвенныхъ доходахъ. Только два исправника вашей губерніи, буинскій и симбирскій, на мои разспросы прямо мнѣ сказали, что главная поддержка ихъ благосостоянія находится въ зависимости отъ откупщика, отъ котораго опредѣлено имъ въ годъ: первому 2,500 р., а послѣднему 3,000 р., и что всего оригинальнѣе—это замѣчаніе, которое мнѣ сдѣлалъ буинскій исправникъ: «смѣю доложить в. с—ву, что только въ одномъ мѣстѣ начальство и чиновники не берутъ съ откупа, а то вездѣ!» Гдѣ же,—спросилъ я? «Тамъ—гдѣ его нѣтъ!» отвѣчалъ онъ...Но мы

отдалились отъ нашего разговора о Бенардаки; скажу вамъ, что, слыша отъ васъ такой объ немъ отзывъ, мнѣ бы очень хотѣлось съ нимъ познакомиться»...

— Это весьма легко сдѣлать,—сказалъ я.—Но предваряю васъ, что съ крупными спросами не приступайте. Онъ застѣнчивъ и упрямъ. Въ общемъ разговорѣ онъ разговорится и вы убѣдитесь въ познаніяхъ его и въ краснорѣчіи; но на рѣзкій тонъ отвѣчать не станетъ.

— «Я много говорилъ съ помѣщиками о хлѣбной торговлѣ здѣшняго края и много слышалъ новаго и хорошаго; хотѣлось бы поговорить и съ Бенардаки».

— Отъ него услышите и болѣе и дѣльнѣе, чѣмъ отъ кого либо: экономическое знакомство съ краемъ большое, сношенія у него обширныя, и я увѣренъ, что бесѣдой его останетесь довольны..

Вечеромъ я заѣзжалъ къ графу и, выходя отъ него часу въ восьмомъ, встрѣтилъ на крыльцѣ Бенардаки и Стогова, шедшихъ наверхъ къ графу. На другой день поутру, въ 5 часовъ, пришедши проводить его въ дорогу, такъ какъ онъ собирался выѣхать въ 6 часовъ, я услыхалъ отъ камердинера, что графъ только съ часъ тому назадъ какъ уснулъ: просидѣлъ все время съ господиномъ, котораго я встрѣтилъ вчера уходя. Проснувшись, Строгановъ принялъ меня въ ту же минуту и первое его слово было: «правда ваша! Я познакомился съ откупщикомъ и его знакомство что нибудь да стоитъ».

Кстати здѣсь и я прибавлю отъ себя на счетъ Бенардаки, котораго мнѣ рекомендовалъ Жмакинъ, предъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, имѣвшій въ этомъ откупѣ нѣсколько паевъ, и сверхъ того по прибытіи моемъ въ Симбирскъ я получилъ письмо отъ фонъ-Дервиза, въ которомъ онъ, по порученію Позена, правителя дѣлъ военно-походной государя канцеляріи, просилъ меня принять Бенардаки подъ мое особое покровительство. Самъ же явился ко мнѣ послѣ письма недѣли чрезъ двѣ и рекомендовался съ величайшей скромностью. Потомъ, спустя нѣсколько времени пріѣхавъ ко мнѣ, просилъ позволенія поговорить со мной откровенно наединѣ. Догадываясь нѣкоторымъ образомъ о поводѣ такого предложенія, я съ улыбкою согласился на это; тогда онъ сказалъ мнѣ:

— «Я знаю, что в. пр—во теперь не при деньгахъ и на-дняхъ заняли у Огнева (вице-губернатора) 2,000 р. для отсылки къ женѣ вашей. Позвольте мнѣ предложить вамъ свои услуги. Мы, откупщики, имѣемъ коренное правило—ежемѣсячно часть нашей

прибыли удѣлять начальству, и я смѣю просить васъ оказать мнѣ такую же благосклонность, какъ и предмѣстники ваши допускали: дозволять, въ случаѣ нужды, предлагать отъ души пособіе».

— Г. Бенардаки,—сказалъ я,—вы видите, что я нисколько не оскорбляюсь вашимъ предложеніемъ, ибо то, что уже вошло въ правило, не смѣю называть умысломъ къ обидѣ. Но позвольте же и мнѣ быть съ вами откровеннымъ. Мнѣ рекомендовали васъ какъ самаго честнаго и благороднаго человѣка; многія дѣйствія ваши къ пособію нуждающимся и вообще всѣмъ, которые участвуютъ съ вами въ дѣлахъ, мнѣ очень извѣстны, и Жмакинъ тоже предварилъ меня, что вы всегда готовы будете ссужать меня, когда я буду нуждаться; но я отъ васъ прошу не денегъ, нѣтъ! но гораздо важнѣйшаго—вашего личнаго ко мнѣ уваженія и содѣйствія мнѣ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ ваше участіе можетъ не только сохранить, но даже поддержать мою репутацію.

Онъ началъ было опять настаивать на своихъ предложеніяхъ, но когда я, перемѣнивъ тонъ, сказалъ, что неужели онъ не вѣритъ, что есть на свѣтѣ люди, искренно желающіе сохранить къ себѣ уваженіе, тогда уже онъ сталъ извиняться передъ мной и просить, чтобы я не обвинялъ его въ дурныхъ замыслахъ противъ меня. На этой попыткѣ и кончился соблазнъ и болѣе не повторялся. Затѣмъ, завязался между нами разговоръ самый интересный, касательно торговли, помѣщиковъ, удѣльныхъ крестьянъ, чиновниковъ—и здѣсь онъ высказалъ мнѣ свои чувства и дарованія въ самомъ блестящемъ и благородномъ видѣ, такъ что два часа, проведенные въ его обществѣ, незамѣтно для меня какъ прошли, и съ этого дня, признаюсь, считалъ его лучшимъ для себя собесѣдникомъ и наставникомъ, особенно въ торговомъ отношеніи.

Не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ, представился мнѣ случай провѣрить его благонамѣренность на самомъ дѣлѣ... Въ Ставропольскомъ уѣздѣ въ семъ году оканчивался устройствомъ казенный Мелекесскій винокуренный заводъ, долженствовавшій ежегодно выкуривать до 800 т. ведеръ водки для Симбирской губерніи. Бенардаки указалъ мнѣ всю важность этой операціи и предварилъ меня извѣстіемъ, что, еще за нѣсколько лѣтъ, зная распоряженіе правительства объ устройствѣ этого завода, всѣ ближайшія къ оному мельницы, числомъ болѣе 20-ти, онъ постепенно бралъ въ аренду. Весь помолъ за нѣсколько лѣтъ на сихъ

мельницахъ сохраняется у него, собственно для неизбѣжной первоначальной поставки муки на заводъ, и теперь уже имѣется у него на лицо до 30 т. четвертей; что теперь цѣны (въ маѣ) на муку очень высоки, т. е. по 10 р. и 10 р. 50 к. за четверть, и цѣна сія всегда держится до заподряда на заводъ, а потомъ вдругъ упадаетъ; торопиться вовсе не слѣдуетъ, ибо если Богъ дастъ урожай, то цѣна навѣрное понизится до 5-ти и даже до 4 р. 50 к. за четверть, а между тѣмъ онъ знаетъ, что министерство финансовъ дѣлаетъ уже распоряженіе для закупки 180 т. четвертей хлѣба, и, возлагая это на казенную палату, вмѣстѣ съ тѣмъ привлекаетъ къ тому губернатора лишь для вида и для отвѣтственности. Дѣйствительно, черезъ недѣлю я получилъ предписаніе министра финансовъ — оказать мое содѣйствіе палатѣ, указать средства заготовленія хлѣба выгоднѣйшія, подрядомъ или покупкою и проч.

Въ это время на базарахъ мука и рожь продавалась 70, 65 и 60 к. пудъ, понижаясь въ самомъ маломъ размѣрѣ— все зависѣло отъ урожая. Торги назначались въ августѣ. Лѣто все было дождливое и только въ августѣ едва окончили жать хлѣбъ, но свезти съ поля не было возможности отъ неперестававшихъ дождей, и рожь въ копнахъ начала проростать. Къ торгамъ никто не явился. Желая лучше удостовѣриться въ средствахъ снабженія завода хлѣбомъ, я въ августѣ лично отправился въ заволжскіе уѣзды. Заѣзжалъ на нѣкоторые частные заводы и отъ хозяевъ оныхъ, такъ равно отъ поселянъ и помѣщиковъ, дознавалъ—что въ этомъ мѣсяцѣ всѣ частные заводы составляли условіе на доставку туда хлѣба по 70 к., безъ залоговъ, но и не дѣлая контрактовъ; а если на Мелекесскій заводъ казна утвердитъ цѣну выше этой, то хозяева за поставленное количество обязаны цѣну уравнять съ казенною, но на дальнѣйшій заподрядъ оставляли за собою свободу дѣйствій. Казенная же палата ежедневно два раза бомбардировала меня разрѣшить ей положительно—какъ она должна поступить: купить ли хлѣбъ, или подрядить, и по какой цѣнѣ? При этомъ всякій разъ доносили, что мелочною покупкою, на базарахъ, по утвержденной мною цѣнѣ 70 к. за пудъ, едва ли можно купить болѣе 10 четвертей въ день; выклянчили наконецъ отъ меня цѣну 80 к. за пудъ. Торги перенесли на сентябрь, и за тѣмъ, въ третій разъ,—на половину октября. Справочная цѣна въ смежности съ Симбирскою губерніей стояла на рожь по 11 р. 50 к. за четверть. Въ октябрѣ мѣсяцѣ

явился наконецъ одинъ поставщикъ съ предложенiемъ по 12 р. 75 к. отъ четверти, оговариваясь краткостью времени: бездорожье было совершенное и, по свѣдѣнiямъ, молотой муки въ окрестностяхъ завода, кромѣ какъ у Бенардаки, вовсе не было. Бенардаки мѣсяца два какъ уѣхалъ въ Оренбургскую губернiю, гдѣ онъ купилъ огромное имѣнiе; не съ кѣмъ было посовѣтоваться, каждый наровилъ что нибудь и какъ нибудь сорвать; мнѣ приходила рѣшительно бѣда. Тутъ еще, подъ рукою, дошло до моего свѣдѣнiя, что одинъ изъ чиновниковъ, состоявшихъ при мнѣ, находится въ близкихъ связяхъ съ явившимся поставщикомъ, хвастается своимъ влiянiемъ на меня, чрезъ что могла пострадать еще моя репутацiя, а казенная палата не переставала дѣлать мнѣ представленiя о послѣднихъ торгахъ, настоятельно требуя разрѣшить и указывая, что дѣйствiя завода непремѣнно должны открыться 16-го ноября, а на заводѣ имѣется только 2 т. пудовъ муки. Въ такихъ тяжелыхъ и непрiятныхъ для меня минутахъ, узналъ я, что прiѣхалъ Бенардаки, бросился къ нему за совѣтомъ и онъ меня тотчасъ же успокоилъ, сказавъ, что на заводѣ у чиновниковъ скуплено для оборота 15 т. четвертей (а мнѣ доносили—2 т. четвертей), да у него готово болѣе 30 т. четвертей, слѣдовательно, симъ количествомъ первоначальное дѣйствiе завода совершенно обезпечено, и что онъ охотно готовъ самъ приступить къ подряду, но въ настоящее время не имѣетъ у себя залога, ибо всѣ деньги и билеты употребилъ на покупку имѣнiя, но для прiисканiя залоговъ ему нужно не болѣе десяти дней. По настоящей распутицѣ и поздней уборкѣ хлѣба, онъ не можетъ объявить цѣны ниже 9 р. 50 к. за четверть, ибо все зависитъ отъ зимы, которая можетъ установиться еще въ ноябрѣ или декабрѣ и даже январѣ мѣсяцахъ. Хлѣба же вездѣ много и въ особенности въ Оренбургской губернiи, и если бы стала зима, то хлѣбъ можно было бы купить по 5 руб. четверть и, конечно, соразмѣрно съ этимъ, и понизить объявленную цѣну—слѣдовательно, операцiя можетъ дать большую выгоду или однѣ хлопоты—все зависитъ отъ погоды. Къ счастiю моему, въ числѣ залоговъ, представленныхъ къ торгамъ явившимся купцомъ, я призналъ нѣкоторые неудовлетворительно ясными; зашла о нихъ переписка, что̀ дало мнѣ потребное время, а чрезъ недѣлю я далъ предложенiе казенной палатѣ, указавъ на Бенардаки, что онъ изъявляетъ желанiе вступить въ подрядъ, цѣну мнѣ открылъ 9 р. 50 к. за четверть, а потому, исполняя букваль-

но предписаніе министра финансовъ, я утверждаю сію цѣну какъ высшую, а заготовленіе разрѣшаю произвесть подрядомъ. Между тѣмъ, за неокончаніемъ завода, министерство уменьшило предполагаемое заготовленіе до 500 т. ведеръ и закупку хлѣба до 115 т. четвертей. Казенная палата, исполнивъ формы новыхъ вызововъ къ торгамъ, окончательно представила мнѣ Бенардаки съ цѣною по 9 р. 25 к., которую я уговорилъ его спустить до 8 р. 90 к., и 28-го октября я утвердилъ эту цѣну. Въ тотъ же день пошелъ снѣгъ хлопьями, 1-го ноября установился великолѣпный санный путь, и Бенардаки, явясь ко мнѣ, въ послѣдствіи сознался, что ему поставка хлѣба въ сложности обошлась съ небольшимъ 5 руб. за четверть. Можно судить какой страшный барышъ онъ получилъ въ такое короткое время въ одну операцію. Весь хлѣбъ онъ доставлялъ изъ Оренбургской губерніи, по причинѣ дурнаго урожая въ Симбирской губерніи въ этомъ году. Все сіе съ строжайшею точностью я довелъ до свѣдѣнія гр. Канкрина, который поставилъ на видъ мое распоряженіе казенной палатѣ, упрекнувъ ее въ слабомъ мнѣ пособіи съ ея стороны, и вызвалъ Бенардаки въ Петербургъ въ январѣ мѣсяцѣ, т. е. когда цѣна уже стояла по 5 р. за четверть, на поставку для будущаго года на полное количество хлѣба для 800 т. ведеръ вина 180 т. четвертей, каковую онъ и принялъ по 6 руб. 50 к. за четверть. И тутъ громадный барышъ, такъ что эти два подряда, какъ мнѣ говорилъ самъ Бенардаки въ послѣдствіи, положили главное основаніе всему его богатству.

Главное и особенное вниманіе гр. Строганова, во время пребыванія его въ Симбирскѣ, обращено было на торговлю хлѣбомъ, на рыболовные промыслы и на участь бурлаковъ-работниковъ, нанимающихся для сплава судовъ по Волгѣ. Судохозяева, не смотря на всѣ узаконенія и правила правительства, изъ своекорыстія забираютъ на суда чернорабочихъ, часто безъ всякихъ видовъ, и тѣмъ даютъ поводъ къ укрывательству и къ переходамъ бѣглыхъ и дезертировъ; выдаютъ таковымъ для приманки задатки, и по прибытіи на мѣста—угрозами, что они объявятъ о ихъ виновности и неимѣніи вида, задерживаютъ условленную плату; во время пути не имѣютъ о нихъ вовсе никакого попеченія и случись кому нибудь изъ бурлаковъ заболѣть, такъ что онъ не въ силахъ былъ бы работать, хозяева безжалостно высаживали его на берегъ и кидали тамъ какъ собаку, а въ случаѣ смерти—такъ въ воду, безъ погребенія.

Не знаю какія потомъ послѣдовали мѣры къ отстраненію и къ прекращенію сего зла, но онѣ были необходимы, въ виду той безчеловѣчности и въ особенности той безнравственности, въ которой были поставлены рабочіе въ отношеніи соблюденія условій и договоровъ хозяевами.

И. С. Жиркевичъ.

Сообщ. В. И. Жиркевичъ и С. Д. Карповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

и его XLII-хъ лѣтняя художественная дѣятельность

1836—1878.

VIII [1]).

Графъ В. Н. Панинъ.—Рецензія Кукольника.—Плаваніе по Архипелагу.—Картины Айвазовскаго въ Берлинѣ.—Праздникъ въ Ѳеодосіи.—Перечень картинъ за первое десятилѣтіе.

1845—1847.

Высокое вниманіе къ художнику Государя и членовъ августѣйшаго его семейства побудило нашъ высшій кругъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относиться къ Айвазовскому. Не говоря уже о меценатахъ царствованія Николая Павловича, каковы были, напримѣръ, графы братья Віельгорскіе, графы Строгановы, князья Гагарины и др., должно замѣтить, что 33 года тому назадъ большинство нашихъ вельможъ отличалось особенною любовью къ изящнымъ художествамъ; Айвазовскому же оказывали сочувствіе даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ, по видимому, трудно было и допустить любовь къ изящному. Такъ, напримѣръ, тогдашній министръ юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, всегда отличавшійся, при совершенной вѣжливости, холодностью и какъ бы черствостью обхожденія, былъ въ такомъ восторгѣ отъ картинъ Айвазовскаго, что выразилъ художнику желаніе украсить комнаты свои произведеніями его кисти. Для графа Панина, художникъ написалъ двѣ большія картины: «видъ Неаполя, съ группою рыбаковъ, слушающихъ импровизатора», и

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 649—674; томъ XXII, стр. 423—445.

«лунную ночь въ Амальфи, съ группою бандитовъ, среди которыхъ Сальваторъ Роза пишетъ съ натуры окрестный пейзажъ». До отсылки этихъ картинъ къ графу Панину, Айвазовскій препроводилъ. ихъ къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая, во дворцѣ своемъ, представила ихъ Государю. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, художникъ случайно встрѣтилъ императора Николая Павловича, на Большой Морской, по которой онъ пѣшкомъ возвращался изъ Маріинскаго дворца въ Зимній.

— «Я любовался твоими картинами,—сказалъ Государь, поздоровавшись съ Айвазовскимъ,—онѣ прелестны! Если бы можно, то, право, я отнялъ бы ихъ у Панина... Напиши ему другія!»

Художникъ передалъ слова августѣйшаго своего покровителя графу Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому, но не могъ дозволить себѣ (чего не одобрилъ бы и Государь) несправедливаго поступка, тѣмъ болѣе въ отношеніи министра юстиціи, и доставилъ князю Панину свои картины, получивъ за нихъ опредѣленное вознагражденіе. Это было на Страстной недѣлѣ 1845 года (8-го—14-го апрѣля). Въ первый день св. Пасхи, раннимъ утромъ, выйдя въ столовую къ чаю, Айвазовскій съ удивленіемъ увидѣлъ на столѣ великолѣпную чайную чашку севрскаго фарфора, куличъ, красныя яйца и нѣсколько кустовъ цвѣтущихъ розановъ. На вопросъ, откуда все это? слуга отвѣчалъ, что раннимъ утромъ вещи эти привезены были дворецкимъ графа В. Н. Панина. Подобная внимательность со стороны человѣка угрюмаго, дѣловаго и мало общительнаго, тронула художника; чашку—подарокъ графа онъ хранитъ донынѣ, какъ воспоминаніе о нѣсколькихъ пріятнѣйшихъ минутахъ художественной своей дѣятельности.

Въ исходѣ апрѣля того же 1845 года, Иванъ Константиновичъ уѣхалъ въ Крымъ. Пребываніе его въ родномъ краю нельзя было (какъ полагали нѣкоторые) назвать отдыхомъ; напротивъ: южная природа была неистощимымъ источникомъ вдохновенія для трудолюбиваго художника, и въ Крыму все лѣто до поздней осени онъ работалъ гораздо болѣе, нежели зимою, въ Петербургѣ. Погруженный въ свои художественныя занятія, Айвазовскій не имѣлъ ни времени, ни желанія писать въ столицу къ своимъ знакомымъ отчеты о своей дѣятельности. Между тѣмъ въ Петербургѣ готовилась академическая выставка, на которую Иваномъ Константиновичемъ не было доставлено ни одной картины изъ

написанныхъ имъ въ Крыму, а написано ихъ было не мало. Къ слову сказать—при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, доставка картинъ съ отдаленнаго юга въ Петербургъ была сопряжена со множествомъ затрудненій. Картины даже небольшихъ размѣровъ приходилось накатывать на деревянные вальки съ стержнями на концахъ; затѣмъ вальки вкладывались въ деревянные цилиндры, на-глухо запаковываемые. Подобная отправка, безъ личнаго надзора самого художника, была дѣломъ болѣе нежели рискованнымъ.

Выставка въ академіи художествъ 1846 года обиловала пейзажами; многочисленная публика не безъ похвалъ отзывалась картинахъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ: А. М. Дорогова, И. Иванова, С. М. Воробьева, братьевъ Чернецовыхъ, Шульмана, Лагоріо, Кокука и Майера. Въ обзорѣ выставки, Кукольникъ, по поводу морскихъ видовъ Лагоріо, упомянулъ въ своей «Иллюстраціи» [1]) объ отсутствовавшемъ Айвазовскомъ:

— «Айвазовскій не явился въ настоящую выставку съ многочисленною семьею своихъ произведеній, которыя бы не мало ее оживили. Не можетъ быть, чтобы въ это время онъ не написалъ ничего; до отъѣзда его мы уже видѣли нѣсколько большихъ картинъ, написанныхъ послѣ годичной выставки 1844 года; вѣроятно, по случаю отъѣзда художникъ не успѣлъ распорядиться доставленіемъ написанныхъ имъ картинъ въ академію, и выставка потеряла много».

Пятнадцати-мѣсячный періодъ отсутствія Айвазовскаго изъ С.-Петербурга (съ апрѣля 1845 по іюль 1846 года) былъ достопамятнымъ въ его художественной дѣятельности. Въ этотъ періодъ, независимо отъ замѣчательныхъ своихъ работъ во время пребыванія его въ Крыму, Иванъ Константиновичъ имѣлъ честь, по волѣ Государя, сопровождать Его Императорское Высочество Великаго Князя Константина Николаевича въ его плаваніи къ берегамъ Европейской Турціи, Малой Азіи и по Архипелагу. Кромѣ Константинополя, высокій путешественникъ посѣтилъ Хіосъ, Патмосъ, Самосъ, Мителене, Родосъ, Смирну, развалины древней Трои, Синопъ и многіе другіе острова Архипелага и мѣстности Леванта и береговъ Анатоліи. Это путешествіе доставило Айвазовскому обширный запасъ эски-

---

[1]) «Иллюстрація» 1846 года 4-го мая, № 52, стр. 245.

зовъ и обогатило его счастливую художественную память множествомъ новыхъ впечатлѣній. Донынѣ онъ ознакомился съ морями—Балтійскимъ, Чернымъ, Атлантическимъ и Средиземнымъ; теперь наглядное изученіе гидрографіи Европы было дополнено плаваніемъ по Архипелагу и Мраморному морю, по рубежу Европы и Азіи. По собственному отзыву нашего художника, только покровительство русскаго царя могло дать ему столько средствъ къ ознакомленію съ водною стихіею и разнообразнѣйшими ея типами въ двухъ частяхъ свѣта: милости и щедроты покойнаго Императора дали возможность Айвазовскому видѣть лазурныя воды и небеса Неаполя, прибережья Адріатики, посѣтить двѣ колыбели древнихъ искусствъ, Римъ и Византію, берега Леванта, острова Архипелага, скалы Аөона—мѣстности, съ которыми такъ неразрывны воспоминанія о первыхъ вѣкахъ христіанства. Нельзя обойти молчаніемъ и того обстоятельства, что вторичное морское путешествіе Айвазовскаго было имъ совершено въ свитѣ августѣйшаго генералъ-адмирала, сына императора всероссійскаго. Государь, въ милостивомъ вниманіи своемъ къ талантливому художнику, желалъ доставить ему всѣ тѣ удобства, которыми онъ могъ пользоваться лишь сопутствуя царскому сыну, которыя для простаго путешественника, даже и при значительныхъ средствахъ, немыслимы. За десять лѣтъ передъ тѣмъ Айвазовскій сопровождалъ Великаго Князя Константина Николаевича въ плаваніи Его Высочества по Балтійскому морю; теперь удостоился той же чести при посѣщеніи Великимъ Княземъ береговъ далекаго юго-востока. Художественное свое поприще Айвазовскій началъ морскимъ путешествіемъ и имъ же было ознаменовано первое десятилѣтіе его художественной дѣятельности. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ безвѣстный юноша сдѣлался европейскою знаменитостью; Италія, Франція, Англія, Нидерланды восхищались его произведеніями, съ уваженіемъ произносили его имя; на родинѣ монаршее благоволеніе доставило Айвазовскому почетное положеніе въ обществѣ, и восторгъ, возбуждаемый его произведеніями во всѣхъ классахъ общества, былъ надежнымъ залогомъ за упроченіе его славы и за обезпеченіе его матеріальнаго благосостоянія.

Лѣтомъ 1846 года, по возвращеніи изъ своего путешествія, Айвазовскій, со свойственною ему быстротою, воспроизвелъ и выставилъ въ Одессѣ и Өеодосіи двѣнадцать картинъ, о которыхъ

одинъ изъ посѣтителей этой превосходной выставки писалъ къ Кукольнику слѣдующее письмо, тѣмъ болѣе любопытное, что оно проникнуто искреннимъ восторгомъ, который овладѣвалъ зрителями картинъ Айвазовскаго еще въ первые же годы его художественной дѣятельности.

—«Онъ написалъ здѣсь (въ Крыму) въ короткое время двѣнадцать картинъ, изъ коихъ семь—превосходны, по мнѣнію моему, до высокой степени. Онѣ, при первомъ взглядѣ, показались мнѣ какимъ-то явленіемъ чуда, видѣніемъ, призракомъ. Онѣ выражены не земною рукою, а какъ будто огнемъ Прометеевымъ; не красками, а иными элементами, лучами, выдернутыми изъ солнца и луны. Едва-ли онъ производилъ доселѣ что либо совершеннѣе! Не имѣю притязанія на званіе знатока, а сужу по впечатлѣніямъ и ощущеніямъ, которыя переданы вѣрно, и не боюсь упрека въ пристрастіи—потому, что произведенія Айвазовскаго, о нихъ же говорю выше всякаго пристрастія».

Печатая это письмо въ своемъ изданіи [1]), Кукольникъ присоединилъ къ нему такого рода замѣтку:

— «Признаемся, что, не видавъ картинъ, о которыхъ здѣсь сказано, мы вѣримъ и убѣждены, что такъ есть, такъ быть должно, потому что предѣлы развитія таланта такого, какъ талантъ Айвазовскаго, безконечны и безбрежны, какъ стихія, имъ любимая, имъ изображаемая. Неужели художникъ лишитъ Петербургъ удовольствія, которымъ воспользовались Одесса и Ѳеодосія? Пусть послѣдняя—его родина, но Петербургъ—его училище. Заплатите же, дорогой художникъ, каждому свое!»

Но опасенія Кукольника были напрасны: черезъ мѣсяцъ Иванъ Константиновичъ, со своими картинами, прибылъ въ Петербургъ, и тотъ же рецензентъ былъ однимъ изъ первыхъ, которымъ удалось полюбоваться новыми произведеніями Айвазовскаго:

— «Двѣ новыя картины И. К. Айвазовскаго,—писалъ Кукольникъ [2]),— «видъ Принцевыхъ острововъ съ высоты птичьяго полета, на Мраморномъ морѣ» и «видъ Константинополя». Въ первой Айвазовскій для насъ является въ полной зрѣлости обширнаго своего таланта. Освѣщеніе дерзко, но исполнено удачно; зной ровлитъ въ картинѣ такъ осязательно, что, кажется, ощущаешь его вліяніе. Великолѣпенъ и видъ великолѣпнаго Константинополя; это какое-то очаровательное сліяніе красокъ и луннаго свѣта, это картина высшаго эффекта. Къ сожалѣнію, ѳеодосійскія его картины не дома и мы должны были отложить удовольствіе видѣть ихъ до другаго времени, когда художникъ откроетъ свою мастерскую для публики, какъ онъ предполагаетъ, и представитъ, такъ сказать, отчетъ въ своемъ изумительномъ трудолюбіи».

---

[1]) «Иллюстрація» 1846 г. 6-го іюля, № 61, стр. 393.

[2]) «Иллюстрація» 1846 г. 3-го августа, № 64, стр. 445.

По волѣ Государя, картины: «Аѳонская гора», «Принцевы острова», «Константинополь» и «Аю-Дагъ ночью» посланы были на художественную выставку въ Берлинъ. Тогдашній король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV [1]) и все его семейство отнеслись къ произведеніямъ русскаго художника съ живѣйшимъ сочувствіемъ; но конклавъ нѣмецкихъ живописцевъ и газетныхъ рецензентовъ распался на два лагеря: одинъ—отрицалъ дарованіе въ Айвазовскомъ вопреки очевидности (зачѣмъ-де не учился у насъ, въ Дюссельдорфѣ); другой, признавая въ немъ громадный талантъ, приписывалъ его развитіе пребыванію художника въ Помераніи и его (мнимому) физическому недостатку—глухонѣмотѣ [2])... Во всякомъ случаѣ появленіе картинъ Айвазовскаго на берлинской выставкѣ надѣлало много шуму въ художественномъ мірѣ Германіи.

Осенью 1846 года въ № 34 «Иллюстраціи» (14-го сентября) Кукольникъ напечаталъ небольшой біографическій очеркъ Ив. К. Айвазовскаго съ приложеніемъ его портрета и политипажныхъ снимковъ съ его двухъ картинъ. Въ этой статьѣ находимъ слѣдующія весьма любопытныя подробности о пребываніи Ивана Константиновича въ Крыму, весною того же 1846 года:

— «Не вѣримъ намѣреніямъ художника, но, какъ бы то ни было, онъ строится въ Ѳеодосіи; хорошенькая вилла, по его собственному рисунку, возникаетъ въ этомъ прекрасномъ по мѣстоположенію городѣ. Айвазовскій надѣется переселиться туда на постоянное жительство, завести обширную мастерскую, которая въ то же время послужила бы и школою живописи для того края. Эта мысль весьма основательна. Край, гдѣ природа тепла и роскошна; гдѣ живописнѣйшія мѣстности, такъ сказать, на одномъ бассейнѣ расположены въ безпрерывной послѣдовательности; гдѣ, наконецъ, волнуется одно изъ самыхъ картинныхъ морей,—такой край, безъ сомнѣнія, можетъ служить лучшей академіей для художниковъ по части морской и пейзажной живописи. Мы увѣрены, что тамъ могла бы, и съ большимъ успѣхомъ, развиться и академія исторической живописи. Намъ разсказывали люди достойные вѣры, что нерѣдко въ греческихъ матросахъ имъ случалось встрѣчать оригиналы знаменитыхъ античныхъ статуй. Мысль усвоенія живопи-

---

[1]) Родился 15-го октября 1795 года; наслѣдовалъ отцу своему, Фридриху Вильгельму III, 7-го іюня 1840 г.; царствовалъ до 9-го октября 1858 г., назначивъ регентомъ брата своего, нынѣшняго императора германскаго; умеръ 2-го января 1861 года.

[2]) См. выше «Русскую Старину», томъ XXI, стр. 651.

своей школы южной Россіи столь же основательна, какъ и мысль Потемкина учредить музыкальное училище въ Малороссіи [1]. Айвазовскій хотѣлъ ознаменовать свое пребываніе на родинѣ какимъ нибудь пріятнымъ и прочнымъ воспоминаніемъ и сдѣлалъ выставку картинъ и праздникъ. Для того избралъ онъ 21-е число мая, день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Гости съѣхались изъ Севастополя, Симферополя и другихъ городовъ; было не мало и дамъ. Въ числѣ гостей назовемъ таврическаго губернатора В. И. Пестеля, керченскаго градоначальника князя З. С. Херхеулидзева, А. И. Казначеева и командира корабля «Двѣнадцать Апостоловъ» В. А. Корнилова. Отслушавъ божественную литургію съ молебномъ, гости посѣтили выставку, а на праздникъ стали собираться въ шестомъ часу вечера, на дачу знаменитаго кавказскаго героя Петра Степановича Котляревскаго. Въ шесть часовъ началась конская скачка. Потомъ «джигитъ»—особаго рода ристаніе, на которомъ соперники на лошадяхъ, на всемъ скаку, должны отнимать другъ у дружки платки; дамы раздавали призы. Въ девять часовъ начался балъ; танцы были прерваны на время фейерверкомъ, потомъ ужиномъ на 300 персонъ, въ палаткѣ иллюминованнаго сада; балъ кончился въ четвертомъ часу утра. Однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ было желаніе художника, предъ лицомъ согражданъ и почетныхъ гостей, а слѣдственно, и предъ всѣми, выразить чувства глубокой, искренней благодарности Александру Ивановичу Казначееву, который отеческимъ попеченіемъ въ судьбѣ молодаго таланта облегчилъ ему путь къ блистательной цѣли, путь—столь трудный въ началѣ».

Этотъ разсказъ о праздникѣ въ Ѳеодосіи мы можемъ дополнить по воспоминаніямъ самого Ивана Константиновича. Изъ Севастополя, кромѣ линейнаго корабля «Двѣнадцать Апостоловъ», прибыло тогда еще до пяти военныхъ судовъ. Музыка гремѣла на нихъ неумолкаемо; съ сумерекъ реи и снасти были унизаны разноцвѣтными фонарями и переливчатые ихъ огни по временамъ блѣднѣли предъ зажигаемыми по бортамъ фальшфейерами. Можно сказать, что воинственный Севастополь посѣтилъ мирную Ѳеодосію... И черезъ девять лѣтъ, корабли, сослуживъ свою долгую и славную службу, погрузились во влажную могилу Корабельной бухты; изъ моряковъ—Корниловъ, сотни офицеровъ и тысячи матросовъ легли костьми на окровавленныхъ развалинахъ Севастополя.

Осенью того же 1846 года исполнилось, какъ мы говорили

[1]) Именно въ Кременчугѣ. Но эта благая мысль такъ же быстро погасла, какъ и вспыхла. Ея неосуществленіе довело до самоубійства талантливаго нашего композитора М. С. Березовскаго (См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 42).

выше, первое десятилѣтіе художественной дѣятельности Айвазовскаго. Кукольникъ къ статьѣ своей приложилъ списокъ картинъ Ивана Константиновича, далеко не полный, такъ какъ въ него вошли картины лишь большихъ размѣровъ, написанныя съ 1839 года. Представляемъ его дополненнымъ самимъ художникомъ:

1836—1838 гг. въ Петербургѣ и въ Крыму: 1—8) Морскіе виды, бывшіе на академической выставкѣ. 9—13) Лунная ночь, восходъ солнца, буря на Черномъ морѣ, видъ на южномъ берегу Крыма.

1839 г: 14) Видъ Севастополя (въ Кронштадтскомъ дворцѣ). 15) Дессантъ у Субаши (у В. К. Константина Николаевича). 16—17) Два морскіе вида (у г. Томилова). 18) Юрсуфъ ночью и нѣсколько малыхъ пейзажей (у г. Тарновскаго)

1840 г. въ Венеціи: 19) Буря въ морѣ. 20) Монастырь Санъ-Лаццаро. 21) Лунная ночь. Въ Неаполѣ: 22) Севастопольская эскадра въ неаполитанскомъ рейдѣ (у брата короля неаполитанскаго. 23—24) Амальфи и Сорренто. 25) Неаполитанскій флотъ (у короля неаполитанскаго). 26) Буря ночью (розыграна въ лотерею и выиграна г. Лауріо). 27) Буря (у короля неаполитанскаго). 28) Шквалъ на морѣ (у графа Гурьева). 29) Морской видъ (у герцога Монтебелло). 30) Буря близъ Капри (у г. Галахова). 31) Неаполитанская ночь (у князя А. М. Горчакова). Послѣднія четыре картины были на выставкѣ въ Римѣ.

1841 г.: 32—33) Два вида Неаполя (у графа Зубова). 34—35) Сцены на неаполитанскомъ рейдѣ (у г. Энглафштейна), были на выставкѣ въ Римѣ. Нѣсколько малыхъ картинъ.

Въ Римѣ: 36—37) Виды Неаполя (у генерала Бартона). 38—39) То же (у лорда Молле). Нѣсколько малыхъ картинъ.

Въ Неаполѣ: 40—41) Амальфи и Сорренто (во дворцѣ въ Александріи). 42—43) Капри при лунѣ и Веккія (тамъ же).

1842 г. въ Римѣ: 44) Ночь въ Неаполѣ (у князя Виттенштейна). 45) Утро въ Неаполѣ (у графа Тышкевича). 46) Неаполитанская ночь (у И. М. Толстаго), была на выставкѣ въ Петербургѣ. 47—48) Виды Неаполя (куплены въ Вѣну). 49—50) Окрестности Неаполя (у г. Васильчикова). 51) Неаполитанскій видъ (у княгини Долгоруковой, рожд. Давыдовой). 52) Хаосъ (у папы Григорія XVI). 53—54) Морскіе виды (у княгини Гагариной). 55) Лазурный гротъ (у великой княгини Маріи Николаевны). 56) То же (купленъ въ Англію). 57) Морской видъ (у профессора Бруни). 58) То же (у г. Григоровича). Въ Лондонѣ: 59—60) Неаполитанскіе виды (куплены тамъ же). Въ Венеціи: 61) Лунная ночь (у в. княгини Маріи Николаевны). 62) Монахи лаццариты (у г. Давыдова). 63) Видъ Венеціи (во дворцѣ въ Александріи); была на выставкѣ въ Парижѣ и въ Петербургѣ. 64) Видъ

Венеціи съ Лидо (во дворцѣ въ Александріи). 65) Буря. 66) Тишь (у банкира Тревизо). 67) Венеціанскій видъ (купленъ въ Тріестъ). Въ Парижѣ: 68) Буря (у князя Бѣлосельскаго Бѣлозерскаго). 69) То же (у Государя Императора). 70) Лаго Маджіоре (у князя Витгенштейна).

1843 г.: 71) Утро. 72) Ночь (у Дюранъ-Рюэля; отъ него перешли къ г. Годшарлю, у послѣдняго куплены адъютантомъ короля нидерландскаго и посланы въ Батавію). 73—74) Буря и Тишь (куплены въ Америку). Въ Кадиксѣ: 75) Буря (у русскаго генеральнаго консула г. Кесслера). 76) То же (куплена въ Англію).

1844 г. въ Парижѣ: 77) Женщины на морскомъ берегу. 78) Рыбаки (въ Знаменскомъ дворцѣ). 79) Абхазскій берегъ (у Его Высочества В. К. Константина Николаевича). 80—81) Морскія сцены (у князя Трубецкаго). 82) То же (у князя Барятинскаго). 83) То же (у графа Протасова). 84—87) Виды моря (у князя Кочубея). 88) Испанская сцена (у графа М. Ю. Віельгорскаго). 89) Мальта (у Его Высочества В. К. Николая Николаевича). 90—91) Венеціанская ночь и морская сцена (у князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго). 92) Буря ночью (у г. Томилова). 93—94) Морскіе виды (у г. Шишмарева). Много картинъ малыхъ размѣровъ. Въ Гагѣ: 95) Гибралтаръ ночью. 96) Венеціанскій видъ (осталась тамъ). Въ Петербургѣ: 97) Петергофскій фонтанъ. 98) Ревель. 99) Свеаборгъ. 100) Кронштадтъ. 101) Гельсингфорсъ (у Государя Императора). 102) Кронштадтскій рейдъ съ парохода «Богатырь».

1845: г. 103) Ночь въ Венеціи (у графа Зубова). 104—105) Неаполитанскій импровизаторъ и Сальваторъ Роза у бандитовъ (у графа В. Н. Панина). 106) Аликанте (у г. Пашкова). 107) Малага. 108) Лаго Маджіоре (у И. М. Толстаго). 109—110) Испанскія и венеціанскія сцены (у великой княгини Маріи Николаевны). 111) Неаполь (у А. И. Казначеева). 112) Ночь въ Неаполѣ (во дворцѣ въ Александріи). 113) Видъ Салерно. 114) Буря (у Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора). 115) Клодъ Лорренъ (у графа Зубова). 110) Италіанскій видъ (у графа Мордвинова). 117) То же (у князя Гагарина).

1846 г. въ Крыму: 118—121) Виды Севастополя, Ѳеодосіи, Керчи и Одессы (у Государя Императора). 122) Константинополь (у Государыни Императрицы). 123—124) Турецкая кофейня и каикъ съ турчанками (у Государыни Цесаревны, нынѣ Императрицы Маріи Александровны). 125) Монастырь св. Георгія въ Крыму (у Его Высочества В. К. Константина Николаевича). 126) Троя. 127) Буря (у наслѣдниковъ Т. Б. Потемкиной, въ пользу бѣдныхъ). 128) Ѳеодосія (у А. И. Казначеева). 129) Морскія сцены. Въ Петербургѣ: 130) Принцевы острова на Мраморномъ морѣ, 131) Константинополь, 132) Аѳонская гора и 133) Аю-Дагъ ночью,—посланы въ Берлинъ. 134—135) Морскіе виды. 136) Венеція. 137) Монастырь св. Георгія (у Ея

Имп. Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны, королевы виртембергской). Въ исходѣ того же 1846 года, по желанію Государя Императора, были написаны: 138—144) Морскія битвы при Ревелѣ, Выборгѣ, Чесмѣ и Красной Горкѣ; два момента Чесменской битвы и «Петръ I при Красной Горкѣ, зажигающій костеръ на берегу для подачи сигнала гибнущимъ своимъ судамъ». 145) Гибель фрегата «Ингерманландъ» [1]), для Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

IX.

Картина для графини Бобринской.—Посѣщеніе Государя Николая Павловича.—Москва и А. П. Ермоловъ.—Графъ Чернышевъ.—Выставка новыхъ картинъ въ Одессѣ.—Празднество въ честь художника.—Картина Сверчкова.—Морскіе маневры.—Гоголь.—Жуковскій.—Брюлловъ.

1847—1852.

Быстрота, неутомимость и разнообразіе—таковъ былъ, таковымъ и донынѣ остался художественный девизъ Айвазовскаго. Судя по вышеприведенному каталогу его картинъ, можно подумать, что онъ повторялся, изображая почти неизмѣнно одни и тѣ же сюжеты; но подобная мысль была-бы совершенно несправедлива. Въ картинахъ этого художника утро, ночь, буря, тишь, восходъ и закатъ луны или солнца—точно такъ же разнообразны, какъ и въ самой природѣ. Какъ небо и море ежечасно измѣняютъ свой блескъ и колоритъ, такъ и на картинахъ Айвазовскаго одинъ и тотъ же сюжетъ измѣняется до безконечности. Въ теченіе 1847 г. имъ написано было свыше двадцати морскихъ видовъ и пейзажей; кромѣ того: «корабль «Императрица Марія», застигнутый ураганомъ на Черномъ морѣ во время плаванія Государя Николая Павловича изъ Варны въ Одессу, въ октябрѣ 1828 года» (для И. А. Яковлева), «вилла г. Перовскаго на южномъ берегу Крыма», «монастырь св. Георгія» (для Ѳ. И. Прянишникова), «видъ Аѳонской горы и острововъ Архипелага» (для графини Бобринской, рожд. Самойловой). За картины, бывшія на академической выставкѣ въ 1847 году, Айвазовскій былъ удостоенъ званія профессора.

Во время работы художника надъ картиною для графини

[1]) Этотъ 74-хъ пушечный корабль погибъ въ Каттегатѣ 1-го сентября 1841 года. Въ распоряженіи редакціи «Русской Старины» находится рукопись очевидца этого страшнаго событія, которая будетъ напечатана на страницахъ этого изданія.

Бобринской, былъ съ нимъ слѣдующій случай. По желанію графини, Иванъ Константиновичъ задумалъ, на берегу изображаемой имъ мѣстности, написать группу грека и гречанки, беспечно любующихся закатомъ солнца. Гречанку, въ небрежной позѣ, съ роскошными, распущенными волосами, художникъ намѣревался скопировать съ находившейся тогда въ Петербургѣ жены брюссельскаго адвоката Дю—тье, съ которымъ онъ познакомился въ чужихъ краяхъ. Красавица охотно согласилась посѣтить мастерскую Ивана Константиновича (онъ жилъ тогда подлѣ Ордонансъ-Гауза, въ домѣ Яковлевой) и позировалась въ восточномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ шелковой сорочки, опоясанной шарфомъ. Предложивъ посѣтительницѣ отличный завтракъ съ бутылкою шампанскаго, художникъ занялся списываніемъ фигуры съ добровольной натурщицы, приказавъ слугѣ отказывать посѣтителямъ. Углубленный въ живопись, Айвазовскій вдругъ услышалъ въ корридорѣ голосъ посѣтителя, предъ которымъ отверзаются не только всѣ двери дворцовъ и чертоговъ вельможъ, но и самыя царскія врата храмовъ божіихъ—короче сказать, посѣтителемъ художника былъ государь Николай Павловичъ, третій разъ удостоивавшій Айвазовскаго своимъ посѣщеніемъ. Съ палитрою въ рукахъ, въ рабочей своей курткѣ, художникъ поспѣшилъ встрѣтить августѣйшаго своего гостя. Государь, обращаясь къ Айвазовскому, упомянулъ о заказѣ морскаго вида для дворца; затѣмъ, быстро проходя въ мастерскую, спросилъ: «что пишешь новаго?» Иванъ Константиновичъ не успѣлъ отвѣтить, какъ государь уже переступилъ порогъ мастерской. Г-жа Дю—тье, вскочивъ съ мѣста, краснѣя за свой костюмъ, сдѣлала глубочайшій реверансъ, путаясь въ шарфѣ, упавшемъ съ ея таліи. Государь съ любезною улыбкою поклонился растерявшейся француженкѣ, шепнувъ Айвазовскому: «Очень не дурна; кто такая?»

Назвавъ свою «гречанку», Айвазовскій поспѣшилъ объяснить сюжетъ картины и для кого она пишется. «Этотъ костюмъ нуженъ былъ для картины»,—пояснилъ онъ.

— «Да, да... нуженъ, очень нуженъ!»—сказалъ государь улыбаясь и, отходя къ картинѣ, опять произнесъ вполголоса: «Барыня очень недурна... для картины. А кому ты ее пишешь?»

— Графинѣ Бобринской, ваше величество.

— «Такъ, такъ; хорошо»...

Откланявшись француженкѣ, государь вышелъ смѣясь въ дру-

гую комнату, опять напомнилъ художнику о заказѣ и, прощаясь съ нимъ, сказалъ:

— «Смотри, моря-то мнѣ не забывай!»

Въ 1848 году, проведя, по обыкновенію, весну и лѣто въ Крыму, Иванъ Константиновичъ (въ тотъ годъ—новобрачный) осенью прибылъ въ Москву, гдѣ выставилъ до десяти большихъ картинъ, изъ которыхъ шесть были куплены императоромъ. Въ числѣ ихъ находился нынѣ хранящійся въ Эрмитажѣ: «Девятый валъ»—одно изъ поразительнѣйшихъ произведеній кисти Айвазовскаго. Въ Москвѣ-же художникъ нашъ имѣлъ честь познакомиться съ незабвеннымъ героемъ, маститымъ «проконсуломъ» Кавказа—Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ.

Глубоко врѣзались въ память Ивана Константиновича черты лица, осанка, голосъ и очаровательное вѣжливостью своею обхожденіе Ермолова. Когда его посѣтилъ Айвазовскій, то Алексѣй Петровичъ выразилъ желаніе видѣть, какъ пишетъ художникъ. Съ удовольствіемъ исполняя желаніе старца, Иванъ Константиновичъ просилъ его пожаловать къ нему въ ближайшій день къ десяти часамъ утра. Ермоловъ пріѣхалъ къ дому, въ которомъ жилъ Айвазовскій, минутами двадцатью ранѣе, и до назначеннаго часа пробылъ въ сосѣднемъ книжномъ магазинѣ. Съ послѣднимъ ударомъ десяти часовъ, Алексѣй Петровичъ былъ въ мастерской Айвазовскаго. Тогда Иванъ Константиновичъ, взявъ небольшую рамку съ полотномъ, въ теченіе двухъ часовъ, на глазахъ своего почетнаго гостя, написалъ видъ кавказскихъ скалъ у береговъ Чернаго моря, на нихъ группы черкесовъ, смотрящихъ на кочерму, разбивающуюся о прибережные камни. Ермоловъ все время не сводилъ глазъ съ картины, такъ быстро возникавшей подъ кистью Ивана Константиновича. Сюжетъ ея пробудилъ въ сердцѣ престарѣлаго льва воспоминанія о быломъ и предметомъ его разговоровъ съ художникомъ былъ, разумѣется, Кавказъ—несокрушимый пьедесталъ, на которомъ Россія вѣчно будетъ видѣть Ермолова. Съ послѣднимъ взмахомъ кисти художника, въ прихожей раздался звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ въ зало вошелъ пожилыхъ лѣтъ человѣкъ съ сѣдою бородой. «Если позволите,— сказалъ онъ вышедшему къ нему Ивану Константиновичу,—я зайду къ вамъ въ другое время; теперь у васъ А. П. Ермоловъ, а я не знаю—пріятно ли ему будетъ увидѣть меня».

— Но съ кѣмъ-же имѣю удовольствіе говорить?

— «Я Чернышевъ—бывшій членъ общества «союза благоденствія».

Иванъ Константиновичъ передалъ Ермолову сомнѣніе престарѣлаго декабриста и тогда Алексѣй Петровичъ быстро всталъ съ креселъ, вышелъ самъ къ графу Чернышеву, назвалъ его по имени и отчеству, горячо обнялъ и вообще обошелся какъ съ давнимъ и дорогимъ другомъ. Много было трогательнаго, по словамъ Ивана Константиновича, въ беседѣ двухъ старцевъ—такъ различно окончившихъ ихъ служебное поприще....

На слѣдующій день Айвазовскій послалъ Ермолову въ подарокъ картину, при немъ написанную. За нее Алексѣй Петровичъ отблагодарилъ художника весьма любезнымъ письмомъ, проникнутымъ искреннимъ восторгомъ и какъ-бы поэтическимъ вдохновеніемъ. Это письмо, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, полученныхъ отъ Ермолова, донынѣ сохраняется у Ивана Константиновича [1]).

Въ теченіе 1849 — 1850 гг. Айвазовскимъ было написано свыше тридцати картинъ, большихъ и малыхъ. Изъ картинъ большаго размѣра назовемъ: «Наваринскій бой», «заложеніе Петербурга въ 1703 году», «видъ Петербурга въ 1850 г.» (для императора Николая Павловича), «пожаръ Москвы въ 1812 г.», «видъ Москвы, съ храмомъ Христа Спасителя на первомъ планѣ» (двѣ послѣднія картины писаны для Москвы, по случаю 25-тилѣтія царствованія императора Николая Павловича), «затмѣніе солнца» (подарена художникомъ Императорскому географическому обществу) и мн. др. Въ Одессѣ Айвазовскій сдѣлалъ выставку своихъ картинъ въ пользу бѣдныхъ и сборъ былъ весьма значителенъ. Признательные жители Одессы поднесли художнику адресъ и превосходной работы серебряную вазу съ награвированными на ней снимками картинъ, гербами: городскимъ и Айвазовскаго. На обѣдѣ, данномъ въ его честь въ клубѣ, присутствовало свыше двухсотъ гостей и въ числѣ ихъ Иннокентій, епископъ херсонскій и таврическій. Много было говорено рѣчей и читано стиховъ. Глубоко тронутый вниманіемъ одесситовъ, Иванъ Константиновичъ, въ память этого дня, написалъ въ по-

[1]) Полагаясь на любезное обѣщаніе нашего уважаемаго художника, надѣемся помѣстить въ «Русской Старинѣ» находящіяся у него письма Ермолова, а равно и другихъ замѣчательныхъ лицъ Россіи и чужихъ краевъ. Ред.

дарокъ клубу и одесской биржѣ двѣ картины: «туманное утро» и «италіанскую ночь».

Недостаточные любители картинъ Айвазовскаго довольствовались копіями, изъ которыхъ особенно удачныя, часто пройденныя кистью самого художника, писалъ нѣкто О—скій, учитель живописи въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ знакомъ Ивану Константиновичу еще со времени посѣщенія Крыма художникомъ, года за три передъ симъ. Работалъ онъ усердно и прилежно и до нѣкоторой степени обладалъ дарованіемъ хорошаго копировальщика, но безъ особенныхъ задатковъ быть художникомъ самостоятельнымъ. Продажа копій съ картинъ Ивана Константиновича доставляла О—скому весьма порядочный доходъ. Отношенія Айвазовскаго къ этому молодому человѣку были самыя пріязненныя; лишь одинъ его недостатокъ не могъ нравиться Ивану Константиновичу: это была чрезмѣрная щепетильность и неумѣстная щекотливость вслѣдствіе излишняго самолюбія. Нашъ художникъ, можетъ быть, и не обратилъ-бы на это особеннаго вниманія, еслибы это самолюбіе не увлекло однажды О—скаго за предѣлы уваженія—не къ Айвазовскому лично, но къ уважаемому имъ искусству. Этотъ, въ сущности, простой случай служитъ, между многими другими, доказательствомъ пламенной любви Ивана Константивича къ искусству.

Готовясь писать какую-то картину, Айвазовскій отправился въ магазинъ Риппа («A la palette de Raphael»—въ Большой Морской) купить небольшое полотно. Здѣсь встрѣтилъ онъ О—скаго и, узнавъ, что тотъ идетъ домой, попросилъ его захватить съ собою купленную рамку съ полотномъ. О—скій согласился и, выйдя изъ магазина, сталъ рядить извощика къ квартирѣ Ивана Константиновича, на Михайловскую улицу. Ясная погода, близость разстоянія и небольшой объемъ полотна не могли до такой степени затруднять молодаго человѣка, чтобы необходимо было ѣхать, а не идти пѣшкомъ. Заботливость, съ которою онъ пряталъ рамку подъ шинель, объяснила Айвазовскому причину: юноша стыдился идти по Невскому съ ношею, да еще, вдобавокъ, такою, по его мнѣнію, прозаическою. Айвазовскій, выйдя изъ магазина, остановилъ его. На вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, О—скій сконфузился и не нашелся, что сказать...

— Или вы нездоровы, устали, спѣшите куда нибудь? разспрашивалъ Иванъ Константиновичъ.

То же молчаніе и смущеніе.

— Ну, хорошо,—сказалъ художникъ съ улыбкою,—дайте же мнѣ рамку, я понесу ее самъ, а вы, если хотите, идите со мною.

И взявъ подъ мышку рамку съ полотномъ, Иванъ Константиновичъ пошелъ съ О—скимъ по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта. Гуляющихъ было множество; между ними встрѣчались часто знакомые Айвазовскаго, и, какъ нарочно, лица знаменитыя или заслуженныя. Дорогою, нѣсколько разъ, О—скій пытался вытащить рамку изъ-подъ мышки Ивана Константиновича—напрасно: тотъ не выпускалъ ее изъ рукъ. По приходѣ домой онъ сказалъ О—кому:

— Вы стыдились нести по Невскому полотно для картины? тѣмъ-же эта ноша казалась вамъ неприличною? Стыдно-ли военному идти съ оружіемъ, а литератору съ книгой? Можно-ли художнику стыдиться принадлежностей его искусства? Этой странной стыдливости я не понимаю... Еслибы я былъ ваятелемъ и купилъ глыбу мрамора, то, повѣрьте, не постыдился-бы ѣхать вмѣстѣ съ нею на ломовомъ извощикѣ!

— «Не знаю,—замѣтилъ Иванъ Константиновичъ, разсказывая намъ этотъ случай,—послужило-ли въ прокъ мое нравоученіе, но подобную щепетильность и какъ-бы пренебреженіе къ орудіямъ своего искусства мнѣ случалось встрѣчать во многихъ художникахъ. Боясь показаться ремесленниками, они тѣмъ самымъ низводятъ художество на степень ремесла».

Въ ноябрѣ того-же 1850 года Иванъ Константиновичъ былъ приглашенъ въ Зимній дворецъ къ императору Николаю Павловичу, желавшему показать ему нѣсколько картинъ иностранныхъ художниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и увидѣть тѣ изъ картинъ, которыя окончены Айвазовскимъ. Особенное вниманіе Ивана Константиновича государь обратилъ на копію съ «Мадонны».

— «Какъ ты ее находишь?—спросилъ Николай Павловичъ. Она писана русскимъ любителемъ живописи. Эта работа Сверчкова [1]). Онъ служилъ въ военной службѣ, имѣлъ страсть къ живописи, но родные его никакъ не хотѣли, чтобы онъ былъ художникомъ. Чтò-же ты думаешь? Сверчковъ отправился пѣшкомъ въ Италію и теперь занимается живописью въ чужихъ краяхъ, и,

[1]) Однофамилецъ нашего извѣстнаго художника-гиппографа Н. Сверчкова. По слухамъ, въ бытность его въ Мюнхенѣ, онъ вызвалъ на дуэль баварскаго офицера, рѣзко отозвавшагося объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

какъ видишь, успѣшно. Кромѣ того, въ Мюнхенѣ, Сверчковъ выказалъ себя истинно русскимъ!»

Проведя, по обыкновенію, весну и лѣто въ Крыму, Айвазовскій въ 1851 году провелъ нѣсколько времени въ Николаевѣ, откуда на пароходѣ «Владиміръ» сопутствовалъ государю императору въ плаваніи въ Севастополь и присутствовалъ при морскихъ маневрахъ. Государя сопровождали Наслѣдникъ-Цесаревичъ (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ), князь А. С. Меншиковъ, большая свита и, между прочими, австрійскій посолъ. Во время плаванія, государь Николай Павловичъ нерѣдко удостоивалъ Айвазовскаго милостивымъ разговоромъ, обращая его вниманіе на эффектное освѣщеніе моря, или на живописную группировку маневрировавшихъ судовъ. Совершенно довольный маневрами, императоръ, готовясь подать сигналъ къ ихъ окончанію, долго любовался пловучимъ городомъ, состоявшимъ изъ кораблей и пароходовъ Черноморскаго флота.

Вспоминая о морскихъ маневрахъ 1851 года, Иванъ Константиновичъ съ увлеченіемъ говоритъ, какъ любовался онъ кораблями Черноморскаго флота, этой семьею богатырей, повиновавшихся державной волѣ государя, бывшаго тогда во цвѣтѣ лѣтъ и мужественной красоты... И черезъ четыре года не существовало этого флота, опочилъ и государь вѣчнымъ сномъ. Видъ маневровъ послужилъ художнику какъ-бы подготовкою для будущихъ его картинъ, изображающихъ нѣкоторые эпизоды севастопольскаго разгрома. Въ 1851 году Айвазовскимъ было написано значительное число небольшихъ картинъ, преимущественно видовъ Чернаго моря и береговъ Крыма.

Въ началѣ 1852 года художникъ былъ въ Москвѣ, гдѣ мелькомъ видѣлъ Н. В. Гоголя. Ивана Константиновича поразила страшная худоба, блѣдность и страдальческое выраженіе лица великаго нашего писателя. Тогдашній Гоголь былъ тѣнью того веселаго, милаго собесѣдника, котораго Айвазовскій видѣлъ въ Римѣ и во Флоренціи двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Мрачный мистицизмъ и религіозная восторженность, граничившая съ помѣшательствомъ, рѣзко измѣнили Гоголя и нравственно и тѣлесно. Немногими словами размѣнялся онъ съ Иваномъ Константиновичемъ, но отъ нихъ вѣяло мертвящею апатіею, холодомъ кельи или могилы... Въ томъ-же 1852 году, подъ гнетомъ того-же ми-

стицизма, скончался В. А. Жуковскій, такъ сочувственно относившійся къ первымъ успѣхамъ Ивана Константиновича; наконецъ, въ Петербургъ пришла вѣсть о кончинѣ К. П. Брюллова, совѣтамъ котораго Айвазовскій, по собственному его сознанію, весьма многимъ обязанъ.

X.

Картины изъ эпохи Крымской войны.—Новый родъ живописи.—Выставка въ Парижѣ.—Россини.—Пелиссье.—Представленіе Наполеону III и императрицѣ Евгеніи.—Возвращеніе изъ чужихъ краевъ въ Россію.

1853—1859.

Настала кровавая эпоха Крымской войны, давшая новое направленіе отечественной литературѣ и художествамъ. Всеобщее вниманіе поглощено было войною, начало которой было такъ благопріятно нашему оружію. Айвазовскій не могъ безучастно относиться къ великимъ событіямъ—какъ русскій и какъ художникъ, которому война послужила богатымъ источникомъ для новыхъ превосходныхъ картинъ. Такимъ образомъ, онъ написалъ «Синопскій бой» (въ двухъ видахъ), «бомбардированіе Севастополя»—для этой картины онъ пріѣзжалъ изъ Харькова на Сѣверную сторону, гдѣ и провелъ два дня; затѣмъ слѣдовали картины: «В. А. Корниловъ на бастіонѣ», «буря подъ Евпаторіей», «буря подъ Балаклавой»; какъ бы для отдыха отъ сюжетовъ мрачныхъ и кровавыхъ, въ то же время Айвазовскій написалъ «малороссійскую степь съ обозомъ чумаковъ». Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, проѣздомъ чрезъ Харьковъ изъ Севастополя въ Петербургъ, милостиво приняли отъ Айвазовскаго, для представленія государю императору, нѣсколько рисунковъ съ изображеніемъ разныхъ эпизодовъ войны. На возвратномъ пути изъ Петербурга въ Севастополь, Ихъ Высочества передали художнику благодарность ихъ августѣйшаго родителя и слова его: «что̀ бы ни написалъ Айвазовскій—будетъ куплено мною»... Поощренный одобреніемъ государя, тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ, что въ это печальное время все монаршее вниманіе было обращено на событія и бѣдствія войны, Айвазовскій съ жаромъ принялся за писаніе нѣсколькихъ новыхъ картинъ и прибылъ съ ними въ Петербургъ, но уже не засталъ въ живыхъ державнаго своего покровителя.

Въ числѣ картинъ, привезенныхъ Иваномъ Константинови-

чемъ въ Петербургъ, были: «чумаки» и «буря подъ Евпаторіей». Первая изъ нихъ была пріобрѣтена нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ; двѣ картины куплены были Кокоревымъ и графомъ В. А. Перовскимъ; обѣ нынѣ находятся у Государя Наслѣдника Цесаревича. Къ крайнему сожалѣнію почтенный художникъ не могъ нынѣ припомнить сколько именно картинъ и на какіе сюжеты было написано имъ въ теченіе 1855 года; но, во всякомъ случаѣ, общій каталогъ его картинъ (съ исчисленными выше) въ 1855 году простирался уже до 400 нумеровъ.

Въ 1856 году Айвазовскимъ было написано нѣсколько картинъ, сюжеты которыхъ были заимствованы изъ эпохи недавней войны, а также и много пейзажей разныхъ мѣстностей Малороссіи и Крыма. Нельзя не упомянуть и о превосходно выполненныхъ Иваномъ Константиновичемъ небольшихъ картинахъ—по заказу бывшихъ сотоварищей по Пажескому корпусу князя Виктора Илларіоновича Васильчикова, для поднесенія ему на память.

Съ этого времени, даровитый нашъ художникъ, талантъ котораго въ теченіе двадцати лѣтъ его дѣятельности достигъ высшей степени развитія и силы,—началъ писать картины не исключительно моря, съ его бурными волнами или легкими зыбями, озаренными луною или солнечными лучами, онъ сталъ заимствовать сюжеты для картинъ изъ явленій живой природы на сушѣ, и въ этомъ, какъ бы новомъ родѣ пейзажной живописи, обнаружилъ тотъ же могучій талантъ, каковымъ отличались его произведенія какъ мариниста. Завистливая посредственность видѣла въ этомъ вторженіе въ чужія области; въ обществѣ и въ печати стали проявляться намеки на то, что Айвазовскій берется не за свой родъ живописи; что кисть его, такъ чудно воспроизводящая море, не въ силахъ уловить эффекты свѣта и тѣни на широкомъ раздольи степей или на снѣговыхъ равнинахъ... Но это шипѣнье завистниковъ вскорѣ умолкло предъ восторженными о картинахъ Айвазовскаго отзывами всей Россіи и Европы.

Въ 1857 году, Иванъ Константиновичъ отправился въ Парижъ и выставилъ здѣсь «четыре богатства Россіи», представленныя въ пейзажахъ четырехъ временъ года. За нихъ Айвазовскій получилъ орденъ почетнаго легіона; всѣ иностранныя газеты единогласно признали, что картины русскаго художника—совершенство своего рода. Въ томъ же 1857 году, Айвазовскимъ были написаны: «туманъ», «южный берегъ Крыма», «гибель ко-

рабля «Лефортъ» [1]). Въ слѣдующемъ 1858 году, на нашей академической выставкѣ находились десять картинъ Ивана Константиновича, изъ которыхъ особенно громкихъ похвалъ удостоились: «зима съ видомъ постоялаго двора въ Тульской губерніи», «пастбище овецъ близъ Ѳеодосіи» и «камыши на Днѣпрѣ близъ м. Алешки».

Изъ личныхъ воспоминаній Ивана Константиновича о пребываніи его въ Парижѣ въ 1857—1858 гг. въ разсказахъ его сохранились немногіе эпизоды, относящіеся преимущественно къ его встрѣчамъ съ разными замѣчательными личностями того времени, каковы: Доницетти, Россини, маршалъ Пеллиссье и Наполеонъ III. Упомянутые лица оказали Айвазовскому самую любезную внимательность. Россини, во время выставки, не было въ Парижѣ; о томъ, что на ней были картины Айвазовскаго, онъ узналъ изъ газетъ, и посѣтилъ мастерскую художника. Въ это время творецъ «Вильгельма Телля», окончательно излѣнившійся, оставивъ музыку, предался душою и тѣломъ гастрономіи. Картины Айвазовскаго затронули въ немъ, однако, струнку любви къ изящному. Иванъ Константиновичъ написалъ ему небольшую картину, даря которую на память, выразилъ композитору желаніе получить отъ него на память листокъ нотной бумаги, его рукою написанный; но композиторъ-гастрономъ не удовлетворилъ скромной просьбы художника, отдѣлываясь обѣщаніями, въ сущности же, обуянный лѣнью, Россини тяготился взять перо въ руки.

Маршалъ Пеллиссье, неоднократно любовавшійся картинами Айвазовскаго, написалъ ему очень любезное письмо, въ которомъ выразилъ надежду—посѣтить Крымъ, «но не въ качествѣ недавняго врага, а въ качествѣ гостя и друга». Письмо это въ подлинникѣ донынѣ сохраняется у Ивана Константиновича.

Наполеону III и его супругѣ художникъ нашъ представлялся, по совѣту тогдашняго нашего посланника въ Парижѣ, графа Киселева. Это представленіе происходило въ Тюилльери. Всѣхъ лицъ обоего пола и разныхъ націй, представлявшихся императору и императрицѣ, было до тридцати человѣкъ, группировавшихся имѣя во главѣ посланниковъ. Въ русской группѣ Иванъ Константиновичъ замѣтилъ какого-то господина съ еврейскимъ ти-

---

[1]) Корабль «Лефортъ» — по неизвѣстнымъ причинамъ, погибъ въ Балтійскомъ морѣ, въ октябрѣ 1857 года. Гибель его, подобно гибели «Ингерманланда», произвела глубокое печальное впечатлѣніе въ обѣихъ столицахъ и повсемѣстно въ Россіи.

помъ лица, въ мундирѣ коммерціи совѣтника (можетъ быть даже, и члена человѣколюбиваго общества), со множествомъ орденовъ на груди и съ золотою, осыпанною крупными бриліантами, медалью на шеѣ. Стоя подлѣ Ивана Константиновича, господинъ этотъ старался придать себѣ видъ сановитости и вмѣстѣ съ тѣмъ развязности, постукивалъ ногою о паркетъ. Такъ продолжалъ онъ, когда въ залъ вошелъ Наполеонъ III и императрица Евгенія. Они останавливались предъ каждою группою и каждый посланникъ представлялъ своихъ соотечественниковъ и соотечественницъ—сперва ей, потомъ ему. Иванъ Константиновичъ былъ пораженъ величавою красотой императрицы и особенною женственною граціею, разлитою во всей ея фигурѣ. Совершенно иное впечатлѣніе произвела на художника наружность Наполеона III: тусклый взглядъ его прищуренныхъ сѣрыхъ глазъ, некрасивая фигура съ длинною таліей и короткими ногами, наконецъ—тихій голосъ, отличавшійся какою-то вялостью, утомленіемъ. Нашему художнику Наполеонъ III сказалъ нѣсколько любезностей по поводу его картинъ; похвалилъ живописныя мѣстности Крыма; затѣмъ обратился къ сосѣду Ивана Константиновича, продолжавшему все время выстукивать ногою о паркетъ какую-то пѣсенку. Наполеонъ III сказалъ ему что-то, какъ и всѣмъ предъидущимъ, по французски; но еврей, не понимавшій этого языка, отвѣчалъ по нѣмецки—вопреки требованіямъ этикета.... Окружающіе съ трудомъ удержались отъ улыбки; но разговоръ Наполеона III съ этимъ неловкимъ господиномъ продолжался на нѣмецкомъ языкѣ, которымъ императоръ владѣлъ въ совершенствѣ.

О времени пребыванія своего въ Парижѣ художникъ нашъ сохранилъ еще и то воспоминаніе, что въ 1857—1858 гг. въ столицѣ Франціи былъ необычайный наплывъ иностранцевъ вообще, русскихъ въ особенности. Къ послѣднимъ недавніе наши враги, французы, относились съ особенною внимательностью и любезностью. Иванъ Константиновичъ, какъ мы уже говорили выше, возвратился въ Россію съ старшимъ своимъ братомъ Гавріиломъ. Проѣздъ чрезъ Константинополь далъ Айвазовскому возможность пополнить богатое собраніе своихъ эскизовъ нѣсколькими набросками, для памяти. Одинъ изъ нихъ, въ 1859 году, послужилъ Ивану Константиновичу сюжетомъ для великолѣпнаго «вида Константинополя», нынѣ находящагося въ Царскосельскомъ дворцѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ІОАХИМЪ ЛЕЛЕВЕЛЬ

КАКЪ КРИТИКЪ «ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО» СОЧ. КАРАМЗИНА.

Переписка съ Ѳ. В. Булгаринымъ.

1822—1830 гг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ [1]).

Еще въ январѣ 1823 г. Лелевель послалъ продолженіе критики; между тѣмъ получаетъ письмо Булгарина, нетерпѣливо ожидавшаго продолженія критики и умолявшаго выслать какъ можно скорѣе эту статью. Въ этомъ письмѣ Булгаринъ восклицаетъ:

«Не могу показаться ни въ домахъ, ни на улицѣ, первый вопросъ: что же вашъ Лелевель? Что умолкъ? Извините, милостивые государи, мой Лелевель не молчитъ, но сенатъ связалъ мнѣ руки. Вчера получилъ съ почты 63-е письмо отъ подписчиковъ, упрекающихъ меня, что я не держу обѣщанія, письма эти я пришлю вамъ, чтобы вы ихъ сохранили на память. Говорятъ, что и августѣйшему монарху понравилось ваше вступленіе... Я долженъ нѣсколько отступить отъ научныхъ предметовъ, чтобы вамъ высказать мои мысли, опасенія и надежды. Я на седьмомъ году жизни былъ привезенъ въ Россію. Любовь къ старой Польшѣ и надежда, что край этотъ возстановится; завели меня во Францію, любя всетаки Польшу comme une être methaphysique qui n'existe que dans l'histoire. Я никогда не полагался на моихъ земляковъ, такъ какъ никто на свѣтѣ не измѣняетъ такъ скоро своихъ убѣжденій какъ поляки, никто такъ скоро не разрываетъ связей, не отказывается отъ начатаго труда, какъ наши любезные земляки. Поэтому, при глубочайшемъ къ вамъ уваженіи, при сильнѣйшемъ энтузіазмѣ, возбуждаемомъ вашими литературными трудами, я все былъ въ тревожномъ состояніи духа со времени обѣщанія вашего прислать мнѣ критику на Карамзина, т. е съ ноября 1821 г., до настоящаго времени... Получивъ письмо ваше, въ которомъ вы требуете возвращенія вашего оригинала, я до смерти испугался, не какіе ли нибудь подкопы моихъ враговъ и завистниковъ побудили васъ къ этому шагу. Издатель «Инвалида», мой главный врагъ, могъ побудить креатуру свою Лобойко, чтобы тотъ что-либо вамъ ложно сообщилъ»...

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 633—656.

Коснувшись редактора «Литературнаго курьера», выбранивъ его за то, что онъ не выписываетъ «Сѣвернаго Архива», тогда какъ иностранные журналы объ немъ хорошо отзываются, Ѳ. В. прибавляетъ: «а Польша не хочетъ упомянуть: стыдъ и срамъ. Поэтому и пала Польша, что чувства зависти и непріязни вѣчно управляли дѣлами работниковъ на одномъ поприщѣ».

Отвѣтомъ на эти вопли и сѣтованія служитъ слѣдующее письмо Лелевеля:

V.

Вильно.—19-то апрѣля 1823 года.

Два ваши письма отъ 4-го и 11-го апрѣля я получилъ: изъ нихъ, изъ вашей откровенности и угрозъ честностью, что не переживете, чтобы васъ назвали обманщикомъ, я могъ понять, что меня самого заподозрѣваютъ въ обманѣ и обвиняютъ въ коварствѣ и обманѣ [1]). Какъ странны подобныя ваши измышленія и для васъ самихъ неприличны— не трудно было бы это выяснить. Но будь, сударь, увѣренъ, что ни излишнія напоминанія, ни подозрительность, оскорбляющая честность, не могутъ ни поощрять писать, ни возбудить во мнѣ какого-то чувства чести (jakiego punktu honoru). Впрочемъ, можете себѣ и дальше меня обижать, если вамъ угодно, но не пеняйте на меня за то, что я объ этомъ писать болѣе не буду—ни въ шутку, ни серьезно.

Переходя къ дѣлу. Пожалуйста, обратите вниманіе на слѣдующія мѣста: въ нихъ надо то прибавить, то поубавить, то измѣнить такъ:

Въ отдѣлѣ о критикѣ. Во первыхъ: Такова судьба историческихъ писателей, что, при величайшемъ ихъ критическомъ усердіи и усиленномъ трудолюбіи, они не въ силахъ избѣгнуть недосмотровъ и неточностей. Въ изслѣдованіяхъ Карамзина, когда вникнемъ въ подробности, намъ не всегда покажется вѣрнымъ то, что вѣроятно. Изъ числа историческихъ источниковъ мы рѣдко осмѣлились бы предпочесть лѣтописи актамъ и грамотамъ, такъ какъ намъ кажется, что лѣтописныя повторенія не могутъ оправдывать явнаго безпорядка. Нѣкоторыя возникающія отъ этого затрудненія намъ придется разсмотрѣть, когда перейдемъ къ подробностямъ [2]).

Въ отдѣлѣ о разсказѣ и изложеніи. Во вторыхъ: Также и польскій писатель (Нарушевичъ), не изображая ясно (bez dobitnego kreślenia) отдѣльныя картины, постоянно обращаетъ вниманіе на внѣшнее

---

[1]) Въ письмѣ отъ 11-го апрѣля 1823 г. Булгаринъ говоритъ: «я не думаю, чтобы вы желали скомпрометировать меня передъ публикой, которой я обѣщалъ, по вашему слову, къ Святой выпустить критику. Клянусь честью, что я не переживу, чтобы меня называли мошенникомъ».

[2]) Ср. «Сѣверный Архивъ», ч. 8, стр. 67. П.

политическое положеніе, ясно разсматриваетъ на сколько оно находится въ связи съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ и не забываетъ внутренней политики, особенно изъясняя усиленіе аристократіи. Русскій писатель, полагая, что читатели знакомы съ внѣшнею политикою, изображаетъ только одну внутреннюю и излагаетъ ее только въ исключительныхъ случаяхъ и описываетъ безъ изслѣдованія, не придавая ея перемѣнамъ характера постоянности. Политику сосѣдей затрогиваетъ не во всей цѣлости, но на сколько она въ связи съ внутренней, etc. [1]).

Въ третьихъ: Также и Нарушевичъ не избѣгаетъ приводить противоположныя мнѣнія и слова, хотя онъ при этомъ болѣе бережливъ (oszczędniejszy) и во всякомъ случаѣ придаетъ цитатамъ свойственный имъ характеръ. При изложеніи подробностей, однимъ изъ главныхъ затрудненій является описаніе характеровъ. Искренно сознаюсь, что въ этомъ отношеніи меня не удовлетворяетъ талантъ исторіографа, достойный удивленія во многихъ случаяхъ. Предлагающіе правила писать исторію совѣтуютъ избѣгать подобныхъ картинъ, такъ какъ есть средство ознакомить съ личностью посредствомъ описанія ея дѣйствій. Даже, по большей части, историкъ знакомится съ характеромъ и наклонностями лицъ по ихъ дѣламъ. Что же, если описаніе характера станетъ въ разрѣзъ съ дѣйствіями? Является тогда неразгаданная загадка, или нестройное сочиненіе, которому недостаетъ ясности и правды. Когда на одной страницѣ восхваляется добродушіе, а на другой мелькнетъ строгость, тогда надо чего нибудь болѣе, чѣмъ восхваленіе добродушія, чтобы это добродушіе не подверглось сомнѣнію. Когда на одномъ листѣ описываются дипломатическіе происки съ цѣлью обмануть трактатомъ и объясняются цѣли, по которымъ трактаты были заключены, чтобы ихъ не сдержать и нарушить,—то ничего не поможетъ при описаніи характера увѣреніе, что это лицо вѣрно соблюдало трактаты. Различныхъ подобныхъ несообразностей не избѣжалъ исторіографъ. Если къ общимъ замѣчаніямъ (zarzut) нужно прибавить примѣръ (то прошу обратить вниманіе на слѣдующее [2]): въ характеристикѣ и описаніи дѣлъ Андрея Боголюбскаго и Даніила Романовича Галицкаго нахожу не совсѣмъ стройное (szykowdy) изложеніе и неясное пониманіе ихъ великихъ подвиговъ. Но среди огромной массой разнообразныхъ происшествій не легко впутаться въ про-

---

[1]) Ср. тамъ же, стр. 70—71.

[2]) Слова въ скобкахъ прибавляетъ Булгаринъ отъ себя, да и все мѣсто передаетъ довольно свободно. Сравненіе буквальнаго перевода съ переводомъ Булгарина показываетъ, какъ была переведена вся критика. Ср. «Сѣверный Архивъ», ч. 8, стр. 78—80. П.

тиворѣчія. Случается, что писатель забываетъ о томъ, что́ сказалъ, и не вполнѣ предвидитъ (przewiduje) то, о чемъ будетъ говорить. Охватить цѣлое и вездѣ быть господиномъ его—не малое искусство. (Наши историки, такъ разнообразные въ разсказѣ и изложеніи и столь замѣчательные въ этомъ отношеніи, въ цѣлости изложенія и т. д. [1]).

Въ четвертыхъ [2]): ...и присоединеніями увеличилась Польша. Какъ она была ослаблена и поколеблена въ домашнихъ раздорахъ, какъ начинаетъ новый ростъ новымъ соединеніемъ. Но вся нить (węzeł) историческаго единства у Карамзина является идеальною, у Нарушевича прямо очередною (prosto kolejny).

Любовь къ истинѣ несомнѣнно обоими и т. д. (управляла).

Въ отдѣлѣ сохраненіи истины. Въ пятыхъ: Россійскій исторіографъ не заботился о сильномъ безпристрасіи, и потому изображаетъ дѣйствительность не въ наготѣ, а въ нѣкоторомъ убранствѣ. Несомнѣнно, что въ нравственномъ отношеніи она всякому понравится, но, по другимъ причинамъ, необходимо должна произвести различныя впечатлѣнія. Случается, что этотъ покровъ сохраняетъ въ цѣлости выраженіе и силу правды, не смотря на яркость красокъ, какими иногда прикрываются событія [3]).

Въ шестыхъ:.... рыцарская честь не безъизвѣстна Рюрикамъ. Отъ сихъ поръ слѣдующія слова (здѣсь обращая рѣчь къ тому, какъ они разукрашены понятіями времени) выбросить и сейчасъ перейти къ слѣдующему параграфу, начиная отъ 2. Чувства народности [4]).

На этотъ разъ пусть этого будетъ довольно, только еще поручаю вашей благосклонной памяти то прибавленіе съ замѣткой и цитатами изъ Шлецера и кого-то еще, что̀ въ прежнемъ въ письмѣ послалъ. Этой замѣтки на-скоро не могу найти у себя, но надѣюсь, что вы ея не забросили.

Промедленіемъ напечатанія второй статьи моей рецензіи я весьма доволенъ, такъ какъ я до сихъ поръ не могъ приготовить третьей. Помимо многихъ мыслей, приведенныхъ въ порядокъ понятій, я

---

[1]) Словъ въ скобкахъ не находится въ «Сѣв. Архивѣ».

[2]) Въ «Сѣв. Архивѣ» ч. 8, стр. 150, находимъ начало этихъ словъ, которое для большей ясности приводимъ: «Нарушевичъ въ сильныхъ выраженіяхъ изображаетъ какимъ образомъ Польша увеличивалась и усиливалась посредствомъ присоединеній» и т. д. Подчеркнутыхъ словъ, которыя Лелевель просилъ прибавить, не находимъ.

[3]) Ср. тамъ же, стр. 159.

[4]) Булгаринъ придалъ другой порядокъ изложенію и не вполнѣ исполнилъ требованіе Лелевеля. При томъ у него сказано «рыцарская честь была извѣстна русскимъ» вмѣсто Рюрикамъ. «Сѣв. Архивъ», ч. 8, стр. 288. П.

едва написалъ одинъ листъ; столько явилось затрудненій въ провѣркѣ, розысканіяхъ, что никакимъ образомъ я не могъ поспѣть—такъ я занятъ работами по службѣ. Уже мнѣ хотѣлось оставить эту рецензію, какъ явились непредвидѣнныя затрудненія и опять побуждаютъ меня къ болѣе медленному и старательному продолженію. Приходится затрогивать щекотливые вопросы: обрушать (walić) мнѣнія Карамзина. Но угрязнувши—надо бродить дальше (ugrzązn̨awszy trzeba brnąć daléj).

Вѣроятно, г. Сенковскій ожидаетъ отвѣта на свое длинное письмо и еще бо́льшую книгу, но, однако, не скоро дождется. Пока же объявляю, что я никогда не слыхалъ, чтобы Хвалынское море было Азовское; я всегда зналъ, что это Каспійское; во вто́рыхъ, никогда я не писалъ, что славяне пришли изъ Азіи, развѣ тогда, когда вышли изъ Ноеваго ковчега, что меня не касается. Я знаю славянъ осѣдлыхъ на одномъ мѣстѣ, носящихъ шаравары такъ, какъ носили въ Персіи и Ассиріи подъ названіемъ сарабари, и играющихъ на бандурѣ, похожей на ту, какую подъ именемъ бандуры употребляли въ Ассиріи. Объ этихъ любопытныхъ вещахъ не нахожу у г. Сенковскаго. Но теперь не такъ дѣлаются изслѣдованія о началѣ народовъ, есть совсѣмъ другіе пріемы, не тѣ снадобья (akcessorya), которыми полна книга г. Сенковскаго и которыя иначе должны быть понимаемы и ничего не могутъ свидѣтельствовать противъ истины и существованія (bytu) народа. Постараюсь сообщить г. Сенковскому мое изслѣдованіе о началѣ славянъ; не найдетъ онъ въ немъ никакого хвастовства, но искреннее розысканіе истины. Взаимной меня памяти доброжелательный слуга Лелевель Іоахимъ».

Въ этомъ длинномъ письмѣ, отъ 2-го апрѣля 1823 г., Сенковскій затрогиваетъ вопросъ о происхожденіи леховъ и славянъ; при этомъ онъ проситъ Лелевеля прочесть письмо до конца съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ онъ разбираетъ Карамзина. Вотъ нѣкоторыя любопытныя мѣста:

Въ твоемъ прошломъ письмѣ ты говоришь, что лехи славяне пришли отъ Хвалынскаго озера. Не знаю, что ты подразумѣваешь подъ Хвалынскимъ озеромъ, я же подъ этимъ не могу ничего иного подразумѣвать какъ Каспійское море... знаю, однако, что нѣкоторые наши писатели, на половину разслыша это названіе, относили его совершенно неправильно къ Азовскому морю... Вѣроятно, не зная этого, ты употребилъ Хвалынское озеро въ значеніи Азовскаго моря, такъ какъ я предпочитаю полагать, что ты хочешь вывести Славянъ съ береговъ Азовскаго моря, а не Каспійскаго...

«Но всѣ факты опровергаютъ мнѣніе будто славяне жили вблизи Чернаго моря... Скиѳы никогда не были славянами, сарматы тоже... Все сѣверное прибрежье Чернаго и Азовскаго морей, равно какъ Волгу и Каспійское море

заселяли изъ-поконъ вѣковъ народы угрскаго, турецкаго и курдскаго племени и никогда среди нихъ не было никакого славянина. Какимъ же образомъ могли оттуда явиться лехи славяне? А если лехи пришли съ Азовскаго моря, то они никогда не были славянами.—Впрочемъ, излишни длинныя доказательства, слѣдуетъ только оставить нѣкоторое предубѣжденіе, чтобы убѣдиться, что польское дворянство и крестьяне принадлежитъ къ двумъ различнымъ племенамъ.

«Очень жалѣю, что я не знакомъ съ твоими изслѣдованіями о славянахъ и вовсе не знаю твоего объ этомъ вопросѣ мнѣнія. Одно меня безпокоитъ, что, пожалуй, мы слишкомъ разошлись и впали въ двѣ крайности».

Удовлетворяя желанію Сенковскаго, Лелевель послалъ ему черезъ Булгарина два свои разсужденія о славянахъ, прося его высказать свое мнѣніе. Но Сенковскій отказался быть судьею въ этомъ вопросѣ, ссылаясь, въ письмѣ отъ 5-го января 1824 г., на то, что онъ славянствомъ не занимался спеціально и что самъ Лелевель, посылая ему свои статьи, заранѣе зналъ, что онѣ съ его стороны вызовутъ «невольное восхваленіе его изслѣдованій и серьезной критики».

Въ ноябрѣ 1823 г. Булгаринъ помѣстилъ въ «Сѣв. Архивѣ» вторую статью критики исторіи Карамзина и сдѣлалъ при этомъ замѣчаніе, въ которомъ такъ извиняется въ промедленіи: «Представляя читателямъ моимъ продолженіе сей критики гораздо позже, нежели было обѣщано, я долженъ объяснить тому причины и объявить, что я виноватъ въ промедленіи безъ всякаго умысла. Основываясь на письмахъ почтеннаго г. Лелевеля и на его обѣщаніи, извѣстилъ я своихъ читателей о продолженіи сей статьи, не предвидѣвъ, что разныя занятія по службѣ и путешествіе [1]) отвлекутъ почтеннаго сочинителя рецензіи отъ скораго окончанія предпринятаго имъ труда. Нынѣ получилъ я отъ него обѣщаніе въ томъ, что онъ непремѣнно кончитъ оный, и твердо увѣренъ, что почтенный Лелевель, столько же извѣстный въ Польшѣ своими свѣдѣніями, какъ и нравственностью, не измѣнитъ своему слову и не подвергнетъ нареканію себя, издателя «Сѣвер. Архива» и своихъ соотчичей: ибо поступокъ гражданина всегда отсвѣчивается на его соотечественникахъ». («Сѣв. Архивъ», ч. 8, стр. 52).

По выходѣ въ свѣтъ этого выпуска, онъ писалъ къ Лелевелю по поводу своего примѣчанія и нѣкоторыхъ подробностей, касающихся критики. Но въ числѣ изданныхъ писемъ Булгарина мы не находимъ подобнаго письма на своемъ мѣстѣ. Оно несомнѣнно означено невѣрно польскимъ издателемъ— 1825 годомъ: вмѣсто 1825 года, слѣдуетъ читать 1823 г.; это будетъ очевидно, когда мы сопоставимъ его съ письмомъ Лелевеля отъ 25-го ноября 1823 года. Оно и есть прямой отвѣтъ на письмо, невѣрно помѣченное 1825 годомъ.

Русскій переводчикъ сдѣлалъ еще одну ошибку, поставивъ, вмѣсто ноября—апрѣль. По нашимъ соображеніямъ письмо относится къ 15-му ноября 1823 г, Вотъ что̀ въ немъ Булгаринъ пишетъ:

«Имѣю честь увѣдомить, что продолженіе критики вашей принято съ большимъ энтузіазмомъ, какъ и первая часть. Философскія и научныя замѣчанія ваши и глубокое изученіе труда Карамзина доставили вамъ всеобщую

[1]) Объ этомъ путешествіи Лелевеля ничего не извѣстно. П.

извѣстность. Не знаю, понравилось ли вамъ мое раздѣленіе критики: я дѣлалъ такъ, какъ нужно для публики, которую я хорошо знаю. Я не измѣнилъ ни одной вашей мысли, не прибавилъ ни одной своей. Изъ писемъ я включилъ прибавленія, какъ могъ ихъ понять,—это былъ ужасный трудъ и мы съ Сенковскимъ едва могли отыскать надлежащія мѣста. Цензура вычеркнула только «не стало Польши и Нарушевича» и еще пару фразъ объ участи Польши. Вы, вѣроятно, прочитали мои извиненія передъ публикой; польская честь и ваша личность (osobistosc) дозволяютъ надѣяться, что вы будете продолжать критику, которую, согласно желанію вашему, обѣщалъ я дать читателямъ. Послѣ всего того, что я писалъ въ своемъ журналѣ о вашихъ трудахъ и направленіи, надѣюсь, что вы не захотите моей погибели, такъ какъ, въ случаѣ недоставленія критики, я прекращаю изданіе журнала, но слава ваша, честность и любовь къ наукамъ утверждаютъ меня въ надеждѣ скоро увидѣть продолженіе, котораго ожидаю какъ жиды Мессія».

Весьма характерно коротенькое письмо Булгарина отъ 21-го апрѣля 1823 г. «Ѳадей Булгаринъ поздравляетъ васъ съ праздникомъ и осмѣливается напомнить обѣщаніе, что на Святой критика на Карамзина будетъ окончена. Какъ трава дождя, какъ жиды Мессіи, такъ Булгаринъ ожидаетъ критики. Этотъ же Ѳадей Булгаринъ посылаетъ тысячи просьбъ, падаетъ на колѣни и, возводя руки къ небу, молится и проситъ о критикѣ. Сжальтесь надо мною».

На эти два письма Лелевель отвѣчалъ:

VI.

25-го ноября 1823.—Вильно.

М. Г. Когда я уже собирался отправить мои дальнѣйшіе отрывки (ramoty), я получилъ ваше письмо, которымъ меня извѣщаете о благосклонномъ принятіи моихъ замѣтокъ единственно съ цѣлью побудить (zachęcić) меня продолжать критику.

Пропущенныя мѣста я замѣтилъ и не надѣялся, чтобы ихъ пришлось выбросить. Но что-жъ дѣлать, когда иначе быть не можетъ. Этимъ моя мысль нѣсколько поддернута (podkasana). Прибавленія, посланныя послѣ, вошли въ свои мѣста. Что я читалъ до сихъ поръ вполнѣ отвѣчаетъ моимъ мыслямъ, по крайней мѣрѣ не могу оцѣнить на сколько переводъ могъ удалиться. Жалѣю только одного слова—когда я говорилъ о слогѣ Нарушевича, сначала сказалъ о силѣ (moc) слога, а затѣмъ о мужественномъ языкѣ, имъ употребляемомъ, а это слово мужественный исчезло въ переводѣ и замѣнено также силою. Но и это ничего не значитъ.

Раздѣленія и заглавія, которыя вы подѣлали, не вполнѣ меня удовлетворяютъ. Но и это ничего не значитъ. Я всетаки (zawsze) вамъ благодаренъ за благосклонное принятіе моихъ статеекъ (ramot) и столь серьезное къ нимъ отношеніе.

Теперь вамъ посылаю, какъ недавно изъ Волыни, два сочиненія о сарматахъ и аланахъ — не для васъ, но для г. Осипа (Сенковскаго), автора Леховъ-Лезгинъ. О сарматахъ не кончено: я потерялъ послѣднюю статью. Ожидаю мнѣнія г. Осипа объ этихъ двухъ маленькихъ изъ моихъ обширнѣйшихъ и несравненно обширнѣйшихъ изслѣдованій. Но только не такого a priori, какое я получилъ о славянахъ, а по прочтеніи и при болѣе свободномъ для этого времени.

Третій отрывокъ о Карамзинѣ озаглавите какъ вамъ угодно, такъ какъ я не умѣю хорошо озаглавить. Послѣдующія мои статьи будутъ озаглавлены, какъ это видно изъ окончанія этого третьяго отрывка. Видишь, мой сударь, что я думаю продолжать и что это затягивается (zanosi) на что-то весьма большое, пожалуй, и безконечное. Если для васъ не удобна слишкомъ обширная рецензія, то напишите мнѣ о вашемъ неудовольствіи и я, согласно вашему желанію, сожму (zwinę) въ болѣе тѣсныя рамки.

Примѣчаніе, о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ, я читалъ и не понялъ. Читали и другіе и хорошо мнѣ не объяснили. Такое или иное объясненіе будетъ въ примѣчаніяхъ—это пустяки (mała to rzecz). Скажите мнѣ только, сударь, не надоѣстъ ли «Сѣверному Архиву» слишкомъ обширная рецензія, или скажите мнѣ, когда надоѣстъ.

Лобойко много трудился для г. Осипа, чтобъ ему собрать полный комплектъ. Хорошо бы однако было, еслибъ объ институтѣ и дальнѣйшихъ обязанностяхъ и судьбахъ были сообщены болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Много самыхъ даровитыхъ устрашаются поспѣшностью и неясностью условій службы. Хорошо бы знать будутъ ли вакансіи на будущій годъ послѣ замѣщенія ихъ въ нынѣшнемъ году? Сообщите это г. Осипу и соблаговолите извѣстить въ письмѣ ко мнѣ.

И то замѣтилъ, что Нарушевичъ ославяненъ [1]) (usłowiańszczony).

Мое почтеніе и поклонъ, благосклонному мнѣ сердцу покорнѣйшій слуга Лелевель.

Окончивъ это письмо, я дочиталъ отрывокъ, помѣщенный въ 20 №, и не могу промолчать, что я былъ озадаченъ переводомъ, на стр. 160, словъ—отъ ослѣпленія политическими мнѣніями. Я раздѣляю на три пункта и въ заглавіи не хотѣлъ быть критикомъ. Такой переводъ можетъ причинить мнѣ непріятности.

Примѣчанія. Въ критикѣ, въ томъ видѣ какъ она помѣщена въ «Архивѣ», сказано. «Истина искажается по слѣдующимъ причинамъ: 1) чрезъ сообщеніе прошедшему времени характера временъ настоящихъ; 2) когда писатель увле-

[1]) Въ этой части критики Нарушевичъ и Карамзинъ называются славянскими писателями.

кается чувствомъ народности; 3) отъ привязанности къ своей религіи; 4) отъ ослѣпленія политическими мнѣніями».

Лелевель въ письмѣ № VI, говоритъ объ институтѣ восточныхъ языковъ, какъ это оказывается изъ письма Сенковскаго отъ 5-го января 1824 г., гдѣ онъ говоритъ:

«Когда-то ты упомянулъ объ ученикахъ восточныхъ языковъ. Это было бы весьма хорошо, но съ тѣхъ поръ, какъ оклеветали нашу молодежь, что она заражена опаснымъ духомъ, нечего объ этомъ и думать. Можно еще самимъ быть заподозрѣнными. Надо это предоставить времени».

VII.

22-го декабря 1823.—Вильно.

№ 22 изд. 1823 г. «Сѣвернаго Архива» получилъ, повторяю мою благодарность за переводъ, и за прибавленіе цитатъ (много) обязанъ. Нѣсколько мнѣ жалко выпущенныхъ въ переводѣ мѣстъ, особенно (mianowicie) тѣхъ, которыхъ опущеніе причинило то, что высказаны не всѣ характеристики Карамзина, которыя я могъ подмѣтить.

Хотя я и читаю, что это окончаніе, но надѣюсь, что это касается окончанія обширныхъ замѣчаній, и полагаю, что вы получили присланный, мѣсяцъ тому назадъ, отрывокъ, въ которомъ я такъ широко распространился о Ладогѣ и Новгородѣ.

Теперь посылаю четвертый отрывокъ [1]), прося: 1) мои рукописи (raptularze), какъ третью, такъ и четвертую, вернуть мнѣ назадъ [2]); 2) увѣдомить меня—хорошо ли я дѣлаю, что такъ широко распространяюсь? Можетъ быть, вы желали бы, чтобы я окончилъ короче. Прошу откровенно сообщить мнѣ ваше желаніе.

Нѣсколько лицъ, занимающихся древнею исторіей, какъ здѣсь въ Вильнѣ, такъ и въ Варшавѣ, обрушились на Карамзина за времена короля Даніила. Объ этихъ временахъ уже и я хотѣлъ много писать. Пожалуй, они доставятъ (dostarczą) мнѣ больше матеріаловъ. Это наши священники.

По поводу новаго года посылаю мои пожеланія всякаго благополучія вамъ и дорогому г. Осипу, которому кланяюсь.

---

[1]) Помѣщенъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1824 г., ч. 9, стр. 163; ч. 11, стр. 132—143, 187—195; ч. 12, стр. 47.

[2]) Булгаринъ, по миновaніи необходимости, вернулъ рукописи Лелевелю и въ одномъ изъ писемъ писалъ: «Оригиналъ вашъ отсылаю съ первою почтою». Это подало поводъ русскому переводчику писемъ Булгарина предположить, что Лелевель потребовалъ рукопись обратно, вслѣдствіе возникшихъ разногласій, и отказывался печатать. Такое мнѣніе опровергается письмами Лелевеля.

Жалѣю, что тамъ, гдѣ различаю civitates отъ castra [1]), не привелъ: 1) заглавія Софійскаго Временника, недавно изданнаго канцлеромъ [2]), стр.... 2) мѣста, котораго теперь найти не могу, въ которомъ говорится, что въ городѣ Великаго Новгорода есть два дворца [3]). Эти мѣста доказываютъ, что у славянъ городъ есть castron, и мѣсто употребляется не въ нынѣшнемъ русскомъ значеніи, но въ старинномъ, которое сохранилось донынѣ и въ польскомъ. Если найду цитаты, то, можетъ быть, пришлю вò-время, но ихъ ожидать нечего.

Г. Онацевичъ припоминаетъ вамъ о Волынскомъ лѣтописцѣ. Какъ бы онъ мнѣ былъ необходимъ для рецензіи. Уговариваетъ (podbechtuje) меня Онацевичъ не писать дальше, пока не исполните своего обѣщанія. Не знаю какое тамъ у васъ заключено условіе (jaka umowa stanęła). Если бъ, однако, оно могло быть исполнено, я бы очень этимъ воспользовался. Много ли стоило бы труда получить копію Волынскаго лѣтописца? Лелевель.

На это Булгаринъ между прочимъ отвѣчалъ, 15-го іюня 1824 г.: «Честь имѣю увѣдомить, чѣмъ больше—тѣмъ лучше, такъ какъ каждое ваше слово имѣетъ цѣну и вѣсъ... Онацевичъ—чудакъ: вобьетъ себѣ что либо въ голову и не позволяетъ себя разубѣдить. Я рѣшительно нигдѣ не видѣлъ Волынскаго лѣтописца, а онъ осаждаетъ меня требованіемъ выслать его... Я весьма люблю и уважаю честнаго и добраго Онацевича и радъ получать его письма, но очень прошу, чтобы онъ не вкладывалъ въ свои письма стиховъ Кохановскаго и чтобы не разогрѣвалъ ихъ патріотизмомъ, такъ какъ это вовсе не согласуется съ моимъ образомъ жизни и моею судьбой. Я смотрю только въ книги, а чтò дѣлается въ свѣтѣ—не хочу знать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего продолженія и прошу также разрѣшенія: кое что, важное для края и обычаевъ, перелагать въ иную форму...

«...Прошу увѣдомить Контрыма, Онацевича, Шидловскаго, чтобы они мнѣ не рекомендовали виленской молодежи, потому что съ виленской молодежью больше бѣды, чѣмъ толку. Я рѣшительно ни одного изъ студентовъ принимать у себя не буду: Богъ съ ними, а намъ, спокойнымъ литераторамъ, слѣдуетъ отъ нихъ сторониться».

---

[1]) «Сѣв. Архивъ», ч. 9, стр. 92.

[2]) Рѣчь объ изданіи, вышедшемъ на иждивеніи гр. Н. П. Румянцева, подъ ред. П. М. Строева, 1820—1821 гг.

[3]) Даже въ Софійскомъ часто говорится о городѣ, построенномъ у мѣста. Прим. Лелевеля. П.

VIII.

8-го iюня 1824.—Вильно.

«М. Г. Слишкомъ уже давно я къ вамъ не обращался. Не знаю сердитесь ли на меня за это или нѣтъ, но такъ какъ не получаю обратно моихъ посланныхъ вамъ отрывковъ, да притомъ послѣдняго отрывка не нахожу въ «Сѣверномъ Архивѣ» [1]), то думаю, что нѣтъ ничего такого, чтó-бы побуждало писать скорѣе. Вы мнѣ обѣщали (можетъ быть, въ шутку) 60 писемъ (о нихъ напоминаю здѣсь въ шутку [2]). Но, пожалуй, дальнѣйшій мой трудъ надъ Карамзинымъ сдѣлался не нужнымъ. Во время приближающихся вакацій я могъ бы вамъ прислать бóльшую часть (znaczną partyjkę). Можетъ быть, вы сердитесь на меня, но если бы меня ближе видѣли, то простили бы. О томъ, что Погодинъ написалъ и меня хотѣлъ поймать, въ свое время на своемъ мѣстѣ скажется. Г. Сенковскому я долженъ отвѣтъ и различныя благодарности, но потому, что мнѣ надо къ нему писать много, то едва соберусь во время вакацій; пока посылаю поцѣлуй. Это короткое письмо пишу нá-скоро, чтобы припомнить себя вашему вниманію.

Всегда съ истиннымъ почтеніемъ искренно доброжелающій и преданный покорнѣйшій слуга Лелевелъ».

На послѣднее письмо Булгаринъ не отвѣтилъ, и конца критики не помѣстилъ, хотя прежде такъ настойчиво ее требовалъ: «какъ трава дождя, какъ жиды Мессіи, такъ Булгаринъ ожидаетъ критики». Какая была причина такому вдругъ появившемуся нежеланію, пока еще невозможно рѣшить, за недостаткомъ къ тому данныхъ.

Напечатавъ въ октябрьской книжкѣ «Сѣвернаго Архива» за 1824 г. послѣднюю часть критики, Булгаринъ отмѣтилъ, что «будетъ продолженіе» и прибавилъ: «я не имѣю болѣе подлинника критики г. Лелевеля. Но онъ обѣщалъ мнѣ доставить продолженіе».—Изъ письма Сенковскаго отъ 18-го (30-го) іюня 1825 г. видно, что Лелевелъ прислалъ продолженіе критики вмѣстѣ съ письмомъ къ Булгарину. Это письмо Сенковскаго любопытно еще и въ томъ отношеніи, что содержитъ въ себѣ характеристику Булгарина. Поэтому мы сдѣлаемъ изъ него бóльшія выдержки. Вотъ важнѣйшія мѣста:

---

[1]) Продолженіе напечатано въ августовской и ноябрьской книжкахъ.
[2]) См. письмо Булгарина отъ 4-го апрѣля 1823 года. Мы его привели выше. П.

«Твою статью о Карамзинѣ я давно отдалъ Булгарину; но твое второе письмо еще лежитъ у меня... Онъ теперь живетъ гдѣ-то въ деревнѣ, а въ городѣ у него нѣтъ квартиры; въ типографію Греча отдавать не хочу, такъ какъ тамъ все теряютъ. Что же касается самого Булгарина, то онъ какъ бы сошелъ съ ума; ихъ дѣло съ Тышкевичевой проиграно въ государственномъ совѣтѣ; онъ, какъ трусъ и часто теряющій голову, мечется въ разныя стороны, какъ подстрѣленный. Онъ, какъ и всѣ мы, твой почитатель и никогда не перестанетъ быть имъ. Вотъ его характеристика, по которой можно судить объ этомъ выдающемся индивидуумѣ.

«Хотя у меня есть разныя причины быть недовольнымъ его поступками и характеромъ, однако я никогда не переставалъ думать, что онъ весьма честный человѣкъ; онъ всегда остается полякомъ и такимъ хочетъ показаться среди русскихъ, что̀ дѣлаетъ ему честь, въ чемъ отдаютъ ему справедливость и русскіе. Однимъ изъ главныхъ его недостатковъ—порокъ, свойственный почти всѣмъ тучнымъ—это несносный эгоизмъ, слѣдствіе тучности. Это скряга (Harpagon), который является самымъ равнодушнымъ ко всѣмъ несчастіямъ другихъ; но когда украдутъ у него шкатулку, тогда съ яростью кричитъ: qu'il n'y a point de suplice, de peine, de potence au monde, pour punir convenablement un crime aussi affreux, que celui de m'avoir volé ma chère cassette. — Таковъ нашъ Ѳадей и я часто ему повторяю, что онъ отвратительный эгоистъ; нѣсколько дней тому назадъ я сказалъ ему то же и онъ это благосклонно выслушиваетъ отъ меня, разъ, потому что ему пріятнѣе всего его отяжелѣлость (ocięžałość) во вторыхъ, потому, что знаетъ, что такое замѣчаніе съ моей стороны не можетъ имѣть личнаго характера. Такъ какъ онъ самъ безъ характера, то имъ управляютъ обстоятельства и люди, среди которыхъ онъ вращается... Мнѣ кажется, что онъ постоянно расположенъ ко мнѣ дружелюбно, хотя наши характеры діаметрально противоположны; онъ даже довольно часто слушается меня, такъ какъ знаетъ, что въ томъ, о чемъ я говорю, у меня нѣтъ никакихъ интересовъ; но у насъ случаются частыя столкновенія, какъ дѣло зайдетъ о томъ, чтобы сдѣлать что нибудь. Я могу сказать про себя, что во мнѣ есть та часть нашего народнаго характера, что я не имѣю понятія объ эгоизмѣ и меня возмущаетъ этотъ порокъ у другихъ. Поэтому, когда надо кому-нибудь помочь, я берусь горячо, а Булгарина нахожу въ этомъ случаѣ точно выдѣланнаго изо льда. Часто (такъ какъ только у насъ такія отношенія, а не личныя) происходитъ между нами горячій споръ, среди котораго я ему выскажу всю правду, какую чувствую. Я полагаю, что это самое лучшее средство противъ эгоизма отъ тучности. У него, въ сущности, доброе сердце. Онъ, чтобы спорить со мною, разгорячится, разсердится, встанетъ со своей подушки, взволнуется и такимъ образомъ разшевелится, врожденная доброта сердца беретъ перевѣсъ надъ лѣностью и тогда самъ сознается, что потому не соглашался со мною, что лѣнился, и такъ всегда помиримся.

«Пишу объ этомъ къ тебѣ, чтобы ты зналъ его по этимъ чертамъ характера. Когда ты долго не присылалъ ему начатой рецензіи, онъ часто приходилъ въ отчаяніе, прибѣгалъ ко мнѣ, говорилъ, что ты лишилъ его чести, сердился, проклиналъ поляковъ, но я смѣялся... И дѣйствительно, когда я теперь далъ ему твою статью, то нѣтъ уже другаго человѣка, болѣе ученаго, болѣе честнаго болѣе хорошаго, чѣмъ ты, и еслибъ я теперь въ шутку сказалъ бы, что противъ тебя, то выцарапалъ бы мнѣ глаза... И такъ, будь твердо увѣренъ, что Булга-

ринъ не остынетъ къ тебѣ, за это могу ручаться, но придетъ въ отчаяніе всякій разъ какъ только опоздаешь со своею статьею».

3-го марта 1826 года Сенковскій тоже упоминаетъ о критикѣ:

«Рецензію Карамзина я самъ теперь перевожу на русскій языкъ, ты долженъ извинить, что такъ опоздали, этому ни я, ни издатель не виноваты, а обстоятельства. Гречъ опасно заболѣлъ и Булгаринъ остался самъ писателемъ, издателемъ и корректоромъ въ трехъ журналахъ и никакимъ образомъ не могъ заняться твоими статьями».

Не смотря, однако, на всѣ эти увѣренія Сенковскаго, критика больше не появилась и она прекратилась на статьѣ, помѣщенной въ ноябрѣ 1824 г. Точно также прекратилась и переписка по этому вопросу и письма—Лелевеля отъ 8-го іюня 1824 г. и Булгарина отъ 15-го іюня—послѣднія, если только не затеряны послѣдующія. Теперь насталъ новый періодъ въ жизни Лелевеля. Наступило 14-го августа 1824 года. Но припомнимъ нѣкоторые факты, предшествовавшіе этому дню.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По уставу Виленскаго университета, студентамъ дозволялось образовывать общества и кружки съ научно-образовательною цѣлью. Въ Вильнѣ до 1823 г. совершенно открыто существовало общество лучезарныхъ, основанное Заномъ, а затѣмъ его отдѣленія—общество филаретовъ и филоматовъ. Прибывшій въ этомъ году изъ Варшавы, Новосильцевъ призналъ ихъ противозаконными и назначилъ слѣдствіе, въ которомъ ревностно ему помогъ исправлявшій должность ректора, Пеликанъ, въ послѣдствіи занявшій видное мѣсто въ Петербургѣ по медицинской части. Начались аресты студентовъ, наблюденія за профессорами, особенно любимыми студентами. На первомъ планѣ очутился Лелевель и профессоръ философіи Голуховскій, которому Новосильцевъ велѣлъ даже представить програму чтеній и возвратилъ ее, сдѣлавъ нѣкоторыя исправленія и дополненія. Такъ какъ курсъ Голуховскаго былъ публичный, то для надзора за выполненіемъ программы былъ назначенъ виленскій капитанъ-исправникъ. По окончаніи годичнаго курса онъ представилъ отчетъ, въ которомъ просилъ освободить его отъ этой обязанности, въ виду его незнакомства съ философской терминологіей. Вслѣдствіе такого рапорта исправника, Голуховскому приказано выражаться понятнымъ языкомъ. Все это продолжалось недолго и на представленіе Новосильцева послѣдовалъ указъ 14-го августа 1824 года, по которому закрывались

студенческія общества, члены ихъ развозились по разнымъ мѣстамъ имперіи, а молодые профессора Лелевель, Даниловичъ, Голуховскій и Боровскій получили приказаніе удалиться изъ Вильны. Даниловичъ получилъ мѣсто профессора въ Харьковѣ, а Лелевель уѣхалъ въ Варшаву, на родину.

Въ Варшавѣ онъ уже не хлопоталъ о какомъ нибудь постоянномъ занятіи, сталъ обдумывать средства для изданія своихъ сочиненій и поступилъ въ члены общества любителей наукъ. При изданіи приходилось постоянно бороться съ цензурой или какъ нибудь обходить ее: все подписанное Лелевелемъ не пропускала варшавская цензура. Лелевель послалъ одно сочиненіе въ Краковъ, но ему вернули съ надписью: не дозволяется печатать; тогда онъ переписываетъ и посылаетъ въ Петербургъ, гдѣ дозволено. «Съ такимъ разрѣшеніемъ послалъ,— разсказываетъ Лелевель,—къ варшавскому цензору Лубковскому, увѣдомляя, что, оставивъ намѣреніе печатать въ Петербургѣ, хочетъ издать въ Варшавѣ. Отчаяніе! печаль! Лубковскій проситъ автора кое-что измѣнить; авторъ говоритъ, что не можетъ, такъ какъ пришлось бы оскорбить императорскую цензуру, самъ королевскій цензоръ въ не состояніи помочь бѣдѣ. Ну, за совѣтомъ къ совѣтнику Шанявскому. Продержавъ порядкомъ, поподчеркивалъ красными чернилами нѣсколько фразъ и, разрѣшая печатать, надписалъ, что «обращается вниманіе автора на подчеркнутыя выраженія». Полагая, что цензоръ не въ состояніи будетъ допустить, чтобы явилось другое сочиненіе Лелевеля, когда одно печатается, Лелевель посылаетъ ему, чрезъ своего пріятеля Адріяна Кржижановскаго, «Исторію Польши», безъ подписи. Разрѣшеніе обѣщано, печатаніе, по мѣрѣ цензорскаго дозволенія, подвигается впередъ; вдругъ къ цензору является Миклашевскій, авторъ учебника «Польской Исторіи», который, увидя рукопись, сказалъ: «а, это почеркъ Лелевеля!» Лубковскій поблѣднѣлъ, не даетъ дальнѣйшаго разрѣшенія, совѣтуется съ Шанявскимъ и только по настоянію Кржижановскаго, весьма вліятельнаго въ Варшавѣ, разрѣшеніе получено. Несмотря на постоянныя цензурныя затрудненія, Лелевель издалъ въ Варшавѣ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій.

Кромѣ занятія своими учеными трудами, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества любителей наукъ, работая въ отдѣльныхъ его коммисіяхъ. Его старанію слѣдуетъ приписать избраніе въ предсѣдатели Немцевича на мѣсто умершаго Сташица. Въ это время Булгаринъ, вѣроятно, вспомнилъ о старомъ знакомомъ, посылая къ нему свое сочиненіе для передачи обществу и предсѣдателю. Письмо, которымъ сопровождались книги, не находится между изданными, но можно допустить, что въ немъ Булгаринъ самъ просилъ

Лелевеля о предложеніи его въ члены общества. Это ясно изъ отвѣтнаго письма Булгарина, написаннаго по полученіи извѣстія объ избраніи.

«12-го февраля 1829 г. Первое извѣстіе о моемъ избраніи въ члены общества получилъ въ вашемъ письмѣ. Безъ лести, ваше стараніе не мало содѣйствовало и самому выбору. Посылаю вамъ искреннюю благодарность за это доказательство дружескаго расположенія, удержать которое далѣе будетъ для меня пріятнымъ стараніемъ. Почти единогласный выборъ общества превзошелъ всѣ мои ожиданія; безъ лести, на мнѣ вы (т. е. общество) представили доказательство, что стараетесь поощрить и заохотить къ труду и далеко живущихъ, и пишущихъ на другихъ языкахъ земляковъ своихъ. Сегодня же пишу въ общество и къ достопочтенному президенту, но кромѣ того прошу васъ вторично выразить мою благодарность и увѣрить, что я не упущу ни малѣйшей возможности заслужить благосклонность моихъ новыхъ товарищей и доказать имъ, какъ я высоко цѣню оказанную мнѣ честь».

Это письмо было отвѣтомъ на письмо Лелевеля, въ которомъ онъ извѣщаетъ Булгарина объ избраніи его въ члены общества.

IX.

6-го января 1829.—Варшава.

Письмо и два экземпляра вашего сочиненія передалъ обществу и президенту общества. Очень мнѣ хотѣлось не давать президенту экземпляра прекрасныхъ вашихъ сочиненій и задержать себѣ, такъ какъ старый нашъ президентъ едва просмотрѣлъ въ нихъ гравюры. Дать отчетъ о вашихъ сочиненіяхъ назначенъ Лука Голембёвскій [1]. Онъ высказалъ свое мнѣніе съ обыкновенною сладостью, радуясь тому, что въ нихъ нашелъ польскаго или славянскаго. Когда наступило время подачи кандидатовъ, я, согласно правиламъ, написалъ мотивы и вмѣстѣ съ другими товарищами предложилъ васъ въ число кандидатовъ. 4-го января, въ воскресенье, происходило избраніе и я спѣшу васъ извѣстить, что громаднымъ большинствомъ (zupełna większość), почти единогласно, въ число членовъ-корреспондентовъ принятъ Өадей Булгаринъ. Примите это извѣстіе отъ своего товарища, помнящаго о вашемъ благосклонномъ вниманіи. Если есть у васъ время, то напишите въ общество или къ президенту, что объ этомъ узнали отъ меня, и присовокупите какой-нибудь комплиментъ обществу. Скорѣе обратишься — скорѣе вышлютъ тебѣ дипломъ. Благосклонный товарищъ и слуга Лелевель.

---

[1]) Извѣстный изслѣдователь древняго польскаго быта.

X.

Варшава.—22-го апрѣля 1830 г.

Любезный товарищъ. Дорогой твой подарокъ я получилъ [1]). Поздравляю и безконечно радуюсь, что читатели въ Россіи умѣютъ оцѣнить твой талантъ. Пользуйся имъ, товарищъ, на славу себѣ, твоему народу и землякамъ, которые гордятся тобою. Наши переводчики начинаютъ твое сочиненіе расхватывать межъ собою, жаль, что ты еще не попалъ на достойнаго себя—и Радецкій и Микульскій не передали «Выжигина» какъ слѣдуетъ, а отъ Бучинскаго невозможно тебѣ и ожидать, чтобы хорошо исполнилъ (sprawił się). Впрочемъ, я увѣренъ, что у насъ «Димитрія» будутъ расхватывать. Но зачѣмъ ты, сударь, сдѣлалъ его такимъ мошенникомъ (łotr). Благодаренъ тебѣ, товарищъ, за память, сохраняй меня въ своемъ сердцѣ и будь увѣренъ въ постоянномъ моемъ почтеніи и доброжелательности, покорнѣйшій слуга Лелевель.

Однако не только Булгаринъ скоро забылъ объ Лелевелѣ, но даже и Сенковскій, котораго переписка прекращается письмомъ отъ 18-го апрѣля 1828 г., оконченнымъ турецкимъ Selam aleykium. Скоро Сенковскій успѣлъ порвать всякія связи съ Лелевелемъ, упомянувъ о немъ въ своемъ сочиненіи «Большой выходъ у Сатаны», гдѣ сатана говоритъ своему верховному визирю, Вельзевулу: «я намѣренъ сдѣлать, современемъ, моимъ книгохранителемъ того великаго библіотекаря и профессора, который недавно произвелъ на сѣверѣ такую ужасную суматоху. Когда онъ къ намъ пожалуетъ, ты немедленно введи его въ должность: только не забудь приковать его крѣпко цѣпью къ полу библіотеки, не то онъ готовъ и у меня, въ аду, выкинуть революцію и учредить конституціонные бюджеты» [2]). Этотъ великій библіотекарь не названъ по имени, но кто же его не угадаетъ?

---

[1]) Романъ Булгарина «Димитрій Самозванецъ». Посылая его Лелевелю, онъ писалъ: «Примите благосклонно мое новое сочиненіе! Въ цитатахъ найдете свое имя. Это вѣрная картина духа и характера того вѣка, по преимуществу по отношенію къ Россіи. Историческая часть обработана какъ исторія. Романъ этотъ принятъ съ восторгомъ, въ недѣлю разошлось 2,500 экземпляровъ и печатается второе изданіе. Русскіе писатели за это на меня сердятся,—не моя вина». 28-го февраля 1830 г.

[2]) Сенковскій. Собраніе сочиненій, томъ I, стр. 391.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ 1829 году Лелевель былъ избранъ депутатомъ отъ Желеховскаго уѣзда въ сеймъ. Вскорѣ настали событія, которыя, по его выраженію, заставили прекратить ученыя занятія. Въ событіяхъ 29-го (17-го) ноября 1830 года Лелевель не принималъ никакого участія—онъ не отходилъ отъ одра умирающаго отца, который скончался въ день, когда вспыхнуло возстаніе [1]).

Событія выдвинули Лелевеля на политическую арену и не дали ему заниматься въ тиши своими научными изслѣдованіями. Насталъ періодъ его дѣятельности, который для насъ чрезвычайно неясенъ и различнымъ образомъ объясняется. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе его дѣятельности за это время, интересуясь главнымъ образомъ его учеными трудами. О его политическихъ идеяхъ можно сказать положительно одно—Лелевель былъ отличный теоретикъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самый плохой практикъ. Теоретикъ — демократъ, крайній республиканецъ, не признававшій неравенства по происхожденію, горячо отстаивавшій уравненіе сословій и освобожденіе крестьянъ, которые составляютъ дѣйствительную народную силу. Видя всю опору и силу въ народѣ, онъ былъ врагомъ партіи, искавшей опоры у иностранныхъ дворовъ, представители которыхъ, по выраженію Лелевеля, предпочли бы скорѣе утопить Польшу въ ложкѣ воды, чѣмъ сдѣлать ей что-нибудь хорошее. Но партія эта была сильна и она оставила много воспоминаній, въ которыхъ пытается представить историка въ худомъ свѣтѣ. Оставимъ эти сказанія въ сторонѣ и остановимся на взглядѣ самого Лелевеля на крестьянъ, проводимомъ имъ въ то время.

Вотъ, что онъ тогда писалъ: «Деревенскій рабочій классъ составляетъ половину населенія старой Польши; гдѣ же искать опоры, какъ не въ немъ? кто составляетъ народъ, если не онъ? Возможно ли, чтобы народъ постоянно боролся или за королевское или за панское владычество, и никогда—за свою собственную свободу и независимость! Поймите, что этимъ вашимъ ближнимъ, вашимъ землякамъ, обижаемымъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ, настало время исправить обиды. Этого можно достигнуть освобожденіемъ ихъ изъ-подъ ига, уничтоженіемъ барщины, надѣленіемъ землею, расширеніемъ просвѣщенія,

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Лелевель въ своемъ воспоминаніи о переговорахъ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., т. XXII, стр. 317—324.

равнымъ и полнымъ ихъ участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Давно уже говорятъ, что безъ этого Польша не поднимется, и постоянныя неудачи достаточно это доказываютъ. Такого общественнаго измѣненія требуетъ просвѣщеніе, справедливость, гуманность, благо самихъ помѣщиковъ-дворянъ».

Барщину Лелевель совершенно порицаетъ. Въ Польшѣ подъ конецъ XVIII вѣка весьма много помѣщиковъ освободило крестьянъ, оставивъ за ними землю съ обязанностью платить оброкъ. «Оброкъ,—говоритъ Лелевель,—та же барщина, только въ видѣ денегъ, пожалуй безъ столькихъ злоупотребленій, но подчасъ еще тяжелѣе. Долой барщину, долой оброкъ».—Но какъ же рѣшить?—Можно ли допустить, чтобъ какое-нибудь правительство имѣло право «отнимать землю у однихъ и отдавать ее другимъ». Здѣсь должно дѣйствовать добровольное соглашеніе. «Благоденствіе и сила польскаго народа, хорошо понятый интересъ дворянства—заставляютъ сдѣлать земельный надѣлъ».—Затѣмъ совѣтуетъ Лелевель отдать землю крестьянамъ на выкупъ; для этого должно быть организовано земское кредитное общество, цѣль котораго облегчить болѣе скорый выкупъ. При этомъ нельзя говорить объ освобожденіи, такъ какъ человѣкъ никогда не былъ ни чьею собственностью. Нельзя говорить и о земельномъ надѣлѣ, такъ какъ ничего не надѣляется, когда крестьянинъ ею владѣетъ. Слѣдуетъ только сдѣлать честный расчетъ и развязать узелъ, связующій владѣніе помѣщика съ крестьянскимъ. Послѣ слѣдуетъ совершенно устранить ту разницу сословій. «Сядь на скамьѣ вмѣстѣ съ крестьяниномъ, побесѣдуй съ нимъ; когда придетъ къ тебѣ, подай ему стулъ, поговори съ братскою любезностью и откровенностью, подѣлись съ нимъ хлѣбомъ, обмѣняйся рюмкой братскаго напитка; вникай въ его общественную жизнь, задержи его въ своемъ кругу; уважай въ братѣ добродѣтель, честность и человѣка».—Такимъ образомъ видимъ, что теоретикъ Лелевель хорошо понималъ сущность крестьянскаго вопроса, но осуществленія своихъ идей онъ не дождался: онъ умеръ когда еще не взошла заря новаго порядка, осуществлявшаго его завѣтныя мысли. Тогда же многое и многое мѣшало проведенію этой мысли въ дѣйствительность.

Въ сентябрѣ 1831 г. оставилъ Лелевель Варшаву, простившись навсегда съ своею матерью (умерла 26-го сентября 1837 г.). Мѣстомъ, куда онъ стремился, былъ Парижъ, но французское правительство не позволило ему долго здѣсь оставаться и онъ удалился въ Туръ. Тамъ онъ нашелъ любителей нумизматики, которые облегчили ему доступъ въ мѣстную городскую библіотеку. Нумизматика сдѣлалась главнымъ занятіемъ Лелевеля и уже здѣсь онъ задумалъ издать свои

изслѣдованія о монетахъ, найденныхъ Тржебуни, недалеко отъ Плоцка. Казалось, что скоро найдется издатель и любознательные покупатели книгъ. Нѣсколько его разочаровалъ старый библіографъ Ренуаръ, доказывавшій Лелевелю, своимъ примѣромъ, что сочиненіе по нумизматикѣ не можетъ разойтись и въ 150 экземплярахъ. Недолго Лелевель жилъ и въ Турѣ, пришлось уходить изъ Франціи. Осенью 1832 г. съ сумой на плечахъ прибылъ Лелевель въ Брюссель, гдѣ остановился въ маленькой комнаткѣ постоялаго двора подъ названіемъ Estaminet de Varsovie. Изъ этой комнаты онъ уже никуда не переѣзжалъ почти до конца своей жизни. Здѣсь прожилъ почти тридцать лѣтъ въ большой нуждѣ, навѣщаемый величайшими знаменитостями и принцами крови; здѣсь онъ приводилъ въ исполненіе свои мысли о всеобщемъ равенствѣ, усаживая на своей кровати принца Наполеона рядомъ съ старымъ солдатомъ. Въ Брюсселѣ хотѣлъ Лелевель заняться изданіемъ нумизматическихъ трудовъ. Одинъ бельгійскій сановникъ обѣщалъ его познакомить съ извѣстнымъ въ то время издателемъ Гауманомъ. Рукопись была послана ему; нѣсколько дней спустя, идутъ они оба къ издателю, который соглашается печатать лишь бы доски остались его собственностью. Гауманъ думалъ воспользоваться ими для другихъ изданій, переводовъ, — и за все это предлагалъ автору 200 франковъ, наконецъ 1,000, лишь бы доски остались въ его рукахъ и авторъ собралъ 100 подписчиковъ. C'est à vous de chercher les souscripteurs, les planches restent à moi, salut! отвѣчалъ Лелевель, а бельгійскій сановникъ прибавилъ: il faut être un juif pour agir de cette façon. Этимъ кончилась первая попытка найти издателя. Между тѣмъ пріѣхалъ въ Брюссель польскій издатель Страшевичъ, который задался мыслью помогать своимъ соотечественникамъ. Онъ взялся за изданіе „Numismatique du moyen âge". Но изданіе затянулось. Лелевель получилъ въ Брюсселѣ приказъ оставить Бельгію (mandat d'expulsion), который, впрочемъ, скоро былъ взятъ назадъ. По расчету Лелевель могъ бы получить до 12,000 франковъ за свою книгу, но здѣсь сбылось то, что̀ предсказывалъ Ренуаръ. Подписчиковъ набралось 120 и собранныя деньги едва покрыли издержки по изданію. Остальное количество раздѣлили между собою издатель и авторъ. При этомъ Лелевель получилъ 310 экземпляровъ, стоимостью по 40 франковъ каждый. Отсюда разошлась молва, что Страшевичъ доставилъ Лелевелю капиталъ въ 12,000 франковъ. Однако, за всѣ эти книги никто не давалъ и тысячи, поэтому авторъ отдалъ свою часть издателю за 750 франковъ. Объ этомъ сочиненіи довольно много писали въ Германіи и во Франціи, но это мало способствовало распродажѣ книги. Тогда Лелевель задумалъ перевести на французскій языкъ свои изслѣдованія по древней

исторіи и, въ видѣ пробнаго шара, выпустилъ въ свѣтъ «Pytheas de Marseille et la géographie de son temps». И это не пошло удачно, такъ какъ нѣмцы сейчасъ перевели, и не нуждались въ подлинникѣ. Пока Лелевель пробивался изданіями своихъ сочиненій, къ нему приходили съ разныхъ сторонъ всевозможныя предложенія. Поляки допытывались исторіи Польши, бельгійцы предлагали написать исторію Нидерландовъ: «подучись, говорили, мѣстныхъ нарѣчій, архивы будутъ тебѣ открыты». «Пишите сами себѣ»,—отвѣчалъ Лелевель. Но эти предложенія менѣе казались историку странными, чѣмъ требованія соотечественниковъ написать исторію Польши. «Я думаю,—говоритъ онъ,—что нѣтъ нужды доказывать странность этихъ требованій, когда я ходилъ съ сумою». Появлялись со стороны бельгійцевъ проекты и другаго рода, которые казались Лелевелю нелѣпыми, но всетаки происходившими отъ добраго сердца. Предлагали мѣсто консерватора нумизматическаго кабинета, который не существовалъ. Даже предлагали профессорскую каѳедру, которую онъ не могъ принять, «не отрекшись отъ обязанностей эмигранта (?)». Случайные доходы были весьма рѣдки и мало прибыльны. Такъ, за описаніе монетъ, принадлежащихъ Леклерку и выставленныхъ на продажу, получилъ 250 франковъ, трудясь въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Когда, три года спустя, брюссельскій муниципалитетъ продавалъ правительству свое собраніе монетъ, то Лелевель приглашенъ былъ оцѣнить его и за это получилъ 500 франковъ. Говорятъ, что онъ самъ потребовалъ столько за продолжительную и тяжелую работу, но, кажется, всѣ разсказы о томъ, что Лелевель весьма мало оцѣнивалъ свой трудъ, опровергаются его собственными словами: «говорю объ этомъ для тѣхъ, которые выдумали сказку, что я въ моей нуждѣ требовалъ отъ издателей меньше, чѣмъ они давали, какъ будто издатели въ состояніи разсыпать деньги полною рукою, когда нѣтъ покупателей». Самымъ крупнымъ гонораромъ, какой получилъ Лелевель, было 1,400 франковъ, за право перевода на англійскій языкъ его „Considerations sur l'état politique de l'ancienne Pologne et sur l'histoire de son peuple". На этомъ сочиненіи мы сейчасъ остановимся, такъ какъ въ немъ проведенъ цѣльный взглядъ польскаго историка на исторію польскаго народа.

Мы слишкомъ долго говорили о различныхъ неудачахъ Лелевеля по изданію сочиненій, но мы этимъ не исчерпали и малѣйшей частички всѣхъ его хлопотъ въ борьбѣ за существованіе и труда, которымъ ему хотѣлось принести пользу своему отечеству.

Мы не станемъ разсказывать о всевозможныхъ затрудненіяхъ, сопровождавшихъ выходъ того или другаго сочиненія, не будемъ останавливаться на каждомъ изъ нихъ отдѣльно; теперь ихъ не трудно

найти въ общемъ собраніи сочиненій, изданіе которыхъ предпринялъ еще при жизни Лелевеля извѣстный познанскій книгопродавецъ-издатель И. К. Жупанскій.

Двадцать томовъ сочиненій Лелевеля не представляютъ ничего цѣльнаго. Польскій историкъ не написалъ подробной исторіи Польши, поэтому онъ не сдѣлался ни Нарушевичемъ, ни Палацкимъ, ни Соловьевымъ Польши. Его сочиненія—это скорѣе энциклопедія исторіи. Вспомогательныя историческія науки имъ обслѣдованы и представленъ результатъ изслѣдованій. Историческая географія, археологія, древности права, миѳологія, палеографія, нумизматика, геральдика, хронологія, краткая всеобщая, польская и русская исторія и т. д.— вотъ содержаніе сочиненій Лелевеля. Цѣлый рядъ критическихъ статей, критическій методъ въ изслѣдованіяхъ составляютъ драгоцѣнную его заслугу для польской исторіи: онъ первый открылъ вѣрный путь для позднѣйшихъ. Взглядъ на цѣлость польской исторіи онъ высказалъ въ упомянутомъ выше трудѣ «Замѣчанія на исторію Польши и ея народа».—Здѣсь онъ впервые задается мыслью изслѣдовать исторію не политическую, а исторію народа. Задача его—познакомить читателя «съ общественнымъ положеніемъ народа, его понятіями и настроеніями, которыя не всегда одинаковы, такъ какъ народъ—это тихая, но жизненная сила, отъ которой зависитъ во всѣ времена судьба общества и государства». Полагая, что основу славянскаго быта составляетъ общинное начало, онъ слѣдитъ за его развитіемъ въ государственномъ устройствѣ Польши.

Всю исторію Польши, разсматриваемую съ этой точки зрѣнія, онъ раздѣляетъ на четыре періода. Въ началѣ земля, народъ и все, что ему принадлежало, составляло общественное достояніе. Личной собственности не было, владѣтели земель, волостей и полей держали у себя общественное имущество; владѣніе было условнымъ, вытекающимъ изъ общей собственности. Пока не образовались государства, всѣ славянскіе народы сходились на общія вѣча, для рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Съ принятіемъ христіанства въ Польшѣ общинное начало въ управленіи слабѣетъ, выдвигаются отдѣльныя личности и образуется самодержавіе. Этому образованію единодержавія въ Польшѣ способствовало соединеніе общинъ, образованіе государства, завоеванія, стремленіе леховъ возвыситься надъ простымъ народомъ. Но ослабленіе общины влекло за собою уничтоженіе самодержавія и господство аристократіи, которая усиливается окончательно со смертью Болеслава Кривоустаго (1139), и это усиленіе продолжается чрезъ весь удѣльный періодъ (до 1374). Аристократія, взявъ въ свои руки власть, вол-

нуетъ и разрываетъ на части страну, и ея дѣятельность удержана только тогда, когда гражданскій духъ лучшей части народа окрѣпъ и усилился. Окончательно ослабилъ вліяніе аристократіи Владиславъ Локотокъ, созвалъ сеймъ, открылъ народу доступъ къ управленію, и этимъ уничтожилъ наслѣдственность верховной власти. Власть изъ рукъ немногочисленной аристократіи переходитъ къ шляхтѣ, составлявшей громадное число населенія. Преобладаетъ шляхетское общинное начало. Всѣ должности сдѣлались народными, земскими. Но шляхта скоро забываетъ, что не она одна составляетъ народъ и что есть еще классъ, который сильно увеличился. Подъ вліяніемъ иностраннымъ развивается неестественное отношеніе большинства народа къ меньшинству, которое захватываетъ власть въ свои руки. Начинается съ XVI вѣка періодъ замѣшательства въ шляхетскомъ общинномъ устройствѣ. Аристократія опять усиливается, беретъ перевѣсъ, шляхетская община ослабѣваетъ. Причиною этому была сильная примѣсь чуждаго элемента, какой вошелъ въ составъ Польши послѣ люблинской уніи,—элемента чуждаго польскому общественному строю или затерявшаго общинное начало и развившаго сильную аристократію. Римъ поблекъ отъ присоединенія къ себѣ сотни народовъ, которые получили права гражданства. Польская республика, присоединяя «обширныя земли, пріученныя прежде къ иному порядку, должна были испытать судьбу, общую всѣмъ поворотамъ человѣчества». Не пришло къ тому, что̀ было въ Римѣ, но «связи и сила должны были ослабнуть въ пространствѣ, какъ твердое тѣло въ жидкости и, ослабѣвъ, образовать цѣлость болѣе мягкую, болѣе податливую на враждебныя пожатія. Смягченный польскій духъ замѣнилъ однородность и сплошность въ смѣсь».

Такова въ общихъ чертахъ главная мысль этого обширнаго труда. Не останавливаясь на отдѣльныхъ ученыхъ трудахъ Лелевеля, мы скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ его жизни. При этомъ руководствуемся воспоминаніями современниковъ и лицъ хорошо знавшихъ историка. Почти до конца своей жизни, какъ мы уже замѣтили, Лелевель жилъ въ маленькой комнаткѣ Estaminet de Varsovie. Для своего существованія требовалъ немногаго—куска сухаго хлѣба и свѣчу, даже не заботился объ отопленіи комнаты. Друзья позаботились, безъ вѣдома Лелевеля, устроить въ его комнатѣ калориферы. Не зная объ этомъ, онъ удивлялся, какъ это стала легкою зима въ Бельгіи. Квартира его представлялась въ слѣдующемъ видѣ: небольшая комната, въ одномъ углу кровать, у окошекъ два стола, заваленные книгами, у дверей шкапъ и столикъ со

щеткою для платья, да еще нѣсколько старыхъ стульевъ. Таково было его жилище, въ которомъ онъ принималъ не одну знаменитость.

Въ концѣ мая 1861 года въ Парижѣ узнали объ опасномъ состояніи здоровья Лелевеля. Друзья посиѣшили въ Брюссель съ намѣреніемъ перевезти его въ Парижъ. Лелевеля нашли сидящимъ на кровати, а подлѣ него чашка молока и остатки морской рыбы. Постель, въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, показывала, что никто не заботился о больномъ. Одинъ изъ прибывшихъ, докторъ Галензовскій, взявъ его за пульсъ, шопотомъ сказалъ: «мы пріѣхали на похороны». Его товарищъ Янушкевичъ сталъ разсказывать о старыхъ временахъ, вспомнилъ про виленскую жизнь. Лелевель ожилъ, почти выздоровѣлъ. Приглашенный друзьями, самъ взошелъ на третій этажъ, кушалъ, пилъ, разговаривалъ, шутилъ какъ въ добрыя старыя времена. Едва удалось уговорить его выѣхать изъ Брюсселя, гдѣ прожилъ почти тридцать лѣтъ. Когда уже сидѣлъ въ вагонѣ, пришли съ нимъ проститься земляки и депутаціи отъ университетовъ—Брюссельскаго, Гендскаго, Левенскаго. Это было 26-го мая 1861 г. Когда поѣздъ въѣхалъ въ зеленый лѣсъ, воздухъ оживилъ Лелевеля и онъ сказалъ: «тринадцать лѣтъ не видалъ я лѣса». Въ Парижѣ помѣстили его въ домѣ Дюбуа. Когда ввели его въ роскошно меблированную комнату и онъ увидѣлъ мебель изъ краснаго дерева, ковры, роскошную кровать, сталъ кричать и стучать палкою, говоря, что выбрасываютъ деньги за окно. Янушкевичъ, чтобы успокоить старика, представилъ ему фиктивный счетъ и доказалъ, что за получаемыя имъ отъ издателя деньги онъ можетъ здѣсь жить въ продолженіе десяти лѣтъ. Мысль, что живетъ на свой счетъ, успокоила его, и онъ спокойно уснулъ въ удобной кровати. 27-го мая здоровье ухудшилось. Янушкевичъ, по порученію Галензовскаго, разспросилъ о его послѣдней волѣ и вотъ каково было завѣщаніе. Племянникамъ Ѳадею и Густаву велѣлъ отдать часы, Гуго получилъ кольцо, которое Лелевель постоянно носилъ на пальцѣ. Брату Проту—шубу, которая у него была отъ брата Яна, и одну палку. Сестрѣ Маевской черепаховый ящикъ, подарокъ какой-то сановной испанки; сестрѣ Носаржевской бархатную подушечку для булавокъ. Другую палку, которую всегда носилъ, отдалъ доктору Галензовскому; табакерку изъ коры, присланную какимъ-то познанскимъ священникомъ, жертвовалъ Янушкевичу. Рукописи и книги предназначилъ Вильнѣ, выразивъ желаніе, чтобы онѣ были отданы на общественное употребленіе. Въ дошедшихъ до насъ двухъ письменныхъ завѣщаніяхъ, составленныхъ еще въ Брюсселѣ, Лелевель назначаетъ на похороны въ одномъ 10,

а въ другомъ 25 франковъ, требуя, чтобы его похоронили какъ можно скромнѣе. Эти завѣщанія найдены послѣ.

Въ 1861 г. 29-го мая утромъ, Лелевель скончался на 76-мъ году жизни. Тѣло его, набальзамированное, было похоронено въ гробахъ поляковъ на кладбищѣ Монмартръ. Похороны его обратили вниманіе всего Парижа; у гроба говорили рѣчи—членъ института Людовикъ Воловскій, еврейскій раввинъ Астрюкъ и французскій рабочій Шабо. Еврей и французскій рабочій въ своихъ рѣчахъ благодарили покойнаго за защиту и голосъ, требовавшій справедливости для крестьянъ и польскихъ евреевъ.

С. Л. Пташицкій.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... .....ВА.

III [1]).

Бунтъ архіепископа Иринея.

Окончивъ долгую службу въ Охотскѣ и Камчаткѣ,—называю долгою службой, потому что всякій, ѣхавшій въ тотъ край на службу, обязанъ прослужить тамъ пять лѣтъ; изъ всѣхъ флотскихъ офицеровъ, одинъ я прослужилъ болѣе двухъ сроковъ.— Возвращаясь въ Балтійскій флотъ, проѣздомъ прибылъ въ Иркутскъ, 1830-го года въ ноябрѣ.—По заведенному обычаю, всѣ флотскіе офицеры, проѣзжавшіе черезъ Иркутскъ, останавливались въ адмиралтействѣ, но, въ этотъ разъ, я не могъ воспользоваться этимъ удобствомъ и вотъ почему: начальникомъ адмиралтейства былъ лейтенантъ Ивановъ, въ Кронштадтѣ его звали—французъ Ивановъ.—Передъ моимъ пріѣздомъ онъ женился на удивительной красавицѣ.—Скоро послѣ свадьбы, онъ съ прелестной женкой ѣхалъ на дрожкахъ; лошади понесли, Ивановъ рѣшился соскочить и переломилъ себѣ ногу; красавица ограничилась отчаяннымъ крикомъ, усидѣла, отдѣлалась только обморокомъ.—Когда я пріѣхалъ въ Иркутскъ, то уже было извѣстно, что Ивановъ безнадеженъ—переломленная кость не могла сростись почему-то. Былъ я въ адмиралтействѣ, но Ивановъ былъ уже въ агоніи [2]).

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316 и 616.

[2]) Докторъ говорилъ, что больнаго не могли разлучить съ женою. Э.

Проѣзжая Иркутскъ въ 1818-мъ году, въ почтенномъ семействѣ полковника Нараевскаго я забавлялся съ дѣвочкою-замарашкой лѣтъ 4-хъ, а теперь встрѣтилъ такую красавицу, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Мать ея тоже была красавица, встрѣтила меня какъ стараго знакомаго; она была вдова, обѣ были спокойны и не сознавали, что и дочь—почти дѣвочка—уже вдова.

Весьма ласково принятый генералъ-губернаторомъ Лавинскимъ, который, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «въ адмиралтействѣ я начальникъ поверхностный, въ хозяйство не вхожу, но полагаю, тамъ найдутся какіе нибудь безпорядки: любовь, сватовство и свадьба—худые помощники службѣ. Петербургъ—далеко, переписка, назначеніе новаго начальника, протянутся долго; я долженъ назначить кого нибудь изъ классныхъ чиновниковъ при адмиралтействѣ, но я ничего хорошаго о нихъ не знаю; если окажутся безпорядки, то это падетъ на уважаемый всѣми морской мундиръ; вы явились кстати, я просилъ бы васъ временно занять должность начальника адмиралтейства—сохранить честь товарища и поддержать уваженіе къ почтенному мундиру».

Это такъ неожиданно ошеломило меня, что я нашелся только сказать: я не видался съ отцомъ и родными 22 года.

— «Я прошу васъ остаться не надолго, пока назначатъ другаго».—Я попросилъ позволенія подумать.

Просьбы матери, красавицы вдовы покойнаго, старыхъ знакомыхъ Иркутска, а главное—я принадлежалъ къ старому флоту, когда флотъ былъ особой кастой: единодушіе, почти единомысліе, завѣтное товарищество, честь флотскаго мундира была принадлежностію всего флота—святыня! Не долго думалъ—согласился.

Прилично похоронивъ товарища, я въ адмиралтействѣ вотъ что нашелъ: много книгъ приходо-расходныхъ за цѣлый годъ—всѣ бѣлыя, а уже декабрь. Магазины на половину пусты. Недоставало казенныхъ денегъ немного. Требованіе для Охотскаго порта не начато исполнять. Все это надѣлала любовь! По русской пословицѣ: взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Генералъ-губернаторъ обѣщалъ мнѣ всякую помощь, но чтó онъ могъ помочь мнѣ? Выучился я подписывать подъ руку покойнаго, засадилъ все грамотное, писались требованія, отпуски, я подписывалъ бумаги и книги за Иванова. Къ сроку книги были кончены и

отосланы. Прижалъ содержателей магазиновъ, и весною съ благоразумною экономіею пополнились магазины; заказы для Охотска исполнены, а подрядчики пополнили недостатокъ денегъ.

Вмѣсто присылки другаго начальника, утвердили меня; тутъ покривилъ душою Лавинскій: онъ представилъ утвердить меня. Старикъ отецъ мой написалъ мнѣ: «ты кроешь чужую крышу, когда своя течетъ!» Чтобы кончить съ красавицею вдовою, скажу, что, года черезъ полтора, я имѣлъ возможность содѣйствовать и видѣть ее супругою превосходнаго человѣка. Я считалъ исполненнымъ мой долгъ окончательно къ умершему товарищу и къ чести мундира.

Иркутскъ былъ хорошо мнѣ знакомъ еще въ 1818-мъ году; много нашлось старыхъ знакомыхъ; вообще, я не былъ чужимъ въ городѣ, а, по роду службы, поверхностно подчинялся только генералъ-губернатору, особенно доброму ко мнѣ.

Управленіе адмиралтейства, гдѣ жилъ начальникъ, была прелестная дача, въ красивой долинѣ, версты полторы отъ крайнихъ домовъ города: большой домъ со всѣми службами и удобствами, какъ отдѣльное помѣстье; домъ прилично меблированъ, большой садъ, который омывала рѣчка Ида—въ просторѣчьи Ушаковка; вода рѣчки считалась минеральною—быстро заживляющею раны; на рѣчкѣ, почти въ саду, была устроена ванна, куда пріѣзжалъ съ дочерью Лавинскій. Экипажи, лошади—все казенное. Команда, магазины, эллингъ—на Ангарѣ верстахъ въ трехъ.

Иркутскъ—городъ очень богатый и имѣлъ средства разбогатѣть: востокъ и сѣверо-востокъ свозили всѣхъ родовъ дорогіе мѣха,—юго-востокъ доставлялъ чай и шелки Китая. Отпускалъ Иркутскъ въ тѣ же страны произведенія фабрикъ и товаровъ Москвы и заграничныя, и не имѣлъ конкурента. Но за то въ Иркутскѣ и считалось много милліонеровъ: Медвѣдниковъ, Трапезниковъ, Баснины, Сибиряковы и проч.—Послѣ 1818-го года, въ 12 лѣтъ не обошлось безъ перемѣны; тогдашній комендантъ, молодецъ, кавалерійскій полковникъ Цейдлеръ, теперь губернаторъ и вовсе не молодецъ—сгорбился, старикъ-старикомъ.— Какъ кавалерійскій мундиръ дѣлалъ его красивымъ и смѣлымъ воиномъ, такъ фракъ и бумаги — согнули и сморщили его, но благородный, добрый и честный человѣкъ въ немъ не измѣнился. Купцы еще болѣе разбогатѣли, стариковъ — замѣнили молодые.

Иркутское адмиралтейство было счастливо начальниками: въ 1818-мъ году былъ Кутыгинъ—любимецъ Иркутска. Петръ Степановичъ Лутковскій, теперь вице-адмиралъ, оставилъ по себѣ прекрасную память. Впрочемъ, моряки счастливы, ихъ вездѣ ласкаютъ. Мнѣ не было труда въ короткое время сдѣлаться старожиломъ.

I

Въ 1818-мъ году, въ Иркутскѣ былъ архіепископомъ Михаилъ; это былъ истый монахъ, смиренный, кроткій и—говорили—весьма ученый; онъ долго управлялъ обширнѣйшею иркутскою епархіею, но говорили, что по добротѣ и смиренію своему, какъ выражались—распустилъ духовенство. Иркутскъ очень религіозенъ, владыку Михаила чтили какъ святыню.—Церквей много въ Иркутскѣ. Обычай старый—въ престольный праздникъ служитъ владыко, а богатѣйшій прихожанинъ удостоивался угостить владыку обѣдомъ. Вотъ разсказъ о покойномъ Михаилѣ. Праздникъ въ приходѣ богача Трапезникова; владыко милостивъ и ласковъ какъ всегда. У Трапезниковыхъ, какъ у всѣхъ богачей, держались на дворѣ монгольскія собаки—мохнатыя, сильныя и, по природѣ, злыя до дикости; эти собаки не покорялись человѣку, который кормилъ ихъ: на день, собаку съ побоями запирали въ конуру, а на ночь, собака бѣгала по блоку. За обѣдомъ зашелъ разговоръ о породѣ этихъ злыхъ собакъ. Владыко скромно утверждалъ, что человѣку съ твердою волею и упованіемъ всѣ твари должны покоряться; зашелъ споръ, и опирались на извѣстную собаку Трапезникова. По окончаніи обѣда, владыко пожелалъ видѣть собаку. Вышли на крыльцо и собака, выпущенная изъ темной конуры на свѣтъ, побѣжала по блоку съ рычаніемъ, какъ дикій звѣрь. Владыко молча пошелъ къ собакѣ; бросились удержать архіепископа, онъ кротко рукою отстранилъ всѣхъ и тихо шелъ къ собакѣ. У всѣхъ на глазахъ совершилось чудо: собака пятилась отъ владыки, поджала хвостъ и спряталась въ конуру, зажмурилась и дрожала! Владыко скромно вернулся къ гостямъ. Меня—молодаго—сильно заинтересовалъ этотъ разсказъ. Къ доброму владыкѣ не трудно было приласкаться: онъ любилъ играть въ шашки, а я былъ игрокъ. Поклонами, просьбою упросилъ владыку объяснить мнѣ этотъ фокусъ; это было уже передъ моимъ отъѣздомъ въ 1818 г. Владыко взялъ съ меня слово молчанія и сказалъ,

что въ полѣ его рясы зашитъ невыдѣланный кусокъ кожи льва и будто это такъ сильно дѣйствуетъ на инстинктъ собаки, что къ нему не приближается ни одна собака на улицѣ. Другой разсказъ: владыко, утромъ послѣ сна, выходилъ на галлерею, на плечо его садилась сорока и носъ свой прятала въ ухо владыки. Послѣ того, архіепископъ объявлялъ о вчерашнихъ упущеніяхъ въ семинаріи—все разсказывала ему сорока! Скончался архіепископъ Михаилъ, заповѣдалъ похоронить себя подъ папертью близь дверей, чтобы всѣ попирали грѣшный прахъ его. Въ Петербургѣ знали о распущенности иркутской епархіи, но, должно быть, по уваженію къ Михаилу—терпѣлось. Скоро послѣдовало высочайшее повелѣніе въ святѣйшій синодъ: избрать и назначить въ Иркутскъ строгаго и надежнаго. Синодъ назначилъ пензенскаго архіепископа Іеринея [1]), съ прописаніемъ въ указѣ, какъ строгаго и надежнаго. Говорятъ, все духовенство Пензенской губерніи много служило молебновъ за избавленіе отъ Іеринея.

По пріѣздѣ новаго владыки, скоро Иркутскъ наполнился разсказами о строгости и странностяхъ архіепископа Іеринея; всякій день новость за новостью: то священникъ—на обязанности дьячка, то въ монастырь на три мѣсяца топить печи; не было дома безъ разсказовъ о владыкѣ. Иркутскъ былъ пораженъ дѣйствіями Іеринея тѣмъ сильнѣе, что въ сравненіи съ кроткимъ покойникомъ—былъ слишкомъ великъ и страшенъ контрастъ. Захотѣлось и мнѣ посмотрѣть на владыку. Въ какой-то праздникъ, узнавъ, что будетъ служить архіепископъ въ соборѣ, явился я пораньше. Съ самаго начала до конца, была не обѣдня, а ротное ученье. «Ключарь, перевяжи галстухъ архидіакону—узломъ назадъ!»—«Священнику не подобаетъ носить смазные сапоги со скрипомъ—20 поклоновъ!» Читающему дьячку: «Стой! пропустилъ точку съ запятой, читай снова—на колѣняхъ». Священнику: «замололъ, не внятно, читай снова, да не кобянься». Пѣвчимъ—всѣмъ доставалось! Настоящее ротное ученье!

Самъ архіепископъ дѣлалъ большое впечатлѣніе. Ему было около 45-ти лѣтъ,—средняго роста, сложенъ очень правильно, не сухощавъ и не расположенъ къ толстотѣ; движенія очень граціозны и выра-

---

[1]) Кажется, такого имени нѣтъ: есть Ириней—но такъ тогда звали. Э.

жають физическую силу и энергію; лицо мужественно, принадлежитъ къ типу южныхъ славянъ: густой брюнетъ, глаза черные, большіе, полные блеску, взглядъ быстрый, проницательный; волосы черные безъ сѣдаго волоса, густые, длинные, но крупно волнистые, чѣмъ скрадывали большую длину; волоса казались тонкими и блестящими, борода черная, небольшая; голосъ самый чистый—грудной мягкій теноръ. Владѣлъ интонаціею голоса такъ гибко, легко, такъ вѣрно и такъ хорошо, что я другаго такого послушнаго голоса не слыхалъ!—Обыкновенную молитву, сказанную имъ въ алтарѣ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ—я и теперь, по прошествіи 46-ти лѣтъ, живо слышу! Слова: и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ—какою-то магическою волею голоса уходили въ вѣки вѣковъ! Подражать владыкѣ Іеринею—невозможно! Вообще, что касалось до служенія его особы—было превосходно! Всякое служеніе, онъ говорилъ поученія экспромтомъ, поученія всегда строгія къ слабостямъ безъ снисхожденія, пороки громилъ и предавалъ анаѳемѣ, говорилъ просто, понятно, но рылся въ слабостяхъ мущинъ и женщинъ безъ милосердія, какъ химикъ доискивался начала всѣхъ началъ. Разъ, въ женскомъ монастырѣ, говорилъ поученіе, такъ глубоко объяснилъ имъ принятый ими обѣтъ и закончилъ такимъ грознымъ эпилогомъ—поразилъ ихъ смертію безъ прощенія за нарушеніе обѣта въ ихъ санѣ, казнь по смерти сторицею, неизбѣжность ада; послѣдній періодъ проповѣди былъ: смерть, адъ, власть діавола, геенна, жупелъ, вѣчное терзаніе—смерть здѣсь, смерть тамъ, смерть, смерть! Всѣ монахини рыдали истерически, нѣкоторыхъ вынесли въ обморокѣ. Объ этомъ долго говорили въ городѣ. Знакомая мнѣ купчиха разсказывала, что, слушая, она была не своя: и холодно, и жарко, и земли не чувствовала подъ собою, а ужъ какъ жалостно было смотрѣть на матушекъ-монахинь!

Обычай—въ церковные праздники просить владыку на обѣдъ—не измѣнился, но и тутъ рѣдко проходилъ обѣдъ безъ критическаго взгляда на нравы хозяина и гостей и часто владыко уходилъ гнѣвенъ. Не рады были такому гостю, но обычай пересиливалъ.

Одинъ разъ, знакомый купецъ (не важный, но не помню фамиліи) пріѣхалъ и присталъ съ просьбою—у него обѣдать и что будетъ владыко. Какъ я ни отговаривался—поѣхалъ. Владыко из-

бралъ себѣ мѣсто за столомъ по лѣвую сторону хозяина, меня посадили по правую хозяина. Владыко прямо обратился ко мнѣ.

— «Вы морякъ, астрономъ?»

— Точно такъ, владыко, безъ астрономіи не найдешь дороги въ морѣ!

— «Ну, а какъ по вашему: земля вертится, или солнце ходитъ?»

— Для астрономическихъ вычисленій нѣтъ никакой разницы; и мы говоримъ—восходитъ и заходитъ солнце.

— «Ну, а какъ ваша наука учитъ?»

— Приказываютъ говорить, что земля вертится.

— «А Іисусъ Навинъ сказалъ: стой солнце!»

— Я глубоко вѣрую въ писаніе и сдѣлалъ моему профессору это возраженіе; онъ мнѣ отвѣчалъ: это святая истина, но, послѣ словъ Навина, солнце остановилось и стала вертѣться земля.

Владыко непритворно смѣялся. Перешелъ разговоръ, подали огромнаго осетра. Владыко, смотря на меня, сказалъ:

— «Господь сотворилъ все на службу человѣка».

Я съ покорностію наклонилъ голову и сказалъ: Аминь! Но чрезъ минуту разсказалъ, что, собираясь въ далекій морской походъ, я нагружалъ разную провизію, и видѣлъ суету мышей, какъ онѣ хлопотали и пробовали все съѣстное: всякій бы подумалъ, что мыши вѣрили—провизія грузится собственно для нихъ.

Владыко хохоталъ: ему нравилось, что я, не противорѣча ему, соглашаюсь съ нимъ, но скоро и разбивалъ его.

— «Вы видали въ океанахъ левіаѳана?»

— Китовъ видалъ сотни.

— «Очень большая это рыба?»

— Да, владыко, больше этого дома; бываютъ до 15-ти саженъ.

— «Какъ же по вашему, можетъ человѣкъ жить въ утробѣ этой рыбы?»

— Это, владыко, сказано въ библіи объ Іонѣ?

— «Да».

— Еслибъ въ святой книгѣ было сказано, что Іона проглотилъ левіаѳана и тотъ жилъ въ утробѣ Іоны три дня, то увѣряю, я такъ же несомнѣнно вѣрилъ бы. Для Бога все возможно: я вѣрую, не испытуя.

Владыко опять смѣялся усердно и даже благословилъ меня черезъ столъ. Въ подобныхъ разговорахъ прошло нѣсколько обѣ-

довъ. Хозяинъ и гости увѣряли, что владыко никогда не былъ такъ веселъ и милостивъ. Этотъ обѣдъ сдѣлалъ то, что всѣ упрашивали меня на обѣдъ съ владыкой—хорошо, что было рѣдко. Послѣ нѣсколькихъ обѣдовъ, владыко приказалъ мнѣ быть у него на чашку чая. У него, безъ свидѣтелей, я, все съ той же манерой почтительности и покорности, разыгралъ роль умѣреннаго вольнодумца, что, кажется, очень забавляло его: можетъ, новость идей, можетъ—и то, что онъ не могъ говорить такъ по своей обязанности. Когда я сказалъ ему о странности видѣть такого пылкаго, энергическаго характера таких полныхъ силъ мужа,—въ монашеской рясѣ и смиренномъ санѣ, архіепископъ Іереней сверкнулъ глазами и сказалъ:

— «Я давно ношу фонтанели на рукахъ».

Владыко затѣмъ продолжалъ: «ты разуменъ, что при посторонних не споришь со мною».

Обѣденные мои разговоры я для шутки разсказывалъ генералъ-губернатору.

Въ день Александра Невскаго, генералъ-губернаторъ и всѣ чины были въ соборѣ, наполненномъ до тѣсноты народомъ; служилъ архіепископъ. Послѣ службы, владыко съ посохомъ вышелъ на амвонъ; объяснивъ кратко жизнь Александра Невскаго, сказавъ, что всѣ побѣды далъ ему Богъ за твердую его вѣру, онъ ловко перешелъ къ наставленію удалятьси отъ людей, имѣющихъ видъ доброты, кротости; эти люди, часто имѣя значеніе, пользуются любовію общества, обладая способностію сладкой рѣчи; эти люди никогда не спорятъ, но, подъ видомъ согласія и изворотливости, наводятъ на мысли невѣрія, ведутъ къ соблазну; рѣчи ихъ подобны меду, но съ ними сердце поглощаетъ ядъ сомнѣнія, и проч. и проч.—чуть не нарисовалъ моего портрета. Во время поученія, владыко съ довольной миной посматривалъ на меня. Закончилъ наставленіемъ—убѣгать такихъ людей, какъ заразы, гибельной для души. Не пожалѣлъ черной краски для меня владыко!—помню, я очень покраснѣлъ. Лавинскій обернулся ко мнѣ и тихо сказалъ: «въ твой огородъ камни летятъ». Подходя къ кресту, я сказалъ: Благодарю владыко!—«Извини, какъ печка печетъ!»—Послѣ службы, вся интеллигенція—къ владыкѣ на пирогъ.—Завтракъ всегда роскошный отъ купцовъ—это тоже обычай. Владыко, благословляя, смѣялся и шутя спросилъ: «Какъ

ты узналъ себя?»—Хорошо вамъ, владыко, бранить меня, когда я не могъ возражать вамъ.—«Это мое право!»

На берегу Ангары стояла церковь; большое, сухое, ровное мѣсто на обрывистомъ берегу величественной Ангары, съ хорошимъ видомъ къ устью рѣки Иркута—было любимымъ мѣстомъ для прогулокъ. Вздумали насадить тутъ кустарниковъ и сдѣлать дорожки. Владыкѣ Іеринею это показалось святотатствомъ, онъ потребовалъ уничтоженія кустарниковъ; его не послушали; онъ, чтобы поддержать свое требованіе—написалъ, что, служа, изъ алтаря видѣлъ творящійся блудъ подъ кустомъ—и на это не обратили вниманія.

У генералъ-губернатора была любимая близкая церковь. Лавинскій до страсти любилъ музыку и былъ знатокъ.—Въ этой церкви, кромѣ украшеній современнаго вкуса, былъ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ казаковъ; отличные голоса и вѣрность исполненія самыхъ трудныхъ концертовъ были неукоризненны. Протоіерей съ причтомъ—во всемъ была гармонія. Владыко началъ нападать на причтъ этой церкви.

Во всемъ городѣ только и слышались жалобы на владыку. Духовенство, духовныя правленія, приносили жалобы и просили защиты у генералъ-губернатора. Строгость владыки доходила до неприличія; я теперь не помню многаго, но, по разсказамъ, иногда доходило до скандала во время служенія. Владыко любилъ повторять: «я власть, я намѣстникъ Христа, другой власти нѣтъ!» и тому подобное. Много было мелочей, но ими былъ полонъ городъ. Генералъ-губернаторъ написалъ къ оберъ-прокурору синода. Іеринею пришло замѣчаніе—это разсердило владыку...

Не помню въ какой праздникъ, мы всѣ были парадно въ соборѣ; генералъ-губернаторъ въ мундирѣ, залитомъ шитьемъ. Безъ ротнаго ученья не обошлось. Послѣ совершенія таинствъ, священникъ, выходя изъ царскихъ дверей съ книжкою для прочтенія молитвы: «Благословляю» и проч., по принятому обычаю, дѣлаетъ легкій поклонъ старшему въ церкви. Только поклонился священникъ Лавинскому, какъ владыко изъ алтаря вернулъ священника.

— «Кому ты кланялся? ты—пастырь, кланялся овцѣ твоего стада? ты молишься златому тельцу!»

Распушилъ священника голосомъ на весь соборъ. Лавинскій не показалъ и вида, что замѣтилъ непристойность. Мнѣ очень

хотѣлось сказать, что это не въ мой огородъ камень—да не посмѣлъ.

Бумаги летѣли въ Петербургъ. Всѣ подробности духовенство сообщало синоду. Матеріала было много!

Осенью пришелъ указъ (вотъ измѣнила память) о вызовѣ или удаленіи архіепископа—по разстройству умственныхъ способностей. Генералъ-губернатору поставлено въ обязанность озаботиться и оказать возможное содѣйствіе къ спокойному путешествію владыки. Архіепископъ, получивъ указъ, нашелъ его поддѣльнымъ, такъ какъ на указѣ не было сургучной печати, а просто: М. П., т. е. мѣсто печати. Опираясь на какой-то законъ Екатерины, что если указъ покажется сомнительнымъ, то сомнѣвающійся имѣетъ право—потребовать указъ съ печатью сургуча,—Іриней заявилъ свое сомнѣніе въ подлинности указа офиціально.

На сомнѣніе Іеринея не обратили вниманія, удобная карета была готова.

Не помню какой былъ праздникъ—не большой. Коллежскій совѣтникъ, чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ—Александръ Ивановичъ Голубевъ, еще до обѣдни, явился къ владыкѣ и доложилъ, что онъ присланъ для услугъ его высокопреосвященства во время пути и ожидаетъ приказаній. Я долженъ замѣтить, что Голубевъ былъ вершковъ 10-ти ростомъ, брюнетъ, сильнаго сложенія. Владыко саркастически улыбнулся и сказалъ: «Экого славнаго выбрали молодца! Ловко распорядились: ты повезешь меня; такому великану-богатырю не трудно будетъ задушить меня и потомъ сказать, что я—какъ сумасшедшій—задушилъ самъ себя .... не дурно придумано!»

Владыко крѣпко взялъ за руку Голубева и сказалъ: «пойдемъ!» Іериней привелъ Голубева къ перевозу черезъ Ангару; тамъ стоялъ унтеръ-офицерскій караулъ; владыко приказывалъ взять Голубева подъ караулъ, но унтеръ отказался—безъ дежурнаго офицера по карауламъ. Іериней, не выпуская руки Голубева, повелъ его на главную гауптвахту, гдѣ, по приказанію владыки, караульный офицеръ посадилъ Голубева подъ арестъ.

Мимо гауптвахты проходилъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора Кибритъ и, видя караулъ въ ружьѣ и владыку на плацѣ, подошелъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Владыко, зная Кибрита, и его посадилъ на гауптвахту. Въ это время, я ѣхалъ

изъ адмиралтейства поздравить съ праздникомъ Лавинскаго; дорогою узнавъ исторію на гауптвахтѣ, проѣхалъ прямо къ Лавинскому и доложилъ что узналъ.

Большая площадь: на южной сторонѣ домъ генералъ-губернатора, на сѣверной главная гауптвахта, къ западу гостинный дворъ, къ востоку—улицы и частные дома. Лавинскій въ это время сильно страдалъ геморроемъ. Слушая меня, морщился и сказалъ: «еще глупости, пусть постоитъ и уйдетъ».

Я былъ того мнѣнія, чтобы не вышло чего серьезнаго, вѣдь это владыко!

Лавинскій крякнулъ, надѣлъ фракъ со звѣздой и пошелъ немедля со мною на площадь.

Подходя, видимъ Іеринея расхаживающимъ большими шагами передъ фронтомъ солдатъ; нѣсколько народа отъ гостиннаго двора; слышимъ, Іериней громко говоритъ, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, съ которымъ онъ стоитъ передъ государемъ на одной доскѣ; судъ государя рѣшитъ кто правъ. Лавинскій что-то тихо, почти шепотомъ, сказалъ Іеринею, а тотъ еще громче доказывалъ, благословляя подходящій народъ, что онъ донесъ государю о всемъ и что солдатъ кормятъ мукой съ пескомъ. Говорилъ громко, скоро и благословлялъ. Лавинскій приказалъ караулу идти въ караульный домъ. Молодой офицеръ не повиновался. Я громко скомандовалъ: напра-во! скорымъ шагомъ, лѣвое плечо впередъ—маршъ!! Хотя я и морякъ, но штабъ-офицеръ, а главное русскому солдату—команда! Караулъ, какъ машина, повиновался. Іериней, на разныя манеры твердилъ одно, что онъ знать не хочетъ гражданскаго начальства, которому не вѣритъ, а отдаетъ себя подъ охрану военному начальству и народу! Не помню, кто подъѣхалъ и докладываетъ Лавинскому, что комендантъ болѣнъ.

Какъ теперь гляжу на Іеринея: онъ сознавалъ, что переступилъ черезъ Рубиконъ! День былъ прохладный, но Іериней весь горѣлъ, снялъ клобукъ; по прекраснымъ его волосамъ струились капли пота, онъ былъ прекрасенъ, это былъ азартный игрокъ и игралъ—быть или не быть! Народъ подходилъ болѣе и болѣе. Іериней, благословляя народъ, рѣшился говорить, что онъ съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой готовъ защищать и стать въ головѣ народа, который страдаетъ отъ гражданской власти.

Надобно замѣтить, что еще шла обѣдня, на базарѣ еще не съѣзжались и народъ еще былъ трезвъ, и еще замѣтка—въ Сибири лаптей не носятъ [1]). Дѣло становилось слишкомъ серьезно! Когда доложили Лавинскому, что комендантъ болѣнъ, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: «привези!»

Необходимо ознакомить съ комендантомъ; это былъ генералъ-маіоръ по кавалеріи, дослужился изъ кантонистовъ и былъ простакъ; имѣлъ много ранъ, а дипломовъ на ордена—цѣлую стопу: кажется, вся Европа давала ему ордена, начиная съ низшихъ степеней и до высшихъ. Фамилія его была Покровскій, а имени его, кажется, никто не зналъ.

По приказанію Лавинскаго, я бросился на дрожки и маршъ-маршъ! Нахожу коменданта — здоровешенекъ! уже начерненъ, набѣленъ и кончилъ румяниться—безъ этого онъ не выходилъ изъ дома. Оказалось, что комендантъ именинникъ и полагалъ, что я пріѣхалъ поздравить его. Я передалъ ему приказаніе генералъ-губернатора; комендантъ отвѣчалъ, что ему нездоровится, да и чтò онъ будетъ тамъ дѣлать? Комендантъ видимо трусилъ, хотя и былъ храбрецъ на войнѣ. «Надѣвайте мундиръ, ваше превосходительство; хотя мертваго, но отвезу васъ, въ томъ даю вамъ честное слово! а чтò вамъ дѣлать—разскажу на дрожкахъ». Минуты были слишкомъ дороги и серьезны, я самъ подалъ ему мундиръ и почти силой увелъ и усадилъ въ дрожки. Дорогой научилъ его подойти къ Іеринею и сказать ему, что, какъ главная военная власть, берете охраненіе его подъ свое покровительство и честію ручаетесь за его спокойствіе, возьмите подъ руку и уведите домой. Подъѣзжая, я махалъ карауду, барабанщикъ чуть не походъ пробилъ, караулъ, честь—все исполнено важно! Іериней продолжалъ возмутительно говорить къ народу. Къ счастію, не было семинаристовъ, которые очень были преданы владыкѣ. Мнѣ кажется, недоставало начальнаго голоса въ пользу Іеринея. Румяный комендантъ подошелъ молодцомъ и, какъ по писаному, объявилъ Іеринею. Тотъ сталъ-было говорить о своихъ правахъ; комендантъ взялъ Іеринея подъ руку и далъ ему слово выслушать его дома. Іериней сверкнулъ глазами на народъ и, не видя

---

[1]) Въ Россіи сапоги носятъ: кулаки, міроѣды, подрядчики—народъ болѣе развитой. Въ Сибири всѣ въ сапогахъ, простака-лапотника—нѣтъ. Э.

ни въ комъ участія къ себѣ, пошелъ съ комендантомъ. Генералъ-губернаторъ и всѣ мы молча пошли за ними. Въ это время изъ всѣхъ церквей выходилъ народъ и частію слѣдовалъ за нами. Всю дорогу Іериней говорилъ съ жаромъ, внушалъ коменданту, почему онъ не можетъ вѣрить гражданскому начальству, и проч. Комендантъ, можетъ, и не понималъ, молчалъ и прибавлялъ шагу.

Довели архіепископа до его кельи и всѣ мы вошли за нимъ. Лавинскій заглянулъ въ другую комнату, Іериней громко сказалъ: «тамъ у меня деньги, могутъ пропасть!» Обернулся ко мнѣ: «вы обезчестили свой мундиръ золотой, тѣмъ, что стали противъ меня». Я отвѣчалъ: монаху принадлежитъ смиреніе, вы учите насъ покорности и повиновенію; смиритесь, владыко!—Онъ зло взглянулъ на меня и быстро повернулся. Была и комическая сцена: явился прокуроръ—презабавный человѣчекъ, небольшаго роста, съ очень большимъ брюхомъ, на коротенькихъ и, какъ флейты, тоненькихъ ножкахъ. Раздраженный и красивый архіепископъ началъ излагать прокурору всѣ свои неудовольствія и права отъ А до Z, говорилъ около часу. Забавная фигура прокурора точно окаменѣла, ни одна фибра въ лицѣ не дрогнула; прокуроръ не произвелъ звука и не мигнулъ глазомъ. Іериней кончилъ, прокуроръ повернулся. Я послѣ спросилъ его, что говорилъ ему владыко? «Не знаю, не понялъ и не слыхалъ», отвѣчалъ мнѣ прокуроръ. Я искренно повѣрилъ ему.

На дворъ архіепископа привели роту солдатъ съ ружьями и боевыми патронами.

Мы всѣ пошли въ домъ генералъ-губернатора, составили подробный актъ происшествію и подписались болѣе 100 человѣкъ свидѣтелей. Казацкій офицеръ, въ тотъ же день, полетѣлъ съ донесеніемъ къ государю.

День былъ праздничный, много съѣхалось на базаръ; послѣ полдня пьяные и трезвые толпами толковали объ обидѣ владыкѣ. Ошибка была въ томъ, что не заперли семинаристовъ: они шатались между народомъ и волновали. Я вооружилъ своихъ сотню матросъ, были у меня 3-хъ фунтовыя пушки; моя армія ночью охраняла домъ генералъ-губернатора. Чрезъ двое сутокъ, говоръ и шумъ въ народѣ успокоился.

Кстати разскажу. Тогда въ Иркутскѣ былъ полиціймейстеромъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ былъ полковни-

номъ колоновожатыхъ; извѣстно, что онъ былъ организаторомъ общества 14-го декабря, но послѣ отсталъ, когда общество измѣнило цѣль, духъ и направленіе. Онъ былъ сосланъ въ Якутскъ, не доѣхалъ—назначили въ Верхнеудинскъ; я уже засталъ его отличнымъ полиціймейстеромъ въ Иркутскѣ—хорошо ученый, вполнѣ честный человѣкъ; мы были очень дружны. Онъ хорошо фехтовалъ на рапирахъ, а я былъ ученикъ Северблика—первый по корпусу. На гауптвахтѣ былъ и Муравьевъ; смотрю—глаза горятъ у моего друга и весь какъ-то возбужденъ! Я говорю ему тихонько: чтобы не дошло до катастрофы? Онъ быстро мнѣ сказалъ: «ничего, вы возьмите ружье, я возьму другое, станемъ спинами, насъ скоро не одолѣютъ; а потомъ, мы станемъ въ головѣ, можетъ, выйдетъ къ лучшему». Я тогда подумалъ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ.

Шумъ архіепископской катастрофы улегся; сначала интересовались, какъ поживаетъ и что говоритъ Іериней, но скоро и забыли о немъ. Духовенство радовалось. Шаловливость моя тянула меня повидаться съ плѣненнымъ архіепископомъ и подиспутировать по знакомству, но запретилъ Лавинскій.

Наступила зима. Иркутскъ веселился. Кажется, не ошибаюсь, въ Николинъ день—балъ у генералъ-губернатора; я отличный танцоръ, изъ лучшихъ учениковъ Да-Росси и единственный въ Иркутскѣ съ густыми эполетами; только кончилъ французскую кадриль съ дочерью Лавинскаго, какъ онъ подозвалъ и быстро сказалъ: «иди внизъ, распорядись, да ни гу-гу!» Сбѣжавъ во флигель, нахожу—трое въ шубахъ, еще въ снѣгу—это были: жандармскій полковникъ Брянчаниновъ, флигель-адъютантъ Гогель и фельдъегерь капитанъ Иностранцевъ. Они пріѣхали весьма секретно. Я распорядился напоить и накормить ихъ. Они хотѣли знать объ Іеринеѣ, но зачѣмъ пріѣхали—молчали. Балъ продолжался своимъ чередомъ; для приличія, я явился на балъ; тамъ никто и не подозрѣвалъ, что есть секретные гости. Лавинскій украдкой сходилъ къ нимъ. Въ концѣ бала приказано всѣмъ подписавшимъ актъ явиться утромъ.

Утромъ, всѣ собрались къ генералъ-губернатору и отправились къ Іеринею. Много пришло въ комнаты архіепископа; онъ сидѣлъ въ креслѣ и не всталъ при входѣ генералъ-губернатора, который представилъ пріѣзжихъ. Флигель-адъютантъ подалъ за-

печатанный рескриптъ государя, который былъ показанъ Іеринею и въ которомъ повелѣвалось генералъ-губернатору: архіепископа Іеринея, по разстройству умственныхъ способностей, передать жандармскому полковнику Брянчанинову, для дальнѣйшихъ распоряженій. Привезли и указъ съ сургучною печатью. Іериней слушалъ и смотрѣлъ съ улыбкою, какъ будто видѣлъ забаву. Трудно было догадаться, что̀ думалъ Іериней. Фельдъегерь Иностранцевъ стоялъ у дверей; архіепископъ вдругъ спросилъ: «а ты кто такой?»—обращаясь къ Иностранцеву; тотъ назвалъ себя фельдъегеремъ. Іериней непритворно разсмѣялся: «а почему у тебя черное перо?» Обращаясь ко всѣмъ, сказалъ строго: «убирайтесь всѣ вонъ! я комедій не люблю, да и не умѣете наряжаться». Тогда Брянчаниновъ, громаднаго роста (вершковъ 11-ти), подошелъ къ Іеринею и что-то шепнулъ ему на ухо. Вдругъ перемѣнилась сцена: Іериней всталъ со смиреннымъ видомъ, сложилъ руки на груди, поцѣловалъ подпись государя на рескриптѣ и покорился безусловно.

Исторія съ султаномъ Иностранцева такая: дорогой, на перекладной, заготовляя лошадей, онъ потерялъ свой бѣлый султанъ; въ Иркутскѣ кавалеріи нѣтъ, онъ взялъ у армейскаго офицера черный султанъ.—Мы никто не замѣтили и были крайне удивлены, какъ обратилъ вниманіе Іериней на цвѣтъ султана.

Тѣмъ и кончилась исторія, въ свое время надѣлавшая такъ много шума—надобно принять въ соображеніе, въ какомъ отдаленномъ краѣ и какимъ элементомъ населенномъ краѣ, по русской пословицѣ: отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла.

Экипажъ и всѣ удобства для путешествія Іеринея были готовы, Брянчаниновъ не медлилъ, Иностранцевъ полетѣлъ заготовлять лошадей. Разсказывали, что у кареты Брянчаниновъ самъ запиралъ дверцы на ключъ; на станціяхъ не позволялось подходить къ каретѣ. Чѣмъ же кончилъ Іериней? Я слышалъ, что онъ былъ помѣщенъ въ Прилуцкомъ монастырѣ (Вологодской губерніи) на обязанность дьячка, хотя не былъ лишенъ ни сана, ни орденовъ. Далѣе ничего не слышалъ.

Иностранцевъ, гостивъ у меня, много разсказывалъ исторій—странныя и трудныя иногда бываютъ порученія фельдъегерямъ! Да и молодчина же былъ Иностранцевъ.

Въ 1854 г. я держалъ въ южной Россіи почтовую станцію; тогда не было телеграфовъ. Фельдъегерь капитанъ—все таки капитанъ Иностранцевъ—мчался изъ Питера подъ Силистрію съ повелѣніемъ ретироваться нашимъ войскамъ—тогда удивила своею неблагодарностью Австрія цѣлый міръ! Австрія вѣрна себѣ и до сего часа! За 1854 годъ сколько потеряла Австрія! Что-то будетъ теперь?

Въ 1854 году, встрѣтившись съ Иностранцевымъ, мы узнали другъ друга. Я удивился неустанной его фельдъегерской физикѣ, а онъ, глядя на меня, подивился—какъ швыряетъ судьба людей.

А вотъ одинъ изъ многихъ анекдотовъ, по поводу Иностранцева.

Императоръ Николай собирался выѣхать изъ Тулы; недавно выпалъ снѣгъ. Государь, незамѣтно для свиты, вышелъ по черной лѣстницѣ и крикнулъ: «№ 1-й, фельдъегерская!» Подкатилъ на санкахъ тройкою парень лѣтъ 20-ти. Государь сѣлъ въ сани и сказалъ: «пошелъ!»—Промчалась тройка верстъ пять, ямщикъ лихой, правитъ стоймя.—Сначала ямщикъ робко оглядывался, а потомъ сказалъ про себя: «вишь, ты не дерешься, добрый».—Погодя опять оглянулся: «ребята говорили, что ты больно дерешься, анъ ты смирный». Всю дорогу дивился ямщикъ, что государь не бьетъ его. Тройка была—Иностранцева. Свита сбилась съ ногъ—гдѣ государь? догадались и рѣшились ѣхать.

Государь говорилъ: «хорошо прокатиться подъ именемъ Иностранцева: я никогда такъ отлично не ѣздилъ». Это разсказывалъ мнѣ одинъ флигель-адъютантъ въ Кіевѣ.....

Въ настоящемъ очеркѣ я довольно много говорилъ объ Александрѣ Степановичѣ Лавинскомъ; хочу нѣсколько съ нимъ познакомить моихъ читателей.—Послѣ Сперанскаго, сдѣланъ Лавинскій генералъ-губернаторомъ иркутскимъ, енисейскимъ (красноярскимъ) и якутскимъ и пробылъ, помнится, 14 лѣтъ.—Лавинскій былъ очень добрый человѣкъ, съ большимъ тактомъ главнаго администратора. Лавинскій все зналъ что́ дѣлается, на маленькія злоупотребленія онъ смотрѣлъ снисходительно, а большія останавливалъ тѣмъ, что давалъ знать стороною, что это дѣло ему извѣстно—и этого было довольно.—Какъ генералъ-губернаторъ, можетъ быть, онъ выскажется въ моихъ разсказахъ. Но кто же онъ?—Я вотъ что знаю: онъ незаконнорожденный сынъ Головина и Ланской; откинувъ отъ фамиліи отца слогъ Го и прибавивъ конецъ фамиліи матери—составилась

фамилія сына. Богатые родители дали ему состояніе. Лавинскій былъ неудачно женатъ—если не забылъ—на Закревской; имѣлъ одну дочь Елисавету, которую надобно было лечить въ Парижѣ; съ дочерью уѣхала и мать, тамъ перешла въ католицизмъ и дочь сдѣлала католичкой.—Императоръ Николай пожелалъ, чтобы Лавинскій жилъ съ женою. При мнѣ пріѣхали жена и дочь Лавинскаго; жена была нафанатизирована до крайности, она не могла видѣть православнаго безъ отвращенія!— Ей было устроено особое отдѣленіе въ домѣ, особая прислуга и экипажъ, была каплица и ксендзъ. Дочь, лѣтъ 20-ти, почти не говорила по русски; отецъ очень любилъ ее и скоро сдѣлалъ православной.

Лавинскій не жилъ въ большомъ домѣ, тамъ давались только балы, а жилъ во флигелѣ при домѣ, въ три окна; въ нижнемъ этажѣ жилъ отецъ, а въ верхнемъ дочь. Бывало у генералъ-губернатора балъ, весь городъ веселится; среди бала, присылаетъ жена и требуетъ прекращенія бала—шумъ-де мѣшаетъ ей молиться. Александръ Степановичъ выслушаетъ, загнетъ русское непечатное слово — и продолжаютъ танцовать. Дочь сдѣлана фрейлиной. Лавинскій богатъ и въ милости... О службѣ своей онъ говорилъ мало. — Онъ былъ губернскимъ почтмейстеромъ въ Вильнѣ и это я знаю потому, что, когда онъ получилъ списокъ— чьи письма должны подпечатываться и прочитываться, Лавинскій мнѣ сказалъ: «я всегда разрѣзывалъ конвертъ и не читая посылалъ по адресу; скоро сдѣлались осторожны и «запретныхъ» писемъ не посылали».—Въ 1810 и 1811 годахъ, Лавинскій, если не ошибаюсь, былъ губернаторомъ въ Вильнѣ.—Поляки были преданы Наполеону и льстили Государю.—Устроили за городомъ балъ для рандеву съ красавицей Тизенгаузенъ [1]). Балъ, такъ потомъ болтали, былъ средствомъ предать Государя Наполеону.—Балъ въ разгарѣ. Государь одѣтъ по бальному—въ чулкахъ и башмакахъ—прекрасенъ и веселъ. «Мнѣ докладываютъ,—разсказывалъ Лавинскій,—что приближаются французы. Я доложилъ генералъ-губернатору, князю полуглухому (боюсь переврать фамилію—забылъ), онъ замоталъ головою и руками—нельзя, не смѣю. Докладываютъ другой, третій разъ, что французы близко. Я рѣшился прямо доложить государю. Вывелъ незамѣтно государя по черной лѣстницѣ.—Экипажей нѣтъ

[1]) См. «Записки Шуазель-Гуфье, рожденной Тизенгаузенъ», напечатанныя въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 579—632.

ни одного; я предложилъ государю мою англійскую верховую кобылу, накинулъ на государя свою бурку, провожалъ его одинъ казакъ». Бурку эту я видѣлъ въ 1822 году. Министръ двора кн. Волконскій, по приказанію государя, при отношеніи, съ благодарностію возвратилъ бурку; зеленой тафты подкладка изношена въ полосахъ. Лавинскій хранилъ и очень дорожилъ этой буркой.

Наполеонъ очень милостивъ былъ къ Лавинскому; если не ошибаюсь, А. С. оставался губернаторомъ при входѣ и выходѣ изъ Россіи французовъ; меня увѣряли, будто благодарные виленцы поставили столбъ съ надписью въ память Лавинскому.—Но все, это передаю какъ слухи и росказни, ходившіе въ мое время, отнюдь не ручаясь за достовѣрность.

Въ 1832 году Лавинскій просился изъ Сибири, но получилъ рескриптъ, въ которомъ государь просилъ остаться и выразился такъ: «Если я и найду вамъ равнаго по достоинству, то гдѣ найду вамъ равнаго по опытности».—При этомъ табакерка съ портретомъ и бриллiантами, тысячъ въ пятнадцать рублей. Александръ Степановичъ, показывая мнѣ рескриптъ и табакерку, съ неудовольствіемъ сказалъ: «вотъ такъ и держатъ въ ссылкѣ».—Ему хотѣлось въ Питеръ, для дочери.

Узнавъ изъ словъ Лавинскаго, что онъ броситъ должность, я, оставленный противъ воли и не желая быть въ Иркутскѣ безъ Лавинскаго, тихонько перепросился въ Кронштадтъ.—Мѣсяца черезъ четыре пріѣхалъ Лавинскій въ отпускъ; у него былъ свой домъ въ Коломнѣ. Я встрѣтилъ его и провожалъ во дворецъ; меня удивило, что онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, безъ орденовъ, въ узкихъ панталонахъ, въ башмакахъ и безъ шпаги. Государь представилъ Лавинскаго государынѣ и при этомъ сказалъ: «вотъ кто охраняетъ насъ на востокѣ», а Лавинскому: «ну, что же ты не поцѣлуешь мою хозяйку?» государыня подала ему руку.

Возвратился Лавинскій не въ духѣ и сказалъ: «я объявилъ Бенкендорфу, что въ Сибирь не поѣду,—нѣмецъ стращаетъ гнѣвомъ Государя—пусть какъ хотятъ!»

Бенкендорфъ, пріѣзжая, долго уговаривалъ, но Лавинскій рѣшительно отказался.—Государь гнѣвался: Лавинскаго—въ сенатъ, но не надолго; скоро, а именно 1-го января 1836 г.—членомъ въ государственный совѣтъ; умеръ онъ въ 1844-мъ году—въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Лавинскій, оставшись въ Питерѣ, попалъ опять въ милость; однажды Государь говоритъ ему: «а, кажется, мы погорячились съ твоимъ архіереемъ (Іеринеемъ): оказывается, что онъ не столько виноватъ. Я хотѣлъ поговорить съ тобою подробно». Лавинскій былъ крайне удивленъ и нашелся только сказать: «Государь, объ этомъ происшествіи я представилъ актъ за подписью болѣе 100 чиновниковъ-свидѣтелей».—«Ахъ, правда, объ актѣ я и забылъ, то и говорить нечего, а мнѣ представляли это дѣло въ другомъ свѣтѣ». Вотъ какую силу и при какомъ государѣ имѣли представители чернаго духовенства.

Выше упомянуто, что къ Іеринею являлся Голубевъ. Съ Лавинскимъ выѣхалъ и онъ съ женою. Лавинскій, желая опредѣлить Голубева въ Питерѣ, обращался во всѣ министерства; какъ только упоминалась фамилія Голубева—рѣшительный отказъ! Даже Канкринъ откровенно сказалъ: «батуска, Голубеву дать мѣсто не могу!» Такъ Голубевъ мѣста въ Питерѣ и не получилъ. Лавинскій вымолилъ у Канкрина для Голубева частное мѣсто, управляющимъ суконною фабрикою, кажется, въ Курской губерніи. Вотъ сила сторонниковъ смѣщеннаго Іеринея! Я слышалъ отъ Лавинскаго, что митрополитъ Филаретъ писалъ къ Іеринею: «Дай намъ средство смыть пятно съ имени святителей, помоги намъ своими объясненіями и указаніями; а врагамъ твоимъ мы сами найдемъ орудіе отмстить». Іериней отвѣчалъ: «Безумные вы! вы въ слабоуміи своемъ признали меня лишеннымъ умственныхъ способностей, чего же вы можете требовать отъ безумнаго? Безсильны вы».

Прочитавши объ Іеринеѣ, многіе подумаютъ, что онъ былъ сумасшедшій. Я, какъ личный и близкій свидѣтель, могу увѣрить своихъ читателей, что онъ дѣйствовалъ въ совершенно здравомъ умѣ. Честолюбіе и привычка властвовать осилили его, энергія и самонадѣянность тянули его къ полному господству въ краѣ; видя препятствіе въ гражданской власти, надѣясь на вліяніе своего сана, онъ задумалъ взволновать такой отдаленный край—а нравы ссыльныхъ, людей порочныхъ, давали ему надежду легко взволновать—потомъ, ставши въ головѣ волненія, усмирить и повергнуть покорныхъ государю. Вотъ его затѣя—не удалась, сорвалось! да мало ли сколько затѣй не удается. Э.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Примѣчаніе. Въ слѣдующемъ очеркѣ разскажу о пребываніи Сперанскаго въ Иркутскѣ въ 1818 году. Впослѣдствіи, если никто не помѣшаетъ, познакомлю читателей «Русской Старины» съ Дмитріемъ Гавриловичемъ Бибиковымъ. Былъ Бибиковъ и умеръ Бибиковъ—только! Бибиковъ былъ лѣтъ 16 генералъ-губернаторомъ югозападнаго края, былъ, можно сказать, владѣтельный герцогъ края, полный генералъ, генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Умеръ въ Дрезденѣ, безъ эксельбанта, безъ мундира, безъ пенсіи. Умеръ, какъ я слышалъ, на каменномъ полу, въ одиночествѣ! Кромѣ меня, едва ли кто его знаетъ и никто не узнаетъ, потому что послѣ него не осталось и не могло остаться ни одной строчки.

Не забуду, такъ разскажу о Бенкендорфѣ, о Паскевичѣ, о кн. Меншиковѣ—какіе это все гиганты издали, но, увы, только издали, а подойди близенько........ Вотъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, тотъ и близко не теряетъ...

Не знаю я, какъ понимаютъ теперь Сенковскаго? а я и теперь его почитываю. Я былъ лично знакомъ съ нимъ и содѣйствовалъ къ напечатанію разсказа: «Большой выходъ у сатаны». Мой двоюродный братъ, Василій Семеновъ, тогда былъ цензоромъ и мы вмѣстѣ надули Бенкендорфа.

Я племянникъ Анны Петровны Буниной—десятая муза, и бывалъ на бесѣдахъ русскаго слова у Державина, помню его экспромтъ. Въ залѣ, въ два свѣта, неширокое мѣсто отдѣлено колоннами; въ этомъ отдѣленіи длинный столъ, нѣсколько литераторовъ за столомъ съ тетрадками; большое вѣло унизано около стѣнъ дамами. Вышелъ Державинъ чрезъ маленькую дверь прямо къ предсѣдательскому креслу, въ собольемъ опашнѣ, въ собольей высокой татарской шапкѣ; по лѣвую его сторону сидѣлъ гр. Д. Хвостовъ. Говорятъ, тогда Державинъ переводилъ Пиндара. Хвостовъ, скрипучимъ голосомъ къ Державину, который сѣлъ полуоборотомъ къ нему:

— Пиндаръ Романовичъ!

Державинъ не обернулся.

Хвостовъ повторилъ: «Пиндаръ Романовичъ!»

Державинъ, не оборачиваясь, на-распѣвъ сказалъ: «Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ, хвосты есть у кнутовъ—такъ берегись, Хвостовъ!» По большой залѣ прошелъ шопотъ и одна изъ присутствовавшихъ записала изреченіе маститаго поэта.

Э...... .....въ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Монастырскій судъ XVII-го вѣка.

[1610 г.].

Одною изъ отличительныхъ привиллегій, данныхъ древнимъ монастырямъ сѣвернаго края, поморья—это жалованная грамота великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, въ 7055 году, предоставленія собственной монастырской расправѣ дѣлъ судныхъ надъ половниками, поселенными на земляныхъ ихъ владѣніяхъ, «опричь,—какъ говорится въ грамотѣ,—татьбныхъ, убійственныхъ и волшебныхъ дѣлъ». Такая особенность права, замѣчательная какъ своеобразностью формы суда, такъ и юрисдикціей давнопрошлаго времени, дошедшая до насъ въ уцѣлѣвшихъ монастырскихъ документахъ, составляетъ не безъинтересный памятникъ старины. Такъ, въ силу той грамоты, въ началѣ XVII-го вѣка, передъ монастырскій судъ Николая Коряжемскаго монастыря [1]), сталъ истецъ Петрунька Юрьевъ сынъ Калугинъ и, какъ выражается монастырская запись, «въ лѣто 7118-е, сентября въ 3-й день, билъ челомъ царю-государю, великому князю Василію Ивановичу всея Россіи, Коряжемскаго монастыря, крестьянина Шалимовской волости половника Осипка Антипова. И подалъ челобитную въ Коряжемскій монастырь игумену Исидору еже о Христѣ съ братіею, Коряжемскаго монастыря, Шалимовской слободки, крестьянина Якова Антипова на жену Анницу Андрѣеву дочерь. И игуменъ велѣлъ монастырскому розсыльщику Осипу Ѳеодорову сыну, Якова Антипова жену Анницу въ монастырь предъ собою поставити того же мѣсяца въ 5-й день. Розсыльщикъ Осипко Ѳеодоровъ Якова Антипова передъ игуменомъ постави. А истецъ Петрунька Калугинъ передъ игуменомъ ставъ же. И игуменъ велѣлъ келарю старцу Родіону съ соборными старцами ихъ судити. И келарь велѣлъ Петруньки Калугина челобитную чести. И челобитная чтена. И истецъ и отвѣтчикъ туто же стояли. А въ челобитной пишетъ:

[1]) Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

— «Царю-государю и великому князю Василію Ивановичу [1]) всея Руси бьетъ челомъ и плачетца сирота твоя, государь, Пятрунька Юрьевъ сынъ Калугинъ на Яковлеву семью Антипова на Анну Андрѣеву дочь въ такове дѣлѣ, а діало, государь, нынѣшняго лѣта канунъ свят. мучениკъ Флора и Лавра, въ вечеріе, въ четвергъ, приходила, государь, та Анна Яковлева семья своей научки въ мое дворишко и лѣзла, государь, въ мое избенцо и робишно мое дѣвицу по спинцѣ едва не перебила на смерть, покинула; а взяла, государь, двѣ рубашки тонкихъ мужскихъ, да женскую съ оборомъ: рубахамъ цѣна восемь алтынъ, да въ рубахахъ, государь, въ рукавахъ были заверчены рубли серебрянные: цѣна двѣ гривны; да сорвала, государь, съ ворота крестъ серебрянный—шести денегъ; да взяла, государь, изъ-подъ шестка и выняла изъ лукошечка восемь гривенъ, а меня, государь, въ те поры и съ семьишкой дома не было; а робишно, государь, съ се побоинѣ стало не умажна. И всѣго того, государь, моего живота взяла та Анна, съ мужнина учки Яковлевы, на сорокъ алтынъ, на два алтына и на двѣ деньги. Милостивый государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, смилосердуйся, дай, государь, судную управу на ту женщину сильную, чтобы, государь, сирота твоя въ конецъ не загибла, животца своего не застала хуже отъ робишна. Что ты, милостивый царь, укажешь. Царь государь, смилосердуйся пожалуй».

И послушавъ келарь Родіонъ челобитную и спрошалъ отвѣтчика Якунька Антипова: слышитъ ли челобитную и, вмѣсто жены своей Анницы, отвѣчаетъ ли противъ истца Петруньки Калугина, а та челобитная говоритъ на жену твою Анницу?—И отвѣтчикъ Якунька Антиповъ тако рече: господине келарю, слышалъ ту челобитную,—и вмѣсто жены своей Анницы отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ сказалъ:

— Челобитная на жену мою Анницу поклепная. Братъ мой Осипъ того Петруньку Калугина научаетъ на меня и на жену мою Анницу, потому хотятъ меня изъ моей деревни вонъ выжити и въ обчемъ животѣ жеребью дать не хотятъ, а тотъ Петрунька Калугинъ живетъ у него въ половинѣ, тѣмъ онъ, Петрунька, меня Якуньку и жену мою клеплетъ.

И келарь спрошалъ истца Петруньку, чѣмъ онъ, истецъ Петрунька, въ тое въ своемъ иску уличаетъ?

И истецъ Петрунька въ томъ своемъ иску Якуньку уличалъ крестомъ животворящимъ. А сказалъ—самъ крестъ цѣлую и ему вѣрю. И келарь спрошалъ отвѣтчика Якуньку: самъ ли крестъ цѣлуешъ или истцу Петрунькѣ крестъ цѣловать вѣришъ?

И отвѣтчикъ Якунька вѣрилъ крестъ цѣловать истцу Петрунькѣ. А сказалъ: умѣлъ онъ насъ поклепать и онъ умѣй и крестъ цѣловать. И келарь спросилъ истца Петруньку: сверхъ крестнаго цѣлованія иная которая улика

---

[1]) Василію Ивановичу Шуйскому.

у него въ томъ своемъ веку есть ли? И истецъ Петрунька больши того рѣчей ни чего не сказалъ. И келарь спрошалъ отвѣтчика Якуньки: есть ли у него какіе рѣчи? И отвѣтчикъ Якунька тако рекъ: господине келарю, у меня нѣтъ никаких рѣчей.

А у суда съ келаремъ были: казначей старецъ Іовъ, да соборной старецъ Феогностъ, да старецъ Серапіонъ. И келарь велѣлъ розсыльщику Осипу истца Петруньку и отвѣтчика Якуньку дать на поруки докамѣсть дѣло вершится. Записку писалъ въ монастырѣ монастырскій діачекъ Иванецъ Ивановъ сынъ Устюжанинъ.

Лѣта въ 7118, октября 2-го дня, у креста стоя истецъ Пятрунка Калугинъ, да отвечик Якунка Антипов въ своемъ дѣле помирилис предъ старцем Данилом і жена Якова подала в челобитную Пятрунка Калугина вину въ сороки.... в двое алтыняхъ и въ двое денгахъ. И ответчик Якунка стого веку пошлины и пересудные и діаче писчее внесъ въ монастырь, своего все сполна взнята. А на миру были Шалимовы слободки крестьяне Петраі Шавкунов, Андрек Дерягин, Феодор Старцев, Самал Малов, Петръ Ларионов, Харитон Тулчев, Ждан Жужчин, Яков Теребихин, Таска Теребихин. Записку писал Шалимовы слободки земской діачек Певтрунинца Афонасевъ сынъ Ярокурев».

Сообщ. **А. Слатинъ.**

МОСКВА ВЪ 1687—1688 ГГ.

[ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО].

Его п—ству г. Якову Ивану Гастферу, королевскому сенатору, генералъ-лейтенанту и ливонскому генералъ-губернатору, въ Ригѣ.

I.

23-го сентября 1687 г.

Высокоблагородный баронъ, королевскій совѣтникъ, генералъ-губернаторъ, милостивый государь. Милостивое письмо вашего высокоблагороднаго п—ства, отъ 8-го сего мѣсяца, я получилъ 19-го числа сего же мѣсяца по почтѣ, и узналъ изъ него, что в. п—ство его королевскимъ величествомъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ королемъ и государемъ, назначены генералъ-губернаторомъ Лифляндіи и смежныхъ провинцій, съ порученіемъ принять отъ тамошнихъ жителей, именемъ его королевскаго величества, присягу на вѣрность. Затѣмъ в. п—ство милостиво изволили предложить мнѣ сообщать вамъ обо всемъ здѣсь происходящемъ. Я не только желалъ поздравить в. п—ство съ изъявленіемъ живѣйшей моей радости, но и молю Всевышняго, чтобы онъ по благости своей преумножилъ свѣтлый разумъ в. п—ства, об-

легчилъ вамъ перенести тяжкое бремя возложенной на васъ обязанности и направилъ вашю назначеніе къ прославленію Бога, на отраду его королевскому величеству, на пользу отечеству и къ вѣчной славѣ в. п—ства, а также къ пріобрѣтенію милостей вашими ближними и родственниками. Что же касается до извѣщенія васъ о здѣшнихъ событіяхъ, то я постараюсь сдѣлать это по обязанности службы моей его королевскому величеству и въ угоду в. п—ству, по мѣрѣ возможности высылая вамъ извѣстія обо всемъ здѣсь происходящемъ. Пребывая въ твердой увѣренности, что это мнѣ откроетъ путь къ милостямъ, я довѣряю личныя мои выгоды попеченію в. п—ства. Такъ какъ русскіе зорко слѣдятъ за корреспонденціею и письмами и самое завѣдованіе почтою поручено русскому, то я буду отправлять письма къ в. п—ству въ конвертѣ на имя частнаго лица, въ Ригѣ, которое будетъ каждый разъ доставлять ихъ в. п—ству.

Послѣдняя новость-та, что бывшій генералиссимусъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, 4-го сего числа, поздно вечеромъ, пріѣхалъ въ городъ, а на слѣдующій день цѣловалъ руки у обоихъ царей и царевны. Онъ все еще въ прежней чести и стоитъ у кормила правленія; къ тому же царевна Софья Алексѣевна, почти совсѣмъ завладѣвшая управленіемъ царства, сильно поддерживаетъ его. Всѣ того мнѣнія, что въ послѣднемъ походѣ погибло отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ. Всѣмъ офицерамъ и дворянамъ за ихъ службу роздали медали вѣсомъ въ 1/2, 3/4 и даже въ цѣлый червонецъ. Послѣднія были розданы высшимъ чинамъ (образецъ такой медали вамъ посылаю); другіе офицеры, смотря по заслугамъ, получили медали меньшаго вѣса. На медаляхъ находится изображеніе двухъ царей и правительницы, а также начальныя буквы ихъ именъ. Генералъ-лейтенантъ Петръ Гордонъ на сихъ дняхъ произведенъ въ генералы. Здѣсь всѣ озабочены изданіемъ за границею, на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ, хвалебнаго описанія похода, въ которомъ будутъ изложены подробно причины безуспѣшнаго возвращенія многочисленнаго царскаго войска. Уже поговариваютъ о новыхъ налогахъ съ крестьянъ и мѣщанъ и о намѣреніи будущею раннею весною предпринять походъ въ Крымъ, при чемъ будетъ избранъ новый путь. Пѣхота отправится по Днѣпру на судахъ, а конница сухимъ путемъ. Князь Голицынъ, поговариваетъ, будто опять приметъ участіе въ этомъ походѣ. Третьяго дня царь Іоаннъ и царевна-правительница, по ежегодному обыкновенію, отправились на богомоліе въ Троицкій монастырь, находящійся приблизительно въ 12-ти миляхъ разстоянія отсюда. Дней чрезъ десять ихъ ожидаютъ обратно. Царь, уже Петръ остался дома.

II.

18-го ноября 1687 г.

28-го минувшаго мѣсяца я адресовалъ къ в. п—ству послѣднее письмо мое[1]).

Здѣсь за вѣрное передаютъ, что старшій сынъ бывшаго гетмана, Ивана Самойловича, въ Сѣвскѣ пытанъ и затѣмъ казненъ за распространеніе неумѣстныхъ рѣчей. Скоро ожидаютъ польскаго резидента, который будетъ имѣть постоянное мѣстопребываніе въ Москвѣ, а со стороны ихъ царскихъ величествъ будетъ отправленъ резидентъ къ польскому двору. Здѣсь говорятъ о постройкѣ на рѣкѣ Самарѣ крѣпости, въ которой будутъ расположены царскія войска, подъ предлогомъ препятствовать крымскимъ татарамъ производить набѣги на Украйну. Большинство того мнѣнія, что сооруженіе крѣпости имѣетъ цѣлью держать въ повиновеніи казаковъ и отрѣзать всякія сношенія ихъ съ татарами. Говорятъ, что эта мѣра указана новымъ гетманомъ Мазепою и что казакамъ понравилась мирная жизнь, которую они испытывали, живя въ теченіи 20-ти лѣтъ по сю сторону Днѣпра; многіе изъ нихъ нажили богатства, которыми желаютъ мирно пользоваться. Относительно будущаго похода пока еще не слышно ничего достовѣрнаго. Недѣли двѣ тому назадъ, вода въ Москвѣ рѣкѣ, вслѣдствіе большихъ снѣговъ и наступившей вслѣдъ затѣмъ оттепели съ дождями, такъ поднялась, что снесла четыре моста какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, черезъ что дворяне и мѣщане, торгующіе лѣсомъ, понесли вновь большой убытокъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ году внезапнымъ повышеніемъ уровня воды въ Москвѣ рѣкѣ уже четвертый разъ сносились мосты. Здѣшніе старожилы не запомнятъ, чтобы подобное несчастье повторялось нѣсколько разъ сряду въ одномъ и томъ же году.

III.

16-го декабря 1687 г.

18-го истекшаго мѣсяца я отправилъ къ в. п—ству мое послѣднее письмо. Слухъ, будто старшій сынъ бывшаго гетмана Ивана Самойловича былъ пытанъ въ Сѣвскѣ и затѣмъ 1-го ноября казненъ—подтверждается. Разсказываютъ, что отецъ и младшій братъ его будутъ сосланы въ Пустоозерскъ. Изъ оставшагося послѣ ихъ имущества одна половина отбирается въ царскую казну, а другая половина будетъ отдана новому гетману, о чемъ уже сдѣлано распоряженіе.

Недѣли двѣ тому назадъ, казаки опять прислали сюда двухъ плѣнныхъ татаръ, которые будто бы заявили, что татары намѣреваются еще нынѣшнею зимою сдѣлать набѣгъ на русскую границу, и здѣсь одни уже поговариваютъ, что татары подошли къ городу Торъ и оттуда сдѣлали на-

[1]) Этого письма нѣтъ.

бѣгъ, а другіе утверждаютъ, будто городъ этотъ ими вырѣзанъ, причемъ погибло 17 тысячъ человѣкъ убитыми и плѣнными. Дальнѣйшихъ объ этомъ свѣдѣній надо обождать. Дня три тому назадъ, семи пѣхотнымъ полковникамъ приказано отправиться въ Украйну и оставаться съ ихъ полками на крымскихъ границахъ русскихъ владѣній. Бѣлгородскому и Сѣвскому ополченію также приказано быть готовыми къ походу. Боярину Борису Петровичу Шереметеву, бывшему посланнику при римскомъ императорѣ, приказано отправиться въ Сѣвскъ и принять начальство какъ надъ тамошнимъ войскомъ, такъ и надъ всею мѣстностью; завтра онъ отправляется къ мѣсту своего назначенія.

Князь Петръ Семеновичъ Прозоровскій на прошедшей недѣлѣ отправился воеводою въ Новгородъ, на смѣну Петра Васильевича Шереметева; 10-го этого мѣсяца польскій резидентъ былъ встрѣченъ здѣсь въ качествѣ посланника; сегодня или завтра онъ будетъ допущенъ къ аудіенціи, послѣ чего уже сдѣлается извѣстнымъ—будетъ ли онъ имѣть здѣсь постоянное мѣстопребываніе. Теперь царя Петра стали ближе знать, такъ какъ первый министръ, князь Голицынъ, обязанъ нынѣ докладывать его царскому величеству о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, что прежде не дѣлалось; говорятъ, что въ теченіе наступающаго января мѣсяца его царское величество вступитъ въ бракъ.

IV.

2-го февраля 1688 г.

5-го истекшаго мѣсяца послано было мною письмо къ вашему сіятельству [1]). Послѣ того не происходило ничего замѣчательнаго; теперь же могу сообщить слѣдующее: 28-го прошедшаго мѣсяца здѣсь офиціально объявлено генералитету о предстоящемъ походѣ въ Крымъ, и указаны тѣ, которые на будущее лѣто поведутъ войска. На первомъ мѣстѣ бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и съ нимъ товарищъ его бояринъ Иванъ Өедоровичъ Волынскій, также окольничій Венедиктъ Андреевичъ Змѣевъ и думный дьякъ Емельянъ; они поведутъ главную, или такъ называемую, Московскую рать; за ними слѣдуетъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, съ товарищемъ княземъ Өедоромъ Юрьевичемъ Барятинскимъ; они поведутъ Новгородскую рать. Рязанскую рать поведетъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій; Сѣвскую рать—окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ и думный дворянинъ Григорій Ивановичъ Косаговъ. Рать изъ казанцевъ и астраханцевъ поведетъ окольничій Иванъ Юрьевичъ Леонтьевъ. Всѣмъ означеннымъ войскомъ будетъ начальствовать князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ качествѣ генералиссимуса; при этомъ дано приказаніе,

---

[1]) Письмо это утеряно.

подъ страхомъ смертной казни, чтобы всѣ названныя войска въ началѣ или половинѣ, а послѣдняя рать въ концѣ февраля, собрались къ сборному пункту въ Украйнѣ, въ Сумахъ, Обоянѣ и Рыльскѣ. На этой недѣлѣ приказано всѣмъ главнымъ начальникамъ ѣхать впередъ, чтобы собрать сложенное въ прошедшемъ году въ украинскихъ городахъ оружіе, привести его въ порядокъ и раздать войскамъ. Патріархъ, приглашенный для совѣщанія по поводу предстоящаго похода, предложилъ прежде всего попытаться завладѣть Азовомъ и уволить всѣхъ иностранныхъ офицеровъ, не принадлежащихъ къ греческой церкви, и чтобы народу и войску имѣть единую церковь и единую вѣру. На это ему отвѣчали, что бо́льшая часть военныхъ свѣдѣній пріобрѣтается отъ иностранцевъ, что и прежніе цари находили необходимымъ имѣть ихъ на службѣ, и потому имъ и впередъ оставаться на службѣ. Третьяго дня, въ ясную лунную ночь, здѣсь было замѣчено на небѣ явленіе: пять огненныхъ столбовъ, изъ коихъ четыре имѣли направленіе къ сѣверу, а одинъ къ югу, подвигались другъ къ другу и сталкивались съ такою силою, что видны были искры. Три изъ сѣверныхъ столбовъ, казалось, были сдвинуты южнымъ столбомъ; наконецъ, оставшійся послѣдній сѣверный столбъ одолѣлъ большой южный; а черезъ два часа все явленіе исчезло.

V.

10-го февраля 1688 г. [1]).

27-го истекшаго мѣсяца было послано в. пр—ству мое послѣднее письмо [2]). Съ сегодняшнею почтою должно отправиться въ Новгородъ къ тамошнему воеводѣ царское посланіе, адресованное его королевскому величеству; содержаніе этого посланія состоитъ въ томъ, чтобы его королевское величество въ письмахъ и сношеніяхъ съ его царскимъ величествомъ впредь употреблялъ титулъ: пресвѣтлѣйшаго и вседержавнѣйшаго, и чтобы объ этомъ было дано знать всѣмъ начальствующимъ на границѣ лицамъ. Это прибавленіе къ царскому титулу стали употреблять со временъ заключенія послѣдняго вѣчнаго мира съ Польшею, и такъ какъ кордійскимъ миромъ положено какъ каждому государю титуловаться, то здѣсь предполагаютъ, что титулъ этотъ не будетъ оспариваемъ... Сегодня или завтра отправится, по приказанію царя, къ воеводѣ Псковскому дьякъ посольскаго приказа Алексѣй Васильевъ (тотъ самый, который два года передъ симъ пріѣзжалъ къ его королевскому величеству въ качествѣ чрезвычайнаго посла). Изъ Пскова онъ съ письмомъ отправится къ ревельскому начальству по поводу новаго освященія русской церкви въ Ревелѣ; съ этою цѣлью

[1]) Получено въ Перновѣ, 25-го февраля 1688 г.

[2]) Письма этого нѣтъ.

имѣетъ съ нимъ отправляется священникъ съ иконами и, сколько мнѣ извѣстно, онъ между прочимъ будетъ жаловаться на постройку близъ церкви конюшни и потребуетъ снесенія ея. Его царское величество царь Петръ прилежно посѣщаетъ думу и, какъ говорятъ, недавно ночью секретно разсматривалъ всѣ приказы. Дней восемь тому назадъ ночью были найдены наклеенными къ воротамъ записки съ угрозою противъ лицъ, стоящихъ у кормила правленія. Дай-то Богъ, чтобы все сошло благополучно.

Казаки прислали сегодня плѣннаго изъ крѣпости Кизикермена, который разсказываетъ, будто новый турецкій султанъ писалъ къ крымскому хану, чтобы онъ воздерживался отъ всякихъ непріязненныхъ противъ русскаго царя дѣйствій, за исключеніемъ того случая, если на него самого будетъ произведено нападеніе, и чтобы по возможности защищался. Впрочемъ, здѣсь все пока тихо и о вторженіи татаръ ничего не слышно. P. S. Голландскій резидентъ баронъ фонъ-Келлеръ получилъ отъ своего правительства письмо съ жалобою на посланника его царскаго величества въ Гаагѣ.

VI.

6-го апрѣля 1688 г. [1]).

Письмо вашего сіятельства отъ 15-го прошедшаго мѣсяца я получилъ 27-го числа того же мѣсяца, и узналъ изъ него между прочимъ весьма радостную вѣсть, что его королевское величество, нашъ всемилостивѣйшій король и государь, возвелъ васъ, по великимъ заслугамъ и способностямъ вашимъ, въ графское достоинство; спѣшу принести вашему графскому п—ству нижайшее и должное поздравленіе; молю Всевышняго, чтобы такое заслуженное возвышеніе послужило къ благу и процвѣтанію вашего дома; присовокупляю при этомъ просьбу, чтобы ваше сіятельство какъ до сихъ поръ были, такъ и впредь остались бы моимъ милостивымъ покровителемъ. При семъ доношу, что, по полученіи вашего письма, я содержащуюся въономъ приписку тотчасъ сообщилъ первому министру, князю Голицыну, который видимо былъ обрадованъ и хотѣлъ оставить его у себя; но какъ я неохотно разставался съ нимъ, то велѣлъ перевести его и вчера возвратилъ мнѣ его обратно, причемъ вновь повторилъ, что все обстоитъ хорошо и чтобы ваше сіятельство продолжали радѣть о дѣлахъ. Впрочемъ, до сихъ поръ въ общественныхъ дѣлахъ все тихо и не замѣтно ни малѣйшаго движенія, исключая развѣ того, что русскіе, какъ я уже упомянулъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ [2]), намѣреваются выстроить двѣ крѣпости на Самарѣ (нѣкоторые упоминаютъ лишь объ одной крѣпости).

---

[1]) Получено въ Ригѣ, 19-го апрѣля 1688 г.

[2]) Письмо это утрачено.

Самое правительство находится in statu quo ante, и потому извѣстіе изъ Польши о произшедшей перемѣнѣ правительства есть пустой вымыселъ. Если бы что произошло, то я по обязанности не преминулъ бы тотчасъ увѣдомить о томъ в. п—ство. Также покорнѣйше благодарю за новости, которыя вы удостоили мнѣ сообщить касательно Швеціи и другихъ земель. Весьма благоразумно, что ваше графское п—ство ничего не предпринимаете относительно царскаго титула, не испросивъ на то разрѣшенія его королевскаго величества, и я, до полученія мною особаго приказанія по сему предмету, придерживаться буду того же самаго; меня уже здѣсь разспрашивали по этому поводу; впрочемъ, не могу не упомянуть, что нѣсколько дней тому назадъ приходили ко мнѣ три брата князя Якова Долгорукова, что нынѣ посланникомъ во Франціи и Испаніи, и говорили мнѣ, что братъ ихъ на возвратномъ пути, вѣроятно, направится черезъ Ригу, Ревель и Нарву. При этомъ они обратились ко мнѣ съ просьбою написать къ вашему графскому п—ству и покорнѣйше просить васъ отъ нихъ и моего имени, чтобы вы, если братъ ихъ пріѣдетъ въ означенныя мѣста, оказали имъ высокоцѣнимыя ими дружбу и одолженіе, сдѣлавъ распоряженіе къ безпрепятственному продолженію его пути. Въ этомъ прошу васъ не отказать имъ, какъ благовоспитаннымъ и однимъ изъ лучшихъ здѣсь людей и оказавшимъ дружбу г. Спарвенфельду и другимъ шведскимъ подданнымъ, здѣсь проживавшимъ.

Прошу ваше сіятельное п—ство о благосклонномъ исполненіи моей просьбы относительно оказанія посланнику князю Долгорукову всякаго рода содѣйствія и вниманія по пріѣздѣ его въ означенные города; онъ и братья его съ признательностію примутъ подобную услугу и вездѣ будутъ разглашать объ оказанномъ ему шведами вниманіи.

VII.

11-го мая 1688 г. [1]).

Послѣднее всенижайшее письмо было отправлено мною къ вашей свѣтлости, высокографскому п—ству 4-го сего мѣсяца [2]). Сегодняшнимъ же письмомъ я почтительнѣйше доношу, что въ началѣ будущей недѣли выѣзжаетъ упомянутый мною въ предъидущемъ письмѣ фонъ-Келлерманъ, нарочно отправленный къ его королевскому величеству; какъ слышно, онъ везетъ два письма къ его королевскому величеству; въ одномъ письмѣ испрашивается согласіе его королевскаго величества на испрашиваемый его царскимъ величествомъ титулъ пресвѣтлѣйшаго; другимъ письмомъ Келлерманъ уполномоченъ получить пожалованныя покойному Бюхлингу послѣ послѣдней войны деньги.

[1]) Получено въ Ригѣ, 30-го мая 1688 г.

[2]) Письмо это утрачено.

Относительно донскихъ казаковъ, поговариваютъ, будто они возмутились. Причиною этого бунта жестокое и несправедливое обращеніе съ нѣкоторыми казаками, пріѣхавшими сюда съ Дона съ цѣлью выпросить у правительства нѣкоторое пособіе по случаю ихъ крайняго раззоренія отъ сильныхъ пожаровъ; но, вмѣсто выдачи пособія, первый министръ и другіе сановники обошлись съ ними сурово, обозвали ихъ измѣнниками, и тогда же нѣкоторые казаки были пытаны; это озлобило донцовъ. Другіе находятъ истинную причину возмущенія въ томъ обстоятельствѣ, что донцы не соглашаются на нововведенія въ церковной службѣ, и пророчатъ изъ этой искры великое пожарище. Вчера пятеро изъ пытанныхъ въ настоящее время казаковъ казнены. Впрочемъ сильно поговариваютъ, что его царское величество думаетъ зимою собрать большое войско, чтобы будущею весною, съ первою травою, повести оное въ Крымъ къ Перекопу. Въ этихъ видахъ спѣшатъ недостроенною крѣпости на Самарѣ, чтобы ее сдѣлать складочнымъ мѣстомъ для войска на время этого похода.

На дняхъ я былъ у перваго министра, князя Голицына, и читалъ ему, по желанію графа Шперлинга, записку относительно бревенъ; онъ былъ очень вѣжливъ и ласковъ и обѣщалъ дать благопріятный отвѣтъ; онъ отзывался также хорошо о правленіи его королевскаго величества. При этомъ случаѣ я узналъ, что онъ весьма доволенъ хорошимъ пріемомъ, сдѣланнымъ его королевскимъ величествомъ Борису Михайлову, и вездѣ относится съ похвалою объ очищеніи мѣстности вокругъ русской церкви въ Ревелѣ; затѣмъ онъ изъявилъ готовность оказывать самое дружеское вниманіе шведской коронѣ, и что онъ всегда все касающееся до Швеціи представляетъ ихъ царскимъ величествамъ съ самой хорошей стороны. Кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отнынѣ тоже примутъ участіе въ управленіи государствомъ; нѣсколько дней тому назадъ, братъ матери его, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, пожалованъ въ бояре. Въ дѣлахъ правительственныхъ все пока тихо. Оба царя проводятъ бо̀льшую часть времени за городомъ, въ потѣхахъ, въ своихъ лѣтнихъ дворцахъ.

VIII.

1-го іюня 1688 г. [1]).

Милостивое письмо вашего высокоблагороднаго п—ства отъ 16-го прошлаго мѣсяца я получилъ 28-го того же мѣсяца и все, что въ немъ относилось до отправленнаго отсюда къ шведскому правительству Іоанна фонъ-Беллермана, я докладывалъ первому министру Голицыну, который былъ очень доволенъ, что̀ ясно выражалось какъ на его лицѣ, такъ и въ словахъ его, при чемъ онъ еще разъ повторилъ обѣщаніе оказывать полное расположеніе шведскому правительству и его подданнымъ. Помянутый фонъ-

[1]) Получено въ Ригѣ, 20-го іюня 1688 г.

Келлерманъ отправился отсюда 18-го мая утромъ и надо полагать, что путешествіе его, вмѣстѣ со свитою, начиная отъ Пскова, будетъ своевременно сообщено земскому начальнику Таубену, который долженъ его встрѣтить и направить въ дальнѣйшій путь. 27-го апрѣля я выслалъ просимыя вами 24 жемчуга на имя Іоанна Магнуса Гольста.

Такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы ничего не упоминаете о нихъ, то я начинаю безпокоиться относительно полученія вашимъ сіятельствомъ посылки, и желалъ бы очень быть на этотъ счетъ поставленъ въ извѣстность. Новаго здѣсь ничего нѣтъ, развѣ только, что польскій резидентъ имѣетъ отъ своего короля порученіе протестовать противъ здѣшняго бездѣйствія относительно Крыма, вопреки послѣдняго мирнаго трактата, отчего поляки терпятъ много отъ татаръ, и дать замѣтить, что татары стараются склонить польское правительство къ тому, чтобы соединенными силами напасть на Россію. Относительно сообщеннаго мною въ послѣднемъ письмѣ мятежа донскихъ казаковъ, изъ коихъ нѣкоторые казнены, а другіе находятся въ опалѣ, здѣсь говорятъ, что они ничего не предпримутъ, потому что ими выданы тѣ, которыхъ у нихъ требовали цари. На-дняхъ распространился здѣсь слухъ, будто ханъ лично поднялся со всею ордою, чтобы препятствовать постройкѣ крѣпости на Самарѣ; однако этотъ слухъ опять умолкъ. Здѣсь въ короткое время въ разныхъ мѣстахъ были сильные пожары: разъ, около Покровскихъ воротъ, въ Басманной, въ продолженіе двухъ часовъ сгорѣло 280 домовъ; другой разъ—въ Срѣтенской улицѣ, при чемъ сгорѣло 20 домовъ.

Пребываю на вѣки вашего высокоблагороднаго п—ства покорный слуга

Христофъ фонъ-Кохенъ.

Примѣчаніе. Христофоръ Кохенъ былъ шведскимъ посланникомъ при московскомъ дворѣ. Въ апрѣлѣ 1686 г. онъ прислалъ въ государственный посольскій приказъ, на имя Іоанна и Петра Алексѣевичей, просительное письмо, съ приложеніемъ долговой росписи, въ коемъ онъ объясняетъ, что король шведскій прислалъ его въ Россію для ходатайствованія за шведскихъ подданныхъ во всякихъ случаяхъ; на семъ основаніи онъ проситъ, «дабы для взаимной продолжающейся между царскимъ и королевскимъ величествами дружбы указали доправить долги по кабаламъ, и по письменнымъ крѣпостямъ, и по суднымъ вершенымъ дѣламъ московскаго государства разныхъ чиновъ на людяхъ». Свѣдѣнія эти взяты изъ приказныхъ дѣлъ 1686 г.

Сообщ. К. А. Висковатовъ.

Царевна Софія Алексѣевна.

Замѣтка.

Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ г. Каргополя (Олон. губ.) хранится замѣчательная рѣдкость—евангеліе, написанное рукою царевны Софіи. Письмо необыкновенно четко и изящно; изображенія евангелистовъ сдѣланы отъ руки съ изумительнымъ искусствомъ, равно какъ и виньетки, и заглавныя буквы. Въ концѣ подпись рукою царевны, прописью; евангеліе же писано уставомъ. Подпись царевны:

Софія трудишася, Царевна

Въ началѣ евангелія идетъ нѣсколько предварительныхъ свѣдѣній о евангеліяхъ: «1. Вѣдомо буди, яко четыре суть евангелія, и ниже множае сихъ, ниже умаленнѣе»; здѣсь же изложено и значеніе символическихъ изображеній при апостолахъ. 2. «Сказаніе пріемлющее всего лѣта число евангельское, и евангелистомъ пріятіе, откуда начинаютъ и догдѣ стаютъ. «3. Обращеніе къ Спасителю: «Господи Іисусе Христе, Сыне единородный безначальнаго Ти Отца, рекій пречистыми Ти усты, яко безъ мене не можете творити ничтоже. Господи мой Господи, вѣрою обоемъ, въ души моей и сердцы тобою, реченная. Припадаю твоей благости. Помози ми грѣшному. Сіе желанное мною начень о Тебѣ Самомъ и наверстати» и пр. 4. Оглавленіе. 5. «Ѳеоѳилакта архіепископа болгарскаго предисловіе, еже отъ Матѳея св-го евангелія». Предисловіе есть къ каждому евангелію, а въ концѣ указаніе зачалъ и времени чтенія евангелій.

Вся книга сохранилась очень хорошо, но при мнѣ уже не было

(въ 1872 г.) изображенія еван. Іоанна, что весьма жаль, такъ какъ эти изображенія составляютъ замѣчательные памятники стараго искусства чертить отъ руки. Въ начертаніи буквы письма *у* чисто латинское (U), а въ сокращеніи имѣетъ такой видъ V; *я* пишется Π; есть пропуски въ текстѣ, они выписаны на поляхъ. Переплетъ евангелія бархатный поистерся, а серебряныя наличія на передней доскѣ, подложенныя деревомъ, стали прорываться.

Сообщ. С. Миропольскій.

I.

Императрица Екатерина II.

1763 г.

Городу Кіеву быть по силѣ имъ даннымъ грамматамъ съ тѣмъ прибавленіемъ, чтобъ имъ вольно было производить аппелляціи къ генералъ-губернатору или въ Сенатъ, а оному Генералъ-губернатору смотрѣть и пресѣчь всѣ непорядки, какъ неуказныя поселенья казаковъ, такъ и неуказныя всякія продажи, а естьли доходы съ того города Гетманъ по сю пору имѣлъ, то тѣ ему на его персонѣ по смерть оставляются, и въ такой силѣ Сенатъ имѣетъ заготовить къ нашему подписанію какъ къ нимъ, такъ и къ Гетману грамоты и указы.

II.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II о проектѣ шести крѣпостей.

Вмѣсто четырехъ въ прожектѣ представленныхъ крѣпостей отдается на разсмотрѣніе генерала-фелдцейхмейстера: не лучше ли будетъ построить шесть, а именно, при устьѣ Самары одну, при устьѣ рѣки Нижней Ялы другую, въ вершинѣ рѣки Торы третью, въ Бахмутѣ четвертую, въ устьѣ рѣки Нижняго Клина пятую, въ устьѣ рѣки Лугани шестую, съ водяными, гдѣ можно рвами и передъ ними волчьими ямами?

Помѣта. Эта записка получена 11-го іюня 1764 года обще съ конфирмованнымъ докладомъ о Новой Россіи.

III.

Собственноручная замѣтка Екатерины II о расходахъ по Коллегіи иностранныхъ Дѣлъ и о чиновникахъ, служащихъ въ ней.

1) Мое мнѣніе есть, чтобъ иностранной коллегіи опредѣлить сумму такъ, какъ и другимъ двумъ государственнымъ коллегіямъ дано, въ коей онѣ по своимъ особеннымъ штатамъ и оборачиваются, а именно, дать ей ежегодно девять сотъ тысячь рублей, по триста тысячь въ треть, и послѣ того уже штатсъ конторѣ до той коллегіи, а коллегіи до штатсъ-конторы дѣла нѣтъ.

2) Коллегіи сказать, чтобъ она изъ оныхъ на коллегію и ея членовъ и служителей употребила ежегодно не выше какъ теперь она полагаетъ, не полагая числа людей, ибо иногда изъ десяти насилу одного къ тѣмъ дѣламъ способнаго найти можно.

3) Изъ за симъ остаточной суммы надлежитъ коллегіи сдѣлать двѣ части: изъ одной имѣетъ содержать министровъ и канцеляріискихъ служителей при дворахъ, смотря на состоянія дѣла, а что за симъ останется, то будетъ называться на экстраординарные расходы, какъ то: подарки, переѣзды, экипажи и пр. и пр. и пр.

4) Почтовые доходы и расходы, также субсидные, когда есть, или будутъ, коллегіи оставить; на сіи послѣдніе окромѣ именныхъ указовъ не издержать.

IV.

Замѣтка Екатерины II по поводу іезуитовъ.

Что представленіе іезуитовъ пріемлется за благо и что пока по желанію ихъ совершится, о чемъ мало кладется сумнительства, повелѣваю имъ начать строеніе новиціата.

Примѣчаніе. Собственноручная черновая записка императрицы Екатерины II о строеніи для іезуитовъ въ Бѣлоруссіи новиціата. Приказъ императрицы графу Захару Григорьевичу Чернышеву данъ 16-го февраля 1777 г. Спб. Записка императрицы дана вслѣдствіе письма Полоцкаго іезуитскаго провинціала Черневича объ учрежденіи въ Бѣлоруссіи ихъ ордена новиціата.

V.

Донесеніе графа Петра Румянцева съ собственноручною припискою Екатерины II о движеніяхъ Оттоманской Порты.

17-го октября 1768 г.

Всемилостивѣйшая Государыня! Отъ дня въ день получаемыя извѣстія о движеніяхъ Оттоманской Порты примѣчанію моему не оставляютъ сомнѣнія, чтобъ оныя не къ тому приготовлялись, дабы въ Польшѣ воспрепятствовать успѣхамъ оружія В. Имп. Велич., или сдѣлать каковы покушенія на здѣшнія границы державы вашего величества.

Послѣднее увѣдомленіе, что мнѣ сообщено отъ Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова изъ письма къ нему пребывающаго въ Константинополѣ Вашего Имп. Велич. тайнаго совѣтника Обрѣскова, прямо уже гласитъ, что собраніе на границахъ многочисленныхъ татарскихъ и другихъ войскъ, занасеніе магазейновъ и распоряженія при самомъ султанскомъ дворѣ являютъ видъ намѣреваемой противъ областей Вашего Имп. Велич. непремѣнной войны.

Обстоятельства сіи, понудивъ меня къ воспріятію мѣръ предосторожности, въ сихъ случаяхъ потребной въ соотвѣтствіе званію, которое ношу въ пограничной сторонѣ ввѣренной своею безопасностію моему предохраненію по волѣ вашего Имп. Велич., заставили потому нѣсколько теперь въ сихъ мѣстахъ прибавить магазейновъ, надъ питатное провіантскаго департамента положеніе; въ разсужденіи что ежели бы высочайшее соизволеніе Вашего Импер. Велич. воспослѣдовало противныя намѣренія, о коихъ совершеннѣе, конечно, соизволите знать, опровергнуть силою оружія, то бы посредствомъ сего тогда можно было вездѣ одержать верьхъ, не имѣвши нигдѣ нужды въ содержаніи войскъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! Я послѣдняго сего учрежденія не могъ не доложить Вашему Импер. Велич., которое осмѣлился собою учинить по одному моему ревностному усердію, пожертвованному навсегда службѣ и соблюденію высочайшихъ интересовъ Вашего Император. Велич., съ коимъ и при всеглубочайшемъ благоговѣніи имѣю счастіе повергнуть себя къ освященнымъ стопамъ. Всеподданнѣйшій рабъ графъ Румянцовъ

Г. Глуховъ.

Резолюція Екатерины II: Написать письмо въ отвѣтъ, что я аппробую его распоряженія о заготовленіи, въ семъ письмѣ означенномъ, провіанта и что, впрочемъ, ссылаюсь на новыя распоряженія военной коллегіи. А сіе письмо отправить съ завтрашнимъ курьеромъ военной коллегіи.

Посвященіе графу Николаю Петровичу Румянцеву.

Среди твоихъ трудовъ отечеству полезныхъ,
Румянцевъ, часто ты, отдохновенья въ часъ,
Склоняяся подъ сѣнь Россіи музъ любезныхъ,
Внимаешь и моей усердной музы гласъ,
Которая, съ трубой носясь на полѣ боевъ,
Гремитъ хвалу дѣламъ полночныхъ странъ героевъ;
Или являетъ вдругъ въ присутствіи судей,
Смѣсь буйства и добротъ и гибель злыхъ царей

Смягчая грубость чувствъ и дѣйствуя сердцами,
Всѣхъ учитъ бѣгать зла и брань вести съ страстями.
Блаженъ, когда бы я, стремясь по симъ путямъ,
Могъ пользу принести отечества сынамъ!
Пріими сей слабый трудъ, гдѣ имя Ираклида
Напоминаетъ намъ Россійскаго Алкида,
Что къ пагубѣ враговъ, ко славѣ нашихъ странъ,
Въ единый день рѣшилъ судьбину оттоманъ!

Всѣмъ памятенъ Кагулъ, съ восторгомъ воспѣваемъ
Безсмертье нашего Алкида за Дунаемъ.
При звучности побѣдъ внималъ онъ пѣснямъ музъ,
И тѣсный самъ имѣлъ съ науками союзъ.
Науки любишь ты, твоя къ Россіи ревность,
Чтобъ лучше знать Славянъ, въ глубоку смотритъ древность,

И то, что отъ очей сокрыто тьмой вѣковъ,
Въ сіяньи показать вселенной ты готовъ!
Люби науки, Графъ, до дней твоихъ заката,
Благословитъ всегда потомство Мецената.

А. Г.

Примѣчаніе. Стихотвореніе, посвященное графу Николаю Петровичу Румянцеву, сыну знаменитаго побѣдителя турокъ при Кагулѣ, фельдмаршала гр. П. А. Румянцева, случайно попалось мнѣ между бумагами гр. Румянцева; авторъ посланія мнѣ неизвѣстенъ.

Сообщ. И. Андреевскій.

Народные толки о Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ

1836 г.

I.

Въ іюнѣ 1836 г. на Аккерманскомъ базарѣ встрѣтились фельдшеръ Волынскаго пѣхотнаго полка Матвѣй Ивановичъ Сидниковъ, священникъ селенія Ремлянки Константинъ Вроньскій и пономарь церкви того же селенія Опецкій, на сестрѣ котораго былъ женатъ Сидниковъ.

Зазвавъ шурина и Вроньскаго къ себѣ, Сидниковъ угостилъ ихъ обѣдомъ, во время котораго, между прочими новостями, сообщилъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, а находится въ живыхъ. Послѣ обѣда, пригласивъ осмотрѣть лазаретъ, гостепріимный хозяинъ продолжалъ свой разсказъ и объяснилъ, что цесаревичъ живетъ во Франціи, откуда придетъ войною на Россію съ французскими и другими войсками, сухимъ путемъ и моремъ, и будетъ требовать царства отъ императора Николая Павловича, потому что войска и народъ прежде присягали ему на вѣрность. «Мы для нихъ трудимся, а здѣшнія войска согласны, въ случаѣ, перейти къ противной арміи. Каждому солдату цесаревичъ обѣщалъ дать по два рубля въ день жалованья, а народу даровать вольность и освобожденіе отъ податей. Поляки тоже согласны возстать съ французами, для востановленія Царства Польскаго, и изъ нихъ много находится войскъ во Франціи. Поэтому русскіе приготовляются къ защитѣ и вооружаютъ крѣпости».

Возвратясь домой подъ впечатлѣніемъ этого разсказа, священникъ Вроньскій обратился къ управляющему арендатора имѣній графа Канкрина, губернскому секретарю Попову, съ вопросомъ: не слыхалъ ли онъ, что покойный цесаревичъ живъ? Поповъ отвѣчалъ отрицательно, но, по всей вѣроятности, вопросъ этотъ возбудилъ его любопытство и, по пріѣздѣ въ Аккерманъ, онъ или сталъ справляться на сколько справедливы слова священника, или же просто повторялъ ихъ безъ всякой повѣрки. Какъ бы то ни было, слухи объ этихъ разговорахъ дошли до бессарабскаго губернатора Павла Ивановича Өедорова и, какъ водится, дошли въ преувеличенномъ видѣ.

«Въ Аккерманѣ,—писалъ Өедоровъ назначенной имъ слѣдственной по этому дѣлу коммисіи,—съ нѣкотораго времени пронеслись слухи, заслуживающіе вниманія правительства; они заключаются въ томъ: 1) что будто бы на Россію нападутъ войска французскія сухимъ путемъ и англійскія—моремъ, для возстановленія Царства Польскаго; 2) что въ составѣ сихъ войскъ находится 60,000 поляковъ; 3) что въ ожиданіи нашествія непріятеля, приверженцы Польши заклепали пушки въ Измаилѣ и Киліи; 4) что фельдмаршалъ князь

Варшавскій выѣхалъ за границу; 5) что поляки на Волыни и Подоліи, дѣйствуя черезъ жидовъ, приготовили до 50,000 ведеръ водки, растравленной ядомъ, для отравленія русской арміи, и 6) что покойный цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, но находится за границею; что онъ скоро появится и обѣщалъ нижнимъ воинскимъ чинамъ по два рубля въ день жалованья, а народу—освобожденіе отъ податныхъ сборовъ. Нелѣпые толки должны быть разглашаемы никѣмъ другимъ, какъ злонамѣренными людьми, съ преступною цѣлію поселить мысли сіи въ людяхъ низшаго класса, всегда способныхъ вѣрить всему несбыточному.

«Какъ таковая разглаcка вредныхъ вымысловъ влечетъ за собою неприятныя послѣдствія и вообще противна общему порядку, который обязываетъ преслѣдовать злонамѣренныхъ людей и предавать ихъ суду, то, признавая необходимымъ дать дѣлу сему законный ходъ, предлагаю вамъ произвести о семъ строжайшее, безъ огласки, изслѣдованіе, не упуская ничего и никого изъ вида, словомъ—дѣйствуя неусыпно, открыть источникъ, изъ коего происходили эти толки, а вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно наблюдать не существуетъ ли въ Аккерманѣ какого либо общества поляковъ, обративъ въ особенности вниманіе на поляковъ, постоянно тамъ живущихъ и временно пребывающихъ, какъ гражданскаго, равно и военнаго вѣдомствъ, и, во всякомъ случаѣ, дѣйствовать секретно».

II.

Злонамѣренный человѣкъ М. И. Сидниковъ происходилъ,—какъ онъ выразился,—отъ родителя малороссійской націи. Съ 1822 по 1828 г. онъ воспитывался въ херсонскомъ сиротскомъ отдѣленіи военныхъ кантонистовъ, гдѣ «изученъ» только россійской грамотѣ, а потомъ былъ избранъ въ фельдшеры и отправленъ въ кіевскій госпиталь, гдѣ обучался латинскому языку. Въ 1829 году произведенъ въ младшіе фельдшеры и отправленъ въ одесскій госпиталь, а потомъ въ Турцію. По окончаніи войны опредѣленъ въ канцелярію дивизіоннаго штабъ-доктора и ѣздилъ съ послѣднимъ въ Каменецъ-Подольскъ и въ Царство Польское. Въ 1833 году отправленъ былъ съ полкомъ въ Константинополь и затѣмъ квартировалъ въ Валахіи и Бессарабіи. Въ штрафахъ и «наказаніяхъ» ни за что не былъ.

Призванный въ слѣдственную коммисію, онъ разсказалъ, что, въ бытность его въ Бендерахъ, слыхалъ отъ фельдшера Руденко, что будто бы покойный цесаревичъ Константинъ Павловичъ не умеръ, а находится въ живыхъ, но словамъ этимъ онъ никогда не вѣрилъ. О томъ же, что цесаревичъ живетъ во Франціи и вскорѣ придетъ войною на Россію съ французскими и другими войсками, слыхалъ въ Бендерахъ же отъ лежавшаго въ

лазаретѣ писаря Спиридонова, который говорилъ еще, что будто бы приготовляютъ уже на цесарскихъ границахъ двадцать подвижныхъ госпиталей и требуютъ для нихъ инвалидныя подвижныя роты. Сверхъ того, Спиридоновъ увѣрялъ, что война непремѣнно будетъ съ французами. О пребываніи цесаревича во Франціи говорилъ въ аккерманскомъ лазаретѣ рядовой Боровѣцкій и другіе, толковавшіе и про то, что будто бы главнокомандующаго князя Варшавскаго не велѣно упоминать въ памятныхъ пунктикахъ и что лагерей не будетъ, потому что войска собираются въ походъ для войны. Всѣ эти слухи, сколько онъ могъ замѣтить, преимущественно разглашались между нижними чинами изъ уроженцевъ польскихъ губерній, служившими въ бывшей польской арміи подъ командою покойнаго цесаревича. Съ мѣсяцъ же тому назадъ, слышалъ на базарѣ, какъ одинъ неизвѣстный ему болгаринъ говорилъ о томъ же женщинѣ, торгующей мелочными вещами, добавляя, что въ недальнемъ разстояніи отъ Измаильской крѣпости воспрещено жителямъ пахать землю и сѣять хлѣбъ, по случаю ожиданія туда войскъ для лагернаго расположенія.

Обязавъ Сидникова сохранять въ строжайшей тайнѣ все то, о чемъ его спрашивали, коммисія обратилась къ допросу указанныхъ имъ лицъ.

Первымъ былъ спрошенъ Боровѣцкій, уроженецъ Царства Польскаго, плохо объяснявшійся по русски. Въ 1831 г. онъ былъ сданъ своимъ помѣщикомъ въ мятежническую армію, участвовалъ въ походѣ по Литвѣ, а по окончаніи кампаніи былъ взятъ на службу въ Невскій морской полкъ, до поступленія въ который три мѣсяца былъ въ Костромскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, причемъ въ свободные часы случалось бывать ему въ Костромѣ на базарѣ, гдѣ неизвѣстные ему простолюдины, въ разное время, три раза спрашивали его о смерти цесаревича Константина Павловича, и когда онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, то они говорили, что о смерти цесаревича въ церквахъ была отслужена обѣдня [1]) только однажды и что поэтому онъ, можетъ быть, и живъ. По приходѣ же въ Аккерманъ весною 1835 г., слыхалъ онъ отъ солдатъ Волынскаго полка и преимущественно отъ служившихъ въ польской арміи и литовскомъ корпусѣ, подъ начальствомъ покойнаго цесаревича, что великій князь живъ и находится во Франціи, а весною 1836 г. говоръ о нахожденіи его въ живыхъ возникъ снова между нижними чинами, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ отвергали этотъ слухъ, при чемъ тѣ изъ солдатъ, которые служили въ польской арміи и литовскомъ корпусѣ, наиболѣе говорили о существованіи въ живыхъ цесаревича, сказывая, что у него было хорошо служить; что онъ придетъ

---

[1]) Примѣчаніе слѣдователей. Обѣдня должна быть—панихида; по незнанію обрядовъ греческой церкви, Боровѣцкій не могъ объяснить это обстоятельство съ точностію.

войною на Россію; что въ числѣ французскихъ войскъ находится много поляковъ и что здѣшніе солдаты изъ польской арміи и литовскаго корпуса желали бы опять служить подъ командою Константина Павловича коль скоро онъ появится, потому что онъ платилъ имъ достаточное жалованье. Такіе разговоры происходили между нижними чинами какъ при частныхъ свиданіяхъ, такъ и во время собранія ихъ для ученій или содержанія при городовомъ острогѣ караула, и, слѣдовательно, вѣсть о пребываніи цесаревича во Франціи, можетъ быть, была извѣстна всѣмъ рядовымъ его роты. Отъ офицеровъ же и унтеръ-офицеровъ онъ ничего не слыхалъ.

Рядовой Карповъ[1]), на котораго, между прочимъ, сослался Боровѣцкій, объяснилъ, что, еще во время бытности его полка въ Молдавіи, онъ отъ многихъ солдатъ слышалъ, что цесаревичъ не умеръ, а отправился во Францію. Наиболѣе объ этомъ говорили служившіе подъ командою великаго князя. Въ концѣ 1835 г., въ городѣ Киліи онъ слышалъ разговоръ о томъ же между хозяиномъ его квартиры, до такой степени старымъ, что онъ ничего не видѣлъ, и сыномъ его, отставнымъ солдатомъ. Хозяинъ говорилъ, что, можетъ быть, цесаревичъ и не умеръ, потому что онъ слышалъ отъ какого-то мужика, что такого вида человѣка, каковъ цесаревичъ Константинъ, недавно видѣли гдѣ-то въ корчмѣ, во время борьбы его съ другимъ человѣкомъ. Зимою же 1836 г., при сборѣ роты для караула, нѣкоторые солдаты сказывали, что вмѣсто цесаревича похоронена въ С.-Петербургѣ восковая фигура и что его видѣли въ Кишиневѣ. Была еще молва, что когда вступитъ на престолъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, то будетъ прибавка жалованья и уменьшится срокъ службы. Внушеній со стороны унтеръ-офицеровъ и офицеровъ къ распространенію такихъ толковъ не было и ничего подобнаго онъ не замѣтилъ.

Фельдшеръ Руденко, оговоренный Сидниковымъ, удостовѣрилъ только, что онъ слыхалъ и въ Подольской губерніи о томъ, что цесаревичъ живъ. Слухъ этотъ ходилъ между жителями и солдатами на рынкѣ.

Писарь Спиридоновъ, поступившій на службу еще въ 1819 г. и во время производства настоящаго слѣдствія бывшій подъ судомъ за первую отъ команды отлучку, съ полнымъ совнаніемъ своего писарскаго достоинства заявилъ, что ходили разные слухи, но онъ никогда никому ихъ не пересказывалъ, да и говорить не могъ, потому что самъ болѣе о томъ знаетъ, нежели кто другой изъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ всѣ получаемые изъ Петербурга указы «и прочіе» имъ были читаны и, слѣдовательно, слухамъ онъ не вѣрилъ, а приписывалъ ихъ всегда глупости неграмотныхъ людей, которые ничего не понимаютъ. Разговоры о томъ, что Константинъ

---

[1]) По удостовѣренію военнаго начальства, Карповъ пользовался репутаціею дурнаго солдата.

Павловичъ живъ, происходили и между арестантами въ разныхъ мѣстахъ Подольской губерніи и въ Бендерской крѣпости. Одни утверждали, другіе опровергали, но все это можно назвать пустыми рѣчами, ибо изъ числа людей, о семъ говорившихъ, ни одинъ не утверждаетъ, а только баснословятъ, и въ особенности изъ числа поляковъ, притомъ же вовсе не грамотныхъ.

Спустя однако три дня послѣ допроса, Спиридоновъ, по долгу присяги, счелъ необходимымъ довести до свѣдѣнія депутата съ военной стороны, что, въ іюнѣ 1836 г., во время нахожденія его подъ арестомъ въ Бендерской крѣпости, прибыли туда бѣжавшіе изъ военно-рабочей роты рядовые Берлинскій и Бернацкій и разсказывали, что, при пересылкѣ ихъ черезъ Каменецъ-Подольскъ, узнали они отъ бывшихъ въ тамошней тюрьмѣ поляковъ, будто нѣкто Левицкій, находившійся въ той же тюрьмѣ, былъ высланъ поляками изъ-за границы и разъѣзжалъ около четырехъ лѣтъ по Россіи, подъ именемъ какого-то генерала; былъ въ Сибири и въ другихъ мѣстахъ, для описанія ихъ, и составлялъ вѣдомости о числѣ сосланныхъ поляковъ, а когда узналъ, что правительство стало его преслѣдовать, то отправилъ весь свой экипажъ и всѣ находившіяся при немъ бумаги и людей во Францію, а самъ переодѣлся въ простую одежду и пробрался въ Подольскую губернію, гдѣ, по какимъ-то обстоятельствамъ, взятъ подъ арестъ. Скрывая свое настоящее званіе, онъ показалъ себя родомъ изъ Пруссіи, гдѣ будто бы служитъ въ какомъ-то полку, и, по полученіи оттуда справокъ, надѣется быть освобожденнымъ и ѣхать во Францію. «Изъ каковыхъ обстоятельствъ,—объяснялъ Спиридоновъ,—высшее начальство можетъ усмотрѣть, ежели сіе дѣйствительно правда, какъ разговаривали Берлинскій и Бернацкій, то легко можетъ быть и то, что Левицкій распространилъ въ западныхъ губерніяхъ тѣ вѣсти, о коихъ спрашивали слѣдователи».

Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ, Спиридоновъ донесъ слѣдователямъ, что вечеромъ 30-го іюля Бернацкій завелъ съ арестантомъ Нѣгинымъ разговоръ о цесаревичѣ, говоря, что онъ слышалъ отъ какихъ-то солдатъ, что будто бы великій князь пріѣхалъ на суднѣ въ Одессу и, выйдя на берегъ въ партикулярномъ платьѣ, прошелъ мимо часоваго, потомъ вернулся назадъ по той же дорогѣ и около того же часоваго, который, будто бы узнавъ въ немъ особу цесаревича, сталъ во фронтъ и отдалъ ему честь, сдѣлавъ на караулъ. «Кому ты отдаешь честь?» спросилъ Константинъ Павловичъ.— Вашему императорскому высочеству.—«Я, братецъ, купецъ», сказалъ на это великій князь и, давъ часовому 25 рублей ассигнаціями, пошелъ по дорогѣ. Бернацкій говорилъ также, что онъ слышалъ отъ какого-то еврея, что цесаревичъ былъ въ Минскѣ и оттуда отправился въ купленное имъ въ тѣхъ мѣстахъ помѣстье.

Бернацкій, служившій прежде въ мятежнической арміи и сосланный потомъ въ арестантскія роты, очень удивился когда его спросили про раз-

сказъ о пребыванiи цесаревича въ Одессѣ. «Какъ такiя басни дошли до свѣдѣнiя?»—замѣтилъ онъ и объяснилъ, что еще въ 1832 или 1833 г., когда онъ былъ въ Севастополѣ, одинъ солдатъ изъ полевыхъ войскъ бывшаго литовскаго корпуса, между разными пустословными баснями, передавалъ и означенный разсказъ. О пребыванiи цесаревича вовсе не было разговора, а сказывалъ только, что нѣкоторые изъ военнорабочихъ въ Севастополѣ сообщали ему, что, при взятiи ихъ въ плѣнъ, при жизни цесаревича, они видѣли его въ Минскѣ и онъ далъ имъ по червонцу.

Арестантъ Гальчевскiй, привлеченный къ слѣдствiю по указанiю Спиридонова, какъ разсказщикъ объ учрежденiи на австрiйской границѣ подвижныхъ госпиталей, не только не подтвердилъ этого указанiя, но оговорилъ самого Спиридонова въ томъ, что, по его собственному разсказу, когда, находясь въ бѣгахъ, онъ разъѣзжалъ подъ именемъ офицера Закревскаго, то слыхалъ гдѣ-то въ Подольской губернiи, что будто бы Францiя и Англiя, вступаясь за Польшу, приготовляются къ войнѣ съ Россiею; что изъ Францiи идетъ на Россiю корпусъ поляковъ подъ начальствомъ Романино, и что русскiя войска двинулись форсированнымъ маршемъ къ австрiйской и прусской границамъ.

Наконецъ, по показанiю Берлинскаго, въ каменецъ-подольскомъ острогѣ, подъ секретнымъ карауломъ, содержался не Левицкiй, а Зелинскiй, который разсказывалъ другимъ арестантамъ, что онъ ѣздилъ, въ видѣ флигель-адъютанта, по Сибири, былъ и въ Севастополѣ, смотрѣлъ полки и арестантовъ; прибылъ же въ Россiю изъ Австрiи, гдѣ служилъ солдатомъ, и взятъ въ Подольской губернiи за неимѣнiемъ письменнаго вида.

На этомъ закончилось слѣдствiе о ходившихъ между солдатами слухахъ и хотя, по ссылкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, были допрошены еще нѣкоторыя лица, какъ, напримѣръ, полуслѣпой старикъ и торговка, но разспросы эти ни къ чему не привели.

III.

Въ самомъ еще началѣ слѣдствiя, переданнаго выше, аккерманскiй земскiй начальникъ увѣдомилъ слѣдователей, что, будучи, по дѣламъ службы, въ селенiи Тузлы, онъ узналъ, что уволенный отъ службы чиновникъ Ящинскiй, зайдя въ трактиръ, разсказывалъ, что въ Царствѣ Польскомъ было заготовлено у евреевъ значительное количество горячаго вина съ примѣсью яда, для истребленiя русскихъ, и что такое приготовленiе сдѣлано не евреями, а самими поляками, врагами русскому правительству. За такой замыслъ Ящинскiй назвалъ поляковъ молодцами.

Не смотря на то, что, по удостовѣренiю свидѣтелей этого происшествiя, Ящинскiй, передавая свой разсказъ, былъ довольно хмѣленъ, онъ заперся только

въ томъ, что называлъ поляковъ молодцами, и объяснилъ, что никому не говорилъ о заготовленномъ уже ядѣ, но лишь то, что былъ заговоръ евреевъ, предполагавшійся къ исполненію послѣ напечатанія книгъ на еврейскомъ языкѣ, изъ которыхъ одинъ экземпляръ еврей, «ученый по медицинѣ», передалъ какому-то протопопу, дочь котораго онъ лечилъ, для пересылки въ синодъ, въ томъ предположеніи, что, по выкрещеніи его, отдастъ протопопъ дочь свою за него замужъ. По этому поводу было наряжено слѣдствіе, но не открыло ничего, а когда назначили другое разслѣдованіе, то виновные были арестованы. Разсказывалъ онъ это съ цѣлью «привесть въ осторожность прочихъ на счетъ евреевъ».

Титулярный совѣтникъ Смолодовичъ, сообщившій будто бы Ящинскому свѣдѣнія о заговорѣ евреевъ, на допросѣ совершенно добродушно показалъ, что слышалъ въ Кишиневѣ о заговорѣ евреевъ на истребленіе не однихъ русскихъ, но всѣхъ вообще христіанъ. «Исторія эта» была разсказана ему секретаремъ уголовнаго суда Антоновскимъ и «почтеннымъ» докторомъ Донскимъ, котораго удостовѣрилъ въ томъ ректоръ кіевской академіи, пріѣзжавшій для «ревизаціи» кишиневской семинаріи. По ихъ объясненію, у одного протопопа Волынской губерніи заболѣла дочь, единственная наслѣдница всего его имѣнія. Протопопъ употреблялъ всѣ способы и издержки для русскихъ докторовъ и, не видя никакой пользы, рѣшился, вопреки духовному регламенту, призвать какого-то еврейскаго доктора, молодаго, воспитаннаго, достаточнаго и довольно пригожаго собою. Докторъ этотъ, распознавъ болѣзнь дочери протопопа, далъ слово вылечить ее, но съ такимъ уговоромъ, чтобы протопопъ, по выздоровленіи дочери, отдалъ ее за него замужъ, а онъ приметъ христіанскую религію. Дочь, выздоравливая, обратила вниманіе на излечившаго ее доктора и, узнавши предположеніе родителя своего и желаніе доктора принять христіанскую вѣру, дала ему слово, по выздоровленіи и по исполненіи имъ его обѣщанія, совокупиться съ нимъ бракомъ. Еврей, восхищенный такимъ лестнымъ обѣщаніемъ, упалъ въ ноги протопопу, просилъ его благословенія на бракъ и съ тѣмъ вмѣстѣ открылъ, что евреи, составивъ совѣтъ, заключили истребить всѣхъ христіанъ и для этого приготовили ужасный присяжный листъ, а также и наставленіе къ истребленію христіанъ такими ядами, которые бы не были замѣтны ни въ какихъ жизненныхъ и питейныхъ припасахъ. Въ подкрѣпленіе разсказаннаго имъ, докторъ представилъ клятвенный листъ и письменное наставленіе о ядахъ, уже отпечатанные, а протопопъ послалъ ихъ въ синодъ и, въ послѣдствіи, донесъ своему архіерею и губернатору. Послѣдній назначилъ слѣдствіе, но евреи были оправданы. Другое потомъ слѣдствіе, произведенное будто бы генералъ-адъютантомъ Васильчиковымъ, открыло справедливость обвиненія.

По рѣшенію уголовнаго суда, Смолодовичу, священнику Вроньскому

и Ященскому было сдѣлано внушеніе воздерживаться отъ «лже-разглашеній» и сверхъ того Ященскій выдержанъ три дня при полиціи за то, что при такомъ разглашеніи называлъ поляковъ молодцами. О военныхъ же чинахъ, конечно, позаботилось военное вѣдомство.

Примѣчаніе. Настоящій разсказъ составленъ по одному изъ дѣлъ архива Кишиневскаго окружнаго суда.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ВАРНГАГЕНА ФОНЪ-ЭНЗЕ.

РУССКІЕ ЛЮДИ И ДѢЛА ВЪ 1845—1849 ГГ. [1]).

1845 г.

Берлинъ 13-го ноября. Блюмъ [2]) пишетъ ко мнѣ о нехорошемъ положеніи дѣлъ въ русско-нѣмецкихъ провинціяхъ. Вопросъ довольно запутанный: нѣмецкій элементъ стоитъ за себя—это похвально; но этому элементу присущъ аристократическій характеръ—вотъ это ужъ не похвально. Русскій элементъ всюду проникаетъ—это не хорошо, но онъ же борется тамъ съ католической іерархіей (!) и феодальными порядками—и тому мы можемъ только радоваться.

26-го декабря. Императоръ Николай, будучи въ Римѣ, обнялъ папу: «l'Empereur russe a embrassé la réligion catholique», острятъ здѣсь [3]).

---

[1]) Воспитанникъ берлинскаго университета, офицеръ австрійской службы, съ 1813-го года капитанъ русской службы и участникъ въ побѣдоносныхъ войнахъ того времени, Варнгагенъ фонъ-Энзе окончилъ свою службу всѣмъ тремъ державамъ—Австріи, Россіи и Турціи—уже на поприщѣ дипломатическомъ, а именно, въ 1819 г. онъ занималъ постъ посланника прусскаго при баденскомъ дворѣ;—съ этого времени онъ посвятилъ себя исключительно литературѣ, въ области которой оставилъ по себѣ довольно много историческихъ, историко-біографическихъ и критическихъ монографій и газетныхъ статей. «Дневники» изданы уже послѣ его кончины. Начало извлеченій изъ Дневниковъ напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 года, № 7. Здѣсь кстати указать на одно искаженіе, которое позволила себѣ сдѣлать редакція упомянутаго изданія въ замѣткѣ автора отъ 8-го октября 1840 г.—искаженіе, бросающее невыгодный свѣтъ на сословіе русскихъ офицеровъ. У Варнгагена называетъ себя животнымъ (un animal comme moi) не «Русскій Н.», а личность, принадлежащая къ той вѣтви нѣмецкаго рода Н (Ноствцъ), которая приняла русское подданство. А. Ч.

[2]) Дерптскій профессоръ и авторъ сочиненія: «Яковъ Сиверсъ и его время».

[3]) Острота, основанная на игрѣ словъ: embrasser—обнимать и принимать. А. Ч.

1846 г.

Берлинъ, 11-го января. Опасенія касательно польскихъ волненій оказываются лишенными всякаго основанія.. . . . .

30-го марта. По видимому, въ Вѣнѣ сильно раздражены противъ русскихъ; ихъ упрекаютъ въ вѣроломствѣ и невыносимомъ высокомѣріи, съ которыми слабое австрійское правительство не въ состояніи совладать. Русскіе же упрекаютъ австрійцевъ за ихъ покровительство католическимъ продѣлкамъ и что они черезъ то оказываютъ предательское сочувствіе замысламъ поляковъ.

2-го апрѣля. Сюда (т. е. въ Берлинъ) пріѣхали по польскимъ дѣламъ генералъ Бергъ изъ Петербурга и министръ графъ Фикельманъ изъ Вѣны. Замѣтимъ, что съ ихъ пріѣздомъ стали здѣсь принимать болѣе строгія мѣры (противъ поляковъ?).

1-го мая. Разсказываютъ про графа В. фонъ-Р., что онъ (въ одномъ обществѣ, гдѣ, чтобы польстить Ансильону [1]), дурно отзывались о Гумбольдтѣ) сказалъ: «знаете, какую глупость, какую жалкую лесть недавно сочинилъ Гумбольдтъ? Онъ отозвался о русскомъ императорѣ, что это самый пріятный изъ государей—le meilleur écouteur qui existe» [2]).

3-го мая. Припоминаю по поводу королевской брани, относившейся къ умершему отъ пьянства пастору, что и Лютера упрекали за его преданность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Однажды кн. Козловскій позволилъ себѣ такъ выразиться о немъ: «ce cochon Luther».

11-го мая. Засѣдавшая здѣсь по польскимъ дѣламъ коммисія (изъ Каница, Фикельмана и Берга) кончилась учрежденіемъ особой польской полиціи, общаго полицейскаго управленія, стоящаго надъ обыкновенной администраціей; теперь русскіе и австрійцы постоянно будутъ вмѣшиваться (mantchen) въ наши дѣла!

8-го іюня. Русскій императоръ былъ въ Варшавѣ особенно нѣженъ и дружелюбенъ съ принцемъ прусскимъ (наслѣдникъ престола, нынѣшній германскій императоръ [3]), что̀ возбудило здѣсь удивленіе и недовѣрчивость. Извѣстно, что императоръ очень недоволенъ королемъ.. . . . .

11-го іюля. Докладываютъ о приходѣ графа Кейзерлинга [4]), русскаго придворнаго: молодой образованный человѣкъ, геогностъ, объѣздившій съ

[1]) Воспитатель наслѣднаго принца, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, историкъ. Умеръ въ 1837 г.

[2]) Наилучшій изъ слушателей.

[3]) У насъ многіе не знаютъ, что принцъ прусскій не то же самое, что прусскій принцъ: принцемъ прусскимъ, Prinz von Preussen, называется только наслѣдникъ прусскаго престола.

[4]) Въ послѣдствіи попечитель Дерптскаго учебнаго округа. А. Ч.

Мурчисономъ бо̀льшую часть Россіи; онъ сообщилъ мнѣ, что в. к. Елена Павловна желаетъ меня видѣть и приглашаетъ къ себѣ сегодня къ 3-мъ часамъ. Невозможно отвѣчать отказомъ!

24-го іюля. Смитъ [1]) еще разсказалъ слѣдующій любопытный анекдотъ. Въ 1813 г. прошелъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ слухъ, что по прибытіи туда австрійскаго императора граждане желаютъ его провозгласить въ Ремерѣ императоромъ германскимъ. Узнавъ объ этомъ, императоръ Александръ пришелъ въ негодованіе и рѣшился воспрепятствовать такому coup d'état. Онъ спросилъ своего генералъ-адъютанта Вольцогена, есть ли возможность въ самый краткій срокъ привести войска во Франкфуртъ? Подумавъ немного, Вольцогенъ отвѣчалъ: пѣхоту—нѣтъ возможности, но и конницу не иначе какъ съ большими затрудненіями, такъ что, можетъ быть, не болѣе ея половины дойдетъ до мѣста и навѣрное падутъ нѣсколько тысячъ лошадей. На это императоръ будто бы отвѣчалъ: «Ничего, только бы прибыла остальная половина». Смиту разсказывалъ это самъ Вольцогенъ [2]).

14-го августа. Уже давно толкуютъ о томъ, что если-бъ Пруссія оказала малѣйшее покровительство полякамъ, то они могли послужить полезнымъ средствомъ для противодѣйствія русскому могуществу. Наше правительство этого не понимало. Теперь же неожиданно оказывается, что Россія имѣетъ полную возможность не только привлечь на свою сторону поляковъ, но и вооружить ихъ противъ насъ.

28-го августа. Визитъ графини Кенигсмаркъ. Сообщила, что скоро ожидаетъ пріѣзда мужа изъ Петербурга. При ея разсказахъ о тамошнихъ празднествахъ, на которыхъ иллюминація и эффектные сюрпризы возбудили въ принцѣ прусскомъ и его адъютантахъ необыкновенное удивленіе [3]), не могъ я удержаться отъ замѣчанія, что, вѣроятно, празднества Людовика XIV обходились не дешевле, но навѣрное были устраиваемы съ бо̀льшимъ вкусомъ, были пріятнѣе и веселѣе русскихъ...

3-го сентября. Такъ какъ кельнскія событія [4]) сильно возмутили принца прусскаго, то и русскій императоръ счелъ себя въ правѣ возвысить свой голосъ. По поводу этихъ событій онъ надѣлалъ нашему правительству столько упрековъ, будто они произошли въ его собственномъ государствѣ.

4-го октября. Было упомянуто объ унизительныхъ письмахъ Фридриха Вильгельма III къ Наполеону (выкупленныхъ королемъ у Іосифа Бонапарте за 26 тыс. тал.). . . . .

. . . .

---

[1]) Бургомистръ города Бремена.

[2]) Затѣя франкфуртцевъ не имѣла послѣдствій по другимъ причинамъ.

[3]) Вѣроятно, разумѣются здѣсь петергофскія празднества 1-го іюля.

[4]) Во время народныхъ демонстрацій въ Кельнѣ, войска и полиція были вынуждены отступить.

А. Ч.

22-го ноября. Много толковъ о Краковѣ: говорятъ, что Россія принудила двѣ остальныя державы уничтожить вольный городъ. Плохое извиненіе! не есть ли это сознаніе въ своей слабости и невозможности не слѣдовать за Россіей даже въ нехорошемъ дѣлѣ.

1847 г.

Берлинъ, 12-го января. Вчера разговаривалъ я съ однимъ отставнымъ солдатомъ о занятіи пруссаками въ 1831 г. польской границы. «Стояло время очень холодное и служба была тягостная и утомительная; но,—продолжалъ онъ,—мы также пользовались хорошей прибавкой: намъ, гусарамъ, шло отъ короля по $1^1/_2$ зильбергроша въ день, да отъ русскаго императора по два зильбергроша». Отъ русскаго императора,—воскликнулъ я,—не ошибаетесь ли вы? «Нѣтъ, у насъ объ этомъ даже читали приказъ. По окончаніи же похода каждому нашему офицеру императоромъ подарена была лошадь, а ротмистрамъ даже и по двѣ».

19-го февраля. Разсказывали, что русскій императоръ будто бы сказалъ: «Если вслѣдствіе созванія прусскихъ представителей сословій возникнутъ безпокойства, то его вмѣшательство въ дѣла сдѣлается необходимымъ, ибо пожаръ въ сосѣднемъ домѣ угрожаетъ его собственному дому».

16-го марта. Жена посланника Рауха пишетъ изъ Петербурга, что императоръ Николай крайне возмущенъ созваніемъ сейма, и проч.

19-го марта. Посѣщеніе Ивана Тургенева. Онъ посвятилъ мнѣ (an mich gerichtet) одно изъ своихъ стихотвореній [1]) и принесъ нѣсколько русскихъ книгъ.

25-го марта. Удивляются тому, что русскій императоръ пріобрѣлъ на 50 мил. французской ренты. Я въ этомъ вижу только..... спекуляцію [2]): половина суммы будетъ тотчасъ же выплачена хлѣбомъ, что, очевидно, весьма выгодно, а другая—золотыми и серебряными слитками, которые безполезно лежатъ въ казнѣ императора.

11-го августа. Нашелъ у себя карточку графа Александра Кейзерлинга и приглашеніе на слѣдующій вечеръ къ в. к. Еленѣ Павловнѣ.

12-го августа. Отправился въ исходѣ 8-го часа въ Бельвю. Вел. княгиня приняла меня на террасѣ, но вскорѣ нашла, что тамъ слишкомъ свѣжо, и удалилась въ гостиную, гдѣ мы вдвоемъ провели болѣе часа въ оживленномъ разговорѣ. Она почти совершенно оправилась послѣ своей прежней болѣз-

---

[1]) Интересно знать, было ли это стихотвореніе напечатано, и гдѣ.

[2]) Это была спекуляція министра финансовъ (преемника Канкрина). Русское правительство, вообще не довѣрявшее прочности правительства Людовика Филиппа, рѣшилось на эту операцію какъ бы наканунѣ февральской революціи и паденія ренты. А. Ч.

ни, имѣетъ здоровый видъ и все еще красавица. Сначала разговоръ касался только нашихъ личныхъ интересовъ: спрашивала меня про мое житье-бытье и разсказывала о своемъ...... Разсказывала о своемъ послѣднемъ пребываніи въ Австріи, въ Штиріи, какъ она безмятежно и полезно для здоровья проводила время тамъ; хотя тамошнее общество доставляло ей мало духовной пищи, но самый народъ хвалила; онъ волнуется въ настоящее время и можетъ по этому пути далеко уйти. Спрашивала о настроеніи умовъ въ Германіи, руководимая болѣе любопытствомъ, чѣмъ опасеніемъ,— о прусскомъ сеймѣ; она смотритъ на него съ нашей (т. е. либеральной) точки зрѣнія; смѣялась надъ средневѣковыми экспериментами короля; выразила убѣжденіе, что всякое (успѣхъ всякаго) дѣло подчиняется собственному закону и законъ этотъ, во всякомъ случаѣ, долженъ совершиться. Удивлялась моимъ опасеніямъ, похвалила за то, что я забочусь не только о благоденствіи Пруссіи и народѣ, но также о славѣ и чести короля, и проч., и проч. Великая княгиня вспоминала также о г-жѣ Теттенборнъ [1]), ея сынѣ, о неблагодарности дворовъ и проч. По видимому, она не хлопочетъ о пріобрѣтеніи вліянія и всѣ ея желанія ограничиваются самостоятельностію въ собственномъ кружкѣ.—Куда-то дѣвались ея письма къ Козловскому и его «Записки»? Я едва удержался отъ просьбы сообщить мнѣ письма Козловскаго къ ней. Къ сожалѣнію, наша бесѣда была менѣе сердечна и откровенна чѣмъ въ первый разъ, въ Киссингенѣ [2]), можетъ быть, отчасти и по моей винѣ: я въ моихъ сужденіяхъ былъ безпощаденъ—и не безъ намѣренія. Если такая особа желаетъ меня видѣть, то необходимо отблагодарить ее за то чѣмъ нибудь, себя же—вознаградить за то, что явился на ея зовъ [3]). Вскорѣ вышла къ намъ ея сестра, вдовствующая герцогиня нассауская, которой я былъ представленъ. Въ половинѣ 10-го былъ я уже дома.

20-го октября. Черезъ жену Гервега [4]) получилъ письмо отъ Бакунина, изъ Парижа. Вечеромъ, съ часъ времени просидѣлъ у меня графъ Блудовъ. Онъ ѣдетъ изъ Рима, гдѣ не успѣлъ совершенно окончить данное ему порученіе, но довелъ его однакожъ до такой точки, что переговоры могутъ и безъ него продолжаться. Разсказы объ Италіи. Папа (Пій IX): человѣкъ добрый, но не геніальный, непрактичный; его болѣе тянутъ, чѣмъ онъ самъ идетъ;

---

[1]) Вѣроятно, о супругѣ того генерала Теттенборна, у котораго въ 1813—1814 гг. Варнгагенъ былъ адъютантомъ.

[2]) 11-го іюня 1846 г., см. «Русскій Архивъ», іюнь 1875 г.

[3]) Въ человѣкѣ, за которымъ ухаживало все, что выдавалось въ политическомъ и литературномъ мірѣ, было весьма натурально такое самомнѣніе.

[4]) Замѣчательный нѣмецкій стихотворецъ новѣйшаго времени; былъ изгнанъ изъ Пруссіи въ 1842 г. и жилъ въ Парижѣ. А. Ч.

уже начинаетъ пугаться возбужденнаго имъ энтузіазма. Блудовъ сильно порицаетъ политику Меттерниха, ненавидитъ Австрію.

12-го декабря. Раннимъ утромъ—баронъ фонъ-Лютцероде [1]), отличный знатокъ русскаго языка.

1848 г. [2]).

. . . .

21-го марта. Послѣдняя надежда нашихъ реакціонеровъ—на русскихъ. Я замѣтилъ: если императоръ Николай вмѣшается въ наши дѣла, то ясно, что Провидѣніе избрало его орудіемъ для укрѣпленія Германіи и возстановленія Польши, причемъ, конечно, можетъ изломаться и самое орудіе... (По поводу желаній слитія Пруссіи съ Германіей) можетъ случиться и то, что мы потребуемъ Эльзасъ и Лотарингію отъ Франціи и Балтійскія провинціи отъ Россіи [3]).

27-го марта. Прибылъ сюда генералъ Бергъ, изъ Варшавы; отъ сего господина нельзя ожидать ничего хорошаго; вліяніе его нехорошо отзовется на королѣ и министрахъ! Мой боевой товарищъ 1813 года, но обязанъ своимъ возвышеніемъ дурной политической школѣ!

28-го марта. На вечерѣ у русскаго посланника. Разговоръ точно между эмигрантами [4]). Х. разсказывалъ, что Мейендорфъ назвалъ короля по-просту poltron (трусъ), а Пруссію страною погибшею. «Бранятъ русскихъ,—продолжалъ онъ,—требуютъ войны съ ними; Россія не будетъ начинать, но если возмутятъ у ней поляковъ, то она съ 200 тыс. войска сперва уничтожитъ Польшу, а тамъ накажетъ и нѣмцевъ. Далѣе: нѣмцы много болтаютъ о своемъ единствѣ и силѣ, но между ними много розни и они слабѣе, чѣмъ были прежде; у нихъ нѣтъ войска: прусская армія выродилась, и едва ли не приметъ стороны русскихъ. Россія заключитъ договоръ съ Франціей, въ силу котораго не будетъ ей мѣшать на Западѣ, за то возьметъ себѣ что́ пожелаетъ на Востокѣ; тогда не много останется и отъ Германіи». Вотъ какъ!

2-го апрѣля. Рано утромъ забѣгалъ ко мнѣ генералъ Виллисенъ. Его

---

[1]) Саксонскій генералъ и многолѣтній посланникъ въ Петербургѣ.

[2]) Съ 1848 г. стало являться къ Варнгагену все менѣе и менѣе русскихъ,—можетъ быть, по причинѣ затрудненій получить заграничный паспортъ,—и потому и самые отзывы автора о русскихъ дѣлахъ принимаютъ все болѣе и болѣе пристрастный характеръ. Приводимъ самыя сплетни и невѣрные слухи изъ «Дневниковъ» какъ доказательство, что революціонная эпидемія того времени была такъ сильна, что помутила понятія даже въ такой ясной головѣ какъ Варнгагенъ.

[3]) Первая часть этого зловѣщаго пророчества сбылась!

[4]) Намеки на то, что прусскіе консерваторы помышляли о своемъ спасеніи посредствомъ бѣгства. **А. Ч.**

отправляютъ въ Познань съ большими полномочіями—предложить полякамъ условные пункты, необходимые для ихъ существованія: фактическое признаніе ихъ національности, въ перспективѣ возстановленіе свободной Польши. Разсуждали о переговорахъ, относительно послѣдней статьи, съ Россіей и Австріей; о соглашеніи съ Франціей; о приготовленіяхъ на случай войны съ Россіей; о укрѣпленіи Бреславля — политика совершенно противная существовавшей доселѣ. Возвратясь домой, узналъ, что приходилъ ко мнѣ русскій посланникъ, и что имѣетъ сообщить мнѣ что-то очень важное. Пошелъ къ Мейендорфу въ 6 часовъ, гдѣ увидѣлся вторично съ графомъ Клейстомъ. Мейендорфъ желалъ мнѣ показать русскій манифестъ и посовѣтоваться со мною о его переводѣ. Его понятіе о нашей революціи узкое и тѣсное: во всемъ движеніи подозрѣваетъ интригу немногихъ иностранцевъ—французскихъ эмиссаровъ и французское золото... Право, эти дипломаты одержимы слѣпотой и ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ; имъ мерещутся только предметы собственной фантазіи и одни и тѣ же у всѣхъ [1]).

13-го апрѣля. Рано утромъ пришелъ ко мнѣ *** и изложилъ свой взглядъ на политику. Онъ уже былъ у короля въ Потсдамѣ, и опять поѣдетъ туда, говорилъ съ министрами и проч. Онъ бьетъ на возстановленіе Польши, войну съ Россіей, союзъ съ Франціей. Полагаетъ, что необходимо отказаться отъ польской части Познани, предоставить ее Польшѣ и позволить ей вооружиться. Весьма справедливо замѣтилъ, что «чего мы не сдѣлаемъ для поляковъ—сдѣлаетъ, наконецъ, Россія, и тогда противъ насъ будутъ Польша, Россія, западная Германія и Франція, и наши восточныя провинціи отойдутъ къ Польшѣ».

23-го апрѣля. Сегодня министръ Арнимъ предложилъ Виллисену переговорить на счетъ Польши съ Мейендорфомъ... Мейендорфу этотъ разговоръ можетъ только послужить матеріаломъ для обвиненія Виллисена въ Петербургѣ. Арнимъ сказалъ ему: «только не поссорьте насъ съ Россіей».

30-го апрѣля. Изъ Варшавы прибылъ русскій курьеръ и донесъ, что въ Познани все спокойно: министры, не вѣрившіе [В]иллисену, повѣрили курьеру! Но въ то же время прибылъ курьеръ англійскаго консула въ Варшавѣ и въ привезенномъ къ одной польской магнаткѣ письмѣ найдены единственно вѣрныя извѣстія о передвиженіяхъ русскаго войска: три корпуса стоятъ въ Польшѣ, другіе медленно подвигаются отъ Днѣпра и Двины. Такимъ образомъ стягиваются грозныя силы и уже въ іюлѣ могутъ быть на Эльбѣ.—Но нашъ дворъ смотритъ на опасность съ Востока какъ на спасеніе. Ультры всю надежду полагаютъ на русскаго императора; увѣряютъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, но возможно ли имъ вѣрить?

---

[1]) Нельзя не вспомнить страннаго бездѣйствія передъ Восточною войной того же самаго Мейендорфа, въ бытность его посланникомъ въ Вѣнѣ. **А. Ч.**

2-го мая.... Полковникъ Виллисенъ сообщилъ мнѣ новѣйшія извѣстія о вооруженіи и движеніяхъ русскихъ. Конечно, не мало пруссаковъ,—въ томъ числѣ, можетъ быть, и самъ король,—смотрятъ на русскихъ какъ на своихъ спасителей. Но и въ такомъ случаѣ, если бы русскіе здѣсь забрали все въ свои руки, королю не было бы спасенія; напротивъ, согласившись съ нѣсколькими прусскими офицерами, русскіе тотчасъ предложили бы ему отречься отъ престола въ пользу принца прусскаго.

8-го мая. «Il faut avoir le diable au corps pour être un bon diplomate», говаривалъ старикъ Нессельроде [1], я же скажу:—«pour être un révolutionnaire».

20-го мая. . . . .

.....Между тѣмъ, положеніе Россіи относительно насъ становится все болѣе угрожающимъ, а положеніе Германіи сомнительнымъ, съ тѣхъ поръ какъ мы стали пренебрегать симпатіями поляковъ и не имѣемъ на что̀ опереться.

13-го іюня. Наше политическое положеніе ужасно! Если война съ Россіей сдѣлается неизбѣжною, то теперь она будетъ въ 1,000 разъ невыгоднѣе. Поляки не за, а противъ насъ! Вся надежда на французовъ. Назадъ три мѣсяца могли бы мы помѣриться и съ тѣми и съ другими.

15-го іюня. (Встрѣтивъ Мейендорфа на площади посреди народной толпы), я не могъ удержаться отъ улыбки, вспомнивъ, что̀ говорятъ про него въ народѣ: «его всегда встрѣтишь тамъ, гдѣ бушуетъ народъ»...

16-го іюня. Наконецъ, начинаютъ опасаться намѣреній русскихъ. Крѣпости Познань и Торнъ приводятся на военное положеніе.... но правая рука министра, Грисгеймъ,—господинъ ненадежный и ждетъ помощи отъ русскихъ.

18-го іюня. Россія прибѣгаетъ къ угрозамъ за нашу датскую политику; угрозы адресуются не непосредственно къ нашему кабинету, а произносятся въ Копенгагенѣ и Лондонѣ. Война, по видимому, неизбѣжна.... Но можетъ все измѣниться. . . . .

19-го іюня. По требованію русскаго правительства, выдадутъ Бакунина какъ только онъ появится въ Пруссіи. Президентъ полиціи предложилъ д-ру Мюллеру предостеречь своего друга. Не поздно ли? Бывшій министръ Арнимъ публично называлъ Ламартина своимъ другомъ, а въ тайнѣ держался русскаго посланника; но въ то же время онъ говорилъ и такія рѣчи: «по крайней мѣрѣ, мы отдѣлались отъ Людовика-Филиппа, освободились отъ Меттерниха». . . . .

21-го іюня. Разсказываютъ, что, вслѣдствіе одного письма отъ русскаго императора, король что-то поручилъ министру Кампенгаузену, но самаго письма не желалъ показать, и что это обстоятельство заставило послѣдняго просить отставки.

---

[1] Отецъ русскаго канцлера.

А. Ч.

23-го іюня. Если Врангель займетъ Ютландію, то война съ Россіею не подлежитъ сомнѣнію.

24-го іюня. Между уличными объявленіями есть одно, гласящее: смерть русскимъ!

1-го іюля. (По словамъ графа фонъ **, пришедшаго отъ Мейендорфа) всѣ надежды правительства основаны на разрушеніи, кровавой борьбѣ съ рабочимъ классомъ, на помощи русскихъ.

11-го іюля. Русскій императоръ прислалъ кн. Виндишгрецу [1]) поздравительный и хвалебный рескриптъ, который былъ препровожденъ ему Мейендорфомъ съ его 12-ти лѣтнимъ сыномъ. Какъ императору, такъ и князю, хорошо извѣстно, что чехи лишь случайно сдѣлались жертвою рѣзни. .

. . . .

24-го іюля. Около вечера пришелъ Б**, полный энергіи, силы и радостныхъ надеждъ. Его желѣзное здоровье въ состояніи вынести всякій трудъ. Разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ въ Парижѣ, Прагѣ и Бреславлѣ. Здѣсь ему угрожаетъ меньшая опасность; да и нельзя обойтись безъ риску, замѣтилъ онъ; притомъ-же у него есть здѣсь кое-какія дѣла. По видимому, у него обширныя связи, хвалится множествомъ друзей въ Россіи, особенно съ тѣхъ поръ какъ его стали преслѣдовать. У него нѣсколько десятковъ тысячъ прокламацій на русскомъ языкѣ, въ которыхъ объявляется свобода всѣмъ славянамъ: полякамъ, чехамъ, иллирійцамъ и пр. Духовенство помогаетъ. Онъ живетъ здѣсь подъ именемъ Жюля; министры Кюльветтеръ и Мильде про это знаютъ, а графъ Рейхенбахъ [2])—его пріятель. Онъ занятъ изданіемъ одного сочиненія и нигдѣ не показывается. Отъ меня онъ отправился къ своему парижскому знакомому Араго [3]).

31-го іюля. Русскій циркуляръ Нессельроде: Россія продолжаетъ держаться миролюбивой политики; для нея весьма непріятно враждебное настроеніе Германіи; не одобряетъ войну съ Даніей и честолюбивые морскіе замыслы (сооруженіе германскаго флота); Германскій союзъ долженъ оставаться въ прежнихъ границахъ и не помышлять о новыхъ завоеваніяхъ; европейское равновѣсіе не должно быть нарушено. . . . .

. . . .

3-го сентября. Императоръ Николай послалъ Радецкому орденъ св. Георгія (1-й ст.).

7-го октября. Бакунина высылаютъ изъ Бреславля и изъ Пруссіи, ему угрожаетъ выдача Россіи.

---

[1]) Австрійскій фельдмаршалъ, подавившій возмущеніе въ Прагѣ, причемъ была убита его жена и раненъ сынъ († въ іюнѣ 1848 г.).

[2]) Извѣстный революціонеръ и авантюристъ.

[3]) Эмануэль Араго, драматическій писатель и посланникъ французской республики въ Берлинѣ. А. Ч.

22-го ноября. Слухи о русскомъ вліяніи, о томъ, что къ королю, въ Потсдамъ, пріѣзжалъ гр. Толстой, о русскихъ субсидіяхъ. Ну, авось обойдемся и безъ нихъ; хватитъ и прусскихъ денегъ. . . . .

11-го декабря. Русскій императоръ не одобряетъ разграниченія польской части Познанскаго великаго герцогства; говоритъ, что это противно Вѣнскому трактату, впрочемъ, что не желаетъ подымать этого вопроса. Желаютъ, по видимому, пріобрѣсть Познань и Галицію какъ онѣ есть, неурѣзанными.

1849 [1]).

10-го января. Возмущеніе крестьянъ около Казани и т. д.

12-го января. Важныя сообщенія о соглашеніяхъ прусскаго двора съ русскимъ. Еще лѣтомъ было готово русское реакціонное войско для помощи Австріи и Пруссіи. Если бы въ Берлинѣ не было войска и Врангеля [2]), мы бы непремѣнно узрѣли здѣсь русскихъ; точно то же случилось бы и съ Вѣною . . . .

2-го мая. Австрія призываетъ русскихъ, событіе—важное по послѣдствіямъ: моментальный успѣхъ деспотизма будетъ искупленъ тяжелыми жертвами.

3-го мая. Писалъ [3]) о вмѣшательствѣ русскихъ въ наши дѣла, числѣ ихъ войска и средствахъ. Для русскаго вторженія, положеніе дѣлъ прошлымъ лѣтомъ было гораздо благопріятнѣе; дѣйствія можно было направить къ одной цѣли: на Берлинъ и Эльбу; теперь же русскимъ нужно будетъ занять огромное пространство, начиная съ Трансильваніи, вплоть до Моравы, притомъ, стеречь Молдавію, Валахію, Галицію и Царство Польское. Русскимъ прежде всего придется сразиться съ славянами, а эти для нихъ опаснѣе нѣмцевъ.... Россія не въ состояніи выставить въ Германіи болѣе 100,000 войска.

9-го мая. Не желая уступать начальство надъ своимъ войскомъ какому нибудь русскому генералу и ради успокоенія австрійскаго самолюбія, австрійскій императоръ объявилъ себя главнокомандующимъ. Русскіе заняли Краковъ [4]).

12-го мая. Русскія войска прослѣдовали, по желѣзной дорогѣ, прусскими владѣніями (Силезіей). Сначала министры отрицали этотъ фактъ.

15-го мая. Думалъ о судьбѣ Бакунина [5]). . . . .

22-го мая. Русскій императоръ отправляется въ Ольмюцъ. . . . . .

---

[1]) VI-й томъ «Дневниковъ Варнгагена фонъ-Энзе».

[2]) Главнокомандующій прусскими и союзными войсками въ войнѣ съ Даніей, въ послѣдствіи фельдмаршалъ.

[3]) Вѣроятно, для газеты. Варнгагенъ былъ тогда сотрудникомъ «Аугсбургской всеобщей газеты».

[4]) Дивизія ген. Панютина—проходя въ Венгрію.

[5]) Былъ схваченъ австрійцами въ Хемницѣ, 9-го мая 1849 г. А. Ч.

24-го мая. Новыя угрозы Россіи: требуетъ очищенія Ютландіи [1]). Говорятъ, что императоръ желаетъ помочь своему шурину выйти изъ двуличнаго положенія — разстрѣляніе бунтовщиковъ въ Саксоніи и ихъ покровительство въ Гольштиніи [2]). Работа не легкая уладить всѣ противорѣчія въ дѣйствіяхъ Фридриха Вильгельма IV!

26-го мая. Вмѣсто того, чтобы ожидать русскаго императора въ Вѣнѣ, Францъ-Іосифъ .... ѣдетъ къ нему въ Варшаву.

28-го мая. Недавно король сказалъ: «Я покажу русскому императору, что̀ въ состояніи сдѣлать прусскій король»—что онъ приведетъ въ порядокъ всю Германію, и это поважнѣе ея завоеванія. Угрозы на словахъ, на самомъ же дѣлѣ онъ вполнѣ подчиняется Россіи.

29-го мая. Русскій императоръ призналъ французскую республику, а она, можетъ быть, вскорѣ объявитъ ему войну.

1-го іюня. Говорятъ, что русскій и австрійскій кабинеты объявили королю, что откажутся признать его императоромъ и, будто, это послужило главною причиною отказа... [3]).

3-го іюня. Во Львовѣ—русскіе взяли въ свои руки полицію и почту, точно они въ непріятельской землѣ!

4-го іюня. Генералъ Раухъ [4]), въ Варшавѣ, долженъ былъ разсказывать императору всѣ подробности революціи (въ Берлинѣ), начиная съ мартовскихъ дней. Императоръ необыкновенно ухаживаетъ за генераломъ, но о королѣ судитъ строго и жестко и даже его настоящее положеніе находитъ фальшивымъ [5]).....

29-го іюня. Русскіе въ Венгріи потерпѣли нѣсколько неудачъ; но огромная масса силъ все преодолѣваетъ и претъ впередъ.

2-го іюля. Недавно русскій императоръ передъ генераломъ Линдгеймомъ выражался о королѣ въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ: «Я, вы и Раухъ,—сказалъ онъ,—единственные (друзья Пруссіи), всѣ другіе—сумасброды и эгоисты».

3-го августа. Извѣстіе изъ Варшавы: всѣ взбѣшены на Паскевича; если онъ въ скоромъ времени не одержитъ побѣды, то императоръ намѣренъ его смѣнить. Паскевичъ же жалуется, что нигдѣ не можетъ встрѣтить

---

[1]) Отъ германскаго союзнаго войска.

[2]) Какъ извѣстно, Пруссія, подавляя возмущеніе въ Саксоніи, поощряла его въ Гольштиніи противъ датскаго короля.

[3]) Императорская корона была предложена франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ.

[4]) Прусскій посолъ при русскомъ дворѣ. А. Ч.

[5]) См. собственноручныя Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ и о королѣ прусскомъ въ 1848—1849 гг., напечатанныя въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 295—303. Ред.

непріятеля и заставить его принять сраженіе; что онъ не имѣетъ никакихъ извѣстій, и пр.

9-го августа. Есть люди, которые восторгаются каждой побѣдой мадьяровъ, какъ будто эти побѣды нанесутъ смертоносный ударъ Австріи и Россіи, а Пруссіи окоротятъ рога; мнѣ же кажется, въ разыгрывающейся драмѣ для союзниковъ болѣе важно пораженіе мадьяровъ, чѣмъ торжество славянскаго дѣла, безъ разрѣшенія котораго не двинется впередъ и нѣмецкое.

10-го августа. Князь Шварценбергъ [1]), въ отчаяніи, поѣхалъ умолять императора Николая.

13-го августа. Нашъ народъ принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбѣ мадьяровъ; весело смотритъ на портреты Гергея, Дембинскаго, Бема и Перчеля.

18-го августа. Конфиденціальныя сообщенія изъ Россіи—отъ Рауха [2]).

. . . .

18-го августа. По видимому, разладъ между Россіею и Австріею очень великъ.

21-го августа. Обращеніе Гергея къ русскому императору, во всякомъ случаѣ—обстоятельство весьма важное по послѣдствіямъ.

31-го августа. У в. к. Михаила Павловича параличъ. В. к. Елена Павловна пріѣхала сюда. Во время венгерской кампаніи императоромъ Николаемъ получались иногда такія безотрадныя извѣстія, что ему уже видѣлось уничтоженіе всего войска, возстаніе въ Польшѣ.... Когда сынъ Паскевича привезъ ему извѣстіе о сдачѣ Гергея, то, слушая его, онъ стоялъ (удивленный) и, казалось, не ощущалъ никакой радости (?!), и первыми произнесенными имъ словами были: «какое счастіе Паскевичу!»—конечно, незаслуженное,—думалъ онъ про себя (?!), ибо не могли же отъ него скрыться значительные промахи главнокомандующаго. Были случаи, когда можно было заподозрить Паскевича въ симпатіяхъ къ венгерцамъ: онъ забывалъ принимать самыя необходимыя мѣры, даже тогда, когда ему о томъ напоминали. Трудно рѣшить, происходило ли это отъ неспособности или измѣны. Послѣ одной важной неудачи Паскевичъ сталъ упрекать ген. Анрепа и обвинялъ его въ невыполненіи даннаго приказанія. «Вы прислали мнѣ,—возразилъ Анрепъ не то приказаніе, на которое теперь ссылаетесь, а совершенно противное ему», и, вынувъ листъ бумаги, исписанный карандашомъ, прибавилъ: «надѣюсь, что вы не отречетесь отъ того—хотя вы и способны на это—что это писано вашею рукой». Тогда Паскевичъ схватилъ Анрепа за грудь, но тотъ, будучи сильнѣе и моложе, толкнулъ его, отбросилъ къ стѣнѣ и, уходя,

---

[1]) Австрійскій первый министръ.

[2]) Выше, о назначеніи Рауха посломъ въ Петербургъ выразился авторъ такъ: «на важнѣйшій постъ—глупѣйшаго человѣка». А. Ч.

сказалъ: «вотъ, что̀ вы заслужили». Этотъ скандалъ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ концѣ августа. Не будь предательства Гергея, можетъ быть, европейскія дѣла приняли бы совершенно иной оборотъ. Австрійскіе и русскіе генералы враждовали другъ къ другу. . . . .

. . . .

3-го сентября. Посѣщеніе коллеж. сов. Липмана [1]), изъ Веймара. Зло шутитъ о тамошнемъ дворѣ и обществѣ.... Умный и тонкій педантъ.... Онъ увѣрилъ меня, что Россія не потребуетъ выдачи Бакунина. Жуковскій поѣхалъ въ Варшаву, къ императору, чтобы просить о продолженіи заграничнаго отпуска.

7-го сентября. Генералъ-адъютантъ (прусскій) Нейманъ привезъ изъ Варшавы королю не совсѣмъ пріятныя наставленія. Русскій императоръ говорилъ: «тѣмъ не уничтожаешь революціи, если ее подавляешь только у другихъ [2]), а у себя дома, посредствомъ конституціонныхъ фарсовъ, готовишь ей свѣжую почву». Ему не нравятся обнаруживающіяся стремленія къ объединенію Германіи . . . .

13-го сентября. Циркулярная нота Нессельроде: достигши желанныхъ результатовъ, русскіе удаляются (изъ Венгріи); императоръ оказалъ помощь Австріи, руководствуясь единственно великодушіемъ.—Смерть Михаила Павловича въ Варшавѣ и немедленный отъѣздъ императора въ Петербургъ.

8-го октября. Послѣ обѣда былъ у меня молодой русскій, г. К., съ карточкой отъ кн. Вяземскаго. Странныя извѣстія изъ Петербурга. . . .

. . . . Я не могъ узнать отъ г. К. живъ ли Невѣровъ [3]), что̀ дѣлаетъ Грановскій и др. Венгерская война очень не нравилась русскимъ либераламъ. . . . . .

. . . .

Г. К. отправляется въ Англію.

19-го октября. Говоря о своемъ шуринѣ—королѣ прусскомъ, русскій императоръ всегда (отзывается жестко).

28-го октября. Писалъ о турецкомъ вопросѣ. Война съ Турціею противна политикѣ Россіи, такъ какъ эта война повлечетъ за собою другую—съ Англіей. Россія предпочла бы имѣть Англію союзницею для реакціонной войны съ Франціей, такъ какъ къ тому рѣшительно стремятся всѣ кабинеты.

15-го ноября. Писалъ объ отношеніяхъ Пруссіи къ Россіи. Императоръ Николай чувствуетъ состраданіе къ Пруссіи и щадитъ государство, надѣясь,

---

[1]) Должно полагать, состоялъ при русскомъ посольствѣ.

[2]) Прусскія войска сражались противъ революціи въ Саксоніи и в. г. Баденскомъ.

[3]) Бывшій (до 1878 г.) попечитель Кавказскаго учебнаго округа. А. Ч.

что въ немъ опять воцарится абсолюцизмъ; но объ особѣ короля выражается всегда (крайне неодобрительно)....

15-го декабря. ГенералъРаухъ присылаетъ изъ Петербурга, что̀ называется, хорошія извѣстія, но императоръ выражается (жестко) о (королѣ).

Ревель, 1875 г. Перев. и сообщ. **А. А. Чумиковъ.**

Замѣтка по поводу разсказа: «А. Н. Карамзинъ».

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, на стр. 193—216, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ», сообщенная г. Вистенгофомъ. Статья эта, по тону своему и тѣмъ подробностямъ, съ какими повѣствуется событіе подъ Капакуломъ, имѣетъ претензію на авторитетность, какая подобаетъ только личному свидѣтелю происшествія и лицу, посвященному во всѣ подробности распоряженій начальства. Между тѣмъ, г. Вистенгофъ свидѣтелемъ дѣла не былъ и не зналъ не только распоряженій начальства, но и много такихъ вещей, какія онъ долженъ бы былъ знать. Если бы онъ былъ знакомъ съ военнымъ дѣломъ, онъ, напримѣръ, не написалъ бы словъ: ударили сигналъ, такъ какъ у гусаръ барабановъ не имѣется и ударять имъ не во что. Если бы онъ былъ немного повнимательнѣе, то зналъ бы, что Павелъ Петровичъ Липранди командовалъ Маловалахскимъ отрядомъ, въ составъ котораго входитъ и Александрійскій полкъ, и что я въ теченіе цѣлаго года исполнялъ должность начальника штаба его. Этого всего г. Вистенгофъ не знаетъ, но говоритъ въ статьѣ своей о такихъ предметахъ, которыхъ онъ знать не могъ.

Не стану опровергать одну за другой всѣ ошибки г. Вистенгофа и ограничусь однимъ лишь обстоятельствомъ, лично меня касающимся.

Зная, что Андрей Николаевичъ не долго служилъ субалтернъ-офицеромъ въ гвардейской конной артиллеріи и, побывавъ на Кавказѣ, гдѣ участвовалъ въ экспедиціи, вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку; зная, что о кавалерійской строевой службѣ онъ никакого понятія не имѣлъ, я, какъ начальникъ штаба отряда, вовсе не желалъ, чтобы Карамзинъ командовалъ предстоящимъ летучимъ отрядомъ, котораго генералъ Липранди рѣшительно не хотѣлъ ему довѣрить. Но имѣя въ виду, что Карамзинъ рапортуется больнымъ, я сообразилъ и доложилъ о томъ начальнику отряда, что старшимъ въ полку остается подполковникъ Дикъ, старый и опытный кавалерійскій офицеръ, который и будетъ командовать отрядомъ. Генералъ Липранди никогда никакого порученія къ полковнику Карамзину мнѣ не давалъ. Велико же было мое удивленіе, когда Карамзинъ объявилъ мнѣ, что онъ выздоровѣлъ и, какъ старшій, желаетъ идти въ головѣ отряда. За это я его не только не хвалилъ тѣми словами, какія приводитъ г. Вистенгофъ, а, напротивъ того, уго-

варивалъ его по болѣзни оставаться дома. Я даже поторопился вернуться къ себѣ въ штабъ, чтобы задержать приготовленное уже предписаніе и передѣлать его сообразно съ измѣнившимся обстоятельствомъ, но оно уже было отправлено въ полкъ. Затѣмъ Карамзинъ упросилъ начальника отряда послать его въ командировку и не подвергать его, конечно, тяжкой обидѣ.

Вотъ какъ было дѣло, и если г. Вистенгофъ могъ такимъ образомъ извратить этотъ фактъ, то какой же вѣры могутъ заслуживать остальныя его росказни? Такъ, напримѣръ, вѣроподобно ли то, чтобы эпизодъ о сорваніи медальона съ груди плѣненнаго Карамзина былъ подсмотрѣнъ струсившимъ гусаромъ, притаившимся подъ мостомъ? Несомнѣнно только то, что въ этомъ прискорбномъ дѣлѣ, виновникомъ котораго былъ, конечно, Карамзинъ, полкъ не стяжалъ себѣ новой славы и никто изъ подчиненныхъ Карамзина не исполнилъ своей обязанности какъ бы слѣдовало.

Князь Викт. Илл. Васильчиковъ.

С. Трубетчино, 15-го іюля 1878 г.

Тропарь соч. митрополита Филарета 1866 г.

— одно изъ предпослѣднихъ упражненій духа его [1]), выразившееся въ переложеніи въ стихъ тропаря на день Преображенія Господня, учиненное митрополитомъ Филаретомъ на академическомъ актѣ духовной академіи въ 1866 году и списанное для меня собственноручно покойнымъ же ректоромъ академіи отцомъ А. В. Горскимъ, пояснившимъ и самое событіе. Митрополиту было представлено стихотворное переложеніе сего тропаря, сдѣланное однимъ изъ экзаменованныхъ молодыхъ людей. Старецъ, взявъ бумагу и перо, тутъ же написалъ свое переложеніе и, передавая оное ректору, молвилъ: «не будетъ ли такъ ближе къ подлиннику?»

ТРОПАРЬ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ ГОСПОДНЯ.

Преобразился днесь Ты на горѣ, Христе,
И славу тамъ Твою ученики узрѣли,
Дабы, когда Тебя увидятъ на крестѣ,
Страданье вольное Твое уразумѣли,
И проповѣдали вселенной до конца,
Что Ты—Сіяніе Отца. Ф. М. М.

Въ августѣ 1866 г.

Сообщ. Пав. Семеновъ.

9-го іюня 1877 г.
Сергіевъ посадъ.

[1]) Извѣстно, что къ этому времени относится переведенная имъ съ греческаго Увѣщательная пѣснь св. Григорія Богослова: «Близокъ послѣдній трудъ жизни: плаванье злое кончаю» и пр. П. С.

Волшебныя письма.

1.

Молитва—тоску отнять.

«Господи Боже, благослови, Отче. Лягу азъ, рабъ Божій (имярекъ), благословясь, стану перекрестясь и выйду на бѣлый свѣтъ, облакомъ облекуся и свѣтомъ препояшуся, государыня вечерняя заря, морио ямна (sic), утренняя заря маѣ (sic) и вы, двѣнадесять буйные вѣтры, двѣнадесять святые апостолы, соймите вы у сей рабы Божіей (имя реки) тоску и печаль и воздыханіе, что есть у сей рабы (имя реки) по семъ рабѣ Божіемъ (имя реки), не отпустите той тоски, печали и воздыханія ни на землѣ, ни на водѣ, ни на какой камене (sic), ни на лежащую колоду, ни на стоячее дерево, отпустите вы тоску и тую печаль и воздыханіе щукою въ море отъ бѣле (sic) камень; отъ нынѣ и до вѣку и во вѣки вѣковъ аминь».

Говорить сіи слова на воду и послѣ паренья мыться и взять въ банѣ камень, воды въ сосудъ, и говорить сіи слова: «студене камень, студи воду, такъ бы студило сердце у сей рабы Божіей (имя реки) по рабѣ Божіемъ (имя реки) отъ нынѣ и до вѣку», и тонко оберни камень кругъ ей противъ солнца и вмокни камень въ воду, что въ сосудѣ стоитъ, и говори по три раза сіи слова и камень кругъ головы оберни, тоже противъ солнца, и въ третій разъ оберни камень кругъ головы его и пусти камень въ воду, пускай тамъ постоитъ и вынь камень изъ воды и закажи, чтобъ ничего не говорить, дай пить молча и остатки на ней махни и проговори: «какъ сошлись, такъ и разошлись».

2.

Стану я, рабъ (имярекъ), не благословясь, пойду не перекрестясь, не изъ дверей въ двери, не изъ воротъ въ ворота, выйду изъ верхняго окна дымомъ и во далече въ чистое поле, по чернымъ тропамъ, въ сухой боръ идутъ тридцать три діавола, у трехъ діаволовъ три старосты, у трехъ старостовъ бѣлѣй сатана. Куда-же вы пошли? пошли уголья жечь, не поте (sic) уголья жечь вотѣ (sic) къ сей рабы (имярекъ) обжигайте сердце ретиво и присушайте ко мнѣ, къ рабу (имярекъ), и я, рабъ (имярекъ), отрицаюсь отъ отца и матери, отъ роду-племени и отъ Божіей церкви, и отъ Пресвятой Матери Божіей Богородицы, чтобы она, раба (имярекъ), не могла ни крестомъ, ни молитвою оборониться, ни въ парной банѣ отмыться, и присушайте кость въ кость и суставъ въ суставъ и сохла бы день и ночь по мнѣ, по рабѣ (имярекъ)».

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Замѣтка о Родіоновыхъ.

По поводу напечатаннаго въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, на стр. 479—481, письма Павла Черкесова къ И. А. Родіонову 1813 г.,—дозволяю себѣ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмѣ; можетъ быть, они будутъ не лишними въ видѣ примѣчанія къ нему.

Иванъ Александровичъ былъ сынъ Александра Ивановича Родіонова (артиллеріи капитанъ), убитаго 12-го іюня 1774 года при защитѣ крѣпости Казани отъ нашествія полчищъ Пугачева.—Престарѣлый Александръ Ивановичъ въ то время скрывался въ алтарѣ Воскресенскаго собора въ Казани, найденъ тамъ и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими дворянами, мучени-

чески кончилъ свою жизнь на паперти церковной.—Александръ Ив. былъ женатъ на Наталіи Ивановнѣ Осокиной. Вторая же его жена, Анна Николаевна, была основательницею Казанскаго Родіоновскаго института, главнымъ фондомъ котораго послужило родовое великолѣпное имѣніе, село Масловка, Казанской губерніи, на рѣкѣ Камѣ.—Сынъ убитаго Александра Ивановича, Иванъ Александровичъ (дѣдъ мой, къ которому писано письмо), во время народнаго волненія на приволжьѣ по случаю успѣховъ Пугачева, 14-ти лѣтъ былъ увезенъ изъ гор. Казани крестьяниномъ села Винкаймы, Корсунскаго уѣзда Симбирской губ., Степаномъ Семеновымъ, вмѣстѣ съ братомъ, 4-хъ лѣтнимъ Николаемъ Александровичемъ.—Дѣти въ крестьянскомъ платьѣ переданы были въ селѣ Винкаймѣ господскому ключнику, крестьянину того же села Потапову. За Потаповымъ зорко слѣдили другіе крестьяне,—онъ принялъ однакоже господскихъ дѣтей и высылалъ ихъ съ своими домочадцами на полевыя работы, на полотье и друг. Крестьяне стали говорить, что онъ укрываетъ господскихъ дѣтей, что у ребятъ присталыхъ (такъ какъ крестьяне знаютъ дѣтей своихъ односельцевъ) что-то больно руки бѣлы!—Потаповъ, опасаясь за барчатъ, уговорилъ Степана Семенова тайкомъ перевезти ихъ на пчельникъ. — Здѣсь, на Оболиномъ пчельникѣ, близъ Безводенской дачи, скрывались дѣти до усмиренія края отъ волненій и пріѣзда въ село Винкаймы опекуна сиротъ, дяди ихъ, Дмитрія Ивановича Родіонова.

Иванъ Александровичъ былъ женатъ на упоминаемой въ письмѣ Черкесова Даріѣ Никифоровнѣ, рожденной Ивашевой.—Родной братъ ея, Петръ Никифоровичъ Ивашевъ, имѣлъ сына Василія Петровича, извѣстнаго декабриста.—Старикъ Петръ Никифоровичъ, — нѣкогда адъютантъ Суворова, — при арестѣ сына, молодаго кавалергарда, отправился хлопотать о его участи въ Петербургъ.—Здѣсь подалъ онъ государю Николаю Павловичу прошеніе, въ которомъ ручался въ неучастіи сына въ заговорѣ,—и закончилъ письмо просьбою: что ежели бы дѣйствительно сынъ его оказался виновнымъ, то сугубою строгостію подвергнуть его наказанію!—Сохранилось семейное преданіе, что это вмѣшательство отца было пагубою молодаго декабриста, — что письмо это заставило обратить вниманіе слѣдственной коммисіи на человѣка, котораго вся вина заключалась въ томъ, что былъ богатъ и открыто жилъ. Въ домѣ его толпилась молодежь высшаго круга,—а въ числѣ ихъ были люди, задумавшіе переворотъ. Вообще можно сказать, что заговоръ не былъ тайною современному высшему петербургскому обществу; можетъ быть, цѣль конечная не всѣмъ была ясна, какъ не ясна она была и для большинства главныхъ дѣятелей тайнаго общества.—Старикъ всю жизнь мучался, обвиняя себя въ невольной причинѣ несчастія сына; жена его, Вѣра Александровна (рожденная Толстая), женщина непреклоннаго нрава,—всю жизнь корила мужа въ томъ же. Камиль Ле-Дантю, дочь гувернантки сестеръ Василія Петровича, рѣшилась—по неотступной просьбѣ старухи Ивашевой и своей матери,—ѣхать въ Сибирь и выйти тамъ замужъ за ссыльно-каторжнаго.—Въ Сибири (близъ Нерчинска) Ивашевы были счастливы въ своемъ семействѣ; у нихъ родились дѣти,—возвратившіяся въ Россію по смерти родителей, а потомъ и возстановленныя въ своихъ дворянскихъ правахъ: 1) сынъ Петръ, воспитывался въ С.-Петербургѣ, въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Лебедевой.—2) дочь Марія, замужемъ за Константиномъ Васильевичемъ Трубниковымъ, и 3) Вѣра—за Черкесовымъ, тѣмъ самымъ, который имѣлъ книжный магазинъ въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ.

Сообщ. Дм. П. Родіоновъ.

А. В. БЕСТУЖЕВЪ

[По поводу Записокъ Жиркевича].

Въ журналѣ «Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 401—422, помѣщена XXII-я глава изъ «Записокъ И. С. Жиркевича, 1835 г.», въ которой, между прочимъ, попирается честное имя покойнаго Андрея Васильевича Бестужева, бывшаго управляющаго симбирской удѣльной конторой.

Говоря устами Жмакина объ Андреѣ Васильевичѣ, авторъ «Записокъ» забываетъ, что грязный и пошлый отзывъ такого человѣка, какъ Жмакинъ, который былъ хорошо извѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ Блудову («Рус. Стар.», іюль, стр. 413), не только не въ состояніи замарать имя честнаго человѣка, но даже служитъ подтвержденіемъ его благородныхъ стремленій.

Личная вражда Жмакина къ Андрею Васильевичу Бестужеву, проглядывающая въ каждомъ его словѣ, и его нравственныя качества, о которыхъ свидѣтельствуетъ Блудовъ, доказываютъ, что все высказанное Жмакинымъ объ Андреѣ Васильевичѣ есть ничто иное, какъ выраженіе безсильной злобы противъ человѣка, честность котораго всегда была противна убѣжденіямъ Жмакина и единомыслящихъ съ нимъ людей.

Наконецъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, при своей извѣстности и высокомъ положеніи въ государственной жизни, не могъ-бы положиться въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ введеніе въ Россіи удѣла, на Андрея Васильевича, если-бы это былъ человѣкъ «незнающій и неблагонадежный», какъ высказывается желчная и лживая статья г. Жиркевича, и не рекомендовалъ-бы А. В. Бестужева, какъ отличнаго и усерднаго чиновника, благородно мыслящаго человѣка, на котораго онъ совершенно полагается.

Это противорѣчіе фактовъ, приведенныхъ Жиркевичемъ, ясно указываетъ читателю, что вся статья его есть плодъ личнаго чувства непріязни и озлобленія противъ А. В. Бестужева, а извѣстно—гдѣ нѣтъ безпристрастнаго отношенія къ людямъ, тамъ не можетъ быть и правды; но, во всякомъ случаѣ, низко прибѣгать къ такому средству удовлетворенія личныхъ чувствъ, какое избралъ г. Жиркевичъ—къ клеветѣ.

В. А. Бестужевъ.

ЗАМѢТКИ, ПОПРАВКИ, ОПЕЧАТКИ.

М. Н. Жемчужниковъ.

Въ Запискахъ Жиркевича, въ XXII томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г., на стр. 414, вкралась ошибка относительно службы Михаила Николаевича Жемчужникова, именно: тамъ сказано, будто онъ до 1834 г. былъ уже губернаторомъ «въ Рязани». Вмѣсто въ «Рязани», слѣдуетъ поставить—«въ Костромѣ».—М. Н. Жемчужниковъ оставался въ Костромѣ не долго, бывъ вынужденъ семейными обстоятельствами оставить службу и возвратиться къ семьѣ, въ деревню (Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда); но затѣмъ, по желанію императора Николая Павловича, онъ вновь вступилъ въ службу, назначенъ с.-петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а потомъ сенаторомъ (въ I-й департаментъ), и въ этомъ званіи скончался.

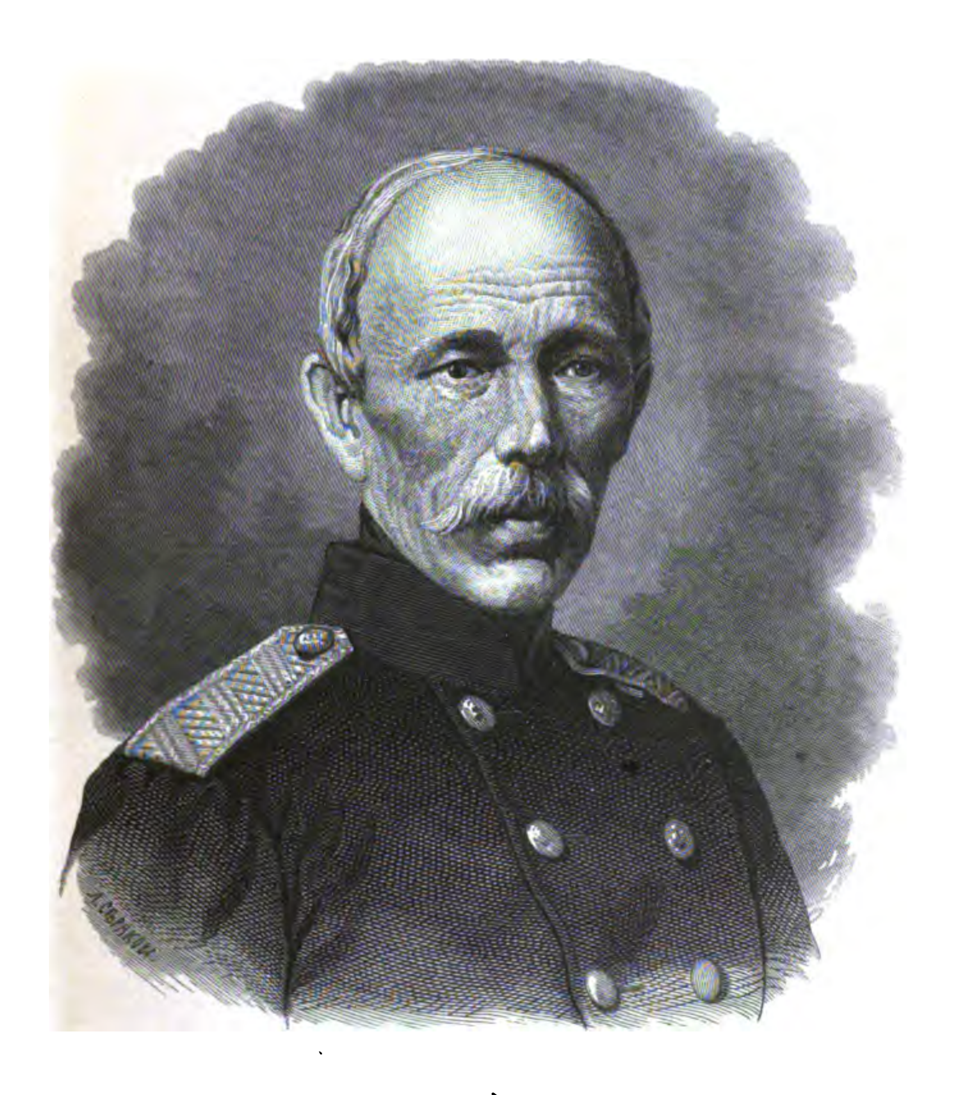
В. М. Жемчужниковъ.

Объ Андреѣ Николаевичѣ Карамзинѣ, на стр. 196 въ XXII-мъ томѣ «Русской Старины», сказано, что жена его Аврора Карловна—рожденная графиня Шернвальдъ.

Это ошибка: она рожденная Валленъ. Валлены принадлежатъ по происхожденію къ шведской знати, но не графы. Въ шведской знати нѣтъ даже фамиліи Шернвальдъ, а есть Шерндаль, изъ которыхъ два пожалованы въ бароны: статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго и инженеръ путей сообщенія тайный совѣтникъ. Первый называется Шерндаль-Валленъ, потому что женатъ на послѣдней отрасли старшей линіи Валленовъ.

Г. Боричевскій дѣлаетъ запросъ: кому принадлежитъ статья «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Вержбнѣ», и самъ высказываетъ предположеніе, что статья эта заимствована изъ исторіи возстанія, написанной Мохнацкимъ на польскомъ языкѣ.

Предположеніе это ошибочно. Разсказъ цѣликомъ принадлежитъ одному изъ участниковъ свиданія — Лелевелю и въ подлинникѣ помѣщенъ, на польскомъ языкѣ, въ полномъ собраніи его сочиненій. Само собою разумѣется, что разсказъ изложенъ въ высшей степени пристрастно къ полякамъ и къ нему надо относиться критически. Ред. «Русской Старины» дала мѣсто этому разсказу только какъ матеріалу для всесторонняго ознакомленія съ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ эпизодовъ польскаго возстанія 1830—1831 гг.

Г. В. НОВИЦКІЙ.

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ АРТИЛЛЕРІИ.

1800—1877.

ИЗДАНО ИЖДИВЕНІЕМЪ М. Д. НОВИЦКОЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1878 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 19 АВГУСТА 1878 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУ

Къ списку восьми «декабристовъ», остающихся къ 1-му сентябрю 1878 г. въ живыхъ (см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 526), должно прибавить еще одного: Владиміръ Сергѣевичъ Толстой, 74-хъ лѣтъ, живущій въ Московской губерніи, въ своемъ имѣніи сельцѣ Барановѣ-Лапшинкѣ, Подольскаго уѣзда.

Въ «Русской Старинѣ», томъ XXII, стр. 511—520, вмѣсто напечатаннаго: «Шлезвигъ», читай: Силезія.

Тамъ же, стр. 519, напечатано: «Вейсмаръ», читай: «Висмаръ».

Въ біографическомъ очеркѣ «Г. В. Новицкій», напечатанномъ въ XXII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1878 г., вкрались слѣдующія опечатки:

Стран.:	*Строка сверху:*	*Напечатано:*	*Читай:*
274	18	полянъ	полякъ.
»	3 примѣч.	Днѣпрѣ	Днѣстрѣ.
276	28	А. Х. Бенкендорoръ.	К. Ѳ. Бенкендорфъ.
278	10	Двѣнадцати.	Одиннадцати.
»	11	Анны 2-й ст.	Анны 3-й ст.
292	23	Меснала.	Мескала.
»	24	Атакогну	Атакогау.
»	25	Чупсинъ	Чухпсинъ.
		Пикупсу	Псекупсу.

и вопросы, имѣющіе обще-археологическій интересъ: мѣстныя древности Кубанской и Терской областей, проф. Кондакова; историческое значеніе городищъ, проф. Самоквасова; языческое кладбище въ Добрышицахъ, проф. Павинскаго; объ обычаѣ вѣшать княжескія одежды въ храмахъ, проф. Терновскаго; Софія цареградская по опис. русскаго паломника XII в., проф. Срезневскаго; пещера Бычачьей скалы въ Моравіи, Ванкеля; дохристіанскіе могильники въ Моравіи, д-ра Дудика; о резиденціи хановъ Золотой орды до временъ Джанибека I, проф. Бруна; русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, проф. Аристова; какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей, г. Износкова; что значитъ Россовлахія въ греческихъ документахъ, проф. Григоровича; опытъ объясненія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о Скиѳіи, г. Бурачкова; о топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель, г. Колара; Янъ Ласицкій и его соч. «De diis Samogitarum», г. Мѣржинскаго; не было-ли въ Москвѣ опыта въ книгопечатаніи до первопечатнаго Апостола, г. Викторова; о памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву, г. Хрущова; древне-переяславская епархія и опытъ изслѣдованія номенклатуры мѣстностей Переяславскаго уѣзда Владимірской губ., свящ. Свирѣлина; по вопросу о регаліяхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху, прот. Прозоровскаго; о древней вислой свинцовой печати съ надписью отъ Ратибора, найденной около Еникале, г. Люценка; сообщенія о нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ письменности и между прочимъ г. Леже объ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ Турской библіотекѣ; два-три реферата, относящихся къ вопросамъ классической археологіи.

Таково содержаніе вышедшихъ двухъ томовъ «Трудовъ». Атласъ, приложенный къ этому изданію, составленъ изъ плановъ мѣстностей, снимковъ съ предметовъ древностей и образцовъ южно-русскаго орнамента (узоровъ, табл. XVI—XXV). Рисунки выполнены фото-литографическимъ способомъ проф. университета св. Владиміра В. А. Бецомъ, имѣющимъ собственный снарядъ для снимковъ анатомическихъ предметовъ. Атласъ выполненъ чисто и изящно; изданіе текста, печатавшагося въ университетской типографіи, также сдѣлано вполнѣ удовлетворительно, что не всегда можно сказать о кіевскихъ изданіяхъ, вообще не отличающихся въ типографическомъ отношеніи. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ поблагодарить издателей, употребившихъ значительныя усилія для преодолѣнія всякихъ препятствій.

Труды Кіевскаго съѣзда появились въ свѣтъ благодаря средствамъ, назначеннымъ на изданіе г. министромъ народнаго просвѣщенія, по ходатайству гр. А. С. Уварова, а также предоставленнымъ самимъ гр. Уваровымъ, «неутомимымъ двигателемъ археологическихъ занятій въ нашемъ отчествѣ».

Древности. Труды Московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціею В. Е. Румянцева. Т. VII, выпускъ I. Съ 14 политипажами въ текстѣ и 10 хромолитографическими рисунками въ приложеніи.

Настоящее изданіе, служащее органомъ Московскаго археологическаго общества, обязано своимъ возникновеніемъ и существованіемъ тому-же неутомимому дѣятелю на поприщѣ археологіи въ Россіи—гр. А. С. Уварову. Въ послѣднее время оно выходитъ подъ ближайшимъ завѣдываніемъ секретаря общества, В. Е. Румянцева. Въ составъ настоящаго выпуска вошли слѣдующія статьи: I. Изслѣдованія: о лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ, В. Ѳ. Миллера; оріандовская пещера, гр. А. С. Уварова; описаніе тверскаго музея, А. К. Жизневскаго, съ примѣч. гр. Уварова; описаніе евангелія 1092 г., архим. Амфилохія. II. Археологическія извѣстія и замѣтки: по поводу возстановленія древнихъ библіотечныхъ палатъ московскаго печатнаго двора, В. Е. Румянцева; надгробныя надписи въ московской церкви св. Николая-въ-Башмачкахъ, В. Е. Румянцева. III. Библіографія: объ антиминсахъ русской церкви, св. Кн. Никольскаго; археологическое общество при чешскомъ музеѣ и его журналъ, Н. А. Попова; нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у словенцевъ, чеховъ, лужичанъ и поляковъ, А. А. Котляревскаго. IV. Протоколы засѣданій Московскаго археологическаго общества. **В. И.**

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины" на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. —III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ. — VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.— Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ" 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** р. за 12 кн. безъ переплета и **11** р. въ переплетѣ, съ перес.

„Русская Старина" **1876** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина" **1877** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. **ОКТЯБРЬ.** 1878 годъ

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1879 г.
Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

«Русская Старина» **1870** г. (третье изд.), **1876** г. (второе изд.) и **1877** г. — по **8** руб. съ перес.
«Русская Старина» **1878** г., двѣнадцать книгъ, **8** руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1878.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября.

Извѣстія о занятіяхъ IV Археологическаго съѣзда въ Казани. Казань, 1877. 192 стр.

Казанскій археологическій съѣздъ имѣлъ свою похвальную особенность—это изданіе ежедневныхъ бюллетеней своихъ засѣданій, полное собраніе которыхъ представляетъ сборникъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Извѣстно, какую важность можетъ имѣть своевременное опубликованіе свѣдѣній о дѣятельности ученаго съѣзда, многіе вопросы котораго часто имѣютъ временный интересъ. Знакомство съ обсуждаемыми вопросами посредствомъ корреспонденцій въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ не всегда отличается и точностью, и необходимою полнотою. Всѣ подобныя неудобства значительно устраняются тѣмъ способомъ, какой былъ принятъ и такъ прекрасно выполненъ казанскимъ съѣздомъ, кажется, по примѣру съѣзда оріенталистовъ. Означенное изданіе даетъ возможность пользоваться сдѣланными сообщеніями, пока не появятся самые труды IV съѣзда, которые, какъ можно судить по бывшимъ до сихъ поръ примѣрамъ (такъ труды петербургскаго съѣзда изданы только отчасти—вып. 1-й, а кіевскаго вышли недавно), не всегда появляются своевременно. Извѣстія IV археологическаго съѣзда, кромѣ перечня засѣданій съ изложеніемъ ихъ занятій, сообщаютъ списки лицъ, принимавшихъ участіе въ съѣздѣ, указатель историческихъ достопримѣчательностей Казани проф. Шпилевскаго (это 2-е изданіе той же записки), каталогъ казанскихъ изданій и т. п.

Въ видѣ особаго приложенія къ «Извѣстіямъ» вышелъ «Указатель выставки при IV археологическомъ съѣздѣ» (94 стр.), въ который вошли древности первобытныя; памятники языка, письма и искусствъ; монеты и древности восточныя; предметы, относящіеся къ современной этнографіи.

Матеріалы для исторіи и статистики Орловской губерніи, собран. секретаремъ Орловск. губернскаго статистическаго комитета **А. Пупаревымъ.** Орелъ, 1877. 120+64, съ таблицами и чертежомъ города Орла, составленнымъ въ 1741 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія нашихъ провинціальныхъ статистическихъ комитетовъ и земствъ мало извѣстны и съ трудомъ попадаются въ руки изслѣдователей, не говоримъ уже любителей отечественной старины. А между тѣмъ въ ряду ихъ можно указать не мало весьма цѣнныхъ и заслуживающихъ вниманія трудовъ. Таковы, напримѣръ, Воронежскіе петровскіе акты (Ворон. 1872), Воронежъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, г. Веселовскаго (1866), Обозр. румянцевской описи Малороссіи (Вып. I—III, Черниговъ. 1866—1877 гг.), Историческое описаніе земли войска Донскаго, помѣстнымъ матеріаламъ (т. I. 1869 г., II. 1872 г), Географ. и статистич. словарь Пермской губерніи, составленный знатокомъ этого края Н. К. Чупинымъ (т. I, 577 стр.), съ подробными библіографическими указаніями, Источники и пособія для изученія Пермскаго края, указатель книгъ и статей, относящихся къ послѣднему, Д. Смышляева (подобный указатель былъ помѣщенъ уже по 1859 г.—въ Пермскомъ сборникѣ)—послѣднія два изданія составляютъ приложенія къ Сборнику Пермскаго Земства, въ которомъ также встрѣчаются статьи по этнографіи края. Не перечисляемъ другихъ мѣстныхъ изданій подобнаго рода, имѣющихъ несомнѣнный научный интересъ, иногда неизвѣстныхъ даже по своимъ названіямъ и не попавшихъ вовсе въ указатели. Въ такомъ положеніи находится наша провинціальная печать; нѣкоторые статистическіе комитеты и земства—дѣлаютъ свое дѣло, но остаются въ тѣни; труды ихъ часто остаются заброшенными въ подвалахъ, а потомъ попадаются какъ библіографическая рѣдкость. Поэтому должно желать, чтобы наши центральныя вѣдомства обратили вниманіе на подобное положеніе мѣстной литературы, которая нерѣдко и возникаетъ благодаря ихъ же запросамъ и требованіямъ, а потомъ бываетъ обречена на безвѣстность. Такъ минист. внутр. дѣлъ могло бы учредить какой либо центральный складъ для подобныхъ изданій, печатать ихъ списки и выпускать въ продажу чрезъ своихъ коммиссіонеровъ - книгопродавцевъ. Мы говоримъ это по собственному опыту. Многіе изъ извѣстныхъ книгопродавцевъ удивлялись даже заглавіямъ этихъ книгъ и добывать ихъ намъ приходилось послѣ долгой переписки или окольными путями.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФЪ.

род. 1661 † 1738 г.

Самарскій землевладѣлецъ Н. В. Потуловъ передалъ намъ 86 писемъ предка своего, по женской линіи, И. И. Бутурлина, къ женѣ и дочери, писанныя въ періодъ времени съ 1711-го по 1719 годъ.

Печатая эти письма не потому только, что они принадлежатъ перу одного изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, каждая современная строка о которой драгоцѣнна для отечественнаго историка, но и потому, что письма эти прибавляютъ еще нѣсколько штриховъ къ картинѣ нравовъ и семейныхъ отношеній того времени, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о ихъ авторѣ.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей царствованія Петра Великаго и Екатерины I-й, происходилъ отъ древней и почетной русской фамиліи. Отецъ его былъ ближнимъ стольникомъ царскимъ, а дѣдъ, Андрей Васильевичъ Кривой, окольничимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Бутурлины ведутъ свой родъ отъ трансильванскаго выходца Ратши, вступившаго, въ 6743 году, въ службу Александра Ярославича Невскаго, съ дворомъ своимъ, состоявшимъ изъ 1,000 человѣкъ и шести храбрыхъ мужей, въ числѣ которыхъ былъ сынъ Ратши Якубъ и внукъ Гаврило.

Находящаяся въ нашихъ рукахъ родословная Бутурлиныхъ дена до царствованія Елисаветы Петровны и писана полуавомъ, съ различными каллиграфическими украшеніями киноью и золотомъ, на пергаменномъ свиткѣ, оправленномъ въ крас- тисненный золотомъ сафьянъ, съ красными же шелковыми шнур-

ками. Свитокъ этотъ лежитъ въ деревянномъ кругломъ футлярѣ, внутри отдѣланномъ пунцовымъ бархатомъ и снаружи черною тисненною кожею, съ мѣдными застежками; футляръ этотъ перевязанъ красными шелковыми шнурками, съ кистями.

Изъ этой родословной усматривается, что въ ней есть разногласія съ родословною дворянъ и графовъ Бутурлиныхъ, помѣщенной въ «Россійской Родословной книгѣ» князя П. В. Долгорукова, ч. II. Спб. 1855, стр. 151 и далѣе,—и что въ этой послѣдней есть нѣкоторые пропуски. Укажемъ на нихъ:

У Долгорукова, стр. 151.	**Въ Родословной, у насъ имѣющейся.**
колѣно 1.	
Радша	Государичъ Седмиградскаго государства—Радша.
колѣно 2.	
Якунъ	Якубъ.
колѣно 5.	
Иванъ Гавриловичъ Морхиня . .	Иванъ Гавриловичъ Морхиня, а отъ него пошли: Товарковы, Пушкины, Рожновы, Замытскіе.
Акинфій Гавриловичъ Великій . .	Акинфъ Великій, а отъ него пошли: Свисловы, Каменскіе, Затолскіе, Бутурлины, Челышины и Жулебины.
Стр. 152.	
№ 18. Михайло Ивановичъ . . .	Убитъ на Дону.
№ 27. Иванъ Андреевичъ Хромой, бездѣтный	У него было два сына: Давидъ и Романъ.
Стр. 153.	
№ 51. Семенъ Өедоровичъ Свибловъ.	Убитъ на Бѣлевскомъ бою.
Стр. 155.	
№ 5. Григорій Ивановичъ. . . .	Отъ него пошли Бутурлины-Ширшики, а не Ширшины, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ кн. Долгоруковъ.
№ 12. Константинъ Григорьевичъ, бездѣтный	Такого нѣтъ, а есть не показанный у кн. Долгорукова—Потапъ Григорьевичъ, у котораго было 3 сына: Өедоръ, другой Өедоръ и Третьякъ.
№ 19. Иванъ Никитичъ.	Иванъ Никитичъ Всячина.

Стр. 156.

№ 31. Матвѣй Ивановичъ. . . .}
№ 34. Потапъ Ивановичъ . . . .}

Убиты подъ Казанью, бездѣтными. Между тѣмъ у Долгорукова значится будто бы у Матвѣя Ивановича было три сына: Иванъ, Василій и Өедоръ; затѣмъ онъ показываетъ у Василія 4-хъ сыновей: Юрія, Өедора, Андрея и Ивана; далѣе у Өедора сынъ Иванъ, у Ивана Васильевича сыновья: Петръ и Борисъ (отецъ фельдмаршала); у Андрея Васильевича сыновья: Ефимъ и Иванъ (отецъ Ив. Ив. Бутурлина, генералъ-аншефа). По родословной Бутурлиныхъ родъ Ивана Ивановича и Александра Борисовича (фельдмаршала) выводится иначе, а именно:

У Ивана Полуэктовича Большаго Бутурлина (поставленнаго у кн. Долгорукова подъ № 13, на стр. 155) было 4 сына: Матвѣй, Потапъ (убитые, какъ выше значится, бездѣтными), Данило и Андрей.

У послѣдняго было 3 сына: Өедоръ Лобачъ, убитый подъ Псковомъ, Иванъ Горѣлый, убитый подъ Колыванью, и Өедоръ, убитый подъ Дерптомъ.

У этого послѣдняго, Өедора Андреевича, былъ сынъ Василій Клепикъ, а у него 3 сына: Өедоръ, окольничій царя Алексѣя, Андрей Кривой, окольничій при немъ же, и Иванъ.

У Андрея было 2 сына: Лукьянъ, по прозвищу Афимъ, и Иванъ; у послѣдняго былъ одинъ сынъ Иванъ Ивановичъ—генералъ-аншефъ.

У Ивана Васильевича было также 2 сына: Петръ, имѣвшій сына Петра, умершаго бездѣтнымъ, и Бориса, убитаго подъ Лѣснымъ, отца Александра Борисовича, генералъ-фельдмаршала.

Кстати укажемъ на ошибку, вкравшуюся въ статью: «Шутки и потѣхи Петра Великаго» («Русская Старина», іюнь 1872, стр. 852), гдѣ говорится, что родные племянники Петра Бутурлина—«Петербургскаго владыки»—были любимцами Петра Великаго, а именно: Иванъ Ивановичъ, генералъ-аншефъ, и

	Александръ Борисовичъ, въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ.
	Послѣдній дѣйствительно былъ роднымъ племянникомъ «Петербургскаго владыки», но Иванъ Ивановичъ, какъ мы сейчасъ показали, былъ его двоюроднымъ племянникомъ.
Стр. 156.	
№ 32. Андрей Ивановичъ, бездѣтный.	Какъ выше значится, у него было 3 сына: Ѳедоръ Лобачъ, Иванъ Горѣлый и другой Ѳедоръ.
№ 35. Петръ, № 36. Ѳедоръ } Григорьевичи . . .	Не существуютъ; отецъ ихъ показанъ бездѣтнымъ.
№ 39. Варѳоломей Михайловичъ, бездѣтный	По прозванью Варгасъ. У него было три сына: Степанъ, Андрей и Ефимъ, окольничій, убитый въ Путивлѣ, отъ вора.
№ 50. Василій Андреевичъ . . .	По прозванью Шестакъ.
№ 65. Богданъ Григорьевичъ . . .	Такого не показано, а у Григорія Неклюда значится одинъ сынъ Ѳедоръ.
Стр. 157.	
№ 97. Иванъ Большой Матвѣевичъ.	Иванъ Матвѣевичъ Опора.
№ 77. Иванъ Дмитріевичъ, бездѣти.	У него былъ сынъ Ѳедоръ.
№ 78. Романъ Дмитріевичъ . . .	Убитъ подъ Шкловомъ.
№ 68. Василій, № 69. Иванъ, № 70. Ѳедоръ } Матвѣевичи . . .	Мы выше сказали, что отецъ ихъ Матвѣй убитъ бездѣтнымъ; такимъ образомъ, весь дальнѣйшій выводъ рода ошибоченъ.
№ 91. Григорій Ѳедоровичъ . . .	Григорій Ѳедоровичъ Усачъ.
№ 92. Иванъ Ѳедоровичъ	Иванъ Ѳедоровичъ Сухорукъ.
№ 100. Петръ Ивановичъ	Былъ въ полону, въ Калмыкахъ.
№ 101. Ѳедоръ Ивановичъ. . . .	Убитъ въ Туркахъ.
№ 102. Василій Ивановичъ . . .	У царя Василья Ивановича сидѣлъ за кушаньемъ.
Стр. 158.	
№ 132. Иванъ Ивановичъ	Иванъ Ивановичъ Медвѣжья Голова.
№ 133. Василій Ивановичъ. . . .	Василій Ив. убитъ подъ Москвою, за Арбатскими воротами.
Стр. 159.	
№ 162. Иванъ Григорьевичъ, бездѣтенъ	У него былъ сынъ Иванъ.
№ 164. Константинъ Григорьевичъ.	Убитъ подъ Полтавой.
№ 144. Иванъ Семеновичъ. . . .	Убитъ въ Турціи.
№ 148. Афанасій Ивановичъ . . .	Не показанъ вовсе.

Когда у великаго князя Александра былъ бой съ Магнусомъ, королемъ римскимъ [1]), на рѣкѣ Невѣ, то правнукъ Ратши, Гаврило Алексѣевичъ, былъ съ великимъ княземъ «въ числѣ мужей храбрыхъ и мужество свое храброе предъ великимъ княземъ, въ полку, показалъ и бися много и уби воеводу ихъ Спиридона и двухъ епископовъ римскихъ» [2]).

У Гаврилы Алексѣевича былъ второй сынъ Акинфій, по прозванью Великій, замѣчательный военачальникъ, при основаніи Московскаго княжества бившій первымъ бояриномъ на Москвѣ, перешедшій, въ послѣдствіи, на службу великаго князя Михаила тверскаго (въ 6861 году) и убитый подъ Переяславомъ.

Отъ этого-то Акинфа Великаго и пошли, въ числѣ другихъ родовъ, Бутурлины. Иванъ Бутурла, собственно родоначальникъ названной фамиліи, былъ правнукомъ Акинфа Великаго.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, которому посвящена наша статья, родился 24-го іюня 1661 года и впервые выступаетъ на сцену офиціальной служебной, намъ извѣстной, дѣятельности въ 1687 году, т. е. 26-ти лѣтъ отъ роду, будучи пожалованъ въ премьеръ-маіоры вновь сформированнаго тогда Преображенскаго полка [3]). Замѣтимъ, что самъ государь, подъ именемъ полковника Михайлова, былъ оберъ-офицеромъ этого же полка только съ 1700 года, слѣдовательно, Бутурлинъ былъ однимъ изъ первыхъ штабъ-офицеровъ Преображенскаго полка, съ которымъ онъ участвовалъ въ несчастномъ для

---

[1]) «Король части Римскія отъ полунощныя страны, иже первѣе Варяги и Готы, нынѣ Свіи именовахуся». Лѣтопись.

Въ Швеціи, въ это время, царствовалъ Эрикъ Леспе. Войну съ Александромъ Ярославичемъ велъ шведскій военачальникъ Биргеръ. Королемъ шведскимъ лѣтописцы ошибочно называли Магнуса. Примѣчанія къ «Ист. Гос. Рос.», Карамзина. Изд. Эйнерлинга. Т. IV, глава I, пр. 24 и 25.

[2]) Главный воевода шведскій Спиридонъ и епископъ, по разсказу плѣнныхъ шведовъ, были убиты въ битвѣ Александра Ярославича, на берегахъ Невы. Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», т. IV, гл. I, стр. 19. Изд. Эйнерл. Новгородская лѣтопись. Самъ Александръ разсказывалъ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ его дружины. Одинъ изъ нихъ, Гаврило Олексичъ, прорвался вслѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ (военачальникъ шведовъ, предпринявшій крестовый походъ противъ Руси, по наущенію римскаго папы; Биргеръ—представитель могущественнаго въ то время, въ Швеціи, рода Фолькунговъ) до самаго корабля его, былъ низвергнутъ въ воду и съ конемъ, но вышелъ невредимъ и, опять поѣхавъ биться съ шведскимъ воеводою Спиридономъ—убилъ его. «Исторія Россіи съ др. вр.», С. Соловьевъ, т. III, стр. 189, изд. 1857 г.

[3]) Кабинет. дѣла, отд. II, кн. 54. Ссылка Устрялова, «Исторія царств. Петра Великаго», т. II, прим. стр. 330.

насъ первомъ Азовскомъ походѣ 1695 года и при взятіи Азова въ 1696 году. Очевидно, Бутурлинъ въ это уже время былъ въ числѣ лицъ приближенныхъ къ государю, чему служитъ доказательствомъ подпись его «Ивашка Меньшой Бутурлинъ» подъ письмомъ государевымъ, съ похода, изъ Паньшина, 19-го іюня 1695 года, къ генералиссимусу князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, выше подписи самого царя[1]).

Мы не знаемъ, какими именно заслугами, въ такіе, относительно, молодые еще годы свои, но видимъ, что Бутурлинъ обратилъ на себя вниманіе государя въ первые же годы своей служебной, извѣстной намъ, дѣятельности его. Доказательствомъ—что, при сформированіи войскъ для втораго похода подъ Азовъ, Бутурлинъ, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ командиромъ 17-й гвардейской роты[2]), и, судя по письму государя къ генералу Кревту, 14-го іюня 1696 года, онъ уже командовалъ полкомъ въ отрядѣ Гордона[3]).

Затѣмъ мы встрѣчаемъ Бутурлина въ несчастной для насъ Нарвской битвѣ, гдѣ ему было суждено надолго сойти съ поприща служебной дѣятельности.

Къ Нарвѣ Бутурлинъ, уже генералъ, привелъ изъ Москвы, на подводахъ, отрядъ войскъ, состоявшій изъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и четырехъ пѣхотныхъ, всего въ числѣ 8,000 человѣкъ. При этомъ отрядѣ слѣдовалъ самъ государь[4]).

На другой день послѣ Нарвской битвы, Бутурлинъ, вмѣстѣ съ прочими военачальниками, повѣривъ обѣщанію Карла XII — оставить свободу русскимъ войскамъ, сдался на капитуляцію, для заключенія которой Бутурлинъ былъ посланъ въ шведскій лагерь. Но, какъ извѣстно, Карлъ не сдержалъ своего обѣщанія, будто бы за то, что русскіе, вопреки условію, увезли свою казну, и отправилъ Бутурлина, вмѣстѣ съ другими генералами, всего въ числѣ десяти человѣкъ, плѣнниками въ Стокгольмъ.

Три года уже Бутурлинъ томился въ шведскомъ плѣну, но наконецъ не выдержалъ этой пытки и въ 1703 году, вмѣстѣ съ генераломъ Вейде и княземъ Трубецкимъ, бѣжалъ; но вскорѣ былъ пойманъ въ лѣсу, приведенъ въ Стокгольмъ, «зѣло обруганъ, безчещенъ градодержавцемъ» и заключенъ въ тюрьму, подъ ратушей, гдѣ всегда надо было сидѣть съ огнемъ и гдѣ было только одно от-

---

[1]) «Исторія царств. Петра Вел.», Устрялова. Т. II, приложеніе 2-е.

[2]) Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. I, прим., стр. 259.

[3]) Голиковъ, Idem, т. XIV, стр. 315.

[4]) Голиковъ, Idem, т. XIV, стр. 18. Письмо Петра къ Ѳ. М. Апраксину, отъ 22-го августа 1700 г.

верстіе вверху, черезъ которое и подавали ему пищу. Въ этой тюрьмѣ Бутурлинъ томился два года и только въ 1705 году былъ перевезенъ въ какой-то дальній шведскій городъ. Но Петръ не забывалъ страдальца. Когда въ битвѣ подъ Калишемъ былъ взятъ въ плѣнъ шведскій генералъ-маіоръ Мейерфельдъ, Петръ далъ ему свободу съ тѣмъ, чтобы вмѣсто него былъ освобожденъ Бутурлинъ, но шведы и тутъ обманули—Бутурлинъ не былъ освобожденъ. Когда же, послѣ Полтавской битвы, въ нашъ станъ прибылъ тотъ же генералъ Мейерфельдъ, будто бы съ привѣтствіемъ отъ Карла XII, то онъ былъ задержанъ какъ плѣнникъ, по приказанію царя, за несдержаніе слова относительно освобожденія нашего генерала. Но когда Мейерфельдъ заявилъ, что онъ имѣетъ порученіе отъ своего короля—говорить о мирѣ, и когда далъ слово дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ стокгольмскомъ сенатѣ, то Петръ приказалъ его отпустить, но съ непремѣннымъ условіемъ освобожденія за него одного изъ нашихъ плѣнныхъ генераловъ. Тогда только, т. е. въ 1710 году, Бутурлинъ былъ освобожденъ изъ плѣна. Сомнѣваемся, чтобы Бутурлинъ участвовалъ въ несчастной прутской кампаніи, но видимъ, что въ 1711 году онъ командуетъ войсками, оберегавшими Украйну отъ крымскихъ татаръ, и, какъ видно изъ письма его отъ 9-го іюля, собирался разбить ихъ, или, какъ онъ выразился въ этомъ письмѣ, «справить съ ними (татарами) танецъ». Но, на этотъ разъ, до битвы не дошло и Бутурлинъ до сентября стоялъ въ крѣпости Новобогородской, на р. Самарѣ, которую, по окончательному миру съ турками, надлежало уничтожить, вмѣстѣ съ Азовомъ, Таганрогомъ и другими, вновь возведенными, на южныхъ нашихъ рубежахъ, крѣпостцами.

Съ юга Россіи, въ 1712 году, Бутурлинъ передвинулся на сѣверъ и командовалъ войсками около Митавы, а въ 1713 году, когда Петръ, видя бездѣйствіе своихъ союзниковъ въ войнѣ со шведами, курфирста ганноверскаго и короля прусскаго, рѣшился самостоятельно дѣйствовать противъ шведовъ въ Финляндіи, то Бутурлинъ участвовалъ въ этой войнѣ, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адмирала графа Апраксина. Наши войска выступили на галерахъ, 26-го апрѣля, изъ Петербурга и въ началѣ мая высадились у Гельсингфорса, въ которомъ, послѣ занятія его безъ боя, Бутурлинъ и былъ оставленъ съ 3,000 человѣкъ, тогда какъ остальныя войска двинулись въ глубь Финляндіи [1]). Русское оружіе торжествовало. Або намъ досталось тоже безъ боя [2]). Послѣ того, 6-го октября, Бутурлинъ, уже въ чинѣ

---

[1]) Голиковъ, Idem, т. V, стр. 167.

[2]) Письмо Бутурлина, 12-го августа 1712 г.

генералъ-лейтенанта, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Голицына, участвовалъ въ нанесеніи пораженія шведамъ на р. Пелкунъ, причемъ нашими войсками была совершена крайне отважная переправа, посредствомъ наскоро сколоченныхъ плотовъ, черезъ озеро, прикрывавшее укрѣпленную непріятельскую позицію, взятую нами послѣ упорнаго боя. Въ память этой битвы, Петръ выбилъ медаль, съ своимъ портретомъ [1]). Но этою битвою кампанія не кончилась. Въ январѣ 1714 года, подъ начальствомъ того же князя М. М. Голицына, русскія войска, съ которыми былъ и Бутурлинъ [2]), пошли къ г. Вазѣ и разбили подъ нею шведскаго генерала Армфельда, у д. Лаполя [3]). Въ память этой битвы, Петромъ также выбита медаль, съ его портретомъ и надписью, на оборотѣ: «Pugna ad Vasam».

Въ мартѣ Бутурлинъ перешелъ въ Або, гдѣ и простоялъ до іюля, въ ожиданіи прибытія государя, и только 6-го іюля сѣлъ на суда, чтобы плыть къ Өедору Апраксину, стоявшему верстахъ въ 20-ти отъ морскаго берега. Это усиленіе нашего галернаго флота войсками было предпринято въ намѣреніи атаковать шведскій флотъ. И дѣйствительно, 27-го іюля [4]), нашъ флотъ, подъ начальствомъ Апраксина, прошелъ [5]) подъ выстрѣлами шведскихъ кораблей, потерявъ одну галеру, ставшую на мель, и соединясь съ эскадрою, на которой былъ государь, того-жъ числа [6]), на голову разбилъ шведовъ, у Гангута (Тангута, какъ пишетъ Бутурлинъ), причемъ взятъ въ плѣнъ контръ-адмиралъ Ереншильдъ, шведскій фрегатъ, 6 галеръ, 3 шхербота, на нихъ 116 пушекъ, 17 офицеровъ и 913 нижнихъ чиновъ.

Этою первою морскою побѣдой нашею, имѣвшею послѣдствіемъ отступленіе остальнаго шведскаго флота и занятіе нами Аландскихъ острововъ, заключилась кампанія 1714 года, и 28-го ноября Бутурлинъ возвратился въ Петербургъ, жалуясь, въ письмѣ отъ 30-го ноября, на свои немощи, конечно, вызванныя тяжкими боевыми трудами предшествовавшихъ лѣтъ и настоящей кампаніи, а можетъ быть, особенно многолѣтними страданіями плѣна.

---

[1]) Голиковъ, Idem, т. V, стр. 184—185.

[2]) Письмо Бутурлина, 27-го января 1714 г.

[3]) Бутурлинъ пишетъ на другой день послѣ этой битвы, 20-го февраля, 1714 г. называя эту деревню Напоянкуль.

[4]) На то же число указываетъ Голиковъ (Idem, т. V, стр. 248—249), ссылаясь на журналъ Петра Великаго, реляцію 29-го іюля.

[5]) Какъ описываетъ Бутурлинъ въ письмѣ отъ 29-го іюля 1714 г.

[6]) А не 23-го іюля, какъ говоритъ Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи съ древн. временъ».

Между тѣмъ, наши побѣдоносныя войска, съ вѣнценосньмъ своимъ сотоварищемъ, имѣли торжественное шествіе въ Петербургъ, 9-го сентября, причемъ государь былъ пожалованъ, отъ князя кесаря, въ вице-адмиралы, генералу Вейде данъ орденъ Андрея Первозваннаго, прочіе участники награждены медалями; что же касается до Бутурлина, не участвовавшаго въ этомъ вступленіи войскъ, то мы не видимъ его въ числѣ награжденныхъ. Не это ли обстоятельство было также одною изъ причинъ тѣхъ немощей, на которыя онъ жалуется, какъ выше значится, въ своемъ письмѣ къ дочери [1]). Впрочемъ въ эту войну Бутурлинъ былъ уже произведенъ въ генералъ-лейтенанты, и, вообще, неполученіе награды Бутурлинымъ, при этомъ случаѣ, не есть доказательство немилости къ нему государя, а только указываетъ на то обстоятельство, что въ эту войну Бутурлинъ не командовалъ самостоятельнымъ отрядомъ и не имѣлъ случая оказать какого либо особо выдающагося отличія; милость же царскую онъ сохранилъ къ себѣ — доказательствомъ, что въ концѣ того же года мы встрѣчаемъ его въ числѣ первыхъ лицъ на шутовской свадьбѣ князь-папы Зотова, съ барабаномъ, т. е. съ такимъ же инструментомъ и въ такомъ же костюмѣ, что и самъ государь, пировавшій на этой свадьбѣ.

1715-й годъ Бутурлинъ провелъ въ Петербургѣ и въ крейсерствѣ съ войскомъ на галерахъ къ Ревелю и Гапсалю, для осмотра тамошней гавани, подъ начальствомъ самого государя. Въ томъ же году, вѣроятно, за труды похода, Петръ пожаловалъ Бутурлину 1,000 рублей, изъ рекрутскихъ денегъ. Затѣмъ, 11-го февраля 1716 года, Бутурлинъ былъ назначенъ командиромъ галерной эскадры, состоявшей изъ 45-ти галеръ, дессантъ которой составляли Гвардейскій и Астраханскій полки, при чемъ онъ, какъ значится въ письмѣ его отъ 15-го февраля, долженъ былъ выступить на галерахъ, изъ Транзунда, въ мартѣ, такъ какъ Петръ лучшимъ средствомъ для окончанія Сѣверной войны признавалъ высадку, со своими союзниками, на шведскій берегъ. Для лучшаго и скорѣйшаго направленія этого дѣла, Петръ съ царицею и племянницею своею, Екатериною Ивановною, выѣхалъ за границу, 27-го января, и прибылъ къ главной квартирѣ Шереметева, въ Данцигъ, 18-го февраля. Предположеніе Бутурлина о выходѣ въ море въ половинѣ марта (12-го числа) не состоялось, скорѣе за неочищеніемъ порта отъ

---

[1]) Что были въ это время какія-то неудовольствія у Бутурлина, можно заключить изъ его письма, гдѣ онъ говоритъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ «на прибавочную себѣ скорбь и печаль».

Извѣстія о занятіяхъ IV Археологическаго съѣзда въ Казани. Казань, 1877. 192 стр.

Казанскій археологическій съѣздъ имѣлъ свою похвальную особенность—это изданіе ежедневныхъ бюллетеней своихъ засѣданій, полное собраніе которыхъ представляетъ сборникъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Извѣстно, какую важность можетъ имѣть своевременное опубликованіе свѣдѣній о дѣятельности ученаго съѣзда, многіе вопросы котораго часто имѣютъ временный интересъ. Знакомство съ обсуждаемыми вопросами посредствомъ корреспонденцій въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ не всегда отличается и точностью, и необходимою полнотою. Всѣ подобныя неудобства значительно устраняются тѣмъ способомъ, какой былъ принятъ и такъ прекрасно выполненъ казанскимъ съѣздомъ, кажется, по примѣру съѣзда оріенталистовъ. Означенное изданіе даетъ возможность пользоваться сдѣланными сообщеніями, пока не появятся самые труды IV съѣзда, которые, какъ можно судить по бывшимъ до сихъ поръ примѣрамъ (такъ труды петербургскаго съѣзда изданы только отчасти—вып. 1-й, а кіевскаго вышли недавно), не всегда появляются своевременно. Извѣстія IV археологическаго съѣзда, кромѣ перечня засѣданій съ изложеніемъ ихъ занятій, сообщаютъ списки лицъ, принимавшихъ участіе въ съѣздѣ, указатель историческихъ достопримѣчательностей Казани проф. Шпилевскаго (это 2-е изданіе той же записки), каталогъ казанскихъ изданій и т. п.

Въ видѣ особаго приложенія къ «Извѣстіямъ» вышелъ «Указатель выставки при IV археологическомъ съѣздѣ» (94 стр.), въ который вошли древности первобытныя; памятники языка, письма и искусствъ; монеты и древности восточныя; предметы, относящіеся къ современной этнографіи.

Матеріалы для исторіи и статистики Орловской губерніи, собран. секретаремъ Орловск. губернскаго статистическаго комитета **А. Пупаревымъ.** Орелъ, 1877. 120+64, съ таблицами и чертежомъ города Орла, составленнымъ въ 1741 г. Ц. 1 р. 50 к.

Изданія нашихъ провинціальныхъ статистическихъ комитетовъ и земствъ мало извѣстны и съ трудомъ попадаются въ руки изслѣдователей, не говоримъ уже любителей отечественной старины. А между тѣмъ въ ряду ихъ можно указать не мало весьма цѣнныхъ и заслуживающихъ вниманія трудовъ. Таковы, напримѣръ, Воронежскіе петровскіе акты (Ворон. 1872), Воронежъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ, г. Веселовскаго (1866), Обозр. румянцевской описи Малороссіи (Вып. I—III, Черниговъ. 1866—1877 гг.), Историческое описаніе земли войска Донскаго, помѣстнымъ матеріаламъ (т. I. 1869 г., II. 1872 г), Географ. и статистич. словарь Пермской губерніи, составленный знатокомъ этого края Н. К. Чупинымъ (т. I, 577 стр.), съ подробными библіографическими указаніями, Источники и пособія для изученія Пермскаго края, указатель книгъ и статей, относящихся къ послѣднему, Д. Смышляева (подобный указатель былъ помѣщенъ уже по 1859 г.—въ Пермскомъ сборникѣ)—послѣднія два изданія составляютъ приложенія къ Сборнику Пермскаго Земства, въ которомъ также встрѣчаются статьи по этнографіи края. Не перечисляемъ другихъ мѣстныхъ изданій подобнаго рода, имѣющихъ несомнѣнный научный интересъ, иногда неизвѣстныхъ даже по своимъ названіямъ и не попавшихъ вовсе въ указатели. Въ такомъ положеніи находится наша провинціальная печать; нѣкоторые статистическіе комитеты и земства—дѣлаютъ свое дѣло, но остаются въ тѣни; труды ихъ часто остаются заброшенными въ подвалахъ, а потомъ попадаются какъ библіографическая рѣдкость. Поэтому должно желать, чтобы наши центральныя вѣдомства обратили вниманіе на подобное положеніе мѣстной литературы, которая нерѣдко и возникаетъ благодаря ихъ же запросамъ и требованіямъ, а потомъ бываетъ обречена на безвѣстность. Такъ минист. внутр. дѣлъ могло бы учредить какой либо центральный складъ для подобныхъ изданій, печатать ихъ списки и выпускать въ продажу чрезъ своихъ коммисіонеровъ - книгопродавцевъ. Мы говоримъ это по собственному опыту. Многіе изъ извѣстныхъ книгопродавцевъ удивлялись даже заглавіямъ этихъ книгъ и добывать ихъ намъ приходилось послѣ долгой переписки или окольными путями.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БУТУРЛИНЪ

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФЪ.

род. 1661 † 1738 г.

Самарскій землевладѣлецъ Н. В. Потуловъ передалъ намъ 86 писемъ предка своего, по женской линіи, И. И. Бутурлина, къ женѣ и дочери, писанныя въ періодъ времени съ 1711-го по 1719 годъ.

Печатая эти письма не потому только, что они принадлежатъ перу одного изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, каждая современная строка о которой драгоцѣнна для отечественнаго историка, но и потому, что письма эти прибавляютъ еще нѣсколько штриховъ къ картинѣ нравовъ и семейныхъ отношеній того времени, мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о ихъ авторѣ.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей царствованія Петра Великаго и Екатерины I-й, происходилъ отъ древней и почетной русской фамиліи. Отецъ его былъ ближнимъ стольникомъ царскимъ, а дѣдъ, Андрей Васильевичъ Кривой, окольничимъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Бутурлины ведутъ свой родъ отъ трансильванскаго выходца Ратши, вступившаго, въ 6743 году, въ службу Александра Ярославича Невскаго, съ дворомъ своимъ, состоявшимъ изъ 1,000 человѣкъ и шести храбрыхъ мужей, въ числѣ которыхъ былъ сынъ Ратши Якубъ и пр чукъ Гаврило.

аходящаяся въ нашихъ рукахъ родословная Бутурлиныхъ до дена до царствованія Елисаветы Петровны и писана полуус вомъ, съ различными каллиграфическими украшеніями кинова ью и золотомъ, на пергаменномъ свиткѣ, оправленномъ въ красн тисненный золотомъ сафьянъ, съ красными же шелковыми шнур-

Въ дѣлѣ царевича былъ замѣшанъ князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ, гвардіи подполковникъ и командиръ Преображенскаго полка. По дѣлу этому Долгоруковъ лишенъ должности, чиновъ, орденовъ и сосланъ въ свои казанскія деревни, а командиромъ Преображенскаго полка былъ назначенъ Бутурлинъ.

Не легкая досталась служба Ивану Ивановичу съ этимъ назначеніемъ. Преображенскій полкъ, въ то время, былъ крайне разстроенъ продолжительными военными походами, какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и во фрунтовомъ; полковой обозъ и вообще хозяйство было въ самомъ жалкомъ положеніи, а роты въ половинномъ составѣ. Три роты полка, стоявшаго въ Новгородѣ, были отправлены въ Петербургъ для содержанія карауловъ и множество нижнихъ чиновъ было уволено въ отпускъ. Полкомъ завѣдывалъ старшій изъ капитановъ, потому что всѣ штабъ-офицеры проживали въ Петербургѣ и Москвѣ, по слѣдственному дѣлу царевича, а многіе изъ оберъ-офицеровъ находились въ отпуску. Но Бутурлинъ дѣятельно занялся устройствомъ полка и къ маю привелъ его въ нѣкоторый порядокъ [1]).

Въ томъ же 1718 году, Бутурлинъ, въ іюнѣ, прійдя съ полкомъ въ Петербургъ, находился, въ качествѣ ассесора, въ составѣ военнаго суда, учрежденнаго, подъ именемъ кригсъ-рехта, подъ предсѣдательствомъ генерала Вейде, надъ княземъ А. Д. Меншиковымъ, за разныя его злоупотребленія, а также надъ генералъ-адмираломъ Апраксинымъ и княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ, а равно надъ соучастниками ихъ, обвинявшимися въ разныхъ взяткахъ и другихъ злоупотребленіяхъ. Этимъ судомъ былъ оправданъ только

24-го іюля 1718 года, которое Устряловъ, приводящій его въ приложеніи (стр. 619) къ «Ист. царств. Петра Вел.» (т. VI), считаетъ подложнымъ, хотя мы должны замѣтить, что подложности этой Устряловъ приводитъ весьма слабыя доказательства.

Въ этомъ письмѣ Румянцевъ, разсказывая процессъ царевича Алексѣя, говоритъ, что, по личному повелѣнію государя, царевичъ, послѣ произнесенія надъ нимъ смертнаго приговора, задушенъ подушками въ его темницѣ, имъ, Румянцевымъ, тайнымъ совѣтникомъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, лейбъ-гвардіи маіоромъ Ушаковымъ и Иваномъ Ивановичемъ Бутурлинымъ.

Отсылая читателя къ этому разсказу и не возражая противъ его апокрифичности, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что по разсказу Румянцева, или точнѣе,—приписываемаго ему письма, царевича повалили на кровать, для преданія смерти, при словахъ Бутурлина: «Господи! упокой душу раба Твоего Алексѣя въ селеніи праведныхъ, презирая прегрѣшенія его, яко человѣколюбецъ!»; а послѣ смерти царевича Бутурлинъ съ Толстымъ поѣхали къ царю съ донесеніемъ о его кончинѣ.

[1]) М. П. Азанчевскій, «Исторія Преображенскаго полка», Idem, стр. 194—195.

Долгоруковъ, а Меншиковъ и Апраксинъ приговорены къ лишенію чиновъ и отличій [1]).

Не этотъ ли приговоръ кригсъ-рехта, въ которомъ участвовалъ и Бутурлинъ, былъ началомъ той ненависти къ нему Меншикова, которая имѣла такія печальныя послѣдствія для Бутурлина?

Какъ назначеніе Бутурлина для участія въ дѣлахъ особой важности, не входившихъ въ кругъ его прямыхъ служебныхъ обязанностей, такъ и многія другія обстоятельства указываютъ на вниманіе къ нему государя. Такъ, напримѣръ, когда, въ томъ же 1718 году, умеръ князь-кесарь Ромодановскій и Петръ пожаловалъ на его мѣсто сына его Ивана Өедоровича, то при вступленіи его въ Петербургъ сдѣлана была ему торжественная встрѣча, при пушечной пальбѣ и проч. При этомъ, новый князь-кесарь ѣхалъ въ каретѣ, на передней скамейкѣ которой сидѣли только двое: государь и И. И. Бутурлинъ. Затѣмъ, 3-го января 1719 года, государь удостоилъ Бутурлина своимъ посѣщеніемъ, вѣроятно, для поздравленія съ новымъ годомъ, и въ томъ же году, 19-го ноября, назначилъ его членомъ, вновь учрежденной тогда, военной коллегіи (оставивъ его, по прежнему, командиромъ Преображенскаго полка). Новую должность эту Бутурлинъ сохранилъ до 1722 года, когда вышелъ изъ нея, какъ надо думать, вслѣдствіе имѣвшихся у него непріятностей съ предсѣдателемъ коллегіи, фельдмаршаломъ Репнинымъ. Затѣмъ, въ томъ же году, Бутурлинъ находился при государѣ въ Петрозаводскѣ, на вновь открытыхъ тогда олонецкихъ минеральныхъ водахъ, и послѣ того ходилъ съ полкомъ, на судахъ, къ Аландскимъ островамъ и къ берегамъ Швеціи, подъ начальствомъ графа Апраксина, тогда какъ генералъ Ласси, съ другимъ нашимъ отрядомъ, опустошалъ окрестности Стокгольма. Эта рѣшительная мѣра была предпринята Петромъ съ тѣмъ, чтобы подвигнуть къ скорѣйшему рѣшенію переговоры о мирѣ, происходившіе въ конгрессѣ, на Аландскихъ островахъ, подкрѣпивъ силою оружія наши требованія,—мѣра, впрочемъ, не достигнувшая главной своей цѣли, такъ какъ аландскій конгрессъ, тянувшійся съ ноября 1717 года, въ этомъ году разъѣхался.

Между тѣмъ въ 1720 году противъ Петра стала формироваться коалиція между Швеціей, Даніей, Франціей, Пруссіей и Ганноверомъ, что вынудило Петра готовиться къ новой жесточайшей борьбѣ. Съ наступленіемъ весны 1720 года, начались въ войскахъ приготовле-

---

[1]) Кстати замѣтимъ, что, не задолго передъ этимъ, Меншиковъ, за наказаніе батогами секретаря синода Корнышева, былъ присужденъ просить у него прощеніе и дать ему удовлетвореніе, какое тотъ потребуетъ.

нія къ новому морскому походу противъ шведовъ, подъ начальствомъ князя Петра Михайловича Голицына. Извѣстно, что кампанія эта кончилась пораженіемъ шведскаго флота, 27-го іюля, при Гренгамѣ, гдѣ взято нами 104 непріятельскія пушки, 510 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 37 офицеровъ, и четыре фрегата. Надо полагать, что Бутурлинъ не принималъ участія въ этой битвѣ, иначе онъ не былъ бы забытъ при собственноручномъ росписаніи щедрыхъ наградъ за эту битву, сдѣланномъ самимъ Петромъ, причемъ, напримѣръ, всѣ офицеры, участвовавшіе въ битвѣ Преображенскаго полка, особенно отличившагося въ ней, какъ находившагося впереди атакующихъ, были награждены золотыми медалями на цѣпяхъ. Не былъ ли въ этомъ году Бутурлинъ спеціально занятъ работами особо учрежденной коммисіи, которой онъ состоялъ членомъ, занимавшейся, подъ непосредственнымъ руководствомъ самого государя, составленіемъ генеральной табели «о непремѣнномъ числѣ генералитету и всѣхъ вообще полковъ, о потребномъ для ихъ содержанія провіантѣ, раціонахъ и аммуниціи», т. е.. составленіемъ штатовъ для войскъ, правильная организація которыхъ являлась очевидною необходимостью именно тогда, когда имѣлась въ виду рѣшительная борьба съ грозной коалиціей, — а потому и не могъ отлучиться изъ Петербурга, какъ и самъ государь. Къ сожалѣнію, имѣющіяся въ нашихъ рукахъ письма Бутурлина кончаются 1719 годомъ и мы не можемъ посредствомъ ихъ съ точностью опредѣлить мѣсто нахожденія Бутурлина во время этой кампаніи, хотя самый перерывъ писемъ на 1719 году нѣкоторымъ образомъ показываетъ, что въ слѣдующемъ онъ жилъ въ Петербургѣ, съ семействомъ. Впрочемъ, мы знаемъ, что и послѣ гренгамской битвы Бутурлинъ продолжалъ командовать Преображенскимъ полкомъ и завѣдывать Семеновскимъ. Такъ, занимаясь постройкою галеръ въ Петербургѣ, въ маѣ 1721 года, онъ вдругъ получилъ указъ царя—быть со ввѣренными ему полками въ готовности къ выходу въ море, но вскорѣ заключеніе Нейштадтскаго мира съ Швеціей, 22-го октября 1721 года, положило предѣлъ изнурительной Сѣверной войнѣ, а съ тѣмъ и всякимъ военнымъ тревогамъ, давъ мѣсто мирнымъ торжествамъ и покою. Въ день празднованія названнаго мира въ Петербургѣ, при чемъ Петръ принялъ титулъ императора, государь, лично, въ сенатѣ, объявилъ щедрыя награды главнѣйшимъ сподвижникамъ своимъ въ этой многолѣтней, столь счастливо для Россіи оконченной борьбѣ, при чемъ Бутурлинъ былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и, вмѣстѣ съ другими генералами, получилъ золотую, нарочно по случаю этого торжества выбитую, медаль. Затѣмъ, когда Петръ пожелалъ, чтобы и

первопрестольная столица его сдѣлалась соучастницею въ торжествѣ давно желаннаго мира, а для того имѣлъ парадное вступленіе въ Москву, то Бутурлинъ шелъ въ строю, непосредственно за государемъ, рядомъ съ княземъ Меншиковымъ, другимъ подполковникомъ Преображенскаго полка, при чемъ за ними, впереди полка, несли 16 знаменъ.

Бутурлинъ, всю свою службу находясь при Петрѣ, командуя любимѣйшими его полками, пользуясь постояннымъ его расположеніемъ, довѣренностью и уваженіемъ [1]), могъ ли не быть привязаннымъ всею душою къ этому великому государю и съ тѣмъ вмѣстѣ могъ ли не

---

[1]) Что Бутурлинъ пользовался особеннымъ уваженіемъ Петра, доказывается, между прочимъ, слѣдующимъ разсказомъ о смѣлости, съ какою Бутурлинъ обращался съ Петромъ—разсказомъ, записаннымъ Голиковымъ (Idem. Анекдоты № 78, стр. 177 и далѣе) со словъ адмирала Нагаева и коммисара Крекшина.

По возвращеніи государя въ Москву изъ путешествія, дошли до него жалобы на взятки судей. Когда государь сталъ выражать свой крайній гнѣвъ на эти безчинства, Бутурлинъ сказалъ ему:

— «Пока ты самъ не перестанешь брать взятокъ, не отучишь отъ нихъ и своихъ подданныхъ. Твой примѣръ дѣйствуетъ на ихъ сердца сильнѣе всякаго указа».

Государь еще болѣе прогнѣвался на такое дерзкое замѣчаніе и воскликнулъ:

— «Какъ ты осмѣлился сплесть на меня такую ложь!»

— «Не ложь,—перебилъ его Бутурлинъ,—а сущую правду». И тутъ же объяснилъ. Въ проѣздъ государя черезъ Тверь, Бутурлинъ квартировалъ у тамошняго купца, бывшаго въ отлучкѣ,—въ домѣ оставались только жена его съ дѣтьми. Въ этотъ день хозяйка праздновала свои имянины и потому давала обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ гостей, былъ приглашенъ и Бутурлинъ. Но лишь сѣли за столъ, пришелъ изъ магистрата городовой староста и потребовалъ, чтобы хозяйка тотчасъ же представила 100 рублей, для поднесенія государю цѣннаго подарка, для собранія денегъ на пріобрѣтеніе котораго была сдѣлана магистратомъ между горожанами разверстка. У хозяйки не было денегъ, а староста и слушать не хотѣлъ объ отсрочкѣ взноса, объявивъ, что ему безъ денегъ не велѣно уходить, и грозя въ случаѣ невзноса денегъ тотчасъ же немедленно арестовать хозяйку. Ни просьбы, ни слезы, ни предложеніе внесть немедленно меньшую сумму, въ счетъ назначенной, не имѣли успѣха; староста былъ непреклоненъ, а купчихѣ негдѣ было взять денегъ, такъ какъ всѣ ея гости поспѣшили убраться по домамъ. Нечего было дѣлать, Бутурлинъ сжалился надъ бѣдной женщиной и внесъ за нее требуемую сумму. «Вотъ,— заключилъ Бутурлинъ,—каковы добровольные-то, какъ увѣряютъ, подарки тебѣ! А ты, чаю, принимая ихъ, не представляешь таковыхъ печальныхъ слѣдствій? Такъ разсуди же: можно ли требовать отъ подданныхъ, чтобы они не брали взятокъ, когда они видятъ какъ самъ ихъ государь беретъ оныя»!

Петръ, поблагодаривъ Бутурлина за разсказъ, при первомъ же случаѣ не принялъ поднесеннаго ему городомъ подарка и повелѣлъ возвратить другимъ городамъ цѣнные подарки, ему доселѣ поднесенные, воспретивъ дѣлать впредь таковыя поднесенія.

быть преданъ той, которую такъ долго и искренно любилъ этотъ государь,—императрицѣ Екатеринѣ? Что Бутурлинъ былъ къ Екатеринѣ ближе другихъ царедворцевъ—доказательствомъ, что онъ, а не кто другой, былъ оставленъ при ней Петромъ во время ея болѣзни, въ Везелѣ. Эта преданность Бутурлина Петру и супругѣ его сказалась въ день смерти Петра Великаго.

Извѣстно, что восшествію на престолъ Екатерины I болѣе всего способствовало то, что гвардейскіе полки стали на ея сторону въ минуту приближавшейся кончины государя, когда между сенаторами и вельможами шелъ споръ: кого провозгласить государемъ Россіи, на мѣсто умиравшаго Петра?—а командиромъ гвардейскихъ полковъ былъ Бутурлинъ.

Изъ исторіи дня кончины Петра Великаго мы знаемъ, что въ самый рѣшительный моментъ борьбы партій, выразившейся въ спорахъ вельможъ у комнаты умирающаго государя: кѣмъ замѣнить его?—раздался громъ барабановъ, подъ окнами Зимняго дворца, приближавшихся къ нему двухъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго. Эти неожиданные звуки потрясли спорящихъ и президентъ военной коллегіи, князь Репнинъ, воскликнулъ:

— «Кто осмѣлился привесть сюда солдатъ безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?»

— «Я,—отвѣчалъ ему Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ,—я велѣлъ придти имъ сюда, по волѣ императрицы, которой долженъ повиноваться каждый подданный, не исключая и тебя!»

Извѣстно, что это категорическое заявленіе Бутурлина, подкрѣпленное такою силою, какъ стоявшіе за нимъ, ему подначальные, полки, рѣшило дѣло 28-го января 1725 года, и Екатерина тутъ же была провозглашена императрицей и самодержицей Всероссійскою.

Такая услуга Бутурлина не могла быть забыта Екатериною. Но на долго ли? Въ началѣ новаго царствованія мы видимъ Бутурлина въ чести: при погребеніи императора Петра онъ несетъ за гробомъ корону имперіи всероссійской; по случаю бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ, 21-го мая 1725 года, Бутурлинъ награжденъ орденомъ Андрея Первозваннаго и, 30-го августа того же года—вновь учрежденнымъ въ тотъ день, орденомъ Александра Невскаго. Но затѣмъ, въ новоучрежденный, въ началѣ 1726 года, верховный тайный совѣтъ, составленный изъ шести сановниковъ, Бутурлинъ назначенъ не былъ. Вѣроятно, не дано этого важнаго назначенія Бутурлину,—имѣвшему нѣкоторое право на таковое, независимо отъ личныхъ заслугъ государынѣ, какъ одинъ изъ старѣйшихъ въ то время генераловъ,—

вслѣдствіе его недружелюбныхъ отношеній къ князю Меншикову, который съ первыхъ моментовъ царствованія Екатерины сталъ во главѣ правленія, или же не дано—потому, что онъ былъ уже старъ и недуженъ, и вообще болѣе годился къ военному, чѣмъ къ гражданскому дѣлу, которымъ онъ дѣйствительно, надо полагать, занимался не съ большою любовью, если вѣрить, напримѣръ, указанію подметнаго письма 1724 года [1]), въ которомъ обвиняютъ Бутурлина въ томъ, что онъ, состоя членомъ Вышняго суда [2]), только тогда пріѣзжалъ въ засѣданіе, когда его позовутъ, и тамъ подписывалъ все, что ему подадутъ.

Впрочемъ, Бутурлину не долго уже было суждено пользоваться своимъ блистательнымъ положеніемъ при дворѣ. Во всемогущемъ тогда Меншиковѣ онъ имѣлъ, у престола, человѣка, непрощающаго и не забывающаго зла, ему сдѣланнаго,—вольнаго или невольнаго. Едва Меншиковъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи, какъ Бутурлинъ потерялъ свое мѣсто командира гвардейскихъ полковъ [3]).

Естественно, что враждебныя отношенія всемогущаго временщика побудили Бутурлина примкнуть къ партіи его враговъ: къ Петру Андреевичу Толстому, Девьеру и другимъ, ратовавшимъ противъ назначенія великаго князя Петра Алексѣевича наслѣдникомъ престола и противъ его супружества съ дочерью Меншикова. Быть можетъ также, что нежеланіе видѣть на престолѣ Петра Алексѣевича вызывалось у Бутурлина опасеніемъ, что онъ найдетъ въ этомъ государѣ мстителя за участіе въ осужденіи его погибшаго отца. Но какъ бы то ни было, а названная партія рѣшилась сдѣлать представленіе государынѣ о неудобствѣ предпринятаго ею намѣренія и хотѣла просить о назначеніи наслѣдницей престола одной изъ дочерей государыни, Анны Петровны или Елисаветы Петровны. Однако, пока мысль партіи Толстаго и Девьера успѣла осуществиться, Екатерина, 10-го апрѣля 1727 года, впала въ болѣзнь и 6-го мая скончалась.

Вскорѣ послѣ начала болѣзни государыни, Меншиковъ объявилъ, отъ имени императрицы, указъ, которымъ наряжалось слѣдствіе надъ генералъ-лейтенантомъ Девьеромъ, обвинявшемся въ не-

---

[1]) Соловьевъ, «Ист. Россіи съ древ. вр.», т. XVIII, стр. 356.

[2]) Судъ подъ этимъ наименованіемъ учрежденъ Петромъ въ 1723 году, по дѣлу Шафирова съ Скорняковымъ-Писаревымъ.

[3]) Утрата этой должности была очень прискорбна Бутурлину и вооружила его противъ Меншикова. Бутурлинъ, негодуя на Меншикова, говорилъ: «Онъ что хочетъ—то и дѣлаетъ, и меня, мужика стараго, обидѣлъ, команду отдалъ мимо меня младшему, къ тому-жъ и адъютанта отнялъ, и откуда онъ такую власть взялъ?» Соловьевъ. Idem, т. XIX, стр. 89.

приличномъ, 16-го апрѣля, поведеніи, во время тяжкой болѣзни государыни, во дворцѣ, и въ «великомъ возмущеніи», какъ выразилась, будто бы, сама императрица.

Подвергнутый пыткѣ, Девьеръ, послѣ 25-ти ударовъ, оговорилъ въ соучастіи съ собою: П. А. Толстаго, Ушакова, Григорія Скорнякова-Писарева, Александра Нарышкина, князя Ивана Алексѣевича Долгорукова и Ивана Ивановича Бутурлина.

Результатомъ слѣдствія было, что 6-го мая того же года, въ день смерти Екатерины, состоялся указъ, по которому Девьеръ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь; прочія выше названныя лица подвергнуты ссылкѣ, лишенію чести или другимъ наказаніямъ, а И. И. Бутурлинъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ свои дальнія деревни.

Въ слѣдующее за симъ царствованіе, не смотря на то, что одинъ изъ товарищей Бутурлина по несчастію, князь Иванъ Долгоруковъ, сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ къ императору Петру II, участь Бутурлина не только не облегчена, но еще отягчилась, вѣроятно, отчасти вслѣдствіе его противодѣйствія вступленію на престолъ Петра II или вслѣдствіе сбывшихся его опасеній относительно воспоминанія о нахожденіи его въ числѣ судей царевича Алексѣя и даже, можетъ быть, вслѣдствіе подозрѣнія, на него взведеннаго, въ прямомъ участіи въ самой смерти несчастнаго царевича.

Но какъ бы то ни было, а въ царствованіе Петра II у Бутурлина отобраны всѣ жалованныя ему Петромъ I деревни и онъ, послѣ того, жилъ, до самой смерти, въ наслѣдственной своей деревнѣ Крутцы, нынѣ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи, не возвративъ къ себѣ милости и императрицы Анны.

Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ умеръ на 77-мъ году жизни, 31-го декабря 1738 г., и погребенъ въ Александровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ города Александровска.

Вотъ все, что мы знаемъ объ Иванѣ Ивановичѣ Бутурлинѣ. Онъ не былъ великимъ человѣкомъ. Онъ не обладалъ ни геніемъ, ни особыми талантами; онъ былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ орудій въ рукахъ Великаго Строителя земли Русской.

Бутурлинъ, всю жизнь свою будучи точнымъ исполнителемъ велѣній Петра, былъ честнымъ человѣкомъ и въ то время, когда любимѣйшіе птенцы государя, какъ Меншиковъ, Шафировъ, даже Апраксинъ, даже Яковъ Долгоруковъ, впадали въ различныя прегрѣшенія и поддавались искушеніямъ—одинъ Бутурлинъ, во все царствованіе Петра, никогда ни въ чемъ не измѣнилъ своему долгу и остался, въ полномъ

значеніи мысли поэта: «усерденъ, неподкупенъ, царю наперсникъ, а не рабъ!»

Вотъ заслуга И. И. Бутурлина, вотъ его право на посвященное ему воспоминаніе объ его посильной многолѣтней служебной дѣятельности, въ великую эпоху Петровскихъ преобразованій.

Послѣ И. И. Бутурлина остались сыновья: Николай, служившій маіоромъ, Аркадій, бывшій камергеромъ при Елисаветѣ Петровнѣ, Сергій [1]) и дочь Анна, въ замужствѣ за Сергѣемъ Автомоновичемъ Головинымъ [2]). Въ настоящее время потомство Ивана Ивановича, по мужской линіи, угасло.

Село Крутцы, въ которомъ скончалъ жизнь свою И. И. Бутурлинъ, досталось бабкѣ Н. В. Потулова, Софьѣ Владиміровнѣ (бывшей замужемъ за генералъ-маіоромъ Потуловымъ), правнукѣ Ивана Ивановича Бутурлина, а послѣ ея смерти, въ 1836 году, по раздѣльному акту между отцомъ Николая Владиміровича съ его сестрами и братьями, перешло къ теткѣ Николая Владиміровича, дѣвицѣ Антонинѣ Михайловнѣ Потуловой; по кончинѣ же ея, досталось брату ея, статскому совѣтнику Николаю Михайловичу Потулову, который кому-то продалъ это село.

Послѣ И. И. Бутурлина матери Н. В. Потулова достались письма Бутурлина къ его женѣ и дочери и фамильная святыня рода Бутурлиныхъ: крестъ съ мощами и образъ Божіей Матери, который хранится въ томъ семействѣ болѣе 500 лѣтъ.

Что образъ этотъ представляетъ собою замѣчательную древность, служитъ доказательствомъ, что за одинъ его ликъ, безъ ризы, старообрядцы давали матери Н. В. Потулова 10,000 р. ассигнаціями. Этотъ образъ въ родѣ Бутурлиныхъ всегда переходилъ къ младшему, вѣроятно, вслѣдствіе стариннаго русскаго обычая: оставлять младшаго сына неотдѣленнымъ—на хозяйствѣ отца.. Такимъ образомъ шла передача этого образа до Владиміра Сергѣевича Бутурлина, у котораго не было сыновей, а потому образъ этотъ перешелъ къ младшей его дочери—Софьѣ Владиміровнѣ, бабкѣ Н. В. Потулова; но въ родѣ Потуловыхъ онъ сталъ переходить къ старшему въ семействѣ. Такъ, имъ былъ благословленъ отецъ Николая Владиміровича,

---

[1]) Долгоруковъ въ «Рос. родословной книгѣ» показалъ у Бутурлина еще сына Юрія, въ родословной Бутурлиныхъ, имѣющейся въ нашихъ рукахъ, неозначеннаго.

[2]) Отецъ котораго отчего-то названъ бездѣтнымъ въ статьѣ Языкова: «Головинъ», Энциклопедическій Лексиконъ, изд. Плюшара.

при помолвкѣ на его матери, и имъ же благословленъ Николай Владиміровичъ, при его женитьбѣ.

Въ с. Крутцахъ находились портреты И. И. Бутурлина и его жены Марфы Тимофѣевны. Неизвѣстно, гдѣ теперь эти портреты, но копіи съ нихъ хранятся у Н. В. Потулова.

П. В. Алабинъ.

10-го ноября 1875 г.—Самара.

От редакціи. Помѣщая вслѣдъ за этой статьею восемьдесятъ шесть писемъ Ивана Ивановича Бутурлина, весьма обязательно сообщенныхъ—въ копіи, тщательно снятой съ подлинниковъ,—П. В. Алабинымъ, долгомъ считаемъ замѣтить, что всѣ примѣчанія къ этимъ документамъ принадлежатъ также Петру Владиміровичу Алабину. Ред.

Письма генералъ-аншефа И. И. Бутурлина

1711 г.

От Самары (1) и отъ Ново-Богородскаго (2). 9-го дня іюня 1711 году.

Аннушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью; буди на тебѣ мое благословеніе. Письмо твое братъ твой мнѣ подалъ. Не печалься, дружокъ,—увидишься со мною, а я ѣду къ Каменному Затону (3) и скоро стану видѣться съ непріятелемъ, съ Крымскою ордою, и надобно мнѣ съ ними танецъ справить (4). Только ты надѣйся: со мною увидишься. Писала ты ко мнѣ, чтобы ты пѣша ко мнѣ пошла—истинно тому вѣрю. Отецъ твой Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ.

1. По Прутскому договору: рѣки Самара и Орель (обѣ впадающія въ Днѣпръ съ лѣвой стороны и до впаденія текущія почти параллельно между собою) были назначены южною границею Россіи съ Турціей.

2. Ново-Богородскъ, на устьѣ р. Самары, такая же крѣпостца, какъ и Каменный Затонъ. Разореніе этого города было также однимъ изъ условій Прутскаго мира.

3. Каменный Затонъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, напротивъ Сѣчи Запорожской, одна изъ новосооруженныхъ Петромъ, на южной нашей границѣ, крѣпостей, которыя, по Прутскому миру съ Турціей, условлено было отдать туркамъ и съ пушками, одновременно съ возвращеніемъ туркамъ Азова.

4. Петръ указалъ генералу Бутурлину, вмѣстѣ съ гетманомъ Скоропадскимъ, слѣдовать, съ восемью полками, къ Каменному Затону и наблюдать за турками и татарами, въ видахъ прикрытія отъ нихъ Малороссіи; въ случаѣ же нападенія съ ихъ стороны, обороняться до крайности. (Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. IV, стр. 220—236). На этотъ разъ до битвы съ турками не дошло.

От Днѣпра и отъ Воронова перебору (1). 24-го дня іюня 1711 году.

Дружокъ мой Анютушка, здравствуй съ матерью на вѣки. Отпустилъ я брата твоего за болѣзнью; а я, слава Богу, ей, здоровъ, хотя бы у матери и у васъ у всѣхъ столько было здоровья. Да слышалъ я, что ты немогла. И ты, дружокъ, вѣдай, что я тебя люблю и жалѣю. А я въ непрестанныхъ суетахъ и трудахъ живу. Писалъ я къ тебѣ много, сего іюня дня 9-го, да проклятые конюхи наши потеряли. Будь здорова и буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ отецъ твой И. И. Б. (2).

1. Перебору, вѣроятно, отъ слова перебираться, т. е. переходу, броду.
2. Для сокращенія, мы впредь будемъ ставить только заглавныя буквы подписи.

Отъ Ново-Богородскаго. 3-го дня августа 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, буди мое благословеніе на тебѣ. Здравствуй, свѣтъ, съ матерью и съ братцами, навѣки; а я, слава Богу, живъ и, ей, здоровъ; истину пишу, только съ великой суеты худъ и большую половину съ сердца. Только, слава Богу, кажется, все у меня исправно и солдаты голоду не терпятъ, хотя въ неволю хлѣбъ берутъ, и для тово съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ (1) въ ссорѣ, только на то не смотрю.

Ожидай меня, дружокъ, въ сентябрѣ, для тово, что государь съ турскимъ салтаномъ изволилъ помириться вѣчнымъ миромъ. При семъ будь здорова со мною и съ матерью. Отецъ твой Иванъ Ивановичъ.

А. Бабинъ (2) ни къ чему не годенъ: пьяница и дуракъ, и ни въ какой чинъ отнюдь не хочетъ, только жить бы такъ.

1. Ближній стольникъ, первый кіевскій губернаторъ, которому въ команду отданы были всѣ войска, охранявшія южные наши предѣлы отъ татаръ и запорожцевъ.
2. Въ азовскомъ походѣ 1696 года войска были раздѣлены на 29 ротъ, изъ которыхъ 28-ю командовалъ капитанъ Опочининъ и у него въ ротѣ поручикомъ былъ Дмитрій Бабинъ—не про него ли рѣчь?

Отъ Ново-Богородскаго, изъ обозу. Августа дня 14-го 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью. Буди мое благословеніе на тебѣ. А о мнѣ вѣдай, что я, милостію Божіею, здоровъ. Подано мнѣ отъ тебя письмо прошедшаго іюля дня 7-го, да сего августа дня 3-го—два письма. Спасибо, что не лѣнишься, пишешь. Да писала мнѣ, что ты съ женихомъ своимъ, съ молодымъ Андреемъ (1), предъ тѣмъ пила медъ про мое здоровье, и то добро, только, пожалуй, свадьбою умедли до моего пріѣзда и жениху о томъ скажи, а я надѣюсь, дружокъ, быть къ вамъ въ сентябрѣ.

По семъ будь здорова, а я писалъ къ государю и послалъ порутчика и надѣюсь скоро къ себѣ отповѣди: гдѣ мнѣ быть? Писалъ я къ матери объ Елагинѣ Навадарацкомъ (2), и ты ни съ кѣмъ не говори и братьямъ закажи. Писалъ я, отецъ твой И. И. Б.

Съ боку приписка, тою же рукою: «Здравствуй, Анютушка, въ день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы».

1. Супружество съ этимъ женихомъ, какъ видно, не состоялось, такъ какъ Анна Ивановна Бутурлина была замужемъ за Сергѣемъ Автомоновичемъ Головинымъ.

2. Не Новгородскомъ ли? и не тотъ ли это морской офицеръ Елагинъ, что былъ преданъ царемъ военному суду за грабежъ?

От Ново-Богородскаго, изъ обозу. Августа 16-го дня 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй съ матерью на многія лѣта.

А о мнѣ вѣдай, что я еще живъ и, Божіею милостію, здоровъ,—ей, то правда.

Ежечасно жду отъ государя указу: гдѣ мнѣ велитъ быть? а больше надѣюсь, что, полки поставя по зимнимъ становищамъ, мнѣ велитъ ѣхать къ Москвѣ.

Буди мое благословеніе къ тебѣ. Отецъ твой И. И. Б.

Отъ Ново-Богородскаго. Сентября 8-го дня 1711 года.

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй, съ матерью, о Христѣ, на многія лѣта. А я, милостію Божіею, еще живъ. Я былъ боленъ десять дней, а нынче, слава Богу, здоровъ. Чаю, на сей недѣлѣ перейду къ новымъ Санъ-Жарамъ (?), къ рѣкѣ Ворсклѣ. И вы ожидайте отъ меня вскорѣ указу: либо къ вамъ буду или къ себѣ возьму васъ. Отецъ твой И. И. Б.

Изъ Ново-Богородскаго. Сентября 23-го дня 1711 года.

Анютушка дружокъ, здравствуй съ матерью на многія лѣта, о Христѣ. А я еще живъ и, слава Богу, здоровъ. Концѣ сего мѣсяца я пойду къ новымъ Санъ-Жарамъ, къ рѣкѣ Ворсклѣ, и къ вамъ пришлю нарочнаго человѣка, съ вѣдомостью. Буди мое благословеніе на тебѣ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ, тою же рукою, адресъ въ три строки: «Женѣ моей Марѳѣ Тимоѳѣевнѣ Бутурлиной (1) на Москвѣ».

1. Рожденная Савелова.

Изъ Гадяча. Ноября 21-го дня 1711 года

Анютушка, дружокъ мой, здравствуй. Буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова въ сей день Введенія Пресвятыя Богородицы,—со мною, и съ матерью, и съ братцами. Да поклонися отъ меня теткѣ своей, а моей невѣсткѣ, государынѣ моей Акулинѣ Петровнѣ (1). Писалъ отецъ твой И. И. Б.

1. Жена Димитрія Ивановича Бутурлина, двоюроднаго брата Ивана Ивановича.

1713 г.

Отъ Гельзингфорса, изъ обозу. Августа въ 12-й день 1713 года.

Анна (Анънъна), будь здорова съ матерью и съ братцами навѣки. А я, Божіею милостію, здоровъ. Подано мнѣ твое письмо сего мѣсяца въ 9-й день, которое писано іюля въ 6-й день.

И впредь ко мнѣ пиши про материно здоровье и про свое. А я надѣюсь съ вами видѣться, сего года, въ декабрѣ. Буди мое благословеніе на тебѣ. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

А что къ вамъ въ семъ мѣсяцѣ не писалъ: былъ въ походѣ и не дошелъ до Або девяти миль, а походу было 12 миль и полъ. Только непріятель, не давъ бою, бѣжалъ (1).

На оборотѣ, тѣмъ же почеркомъ, въ четыре строки: «Отдать ихъ милости, на дворѣ Ивана Бутурлина».

Другимъ почеркомъ: «Подана сентября въ 1-й день, отъ Ивана Алексѣевича Мусина» (2).

1. Не успѣвъ склонить ни курфистра ганноверскаго, ни короля прусскаго къ немедленному дѣйствію противъ шведовъ, Петръ вознамѣрился нанести имъ рѣшительный ударъ со стороны Финляндіи, и для того самъ пошелъ съ флотомъ и высадилъ, въ началѣ мая, у Гельсингфорса свои войска, которымъ безъ боя сдался главный городъ Финляндіи—Або.

2. Графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ, дѣйств. тайный совѣтникъ, одинъ изъ тѣхъ 23-хъ бояръ, что были при Петрѣ Великомъ послѣдними носившими это званіе.

1714 г.

Изъ двора Люстель (?) полковника и Невсклюидъ (?). 1714 года января въ 19-й день.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ нынѣ и впредь. Будь здорова съ матерью и съ братцами. Два письма твои мнѣ поданы, которыя писаны прошлаго ноября въ 7-е и 19-е числа. Спасибо тебѣ, что ты ко мнѣ умно и чинно пишешь, какъ достоитъ къ отцу писать. Для чего ты, сучка, ко мнѣ о материной болѣзни не отписала? Молись Богу, чтобы я скорѣе васъ уви-

дѣлъ: напытаешь ты у меня дѣла. Доложась матери, поищи письма Гаврила Головкина (1), которое онъ ко мнѣ писалъ, указомъ государевымъ, что мнѣ быть на Украйнѣ съ полками. А ты мнѣ сказывала прошлаго году у Ругодева (2).

(Приписка между строкъ: что ты его—не знаю гдѣ—видѣла).

И буде сыщешь, отдай матери, чтобы его прислала ко мнѣ.

Буди въ сохраненіи Божіемъ и въ моемъ благословеніи. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ, другимъ почеркомъ: «1714 г. февраля въ 3-й день подано отъ Мусина».

1. Гаврила Ивановичъ Головкинъ—первый графъ Россійской имперіи, государственный канцлеръ Петра Великаго, сопровождавшій его во всѣхъ походахъ и заграничныхъ путешествіяхъ.

2. Городъ Нарва.

Изъ Дво. Люстель полковника Инскюрдъ. 1714 января въ 27-й день.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью и съ братьями. Сего числа пошли мы къ Вазѣ-городку и князь Михаилъ (1), и я, и генералъ-маіоръ Чернышевъ (2), а идти намъ въ даль земли 28 миль. А Брюсъ, генералъ-порутчикъ (3), пошелъ въ Або.

Отпиши ко мнѣ живы-ль Алинины дѣти и каковы велики?

Да будетъ нашла ты Гаврила Головкина письмо—пришли ко мнѣ (4).

Буди мое благословеніе на тебѣ ныне и впредь. Отецъ твой И. И.

Приписка, другимъ почеркомъ: «Подана отъ Ивана Алексѣевича февраля въ 11-й день».

1. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ. Въ это время командовалъ нашими войсками въ Финляндіи.

2. Григорій Петровичъ, въ послѣдствіи графъ и генералъ-аншефъ.

3. Яковъ Виллимовичъ, въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ.

4. По видимому, Бутурлина очень интересуетъ письмо Гаврила Головкина, упоминаемое въ предыдущемъ письмѣ. Не вышло ли какого недоразумѣнія, по возвращеніи Бутурлина изъ плѣна, при чемъ онъ явился въ южную армію, когда онъ назначался къ полкамъ, стоявшимъ на сѣверѣ. Бутурлинъ выражаетъ въ письмѣ отъ 27-го марта 1714 г., изъ Або, радость при отысканіи этого письма.

Изъ Ѳинской деревни Венкиляпуль, изъ Попова двора.
Гексюсъ 1714 г. февраля въ 20-й день

Аннушка, будь здорова о Христѣ и въ моемъ благословеніи, съ матерью и съ братьями. А я, Божіею милостію, еще живъ. Вчерашняго числа у Ѳинской деревни Напоявкуля (1) съ шведами былъ бой до города Вазы, за сорокъ пять верстъ русскихъ. И, милостію Божіею, у нихъ многихъ побили и въ полонъ побрали, а достальныхъ обратили въ бѣгство (2). Пиши ко мнѣ,

будетъ есть съ кѣмъ отсылать письма, чаще, а коли не съ кѣмъ—быть такъ. По семъ буди мое благословеніе на тебѣ. Отецъ твой И. И.

Ниже приписка, другимъ почеркомъ: «1714 года въ 23-й день. Подано отъ Мусина».

1. Мѣсто этой битвы Голиковъ называетъ д. Лапола («Дѣянія Петра Вел.», т. V, стр. 218), близь гор. Вазы. Князь Голицынъ разбилъ, при этой деревнѣ, 19-го февраля, шведскаго генерала Армфельда.

2. По реляціи 3-го марта объ этой побѣдѣ: изъ 8,000 бывшихъ въ бою шведовъ убито 5,153 человѣка и взято въ плѣнъ 534 челов., въ томъ числѣ 24 штабъ и оберъ-офицеровъ, гаубица, 7 пушекъ и 20 знаменъ и штандартовъ.

Изъ Або. Марта 27-го дня 1714 года.

Аннушка, буди мое благословеніе на тебѣ. Будь здорова съ матерью и братцами. Повторяю тебѣ отъ меня спасибо, что ты сыскала и прислала Гаврила Головкина письмо. Въ навечеріе будь здорова съ свѣтлымъ и живоносныиъ Христовымъ воскресеніемъ, съ матерью, съ братцами и со мною. А я въ великой моей скукѣ и хотя не въ великихъ суетахъ живу. Какъ Богъ изволитъ впредь. По семъ буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Писалъ отецъ твой И. И.

Внизу приписка, другою рукою: «1714 году апрѣля въ 24-й день подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 года апрѣля въ 1-й день.

[На лоскуткѣ бумаги]. Аннушка, будь здорова съ матерью и съ братьями. Буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. Утѣшай мать и сама не печалься. Пишите ко мнѣ, чтобъ я про васъ вѣдалъ изъ писемъ вашихъ. По семъ, миленькая, будь здорова. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

На оборотѣ помѣтка, другимъ почеркомъ: «1714 года апрѣля въ 24-й день. Подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 года апрѣля въ 15-й день.

Аннушка, будь здорова и благословеніе мое на тебѣ буди. Отпиши ко мнѣ для чего ты ко мнѣ не писала, а я чаю, что ты больна. Утѣшай мать и сама не печалься. Будетъ живъ буду, надѣюся конечно видѣть васъ сего года сентября въ послѣднемъ числѣ. А по старому счисленію 7223 году. Стану проситься прилежно.

При семъ Божія милость буди съ тобою и мое благословеніе. Отецъ твой И. И.

Внизу другимъ почеркомъ: «1714 году мая въ 3-й день подана отъ Мусина».

Изъ Або. 1714 апрѣля въ 21-й день.

Аннушка сердитая, будь здорова и будь на тебѣ милость Божія и мое благословеніе вовѣки. Спасибо, что писала ко мнѣ, которое письмо подано мнѣ сего апрѣля въ 19-й день, а писано марта въ 27-й день. А что ты писала черезъ великую мочь отъ печали своей и тому я причина, что писалъ къ матери о твоемъ замужествѣ. Ты же писала, что будто мнѣ негодна: вѣрь мнѣ, что, ей, годна. А мнѣ таково весело, что въ кое время чють ли не радъ ли смерти. По семъ, миленькая, здравствуй съ матерью и съ братомъ. Писалъ я, отецъ твой, И. И.

И сего числа годъ какъ съ вами разстался.

Внизу другимъ почеркомъ: «1714 года мая въ 10-й день подалъ человѣкъ Петра Тимофѣевича Савелова (1) Путиловъ».

1. Этотъ Савеловъ—вѣроятно, братъ жены Бутурлина—былъ адъютантомъ фельдмаршала Шереметева во время нашествія Карла XII на Россію, гдѣ отличался при с. Роздишевкѣ, въ 1709 году, а уже подъ приговоромъ царевича Алексѣя подписался полковникомъ; въ послѣднее время онъ былъ бригадиромъ и служилъ въ дворцовомъ приказѣ.

1714 г. мая въ 20-й день.

Аннушка, будь здорова, съ матерью; буди мое благословеніе на тебѣ. О мнѣ, миленькая, вѣдай, что я еще живъ, Божіею милостію. Писемъ отъ васъ ко мнѣ давно нѣтъ, послѣднее подано мнѣ, которое писано марта въ 27-й день и противъ того я отписалъ апрѣля въ 21-й день. А я въ здоровьѣ моемъ худъ сталъ и что далѣ—то хуже. Какъ государь къ намъ пріѣдетъ, чаю, поплывемъ судами подъ городъ ѳинской или шведскій. При семъ, миленькая, буди на тебѣ милость всѣхъ Творца Бога и мое благословеніе. Отецъ твой И. И.

Писалъ въ день съ великимъ трудомъ: рябитъ въ глазахъ и застилаетъ. Можно тебѣ по письму знать: такъ ли я прежде сего писывалъ?

На оборотѣ помѣта, другою рукою: «1714 году іюня въ 26-й день подано отъ Голицына».

Изъ Або. 1714 г. іюня въ 12-й день.

Аннушка миленькая, будь здорова, съ матерью и съ братомъ, и буди на тебѣ милость Божія и мое благословеніе. А я, Божіею милостію, еще живъ. О житьѣ я своемъ писать не знаю какъ; увѣдавъ—писать въ іюлѣ стану. При семъ паки буди милость Божія на тебѣ. Отецъ твой И. И.

На оборотѣ другимъ, почеркомъ: «1714 года іюля въ 10 й день принято отъ Голицына».

Сообщ. П. В. Алабинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1761 ГОДУ.

Переводъ съ французской рукописи Лаферміера, хранящейся въ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича въ городѣ Павловскѣ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 года, томъ XXI, стр. 325—346, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича, напечатанъ довольно важный памятникъ по отношенію къ исторіи первой половины XVIII-го вѣка, именно: примѣчанія одного лица—какъ есть основаніе полагать, исторіографа Герарда Миллера—на письма леди Рондо о Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны, переводъ нѣмецкой рукописи, принадлежащей Павловской дворцовой библіотекѣ Его Высочества. Въ той же библіотекѣ находится, между многими другими историческими матеріалами, замѣтки на французскомъ языкѣ о Русскомъ дворѣ и русской политикѣ въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Намъ неизвѣстно, кому принадлежатъ эти замѣтки, но писаны онѣ рукою Лаферміера, бывшаго въ послѣдствіи, въ 1770—1780-хъ годахъ, секретаремъ великаго князя Павла Петровича, и хотя онѣ передаютъ событія и характеристики, уже извѣстныя изъ многихъ нынѣ обнародованныхъ документовъ, какъ-то изъ депешъ иностранныхъ при Русскомъ дворѣ пословъ, изъ отдѣльныхъ монографій, мемуаровъ и цѣлыхъ историческихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе, какъ замѣтки очевидца-современника, не могутъ не быть интересны, и должны быть сохранены на страницахъ историческаго изданія, посвященнаго изученію преимущественно новѣйшей отечественной исторіи. Въ этихъ видахъ, замѣтки о Русскомъ дворѣ 1761 года, съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича,

помѣщаются нынѣ въ «Русской Старинѣ». Читатели нашего изданія припомнятъ при этомъ случаѣ, что дворцовая библіотека въ г. Павловскѣ сохранила такимъ образомъ довольно много вполнѣ драгоцѣнныхъ памятниковъ для отечественной исторіи XVIII вѣка, которые послѣдовательно и явились въ «Русской Старинѣ»—изъ нихъ особенно замѣчательны Записки Манштейна (при «Русской Старинѣ» изд. 1875 г.). Ред.

I.

Императрица Елисавета Петровна.

Девятнадцатилѣтнее царствованіе этой государыни [1]) дало всей Европѣ возможность ознакомиться съ ея характеромъ. Въ ней привыкли видѣть государыню, исполненную доброты и гуманности, великодушную, либеральную и щедрую, но легкомысленную, безпечную, питающую отвращеніе къ дѣламъ, любящую сверхъ всего удовольствія и развлеченія, вѣрную скорѣй своимъ вкусамъ и привычкамъ, чѣмъ страстямъ и дружбѣ, до крайности довѣрчивую и всегда находящуюся подъ чьимъ нибудь вліяніемъ.

Все это и теперь еще вѣрно до нѣкоторой степени, но года и разстроенное здоровье, произведя постепенныя измѣненія въ ея организмѣ, отразились также и на ея нравственномъ состояніи. Такъ, напримѣръ, любовь къ удовольствіямъ и шумнымъ празднествамъ уступила въ ней мѣсто расположенію къ тишинѣ и даже уединенію, но не къ труду. Къ этому послѣднему императрица Елисавета Петровна чувствуетъ большее нежели когда либо отвращеніе. Для нея ненавистно всякое напоминаніе о дѣлахъ, и приближеннымъ нерѣдко случается выжидать по полугоду удобной минуты, чтобы склонить ее подписать указъ или письмо.

Въ теченіе настоящей длинной зимы (1760—1761 гг.), императрица всего только разъ показывалась въ публикѣ (въ праздникъ св. Андрея), а съ тѣхъ поръ по самую Пасху (греческаго стиля и по 15-е апрѣля нашего) она не выходила изъ своихъ покоевъ, куда запиралась совершенно одна въ частыхъ припадкахъ меланхоліи или гдѣ забавлялась съ дѣтьми и маленькими калмыцкими дѣ-

---

[1]) Писано въ маѣ мѣсяцѣ 1761 года.

вочками [1]). Принимая же у себя общество, она выносила присутствіе только самаго ограниченнаго числа придворныхъ [2]).

Кромѣ истерическихъ припадковъ, симптомовъ потери (крови), совершающейся у нея постепенно, и другой мѣстной болѣзни, императрица Елисавета въ теченіе всей настоящей зимы страдала еще отъ раны на ногѣ, но ни за что не хотѣла ни лечиться, ни слѣдовать какому бы то ни было режиму. Она ни съ кѣмъ не желаетъ совѣтоваться, кромѣ одного лекаря по имени Фуасавье (?), но онъ не иное что какъ цирюльникъ и ниже всякой посредственности.

Въ этомъ состояніи она еще сохраняетъ страсть къ нарядамъ и съ каждымъ днемъ становится въ отношеніи ихъ все требовательнѣе и прихотливѣе. Никогда женщина не примирялась труднѣе съ потерей молодости и красоты. Нерѣдко, потративъ много времени на туалетъ, она начинаетъ сердиться на зеркало, приказываетъ снова снять съ себя головной и другіе уборы, отмѣняетъ предстоявшее театральное зрѣлище или ужинъ, и запирается у себя, гдѣ отказывается кого бы то ни было видѣть.

Въ общество она является не иначе какъ въ придворномъ костюмѣ изъ рѣдкой и дорогой ткани самаго нѣжнаго цвѣта, иногда бѣлой съ серебромъ. Голова ея всегда обременена брилліантами, а волосы обыкновенно зачесаны назадъ и собраны на верху, гдѣ связаны розовой лентой съ длинными развѣвающимися концами. Она, вѣроятно, придаетъ этому головному убору значеніе діадемы, потому что присвоиваетъ себѣ исключительное право его носить. Ни одна другая женщина въ имперіи не смѣетъ причесываться такъ, какъ она.

---

[1]) Различныя черты этого характера и другихъ, съ какими намъ придется имѣть дѣло, заставляютъ насъ прибѣгать къ подробностямъ, которыя на первый взглядъ могутъ показаться мелочными. Примѣч. автора.

[2]) Ее успѣшно развлекаетъ и забавляетъ одинъ теноръ изъ ея хора, буффонъ и мимикъ, по имени Компани. Онъ имѣетъ свободный къ ней доступъ и даже допускается къ ея столу во время маленькихъ, интимныхъ ужиновъ, что даетъ ему извѣстнаго рода положеніе. Графъ Эстергази часто съ нимъ видѣлся и приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Личность эта дѣйствительно забавна, вовсе не глупа и была ему не безполезна. Примѣч. автора.

Удовольствія стола наполняли прежде значительную часть ея времени. Съ цѣлью внести въ нихъ по возможности болѣе свободы и безцеремонности, она часто заставляла давать себѣ ужины придворныхъ и посланниковъ, къ которымъ нерѣдко даже являлась неожиданно. Ужины эти, всегда продолжительные и веселые, обыкновенно оканчивались импровизированнымъ баломъ. Теперь обо всемъ этомъ нѣтъ болѣе и рѣчи. Императрица, правда, никогда не обѣдаетъ одна, но весьма рѣдко не у себя дома. Ужины ея становятся все короче и скучнѣе. Она за ними ничего не пьетъ, кромѣ воды или, вѣрнѣе, квасу [1]) и венгерскаго вина, но внѣ стола сильно возбуждаетъ въ себѣ кровь сластями и ликерами.

Особенно печально проводитъ государыня Великій постъ. Она не терпитъ рыбы, но не смѣетъ ѣсть не только мяса, но и яицъ, масла и молока: все это одинаково воспрещается суровыми правилами этого поста. Благочестіе послѣдователей греческаго вѣроисповѣданія главнымъ образомъ заключается въ строгомъ держаніи постовъ, и императрица Елисавета, которая съ каждымъ днемъ становится все набожнѣе, предпочитаетъ (скорѣе) разстраивать себѣ здоровье, чѣмъ подавать подданнымъ примѣръ нарушенія поста. Примѣру же своего воздержанія она требуетъ, чтобы всѣ слѣдовали. Никто при ея дворѣ, ни первый министръ, ни даже самый фаворитъ, не осмѣливаются нарушать постъ иначе, какъ самымъ секретнымъ образомъ.

Но, ни эта крайняя точность въ исполненіи обрядовъ, ни суевѣрное (??) поклоненіе святымъ и иконамъ, ни страсть къ построенію церквей и монастырей [2]), что все составляетъ отличительныя черты греческой набожности,—нисколько не препят-

---

[1]) Квасъ—это приведенное въ броженіе тѣсто, разведенное водой, что составляетъ весьма прохладительный напитокъ. Примѣч. автора.

[2]) Императрица воздвигла много громадныхъ зданій въ этомъ родѣ. Въ бытность мою въ Петербургѣ, она вспомнила, что св. Іоаннъ Дамаскинъ, одинъ изъ всѣхъ святыхъ греческаго календаря, не имѣетъ въ имперіи церкви, и немедленно ассигновала на постройку ея 100 тысячъ рублей, поручивъ наблюденіе за этимъ дѣломъ графу Чернышеву, единственно по той причинѣ, что онъ носилъ имя вышеупомянутаго святаго. Примѣч. автора.

ствуютъ наслаждаться жизнью. Эти подвиги, напротивъ, какъ бы служатъ противодѣйствіемъ грѣху и содѣйствуютъ тому, чтобы поддерживать душу въ равновѣсіи между добромъ и зломъ. Таково ученіе монаховъ и поповъ, и императрица Елисавета съ нимъ сообразуется . . . .

. . . .

Обстоятельства, столь сильно разстроившія здоровье императрицы Елисаветы Петровны, имѣли также большое вліяніе и на ея нравъ. Сквозь всю ея доброту и гуманность, доведенную до крайности безразсуднымъ (?!). обѣтомъ [1]), въ ней нерѣдко просвѣчиваютъ гордость, высокомѣріе, иногда даже жестокость, но болѣе всего—подозрительность. Въ высшей степени ревнивая къ своему величію и верховной власти, она легко пугается всего, что можетъ ей угрожать уменьшеніемъ или раздѣломъ этой власти. Она не разъ выказывала по этому случаю чрезмѣрную щекотливость [2]). За то императрица Елисавета вполнѣ владѣетъ искусствомъ притворяться. Тайные изгибы ея сердца часто остаются недоступными даже для самыхъ старыхъ и опытныхъ придворныхъ, съ которыми она никогда не бываетъ такъ милостива, какъ въ минуту, когда рѣшаетъ ихъ опалу. Она ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ управлять собой одному какому либо лицу, министру или фавориту, но всегда показываетъ, будто дѣлитъ между ними свои милости и свое мнимое довѣріе.

---

[1]) Обѣтъ этотъ, данный ею въ ночь своего заговора и вступленія на престолъ, заключается въ томъ, что она въ теченіе всего своего царствованія никого не лишитъ жизни. Она до сихъ поръ вѣрно это выполняетъ: 70,000 преступниковъ (?!) заслужившихъ смертную казнь и теперь живутъ на ея иждивеніи; за ними присматриваютъ 20,000 человѣкъ, и хотя они приговорены къ каторжной работѣ, тѣмъ не менѣе, въ теченіи, по крайней мѣрѣ, шести мѣсяцевъ въ году, ничего не дѣлаютъ вслѣдствіе климатическихъ условій страны, гдѣ снѣга часто не позволяютъ работать ни надъ дорогами, ни надъ возведеніемъ укрѣпленій.

Примѣч. автора.

[2]) Она не терпитъ титула великій въ приложеніи къ придворнымъ чинамъ и въ особенности къ званію великаго канцлера, хотя обычаемъ принято такъ называть перваго министра. Однажды Бестужевъ такъ называлъ себя въ ея присутствіи.—«Знайте,—сказала она ему,—что въ моей имперіи только и есть великаго, что я, да великій князь, но и то величіе послѣдняго не болѣе, какъ призракъ».

Примѣч. автора.

Бестужевъ думалъ систематически управлять ею посредствомъ страха, и съ этой цѣлью постоянно возбуждалъ въ ней недовѣріе къ великому князю Петру Өедоровичу—и обратно. Это ему удавалось въ теченіи двѣнадцати лѣтъ. Раскрытіе его хитростей было чуть ли ни единственной причиной паденія этого министра. Съ той поры императрица Елисавета стала еще гораздо сдержаннѣе и щекотливѣе во всемъ, что касается ея вліянія на дѣла. Досада по поводу того, что она въ теченіи столькихъ лѣтъ давала себя обманывать и позволяла собой управлять человѣку, котораго ненавидѣла, и по сю пору отражается на ея приближенныхъ, когда тѣ съ жаромъ ее о чемъ нибудь просятъ или настойчиво побуждаютъ ее принять какую либо мѣру.

Трудно рѣшить, какую изъ иностранныхъ націй она предпочитаетъ прочимъ. По видимому, она исключительно, почти до фанатизма, любитъ одинъ только свой народъ, о которомъ имѣетъ самое высокое мнѣніе, находя его въ связи съ своимъ собственнымъ величіемъ. Въ дѣтствѣ она училась языкамъ нѣмецкому и французскому. Вслѣдствіе ли частыхъ сношеній съ нѣмцами или увлекаясь примѣромъ матери, императрицы Екатерины [1], глубоко преданной этой націи, которую она считала своею собственною, только императрица Елисавета въ ранней молодости тоже ихъ очень любила. Но поддержка, которую нѣмцы оказывали императрицѣ Аннѣ и принцессѣ Мекленбургской (Аннѣ Леопольдовнѣ), а также все, что ей самой пришлось вынести въ періодъ ихъ управленія имперіей, съ теченіемъ времени превратили ея любовь къ нимъ въ ненависть. Если же допустить, что она предпочитаетъ которую нибудь изъ иностранныхъ націй, то это развѣ нашу (т. е. французскую). По крайней мѣрѣ, ей очень нравятся нашъ театръ, наши моды и наши пѣсни.

Въ заключеніе, императрицѣ Елисаветѣ нельзя отказать въ качествахъ сердца, но имъ недостаетъ устойчивости и выдержки.

---

[1]) Она была лифляндка, а всѣ лифляндцы считаютъ себя нѣмцами. Примѣч. автора.

Судьба несчастнаго Лестока и нѣкоторыхъ другихъ служитъ доказательствомъ того, что она умѣла быть неблагодарной—изъ трусости и несправедливой—по слабости; не мудрено, если она еще сдѣлается жестокой—изъ суевѣрія.

Что касается до качествъ ума, то ей тоже нельзя въ нихъ вполнѣ отказать, но своего рода безпечность или умственная лѣность, отъ которой въ ея годы уже не излечиваются, препятствуетъ ей исполнять многія изъ обязанностей, неразлучныхъ съ ея высокимъ саномъ. Изъ великаго искусства управлять народомъ, она усвоила себѣ только два качества: умѣнье держать себя съ достоинствомъ и скрытность.

Впрочемъ, ея съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разстраивающееся здоровье не позволяетъ надѣяться, чтобы она еще долго прожила. Но это тщательно отъ нея скрывается и ею самой—болѣе всѣхъ. Никто никогда не страшился смерти болѣе чѣмъ она. Это слово никогда не произносится въ ея присутствіи. Ей невыносима самая мысль о смерти. Отъ нея усердно удаляютъ все, что можетъ служить напоминаніемъ о концѣ. Въ случаяхъ придворнаго траура, она никуда не показывается, чтобы не надѣвать черняго и не видѣть его. Въ городѣ не бываетъ ни погребальнаго звона, ни похоронныхъ процессій. Слабость эта, простительная ея полу, не находитъ себѣ извиненія въ особѣ, облеченной ея саномъ, такъ какъ заставляетъ ее пренебрегать обязанностью, въ силу которой ей надлежало бы заранѣе сдѣлать необходимыя распоряженія на случай своей смерти. Это можетъ повести къ послѣдствіямъ, которыхъ нельзя ни достаточно предвидѣть, ни достаточно предупредить.

II.

Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ.

Великій князь представляетъ поразительный примѣръ силы природы или, вѣрнѣе, первыхъ впечатлѣній дѣтства. Привезенный изъ Германіи тринадцати лѣтъ, немедленно отданный въ руки русскихъ, воспитанный ими въ религіи и въ нравахъ имперіи, онъ и теперь еще остается истымъ нѣмцемъ и никогда не будетъ ничѣмъ другимъ.

Въ немъ, дѣйствительно, есть доля сходства съ его дядей, Карломъ XII, и съ его дѣдомъ, Петромъ Великимъ, но, къ сожалѣнію, сходство это чисто внѣшнее. Онъ подражаетъ обоимъ въ простотѣ своихъ вкусовъ и въ одеждѣ. Видъ у него вполнѣ военнаго человѣка. Онъ постоянно затянутъ въ мундирѣ, такого узкаго и короткаго покроя, который слѣдуетъ прусской модѣ еще въ преувеличенномъ видѣ. Кромѣ того, онъ очень гордится тѣмъ, что легко переноситъ холодъ, жаръ и усталость. Врагъ всякой представительности и утонченности, онъ занимается исключительно смотрами, разводами и обученіемъ воспитанниковъ ввѣреннаго его попеченіямъ Кадетскаго корпуса [1]). Лѣто онъ проводитъ въ Ораніенбаумѣ, въ тѣсномъ кругу оставленныхъ ему нѣмцевъ, которыхъ онъ называетъ своими министрами и генералами [2]). Отъ Петра Великаго онъ главнымъ образомъ наслѣдовалъ страсть къ горячительнымъ напиткамъ и въ высшей степени безразборчивую фамильярность въ обращеніи, за которую ему мало кто благодаренъ. Народъ опасается въ немъ проявленія современемъ непреклонности дяди и жестокости дѣда, но приближенные считаютъ его легкомысленнымъ и непостояннымъ, и тѣмъ успокоиваютъ себя.

Какъ бы то ни было, однако существуютъ факты, доказываю-

---

[1]) Ихъ отъ 1,500 до 1,800. Между ними весьма мало его подданныхъ (?!) и ни одного русскаго. Это смѣсь всевозможныхъ національностей, преимущественно нѣмцевъ, подъ командой иностранныхъ же офицеровъ.

[2]) Одинъ изъ нихъ соединяетъ въ себѣ оба титула и пользуется безграничнымъ довѣріемъ великаго князя. Это баронъ Брокдорфъ, который современемъ можетъ сдѣлаться важнымъ лицомъ. Онъ сильно ухаживаетъ за нашими посланниками и министрами, въ надеждѣ, что покровительство короля доставитъ ему орденъ Бѣлаго Орла, довольно распространенный въ Петербургѣ. Пока онъ имѣетъ только орденъ св. Анны, который мало цѣнится.

Прим. автора.

щіе, что онъ, по крайней мѣрѣ, способенъ къ упрямству. Такъ, напримѣръ, онъ выказываетъ рѣдкую стойкость въ мнѣніи, касательно вопроса о дѣлахъ Курляндіи и объ обмѣнѣ Шлезвига. Распоряженіе императрицы на счетъ Курляндіи, которую она какъ бы до извѣстной степени принесла въ даръ саксонскому принцу Карлу, не перестаетъ возбуждать въ немъ протестъ. Выраженіе своей ненависти къ этому принцу великій князь довелъ до того, что даже намѣревался вызвать его на дуэль. Кромѣ того, всей Европѣ извѣстно, какъ онъ до сихъ поръ постоянно отказывается отъ всякаго соглашенія относительно своихъ правъ на Шлезвигъ.

Никогда нареченный наслѣдникъ престола не пользовался менѣе народною любовью. Иностранецъ по рожденію, онъ своимъ слишкомъ явнымъ предпочтеніемъ къ нѣмцамъ то и дѣло оскорбляетъ самолюбіе народа, и безъ того въ высшей степени исключительнаго и ревниваго къ своей національности. Мало набожный въ своихъ пріемахъ, онъ не съумѣлъ пріобрѣсти довѣрія духовенства. Если подозрительный нравъ императрицы Елисаветы, а также интриги министровъ и фаворитовъ, отчасти и держатъ его вдали отъ государственныхъ дѣлъ, то этому, утверждаютъ многіе, еще болѣе содѣйствуетъ его собственная безпечность и даже неспособность. Вслѣдствіе этого онъ не пользуется почти никакимъ значеніемъ ни въ сенатѣ, ни въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Погруженные въ роскошь и бездѣйствіе, придворные страшатся времени, когда ими будетъ управлять государь, одинаково суровый къ самому себѣ и къ другимъ. Казалось бы, что военные должны его любить, но на дѣлѣ не такъ. Они видятъ въ немъ черезчуръ строгаго начальника, который стремится ихъ подчинить дисциплинѣ иностранныхъ генераловъ. Въ особенности дурно расположенъ къ нему многочисленный и въ высшей степени безполезный (?!) корпусъ гвардейцевъ, этихъ янычаръ Россійской имперіи(!!), гарнизонъ которыхъ находится въ столицѣ, гдѣ они какъ бы держатъ въ заточеніи дворъ (!?). Сама императрица нашла въ ихъ средѣ безопасность только благодаря тому, что, оставивъ ихъ безъ начальника, объявила сама себя командиромъ ихъ трехъ полковъ. . . . .

. . . .

У Воронцовой двѣ сестры красавицы [1], но онъ предпочелъ ее, безобразіе которой невыразимо и не искупается ни хорошимъ сложеніемъ, ни бѣлизной кожи. Даже великая княгиня и та весьма довольна этой (дружбою), къ упроченію которой сама не мало содѣйствовала, такъ какъ не придаетъ ей никакого значенія. Дѣвица эта, впрочемъ, не лишена ума, и при случаѣ, конечно, съумѣла бы воспользоваться своимъ положеніемъ, еслибъ на то представлялась хоть малѣйшая возможность.

Казалось бы, что разъясненіе недоразумѣній, причинившее паденіе Бестужева, должно бы было произвести сближеніе между императрицей и великимъ княземъ и, породивъ между ними довѣріе, предостеречь ихъ въ будущемъ отъ дальнѣйшихъ интригъ министровъ и фаворитовъ. Но этого не случилось. Тетка остается по прежнему холодна и неприступна, можетъ быть, вслѣдствіе своей слабости, племянникъ почтителенъ, но безъ малѣйшей нѣжности и, можетъ быть, изъ робости, никогда у нея ничего не проситъ. Они видятся только ради приличія и между ними нѣтъ ни дружбы, ни довѣрія.

Говорятъ, великій князь не любитъ насъ, французовъ. Я думаю, что это правда. Послѣ нѣмцевъ первое мѣсто въ его сердцѣ занимаютъ англичане, нравы и обычаи которыхъ ему роднѣе нашихъ. Къ тому же лондонскій кабинетъ всегда относился къ нему чрезвычайно мягко и осторожно, а кружокъ поселившихся въ Петербургѣ и пользующихся большимъ почетомъ англійскихъ негоціантовъ выказываетъ много къ нему уваженія. Самъ онъ со многими изъ нихъ обращается скорѣе какъ съ друзьями, чѣмъ какъ съ кредиторами. Его считаютъ вполнѣ преданнымъ интересамъ Пруссіи и я этому вѣрю. Склонность великаго князя въ этомъ отношеніи объясняется еще его пристрастіемъ къ мельчайшимъ подробностямъ военной дисциплины. Очевидно, онъ избралъ прусскаго короля себѣ въ образцы и герои, но въ этомъ отношеніи съ нимъ за одно всѣ другіе государи, раздѣляющіе его вкусы, хотя бы даже они были въ числѣ враговъ этого короля.

Что касается вѣнскаго двора, то онъ вообще никогда ни-

---

[1] Графиня Бутурлина и княгиня Дашкова, дочери сенатора Романа Ларіоновича, брата великаго канцлера. Примѣч. автора.

мало не заботился о томъ, чтобы щадить великаго князя, который считаетъ его сторонникомъ Іоанна Антоновича. Однимъ словомъ, онъ не любитъ Австрію, а та, въ свою очередь, не любитъ его.

Расходы на содержаніе великаго князя и великой княгини распредѣляются императрицей. Они вмѣстѣ съ дѣтьми живутъ подъ одной кровлей съ ея величествомъ[1]), исключая лѣтняго времени, которое проводятъ въ Ораніенбаумѣ. Содержаніе ихъ роскошно, но они терпятъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ и потому имѣютъ много долговъ, которые, по всѣмъ вѣроятностямъ, не будутъ уплачены ими при жизни императрицы.

III.

О системѣ въ настоящей войнѣ съ Пруссіей.

Достовѣрно, что императрица Елисавета первоначально вмѣшалась въ эту войну по двумъ причинамъ. Одна изъ нихъ заключалась въ чувствѣ справедливости и великодушія, которой побудило ее оказать помощь своимъ союзникамъ. Другая—въ личной злобѣ и досадѣ на короля прусскаго.

[1]) Это тѣмъ для нихъ неудобнѣе, что Зимній дворецъ, въ которомъ они живутъ восемь мѣсяцевъ въ году, имѣетъ видъ огромной деревянной клѣтки. Онъ весь сквозной, такъ что ни войти въ него, ни выйти изъ него нельзя иначе какъ чтобы всѣ видѣли. Этотъ дворецъ *) (императрица въ немъ живетъ пока отстраивается по ея приказанію другой, новый) имѣетъ еще то неудобство, что въ немъ чрезвычайно тѣсно для всей семьи, исключая самой императрицы. Въ теченіе цѣлой зимы онъ не иное что, какъ приличная тюрьма. Великій князь забавляется тамъ стрѣльбой въ цѣль, чему предается, можетъ быть, съ излишнею страстью, но это не безполезно для его здоровья въ климатѣ, гдѣ господствуетъ скорбутъ. Вечера свои онъ, за исключеніемъ Великаго поста, обыкновенно проводитъ въ театрѣ. Ужины его всегда продолжительны и онъ иногда ихъ устраиваетъ внѣ дома, въ обществѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ глазахъ императрицы, слыветъ предосудительнымъ. Кромѣ того, онъ куритъ табакъ, пьетъ пиво и водку, что вовсе не совпадаетъ съ изящными и утонченными пріемами двора, которые тотъ заимствовалъ у нашего. За то это вполнѣ согласно съ нравами не только массы народа, но и русскаго дворянства, духовенства и военнаго класса. Удивительно, что нація осмѣливается порицать въ одномъ только великомъ князѣ образъ жизни, который такъ свойственъ сѣверному климату и такъ согласенъ не только съ примѣромъ Петра Великаго но и вообще съ незапамятныхъ временъ установившимися въ Россіи обычаями Примѣч. автора.

*) На Невскомъ проспектѣ, близь нынѣшняго Полицейскаго моста. Ред.

Первая изъ этихъ причинъ, похвальная въ принципѣ и уважительная въ примѣненіи, нетерпима въ здравой политикѣ, потому что злоупотребленія, какія всегда въ подобномъ случаѣ совершаются, на свой собственный счетъ превращаютъ въ донкихотство.

Вторая причина, гораздо болѣе дѣйствительная въ мелочахъ, потому что вытекаетъ изъ самолюбія, въ важныхъ случаяхъ пріобрѣтаетъ силу только вслѣдствіе интригъ и внушеній лицъ, заинтересованныхъ въ возбужденіи этого самолюбія.

Въ императрицѣ Елисаветѣ то было плодомъ продолжительныхъ происковъ Бестужева, дѣйствовавшаго за одно съ вѣнскимъ и дрезденскимъ дворами. Онъ въ этомъ случаѣ довелъ ея раздраженіе до такой степени, что уже въ послѣдствіи самъ не могъ его болѣе сдержать.

Но одобряя идею славы и мести, которая составляла единственную цѣль государыни, люди, пользовавшіеся ея довѣріемъ, что касается ихъ самихъ, не ограничивали своихъ видовъ однимъ только должнымъ воздаяніемъ за обиды и наказаніемъ (Фридриха II) за эпиграммы. Личный интересъ прежде всего указывалъ имъ на обильную жатву трактатовъ и договоровъ. Я говорю—жатву, потому что за все это дорого платится наличными деньгами, изъ чего слѣдуетъ, что русскій кабинетъ всегда любилъ сочинять трактаты и писать договоры. Однако, выигрывая съ одной стороны, они, казалось бы, должны были терять съ другой, потому что имъ, по видимому, предстояло лишиться частыхъ услащеній, къ которымъ они привыкли со стороны Англіи. Но эта потеря была только кажущаяся. Чѣмъ болѣе британскій кабинетъ будетъ заинтересованъ въ томъ, чтобы поддерживать въ Петербургѣ равновѣсіе между своимъ вліяніемъ и нашимъ,—тѣмъ болѣе слѣдовало надѣяться на усиленную дозу противоядія. Такъ, каждый, слѣдуя обычаю заботиться прежде о себѣ, находилъ свою выгоду въ томъ, чтобы Россія приняла участіе въ союзѣ противъ короля прусскаго.

Къ этимъ частнымъ и личнымъ причинамъ впрочемъ присоединялись также и весьма уважительные государственные интересы.

Новая держава, увеличенная остатками Швеціи съ помощью Петра Великаго, видѣвшаго отъ нея одну только неблагодарность, еще расширила свои предѣлы на счетъ Австріи, благодаря слишкомъ долгой терпимости со стороны Россіи. Со времени униженія

Швеціи, эта держава была одна въ состояніи противодѣйствовать безграничной власти, какую Россія себѣ присвоила на сѣверѣ. Честолюбивый и предпріимчивый государь могъ бы даже воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы помочь Польшѣ свергнуть съ себя иго, или Швеціи—возвратить себѣ по крайней мѣрѣ независимость. Такимъ образомъ, дѣлу Петра Великаго, которое настоящее царствованіе Елисаветы еще увѣнчало, угрожала гибель, если будетъ упущенъ этотъ случай унизить короля прусскаго и привести наконецъ въ исполненіе давно проектированный планъ раздѣла его владѣній, что поставило бы его самого и преемниковъ его въ невозможность что либо предпринять въ будущемъ.

Что касается до военныхъ издержекъ, то, благодаря субсидіямъ, контрибуціямъ и хорошимъ зимнимъ квартирамъ, вся тяжесть ихъ должна была пасть на союзниковъ и враговъ. Здѣсь, какъ и повсюду, предполагалось, что дѣло шло только объ одномъ единственномъ походѣ и всему надлежало въ самомъ скоромъ времени окончиться миромъ, условія котораго предпишетъ Россія.

Съ этой точки зрѣнія вопросъ и былъ первоначально представленъ императрицѣ. Въ тотъ моментъ никто не говорилъ ей ни о завоеваніяхъ, ни о вознагражденіяхъ. Она, въ свою очередь, умалчивала о нихъ въ манифестахъ. Но когда война затянулась, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились издержки, субсидіи уменьшились, о контрибуціяхъ и зимнихъ квартирахъ не было и рѣчи, тогда оказалось, что всѣ обманулись въ своихъ расчетахъ и для продолженія войны пришлось искать болѣе основательныхъ поводовъ, чѣмъ тѣ, которыми руководились при началѣ ея. Было предложено овладѣть Пруссіей.

Сначала предложеніе имѣло мало успѣха. Императрицѣ и въ голову не приходила подобная мысль, а канцлеръ тоже не осмѣлился бы явиться ея авторомъ. Онъ совершенно естественно долженъ былъ остерегаться мѣръ и обязательствъ, которыя могли продлить существующія затрудненія или создать новыя. Мнѣ извѣстно, что самые первые толки объ этомъ пришлись ему не по вкусу, но во время дальнѣйшихъ преній были выдвинуты впередъ такіе убѣдительные и блестящіе доводы, въ пользу которыхъ уже успѣли расположить и императрицу, такъ что Воронцовъ не могъ болѣе противиться общему потоку.

Камергеръ Шуваловъ взялъ на себя сдѣлать первый приступъ по этому вопросу къ императрицѣ, постоянно занятой мыслью о славѣ своего царствованія. Напомнивъ ей, что пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ частей Финляндіи было цѣной ея побѣдъ надъ Швеціей, онъ представилъ ей, что цѣлое королевство, присоединенное къ ея обширнымъ владѣніямъ, увѣковѣчитъ ея славу гораздо прочнѣе всѣхъ подвиговъ ея войскъ въ настоящей войнѣ и что, наконецъ, она обязана предъ имперіей и предъ самой собой получить вознагражденіе за кровь, до сихъ поръ напрасно пролитую, и за потраченныя сокровища.

Къ этимъ, столь соблазнительнымъ, для личнаго честолюбія, доводамъ, братья Шуваловы и сенаторъ Неплюевъ присоединили еще другіе, касавшіеся политическихъ интересовъ Россіи.

Первые два доказывали, что покореніе Пруссіи дастъ возможность окончательно поработить Польшу; что городъ Данцигъ тогда будетъ существовать только по милости Россіи. Запертый, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ близкимъ сосѣдствомъ русскихъ войскъ, онъ подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ можетъ сдѣлаться ихъ добычей. Или же, если его оставить существовать, его легко можно будетъ обложить контрибуціей подъ страхомъ постоянныхъ притѣсненій, которыхъ онъ не будетъ въ состояніи избѣгать. Такимъ образомъ былъ бы приведенъ въ исполненіе любимый планъ Петра Великаго, заключавшійся все въ большемъ и большемъ приближеніи къ границамъ Германіи и въ занятіи позиціи, которая поставила бы Россію въ возможность управлять ея судьбами. Наконецъ, раскидываясь все дальше и дальше вдоль берега Балтійскаго моря, была-бы достигнута еще другая великая цѣль этого императора—касательно флота и торговли.

Неплюевъ, вполнѣ соглашаясь съ братьями Шуваловыми на счетъ вопроса о покореніи Пруссіи, однако расходился съ ними, что касалось употребленія, какое слѣдовало изъ нея сдѣлать. Онъ предлагалъ ее нѣкоторымъ образомъ отдать Польшѣ, получивъ взамѣнъ отъ послѣдней польскую Россію. Польша тѣмъ самымъ была-бы совсѣмъ заперта со стороны Украйны и это сильно затруднило бы ея сношенія съ Турціей. Вслѣдствіе этого у нея была бы отнята послѣдняя опора, на какую она могла расчитывать послѣ паденія короля прусскаго. Къ русской державѣ такимъ образомъ было бы присоединено нѣсколько отрѣ-

занныхъ отъ нея провинцій, что придало бы особенный блескъ и значеніе титулу Самодержицы Всероссійской.

Эта послѣдняя мысль чрезвычайно какъ понравилась императрицѣ и на ней, по видимому, остановились, по крайней мѣрѣ на нее ссылались въ объясненіяхъ, съ какими въ теченіе прошлой (1760 г.) зимы обращались къ намъ, да вѣроятно, и къ остальнымъ союзнымъ дворамъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы петербургскій кабинетъ искренно намѣревался сообразоваться съ этимъ планомъ, такъ какъ сдѣлалъ оговорку на счетъ вышеупомянутаго обмѣна, замѣчая, что онъ можетъ состояться въ послѣдствіи. Къ тому-же тутъ бы еще представилось важное затрудненіе, проистекающее изъ самой сущности дѣла, а именно: подобный обмѣнъ могъ бы состояться не иначе какъ съ разрѣшенія сейма, то-есть съ его единодушнаго согласія, что, какъ извѣстно, физически невозможно.

Должно полагать, что мысль объ этомъ обмѣнѣ была пущена въ ходъ единственно съ цѣлью успокоить Европу, союзниковъ и даже самую Россію и разсѣять совершенно основательныя опасенія, какія должно было вызвать намѣреніе овладѣть Пруссіей.

Мы прежде всего имѣли въ виду указать на причины, которыя побудили петербургскій дворъ начать и продолжать войну съ прусскимъ королемъ. Намъ остается еще разобрать тѣ причины, какими онъ станетъ руководиться въ переговорахъ о мирѣ [1]).

---

[1]) Какъ на документъ, разъясняющій настоящія замѣтки, можно указать на проектъ присоединенія покореннаго королевства Прусскаго, къ Россіи, составленный русскимъ кабинетомъ и утвержденный императрицею Елисаветою Петровною 30-го апрѣля 1760 г. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 705—713. Ред.

IV.

О настоящей системѣ относительно предстоящаго мира.

Цѣли Россіи въ предстоящихъ переговорахъ о мирѣ заключаются въ трехъ главныхъ пунктахъ:

1-й—имѣющій въ виду покореніе Пруссіи, былъ объявленъ и разъясненъ.

2-й—обѣщающій союзникамъ удовлетвореніе и вознагражденіе, былъ слегка, хотя и съ большимъ паѳосомъ, упомянутъ.

3-й—еще не провозглашается открыто, но онъ тѣмъ не менѣе существуетъ и близокъ сердцу русскаго министерства. Россія намѣрена явиться въ предстоящихъ переговорахъ не только участницей, но распорядительницей и поручительницей въ томъ, что все, что порѣшатъ на счетъ Германской имперіи, непремѣнно будетъ исполнено. Такимъ образомъ она будетъ допущена до соучастія съ Франціей и Швеціей въ гарантированіи новой германской системы, или старой, если та въ предстоящихъ переговорахъ не подвергнется радикальнымъ измѣненіямъ. Вестфальскій миръ по прежнему останется основаніемъ этой системы, но Россія съ той минуты, за одно съ Франціей и Швеціей, сдѣлается охранительницей его.

Хотя она уже давно стремилась вмѣшаться въ домашнія дѣла Германскаго союза, вѣнскій кабинетъ, однако, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда призывалъ ее на помощь во время войны, при заключеніи мирныхъ договоровъ всегда старался отстранять ее отъ участія въ нихъ и всегда этого достигалъ. До сихъ поръ Россія не участвовала ни въ одномъ изъ общихъ конгрессовъ, которыми оканчивались большія европейскія войны. Нынѣ-же русскій дворъ поставилъ для себя вопросомъ чести достигнуть того, чтобы играть одну изъ первыхъ ролей въ предстоящемъ конгрессѣ, а главное—пріобрѣсти въ Германскомъ союзѣ столь желанное право покровительства и власти подъ именемъ гарантіи.

Изъ этихъ трехъ пунктовъ послѣдній такъ тѣсно связанъ съ первымъ, то есть съ тѣмъ, который касается покоренія Пруссіи, и такъ необходимъ для Россіи, чтобы дать ей возможность управлять Германіей, смыслъ его такъ осязателенъ и обусловленъ мѣстностью, что безполезно долго на немъ останавливаться.

Замѣчу только, что разумное существо не можетъ желать цѣли, не желая средствъ, и прибавлю этотъ доводъ ко всѣмъ тѣмъ, которые уже привелъ выше въ объясненіи, почему Россія упорствуетъ въ своемъ требованіи на счетъ покоренія Пруссіи.

Кромѣ того, доходы этой послѣдней, хотя и умѣренные, однако не кажутся вполнѣ безразличными въ глазахъ петербургскаго кабинета. Оцѣнивая ихъ самымъ скромнымъ образомъ и предполагая, что Россія отнесется къ своему новому пріобрѣтенію съ той же политической умѣренностью, какую Петръ Великій выказалъ въ отношеніи Лифляндіи и другихъ завоеванныхъ странъ,—всетаки тутъ слѣдовало расчитывать на 6 или 7 сотъ тысячъ золотыхъ монетъ чистой прибыли, такъ какъ для охраненія Пруссіи не потребовалось бы ни однимъ человѣкомъ и ни однимъ рублемъ больше чѣмъ въ настоящее время. То былъ бы передовой постъ, который служилъ бы прикрытіемъ для Лифляндіи. Въ мирное время въ этой провинціи обыкновенно бываетъ расположенъ шестидесяти и семидесяти-тысячный корпусъ. Стоило-бы только часть этой арміи выдвинуть авангардомъ въ Пруссію. Вслѣдствіе этого раздѣла содержаніе всей арміи облегчилось бы и удешевилось.

Въ силу всѣхъ этихъ соображеній, а еще болѣе того, что я могъ наблюсти и проникнуть самъ, я признаюсь, что въ эпоху своего отъѣзда считалъ весьма не легкимъ побудить русскій дворъ отказаться отъ стольких существенныхъ выгодъ, ради безплодной и романической славы, какую онъ пріобрѣлъ-бы, даромъ раззоряя чужія владѣнія и въ то же время свои собственныя.

Тѣмъ не менѣе я былъ далекъ отъ того, чтобы не видѣть или не вполнѣ давать себѣ отчетъ въ возраженіяхъ, какія могли бы быть подняты противъ этой системы. Напротивъ, я даже ихъ себѣ весьма отчетливо представлялъ. Вотъ они всѣ (какъ мнѣ кажется) и съ отвѣтами.

Возраженіе 1-е. Польша станетъ-ли спокойно смотрѣть на то, какъ Россія, посредствомъ пріобрѣтенія Пруссіи, окончательно запретъ ее со стороны Балтійскаго моря и даже получитъ возможность по произволу воспретить ей навигацію по Вислѣ и прервать всякія сношенія между Варшавой и Данцигомъ?

Отвѣтъ: Польша, конечно, будетъ роптать, но она, по обыкновенію, подчинится тому, чего не въ состояніи избѣжать. Мы въ другомъ мѣстѣ будемъ говорить о ея положеніи въ отношеніи къ Россіи и о системѣ этой послѣдней въ отношеніи къ ней, но и теперь уже достаточно доказано, что страхъ возбудить неудовольствіе этой сарматской анархіи еще никогда никого не останавливалъ въ исполненіи своихъ плановъ. Въ настоящемъ случаѣ слабая оппозиція, какую она могла бы противопоставить, только послужила бы новымъ поводомъ къ осуществленію задуманнаго плана. Это будетъ вполнѣ выяснено въ указанной статьѣ.

Возраженіе 2-е. Допуститъ-ли это Порта, покровительница и охранительница польской независимости? Отнесется-ли она спокойно къ этому новому требованію Россіи? Прусскій король уже давно вступилъ въ сношеніе съ Константинополемъ; тамъ даже начались переговоры. Не могутъ-ли они имѣть въ виду поддержку для Пруссіи со стороны Порты? Захочетъ-ли Россія подвергнуться новой, отдаленной и раззорительной войнѣ?

Отвѣтъ: Турки съ давнихъ поръ слывутъ покровителями Польши и съ давнихъ поръ никому не препятствуютъ ее притѣснять. Прусскій король дѣйствительно ведетъ переговоры съ Портой, но къ чему привели они до сихъ поръ? Диванъ такъ мало знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ и такъ мало заботится объ интересахъ, не касающихся его непосредственно, что ему не легко объяснить далекую связь, существующую между Пруссіей и Турціей. Онъ могъ-бы по той же самой причинѣ гораздо болѣе встревожиться обмѣномъ Пруссіи на польскую Россію. Но какія бы заявленія петербургскій кабинетъ уже не дѣлалъ по этому вопросу, ему нетрудно будетъ успокоить Порту, доказавъ ей, что намѣреніе это не болѣе какъ мечта и осуществленіе его несбыточно. Допустимъ однако, что Порта приметъ къ сердцу положеніе короля прусскаго и на столько пойметъ свои собственные интересы, что не захочетъ его гибели; допустимъ, что она объявитъ себя его защитницей,—у Россіи найдется еще не мало средствъ отвратить грозу. Ей не впервые придется затыкать глаза и ротъ кичливымъ оттоманамъ и осуществлять у нихъ подъ носомъ такіе планы, которые даже прямо

нарушаютъ только что составленные съ ними договоры. Въ другомъ мѣстѣ я буду говорить о системѣ и объ успѣхахъ Россіи въ этомъ отношеніи, причемъ приведу нѣсколько изъ новѣйшихъ примѣровъ (въ статьѣ о системѣ Россіи въ отношеніи къ Портѣ). Замѣчу только, что петербургскій кабинетъ нынѣшней зимой нисколько не тревожился вмѣшательствомъ Порты въ настоящую войну. Онъ твердо вѣритъ, что прусскій король погибнетъ или будетъ спасенъ гораздо прежде чѣмъ турки успѣютъ двинуться. Однимъ словомъ, онъ смотритъ на переговоры короля прусскаго съ Константинополемъ какъ на пугало.

Возраженіе 3-е. Самые союзники Россіи, не возстанутъ-ли они противъ ея намѣренія овладѣть Пруссіей и можетъ-ли она надѣяться на успѣхъ, вопреки ихъ сопротивленію? Швеція, уже и безъ того находящаяся въ зависимости отъ русскаго двора и существующая отчасти только по его доброй волѣ, потому что снабжается хлѣбомъ изъ лифляндскихъ портовъ, можетъ ли она безъ опасеній видѣть, какъ Россія займетъ позицію, въ которой будетъ въ состояніи по произволу лишать ее съѣстныхъ припасовъ, перерѣзывая имъ путь изъ Польши черезъ Нѣманъ и Вислу? Вѣнскій дворъ, столь-же заботливо удаляющій отъ себя русскихъ, сколько усердно призывающій ихъ на помощь въ минуты опасности, неужели онъ безъ зависти станетъ смотрѣть, какъ тѣ овладѣютъ пунктомъ, откуда имъ такъ легко будетъ, даже незваннымъ, проникнуть въ Германію? А Франція, наконецъ, не рискуетъ-ли она утратить все свое значеніе и вліяніе на сѣверѣ, если Россія, покоривъ Пруссію, успѣетъ водворить въ этой части Европы свой деспотизмъ?

Отвѣтъ: Швеція, конечно, не безъ зависти увидитъ это новое распространеніе русскихъ владѣній вдоль Балтійскаго моря, но ей придется уступить, потому что она не можетъ иначе какъ подъ этимъ условіемъ получить то, чего сама желаетъ въ Помераніи. Къ тому же, ея положеніе въ отношеніи Россіи таково, что если петербургскій дворъ и обратится къ ней за согласіемъ, то единственно для проформы. Пусть она откажетъ въ этомъ согласіи—и безъ него съумѣютъ обойтись. До сихъ поръ Швеція играла самую незначительную роль, какъ въ союзѣ, такъ и

въ войнѣ. Съ ней вообще не много совѣтуются, а Россія—меньше прочихъ державъ. Эта мысль будетъ мною подробно развита въ статьѣ: о системѣ Россіи въ отношеніи къ Швеціи.

Допустимъ даже, что Швеція при заключеніи мира будетъ лишена обѣщанныхъ ей выгодъ, что она разсердится и сдѣлаетъ видъ, будто противится покоренію Пруссіи,—на ея оппозицію будетъ обращено такъ же мало вниманія, какъ на протестъ Тевтонскаго ордена.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается рукопись, написанная рукою Лаферміера и сохранившаяся въ его бумагахъ, принадлежащихъ Павловской дворцовой библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича. Ред.

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНІИ, ИТАЛІИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

въ 1784—1788 гг.

Василій Николаевичъ Зиновьевъ (род. 1754 г. † 1816 (?) былъ товарищемъ, по воспитанію въ Лейпцигѣ, Радищева, Кутузова и Козадавлева, т. е. входилъ въ составъ той фаланги передовыхъ людей въ Россіи второй половины прошлаго столѣтія, о которой память сохранилась и до сего времени, какъ о людяхъ, стоявшихъ во главѣ мыслящаго меньшинства того времени и заявившихъ о себѣ и въ литературѣ, и на гражданскомъ поприщѣ. Упомянемъ также о родственныхъ, весьма близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ В. Н. Зиновьева къ графу Семену Романовичу Воронцову. Ограничусь этими двумя напоминаніями, на нашъ взглядъ, достаточными, чтобы читатель «Журнала» самъ могъ судить объ умственныхъ уровнѣ его автора и о его относительномъ нравственномъ превосходствѣ надъ лицами того времени.

Журналъ В. Н. Зиновьева начинается обращеніемъ къ «кому-то», почему и считаемъ необходимымъ выяснить, что лицо, къ которому относится это обращеніе, есть графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (¹). Мы въ этомъ вполнѣ убѣдились изъ дальнѣйшаго веденія журнала изъ Италіи, въ формѣ писемъ, адресованныхъ къ гр. С. Р. Воронцову сначала въ Венецію и Пизу, а потомъ въ Лондонъ; въ нихъ авторъ прямо высказываетъ мысль, что

(¹) Графъ С. Р. Воронцовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной, двоюродной сестрѣ В. Н. Зиновьева, такъ какъ Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ (отецъ гр. Воронцовой) и Евдокія Наумовна Зиновьева (мать Василія Николаевича) были родные братъ и сестра. Кн. А. Л. Р.

онъ будетъ продолжать вести свой журналъ и посылать его къ гр. С. Р. Воронцову, чтобы избѣжать двойнаго труда и по его веденію, и по отправленію, кромѣ того, къ нему писемъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ. Затѣмъ авторъ журнала прибавляетъ, что онъ желаетъ самъ перечесть свой журналъ и проситъ графа сохранить его въ цѣлости, чтобы дать ему возможность получить его обратно; вотъ чѣмъ и объясняется нахожденіе писемъ или журнала В. Н. Зиновьева не въ архивѣ князя Воронцова, но въ архивѣ с. Вышебеши г-дъ Зиновьевыхъ.

Не можемъ пройти молчаніемъ той любезной и обязательной готовности, съ которою покойный владѣлецъ Вышебешскаго архива, Степанъ Васильевичъ Зиновьевъ (сынъ автора настоящаго журнала), далъ намъ позволеніе и возможность осмотрѣть и, по нашему выбору, сдѣлать общедоступными бумаги архива. Мы исключили изъ рукописи все, что не имѣетъ прямаго историческаго значенія, оставивъ однако же и такія мѣста, которыя даютъ возможность судить о понятіяхъ, убѣжденіяхъ и кругозорѣ автора «Журнала».

Вслѣдъ за окончаніемъ «Журнала» В. Н. Зиновьева мы помѣщаемъ возможно подробныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ представителѣ образованнаго русскаго общества второй половины Екатерининской эпохи.

Н. П. Варышниковъ.

1-го ноября 1876-го года.
Г. Орелъ.

При чтеніи Зиновьевской рукописи и при подготовкѣ ея, согласно желанію редакціи «Русской Старины», къ помѣщенію на страницахъ этого изданія, я зачеркнулъ весьма не многія мѣста, именно то, что, по моему мнѣнію, можетъ быть опущено въ печати, — но нѣкоторыя мистическія мѣста оставилъ, потому что они, вмѣстѣ съ «Журналомъ», отлично характеризуютъ психическое настроеніе высшаго общества того времени: рядомъ съ такъ называемыми «esprits forts» и волтеріянцами, сколько людей, при неразвитости и безжизненности нашего духовенства, искали удовлетворенія своей душевной жаждѣ, то въ масонствѣ, то въ мартинизмѣ, то, наконецъ, въ католицизмѣ! «Журналъ» Зиновьева самымъ животрепещущимъ образомъ рисуетъ это настроеніе. Оно существуетъ отчасти и въ нашемъ современномъ обществѣ и ищетъ себѣ пищи то въ спиритизмѣ, то въ томъ обожаніи, которое возбуждаютъ къ себѣ нѣкоторые заморскіе проповѣдники-диллетанты, въ родѣ лорда Редстока.

Я усѣялъ интересныя письма В. Н. Зиновьева своими примѣчаніями; всѣ они помѣщены въ низу каждаго письма, подъ чертою. Примѣчанія, принадлежащія Н. П. Барышникову, отмѣчены начальною буквою его фамиліи и напечатаны также внизу страницъ подъ чертою.

Кн. А. В. Л.-Р.

I.

Наконецъ рѣшился вести журналъ, и причинилъ сіе Шенбергъ, французскій генералъ, урожденный саксонецъ; а такъ какъ онъ въ одномъ со мной трактирѣ жилъ, то, бывъ у него, увидѣлъ писанную бумагу и узналъ отъ него, что это журналъ и что онъ только примѣчанія достойныя вещи тутъ вписываетъ и что не всякій день сіе дѣлаетъ, но по прошествіи времени. Сіе мнѣ весьма понравилось, и взявъ съ него примѣръ, и самъ сіе дѣлать вздумалъ. И такъ, любезный мой [1]), чрезъ непредвидѣнный случай будемъ имѣть я и ты большое удовольствіе, когда мы увидимся и вмѣстѣ сіе читать будемъ.

Лейпцигъ.—23-го февраля 1784 года.

Въ исходѣ сентября мѣсяца выѣхалъ изъ Петербурга и, какъ ты самъ помнишь, проводилъ ты меня до Нарвы. Подъѣзжая къ Ригѣ, сдѣлалось затрудненіе и остановка въ лошадяхъ, ибо въ самое то время открылось рижское намѣстничество и все лифляндское дворянство сбиралось. По счастію моему, одинъ почтмейстеръ, у котораго обѣдалъ, велѣлъ почталіону, чтобы онъ, пріѣхавъ на станцію, сказалъ, что я курьеръ. И такъ, подъ симъ именемъ я станціи четыре сдѣлалъ, объѣзжая многихъ помѣщиковъ, но наконецъ зачалъ бояться, чтобы сіе не вышло, и нѣсколько станцій отъ Риги зачалъ молчать, что я курьеръ. Слѣдствіемъ сего было, что меня на предпослѣдней перемѣнѣ, за неимѣніемъ лошадей, остановили. Въ Ригѣ пробылъ два дня. Меня тутъ осмотрѣли. Учтивостію тамошняго надзирателя не могу довольно нахвалиться и желаю, чтобы меня такъ хорошо въ Россію впустили, какъ выпустили. Взявъ подорожную отъ генералъ-губернатора Броуна, пустился опять въ путь. До Мемеля счастливо и безъ всякихъ приключеній, примѣчанія достойныхъ, дорогу окончилъ. Тутъ отдалъ письмо графа Герца [2]) почт-

---

[1]) То есть гр. С. Р. Воронцовъ.

[2]) Графъ Іоганнъ-Евстафій фонъ-Шлицъ-Гёрцъ (von Schlitz-Goertz), р. 1737 † 1821,—прусскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ

директору, который мнѣ родъ подорожной, до Кенигсберга, далъ, съ письмомъ къ тамошнему почтъ-директору. Его подорожная мнѣ чрезвычайную пользу сдѣлала, ибо нигдѣ такъ хорошо услуженъ не былъ, какъ отъ Мемеля до Кенигсберга. Надѣялся получить такую-же подорожную отъ кенигсбергскаго почтъ-директора, но втунѣ мое чаяніе было, ибо, пославъ къ нему мемельское письмо, надѣялся, что онъ ко мнѣ пріѣдетъ, но видя, что сіе не сбылось,—принужденъ былъ самъ къ нему идти. И сіе ничего не произвело: отпотчивалъ меня тѣмъ, что моя подорожная отъ мемельскаго почтмейстера довольно служить будетъ. Переночевавъ, отправился утромъ въ Берлинъ.

По сей дорогѣ терпѣнію моему весьма великій опытъ былъ: неописательная медленность, какъ въ ѣздѣ, такъ и въ отправкѣ, въ лошадяхъ. Между Кенигсбергомъ и Берлиномъ встрѣтился мнѣ генуэжскій посланникъ, который къ намъ ѣхалъ; да еще забылъ сказать, что не доѣзжая Риги встрѣтилъ венецейскаго посланника г-на Фоскарини, а пріѣхавъ въ Ригу—англійскаго посланника именемъ Фицъ-Гербертъ[1]).

Берлинъ—городъ прекрасный; можно его назвать чудомъ. Окруженъ со всѣхъ сторонъ невообразимыми песками, слѣдовательно народъ, окружающій его,—не въ изобильномъ состояніи, а городъ самъ собою чрезвычайно хорошій; строеніе каменное, многіе прекрасные дома въ немъ находятся; гульбище посреди города, называемое «Die Linden», отмѣнно хорошо. Я здѣсь пробылъ три недѣли, былъ часто званъ къ разнымъ лицамъ. У королевы былъ раза три, у принцессы разъ былъ званъ на ужинъ, а придворныя веселья довольно смѣшны. Что же касается до партикулярныхъ, то здѣсь на весьма хорошей ногѣ: всѣ по французски говорятъ и чрезвычайно хорошо; обхожденіе безъ всякаго принужденія и безъ наглости. Примѣчанія достойное болѣе всего мнѣ кажется, здѣшняя фарфоровая фабрика, которая, когда не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже саксонской. Познакомился здѣсь съ

Петербургѣ, назначенный вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши. Онъ извѣстенъ какъ лицо, наиболѣе хлопотавшее о томъ, чтобы убѣдить общественное мнѣніе, что мысль о раздѣлѣ Польши не принадлежала Фридриху Великому («XVIII-й вѣкъ», кн. 1-я, статья кн. Вяземскаго: Политика Фридриха Великаго). При отправленіи его въ Петербургъ, Фридрихъ Великій сказалъ ему: Comme archevêque de Magdebourg, je vous donne l'absolution de tous les mensonges que vous direz en mon nom. Adieu».

[1]) Сэръ Алленъ Фицъ-Гербертъ (Sir Alleyne Fitzherbert), р. 1753 † 1839, холостымъ,— великобританскій чрезвычайный посланникъ при русскомъ дворѣ. Въ 1791 году получилъ титулъ лорда Сентъ-Геленса (Saint-Helens) и подъ этимъ именемъ посланъ былъ второй разъ въ Россію при вступленіи императора Александра I на престолъ (1801). Кн. А. В. Л.-Р.

англійскимъ министромъ Шевалье (въ рукописи пробѣлъ)[1]) и съ его секретаремъ Эдуардомъ, которые меня чрезвычайно обласкали, и такъ я съ ними подружился, что какъ будто года два вмѣстѣ были, и послѣдній мнѣ обѣщалъ письма въ Англію. Еще знакомство здѣсь сдѣлалъ съ двумя шведами—Сельдингъ и Цибетъ. Первый полковникъ французской службы, а другой въ шведской, но какое особое мѣсто занимаетъ—того не знаю. Но, что мнѣ чрезвычайно смѣшно въ ихъ обхожденіи показалось, такъ—что они, ѣхавъ вмѣстѣ, у всякихъ дверей другъ друга потчиваютъ. И до сихъ поръ вижу я, что только нашъ народъ такимъ дурачествамъ не подверженъ, а дѣйствительно пріятное обхожденіе съ чистосердечіемъ соединить умѣетъ, что я также въ упомянутомъ англійскомъ посланникѣ и его секретарѣ нашелъ. Живутъ здѣсь такъ же, какъ и у насъ, и какъ я себѣ воображаю, и вездѣ. Франція, какъ флигельманъ, начинаетъ, а мы, то есть европейскіе народы вообще, какъ рядовые, все слѣпо и съ крайнимъ подобострастіемъ перенимаемъ. Еще долженъ я примѣтить, что науки здѣсь въ весьма цвѣтущемъ состояніи. Объ военномъ искусствѣ—нечего говорить, ибо сіе всему свѣту извѣстно каково оное. Но скажу только, что состояніе солдатъ самое несчастливѣйшее: и въ Берлинѣ, и въ Потсдамѣ нарочно стѣны возведены, чтобы бѣглыхъ чрезъ оныя удерживать, часовые такъ близко разставлены около оныхъ, что, кажется, возможности нѣтъ бѣжать, а совсѣмъ тѣмъ сіи несчастные находятъ средства избавиться отъ ига своего. Осмотры, которыми здѣсь такъ пугаютъ, ничуть не таковы, какъ сказываютъ. Я пломбировалъ свои вещи въ Мемелѣ, а подъѣзжая къ Берлину, научилъ меня почтальонъ пломбы срѣзать, чтобы осмотрѣли тотчасъ у воротъ и не повезли бы въ такъ называемый «Zol-Haus», по нашему—таможню. Сдѣлавъ сіе, остановили меня у воротъ, открыли и закрыли сундукъ:—тѣмъ осмотръ и кончился.

Потсдамъ четыре мили отъ Берлина. Сюда я пріѣхалъ ночью. Поутру отвезъ письмо къ гр. Герцу[2]), брату посланника, который у насъ, и мнѣ назначено было тотъ же день быть представлену королю. Забылъ при этомъ этикетъ обыкновенный: пріѣхавъ въ Берлинъ, на-

---

[1]) Сэръ Джонъ Дальримплъ (Dalrymple), принявшій по смерти отца (1789) титулъ лорда Стеръ (Stair), «der Lord mit dem sonderbaren Namen, aber liebenswürdigen Geiste», говоритъ объ немъ Фезе (Vehze, «Gesch. des Preuss. Hofs», IV, 310). Умеръ холостымъ въ 1821 году.

[2]) Графъ Карлъ-Фридрихъ-Адамъ фонъ-Шлицъ-Гёрцъ, р. 1738 † 1797, старшій братъ предыдущаго, сопровождавшій племянника Фридриха Великаго, кронпринца (въ послѣдствіи короля) Фридриха Вильгельма, въ путешествіи его въ С.-Петербургъ. Кн. А. В. Л.-Р.

добно было объявить г-ну Финкенштейну[1]), министру иностранныхъ дѣлъ, который королю объ ономъ даетъ знать, а оный назначаетъ ему—въ который день чужестранный пріѣхать можетъ. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ здѣшніе министры! Надобно неотмѣнно знать, что они таковые, а то примутъ и за мастеровыхъ,—да король ихъ за таковыхъ и принимаетъ, ибо они имя только министровъ носятъ, безъ его же соизволенія ничего дѣлать не смѣютъ, что ему справедливо и попрекаютъ, что онъ все самъ дѣлать хочетъ. Король[2]) вышелъ въ 11 часовъ поутру и я одинъ съ гр. Герцомъ у него былъ. Тебѣ извѣстно, что я весьма робокъ, но самъ удивился, что, бывъ представленъ ему, никакъ не оробѣлъ. Причиною сему считаю я, что мы одни были. Разговоръ его былъ о смерти покойнаго князя. Король шутливо говорилъ, что примѣромъ симъ могутъ женщины гордиться, въ разсужденіи привязанности его къ покойной моей сестрѣ и несчастнаго слѣдствія по смерти ея[3]). Еще вздумалъ онъ, что при бергъ-коллегіи былъ директоръ, вмѣсто Соймонова[4]) Зиновьевъ. Тутъ я оторопѣлъ нѣсколько и забылъ совсѣмъ, что этотъ департаментъ у насъ есть, и никакъ не могъ Соймонова вспомнить.

Король еще довольно свѣжъ и бодръ, голову держитъ болѣе на правую сторону; вышелъ съ шляпой, съ костылемъ, въ синемъ мундирѣ, закиданномъ табакомъ, и сапоги весьма красноваты. Трудно мнѣ вообразить, что сей—тотъ, который противъ всей Европы оборонялся въ одно время и всѣхъ, такъ сказать, разщелкалъ; но сіе есть дѣйствіе привыкшихъ глазъ къ роскоши. На вечеръ былъ я приглашенъ къ принцу[5]). Какъ я былъ принятъ и какъ онъ живетъ—объ ономъ я тебѣ писалъ. Его величество не много на него тратитъ, такъ какъ

---

[1]) Графъ Карлъ-Вильгельмъ Финкъ-фонъ-Финкенштейнъ, р. 1714†1800, прусскій министръ и весьма приближенное лицо ко двору. Онъ выказалъ особенную дѣятельность въ веденіи переговоровъ вмѣстѣ съ Тугутомъ, 15-го августа 1778 г. въ Бранау («Histoire de mon temps»).

[2]) Фридрихъ Великій.

[3]) Григорій Григорьевичъ Орловъ, по смерти своей супруги († 1781), жилъ весьма недолго, умеръ 13-го апрѣля 1783 г., и передъ смертію лишился умственныхъ способностей.

[4]) Вѣроятно, король имѣлъ въ виду Михаила Ѳедоровича Соймонова (р. 1753 † 1804), въ послѣдствіи д. т. с., члена государственнаго совѣта и горныхъ и монетныхъ дѣлъ главнаго директора. А. В. Л.-Р.

[5]) Царствовавшій подъ именемъ Фридриха-Вильгельма II-го. Онъ былъ женатъ два раза: первый—на принцессѣ Брауншвейгской, но развелся съ ней, и второй разъ—на принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской, Фредерикѣ. Отъ этого втораго брака родился Фридрихъ Вильгельмъ III-й, отецъ покойной русской императрицы Александры Ѳедоровны. Н. В.

и на прочихъ своихъ принцевъ, да сверхъ того сказываютъ, что онъ наслѣдника не любитъ.

Я нахожу, что весьма дурная политика принуждаетъ правящихъ государей малую сумму опредѣлять своимъ наслѣдникамъ, ибо чрезъ то они не только менѣе, но, я скажу, болѣе проживаютъ, нежели бы они прожили, когда бы размѣренно ихъ состоянію доходъ имѣли. Для удовольствія своего занимаютъ потихоньку; дѣлаютъ чрезъ то знакомство съ людьми, которые имъ вредятъ; занимая деньги—платятъ великіе проценты. Когда сами на престолъ взойдутъ, то сумма сія чрезвычайно умножилась, да, сверхъ того, обязываются многое сдѣлать людямъ, которыхъ иногда къ дѣламъ должны употребить и которые рѣдко хорошо оными управляютъ. Voilà de la philosophie politique, cher ami, je me propose de faire de cela un ouvrage raisonné [1]).

Несказанно доволенъ, что журналъ вести наконецъ рѣшился и тому причиной французскій генералъ. Окончу Берлинъ и Потсдамъ тѣмъ, что былъ принятъ съ произвожденіемъ въ мастеры въ ложу New-Iork [2]), чрезъ посольство секретаря нашего Мальцева [3]), но который обѣщанія своего не сдержалъ, ибо обѣщалъ мнѣ катехизисъ приличный,—котораго, за отъѣздомъ моимъ, не успѣлъ получить,—въ Дрезденъ прислать, но сего не исполнилъ. Посланникъ нашъ кн. Долгорукій [4]) человѣкъ, кажется, весьма изрядный, въ наукѣ весьма знающій, и уже такъ давно въ Берлинѣ, что его принимать должно за здѣшняго жителя.

На другой день благополучно прибылъ въ Дрезденъ, 4-го ноября. Городъ довольно хорошій и положеніе его чрезвычайно пріятное; окруженъ со всѣхъ сторонъ горами; имѣетъ рѣку чрезвычайно быструю и довольно широкую, которая раздѣляетъ новый городъ съ старымъ, имѣя сообщеніе чрезъ прекрасный мостъ, который отмѣнно длиненъ и еще длиннѣе былъ бы, но церковь, которую возлѣ дворца построили, принудила его окоротить и засыпать то мѣсто, гдѣ онъ былъ. Строенія, примѣчанія достойныя—католическая церковь, лю-

---

[1]) Переводъ: Вотъ и политическая философія! Я предполагаю изъ этого, любезный другъ, сдѣлать умозрительное сочиненіе.

[2]) Ложа New-Iork намъ не извѣстна, но въ изслѣдованіи М. Н. Лонгинова: «Новиковъ и московскіе мартинисты» упоминается о ложѣ «Royal-Iork», находившейся въ Берлинѣ, въ сношеніяхъ съ которой, еще въ 1772 г., было много русскихъ.

[3]) Вѣроятно, Петръ Семеновичъ Мальцевъ, находившійся въ 1792 году въ Берлинѣ, при нашемъ чрезвычайномъ и полномочномъ министрѣ, Колычевѣ.

[4]) Князь Владиміръ Сергѣевичъ (умеръ въ 1803 г.) занималъ постъ русскаго посланника въ Берлинѣ 24 года и извѣстенъ какъ человѣкъ весьма уважаемый и большой приверженецъ Фридриха Великаго («Записки» кн. Дашковой).

Н. В.

теранская, называемая Франсъ-кирха, которой только колокольни недостаетъ и то чрезъ странное приключеніе: архитекторъ искусный, который ее строилъ, былъ разсерженъ, что ему не заплатили обѣщанныхъ, за построеніе оной, денегъ,—подъ видомъ, что она непрочно построена,—съ досады планъ разорвалъ и съ печали умеръ; и такъ, принуждены были, уже по смерти его, колокольню придѣлать, которая такъ скверна, что, при такомъ хорошемъ строеніи, болѣе смѣхъ, нежели украшеніе дѣлаетъ.

Дворецъ—строеніе весьма безпорядочное, ибо состоитъ въ соединеніи шести или семи домовъ, которые не весьма хорошій видъ дѣлаютъ. Еще находится здѣсь великолѣпное строеніе для сбора такъ называемыхъ «Landes-Städte» (земскіе чины), что всякіе шесть лѣтъ дѣлается. Они сперва весьма много значили; но теперь здѣшній курфирстъ дѣлаетъ, что изволитъ, и, не нося имени самодержавнаго, онымъ пользуется.

Утѣшеніе нашему брату видѣть, что и другіе подъ неограниченною властію самодержавства находятся! Сіе, можетъ казаться, уже судьба просвѣщенныхъ людей.

Курфирстъ [1])—государь весьма хорошій и Саксонія весьма счастлива имѣть такого и давно не имѣла ему подобнаго, да сверхъ того и великая нужда состоитъ, чтобы онъ таковъ былъ: земля еще не могла такъ скоро оправиться, послѣ правленія двухъ королей [2]), которые роскошью и глупою пышностію все, кажется, употребили, чтобы землю свою истощить; къ сему-жъ его величество король прусскій всевозможные способы употребилъ въ Семилѣтнюю войну, чтобы сію несчастную землю изнурить. Но при правленіи сего хорошаго курфирста, земля зачинаетъ оправляться и онъ уже нѣсколько милліоновъ долгу заплатилъ. При послѣдней войнѣ имѣлъ онъ случай оказать великодушіе свое: упомянутые Landes-Städte назначили два милліона на содержаніе войскъ, которые онъ на первый годъ и употребилъ во время войны; на другой годъ они паки согласились такое же число денегъ дать и дѣйствительно оныя собрали и курфирсту оныя доставили; но такъ какъ, сверхъ чаянія, миръ сдѣлался и, слѣдовательно, ему оныя на содержаніе войскъ сихъ не надобны были и, хотя онъ ихъ безъ всякаго попрека своихъ подданныхъ могъ себѣ оставить и ему министры сіе сдѣлать совѣтовали,—но онъ не только остальныя деньги отдалъ, но и запретилъ собирать недоимочныя къ назначенной суммѣ.

[1]) Фридрихъ-Августъ III (I), р. 1750 † 1827, курфирстъ съ 1763, король саксонскій съ 1806 года, одинъ изъ послѣднихъ приверженцевъ Наполеона.

[2]) Курфирсты Августъ I и Августъ II, бывшіе въ то же время королями польскими. Кн. А. В. Л.-Р.

По обыкновенію, на другой день пріѣзда послалъ сказать о себѣ нашему посланнику князю Александру Бѣлосельскому[1], который мнѣ послѣ обѣда къ себѣ пріѣхать велѣлъ, что я и сдѣлалъ. Человѣкъ молодой, во всемъ разумѣ, довольно знающъ, а особливо, что до художествъ и belles-lettres касается, въ обхожденіи пріятенъ, иногда съ красненькимъ словцомъ. Характеръ болѣе на женскій, нежели на мужской похожъ, т. е., что никакого нрава не имѣетъ. Имѣлъ тогда интригу съ самой избалованной женщиной, Фелькерзамшей. Не приступимъ къ дѣлу: въ воскресенье былъ я представленъ курфирсту и его братьямъ, которые однакожъ ни въ чемъ на него не похожи,—за то сестра ихъ[2]) украшеніе имъ дѣлаетъ. Жаль, что набожность владѣющаго брата и ей искоренила, чтобы себѣ изъ весьма знатныхъ владѣльцевъ въ женихи выбрать; ибо кажется, что долгое дѣвство ее снѣдаетъ; но я рѣдко видѣлъ женщину, которая, бывъ такъ мало хороша, столь пріятна была бы. Не мало къ оному чрезвычайное ея ласковое обращеніе способствуетъ. Дворцовыя, какъ и всѣ прочія собранія, довольно скучны и съ берлинскими сравненія не имѣютъ, ибо я себѣ сперва воображалъ, что совсѣмъ противное сему увижу, и для того такъ скоро съ Берлиномъ, гдѣ мнѣ начало довольно весело житься, разстался. Представить себѣ не могъ, судя по великолѣпію двора, который подъ царствомъ двухъ королей такъ отличался, и по великому просвѣщенію простаго саксонскаго народа,—но, къ сожалѣнію, премалѣйшее (?) разстояніе между народомъ и дворянствомъ нашелъ. Я бы своему разсужденію въ семъ, можетъ быть, и не очень довѣрился, ибо, мнѣ кажется, долго надобно въ городѣ жить и устремлять примѣчаніе въ частномъ обращеніи съ жителями, чтобы можно было справедливо о немъ судить; но не только сіе отъ иностранныхъ слышалъ, даже нѣкоторые тамошніе, которые болѣе свѣта имѣютъ въ ономъ, признаются. Остатки великолѣпія сего двора еще во многомъ числѣ здѣсь находятся, а именно: удивительно найти въ толь маломъ городѣ такое число хорошихъ искусниковъ и ремесленниковъ! Для ремесленниковъ, правда, что земля сама способствуетъ, ибо она наполнена всякаго рода сокровищами. И такъ, не диво, что нѣкоторый славный золотарь, Нейбертъ, саксонецъ, здѣсь находится, получая великіе способы свой вкусъ совершать. Надобно тебѣ сказать, что, изъ дрезденскихъ, никто почти ничего

---

[1]) Кн. Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій (р. 1752 † 1809), посланникъ въ Дрезденѣ, потомъ въ Туринѣ, наконецъ, по возвращеніи въ Россію—оберъ-шенкъ.

[2]) Марія-Анна, р. 1761 † 1820, дѣвицею. Кн. А. Б. Л.-Р.

у него не покупаетъ и онъ только кормится чрезъ проѣзжающихъ иностранныхъ и чрезъ продажу на Лейпцигской ярмаркѣ. Но удивительно здѣсь видѣть искусниковъ не только очень хорошихъ, а много посредственныхъ; напримѣръ, Граффъ [1]) портреты рисуетъ въ маслѣ, какъ ты самъ изъ моего видишь, отмѣнно хорошо, и считается изъ первыхъ въ свѣтѣ. Нѣкто Цейдельманъ рисуетъ такъ хорошо, что его переманили въ Англію, гдѣ сіе искусство въ великомъ совершенствѣ. Тейтельбахъ, рѣзальщикъ камней, также изрядный искусникъ и невѣроятно, какъ дешево работаетъ. Множество другихъ искусниковъ здѣсь находится, которыхъ, къ стыду моему, долженъ признаться, бывъ толь долгое время, не посѣтилъ; но сіе будетъ мнѣ хорошій урокъ впередъ. Двѣ вещи здѣсь, великаго примѣчанія достойныя, находятся: 1) собранія картинъ нѣтъ въ свѣтѣ подобнаго, гдѣ бы въ одномъ мѣстѣ всѣхъ разныхъ школъ мастеровъ такое множество хорошихъ картинъ находилось, и 2) трезоръ, называемый «Грюнъ-Гевельбъ», также въ своемъ родѣ одинъ, гдѣ всѣ драгоцѣнные камни, всякаго рода въ большомъ изобиліи и въ совершенствѣ, находятся.

Въ Лейпцигѣ я заболѣлъ; «нѣтъ однако же,—какъ пословица говоритъ,—худа безъ добра». Такъ какъ продолженіе сей болѣзни меня паки въ Лейпцигѣ остановило, то, 1-е, вздумалъ я свой журналъ вести, что теперь за весьма полезное считаю, и 2-е, и весьма важное, что тамъ имѣлъ случай утвердить себя въ правилахъ своихъ, которыя, чрезъ разныя мысли, зачали было колебаться. Надобно подробнѣе тебѣ о семъ разсказать, какъ я почувствовалъ болѣзнь свою, какъ рѣшился остаться все время болѣзни дома, чтобы скорѣе и лучше вылечиться. Я взялъ для этого лекаря Іегера, рекомендованнаго мнѣ Смирновымъ, при посольствѣ совѣтникомъ. По вечерамъ сбирались ко мнѣ нѣкоторые и дѣлали партію въ вистъ. Однимъ вечеромъ вдругъ влетѣлъ здѣшній камергеръ графъ Шенбургъ и предложилъ играть въ макао. Ты самъ знаешь, что я хотя не игрокъ, но игры не ненавижу; я принялъ его предложеніе и мы всѣ зачали играть. Я сначала проигралъ болѣе 500 талеровъ и мнѣ оставалось не болѣе 100 талеровъ проигрывать и, и проигравъ сіе, я бы пересталъ всеконечно, но счастіе иначе располагаетъ,—оно поворотилось; я не только свои всѣ деньги отыгралъ, но выигралъ нѣсколько. Упомянутый молодой графъ хотѣлъ меня испугать, вынулъ горсть золота, спрашивая,

[1]) Антонъ Граффъ (Graff), саксонскій придворный живописецъ, р. 1730 † въ Дрезденѣ 1813. За портреты масляными красками онъ бралъ отъ 30-ти до 50-ти талеровъ. Кн. А. В. Л.-Р.

держу-ли я сіе съ прессомъ? на что я согласился; онъ покрылъ сіи деньги коробочкой; счастіе мое тутъ кстати подѣйствовало и я получилъ девять;—зачали считать и нашлось 22 червонца; ему надобно было идти и онъ покинулъ игру, а мы трое продолжали ее, и тутъ маленькій образщикъ моего счастія явился, ибо я часа съ три съ безпрерывнымъ счастіемъ игралъ, такъ что, по окончаніи игры, я выигралъ 1,000 талеровъ 150 червонцевъ. На другой день поутру всѣ ко мнѣ явились и мы опять зачали играть, но тутъ ничего примѣчательнаго не случилось. Чрезъ нѣсколько времени, зачалъ я банкъ метать, но сіе съ невѣроятнымъ несчастіемъ, такъ что весь свой выигрышъ назадъ проигралъ. Согласился наконецъ съ однимъ маіоромъ Груомъ вмѣстѣ банкъ держать и тутъ опять зачалъ выигрывать, но однимъ днемъ мы разошлись съ нимъ, ибо графъ ему не заплатилъ, и я взялъ въ половину графа Коленберга, человѣка, который, выключая своей чрезвычайной горячности, весьма любезенъ, чрезвычайно честенъ, благороденъ, такъ что ему подобнаго во всемъ Дрезденѣ нѣтъ,—и мы съ нимъ 300 талеровъ выиграли, послѣ чего перестали. Досадно мнѣ стало, что я его въ половину взялъ и что лишился чрезъ то цѣлаго выигрыша. И такъ, сказавъ шведу, что неотмѣнно надобно мнѣ отнять у него этотъ выигрышъ, сдѣлалъ банкъ изъ 150 талеровъ золотомъ, и подлинно удалось мнѣ отнять у него его половину. Съ этихъ поръ зачалъ опять съ отмѣннымъ счастіемъ играть. Намѣтивъ на славнаго здѣшняго игрока, который въ нашемъ обществѣ 1,500 талеровъ выигралъ однимъ вечеромъ, 2,000 талеровъ у него выпонтировалъ и до того его довелъ, что онъ, какъ нищій, зачалъ просить, чтобы ему 600 талеровъ, которые сверхъ у него выигралъ, назадъ проигралъ. При продолжительной сей игрѣ, я имѣлъ случай разныя примѣчанія сдѣлать. Что касается до игры, то весьма странно въ метаніи банка, что, когда однажды несчастливо мечешь, то уже ничто не въ состояніи счастія перемѣнить; сколько картъ ни бери, сколько ни мечи,—ничего не поможетъ. Нѣтъ упражненія скварнѣе, какъ игра! Самаго честнаго человѣка видалъ въ игрѣ безчестнымъ; безпокойство при проигрышѣ ни съ чѣмъ не сравнится! Какая на себя досада!—время уже неотмѣнно теряешь и не только то, въ которое играешь, но и передъ и послѣ игры, ибо только ею и занятъ; сверхъ того, разстройку въ дѣлахъ весьма скоро можетъ также сдѣлать, что тяжело вырваться иногда бываетъ. Дрездену конецъ.

Еще долженъ прибавить къ сему, что былъ въ Кенигштейнѣ—крѣпость три мили отъ Дрездена, которой природа такъ способствовала, что ни подъ какимъ видомъ взять ее не можно и въ

Семилѣтнюю войну курфирстъ,—на нѣкоторое время, вѣроятно, а не навсегда,—нѣкоторыя славныя картины и всѣ сокровища Грюнъ-Гевельба сюда перевезъ. Король прусскій чрезвычайно желалъ сію крѣпость взять и нѣкоторое время въ осадѣ держалъ, но, увидя невозможность ею завладѣть, послѣ тщетнаго опыта, отступилъ.

Наконецъ рѣшился, боясь все проиграть, что выигралъ, изъ Дрездена отбыть. Въ Лейпцигъ прибылъ; но болѣзнь моя еще не кончилась и наконецъ рѣшился опять нѣсколько полечиться. О Боже! колико я объ семъ уже печалился, но отъ сего не выздоровѣлъ! Мой бывшій гувернеръ Киндъ, котораго я здѣсь нашелъ въ весьма хорошемъ положеніи, мнѣ очень обрадовался. Перемѣну чрезвычайную нашелъ въ Лейпцигѣ. Роскошь чрезвычайно умножилась. Утѣха грѣшнику себѣ подобныхъ видѣть!

Брауншвейгъ.—28-го (17-го) августа.

И такъ, опять принимаюсь за свой журналъ; лѣнивъ, правда, но, можетъ быть, исправлюсь. Въ Лейпцигѣ пробылъ четыре недѣли, какъ вдругъ получилъ письмо отъ Оберта [1]), гдѣ онъ мнѣ пишетъ, что племянникъ такъ дурно себя ведетъ, что его силъ недостаетъ болѣе съ нимъ быть, и что если я не скоро пріѣду, то онъ его оставитъ. Легко ты можешь себѣ представить, какъ меня сіе встревожило и я, не взирая на продолженіе моей болѣзни, рѣшился благимъ матомъ ѣхать, и такую нужду въ дорогѣ претерпѣлъ, какъ со мной никогда еще не случалось, ибо—представь себѣ, что не только прекрайняя распутица была, ибо сіе было 4-го марта, но вдругъ завезъ меня почталіонъ въ яму, гдѣ я долженъ былъ часа съ три сидѣть, пока приведенныя лошади изъ ближайшей деревни могли вытащить коляску; съ болѣзнью надобно было мнѣ все сіе время на снѣгу и дворѣ стоять. Чтобы усугубить дѣйствія сего дня, пріѣхалъ на скверную станцію и въ стужѣ, почти въ нетопленой горницѣ, препровелъ прескверную ночь. На другой день выѣхалъ. Ты легко себѣ представить можешь, какъ скверна была дорога, что легкая моя коляска принуждена была быть тащима шестью конями! Такимъ образомъ, на третій день сюда прибылъ и нашелъ здѣсь племянника, меня переросшаго, но блѣднаго и худаго, отъ безпорядочной жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ узналъ, что онъ во всѣ возможныя безпут-

---

[1]) Гувернеръ племянника автора, Николая Александровича Зиновьева, который въ то время обучался въ Лейпцигскомъ университетѣ. Н. В.

сти вдался, т. е. не только въ карты игралъ, но много задолжалъ, многія изъ своихъ вещей заложилъ и самъ подлымъ образомъ многіе долги надѣлалъ: жидамъ, сапожнику своему и т. п. За все сіе я ему жестокіе выговоры дѣлалъ и не прежде съ нимъ помирился, пока онъ мнѣ чистосердечныя обѣщанія не сдѣлалъ, что онъ поправится. Образъ жизни совершенно перемѣнилъ, такъ что Обертъ, который совсѣмъ отчаялся, не могъ довольно тому надивиться. Иной день онъ часовъ по 12-ти занятъ былъ; прежде же моего пріѣзда, ни половины не занимался; да что болѣе всего, что онъ не все съ такимъ послушаніемъ дѣлалъ, и мои повелѣнія, какъ они противъ его желаній и ни были, не только хорошо принималъ, но ясно мнѣ показывалъ свое стараніе ихъ исполнить. И такъ, отъ сего въ восхищеніи, брату одно письмо за другимъ писалъ, гдѣ ему самую лучшую надежду о его поправленіи дѣлаю. Передъ отъѣздомъ моимъ на ярмарку въ Лейпцигъ, онъ занемогъ лихорадкой; но такъ какъ сія болѣзнь не опасна была, да, сверхъ того, ему и лучше сдѣлалось, то переѣхалъ я, въ началѣ мая, туда. Въ Лейпцигѣ жилъ у Кинда въ домѣ. Тутъ примѣчанія достойнаго со мной ничего не случилось; выключаю, что тутъ увидѣлъ кн. Бѣлосельскаго и Смирнова. Денегъ на покупки много промоталъ. И такъ, послѣ трехъ недѣль опять сюда возвратился; здѣсь нашелъ своего племянника выздоровѣвшимъ, но уже не такъ послушнымъ, какъ сперва былъ, что я однако же остаткамъ лихорадки приписывалъ. Около конца мая повезъ я его въ Магдебургъ къ ревюямъ (révue), что ему обѣщалъ; но онъ жаловался, что нездоровъ; но докторъ нашъ ему ѣхать дозволилъ и мы въ одинъ день въ Магдебургъ пріѣхали. На другой день пошли къ коменданту Риволю, здѣшняго города, чтобы просить дозволенія присутствовать при ревю и онъ, записавъ наши имена, обѣщалъ объ ономъ королю сказать и намъ объ ономъ отвѣтъ дать. На другой день отвѣтъ и дозволеніе получили, и такъ, въ первый разъ отъ роду столько войскъ, а именно 24,000, видѣлъ. Жалѣю очень, что съ военнымъ глазомъ на нихъ смотрѣть не умѣлъ; напротивъ, въ мысляхъ все бѣдственное и вредное для человѣчества въ ономъ видѣлъ, что неисчислимыя тысячи людей мучатъ,—да и къ чему? Чтобы лучше другихъ умѣть убить, наконецъ, и самимъ убитыми быть. Къ несчастію, сіе уже необходимо стало; да когда бы и не было, то, по моему, всеконечно первый, который бы сіе завелъ, наижесточайшей казни достоинъ былъ. Но сія философія для тебя, военнаго человѣка, не годится, и такъ, объ семъ полно.

Въ Магдебургѣ, я былъ вторично, при племянникѣ, королю представленъ и весьма странно, что онъ у меня почти то же спросилъ, что

въ Берлинѣ, семь мѣсяцевъ тому назадъ, спрашивалъ. Тутъ оставлю тебѣ о томъ судить. Здѣсь долженъ еще о племянникѣ прибавить, что онъ весьма жаловался на боль, которая очень—какъ онъ говорилъ—умножилась, и онъ такъ въ эти дни опустился, что я принужденъ былъ его ко всему принуждать и онъ меня часто сердживалъ. Забылъ тебѣ сказать, что принцъ прусскій [1]) въ Магдебургѣ былъ и не только меня чрезвычайно хорошо—въ разсужденіи, какъ я думаю, старой моей службы (?)—но и племянника очень хорошо принялъ, такъ что многіе капитаны и штабъ-офицеры къ его столу ужинать не бывали, когда мой племянникъ званъ былъ. Въ Магдебургѣ множество французскихъ и англійскихъ офицеровъ; былъ и я всѣ эти три дня съ французами, между которыми, какъ мнѣ помнится, меньше бригадира не было. У принца ужиналъ. Въ послѣдній вечеръ довольно смѣшное случилось, а именно: одинъ настоящій французъ, бригадиръ, разговорился про морскую баталію, гдѣ, какъ мнѣ помнится, его братъ убитъ былъ, и зачалъ сію баталію на пескѣ рисовать,—да представь себѣ гдѣ?—между ногъ принцевыхъ. Надобно знать, что это было послѣ ужина, въ маленькомъ саду, и мы всѣ стояли; принцъ находился у дерева и ему отъ него никакъ, не испортя французскаго междуножнаго плана, не можно было уйтить. Въ этой позиціи онъ минутъ съ семь пробылъ, смотря ему съ нѣкоторымъ негодованіемъ въ глаза; но бригадиръ не прежде какъ по окончаніи своего плана пересталъ. Обѣдалъ я здѣсь, въ Магдебургѣ, за называемымъ маршальскимъ столомъ, и его величество не разшибся въ великолѣпіи сихъ обѣдовъ, ибо больше четырехъ блюдъ не бывало, а дессертъ былъ пирожки. Къ сему же столу были всегда приглашаемы всѣ чужестранные, представленные королю, и ниже полковничьяго чина; имѣющіе же оный—обѣдали съ королемъ; но я, какъ не военнослужащій, по введенному положенію короля, за маршальскимъ столомъ обѣдалъ и, бывъ голоденъ, находилъ кушанье чрезвычайно хорошо, хотя приборы и не весьма чистоплотны были; mais c'était à la militaire [2]). И здѣсь примѣчаніе свое, которое уже много разъ мнѣ дѣлать случалось, опять повторю, что весьма странное понятіе о нашей землѣ имѣютъ, а паче о неисчерпаемомъ нашемъ богатствѣ. Но что меня болѣе всего удивило, что одинъ адъютантъ короля, бывъ много разъ въ Россіи, для покупки лошадей, такъ объ ней несправедливо разсуждалъ, что иногда я

---

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ, въ послѣдствіи король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ II (р. 1744 † 1797). Кн. А. В. Л.-Р.

[2]) Переводъ: но это было на военную ногу.

принужденъ былъ ему противорѣчить. Однимъ словомъ: славны бубны за горами. По окончаніи трехдневныхъ ревюевъ, поѣхалъ я обратно въ Брауншвейгъ, и сей путь верхомъ сдѣлалъ; но племянникъ, который началъ разнемогаться, оный въ коляскѣ окончилъ. Отъ сего времени до начала іюля, ничего важнаго со мной не произошло.

Брауншвейгъ.—29-го (18-го) августа.

Три дня тому назадъ, какъ изъ Гамбурга возвратился, гдѣ но причинѣ странной былъ: Эшенбургъ, мой любимый учитель въ англійскомъ языкѣ (тебя удивляетъ, что я его «любимымъ» называю; но у меня здѣсь три ежедневно было), собрался ѣхать въ Гамбургъ, а я передъ тѣмъ прескучнаго, но умнаго и знающаго учителя, который въ Дрезденъ отъѣхалъ, лишился и остался мнѣ одинъ суперъ-интендантъ Кюстеръ; вотъ почему я рѣшился съ Эшенбургомъ въ его родимый городъ ѣхать. Городъ сей довольно обширенъ, одинъ изъ главно-торгующихъ въ Германіи и чрезвычайно многолюденъ. Ни съ кѣмъ, кромѣ русскаго посланника, г. Гросса[1]), тамъ знакомства не имѣлъ, чтобы не помѣшать упражненію своему въ англійскомъ языкѣ. Онаго нравъ описать тебѣ не берусь подробно и вѣрно, но сколько узналъ—столько и скажу: человѣкъ честный, нѣсколько скупъ и смѣшно скупъ, весьма чистосердеченъ, и мы другъ друга полюбили. Не попрекни, что я такъ нехорошо о человѣкѣ пишу, который безъ письма меня отлично хорошо принялъ; но однажды навсегда я долженъ то писать, что̀ думаю, но не то, что̀ бы постороннему сказалъ. Послѣднее воскресенье представленъ былъ герцогинѣ Мекленбургской, которая здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ лѣтомъ проводитъ. Не весьма лестно для тѣхъ, которые ея дворъ составляютъ. Всякій день обѣдалъ у Гросса, прочее же время почти все было употреблено на англійскій языкъ. Былъ въ театрѣ одинъ разъ и слышалъ вѣнскую пѣвицу Лангеръ, въ нѣмецкой Земирѣ, и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ по валу гулялъ. Здѣсь прекрасныя гульбища, въ чемъ сей городъ изобилуетъ, и они тѣмъ пріятнѣе дѣлаются, что всякій, даже до самыхъ низкихъ людей, оными пользуется. Послѣ двухдневной безпокойной дороги, нахожусь теперь опять здѣсь. Описаніе сего города и двора оставляю до Франкфурта, куда недѣли чрезъ три прибыть думаю.

---

[1]) Өедоръ Ивановичъ фонъ-Гроссъ (род. 1729 года, умер. въ 1797 году) тайн. сов., бывшій тогда русскимъ посланникомъ при Ганзейскихъ городахъ и при князьяхъ Нижне-Саксонскаго округа (Болѣе подробн. въ статьѣ барона Бюллера: «Два эпизода изъ царствованія Екатерины II-й», «Русск. Вѣстникъ» 1870-го г.). Н. В.

Брауншвейгъ.—31-го августа.

Вчерась обѣдалъ и ужиналъ во дворцѣ и теперь зачали принимать меня какъ должно и у правящаго дворомъ, а то очень смѣшно было, что здѣсь меня сажали ниже тѣхъ людей, передъ которыми я у вдовствующей герцогини преимущество имѣлъ; но съ нѣкоторыхъ поръ преимущество передъ всѣми зачалъ получать, такъ что вчерась выше оберъ-шталмейстера герцога Веймарскаго сидѣлъ. Здѣшній герцогъ, говоря со мною про многое, хотѣлъ меня увѣрить, что онъ не политикъ. Что-то изъ этого выйдетъ? Посмотримъ и впишемъ. Одну непростительную слабость сдѣлалъ, говоря слишкомъ чистосердечно. Часто себя за лишнее чистосердечіе браню, а все еще отъ этого отвадиться не могу, но и въ этомъ поправиться стараться буду, а то еще сія добродѣтель, которая, по несчастію, почти порокомъ сдѣлалась, до бѣды меня довести можетъ. Нынче получилъ отъ тебя, повѣсы, письмо, но я тебя въ пятницу отхлопаю. Увѣдомилъ меня братъ, что Гурьевъ на Салтыковой [1]) женится, а я, къ несчастію, имѣлъ ее въ мысляхъ какъ свою невѣсту, разумѣется, когда столько англичанокъ меня не захотятъ, сколько моихъ землячекъ меня не захотѣли. Вѣдь это вздоръ, но, къ стыду моему, долженъ признаться, что все извѣстіемъ симъ довольно тронутъ былъ и мнѣ вдругъ она, какъ послѣдняя невѣста во всей обширной Россіи, показалась. Нарочно сіе пишу, чтобы себя отъ слабостей такихъ поправить и всѣ свои такія важныя чувства вписывать буду.

6-го сентября.

Ноньче обѣдаю во дворцѣ и видѣлъ тутъ пріѣзжаго аббата Gatti, корсиканца, и видѣлъ съ какимъ жаромъ онъ противъ французовъ говорилъ. Намъ бѣднымъ, монархическимъ подданнымъ, страсть неизвѣстная. При семъ случаѣ я сдѣлалъ безпримѣрную дистракцію, отвѣчая на вопросъ: откуда я?—что я французъ,—какой дистракціи со мной отъ роду не было. Оно тѣмъ смѣшнѣе, что онъ противъ французовъ все говорилъ, что только можно.

---

[1]) Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (умер. 30-го сентября 1825 г.), въ послѣдствіи дѣйств. тайн. сов., графъ и министръ финансовъ съ 1802-го по 15-е августа 1807-го года; имѣлъ въ супружествѣ графиню Прасковью Николаевну Салтыкову (умерла въ 1830 году). Н. В.

Франкфуртъ.—17-го сентября.

Такъ какъ сказано, такъ и сбылось, и не помню, чтобы мнѣ выѣздъ когда нибудь такъ пріятенъ былъ какъ сей. Теперь дамъ тебѣ нѣкоторое извѣстіе о герцоговой фамиліи, и начну имъ [1]).

Онъ человѣкъ весьма умный, знающій и, какъ извѣстно, великій полководецъ и таковымъ отъ извѣстнаго считается (въ послѣднюю войну онъ былъ назначенъ принять корпусъ принца Генриха [2]), который несказанные поступки дѣлалъ, но, къ счастію сего послѣдняго, война окончилась), горячъ, такъ что забывается, ибо, представь себѣ, что онъ одного солдата, на улицѣ, самъ палкой билъ, за то, что онъ въ новомъ мундирѣ кушанье къ офицеру несъ, а въ новыхъ мундирахъ запрещено строго казаться было. И такихъ примѣровъ премножество: дочь [3]) свою, которая премиленькая дѣвочка, чрезвычайно жива и можетъ посему иногда и проступаться,—часто, публично почти, ругаетъ, чему и я иногда свидѣтелемъ былъ; сыну наслѣдника при многихъ пощечину, за неосторожное описаніе, при столѣ, о болѣзни моего племянника, далъ и т. п. Со всѣмъ умомъ своимъ, великія ошибки дѣлаетъ: 1) что не умѣлъ выиграть любовь своихъ подданныхъ; 2) казалъ великую привязанность къ королю прусскому, оказывая большое пренебреженіе къ своимъ малочисленнымъ войскамъ; 3) и главное, что, получа одолженное (т. е. обремененное долгами) правленіе, поставилъ себѣ предметомъ заплатить долгъ, но сіе съ такимъ жаромъ дѣлаетъ, что на сторону никакъ не взираетъ, а все на свой предметъ глядитъ и, правда, много съ костей сшибъ. Но сіе бы можно, мнѣ кажется, дѣлать, не забывая всего, такъ какъ онъ дѣлаетъ; напримѣръ, принимая англичанъ, дѣлаетъ имъ чрезвычайную потачку; несправедливо разсуждаетъ, бывъ до крайности скупъ и собирая деньги на свой полкъ въ Гальберштадтѣ, что всѣмъ извѣстно и на что мой бывшій учитель, суперъ-интендантъ Кюстеръ,

---

[1]) Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ Люнебургъ-Брауншвейгскій (р. 1735 † 1806) извѣстенъ, какъ полководецъ и какъ глава германскихъ масоновъ; имѣлъ репутацію умнаго и образованнаго человѣка. Мирабо и Сіезъ, знавшіе его—высокаго о немъ мнѣнія. Свою военную карьеру началъ въ войнахъ Фридриха Великаго, своего дяди. Н. В.

[2]) Принцъ Генрихъ прусскій, родной братъ Фридриха Великаго. Онъ два раза, въ царствованіе Екатерины, былъ въ Петербургѣ. Въ свой первый пріѣздъ въ Россію, онъ сдѣлалъ первый намекъ императрицѣ о раздѣлѣ Польши.

[3]) Принцесса Каролина (р. 1768 † 1821), вышедшая въ 1795 г. за принца Уэльскаго Георга (въ послѣдствіи король англійскій Георгъ IV). Бракъ, какъ извѣстно, былъ самый несчастливый. Кн. А. В. Л.-Р.

весьма жаловался. Еще нашелъ я въ немъ порокъ, который въ другомъ весьма умномъ человѣкѣ вижу: 1-е, что очень на свой умъ надѣется и думаетъ, что всякаго увѣрить во всемъ можетъ; 2-е, что иногда лукавство пересаливаетъ такъ, какъ и со мной сдѣлалъ (?).

Жена его [1]) меня во всемъ плѣнила и—неудивительно: она на половину англичанка; но чистосердечіе ея меня просто восхитило. Ты не удивишься сему, зная какъ я самъ очень часто слишкомъ чистосердеченъ. Однажды она мнѣ сказала, что запорами мучится, и сколько фруктовъ при водахъ ни ѣстъ—все безъ дѣйствія бываетъ. Шутки въ сторону,—ея добродѣтель безпримѣрна, паче для своей семьи, ибо, не взирая на то, что герцогъ съ одной изъ Берлина г-жей Гартенфельдъ [2]) живетъ, которая, какъ сказываютъ, хороша была и часто надъ герцогиней ругается, она не только любовь и должное почтеніе къ нему, но и ко всѣмъ своимъ дѣтямъ материнскую привязанность сохранила. Она всячески старается герцогу угодить и сказали мнѣ, что большое ея желаніе въ этомъ—его сердитъ. Я съ ней такъ познакомился, какъ нельзя болѣе, даже сказалъ ей, что на англичанкѣ жениться собираюсь, разумѣется, шутя и оставивъ себѣ всѣ поля, чтобы когда серьезно допрашивать будутъ, чтобы вывернуться можно было, и обѣщалъ ей, когда сіе сдѣлается, въ Брауншвейгъ возвратиться съ своей англичанкой. Однимъ словомъ, я ее очень почитаю и люблю, выключая болтливости.

Мать герцогова [3]) уже очень стара и разсказывала мнѣ, съ завистью, о нашей государынѣ (Екатеринѣ II), что она ее однажды отъ пощечины ея матери избавила, когда она съ ней въ Брауншвейгѣ была, и, не хотя ѣхать въ саняхъ съ однимъ старымъ нѣмецкимъ кавалеромъ, перемѣнила свой нумеръ и такую чрезъ то конфузію сдѣлала, что никто не зналъ—кому съ нимъ ѣхать. Правда, что прискорбно должно быть нѣмецкимъ княгинюшкамъ, которыя государыню какъ принцессу Цербстскую знали, и теперь видятъ, что она судьбу Европы рѣшаетъ.

Принцъ Фердинандъ [4])—извѣстный полководецъ въ Семилѣтнюю

---

[1]) Августа, принцесса англійская (р. 1737 † 1813), старшая сестра короля Георга III.

[2]) Дѣвица фонъ-Гартенфельдъ (von Hartenfeld). См. объ ней Vehze, «Gesch. der Höfe des Hauses Braunschweig», V, 273 и слѣд.

[3]) Филиппина - Шарлотта (р. 1716 † 1801), принцесса прусская, родная сестра Фридриха Великаго.

[4]) Принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій (р. 1721 † 1792, холостымъ), дядя владѣтельнаго герцога. Какъ онъ, такъ и отецъ владѣтельнаго герцога, были родными братьями принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, отца императора Іоанна Антоновича. Кн. А. В. Л.-Р.

войну, но многіе бо̀льшую часть его славы одному г. Вестфалю приписываютъ, который теперь въ отставкѣ. Многіе славные люди, по моему мнѣнію, выключая тьму приключеній счастія, въ этомъ положеніи находятся, когда порядочно ихъ исторію разобрать. Онъ человѣкъ весьма добродѣтельный, великій △[1]) и неизчетныя благодѣянія дѣлаетъ, во всемъ своемъ поведеніи весьма щедръ.

Наслѣдный принцъ[2])—не много надежды подаетъ и многіе приписываютъ сіе чисто воспитанію, которое онъ отъ отца получилъ, ибо сказываютъ, что онъ здравый разсудокъ имѣетъ. Сіе опять въ противорѣчіе разуму герцога служить можетъ. Два послѣ его старшіе принца[3])—еще глупѣе кажутся; за то самый младшій[4])—мальчикъ преумный и преострый.

Примѣчательные люди при мнѣ здѣсь были: г. Минихсгаузенъ[5]), который мѣсто и нравъ, какъ мнѣ кажется, Г. К. Орлова[6]) имѣетъ: такъ же упрямъ, какъ онъ, и что̀ сказалъ, того уже никто ему изъ головы не выбьетъ. Изъ женщинъ: г-жа Гартенбергша, которая живетъ съ сыномъ сего страннаго гофъ-маршала, и мало сказать, когда ее кокеткою назвать.

Но ты скоро обо мнѣ дурное подумаешь, что я всѣхъ такъ ругаю; но я тебѣ на это двѣ причины скажу: первая—что въ человѣкѣ доброе всегда позже увидишь, нежели худое и смѣшное, слѣдовательно, надобно и съ добрымъ человѣкомъ долго жить, чтобы его слабости и пороки за добродѣтелями забыть; вторая—что бо̀льшая часть людей болѣе дурны, нежели хороши.

О городѣ тебѣ скажу, что онъ довольно скучный; но я время свое довольно весело и хорошо препровелъ, удалясь отъ малыхъ веселій, которыя въ ономъ находились. Дорогу свою съ довольными неудовольствіями кончалъ.

---

[1]) △—массонъ.

[2]) Принцъ Карлъ-Георгъ-Августъ (р. 1766 † бездѣтнымъ 1806, двумя мѣсяцами раньше отца).

[3]) Принцы Георгъ-Вильгельмъ-Христіанъ (р. 1769 † 1811) и Августъ (р. 1770 † 1820). Оба они были слѣпые и, послѣ кончины старшаго брата и за двѣ недѣли до кончины отца, отказались отъ правъ своихъ на престолъ.

[4]) Принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ (р. 1771 † 1815), младшій изъ всѣхъ братьевъ, наслѣдовалъ отцу. Отличился, какъ полководецъ, своею неустрашимостію во время Наполеоновскихъ войнъ и убитъ былъ при Ватерлоо.

[5]) Оберъ-гофмаршалъ Альбрехтъ-Эдмундъ-Георгъ фонъ-Мюнхгаузенъ (Münchhausen), тайный совѣтникъ. Кн. А. В. Л.-Р.

[6]) Григорій Никитьевичъ Орловъ (умер. 22-го марта 1803-го года), оберъгофмаршалъ; находясь уже въ отставкѣ, получилъ отъ императора Павла, въ 1797-мъ году, орденъ св. Андрея. Н. В.

Въ Кесселѣ музеумъ смотрѣлъ. Строеніе само собою очень хорошо и, для такого маленькаго князя, собраніе довольно изрядно, а паче въ великомъ порядкѣ находится. Новый городъ весьма хорошо выстроенъ и съ великимъ вкусомъ, а паче площадь овальная мнѣ отмѣнно понравилась.

30-го октября.

Прибылъ наконецъ въ Франкфуртъ, гдѣ, къ крайнему неудовольствію, г. Румянцева[1]) не нашелъ и принужденъ былъ его двѣ недѣли ждать, пока отвѣтъ получилъ; наконецъ, увѣдомилъ онъ меня, что въ Шпейерѣ, маленькомъ имперскомъ городкѣ, меня ожидаетъ, куда я въ полтора дня пріѣхалъ и пробылъ съ нимъ день; онъ поѣхалъ въ Карльсруэ, а я—въ Мангеймъ. Городъ новый, совсѣмъ регулярный, гдѣ я менѣе сутокъ остался. Осмотрѣлъ картинную галлерею, которая изрядна, и натуральный кабинетъ, который весьма посредственenъ. Послѣ обѣда, отъѣхалъ къ г. Румянцеву въ Карльсруэ и прибылъ туда вечеромъ. Пробылъ бы здѣсь цѣлую недѣлю съ графомъ довольно весело, когда бы здѣшніе господа, чтобы утѣшать, не такъ надоѣдали. Графъ своимъ состояніемъ весьма скучаетъ и на всѣхъ жалуется: всѣ не такъ себя ведутъ. Это, можетъ быть, и справедливо, но, чувствуя свои достоинства, не надобно другихъ унижать. Мудреное твореніе человѣкъ! И такъ, или я сперва не такъ гр. Румянцева зналъ, или онъ всегда такъ мудренъ былъ и самолюбіе чрезвычайное имѣлъ, которое я изъ его попрековъ противъ другихъ замѣтилъ?—но, правду сказать, что сіе отъ большаго благородства, которое онъ имѣетъ и которое у насъ мало знаютъ, происходить можетъ. Одно предвидѣть изъ нраву его думаю—что мы много новостей ожидать должны и, когда онъ съ другими объ ономъ совѣтоваться не будетъ, то не знаю—будутъ ли онѣ въ пользу государства?

Разстался поздно вечеромъ съ графомъ, послѣ ужина одного чиновнаго карльсруйскаго господина, и поѣхалъ въ Мюнихъ, гдѣ видѣлъ галлерею картинную, которая изъ всѣхъ вещей тамъ примѣчательнѣе и особливо то собраніе, которое во дворцѣ курфирста находится. На другой день поѣхалъ въ Зальцбургъ и весьма радъ, что сей путь сдѣлалъ, ибо сей одинъ изъ самыхъ страннѣйшихъ городовъ. Видъ его и строеніе въ ономъ—весьма хорошіе. Двѣ мили от-

---

[1]) Графъ Николай Петров. Румянцевъ (р. 1754 † 1826, холостымъ), въ послѣдствіи государственный канцлеръ. Кн. А. Л.-Р.

сюда соляные заводы, въ которыхъ я былъ и даже до 250 саженъ подъ землю опускался. Могу сказать, что воспоминаніе сего путешествія мнѣ весьма большое удовольствіе дѣлаетъ. Вотъ все, что примѣчанія достойно о Зальцбургѣ сказать имѣлъ. Здѣсь пробылъ почти два дня, поѣхалъ въ Вѣну, куда имѣлъ между прочимъ письмо къ барону Бюллеру [1]) — весьма странной особѣ. Здѣсь получилъ весьма точныя свѣдѣнія о смерти Екатерины Алексѣевны [2]) и рѣшился ѣхать въ Пизу къ гр. С. Р. [3]); пробылъ здѣсь недѣлю, желая найти человѣка, вмѣсто Лемса, но въ ономъ не успѣлъ. И такъ, пустился въ путь въ Тріестъ, гдѣ теперь и нахожусь, и собираюсь чрезъ нѣсколько часовъ пуститься моремъ на баркѣ, гдѣ уже моя карета стоитъ, — въ Венецію, съ датскимъ теологомъ, именемъ Минтеръ.

Дай Богъ хорошаго пути.

Венеція.—5-го ноября.

Свой путь благополучно водою съ датчаниномъ кончилъ, хотя два дня въ дорогѣ пробылъ; сей путь съ изряднымъ вѣтромъ въ день сдѣлать можно. Поутру въѣхалъ въ Венецію; привезли меня въ таможню. Я думаю, что на свѣтѣ такой странной нѣтъ, ибо не только, что публично деньги берутъ, чтобы не смотрѣть, но еще публично и торгуются. Такъ, давая $^{3}/_{4}$ рубля, я принужденъ былъ цѣлый дать,—но за то и не открывали сундуковъ. Пріѣхалъ на квартиру, послалъ за своимъ корбелиномъ, который сперва и заспѣсивился, а потомъ уже моимъ рабомъ сдѣлался. Но можно сказать, что онъ человѣкъ умный и хотя онъ мнѣ около червонца сталъ, но я онаго не жалѣю.

Третьяго дня видѣлъ здѣсь оперу-буффу, а вечеромъ—италіанскую комедію. Первая чрезвычайно представлена, а вторая изрядно, но на италіанскій вкусъ. Актеры въ самыхъ чувствительныхъ и нѣжныхъ разговорахъ, говоря между собою, оборачиваются на партеръ, безъ нужды кричатъ, шутки себѣ большія дозволяютъ и одного бѣд-

---

[1]) Баронъ Карлъ Яковлевичъ Бюллеръ (р. 1749 † 1811, бездѣтнымъ).

[2]) Графиня Екатерина Алексѣевна Воронцова, рожд. Сенявина († 25-го августа (5-го сентября) 1784), жена графа Семена Романовича и двоюродная сестра автора этого журнала. Кн. А. Б. Л.-Р.

[3]) То есть: къ гр. Семену Романовичу Воронцову (р. 1744 † въ Лондонѣ 1831). Онъ назначенъ былъ въ 1783-мъ году полномочнымъ министромъ въ Венецію, а въ послѣдствіи, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника—къ великобританскому двору, въ каковой должности и скончался. Н. В.

наго актера публично разругали, ибо ему на театрѣ, въ самомъ серьезномъ разговорѣ, директорша этой труппы, которая въ этой комедіи его жену представляла, сказала, что онъ изъ кабака не выходитъ, что̀ великій смѣхъ въ партерѣ произвело и на счетъ бѣднаго этого минуты съ двѣ смѣялись. Городъ престранный! Я былъ въ разныхъ церквахъ, но такъ какъ я намѣренъ ноньче къ нимъ возвратиться, то, можетъ быть, тебѣ объ ономъ въ другой разъ что-нибудь скажу. Ноньче также видѣлъ я одинъ конецъ города, противъ хрустальныхъ заводовъ, гдѣ, сказывалъ мнѣ корбелинъ, ночью нѣсколько опасно ходить, прибавляя, что въ томъ переулкѣ, гдѣ и я живу. также не очень надежно. Но, что всего страннѣе, что маска безъ всякой опасности вездѣ ходить можетъ, и примѣра еще не случалось. чтобы маска какое-нибудь несчастіе имѣла, и сіе оттого происходитъ, что всѣ маски подъ трибуналомъ инквизиторскимъ состоятъ. предъ именемъ котораго всякій дрожитъ. Маска безъ всякой опасности оружіе носитъ, когда другіе за оное строго наказываются. Кой часъ маску надѣлъ,—то имя уничтожилось и кто бы ты ни былъ—то ты: Signora Maschera. Обыкновеніе сіе для облегченія Nobilem дѣлается, ибо имъ неудобно съ другими смѣшиваться: надѣвъ же маску,—они со всѣми равны. Ноньче еще иду въ комедію. По обыкновенію, здѣсь она состоитъ въ томъ, что все играютъ изъ головы, и сіе весьма страшно бываетъ. 11-го ночью пріѣхалъ въ Болонію и. зная, что отсюда до Флоренціи дорога хороша, рѣшился ночь проѣхать, чтобы поскорѣе къ своему другу въ Пизу поспѣть.

13-го поутру пріѣхалъ въ Пизу, нашелъ Семена Романовича въ жалчайшемъ положеніи и печали неутѣшительной о потерѣ покойной сестры[1]), Екатерины Алексѣевны. Здѣсь увидѣлъ я на опытѣ, какъ самый честнѣйшій человѣкъ, каковъ мой другъ, безъ настоящей вѣры недостаточенъ. Онъ, какъ хорошо состроенный корабль, неимѣвшій руля: благополучный вѣтеръ доводитъ его до настоящей гавани, бурей отъ оной отводитъ, а часто и разбивается. И такъ, любезный другъ, не копи богатства для дѣтей своихъ, не безпокойся украшать ихъ умъ познаніями, но прежде всего старайся дать имъ настоящее и твердое понятіе о вѣрѣ: утвердивъ ихъ въ семъ, уже тогда прочія выгоды имъ пріобрѣтать старайся. Безъ вѣры нѣтъ настоящаго и твердаго благополучія на семъ свѣтѣ, а кто оную имѣетъ—въ добродѣтели навсегда непоколебимъ. Никакое несчастіе. никакая страшная угроза его въ хорошихъ правилахъ поколебать не можетъ. Онъ можетъ иногда отдаться чувствамъ тѣлеснымъ, но когда

---

[1]) Т. е. двоюродной сестры автора журнала. Кн. А. Л.-Р.

душа его опять надъ нимъ верхъ возьметъ, то онъ ясно свои прегрѣшенія и преступленія видитъ, объ оныхъ соболѣзнуетъ, прибѣгаетъ къ Творцу, прося Его со смиреніемъ и кротостію о прощеніи своемъ, и испрашиваетъ Его помощи въ утвержденіи на пути истины. Еще имѣлъ случай утвердиться въ извѣстномъ правилѣ, видя и бывъ почти неразлучно съ дѣтьми Семена Романовича, какъ нужно и полезно, чтобы матери сами вскармливали дѣтей своихъ. Сверхъ несказанной пользы, о которой почтеннѣйшій Руссо пишетъ, надобно еще прибавить, что кормилица—какой-бы добрый человѣкъ она ни была—того врожденнаго жара любви къ ребенку, какъ мать, имѣть не можетъ; не бывъ довольно просвѣщена, часто не знаетъ, какъ взяться, чтобы ребенокъ дѣлалъ то, что необходимо надобно. У насъ другое еще неудобство: выборъ сихъ женщинъ дѣлается изъ рабынь! Но близокъ-ли сей родъ людей къ благородству—ты самъ знаешь. Онѣ боятся дитятю прогнѣвать, изъ рабскаго усердія ему потакаютъ, многое непростительное—спускаютъ, пріучаютъ ребенка непрекословно волю свою исполнять: онъ къ сему привыкаетъ, въ взрослыхъ лѣтахъ сія страсть возрастаетъ, и дѣлаютъ часто то, что, выросши, ихъ питомецъ часто тѣмъ рабски повинуется, безъ покровительства которыхъ онъ не могъ бы такъ выгодно свои страсти исполнять. Сверхъ всего этого, любовь, которую ребенокъ къ кормилицѣ питаетъ, отдаляетъ мать, любовь которой она во всей цѣлости отдавала бы своему дѣтищу, если бы его своимъ молокомъ вскармливала. Онъ былъ бы тогда всѣмъ привязанъ къ своей матери, и, съ помощію врожденнаго почтенія, съ привычкой соединялъ бы въ ней то, чего онъ въ кормилицѣ найти не можетъ. Какъ бы тогда легче было такого ребенка вести, который къ своей матери непреоборимую любовь съ крайнимъ почтеніемъ соединялъ. Я въ семъ такъ увѣренъ, что одна изъ первыхъ моихъ молитвъ къ Всевышнему—имѣть такую жену, которая бы пріятный трудъ сей на себя взяла.

Здѣсь я пробылъ до 20-го января. Хотѣлъ было прежде выѣхать, но рѣшился пробыть до сего времени, чтобы исполнить лучше предпринятое намѣреніе—разбивая своимъ присутствіемъ печаль друга своего. Два дня передъ отъѣздомъ моимъ, пріѣхалъ сюда гр. Иларіонъ Ивановичъ[1]), и сколько я его въ это время короткое узнать могъ, нашелъ его человѣкомъ весьма любезнымъ.

---

[1]) Графъ Иларіонъ Ивановичъ Воронцовъ (р. 1760 † 1791). Кн. А. Л.-Р.

Ліонъ.—19-го (8-го) декабря 1784 года.

Сюда пріѣхалъ, чтобы просвѣтить себя. Послѣ разныхъ разговоровъ съ членами, какъ, напримѣръ, съ Виллермозомъ[1]), съ Савареномъ и Вернаномъ, такъ вооображеніе мое воспалено было, что сей вечеръ принявшись читать библію (правда, что не великую на то склонность имѣлъ), вмѣсто хорошаго, дурное дѣйствіе произвелъ, а сіе меня въ такое безпокойство привело, что, ложась спать, мнѣ послышалось, что меня зовутъ именемъ, и сіе меня такъ испугало, что я зачалъ очень молиться и наконецъ покойно уснулъ. Не нужно долгое разсужденіе дѣлать, какъ полезно познаніе самого себя!

Въ настоящее время мы переходимъ къ журналу Василія Николаевича Зиновьева, веденному имъ въ формѣ писемъ къ гр. Семену Романовичу Воронцову, изъ Италіи. Эти поденныя записки составляютъ, по времени ихъ веденія, продолженіе предъидущаго журнала изъ Германіи и частью изъ Италіи. Такъ какъ авторъ весьма подробно отдаетъ въ нихъ отчетъ своему другу о всемъ, что онъ осматривалъ въ Италіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ вращается въ сферахъ изящнаго, т. е. музыки, живописи, ваянія и проч., то мы не сочли умѣстнымъ передавать въ печати эти впечатлѣнія художника и артиста, а ограничились лишь избранными мѣстами изъ писемъ, неизъятыхъ историческаго значенія, почему нижепечатаемыя письма нами сокращены, въ тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ мы упомянули.

Н. П. Барышниковъ.

---

[1]) Виллермозъ (Willermoz), ліонскій купецъ, былъ предсѣдателемъ конвента въ Ліонѣ въ 1778-мъ году, собраннаго французскими и нѣмецкими масонами «строгаго наблюденія», съ цѣлью сближенія между собою и съ намѣреніемъ признать герцога Фердинанда Браунштейгскаго Гроссмейстеромъ всѣхъ Тампліеровъ Франціи и Германіи. На конвентѣ успѣха достигнуто не было, по причинѣ разныхъ интригъ. Виллермозъ и послѣ конвента продолжалъ быть дѣятельнымъ членомъ французскихъ масонскихъ ложъ. См. Лонгинова «Новиковъ и московск. мартинисты», стр. 76, Рукописи Вишебешскаго архива, и Thory «Acta Latomorum», II, 395. Н. Б.

II.

Письма В. Н. Зиновьева къ графу С. Р. Воронцову изъ Италіи, сначала въ Пизу, а потомъ въ Лондонъ.

Римъ.—23-го (12-го) января 1785 года.

Намѣренъ я журналъ довольно подробный своему отсутствію отъ тебя вести, а такъ какъ тебѣ досугу теперь довольно въ Пизѣ, то, любезнѣйшій мой, чтобы мнѣ пріятнѣе его было читать, я къ тебѣ его адресовать буду, а ты на сіи вздорныя письма сдѣлай особливый ящикъ, чтобы я потомъ у тебя ихъ отыскать и отобрать могъ [1]). Ты сему можешь удивиться,—«какъ можно этакое маранье собирать?»—вѣдь однакожъ не я первый буду, который свои вздоры за безпримѣрныя сочиненія считаетъ. Безъ шутокъ сказать, чтобы вдвойнѣ не писать, поведу свой журналъ писавъ къ тебѣ. Вотъ и предисловіе. Ты знаешь, что я никакого сочиненія безъ онаго изъ рукъ не выпускаю; даже, помнишь, когда дѣлалъ переводъ о употребленіи мыла,—онаго не избавился.

Вечеромъ, въ семь часовъ, пріѣхалъ за двѣ почты отъ Рима, гдѣ я ночевалъ, чтобы въѣхать въ Римъ днемъ, куда въ 9 часовъ поутру и прибылъ. Немалое удовольствіе мнѣ было подъѣзжать къ городу, но я еще не разобралъ: точно-ли сіе—дѣйствіе воспоминанія тѣхъ славныхъ людей, которые сію землю топтали, или подражательное чувство, которое отъ наслышки происходитъ? Первое мое попеченіе, пріѣхавъ сюда, было исправить твои коммисіи. Печати твои, по рисункамъ Лебрехта [2]), отданы рѣзать, и я надѣюсь, что ты доволенъ оными будешь, и уповаю, что ты на меня не прогнѣваешься, что я другой крестъ тебѣ прибавилъ—но ужъ такова судьба! Великая государыня тебѣ ихъ даетъ, а великіе проказники—въ гербъ твой ихъ ставятъ. По твоему приказанію, прежде всего, ѣздилъ Ротонду смотрѣтъ и потомъ церковь св. Петра, и при послѣдней, особливо подходя къ оной поближе, несказанныя чувства имѣлъ и когда можно ихъ уподобить, то я бы сказалъ, что они таковыя, какъ когда бы мнѣ случилось славнѣйшаго, почтеннаго человѣка увидѣть, съ которымъ знакомиться съ нѣкоторымъ смиреніемъ и удовольствіемъ идешь.

---

[1]) Что, вѣроятно, авторъ писемъ и исполнилъ, такъ какъ они находятся въ Вишебешскомъ архивѣ, г-дъ Зиновьевыхъ.

[2]) Карлъ Александровичъ Леберехтъ, состоявшій оберъ-медаліеромъ при нашемъ дворѣ въ 1783-мъ году и устроившій медаліерный классъ при академіи. Храповицкій неоднократно упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ. **Н. В.**

Нашелъ нашихъ двухъ министровъ здѣсь: Юсупова[1]) и Разумовскаго[2]). Первый все таковъ же: покупаетъ здѣсь картины весьма дурныя, какъ мнѣ кажется, разныя инвенціи шандаловъ дѣлаетъ (?), которые совсѣмъ татарскаго вкуса, занятъ маханьемъ[3]) здѣсь, какъ и въ Туринѣ, однимъ словомъ — все тотъ же, какъ и былъ. У послѣдняго я часа два назадъ былъ и въ первый разъ его дома засталъ. Въ полтора часа, которые мы съ нимъ были, довольно познакомились и, по возвращеніи моемъ сюда, я его еще здѣсь найду и думаю болѣе его узнать. Онъ мнѣ не только разсказалъ исторію его съ лекаремъ, но и разныя, которыя онъ здѣсь дѣлалъ, подъ именемъ, которое ему здѣшній народъ давалъ: «il matto moscovito»[4]). Съ лекаремъ его приключеніе слѣдующее было: по пріѣздѣ его въ Неаполь, занемогъ его слуга и онъ самъ; для сего онъ послалъ за очень хорошимъ и славнымъ докторомъ, поутру; но его карета его до вечера дожидалась, ибо тотъ не прежде домой, отъ многихъ своихъ больныхъ, возвратился и, узнавъ, что за нимъ прислали, тотчасъ туда пріѣхалъ; но только что явился,—нашъ Сципіонъ на него кинулся, разругалъ его по италіански, да перевелъ съ русскаго, что онъ велитъ ему бока переломать. Неаполитанецъ, изъ дверей, не дожидаясь обѣщаннаго, благимъ матомъ кинулся, прибѣжалъ съ полдушой домой и, чтобы другую опять къ себѣ приманить, бросилъ кровь. Сіе его принудило день дома остаться; о семъ всѣ его больные, не могши его видѣть, весьма досадовали и причину его непосѣщенія узнали, а чрезъ нѣсколько дней былъ знаменитый сей врачъ призванъ на совѣтъ въ Козерту, по болѣзни королевскаго сына, и отецъ велѣлъ себѣ сію исторію пересказать. Вотъ тебѣ, любезный другъ, Тацитова исторія, передѣланная Скарономъ! Жаль только, что ее безтолковый читать будетъ.

Зная, что ты охотникъ до театровъ, скажу тебѣ, что я вчерась въ двухъ разныхъ былъ. Въ одномъ, видѣлъ весьма хорошаго пѣвца,

---

[1]) Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ (р. 1750-го, умер. 1831-го г.), дѣйствительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Туринѣ съ 1782 по 1788-й годъ; въ послѣдствіи, съ 1800 по 1802 г.—министръ удѣловъ.

[2]) Графъ (въ послѣдствіи князь) Андрей Кириловичъ Разумовскій. Онъ былъ посланникомъ въ Неаполѣ до 24-го ноября 1783-го года; въ этотъ день онъ имѣлъ отпускную аудіенцію у короля и его мѣсто заступилъ гр. Скавронскій.

[3]) Т. е. ухаживаніемъ, волокитствомъ за женщинами. См. сочиненія фонъ-Визина, издан. П. А. Ефремова, «Пояснительныя примѣчанія къ тексту», стр. 651-я, примѣч. 3-е. Н. В.

[4]) Переводъ: «московскій чудакъ, сумасшедшій».

одного кастрата, и со сцены онъ мнѣ показался совершеннымъ красавцемъ, соединяя при семъ прекрасную фигуру, и ты не повѣришь, какъ я на это скверное обыкновеніе злился—лишать людей такихъ нужныхъ частей!... Видѣлъ я также въ одномъ театрѣ хорошаго танцовщика, сына кн. Андрея Михайловича Бѣлосельскаго [1]). Въ послѣднемъ, въ которомъ я только одинъ актъ пробылъ, находится очень хорошій теноръ, а прыгуны—ужъ не мнѣ чета. Чудно видѣть мужчинъ въ женскихъ платьяхъ на сихъ театрахъ. Послѣднее сіе описаніе, надѣюсь, увѣрить тебя, что я не праздно время свое здѣсь провелъ. Я ѣду завтра отсюда. Отпиши, что мои маленькія крошечки дѣлаютъ, и хватился ли меня Мишенька? О Катенькѣ [2]) я не спрашиваю, мы въ ссорѣ съ ней разстались и, между нами сказать (ты, надѣюсь, этого ея женихамъ не скажешь)—она очень непостоянна и не подумай, что я это par bouderie говорю. Прости, будь здоровъ и старайся всячески таковымъ быть, убѣгая всѣ случаи, которые сему вредны быть могутъ; ты въ этомъ всѣмъ, которыхъ любишь и любилъ, своимъ маленькимъ чадамъ и Творителю всего отвѣтствовать современемъ долженъ. Вотъ желанія и просьба того, который никогда тебя любить не перестанетъ.

Ларивону Ивановичу и гр. Моцениго [3]) сказать, что я ихъ servo umilissimo (т. е. покорнѣйшій слуга).

---

[1]) Кн. Андрей Михайловичъ Бѣлосельскій († 1779-го), старшій братъ кн. Александра Михайловича. Онъ долгое время находился посланникомъ въ Дрезденѣ, гдѣ и скончался.

[2]) Говорится о дѣтяхъ гр. С. Р. Воронцова: о графѣ (въ послѣдствіи князѣ и фельдмаршалѣ) Михаилѣ Семеновичѣ (род. 18-го мая 1782-го, умеръ 7-го ноября 1856-го г.) и о графинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Воронцовой, вышедшей въ послѣдствіи замужъ за лорда Пемброка.

[3]) Можно полагать, что это гр. Дмитрій Моцениго, который занималъ въ послѣдствіи въ Россіи мѣсто флоретинскаго (а не венеціанскаго, какъ говоритъ Державинъ) посланника и получившій извѣстность по возникшему дѣлу съ банкиромъ Сутерландомъ, которое, при посредствѣ Державина, окончено миромъ, въ маѣ 1792-го г. (Записки Державина, издан. Грота). Въ послѣдствіи, можетъ быть, то же лицо, а можетъ—и сынъ его графъ Георгій (Дополненія и примѣч. къ VI-му тому сочиненій Державина, изд. Грота), состоя на русской службѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, нашимъ министромъ при тосканскомъ дворѣ, отставленъ отъ службы импер. Павломъ, «за невниманіе къ поведенію бывшаго при немъ коллежскаго ассесора Дрозда-Боначевскаго», «который передался французамъ», что и выражено въ Высочайшемъ указѣ, данномъ сенату въ 13-й день іюня 1799-го года. (См. Высочайшіе указы 1799 года).

Н. В

Неаполь.—6-го февраля 1785 года.

Нынче видѣлъ короля [1]), во всей своей славѣ, и онъ, кажется, цѣлый день занятъ былъ, чтобы дурачества дѣлать: 1-е, по утру экзерцировалъ самъ своихъ липоротовъ [2]), которые у него все, что ты можешь вздумать: они пѣхотные и морскіе, употребляются на охотѣ, безъ нихъ рыбу король не ловитъ, при торжественныхъ столахъ они вмѣсто лакея служатъ, что однако же, какъ мнѣ кажется, не дурно, ибо сіе избавляетъ отъ издержекъ, да, сверхъ того, уменьшаетъ число тунеядцевъ, въ которое почти всѣ придворные включены быть должны: разумѣется, выключить надобно такого камеръ-юнкера, каковъ я есмь. Экзерциція сего страннаго войска довольно странна была, а паче—родъ марша, который они имѣютъ, мнѣ очень смѣшнымъ показался и нигдѣ, какъ на такомъ гладкомъ мѣстѣ, каково было, гдѣ они экзерцировали, въ дѣйствіе произведенъ быть не можетъ. Странное дѣйствіе сдѣлало во мнѣ сравненіе, которое мнѣ въ голову пришло, съ разными маневрами здѣшняго короля и Ѳедора Ѳедоровича [3]) и оно нападеніемъ и жданьемъ его на лошади умножено было. Да чего-жъ онъ слишкомъ часъ верхомъ ждалъ?—королевы, которая, по пріѣздѣ, отъ него рапортъ получила. Ты легко изъ сего увидишь, что все сіе—ребячество, и Левъ Александровичъ, мнѣ кажется, такъ бы долго Марины Осиповны [4]) не ждалъ. Не взирая однако же на все сіе, всѣ первые изъ дворянства рвутся, чтобы быть принятыми въ сей корпусъ липоротскихъ волонтеровъ и бо̀льшая часть офицеровъ имѣютъ ключи. Сіе, коротко и ясно сказать, должно рабствомъ назвать. 2-е. На курсъ явился онъ маскированный, въ коляскѣ, и долгое побоище съ другими въ оной держалъ. Достойное упражненіе короля! 3-е. Чтобы совершить всевозможное... (вотъ тебѣ бѣлое мѣсто и ты ужъ вставь туда, что̀ заблагоразсудишь), явился

---

[1]) Фердинандъ VI (род. 1753, умеръ 1825 г.), получившій престолъ въ 1759 году и умершій съ именемъ Фердинанда I-го, «короля Обѣихъ Сицилій». Онъ имѣлъ въ супружествѣ дочь Маріи Терезіи, Марію Каролину, сестру Іосифа II-го и Маріи Антуанетты, королевы французской.

[2]) Дворцовая гвардія.

[3]) Намекъ на прусскаго короля Фридриха Великаго.

[4]) Левъ Александровичъ Нарышкинъ (род. 1739, умеръ 1799 г.), дѣйствительный камергеръ и д. т. совѣтникъ, оберъ-шенкъ и оберъ-шталмейстеръ, пользовался особеннымъ расположеніемъ двора и извѣстенъ своимъ веселымъ нравомъ и беззаботностію, что̀ слыло въ современномъ обществѣ ребячествомъ. Онъ былъ женатъ на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, родной племянницѣ графовъ Разумовскихъ. Н. В.

онъ въ маскарадъ въ кадрилѣ съ липоротскими офицерами, гдѣ они, въ предлинномъ балетѣ, представляли «походъ Аргонавтовъ», и послѣ завоеванія «Золотаго Руна», поднесли оное чрезъ лѣстницу, сдѣланную изъ щитовъ, королевѣ въ ложу; по окончаніи сего промаршировали они по всему театру, дабы, паче чаянія, если кто нибудь просмотрѣлъ своего государя, тутъ бы могъ его увидѣть. Я очень радъ, что сіе позорище видѣлъ, ибо мнѣ вѣроятнѣе стихи о Нероновыхъ дурачествахъ и всѣмъ, мнѣ кажется; здѣшній король очень къ нему подходитъ. Надобно тебѣ одинъ тре (т. е. trait) разсказать здѣшняго владыки: дня четыре тому назадъ, послѣ маскарада, на другой день, въ 6 часовъ, велѣлъ онъ всѣмъ липоротскимъ офицерамъ, сверхъ чаянія, къ ученью явиться, гдѣ онъ ихъ въономъ нѣсколько часовъ въ прескверное время продержалъ, а они, послѣ маскарада и ученья, подъ градомъ, чаяли домой отдохнуть возвратиться; но, къ великому удивленію, получили приказъ—тотчасъ идти дѣлать репетицію балета, гдѣ и король самъ былъ. «Pourquoi m'ont ils prié d'être des Liporotes [1])—вотъ, что онъ сказалъ на изъясненія, которыя ему о тягости того дня сдѣлали. Всякій россіянинъ долженъ при этомъ подумать, что «богиня» имъ и его земляками правитъ.

8-го. Нынче должна была королева явиться съ своей кадрилью въ маскарадъ, которая бы за третьягоднишнія королевскія учтивости отплатить должна была; но, видно, она постыдилася при всей публикѣ дурачиться и для того маскироваться въ положенномъ порядкѣ,—все въ комнатахъ, при королѣ, исполнила.

Вечеромъ видѣлъ я то, что мнѣ уже болѣе не удастся видѣть— что мой хозяинъ [2]) депеши въ ложѣ подписывалъ. Я тебѣ его портретъ при семъ прилагаю, который съ натуры писанъ, изъ чего ты можешь заключить: могутъ ли люди, которые около него, счастливы быть? Сверхъ того, соединяетъ онъ съ крайнею неосторожностію въ разговорахъ высокомѣріе о своемъ мѣстѣ и для того слово «депеши» въ разговорѣ употребляетъ; вездѣ и во всякой тѣснотѣ кричитъ самъ или людямъ своимъ приказываетъ, что онъ «il ministro di Moscovia». Я надѣюсь многія исторіи о немъ услышать и мнѣ при всемъ этомъ

---

[1]) Переводъ: «Зачѣмъ просили они зачислить ихъ въ липоротскій корпусъ?»

[2]) Графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій (р. 1757 † 1793 г.). Послѣ гр. А. К. Разумовскаго, онъ долгое время (1785—1793 г.), былъ полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Женатъ былъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, племянницѣ кн. Потемкина. Въ послѣдствіи (1798), она вышла вторично замужъ за гр. Литту и 1-го января 1824 г. пожалована гофмейстериной двора. Она умерла 7-го февраля 1829 года. Болѣе подробныя свѣдѣнія о графѣ и графинѣ Скавронскихъ находятся въ «Souvenirs de M-me Vigié Le Brun».

Н. В.

никто такъ не жалокъ, какъ его жена, которая въ этихъ случаяхъ, по своему малому знанію свѣта, въ весьма жалкомъ положеніи находится и, не находя въ себѣ средствъ избѣгнуть непріятности, не можетъ ни къ кому прибѣгнуть, а она, по своимъ добрымъ качествамъ, иной судьбы достойна. Но когда ужъ рокъ его велитъ ему министромъ быть, то мнѣ кажется, что лучшаго мѣста, какъ здѣшнее, не можетъ для него быть, гдѣ онъ безъ большаго стыда цѣлые дни на скрипкѣ проиграть можетъ, что онъ и дѣлаетъ, да я и желаю, чтобы дѣлать продолжалъ, ибо въ публикѣ онъ болѣе случаевъ имѣетъ проказы дѣлать, изъ которыхъ одна уже, по его ревности, непремѣнна, ибо онъ жену свою подъ руку водитъ [1]), выключая, что я, 16-го, удостоенъ былъ соучаствовать въ пріятномъ семъ трудѣ. Вотъ тебѣ, милый мой, еще извѣстіе; я все боюсь, чтобы я тебѣ онымъ не наскучилъ. Мишуточку и Катеньку въ мысляхъ цѣлую и тебя съ теплѣйшимъ чувствомъ дружества обнимаю.

Неаполь.—8-го февраля 1785 г.

Я думаю, что ты меня несказанно бранишь, что мои письма или, лучше сказать, дневная записка такъ безпорядочна; но я думаю, что, смотря на мои молодыя лѣта (ты этому смѣешься), ты меня извинишь, что я иногда отведенъ отъ порядка капищемъ веселъевъ, которыя здѣсь находятся и которыми я пользоваться хочу. Ты самъ знаешь, какая скверная у меня память на это: писавъ примѣчанія свои, забываю имя тѣхъ, о которыхъ пишу, оставляю для сего бѣлое мѣсто, чтобы объ нихъ спросить, и, получа повтореніе,—вторично забываю. Но отъ нынѣшняго дня стараться стану порядочнѣе и въ этомъ быть. Напередъ тебя просилъ о терпѣніи и надѣюсь, что ты мою просьбу помнишь. Продолжать стану.

....Ѣздилъ на курсъ вмѣстѣ съ кн. Голицынымъ и г. Гекель— его водителемъ, гдѣ, выключая чрезвычайнаго множества каретъ и лучшаго порядка, какъ третьяго дня,—ничего примѣчанія достойнаго не было. Герцогиня [2]) была на курсѣ маскирована, въ коля-

---

[1]) Въ этомъ случаѣ авторъ, кажется, увлекается капризнымъ обычаемъ высшаго италіанскаго общества, который требовалъ, чтобы замужняя женщина не показывалась въ свѣтѣ подъ-руку съ своимъ мужемъ. (Срав. письма Д. И. фонъ-Визина, изд. П. А. Ефремова, стр. 497).

[2]) Герцогиня Тосканская Марія Луиза, рожденная принцесса Испанская, вышедшая замужъ за Леопольда Тосканскаго, сына Маріи Терезіи. Съ 1790 года онъ сдѣлался императоромъ. Кн. А. В. Л.-Р.

скѣ Бель-Монтши, которая отъ нея не отходитъ. По возвращеніи, поѣхалъ я въ флорентинскій театръ, чтобы видѣть въ послѣдній разъ Кольтелиньшу [1]), которая ѣдетъ на годъ въ Вѣну, а потомъ на два опять здѣсь законтрактована; тутъ и король находился. Судя по твоей любви ко мнѣ, заключаю, что тебѣ буффоны не противны; здѣсь славный находится, хотя Кольтелиньша мнѣ про него очень наивно сказала: comment peut on s'imaginer que je suis amoureuse de lui [2]), ибо онъ безмѣрно толстъ. (Слышу, что говоришь, что и я таковъ же). Имя его Couvacelli; играетъ весьма натурально. По окончаніи пьесы были брошены сонеты, по обыкновенію италіанскому. Отсюда поѣхалъ я уже съ моимъ хозяиномъ и хозяйкой въ маскарадъ, гдѣ ожидалъ видѣть, какъ въ городѣ говорили, королеву маскированную въ кадрилѣ; но сей слухъ не исполнился.

9-го. Ѣздилъ въ Портичи. Ты хвалишь прославленнаго «Сатира», но я его не разсматривалъ, ибо сюжетъ премерзкій, а я до всего этого—злодѣй. Можетъ быть, для искусства и не хорошо сужу, опорочивая всякія нагія фигуры и думая, что немало сіе къ развращенію нравовъ соучаствуетъ, и не принимаю на сіе никакаго возраженія, что, напримѣръ, искусства отъ того потерять могутъ. Я скорѣе соглашусь, чтобы зачалъ бывшій мнѣ несносный готическій вкусъ царствовать, нежели чтобы чрезъ искусства нравы молодыхъ людей, а паче молодыхъ дѣвицъ, портились, которыя, прежде замужства, всѣ физическія удовольствія узнаютъ. Но какъ сему иначе быть? Дать имъ понятіе, какое ни есть, о вѣрѣ какой нибудь,—мы не печемся, безпокоясь очень въ самое то время, чтобы онѣ французскіе контредансы знали. Я тебѣ скажу, что, когда у меня дѣти будутъ,—у меня въ домѣ ничего такого не будетъ, чтобы что нибудь могло неблагопристойнымъ казаться. Правда, что я, можетъ, своего предмета и не достигну, ибо въ другихъ домахъ сіе находиться будетъ. Ужиналъ у Голицына съ Италинскимъ [3]) и Зентеномъ, проводникомъ г-жи Скавронской.

---

[1]) Не о женѣ ли Марка Колтеллини здѣсь говорится, который извѣстенъ какъ піитъ, находившійся въ 1774 году въ русской службѣ; онъ сочинилъ нѣсколько оперъ, представленныхъ на петербургской сценѣ (См. Драматическій Словарь, изданный въ Москвѣ въ 1787 году).

[2]) Переводъ: «Возможно ли воображать, что я въ него влюблена?»

[3]) Андрей Яковлевичъ Италинскій († 1828), уроженецъ Малороссіи, былъ гувернеромъ В. П. Кочубея, потомъ поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; два раза былъ посланникомъ въ Константинополѣ (1802—1808 и 1812—1816), наконецъ въ Римѣ, гдѣ и скончался. Похороненъ въ Ливорно, въ греческой церкви. Авторъ встрѣтилъ его въ Италіи, въ то время, когда онъ находился тамъ при нашемъ посольствѣ. Н. В.

11-го. Ѣздилъ въ компаніи Андрея Яковлевича[1]), Голицына и его гувернера на островъ Нисапса, моремъ. Я въ восхищеніи былъ! Это путешествіе я бы всякаго человѣка заставилъ сдѣлать, который имѣетъ развращенный умъ, отрицающій существо Бога: онъ бы здѣсь всему доказательство неоспоримое ощутилъ,—не такъ изъ того, что̀ онъ бы видѣлъ, какъ болѣе изъ тѣхъ чувствъ, которыя видимымъ произведены. Завтра ѣду на кратеръ. Когда меня Везувій убьетъ avec ses pierres de couleur [2]), то по крайней мѣрѣ я островъ сей прекраснѣйшій увижу. Здѣсь говорятъ: «Видѣвшій Неаполь—можетъ умереть; если-жъ не видѣлъ—пусть отправится въ него».

12-го. Дивился суевѣрію: что поставленная статуя св. Генуарія лаву рукой удерживаетъ.

13-го. Ѣздилъ съ Андреемъ Яковлевичемъ и съ пріѣхавшими недавно русскими кн. Несвицкимъ и Закревскимъ въ Пузаллу и въ кругъ лежащія мѣста. Если сказать тебѣ вообще мое мнѣніе объ ономъ, то мнѣ сіе не такъ чрезвычайно показалось, какъ многіе о семъ говорятъ, и я никакъ не былъ въ томъ восхищеніи, въ которомъ обыкновенно другіе бываютъ, посѣщая сіи мѣста. Можетъ, сему причиной то, что, 1-е, я ужъ не такъ подробно древнюю исторію помню; 2-е, что мало древнихъ авторовъ читалъ; 3-е, что воображеніе мое не довольно живо. Еще къ сему присоединяется, что я ужъ ничуть не слѣпой обожатель древности и желалъ бы, чтобы и другіе почаще о великихъ людяхъ своего времени помнили, которыхъ дѣянія намъ понятнѣе и менѣе сомнѣнію подвержены, нежели древнія; да сверхъ того, по перемѣнѣ обычаевъ, правилъ и съ нашими чувствами сходныхъ дѣяній, напримѣръ, Питтовъ, отца и сына, кардинала Хименеса,—дѣянія оныхъ несравненно болѣе трогательны, нежели многихъ прославленныхъ древнихъ людей, и мнѣ кажется, никакъ съ отцомъ Питтовымъ сравниться не могутъ, а о семъ почтенномъ человѣкѣ, который въ нашихъ глазахъ жилъ, никто еще писать не вздумалъ. Жизнь Питтова, которую ты читалъ, не есть ли доказательство, что всѣ славные ученые только древними героями занимаются, не удостоивая своихъ современниковъ своего зрѣнія? Я буду стараться достать изображеніе всѣхъ славныхъ людей и для того тебя прошу, любезный другъ, такъ какъ память моя весьма дурна, прислать мнѣ маленькій реестръ подобнымъ людямъ, каковы вышеупомянутые были. Объ этой матеріи надобно намъ поговорить, когда мы вмѣстѣ будемъ, что̀, какъ я думаю, скоро должно быть, ибо я тебя прошу мнѣ время

---

[1]) Андрей Яковлевичъ, т. е. Италинскій. Н. В.

[2]) Переводъ: «Своими цвѣтными камнями».

назначить, когда къ тебѣ пріѣхать въ Пизу, чтобы съ тобой во Флоренцію поѣхать, тамъ вмѣстѣ прожить—по нашему условію—съ недѣлю и потомъ до Англіи проститься.

По возвращеніи изъ Пузаллы, былъ въ концертѣ, гдѣ видѣлъ короля и королеву, какъ и герцога съ женой, которые здѣсь чрезвычайно какъ приняты, не взирая на то, что Бурбонскій дворъ ихъ не признаетъ.

Неаполь.—16-го февраля.

Былъ нынче вечеромъ на балѣ у герцога, къ которому будто жена его невзначай балъ созвала. Герцогиня во всѣхъ танцахъ старалась себя показать, но смѣшнѣе всего, что послѣ ужина пошла она, съ братомъ своимъ, альманду танцовать и герцогъ такъ восхищенъ былъ ея пляской, что, по окончаніи оной, ее при всей публикѣ поцѣлуемъ наградилъ. Онъ самъ не преминулъ себя показать передъ ужиномъ, танцовавъ контредансъ съ одной англичанкой, со всѣми нѣмецкими граціями, и сей контредансъ, бывъ весьма смѣшонъ, веселость и смѣхъ, не только на танцующихъ, но и на кругстоящихъ навелъ. Послѣ ужина танцовала дочь Castelpagano, которая уже теперь съ третьимъ женихомъ таскается (ибо первые отъ отважнаго предпріятія быть ея мужьями отказались), съ однимъ неаполитанцемъ, Tarautel очень хорошо. Пляска сія очень на нашу походитъ, особливо когда цыгане пляшутъ.

17-го. Ноньче узналъ, что послѣ меня герцогъ съ герцогиней при большей части гостей, которые послѣ меня остались, «казачокъ» танцовалъ(?). Оставляю тебѣ самому объ семъ смѣшномъ позорищѣ судить и простительно ли сіе человѣку сорока лѣтъ.

19-го . . . . выѣхали отсюда. Къ обѣду пріѣхали въ Козерту, пошли во дворецъ, который такъ славится. Изъ плана, который я видѣлъ, кажется мнѣ, что покойный князь [1]) занялъ мысль своихъ гатчинскихъ флигелей отсюда.

21-го Наконецъ прибыли въ Римъ, въ 5 часовъ.

28-го. Получилъ твое письмо отъ 11-го, что мой журналъ тебѣ нравится; сіе мнѣ несказанное удовольствіе дѣлаетъ, но я такъ пространенъ становлюсь, что, по чести, боюсь, чтобы я тебѣ не скученъ былъ.

Попрекъ твой, что я забылъ тебѣ сказать о Корреджѣ и (Скидоне?) Сіедонѣ, я не принимаю, ибо о картинѣ перваго, представляющей Ринальда и Армиду, я тебѣ уже упомянулъ; а послѣдній

---

[1]) Гатчина принадлежала кн. Григорію Григорьевичу Орлову и дворецъ въ ней построенъ, въ 1770 г., по плану италіанскаго архитектора Ринальди.

Н. В.

живописецъ мнѣ совсѣмъ не нравится, какъ онъ ни славенъ и ни рѣдокъ. Бо́льшая часть его сюжетовъ представляетъ нищихъ, оборванныхъ людей, а какъ бы хорошо ни были представлены такія изображенія, они мнѣ понравиться не могутъ. Можетъ, я, въ разсужденіи этого, какъ плохой знатокъ сужу, но отъ картины, которая мнѣ нравиться должна, требую я, чтобы и сюжетъ ея мнѣ милъ былъ. Подъѣзжая къ Риму, попался мнѣ Паэзіелло[1]), ѣхавшій въ Неаполь; я ему о твоей коммисіи сказывалъ и онъ отдастъ ноты г. Италинскому, который ихъ тебѣ въ Англію перешлетъ. Я тебѣ сказать не могу, какое удовольствіе мнѣ воспоминаніе Мишиньки дѣлаетъ! Дай Богъ, чтобы онъ меня такъ любилъ, какъ я его отца люблю. Если онъ половину достоинствъ во мнѣ найдетъ, которыя я въ ономъ вижу, то я увѣренъ, что онъ меня довольно любить будетъ.

Былъ нынче послѣ обѣда у Разумовскаго, который меня учтивостями и ласками осыпалъ, повезъ и представилъ племянницѣ Поповой, мужъ которой, два года тому назадъ, одну только лошадь имѣлъ, а теперь собраніе держитъ, куда весь городъ съѣзжается. Онъ поѣдетъ въ концѣ будущей недѣли во Флоренцію, но, такъ какъ онъ ѣдетъ черезъ Перуджіо, то я надѣюсь тебя прежде его обнять. Юсупова видѣлъ, который смертельно здѣсь влюбленъ и съ своей дражайшей, во время карнавала, какой-то здѣшній контредансъ «avec des pantomines» танцовалъ. Сдѣлай милость, справься у Моцениго о тѣхъ рудахъ, которыя я хотѣлъ для Николая Петровича[2]) купить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Джіованни Паэзіелло или, вѣрнѣе, Паизіелло (Paisiello) р. 1741†1816. Композиторъ-музыкантъ и капельмейстеръ; прибылъ въ Петербургъ по приглашенію импер. Екатерины въ 1776-мъ г. Онъ преподавалъ уроки музыки на фортепіано великой княгинѣ (въ послѣдствіи императрицѣ) Маріи Ѳеодоровнѣ и сочинилъ многія оперы. Послѣ 8-ми лѣтняго пребыванія въ Россіи, онъ уѣхалъ въ Вѣну, но кончилъ жизнь въ Неаполѣ въ 1816-мъ году, 75-ти лѣтъ.

[2]) Рѣчь идетъ о гр. Николаѣ Петровичѣ Румянцевѣ. Извѣстно, насколько онъ былъ ревнителемъ просвѣщенія и не щадилъ ничего для собранія всевозможныхъ кабинетовъ рѣдкостей, антиковъ, медалей, минераловъ и проч.

Кн. А. В. Л.-Р.

ЕВГРАФЪ И ПЕТРЪ ОСИПОВИЧИ ГРУЗИНОВЫ.

Военно-судное дѣло, въ Черкасскѣ,

1800 г.

Свѣдѣнія о братьяхъ Грузиновыхъ крайне ограничены. Въ рескриптахъ великаго князя Павла Петровича къ Аракчеёву, напечатанныхъ въ VII-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1873 года, стр. 484, упоминается объ одномъ изъ братьевъ въ такихъ выраженіяхъ: «Я весьма доволенъ точностію и расторопностію его и его донесеніями», писалъ великій князь. «Пошлите сію записку къ нему въ оригиналѣ, чтобъ онъ ее прочелъ и видѣлъ мое удовольствіе». Слова эти показываютъ, что если упоминаемый здѣсь Грузиновъ и не былъ такъ близокъ къ великому князю, какъ Аракчеевъ, то былъ ему очень хорошо извѣстенъ.

Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ того, великій князь дѣлается императоромъ. Съ этою перемѣною измѣнилась и судьба ему близкихъ лицъ. Извѣстно, что Аракчеевъ и другіе быстро повышаются въ чинахъ, получаютъ ордена и достоинства, жалуются землями и крестьянами. Вѣроятно, въ это время не были забыты и Грузиновы.

Младшій изъ братьевъ—Петръ Осиповичъ—въ 1798 году былъ подполковникомъ, кавалеромъ ордена св. Георгія 4-й степени [1]) и имѣлъ два пожалованные ему монархомъ золотые знака. Не можемъ сказать, чѣмъ былъ старшій Грузиновъ при вступленіи на престолъ Павла Петровича; но въ 1798 году онъ полковникъ гвардіи, находится,—по свидѣтельству его дяди, войсковаго старшины Аѳанасьева, и учрежденной въ послѣдствіи надъ нимъ, Грузиновымъ, военно-судной коммисіи,—«въ знатнѣйшемъ мѣстѣ, на-

[1]) Но въ изд. спискѣ кавалеровъ св. Георгія его нѣтъ.

гражденъ отличными знаками и крестьянами». Евграфъ Осиповичъ Грузиновъ былъ изъ самыхъ довѣренныхъ и любимѣйшихъ приближенныхъ императора: сопровождалъ его во всѣхъ прогулкахъ, исполнялъ всѣ секретныя порученія и даже спалъ въ его кабинетѣ. Такая близость старшаго Грузинова къ государю не нравилась многимъ. У Грузинова явились тайные враги, которые такъ или иначе хотѣли удалить его отъ государя и даже совсѣмъ избавиться отъ него.

Но прежде, чѣмъ покончить съ старшимъ братомъ, они начали съ младшаго, какъ менѣе опаснаго. Воспользовавшись удобною минутою, они заставили за что-то арестовать Петра Грузинова, привезти его въ Павловскъ, нарядить надъ нимъ военный судъ, исключить изъ службы и лишить его чиновъ, ордена и золотыхъ знаковъ. Этотъ неожиданный переворотъ въ судьбѣ Петра Грузинова нужно отнести къ 1798 году, такъ какъ самъ онъ въ августѣ 1800 говоритъ въ одномъ изъ своихъ показаній, «что случай этотъ былъ съ нимъ назадъ тому третій годъ». Ему даже не объявляютъ, за что онъ судится. Вѣроятно, вина его была или очень незначительна или выдумана, если послѣ разжалованія ему возвращаютъ чины, но безъ ордена, знаковъ и службы. Тѣмъ не менѣе, тотчасъ же послѣ того, его отправляютъ съ фельдъегеремъ на жительство въ Черкасскъ.

Евграфъ Осиповичъ пробылъ не долго послѣ удаленія брата въ числѣ приближенныхъ императора. Когда разные наговоры и распускаемыя сплетни не дѣйствовали, придумали, чтобы государь испыталъ его и для этого отпустилъ бы на Донъ, подъ предлогомъ повидаться съ родными; увидѣвъ себя на свободѣ,—говорили враги Грузинова,—онъ будетъ-де имѣть возможность обнаружить дерзкіе свои замыслы противъ своего благодѣтеля. Павелъ Петровичъ, будучи вообще подозрителенъ, склонился на эту хитрость и въ дружелюбномъ тонѣ предложилъ Грузинову съѣздить домой и даже далъ ему денегъ. Грузиновъ хотя отказывался тѣмъ, что у него на родинѣ нѣтъ семейства, кромѣ старика отца, разбитаго параличомъ, однако принялъ деньги и поѣхалъ. Отпускъ этотъ нужно отнести тоже къ 1798 году, потому что нѣкоторые изъ свидѣтелей по дѣлу Грузиновыхъ, въ августѣ 1800 года, утверждали, что посѣщеніе ими дома Грузиновыхъ было почти два года тому назадъ, когда оба брата были уже въ Черкасскѣ, откуда потомъ въ столицу не возвращались.

Вслѣдъ за прибытіемъ Грузиновыхъ въ Черкасскъ, надъ ними назна-

ченъ былъ войсковымъ атаманомъ генераломъ-отъ-кавалеріи Иловайскимъ особый надзоръ. Они не имѣли права выходить изъ дому, и чтобы проѣхаться, ради скуки, въ Ростовъ и Нахичевань, Петру Грузинову нужно было испросить позволеніе приставника.

Въ августѣ 1800 года Грузиновы отданы подъ судъ: младшій—неизвѣстно за что, но дѣло его не имѣетъ никакой связи съ дѣломъ старшаго брата. Евграфъ же Грузиновъ—за непочтительные отзывы о государѣ императорѣ и за найденныя у него двѣ бумаги съ продерзостными его замыслами противъ государя и отечества. Генералы Кожинъ и Рѣпинъ присланы изъ Петербурга слѣдить за ходомъ дѣла и торопить его окончаніемъ; въ этомъ послѣднемъ имъ помогаетъ и войсковой атаманъ Орловъ.

Ред.

I.

Ордеромъ атамана войска донскаго генералъ-отъ-кавалеріи Василія Петровича Орлова, въ августѣ мѣсяцѣ 1800 года, открыта въ Черкасскѣ коммисія военнаго суда надъ обвиняемымъ въ оскорбленіи величества и другихъ преступленіяхъ гвардіи полковникомъ Евграфомъ Осиповичемъ Грузиновымъ. Коммисія состояла: изъ презуса генералъ-маіора Родіонова 1-го и ассесоровъ: войсковыхъ старшинъ: Чикилева 1-го и Щедрова 2-го подполковниковъ: Леонова и Иловайскаго 7-го и полковниковъ: Слюсарева 1-го и Агѣева 1-го; за аудитора есаулъ Единъ 3-й.

Основанія къ обвиненію Грузинова заключались, прежде всего, въ томъ, что онъ произносилъ «дерзновенныя и ругательныя противъ государя императора изреченія», и затѣмъ въ томъ, что написалъ двѣ бумаги, въ коихъ изложены политическія соображенія, клонящіяся къ ниспроверженію существующаго государственнаго устройства. Бумагъ этихъ при дѣлѣ нѣтъ, хотя онѣ и взяты были у Грузинова при его арестѣ.

13-го августа, т. е. въ самый день открытія коммисіи о Грузиновѣ, послѣдній былъ допрошенъ относительно перваго обвиненія.

Грузиновъ показалъ, что однажды пришли къ нему казаки Поповъ и Касмынинъ, для полученія долга, но онъ отказалъ имъ въ этомъ; когда же Касмынинъ сталъ угрожать, что они

будутъ жаловаться на него самому государю императору, то и тогда онъ, Грузиновъ, будучи въ горячности, ругалъ скверно- .... самого государя съ изреченіемъ: «поѣзжайте куда хотите и просите на меня».

Затѣмъ по обвиненіямъ, заключающимся въ двухъ найденныхъ у Грузинова бумагахъ, коммисія изготовила вопросные пункты: «1) Въ сысканныхъ у тебя въ домѣ, при взятьѣ тебя подъ караулъ, бумагахъ написано: въ первой: «увсеусилить и всеумножить счастіе, по которому наименоваться атаманомъ, набрать ратмену (?) не менѣе 200 тысячъ, противъ коея всѣхъ, кто-бъ ни вступилъ въ войну, разбить; выгнать изъ Стамбула турковъ, а также шпіоновъ подъ какимъ бы они видомъ ни были, отъ каковаго-бъ народа они ни были, да и такъ, чтобъ и послѣ меня оные у сената ничего бы не получили; утвердить тамъ свою столицу, учредить сенатъ счастіемъ и возмогущими всѣми подъ солнцемъ на островахъ живущими людьми; покоря, принести великую жертву; а потомъ чтобъ тотъ сенатъ составилъ законъ для всѣхъ подъ солнцемъ живущихъ народовъ, такъ чтобы оный былъ всѣми принятъ и содержимъ, и чтобъ всѣ оному обучались и его знали наизусть и по оному поступали-бъ; премудростно сочинить законъ, который бы подъ солнцемъ для всѣхъ живущихъ людей былъ полезенъ такъ, чтобы никто изъ настоящихъ и будущихъ людей на земляхъ его бы не отторгнулъ». Во второй: «Населить городъ разныхъ вѣръ людьми и именно: казаками, татарами, грузинами, греками, калмыками, небольшимъ числомъ израильтянами, черкесами, небольшимъ числомъ турками, между которыми чтобъ въ разсужденіи ихъ вѣръ не было вражды, а чтобъ согласіе во всѣхъ ихъ единодушное; внушить войску казацкому, татарамъ, грекамъ, черкесамъ, чтобы они возвели меня себѣ въ начальники, но чтобъ во всемъ томъ не обмануться». Обо всѣхъ тѣхъ изреченіяхъ покажи ты явственно и обстоятельно. Что̀ значатъ слова: «увсеусилить и увсеумножить счастіе», гдѣ замышлялъ наименоваться атаманомъ и набрать «ратмену» до 200 тысячъ, почему имѣлъ надежду все сіе основать и что̀ значитъ слово: «ратмена»? на кого помышлялъ зачать войну и разбить? по какому руководству или замыслу располагалъ выгнать изъ Станбула турокъ, и какихъ шпіоновъ? утвердить тамъ столицу и какой учредить сенатъ? какіе покорить

острова и какую великую жертву и чрезъ сенатъ для всѣхъ неизмѣняемый, и какой именно премудрый и полезный законъ составить, чтобъ оный прославлялся? гдѣ замыслы имѣлъ населить городъ разныхъ вѣръ вышесказанными людьми? откуда надѣялся ихъ собрать и установить между ними согласіе въ вѣрахъ и единодушіе? также какому войску казацкому, татарамъ, грекамъ и черкесамъ внушить возвести себя и въ какомъ мѣстѣ въ начальники? и какъ думалъ во всемъ томъ не обмануться, и во всемъ ономъ кто съ тобою былъ въ согласіи и не открывался ли ты кому другому о прописанныхъ зловредныхъ твоихъ намѣреніяхъ, и въ какое время, и какимъ средствомъ думалъ сіе все произвесть въ дѣйство?

«2) Въ семъ вышесказанномъ показать ты долженъ сущую правду, ничего не утаивая, въ чемъ и подпишись».

Коммисія призвала Грузинова въ свое присутствіе и подвергла его «довольному увѣщанію» черкасской Воскресенской церкви протоіерея Петра Ѳедорова Волошеневскаго. Но Грузиновъ не далъ никакого отвѣта на поставленные коммисіей вопросы.

Послѣ этого коммисія стала убѣждать подсудимаго, «чтобы онъ открылъ все подробно и обстоятельно о явствуемыхъ изъ бумагъ его дерзкихъ и возмутительныхъ предпріятіяхъ». Тогда Грузиновъ «пренебрегъ судомъ и началъ говорить рѣшительно и дерзко. «Велите меня вывесть и задушить, а говорить не хочу, и хотя я обѣщалъ сказать, но, несчастія ради другаго, истину не скажу, и не могу быть судимъ воинскими и гражданскими судами».

Черезъ день Грузиновъ опять былъ призванъ въ судъ и, послѣ увѣщанія протоіерея Волошеневскаго, спрошенъ противъ сдѣланныхъ 13-го августа вопросныхъ пунктовъ: «отчего онъ распространяетъ такія дерзостныя намѣренія, какую надежду имѣлъ и когда располагался привести все сіе въ дѣйство и кто съ нимъ были въ томъ согласователи и участники?»

Подсудимый отвѣчалъ на это «дерзко, что ни на что никакого отвѣта не дастъ ни по какому принужденію и, не внимая увѣщанію членовъ слѣдственной коммисіи, остался въ закоснѣломъ своемъ непокореніи и упорствѣ, сказывая, что воля духа требуетъ того, что никто не можетъ постановить границъ». Члены коммисіи опять задали ему вопросъ о значеніи этихъ словъ, но

Грузиновъ, по словамъ протокола, «и на то произносилъ съ грубостію, чтобъ растолковали ему: почему онъ россійскаго императора подданный, что въ законѣ есть много лишняго, и что если его и брата раскуютъ и отпустятъ въ домъ, тогда онъ перескажетъ все». Коммисія начала доказывать ему, что онъ, «какъ здѣшній урожденецъ, природный русскій подданный, продолжалъ службу, награжденъ знатными чинами и отличными знаками, и пожалованъ крестьянами, слѣдственно и не должно ему забываться о своей вѣрноподданнической обязанности, а тѣмъ паче о законахъ размышлять, но долженъ исполнять ихъ по ихъ силѣ, безъ всякаго объ нихъ умствованія». Не смотря ни на что, Грузиновъ «остался въ своемъ закоснѣломъ упорствѣ» и отказался отъ всякаго отвѣта.

Тогда, по предложенію войсковаго атамана Орлова, послѣдовали два слѣдующія распоряженія: поручено протоіерею Волошеневскому сдѣлать подсудимому убѣдительное увѣщаніе внѣ суда, предъ крестомъ и евангеліемъ; при чемъ самъ Орловъ съ генералъ-адъютантомъ Кожинымъ и генералъ-отъ-кавалеріи Рѣпинымъ должны были стоять у дверей, «для примѣчанія существа словъ»; затѣмъ упомянутый Кожинъ наряженъ былъ къ Грузинову съ цѣлію вывѣдать отъ послѣдняго о его злоумышленіяхъ и сообщникахъ.

Волошеневскій приступилъ къ увѣщанію подсудимаго. Но такъ какъ лица, стоящія у дверей, могли кое-что и не дослышать, то Волошеневскій счелъ своимъ долгомъ подать Орлову особое донесеніе о результатахъ увѣщаній.

Прописавъ объ этомъ въ началѣ своего донесенія, Волошеневскій продолжалъ: «По довольномъ и многомъ мною изъ священнаго писанія отъ событія по временамъ въ свѣтѣ происшествій, отъ самыхъ вообще житія опытовъ ему, Грузинову, внушеніемъ доказывалъ я важность его преступленій, а паче къ таковому благодѣтельнѣйшему ко всѣмъ, особенно же ему, Грузинову, государю императору великому Павлу,—оказался онъ, Евграфъ, за всѣ изліянныя высокомонаршія къ нему милости не чувствителенъ и не благодаренъ; но онъ, Евграфъ, не признавая себя въ зависимости подданнаго и будто высокомонаршія благодѣянія принадлежали ему по его заслугамъ, произносилъ при томъ слова нимало не сходствующія съ его состояніемъ, и между тѣмъ

представлялъ донскаго казака Ермака Тимофѣевича, упоминая и о всѣхъ донскихъ казакахъ, что они отъ высокомонаршаго престола состоятъ независимыми и будто къ тому вѣчною присягою не обязавшимся, а только къ службѣ—временною; будто онъ, какъ и всѣ казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные, отъ каковаго въ немъ кореннаго заблужденія отводилъ я многими въ возраженіе доказательствами, по всѣмъ наиубѣдительнѣйшимъ изысканіямъ чрезъ продолженіе времени болѣе часа; но онъ, Евграфъ, все то опровергаетъ и ни малѣйшей перемѣны въ его ожесточеніи не оказываетъ, ласкал себя нѣкоею непонятною надеждою, что онъ ни мало не грѣшенъ, а потому и покаянія ему приносить не о чемъ. По всѣмъ его словамъ выходитъ одинъ ужасъ по его замысламъ къ уничтоженію верховной власти; себѣ же къ оказанію возвышенности достойнаго на открытіе. По таковымъ его съ дерзкими выраженіями отвратительнымъ словамъ, старался я всѣми способами привести его къ признанію, кто съ нимъ есть по симъ замысламъ сообщники; но онъ, по неоднократнымъ о томъ моимъ съ наикротчайшимъ расположеніемъ домогательствамъ отвѣтствовалъ съ подобо-вѣроятностію, что онъ никогда къ тому сообщниковъ не имѣлъ, и самые въ домѣ, гдѣ онъ жительство имѣлъ, съ нимъ находящіеся люди, о томъ никто не зналъ. Уповаю я, что ваше высокопревосходительство съ вышепоименованными особами, господами генералами Кожинымъ и Рѣпинымъ, хотя нѣсколько его, Евграфа, неистовыхъ словъ наслышались, потому что онъ о всемъ говорилъ громко и дерзко, не имѣя ни въ очахъ, ни въ лицѣ должнаго, по крайней мѣрѣ, зазрѣнія себѣ или стыдѣнія не оказываетъ, во всей ожесточенности, свойственной однимъ злобнымъ, съ гордынею соединеннымъ тварямъ».

Передавъ коммисіи это донесеніе Волошеневскаго, Орловъ писалъ, что Грузиновъ, «вмѣсто должнаго признанія и раскаянія, усугубляя болѣе неистовыя дерзости, остался закоснѣлымъ въ своихъ злорѣчіяхъ, клонящихся, по смыслу найденныхъ у него бумагъ, къ непризнанію себя въ зависимости всепресвѣтлѣйшаго государя императора, съ присовокупленіемъ къ тому нелѣпыхъ соображеній».

Скоро поступило въ коммисію донесеніе и отъ Кожина. Въ донесеніи этомъ говорится, что, имѣя въ виду вызнать что нибудь

отъ подсудимаго, онъ, Кожинъ, «рѣшился вступить съ Грузиновымъ въ фамильярные разговоры»; началъ съ милостей, изліянныхъ на подсудимаго государемъ императоромъ, и добивался узнать, «за что онъ, Грузиновъ, забылся до такого градуса злобы, что осмѣлился произнесть таковыя гнусныя и мерзкія брани, отъ одной мысли о которыхъ содрогается сердце каждаго вѣрноподданнаго. Онъ же, Грузиновъ, во все двухчасовое мое съ нимъ пребываніе, не полагая своего преступленія важнымъ, настоялъ во всемъ томъ, что̀ уже написано; раздѣлялъ потомъ донскихъ подданныхъ съ великороссійскими, прибавляя къ сему, по какимъ-то стариннымъ и нелѣпымъ происхожденіямъ, темными и пустому его и озлобленному воображенію свойственными доказательствами. Потомъ разгорячившись отъ моихъ умышленныхъ похвалъ, сказалъ, что къ нему многіе ходили, коихъ онъ однакоже не помнитъ, кромѣ названнаго имъ дяди Катламина, коему онъ, Грузиновъ, много несъ и потчивалъ водкою; а потомъ, поелику онъ, Катламинъ, замедлилъ къ нему ходить, то по спросѣ его, Грузинова, зачѣмъ онъ къ нему въ гости не ходитъ, онъ, Катламинъ, ему, Грузинову, отвѣчалъ, что-де объ тебѣ меня спрашиваютъ, и я, боясь хлопотъ, къ тебѣ не хожу».

II.

Коммисія начала допросъ съ Бориса Андреевича Катламина. Это былъ престарѣлый воинъ, многократно участвовавшій въ походахъ и битвахъ; отъ многихъ своихъ начальниковъ, а въ томъ числѣ и отъ Потемкина, имѣлъ одобрительные аттестаты. Оставилъ военную службу съ чиномъ маіора и проживалъ на своемъ хуторѣ. Человѣкъ онъ былъ грамотный, могъ объясняться по турецки, по гречески и по калмыцки, поведенія безукоризненнаго.

На допросѣ Катламинъ показалъ: «къ полковнику Грузинову, исключенному изъ службы и жительствовавшему съ отцомъ его въ одномъ домѣ, городѣ Черкасскѣ, въ Черкасской станицѣ, приходилъ я, помню, два раза. Во 1-хъ, по присылкѣ его изъ С.-Петербурга, за исключеніемъ изъ службы, въ Черкасскъ, назадъ тому года два; во 2-хъ, назадъ тому близко уже года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не по другой какой причинѣ, а единственно по родству,

поелику отецъ его, старшина Осипъ Грузиновъ, по матерямъ моей и его, кои были родныя сестры, доводится мнѣ двоюродный братъ, а онъ, полковникъ Грузиновъ—племянникъ, ради навѣщанія болѣе реченнаго отца его, старшины Грузинова, находящагося въ болѣзни.

«Въ первой разъ находился у него пришедшій, а для чего—не знаю, родственникъ его старшина Аѳанасьевъ, да сидѣлъ обще съ нами вышесказанный родной отецъ его, старшина Грузиновъ, но тогда какъ былъ праздничный день и еще поутру рано, ничѣмъ потчиванъ я не былъ и вышелъ скоро; а въ другой разъ выпилъ съ отцомъ его поднесенную водку; самъ же онъ, полковникъ Грузиновъ, объясняясь, что ее не употребляетъ, не пилъ; при чемъ въ послѣдній разъ былъ и пилъ съ нами водку, имѣвшій по-часту къ нимъ, Грузиновымъ, входъ, сродникъ же ихъ, Дурновской станицы хорунжій Иванъ Кондратьевичъ Шапошниковъ, а другіе были-ль кто—не припомню». Болѣе же этихъ двухъ разъ онъ никогда къ нему, Грузинову, не приходилъ и свиданія съ нимъ не имѣлъ, такъ какъ проживалъ или въ своемъ хуторѣ, отстоящемъ отъ Черкасска въ 150 верстахъ, или же находился изъ дому въ отлучкѣ. «И въ два показанные мои къ нему, Грузинову, прихода ничего мнѣ онъ не несъ, и никакихъ зловредныхъ и въ поношеніе государю императору относящихся словъ не говорилъ, и ни въ какихъ зломысліяхъ и прожектахъ къ нарушенію общаго спокойствія и тишины мнѣ не открывался, и я отъ него и отъ отца его ни о какихъ худыхъ предпріятіяхъ не слышалъ, не разговаривалъ и участникомъ въ томъ съ ними не былъ; брата-жъ его, исключеннаго изъ службы подполковника Грузинова, въ оба прихода мои въ домѣ ихъ не видѣлъ, а также въ показанную мою у него бытность онъ, Грузиновъ, меня—зачѣмъ я не хожу къ нему въ гости—не спрашивалъ, и я ему такимъ образомъ, что объ немъ, Грузиновѣ, меня спрашиваютъ и я, боясь хлопотъ, къ нему не хожу, не отвѣчалъ, и, однимъ словомъ, ничего о замыслахъ его, въ чемъ оные состояли, и объ участникахъ его въ томъ—не знаю, окромя того, что разговаривалъ съ нимъ въ свиданіе объ однихъ только домашнихъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ».

По донесенію Кожина и показанію Катламина, подсудимый былъ подвергнутъ допросу; но онъ «отвѣчалъ въ судѣ съ грубостію, что никакого отвѣта не дастъ ни по какому принужденію; а ежели его и брата раскуютъ и отпустятъ въ домъ, тогда онъ

перескажетъ все; затѣмъ подтверждалъ всѣ тѣ дерзкія слова, которыя въ первомъ засѣданіи записаны, оставаясь во своемъ закоснѣломъ упорствѣ».

Показаніе Катламина вызвало на сцену новыхъ свидѣтелей— Аѳанасьева и Шапошникова. Коммисія испрашивала разрѣшенія Орлова привлечь ихъ къ допросу. Орловъ не только разрѣшилъ это ходатайство, но обязалъ «стараться употребить всѣ мѣры и средства къ открытію преступленія, спрашивать всѣхъ, коихъ нужными къ сему коммисія находитъ». При этомъ Орловъ извѣщалъ, что такъ какъ братъ полковника Грузинова, «исключенный изъ службы подполковникъ Грузиновъ 2-й, по особому преступленію, отданъ тоже подъ судъ особо учрежденной коммисіи, то первая имѣетъ право спрашивать и Грузинова 2-го, по особымъ вопроснымъ пунктамъ, посылая ихъ въ образованную надъ нимъ коммисію».

Хорунжій Иванъ Шапошниковъ, участвовавшій нѣсколько разъ въ военныхъ походахъ и имѣвшій «о добропорядочной службѣ отъ разныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ аттестаты», грамотный и хорошаго поведенія, показалъ, что онъ былъ вхожъ къ отцу подсудимаго, старику Осипу Грузинову, и не рѣдко проживалъ у него въ домѣ. При этомъ «замѣтилъ, что старшій изъ сыновей Грузинова, полковникъ, имѣвшій прежде жительство въ особомъ отъ отца и брата покоѣ, съ начала весны 1800 г., не знаю почему, перебрался на полати и жилъ тамъ уединенно. Мнѣ два раза или три приходилось, ради взятья отъ него къ сваренію отцу и брату его пищи огнива, которое имѣлъ онъ при себѣ для раскуренія табачной трубки, къ нему туда всходить, и видѣлъ, что упражнялся онъ въ чтеніи какихъ-то книжекъ, а какихъ—я не знаю; и ни о какихъ его зловредныхъ замыслахъ и изреченіяхъ въ оскорбленіи императорскаго величества и поврежденію общаго спокойствія и тишины никогда не слышалъ, разговоровъ съ нимъ о томъ не имѣлъ и что̀ онъ во вредъ предпринималъ или писалъ—не видѣлъ и не знаю».

«Въ первый же разъ, когда приходили къ нему Луганской станицы казаки Зиновій Касмынинъ и Василій Поповъ, въ праздничный день, поутру, и требовали отъ него состоящія на немъ, Грузиновѣ, деньги, то онъ, Грузиновъ, говорилъ имъ, что ему дать имъ нечего; а когда изъ нихъ Касмынинъ сказалъ,

что у него есть пожалованные государемъ крестьяне и можно-де ему расплатиться, разгорячась, онъ бранилъ ихъ жестоко и высылалъ вонъ; а далѣе что съ ними говорилъ, того я, отшедъ въ особую комнату, не слышалъ. И по выходѣ изъ дома, я къ нему, Грузинову, восшедъ, слышалъ произносимыя имъ, съ разгоряченіемъ, такія слова: «что земля воинская Ростовомъ, армянами и греками заселена, а насъ-де утѣсняютъ и жить негдѣ». Но въ какомъ смыслѣ онъ сіе произносилъ, о томъ я у него не спрашивалъ и не знаю».

«Въ другой же разъ, послѣ того, когда пришли тѣ-жъ казаки и, обошедъ вокругъ крыльца, вошли въ сѣни задними дверьми, то тогда я, по случившейся мнѣ надобности, вышелъ изъ дому вонъ, и какой между ними разговоръ происходилъ и произносилъ ли онъ, Грузиновъ, тутъ ругательныя на высочайшую Его И. В—ва особу изреченія, я не слышалъ и не знаю. Впрочемъ знаю я, что вхаживали въ домъ ихъ сродники старшина Аѳанасьевъ и есаулъ Рубашкинъ, изъ коихъ первый, пришедши къ нему въ послѣдній разъ сначала весны, а какого мѣсяца и числа — не упомню, предъ обѣдомъ, и стоя съ нимъ на крыльцѣ, выговаривалъ ему: для чего онъ крестьянамъ своимъ, изъ помѣстья къ нему пріѣхавшимъ, билетовъ не даетъ, но на то, что онъ, Грузиновъ, ему говорилъ и имѣлъ ли съ нимъ какое другое совѣтываніе—не слышалъ и не знаю. А другой—есаулъ Рубашкинъ прихаживалъ при мнѣ только навѣстить отца его, больнаго старшину Грузинова, и поздравлять съ праздникомъ; но и съ нимъ имѣлъ ли онъ какія важныя противъ государя императора совѣщанія, не слышалъ и не знаю».

Казакъ Луганской станицы Василій Поповъ говорилъ, что онъ дѣйствительно былъ у Грузинова и требовалъ отъ него занятыхъ имъ въ Петербургѣ, въ бытность его, Попова, у подсудимаго подъ командою въ лейбъ-казачьемъ полку, 145 рублей, въ которыхъ Грузиновъ отказалъ, выбранилъ матерно и выгналъ вонъ. «Но при этомъ случаѣ никакихъ ругательныхъ словъ о государѣ императорѣ имъ, Грузиновымъ, упоминаемо и произносимо при немъ, Половѣ, не было».

Казакъ Зиновій Касмынинъ объяснилъ, что когда онъ съ товарищами своими Поповымъ и Колесниковымъ требовали отъ Грузинова уплаты денегъ и тотъ отказалъ, то Касмынинъ на

это замѣтилъ: «стыдно о томъ говорить, ибо его пожаловалъ государь полковничьимъ чиномъ и крестьянами, и ему ничего не стоитъ собрать съ крестьянъ деньги и расплатиться». На это Грузиновъ началъ азартно выговаривать такія слова: «Пущай государь крестьянъ отберетъ отъ меня. Знаете ли, кто Донъ заслужилъ?—Ермакъ, а теперь отымаютъ и поселили грековъ, армянъ. Вступился, было, за отечество Пугачъ, но его спалили; вступились было также Фока и Рубцовъ, но ихъ высѣкли».

«Я, слыша такія неистовыя слова, сталъ ему напоминать, что этого неудобно говорить, но онъ съ запальчивостью продолжалъ сказывать: «что я не такъ какъ Пугачъ, но еще лучше сдѣлаю: какъ возьмусь за мечъ, то вся Россія затрясется. Про меня-де говорятъ, будто я полоумный; нѣтъ я не полоумный!» Мы, слыша такія дерзкія слова, вышли отъ него вонъ.

А на третій день, когда онъ, Касмынинъ, пришелъ съ Поповымъ опять за деньгами къ Грузинову, то послѣдній, «подскоча къ нему, выговаривалъ зачѣмъ я пришелъ?» И на высказанныя отъ меня слова, что для полученія отъ него собственныхъ денегъ, которыя и прежде того много разъ отъ него требовалъ и не получалъ, онъ съ азартомъ закричалъ: «ты-де хотѣлъ ѣхать и просить на меня государя, поди прочь и ѣзжай!»

«И тутъ употребилъ онъ съ крайнею запальчивостію ругательныя на высочайшую Его И. В—ва особу и на государыню императрицу изреченія, каковыя могъ, уповательно, слышать тогда и казакъ Поповъ, ибо онъ разговаривалъ съ братомъ его, Грузинова, о своихъ деньгахъ непоодаль стоя, въ ближнемъ покоѣ; да и по выходѣ нашемъ изъ дому, когда напомянулъ я ему, Попову: «слышалъ про писанныя его дерзкія рѣчи?,—сказалъ онъ, что слышалъ».

«И всѣ вышесказанныя слова хотя и считалъ я важными, но замолчалъ, нигдѣ объ оныхъ по командѣ не доносилъ; а того-жъ дня, по отъѣздѣ изъ Черкасска, увидясь въ Оксинской станицѣ съ сродственникомъ его, есауломъ Рубашкинымъ, пересказывалъ только ему одному, но онъ мнѣ говорилъ, чтобъ я о томъ молчалъ и никому не говорилъ, ибо-де онъ, Грузиновъ, отъ того можетъ опосля отпереться, а вы-де сопрѣете въ тюрьмѣ».

Станицы Черкасской есаулъ Николай Рубашкинъ, зять ста-

рика Грузинова, ничего противъ обоихъ братьевъ не показалъ и не подтвердилъ послѣднихъ словъ Касмынина.

Происходящій изъ служилыхъ дѣтей грузинской націи, дядя братьевъ Грузиновыхъ, сотникъ Илья Грузиновъ, объяснилъ, что по случаю параличной болѣзни брата его, Осипа Грузинова, онъ бывалъ у послѣдняго нѣсколько разъ. «Съ братомъ своимъ, по его отъ паралича нѣмотѣ, не могъ я никакихъ имѣть разговоровъ; а племянникъ мой, исключенный изъ службы полковникъ Грузиновъ, видывался со мною коротко, ибо жилъ онъ одинъ на полатяхъ, куда я къ нему не ходилъ и что̀ онъ тамъ дѣлалъ, не знаю; но при моемъ короткомъ съ братомъ свиданіи, сходилъ онъ оттуда въ горницу къ отцу и, поздоровясь со мною, разговаривалъ о домашнихъ обстоятельствахъ, и временемъ шуточно напоминалъ мнѣ о женитьбѣ. Болѣе-жъ того никакихъ я ругательныхъ и продерзкихъ словъ на высочайшую Его И. В—ва особу отъ него не слышалъ, ни о какихъ зловредныхъ его предпріятіяхъ къ поколебанію общаго спокойствія и тишины и кто были ему въ томъ сообщники—не зналъ и не знаю».

Казакъ Луганской станицы Илья Колесниковъ показалъ, что однажды съ Поповымъ и Касмынинымъ приходилъ онъ къ полковнику Грузинову для получки денегъ. «Въ сіе время сидѣлъ онъ, Грузиновъ, одинъ въ покоѣ и когда начали просить у него деньги, то онъ, Грузиновъ, выговаривалъ, что денегъ у себя не имѣетъ и расплатиться ему нечѣмъ; а на высказанное ему Касмынинымъ, что его государь пожаловалъ крестьянами и ему можно съ ними расплатиться, говорилъ онъ: «я не желаю его крестьянъ; пущай возьметъ ихъ назадъ, а наше отдастъ; земля казачья, заселена слободами, а мы ничего не имѣемъ, а только на одинъ домъ земли»; причемъ, будучи въ горячности, сругалъ . . . . самого государя; упоминалъ о Пугачѣ, «что-де онъ вступился было за землю, но пропалъ; я бы сдѣлалъ такъ же какъ Пугачъ, но не желаю, имѣю у себя сродниковъ»; да и другія изреченія о Пугачѣ напоминалъ, коихъ я не припомню каковымъ порядкомъ и какое за какимъ произносилъ слово; а сверхъ того и другія слова выпущалъ—всего того я, по слабой памяти моей, не припомню-жъ. И потомъ какъ онъ рѣшительно намъ отказалъ, что идите куда хотите и на меня просите, то вышли отъ него вонъ».

Колесникову, Касмынину и Попову даны были очныя ставки; но при этомъ никто изъ нихъ ничего новаго не сказалъ.

15-ти-лѣтній мальчикъ, прислуживающій въ домѣ Грузиновыхъ, Ѳедотъ Даниловъ показалъ: «Когда присланы изъ С.-Петербурга въ Черкасскъ, по исключенію изъ службы, полковникъ Грузиновъ 1-й и подполковникъ Грузиновъ 2-й, то жили въ одномъ съ отцомъ домѣ, въ разныхъ покояхъ; имѣли между собою прежде пищу общую и сходились для разговоровъ, но чтò во все прошедшее время разговаривали и писали, я того, хотя и былъ въ услугахъ ихъ, не видѣлъ и не знаю, ибо что спросятъ у меня изъ домашнихъ потребностей, оное имъ подавши, выхаживалъ вонъ, и при разговорахъ и упражненіяхъ ихъ не бывалъ; окромѣ-жъ меня изъ домашнихъ никого у нихъ не было. Сначала, когда пріѣхалъ изъ С.-Петербурга, назадъ тому года два, полковникъ Грузиновъ, то, помнится мнѣ, недѣли три, по вечерамъ, выхаживалъ изъ дому и прохаживался по городу, а послѣ того никуда уже изъ дому не выходилъ. А о Святой недѣлѣ сего 1800 года перебрался онъ на полати жить тамъ особо, уединенно,—и никого, да и меня туда къ себѣ не допущалъ, и чтò тамъ дѣлалъ, я не видѣлъ и не знаю. Временемъ-же сходилъ на низъ, въ покои къ отцу и брату, и свиданіе имѣлъ съ приходившими къ нему родственниками, и опять отходилъ на полати, гдѣ и пищу употреблялъ, отъ меня ему подаваемую, которая состояла въ одномъ хлѣбѣ и водѣ.

«А братъ его, подполковникъ Грузиновъ 2-й, живя въ особомъ отъ отца покоѣ, употреблялъ съ нимъ пищу простую, мною заготовляемую. Назадъ-же тому недѣли двѣ, но точно не упомню, изъ нихъ подполковникъ ѣздилъ верхомъ на лошади два раза въ Ростовъ и одинъ разъ въ Нахичевань, при коемъ и я, на другой лошади, ѣздилъ же. И тамъ, не входя ни къ кому въ гости, расхаживалъ по рынку, лавкамъ и трактирамъ, и оттуда ежедневно въ Черкасскъ со мной возвращался, а съ кѣмъ и для чего имѣлъ онъ тамъ свиданіе, того я не знаю, ибо оставался въ смотрѣніи лошадей.

«Сначала-жъ прибытія ихъ въ домъ, видывалъ я нѣсколько разъ входящихъ къ нимъ родственниковъ, дядей ихъ, полковника и подполковника Грузиновыхъ, Черкасской станицы есаула Николая Рубашкина и сотника Илью Грузинова, да старшину

Ивана Аѳанасьева, которые, навѣщая больнаго отца ихъ, имѣли и съ ними, въ покояхъ ихъ сидя, между собою разговоры, въ которые я не вникалъ и ничего не знаю. Вхаживалъ еще хорунжій Шапошниковъ, сверхъ того, который почти всегда по родству находился при больномъ старшинѣ Грузиновѣ, и имѣлъ также съ ними обхожденіе и разговоры, мнѣ не извѣстные-жъ. А маіора Катламина въ домѣ ихъ я никогда не видѣлъ».

О всѣхъ произведенныхъ допросахъ коммисія немедленно сообщила войсковому атаману Орлову. Послѣдній, усматривая изъ дѣла, что Катламинъ, Илья Грузиновъ и Шапошниковъ, по родству, ни въ чемъ не сознаются, предписалъ особымъ ордеромъ о преданіи ихъ суду, но предварительно сего—подвергнуть ихъ очистительной присягѣ по слѣдующей формѣ: «я нижепоименованный клянусь всемогущимъ въ Троицѣ славимомъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Христовымъ въ томъ-то........; если же я о семъ клянусь ложно, то да буду отлученъ отъ святыя единосущныя и нераздѣлимыя Троицы и въ семъ вѣцѣ и будущемъ не иму прощенія, да трясусь яко древній Каинъ и развернувшись земля да пожретъ мя, яко Дофона и Авирона, и да воспріиму проказу Гіезіеву, удавленіе Іудино и смерть Ананіи и жены его Сапфиры, и часть моя будетъ съ проклятыми діаволы. Въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую святыя слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Однако-же и этой грозно-очистительной присягой были подтверждены только прежнія показанія.

III.

Мы видѣли, что слѣдственной коммисіи о полковникѣ Грузиновѣ предоставлено было право, въ случаѣ надобности, сноситься съ коммисіей, особо учрежденной для разслѣдованія преступленій брата его, подполковника Грузинова 2-го. Такъ какъ въ изложенныхъ показаніяхъ неоднократно упоминалось имя послѣдняго, то 1-я коммисія не упускала случая посылать вопросные пункты младшему брату подсудимаго. 2-я коммисія, по отобраніи отвѣтовъ отъ подполковника Грузинова, препровождала ихъ по назначенію, т. е. въ судъ по дѣлу о старшемъ Грузиновѣ.

Въ отобранныхъ такимъ образомъ разновременно показаніяхъ [1]) младшаго Грузинова первая коммисія, какъ о его личности, такъ и по дѣлу о полковникѣ Грузиновѣ, нашла слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ службѣ Его И. В—ва,—чистосердечно признавался младшій Грузиновъ, послѣ «довольнаго» увѣщанія священника Волошеневскаго,—состоялъ съ 1781 года, а какого мѣсяца и числа, не упомню,—и изъ оной за что исключенъ и когда, не знаю. Въ продолженіе-жъ службы происходилъ чинами: полковымъ писаремъ, заурядъ сотникомъ, есауломъ, войсковымъ старшиною, маіоромъ, подполковникомъ, но когда—не имѣя у себя формулярнаго списка, на память припомнить не могу и патентовъ на оные не имѣю,—а имѣлъ пожалованные отъ высочайшаго монарха два золотые знака и орденъ св. Георгія 4-й ст., которые отобраны отъ меня.

«Назадъ тому третій годъ, по откомандированію, находясь я между Павловскомъ и Гатчино во дворѣ, а какъ называется оный, запомнилъ, отъ Его И. В—ва присланъ былъ ко мнѣ офицеръ, котораго имени и прозванія не знаю, арестовалъ меня и подъ онымъ доставилъ меня начально въ Павловскъ къ рогаткѣ, а послѣ въ крѣпостцу, тамъ устроенную, гдѣ судимъ былъ также воинскимъ судомъ, а за что не знаю,—отъ котораго чрезъ генералъ-лейтенанта, а какъ звать и прозывается не упомню, объявлено мнѣ было, что государь императоръ высочайше указать соизволилъ: лишить меня всѣхъ чиновъ и отобрать орденъ и знаки—и сіе заразъ чрезъ офицера исполнено; а послѣ, содержась тамъ подъ карауломъ мѣсяца съ три или болѣе, точно не упомню, чрезъ офицера-жъ объявлено высочайшее Его И. В—ва прощеніе безъ возвращенія знаковъ, и отправленъ сюда, въ Черкасскъ, съ фельдъегеремъ; и болѣе сего въ фергерахъ, кригсрехтахъ, штрафахъ и наказаніяхъ ни за что не бывалъ.

«Съ роднымъ братомъ моимъ, исключеннымъ изъ службы полковникомъ Грузиновымъ, хотя жительствовалъ въ одномъ домѣ,

---

[1]) Показанія или отвѣты присылались за подписомъ слѣдующихъ лицъ, составлявшихъ 2-ю коммисію: презуса генералъ-маіора Поздѣева 1-го, ассесоровъ: полковника Иловайскаго 6-го и Мѣшкова 1-го, подполковниковъ Чернозубова 2-го и Ребрикова 1-го и войсковыхъ старшинъ: Гнилозубова и Персіанова.

но отдѣльно: онъ на полатѣ, а я въ залѣ, и не безпрерывно видывался съ нимъ, но временно; и посему, когда онъ въ настоящемъ 1800 году, въ Великій постъ, писалъ своею рукою двѣ зловредныя бумаги и какое въ нихъ содержаніе было—не знаю, и какъ совѣтникомъ, такъ и участникомъ въ злодѣяніяхъ не былъ, и откуда замышлялъ онъ собрать большія силы, противъ кого воевать и разбить, завладѣть Стамбуломъ и еще какими именно островами, какой учредить сенатъ и законъ премудрый и неизмѣняемый для всѣхъ, подъ солнцемъ живущихъ, какую великую жертву, въ чемъ заключаемую и гдѣ принесть, гдѣ населить городъ разныхъ вѣръ и разной націи людьми, и отколь ихъ собрать и какимъ образомъ установить между ими согласіе въ вѣрахъ и единодушіе, какому войску казацкому и какимъ татарамъ, грекамъ и черкесамъ внушить возвести себя въ начальники, въ какіе именно, и гдѣ именно, и какъ думано было, чтобы во всемъ томъ не обмануться, и обо всѣхъ тѣхъ злоумышленникахъ, кто еще былъ участникъ или вѣдалъ о такомъ зловредномъ, нарушающемъ общее спокойствіе предпріятіи,—не зналъ ничего и ничего по тому злонамѣренному покушенію обнаружить не могу.

«До взятья меня подъ караулъ за недѣлю времени, живучи я въ домѣ своемъ, изъ онаго въ три раза, не для чего другаго, а отъ скуки проѣздиться, подлинно, я съ крѣпостнымъ отца моего, старшины Осипа Грузинова, мальчикомъ Ѳедотомъ верхомъ на лошадяхъ ѣздилъ, яко то, во 1-хъ, въ городъ Нахичевань, и тамо не имѣлъ никакого себѣ знакомаго, а въ кофейномъ домѣ выпилъ кофея двѣ чашки и выкурилъ трубку табаку, возвратился въ домъ; а во 2-хъ и въ 3-хъ, крѣпость св. Димитрія мимо проѣзжая, бывалъ въ форштадтѣ, и также, за неимѣніемъ мнѣ тамъ никого знакомыхъ, въ двухъ трактирахъ купленнаго мною вина закупореннаго одну бутылку и пива на 15 коп. выпилъ,—тѣми-жъ днями поворотился въ домъ; а чьи именно кофейня и трактиры, я не знаю. Ѣздилъ-же туда съ позволенія, даваемаго мнѣ отъ отца моего, живущаго со мною вмѣстѣ, старшины Грузинова (который хотя языкомъ нѣмъ), но по однѣмъ догадкамъ моимъ о томъ позволеніи, отцомъ моимъ издаваемомъ и мнѣ привыкшимъ,—особливо когда бывшій при замѣчаніи за мною и за братомъ моимъ опредѣленный сотникъ Степанъ Чеботаревъ

сего года, назадъ тому три мѣсяца, да и послѣ того,—не однократно въ разговорахъ (какъ я у него спрашивался) совѣтывалъ, ради скуки, и позволялъ мнѣ, куда только мнѣ угодно будетъ, проѣзжаться и пѣшимъ ходить невозбранно.

«Сего 1800 г., за одну недѣлю до праздника сошествія св. Духа, въ воскресный день, то есть 20-го или другаго какого числа мая мѣсяца, подлинно приходили не въ одинъ разъ, а въ разные случаи, къ моему брату, исключенному изъ службы полковнику Грузинову 1-му, и ко мнѣ Луганской станицы казакъ Зиновій Касмынинъ и Василій Поповъ, ради требованія отъ обоихъ, меня и отъ того брата моего, принадлежащихъ, за продолжаемую ими въ лейбъ-казачьемъ полку службу и особо занятыхъ у нихъ денегъ,—и входъ имѣли въ заднія и переднія двери. И изъ нихъ Поповъ, коему я долженъ состою до 70 р., и только что требовалъ съ меня заплаты того долга, а другихъ никакихъ и ни о чемъ разговоровъ у меня съ нимъ, Поповымъ, не происходило; а братъ мой, исключенный изъ службы полковникъ Грузиновъ—также точно-ли того 20-го дня мая—не припомню, но въ разныя числа съ казакомъ Касмынинымъ случайно дому нашего въ горницѣ—дѣтской малой, въ сѣняхъ и на бесѣдкѣ вмѣстѣ стаивали; но при томъ приходилось мнѣ слышать и узнавать, что тотъ казакъ отъ брата моего требовалъ только ему слѣдуемыя деньги, а другихъ никакихъ разговоровъ ихъ слышать я не могъ. А особливо реченный братъ мой произносилъ-ли ругательныя на государя и на государыню императрицу изреченія, и почему дерзнулъ онъ такія важныя ругательства противъ высочайшихъ и священнѣйшихъ особъ изрыгать, всего того, яко важнаго воснованія, я, хотя въ одномъ домѣ съ братомъ живучи, никогда не слышалъ и не знаю».

Затѣмъ, относительно посѣщенія полковника Грузинова родственниками Катламинымъ, Шапошниковымъ и Ильею Грузиновымъ младшій Грузиновъ отозвался вообще незнаніемъ,—и бывали-ли когда нибудь между ними разговоры, ему неизвѣстно.

Допросили хорунжаго Прибылянской станицы Степана Чеботарева, который присматривалъ за братьями Грузиновыми во время проживанія въ Черкасскѣ до преданія ихъ суду.

Чеботаревъ положительно заявилъ, что во все время своего надсматриванія «за поведеніемъ» подсудимыхъ онъ «не примѣтилъ

за ними никакого вреднаго поступка». Подполковникъ Грузиновъ 2-й позволенія у него на прогулки—проѣзжаться и прогуливаться—не просилъ и онъ ему на то ни совѣтовъ, ни позволенія не давалъ; «и о ѣздѣ его, Грузинова, до взятья подъ караулъ, въ Ростовъ и Нахичевань совсѣмъ не вѣдаетъ».

Призванъ былъ въ коммисію отецъ подсудимыхъ, старшина Осипъ Грузиновъ; «но онъ не могъ ни одного слова вымолвить и отвѣчать, по причинѣ имѣющейся въ немъ параличной болѣзни, отъ которой языкомъ не говоритъ, правою рукою и ногою мало дѣйствуетъ, да и въ судъ приведенъ съ нуждою, при поддержательствѣ человѣка». Коммисія справилась у врачей: не притворная-ли болѣзнь у старика; оказалось, что болѣзнь дѣйствительная.

IV.

Полковника Грузинова еще разъ потребовали въ засѣданіе суда; еще разъ подвергли увѣщаніямъ протоіерея Волошеневскаго и убѣждали признаться въ его виновности. Подсудимый заявилъ: «я вамъ сказываю, что пока свободенъ не буду, ничего не скажу; такъ велите меня повесть вонъ. Я всегда видѣлъ себя хорошо, и теперь вижу, слава Богу, не въ безуміи. Я не виноватъ ни предъ кѣмъ. Я говорилъ, что императора бранилъ; а что онъ изволитъ почесть—воля его. Я скажу на это, но все, когда свободенъ буду. Не упорствую въ отвѣтѣ, а не отвѣчаю и отвѣчать не буду по причинѣ той, что не свободенъ».

Слѣдствіе надъ старшимъ подсудимымъ, полковникомъ Грузиновымъ, уже близилось къ концу; оставалось только допросить старшину Аѳанасьева, о которомъ упоминали многіе изъ свидѣтелей. Когда разыскали Аѳанасьева, то онъ оказался не въ здравомъ умѣ. Поручивъ его наблюденію докторовъ, коммисія довела о всемъ этомъ до свѣдѣнія Орлова. Послѣдній; ордеромъ отъ 27-го августа, поручилъ коммисіи «приступить къ рѣшенію и заключить сентенцію». Черезъ день, однакоже, врачи донесли, что Аѳанасьевъ «началъ приходить въ прежнее ума состояніе».

Поэтому 31-го числа онъ былъ допрошенъ и показалъ, что навѣщалъ Грузиновыхъ по родству съ ними, такъ какъ мать ихъ родная ему сестра, и чтобы провѣдать больнаго старика Гру-

зинова. Прійдя однажды къ подсудимому полковнику Грузинову «и разговорясь, напомнилъ ему съ сожалѣніемъ—для чего онъ, будучи въ знатнѣйшемъ мѣстѣ, дошелъ до такого случая, что лишенъ высочайшихъ милостей и удаленъ; онъ же, Грузиновъ, относя это къ винѣ государя, сказалъ съ сердцемъ: «онъ ......, послушался генерала Ливена».

Аѳанасьевъ никому не говорилъ и не доносилъ объ этомъ, считая племянника за сумасшедшаго. «Прежде того, на совѣтъ, чтобы подсудимый имѣлъ хорошее обхожденіе съ гражданами, замѣтилъ въ отвѣтахъ его замѣшательство». Подсудимый отвѣтилъ ему на это, «что ни съ кѣмъ обхожденія имѣть онъ не хочетъ». За тѣмъ, когда пріѣхавшіе изъ пожалованнаго ему помѣстья крестьяне требовали видовъ на обратный путь, и онъ, по своему разстройству, отказалъ имъ въ томъ, то Аѳанасьевъ, у коего крестьяне просили помощи, уговаривалъ его дать имъ виды; «но Грузиновъ съ грубостію отозвался, что не хочетъ ничего для нихъ дѣлать и грозилъ прибить ихъ, если они еще къ нему придутъ».

Это показаніе Аѳанасьева было предъявлено подсудимому въ тотъ же день, т. е. 31-го августа, въ присутствіи слѣдственной коммисіи, въ которой находился и Кожинъ. Въ послѣдній разъ Волошеневскій увѣщевалъ Грузинова раскаяться и показать истину во всѣхъ на него обвиненіяхъ. «Старшина Аѳанасьевъ,—по словамъ протокола,—въ лицо ему, извергу, доказывалъ, что дѣйствительно при немъ такія злорѣчивыя слова на высочайшую Его И. В—ва особу, какія въ допросѣ его значатся, произносилъ; однако онъ, извергъ Грузиновъ, слѣдуя прежнему своему во злоупорствѣ ожесточенію, не показалъ ни малѣйшаго о преступленіяхъ своихъ раскаянія и рѣшительно и дерзко отказался отъ всякаго отвѣта тѣмъ, что: «онъ не можетъ быть судимъ воинскимъ судомъ, никому ничего по сему дѣлу не покажетъ, ежели не будетъ онъ и братъ его раскованы и съ сродниками на свободу отпущены, чтобы все говорить въ войсковой канцеляріи, и въ полномъ собраніи, и вездѣ, гдѣ будетъ возможно».

Послѣ этого коммисія приступила къ составленію экстрактовъ изъ дѣла о каждомъ подсудимомъ отдѣльно. Экстракты были имъ читаны; при чемъ Катламинъ, Илья Грузиновъ, Рубашкинъ и Шапошниковъ, подписывая ихъ, виновными ни въ чемъ себя не

признали; Аѳанасьевъ же, Касмынинъ, Колесниковъ и Поповъ подтвердили сознаніе каждый въ томъ, что показали на допросахъ.

Между экстрактами приведены слѣдующіе законы:

«Уложенія царя Алексѣя Михаиловича, главы 2-й пунктъ 12-й. А буде кто на кого учнетъ извѣщати великое государево дѣло, а свидѣтелей на таковой извѣтъ никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ, и сыскати про такое государево великое дѣло будетъ нечѣмъ, и про такое великое дѣло указъ учинити по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ.

«Пунктъ 18-й. А кто московскаго государства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ, или услышатъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ, и имъ про то извѣщати государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея Руссіи или его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ, или въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ.

«Пунктъ 19-й. А буде кто свѣдавъ или услыша на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умыселъ, а государю и его государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ и въ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ, а государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про таковое дѣло вѣдалъ, и его за то казнити смертію безъ всякія пощады».

«Воинскаго сухопутнаго устава въ 129-мъ артикулѣ написано: Если кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, или имѣетъ вѣдомость о шпіонахъ, или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гварнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объяснитъ, тотъ имѣетъ, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть».

«Морскаго уст., книги V-й, въ пунктѣ 1-мъ. Если кто противъ персоны его величества какое зло умышлять будетъ, тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали, или совѣтъ свой подавали или, вѣдая, не извѣстили, яко измѣнники четвертованы будутъ и ихъ пожитки движимые и недвижимые взяты будутъ».

«Указъ 1730 г. апрѣля 10-го дня. Когда такія великія дѣла самъ свѣдаетъ или отъ кого услышитъ и доказать могъ, а нигдѣ не донесетъ, а потомъ отъ кого обличенъ будетъ, что онъ про такое великое дѣло вѣдалъ и доказательство имѣлъ, а нигдѣ не донесъ, а хотя и доносить будетъ, но поздно, и тѣмъ время упу-

ститъ, а сыщется про то допряма, и тѣмъ людямъ за то чинить смертную казнь безо всякія пощады».

Вслѣдъ за выпискою законовъ, коммиссія составила нѣсколько дополнительныхъ экстрактовъ; половиною одного изъ нихъ прерывается дѣло, на 316 страницѣ. Дѣло это дошло до насъ не въ полномъ видѣ, въ копіи того времени.

V.

Такимъ образомъ, изъ слѣдственнаго дѣла не видно ни приговора военно-судной коммисіи, ни мотивовъ къ нему; признанія подсудимаго въ приписанныхъ ему преступленіяхъ тоже не было, за исключеніемъ того, что онъ бранилъ императора. Между тѣмъ еще до спроса Аѳанасьева, т. е. до окончанія слѣдствія, участь полковника Грузинова уже была рѣшена. 26-го августа сенатъ получилъ слѣдующій именной указъ, данный канцеляріи войска Донскаго: «Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова за измѣну противъ насъ и государства, наказать нещадно кнутомъ и отправить его къ нашему генералъ-прокурору, а имѣніе его отписать въ казну» [1]). О конфирмаціи этой было дано знать всѣмъ губернскимъ правленіямъ указами сената отъ 29-го августа.

5-го сентября 1800 г. Евграфъ Грузиновъ, вопреки конфирмаціи и не смотря на табельный день—тезоименитства супруги наслѣдника престола, великой княгини Елисаветы Алексѣевны, былъ засѣченъ кнутомъ до смерти въ Черкасскѣ [2]). Рѣпинъ и Кожинъ, торопившіе осужденіе, приняли его послѣдній вздохъ. Одно изъ имѣній казненнаго—село Воздвиженское, Московской губерніи, перешло во владѣніе къ князю Куракину 3-му [3]).

Сентября 27-го войсковой старшина Аѳанасьевъ, дядя Грузинова, и казаки Луганской станицы Касмынинъ, Поповъ и Колесниковъ, не донесшіе о ругательныхъ Грузинова на государя изреченіяхъ и о прочихъ его словахъ, сложили свои головы на плахѣ подъ топоромъ палача.

Интересно бы знать, за что судился и наказанъ Грузиновъ 2-й.

Черезъ мѣсяцъ послѣ смерти несчастнаго Евграфа Грузинова,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 629.

[2]). О подробностяхъ казни см. тамъ же, стр. 573—575.

[3]) Тамъ же, стр. 663.

13-го октября, послѣдовалъ слѣдующій именной указъ сенату: «Генералъ-отъ-кавалеріи Рѣпинъ исключается изъ службы съ отобраніемъ патентовъ, за приведеніе въ исполненіе сентенціи смертной казни на Дону, вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго моею конфирмаціею» [1]).

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что, по сохранившимся разсказамъ современниковъ, въ эту тяжелую для Дона эпоху, процессъ надъ братьями Грузиновыми распространилъ въ мѣстномъ обществѣ страшную панику, тѣмъ болѣе, что не только Грузиновы, но и всѣ прикосновенныя къ ихъ дѣлу лица содержались подъ строжайшимъ карауломъ въ подвалахъ колокольни соборнаго храма, что къ нимъ никто не допускался, даже ближайшіе родные, и, поэтому, въ городѣ ходили одинъ другаго страшнѣе и нелѣпѣе слухи о размѣрахъ преступленія и кары за него не только виновныхъ, но и всего Донскаго войска, изъ среды котораго послѣдніе происходятъ. Казнь совершена на площади Черкасска (нынѣ Старочеркасской станицы), на мѣстѣ, носившемъ названіе «пороховой казны». Когда, въ послѣдствіи, получено было извѣстіе, что казнь эта совершена вопреки воли государя, то, въ понятіяхъ народа, казненные выросли до названія «мучениковъ» и, поэтому, стали распространяться среди него различные суевѣрные разсказы о стонѣ изъ ихъ могилъ, о показывающемся на нихъ, каждую полночь, огонькѣ, въ видѣ зажженой свѣчи и т. п.

Примѣчаніе Кн. А. Б. Л.-Р.—го. Вотъ нѣкоторыя данныя, извлеченныя изъ военныхъ приказовъ о Грузиновыхъ:

1797 г. января 25-го. Лейбъ-казачьяго полка маіоръ Грузиновъ 2-й (1-й?) произведенъ въ полковники.

1798 г. іюня 29-го. Лейбъ-казачьяго полка полковникъ Грузиновъ 1-й опредѣленъ въ свиту Его И. В—ва, а бывшій лейбъ-казачьяго полка подполковникъ Грузиновъ 2-й всемилостивѣйше прощается, равно какъ и бывшій войска Донскаго подполковникъ Грековъ.

1799 г. октября 6-го. Войска Донскаго полка полковника Карпова сотникъ (?) Грузиновъ, по прошенію, отставленъ отъ службы.

1800 г. февраля 10-го. Высочайше повелѣно, чрезъ графа Ростопчина: «письмо изъ Черкасска сжечь чрезъ палача».

Кромѣ того, помѣщаемъ нижеслѣдующую роспись для уясненія родственныхъ отношеній Грузиновыхъ на Дону; она составлена на основаніи допросовъ и указаній, имѣющихся въ дѣлѣ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 630.

I.

1. Романъ Грузиновъ,—изъ служилыхъ дѣтей грузинской націи. Его жена была родная сестра матери отставнаго маіора Бориса Андреевича Катламина, родившагося въ 1739 году и произведеннаго въ маіоры при отставкѣ въ 1800 году.

II.

2. Осипъ Романовичъ, старшина. Въ 1800 г., бывши еще до того разбитъ параличомъ, не владѣлъ языкомъ. Ж. Аѳанасьева (родная сестра войсковаго старшины Ивана Аѳанасьевича Аѳанасьева, род. 1758 † 27-го сентября 1800 г., казненнаго въ Старочеркасскѣ). . 1.
3. Илья Романовичъ, сотникъ, 1759 г. . . . . 1.

N. N. Романовна, за есауломъ Николаемъ Борисовичемъ Рубашкинымъ. . . . . 1.

III.

4. Евграфъ Осиповичъ, полковникъ, 5-го сентября 1800 г., въ Старочеркасскѣ наказанъ кнутомъ, отчего и умеръ. . . . . 2.
5. Петръ Осиповичъ, подполковникъ (называлъ себя кавалеромъ св. Георгія 4-й ст., но въ спискѣ Георгіевскихъ кавалеровъ его нѣтъ). 26-го апрѣля 1800 г., въ Старочеркасскѣ, наказанъ кнутомъ. . . 2.

Въ родствѣ съ Грузиновыми былъ также полковой хорунжій Дурновской станицы Иванъ Кондратьевичъ Шапошниковъ, р. 1759 г.

АЛЕКСѢЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ВЕНЕЦІАНОВЪ,

ОТЕЦЪ РУССКОЙ БЫТОВОЙ ЖИВОПИСИ,

1780—1846.

Скоро минетъ столѣтіе какъ явился для благородной дѣятельности тотъ художникъ, которому наше отечественное искусство обязано національнымъ направленіемъ. Подвигъ его совершился такъ незамѣтно на глазахъ современниковъ, что они, то расточая неискреннія похвалы, то относясь враждебно къ совершенному Венеціановымъ, не признавали за нимъ даже заслуги: пробужденія мысли русскихъ живописцевъ съ направленіемъ ея исключительно на изображенія родной обстановки. Она у него поражаетъ вѣрностью передачи живыхъ сценъ быта, но безъ желанія избѣгать шероховатостей, въ противоположность художникамъ историческаго рода, ради предразсудка жертвовавшимъ характерностью и правдою. Направленіе Венеціанова эти умники считали не серьезнымъ, чуть не кукольною игрою, а свое, ложное въ самой основѣ,—строгимъ и единственно вѣрнымъ. Ошибались, безъ сомнѣнія, корифеи академическаго направленія, мнимую строгость рисунка,—доведенную до сухости,—ставя на первое мѣсто и риторическою возвышенностью условнаго чувства замѣняя подлинное проявленіе игры страстей, въ живописной драмѣ. Но эта ошибка была наслѣдіемъ вѣковъ прошедшихъ; она была неотвратима при тогдашнемъ взглядѣ на вещи. Поэтому, виноваты не послѣдніе представители отжившаго направленія, а оно самое, всосанное художниками въ академіяхъ и сдѣлавшее ихъ мастерами техники. Академіи художественныя, явившись къ концу вѣка возрожденія, внесли единство и систему въ подготовительное изученіе искусства, пріучая вѣрно смотрѣть на натуру. Но касаясь искусства только съ внѣшней стороны

(одной техники), онѣ не могли сдѣлать ничего болѣе въ интересѣ развитія ума и воображенія. Геній великихъ мастеровъ бездарными преемниками ихъ школы остался не разгаданнымъ, а нить направленія жизненности и правды, какъ бы затерявшеюся въ мелочныхъ условіяхъ рутины, не сильной надъ талантомъ, но всемогущей передъ взглядомъ бездарности. Отъ этого и вышло, что въ академіяхъ (по крайней мѣрѣ съ конца XVII вѣка, когда число ихъ въ Европѣ удесятерилось) условные пріемы, не ограничиваясь классными упражненіями подготовляемыхъ въ художники, коснулись и области творчества, связывая путами мнимыхъ приличій полетъ фантазіи артистовъ. Эти путы—называемые условно стильностью,—не допускали свободнаго розмаха движенія. Замѣчая меньшую красивость въ немъ и не думая относить ее къ недостаткамъ изученія момента на живой натурѣ, академики находили спокойствіе для себя менѣе рискованнымъ и внесли его въ свой кодексъ правилъ какъ непремѣнное условіе граціи. Оно и понятно: бездвижности легче придать условно красивую форму. Но, разъ допуская подобный совѣтъ, можно, слѣдуя ему, уничтожить и всякое проявленіе жизненной правды,—что и сдѣлалось удѣломъ академическихъ композицій.

Такъ и должно было оказываться при бездарности, и такъ подлинно выходило въ скучныхъ твореніяхъ по правиламъ съ изысканными линіями формъ. Все, казалось, было тутъ на мѣстѣ; ничто не рѣзало глаза, а онъ, при однообразіи, оставался вполнѣ неудовлетвореннымъ. Нужно ли оговаривать, что условность, сглаживая характеръ, обходится безо всего, что въ природѣ и жизни отличаетъ живыхъ существъ, проявляющихъ самостоятельную дѣятельность словами и дѣйствіями,—у каждаго съ особымъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ. Индивидуальность же людей даже одного общества носитъ на себѣ отпечатокъ и климатическихъ особенностей, и всѣхъ другихъ условій, въ которыхъ развивается бытовая жизнь. Этотъ-то отпечатокъ и даетъ характерныя отличія одной народности отъ другой, установляя разность признаковъ расы. Въ ту пору, когда наука, въ наше время ратующая за народность, находила величайшимъ удобствомъ введеніе общаго научнаго языка—латинскаго, въ западной Европѣ, разумѣется, не поднимался и вопросъ о племенномъ различіи, по характернымъ особенностямъ. Ихъ обходило и академическое искусство, внося въ историческія изображенія курьезный маскарадъ фантастическихъ одеждъ, съ невозможною обстановкою и для самыхъ сценъ. Еще это положеніе воспринято было и нашею академіею, заведенною при Елисаветѣ Петровнѣ французами. Они для русскихъ людей, очень естественно, не нарушали своихъ привычекъ: поклоненія наготѣ формъ, непониманія идеальныхъ стремленій художниковъ классическаго міра,—создавав-

шихъ чудеса красоты, ища ее въ живой натурѣ,—и изслѣдованія ихъ теоріи, что «жизнь—въ правдѣ!» Ученики французовъ, основателей академіи нашей, сами развивавшіеся въ Парижѣ, могли только смотрѣть глазами учителей своихъ на задачи искусства. Оттого три четверти столѣтія оно у насъ и не желало видѣть своего, роднаго,—по французски трактуя даже русскіе сюжеты, подъ кистью и рѣзцомъ первыхъ профессоровъ не переносящіе зрителя на родину. Пріученіе къ своему родному, жизненному и характерно-правдивому поэтому и выпало, въ дни Александра I, на долю человѣка, не получившаго академическаго образованія, но сильнаго природною наблюдательностью. И самъ онъ пошелъ этимъ путемъ, еще не давая себѣ отчета: что̀ онъ дѣлаетъ? Но, послѣ первыхъ шаговъ, для него уже не была тайною самая цѣль и ея конечный результатъ! Одного личнаго труда его было бы, однако, недостаточно, если бы обстоятельства не дали ему возможности образовать свою школу учениковъ, которыхъ думалъ онъ только вести къ развитію тѣмъ же путемъ, какъ и самъ шелъ. Но, ведя этимъ путемъ, Венеціановъ, самъ того не думая, вывелъ учениковъ своихъ на національно-русскую дорогу.—выборомъ для живописи сценъ прямо изъ жизни простаго народа. Для рѣдкости вещей,. публика съ жаромъ апплодировала первымъ попыткамъ живописи родного быта. Къ ней пристрастились мало по малу и сами художники, и... академическое направленіе брошено.

Но отъ того, что первый вожакъ натолкнутъ былъ на это направленіе почти невольно, не слѣдуетъ намъ однако уменьшать его заслугу. Она гораздо выше даже дѣлается оттого, что, всецѣло отдавшись душевному влеченію, Венеціановъ самъ и не думалъ приписывать себѣ какую либо честь или право на почетъ. Онъ вмѣнялъ въ заслугу себѣ одну заботу объ образованіи природныхъ талантовъ, безъ него бы заглохшихъ. Оставимъ же за нимъ безспорное право: руководства талантовъ и веденіе ихъ новою дорогою, до него никѣмъ не пробитою! Эту его заслугу мы выяснимъ и выдѣлимъ, прежде всего и виднѣе всего; а по ней, сама собою признается плодотворность дѣятельности Венеціанова, въ послѣднее десятилѣтіе совсѣмъ почти забытаго.

Своимъ разсказомъ мы постараемся выяснить все, что оставалось темнымъ и необслѣдованнымъ изъ обстоятельствъ жизни отца русской бытовой живописи. Это тѣмъ необходимѣе, что написаннаго о Венеціановѣ не мало, но все, что было о немъ напечатано, меньше всего разъясняло: его личность, его происхожденіе и его дѣйствительную дѣятельность. Картинныхъ набросокъ, фразъ, восклицаній, заявленій сочувствія—много; дѣла же,—почти нѣтъ. И самая обстоятельная статья, сочувственно написанная ученикомъ его А. Н. Мокриц-

кимъ, — «Воспоминаніе объ А. Г. Венеціановѣ и ученикахъ его»,— не даетъ ничего обстоятельнаго и связнаго, хотя авторъ и заявилъ желаніе «опредѣлить его дѣятельность».

I.

Пользуясь новыми, открытыми лично нами, извѣстіями о родѣ Венеціановыхъ, его собственными отрывочными указаніями въ разныхъ бумагахъ, да воспоминаніями дочери, подвергнувъ ихъ провѣркѣ (со стороны фактовъ и обстоятельствъ),—мы позволимъ себѣ считать свою попытку ближе достигающею цѣли жизнеописанія. Указанія объ ученикахъ тоже надѣемся мы сдѣлать точнѣе, ограничиваясь впрочемъ только самымъ необходимымъ для связи съ цѣлымъ. Мы ставимъ на первое мѣсто прямо труды А. Г. Венеціанова и взгляды его на свою задачу, почерпая это изъ написанныхъ имъ же самимъ Записокъ. Если, выполнивъ такъ свой трудъ, мы не удовлетворимъ своихъ читателей, то по крайней мѣрѣ и не введемъ ихъ въ ошибку самопроизвольными рѣшеніями, не подкрѣпленными фактическими свидѣтельствами. Въ подобномъ же вопросѣ, какъ трудъ, нами предпринятый, добросовѣстность самое главное. А если съумѣемъ мы дать больше данныхъ о художникѣ,—чѣмъ имѣлось до сихъ поръ въ распоряженіи интересовавшихся имъ,—то цѣль наша все же будетъ сколько-нибудь достигнута, не смотря на всѣ трудности, неразлучныя со сбираньемъ по крупицамъ извѣстій, записывать которыя предшественники наши скорѣе не хотѣли, чѣмъ не могли. Съ удаленіемъ отъ времени жизни и дѣятельности изслѣдуемаго лица, всякое лишнее указаніе достается труднѣе, затѣмъ что и число лицъ, знавшихъ хорошо А. Г. Венеціанова, съ каждымъ днемъ уменьшается. Хотя, съ другой стороны, память знакомыхъ, даже и близкихъ, далеко не лучшій источникъ для узнанія въ точности обстоятельствъ чьей либо трудовой жизни, скажемъ смѣло—даже и случаевъ прямо не чуждыхъ имъ. Что же сказать о вопросахъ, въ первый разъ нами задаваемыхъ? А вопросовъ этихъ мы не можемъ обойти, не давая отвѣтовъ. Не отвѣчая на вопросы, выдвигаемые нашею разработкою, мы рискуемъ ни до чего не дойти и ничего не добиться; а двинувшись—не останавливаются. Чего ближе, казалось бы, слова дочери? Между тѣмъ, намъ не приходится и имъ давать полную вѣру, и вотъ почему. Младшая дочь отца русской живописи быта, Фелицата Алексѣевна Венеціанова, написала слѣдующее: «Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ родился въ Черниговѣ. Отецъ его, Гавріилъ Юрьевичъ, былъ грекъ, природный дворянинъ, изъ фа-

миліи Венеціановыхъ Фармаки (?). Въ Черниговской губерніи у него было помѣстье». Офиціальныя, несомнѣнныя свидѣтельства говорятъ другое.

Въ архивѣ департамента герольдіи есть дѣла (по Черниговской и С.-Петербургской губерніямъ) о дворянствѣ рода Венеціановыхъ, и изъ дѣлъ этихъ происхожденіе фамиліи не даетъ ни малѣйшаго основанія прибавлять прозваніе Фармаки, прежде всего. Изъ дѣлъ этихъ видно только, что предкомъ фамиліи слѣдуетъ считать Ивана Проко, жившаго въ началѣ XVIII вѣка, въ Эпирскомъ мѣстечкѣ Богдаріи. Сынъ Ивана Проко, Өедоръ Венеціано, переселился въ Россію, съ женою своею гречанкою, же Еленой,—въ 1730-хъ или 1740-хъ годахъ,—и поселился въ Нѣжинѣ. У Өедора и Елены (по смерти мужа, постригшейся въ кіевскомъ Свято-Флоровскомъ монастырѣ въ 1781 г., имѣя болѣе 60-ти лѣтъ отъ роду) были дѣти (Андрей, какъ кажется, да) Георгій, въ 1759 году давно женатый на Екатеринѣ Марковичъ. Она получила отъ брата, значковаго товарища Михаила Марковича (по записи 9-го января 1759 г.), хуторъ Веприкъ, въ Монастырской сотнѣ Прилуцкаго полка (Нѣжинскаго уѣзда). Андрея Өедоровича сынъ Семенъ Андреевичъ Венеціановъ родился въ 1773 г. и былъ въ царствованіе Александра I надворнымъ совѣтникомъ. Онъ жилъ въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, въ Благовѣщенскомъ приходѣ, и служилъ въ Межевой канцеляріи. Въ бракѣ съ Александрою Сидоровною имѣлъ Семенъ Андреевичъ дочь Александру (род. 1803 г.) и сына Андрея (род. 1813 г.); что съ ними сдѣлалось, найти намъ покуда не удавалось. Георгій Өедоровичъ отъ Екатерины Марковичъ имѣлъ дочь Анну за маіоромъ Алексѣемъ Клобуковымъ, да сыновей Михаила и Гаврiила. Михаилъ, старшій, женатый на Екатеринѣ Антоновичъ владѣлъ родительскимъ хуторомъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ. На хуторѣ Куриковскомъ у него было 37 душъ женскаго пола и 38 душъ мужскаго пола и, по населенному имѣнію, Михаилъ Венеціановъ (умершій ранѣе 1808 г.) считался дворяниномъ между греками, заявлявшими даже, что родъ Прока въ Эпирѣ былъ владѣтельный и очень почтенный. Такое заявленіе прямо написано было нѣжинскимъ греческимъ магистратомъ и по этому заявленію черниговское дворянское депутатское собраніе включило Венеціановыхъ въ родословную дворянскую книгу свою, въ 1794 г. Между тѣмъ, младшій сынъ Георгія Өедоровича Венеціанова, Гаврiилъ Юрьевичъ, род. въ 1752 г., переселился въ Москву; приписался въ купцы 2-й гильдіи; женился, не ранѣе 1778 года, на Аннѣ Лукинишнѣ, десятью годами моложе его и сталъ жить въ своемъ домѣ въ Воронцовской улицѣ, въ приходѣ Воскресенья на Таганкѣ (тогда въ 3-мъ кварталѣ XVII

части, а теперь въ 4-мъ кварталѣ Рогожской ч.). Живя здѣсь, онъ былъ обрадованъ рожденіемъ перваго сына 12-го февраля 1780 года, по имени празднуемаго святаго, названнаго Алексѣемъ. Черезъ пять лѣтъ родился третій сынъ (27-го дек. 1785 г.) Иванъ Гавріиловичъ; какъ и отецъ, московскій же купецъ 2-й гильдіи. Иванъ Гавриловичъ Венеціановъ отъ брака съ Анною Степановною имѣлъ трехъ сыновей: Аркадія (родивш. въ 1816 г. и умершаго ранѣе 1850 г., холостымъ), медика, воспитывавшагося въ Московскомъ университетѣ и служившаго въ городской больницѣ; Клавдія (р. 1819 г.) служившаго въ гражданской службѣ, безъ чина, въ Москвѣ; Сергѣя (род. 1826 г.) и дочь Софью (р. 1821 г.). Иванъ Гавриловичъ умеръ 50-ти лѣтъ отъ роду (23-го апрѣля 1885 года), раньше отца. Вмѣстѣ съ Иваномъ въ Москвѣ торговалъ и записанный въ дворянское родословіе Черниговской губ. Юрій Михайловичъ (род. 1778 г. и жившій еще въ 1842 г.), считаясь въ столицѣ купцомъ 3-й гильдіи [1]), имѣя двоихъ дѣтей: дочь Екатерину и сына Владиміра, въ военной службѣ. Московскимъ Венеціановымъ сенатъ въ 1844 г. отказалъ въ дворянствѣ, по неимѣнію доказательствъ на это достоинство. Тогда какъ не хлопотавшій о дворянствѣ, Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ,—опредѣленный въ гражданскую службу, впрочемъ, какъ дворянинъ—имѣлъ дворянство по ордену Владиміра 4-й степени, но не просилъ о присвоеніи его потомству. Онъ былъ рожденъ съ художественными наклонностями. Призваніе сказалось въ немъ непреодолимою страстью къ живописи, о которой и не помышлялъ онъ вступивъ въ службу и сдѣлавшись землемѣромъ. Дочь А. Г. Венеціанова о дѣтствѣ, юности и началѣ карьеры своего родителя высказала слѣдующее: «изъ трехъ сыновей, которымъ Гавріилъ Юрьевичъ далъ прекрасное образованіе—имѣя хорошее состояніе,—Алексѣй Гавриловичъ исключительно любилъ науки и искусства, въ особенности живопись; по окончаніи воспитанія въ Москвѣ въ пансіонѣ, онъ поступилъ на службу въ Петербургъ по почтовому вѣдомству. Служба сначала не мѣшала ему заниматься живописью, но потомъ, когда, питая къ ней страсть, онъ познакомился съ Эрмитажемъ, то страсть усилилась до такой степени, что онъ оставилъ службу и посвятилъ себя исключительно живописи».

Въ этихъ указаніяхъ, на наши глаза, встрѣчается явное противорѣчіе и съ извѣстными всѣмъ условіями, и съ фактами службы А. Г. Венеціанова, по его собственному свидѣтельству. Его свидѣтельствомъ считаемъ мы прошеніе, поданное въ Императорскую академію

---

[1]) См. Адресъ-Календарь Москвы 1842 г., стр. 15 и 137, часть 3-я.

художествъ объ удостоеніи академическаго званія, въ 1811 году. Хотя прошеніе не дошло до насъ, но содержаніе его прописано въ журналѣ и ищущій званія Венеціановъ названъ «землемѣромъ, служащимъ при Лѣсномъ департаментѣ», а не при Почтовомъ. Почтовая служба, особенно для начинающихъ, не могла давать досуга заниматься живописью, при срочной явкѣ на службу и хлопотливыхъ ея обязанностяхъ въ почтамтѣ, какъ прежде, такъ и теперь. Кромѣ того, убивающая умственную дѣятельность почтовая ежеденка, развивая только рутину, ни въ какомъ случаѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы, не привела бы Венеціанова къ художественному развитію, скорѣе уничтоживъ его начала, а никакъ уже не способствуя порывамъ любознательности. Она была бы притуплена; да не усилена была бы и наблюдательность, запасъ которой необходимъ для живописца бытовыхъ сценъ, начавшаго съ портрета. Всѣ эти явныя противорѣчія съ ходомъ послѣдующей дѣятельности Венеціанова заставляютъ насъ видѣть въ указаніи почтовой службы скорѣе обмолвку. Что касается до указаній средствъ отца, дачѣ сыновьямъ хорошаго образованія, обученія въ пансіонѣ. наклонности къ искусству, замѣченной въ Алексѣѣ Гавриловичѣ Венеціановѣ—по нашему мнѣнію, несомнѣнно вліявшей и на избраніе имъ первоначальной служебной карьеры,—мы, соглашаясь съ воспоминаніями дочери художника, должны войти въ объясненія, для подтвержденія своихъ взглядовъ и предположеній.

Начнемъ съ самаго положенія, занимаемаго въ Москвѣ родителемъ А. Г. Венеціанова.

Грековъ въ Россію издавна привлекали торговыя выгоды. Гетманы малороссійскіе поселившимся въ Нѣжинѣ грекамъ дали очень важныя преимущества. Привиллегіи, данныя предпріимчивымъ негоціантамъ, и Петръ I подтвердилъ своею грамотою 1710 года. Ею даровано было грекамъ національное городское управленіе и свобода торговли въ россійскихъ городахъ. Въ Москвѣ, куда привлекала грековъ корысть,—при живомъ сбытѣ винъ, сластей, шелковыхъ тканей, шалей, благовоній, турецкаго табака и пряностей,—капиталы росли, въ греческихъ рукахъ сосредоточивая запасы звонкой монеты, пускаемой въ ростъ. Пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ и построекъ по дешевой цѣнѣ тоже входило въ кругъ расчетовъ оборотливыхъ потомковъ Ѳемистокла и Фотія, въ бѣлокаменной занимавшихся всякаго рода прибыльными промыслами, не въ ущербъ главному торговому занятію. Поселившись въ Таганской части древней столицы, близь Коломенскаго тракта, Гавріилъ Юрьевичъ Венеціановъ торговалъ плодовыми деревьями и ягодными кустами, пріобрѣтая ихъ въ подмосковныхъ и надѣляя ими плодовые сады и огороды, которыхъ въ Москвѣ

и теперь очень много, а за сто лѣтъ назадъ было еще больше. На эту сторону дѣятельности родителя будущаго художника навела насъ публикація въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1795 года (№ 56, стр. 1155). Она гласила, что «въ 17-й части 3-го квартала въ д. подъ № 262, въ приходѣ Воскресенія-на-Таганкѣ, въ Воронцовской улицѣ, у московскаго купца Гаврилы Юрьева Венеціанова, продаются кусты самой крупной и въ варку весьма годной бѣлой смородины: большіе кусты по 3 р., поменьше по 1 р., а трехлѣтніе по 50 к., на которыхъ ягоды бываетъ отъ 10 до 12 фунтовъ, которая же ягода продается по 10 копѣекъ фунтъ. Тутъ же продаются весьма хорошія тюльпанныя луковицы, разныхъ колеровъ, цѣною смотря по величинѣ луковицъ. Въ семъ же домѣ продаются хорошія картины, писанныя en pastel, за весьма сходную цѣну». Публикація въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1794 г. (11-го ноября), № 90 (стр. 1732), тоже рекомендовала продажу картинъ. Предлагались желающимъ «очень хорошія разныя картины, дѣланныя сухими красками, въ золотыхъ рамахъ, за стеклами, за весьма умѣренную цѣну». Покупщики не скоро тогда находились на этотъ товаръ, предпріимчивому негоціанту, при скупкѣ на свозъ чьего-либо вельможескаго сада въ окрестностяхъ столицы, вѣроятно, доставшійся за безцѣнокъ. Оттого и немного заботился онъ о случайномъ пріобрѣтеніи, если не сходило оно съ рукъ. Главныя дѣла—растенія,—шли хорошо и давали вѣрный доходъ до самаго Наполеоновскаго погрома, послѣ котораго, по словамъ внучки, Гавріилъ Юрьевичъ «лишился большей части имущества». Въ общемъ пожарѣ столицы, окраины ея,—въ томъ числѣ и Таганка,—были почти совсѣмъ уничтожены, и отъ деревяннаго дома Венеціанова не осталось слѣдовъ. Къ довершенію бѣдствія, домохозяева, воротясь на старыя пепелища, не скоро принялись за разведеніе садовъ, которыхъ вообще въ Москвѣ итогъ сократился если не на половину, то на двѣ трети, а мѣста бывшихъ садовъ занялись постройками жилыми и фабричными. Вотъ что должно было нанести непоправимый ударъ торговлѣ Гавріила Юрьевича, пережившаго удары судьбы. Онъ еще крестилъ внучатъ—дѣтей младшаго своего сына, Ивана Гавриловича, женившагося въ 1811 г.

Торговля картинами давала возможность старшему сыну Гавріила Юрьевича удовлетворять эстетическимъ стремленіямъ врожденнаго призванія, которое хотя до времени и можетъ считаться какъ бы не существующимъ, но на самомъ дѣлѣ оно только не имѣло повода заявить себя чѣмъ либо примѣтнымъ. Занятіе землемѣрными планами,—въ ту пору украшавшимися виньетками на заголовкахъ,—въ своемъ родѣ было тоже удовлетвореніемъ художественныхъ стремленій, за-

охочивая къ дальнѣйшему развитію навыкомъ рисовать красками. Для того же, чтобы сдѣлаться землемѣромъ, необходима начальная подготовка научная по части геометріи. Курсъ той науки былъ по времени достаточенъ и въ пансіонскомъ обученіи, тогда особенно распространенномъ въ Москвѣ, — хотя городѣ, имѣвшемъ университетъ и гимназіи, но крайне нуждавшемся въ начальныхъ училищахъ. Замѣтимъ, что въ то время, когда, по лѣтамъ, старшій сынъ Гавріила Юрьевича Венеціанова могъ нуждаться въ научномъ образованіи, чтобы подготовиться къ жизненной дѣятельности, въ окрестностяхъ Таганки,—на разныхъ, разумѣется, разстояніяхъ, ближе и дальше,—было шесть пансіоновъ, если исключить Крейгера въ Большой Алексѣевской (гдѣ больше учили дѣвицъ), а именно: Ааля (на Большой Ильинкѣ), Бартоли (за Покровскими воротами), Блемера (на Мясницкой), Борденова (за Серпуховскими воротами, въ Замоскворѣчьѣ, не совсѣмъ далеко отъ Красно-Холмскаго моста), Борециуса (въ Лефортовѣ) и Дельсаля (въ Нѣмецкой слободѣ). Трудно сказать, который изъ этихъ пансіоновъ посѣщался отцомъ русской бытовой живописи, но можно одно принять за истину, что во всѣхъ нихъ,—вмѣстѣ съ русскимъ и однимъ изъ иностранныхъ языковъ,—могъ онъ пріобрѣсти знанія по ариѳметикѣ, геометріи, исторіи и географіи.

Въ одной изъ записокъ своихъ цитируетъ Венеціановъ французскія заглавія изданій довольно правильно, что даетъ право заключать о знакомствѣ его съ французскимъ языкомъ. Что же касается основательнаго знанія геометріи, то оно у Венеціанова было несомнѣнно, такъ какъ его научные пріемы рисованія были основаны на геометрическихъ положеніяхъ. Да и перспектива вообще,—на которую сильно налегалъ онъ какъ наставникъ,—безъ геометріи далеко не могла простираться, а тѣмъ болѣе приводить къ такимъ результатамъ. Поэтому допустить пріобрѣтеніе А. Г. Венеціановымъ основательныхъ свѣдѣній хотя въ начальной геометріи въ пансіонскихъ классахъ мы должны, нейдя противъ логики и допуская, что извѣстныя причины производятъ соотвѣтственныя послѣдствія. Для Венеціанова естественными послѣдствіями, хотя сперва и не полнаго, знакомства съ геометріею было принятіе въ лѣсные землемѣры, когда состоялся, положимъ, штатъ чиновниковъ «при подмосковной казенной рощѣ погоннаго Лосиннаго Острова» [1]). Островъ этотъ скоро переданъ былъ въ удѣльное вѣдомство, но, раньше чѣмъ это состоялось, началась усиленная копировка плановъ казеннымъ лѣсамъ и для нея потребованы лѣсные землемѣры въ Петербургъ. Вѣроятно, въ это время и

[1]) П. С. З., т. XXVIII, № 21,494.

попалъ въ сѣверную столицу будущій художникъ. Въ подтвержденіе своей догадки приведемъ на память, согласное въ двухъ запискахъ объ обстоятельствахъ жизни Венеціанова, указаніе на 1807 г. какъ на время пріѣзда его въ Петербургъ и начатія знакомства съ Эрмитажемъ [1]). Въ 1806-мъ же г. 13-го сентября [2]) состоялось постановленіе копировкѣ лѣсныхъ плановъ землемѣрами при Лѣсномъ департаментѣ, которыхъ по штату 1798 г. положено имѣть 124 человѣка, и прикомандировать изъ одной губерніи въ другую. Записка объ обстоятельствахъ жизни Венеціанова говоритъ, что въ Эрмитажѣ началъ онъ копировать пастельными красками. Пастель и акварель такъ близки. Акварелью выполнялись не безъ примѣси корпусныхъ красокъ, какъ мы замѣтили, заглавныя виньетки на планахъ всякаго рода, и лѣсныхъ дачъ—тѣмъ болѣе. Научиться могъ А. Г. Венеціановъ рисовать сухими красками еще въ пансіонѣ; въ курсъ пансіонскаго обученія входило рисованіе вездѣ. Въ Москвѣ, въ концѣ XVIII вѣка, сильно были въ модѣ: живопись пастелью и водяными корпусными красками, продававшимися не дорого, въ разныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, въ родительскомъ домѣ еще, могъ упражняться въ рисованіи будущій художникъ, хотя, какъ самъ говоритъ въ одномъ письмѣ (къ инспектору псковской гимназіи, всего скорѣе) «не готовилъ себя быть художникомъ».

Всѣ люди талантливые, какъ извѣстно, сохраняли неизгладимыми въ памяти первыя впечатлѣнія дѣтства, поразившія ихъ чуткое воображеніе. Въ домѣ отца—торговца садовыми растеніями, было много, разумѣется, рабочаго народа обоего пола въ своеобразномъ костюмѣ. Не удивительно, что вкусъ А. Г. Венеціанова преимущественно тянулъ его къ воспроизведенію минутныхъ позъ и положеній простыхъ русскихъ людей, служившихъ для художника живыми оригиналами для изученія всевозможныхъ эффектовъ освѣщенія. Оно же тѣсно связано съ законами перспективы, тоже имъ страстно любимой въ послѣдствіи и рекомендуемой ученикамъ для первой пробы своей технической опытности, при произведеніи картины. Не вдругъ достигъ онъ до полнаго выясненія себѣ всего, къ чему влеклось его воображеніе, безспорно; и долго онъ не попадалъ на настоящую дорогу, но далеко отъ нея въ сторону онъ не сбивался даже въ то время, когда впервые силился передать красоты великихъ мастеровъ настолько недостаточными средствами какъ сухія краски,—единствен-

[1]) Говоря о впечатлѣніи отъ картины Гране (1820 г.), Венеціановъ и самъ говоритъ, что разгадка ея эффекта перемѣнила его 12-ти лѣтнюю привычку писать.

[2]) П. С. З. т., XXIX, № 22,271.

но доступныя ему. Въ головѣ роились новыя мысли и планы, но чувствуемое безсиліе, покуда, выполнить останавливало обиднымъ отказомъ слабыя попытки превозмочь трудности. Колебанія въ пріискании болѣе надежныхъ средствъ не должно однако оказываться при сильномъ желаніи справиться со всѣми препятствіями. Не трудно было здѣсь, въ столицѣ, найти и руководителя, какъ только идея заняться масляными красками явилась предпріимчивому уму начинающаго. Сгарая художественною жаждою развитія, трудолюбивый Венеціановъ могъ работать планы дома и устраивать дѣло такъ, чтобы въ долгіе лѣтніе дни, вставая рано, достаточно приготовить служебныхъ работъ и урочные часы проводить въ Эрмитажѣ, гдѣ часто бывалъ жившій по сосѣдству, въ Большой Милліонной улицѣ, Владиміръ Лукичъ Боровиковскій. Этотъ прославленный портретистъ, по словамъ А. Н. Мокрицкаго, училъ Венеціанова живописи масляными красками. Самъ самоучка, Боровиковскій могъ легче другаго учителя растолковать, хорошо рисующему сухими красками, свойство масляныхъ. Но этимъ, по всей вѣроятности, и ограничились заботы его какъ руководителя. Просившій его помощи и совѣта былъ самъ уже хорошо понимавшій и рисунокъ, и освѣщеніе, да и перспективныя проэкціи, когда, правду сказать, Боровиковскій и брать ихъ не умѣлъ, выказывая ощутительныя ошибки въ перспективѣ. Поэтому, говоримъ, дальше обращенія съ красками онъ и не могъ ничего передать Венеціанову, имѣвшему въ живописи свою манеру. Мы вовсе не думаемъ опровергать слова А. Н. Мокрицкаго объ учительствѣ Боровиковскаго относительно Венеціанова, за недостаткомъ фактовъ, доказывающихъ противное, но недостаточность сходства въ манерѣ живописи Боровиковскаго съ колоритомъ Венеціанова заставляетъ насъ ограничиться только высказанною догадкою. Самъ Венеціановъ, можетъ быть, говорилъ своему ученику о вліяніи Боровиковскаго— хотя это и не высказано въ статьѣ Мокрицкаго,—потому намъ, еще разъ повторимъ, приходится найденное указаніе принять, что́ мы и сдѣлали, оговорившись. Но важно тутъ то одно, что изъ рисовальщика пастелью скоро вышелъ живописецъ масляными красками, получившій возможность передавать точно кистью, что́ усмотрѣлъ онъ въ натурѣ. Собственный портретъ, выполненный Венеціановымъ въ 1810 году, показываетъ въ художникѣ прекрасное направленіе и полную свободу кисти, такъ что совѣтъ академіи художествъ нисколько не затруднился признать писавшаго назначеннымъ (т. е. кандидатомъ) въ академики, задавъ ему, для соисканія этого званія: написать съ натуры портретъ престарѣлаго инспектора, въ свое время хорошаго портретнаго живописца, Кирила Ивановича Гловачевскаго

съ учениками двухъ низшихъ возрастовъ академическаго училища. Фигура Гловачевскаго, сѣдаго какъ лунь, но еще свѣжаго, румянаго, съ привѣтливою улыбкою, служитъ контрастомъ съ бойкостью находящихся подлѣ него дѣтей, подъ кистью неутратившихъ нисколько жизненности и непринужденности. По тону колеровъ и гармоніи ихъ, эта картина, могшая сдѣлать честь любому художнику съ прочною репутаціею, не могла опять не вызвать единогласнаго рѣшенія о признаніи академикомъ мастера, обладающаго, при полной свободѣ техники, еще ненаходимою у другихъ собратій его по профессіи свѣжестью общаго впечатлѣнія. Талантъ, достигшій такой степени развитія, какъ у Венеціанова, не могъ не производить впечатлѣнія, какъ тогда, такъ и теперь, съ тою развѣ разницею, что свѣженаписанныя краски казались еще цвѣтистѣе и живѣе. Блистательно выполнивъ програму на академика передъ самою отечественною войною, въ тяжелую годину ея, Венеціановъ не могъ имѣть портретныхъ заказовъ; но онъ не оставался безъ дѣла. Вмѣстѣ съ И. И. Теребеневымъ (отличнымъ рисовальщикомъ, рано унесеннымъ смертью), Венеціановъ кампановалъ, въ очеркахъ, каррикатуры на французовъ, выполнявшіяся на металлѣ и пускавшіяся въ продажу иллюминованными красками. Сколько именно выпущено было тогда каррикатуръ Венеціанова, ни онъ самъ, ни другіе, не приводили въ извѣстность; во всякомъ случаѣ, сравнительно съ Теребеневскими, ихъ было въ десять разъ меньше. Отличались онѣ меньшею остротою вымысла и уступали въ характерности рисунка композиціямъ Теребенева, составившаго себѣ ими громкую извѣстность, вполнѣ заслуженную. Каррикатуры на французовъ находили живой запросъ у насъ до самаго Вѣнскаго конгресса, а начали выходить эти летучіе листки еще въ концѣ 1812 года, такъ что вкусъ на нихъ публики, а слѣдовательно, и занятіе производствомъ ихъ со стороны художниковъ-композиторовъ, поддерживался больше двухъ лѣтъ.

О художественныхъ трудахъ по живописи, предпринимавшихся и исполнявшихся Венеціановымъ съ 1812 по 1821 годъ, мы не встрѣчали нигдѣ указаній. Въ запискѣ его дочери встрѣчается только указаніе на время женитьбы отца. Ф. А. Венеціанова пишетъ: «лѣтъ 30-ти онъ женился по любви на одной бѣдной дѣвушкѣ, которой родители жили въ маленькомъ своемъ имѣньицѣ, Тверской губерніи, Ржевскаго уѣзда, а она воспитывалась у родственниковъ въ Петербургѣ, гдѣ отецъ мой увидѣлъ её, влюбился и женился».

Жена А. Г. Венеціанова была изъ рода дворянъ Тверской губерніи, Азарьевыхъ, какъ написала дочь; звали ее Марфа Афанасьевна. Она—судя по записямъ исповѣднымъ церкви Император-

ской академіи художествъ—была однихъ лѣтъ съ мужемъ и умерла отъ холеры 30-го іюня 1831 года, на 51-мъ году отъ рожденія. Дочерей у Венеціановыхъ было только двѣ: Александра Алексѣевна (род. 1816 г.) и Фелицата Алексѣевна (р. 1818 г.); другихъ датъ получить ни откуда намъ не удалось.

Далѣе пишетъ дочь: «У отца отъ дѣдушки Гаврилы Юрьевича былъ небольшой капиталъ, на который онъ, послѣ женитьбы, купилъ небольшое имѣніе въ Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, на имя жены своей».

Это сельцо Сафонково, въ 1-мъ станѣ Вышневолоцкаго уѣзда, въ 78-ми верстахъ отъ Вышняго-Волочка.

Въ это убѣжище удалялся Венеціановъ съ весны, возвращаясь въ столицу осенью. Все лѣто употреблялъ онъ на занятія сельскимъ хозяйствомъ и этюды съ натуры, причемъ моделями служили ему крестьяне дворовые, приписанные къ помѣщичьей усадьбѣ; деревни не было. Въ 1820 г., чтобы удобнѣе заняться искусствомъ, А. Г. Венеціановъ совсѣмъ вышелъ въ отставку и пробылъ болѣе двухъ лѣтъ въ своей усадьбѣ. Но, по временамъ оставлялъ онъ ее для разъѣздовъ по губерніи и, во время одной такой поѣздки, въ Теребенскомъ монастырѣ увидѣлъ проявлявшаго талантъ молодаго человѣка, занятаго стѣнописью. Въ 1824 году, при вторичномъ свиданіи, Венеціановъ пригласилъ этого молодаго человѣка—Н. С. Крылова—въ Петербургъ, и съ этого времени образовалъ въ своемъ домѣ школу. Потребность же учить, или, еще точнѣе выражаясь, передавать разгаданное имъ средство образовать глазъ рисующаго, чтобы получилъ онъ возможность вѣрно схватывать все что видитъ,—явилась у Венеціанова, когда онъ понялъ секретъ эффекта знаменитой картины Гране «обѣдня у капуциновъ».

II.

Вотъ собственный отзывъ почтеннаго художника о силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на него мастерскимъ произведеніемъ и результатами, получившихся не для одного Венеціанова, изъ послѣдовавшаго, какъ онъ выражается, открытія.

«Въ 1820 году,—говоритъ онъ,—явилась въ Императорскомъ Эрмитажѣ картина: внутренность храма костела [1]), писанная Гране-

[1]) Церкви капуциновъ. У насъ и теперь католическія церкви называются польскимъ словомъ костелъ.

томъ (Granet). Сія картина произвела сильное движеніе въ понятіи нашемъ о живописи: мы въ ней увидѣли совершенно новую часть ея (техники), до того времени въ цѣломъ не являвшуюся. Увидѣли изображеніе предметовъ не подобное или точное только, а живое; не писанье съ натуры, а изобразившуюся самую натуру... Увидѣли въ ней то, чѣмъ насъ очаровывалъ въ декораціяхъ великій художникъ Гонзаго. Нѣкоторые артисты увѣряли, что въ картинѣ Гранета изысканное освѣщеніе и фокусъ освѣщенія причиною сего очарованія... но что̀ полнымъ свѣтомъ, прямо освѣщающимъ, никакъ невозможно произвести сего разительнаго оживотворенія предметовъ, ни одушевленныхъ, ни вещественныхъ. Я рѣшился побѣдить (кажущуюся) невозможность: уѣхалъ въ деревню и принялся работать. Для успѣха въ этомъ, мнѣ надобно было совершенно оставить всѣ правила и манеры, двѣнадцатилѣтнимъ копированіемъ въ Эрмитажѣ пріобрѣтенныя, (и) приняться за средства, употребленныя Гранетомъ. И они мнѣ открылись, въ самомъ простомъ видѣ. Дѣло состояло въ томъ, чтобы ничего не изображать иначе, какъ только въ натурѣ что является, и повиноваться ей одной, безъ примѣси манеръ какого-бы то ни было художника. То есть, не писать картинъ à la Rembrandt, à la Rubens; но просто, какъ бы сказать, à la натура!

Избравъ такую дорогу, принялся я писать «Гумно».

Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ пожертвовалъ натуральнымъ гумномъ для произведенія картиннаго эффекта. Чтобы списать внутренность гумна, со стороны противоположной входу въ него, художникъ-помѣщикъ приказалъ выпилить заднюю стѣну и выполнилъ сцену цѣликомъ съ натуры, получивъ разлитіе свѣта на картину съ задняго плана. Успѣхъ достигнутъ былъ полный, подтвердившій разгадку эффекта картины Гране, во время революціи писавшаго церковь капуциновъ въ Римѣ съ пунктуальною точностью все съ натуры, до послѣднихъ мелочей. «Должно сознаться,—говоритъ Венеціановъ о своемъ трудѣ списыванья гумна,—что 12-ти лѣтняя привычка къ манерамъ мнѣ мѣшала въ моемъ предпріятіи».

Написавъ картину совсѣмъ, Венеціановъ осенью привезъ ее въ Петербургъ и представилъ Александру I, — по всей вѣроятности, при посредствѣ государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, лично ему оказывавшей августѣйшее покровительство и принимавшей уже раньше подносимые художникомъ труды. «Гумно» велѣно государемъ помѣстить въ Эрмитажъ, въ русскую галлерею.

Въ запискѣ, поданной президенту Императорской академіи художествъ, Алексѣю Николаевичу Оленину, 30-го марта 1827 года, об-

стоятельство поднесенія императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Александру I картинъ своихъ Венеціановъ излагаетъ такъ:

«Нѣсколько разъ посвящалъ я труды мои покойной императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и получалъ знаки ея милостиваго къ трудамъ моимъ благоволенія, которыми ободренный, въ 1823 году, въ первый разъ имѣлъ счастіе представить покойному государю императору Александру Павловичу картинку пастельными красками «очищеніе свеклы». Государь мнѣ пожаловалъ 1,000 рублей, а картинку приказалъ хранить въ Брилліантовой комнатѣ. Такое благоволеніе монарха оживило меня и заставило посвятить себя совершенно живописи. Подражая Гранету, написалъ я съ натуры свое «гумно», и въ 1824 году, вторично, чрезъ статсъ-секретаря Кикина, имѣлъ счастіе представить его государю. Государь столь милостиво принялъ его, что пожаловалъ мнѣ 3,000 рублей, сдѣлалъ свои замѣчанія. Эта милость родила во мнѣ желаніе не одному ею пользоваться, а посвятить ее (милость государеву, т. е. пожалованныя деньги), съ собою, на обученіе молодыхъ бѣдныхъ людей по методѣ моей. Мое желаніе скоро исполнилось: случай доставилъ мнѣ одного мальчика изъ бѣжецкихъ мѣщанъ (Тыранова), котораго въ 1824 году привезъ я въ Петербургъ съ собою, а другаго—калязинскаго мѣщанина (Крылова) уговорилъ пріѣхать».

Съ этого времени Венеціановъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ учрежденнымъ въ 1820 году нѣсколькими любителями искусства обществомъ поощренія художниковъ, имѣвшимъ цѣль ту же самую—давать средства развитія природнымъ талантамъ, въ какой-бы обстановкѣ ни нашлись они.

Выставка 1824 года, на которой была картина Венеціанова «гумно», открылась 1-го сентября. Художникъ, имѣвшій обычай на зиму пріѣзжать въ Петербургъ, вѣроятно, не съ картиною прибылъ, а позднѣе, привезя съ собою ученика и положивъ въ это время начало школѣ своей, развившей въ публикѣ и художникахъ любовь къ сценамъ и типамъ русскимъ. Заставивъ выполнить этюдъ съ натуры и рисунокъ на камнѣ съ одной изъ своихъ картинъ, эти первые опыты таланта своего ученика А. Г. Венеціановъ представилъ, 27-го января 1825 г., въ общество поощренія художниковъ, при слѣдующей запискѣ: «Вниманіе, обращаемое обществомъ поощренія художниковъ на молодыхъ людей, имѣющихъ способности, даетъ мнѣ смѣлость представить въ покровительство общества бѣжецкаго мѣщанина Алексѣя Васильева сына Тыранова, который учится у меня нѣсколько мѣсяцевъ художеству.

«Тырановъ человѣкъ бѣдный, получившій начальное образованіе

въ тверской губернской гимназіи. Лишась со смертью директора оной единственнаго человѣка, который ему благодѣтельствовалъ, долженъ онъ былъ возвратиться изъ Твери въ Бѣжецкъ пѣшкомъ. Братъ его занимается живописью и заставилъ его у себя тереть краски. Замѣтивъ въ Алексѣѣ Тырановѣ способности необыкновенныя, я рѣшился взять его къ себѣ. Опытъ трудовъ его послѣ двухмѣсячнаго занятія подъ моимъ руководствомъ и первый еще рисунокъ его на камнѣ при семъ представляю и покорнѣйше прошу общество, взявъ у него камень, сдѣлать ему какое-либо награжденіе для ободренія и поощренія на будущее время. Онъ живетъ и учится у меня, нужды ни въ чемъ не имѣетъ, но у него есть мать, бѣдная женщина, о которой онъ много заботится. Получивъ возможность сдѣлать ей нѣкоторое пособіе, онъ, безъ сомнѣнія, приложитъ всѣ силы, дабы успѣвать болѣе и болѣе. По временамъ я буду доводить до свѣдѣнія общества о будущихъ его успѣхахъ».

Камень, нарисованный въ это время Тырановымъ, былъ поясное изображеніе среднихъ лѣтъ крестьянки, облокотившейся на обороченныя грабли, закинувъ за спину черезъ плечо косу, въ пейзажѣ,— съ картинки Венеціанова, названной по имени живой модели «Палагея». Общество дало рисовальщику пособіе и заняло другимъ рисункомъ.

На Тырановѣ оправдалась мѣткость выбора Венеціанова: изъ бѣднаго, заброшеннаго сироты вышелъ величайшій колористъ въ портретѣ, въ послѣдствіи посланный за границу на счетъ общества поощренія художниковъ. Его восхитительная «дѣвочка съ тамбуриномъ», бывшая на выставкѣ 1836 г., извѣстна по прекрасной гравюрѣ на стали въ альманахѣ «Утренняя заря». Въ Эрмитажѣ были его «виды Эрмитажной библіотеки» (1826 г.) и другая перспектива (1829 г.). Портреты, удивительно пріятно освѣщенные, являлись на выставкахъ академическихъ съ 1830 по 1852 г. Въ галлереѣ Прянишникова была историческая картина его «Мать, опускающая младенца Моисея въ рѣку Нилъ, въ корзинкѣ». А. В. Тырановъ (род. 1-го ноября 1808 г.) умеръ на 51-мъ году жизни отъ душевной болѣзни, 5-го августа 1859 года, въ Кашинѣ.

П. Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ

и его XLII-хъ лѣтняя художественная дѣятельность

1836—1878.

XI[1]).

Новыя картины.—Возстаніе кандіотовъ.—Празднество въ Ѳеодосіи.

1850—1867.

Въ числѣ нѣсколькихъ картинъ, написанныхъ И. К. Айвазовскимъ въ 1860 году, — «мірозданіе» и «всемірный потопъ» (находящіяся въ Эрмитажѣ) снискали художнику самыя восторженныя похвалы во всѣхъ классахъ общества. Картина «мірозданіе» была написана Айвазовскимъ въ теченіе девяти часовъ: въ восемь часовъ утра картина была начата и къ пяти по полудни окончена. Исполненіе картины всегда тѣмъ быстрѣе у нашего художника, чѣмъ серьезнѣе ея сюжетъ; самые-же сюжеты картинъ приходили ему на мысль совершенно внезапно. Такъ, напримѣръ, картина: «овцы, загоняемыя бурею въ море», написанная Айвазовскимъ въ 1861 году, изображаетъ одинъ эпизодъ въ его собственномъ сельскомъ хозяйствѣ, случившійся во время войны 1855 года, въ бытность художника въ Харьковѣ. Стадо изъ 3,000 овецъ, испуганное порывомъ урагана, въ Ѳеодосіи, на берегу моря, бросилось опрометью къ крутому обрыву и до 1,800 овецъ погибло въ волнахъ. Сюжетомъ для картины

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 649—674; томъ XXII, стр. 423—444; томъ XXIII, стр. 55—74.

послужилъ Айвазовскому самый моментъ гибели бѣдныхъ животныхъ. Картина эта, написанная въ Петербургѣ и выставленная художникомъ у себя въ мастерской, была куплена г. Кокоревымъ. Пожелавъ отправить ее на всемірную выставку въ Лондонъ, художникъ не только получилъ на то согласіе владѣльца картины, но даже условился съ нимъ въ томъ, что г. Кокоревъ уступитъ ее другому покупателю, если тотъ дастъ за картину высшую цѣну. Картина была куплена какимъ-то лордомъ, давшимъ за нее вчетверо болѣе. Возвративъ г. Кокореву сумму, первоначально имъ заплаченную, художникъ, на остальныя деньги, купилъ въ Крыму новое стадо, и, такимъ образомъ, воротилъ убытокъ, понесенный имъ отъ гибели овецъ: онъ, такъ сказать, воскресилъ ихъ своею кистью.

Въ томъ же 1861 году Айвазовскимъ былъ написанъ прелестный видъ: «скалы у Судакской долины при лунномъ освѣщеніи». Эта мѣстность замѣчательна тѣмъ, что, любуясь ею, Пушкинъ написалъ свой «Талисманъ». Подобно предъидущей («стадо овецъ»), и эта картина была выставлена Айвазовскимъ у него на квартирѣ. Этого обычая художникъ придерживается и донынѣ, по причинамъ весьма уважительнымъ. Не далѣе какъ въ 1866 году, онъ послалъ въ академію, на выставку, двѣ —три свои картины. По изобилію художественныхъ произведеній—для картинъ Айвазовскаго не нашлось инаго, лучшаго мѣста, кромѣ стѣны надъ входными дверьми въ академическую библіотеку. Лица, распоряжавшіяся размѣщеніемъ картинъ на выставкѣ, придерживались, какъ надобно полагать, того правила, что чѣмъ выше талантъ, тѣмъ выше слѣдуетъ помѣщать и его картины... Это было, конечно, весьма любезно, однако же не совсѣмъ удобно для художника. Впрочемъ, отдѣльныя выставки собственныхъ картинъ Ивана Константиновича еще съ 1850 года имѣли нерѣдко иную, именно — благотворительную цѣль: сборъ предназначался въ пособіе неимущимъ или пострадавшимъ отъ какого либо случайнаго бѣдствія. Сборы съ этихъ выставокъ бывали весьма значительны; такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней декабря 1877 года, на выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго (въ Спб., въ домѣ Кононова, у Полицейскаго моста) было собрано въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ свыше 800 р. с.

Съ 1862 по 1867 годъ, въ теченіе пяти лѣтъ, Иваномъ Кон-

стантиновичемъ написано свыше двухсотъ картинъ, изображавшихъ виды моря при дневномъ и лунномъ освѣщеніи, въ тихую и бурную погоду, пейзажи Крыма, Турціи, Италіи; въ это число не входятъ картины малыхъ размѣровъ, изъ которыхъ многія, при ихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, написаны были художникомъ въ полчаса, много въ часъ времени. Лица, посѣщавшія Айвазовскаго въ его мастерской, конечно, бывали свидѣтелями начала и окончанія картинъ въ самый непродолжительный промежутокъ времени. Сидя передъ полотномъ съ палитрою и кистями въ рукахъ, разговаривая съ посѣтителями, Айвазовскій пишетъ задуманную имъ картину съ изумительною быстротой. Смотря на художника предъ его мольбертомъ и видя какъ на полотнѣ возникаетъ прелестная картина, оживающая съ каждымъ взмахомъ кисти, можно подумать, что это такъ легко, такъ просто... Но въ самой-то этой кажущейся легкости и простотѣ именно и заключается великая тайна художественнаго творчества.

Возстаніе кандіотовъ въ 1866 — 1867 гг., сопровождавшееся со стороны турокъ всякаго рода звѣрствами, подало Айвазовскому мысль написать нѣсколько картинъ, изображающихъ эпизоды непосильной борьбы кандіотовъ съ турками на сушѣ и на морѣ. Картины эти были выставлены въ Одессѣ и сборъ платы за входъ отсылался въ пособіе жителямъ Кандіи. Послѣ того онѣ были выставлены и въ залахъ академіи художествъ въ Петербургѣ и производили на зрителей глубокое впечатлѣніе.

Лѣтомъ 1867 года, въ бытность Государыни Императрицы съ Ея августѣйшими дѣтьми въ Крыму, Айвазовскій имѣлъ честь находиться, по желанію Ея Величества, въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Великую Княжну Марію Александровну въ ея поѣздкѣ въ Константинополь. По возвращеніи, Ея Высочество и Великій Князь Сергій Александровичъ, съ соизволенія Государыни Императрицы, осчастливили нашего художника посѣщеніемъ его дома въ Ѳеодосіи и его сада въ Судакской долинѣ. Въ день пріѣзда Ихъ Высочествъ весь городъ былъ разцвѣченъ флагами, предъ домомъ Айвазовскаго построена была изъ зелени тріумфальная арка. Пароходъ, на которомъ плыли Ихъ Высочества, версты за двѣ до берега былъ встрѣченъ Айвазовскимъ, ѣхавшимъ на катерѣ, за которымъ слѣдовали четыре красивыя гондолы, наполненныя цвѣтами: ими гребцы усыпали волны моря

предъ пароходомъ. Введя высокихъ гостей, сопровождаемыхъ многими лицами, въ свой домъ [1]), Айвазовскій имѣлъ честь представить Ихъ Высочествамъ свое семейство и затѣмъ просилъ въ столовую, къ обѣденному столу. Въ саду противъ дома устроены были три кіоска съ бьющими въ нихъ фонтанами и каменная ротонда; на берегу моря—театръ, а у самаго берега декоративное палаццо въ венеціанскомъ вкусѣ. Послѣ обѣденнаго стола на сценѣ театра поставлены были живая картина съ видомъ Константинополя (писаннымъ Айвазовскимъ) и небольшой балетъ, исполненный въ греческихъ костюмахъ малолѣтними дѣтьми именитыхъ обывателей Ѳеодосіи. Послѣ спектакля въ кіоскахъ былъ сервированъ чай, во время котораго садъ, окрестность, морской берегъ и близь лежащій молъ были иллюминованы и по временамъ озаряемы бенгальскими огнями. На оконечности мола установленъ былъ вензель Государя Императора, сооруженный изъ древесныхъ вѣтвей, между которыми группа изъ нѣсколькихъ дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ, стоя на высокихъ подмосткахъ, составляла очертаніе вензеля—въ исполинскихъ размѣрахъ. Праздникъ продолжался до часу ночи. На слѣдующій день Ихъ Высочества отправились въ Судакъ, гдѣ Айвазовскій въ павильонѣ своего сада предложилъ гостямъ своимъ завтракъ, сервированный, по обычаю мѣстныхъ татаръ, на коврѣ, разостланномъ на полу. Стѣны столовой были драпированы пестрыми тканями, на которыхъ изящно обрисовывались пирамиды прекраснѣйшихъ фруктовъ, которыми обилуетъ нашъ Крымъ. При возвращеніи Ихъ Высочествъ на пароходъ для обратнаго слѣдованія въ Ялту, стѣна каюты была украшена видомъ Судакской долины во время праздника—писаннымъ Айвазовскимъ. Другая его картина съ изображеніемъ праздника въ Ѳеодосіи была поднесена Ихъ Высочествамъ предъ отъѣздомъ изъ Ѳеодосіи въ Судакъ. Упреждая весьма естественный вопросъ: когда художникъ успѣлъ написать эти двѣ картины,—замѣтимъ, что онѣ были написаны Айвазовскимъ заблаговременно, сообразно предначертанной имъ-же самимъ программѣ. Много оживленія и картинности празднеству

---

[1]) Изъ особъ, сопровождавшихъ Ихъ Высочества, здѣсь были графиня А. А. Толстая, г-жа Потапова, Д. С. Арсеньевъ, контръ-адмиралъ Сколковъ, лейбъ-медикъ Ф. Ф. Каррель и нѣк. друг.

въ Судакской долинѣ придавали жилища тамошнихъ татаръ, красиво декорированныя коврами и разноцвѣтными тканями, а равно и толпы туземцевъ въ ихъ праздничныхъ нарядахъ. Государыня Императрица, по возвращеніи августѣйшихъ Ея дѣтей въ Ялту, удостоила Айвазовскаго телеграммою съ выраженіемъ Высочайшей благодарности Ея Величества за удовольствіе, Ихъ Высочествамъ доставленное.

XII.

Поѣздка на Кавказъ.—Новыя картины.—Выставка въ Тифлисѣ.—Парадный обѣдъ.—Воспоминаніе о П. С. Котляревскомъ.—Часовня въ Ѳеодосіи.—Поѣздка въ Египетъ на открытіе Суэзскаго канала.

1868—1869.

Сюжеты для морскихъ видовъ неистощимы, вѣрнѣе сказать—неисчерпаемы, какъ и самое море; но Иванъ Константиновичъ, въ самую пору полнаго развитія своего таланта, какъ мы уже упоминали выше, писалъ пейзажи сухопутныхъ мѣстностей съ тѣмъ-же успѣхомъ, какъ и морскіе виды, съ которыми такъ неразлучно имя Айвазовскаго. До 1868 года имъ было написано нѣсколько прекрасныхъ пейзажей, изображавшихъ степи, лѣса южной Россіи, но они не могли дать его кисти того простора, того величаваго взмаха, которыя даютъ громады горъ съ ихъ снѣговыми вершинами, ущельями и водопадами. Для пейзажей подобнаго рода, Кавказъ—едва початая и съ тѣмъ вмѣстѣ едва-ли истощимая сокровищница. Чудный край, дикія красоты котораго вдохновляли Пушкина и Лермонтова, всегда привлечетъ къ себѣ вниманіе живописца... И въ 1868 году Айвазовскій посѣтилъ Кавказъ—умиротворенный, лишенный его военныхъ бурь, но неизмѣнно прекрасный, грозно величественный съ его несокрушимыми горными громадами и нетающими ихъ снѣговыми вершинами. Иванъ Константиновичъ посѣтилъ Владикавказъ, Сѣверный Дагестанъ, Чечню, Каранайскія высоты, Гунибъ, Дарьялъ, Шуру, Сухумъ и многія другія живописныя мѣстности Кавказа. На Гунибѣ художникъ былъ радушно принятъ начальникомъ тамошняго военнаго округа г. Кармалинымъ и его супругою, рожденною Бѣленицыною, превосходною пѣвицею, развившею свое дарованіе

подъ руководствомъ М. И. Глинки и А. С. Даргомыжскаго[1]). Разительную противоположность недавнему послѣднему убѣжищу Шамиля составляло мирное жилище Кармалиныхъ на едва приступныхъ высотахъ, будто укромное гнѣздышко, смѣнившее логовище хищнаго звѣря. Невыразимое впечатлѣніе производило на Айвазовскаго очаровательное пѣніе г-жи Кармалиной, звуки родныхъ русскихъ пѣсенъ и ихъ отголоски въ горныхъ ущельяхъ Кавказа, еще такъ недавно оглашавшихся кликами горцевъ и гуломъ выстрѣловъ....

По возвращеніи Ивана Константиновича съ поѣздки по Кавказу въ Тифлисъ, имъ было написано двѣнадцать видовъ разныхъ мѣстностей этого края. Картины эти были выставлены, съ платою за входъ въ пользу городскаго дѣтскаго пріюта. Административныя лица и жители Тифлиса, желая выразить художнику ихъ признательность, дали въ честь его обѣдъ, на которомъ присутствовало выше 200 человѣкъ. Ивану Константиновичу былъ поднесенъ оправленный въ золото заздравный турій рогъ (алаверды); онъ-же, съ своей стороны, подарилъ городу написанный имъ «видъ Петербурга». Много было говорено привѣтственныхъ рѣчей и собрано было съ благотворительною цѣлью до 5,000 р. Отвѣчая на обращенныя къ нему привѣтствія, Айвазовскій выразилъ желаніе обратить эту сумму въ пользу кавказскихъ войскъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на воздаяніе почести покойному герою Кавказа Петру Семеновичу Котляревскому, скончавшемуся и похороненному въ Ѳеодосіи.

Петръ Семеновичъ Котляревскій—по удачному прозвищу, данному ему Пушкинымъ, «бичъ Кавказа»,—родился 12-го іюня 1782 г. въ селѣ Ольховаткѣ (Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Подполковникъ Лазаревъ, случайно познакомясь съ семействомъ Котляревскихъ, записалъ молодаго Петра въ военную службу (1796 г.) и отрокъ Котляревскій, участвовавшій въ персидскомъ походѣ Зубова, на 17-мъ году былъ произведенъ въ офицеры. Съ 1800 по 1813 годъ имя этого героя неразлучно связуется съ славнѣйшими подвигами нашей кавказской арміи. Въ 1800 г. поручикъ Котляревскій, за отличіе при пораженіи скопищъ дагестанскаго владѣльца Омер-хана, былъ пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и произведенъ въ штабсъ-капитаны 8-го декабря. Въ 1803 г. участвовалъ при взятіи Ганжинскаго форштадта: раненъ пулею въ правую ногу на вылетъ и

[1]) Воспоминанія Л. И. Кармалиной и письма къ ней А. С. Даргомыжскаго были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г., томъ XIII-й, стр. 268—271 и 416—435.

награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Въ 1804 году находился при взятіи штурмомъ Ганжи, а въ 1805—при пораженіи персидскаго сардаря Пир-Кули-хана, за что пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Затѣмъ участвовалъ: въ четырехдневномъ сраженіи при Аскарани противъ персіянъ, предводимыхъ Аббас-мирзою (при чемъ былъ опять раненъ въ лѣвую ногу на вылетъ; при штурмѣ крѣпости Шах-Булаха раненъ въ лѣвую руку картечью; при покореніи крѣпости Мухрати и въ сраженіяхъ по ту сторону рѣки Карабаха. Въ 1806 г. подполковникъ Котляревскій былъ въ сраженіяхъ близь Аскарани и при рѣчкѣ Хонашинѣ. 12-го декабря 1807 г. произведенъ въ полковники и въ 1808 году участвовалъ въ дѣлѣ на походѣ къ Нахичевани, въ совершенномъ пораженіи непріятеля при деревнѣ Карабабѣ и при овладѣніи съ боя Нахичеванью. Въ 1810 г. Котляревскій, начальникъ отдѣльнаго отряда на персидской границѣ, взялъ штурмомъ мѣстечко Мигри, при чемъ раненъ пулею въ ногу (награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. и золотою шпагою съ надписью «за храбрость»). Въ декабрѣ 1811 г. послѣ перехода чрезъ снѣговыя горныя вершины, съ двумя баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка и съ сотнею казаковъ, Котляревскій овладѣлъ крѣпостью Ахалкалаки, за что награжденъ чиномъ генералъ-маіора. Въ октябрѣ 1812 г. главнокомандовавшій на Кавказѣ генералъ-лейтенантъ Ртищевъ поручилъ Котляревскому съ двухтысячнымъ отрядомъ удерживать на Араксѣ Аббас-Мирзу съ 30,000 войска; персидскія войска съ самаго начала похода были разсѣяны, взято укрѣпленіе Каз-Кала и весь Карабахъ удержанъ за Россіею. За эти подвиги Котляревскій получилъ орденъ св. Анны 1-й степени и 1,200 р. асс. ежегодно. За разбитіе Аббас-Мирзы за Араксомъ и за овладѣніе его лагеремъ Котляревскій получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. 20-го октября 1812 г. разбилъ персіянъ при Асландузѣ: съ 1,500 пѣхоты, 500 конницы и 6-ю орудіями Котляревскій нанесъ совершенное пораженіе 30,000 непріятелей. Наши военныя лѣтописи навѣки сохраняютъ слова героя, обращенныя къ солдатамъ предъ началомъ битвы: «братцы! намъ должно идти за Араксъ и разбить персіянъ. Ихъ—на одного десять; но храбрый изъ васъ стоитъ десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славнѣе побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ!» За побѣду при Асландузѣ Котляревскому былъ пожалованъ орденъ св. Георгія 3-й степени. 1-го января 1813 г. герой, съ 1,400 отряда, взялъ штурмомъ Ленкорань. Нашихъ было убито и ранено до 900 человѣкъ и самъ Котляревскій, пораженный одною пулею въ челюсть и двумя въ ноги, закончилъ свое славное боевое поприще—будучи вынужденъ выйти въ отставку. За покореніе Ленкорани онъ получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса. Императоръ Николай Павловичъ, въ день своего коронованія, 22-го августа 1826 года, пожаловалъ Котляревскому чинъ полнаго генерала.

Страдая отъ ранъ, герой прожилъ 38 лѣтъ безвыѣздно въ своемъ имѣніи близь Ѳеодосіи, довольствуясь пенсіею въ 15,000 р. асс. Лишенный употребленія ногъ, чудовищно обезображенный раною, полученною въ лицо, Котляревскій снискалъ себѣ общія благословенія окрестныхъ жителей всѣхъ исповѣданій за тѣ благодѣянія, которымъ онъ посвятилъ половину страдальческой своей жизни. Петръ Семеновичъ скончался 20-го октября 1851 года. Достойно замѣчанія, что этотъ герой во всю свою жизнь не бывалъ въ нашихъ столицахъ; посвятивъ себя ратнымъ подвигамъ, онъ былъ чуждъ большаго свѣта со всѣми его развлеченіями.

На памятникъ герою Котляревскому собрано было до 3,000 р. Присоединивъ къ нимъ, съ своей стороны, болѣе 8,000 р., Айвазовскій начерталъ планъ часовни съ пристроеннымъ къ ней музеемъ древностей и изящныхъ произведеній. Это зданіе, отстроенное и торжественно открытое въ 1873 году, украшаетъ вершину горы, высящейся надъ Θеодосіею. Оно въ греческомъ стилѣ съ шестью колоннами, увѣнчанными фронтономъ. Внутренность часовни освѣщена окномъ въ видѣ орденскаго креста св. Георгія, окаймленнаго его лентою. Здѣсь икона св. апостола Петра и портретъ покойнаго Петра Семеновича Котляревскаго, писанные Айвазовскимъ. Рамка, на заказъ которой прислано было 180 р. офицерами и нижними чинами Грузинскаго гренадерскаго полка, котораго покойный Котляревскій былъ шефомъ (что̀ и значится въ надписи, сдѣланной на рамкѣ), украшена писанными Айвазовскимъ медальонами, изображающими группы солдатъ упомянутаго полка въ разныя эпохи его существованія. Входъ въ музей украшенъ двумя мраморными гриффонами древней работы, поднятыми со дна моря. Во внутренности его, кромѣ шести картинъ, писанныхъ Иваномъ Константиновичемъ, хранятся нѣкоторыя мѣстныя древности: мраморныя доски съ греческими, римскими и генуэзскими надписями, статуи изъ терра-котты, медали и монеты. Земля, на которой сооруженъ музей, въ количествѣ свыше десятины, безплатно отдана ему во владѣніе градскою Θеодосійскою думою. Гора, на которой находится музей, обсажена деревьями и въ недалекомъ будущемъ, стараніями Айвазовскаго, здѣсь будетъ разведенъ изящный садъ.

Освященіе часовни и музея, какъ мы уже говорили выше, сопровождалось обѣднею, крестнымъ ходомъ и торжественнымъ обѣдомъ, на которомъ, кромѣ благодарственныхъ рѣчей Айвазовскому, ему поднесено было нѣсколько адресовъ и въ числѣ ихъ одинъ отъ жителей татарскаго селенія, сосѣдей покойнаго Котляревскаго. Въ этомъ адресѣ, написанномъ на турецкомъ языкѣ съ переводомъ, татары, выражая сердечную признательность нашему художнику за его мысль почтить память ихъ благодѣтеля, трогательно излагали все, чѣмъ они были обязаны покойному Петру Семеновичу Котляревскому. Главнѣйшимъ благодѣяніемъ, которое было оказано татарамъ добродѣтельнымъ страдальцемъ, было предоставленіе на общее пользованіе принадлежавшаго его имѣнію

колодца превосходной ключевой воды: даръ особенно драгоцѣнный въ краю скудающемся прѣсною водою. Адресъ этотъ глубоко тронулъ какъ самого Айвазовскаго, такъ равно и всѣхъ присутствовавшихъ при торжествѣ освященія часовни Котляревскаго и музея.

Въ ноябрѣ 1869 года Иванъ Константиновичъ, въ числѣ многихъ русскихъ, посѣтилъ Египетъ для присутствія при открытіи Суэзскаго канала, 5-го (17-го) ноября. На этомъ торжествѣ, кромѣ нѣкоторыхъ именитыхъ лицъ разныхъ европейскихъ государствъ, находились, какъ извѣстно, Евгенія, императрица французовъ, и Францъ-Іосифъ, императоръ австрійскій. На русскомъ пароходѣ, плывшемъ по каналу, спутниками Айвазовскаго были: соиздатель «Русскаго Вѣстника» профессоръ Леонтьевъ, гг. Сущевъ, Мордвиновъ, Кирѣевъ съ супругою и мн. др. Когда нашъ пароходъ входилъ въ Суэзскій каналъ, шедшій впереди его пароходъ французскій сѣлъ на мель и пловцы принуждены были пережидать покуда тотъ снимется. Эта остановка длилась часовъ пять. Была прекрасная лунная ночь, придававшая какую-то особенную, величавую красоту пустыннымъ берегамъ древней страны фараоновъ, отторгнутой каналомъ Лессепса отъ азіатскаго материка... Чтобы сократить время, пассажиры русскаго парохода устроили импровизированный вокальный концертъ: г-жа Кирѣева, обладая прекраснымъ голосомъ, приняла на себя обязанность запѣвалы; стройный хоръ подхватывалъ.. И вотъ, на берегахъ Египта зазвучали пѣсни о «матушкѣ Волгѣ», о «темномъ лѣсѣ», о «чистомъ полѣ» и понеслись по волнамъ осребреннымъ луною, ярко свѣтившею на рубежѣ двухъ частей свѣта. Судя по разсказамъ Ивана Константиновича, проникнутымъ поэтическимъ восторгомъ, эту ночь можно назвать картиною Айвазовскаго, переложенною на музыку. Путешествіе въ Египетъ присоединило нѣсколько новыхъ данныхъ къ богатому запасу художественной памяти Ивана Константиновича. Пески Египта, купы финиковыхъ пальмъ, бѣлыя стѣны зданій, отчетливо отдѣляющіяся отъ сафирнаго или рдѣющаго, какъ расплавленная мѣдь, африканскаго неба, глубоко врѣзались въ нее и, безъ сомнѣнія, будутъ имъ воспроизведены въ одной изъ будущихъ его картинъ.

XIII.

Соборная церковь г. Θеодосіи.—Пребываніе въ Ниццѣ.—К. В. Чевкинъ.—Капитанъ Гаррль.—Графиня Дампьерръ.—Выставка въ Флоренціи.—Портретъ Айвазовскаго въ галлереѣ дворца Питти.—Жительницы Нью-Іорка, прибывшія во Флоренцію, и ихъ овація художнику.

1870—1874.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1870 по 1873, образъ жизни и художественная дѣятельность Айвазовскаго шли обычнымъ путемъ: весну, лѣто и часть осени онъ проводилъ въ Крыму; вторую половину осени и зиму—въ Петербургѣ. Во избѣжаніе сухаго перечня картинъ, за это время написанныхъ Иваномъ Константиновичемъ, указываемъ читателямъ на художественныя періодическія изданія (въ особенности на «Всемірную Иллюстрацію»), въ которыхъ напечатаны отчеты объ академическихъ выставкахъ и обстоятельныя свѣдѣнія о картинахъ Айвазовскаго. Вмѣсто ихъ перечня занесемъ въ біографическій его очеркъ замѣтку о его дѣятельности на поприщѣ гражданскомъ, какъ члена думы города Θеодосіи. Соборный храмъ во имя св. Александра Невскаго, нынѣ украшающій родной городъ нашего художника, отстроенный на мѣстѣ упраздненной турецкой мечети, сооруженіемъ своимъ въ значительной степени обязанъ усерднымъ стараніямъ Айвазовскаго, напомнившаго согражданамъ, что построеніе собора было-бы осуществленіемъ мысли императора Александра I, выразившаго ее еще въ 1818 году. Въ царствованіе Николая Павловича исполненіе этой мысли, по многимъ весьма существеннымъ причинамъ, замедлялось, будучи отлагаемо съ году на годъ. Былъ, между прочимъ, поднятъ вопросъ: есть-ли настоятельная надобность въ соборномъ храмѣ для малонаселеннаго города, въ которомъ число иновѣрцевъ превышаетъ число православныхъ? [1]). Какъ бы то ни было, но нынѣ въ городѣ Θеодосіи есть соборный храмъ изящной архитектуры: запрестольный образъ: «хожденіе Спасителя по водамъ»—произведеніе кисти Айвазовскаго, его приношеніе храму, о построеніи котораго такъ заботился почтенный художникъ.

---

[1]) Въ 1870 году въ Θеодосіи числилось 9,865 жителей. Нынѣ (въ 1878 г.) оно еще не возросло до полныхъ 10,000.

Зимою 1873 года Иванъ Константиновичъ отправился въ Ниццу; отсюда—во Флоренцію, гдѣ Айвазовскаго ожидали торжества, напоминавшія ему первые годы бытности въ Италіи. До перехода къ описанію пребыванія Ивана Константиновича во Флоренціи, приведемъ его собственные разсказы о выставкѣ его картинъ въ Ниццѣ и о встрѣчѣ съ нѣкоторыми замѣчательными личностями.

«Въ Ниццѣ я устроилъ выставку моихъ картинъ въ пользу тамошняго дѣтскаго пріюта. Платонъ Чихачевъ познакомилъ меня тогда съ покойнымъ Константиномъ Владиміровичемъ Чевкинымъ [1]), который видѣлъ картины мои еще до открытія выставки, и, весьма довольный ими, замѣтилъ Чихачеву, что скажетъ о нихъ г. N. N., владѣльцу одной изъ прекраснѣйшихъ виллъ Ниццы, русскому подданному, питающему, однако, исключительную нѣжность ко всему иностранному. На сообщеніе К. В. Чевкина о моихъ картинахъ, г. N. N., всего прежде спросилъ о цѣнѣ, и узнавъ, что на выставкѣ нѣтъ картины дороже 10,000 франковъ, отозвался, что онъ не покупаетъ картинъ дешевле 30,000. Этотъ странный отзывъ о моихъ картинахъ до того смутилъ К. В. Чевкина, что онъ выразилъ Чихачеву готовность купить двѣ изъ нихъ, если не найдется другихъ покупателей. Однако-же нашлись покупатели, смотрѣвшіе на мои картины совсѣмъ иными глазами нежели г. N. N. Не успѣлъ я еще размѣстить моихъ картинъ, какъ въ залу выставки вошелъ нѣкто капитанъ Гарр**л**ь—чистѣйшій типъ истаго англичанина: холодный, чопорный, сдержный въ движеніяхъ, скупой на слова. Быстро перенося тусклые свои глаза съ одной картины на другую, онъ указывалъ на нѣкоторыя пальцемъ, произнося на невозможномъ французскомъ языкѣ:

— Je achète ça, ça... et puis ça! [2]).

«И купилъ онъ у меня пять картинъ на сумму 50,000 франковъ, и заключилъ торгъ чисто по англійски: записалъ мой адресъ, вручилъ 5,000 фр. задатка, обязуясь доставить остальные

---

[1]) Печатаніе біографіи Константина Владиміровича Чевкина начато въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XIX, стр. 1—22. Продолженіе біографіи этого достойнѣйшаго государственнаго дѣятеля помѣщено въ «Русской Старинѣ» 1878 г., томъ XXII, стр. 1—38.

[2]) Я покупаю это, это... и еще это!

45,000 фр. черезъ десять дней. Эта послѣдняя статья была соблюдена оригинальнымъ покупателемъ съ самою безукоризненною точностью. Дешевыя мои картины пришлись, какъ видно, по вкусу англичанину...

«Другою, не менѣе оригинальною личностью, съ которою я познакомился въ Ниццѣ, была очень добрая и любезная старушка графиня Дампьерръ (Dampièrre), страстная любительница живописи, въ былые годы сама ею занимавшаяся. Она купила двѣ мои картины и пожелала лично со мною познакомиться. Французъ Кано, вызвавшійся представить меня ей, предупредилъ меня о странности организма почтенной старушки—вслѣдствіе, какъ объясняли нѣкоторые, испуга ея матери въ бытность послѣдней въ интересномъ положеніи. Въ одной изъ дѣтскихъ сказокъ Перро выведены двѣ сестры, изъ которыхъ одна награждена, а другая наказана волшебницею: у первой, при каждомъ словѣ, изъ устъ вылетаютъ цвѣты и драгоцѣнные камни, у второй—лягушки, жабы, ящерицы и змѣи. Послѣднимъ свойствомъ, въ переносномъ смыслѣ, разумѣется, обладала графиня Дампьерръ. При разговорѣ она сопровождала почти каждое свое слово собачьимъ лаемъ, а желая сказать любезность—произносила сперва брань, дерзость или грубость... Затѣмъ, сдѣлавъ надъ собою видимое усиліе, старушка говорила какъ слѣдуетъ, вѣжливо, любезно, плавно... Если по несчастію, прерывала свою рѣчь, то, приступая къ ней опять снова лаяла, бранилась, покуда не попадала въ прежній тонъ и складъ. О ней разсказывали, между прочимъ, какъ она представлялась императрицѣ Евгеніи: въ отвѣтъ на какую-то любезность, сказала ей: vous êtes une grosse vache[1]), полаяла—а потомъ разсыпалась въ извиненіяхъ и самыхъ изысканныхъ, любезныхъ фразахъ...

«То же самое повторилось, когда Кано представилъ меня графинѣ: «Vos tableaux,—сказала она задыхаясь и лая,—sont exécrables, abominables... superbes, magnifiques!»[2]). Въ это время вошла въ зало какая-то знакомая ей дама и графиня съ любезною улыбкою произнесла: «cochonne sotte!» а тамъ спохватилась: «ma belle amie, ma charmante!»[3]).

---

[1]) Вы—толстая корова!
[2]) Ваши картины отвратительны... ужасны!.. превосходны, великолѣпны!
[3]) Свинья, дура!.... прелестный другъ мой, моя красавица!

«Мало по малу разговоръ установился на ровную колею; графиня бесѣдовала какъ истинно свѣтская, высокообразованная женщина. Говоря о живописи, она сказала, что особенную любовь къ этому художеству развили въ ней картины польскаго мариниста, бывшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ.

—«Un certain Iwakoffsky... Iwakoussky»[1]),—припоминала она.

«Я отвѣчалъ, что подобной фамиліи, на сколько мнѣ извѣстно, между польскими живописцами нѣтъ. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ въ Парижѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, только я одинъ ношу фамилію похожую на эту, переиначенную француженкою. По сюжету картинъ, видѣнныхъ ею, я убѣдился, что она говоритъ обо мнѣ и сказалъ ей, что ея «Иваковскій» и я—Айвазовскій—одно и то же лицо. Тогда графиня въ восторгѣ обняла меня, начала цѣловать, лаять, осыпать меня поперемѣнно то самыми ласкательными, то бранными словами. Эта сцена произвела на меня тяжелое впечатлѣніе.

«Замѣчательно, что у этой графини Дампьерръ есть (или была—не знаю навѣрное) младшая сестра, точно такой же, какъ и она, патологическій субъектъ: лаетъ и бранится, прежде нежели поведетъ рѣчь какъ слѣдуетъ... Еще того замѣчательнѣе, что обѣ сестры были замужемъ».

Изъ Ниццы Иванъ Константиновичъ отправился во Флоренцію. Здѣсь онъ выставилъ свои картины въ пользу пострадавшихъ отъ разлива рѣки Арно; картинъ было до двѣнадцати и онѣ привлекли на выставку многія тысячи посѣтителей; тѣснота и давка у входа были необычайныя; сборъ простирался до 4,000 лиръ (свыше 800 р. сер.). Флорентинскія дамы поднесли художнику великолѣпный альбомъ со множествомъ подписей лицъ, принадлежавшихъ къ высшему и ученому сословію Тосканы. Профессора академіи заявили Ивану Константиновичу, что, по уставамъ академіи, онъ, какъ высокоталантливый иностранный художникъ, долженъ написать свой портретъ для помѣщенія въ галлереѣ дворца Питти. Эта почесть оказывается немногимъ: изъ русскихъ живописцевъ ея удостоились лишь Кипренскій и Айвазовскій.

Помимо этихъ лестныхъ изъявленій сочувствія италіанцевъ

---

1) Нѣкто Иваковскій... Ивакусскій.

его высокому дарованію, Иванъ Константиновичъ былъ порадованъ и глубоко тронутъ оваціею, сдѣланною ему нѣсколькими юными любительницами художествъ, представительницами Новаго Свѣта. Тогда изъ Нью-Іорка на флорентинскую выставку прибыли 15 дѣвицъ и обратили особенное вниманіе на картины Айвазовскаго; одна изъ нихъ, узнавъ адресъ Ивана Константиновича, посѣтивъ его, просила написать ей небольшую картину, цѣною въ 300 лиръ (около 70 р. сер.). Художникъ съ обычной скоростью исполнилъ ея желаніе и юная американка была въ восторгѣ. На слѣдующій день къ Айвазовскому является другая и, показывая довольно плохой пейзажъ, спрашиваетъ—какъ онъ кажется художнику? Айвазовскій сказалъ откровенно, что живопись не важная. Тогда американка, сѣтуя на ограниченныя свои средства, замѣтила, что за пейзажъ такой-же величины заплатить Айвазовскому не можетъ, воспользоваться же безплатно его произведеніемъ не желаетъ. «Это можно уладить,—отвѣчалъ ей Иванъ Константиновичъ,—я напишу вамъ пейзажъ за ту же цѣну, какую вы дали за эту картинку; но денегъ съ васъ не возьму, а попрошу купить мнѣ на нихъ какую нибудь мозаиковую вещицу». Заказчица съ удовольствіемъ согласилась и, пріѣхавъ за картиною, отдарила за нее Ивана Константиновича очень красивымъ прессъ-папье. Это было въ пятницу. Въ воскресенье, возвращаясь изъ церкви, Айвазовскій услышалъ отъ привратника отеля, въ которомъ жилъ, что его «дожидаются американки»... Въ недоумѣніи художникъ всходитъ на лѣстницу и видитъ, что по обѣимъ ея сторонамъ стоятъ два строя американокъ, съ великолѣпными букетами камелій въ рукахъ. Старшая изъ нихъ, встрѣтивъ Ивана Константиновича на верхней площадкѣ лѣстницы, поднесла ему вѣнокъ и увѣнчала имъ художника, сказавъ очень милый, любезный «спичъ»... Затѣмъ дѣвицы, вручивъ Айвазовскому свои карточки, радушно приглашали его въ Нью-Іоркъ, обѣщая ему торжественную встрѣчу и цѣлыя тучи вѣнковъ и букетовъ, которыми онѣ и ихъ сограждане готовы засыпать весь путь художника.

О картинахъ Ивана Константиновича, выставленныхъ въ 1874 году во Флоренціи, было напечатано множество статей въ италіанскихъ, французскихъ и англійскихъ газетахъ. По возвращеніи въ Крымъ, Айвазовскій, по приглашенію султана Абдулъ-

Азиса (въ послѣдствіи зарѣзаннаго въ константинопольскомъ дворцѣ Долма-Бахче), посѣтилъ Константинополь. Разсказъ объ этой недавней поѣздкѣ въ столицу Оттоманской имперіи, равно и о картинахъ, написанныхъ Иваномъ Константиновичемъ для султана Абдулъ-Азиса, передаемъ со стенограммы, записанной по разсказамъ самого художника.

XIV.

Поѣздка въ Константинополь.—Султанъ Абдулъ-Азисъ.—Картины, для него написанныя.—Пожалованіе Айвазовскому ордена Османіэ.—Художественная дѣятельность въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ.

1874—1878.

— «Въ бытность мою въ Константинополѣ, въ 1858 году, на обратномъ пути изъ Франціи въ Россію, я посѣщалъ начальника константинопольскихъ пороховыхъ заводовъ, Серкиза-эффенди, очень любезнаго и образованнаго человѣка. Разъ, вечеромъ, сидя у него, я нарисовалъ небольшую картину на papier pelé (загрунтованный тонкій картонъ) и подарилъ ему на память. Этотъ рисунокъ Серкизъ-эффенди поднесъ султану Абдулъ-Меджиду[1]), который, въ свою очередь, подарилъ его брату своему Абдулъ-Азису—страстному любителю живописи. Извѣстно, что коранъ возбраняетъ правовѣрнымъ изображать на картинахъ живыя существа и потому аравійскіе и турецкіе живописцы ограничиваются лишь пестрыми узорами и рисовкою цвѣтовъ. Но Абдулъ-Азисъ, одаренный несомнѣннымъ талантомъ, занимался живописью съ изображеніемъ фигуръ, нисколько не стѣсняясь запрещеніями корана. Лѣтъ пять тому назадъ Серкизъ-эффенди поднесъ ему подаренную женѣ его мою картину: «восходъ солнца въ Константинополѣ» и султанъ съ перваго же взгляда узналъ мою работу. Примѣру Серкиза-эффенди послѣдовалъ придворный архитекторъ Серкизъ-бей: картина, мною писанная, подаренная имъ султану, также весьма понравилась Абдулъ-Азису и онъ выразилъ желаніе пріобрѣсть нѣсколько моихъ картинъ. Серкизъ-

[1]) Султанъ Абдулъ-Меджидъ родился 23-го апрѣля 1823 г., наслѣдовалъ отцу своему Махмуду II—2-го іюля 1839 г., умеръ 25-го іюня 1861 года. Преемникъ его Абдулъ-Азисъ родился 9-го февраля 1830 года.

бей телеграфировалъ мнѣ объ этомъ въ Крымъ. Я прислалъ четыре картины, которыя всѣ были куплены султаномъ. Послѣ того черезъ Серкизъ-бея онъ самъ сообщалъ мнѣ сюжеты для заказываемыхъ картинъ. Воображеніе его, должно замѣтить, было самое поэтическое. Такъ, по его рисункамъ, сдѣланнымъ красными чернилами, я написалъ «бурю у скалъ острова Хіоса» и «снѣговыя горы». Вообще же для Абдулъ-Азиса я написалъ тогда до пятнадцати картинъ.

«Спустя нѣкоторое время, я получилъ изъ Константинополя формальное приглашеніе представиться султану. Готовясь къ отъѣзду, я написалъ нѣсколько картинъ и между прочими «утихающую бурю съ яркою радугою надъ волнами». При отъѣздѣ моемъ въ Константинополь, въ мѣстныхъ газетахъ было напечатано: le général Aïwasoffsky venant de la Russie arrivera bientôt dans notre capitale (Генералъ Айвазовскій, ѣдущій изъ Россіи, скоро прибудетъ въ нашу столицу). Гражданскій мой чинъ редакторы константинопольскихъ газетъ, невѣдомо съ какой стати, переиначили въ соотвѣтствующій военный, позабывъ прибавить къ тому слово «живописецъ». Это qui-pro-quo подало поводъ къ дипломатическому недоразумѣнію. Англійскій посланникъ въ Константинополѣ обратился къ нашему послу Николаю Павловичу (нынѣ графу) Игнатьеву съ вопросомъ: кто такой генералъ Айвазовскій и съ какою цѣлію прибылъ онъ въ Константинополь? Во время остановки нашего парохода въ Буюкъ-дере, ко мнѣ явился посланный отъ Н. П. Игнатьева съ приглашеніемъ къ нему. Когда я исполнилъ желаніе Николая Павловича, онъ весьма любезно предложилъ мнѣ, во избавленіе меня отъ объясненія съ таможенными, — довезти меня на своемъ пароходѣ до Константинополя. Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе: по пріѣздѣ туда, Н. П. Игнатьевъ отправился во дворецъ къ султану, а я въ Перу.

«Представленіе мое султану назначено было на слѣдующій день, въ 12 часовъ. Явясь къ назначенному времени, я, сопровождаемый первымъ драгоманомъ посольства г. Ону и Серкизъ-беемъ, былъ введенъ въ залу дворца, въ которую вскорѣ вышелъ султанъ Абдулъ-Азисъ. Мнѣ съ перваго взгляда понравились добродушныя черты его лица, окаймленнаго небольшою бородкою, ласковый взглядъ и привѣтливая улыбка. Онъ говорилъ со мною

по турецки; но, хотя я и знаю этотъ языкъ, однако-же посредничество г. Ону, какъ переводчика, оказалось необходимо: Абдулъ-Азисъ примѣшивалъ къ турецкимъ фразамъ множество арабскихъ словъ. Очень лестно отзывался онъ о моихъ картинахъ; сказалъ, что во время путешествія своего по Европѣ пріобрѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ; что, въ молодости, онъ занимался копированіемъ моихъ картинъ, подаренныхъ ему его братомъ, Абдулъ-Меджидомъ. Затѣмъ, ласково распростясь со мною, султанъ удалился изъ залы.

«Тогда вошло нѣсколько придворныхъ и намъ, съ г. Ону, поданъ былъ кофе. Минутъ черезъ пять, ихъ позвали къ султану; потомъ одинъ изъ камергеровъ вынесъ и подалъ мнѣ ящичекъ краснаго бархата, со словами:

— Его величество султанъ повелѣлъ передать лично вамъ!

«Въ ящичкѣ лежали брилліантовые знаки ордена Османіэ второй степени.

«Когда, по возвращеніи моемъ изъ дворца, я явился къ Н. П. Игнатьеву, передалъ ему подробности моей аудіенціи и показалъ пожалованный мнѣ орденъ, Николай Павловичъ замѣтилъ, что орденъ Османіэ — орденъ царственный и пожалованіе имъ есть знакъ величайшаго благоволенія султана, весьма рѣдкаго, особенно къ иностранцу.

«Въ теченіе трехъ недѣль пребыванія моего въ Константинополѣ, я написалъ шесть картинъ; изъ нихъ «пароходъ, идущій по волнамъ» и «базарный каикъ» исполнены были мною по рисункамъ султана Абдулъ-Азиса. По возвращеніи въ Крымъ, я написалъ ему еще до 15-ти картинъ и, сверхъ того, двѣ—въ подарокъ: «видъ Петербурга съ Троицкаго моста» и «видъ Москвы зимою»; за эти двѣ картины султанъ пожаловалъ мнѣ драгоцѣнную, брилліантами осыпанную табакерку. Общее число моихъ картинъ, находящихся въ султанскихъ дворцахъ Константинополя, простирается до сорока».

Изъ недавныхъ газетныхъ извѣстій видимъ, что картинами Айвазовскаго украшены были стѣны того самаго дворцоваго зала, въ которомъ происходили переговоры о мирѣ между Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и турецкими властями, въ февралѣ нынѣшняго 1878 года. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на судьбу кар-

тинъ Айвазовскаго и ея странную связь съ нашими военными и политическими отношеніями къ Турціи: три войны Россіи съ Турціею, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, даютъ художнику сюжеты къ написанію картинъ, изображающихъ подвиги и побѣды нашихъ войскъ; его-же картины, въ мирное время написанныя для турецкаго султана—нѣмые свидѣтели торжества нашего оружія и окончанія послѣдней войны нашей съ царствомъ оттомановъ.

Перечисляя картины Айвазовскаго, написанныя имъ въ большихъ размѣрахъ въ теченіе сорока-двухъ лѣтъ, мы не упомянули о безчисленномъ множествѣ его миніатюрныхъ пейзажей на загрунтованной бумагѣ (papier pelé) и на тонкомъ картонѣ, произведеніяхъ, такъ сказать, «альбомныхъ», которыя онъ писалъ и пишетъ въ нѣсколько минутъ для многочисленныхъ своихъ знакомыхъ. Даже эти, въ сущности, бездѣлицы—яркія искры его таланта и всѣ онѣ запечатлѣны тою прелестью, которая свойственна большимъ картинамъ Айвазовскаго. Между любителями живописи существуетъ особый терминъ: «волна Айвазовскаго», и эти два слова такъ же неразрывно связаны одно съ другимъ, какъ слово «Мадонна» съ именемъ Рафаэля, слова «божественный младенецъ» съ именами Перуджино или Сассо-Феррато... И «волны Айвазовскаго», даже на небольшомъ кускѣ картона, написанныя имъ съ быстротою минутнаго всплеска живой волны, неподражаемы и могутъ быть написаны съ такою правдивою прозрачностью и текучестью—только имъ однимъ.

5-го ноября минувшаго 1877 года Иванъ Константиновичъ прибылъ въ Петербургъ и, послѣ кратковременнаго отдыха, занялся устройствомъ выставки привезенныхъ имъ съ собою картинъ и писаніемъ новыхъ. Выставка картинъ Айвазовскаго, открытая имъ въ исходѣ ноября 1877 года, въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, эта живописная хроника событій недавней войны, возбудила всеобщія похвалы въ зрителяхъ. Въ особенности привлекла всеобщее вниманіе символическая картина Ивана Константиновича, написанная имъ въ Москвѣ: «знаменія времени». Содержаніе и значеніе картины тогда же были разсказаны почти во всѣхъ газетахъ и изложены въ особо отпечатанномъ листкѣ [1]).

[1]) Оттискъ изъ «Вѣстника Народной Помощи» 1877 г., № 27.

Послѣднее изложеніе (написанное женщиною) на столько вѣрно передаетъ сюжетъ картины и мысль художника, что мы приводимъ его въ извлеченіи:

Художникъ! что̀ тебѣ открылось?
Твой геній творческій проникъ
Въ непроницаемый тайникъ,
И—недовѣдомое вскрылось
Въ недосягаемой дали
Пространства, времени, земли....
Ты, вдохновенный раздѣлитель
Сокровищъ свѣта и тѣней,
Какъ благовѣстникъ нашихъ дней,
Днесь сталъ великой тайны зритель,
И перевелъ на полотно
То, что Христомъ возвѣщено....

. . . .

«Содержаніе картины просто: внизу картины взору зрителя представляется часть земнаго шара, расположеннаго такимъ образомъ, что явственно различаются очертанія суши Балканскаго полуострова, пересѣкаемаго теченіемъ главной рѣки, Дуная, съ его рукавами (Мачинскій и Сулинскій), получившими извѣстность въ настоящую войну. За чертою славнаго въ пѣсняхъ румынъ и славянъ Дуная, въ пространствѣ, заселенномъ, преимущественно, славянскими народами, еще неосвободившимися отъ власти турокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ выдѣляются огненныя точки посреди великаго пожарища, отъ котораго къ небесамъ поднимаются черные и густые клубы дыма... Темныя воды Чернаго моря съ Константинопольскимъ проливомъ и Мраморнаго,—съ Дарданельскимъ, соединяясь съ бурными волнами греческаго Архипелага, отдѣляютъ рѣзко освѣщенную часть европейскаго материка отъ мрачнаго азіатскаго, и въ этомъ какъ-бы олицетворяютъ многовѣковое противоположеніе міра западнаго и восточнаго: христіанскаго и мусульманскаго, языческаго. До половины ея, отъ низу, изображено воздушное пространство, по которому текутъ густыя, полныя мрака, облака, клубясь въ тучи, надъ чуть сквозящими подъ ними и закутанными ими очертаніями горъ. Огненно-кровавый отблескъ проходитъ полосами по ихъ изгибамъ—тамъ чуется гроза съ громами и гибелью... Мысль зрителя настоящей минуты сама угадываетъ въ этихъ тучевидныхъ горахъ отдаленные и, вмѣстѣ—близкіе ему теперь, грозные Балканы... Справа отъ него, внизу, темно синѣетъ, подъ мглою нависшихъ облаковъ, Черное море, и при немъ, мнится, гдѣ-то очерчивается нѣкій градъ, съ завѣтною, влекущею къ себѣ святыней (храмомъ св. Софіи)... Глазъ его не видитъ, но чувство сильно говоритъ, что за этимъ загадочнымъ сумракомъ, подъ покровомъ полуночи, притаился этотъ градъ

царя великаго (Константинополь). Слѣва тучи особенно густы: это тучи съ сѣвера—суровыя, холодныя, градоносныя тучи! Онѣ находятъ, надвигаются медленно, тяжело, неотразимо; застилаютъ онѣ собою луну (символъ мусульманства); только ея косвенное отраженіе прорѣзывается изъ-за окраинъ и дрожитъ внизу, на освѣщенной имъ синевѣ пространства.

«Но картина чудно освѣщена сверху свѣтомъ необычайнымъ, невыразимымъ,—свѣтомъ, сіяющимъ съ высоты до низу на все пространство до послѣдняго предѣла, тонкими, продольными, прозрачными лучами, исходящими изъ крестовиднаго свѣтила, блистающаго свѣтло съ высоты небесной... Вправо подъ нимъ исчезаетъ въ его сіяніи звѣзда восточная... Невиданное, солнцеобразное свѣтило! Чѣмъ болѣе устремляется на него зрѣніе, тѣмъ бо̀льшимъ свѣтомъ оно разгорается, тѣмъ ярче свѣтитъ изъ него крестъ!»

Вдохновенный картиною Айвазовскаго, талантливый нашъ поэтъ А. Н. Майковъ посвятилъ ей слѣдующіе стихи:

Воздушный этотъ крестъ—ты угадалъ—всегда
Сіялъ въ выси таинственной надъ нами!
Онъ шелъ предъ нашими полками
Какъ виѳлеемская звѣзда
Въ чудесную ту ночь, предъ тѣми пастухами,
Что̀ первые привѣтствовать пошли
Благую вѣсть любви и мира на земли...
Онъ велъ насъ за Дунай, въ мятели, въ дни и ночи,
На высотѣ Балканъ гоня предъ нами тьму,
И павшихъ въ полѣ битвъ тускнѣющія очи
Взносили исповѣдь послѣднюю къ нему...
Сіялъ надъ полевымъ, пустыннымъ лазаретомъ
Въ сердца тѣхъ чудныхъ женъ, что̀, бросивъ домъ и кровъ,
И нѣгу и покой, простилися со свѣтомъ
И погреблись въ трудѣ—святѣйшемъ изъ трудовъ....
Онъ—вождь нашъ искони; лишь подъ его покровомъ
Мужала Русь въ пути своемъ суровомъ,
Куда-бъ онъ насъ ни велъ,—мы вѣримъ только имъ
И сильны мы и имъ лишь побѣдимъ!

Самое точное понятіе о неослабной быстротѣ работъ почтеннаго нашего художника можетъ дать перечень картинъ, написанныхъ имъ въ бытность въ Петербургѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (съ 15-го ноября 1877 по 20-е марта 1878 г.):

Размѣрами въ три и четыре аршина длины:

1) Предъ стрижкой овецъ въ Крыму, на берегу Чернаго моря (для Парижской выставки).

2) Бурная лунная ночь въ Архипелагѣ (тоже).

3) Закатъ солнца и островъ Искія въ Неаполитанскомъ заливѣ.

Картины средняго размѣра въ полтора и два аршина:

4) Прибой волны въ Өеодосійской бухтѣ.

5) Бой парохода «Веста» 11-го іюля 1877 г. (принесена художникомъ въ даръ Морскому музею).

6) Взрывъ турецкаго монитора «Литфи-Джелиль» въ Мачинскомъ рукавѣ Дуная, 29-го апрѣля 1877 г. (тоже).

7) Тотъ же сюжетъ въ большемъ размѣрѣ (назначена художникомъ въ строющійся Московскій музей).

8—9) Взятіе турецкаго парохода «Мерсина» у Пендеракліи пароходомъ «Россія»—и

10) Взрывъ турецкаго трехмачтоваго броненосца въ Сулинскомъ гирлѣ 27-го сентября 1877 г. (принесены художникомъ въ даръ Морскому музею).

11) Кавказскій берегъ на Черномъ морѣ.

12) Буря у Ялты (для барона Штиглица).

13) Видъ на южномъ берегу Крыма (для г. А. Полежаева).

14) Бомбардировка Өеодосіи.

15—16) Переправа Государя Императора Александра Николаевича чрезъ Дунай (находятся у Его Императорскаго Величества).

17) Тотъ же сюжетъ (для Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича).

18) Закатъ солнца у острова Капри въ Неаполитанскомъ заливѣ (для г. Терликова).

19) Султанскій кіоскъ на Босфорѣ (для него же).

Кромѣ упомянутыхъ картинъ большихъ размѣровъ, написано Иваномъ Константиновичемъ до десяти—малыхъ; въ общей сложности, въ четыре мѣсяца—до тридцати картинъ. Число это, поразительное для всякаго другаго художника, можно назвать умѣреннымъ относительно произведеній Айвазовскаго, такъ какъ Иванъ Константиновичъ не можетъ провести ни одного дня не прикасаясь къ кисти и не удѣляя нѣсколькихъ часовъ столь пламенно любимому искусству.

XV.

Заключеніе.

Талантомъ, точно такъ же какъ и умомъ, дѣлиться нельзя; но можно дѣлиться знаніемъ и умѣньемъ. Въ данномъ случаѣ мастерская Ивана Константиновича никогда не была святилищемъ недоступнымъ, какъ для молодыхъ художниковъ, такъ и для любителей живописи. Путемъ копированія его картинъ развили свои таланты и выработали живописную технику А. П. Боголюбовъ, Л. Ф. Лагоріо и Куинджи. Лагоріо ознакомился съ картинами Ивана Константиновича въ бытность его въ Крыму, въ 1839 году. Отецъ Лагоріо, замѣтивъ въ пятнадцатилѣтнемъ сынѣ страсть къ живописи, просилъ Айвазовскаго содѣйствовать развитію юнаго дарованія. Иванъ Константиновичъ съ полною готовностью ввелъ молодаго Лагоріо въ свою мастерскую, гдѣ тотъ занялся копированіемъ картинъ Айвазовскаго. Уѣзжая въ Петербургъ въ 1840 году для отбытія въ чужіе краи, Иванъ Константиновичъ взялъ съ собою нѣсколько рисунковъ Лагорію, представилъ ихъ Зауервейду, прося оказать юному художнику свое покровительство, и затѣмъ уѣхалъ въ Италію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ г. Крамеръ, хорошій знакомый Айвазовскаго, при содѣйствіи покойнаго герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, вызвавъ Лагорію въ Петербургъ, опредѣлилъ его въ академію художествъ пенсіонеромъ кабинета Его Императорскаго Величества. Въ академіи Л. Ф. Лагоріо обнаружилъ талантъ самостоятельный и черезъ пять — шесть лѣтъ пользовался уже значительною извѣстностью.

О дарованіи г. Куинджи сообщилъ Айвазовскому маріупольскій негоціантъ Аморетти, когда этому молодому художнику было лѣтъ четырнадцать. Иванъ Константиновичъ, уступая просьбамъ Аморетти, согласился взять Куинджи къ себѣ въ мастерскую, для нагляднаго ознакомленія съ основными правилами живописи. Живя въ имѣніи Айвазовскаго, Куинджи копировалъ его картины, подъ руководствомъ Фестлера, работавшаго въ студіи Айвазовскаго. По отъѣздѣ Ивана Константиновича, Куинджи, пробывъ четыре мѣсяца въ его мастерской, уѣхалъ въ Маріуполь, оттуда въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ академію. Кромѣ упомянутыхъ трехъ

художниковъ, картины Ивана Константиновича копировали еще многіе, болѣе или менѣе даровитые, любители живописи, но учениковъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, у него не бывало. По отзывамъ нашего почтеннаго художника, югъ Россіи и Крымъ обилуютъ самородными талантами по всѣмъ отраслямъ искусствъ; школа живописи въ Одессѣ могла бы служить богатымъ разсадникомъ отечественныхъ дарованій и еслибы эта мысль Айвазовскаго осуществилась тридцать лѣтъ тому назадъ, то нынѣ мы радовались бы благотворнымъ послѣдствіямъ подобнаго рода учрежденія. Почему эта простая мысль не осуществилась? Вопросъ этотъ остается открытымъ.....

По словамъ Ивана Константиновича, художникъ-учитель живописи долженъ знакомить ученика лишь съ техникою, такъ сказать, съ ручными пріемами искусства; онъ можетъ научить «какъ писать»; но «что̀ писать» и «съ чего писать»—это должно подсказать ученику уже его собственное дарованіе. Рабское копированіе картинъ великихъ художниковъ и подражаніе имъ – два тяжкіе тормаза, не только замедляющіе, но весьма часто и пріостанавливающіе развитіе таланта. Учитель можетъ задать ученику, какъ тему для сочиненія, сюжетъ для пейзажа; но для исполненія его, для разрѣшенія задачи, художникъ долженъ обратиться къ живой природѣ и по естественнымъ даннымъ выработать заданный ему сюжетъ. Картины великихъ мастеровъ слѣдуетъ изучать какъ бы произведенія великихъ композиторовъ, лишь съ точки зрѣнія техники, отнюдь же не въ отношеніи сюжетовъ картинъ. Одинъ и тотъ-же сюжетъ изъ живой природы, подобно музыкальной темѣ, можетъ варьироваться до безконечности. Задайте написать закатъ солнца двадцати ученикамъ и его изобразятъ, болѣе или менѣе близко къ природѣ, на двадцать различныхъ ладовъ; каждый ученикъ уловитъ черты особенно близкія его понятію, чувству, художественному инстинкту. Но если тотъ же ученикъ скопируетъ пейзажъ съ Рюисдаля, небо—съ Сальватора Розы, воду—съ Клодъ Лоррена —выйдетъ мертвенная пестрота, безтолковое пастиччіо, подобное стихотворенію, составленному изъ подобранныхъ подъ риѳмы строкъ, выхваченныхъ изъ Державина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова—хотя бы онѣ были подобраны и со смысломъ и съ единствомъ метрическаго размѣра.

Изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ, изу-

ченіе которыхъ имѣло важное вліяніе на развитіе дарованія Ивана Константиновича, онъ указываетъ на картины Семена Щедрина, Брюллова, Бруни; Гюдена, Схотля и Лудольфа Бакгюзена (1631 † 1709). Щедринъ—первый изъ русскихъ пейзажистовъ, давшій вѣрное направленіе взгляду на натуру; онъ правдивъ и добросовѣстенъ при изображеніи неба, воды, воздуха; вода на его картинахъ—живая, текучая, а не сухая ткань муаре́, сложенная волнистыми складками. Въ картинахъ Брюллова всегда осязаемо живое вдохновеніе; въ картинахъ Бруни безукоризненная правильность рисунка. Изъ иностранцевъ—Гюденъ замѣчателенъ въ своихъ произведеніяхъ, написанныхъ имъ до 1848 года; фламандцы Схотль и Бакгюзенъ въ ихъ пейзажахъ чужды монотонности, присущей пейзажистамъ этой школы.

Возвращаясь къ сравненію живописи съ музыкою и поэзіею, нашъ художникъ въ откровенной бесѣдѣ высказалъ ту мысль, которою проникнуты всѣ его произведенія.—„Идеализація живой природы (говоритъ онъ) есть крайнсеть, которой я всегда избѣгалъ и избѣгаю въ моихъ картинахъ; но поэзію природы—всегда чувствовалъ, чувствую и стараюсь передать ее моею кистью. Обаяніе лунной южной ночи, нѣга яснаго заката, ужасъ, нагоняемый на душу бурею или ураганомъ—вотъ тѣ чувства, которыя вдохновляютъ меня, когда я пишу мои картины. Преклоняюсь предъ великими мастерами фламандской школы, столь правдивыми въ ихъ прозѣ, но не слѣдовалъ и не послѣдую имъ. Высоко-талантливый художникъ можетъ безукоризненно вѣрно и близко къ дѣйствительной природѣ изобразить самыя обыденныя и неизящныя ея явленія; но подобнаго рода картины относятся къ художеству такъ же точно, какъ искусное звукоподражаніе къ музыкѣ. Ловкій штукарь можетъ превосходно свистать соловьемъ, щебетать канарейкой или звенѣть жаворонкомъ, но можно ли поставить его на одну доску съ виртуозомъ или пѣвцомъ? Формовщикъ можетъ снять гипсовый слѣпокъ съ живаго тѣла, но слѣпокъ этотъ нельзя поставить рядомъ съ мраморными изваяніями Кановы или Торвальдсена. Реализмъ въ живописи вполнѣ умѣстенъ тамъ, гдѣ того требуетъ сюжетъ картины; мудрено художнику идеализировать корчму, ярмарочную сцену, кулачный бой или задній дворъ фермы.... но грустно видѣть когда художникъ идеальную красоту облекаетъ въ прозаическую форму, т. е., избирая сю-

жетъ полный поэзіи, излагаетъ его чуть не площаднымъ образомъ. Рафаэль прозаическимъ чертамъ Форнарины придавалъ ту идеальную чистоту, святость и божественную кротость, которыя донынѣ приводятъ въ восторгъ каждаго зрителя «Мадонны»... но если талантливый художникъ, задавшись мыслію низвести божественную красоту до человѣка, а не красоту человѣческую возвысить до божества—напишетъ ликъ Спасителя съ первой ему попавшейся подъ руку физіономіи ломоваго извощика или водоноса, едва-ли кто (и я всѣхъ менѣе) признаетъ въ немъ ликъ Богочеловѣка. Никому не навязываю моего мнѣнія, но считаю себя въ правѣ высказать его....

«Мысленно оглядываясь на пройденное мною сорокадвухлѣтнее поприще, припоминая сюжеты двухъ тысячъ мною написанныхъ картинъ, позволю себѣ сознаться, что въ глубинѣ души моей издавна зрѣетъ нѣсколько сюжетовъ, которые желалъ-бы выполнить съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Таковы, между прочими—«моментъ кораблекрушенія» и по неимѣнію иного, болѣе подходящаго названія: «свѣтъ и тьма» или—«красота и безобразіе».

«Кораблекрушенія изображалъ я нерѣдко на моихъ картинахъ; но зрители видѣли ихъ лишь издалека, угадывая сердцемъ и воображеніемъ тѣ ужасы, которые свирѣпствуютъ въ хрупкихъ деревянныхъ стѣнахъ корабля, разрушаемыхъ волнами. На задуманной мною большой картинѣ я изобразилъ бы моментъ кораблекрушенія какъ бы въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ зрителя, и постарался бы уловить послѣднія мгновенія жизни пассажировъ и существованія самаго корабля; группы людей обоего пола, всѣхъ возрастовъ, гибнутъ, или готовятся погибнуть въ волнахъ, обуянныя ужасомъ и безнадежностью.... Нѣчто подобное уже было изображено мною на картинѣ «всемірный потопъ», но здѣсь я могъ бы еще осязаемѣе и общедоступнѣе выразить мою мысль. Самый эпизодъ великаго геологическаго переворота, отдаленнаго отъ насъ безчисленнымъ множествомъ вѣковъ, не можетъ дѣйствовать на воображеніе зрителя столь потрясающимъ образомъ, какъ изображеніе несчастнаго событія, такъ сказать, обыденнаго, о которомъ можемъ прочитать въ сегодняшнихъ или завтрашнихъ газетахъ. Точно такъ же картина битвы при Граникѣ или при Арбеллахъ никогда не произведетъ на зрителей такого впечатлѣнія, какое

произведетъ на нихъ эпизодическая сцена изъ недавней войны съ турками—Шибка, Ловча, или Плевна.

«Другая мною задуманная картина должна быть—соотвѣтственно мысли — громадныхъ размѣровъ. Мысль моя та, чтобы выразить въ живыхъ образахъ красоту и безобразіе видимой природы. По уступамъ на поверхности земли живые представители всего прелестнаго и изящнаго, отъ растеній до человѣка, но и это еще не послѣдняя высшая ступень міроздания: на свѣтломъ безоблачномъ небѣ, съ лучами свѣта, ниспадающими свыше, сливаются существа, или, вѣрнѣе, легкія очертанія существъ иного, высшаго міра, живыя звѣнья, соединяющія тлѣнный міръ съ міромъ нетлѣннымъ... Отъ подножія прекраснѣйшихъ существъ природы подъ горизонтомъ начинается постепенный переходъ къ безобразнѣйшимъ. Тусклый свѣтъ, проникая въ разсѣлину земли, слабо обрисовываетъ нестройныя геологическія наслоенія, обломки зданій, остовы безобразныхъ гномовъ, озаренныхъ снизу отблесками волканическаго огня, клокочущаго глубоко въ земныхъ нѣдрахъ...

«Эта мысль зрѣетъ въ моемъ воображеніи уже десять лѣтъ; не теряю надежды, что придетъ и минута вдохновенія, когда я воплощу эту мысль — выражу ее кистью и красками, со всею силою, которую еще сознаю въ себѣ, со всей энергіею, которая, съ годами, кажется, еще не угасла»...

Этими словами нашего даровитаго художника и пожеланіемъ ему еще долгихъ лѣтъ неослабной дѣятельности, а съ нею и славы, заканчиваемъ его біографическій очеркъ.

С.-Петербургъ, 6-го апрѣля 1878 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Челобитная на заводчика Акинѳія Никитича Демидова въ 1721 г.

Благороднымъ господамъ артиллеріи капитану Василію Никитичу Татищеву да бергмейстеру Ивану Ивановичу Бліеру [1]). Доношеніе.

Въ прошлыхъ годѣхъ, назадъ тому лѣтъ съ девятнадцать, обыскали мы, нижепоименованные, мѣдную руду, которую объявляемъ при семъ, Верхотурскаго уѣзду, вверхъ по Тагилу, по рѣчкѣ Воѣ [2]), въ горѣ, отъ деревни Тагильской въ дву верстахъ. И оную руду объявили мы на Верхотурьѣ управителю Алексѣю Калетину [3]). И оный Калетинъ тое руду промышлять не почалъ. И въ прошломъ 1714 году оную руду объявили мы Никитѣ Демидову. И оный Демидовъ до 720 году не промышлялъ; а въ 720 году промышлять началъ и промышляетъ донынѣ. А нынѣ намъ, нижепоименованнымъ, руду искать запрещаетъ; а которую руду обыскали мы, нижепоименованные, въ другихъ мѣстахъ, и оный Демидовъ объявлять намъ не велитъ. И по всѣмъ дорогамъ учинилъ заставы, и говоритъ: «Ежели буде станете руды объявлять на Уктусскій заводъ, то-де мы васъ бить станемъ кнутомъ и въ домны помечемъ».

---

[1]) Татищевъ и Блюеръ завѣдывали Уральскими заводами въ 1720 и 1721 годахъ. Просьба подана была имъ на Уктусскомъ казенномъ заводѣ (близь нынѣшняго Екатеринбурга).

[2]) Рѣчка эта называется нынѣ Выя; впадаетъ въ р. Тагилъ. Деревни Тагильской уже не существуетъ.

[3]) Стольникъ Алексѣй Ивановичъ Калитинъ былъ сначала воеводой Кунгурскимъ, а потомъ, въ 1703 и 1704 гг., Верхотурскимъ.

[4]) Въ то время бобры водились даже на югѣ нынѣшней Пермской губерніи; теперь же они попадаются, и то чрезвычайно рѣдко, лишь въ самой сѣверной части Верхотурскаго уѣзда.

Н. Ч.

А сего іюня въ 5-й день сосѣди наши уѣхали изъ домовъ своихъ для пріиску мѣдной руды; и, пріѣхавши послѣ ихъ къ нимъ въ домы отъ Демидова, шуринъ его, Иванъ Ивановъ сынъ Малыхъ, дѣтей ихъ изъ дому выбросалъ и говорилъ: «Ежели отцы ваши въ домы будутъ, то я ихъ кнутомъ застегаю».

А сего іюня въ 12-й день носили мы, нижепоименованные, сюда на Уктусъ, для объявленія, мѣдныхъ рудъ. И оный Демидовъ посылалъ за нами въ погоню и хотѣлъ насъ взять и увезти къ себѣ на заводъ. И мы, нижепоименованные, ушли отъ нихъ лѣсомъ.

Да сего іюня въ 27-й день, какъ шли мы сюда на Уктусъ съ мѣдной рудой, которую объявляемъ при семъ, и будучи въ Покровскомъ селѣ, и того села жители насъ задержали, пропустить не хотѣли, говорили: «Не доносите-де на нашего хозяина и рудъ никакихъ не объявляйте».

Отъ него же, Демидова, учинены заставы, куда мы ходили промышлять бобровъ на ясакъ въ казну великаго государя, а именно по Тагилу и по Черной рѣчкамъ. И они насъ бобровъ промышлять не пускаютъ, и промышленничьихъ собакъ прибили, и отъ того пришли мы въ конечную скудность и ясаку платить стало нечѣмъ.

А вышеписанную руду обыскали мы по той же Воѣ рѣчкѣ, отъ той руды, гдѣ Демидовъ промышляетъ, въ одной верстѣ, въ горѣ-жъ. И послѣ насъ, отъ него, Демидова, ту руду копать начали. А разстояніемъ отъ Демидовыхъ заводовъ оная руда въ шти (т. е. шести) верстахъ.

Того ради всепокорно просимъ вашего благородія, дабы указомъ царскаго величества повелѣно было у насъ вышеобъявленную руду принять и отъ онаго Демидова и отъ людей его указомъ царскаго величества насъ оборонить, чтобъ намъ въ конечную скудность отъ него не придти. Такожъ просимъ, дабы повелѣно было дать намъ солдата для обороны.

О семъ доносятъ Верхотурскаго уѣзду Тагильской деревни ясашный новокрещенный вогулетинъ Яковъ Савинъ, да Ромашевской слободы крестьяне Иванъ Трифоновъ, Тихонъ Троицынъ, Матвѣй Діевыхъ. Іюня въ 30-й день 1721 году.

Сообщ. въ 1872 г. **Н. К. Чупинъ.**

Екатеринбургъ.

Сожженіе на кострѣ въ Екатеринбургѣ

въ 1738 году.

(Изъ дѣлъ Екатеринбургскаго горнаго архива).

Въ концѣ 1735 года башкирцы дорогъ: Ногайской, Осинской и Казанской [1]), недовольные начатымъ тогда на южной окраинѣ ихъ земли построеніемъ укрѣпленнаго города Оренбурга, взбунтовались. На слѣдующую весну и ближайшіе къ Екатеринбургу и къ зауральскимъ горнымъ заводамъ и слободамъ башкирцы Сибирской дороги, не смотря на свои неоднократныя завѣренія, что они остаются покорными правительству и не намѣрены участвовать въ бунтѣ башкирцевъ прочихъ дорогъ, начали нападать на русскія селенія, разорять ихъ, угонять скотъ, а жителей убивать и брать въ плѣнъ. Бывшій тогда главнымъ командиромъ Уральскихъ, Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ дѣйств. стат. сов. Василій Никитичъ Татищевъ, извѣстный нашъ историкъ, нашелъ нужнымъ, для прекращенія безпорядковъ, выступить изъ Екатеринбурга съ военнымъ отрядомъ въ походъ въ Башкирію; онъ остановился на озерѣ Кызылташѣ (въ южной части нынѣшняго Екатеринбургскаго уѣзда), построилъ при этомъ озерѣ крѣпостцу и оттуда посылалъ вооруженныя партіи въ мѣста мятежническихъ башкирскихъ сборищъ. Разнообразными и энергически принятыми имъ мѣрами, приспособленными къ духу азіатскихъ народовъ, скоро водворено было спокойствіе между зауральскими башкирцами. Оставшихся вѣрными правительству онъ довольно щедро награждалъ деньгами, дарилъ имъ алое и обыкновенное сукно на кафтаны; являвшихся добровольно съ повинною приводилъ къ присягѣ на вѣрность, по курану, и угощалъ мясомъ, водкой, виномъ и пивомъ; кромѣ того давалъ изъ нихъ раззорившимся во время мятежа денегъ на пропитаніе себя и лошадей; наиболѣе благонадежныхъ башкирцевъ посылалъ съ письменными и словесными увѣщаніями къ бунтующимъ; захваченныхъ же подстрекателей къ бунту и уличенныхъ въ убійствахъ подвергалъ

---

[1]) Башкирцы раздѣлялись тогда, по мѣсту жительства своего, на четыре дороги: Казанскую (западная часть Башкиріи), Осинскую (сѣверо-западная часть), Ногайскую (южная часть) и Сибирскую (восточная часть). Впрочемъ, нѣкоторыя башкирскія волости, находившіяся по западную, европейскую, сторону Урала, причислялись однакожъ къ Сибирской дорогѣ, напр., Айлинская волость. Н. Ч.

смертной казни, а менѣе виновныхъ бунтовщиковъ однихъ наказывалъ кнутомъ и отсылалъ въ каторжныя работы на заводы, другихъ отправлялъ семействами въ Екатеринбургъ для держанія подъ арестомъ, либо для раздачи въ крѣпостные разнымъ лицамъ; бралъ отъ смирившихся башкирцевъ аманатовъ или заложниковъ.

Впрочемъ, взятые въ плѣнъ башкирцы могли освобождаться отъ ареста и отъ отдачи въ крѣпостное состояніе, если принимали христіанство. Въ числѣ такихъ обратившихся (искренно или неискренно— судить трудно) въ христіанскую вѣру былъ башкирецъ Айлинской волости Тойгильда Жуляковъ. Былъ-ли онъ присыланъ въ Екатеринбургъ и тамъ-ли окрещенъ или въ другомъ мѣстѣ—по архивнымъ дѣламъ не видно. Надобно впрочемъ замѣтить, что плѣнныхъ башкирцевъ креститься нисколько не принуждали: на то была ихъ добрая воля (конечно, можетъ быть, руководимая расчетомъ облегчить свою участь).

Въ 1737 году, по смерти посланнаго строить Оренбургъ ст. сов. Кирилова, на его мѣсто опредѣленъ Татищевъ [1]), съ оставленіемъ подъ его начальствомъ и горныхъ заводовъ. Поручивъ ближайшее завѣдываніе горными дѣлами въ Екатеринбургѣ маіору Угримову. Татищевъ въ іюнѣ уѣхалъ изъ Екатеринбурга и принялъ подъ свою команду Оренбургскую экспедицію и находившіяся въ Оренбургскомъ краѣ войска. Тамъ онъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія, и то былъ въ походахъ, то жилъ въ Самарѣ, то въ Мензелинскѣ.

Между тѣмъ новокрещенный Тойгильда жилъ на свободѣ въ Башкиріи и совратился опять въ магометанство. Доведено было о томъ до свѣдѣнія Татищева. Онъ, вслѣдствіе этого, 11-го марта 1738 г. послалъ изъ Мензелинска предписаніе въ Теченскую слободу (въ нынѣшнемъ Шадринскомъ уѣздѣ) къ полковнику Арсеньеву, командиру Сибирскаго драгунскаго полка, расположеннаго въ то время въ Исетской провинціи [2]), о томъ, чтобы Тойгильду со всѣмъ семействомъ его отправить въ Екатеринбургъ къ маіору Угримову (вѣроятно, Тойгильда уже былъ захваченъ Арсеньевымъ). Въ то же время Тати-

---

[1]) Оренбургъ Татищевъ началъ строить при впаденіи въ Уралъ Ори, на мѣстѣ нынѣшняго города Орска; Татищевъ перенесъ его на 200 верстъ ниже по Уралу, туда, гдѣ теперь казачья станица Красногорская; а въ 1742 году новый начальникъ края Неплюевъ перенесъ его еще ниже, на нынѣшнее мѣсто, въ 265 верстахъ отъ Орска.

[2]) Исетская провинція, учрежденная въ 1737 г. и находившаяся въ вѣденіи Оренбургской экспедиціи, заключала въ себѣ нынѣшній Шадринскій уѣздъ Пермской губерніи, сѣверо-восточную часть Оренбургской губ. и небольшую западную часть Тобольской губерніи. Н. Ч.

щевъ писалъ къ Угримову: «Татарина Тойгильду за то, что, крестясь, принялъ паки махометанскій законъ,—на страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ крещенныхъ татаръ, сжечь; а женъ и дѣтей его, собравъ, выслать въ русскіе городы, для раздачи; изъ оныхъ двухъ прислать ко мнѣ въ Самару».

На допросѣ Тойгильда показалъ Арсеньеву, что жена его Азакбика съ сыномъ Мухомбетемъ взяты бунтовщиками башкирцами въ полонъ осенью 1737 года, а два сына; Мергинь—десяти и Алкей—восьми лѣтъ, отданы въ услуженіе воеводѣ Исетской провинціи Ивану Никитичу Татищеву [1]). Но при Тойгильдѣ оставались еще три сына: Якшигулъ—16-ти, Кутлубай—14-ти и Якшимбай—12-ти лѣтъ. Арсеньевъ отправилъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ отцомъ 14-го апрѣля въ Екатеринбургъ, подъ карауломъ двухъ гренадеръ. Самъ Тойгильда и старшій сынъ его Якшигулъ везены были скованные, въ колодкахъ, а двое младшихъ сыновей—просто, нескованные и несвязанные. На каждой изъ двухъ телѣгъ, на которыхъ помѣщались арестанты, сидѣло по одному проводнику изъ крестьянъ, а гренадеры ѣхали на верховыхъ лошадяхъ по обѣимъ сторонамъ телѣгъ. Не доѣзжая верстъ тридцати до Екатеринбурга, Тойгильда чуть было не убѣжалъ. Поѣздъ приближался къ селу Бобровскому; наступали сумерки. Тойгильда успѣлъ какъ-то незамѣтно достать топоръ изъ-за пояса своего возчика (который, вѣроятно, вздремнулъ) и ударилъ ѣхавшаго возлѣ телѣги гренадера Трапезникова, но его не ранилъ, а разрубилъ только бывшую на немъ лядунку; гренадеръ однакожъ упалъ съ лошади. Тогда Тойгильда выскочилъ изъ телѣги и побѣжалъ. Но другой гренадеръ Казаковъ, спѣшившись, настигъ его; Тойгильда сталъ защищаться топоромъ и сильно ранилъ Казакова въ руку; но тутъ подоспѣлъ оправившійся отъ паденія Трапезниковъ, и Тойгильда былъ схваченъ и обезоруженъ. Между тѣмъ, пока гренадеры хватали Тойгильду, дѣти его выскочили изъ телѣгъ и убѣжали въ лѣсъ. Снова посаженный въ телѣгу Тойгильда сталъ скликать сыновей. На зовъ подалъ голосъ одинъ только младшій, котораго и схватили. Въ селѣ Бобровскомъ гренадеры съ арестантами остановились на ночь и велѣли крестьянамъ искать бѣглецовъ; утромъ жители ближней Косулинской деревни привели одного изъ нихъ, старшаго; а другой не былъ найденъ.

Вскорѣ по привозѣ въ Екатеринбургъ, апрѣля 20-го, Тойгильда

---

[1]) И. Н. Татищевъ былъ, вѣроятно, родственникъ, если даже не родной братъ, Василія Никитича: когда послѣдній въ 1739 г. былъ отрѣшенъ отъ Оренбургской экспедиціи, Иванъ Никитичъ лишился воеводства. Н. Ч.

былъ сожженъ, въ присутствіи всѣхъ находившихся въ городѣ крещенныхъ башкирцевъ. Передъ казнью ему прочитали такой указъ главной горной канцеляріи:

«По указу ея императорскаго величества самодержицы всероссійской и по опредѣленію его превосходительства тайнаго совѣтника Василія Никитича Татищева, велѣно тебя, татарина Тойгильду, за то, что ты, крестясь въ вѣру греческаго исповѣданія, принялъ паки махометанскій законъ, и тѣмъ не только что въ богомерзкое преступленіе впалъ, но яко песъ на свои блевотины возвратился, и клятвенное свое обѣщаніе, данное при крещеніи, презрѣлъ, чѣмъ Богу и закону Его праведному учинилъ великое противленіе и ругательство,— на страхъ другимъ таковымъ, кои изъ махометанства приведены въ христіанскую вѣру, при собраніи всѣхъ крещенныхъ татаръ велѣно казнить смертію—сжечь. Да ты же, Тойгильда, по злой измѣннической вашей совѣсти, видя себя уже и не на волѣ, а подъ карауломъ, какъ везли сюда, дорогою, вымысля коварственно, укралъ у извозчиковъ топоръ и тѣмъ незапно посланныхъ за тобою конвойныхъ Сибирскаго драгунскаго полку дву человѣкъ гренадеровъ (рубилъ?), и у одного перерубилъ лядунку, а другаго руку, и имѣлъ намѣреніе къ побѣгу, чрезъ что и наивящѣе злодѣйство свое проклятое умножилъ, и не только за оное твое преступленіе, но и за сіе содѣянное зло, учинилъ себя достойна смерти».

Апрѣля 22-го отправлены были къ Татищеву два сына Тойгильды Якшигулъ и Якшимбай, вмѣстѣ съ донесеніемъ о казни ихъ отца.

Чрезъ два дня привезенъ въ Екатеринбургъ изъ Арамильской слободы (въ 23-хъ верстахъ къ юго-востоку отъ города) пойманный у деревни Колюткиной въ лѣсу и третій 14-ти-лѣтній сынъ Тойгильды, Кутлумбай.

Въ канцеляріи главнаго заводовъ правленія опредѣлено было: «Башкиренка, принявъ, за убѣгъ наказать розгами, и до отсылки, по силѣ ордера его превосходительства (т. е. Татищева), въ русскіе городы отдать съ роспискою, кто взять пожелаетъ. Буде же ко взятью охотниковъ не будетъ, держать подъ карауломъ, а пропитаніе имѣть милостынею. И для отдачи въ Руси охотникамъ отослать его на суднѣ въ Казань, что̀ въ Москву съ деньгами [1]) отправится».

Неизвѣстно, взялъ ли кто въ Екатеринбургѣ на поруки этого мальчика. Видно только по дѣламъ, что онъ отправленъ въ Казань 20-го іюня 1738 г.

---

[1]) Т. е. съ выдѣланною въ Екатеринбургѣ мѣдною монетой Н. Ч.

Замѣчательно, что въ томъ же самомъ 1738 году совершилась въ столицѣ такая же казнь, какая постигла и Тойгильду: сожженъ за переходъ въ іудейскую вѣру флота капитанъ-лейтенантъ Возницынъ, вмѣстѣ съ совратителемъ своимъ жидомъ Борохомъ Лейбовымъ (Полн. Собр. Зак. № 7,612).

А до того времени сожжены были въ срубахъ: извѣстный фанатическій расколо-учитель протопопъ Аввакумъ съ тремя его товарищами, въ Пустозерскѣ, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, да еретикъ (не нашъ, а нѣмецкій, заѣзжій въ Россію изъ-за границы и проповѣдывавшій, съ весьма малымъ успѣхомъ, свои мистическія бредни жителямъ московской Нѣмецкой слободы) Квиринъ Кульманъ, въ Москвѣ, въ 1689 году.

Послѣ 1738 г., къ чести Россіи, не было въ ней, сколько мнѣ извѣстно, ни одного случая смертной казни сожженіемъ.

Сообщ. Н. К. Чупинъ.

Екатеринбургъ, 1874 г.

Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ башкирами [1].

1757 г.

Въ Оренбургское горное начальство. Всепокорнѣйшее доношеніе.

Доноситъ его высокографскаго сіятельства превосходительнаго господина генерала-фельдцейхмейстера, генералъ-аншефа, сенатора, ея императорскаго величества генералъ-адъютанта, дѣйствительнаго камергера, лейбъ-компаніи подпоручика, обоихъ россійскихъ орденовъ и святыя Анны кавалера графа Петра Ивановича Шувалова Авзяно-Петровскаго желѣзнаго и прочихъ заводовъ управитель Петръ Мануйловъ.

1.

Хотя башкирцы Уфимскаго уѣзда разныхъ волостей, въ томъ числѣ и Тамьянской волости, изъ Оренбургской губернской канцеляріи издавна многими указами всѣмъ обще и подтверждены, дабы какъ въ степяхъ, а особливо близъ заводовъ, ѣздя по лѣсамъ, ни подъ какимъ видомъ огней не пускали и тѣмъ лѣсовъ не губили,— но оные башкирцы, не смотря на тѣ указы, весьма самыми злодѣй-

[1]) Изъ дѣлъ Екатеринбургскаго горнаго архива. Н. Ч.

скими вымыслы, не чувствуя государственной прибыли и всенародной отъ заводовъ пользы, съ начала весны и во все лѣто сего года нарядными случаями его высокографскаго сіятельства Авзяно-Петровскимъ желѣзнымъ заводамъ и при нихъ дроводѣламъ и цѣлымъ съ готовоприпасеннымъ углемъ куренямъ причиняютъ своимъ пущеннымъ огнемъ великіе пожары, которые никакимъ образомъ и тушить невозможно, потому что отъ великой засухи самая натуральная съ тундрою и земля безмала на три четверти аршина горитъ, и отъ того сосновые главные, состоящіе въ надеждѣ заводамъ лѣса почесть поголовно погараютъ. А что же колодникъ и прочій лежащій здоровый лѣсъ весь безъ остатку выгораетъ, котораго мѣстами множество, не менѣе стоячаго лѣса.

2.

Отъ которыхъ огней не только какую оборону или защиту дроводѣламъ, также и на куреняхъ готовому углю имѣть, но и самихъ построенныхъ заводовъ и фабрикъ съ обывательскими домами едва возможно остерегать и отстаивать. Отчего и всѣ заводскіе мастеровые и работные люди отъ тѣхъ безпрестанныхъ пожаровъ, отъ всегдашнихъ побѣговъ и карауловъ пришли въ изнеможеніе, потому что оные злодѣи башкирцы тѣми учиненными пожарами вымышленно на заводы и рудники и дроводѣлы видно наводятъ волшебные дымы, отъ коихъ безпресѣчно состоитъ самый смертельный воздухъ. Чего ради весьма при оныхъ Авзяно-Петровскихъ заводахъ почесть до одного человѣка находятся въ хворости, изъ коихъ немалое число людей померло; да и нынѣ весьма множество смертельно хворают, а именно болѣзнь та: отъ того тяжкаго воздуха тяжкая одышка, которая задавливаетъ сердца, а особливо въ горлахъ у каждаго болѣзнь главоболіе; и отъ того дневныя пищи лишаются и умираютъ. А нѣкоторые, обнесеніемъ отъ того воздуха головъ, внѣ ума падаютъ и долго безъ всякаго лежатъ чувства. Которое неблагополучіе наемные работные люди, видя здѣсь въ народѣ великій смертельный ежедневный упадокъ, причитая за язву, бѣжало съ заводовъ и рудниковъ съ четыреста человѣкъ. О чемъ не безъизвѣстно чрезъ поданныя отъ меня именованнаго извѣтныя доношенія какъ Уфимской провинціальной канцеляріи, такъ и Табынской канцеляріи. Которые люди на себѣ, по ихъ долговымъ изъ суммы его высокографскаго сіятельства заборамъ, и денежной суммы не малое число унесли. Тому жъ слѣдовательно и на умершихъ пропало не менѣе того; а колико именно, о томъ еще подлинныя выправки учиняются.

3.

Сверхъ же того оные башкирцы причиняютъ такіе около заводовъ вдругъ нечаянные въ разныхъ мѣстахъ пожары, что безъ всякаго терпѣнія потребно множеству людемъ пѣшимъ и коннымъ для тушенія на тѣ мѣста поспѣшать. Но для же страха отъ нихъ злодѣевъ башкирцовъ съ заводовъ многому числу людей и отлучиться весьма опасно, дабы и всѣхъ заводовъ и своего живота не лишиться; потому что оные башкирцы, ѣздя непрестанно около заводовъ ѣздами съ обнаженными луками и стрѣлами, безпрестанно перебѣгаютъ, и тѣмъ заводскимъ обывателямъ наводятъ нестерпимые страхи; ибо видно изо всѣхъ ихъ башкирскихъ поступокъ, что они хотя по милостивымъ указамъ въ ихъ Киргизъ-Кайсаки злодѣйскихъ побѣгахъ и прощены; но однако оные того видно нимало не чувствуя, еще ненавидя здѣсь на новыхъ мѣстахъ поселенныхъ русскихъ христіанъ, къ прежнему своему злодѣйству свѣжи.

4.

Оные-жъ башкирцы у находящихся при вышеозначенныхъ заводахъ приписныхъ крестьянъ какъ съ куренныхъ работъ, такъ и съ сѣнокосовъ, со становъ изъ привязанныхъ въ ночныя времена немалое число и лошадей отогнали, также и сѣнъ прижгли; да и понынѣ горятъ. Ибо кругомъ оныхъ его высокографскаго сіятельства Авзяно-Петровскихъ заводовъ со всѣхъ сторонъ злодѣйски пущенными отъ нихъ, башкирцовъ, огнями и по сіе число окружено; изъ чего самымъ дѣломъ признавается, что оные башкирцы, но нынѣшнимъ настоящимъ засухамъ и великимъ вѣтрамъ, оные заводы жадны совсѣмъ раззорить. А по установленнымъ его высокографскаго сіятельства немалымъ коштомъ заводскимъ дорогамъ, кои немалыми-жъ вымощены мостами и удовольствованы для заводской необходимой надобности и народной пользы ѣдущимъ на заводы съ провьянтомъ и съ прочими припасами великими казармами и при нихъ немалымъ же числомъ стоговъ припасенныхъ сѣнъ; изъ коихъ казармъ и сѣнъ тѣми пущенными огнями нѣсколько погорѣло, а можетъ быть по сіе число и всѣ сгорѣли.

Того ради Оренбургскаго горнаго начальства всепокорнѣйше прошу сіе мое прошеніе принять и записать. А объ ономъ же, для скорѣйшаго представленія, въ государственную бергъ-коллегію, въ канцелярію главнаго управленія сибирскихъ и казанскихъ заводовъ доношеніе послано-жъ. Сентября дня 1757 года.

Къ сему доношенію Петръ Мануйловъ руку приложилъ.

Екатеринбургъ, 1874 г. Сообщ. Н. К. Чупинъ.

Смольный монастырь

въ 1783 г.

Въ коммисію о учрежденіи народныхъ училищъ, отъ находящагося при Обществѣ благородныхъ и Училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ надзирателя Матвея Пахомова, съ 27-го ноября по 3-е декабря сего 1783 года, извѣстіе.

БЛАГОРОДНЫЯ.

I-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 64 дѣвицы.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію:

1. Елеонора Фонъ Плугъ. 2. Екатерина Ивановна Бѣшенцова. 3. Амалія Дитмаръ. 4. Марья Николаевна Аксакова. 5. Настасья Алексѣевна (ва?).

В. Успѣхи: 1. Читали, складывали и писали по франц., по россійски и по нѣм. 2. Продолжали III-ю часть табл. о чтеніи. 3. Переводили словесно съ россійск. языка на франц. малыя повѣсти. 4. Рисовали части головы.

II-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 60 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію:

1. Настасья Яковлевна Подвысоцкая. 2. Варвара Васильевна Голицына. 3. Ольга Семеновна Набокова. 4. Варвара Александровна Черешникова. 5. Екатерина Александровна Салтыкова.

В. Успѣхи: 1. Продолжали IV-ю главу 1-я части Книги о должн. чел. и гражданина. 2. Продолжали таблицу о правописаніи. 3. Читали и писали по россійски, по фр. и по нѣм. 4. Прошли отъ 3-го по § 6-му 11-го періода отъ Ноя до Моисея 1-я части Исторіи. 5. Слушали изъясненіе о вѣрахъ въ Европѣ. 6. Упражнялись въ вычитаніи цѣлыхъ чиселъ. 7. Переводили съ франц. на россійской языкъ и обратно. 8. Слушали 10-й членъ Символа вѣры. 9. Рисовали части головы и цвѣты.

III-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 63 дѣвицы.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію: 1. Ольга Михайловна Лачинова. 2. Екатерина Ивановна Желѣзнова.

В. Успѣхи: 1. Проходили IV-е склоненіе нѣм. именъ сущ. 2. Ри-

совали части головы и цвѣтки. 3. Упражнялись въ умноженіи и дѣленіи имен. чиселъ. 4. Продолжали россійскіе глаголы. 5. Читали 11-ю главу 1-я части Книги о должн. чел. и гражданина. 6. Продолжали таблицу о правописаніи. 7. Прошли отъ 7-го до § 9-го 11-го періода 1-й части Исторіи. 8. Обучались изъясненіямъ круговъ на земномъ шарѣ.

IV-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 87 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ отсутствовали за болѣзнію: 1. Елисавета Дмитріевна Балашева. 2. Екатерина Яковлевна Перфильева. 3. Екатерина Николаевна Абалянская. 4. Анна Александровна Салтыкова. 5. Анна Алексѣевна Молчанова. 6. Екатерина Потаповна Далматова. 7. Анна Александровна Караулова. 8. Олимпіада Васильевна Дьячкова. 9. Анна Андреевна Мишукова. 10. Анна Ивановна Богданова.

В. Успѣхи: 1. Продолжали о свойствахъ свѣта и о глазѣ. 2. Упражнялись въ 4-хъ правилахъ имен. чиселъ, а нѣкоторыя въ тройномъ правилѣ. 3. Переводили съ россійскаго на нѣм. и фран. языкъ и съ сего на россійской. 4. Рисовали цвѣтки и ландшафты и продолжали перспективу. 5. Прошли отъ 20-го по § 22-й III-го періода отъ Моисея до Ромула 1-я части Исторіи. 6. Продолжали рѣшеніе проблемъ маѳиматической географіи. 7. Обучались правиламъ сданія Тосканическаго объ одномъ апартаментѣ. 8. Слушали начало III-я главы II-й части Катехизиса.

МѢЩАНСКІЯ.

I-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 74 дѣвицы.

Б. Изъ нихъ не были за болѣзнію:

1. Аграфена Яковлева. 2. Прасковья.

В. Успѣхи: 1. Читали, складывали и писали по росс., по франц. и по нѣм. 2. Окончали таблицу о познаніи буквъ. 3. Рисовали части головы.

II-Й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 65 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ не были за болѣзнію: 1. Татьяна Першина. 2. Марья Иванова. 3. Аграфена Никифорова. 4. Анна Нелидова.

В. Успѣхи: 1. Слушали отъ 7-го члена Символа вѣры по 9-й членъ. 2. Продолжали таблицу о складахъ французскихъ. 3. Читали

и писали по россійски, по франц. и по нѣм. 4. Продолжали таблицу о чтеніи. 5. Прошли третій параграфъ 1-го періода 1-я части Исторіи. 6. Проходили термины географическіе. 7. Рисовали части головы.

III-й ВОЗРАСТЪ.

А. Содержитъ въ себѣ 58 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ не была за болѣзнію: Анна Яковлева.

В. Успѣхи: 1. Начали III-ю главу I-я части Книги о должн. чел. и гр. 2. Писали по россійски, по франц. и по нѣмецки. 3. Продолжали табл. о чтеніи. 4. Упражнялись въ вычитаніи цѣлыхъ чиселъ. 5. Продолжали табл. о чтеніи франц. 6. Слушали отъ 5-го члена Символа вѣры по 8-й членъ. 7. Рисовали части головы. 8. Прошли § 8-й 1-го періода 1-я части Исторіи. 9. Продолжали всеобщій чертежъ земнаго шара.

IV-й ВОЗРАСТЪ.

А. содержитъ въ себѣ 58 дѣвицъ.

Б. Изъ нихъ не была за болѣзнію: Имфалія Сергѣева.

В. Успѣхи: 1. Продолжали россійскіе глаголы. 2. Повторяли 4-ю главу 1-й части Книги о должн. чел. и граж. 3. Переводили съ россійскаго на франц. языкъ и обратно. 4. Упражнялись въ умноженіи и дѣленіи цѣлыхъ чиселъ. 5. Начали о свойствахъ свѣта. 6. Рисовали цвѣтки. 7. Слушали по 2, заповѣдь 11-я главы 11-й части Катех. 8. Прошли до § 6-го 11-го періода 1-я части Исторіи. 9. Проходили о числѣ и о свойствѣ жителей европейскихъ.

I. ПРИЛЕЖАНІЕ УЧИТЕЛЕЙ.

27-го ноября не были въ классахъ г-нъ Гаррохъ за нуждою и г-нъ Карандашевъ за болѣзнію.

II. ОСОБЛИВЫЕ СЛУЧАИ.

30-го числа ноября ученія не было по причинѣ праздника.

Матѳей Пахомовъ.

Декабря 2-го 1783 г.

Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ.

А. О. Корниловичъ,

издатель историческаго сборника «Русская Старина», въ 1824 и 1825 г.

[Разсказъ генерала Шумкова].

Замѣчательна судьба А. О. Корниловича. Получивши образованіе, кажется, въ знаменитой Муравьевской школѣ колонновожатыхъ, онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, чему много помогло его знаніе почти всѣхъ европейскихъ языковъ, а потому онъ стоялъ на отличной служебной дорогѣ, по генеральному штабу или, какъ тогда называли, свитскимъ гвардейскимъ офицеромъ. Сосланный потомъ за участіе въ событіяхъ 14-го декабря 1825 г. въ каторжныя работы, онъ вскорѣ возвращенъ, секретно, въ Петербургскую крѣпость, въ казематахъ которой прожилъ около пяти лѣтъ, то есть до 1832 года, когда былъ привезенъ въ Грузію и зачисленъ на службу въ пѣхотный полкъ солдатомъ. Разсказъ его пишущему эти строки о свой жизни въ крѣпости чрезвычайно интересенъ. Здѣсь приводятся лишь главныя черты его. Изъ Сибири его везли съ фельдъегеремъ со всѣми предосторожностями, вѣроятно, наблюдаемыми при такихъ случаяхъ. Ему неизвѣстно было—куда его везутъ въ закрытомъ экипажѣ. По пріѣздѣ къ мѣсту назначенія, его ввели съ завязанными глазами и тутъ только сняли повязку съ его глазъ. Онъ увидѣлъ себя въ какомъ-то казематѣ со сводами. Его тутъ же предварили, чтобы онъ не пробовалъ говорить со сторожемъ, который приносилъ ему пищу. Спустя нѣсколько времени, вошелъ къ нему въ казематъ генералъ Бенкендорфъ, прежде весьма хорошо ему знакомый. Тутъ только для него стало ясно, что онъ въ Петербургѣ. Бенкендорфъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Любезный Корниловичъ! Государь императоръ, зная вашъ умъ, ваши обширныя познанія и вашу горячую любовь къ общественному благу, пожелалъ предоставить вамъ возможность быть полезнымъ отечеству. Его величеству благоугодно, чтобы вы излагали на бумагѣ ваши мнѣнія, по какимъ вы найдете нужнымъ предметамъ государственнаго благоустройства. Записки ваши вы будете передавать мнѣ для представленія его величеству». Потомъ просилъ его назначить, что̀ ему нужно для исполненія воли государя. На него былъ тогда же наложенъ завѣтъ—не пытаться даже входить съ кѣмъ бы то ни было въ какія либо сношенія, ни даже въ разговоры со сторожемъ, который назначенъ служить ему. Кромѣ того, вся домашняя обстановка его была сформирована по его указанію, но съ самою внимательною

предусмотрительностію. У него современемъ составилась порядочная библіотека и все что нужно даже для прихотливаго человѣка, чего онъ, по своему ограниченному состоянію, не могъ имѣть на собственныя средства. Легко понять съ какимъ рвеніемъ и съ какою горячностію принялся онъ за любимыя свои занятія. Пишущему эти строки Корниловичъ показывалъ на Царскихъ Колодцахъ всѣ рукописныя копіи мнѣній, переданныхъ имъ Бенкендорфу. Многія изъ работъ Корниловича обращали особенное вниманіе государя императора, что видно изъ сохранившихся у него собственноручныхъ записокъ Бенкендорфа, которыми онъ объявляетъ «каторжному Корниловичу благоволеніе его величества»—за какую нибудь работу.

Корниловичъ отзывался всегда съ особенною признательностію о вниманіи къ нему А. Х. Бенкендорфа.

По прошествіи почти пятилѣтней жизни въ казематахъ, Корниловичъ былъ доставленъ въ Тифлисъ и зачисленъ въ Ширванскій пѣхотный полкъ, расположенный на Царскихъ Колодцахъ, гдѣ тогда стояла Донская № 3-го батарея, въ которой служилъ пишущій эти строки. Въ это же время, при возобновленіи знакомства съ симъ послѣднимъ, также возобновились сношенія Корниловича и съ извѣстнымъ Донскимъ писателемъ—Сухоруковымъ, проживавшимъ тогда въ Новочеркасскѣ, по возвращеніи изъ Финляндіи (см. о немъ въ «Донской Газетѣ» 1877 г.).

Корниловича сначала поставили въ рядъ съ солдатами и помѣстили въ общую казарму, но когда вскорѣ было получено письмо на имя Корниловича отъ Бенкендорфа и за печатью III-го отдѣленія канцеляріи его величества, тогда уже дали ему свободу помѣститься на вольной квартирѣ, въ одномъ изъ домовъ поселенной женатой роты того же полка. Товарищемъ его по квартирѣ былъ, тоже декабристъ, князь Валеріанъ Мих. Голицынъ († въ Спб., 1859 г.).

Корниловичъ прожилъ не долго; онъ умеръ въ Грузіи, отъ горячки, въ сентябрѣ 1833 года. Шумковъ.

12-го января 1877 г. Сообщ. А. А. Карасевъ.

Примѣчаніе. Штабсъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Александръ Осиповичъ Корниловичъ былъ членомъ Южнаго тайнаго общества и делегатомъ этого общества къ Сѣверному. Изданный Корниловичемъ въ 1824 г. историческій сборникъ: «Русская Старина» посвященъ XVII и XVIII вв.; въ 1825-мъ году сборникъ этотъ (въ 16-ю д. листа) вышелъ вторымъ изданіемъ. См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. (третье изданіе), т. I, стр. 271 и сличи замѣтку Д. И. Завалишина въ Др. и Нов. Россія. 1878 г. № 6.

МИТЮХА ВАЛДАЙСКОЙ.

ЗРѢЛИЩЕ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе П. Н. Семенова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1810.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Митюха, повѣренный при откупахъ Валдайскихъ и Крестцовскихъ.

Андрюшка
Елисей } **цѣловальники Валдайскіе.**
Парамошка

Аксюта, дочь цѣловальника Крестцовскаго.

Марѳутка, ея работница.

Мишутка, батракъ Митюхинъ.

Половой.

Присяжной, отставной капралъ безъ ноги.

Двое горожанъ.

Цѣловальники.

Половые.

Горожане Валдайскіе.

Ямщики Зимогорьевскіе.

(дѣйствіе происходитъ въ полѣ между Валдаемъ и Зимогорьемъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Митюха, Андрюшка, Елисей, Парамошка, Мишутка, цѣлозальники, половые, горожане Валдайскіе. Главные сидятъ.

МИТЮХА.

Родимые друзья! Андрюшка, Парамошка,
И ты, сватъ Елисей, и ты, мой кумъ Терёшка!
Собравшися сюда весь городъ нашъ Валдай,
Чтобъ Зимогорьевцамъ дать доброй потаскай;
Ужъ вотъ близъ двухъ недѣль, слышь, съ вешняго Николы
Отъ нихъ всѣ кабаки и бочки наши полы,
И лѣзутъ въ нихъ они то жабой, то ужомъ;
Какъ алчны вброны, глотаютъ все цѣлкомъ.
Приходитъ кончить намъ грабежъ ихъ беззаконный!
У Зимогорьевцевъ смотритель станціонный,
Дѣламъ всѣмъ голова, весь ямъ на насъ вздурилъ
И хочетъ попытать онъ, други, нашихъ силъ;
Архипычъ близко ужъ, и, можетъ, какъ трезвонить
Начнутъ къ заутрени, онъ все на насъ погонитъ!
Но силу нашу онъ лишь только что узналъ,
То, пріунывъ душой, въ тоску-кручину впалъ,
И чрезъ присяжнова онъ проситъ мировую.
Родимые мои, хотите-ль, въ круговую
Его чтобъ позвалъ я, иль въ зашей выгналъ вонъ?
Хотите-ль, ямщикамъ чтобъ задалъ я трезвонъ?

АНДРЮШКА.

Такъ, хорошенько ихъ!... Сейчасъ же дунемъ въ поле,
Чтобъ таску имъ задать.—Вздуришься поневолѣ,
Какъ все они вертятъ, тебѣ на перекоръ.
Чей больше моего побоевъ принялъ дворъ?
И бачка мой и дѣдъ еще съ Страшной недѣли

Безъ зубъ и безъ бородъ лежатъ отъ нихъ въ постели,
И самъ я, какъ-тово, лишь къ Троицыну встаэъ.
Иванычъ-дядюшка, ты насъ сюда призвалъ
Не съ тѣмъ, чтобы точить балясы съ ямщиками,
Но перевѣдаться, ты знаешь, кулаками.
Въ подмогу батюшка мнѣ далъ семь батраковъ;
Еще-жъ трехъ удалыхъ привезъ я изъ Крестцовъ
На тройкѣ ухорской отъ будущаго тестя;
Коли Аксюта мнѣ сужоная невѣста,
Хоть въ омутъ головой, прилажу все къ концу:
Я жду ее сюда, но ужъ пойду къ вѣнцу,
Когда изъ ямщиковъ сгребу кого въ охапку,
Да принесу домой съ него кушакъ иль шапку.
Тово-вона-оно, калякать неча намъ:
Иль насъ они побьютъ, иль мы побьемъ весь ямъ!

ЕЛИСЕЙ.

Митюха верхъ возьметъ, онъ удалой дѣтина.
Хоть знаю, что у насъ не будетъ комомъ блина,
Однако мнѣ кажись, не худо бы позвать
Присяжнова сюда, да мировую взять. (Митюхѣ)
Ты вѣдашь: миръ худой прочнѣе доброй брани;
Забудемъ обо всемъ……

МИТЮХА.

Ты мелешь пусторнакъ.
Чтобъ сталъ мириться я, да что я за дуракъ?
Пусть прежде мнѣ они накостыляютъ шею,
Чѣмъ всякому чтобъ я позволилъ дуралею
Безъ платежа вино и полпиво глотать!
Присяжнова-жъ сюда согласенъ я позвать,
Да только не за тѣмъ, чтобъ съ нимъ, слышь, помириться—
Чтобъ настращать его, въ плотную побраниться.
Пускай себѣ смекнетъ, что наши кулаки
Радёховьки стоять за наши кабаки.

ПАРАМОНЪ.

Мы разомъ стакались на твой изволъ отважной.

МИТЮХА (Мишуткѣ).

Мишутка, слышь-ка ты, отвѣту ждетъ присяжной;
Поди-ка и его приволоки сюда. (Мишутка уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе, кромѣ Мишутки.

ЕЛИСЕЙ.

Знать матерня еще кипитъ въ тебѣ руда!
Не худо бы, коли-бъ долой бѣда стряхнулась;

Боюсь лишь, чтобы намъ она не отрыгнулась.
Я больше васъ узналъ, все знаю по себѣ:
Бывалъ я въ Питерѣ, въ Казани и въ Москвѣ;
Я долго торговалъ, на дѣлѣ все извѣдалъ,
И много кулаковъ ямщицкихъ я отвѣдалъ;
Отъ нихъ-то и согнутъ я въ экую дугу.
Присяжной къ намъ идетъ, молчите-жъ—ни гугу!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе, Мишутка и присяжной, котораго Мишутка тащитъ за воротъ, и нѣсколько ямщиковъ.

ПРИСЯЖНОЙ *(въ росхмѣль).*

Ребята, слушайте! Смотритель станціонной,
Всей слободы глава и командиръ законной,
Сказать вамъ наказалъ, что долженъ бы просить
На всѣхъ на васъ въ судѣ, или путемъ побить
За то, что вы вино въ томъ мѣстѣ продавали,
Гдѣ слѣду нѣтъ совсѣмъ, и намъ пить не давали,
То есть: ни самому ему, ни ямщикамъ,
Ну, словомъ—никому; но онъ теперь, весь ямъ
Собравъ, остановилъ вонъ тамъ за бугорками,
И, сирѣчь, дружески мириться хочетъ съ вами.
Вы бойтеся его: съ нимъ семьдесятъ крестьянъ,
Съ нимъ парень удалой извощикъ Андреянъ,
Что, помнится, валялъ прошедшаго васъ лѣта,
Да онъ хоть лѣшаго—такъ выгонитъ изъ свѣта!
Грудь каменна его, желѣзны кулаки,
Плечища какъ стѣна, а зубы какъ клыки.
Съ Архипычемъ скорѣй вы лучше замиритесь,
И бочкою вина ему вы поклонитесь;
За бочку, можетъ быть, что онъ васъ и проститъ.
Мирись, повѣренной!.... или ты будешь битъ!

МИТЮХА.

Вотъ сталъ меня стращать! медвѣдь боится-ль зайцовъ?
Ты видѣлъ, сколько здѣсь удалыхъ есть Валдайцовъ;
Да ты же и посмѣлъ еще гутарить мнѣ,
Чтобы я съ вами сталъ мириться на винѣ;
Вить чья у насъ возьметъ, того еще не знаю,
Да только, вѣдашь ты, за то я отвѣчаю:
Производитель самъ, исправникъ, земской судъ
Васъ всѣхъ до одного на сходкѣ задерутъ;
Отплатятъ вамъ они за чарки и за плюшки,
За вёдры колоты, за битыя окошки:

Зачтутся вамъ тогда разбойничьи дѣла,
Которыя отъ васъ округа понесла.
И нашимъ же виномъ хотите вы быть пьяны!
Вы на изъянъ пошли, и мы тожъ на изъяны!
Мы всё теперь на свой салтыкъ переверпёмъ;
Миримся съ вами мы не брагой, не виномъ,
Но приготовлены у насъ на ваши спины
Кнуты ременные, вязовыя дубины.
Кто хочетъ ихъ пытать, Валдайку перейди!

ПРИСЯЖНОЙ.

Экъ раззадорился, ты въ оба погляди!

МИТЮХА.

Да ты тожъ не косись, поставь глаза-то къ носу;
Что ты заегозилъ, иль хочешь перечёсу?

ПРИСЯЖНОЙ.

Или ты позабылъ, что пиво и вино
Отъ насъ же было вамъ тайкомъ запродано?

МИТЮХА.

Чтожъ попрекаешь ты? Вы больше виноваты.
Молчи, иль убью.......

ПРИСЯЖНОЙ.

Прислушайте ребяты.

МИТЮХА.

Да слушать неча тутъ!

ПРИСЯЖНОЙ.

Сейчасъ же я въ доносъ.

МИТЮХА.

Типунъ те на языкъ!... Вишь онъ куда занёсъ

ПРИСЯЖНОЙ.

Узнаетъ откупщикъ, что вы запродавали
Безъ табели вино, которое скупали
У насъ за полцѣны себѣ изъ барыша,
И не дали ему изъ сбора ни гроша.

МИТЮХА.

Мы продали вино, дуракъ ты, воровское;
Хоть виноваты мы, вы виноваты вдвое:
Такъ будете и вы въ отвѣтѣ предъ судомъ.

ПРИСЯЖНОЙ.

Да знаешь-ли: какъ разъ тебя подъ кнутъ введемъ,
Коли мы захотимъ...

МИТЮХА.

Кто? Ты? Нѣтъ, поавхнешься!

ПРИСЯЖНОЙ.

Послушай, озарникъ, коли ты не уймешься,
То въ Питеръ мы пошлемъ трудить откупщика.

МИТЮХА.

Его я не боюсь!

ПРИСЯЖНОЙ.

Такъ струсишь кулака.

МИТЮХА.

Да мы вась въ прахъ прибьемъ, коли мы станемъ драться.

ПРИСЯЖНОЙ.

Кто? Вы? Нѣтъ, молодà!

МИТЮХА.

Отучимъ васъ ругаться.

ПРИСЯЖНОЙ.

Вы вспомните, какъ васъ Елеська-то валялъ!

МИТЮХА.

Да, съ нами ссориться онъ вамъ повадку далъ.

ПРИСЯЖНОЙ.

Не раздражите вы Архипыча упрямствомъ.

МИТЮХА.

Присяжной, я твоимъ скучаю ужъ чухванствомъ.
Не вѣдая про твой капральской, слышь ты, чинъ,
Я-бъ рёбра перломалъ тебѣ: не я одинъ
Повиненъ въ орчемствѣ, мы только лишь купили,
А продали-то вы, или ужъ позабыли?
Поди-жъ къ Архипычу, скажи, коль хошь, ему,
Что буду бить челомъ патрону своему.

ПРИСЯЖНОЙ.

Не тронь же. Ну, пойду; но знай, сверчокъ сварливой,
Что будешь человѣкъ ты самой несчастливой.
Теперь, какъ хочешь ты, кобенься или нѣтъ,
Смотритель нашъ тебѣ пощады не даетъ;
На всѣхъ Валдайцовъ онъ не станетъ хоть сердиться,
Съ тобою же ничѣмъ никакъ не примирится;
Архипычъ подаритъ тому хоть пять рублей,
Кто подъ глаза тебѣ наставитъ фонарей.

МИШУТКА (*кидаясь на присяжнаго*).

Ахъ, хромоногой чортъ!...

МИТЮХА (*удерживая его*).

Не тронь ты дурака!
Ты видишь: онъ сейчасъ лишь только съ кабака.
Готовъ на драку я, поди скажи своимъ;
Толкайте вонъ его; ужъ мы те зададимъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прежніе, кромѣ присяжнаго и ямщиковъ.

МИТЮХА.

Ребята, видѣли присяжнаго вы чванство,
Вы видѣли его нахальство и буянство;
Онъ хочетъ сдѣлать насъ безъ пива, безъ вина.

ЕЛИСЕЙ.

Во всемъ, въ чемъ хошь, его задорливость видна.
Ты дѣло говорилъ—ты угадалъ снаровку,
Что больше неча намъ, какъ только въ потасовку.

АНДРЮШКА.

Но ждать ли, чтобъ они Валдайку перешли?
Знать, надо, чтобы мы на встрѣчу имъ пошли.

МИТЮХА.

Онъ дѣло говоритъ; ужъ солнце па закатѣ.
Ну! времечько пришло теперь, слышь ты, къ расплатѣ.
Андрюшка, слушь-ка ты: съ своими батраками
Ты завтра справа стань, вонъ тамъ за бугорками,
А Парамошка пусть лѣвѣй поотойдетъ,
А Елисей своихъ въ средину поведетъ.
Мой братъ съ Терёхою останьтесь за горою
И чесаните къ намъ удобною порою,
Но драку зачинать я завтра самъ пойду.

ЕЛИСЕЙ.

Какую баешь ты намъ страшную бѣду;
Въ опаску дать себя, какъ хошь, тебѣ не можно.

МИТЮХА.

Не бойся! драться, слышь, я буду осторожно.
Идите же, друзья, и нашимъ дайте вѣсть,
Чтобъ постаралися концы, какъ надо, свесть;
А коль удастся намъ, то водку и настойку
Поставлю ведрами, дамъ хвацкую попойку.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИШУТКА.

Какъ на присяжнова я даве осерчалъ—
Коли бъ не ты, то-бъ онъ бѣлугой замычалъ.
Ужъ я-бъ ему бока и спину отлелѣялъ.
Какое хвацкое ты дѣло, братъ, затѣялъ,
Что силою идемъ мы всѣ на забіякъ.
Учтивость не беретъ, такъ возьметъ на кулакъ;
Куда бы хорошо, когда-бъ намъ сбить ихъ съ круга.
Ну, въ ту пору, пируй, Валдайская округа!
А мы, кажись, путемъ ихъ можемъ потаскать.

МИТЮХА.

Я-бъ лучше землю сталъ, ты вѣдаешь, пахать,
Лишь только-бъ ото всѣхъ хлопотъ мнѣ отвязаться,
Лишь только-бъ никогда съ Аксютою не знаться.

МИШУТКА.

А кто-жъ тебѣ велитъ, ты неразсудливъ самъ.
Отецъ Аксютушкинъ ударилъ по рукамъ
О дочкѣ съ женихомъ; другова не похочетъ;
А онъ объ свадьбѣ-то давнымъ давно хлопочетъ.

МИТЮХА.

Смекаю это я, Мишутка, безъ тебя:
Я самъ себя сгубилъ, Аксюту полюбя;
А жить мнѣ безъ нея ни силъ нѣтъ, ни терпѣнья.
Да что и говорить, ты не былъ въ день Крещенья
На знатномъ праздникѣ въ монастырѣ у насъ,
Гдѣ я Аксютушку увидѣлъ въ первый разъ;
Тутъ все мое лицо какъ съ-пьяну загорѣло,
А сердце у меня заныло, засвербѣло,
Во мнѣ до жилочки все ходитъ ходенёмъ,
Всего меня палитъ, какъ будто бы огнемъ.
Тутъ взялъ себя за грудь, захлопалъ я глазами,
А сердце у меня пошло колоть иглами;
Ну, словно я его какъ ногу отлежалъ,
Ну, знаешь, будто бы, слышь ты, перечесалъ;
Схватило мнѣ животъ и роспёрло всю глотку.
Сѣмъ, думалъ я, начну кропать себѣ работку,
И къ матери ея на-завтра свахъ послалъ.
Тутъ было цѣлу-то я хвацкой вóротъ далъ.
Сысоевна была, слышь, баба не проруха,
Смекнула обо всемъ разумница-старуха;
Ударивъ по рукамъ, мы запили винцомъ,
Тутъ и приданое составили съ отцомъ;
Купили подъ вѣнецъ на ярмонкѣ и кичку.
Ну, думалъ, подцѣпилъ теперь я въ клѣткѣ птичку,
И больше сталъ еще дѣлами мастерить;
Вотъ передъ Масляной и свадьбѣ надо быть.
Но на бѣду мою Аксюта захворала
И, почитай, весь постъ въ постелѣ пролежала,
А въ Свѣтлый день Христовъ Сысоевна слегла,
Да дней черезъ пятокъ родная умерла;
Хвативъ настоечки, да творожку съ сметанкой,
Вдругъ сдѣлалась больна, охъ, какъ бишь—лихоманкой.
Она и на Страшной прихварывала, ей!

Вотъ тутъ-то и совсѣмъ надежды я моей
Лишился навсегда!—а батюшка Аксюши,
Которому надулъ сумбуръ какой-то въ уши,
Меня изъ дому вонъ нарокомъ проводилъ,
Невѣсту же мою другому посулилъ.

МИШУТКА.

Андрюшка-то ее сегодни поджидаетъ;
Кажися, что онъ ей дѣвишникъ затѣваетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Иванычъ-дядюшка, послушай-ка меня:
Аксинья Митревна пріѣхала твоя;
Подъ городомъ она у Марковны пристала
И о себѣ сказать меня къ тебѣ прислала.

МИШУТКА *(по нѣкоторомъ молчаніи)*.

Ну, что задумался, удала голова?
Что хлопашь буркаламъ, какъ будто бы сова?
Экъ, онъ повѣсилъ носъ и слюни разгунявилъ;
Андрюшка-то ему подъ глотку клинъ поставилъ.
Послушай-ка меня и за мое примись:
Аксютушки вездѣ, какъ можно, хоронись;
Лукавой ихъ пожри, ну много ли въ ней смаку!
Готовься лучше, братъ, съ Архипычемъ на драку.

МИТЮХА.

Во что ни станетъ мнѣ, вѣнчаться имъ не дамъ,
И деньгами заткну я глотку всѣмъ попамъ;
А деньги, говорятъ, и камень продолбляютъ.
Божусь, что ни одинъ ихъ попъ не обвѣнчаетъ,
Лишь только захочу; ну, а теперь пока
Пойду Андрюшкины пощупаю бока;
Невѣстѣ же его я выщиплю всю косу;
Обоимъ имъ задамъ лихова перечёсу.
Меня не проведетъ такая сатана.
Пойдемъ скорѣй, пойдемъ, но вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Прежніе, Аксюта и Мароутка.

МИТЮХА (*въ сторону*).

Осмѣлюся, пойду—морозъ деретъ по кожѣ.
Здорово ли живешь? И не воротитъ рожи! (къ Аксютѣ)
Аксютушка, скажи: серчаешь на меня?
Да что тебѣ, мой свѣтъ, потѣха что ли я?
Скажи-ка, почему меня ты за носъ водишь,
Зачѣмъ пріѣхала, какой подвохъ подводишь
Своимъ пріѣздомъ мнѣ?... Тебѣ Андрюшка милъ.
Да хуже ль я его, чѣмъ я тебѣ постылъ?

АКСЮТА.

Пріѣхала сюда не по своей я волѣ:
Мнѣ батюшка велѣлъ.

МИТЮХА.

Чего мнѣ слушать болѣ.
Съ тобой не сговоришь: мнѣ батюшка велѣлъ!
Андрюшка бестія, каналья, воръ, пострѣлъ!
Да что жъ ты, дѣвушка, о чемъ ты впрямь хлопочешь?
Иль батюшкой своимъ ты отвертѣться хочешь?
Вить стоитъ чумакамъ подцыкнуть только мнѣ,
То бачку твоего вколотятъ въ гробъ они.

АКСЮТА.

Вить батюшка съ тобой посуломъ не связался,
И выдать за тебя меня не обѣщался;
Такъ колотить его за что же чумакамъ?

МИТЮХА.

Молчи же, не серчай! бѣжитъ Андрюшка къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Прежніе и Андрюшка.

АНДРЮШКА.

Аксюта милая, невѣста дорогая,
Свѣтъ красно-солнушко, жемчужинка златая!
Здорово, лапушка, какъ можешь, какъ живешь?

МИТЮХА *(въ сторону).*

Андрюшка этотъ мнѣ вездѣ какъ вострый ножъ!

АНДРЮШКА.

Ну, что твой батюшка?

МИТЮХА *(въ сторону).*

Вездѣ мнѣ помѣшаетъ.

АНДРЮШКА *(въ сторону).*

Да что-жъ она молчитъ и мнѣ не отвѣчаетъ?
(Аксютѣ)
Ну, знаешь, ягодка, что завтра къ ямщикамъ
На драку мы пойдемъ; и вотъ те по рукамъ,
Что шапку отниму тебѣ на подзатыльникъ,
Коль попадется мнѣ какой нарядной шильникъ.
А тамъ за свадебку веселенькимъ пиркомъ,
И заживемъ съ тобой, касаточка, домкомъ.

АКСЮТА.

Тому-то не бывать, вѣнчаться я не стану;
Я лучше удавлюсь, зарѣжусь, въ воду спряну,
Я лучше въ монастырь въ монахини пойду.

АНДРЮШКА.

А какъ бы не бывать? Я силой поведу!

АКСЮТА.

О, нѣтъ, соколикъ мой! напрасно ты хлопочешь;
Я чаю, мало ли чего ты, вѣрно, хочешь,
Да, лихъ, я не хочу—разчухалъ-ли, мой свѣтъ?

АНДРЮШКА.

Не хочешь?

АКСЮТА.

Не хочу!

АНДРЮШКА.

Не хочешь?

АКСЮТА.

Таки нѣтъ!
Хошь тресни, а твоей не буду я женою;
Уйду отсель и быть я не хочу съ тобою! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Митюха, Андрюшка и Мишутка.

АНДРЮШКА *(по нѣкоторомъ молчаніи)*.
Ну, нѣтъ, въ напрасную ломается она,
Я сдѣлаюсь хоть съ кѣмъ, хоть будь самъ сатана.

МИТЮХА.

А что бы сдѣлалъ ты?

АНДРЮШКА.

То сдѣлаю, что нада.
Ну, дѣвушка ужъ хвать! проклятая досада!
Молчи же, я ее какъ вора захвачу,
Женюся силою, и все ей заплачу.
Ужъ обвѣнчаюся хоть волей, хоть неволей,
И хвостъ ей поприжму, тово-вона, поболѣ.

МИТЮХА.

Не горячись, тебѣ здѣсь воли не дадутъ.
Хоть лакомой ты котъ, да лапки отшибутъ.

АНДРЮШКА.

Кто лапки отшибетъ?

МИТЮХА.

Хоть мы.

АНДРЮШКА.

Ты?

МИТЮХА.

Кулаками!
Я вижу, ты востёръ, да сами мы съ усами.

АНДРЮШКА.

Потише, свѣтикъ мой; да, знать, ты хочешь самъ
Жениться, братъ, на ней; ну, ну, скажи-ка намъ!

МИТЮХА.

Чего жъ тутъ спрашивать, вить ты смекаешь дѣломъ;
Тошнехонько безъ ней мнѣ жить на свѣтѣ бѣломъ.

АНДРЮШКА.

Послушай же меня, мы завтра поутру
Пойдемъ на драку, и коль те не понутру,
Чтобъ я оставилъ васъ, то эдакъ не бѣсися
И свадьбѣ не мѣшать ты нашей побожися,
Коли не захотѣлъ раззору кабаковъ.
Сейчасъ же уведу домой всѣхъ батраковъ,
Которыхъ-было далъ тебѣ я на подмогу,
Повѣрь мнѣ, я не лгу, ну право, ну ей-богу!

МИТЮХА.

Помо̀ги, братъ, твоей Аксютой не куплю,
Но кину, слышь ты, всѣмъ на брата по рублю,
Такъ я и безъ твоихъ управлюсь съ цѣлымъ ямомъ;
Меня не проведешь никоимъ ты обманомъ.

АНДРЮШКА.

Коль такъ, не пособлю ужъ я тебѣ ни въ чемъ;
Пойду и все теперь поставлю кверху дномъ
И подыму противъ тебя всю братью нашу.
Покинемъ всѣ тебя... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИШУТКА.

Ну, заварилъ ты кашу!
Что-бы намъ расхлебать!

МИТЮХА.

Сказалъ: не допущу
Идти имъ подъ вѣнецъ—и будетъ, что̀ хочу!
А ужъ Аксютушку навѣрно уломаю;
Послушаетъ меня, за то я отвѣчаю.

(КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Андрюшка, Елисей, Парамошка и цѣловальники.

АНДРЮШКА.

Ну, дядя Елисей, сосѣдъ мой дорогой!
Впослѣдній для тебя вступилъ сюда ногой
И коль повѣренной еще не перестанетъ
Со мною лаяться, безъ драки не отстанетъ,
То я ему задамъ, слышь ты, лихой трезвонъ.

ЕЛИСЕЙ.

На сходкѣ отвѣчать предъ міромъ будетъ онъ
Коли Аксютушка въ твоей не будетъ волѣ.

АНДРЮШКА.

И говорить, кажись, объ ней не надо болѣ;
Вѣдь не въ охоту я хочу вѣнчаться съ ней;
Да я бы волю далъ хоть удавиться ей,
Коли бы не хотѣлъ Митюшкиной надсады.
Такъ, други, не стерплю я эдакой досады;
Повѣренному я женюсь на ней на зло,
И завтра-жъ къ утрому поѣду на село.
Онъ хочетъ барствовать межъ насъ, мои родные,
Онъ думаетъ, что мы его всѣ крѣпостные.

ПАРАМОШКА.

Онъ правду говоритъ, скажу, ребята, вамъ.
Не можетъ быть для насъ Архипычъ даже самъ
Опасенъ такъ, какъ тотъ, кто здѣсь хвостомъ виляетъ,
А тамъ и силою, глядишь ты, напираетъ.

ЕЛИСЕЙ.

Да если на селѣ, гдѣ старосты одни,
А работящихъ нѣтъ, такъ (думаю) они
Помѣщику и въ вѣкъ оброку не дадутъ;
Безъ матки дѣтушекъ всегда болячки жгутъ.

АНДРЮШКА.

Или, тово-вона, ты хочешь, братъ, сказать,
Чтобъ намъ бояриномъ Митюху признавать?

ЕЛИСЕЙ.

Не то смекаешь ты; я говорю: Митюха
Къ намъ прежде самъ прильнулъ, какъ будто къ меду муха.
Теперь же хочется, ты вѣдаешь, ему,
Чтобы въ чередъ и мы лѣпилися къ нему.
Но ежели еще чуфариться онъ станетъ,
То, вѣрь мнѣ, пропадетъ, какъ словно въ воду канетъ.
Охулки эдакой, какъ хошь, не потерплю
И первый отъ него съ своими отступлю.

АНДРЮШКА.

А я тожъ потакать ему ни въ чемъ не стану,
И слѣдомъ за тобой, тово-вона, отстану.

ПАРАМОШКА.

Ребятушки, нишни: идетъ Митюха къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Митюха.

МИТЮХА (*не видя Андрюшки*).

Вы здѣсь всѣ собрались; я вѣсточку подамъ
Для насъ нерадошну; скажу я въ осторожку,
Что нашей силушки сбываетъ по немножку.
Андрей....

АНДРЮШКА.

Ты хочешь, братъ, меня что-ль провести?
Ты хочешь на меня бѣду свою взнести.
Да нѣтъ-лихъ, здѣсь давно про нашу схватку знаютъ.
Дивлюся, что они тебя не покидаютъ.

ЕЛИСЕЙ.

Не кинемъ мы его, коль онъ пособитъ намъ
Безъ земскихъ усмирить грабежъ по кабакамъ,
Когда онъ намъ еще разочикъ помирволитъ,
А впрочемъ, что онъ самъ, какъ знаетъ, такъ изволитъ.

МИТЮХА.

Я вижу, пыль въ глаза ты хочешь мнѣ пустить.

ЕЛИСЕЙ.

Нѣтъ, я хочу тебѣ всѣмъ міромъ заявить,
Чтобы съ Андрюшкою, какъ хошь, ты замирился
И уступить ему невѣсту согласился.

МИТЮХА.

Напрасно силитесь вы устращать меня;
Ихъ свадьбѣ не бывать, въ томъ побожуся я.

ПАРАМОШКА.

Эй, говорятъ тебѣ, держи вострѣе ухо,
И лучше замирись ты поскорѣй съ Андрюхой.
Вѣдь это для тебя-жъ, а намъ такъ все равно.

МИТЮХА.

Да, плутни-то твои смекаю я давно;
Мнѣ васъ не надобно, есть батраки со мною.

ЕЛИСЕЙ.

Митюха, смилуйся хоть надъ самимъ собою,
Иль разойдемся всѣ отсюдова какъ разъ.
Ну, что ты сдѣлаешь тогда одинъ безъ насъ:
Вить ямщики тебѣ и ребра поломаютъ.

МИТЮХА.

Да эти пустяки меня не испугаютъ!
Хотите, вижу я, вы на попятной дворъ,
А виноватъ во всемъ Андрюшка—шельма, воръ.
Все это онъ, злодѣй, одинъ накуралесилъ.
О! еслибы я могъ, то я-бъ его повѣсилъ!
Оставьте насъ однихъ, когда хотите вы,
Чтобъ старшей не было надъ вами головы.
Валите черезъ пень, безмозглые, колоду,
Побейте вы меня Архипычу въ угоду;
Коль хочется изъ васъ кому пяти рублей,
Тотъ подойди ко мнѣ и скулы мнѣ разбей.
Женихъ Аксютушкинъ! ступай, дерись со мною,
Но коль я живъ—она не будетъ за тобою.

АНДРЮШКА.

Митюха! долго, братъ, я слушалъ и терпѣлъ
И долго на тебя сквозь пальчики смотрѣлъ.
Я время далъ тебѣ и смалчивалъ нарочно,
Когда меня бранилъ ты, братъ, преузорочно.
Теперь моя, слышь ты, настала череда.
Я вижу, ты привыкъ ругаться завсегда;
Спасибо, не хочу здѣсь оставаться долѣ.
Приходитъ не въ терпёжъ, мнѣ мочи нѣту болѣ.
Пойду отсель; но вѣрь, безъ помощи моей
Какъ разъ найдешь конецъ головушкѣ своей....
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Прежніе, кромѣ Андрюшки.

ПАРАМОШКА.

И намъ, родимые, здѣсь неча оставаться;
Намъ съ этимъ дуракомъ и въ вѣкъ не уломаться.
Онъ вѣрную бѣду ужъ самъ себѣ избралъ;
Уйдемте отъ него; чтобъ чортъ его побралъ!
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИШУТКА.

Ну, я не видывалъ еще такова вора,
Каковъ Андрей! и ты съ нимъ одного провора;
Неужели тебя не можно упросить?

МИТЮХА.

Ну, что-жъ еще, болванъ, ты сталъ меня учить,
И можешь упрекать.—Андрюшки что-ль боишься?
Ну, такъ оставь меня и къ чорту провалися.

МИШУТКА.

За что-жъ серчаешь ты, коль хошь—я замолчу.
Вить кажется, тебѣ-жъ я добраго хочу;
Тебѣ же сослужить хотѣлъ я, вѣдашь, службу,
И докажу тебѣ мою, коль хочешь, дружбу.
Идешь на драку ты, и я иду съ тобой;
И всюду я готовъ хоть въ омутъ головой.

МИТЮХА (*обнимая его*).

Спасибо, братъ, тебѣ за это; обоймемся.
О чемъ намъ унывать, когда мы обойдемся
Безъ цѣловальниковъ, безъ этихъ дураковъ;
Да ни котораго изъ нашихъ батраковъ
Я и безъ нихъ не дамъ Архипычу въ обиду.
Ужъ я его турну, лишь только въ драку выду.
Вить не оставитъ насъ съ работниками, братъ,
Терёшка-куманекъ, да дядюшка Панкратъ;
Еще-жъ дьячекъ Антропъ намъ также будетъ вѣренъ,
А этотъ-то одинъ везетъ, какъ доброй меринъ,
Да два племянника: Иванычъ да Ѳадей;
А въ дракѣ-то Иванъ большой руки злодѣй!
Еще-жъ всѣ, почитай, Валдайски горожане.
Ну, а у этихъ, братъ, буяны на буянѣ,
И гонитъ-то буянъ; ужъ то-то удальцы,
Кого ни поверни, всѣ выдутъ молодцы!
Вить мало ли начелъ; и такъ, когда сберемъ
Всѣхъ нашихъ-то бойцовъ—да какъ имъ поднесемъ
По доброй кружечкѣ хоть травнику, хоть водки,
Такъ и останемся безъ всякой мы заботки.
Миляга! слушай-ка, пожалуста сходи,
Аксютушки моей вездѣ ты погляди;
А ежели найдешь, ей въ ножки новалися,
Прощенія у ней проси мнѣ, и божися,
Что я, дискать, ни въ чемъ не виноватъ предъ ней,
Что, дискать, виноватъ во всемъ пострѣлъ Андрей;
Проси, чтобъ на меня она не осерчалась;
Проси, чтобы со мной, какъ можно, повидалась;
Скажи, что безъ нея на свѣтѣ тошно жить.
Поди, меня-ль она захочетъ погубить?

МИШУТКА.

Изволь, все сдѣлаю; тебѣ то обѣщаю,
И разомъ я ее, какъ надо, уломаю.....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Митюха и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Иванычъ дядюшка.

МИТЮХА.

Что надо? говори....

ГОРОЖАНИНЪ.

Достались въ руки намъ изрядны хобары.
Мы Зимогорьевца сейчасъ заполонили,
Котораго вонъ тамъ въ оржаньи захватили.
Онъ-было на межѣ засѣлъ, слышь ты, въ кусты,
Чтобъ насъ поосмотрѣть порядкомъ, вѣдашь ты;
Да-лихъ, не удалось, оно не такъ-то было.
Не знаю подъ животъ его знать подхватило,
Да только громко онъ, ты вѣдашь, застоналъ,
А дядя это твой тотчасъ и услыхалъ
И притаился самъ; спустя минуту срокомъ,
Онъ какъ-то и опять, знашь, крикнулъ ненарокомъ,
А дядя на голосъ и цапъ-царапъ его,
И насъ подкликнулъ всѣхъ, ужъ тутъ-то мы его
Приструнили путемъ; какъ надо доспросили;
Мужикъ-то хворой былъ, а то-бъ мы пуще били.
Вить хорошо, что онъ былъ, вѣдашь, нездоровъ.

МИТЮХА.

Ну, чтò-жъ онъ говоритъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Что онъ изъ ундеровъ,
Еще на Масляной въ отставку отпросился,
Да въ Зимогорьевѣ у брата поселился;
Отъ этого за нихъ теперя и стоитъ.
Смекалъ было онъ то, что нашихъ оглядитъ,
Вотъ все, что знаю я, но наши половые
Узнали отъ него всѣ замыслы дурные,
И чаю, что сюда его приволокутъ.

МИТЮХА.

Зови же всѣхъ сюда.

ГОРОЖАНИНЪ.

Да вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Митюха и половые.

МИТЮХА.

Что вы, ребята, тамъ на сходкѣ присудили:
Чтобъ мы пошли впередъ, или чтобъ отступили
Назадъ отъ ямщиковъ?

ПОЛОВОЙ.

Гадали такъ и сякъ,
Хоть много думали, но вышло все пустякъ.
Гутарили, чтобъ намъ, полуночной порою
Плотину разломавъ, остаться за рѣкою,
Что-бъ должно ямщикамъ пуститься было вплавь;
Да ундеръ, обо всемъ какъ надо разсказавъ,
Другую думу далъ; намъ стыдно ихъ бояться!
Не за рѣкой сидѣть, а надобно подраться.

МИТЮХА.

А что такое онъ мудреное открылъ?

ПОЛОВОЙ.

Присяжнаго слова Архипычъ подтвердилъ,
Поставивши тебя всей свалки головою;
Весть ссору завсегда божился онъ съ тобою,
Доколь твоихъ костей и ребръ не перечтетъ,
Доколѣ губъ, и зубъ, и скулъ не разобьетъ,
А чтобъ острастку дать, то не съ другаго слова
Калякалъ мало ли что про тебя дурнова.
Гуляка-молодецъ, извощикъ Андреянъ,
Который въ ту пору какъ стелька, вишь, былъ пьянъ,
Далъ слово, почитай предъ цѣлымъ, вѣдашь, ямомъ,
Что притащитъ тебя къ Архипычу арканомъ.
Неужели терпѣть намъ экой ихъ задоръ?

МИТЮХА.

Чего жъ и ждать отъ нихъ, гдѣ все на ворѣ воръ!
Но нѣтъ, братъ, на арканъ, небось, не попадуся.
Я земскому суду бумагой поклонюся,
Такъ онъ и пришлетъ къ намъ десятка два солдатъ,
А мнѣ исправникъ-то, слышь ты, не супостатъ.

ПОЛОВОЙ.

Экъ хорохоришься на нихъ ты по пустому;
Въ Макарьѣ на торгу такова я содому
На рынкѣ не видалъ; хоть плохо намъ во всемъ,
Да такъ уже и быть—на драку мы пойдемъ.
Съ тобой все трынь-трава, все пустяки, все враки!

МИТЮХА.

Ай да ребятушки! готовьтеся вы къ дракѣ,
Сберитесь поскорѣй вонъ тамъ за бугоркомъ,
И какъ поправитесь, подайте знакъ свисткомъ.

(*Половые уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИТЮХА.

Теперь пойду-ка я Аксюту пощуняю;
Но вотъ она идетъ, чтó дѣлать—я не знаю.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Прежніе, Аксюта и Марѳутка.

АКСЮТА.

Насилу я къ тебѣ, Митюха, добрела.
Повѣришь ли, какъ я испугана была;
Лишь я пришла домой, а мнѣ вдругъ наши баютъ,
Что цѣловальники тебя всѣ покидаютъ,
Что долженъ ты идти одинъ на цѣлой ямъ.
Мнѣ вѣрить ли тому, скажи теперь ты самъ?

МИТЮХА.

Да, эта вѣсточка, Аксюта, справедлива.
Не ждалъ я николи и самъ такого дива;
Вдругъ цѣловальники всѣ сбилися съ пахвей,
А дѣлу голова—твой женишокъ Андрей!
Ужъ экой есть ли гдѣ притòманной дѣтина!
Ну, то-то, слышь, буянъ, ужъ добрая скотина,
И пьяница-то онъ, набойчатой дуракъ!
Да что, и безъ него мнѣ все, слышь, пустарнакъ,
И безъ нею пойду на цѣло Зимогорье;
Лишь то, Аксютушка, кажись, мнѣ только горе,
Что ты, бѣлянушка, не любишь, знать, меня.
Ахъ свѣтикъ ты мой, свѣтъ, касаточка моя!
Когда ты на меня свои прищуришь глазки,
Иль какъ-нибудь меня когда давнешь изъ ласки,
По сердцу у меня мурашки и пойдутъ;
Ну, словно кипяткомъ меня какъ обдадутъ.
Какая-бъ ни была, пройдетъ кручина люта.
Да взглянь же на меня, голубушка Аксюта,
Хоть глазикомъ однимъ, и горе все пройдетъ.
Твой взглядъ мнѣ бодрости и смѣлости даетъ;
Да за тебя, кажись, хоть съ кѣмъ я подеруся!

АКСЮТА.

Митюха, свѣтикъ мой! ну, право, я боюся,
Что ты учнешь одинъ противу ямщиковъ.
Навѣрно будешь ты безъ рёбръ и безъ зубовъ.
Послушайся меня, не затѣвай содома,
Мирясь съ смотрителемъ, останься лучше дома.
Да нѣтъ, коль ты уйдешь домой, такъ ямщики
Всю брагу перепьютъ, разграбятъ кабаки,
Да и того, кажись, еще имъ будетъ мало.
Всѣхъ цѣловальниковъ сюда я созывала,
Они придутъ...

МИТЮХА.

Отъ нихъ что-жъ хочешь ты?

АКСЮТА.

Не знаю;
Но чтобъ спасти тебя, завою, зарыдаю;
Пусть виноватою предъ ними буду я...
Но вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Прежніе, Андрюшка, Елисей, Парамошка и цѣловальники.

АКСЮТА.

Родимые друзья!
Послушайте меня; сказать по правдѣ-маткѣ,
Одна виновна я въ случившейся здѣсь схваткѣ.
Готова я за то побои принимать.
Вы драться станете, а я васъ увѣрять,
Что не хочу никакъ съ Андрюшкою вѣнчаться:
Иль за Митюхой быть, иль дѣвкой оставаться!
Божусь вамъ, что и я поставлю на своемъ.

АНДРЮШКА.

Иль только ты сюда звала меня затѣмъ,
Чтобы, тово-вона, ругаться надо мною?

АКСЮТА.

Не буду никогда, Андрей, я за тобою:
Митюха мой женихъ, не то, такъ я божусь,
Что въ монастырь пойду, не то такъ удавлюсь!

АНДРЮШКА.

Коль хочешь ты, чтобъ я севодни же съ Митюхой
Мирился дружески, такъ ты меня послухай.
Въ послѣдній разъ тебѣ, Аксюта, говорю.

ЕЛИСЕЙ.

Послушай, можетъ быть, я васъ и помирю.
Послушайте меня, сказать вамъ правду-матку,
Я знаю всѣ дѣла, какъ надо по порядку,
И вамъ повѣрить мнѣ, кажися, что не грѣхъ.
Мнѣ лѣтъ за семьдесятъ, я старѣе васъ всѣхъ,
И свѣту, и людей видалъ ужъ я довольно.
Бывало плохо мнѣ, бывало и привольно,
Я все отвѣдывалъ, и солоно хлебалъ,
Глоталъ и горькое, и сладкое ѣдалъ.
Ну, слѣдственно моимъ словамъ повѣрить можно.
И такъ, послушайте, сперва сказать вамъ должно,
Что я, кажися мнѣ, хоть и не такъ смышленъ,
Однако знаю все и грамотѣ ученъ,
Читалъ я и Бову, читалъ и Еруслана,
Читалъ исторію я Смураго Кафтана,
И Ваньку Каина, Петра Златыхъ Ключей,
И мало ли еще, вить много дряни сей.
Когда мы въ Петербургъ съ мукою пріѣзжали,
Видалъ въ театрѣ я, какъ и комедь ломали
Какого-то царя, прозванье позабылъ;
Хоть много я читалъ, хоть и въ театрѣ былъ,
Но ни въ одной еще того не встрѣтилъ сказкѣ,
Чтобъ ссорились свои за дѣвушкины глазки
Тогда, какъ надобно идти въ сраженье имъ;
Чтобы къ богатырямъ или царямъ какимъ
Возили на войну невѣстъ чтобы вѣнчаться.
А дѣвкамъ не въ свое не надобно мѣшаться.
Вить какъ придутъ онѣ, завоютъ, заревутъ,
Такъ вотъ тебѣ и блинъ, и слезки потекутъ.
Чему быть доброму, коль на войнѣ невѣста?
Вить тамъ, гдѣ бьютъ людей, дѣвишникъ не у мѣста!
А ежели къ кому хоть и жена придетъ,
Чего и быть нельзя—такъ то произойдетъ:
Разрюмится, свой долгъ въ неволю позабудетъ;
Кто съ бабой свяжется, тотъ бабою самъ будетъ.
И чай, иной готовъ такую басню сплесть,
Такія чудеса, гляди, и въ книгахъ есть!
И такъ, Аксютушка, то хоть тебѣ не нравься,
Оглобли поверни, да и домой отправься,
И этимъ откупъ весь ты отъ бѣды спасешь
И прибыли намъ всѣмъ не мало принесешь.

МИТЮХА (*въ сторону*).

Вишь что нагородилъ, поди ты, ихъ послушай!
Вѣдь вонъ что́ говорятъ—разжуй ты ихъ, раскушай!

ПАРАМОШКА.

Ну, нѣтъ; намъ, видно, ихъ и въ годъ не уломать
Не лучше-ль къ ямщикамъ за мировой послать?

АНДРЮШКА.

Аксюта, я тебѣ вить кланяться не стану;
Не честію тебя, такъ силою достану,
И ежели нейдешь со мною ты къ вѣнцу,
То къ твоему сейчасъ поѣду я отцу.
Тово-вона оно, я на тебя пожалюсь,
Ужъ больше надъ тобой, негодная, не сжалюсь,
И съ батюшкой твоимъ, хоть завтрешнимъ же днемъ,
Мы розгами тебѣ всю спину издеремъ;
Закатимъ съ нимъ тебѣ порядочную взварку;
Завоешь у меня ты матушку-сударку.
Я, знашь, тебѣ задамъ, запомнишь ты меня,
Не то—такъ и кнутомъ....

АКСЮТА (*въ сторону*).

Ахти, бѣда моя!
Вить батюшка сердитъ, тотчасъ мнѣ спуститъ шкуру!
Видалъ-ли кто-нибудь подобную мнѣ дуру!
Ну, накачала я теперь себѣ бѣду;
Нѣтъ, лучше за него я, такъ и быть, пойду,
Чѣмъ оную терпѣть притѐманную муку.
Согласна я на все; давай, Андрюшка, руку.

МИТЮХА (*останавливая ее*).

Ахти! что дѣлаешь—скажи?

АКСЮТА.

То, что велятъ;
Спина-то вить моя, а кнутъ не свой мнѣ братъ!

АНДРЮШКА (*взявъ ея руку*).

Ну, ну, Аксютушка, теперь тебя прощаю;
Забудемъ обо всемъ; а я ужъ обѣщаю,

Коль поживешь со мной—полюбишь ты меня.
О дракѣ должно намъ потолковать, друзья!
Доселева я былъ какъ будто чѣмъ-то связанъ;
Теперь же я готовъ все сдѣлать, чтò обязанъ,
Вить съ нею подъ вѣнецъ пойду хоть завтра-жъ я.

МИТЮХА (*кидаясь на Андрюшку*).

Андрюшка бестія, мошенникъ, воръ, свинья!
Слышь, свадьбѣ не бывать! Ты знаешь ли, чтò время?
Пойдешь къ вѣнцу тогда, коли меня побьешь.

ЕЛИСЕЙ (*удерживая его*).

Ты въ рукавицу, братъ, запряталъ три алтына.

МИТЮХА (*вырываясь*).

Хоть четверть онъ положь!

АКСЮТА (*кидаясь между ними*).

Не надо и полтины.
За мужа постою головушкой моей! (*Митюхѣ*)
Коль хочешь бить его, меня сперва побей;
На, въ маковку стучи, коль есть въ тебѣ досуга.

АНДРЮШКА.

Сѣмъ, мы побережемъ, повѣренной, другъ друга.
Ты вспомни, должно намъ идти на ямщиковъ,
Коли не захотѣлъ раззору кабаковъ;
Докажемъ мы, кажись, на дракѣ по неволѣ—
Заслужитъ кто изъ насъ мою невѣсту болѣ.
(*Уводитъ Аксюту и всѣ за ними слѣдуютъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Митюха и Мишутка.

МИТЮХА (*смотря вслѣдъ за ними*).

Аксютушку ему дозволилъ я отвесть;
Ну, эдакая мнѣ приходитъ нынѣ честь! (*Мишуткѣ*)
За что-жъ мнѣ потакнуть Аксюта не хотѣла,
Скажи, за что она меня не пожалѣла?
Или какой, скажи, имѣю я порокъ?
Бѣда, безчестье мнѣ! Но слышу я свистокъ...
(*Слышенъ за кулисами свистъ*).

МИШУТКА.

Да, это подан знакъ, что все готово къ бою.
Митюха, побѣжимъ скорѣй туда съ тобою.

МИТЮХА.

Насилу-то пришелъ послѣдній къ дракѣ часъ.
Вѣрь мнѣ, Архипыча скручу я самъ какъ разъ;
Не побоюся я и даже Андреяна,
Лишь только-бъ удалось гдѣ встрѣтить мнѣ буяна.
Но въ дракѣ не могу ничѣмъ располагать.
Мнѣ тошно, тошно такъ, что и нельзя сказать,
Какъ словно, слышь ты, я обожрался селедки.
Мишутка, встань-ка, братъ, ты за меня въ середкѣ,
Какъ въ драку мы пойдемъ, надѣнь ты мой армякъ.

МИШУТКА.

Зачѣмъ?

МИТЮХА.

Я знаю все; вотъ-на тебѣ кушакъ,
Вотъ шляпа, вотъ тебѣ мои и рукавицы;
Вить благо, что у насъ съ тобою сходны лицы,
Не всякой можетъ насъ на взглядъ вдругъ распознать,
И будетъ трудно имъ тебя, слышь ты, узнать.

МИШУТКА.

А, а! таперича смекаю дѣломъ кроху:
Боишься ты—отъ нихъ чтобъ не было подвоху.

МИТЮХА.

Да, такъ, братъ, угадалъ; а то Андрюшка хватъ
Для удали такой! вотъ-на тебѣ и платъ.
Ты отъ меня имъ, слышь, Аксютѣ поклонися,
Что я ее люблю, какъ можно—побожися.
(*За кулисами свистъ*).
Впослѣдній голосъ намъ, слышь, подаютъ свистомъ;
Теперича скорѣй на драку мы пойдемъ.

(КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аксюта и Марфутка.

АКСЮТА.

Чтó далѣе бѣжать? Дай мнѣ собраться съ силой.
И такъ ужъ потъ съ меня течетъ, какъ словно мыло.
Или здѣсь станемъ ждать мы лучше ямщиковъ,
Чтобъ не одинъ пришелъ Митюха безъ зубовъ,
Чтобъ мнѣ досталося, чтобы меня побили,
И чтобы мнѣ за все порядкомъ отплатили.

МАРФУТКА.

Ахъ, лебедь, иль спина и у тебя свербитъ,
Иль наша не взяла?....

АКСЮТА.

О томъ все говоритъ,
Что намъ досталося; крикъ нашихъ раздается,
И плохо, плохо намъ, мнѣ нà сердцѣ сдается.

МАРФУТКА.

И мнѣ то-жъ чуется, ну право, ну ей-ей!

АКСЮТА.

Ахти! ужъ не видать мнѣ больше ясныхъ дней.

МАРФУТКА.

Ты подъ вѣнецъ идти дала напрасно слово,
Нельзя-ль его назадъ, Аксютушка, взять снова?

АКСЮТА.

Лукавой спуталъ грѣхъ Митюху моего,
И виновата я безчестію его.

МАРФУТКА.

И, дѣвка! можетъ ли виною то назваться,
Когда боялась ты побоямъ подвергаться?

Ермилъ-то, слышь, сперва качнулъ его кнутомъ,
А нашъ-то вырвалъ кнутъ, да въ зубы кулакомъ;
А тотъ ему какъ разъ и въ волосы вцѣпился,
Чихнулъ его въ скулу, а онъ и съ ногъ свалился.
Свернувъ лицомъ къ землѣ, его въ загривокъ дулъ;
Потомъ уставши, смолкъ, а нашъ поотдохнулъ,
И видитъ, что ему приходитъ плохо дѣломъ,
Лежалъ, лежалъ, да какъ вернется всѣмъ онъ тѣломъ,
Какъ дастъ ему раза; тутъ на ноги вскочилъ,
И чуть-чуть подъ себя Ермила не свалилъ,
Однакоже и тотъ поправился какъ должно;
И такъ они дрались, что и сказать не можно:
То верхъ возьметъ Ермилъ, не то такъ нашъ Антропъ;
Ермилъ копытцы вверхъ, и нашъ упалъ какъ снопъ,
Какъ пласточки лежатъ; но дрались оба смѣло,
Изъ обоихъ руда такъ, слышь, и закипѣла.
Но между тѣмъ идетъ вблизи кулашной бой:
Гуляка Андреянъ и удалецъ другой,
Который будто бы какъ съ неба къ намъ свалился,
Съ извощикомъ какъ разъ въ плотную спохватился.

АКСЮТА.

Но кто же онъ такой, зачѣмъ сюда попалъ,
И какъ по сю пору народъ объ немъ не зналъ?

ПОЛОВОЙ.

Да нашимъ незнакомъ онъ, слышь ты, былъ ребятамъ;
Онъ все свое лицо укуталъ краснымъ платомъ,
На немъ было старье рубаха и армякъ,
И малой изъ себя не очень чтобы въ зракъ;
Да только прытокъ онъ, платъ, связанный на рожѣ,
Ему отличкой былъ; всѣхъ подрало по кожѣ,
Лишь взвидѣли его; трухнулъ самъ Андреянъ,
Хмѣль у него прошелъ, хоть онъ былъ крѣпко пьянъ.
Нашъ въ морду билъ его, валялъ и подъ микитки.
Ну, Андреянъ, такой не видывалъ ты пытки!
Дубину тотъ свою лишь хочетъ приподнять,
А нашъ-то и учнетъ его тутъ подъѣзжать;
Вздурился Андреянъ, поднялъ свою щетину,
И шваркнулъ далеко увѣсисту дубину;
Шаговъ десятка два назадъ онъ отступилъ
И въ варегу свою свинчатку запустилъ.
Зубами скрыпнулъ, какъ немазана телега;
Онъ хочетъ нашего доѣхать, знашь, съ разбѣга,
Кидается къ нему; нашъ видитъ то и ждетъ;
Ужъ размахнулся онъ, ужъ въ ухо оплететъ,
Но нашъ тутъ отъ него вдругъ на бокъ отшатнулся.

И носомъ Андреянъ такъ въ землю и уткнулся,
А нашъ сѣлъ на него и въ прахъ его разбилъ!
Кажись, что онъ руды корыто источилъ!
Архипычъ дрался ужъ въ то время съ чумаками:
Давай себя гвоздить въ мордасы кулаками!
Съ сердцовъ, не съ трусости свиститъ себѣ въ зубокъ.
Тѣмъ самымъ временемъ, покинувши лѣсокъ,
Митюхинъ братъ на нихъ пустился рысью сряду,
И кинулись они назадъ подобно стаду
Барановъ иль свиней, бѣгущихъ отъ волковъ;
Давай Богъ ноги! всѣ отъ нашихъ чумаковъ.
И весь сѣнной покосъ—имъ узкая тропина!
Вотъ, вѣдашь ты, была и вся тебѣ причина.

АКСЮТА.

Но о Митюхѣ-то ты мнѣ не говоришь;
Скажи, я знать хочу, скажи, къ чему томишь

ПОЛОВОЙ.

Объ немъ еще никто изъ горожанъ не знаетъ,
И это, вѣдашь ты, всѣхъ много сокрушаетъ.
Ни онъ не сыщется, ни удалецъ другой,
Что драку окончалъ могучею рукой.
Здѣсь цѣловальники хотѣли всѣ собраться;
Они сюда придутъ, чтобъ вмѣстѣ постараться,
Какъ имъ Иваныча и парня-то найти.
Въ надеждѣ видѣть ихъ, спѣшилъ сюда придти.

АКСЮТА.

Пошли всѣхъ горожанъ; пойдемъ съ тобою сами,
И станемъ разными кричать мы голосами.
Давай искать: авось его мы и найдемъ.

(*Хочетъ идти*).

Постой, сперва туда съ тобою мы пойдемъ!

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

МИТЮХА.

(*Одинъ, пьяный и разбитый, голова подвязана*).

Никакъ я видѣлъ здѣсь голубушку Аксюту.
Да, такъ! она пошла туда сію минуту.
Нѣтъ, можетъ отъ того казалась мнѣ она,
Что я отъ хмѣлю такъ, какъ будто бы со сна.

(*Садится за кустомъ*).

Ну, здѣсь я отдохну, а то мнѣ не въ могутку;
Заставилъ всѣхъ играть я на свою погудку,
За то избитъ и самъ, въ костяхъ престрашной ломъ;
Здѣсь нѣту двухъ зубовъ, здѣсь стукнулся я лбомъ;
Рука виситъ какъ плеть, и на ногу хромаю;
Весь слювно, какъ въ мѣшкѣ; да что-то, я не знаю,
Гдѣ Мишка мой теперь, провалъ бы его взялъ!
О сю пору нейдетъ, знать—гдѣ онъ запропалъ.

(*По нѣкоторомъ молчаніи вынимаетъ изъ-за пазухи штофъ съ водкою*).

Дай тяпну съ горя я оставшее хмѣльное;
Теперя, сѣмъ, всхрапну; раздолье намъ въ покоѣ.
(*Засыпаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Митюха спящій, Андрюшка, Елисей, цѣловальники, половые, горожане, Акслюта и Марфутка; всѣ, кромѣ женщинъ, пьяны и избиты.

АНДРЮШКА.

Мнѣ сердце говоритъ, всегдашній мой вѣщунъ,
Что мы найдемъ того, кто задалъ карачунъ
Съ размаху одного ерыгѣ Андреяну,
И кто Архипычу надѣлалъ страсть изъяну.
Я вамъ божусь бойца кулашнаго сего
Принять и признавать за брата моего,
Во всемъ къ себѣ приму его я въ половину
Лишь только-бъ эвтова найти мнѣ мужичину.

ЕЛИСЕЙ.

О, еслибъ удалось увидѣть молодца,
Во здравіе его хватилъ бы я винца.

АНДРЮШКА (*горожанамъ*).

Ребятушки! искать вездѣ его идите.

ЕЛИСЕЙ.

Но болѣе еще Иваныча ищите;
Вы, други, вспомните, что онъ начальникъ вашъ,
Что добрый парень онъ, заступникъ первой нашъ,
Онъ первой выдумалъ, чтобъ намъ идти на драку,
И много чрезъ него досталося намъ смаку
Но вижу я, несутъ армякъ его сюда.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и нѣсколько горожанъ (*несутъ армякъ Митюхинъ*).

АКСЮТА.

Ахъ! что съ нимъ сталося, бѣда моя, бѣда!

АНДРЮШКА.

Аксютушка!

АКСЮТА.

Я слезъ моихъ таить не стану;
Такъ! онъ не сдобровалъ, я вижу по кафтану.
Андрей! повинна я, побей коль хошь меня,
Но даже и тогда божиться буду я,
Что никогда тебя, какъ мужа, не любила,
Что за носъ я тебя, и слово давъ, водила;
Митюху моего какъ сокола любя,
Обманывала всѣхъ и самоё себя.
Глядѣла на него всегда какъ мышь изъ норки....
Ну, колоти меня, валяй на обѣ корки!

АНДРЮШКА.

Пришибенъ плотно знать, какимъ онъ ямщикомъ;
Теперьче я тебя объѣду ужъ конемъ,
И завтра же съ тобой поутру обвѣнчаюсь;
Ужъ будешь ты моя, за это я ручаюсь!

ЕЛИСЕЙ (*горожанину*).

Скажи-ка, братецъ, намъ, гдѣ ты его нашелъ?

ГОРОЖАНИНЪ.

Экъ не разчухаютъ: лежалъ другой соколъ
Въ кафтанѣ-то ево, который, знать, подтяпалъ.
Мишутка—это былъ, Ермилъ его уляпалъ,
Какъ драка началась; онъ весь какъ чортъ избитъ.
Нашъ Парамошка съ нимъ, какъ пластъ, тоже лежитъ,
Безъ ногъ, безъ зубъ, безъ рукъ, съ разбитой головою.
Насилу вымолвить словечко могъ со мною,
Мишутка же и рта не можетъ растворить;
Обоихъ ихъ велѣлъ я въ городъ оттащить.

МИТЮХА (*просыпаясь*).

Какъ знатно я всхрапнулъ съ устатка и съ похмѣлья...
Пойти бы поискать Мишутку отъ бездѣлья.
Охъ-ти! Зѣвается!

ЕЛИСЕЙ (*подходя къ Митюхѣ*).

Зѣваетъ кто-то тамъ!

МИТЮХА (*накрываясь платкомъ*).

Со мной тутъ кто-то есть!

ЕЛИСЕЙ *подходя ближе*).

Такъ это онъ! онъ самъ,
Тотъ самый удалецъ, который Андреяна
Сломалъ, какъ лютый волкъ свинью или барана.
Я узнаю его, сними же ты свой платъ,
Дай на себя взглянуть, любезный другъ и братъ,
Открой намъ голову; ну, полно, не корячься;
Скажи: кто ты таковъ, скажи же, не ортачься!
Наплакаться хочу, соколъ мой, на тебя.
Вить ты, сквалыжника, буяна погубя,
Какъ мы свалилися въ плотную съ ямщиками,
Мнѣ сыновей сберегъ своими кулаками.
Дай на себя взглянуть хотя однимъ глазкомъ,
Хотя попотчивать довволь себя винцомъ. (*Митюха открываетъ лицо*).
Иванычъ!

ПОЛОВОЙ.

Это онъ!

АНДРЮШКА.

Какъ зюзя пьянъ Митюха!

АКСЮТА.

Такъ, точно это онъ! Митюша мой!

АНДРЮШКА (*съ досадой*).

Аксюха!

МИТЮХА.

Когда бы, братъ, винца ты мнѣ не посулилъ,
То рожи-бъ я своей ни зашто не открылъ.

ЕЛИСЕЙ.

Ну, такъ и обдало меня, какъ словно варомъ;
Какъ я не могъ узнать тебя по тѣмъ ударамъ,
Которы задавалъ ты даве ямщикамъ;
Но твой армякъ въ крови, ты весь избитъ и самъ.

АКСЮТА (*Марфуткѣ*).

Ахти, Марфутушка!

МИТЮХА (*Елисею*).

Ну, что же ты хлопочешь?
Вить за меня терпѣть ты вѣрно не захочешь.

ЕЛИСЕЙ.

Да мнѣ, Митюха, жаль здоровья твоего.

МИТЮХА.

Вить не твое оно, на кой мнѣ чортъ его,
Когда ужъ не женюсь я на Аксютѣ болѣ?
Я боленъ и здоровъ все по своей вить волѣ.
Да гдѣ Мишутка мой, что онъ нейдетъ сюда?
Забудетъ про меня каналья завсегда;
Скажите мнѣ объ немъ хотя одно словечко.
Такъ, знаю; говоритъ мнѣ мой вѣщунъ сердечко,
Что вѣрно въ дракѣ онъ не на животъ избитъ.
И вѣрно гдѣ-нибудь безъ памяти лежитъ.

АКСЮТА.

Марфутка, онъ хмѣленъ, и право я не знаю,
Идти-ли мнѣ къ нему? Разсердится онъ, чаю.

АНДРЮШКА (*въ сторону*).

Ну, эдакой какой Митюха-то силачъ!
Теперь ужъ вижу я, что тертой онъ калачъ;
Казалось, я его что въ пятеро сильнѣе,

Анъ—нѣтъ-лихъ, онъ меня гораздо повострѣе.
Мнѣ Андреяшку-то свернуть не удалось;
А онъ его какъ разъ на всѣ на три разнесъ.
И если захочу вѣнчаться я съ Аксютой,
То онъ меня вернётъ какъ надо больно круто.
А я вить-лихъ его побоевъ не стерплю;
Нѣтъ, лучше я ему невѣсту уступлю.

(*Подходитъ къ Митюхѣ*).

Иванычъ! слушай-ка, тебя Андрюшка кличетъ.

МИТЮХА.

Иванычъ ужъ и такъ довольно горя мычетъ,
А отъ кого и какъ? Все, дьяволъ, отъ тебя!

АНДРЮШКА.

Да не сердись же, братъ, и выслушай меня:
Аксюта, подь сюда, да будь повеселѣе.
О чемъ завыла ты? Да будь же посмѣлѣе.
Мы хвацкой сдѣлаемъ тотчасъ всему конецъ.
Вотъ-нà тебѣ жена, ступай съ ней подъ вѣнецъ,
А батюшка ея на это согласится,
Лишь надобно ему сотнягой поклониться.

МИТЮХА (*обнимая Аксюту*).

Спасибо, братъ, тебѣ; ты не такой свинья
Теперь, какъ прежде былъ!—Аксюта, ты моя!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Прежніе и горожанинъ.

ГОРОЖАНИНЪ.

Митюха! ямщиковъ послѣднихъ доконалъ
Твой братъ съ Терёхою, и мнѣ онъ наказалъ
Сказать, что ждутъ тебя собравшись горожане;
Валдайскимъ назвали тебя съобща міряне.

МИТЮХА

(*поддерживаемъ Аксютою и Елисеемъ*).

Сбирайтесь поскорѣй, мы всѣ туда пойдемъ,
Слышь, выпить да и ихъ попотчивать винцомъ.

(*По нѣкоторомъ молчаніи*).

Но земскому суду намъ надо поклониться.

Ай, да исправникъ нашъ! нельзя имъ нахвалиться:
Для чливыхъ онъ самъ чливъ, а для крутыхъ самъ крутъ.
Ребята, грянемте: великъ нашъ земскій судъ!

ВСѢ.

Великъ нашъ земскій судъ!

КОНЕЦЪ.

Примѣчаніе. Авторъ пародіи на трагедію Озерова «Димитрій Донской», Петръ Николаевичъ Семеновъ, принадлежитъ къ числу малоизвѣстныхъ писателей начала нынѣшняго столѣтія. Кромѣ «Митюхи», онъ написалъ только небольшую оперетку «Удача отъ неудачи или приключеніе въ жидовской корчмѣ» (1818), перевелъ три піесы («Амфитріонъ», «Изступленный», «Федра») и набросалъ двѣ пародіи: на оду Державина и на «Демьянову уху» Крылова. Изъ всего этого въ печати при жизни его явились только оперетка да переводы, безъ означенія однако его имени, которое названо было впервые въ газетномъ извѣстіи о его смерти, послѣдовавшей на 41-мъ году отъ роду (28-го мая 1832 г.), и затѣмъ не упоминалось до 1861 г., когда нами былъ напечатанъ «Митюха Валдайской» въ «Библіографическихъ Запискахъ». Эту пародію Семеновъ написалъ на 20-мъ году своей жизни, въ 1810 году, и затѣмъ нѣсколько разъ перерабатывалъ ее, а въ 1826 г. даже приготовилъ для печати и передалъ М. П. Погодину для его «Московскаго Вѣстника», но напечатаніе піесы не было разрѣшено цензурою. Въ 1859 г. намъ случайно попался списокъ ея, сохранившійся въ бумагахъ нѣкогда знаменитаго петербургскаго актера С. Н. Сандунова, съ которымъ Семеновъ былъ очень друженъ. Мы тогда же передали етотъ списокъ А. Н. Аѳанасьеву для его «Библіографическихъ Записокъ», но онѣ въ томъ же году и прекратились, такъ что ненапечатанная рукопись была передана Аѳанасьевымъ новому издателю возобновленныхъ черезъ годъ «Записокъ», В. И. Касаткину, которымъ и была напечатана, но крайне небрежно, съ искаженіемъ словъ, съ пропускомъ цѣлыхъ стиховъ и даже конца одного и начала слѣдующаго явленія. Это вызвало, въ свое время, замѣчанія академика Я. К. Грота, напечатанныя тоже въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 года (№ 15), и сообщившія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, такъ какъ Касаткинъ нашу помѣту на рукописи: «изъ бумагъ С. Н. Сандунова» принялъ за означеніе имени автора и приписалъ піесу Сандунову. Не очень давно, въ одномъ изъ пріобрѣтенныхъ нами рукописныхъ сборниковъ, мы нашли новый списокъ «Митюхи Валдайскаго»,

съ которымъ и свѣрили прежній Сандуновскій списокъ, впрочемъ весьма вѣрный, но крайне нечетко писанный, чѣмъ и объясняются многочисленныя искаженія, допущенныя при первомъ печатаньи въ 1861 г.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь и указанное г. Гротомъ «предувѣдомленіе» Семенова къ его піесѣ, котораго нѣтъ въ обоихъ имѣющихся у насъ спискахъ:

«Шутка была началомъ пародіи,—сказано въ предисловіи къ извѣстной пародіи Боало на трагедію Корнеля «Сидъ». Нѣсколько часовъ шутливаго расположенія духа, въ кругу пріятельскомъ, равно произвели сію бездѣлку, совсѣмъ не въ намѣреніи унизить превосходнаго «Димитрія Донскаго», произведеніе славнѣйшаго нашего любимца Мельпомены (и она не явилась бы никогда въ свѣтъ при жизни знаменитаго трагика, къ сожалѣнію, похищеннаго уже отъ Музъ раннею кончиною). Самый Виргилій имѣетъ на «Энеиду» свою не одну пародію. Бездѣлка сія никогда бы не была напечатана, если бы разсѣявшіеся невѣрные списки съ оной, обезображенные переписчиками, не подали поводъ предложить ее въ настоящемъ видѣ всѣмъ любителямъ забавнаго чтенія, ищущимъ однѣхъ веселыхъ минутъ въ минутахъ своего досуга.

«(Сверхъ того, долженъ замѣтить я, что пародія сія писана не для театра, хотя и расположена совершенно по правиламъ онаго; но какъ пародія можетъ иногда заставить смѣяться зрителей и въ самой трагедіи, то авторъ ея, вовсе не имѣя желанія вредить блистательному успѣху «Димитрія», никогда бы не хотѣлъ видѣть представленія «Митюхи»)».

Это «предувѣдомленіе» написано П. Н. Семеновымъ въ 1826 г., и все поставленное нами въ скобкахъ было вычеркнуто имъ и, слѣдовательно, въ печатномъ изданіи не должно бы было явиться.

Іюль. 1878 г. **П. А. Ефремовъ.**

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

соч. М. Ю. Лермонтова.

Варіанты первой рукописи автора.

Между автографами М. Ю. Лермонтова, хранящимися въ Императорской публичной библіотекѣ, находится рукопись «Героя нашего времени» [1]), или, вѣрнѣе, нѣкоторыхъ изъ повѣстей, составляющихъ это произведеніе дорогаго поэта нашего. Рукопись эта состоитъ изъ довольно толстой тетради въ листъ, всей исписанной рукою Лермонтова, съ многочисленными поправками и передѣлками. На заглавномъ листѣ написано: «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка». Это, очевидно, черновая тетрадь, съ коей перебѣленъ былъ тотъ экземпляръ, съ котораго было сдѣлано первое печатное изданіе 1840 года. Уцѣлѣло не все. Мы имѣемъ передъ собою 2-ю повѣсть: «Максимъ Максимычъ», которая носитъ названіе «Изъ записокъ офицера». Тутъ же римскими цифрами поставлено II. Первой повѣсти «Бэла» нѣтъ. Затѣмъ подъ № III «Фаталистъ» и подъ конецъ: «Княжна Мери». Между листами этой тетради лежитъ полулистъ почтовой бумаги, на которомъ написано рукою Лермонтова предисловіе къ «Журналу Печорина». Почеркъ и чернила другіе. Листъ, очевидно, вырванъ изъ другой рукописи и попалъ сюда позднѣе. О томъ, чтобы описываемый экземпляръ составлялъ позднѣйшую передѣлку, и думать нельзя, потому что Лермонтовъ самъ руководилъ изданіемъ не только 1-мъ 1840 года, но и 2-мъ изданіемъ «Героя нашего времени» 1841 года. Оба эти изданія совершенно ровны между собою, число строкъ и страницъ то же, печать та же—буква въ букву. Разницу составляетъ предисловіе Лермонтова ко 2-му изданію, накиданное имъ, въ черновомъ видѣ, въ одномъ изъ своихъ альбомовъ, тоже хранящихся въ публичной библіотекѣ (сравни соч. Лермонтова, изд. 1873 г.,

[1]) Которую обязательно предоставилъ намъ разсмотрѣть А. Ѳ. Бычковъ. Рукопись состоитъ изъ 57 полулистовъ, всего 114 страницъ. П. В.

примѣч. 34, П. А. Ефремова, стр. 376). Лермонтовъ, конечно, самъ замѣнилъ и прежніе заголовки другими. Вмѣсто «Изъ записокъ офицера» онъ поставилъ «Максимъ Максимычъ», вмѣсто «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка»—«Герой нашего времени». Во всякомъ случаѣ, если и не имъ было измѣнено это заглавіе, онъ его призналъ, такъ какъ у П. А. Ефремова находится изданіе «Героя нашего времени» 1840 года, которое самъ авторъ прислалъ княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ Одоевской (рожд. Ланской, женѣ извѣстнаго писателя кн. Владиміра Θедоровича). На заглавномъ листѣ этого экземпляра, послѣ печатныхъ словъ «Герой нашего времени», Лермонтовъ поставилъ запятую и прибавилъ: «упадаетъ къ стопамъ ея прелестнаго сіятельства, умоляя позволить ему не обѣдать».

Приводить всѣхъ варіантовъ мы не станемъ по незначительности ихъ: замѣнена одного слова другимъ, одной фразы другою мало имѣетъ значенія. Но есть мѣста, которыя, для будущаго біографа Лермонтова, могутъ имѣть цѣну, и ихъ-то приводимъ мы послѣ сравненія, сдѣланнаго между рукописью и изданіемъ П. А. Ефремова 1873 года. Пагинацію мы ставимъ сообразжаясь съ этимъ изданіемъ.

„Максимъ Максимычъ" или „Изъ записокъ офицера".

Т. I, на стр. 208. Описывается внѣшній видъ Печорина:

Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ рѣшительности въ характерѣ. Если вѣрить тому, что каждый человѣкъ имѣетъ сходство съ какимъ нибудь животнымъ, то, конечно, Печорина можно было бы сравнить съ тигромъ. Сильный и гибкій, ласковый или мрачный, великодушный или жестокій, смотря по внушенію минуты; всегда готовый на долгую борьбу; иногда обращенный въ бѣгство, но неспособный покориться; нескучающій одинъ, въ пустынѣ съ самимъ собою, а въ обществѣ себѣ подобныхъ требующій безпрекословной покорности. По крайней мѣрѣ такимъ, казалось мнѣ, долженъ былъ быть его характеръ физическій, то есть тотъ, который зависитъ отъ нашихъ нервовъ и отъ болѣе или менѣе скораго обращенія крови. Душа—другое дѣло! Душа или покоряется природнымъ склонностямъ, или борется съ ними, или побѣждаетъ ихъ. Отъ этого—злодѣи, толпа, и люди высокой добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Печоринъ принадлежалъ къ толпѣ, и если онъ не сталъ ни зло-

дѣемъ, ни святымъ, то это, я увѣренъ, отъ лѣни. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо.

Въ концѣ разсказа Лермонтовъ говоритъ:

Я пересмотрѣлъ записки Печорина и замѣтилъ по нѣкоторымъ мѣстамъ, что онъ готовилъ ихъ къ печати, безъ чего, конечно, я не рѣшился бы употребить во зло довѣренность штабсъ-капитана. Въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ читателямъ; вы это сами увидите, если то, что вы объ немъ знаете, не отбило у васъ охоты узнать его короче. На тетрадяхъ не было выставлено чиселъ. Нѣкоторыя, вѣроятно, потеряны, потому что между ними нѣтъ большой связи, а я, несмотря на дурной примѣръ, поданный намъ нѣкоторыми журналистами, никакъ не рѣшился поправлять или доканчивать чужое произведеніе, за что, конечно, онъ самъ на меня сердиться не будетъ.

„Фаталистъ“ (стр. 297).

Господа! сказалъ онъ (Вуличъ) медленно, освобождая руку: кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ продолжалъ: если я не долженъ умереть, то этотъ пистолетъ или не заряженъ, или осѣчется. Если суждено противное, то ничто не можетъ этому помѣшать, и такъ, тогда всѣ ваши опасенія напрасны. Онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ.

Стр. 303, 14-я строка снизу:

...Я люблю сомнѣваться во всемъ: это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что̀ меня ожидаетъ. Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не можетъ дать хуже смерти, и что смерть неизбѣжна, и что существованіе каждаго изъ насъ, исполненное страданія или радости, темно, незамѣтно въ этомъ безбрежномъ котлѣ, называемомъ природой, гдѣ кипитъ, исчезаетъ и возрождается столь-

ко разнородныхъ жизней... Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.

Княжна Мери. Пятигорскъ, 12-го мая.

Тутъ въ числахъ вообще разница: вмѣсто іюня 13-го, 14-го, 18-го, 22-го, 24-го, 25-го, 26-го—стоитъ 5-го, 6-го, 10-го, 11-го, 12-го, 14-го, 15-го іюня.

[Стр. 231]. —....И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну!.. Но я теперь увѣренъ, что, при первомъ случаѣ, она спроситъ кто я и почему я здѣсь, на Кавказѣ. Ей, вѣроятно, разскажутъ исторію дуэли, и особенно ея причину, которая здѣсь нѣкоторымъ извѣстна, и тогда... Вотъ у меня будетъ удивительное средство бѣсить Грушницкаго.

[Стр. 280—4-я строка сверху]. Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія. Какъ нарочно, я всегда являлся къ пятому акту ихъ драмы; невидимая сила кидала меня посреди ихъ надеждъ, намѣреній и связей, и все разрывалось, все погибало отъ моего прикосновенія... Моя любовь никому не принесла счастія...

[Стр. 280, строка 1-я снизу]. ....открылъ романъ Вальтеръ-Скотта, лежавшій у меня на столѣ; то были «Шотландскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ. Неужели шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую минуту, которую даритъ его книга....

[Стр. 289]. ...Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти [1]). Я его храню какъ сокровище. Стыдно признаться! Я нахожу утѣшеніе въ мысли, что былъ любимъ какъ немногіе на этомъ свѣтѣ.

[Стр. 290 (письмо Вѣры), строка 13-я сверху]. .....и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

(Вмѣсто напечатаннаго продолженія и конца письма стоитъ слѣдующее):

«Прощай, мой бѣдный другъ; я рада, что не увидимся передъ разставаньемъ. Я знаю, ты нынче долженъ драться съ

[1]) Дѣло идетъ о письмѣ, которое Вѣра написала Печорину, уѣзжая.

Грушницкимъ, но увѣрена также, что ты останешься живъ. Мое сердце иначе бы мнѣ сказало противное. Прощай! Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, я тебя теряю на вѣки! Мери тебя любитъ..... Если что нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней, она тебя любитъ..... Ребенокъ! Вчера она мнѣ разсказала все. Мнѣ стало жаль ее. Она думаетъ, смотря на твое поведеніе, что ты ее любишь, потому что защитилъ такъ горячо ея честь. Она думаетъ, что ты хотѣлъ испытать ее.... Я ей ничего не сказала, поцѣловала ее и благословила!... О, не погуби ее!... Одной довольно! Я не стану тебя увѣрять, что не переживу нашей разлуки... къ чему?... Одинъ лишній горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ твоихъ воспоминаній, а мнѣ послѣ него труднѣе съ тобою разстаться..... Вѣра.

P. S. Одно меня мучаетъ: что если ты въ самомъ дѣлѣ любишь Мери? О, неправда ли, этого не можетъ быть!»...

[Стр. 291, внизу]. Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обыкновенный (обычный) порядокъ...

(Съ этихъ словъ и до словъ: противъ дула пистолета, строка 3-я, на стр. 292, въ первоначальномъ видѣ написано слѣдующее):

....Я сталъ припоминать выраженія письма Вѣры, стараясь объяснить себѣ причины, побудившія ее къ этой странной, трагической выходкѣ.

Вотъ послѣдовательный порядокъ моихъ размышленій:

1) Если она меня любитъ, то зачѣмъ же такъ скоро уѣхала и не простясь, не полюбопытствовавъ даже узнать, убитъ я или нѣтъ? Не вѣрю я этимъ предчувствіямъ сердца, да и ей бы не должно на нихъ такъ слѣпо полагаться.

2) Но вѣдь намъ надобно же было когда нибудь разстаться, и она хотѣла своимъ отъѣздомъ произвести на меня, въ послѣдній разъ, глубокое, неизгладимое впечатлѣніе?... Эгоизмъ!...

3) Женщины вообще любятъ драматизировать свои чувства и поступки; сдѣлать сцену почитаютъ они обязанностью.

4) Но тутъ еще, можетъ быть, скрывается маленькая ревность. Вѣра думаетъ, что я влюбленъ въ княжну и хочетъ своимъ великодушіемъ привязать меня болѣе къ себѣ, или даже, зная мой характеръ, она думаетъ, что я княжну оставлю и погонюсь за нею, потому что блага, которыя мы теряемъ, полу-

чаютъ въ глазахъ нашихъ двойную цѣну.... Если такъ, то она ошиблась—я слишкомъ лѣнивъ.

5) Или она великодушно уступаетъ меня княжнѣ? Это отъ нея, пожалуй, станется! Но, въ такомъ случаѣ, она меня не любитъ.

6) И какое же право я имѣю требовать ея любви? Развѣ не я первый началъ платить за ея ласки холодностью, за жертвы равнодушіемъ и насмѣшкой!

7) Теперь, когда я знаю, что все между нами кончено, мнѣ кажется, что я ее любилъ истинно. Одно меня печалитъ - это письмо. Неужели она не могла обойтись безъ пышныхъ фразъ и декламацій?

8) Я былъ дуракъ, что такъ мучился нѣсколько часовъ сряду: что значатъ разстроенные нервы, ночь безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета.

(И т. д., какъ въ печатномъ изданіи).

Другихъ, болѣе значительныхъ, варіантовъ нѣтъ; мелкія передѣлки отдѣльныхъ словъ показываютъ извѣстный уже способъ работы Лермонтова надъ его слогомъ. Приведенные нами варіанты важны въ смыслѣ уясненія отношенія Лермонтова къ своему герою. Они поясняютъ взглядъ автора, высказанный имъ въ предисловіи къ журналу Печорина (стр. 214): «Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она—слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ».

Заставляя Печорина анализировать самого себя, Лермонтовъ самъ подвергаетъ анализу «Героя времени». Успѣлъ ли авторъ въ этомъ анализѣ, былъ ли самъ онъ тогда вполнѣ зрѣлаго развитія—это дѣло критики и біографа; здѣсь же, гдѣ мы даемъ матеріалъ, было бы неумѣстно входить въ оцѣнку самаго произведенія или личности автора.

Пав. Висковатый.

С.-Пб., 4-го іюля 1878 г.

Подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1878 г. продолжается. 12 книгъ, съ портретами: Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками въ Парижѣ, снимокъ съ портрета, писаннаго А. А. Ивановымъ въ Римѣ, въ 1841 г.), кн. В. Л. Долгорукаго и кн. И. А. Долгорукаго (обезглавлены въ 1739 г.), Александра I-го (1802 г.) и проч. Цѣна восемь руб. съ пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1879 г.

десятый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1879 году будетъ выходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ первыя девять лѣтъ изданія (1870—1878 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, съ приложеніемъ, время отъ времени, гравированныхъ портретовъ русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **три тома**, каждый не менѣе 40 листовъ убористой, четкой печати, т. е. всего въ годъ не менѣе 2000 печатныхъ страницъ.

При книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» изд. 1879 г. будутъ прилагаться: портреты достопамятныхъ и замѣчательныхъ въ исторіи нашего отечества дѣятелей. Гравюры будутъ исполнены, какъ исполнялись въ теченіе девяти лѣтъ, лучшимъ отечественнымъ граверомъ: Академикомъ Л. А. Сѣряковымъ и нѣкоторыми другими. Также время отъ времени будутъ помѣщаемы: снимки съ замѣчательныхъ документовъ, рисунки историческихъ памятниковъ и зданій, родословія замѣчательныхъ фамилій, снимки съ рѣдкихъ медалей.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Цѣна за 12 книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1879 г.:

Съ доставкою на домъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ **восьми** рублямъ за доставку: въ Германію, Бельгію, Францію **два рубля**; въ Англію, Швейцарію и Италію—**три** рубля.

Подписка **принимается** для **городскихъ** подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ**, въ Конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» при книжномъ магазинѣ Николая Ивановича **Мамонтова** (Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46); въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Ивана Григорьевича **Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева) и Николая Ивановича **Мамонтова** (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

☛ Гг. **Иногородные** обращаются **исключительно** въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Примѣчаніе. Тѣ изъ подписчиковъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» текущаго года, которые, при возобновленіи подписки на будущій годъ, пожелаютъ имѣть двѣ большія гравюры, отпечатанныя въ Парижѣ и исполненныя на мѣди Академикомъ **И. П. Пожалостинымъ**: «Несеніе креста», картина Каррачи, и «Птицеловъ», картина Профессора Перова,—могутъ получить ихъ за **5 рублей**—обѣ вмѣстѣ, вмѣсто руб., прежней ихъ цѣны. (*Гравюръ этихъ осталось немного*).

Третье изданіе «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1870 г. (годъ первый)—12 книгъ, въ **трехъ большихъ томахъ**, съ портретами, снимками и 65-ю рисунками—цѣна 8 руб. съ перес.

«РУССКАЯ СТАРИНА» **1876** г., 12 книгъ, съ **портретами**: Лжедмитрія I, Екатерины II, Михельсона, Емельяна Пугачева, князя Платона Зубова, А. П. Ермолова, Клугенау, В. Г. Бѣлинскаго, со снимками и виньетами—8 руб. съ пересылкою.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1877 г., 12 книгъ, съ **портретами**: Княгини Дашковой, графа А. Мамонтова, кн. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, Московскаго митрополита Филарета, М. Ѳ. Орлова, княгини Жаннеты Ловичъ, кавказскаго имама Шамиля, Н. Н. Муравьева (Карскаго), К. В. Чевкина, И. А. Яковле —
Рисунки: Галера Екатерины II; памятникъ Архипу Осипо —
Снимки съ рѣдкихъ медалей и подлиннаго письма Алексан I.

Цѣна **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ** съ пересылкою.

Есть подробный указатель въ трудамъ статистическихъ комитетовъ по 1873 г., г. Межова (Извѣстія Географич. общества 1873 г.) и въ него не вошли всѣ изданія, о чемъ заявляетъ и самъ составитель...

Собраніе матеріаловъ, относящихся къ исторіи г. Орла и городовъ Орловской губерніи—не первый трудъ. Въ 1874 году тамъ же были изданы: «Историческіе очерки г. Орла въ связи съ судьбою прочихъ городовъ Орловской губерніи», а въ 1875 г. «Исторія г. Болхова и его церковныя древности»—оба сочиненія принадлежатъ г. Пясецкому. Г. Пупареву принадлежитъ небольшой сборникъ, озаглавленный «Орловская Старина», въ который вошли матеріалы, печатавшіеся въ Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1872 г.—это матеріалы, извлеченные изъ архивовъ Орловской губерніи и касающіеся мѣстной исторіи и статистики за XVIII вѣкъ. Продолженіемъ этого сборника можетъ служить сборникъ матеріаловъ, заглавіе котораго мы выписали выше, составленный тѣмъ же авторомъ. Содержаніе его слѣдующее: «Орелъ до обращенія его въ губернскій городъ»; «Городъ Елецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія»; «Древнія городища и курганы въ Орловской губерніи»; «Новые матеріалы для исторіи воспитанія въ Орловской губерніи»; «Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофиціальной части Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1839—1875». Изданіе указателей къ мѣстнымъ вѣдомостямъ желательно имѣть и отъ другихъ мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ уже теперь, судя по заявленію издателя этого сборника, полнаго экземпляра нѣкоторыхъ Губернскихъ Вѣдомостей нельзя найти и въ мѣстныхъ губернскихъ архивахъ и редакціяхъ. Не менѣе настоятельна потребность описанія и приведенія въ порядокъ мѣстныхъ архивовъ, которые, какъ мы видѣли изъ заявленія г. Дитятина относительно Ярославля и какъ оказывается изъ замѣчанія г. Пупарева (отд. II, стр. 4), представляются въ значительной степени опустошенными вслѣдствіе пожаровъ и небрежности. Статистическія таблицы въ сборникѣ Пупарева сообщаютъ свѣдѣнія о движеніи населенія въ Орловск. губ. за 1872—1875 г., по сословіямъ и исповѣданіямъ; о числѣ зданій въ городахъ и губерніяхъ; о доходахъ и расходахъ городовъ; о числѣ ремесленниковъ въ городахъ; о числѣ фабрикъ и заводовъ въ губерніи; о числѣ насильственныхъ и случайныхъ смертей въ губерніи; о числѣ учебныхъ заведеній въ губерніи; и проч. Трудъ г. Пупарева весьма обстоятельный и добросовѣстный.

Нижегородскій Сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ ред. секретаря комитета **А. С. Гацискаго**. Т. VI, 1877 г. XIV+357, 241—480. Ц. 1 р. 50 к.

Самое видное мѣсто въ этомъ томѣ сборника принадлежитъ статьѣ: «Историческое описаніе города Василя Нижегородской губерніи» (Васильсурска), В. Ф. Кудрявцева (1—100 стр.); далѣе слѣдуютъ: Очеркъ города Княгинина и его уѣзда, А. С. Коробкина; Статистическіе очерки нѣкоторыхъ селъ; Свадебные обычаи Ветлужскаго края Макарьевскаго уѣзда, М. М. Поспѣлова; Ивановъ день въ селѣ Новомъ Ликѣевѣ, Нижегородскаго уѣзда, свящ. Борисовскаго; О торговлѣ иконами въ Лукояновскомъ уѣздѣ, Л. Гуляева; Свѣдѣнія о пчеловодствѣ и климатѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи, журналы статистич. комитета.

Труды Нижегородскаго статистическаго комитета, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ весьма немногихъ (напримѣръ, Владимірскаго, Новгородскаго и друг.), издаются систематически и съ знаніемъ дѣла. Редакторъ сѣтуетъ даже, что въ теченіе десяти лѣтъ ему удалось издать лишь шесть, а не десять томовъ. «Могли бы издать,—говоритъ онъ,—не только X-й, но и XX-й, какъ по массѣ того матеріала, который имѣемъ въ своемъ распоряженіи въ настоящую минуту, такъ и по той массѣ его, которой было бы на лицо въ десять, двадцать разъ больше теперешняго, если бы было достаточно денежныхъ средствъ на изданіе Сборника по два и по три тома въ годъ... Однажды, послѣ выхода изъ печати V-го тома, мы дошли даже до такого отчаянія, что обратились къ неисчерпаемымъ щедротамъ одного мецената, но чаша его миновала насъ, чѣмъ мы нисколько не смутились, ибо вообще не привыкли смущаться»... **В. И.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ— въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ **№ 7.**

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. —III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ. — VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.— Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.

IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ **1870** г., третье изд., **12** кн. съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1876** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1877** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина“ **1878** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. НОЯБРЬ. 1878 годъ

СОДЕРЖАНІЕ:

Открыта подписка на историческій журналъ: «Русская Старина» 1879-го года [десятый годъ изданія]. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и проч. приложеніями **восемь** руб.

Изъ прежнихъ лѣтъ изданія «Русской Старины» можно получить: 1870 г. (третье изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. и 1878 г. Цѣна каждаго года въ 12-ти книгахъ съ гравированными на мѣди и на деревѣ портретами по 8 руб. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

XI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го ноября.

Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составл. и издан. Центральн. статистич. ком. мин. внутр. дѣлъ. I. Костромская губернія, Спб. 1877, LXXIV+465. Ц. 2 р. II. Уфимская губернія, CXXXIX + 196. Ц. 1 р. 80 к. III. Вятская губернія, CXXIV + 994. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Въ теченіе 15-ти лѣтъ Центр. стат. ком. издалъ до 40 описей населенныхъ мѣстъ разныхъ губерній Россіи, сопровождаемыхъ обыкновенно болѣе или менѣе обширными вводными статьями, касающимися географіи, исторіи, этнографіи и статистики каждой губерніи въ отдѣльности. Въ этихъ введеніяхъ особенное вниманіе историка обращаютъ на себя историко-этнографическіе очерки русской колонизаціи, матеріаломъ для которыхъ служили между прочимъ самые списки, почему означенныя описанія часто представляютъ незамѣнимый матеріалъ. Съ другой стороны, изданіе полныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ даетъ возможность опредѣлить и такія мѣста, населенія которыхъ были извѣстны еще по древнимъ памятникамъ, но не были опредѣлены въ точности. Многіе изъ списковъ населенныхъ мѣстъ были обработаны извѣстнымъ знатокомъ исторической географіи и этнографіи Россіи, какимъ по справедливости считался покойный Артемьевъ (напр., губерніи: Саратовская, Самарская, Курская, Тамбовская, Ярославская, Бессарабская и др.). Названные выше списки обработаны гг. Раевскимъ, Звѣринскимъ и Огородниковымъ и принадлежатъ къ болѣе полнымъ по своимъ вводнымъ статьимъ. Каждая опись губерніи обыкновенно сопровождается географическою картою; но нельзя не выразить сожалѣнія, что не всѣ описанія сопровождаются перечнемъ сочиненій и статей, относящихся къ разсматриваемой мѣстности, а между тѣмъ многія изъ нихъ находятся въ мѣстныхъ изданіяхъ, не всѣмъ доступныхъ (какъ губерн. и епарх. вѣдом. и т. п.). Если эта роскошь могла быть допущена въ нѣкоторыхъ спискахъ, то желательно было бы видѣть ее и во всѣхъ другихъ.

Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. III. **Акты о Гайдамакахъ.** Томъ III. Кіевъ. 1876. 128 + 897. Ц. 3 р. 25 к.

Хотя этотъ томъ помѣченъ 1876 годомъ, но онъ появился въ свѣтъ только недавно, и потому мы сочли возможнымъ указать здѣсь на его выходъ. Въ немъ помѣщено 364 документа, относящихся непосредственно къ означенному вопросу или близкихъ къ нему по содержанію. По времени они относятся къ 1700—1768 г., служа такимъ образомъ продолженіемъ двумъ первымъ томамъ той же части, посвященнымъ исторіи казачества (1500—1716 гг.), и вступленіемъ къ новой драмѣ, разыгравшейся въ томъ же краѣ, извѣстной подъ именемъ колiивщины. Введеніе къ вышедшему тому составляетъ изслѣдованіе В. Б. Антоновича (1—128), посвященное исторіи гайдамачины, главнымъ матеріаломъ для котораго послужили самые акты, но при этомъ приняты во вниманіе и другія данныя, существущія въ русской и польской литературѣ. Коммисія издаетъ акты въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ архивѣ, не прилагая переводовъ, но каждый актъ сопровождается краткимъ изложеніемъ его содержанія. Кромѣ того, въ концѣ тома приложены указатели именъ личныхъ, географическихъ названій и предметовъ.

О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка, по соч. д-ра Алквиста, сост. Л. Майковъ. Спб. 1877. стр. 107. Ц. 75 к.

Означенный очеркъ представляетъ отдѣльный оттискъ статей г. Майкова, помѣщенныхъ въ Журн. мин. нар. просв. за 1877 г. Профессоръ Алквистъ близко знакомъ съ финскимъ міромъ какъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ и по глубокому изученію нѣкоторыхъ его нарѣчій. Представляя извлеченіе изъ почтеннаго труда гельсингфорскаго профессора, составитель извлеченія счелъ необходимымъ дополнить его нѣкоторыми указаніями этнографическаго характера, подтверждающими заключенія автора, основанныя на данныхъ языка, причемъ онъ воспользовался преимущественно русскими источниками. Въ составъ его очерка вошли: скотоводство, земледѣліе съ ихъ приспособленіями; домашніе промыслы, кузнечное дѣло; названія металловъ; деревянныя издѣлія; ткачество, окрашиваніе тканей; выдѣлка кожъ и обуви; жилища; одежда; домашняя утварь; мореплаваніе; торговля и счетъ; семейный бытъ; бытъ общественный; военныя обычаи

ИННОКЕНТІЙ,

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

III [1]).

Путешествіе преосвященнаго Иннокентія изъ Кіева въ Вологду продолжалось не долго; но и въ этотъ короткій срокъ преосвященный, всегда дорожившій временемъ и умѣвшій цѣлесообразно пользоваться каждымъ случаемъ, нашелъ возможнымъ осмотрѣть, по пути, Московскую синодальную библіотеку. Въ рапортѣ св. синоду изъ Вологды, отъ 5-го іюня 1841 г., онъ доносилъ, что «по сдачѣ Кіево-Михайловскаго монастыря со всѣмъ его имуществомъ и приходо-расходными книгами назначеннымъ отъ преосвященнаго митрополита лицамъ..., отправившись въ путь 4-го числа прошлаго мѣсяца и осмотрѣвъ на пути, въ Москвѣ, синодальную библіотеку, по предмету составленія «Догматическаго Сборника», прибылъ того же мѣсяца 29-го числа въ Вологду, и, по принесеніи Господу Богу моленія, немедленно вступилъ въ отправленіе своей должности» [2]). Въ письмѣ, отъ 19-го іюня того же года, къ нѣкоему соборному старцу Кіево-Печерской лавры, «почтеннѣйшему о. Д...», Иннокентій, между прочимъ, сообщилъ: «путь нашъ былъ очень хорошъ; нас вездѣ чуть не носили на рукахъ. Я удивился тому, какъ меня знаютъ вездѣ и льстятъ!..» [3]).

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 193—204; 547—572.

[2]) См. «Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ», М. Максимовича, стр. 29—30.

[3]) См. «Полтавскія епарх. вѣдомости» за 1868 г., № 6. Н. В.

«На другой день по пріѣздѣ преосвященнаго Иннокентія въ Вологду,— разсказываетъ одинъ свидѣтель-очевидецъ,—директоръ гимназіи объявилъ воспитанникамъ, что новый епископъ—это знаменитый проповѣдникъ Россіи, подъ руководствомъ коего такъ блистательно издавалось «Воскресное Чтеніе». А съ «Воскреснымъ Чтеніемъ» воспитанники знакомы были потому, что въ праздничные и воскресные дни, за обѣдней, читались имъ краснорѣчивыя поученія изъ этого изданія. Вотъ какъ слава Иннокентія предшествовала ему»[1].

Въ первое время своего пребыванія въ Вологдѣ, преосвященный Иннокентій не могъ забыть излюбленнаго имъ Кіева, въ которомъ и для котораго онъ столько потрудился, и не переставалъ интересоваться всѣмъ, что тамъ дѣлается. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ о. Д.... Иннокентій писалъ по этому поводу слѣдующее, сообщивъ предварительно о своемъ житьѣ-бытьѣ вологодскомъ: «Въ Вологдѣ намъ очень не худо; могло бы быть даже очень хорошо, еслибъ предъ нами жили люди, дорожащіе хоть сколько нибудь человѣчествомъ, а то.... Пишу это къ вамъ въ надеждѣ, что это въ васъ останется.

«Что̀ у васъ послѣ насъ? Какъ мнѣ хочется забыть Кіевъ, а все еще помнится; думаю, что и насъ не вдругъ забудутъ—нѣкоторые, по крайней мѣрѣ. Я старался дѣлать все, что зависѣло отъ меня, чтобъ Кіевъ давалъ о себѣ знать Россіи! Опытъ теперь показалъ мнѣ, что трудъ былъ не напрасенъ. Въ церковномъ отношеніи о Кіевѣ говорятъ теперь болѣе, чѣмъ о Москвѣ и даже о Петербургѣ. Это также только для васъ пишется. Если вздумаете писать ко мнѣ, то пишите, пожалуйста, также просто, какъ я къ вамъ. Пишите обо всемъ отъ души; вы знаете, что я не берегу писемъ,—то же совѣтую дѣлать и вамъ. Если дадите обѣщаніе, то я буду писать къ вамъ обо всемъ, въ противномъ случаѣ—замолчу.

«Знакомымъ по усерднѣйшему поклону; очень жалѣю, что я не успѣлъ проститься съ старухою Прасковьею,—благословеніе ей отъ угодниковъ вологодскихъ, коихъ у насъ 70, въ томъ числѣ есть и кіевскіе. Что владыка? Что академія? Что вы и ваши отношенія? У преосвященнаго Іосифа[2]) поцѣлуйте за меня руку и

---

[1]) См. «Памятная книжка Кіевской губерніи на 1858 г.», стр. 125.

[2]) Преосвященный Іосифъ, бывшій Смоленскій, жилъ на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ съ 1834 г. † въ 1851 г. Къ этому іерарху нашей церкви Иннокентій питалъ особое почтеніе и любовь. Н. В.

поклонитесь ему до земли: незабвенный для меня пастырь. Чтите его какъ отца».

Вскорѣ послѣ прибытія въ Вологду, дѣятельный и неутомимый Иннокентій, посѣтивъ гимназію, гдѣ, по свидѣтельству очевидца, интересовался всѣмъ, а воспитанниковъ принималъ потомъ у себя «отечески», обозрѣвъ духовную семинарію и нѣкоторые храмы, вникнувъ въ дѣлопроизводство консисторіи, отправился, какъ онъ самъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ къ петербургскому другу, «въ странствованіе на нѣсколько недѣль по своей епархіи, которая пространствомъ похожа на экзархію». Отъ пытливаго, проницательнаго взгляда Иннокентія мало что могло укрыться, особенно если предметъ заслуживалъ серіознаго вниманія въ томъ или другомъ отношеніи по мѣстнымъ, или по обще-церковнымъ интересамъ. Во время обозрѣнія своей епархіи Иннокентій, между прочимъ, писалъ своему петербургскому другу, отъ 23-го іюля (1841 г.): «Я теперь нахожусь въ монастырѣ преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго. Прекрасное мѣсто: истинная лавра! И этотъ монастырь — заштатный!... вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ во время открытія мощей преподобнаго въ царствованіе императора Павла І-го. Но неблагоразуміе одного человѣка, лѣтъ за 40 назадъ, должно ли вредить св. мѣсту? А вредитъ сильно. Обитель не можетъ, по недостатку людей, выдерживать съ честію своего званія. Стеченіе народа огромное, а служить почти некому. Мнѣ посчастливилось обратить вниманіе здѣшнихъ гражданъ на сіе обстоятельство, и они возымѣли благую мысль: собрать нужную сумму, чтобъ на проценты можно было производить жалованье по степени 2-го класса. Сдѣлавъ этотъ сборъ (безъ всякой огласки, ибо участвуютъ только нѣсколько богачей), они будутъ просить о возведеніи св. обители во 2-й классъ. Хорошо ли это? Скажите намъ заранѣе, чтобы мы напрасно не трудились. Обрѣтеніе св. мощей преподобнаго Ѳеодосія было въ свое время эпохою, такъ же, какъ обрѣтеніе мощей святителя Митрофана. Посему, истинно жаль, что обитель его потомъ, такъ сказать, заброшена. А стеченіе народа и теперь огромное: содержаніе обители богатое; но царскій крестъ и прочая утварь остаются безъ употребленія, по неимѣнію архимандрита».

Мысль о возстановленіи Ѳеодосіевскаго Тотемскаго монастыря

сообразно съ духовно-религіозными потребностями мѣстныхъ и окрестныхъ жителей, а также и съ назначеніемъ самой обители, не покидала Иннокентія до самаго оставленія имъ Вологодской епархіи. Равнымъ образомъ, онъ не переставалъ хлопотать, просить и писать—или о перемѣщеніи разныхъ духовныхъ лицъ на соотвѣтствующія ихъ наклонностямъ и характеру должности, преимущественно по духовно-учебнымъ заведеніямъ, или заботился объ усиленіи персонала духовныхъ мѣстныхъ учрежденій, или всѣми мѣрами старался возобновить и украсить храмы, особенно же почитаемые въ епархіи святыми, и проч.

За нѣсколько дней до выбытія своего изъ Вологды къ мѣсту новаго служенія, именно 29-го декабря (1841 г.), преосвященный Иннокентій, между прочимъ, писалъ петербургскому пріятелю: «О Тотемскомъ монастырѣ я принялъ дерзновеніе сказать нѣчто въ годовомъ епархіальномъ отчетѣ св. синоду. Когда бы благосклонно взглянули на мое предположеніе и позволили начать дѣло по формѣ! Есть въ семъ отчетѣ нѣсколько и другихъ для насъ нужныхъ предположеній; но я боюсь, чтобы весь плодъ ихъ не составился изъ того, чтобы писавшему прослыть затѣйникомъ... По крайней мѣрѣ, я сдѣлалъ свой долгъ передъ своей епархіей.

«Въ отношеніи къ его сіятельству я домогаюсь перемѣны начальника въ здѣшнихъ училищахъ духовныхъ: вещь очень нужная. Прежній смотритель—человѣкъ очень изрядный, но крайне развлеченный должностями; а рекомендуемый мною и свободенъ, и опытенъ, и отлично дѣятеленъ. Назначеніе на это мѣсто какого-либо воспитанника академіи не помогло бы нашему недостатку; ибо, по новости и неопытности, онъ самъ долго будетъ учиться своей должности, а она такова, что на ней ему долго оставаться будетъ неудобно.

«Непріятное происшествіе съ смотрителемъ женскихъ училищъ, іеромонахомъ Іоною, также заставляетъ желать, чтобы участь его была рѣшена скорѣе, чтобы училище не страдало отъ недостатка начальника. Всего бы желательнѣе, какъ я репортовалъ и офиціально, чтобы сему іеромонаху дана была какая-либо должность въ другой епархіи; ибо вовсе бросить его—жаль, и по молодости, и по способности къ дѣлу.

«Еще слово за бѣдныхъ зырянъ. Сжальтесь надъ сими бѣд-

ными дѣтьми природы и дайте имъ способъ сдѣлаться чадами благодати. Безъ пособія отъ правительства, тамошнему священству нѣтъ возможности снабдить ихъ достойными пастырями. Объ этомъ я также упоминалъ въ своемъ отчетѣ св. синоду... [1]).

«Сколько нынѣ новыхъ штатовъ, чиновниковъ, новыхъ назначеній! А бѣднымъ архіереямъ въ новомъ годѣ дали бы хотя по одному писцу собственному! Все пиши своею рукою, а новыхъ требованій, формъ, отчетовъ, взысковъ — безъ числа. Пора подумать сверху о томъ, какъ живутъ внизу»...

Во все время пребыванія въ Вологдѣ, въ каждое воскресенье и праздникъ, Иннокентій говорилъ проповѣди какъ въ соборѣ, такъ и въ церквахъ, въ которыхъ служилъ. Онъ ввелъ одно нововведеніе, сколько оригинальное, столько же и полезное: это—литературные вечера, на которые сходились учителя семинаріи и нѣкоторыя другія лица, преимущественно изъ приходскихъ священниковъ; здѣсь читались учителями семинаріи свои лекціи или сочиненія, а священниками—свои проповѣди. Неизлишне упомянуть еще, что, почти при самомъ вступленіи въ управленіе епархіею, Иннокентій былъ «высочайше утвержденъ вице-президентомъ Вологодскаго тюремнаго комитета, съ управленіемъ дѣлами онаго». Такимъ образомъ, можно сказать, что хотя преосвященный Иннокентій и не долго оставался въ Вологодской епархіи—всего девять мѣсяцевъ,—«но и въ это короткое время, — говоря словами «Біографической записки о преосв. Иннокентіи», — онъ успѣлъ обратить заботливое вниманіе на дѣла мѣстной консисторіи, на улучшеніе духовныхъ училищъ, на обновленіе архіерейскаго дома и соборнаго храма; успѣлъ заняться обозрѣніемъ и отчасти собраніемъ вологодскихъ древностей; составленіемъ своихъ «словъ къ вологодской паствѣ», изданныхъ въ послѣдствіи [2]),—успѣлъ

---

[1]) Такое ходатайство преосвященнаго признано уважительнымъ, вслѣдствіе чего и предположено было увеличить содержаніе священниковъ Устьсысольскаго и большей части Яренскаго уѣздовъ, населенныхъ по преимуществу зырянами. («Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1843 годъ», стр. 31). Н. В.

[2]) Препровождая къ своему петербургскому другу новое московское изданіе прежнихъ «Словъ» (изд. М. П. Погодинымъ), Иннокентій, между прочимъ, писалъ, отъ 5-го іюня 1843 г.: «Болѣе въ отвѣтственности я за вологодскую книжку; но и тутъ надобно было удовлетворить усильному желанію вологжанъ — имѣть что-либо на память нашихъ церковныхъ собесѣдованій съ

заслужить признательность св. синода «за особую попечительность о благѣ своей паствы».

Въ письмѣ отъ 22-го декабря (1841 г.) къ М. Максимовичу Иннокентій, между прочимъ, говоритъ: «спросите, каково намъ въ Вологдѣ? Не худо, только очень трудно: надобно все устроить съ ногъ до головы» [1]). Судя по тѣмъ «докукамъ» Иннокентія, съ которыми онъ постоянно обращался къ высшему духовному начальству,—это было дѣйствительно такъ; чтобы все «устроить съ ногъ до головы»,—для этого у Иннокентія достало бы и энергіи и способности, и, пожалуй, средствъ, но не достало времени. 31-го декабря 1841 г. преосвященный вологодскій Иннокентій «переведенъ на епархію Харьковскую, съ оставленіемъ при той степени въ іерархіи, коею дотолѣ пользовался». Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что «докуки и представленія» Иннокентія своему начальству остались не безплодны для Вологодской епархіи, какъ это видно изъ письма преосвященнаго къ его петербургскому другу, изъ Харькова, отъ 28-го февраля 1842 г. Такъ, Иннокентій пишетъ: «Усерднѣйше благодарю ваше пр—во за дружелюбное участіе въ перемѣнѣ моего положенія и за пріятную вѣсть объ успѣхѣ моихъ представленій для пользы Вологды, которая, не смотря на краткость моего въ ней пребыванія, дорога сердцу моему, какъ мой Рувимъ, какъ начало и трудовъ и величія пастырскаго. Если бы вы видѣли, съ какими слезами она провожала меня! Послѣ сего не безъ горести и грусти можно было оставить край, особенно, когда Господь видимо благословилъ тамъ служеніе мое успѣхомъ. Только назначеніе преемника моего [2]), послужило мнѣ въ успокоеніе: это одинъ изъ достойнѣйшихъ пастырей, какихъ я знаю».

ними. А спустя годъ, трудно было возобновить въ памяти говоренное; особенно невозможно было сохранить теплоту рѣчи и чувства,—сей, можно сказать, души слова и мысли, тѣмъ паче церковнаго».

[1]) «Письма о Кіевѣ», стр. 31.

[2]) Преемникомъ Иннокентія назначенъ былъ Острогожскій викарій (Воронежской епархіи) Иринархъ, бывшій епископомъ Рижскимъ («Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1841 г.», стр. 6; «Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійскія церкви», П. Строева, 1877 г., столб. 839).

Н. В.

Трудно понять, какими соображеніями руководствовалось высшее духовное начальство при перемѣщеніи преосвященнаго Иннокентія изъ Вологды въ Харьковъ, тѣмъ болѣе, что подобное, такъ сказать, скороспѣшное передвиженіе духовныхъ іерарховъ изъ одной епархіи въ другую едва-ли можетъ служить въ пользу интересовъ церкви. Дѣло въ томъ, что, при краткосрочности пребыванія епископа во ввѣренной ему епархіи, онъ, при всемъ своемъ желаніи, не имѣетъ возможности всесторонне и основательно ознакомиться съ потребностями, нуждами и зачастую съ недугами своей паствы, уврачеваніе которыхъ требуетъ, какъ извѣстно, всегда достаточно-продолжительнаго времени [1]). Кромѣ того, надобно думать, такой порядокъ не можетъ выгодно отзываться и на самихъ дѣятеляхъ духовнаго вертограда... Но какъ бы то ни было, а преосвященный Иннокентій черезъ девять мѣсяцевъ перемѣщенъ былъ, какъ сказано выше, изъ Вологодской въ Харьковскую епархію. Свои мысли и чувства по случаю перемѣщенія изъ Вологды въ Харьковъ Иннокентій выразилъ въ только что сказанномъ письмѣ къ его петербургскому другу, при чемъ, между прочимъ, добродушно высказалъ: «Харьковъ всегда былъ мнѣ милъ; поэтому я ѣхалъ въ него съ удовольствіемъ, которое нисколько не умалилось по пріѣздѣ моемъ въ него. Народъ добрый и образованный. На дорогѣ, впрочемъ, особенно въ Москвѣ, было не безъ вопросовъ: какъ случилось перемѣщеніе мое, чтó за цѣль? и т. под. Виною недоумѣній наши бѣдные ранги іерархическіе, въ отношеніи къ коимъ Харьковъ и Вологда стоятъ почти въ обратномъ содержаніи. Поелику ученики мои давно занимаютъ степени гораздо высшія, то всякое движеніе мое въ противномъ направленіи кажется подозрительнымъ публикѣ. Это однако же нисколько не мѣшаетъ мнѣ оставаться совершенно довольнымъ своимъ добрымъ Харьковомъ».

Въ послѣдствіи, болѣе чѣмъ черезъ три съ половиною года, именно 1-го сентября 1845 г., преосвященный Иннокентій сообщалъ петербургскому другу о своей харьковской паствѣ слѣдующее: «Прошедшій мѣсяцъ мною проведенъ въ странствованіи.

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ къ своему петербургскому другу изъ Харькова Иннокентій говоритъ: «трудно таскаться изъ края въ край Россіи, не физически — вездѣ можно найти нужное, — а нравственно; ибо скоро-ли узнаешь людей на новомъ мѣстѣ и оснуешь съ ними надлежащую связь?» Н. В.

Хотѣлось поподробнѣе осмотрѣть послѣдніе три уѣзда. Теперь можно сказать, что Харьковская епархія мнѣ извѣстна во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ этнографіи. Епархія очень хорошая, и жаль было бы разлучиться съ нею. Дворянство образованнѣе всѣхъ, какія я видѣлъ въ другихъ губерніяхъ. Духовенство также не отстанетъ отъ всѣхъ мною видѣнныхъ. Только народъ вообще нуждается въ религіозномъ возбужденіи, начиная съ Харькова. Употребленныя для сего мѣры показываютъ однако же, что онъ радъ подобному возбужденію. Но многихъ мѣръ еще далеко нельзя употребить по самому нынѣшнему распорядку гражданскому. Мнѣ не разъ думалось написать о семъ что-либо, но что дѣлать съ написаннымъ? Это будетъ репортъ необыкновенный, и его нельзя отправить по командѣ».

Высказывая въ этомъ послѣднемъ письмѣ мысль, что харьковская паства «вообще нуждается въ религіозномъ возбужденіи», и что употребленныя къ тому мѣры способствуютъ «подобному возбужденію», — преосвященный Иннокентій разумѣлъ, очевидно, тѣ мѣры, которыя предприняты были съ этою цѣлію по его почину и которыя плодотворно практикуются по настоящее время. Мы укажемъ только на нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, таковы: преосвященный учредилъ весьма торжественный церковный ходъ, совершаемый ежегодно, по случаю перенесенія въ Харьковъ изъ Куряжскаго монастыря (въ 8-ми верстахъ отъ города) чудотворной иконы Божіей Матери. Какое впечатлѣніе вообще производили крестные ходы на массу—это видно изъ словъ самого Иннокентія, написанныхъ однажды имъ къ своему другу: «Новый крестный ходъ нашъ изъ Куряжа въ Харьковъ, 30-го сентября, совершился благополучно. Украйна наша показала при семъ случаѣ, что она не такъ холодна и равнодушна къ церковнымъ процессіямъ, какъ объ ней думаютъ обыкновенно». Затѣмъ Иннокентій возстановилъ нѣсколько древнихъ и особенно чтимыхъ въ народѣ монастырей и обителей, каковы, напримѣръ, Ахтырскій и Святогорскій [1]). О послѣднемъ, вскорѣ послѣ прибытія въ Харьковъ, преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «Видно, мой жребій быть возстановителемъ монастыря. Только пріѣзжаю въ Харьковъ, и на другой день получаю изъ Питера

[1]) См. «Списки іерарховъ» Строева, изд. подъ ред. М. И. Семевскаго, столб. 971, 972. Н. В.

письмо отъ одной знакомой мнѣ особы—возстановить харьковскій Святогорскій монастырь, коего мѣсто находится въ помѣстьи сей особы. Стало быть, мы, вмѣсто двухъ, по прежнему будемъ имѣть четыре монастыря. Это, право, лучше, нежели имѣть четырнадцать театровъ» [1]).

На первыхъ же порахъ своего епископства въ Харьковѣ, Иннокентію представилась возможность завести двѣ школы: одну для древне-церковной живописи, а другую для церковнаго пѣнія. По поводу этого преосвященный писалъ къ своему другу: «Въ Москвѣ одинъ купецъ, почтенный и добрый христіанинъ, предлагалъ мнѣ желаніе учредить на свой счетъ школу живописи древне-церковной. Мнѣ кажется это очень хорошимъ, и наши церковники могли бы употребимы (быть) на эту академію церковную. Не худо бы въ подобномъ же родѣ учредить дать кому-либо (ибо гдѣ намъ самимъ учреждать?) школу церковнаго пѣнія, которое у насъ брошено на произволъ судьбы, хотя составляетъ важный элементъ службы. Даже бы, мнѣ кажется, нѣкоторые монастыри могли быть обращены на это предназначеніе. Не начать-ли съ харьковскихъ [2])? Видите, какъ я разговорчивъ изъ Харькова.

---

[1]) Въ «Извлеченіи изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1844 г.», стр. 10—11, читаемъ: «Харьковской епархіи, Изюмскаго уѣзда, въ урочищѣ, называемомъ святыми горами, съ незапамятныхъ временъ существовалъ мужескій монастырь, подъ названіемъ Святогорскаго. Первые подвижники его, по образу кіевскихъ, жили въ пещерахъ, вырытыхъ въ мѣловой горѣ, гдѣ и донынѣ существуетъ пещерная церковь. Обитель сія упразднена была въ 1787 г., но память о ней сохранилась въ народѣ и привлекала туда въ разное время года множество богомольцевъ. Въ прошломъ 1843 г., владѣлецъ сосѣдственнаго имѣнія с.-петербургскій предводитель дворянства д. с. с. Потемкинъ обратился въ св. синодъ съ просьбою о возстановленіи оной и предложилъ на сей предметъ отъ себя 10 т. руб. сер. и 70 дес. лѣса, сѣнокосовъ и огородной земли, прилегающей къ урочищу. Монастырь вновь учрежденъ подъ наименованіемъ Успенской Святогорской общественной пустыни и торжественно открытъ въ 15-й день августа». Слѣдовательно, у Строева («Списки іерарховъ») годъ возобновленія монастыря (1842) показанъ не вѣрно. Н. В.

[2]) Замѣчательно, что Иннокентій, самъ не умѣвшій правильно пѣть по нотамъ, прекрасно понималъ хорошее, правильное церковное пѣніе. «Признательный и благодарный къ незабвенному архипастырю», протоіерей Г. въ своей «Вѣтви въ лавровый вѣнокъ безсмертія Иннокентію», между прочимъ, говоритъ: «утромъ каждой субботы бывала репетиція пѣвчимъ — готовились къ служенію.... Пѣвчіе при немъ стали пѣть превосходно. И вотъ еще что чудно: самъ владыка говорилъ: «вотъ природа меня чѣмъ не пожаловала — ни одной

Только почеркъ мой тотъ же бѣдный, что и на сѣверѣ. За то то же душевное, теплое уваженіе»...

Преосвященный Иннокентій не только заботился о возстановленіи древнихъ монастырей и обителей, онъ неустанно хлопоталъ и объ учрежденіи новыхъ, особенно если представлялась къ тому благопріятная случайность, а главное — если имѣлись при этомъ въ виду цѣли и способы къ благотворному воздѣйствію на мѣстное и окрестное населеніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что преосвященный началъ ревностно хлопотать объ основаніи женскаго монастыря съ училищемъ при немъ въ помѣстьи гг. Степановыхъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе изъявили живѣйшую готовность пожертвовать на учрежденіе такого монастыря очень почтенную сумму. 11-го апрѣля 1844 г. Иннокентій объ этомъ обстоятельствѣ писалъ своему петербургскому другу: «Съ самаго полученія указа объ основаніи въ С.-Петербургѣ училищнаго заведенія для дѣвицъ духовнаго званія, мысль завести нѣчто подобное для Харькова постоянно занимала меня; но недостатокъ средствъ къ тому, казалось, отнималъ всякую надежду увидѣть что-либо въ семъ родѣ. И вотъ, Господь и въ семъ случаѣ явилъ, что невозможное у человѣка—у Него возможно.

«Вблизи Харькова (30 верстъ) есть значительное помѣстье гг. Степановыхъ, принадлежащее двумъ братьямъ и сестрѣ, монашествующей въ курскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Въ прошедшемъ октябрѣ они погребли своего отца, оставившаго имъ значительное состояніе, между прочимъ, въ капиталахъ. И прежде всѣ они были не расположены къ мірской жизни, вслѣдствіе чего сестра уходомъ ушла въ монастырь изъ дома родительскаго, а послѣ сего случая и болѣзни старшаго брата сдѣлались еще удаленнѣе отъ міра и расположеннѣе къ дѣламъ благимъ. Проведши въ моей домовой церкви бо́льшую часть Великаго поста, братья явились потомъ ко мнѣ съ предложеніемъ основать въ помѣстьи своемъ женскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы при немъ было училищное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія. На все это, кромѣ готовой уже церкви, они рѣшаются употре-

---

ноты не протяну голосомъ»,—но любилъ пѣвчихъ, понималъ ноты, любилъ даже напѣвать и служилъ вѣликолѣпно!» («Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», стр. 122—123). Н. В.

бить до трехъ сотъ тысячъ, но могутъ употребить и больше, коль скоро окажется въ томъ потребность.

«Дѣло, очевидно, благое и общеполезное; но, утруждавъ въ короткое время св. синодъ двумя представленіями о двухъ монастыряхъ, намъ показалось затѣйливымъ безпокоить его объ учрежденіи третьяго. Думали-гадали, и остановились на той мысли, чтобы г. Степанову съ братомъ самому войти съ прошеніемъ къ ея высочеству Ольгѣ Николаевнѣ, яко покровительницѣ человѣколюбиваго учрежденія для дѣвицъ духовныхъ. Отъ нея можетъ уже перейти дѣло сіе куда слѣдуетъ, и такимъ образомъ избѣгнется наше выказываніе себя съ монастырями.....

«Почему, можетъ придти при семъ мысль, не учредить училища безъ монастыря? Послѣдняго требуетъ благочестивое чувство учредителей, коимъ хочется монастырь новый сдѣлать памятникомъ для своихъ родителей. Впрочемъ, и заведенію училищному лучше быть подъ сѣнію св. обители, нежели стоять одному. Можетъ быть, есть при семъ даже мысль помѣстить въ будущемъ монастырѣ настоятельницею свою сестру. Но сія мысль, очень естественная въ учредителяхъ, ничьему не вредитъ, даже многому можетъ способствовать; ибо сестра ихъ—монахиня вполнѣ достойная сего мѣста, и, безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ употребитъ на монастырь и заведеніе все, что можетъ принадлежать ей изъ наслѣдства отеческаго. И такъ, благоволите удѣлить частицу вашего времени на разсмотрѣніе сего дѣла, предложивъ его кому слѣдуетъ, и дайте намъ знать, яже подобаетъ творити. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать вашего приговора, и не только мы, но и бѣдныя сироты, приметающіяся теперь гдѣ и какъ случится».

Хотя преосвященный Иннокентій очень желалъ, чтобы при ново-учреждаемомъ женскомъ монастырѣ была и школа для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, но это его желаніе не осуществилось, по крайней мѣрѣ въ первое время. «За полгода назадъ я имѣлъ удовольствіе извѣщать васъ,—писалъ преосвященный 3-го ноября 1844 г. своему другу,—что для Харьковской епархіи открывается случай благопріятный имѣть еще, кромѣ двухъ обновленныхъ, и новую обитель.... Мысль объ устроеніи при новой обители училища для сиротствующихъ дѣвицъ едва-ли, къ сожалѣнію, придетъ при семъ случаѣ въ исполненіе. Кто-то внушилъ имъ

(строителямъ), что безмятежіе иноческаго житія можетъ сильно страдать отъ того, если ввести въ монастырь это заведеніе. Но мы не отчаяваемся, что, по крайней мѣрѣ, въ послѣдствіи состоится и сіе благое предположеніе. Средства къ тому найдутся. Они же сами не прочь отъ того, чтобы сдѣлать на сіе пожертвованіе».

Черезъ полгода съ небольшимъ, именно 2-го іюля 1845 г., Иннокентій по поводу новооткрываемаго монастыря писалъ своему другу: «Благоволите принять благодарность за то благосклонное участіе, которое оказано вами въ дѣлѣ гг. Степановыхъ или, лучше сказать, общемъ нашемъ. Они не находятъ словъ, какъ выразить свою благодарность къ его сіятельству и вамъ. На прошедшихъ дняхъ мы распланировали мѣсто для новаго монастыря. Онъ будетъ въ другомъ родѣ, нежели Ахтырскій и Святогорскій монастыри, безъ горъ и юдолей, но съ самою пріятною сельскою физіономіей. Очень хочется имъ имѣть на благословеніе одну изъ иконъ упраздненнаго монастыря Курскаго, о чемъ и послано прошеніе къ его сіятельству. Дѣло, кажется, не трудное, ибо икона почти по праву, какъ изволите увидѣть изъ прошенія, принадлежитъ намъ. Но можетъ явиться оппозиція со стороны власти, предержащей въ Курскѣ. Посему покорнѣйше просимъ употребить нужное посредство къ избѣжанію всякихъ пререканій» [1]).

Кстати приведемъ здѣсь еще одно мѣсто изъ письма Иннокентія къ своему другу, отъ 27-го октября того же 1845 г. «У гражданъ здѣшнихъ, по случаю ежегоднаго перенесенія св. иконы изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій соборъ каѳедральный (онъ при моемъ домѣ), болѣе и болѣе усиливается мысль просить

---

[1]) Монастырь, о которомъ идетъ рѣчь, извѣстенъ нынѣ подъ именемъ Харьковскаго Николаевскаго, 2-го класса, основанъ въ 1845 г., а не въ 1846, какъ значится у Строева въ его «Спискахъ іерарховъ» (см. столб. 978). 27-го октября 1845 г. Иннокентій писалъ своему петербургскому другу: «Честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству краткое описаніе открытія новаго монастыря нашего съ приложеніемъ и того, что̀ было сказано по сему случаю открывавшимъ. Если подобный матеріалъ можетъ годиться для вашего журнала («Министерства Народнаго Просвѣщенія»), то благоволите помѣстить его. Если же онъ не придется подъ цвѣтъ ему, то соблаговолите передать въ какой либо другой. Намъ хочется только доставить симъ утѣшеніе строителямъ монастыря, кои очень встревожены задержкою въ св. синодѣ бумаги о постриженіи сестры ихъ. Посему покорнѣйше просимъ, гдѣ бы ни напечаталось, прислать намъ нѣсколько оттисковъ отпечатаннаго, для нихъ же». Н. В.

о возстановленіи на семъ мѣстѣ прежде бывшаго Покровскаго монастыря. Это было бы намъ весьма кстати. Но возможное ли дѣло? Мы уже надоѣли вамъ съ монастырями. Къ цѣли сей два пути: перевести штатъ изъ Куряжскаго, который можетъ остаться приписнымъ къ Покровскому, какъ и было нѣкогда, иль внесеніе отъ кого либо денегъ на новый монастырь. Дайте намъ совѣтъ— что̀ лучше, если только это не есть вещь несбыточная. Соборъ самый въ такомъ случаѣ можетъ быть переведенъ въ соборъ Успенскій, который и занималъ мѣсто каѳедральнаго во всѣхъ случаяхъ, пока мы не оправили Покровскаго».

Если преосвященный Иннокентій заботился объ учрежденіи школъ для живописи и церковнаго пѣнія, то на училища духовныя, преимущественно же на семинарію, онъ не могъ не обратить особеннаго своего вниманія.

Прежде всего харьковскій владыка озаботился устроить новое великолѣпное зданіе для семинаріи, на новомъ, видномъ мѣстѣ. Но и при этой, какъ выражается Иннокентій, «благопотребной затѣѣ», обошлось съ его стороны не безъ хлопотъ, заботъ, просьбъ и затрудненій. Такъ, 13-го сентября 1842 г. преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «По прошедшей почтѣ получили мы увѣдомленіе объ отпускѣ суммы на здѣшнюю семинарію. Крайне благодаренъ за милость. Но есть одно обстоятельство, которое заставляетъ при семъ крѣпко задуматься. Такая огромная постройка требуетъ начальника семинаріи самаго дѣятельнаго, а у насъ его, къ сожалѣнію, нѣтъ. Скажемъ дѣло какъ есть. Ректоръ здѣшній—человѣкъ молодой, довольно здоровый, за нѣсколько лѣтъ, по чистой почти лѣности, вздумалъ отказаться отъ должности профессора. Другой употребилъ бы потомъ покой и способности свои во благо семинаріи,—онъ, напротивъ, предался праздной жизни, изъятой, впрочемъ, отъ всѣхъ видовъ невоздержанія. Главнымъ дѣйствователемъ остался одинъ инспекторъ семинаріи и трудился по всей возможности. Но недостатокъ авторитета, молодость, слабость здоровья—не позволили ему сдѣлать всего, что требовалось для блага семинаріи. Оттого она едва не послѣдняя въ кіевскомъ округѣ, тогда какъ, по способности здѣшняго юношества, могла бы быть изъ первыхъ. При такомъ положеніи вещей, теперь надобно заняться постройкою. Что̀ намъ

дѣлать въ такомъ случаѣ? Я бы желалъ слѣдующаго: ректора теперешняго перевести въ другое мѣсто, нынѣшняго инспектора сдѣлать ректоромъ и дать намъ хорошаго инспектора; тогда мы могли бы отвѣчать и за внѣшнее, и за внутреннее благоустройство семинаріи, которую оставлять въ слабомъ состояніи крайне жаль, тѣмъ паче, что нашъ городъ полонъ заведеній учебныхъ. Прошу покорнѣйше объяснить, если можно, сіи обстоятельства его сіятельству. Только при семъ усерднѣйшая просьба: не уронить слишкомъ теперешняго нашего ректора. Правда, что онъ очень лѣнивъ (почему не говоритъ никогда проповѣдей по назначенію, даже и служитъ рѣдко), но вмѣстѣ съ тѣмъ трезвъ, честенъ и не глупъ. Потерять такого человѣка было бы очень жаль, и если я пишу нѣсколько противъ него, то потому, что не хочу мѣнять семинаріи на одного человѣка. Его собственное желаніе ограничивается полученіемъ въ управленіе какого либо монастыря; впрочемъ, онъ можетъ занять мѣсто и высшее. Если потребуется съ моей стороны какая либо бумага, то я, по увѣдомленію отъ васъ, готовъ написать о семъ его сіятельству. Только гораздо лучше бы было, еслибы это было сдѣлано, если можно, безъ всякихъ бумагъ».

Какъ видно, преосвященный Иннокентій весьма озабоченъ былъ постройкою новаго зданія для семинаріи; но главнымъ предметомъ его мыслей и заботливости было внутреннее благоустройство ея, зависящее отъ состава начальниковъ и преподавателей и отъ ихъ взаимныхъ отношеній,—при чемъ частая перемѣна учителей, особенно же лицъ начальствующихъ, обыкновенно не могла приносить, по мнѣнію Иннокентія, пользы дѣлу воспитанія и образованія. Хотя на мѣсто прежняго ректора Филофея и присланъ былъ другой, но съ такимъ слабымъ здоровьемъ, что «его,—писалъ преосвященный своему другу въ Петербургъ,—надобно не употреблять на трудъ, а беречь и хранить. А тутъ постройка семинаріи—дѣло очень хлопотливое. Не знаешь, какъ и преодолѣть эту трудность». Черезъ три дня, именно 29-го ноября 1843 г., Иннокентій писалъ къ тому же петербургскому другу: «Болѣзненное состояніе о. ректора здѣшней семинаріи заставило и его и меня хлопотать о сложеніи съ него ученыхъ должностей. Между тѣмъ, получена теперь бумага о назначеніи ему помощника по классу. Легко станется, что, при сей помощи, онъ возможетъ

еще дѣлать свое дѣло, на что у него немалая способность. Посему, еслибы еще доселѣ не рѣшенъ былъ жребій его, то мы готовы съ нимъ до времени оставаться въ настоящемъ положеніи. Мнѣ особенно тѣмъ пріятнѣе было бы это, что перемѣна ректоровъ чается невыгодна по многимъ отношеніямъ; а сей ректоръ, кромѣ болѣзни, не имѣетъ никакихъ недостатковъ. Впрочемъ, да будетъ воля Божія и начальства!...

«Судьба о. Іеронима—ректора, при настоящихъ перемѣнахъ, остается та же, что и прежде. Между тѣмъ, какъ я прежде увѣдомлялъ васъ, для него полезнѣе было бы продолжать служеніе въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь сдѣлано для устроенія судьбы его все, что можно было сдѣлать. А обстоятельства не совсѣмъ благопріятствуютъ его здѣшнему пребыванію, ибо въ университетѣ здѣшнемъ много поляковъ, съ коими онъ встрѣчался прежде, въ своихъ странствованіяхъ. Впрочемъ, и это дѣло вполнѣ предоставляется благоусмотрѣнію вашему».

Затѣмъ, почти черезъ два года, 1-го сентября 1845 г., Иннокентій снова пишетъ въ Петербургъ о ректорѣ семинаріи: «Въ прошедшемъ письмѣ я упоминалъ о нуждѣ дать для здѣшней семинаріи новаго ректора. Теперь я пишу о томъ же его сіятельству. Настоящій начальникъ хорошъ и поведеніемъ, и познаніями, но весьма слабъ здоровьемъ, неопытенъ для управленія здѣшнимъ народомъ и, вмѣсто помощи мнѣ, имѣетъ нужду въ томъ, чтобы носить его, такъ сказать, на своихъ плечахъ. Вотъ вамъ примѣръ всего этого изъ двухъ только недѣль: въ пятокъ, передъ субботою Лазаревою, торжество о рожденіи царевича—онъ не хочетъ служить, будучи свободенъ; въ субботу Лазареву крестный ходъ изъ собора въ соборъ, съ вербою—онъ бросилъ его и ѣдетъ въ свой монастырь. Омовеніе ногъ въ четвертокъ—онъ не хочетъ быть на немъ и служитъ въ монастырѣ. Въ великій пятокъ ему проповѣдь—его нѣту въ городѣ. На Пасху его уже не просимъ—онъ является самъ служить; въ недѣлю антипасхи новый крестный ходъ—его нѣту, и проч. и проч. Я всячески покрываю его уклоненія въ подобныхъ случаяхъ и готовъ бы все переносить, но семинарія имѣетъ нужду въ управленіи строжайшемъ и лучшемъ. Въ академіи онъ можетъ быть очень хорошимъ наставникомъ, ибо довольно знающъ. Нельзя ли дать ему подобнаго мѣста? Этому онъ будетъ самъ радъ. А мнѣ, если

нельзя прислать изъ Кіева о. Өеофана Авсенева, присылайте кого угодно, только бы дѣлалъ свое дѣло».

При частой перемѣнѣ начальствующихъ лицъ семинаріи, дѣло преподаванія въ ней затруднялось еще недостаткомъ учителей, на что Иннокентій неоднократно указывалъ своему петербургскому другу. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 14-го февраля 1844 г., преосвященный писалъ: «Что вы не присылаете къ намъ въ семинарію наставниковъ? Академіи обременяются тѣмъ, что не знаютъ, куда дѣвать людей, а семинаріи страдаютъ оттого, что въ классахъ нѣтъ учителей. Право, странный образъ дѣйствія духовно-учебнаго управленія».

Вообще положеніе семинаріи въ педагогическомъ отношеніи было не завидно. Иннокентій всячески старался помочь горю, но заботы его не всегда приводили къ желаннымъ послѣдствіямъ... 2-го іюня 1845 г. преосвященный писалъ своему другу: «Думаю, что г. Новосильскій уже прибылъ въ Петербургъ. Я просилъ его объяснить его сіятельству и вамъ нескладное положеніе начальства здѣшней семинаріи. Къ крайней неопытности въ управленіи присоединился еще, на бѣду, духъ взаимнаго немиролюбія, такъ что я непрестанно долженъ употреблять свое посредство въ предупрежденіе дальнѣйшихъ смутъ. Крайне была бы обязана харьковская семинарія, а вмѣстѣ съ ней и я, еслибы о. ректору дано было другое мѣсто, а сюда присланъ въ ректоры о. профессоръ кіевской академіи, іеромонахъ Авсеневъ, или казанской академіи, профессоръ о. Фотій или Серафимъ».

Кажется, Иннокентію не довелось, при всѣхъ его просьбахъ и хлопотахъ, установить надлежащій, сообразный съ воспитательными цѣлями юношества, внутренній распорядокъ семинаріи до выѣзда его изъ Харькова, и, конечно, это зависѣло не отъ его доброй воли, а отъ высшаго духовнаго управленія, которое, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ (о чемъ будетъ сказано ниже), дѣйствовало прямо въ ущербъ православнаго духовенства и даже—самой нашей церкви.

Преосвященный Иннокентій, скоро разузнавши неприглядный бытъ духовенства, особенно сельскаго, во ввѣренной ему епархіи, пришелъ къ той разумной мысли объ обезпеченіи этого быта, предположенія къ осуществленію которой начали разработываться

только въ наше время, именно: поднять уровень матеріальнаго благосостоянія духовенства посредствомъ денежнаго пособія, или даже жалованья отъ правительства. Эта важная реформа, какъ извѣстно, вполнѣ не осуществилась и теперь, хотя для нея и много уже сдѣлано... «Скоро ли вы обрадуете наше бѣдное духовенство помощію отъ правительства?—писалъ преосвященный своему другу 2-го іюня 1845 г.—Въ этомъ настоитъ, особенно по нѣкоторымъ мѣстамъ, крайняя нужда. Безъ обезпеченія состоянія всѣ реформы по училищамъ не могутъ принести плода. Нехудо бы подумать и объ архіерейскихъ домахъ. Нѣкоторые терпятъ не менѣе сельскихъ причтовъ. Но если трудно дѣлить пособія, то пусть лучше все идетъ къ нимъ».

Кстати объ архіерейскихъ домахъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, Иннокентій писалъ (28-го февраля 1842 г.) своему петербургскому другу о харьковскомъ архіерейскомъ домѣ слѣдующее: «Одной бы только милости желалъ я здѣсь отъ начальства, чтобы улучшено было содержаніе дома архіерейскаго, который есть одинъ изъ бѣднѣйшихъ. Св. синодъ давно знаетъ о сей бѣдности, и владыкѣ писалъ о своей готовности помочь. Только, какъ начать это дѣло? Не письмомъ же къ его сіятельству? Тащиться съ репортомъ о семъ въ синодъ мнѣ не хочется, и мы лучше будемъ сидѣть безъ хлѣба, нежели просить его среди площади». 27-го октября 1845 г., по тому же предмету Иннокентій писалъ въ Петербургъ: «Да нельзя-ли напомнить (графу) еще о моей просьбѣ, адресованной къ его сіятельству за три года передъ симъ и оставленной безъ отвѣта, сущность коей состояла въ томъ, чтобы здѣшнему дому архіерейскому положенъ былъ окладъ по примѣру третье-классныхъ. Это никому не будетъ въ соблазнъ, ибо здѣшній домъ всѣмъ извѣстенъ крайнею скудостію своего содержанія. Сосѣдямъ нашимъ такъ вы слишкомъ щедры, а насъ, бѣдныхъ, вовсе забываете. Говорю такъ жалобно потому, что приходитъ время платить должникамъ [1]), а средствъ нѣту».

На содержаніе архіерейскаго дома не было, по видимому, ассигновано добавочныхъ суммъ, сколько объ этомъ ни хлопоталъ Иннокентій. Самому же ему, вѣроятно, во вниманіе особенныхъ заслугъ его по управленію епархіею, увеличенъ былъ окладъ

---

[1]) Преосвященный, очевидно, обмолвился, сказавши «должникамъ», а не «кредиторамъ».

содержанія, но уже въ то время, когда преосвященный нисколько въ томъ не нуждался: «Что это вамъ вздумалось баловать насъ роскошью?—спрашивалъ Иннокентій своего друга въ письмѣ отъ 4-го мая 1846 г.,—я разумѣю прибавокъ къ своему окладу. За четыре года назадъ, когда мы слезно писали о нашихъ нуждахъ, это была бы великая милость. А теперь, когда мы немножко поправились трудами рукъ своихъ, можно бы безъ нея и обойтись. Другое дѣло, еслибы что сдѣлано было для дома архіерейскаго, который имѣетъ въ томъ существенную нужду. Развѣ та выгода, что при семъ условіи можно подолѣе пожить на одномъ мѣстѣ. Это благо великое»..... Но его, какъ увидимъ ниже, не привелось испытать преосвященному Иннокентію.

Мы упомянули, что харьковскій владыка очень ревностно заботился о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, и особенно о благосостояніи церквей, монастырей, духовныхъ заведеній и проч. Но такъ какъ въ этомъ отношеніи оказывались по преимуществу все-таки—нужда, бѣдность, или недостатки,—то, понятное дѣло, Иннокентій сочувственно относился только къ тому, что способствовало къ устраненію подобнаго положенія, и далеко не дружелюбно смотрѣлъ на тѣ мѣры, которыя, въ дѣйствительномъ ихъ примѣненіи, оказывались или затруднительными, или даже невозможными. Мы не видимъ надобности приводить всѣ тѣ мѣропріятія, съ которыми харьковскій преосвященный не соглашался, или по крайней мѣрѣ находилъ ихъ неудобопримѣнимыми. Укажемъ только на слѣдующее:

За границей, въ Шавгаузенѣ, написана была кѣмъ-то книжка, въ которой, вмѣстѣ съ искаженіемъ исторіи русской церкви и съ разными «клеветами» на нее, находилось не мало и такого, что заслуживало полнаго и серьезнаго вниманія. Иннокентій, слѣдящій за иностранною духовною литературою, обратилъ вниманіе на эту книжку, и объ ней не однажды бесѣдовалъ въ письмахъ съ своимъ петербургскимъ другомъ, изъ которыхъ въ одномъ онъ, относительно заслуживающаго вниманія, 10-го ноября 1845 г. писалъ:

«Въ концѣ прошедшаго письма я упомянулъ о книжкѣ, вышедшей недавно въ Шавгаузенѣ, и сказалъ, что тамъ есть нѣчто

и стоющее вниманія, напримѣръ: крайнее стѣсненіе церкви въ правѣ пріобрѣтать имущества. Никто, кажется, такъ не терпитъ отъ сего, какъ мы съ новыми нашими монастырями. Нашлось бы не мало людей, готовыхъ пожертвовать: кто—поля, кто—лѣсу. Начнутъ дѣло; мы къ нимъ съ тысячью вопросовъ: кто у нихъ наслѣдникъ, объявлено-ли было имъ и проч., и дѣло кончается ничѣмъ. И пусть бы этого требовалъ сводъ законовъ: онъ гораздо милостивѣе. Св. синодъ собственнымъ распоряженіемъ (ибо указъ отъ него) [1]) наложилъ на себя и всю церковь нерѣшимыя узы. Ради Бога, вникните въ этотъ указъ..... Онъ рѣшительно долженъ убить все. Это истинное самобійство!».. [2]).

Заботясь о средствахъ или нѣкоторыхъ мѣрахъ, ведущихъ къ преуспѣянію православія въ Харьковской епархіи, преосвященный Иннокентій не могъ не обратить вниманія на католиковъ и особенно на уніатовъ, вопросъ о которыхъ сильно занималъ тогда наше правительство. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, мы увидимъ, какъ преосвященный смотрѣлъ вообще на католичество въ Россіи; здѣсь же упомянемъ только, что, по какому бы то ни было поводу, онъ не замедлялъ высказывать свой взглядъ по вопросу о положеніи у насъ католиковъ. Въ письмѣ къ своему другу, отъ 25-го ноября 1843 г., преосвященный, между прочимъ, писалъ: «На прошедшей почтѣ я отправилъ къ вашему превосходительству одинъ изъ журналовъ католическихъ, съ критикою на нашъ католическій катехизисъ. Дѣло показалось мнѣ стоющимъ вашего вниманія, — а съ другой стороны, представилось, что подобные журналы у насъ рѣдки и можетъ статься, что

---

[1]) Циркуляръ 31-го іюля 1843 г.

[2]) Въ видахъ возбужденія въ народѣ благочестивой ревности къ храмамъ Божіимъ, Иннокентій находилъ желательнымъ и даже необходимымъ производить время отъ времени награды тѣмъ свѣтскимъ лицамъ, которыя дѣлаютъ болѣе или менѣе крупныя пожертвованія на церкви, монастыри, духовно-учебныя заведенія и проч. Такимъ образомъ, 24-го февраля 1845 г., онъ писалъ петербургскому другу. «На прошедшей почтѣ отправлено къ его сіятельству отношеніе о наградѣ одного изъ здѣшнихъ купцовъ медалію за пожертвованіе на церкви. Усерднѣйше молимъ васъ оказать возможное участіе въ семъ дѣлѣ, ибо и награждаемый вполнѣ стоитъ того, и награда его можетъ оказать преблаготворное дѣйствіе для церквей нашихъ. Дѣлать сіи вещи изрѣдка крайне нужно и вездѣ, а въ здѣшней сторонѣ, холодной вообще къ церквамъ, тѣмъ паче».

Н. В.

посланный мною не былъ еще у васъ на виду. Къ величайшему удовольствію моему, доставъ послѣ католическій нашъ катехизисъ (прежде не могъ я сего сдѣлать, по рѣдкости у насъ сей книги), я не нашелъ въ немъ того, что навязывается ему журналистомъ заграничнымъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, не мѣшало бы что-либо написать въ заграничныхъ вѣдомостяхъ, служащее къ поясненію состоянія у насъ католиковъ. Состояніе это ничѣмъ не хуже состоянія православныхъ, а еще, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, лучше; а между тѣмъ, наше молчаніе даетъ поводъ писать о насъ, чтò вздумается, и распространять множество лжи на счетъ нашъ, какъ это видно изъ газетъ и журналовъ, мною получаемыхъ».

«Заговоривъ о семъ предметѣ,—продолжаетъ далѣе Иннокентій,—не могу скрыть отъ васъ еще одной мысли. Правительство видимо затрудняется остаткомъ, хотя малымъ, уніатства и принуждено прибѣгать къ мѣрамъ не совсѣмъ мягкимъ, какъ это сдѣлано недавно въ Курскѣ. По моему—напрасно. Той же цѣли можно было достигнуть другимъ, самымъ простымъ способомъ. Знаете ли, почему сіи люди такъ упорны? Потому главное, какъ оказывается изъ свѣдѣній, до меня дошедшихъ, что имъ не знать, чтò дѣлать съ собою,—не знать, какъ послѣ жить, обратившись въ православіе. Если бы этотъ способъ былъ открытъ, то все уладилось бы, какъ нельзя лучше. Чего стоило бы обезпечить ихъ дальнѣйшее существованіе? И соблазнъ значительно былъ бы избѣгнутъ. Пишу все сіе, между прочимъ, потому, что и ко мнѣ пришелъ уніатъ упорный изъ Полтавы, а упорство его именно такого рода. Назначьте ему въ содержаніе, въ какомъ бы то ни было видѣ, 400—300 руб., и онъ завтра же подастъ просьбу о обращеніи» [1]).

---

[1]) По этому поводу петербургскій другъ писалъ Иннокентію: «Что касается сообщенной вами мысли о надежнѣйшемъ средствѣ къ преклоненію нѣсколькихъ остающихся упорными лицъ изъ бывшаго уніатскаго духовенства назначеніемъ имъ необходимаго къ содержанію пособія, то желательно было бы, чтобы это средство могло быть вполнѣ успѣшнымъ, какъ того ваше преосвященство надѣетесь въ отношеніи къ присланному изъ Полтавы въ Харьковъ упорному уніату. Въ этомъ смыслѣ считаю нужнымъ сообщить, что какъ теперь въ сельскихъ приходахъ западнаго края духовенство не только обезпечено, но и положено снабдить оное домами, то еслибы этотъ упорный рѣшился явить повиновеніе церкви, можно бы смѣло обѣщать ему опредѣленіе къ

Ранѣе того, именно при самомъ началѣ своего пребыванія въ Харьковской епархіи, преосвященный Иннокентій обратилъ вниманіе на вопросъ объ уніатствѣ, взглядъ на который по одному частному случаю и не преминулъ высказать петербургскому другу, въ письмѣ отъ 30-го марта 1842 г.:

«А въ здѣшнемъ университетѣ вышло небольшое приключеніе,—писалъ преосвященный.—Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, одинъ кандидатъ вздумалъ держать экзаменъ на степень магистра по разсужденію объ уніи. Такой предметъ, который теперь имѣетъ значеніе не одно историческое, а и государственное, обратилъ, вслѣдствіе сего, особенное вниманіе на это разсужденіе. Я, къ удивленію, нашелъ, что оно писано очень въ нехорошемъ, почти не въ русскомъ духѣ, такъ что скорѣе можетъ быть выставлено въ любомъ журналѣ иностранномъ, какъ доказательство, что и изъ русскихъ есть люди, кои смотрятъ на унію не по-русски. Это заставило меня сказать свое опасеніе главамъ здѣшняго университета, и они, вполнѣ раздѣляя его, рѣшились, пріостановивши диспутанта, послать это разсужденіе къ вамъ на просмотръ предварительный. Мѣра весьма благоразумная. Вамъ виднѣе дѣла сего рода, и вашъ приговоръ положитъ конецъ недоумѣніямъ. Только во всякомъ случаѣ множество дерзкихъ выраженій на счетъ восточной церкви и ея патріарховъ, кажется, не должны быть пропущены, ибо они, кромѣ того что антиполитическія, противны исторіи, и публичное защищеніе ихъ можетъ произвесть соблазнъ. Между тѣмъ, очень жаль было бы, еслибы изъ сего разсужденія выведено было что либо въ предосужденіе автора его. Это просто недоразумѣніе молодаго человѣка, который своими дарованіями и усердіемъ къ дѣлу подаетъ о себѣ хорошія надежды, и онъ готовъ былъ самъ исправить все, что можно, токмо университетская цензура затруднилась возвратить назадъ дѣло, будучи сама связана какими-то законами. Для скорѣйшаго

первому вакантному возсоединенному приходу, съ чѣмъ соединится совершенное обезпеченіе его участи, вмѣстѣ съ предоставленіемъ ему носить прежнюю одежду и съ полнымъ забвеніемъ его прежняго непокорства. Успѣхъ въ его обращеніи пріобрѣтетъ вамъ новое право на признательность св. синода».

Н. В.

соображенія вашего по сему дѣлу, я счелъ за небезполезное приложить при семъ и самое разсужденіе»[1]).

Преосвященный Иннокентій, обращая вниманіе на вопросъ объ уніатствѣ, особенно близко принималъ къ сердцу религіозно-нравственное состояніе своей харьковской паствы (о чемъ упоминалось выше), и это тѣмъ болѣе, когда представлялся ему благопріятный случай. Одинъ изъ помѣщиковъ Харьковской губерніи. нѣкто г. Ширко, послалъ въ родѣ извѣта или доноса, на французскомъ языкѣ, письмо къ оберъ-прокурору св. синода[2]), въ которомъ мрачными красками описалъ состояніе Украйны въ религіозно-обрядовомъ и нравственномъ отношеніи. Письмо это было препровождено петербургскимъ другомъ къ Иннокентію, и послѣдній, по поводу его, отъ 14-го февраля 1844 г., писалъ слѣдующее:

«Честь имѣю возвратить вашему превосходительству письмо г. Ширко. Содержаніе его мнѣ уже извѣстно было изъ разговора моего съ симъ помѣщикомъ, въ бытность мою у него въ селѣ прошедшимъ лѣтомъ. Посему-то и удивительно для меня, что онъ свои мнѣнія помѣстилъ въ письмѣ всѣ сполна, а мои соображенія отложилъ въ сторону и умолчалъ о нихъ. Умолчалъ, во 1-хъ, оттого, что печальная картина религіознаго невѣжества и апатіи, имъ нарисованная, идетъ не ко всѣмъ украинцамъ, а только къ помѣщичьимъ крестьянамъ; во 2-хъ, не сказалъ того, что помѣщики суть истинные виновники сего жалкаго состоянія. Это прекрасно, что теперь г. Ширко самъ гонитъ крестьянъ своихъ въ церковь,—но это начало дѣлаться не болѣе года, когда онъ возвратился изъ службы домой. Навести бы справку: сколько лѣтъ передъ тѣмъ его предки или управители гнали крестьянъ изъ церкви? Удивительно ли послѣ того, если ими снискана несчаст-

---

[1]) Дѣло идетъ о магистерской диссертаціи талантливаго нашего историка и ученаго Николая Ивановича Костомарова. Въ «Запискахъ» своихъ, значительная часть которыхъ уже написана, Николай Ивановичъ, безъ сомнѣнія, во всѣхъ подробностяхъ разскажетъ этотъ весьма интересный эпизодъ, многозначительный не только по отношенію къ его біографіи, но и въ лѣтописи Харьковскаго университета и для характеристики архіепископа Иннокентія. Являясь «доносителемъ», Иннокентій провидѣлъ однако, что авторъ преслѣдуемой книги съ «дарованіями» и «подаетъ хорошія надежды». Тѣмъ неосторожнѣе поступилъ преосвященный возбудивъ это дѣло.... Ред.

[2]) Приводимъ въ приложеніи переводъ этого любопытнаго документа.

ная привычка не бывать въ церкви? Неужели есть помѣщики, кои гонять изъ церкви? Кои гонять прямо—такихъ не много, а кои гонять стороною, невидимо—таковы почти всѣ. Это гоненіе стороною состоитъ въ томъ, что бѣдному крестьянину такъ мало дней остается отъ панщины для своихъ работъ, что онъ поневолѣ въ праздники спѣшитъ не въ церковь, а на свое поле, или употребляетъ его просто на отдыхъ, къ коему малороссъ расположенъ гораздо болѣе великороссіянина. А указъ о трехъ дняхъ работы на господина? Кто смотритъ на него? Ибо кто смотритъ за исполненіемъ его? Онъ нерушимо остается на бумагѣ, въ архивѣ. Чтò при такомъ положеніи вещей дѣлать священнику? Вступать въ доносы на помѣщика? Это значило бы лишить себя съ семьею не только спокойствія, даже пропитанія. Чтò дѣлать и епархіальной власти? Поднять тревогу по всей губерніи? Но къ чему бы повело это? Очевидно, необходимо какое либо государственное учрежденіе для пресѣченія сего зла, а зло крайне велико и даетъ результаты самые печальные для будущности отечества. Г. Ширко самъ чувствуетъ нужду въ подобной мѣрѣ и хотѣлъ бы, чтобы надзоръ за отношеніемъ къ церкви поселянъ лежалъ не на однихъ священникахъ и благочинныхъ, а и на становыхъ приставахъ, и на помѣщикахъ. Нѣтъ ничего основательнѣе (?) сего предположенія. Почему не поставить закономъ, чтобы всѣ начальники, каждый по своей части, репортовали, по временамъ, о семъ предметѣ высшему начальству? Особенно о исповѣди. Законоположеніе наше признаетъ важнымъ сіе дѣло въ отношеніи судебномъ, и допросъ подсудимаго и свидѣтеля всегда начинается тѣмъ: какого онъ исповѣданія и бывалъ ли у исповѣди и причастія? Но это теперь одна форма, и бывалый, и небывалый—равно всегда бывалъ. Но тогда были бы справки о бытіи. А еще лучше, если бы бывавшій всегда имѣлъ квитокъ въ бытіи дѣйствительномъ. Это одно, безъ другихъ усильныхъ средствъ, заставило бы всѣхъ и каждаго бывать у исповѣди, тогда какъ теперь множество упущеній въ семъ дѣлѣ, хотя они и не показываются въ исповѣдныхъ книгахъ [1]).

---

[1]) Для насъ, живущихъ при другихъ общественныхъ условіяхъ и реформахъ нынѣшняго времени, можетъ показаться странною предлагаемая преосвященнымъ Иннокентіемъ мѣра; но не слѣдуетъ забывать, что она должна была осуществиться при господствѣ крѣпостнаго права. Н. В.

«Обращаясь за симъ отъ сего случая къ общему положенію религіозности въ народѣ, съ горестію должно сказать, что множество причинъ умствуютъ (?) постоянно и сильно за ослабленіе, между тѣмъ какъ ничего почти не дѣлается для огражденія ея. И вотъ важная задача для высшаго правительства церковнаго! Проходя исторію его со временъ Петра I-го, видимъ, что сія задача оставалась въ сторонѣ, между тѣмъ какъ она должна всегда быть первая и послѣдняя. Въ одномъ рукописномъ сочиненіи, случайно попавшемъ въ мои руки, весьма основательно изображены съ сей стороны нужды нашей церкви и ея бѣдственное положеніе, указанъ отчасти и способъ, что̀ именно нужно дѣлать. По внимательному взгляду, соединенному съ желаніемъ истиннаго добра отечеству, и безъ того не трудно усмотрѣть, гдѣ источникъ зла и какія противъ того средства. Вашему управленію предлежитъ заняться симъ важнымъ дѣломъ, за которое похвала не отъ человѣка токмо, но отъ Бога».

Приведемъ здѣсь еще одинъ отрывокъ изъ этого же письма, который хотя и вызванъ былъ особымъ обстоятельствомъ, но по мысли вполнѣ соотвѣтствуетъ вопросу, о которомъ идетъ рѣчь. Иннокентій писалъ: «Кто бы это былъ сочинитель книги о гоненіяхъ на католиковъ въ Россіи? При всей злобѣ, которая водила перомъ его, въ ней есть мѣста, стоющія примѣчанія. И что всего примѣчательнѣе—размышляющая публика и въ Россіи совсѣмъ не того же мнѣнія. По крайней мѣрѣ, мнѣ не разъ доводилось слышать подобныя разсужденія. А еще болѣе всякъ, кто можетъ, толкуетъ о томъ, о чемъ писалъ къ вамъ г. Ширко. Значитъ, пробудилась уже общественная потребность въ дѣйствіи со стороны духовнаго правительства. Почему, слѣдовательно, не начать дѣлать что либо исподволь къ ея удовлетворенію?»

Теперь мы скажемъ объ учено-литературныхъ занятіяхъ преосвященнаго Иннокентія, которыя онъ не оставлялъ при всѣхъ своихъ заботахъ по управленію ввѣренной ему епархіи, и затѣмъ приведемъ нѣкоторые особенные случаи изъ его общественной дѣятельности и частной жизни, за время до назначенія его въ Херсонъ.

Выше мы упомянули, что Иннокентій, будучи еще ректоромъ

кіевской академіи, составлялъ, при содѣйствіи профессоровъ ея, «Догматическій Сборникъ», съ цѣлью «представить памятникъ православной вѣры, который бы свидѣтельствовалъ, какъ въ продолженіе всѣхъ столѣтій сохранялась она въ православной церкви со всею неизмѣнностію и чистотою». При составленіи этого, весьма важнаго по своей задачѣ, труда, требовались не только глубокія историческія, филологическія и богословскія знанія, но еще имѣніе подъ руками необходимыхъ ученыхъ пособій, какъ-то: спеціальныхъ книгъ, древнихъ хроникъ, рѣдкихъ рукописей и т. п. Въ бытность преосвященнаго въ Кіевѣ начатое изданіе, о которомъ идетъ рѣчь, было далеко не окончено. Поэтому мысль о продолженіи и особенно объ окончаніи его не оставляла Иннокентія какъ въ Вологдѣ, такъ и въ Харьковѣ, хотя осуществленіе ея, по совершенному отсутствію подъ руками только что указанныхъ ученыхъ пособій, представлялось дѣломъ крайне затруднительнымъ, а порою даже невозможнымъ. 29-го декабря 1841 г. преосвященный писалъ изъ Вологды своему петербургскому другу вотъ что:

«Въ дополненіе къ офиціальнымъ бумагамъ, позвольте побесѣдовать съ вами неофиціально, и первѣе всего о «Сборникѣ». Мнѣ ли не желать ему скорѣйшаго окончанія? Но чтò дѣлать, когда дѣло само по себѣ крайне трудно, а обстоятельства мои не менѣе затруднительны? Какъ продолжать съ успѣхомъ трудъ, требующій всякаго рода справокъ историческихъ, когда въ здѣшней библіотекѣ нѣтъ даже и того, чтò составляетъ азбуку историческую; нѣтъ, напримѣръ, ни одного, хотя бы несовершеннаго, «Собранія Соборовъ»? Присылаемыя вами разныя книги не только не наполняютъ нашего недостатка, а еще болѣе обнаруживаютъ нашу бѣдность.—Вы хотѣли придать мнѣ въ помощь архимандритовъ, но что-бы они дѣлали здѣсь безъ ученаго пособія? И гдѣ, изъ незанятыхъ учеными должностями людей, найти сотрудника, который бы могъ войти въ духъ сего дѣла и работать какъ должно? Для перевода готовой печатной статьи можно сыскать десятки переводчиковъ. Но отыскать матеріалъ, сообразить его важность удѣльную, расшифровать рукопись—для сего потребно болѣе, нежели обыкновенное знаніе греческаго или латинскаго языка. Я оставилъ въ Кіевѣ нѣсколько статей, уже переведенныхъ, для одной провѣрки окончательной съ подлинникомъ—и доселѣ не

добьюсь, чтобъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ выслали ихъ. Среди сихъ обстоятельствъ остается одно: представить вамъ перечень того. что найдено, обработано, приготовлено, и сказать смиренно: вотъ что можно было намъ сдѣлать; примите, что̀ есть, и употребите, какъ вамъ будетъ угодно. Согласны ли? Можно въ добавокъ сказать, что̀ бы я еще желалъ видѣть въ «Сборникѣ» для его полноты и совершенства. Если послѣднее окажется нужнымъ и удобоисполнимымъ, то окончаніе дѣла можетъ быть возложено на какую либо коммисію или академію, а всего лучше на московскую, которая, подъ руководствомъ своего владыки, пользуясь, между прочимъ, синодальною библіотекою, безъ особенныхъ усилій восполнитъ недостающее».

О трудности работы по составленію «Сборника» въ Вологдѣ Иннокентій еще разъ высказалъ своему другу (въ письмѣ отъ 28-го февраля 1842 г.), замѣтивъ, между прочимъ: «касательно вопроса о «Сборникѣ», я думаю воспользоваться случаемъ для отмщенія вамъ: вы меня, вопреки всѣхъ резоновъ, проводили въ Вологду; а я вамъ скажу, что подъ 56-мъ градусомъ нечего было собирать, кромѣ исландскаго моху отъ грудной болѣзни».

Но собираніе необходимыхъ для работы матеріаловъ оказывалось дѣломъ хлопотливымъ и затруднительнымъ не только «подъ 56-мъ градусомъ», но и поближе къ центрамъ просвѣщенія. Былъ, напримѣръ, такой случай: понадобилось преосвященному «Посланіе» патріарха Іова въ Грузію о вѣрѣ—рукопись весьма замѣчательная и рѣдкая; провѣдавъ въ Москвѣ, на пути изъ Вологды въ Харьковъ, что рукопись эта находится въ библіотекѣ московской академіи, онъ немедленно писалъ своему другу: «Я бы тотчасъ пошелъ за нею пѣшкомъ изъ Москвы, но тамъ ватиканская система запрета; поэтому, прошу покорно вытребовать ее указомъ и прислать поскорѣе». Начались предписанія, розыски замѣчательнаго документа, который всетаки почему-то не отыскивался; между тѣмъ, Иннокентій не переставалъ докучать о немъ въ своихъ письмахъ другу. Только слишкомъ черезъ два года обнаружилось, гдѣ находится розыскиваемая рукопись, вслѣдствіе чего преосвященный, 18-го іюня 1843 г., писалъ своему другу: «Въ нѣкое вознагражденіе докуки, мною вамъ часто причиняемой, примите вѣсть, что драгоцѣнное «Посланіе» патріарха Іова о вѣрѣ въ Грузію, которое такъ долго и напрасно искомо было

и вами по всѣмъ архивамъ Москвы, а мною и по всѣмъ угламъ Грузіи, нашлось наконецъ, и гдѣ-жъ? Въ рукописяхъ г. Строева, купленныхъ недавно г. Погодинымъ. Извѣстіе о семъ привезъ недавно мнѣ самъ настоящій хозяинъ его, мимоѣздомъ за границу».

Затрудненія, или, вѣрнѣе сказать, просто невозможность продолжать работы по составленію «Сборника» не устранились съ переѣздомъ Иннокентія въ Харьковъ, по крайней мѣрѣ на первое время. Здѣсь, какъ и въ Вологдѣ, не доставало необходимыхъ для того научныхъ пособій, о чемъ съ горечью преосвященный сообщалъ своему другу, откровенно признавшись, что исполняемый имъ трудъ становится ему въ тягость. 30-го марта 1842 г. Иннокентій писалъ: «По совѣту и владыки кіевскаго [1]), и вашему, я отправилъ на прошедшей почтѣ къ его сіятельству перечень статей, приготовленныхъ для «Сборника», съ вопросомъ: можно-ли остановиться на собранномъ, или же продолжать собирать далѣе? Отказаться прямо отъ работы надъ окончаніемъ дѣла—не налегла рука! Каково ни есть, но свое дитя, и прямо бросить его показалось неумѣстнымъ. А впрочемъ, я не только не буду въ претензіи, а, напротивъ, останусь весьма благодаренъ, если вздумаютъ снять съ меня сію тяжесть. Мнѣ же и въ настоящемъ мѣстѣ положительно очень неудобно продолжать работу, ибо и въ Харьковѣ, подобно какъ въ Вологдѣ, я не нашелъ самыхъ обыкновенныхъ книгъ, какъ-то: «Собранія Соборовъ». Къ сожалѣнію и удивленію, университетская библіотека такъ же въ семъ отношеніи скудна, какъ и семинарская».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что продолженіе работъ по «Догматическому Сборнику» было для Иннокентія дѣломъ если не невозможнымъ, то положительно несоотвѣтствующимъ ни желанію составителя его, ни цѣлямъ самаго труда. Между тѣмъ, изъ Петербурга шли письма и предписанія о скорѣйшемъ окончаніи «Сборника». Нѣсколько ранѣе, преосвященный желалъ, какъ мы видѣли, хотя незначительную часть труда передать другимъ, а при настоящихъ обстоятельствахъ, онъ, хотя и съ стѣсненнымъ сердцемъ, рѣшился, по видимому, отказаться отъ «своего дитяти», такъ долго лелѣемаго въ его мысляхъ. Въ письмѣ отъ

---

[1]) Митрополита Филарета. Н. В.

13-го сентября 1842 г. Иннокентій откровенно и высказался передъ своимъ петербургскимъ другомъ:

«Его сіятельство,—писалъ онъ,—вѣроятно, удивится, получивъ письмо мое съ отказомъ моимъ отъ «Догматическаго Сборника». Да, я рѣшился на это; послѣ отношенія, мною полученнаго, мнѣ нечего было дѣлать болѣе. Требовать отъ человѣка текста, когда знаютъ, что у него нѣтъ книгъ, значитъ — требовать невозможнаго. Не вздумали бы, вслѣдствіе сего, сдѣлать мнѣ какой-либо непріятности? Я ей буду радъ, ибо это будетъ прекрасный случай сойти съ пути административнаго, давно мною искомый и доселѣ не находимый».

Казалось бы, при столь неблагопріятныхъ условіяхъ для продолженія труда, особенно при видимомъ нежеланіи самого преосвященнаго продолжать его, нечего было особенно и требовать отъ него; оставалось довольствоваться тѣмъ, что̀ дѣлалъ и что̀ могъ сдѣлать харьковскій владыка. Но петербургскіе чиновники духовнаго вѣдомства и чуть-ли не во главѣ ихъ другъ Иннокентія, относились къ этому иначе; имъ хотѣлось во что-бы то ни стало добиться отъ преосвященнаго составляемаго имъ «Сборника». Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ черноваго письма къ нему петербургскаго друга, отъ 10-го января 1843 г., гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«У насъ приближается время отчета, и необходимо сказать въ немъ что нибудь новое о «Догматическомъ Сборникѣ». Нѣ найдете-ли, ваше преосвященство, возможнымъ ускорить присылкою его сюда, какъ онъ есть: разумѣется одинъ переводъ, о коемъ вы уже писали, что готовъ. Ради Бога, не сѣтуйте, если осмѣливаюсь напомнить о семъ важномъ трудѣ, котораго ждемъ нетерпѣливо и который, хотя стоилъ вамъ многихъ заботъ, но не менѣе того долженъ исполнить благодарности всякаго, кто онымъ будетъ пользоваться. Радъ бы я не безпокоить васъ: но какъ же и мнѣ быть съ отчетомъ? Исключить статью нельзя, показать въ томъ же видѣ—такъ же невозможно. По крайней мѣрѣ долгомъ считаю предварить частнымъ моимъ вопросомъ имѣющій послѣдовать обычный вопросъ офиціальный».

Думать надобно, что такія поощренія не особенно могли располагать къ труду преосвященнаго Иннокентія по составленію «Сборника». Спрашивается: что же оставалось ему дѣлать въ виду

только что сказанныхъ обстоятельствъ или условій, при которыхъ онъ продолжалъ свой трудъ, хотя бы и любимый имъ и по существу чрезвычайно важный? Очевидно, преосвященному оставалось дѣлать только то, что было возможно при его положеніи. И вотъ, мы видимъ, что Иннокентій (такъ онъ самъ съ горечью извѣщалъ петербургскаго друга о своихъ, по видимому, чрезвычайно скромныхъ работахъ) «съ весною (1843 г.) сѣлъ за «Сборникъ», переписывалъ что̀ есть и ка̀къ есть». Выходила всетаки «книжка порядочная». Къ концу года трудъ Иннокентія близился къ окончанію. Казалось бы, повторяемъ, разнымъ составителямъ офиціальныхъ отчетовъ можно было бы довольствоваться такимъ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, о чемъ и слѣдовало упомянуть во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за тотъ годъ, о которомъ идетъ рѣчь. Но въ данномъ случаѣ мы видимъ совершенно противное этому. Въ письмѣ отъ 14-го февраля 1844 г., Иннокентій какъ-то печально-укоризненно говоритъ своему петербургскому другу: «Сказать-ли что-либо вамъ о своемъ «Сборникѣ»? Г. сочинитель отчета по духовному вѣдомству какъ будто предчувствовалъ, что онъ долженъ нынѣ кончиться, прошедъ его молчаніемъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, онъ скоро долженъ явиться къ вамъ, въ совершенствѣ или съ недостатками—не намъ судить о томъ. Впрочемъ, это трудъ, по самому существу своему, таковъ, что не можетъ обратить на себя вниманія тѣхъ, кои не имѣли случая заниматься дѣлами подобнаго рода».

При всемъ томъ, Иннокентій не переставалъ трудиться для «Сборника», хотя и получалъ изъ Петербурга письменныя извѣстія не совсѣмъ одобрительнаго свойства на счетъ медленности въ окончаніи имъ своего труда. Какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ за это время преосвященнаго къ своему другу, онъ не разъ жаловался на свое крайне затруднительное положеніе, писалъ «не покорно», въ чемъ «паки и паки» просилъ извиненія, прибавляя,

---

[1]) Это совершенно справедливо, ибо мы не нашли въ «Извлеченіи изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1844 г.» никакихъ о настоящемъ трудѣ преосвященнаго указаній или даже упоминаній,—обстоятельство очень странное, особенно если вспомнимъ, что составленіе отчетовъ было дѣломъ петербургскаго друга Иннокентія. Н. В.

однако, напримѣръ, то, что «самое дѣло, благодаря Бога, идетъ хорошо; начинаемъ переписывать уже IV-й вѣкъ; до IX-го выйдетъ порядочное in folium» и проч.

Между тѣмъ, изъ Петербурга слѣдовали совѣтъ за увѣщаніемъ, запросъ за предписаніемъ преосвященному—и все относительно дальнѣйшаго труда его по «Сборнику», такъ что, наконецъ, трудъ этотъ, предпринятый по желанію и почину Иннокентія, принялъ характеръ просто офиціальный, чиновничій,—чего никакъ не желалось ученому и даровитому харьковскому іерарху, всегда желавшему видѣть «дѣло для самаго дѣла». 2-го іюня 1845 г., Иннокентій писалъ своему петербургскому другу, между прочимъ, вотъ что: «Совѣстно мнѣ, что я доселѣ не отвѣчалъ еще на запросъ касательно дальнѣйшихъ мыслей о «Сборникѣ». Но эти мысли таковы, что ихъ неудобно излагать на бумагѣ, а, между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ долженъ явиться къ вамъ 1-й томъ «Сборника», изъ коего дѣло виднѣе будетъ, нежели изъ десяти писемъ. Благоволите довести сіе обстоятельство до свѣдѣнія его сіятельства, дабы не возымѣлось мысли, что я пренебрегаю запросомъ. По слѣдующей почтѣ, впрочемъ, я постараюсь отвѣчать общимъ образомъ, чтобы соблюсти въ перепискѣ законную форму».

Въ половинѣ 1845 г., первая часть труда была окончена, и преосвященный нашелъ лучшимъ озаглавить книгу не «Догматическій Сборникъ», а «Памятникъ вѣры православной». Немедленно рукопись сдана была въ типографію для напечатанія, при чемъ Иннокентій самъ корректировалъ ее. 1-го сентября 1845 г. онъ писалъ своему другу: «Теперь дочитываю корректуру первой части своего «Памятника вѣры», а на слѣдующей недѣлѣ онъ долженъ отправиться къ вамъ. Просимъ не осудить его убожества и прикрыть, чѣмъ можно, его наготу. А для меня будетъ праздникомъ уже самое отправленіе его, ибо во всю жизнь я не чувствовалъ такой тяжести, какъ отъ сего невиннаго, самого по себѣ, но крайне затруднительнаго, по обстоятельствамъ, дѣла».

Дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ первая часть «Памятника» была отправлена въ Петербургъ. Въ то же время преосвященный спѣшилъ окончаніемъ и второй части. Между тѣмъ, ему было очень желательно слышать мнѣніе о своемъ трудѣ отъ

непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, т. е. тѣхъ, которыя держали въ своихъ рукахъ бразды управленія по духовному вѣдомству,—и желалъ этого Иннокентій не въ какихъ нибудь видахъ авторскаго самолюбія, а съ цѣлями совершенно иного свойства. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ сейчасъ приведеннаго письма, именно 10-го октября (1845 г.), преосвященный писалъ своему другу: «Хотѣлось бы поскорѣе развязаться съ II-мъ томомъ моего «Памятника». Первый уже въ вашихъ рукахъ. Что съ нимъ? Если возможно, то желательно было бы поскорѣе услышать хотя главное мнѣніе — не изъ любопытства, а для того, чтобы сообразиться, если то нужно и возможно, съ нимъ при составленіи II-го тома».

Въ слѣдующемъ году (16-го февраля), Иннокентій, видимо заинтересованный мнѣніемъ о своемъ трудѣ высшихъ духовно-административныхъ лицъ, высказалъ своему петербургскому другу, какъ личный свой взглядъ на него, такъ и затруднительныя условія, при которыхъ онъ исполнялся. Преосвященный, между прочимъ, писалъ по этому поводу:

«Мыслей вашихъ о первомъ томѣ «Сборника» [1]) буду ожидать съ нетерпѣніемъ. На счетъ достоинства этой книги я не только не предубѣжденъ, а еще самъ первый готовъ быть ея обвинителемъ. Извиненіе одно—что, при моихъ обстоятельствахъ, въ десять разъ сдѣланное было труднѣе дѣлать, нежели въ другомъ положеніи. Около двухъ лѣтъ почти я оставался даже въ той мысли, что ничего нельзя сдѣлать похожаго на цѣльный трудъ. Скажутъ: все-же можно было выполнить присланную мнѣ, не знаю кѣмъ, составленную программу. Но, что же бы вышло изъ сего выполненія? Такой скелетъ, и при томъ неполный, стыдно было показать кому-либо. Это походило бы на то, какъ изъ допотопнаго міра отрываютъ части какого-либо животнаго».

Къ началу того же 1846 г. оконченъ былъ и II-й томъ «Памятника вѣры». Иннокентій думалъ составить и третью часть, но отложилъ осуществленіе этой мысли, какъ по причинѣ только что указанныхъ обстоятельствъ, такъ и потому, что задача этого, такъ сказать, дополнительнаго труда могла быть выпол-

---

[1]) Т. е. «Памятника вѣры православной». Н. В.

нена и другими лицами. Въ только что приведенномъ письмѣ отъ 16-го февраля, преосвященный писалъ своему другу: «Со святымъ и великимъ постомъ. Да будетъ онъ для васъ тѣмъ, чѣмъ быть ему для всѣхъ насъ желаетъ церковь святая. А мнѣ начало его дорого и памятно будетъ уже однимъ тѣмъ, что я вступаю въ него безъ прежней тяжести (исключая грѣховной) на плечахъ. «Памятникъ» мой не только конченъ, но и отправляется по слѣдующей почтѣ къ вамъ. Не лишите его благосклоннаго взора и пріюта. Думалось-было составить еще третью часть, собственно для раскольниковъ, т. е. собрать воззванія къ нимъ нашихъ соборовъ и пастырей. Но это могутъ сдѣлать и другіе, если окажется нужнымъ. И безъ того трудъ, каковъ ни есть, имѣетъ свою надлежащую полноту».

Н. М. В—овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНІИ, ИТАЛІИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

въ 1784—1788 гг. [1]).

Римъ.—12-го (23-го) февраля 1785 г.

Былъ у Баттони [2]) и видѣлъ портретъ Скавронской и нѣкоторыя картины; въ лицахъ его мало экспрессіи и колоритъ съ натурой не сходенъ. Послѣ обѣда получилъ твое письмо, за которое благодарю, хотя и не понимаю, что̀ чрезъ слѣдующее сказать хочешь: «marquez moi autant ce que vous faites, que ce que vous croyez faire» [3]).

Вечеромъ былъ у аббата Amaduzzi [4]) и такъ симъ знакомствомъ доволенъ, что у него, противъ намѣренія, часа съ три пропадалъ. Онъ напалъ, къ моему крайнему удовольствію, на правленіе Clement XIV и разсказалъ мнѣ подробно обстоятельства разрушенія ордена [5]). Я не упустилъ разспросить его обо всемъ и, при нашемъ свиданіи, тебѣ много разскажу, когда ты хочешь. Я тебѣ очень благодаренъ за доставленіе мнѣ сего знакомства.

24-го. Былъ въ славной церкви св. Петра... Ее не моему перу описывать... Обѣдалъ у Разумовскаго. Вечеромъ бралъ первый урокъ англійскому языку и началъ италіанскому обучаться и читать съ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 207—240.

[2]) Помпеіо Джироламо Баттони (Battoni), живописецъ, р. 1708, † 1787 г., въ Римѣ. Кн. Л.-Р.

[3]) Переводъ: Пиши мнѣ какъ о томъ, что́ дѣлаешь, такъ и о томъ, что̀ думаешь дѣлать.

[4]) Амадуцци (Giovanni-Christoforo Amaduzzi), италіанскій ученый, род. 1740, † въ Римѣ 1792 г. Кн. Л.-Р.

[5]) Вопросъ объ іезуитахъ весьма живо интересовалъ общество того времени, по причинѣ дѣятельнаго участія, которое принималось въ немъ почти всѣми дворами Европы и за и противъ ордена. Извѣстна оппозиція Фридриха Великаго и императрицы Екатерины II рѣшенію папы уничтожить орденъ. Н. В.

аббатомъ (въ рукописи пробѣлъ), который человѣкъ преученый, съ Амадуцціемъ знакомъ очень и у насъ въ кадетскомъ корпусѣ нѣкоторое время былъ.

25-го . . . Несказанно на наши убранства досадовалъ, что, не взирая на то, что намъ и безъ того мало времени, мы все новыя вещи затѣваемъ, которыя у насъ его отымаютъ. И такъ, по условію, поѣхалъ къ Разумовскому, чтобы съ нимъ ѣхать къ кардиналу Бернису [1]), у котораго онъ почти каждый день. Тебѣ сей домъ извѣстенъ, такъ какъ и принцесса Святаго Креста [2]). Людей чрезвычайно много было, а паче министровъ не у своихъ мѣстъ—четыре находились: отставной вѣнскій, изъ Неаполя Лазъ-Казасъ, который, чрезъ нѣсколько дней, отъ своего двора туда министромъ ѣдетъ, Разумовскій и Юсуповъ, котораго я нынче съ его красавицей на концертѣ Берниса еще видѣлъ, и она мнѣ еще менѣе, нежели концертъ, понравилась: я не видѣлъ лица приличнѣе для служанки.

26-го февраля.—Изъ Рима.

Юсуповъ, какъ я уже тебѣ сказывалъ, въ одну сіенскую даму, которая здѣсь находится, влюбленъ, и всѣхъ допрашиваетъ: «не дивятся ли ея красѣ?»—и до сихъ поръ только одинъ это въ ней видитъ! Правду сказать: этого и довольно.

27-го. Былъ у Анжелики Кауфманъ [3]), о которой мое мнѣніе, что ея картины пріятны, но когда увидишь одну, то и всѣ уже видѣлъ, ибо онѣ очень другъ на дружку походятъ, а паче лица. Сверхъ того, кажется мнѣ, что фигуры ея болѣе на древнія статуи, нежели

---

[1]) Кардиналъ Бернисъ (Bernis), р. 1715, † въ Римѣ 1794, бывшій французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а съ 1769 года по самую смерть—посолъ версальскаго двора въ Римѣ, человѣкъ умный и любезный, но добившійся нѣкоторой извѣстности маленькими стишками и интригами. Фридрихъ Великій звалъ его «цвѣточницей Бабетой». По словамъ фонъ-Визина, только у него въ домѣ можно было найти французскія газеты, вслѣдствіе строгой цензуры того времени въ Римѣ, и только у него можно было встрѣтиться съ людьми и отобѣдать.

[2]) О принцессѣ Санта-Кроче говоритъ фонъ-Визинъ, что у ней бываетъ весь городъ и что, во время этихъ съѣздовъ, на крыльцѣ нѣтъ ни плюнки. (Соч. фонъ-Визина, изд. Ефремова). Такъ какъ фонъ-Визинъ и Н. В. Зиновьевъ были въ Италіи въ одно время, то Записки одного пополняются Записками другаго, тѣмъ болѣе, что точки возврѣнія у нихъ различны на столько, что то, что обращало вниманіе одного, оставалось незамѣченнымъ другимъ. Н. В.

[3]) Анжелика Кауфманъ р. 1741 г., † въ Римѣ 1807 г. Кн. Л.-Р.

на изображенія нынѣшнихъ людей походятъ. Альфабеты [1]), которые ты желалъ, къ моему отъѣзду поспѣютъ и будутъ переплетены. Заѣзжалъ къ Разумовскому, котораго дома не засталъ, потому что онъ съ одной г-жой Гоерсъ, урожденной Клари, старыя щи разогрѣваетъ. Оттуда поѣхалъ съ своими товарищами и съ Сантинымъ [2]) къ его любезной, которую, какъ мнѣ сказывали, чтò и вѣроятно, онъ содержитъ. Здѣсь былъ концертъ, составленный изъ дипломатовъ, на которомъ она пѣть изволила посредственно и довольно громко. Сокровище сіе готовится во вторыя актрисы моему отечеству! Какъ не цвѣсти государству, когда и о бездѣлицахъ толь славные люди пекутся, каковъ здѣсь нашъ консулъ!

Изъ Рима, 1-го марта. Жалобой начну на здѣшнюю погоду, гдѣ такъ холодно и такъ зябну, какъ нигдѣ не зябъ. Представь себѣ, что, по пріѣздѣ сюда, двѣ ночи къ ряду не могъ заснуть отъ стужи!

Окончивъ свой англійскій урокъ, поѣхалъ къ St. Croche, гдѣ былъ представленъ пріѣхавшей сюда Толстой, племянницѣ любезнаго твоего Остермана [3]), мужъ которой влюбился въ какую-то старую президентшу въ Туринѣ и остался такъ долго, что почтенный его дядя и милый твой начальникъ его изъ вида потерялъ и такъ встревожился, что всѣмъ своимъ подкомандующимъ писалъ, чтобы его отыскивали, и даже въ Франкфуртъ къ Биллеру объ этомъ повелѣніе далъ. Вотъ, учись предосторожности! Я увѣренъ, что онъ объ этомъ и Кашкина [4]) въ Тобольскѣ увѣдомилъ,—дѣло возможное, что онъ и туда прямо могъ пріѣхать! Невѣроятно, какъ молодые люди въ здѣшнихъ краяхъ себя оказываютъ! Представь, что сей упомянутый Толстой, подражая довольно несчастливо французу, одѣтъ очень странно, имѣя камзолъ пѣшей гвардіи—подъ кирасирскимъ мундиромъ! Какой отчетъ любопытнымъ иностраннымъ о своемъ одѣяніи дать можетъ?

Все, что я до сихъ поръ изъ своихъ путешествующихъ знакомыхъ видѣлъ, приводитъ меня къ мнѣнію, что ихъ весьма рано изъ госу-

---

[1]) Альфабеты, вѣроятно, требовались для маленькихъ дѣтей гр. Семена Романовича Воронцова.

[2]) Русскій консулъ въ Римѣ.

[3]) Гр. Иванъ Андреевичъ Остерманъ (р. 1725, † 1811) въ это время былъ вице-канцлеромъ; въ послѣдствіи (1796), при императ. Павлѣ—государственнымъ канцлеромъ. 21-гò апрѣля 1797 года вышелъ въ отставку и переселился на жительство въ Москву.

[4]) Евгеній Петровичъ Кашкинъ (умер. 1796 г.)—генералъ-губернаторъ пермскаго и тобольскаго намѣстничества. Въ послѣдствіи былъ генералъ-губернаторомъ сначала ярославскаго и вологодскаго, а потомъ тульскаго и калужскаго.

Н. В.

дарства высылаютъ, что они не только себѣ пользу чрезъ то не пріобрѣтаютъ, но, возвратясь, самимъ, а чаще еще и государству, вредны дѣлаются....... Прости.

Римъ.—23-го (12-го) февраля.

Утро провелъ за чтеніемъ Винкельмана [1]). Послѣ обѣда былъ въ капеллѣ Сикстинской, гдѣ слышалъ ламантаціоны и славный «miserere»; первое посредственно, послѣднее мнѣ показалось безпримѣрно, однимъ словомъ—небесной музыкой. Нельзя сравнить какъ поютъ miserere здѣсь и у насъ, не взирая на то, что говорятъ, что наша капелла лучше папской. Вечеромъ ѣздилъ въ «Trinito del Pelegrini», гдѣ кардиналы и прелаты пилигримамъ ноги моютъ, что̀ не только не пріятно, но, напротивъ—очень гадко видѣть; ужинъ же ихъ, при которомъ тоже верховное духовенство служитъ, весьма великолѣпенъ, и удивительно, что, при такомъ великомъ множествѣ, порядокъ есть, да сверхъ того блюда хороши и изобильно приготовлены! Я думаю, что эти тунеядцы, нажрась въ три дня, цѣлую недѣлю потомъ не ѣдятъ! Сказывали мнѣ, что въ иной годъ ихъ до 24,000 человѣкъ бываетъ и всѣ почти угощены три дня, такъ что въ эти года общество, которое сіе учрежденіе завело, въ большой долгъ входитъ. Странно, что папы со всѣхъ католиковъ деньги собираютъ, а въ такомъ дѣлѣ никакого участія не имѣютъ. Они съ расчетомъ на своемъ стулѣ сидятъ!

24-го. Поутру былъ въ капеллѣ Sixtina, гдѣ, послѣ обѣдни, пошелъ папа [2]) къ гробницѣ Спасителя; послѣ чего благословилъ городъ и свѣтъ. Надобно тебѣ объ этомъ благословеніи сказать, что считаютъ, что оно не только до конца города, но даже до сорокамильной окружности достигаетъ, не такъ какъ то, которое въ Свѣтлое воскресеніе будетъ, ибо оно только до мѣста «St. Angelo» достигаетъ; нынѣшнее я не могъ видѣть, ибо тяжело все вмѣстѣ соединить. По окончаніи обѣдни, пошелъ я—гдѣ папа двѣнадцати пилигримамъ ноги моетъ, церемонія, которую онъ довольно проворно оканчиваетъ. Послѣ сего этимъ же пилигримамъ обѣдъ былъ, за

---

[1]) Винкельманъ (Ieace Ioachime Vinkelmann, род. 1717 въ Бранденбургѣ, убитъ въ 1763 г. въ Тріестѣ) знаменитый антикварій и писатель по части живописи и ваянія. Онъ считается основателемъ новой эстетики. Изъ числа его сочиненій на русскій языкъ переведено: «Руководство къ точнѣйшему познанію древнихъ и хорошихъ живописей и проч.» Спб. въ тип. Вильковскаго, 1798 г. (См. роспись Смирдина, № 5,382-й). Н. В.

[2]) Пій VI (р. 1717,†1799), изъ фамиліи Браски (Braschi),—папа съ 1775 года. Кн. Л.-Р.

которымъ папа служилъ и съ великою ловкостію кушанья подавалъ, которыя часто перемѣнять принужденъ былъ, ибо и здѣсь всякій за пятерыхъ ѣлъ. Невѣроятна тѣснота, которая здѣсь была! Я до сихъ поръ не понимаю: какъ несчастій не было? Представь же себѣ, что, чрезъ эту тѣсноту, гдѣ бы булавка до земли не дошла,—подносы, на которые для прожоръ блюда поставлены были, проносили! При этомъ случаѣ не малая давка была и я отъ ней локтями и отъ подносовъ поднятыми руками защищался и такъ оные отъ себя перегнулъ, что на другую сторону жареная рыба, бывшая на тарелкахъ, повалилась аббатамъ на головы....

Вечеромъ опять былъ у Miserere, сочиненія Pepoli; онъ мнѣ не такъ понравился какъ вчерашній—Allegri [1]). По окончаніи сего былъ въ нѣкоторыхъ церквахъ, чтобы посмотрѣть, по нашему сказать—плащаницу, но, кромѣ большаго свѣта отъ свѣчей, въ сихъ позорищахъ ничего не видалъ.

25-го. И нынче, также въ 9 часовъ, въ Capelle Sixtina былъ; папа со скинутыми башмаками и съ тремя книксами цѣловалъ крестъ, а послѣ него, по порядку, верховное духовенство оное же дѣлало; потомъ пошелъ онъ въ процессіи въ «Capelle Paulina» причастіе опять въ капеллу Сикстина принесть, что исправно и сдѣлалъ.

Отъ Сантина твои два письма получилъ, которыя мнѣ удовольствіе сдѣлали, а паче краткая исторія, которую ты нашей дружбѣ дѣлаешь. Дай Боже, чтобы она все сильнѣе дѣлалась и вѣкъ бы продлилась! Кормилицу мнѣ очень жаль, и я желаю, чтобы она поскорѣе выздоровѣла. Послѣ обѣда смотрѣлъ какъ величайшей церкви малѣйшій реликвій казали, да сверхъ того съ балкона, который такъ высокъ, что папу, который онымъ жителей крестилъ, почти не видать было. Святѣйшій тутъ молитву творилъ,—не знаю о чемъ, но знаю, что очень долго и такъ, что, не взирая на мою страсть къ церемоніямъ, я смотрѣть терпѣніе потерялъ! Длина молитвъ папскихъ заставляетъ меня думать, что много въ нихъ пустаго находится!....

По пріѣздѣ изъ Пизы. (Куда авторъ ѣздилъ для свиданія съ гр. Семеномъ Воронцовымъ).

.... Я тебѣ одну свою мысль скажу, которую я очень давно питаю, что я, можетъ быть, сдѣлаюсь, такъ какъ и Лойелосъ, начальникомъ ордена. Не знаю—буду ли такой счастливый успѣхъ имѣть, какъ онъ, но въ томъ увѣренъ, что предметъ и исполненіе онаго наисвя-

---

[1]) Miserere соч. Аллегри произвело также впечатлѣніе на Д. И. фонъ-Визина (Слич. «Путешеств. его по Италіи». Соч. фонъ-Визина, издан. Ефремова).
Н. В.

тѣйшіе будутъ. Оно состоитъ въ томъ, что, когда наскучу свѣтомъ, не буду имѣть фамильныхъ обязательствъ, то обращу свое недвижимое имѣнье въ капиталъ, употреблю изъ онаго часть на самое нужнѣйшее свое содержаніе, а прочее—на вспомоществованіе несчастнымъ, которыхъ благомъ единственно заниматься буду. Знаешь ли, что хотя чувствую, что сія мысль никогда въ дѣйствіе произведена, можетъ быть, не будетъ, но утѣшаюсь, что нѣтъ несчастія на свѣтѣ, которое могло бы меня безполезнымъ на свѣтѣ сдѣлать [1]).

Цѣлый свѣтъ къ войнѣ собирается, для чего и мнѣ немного не повоевать?—я тебѣ сверхъ того войну обѣщалъ и теперь хочу слово свое сдержать, только, чуръ, безъ огненнаго оружія, и ты не употреби лукавства. И такъ, шишакъ на головѣ, латы надѣты, копье въ рукахъ, бери ты теперь щитъ и защищайся.

Чтобы съ тобою проститься, чтобы тебя еще разъ предъ девятимѣсячною разлукой видѣть, поѣхалъ я къ тебѣ въ довольно непріятное время и назвалъ бы свой путь безпокойнымъ, когда бы онъ удовольствіемъ тебя видѣть не награжденъ былъ. Малое время нашего вмѣстѣ пребыванія принуждало бы насъ онымъ пользоваться, но ты, любезнѣйшій, вздумалъ Тотта [2]) читать и на оное дни и ночи употреблялъ, такъ что подъ конецъ и меня оное дѣлать принудилъ:

---

[1]) Авторъ писемъ не ограничивался одними словами, но и на дѣлѣ проводилъ высказанныя имъ мнѣнія и убѣжденія. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1789 г., въ № 16-мъ, отъ 24-го февраля, изъ Новгорода, читаемъ: «На сихъ дняхъ, въ новгородскомъ главномъ училищѣ, въ присутствіи ихъ превосходительствъ г-дъ отправляющихъ должность генералъ-губернатора, Николая Петровича Архарова и правителя намѣстничества Петра Ѳедоровича Квашнина-Самарина, при посѣщеніи преосвященнаго Афанасія, епископа старорусскаго, благороднаго дворянства и лучшаго купечества, воспослѣдовало годоваго экзамена окончаніе, раздачіемъ приличныхъ награжденій учащимся за оказанные успѣхи въ предметахъ ученья, при чемъ г. директоръ училищъ объявилъ, что его прев—во дѣйствительный камергеръ Василій Николаевичъ Зиновьевъ представилъ въ новгородское главное училище 12 крестьянскихъ мальчиковъ, изъ своихъ деревень, въ Новгородской губерніи состоящихъ, для обученія предметамъ ученья, на собственномъ его содержаніи, кои съ позволенія начальства и приняты въ училище, съ должной къ его прев—ству за довѣріе признательностью». Если вспомнимъ почти полное равнодушіе нашего дворянства того времени къ дѣлу народнаго образованія, то нельзя не признать за В. Н. Зиновьевымъ—едва ли не перваго почина въ этомъ дѣлѣ. Этотъ официально-извѣстный поступокъ Василія Николаевича достаточно ясно разъясняетъ складъ его ума, его убѣжденій и теплаго расположенія къ своему ближнему. Н. В.

[2]) Баронъ Тоттъ (р. 1733,†1793), извѣстный артиллеристъ, который своею дѣятельностію парализировалъ успѣхи гр. Орлова въ Турціи. Общественное мнѣніе Европы приписывало ему солидарность съ дѣйствіями Пугачева, что и выразилось въ письмѣ Вольтера къ императр. Екатеринѣ. Тоттъ извѣстенъ, какъ авторъ: «Mémoires sur les Turcs et les Tartares» 1784, 4 vol. in 8—сочи-

все это я называю дурно время проводить, даже и нехорошій расчетъ.... Когда бы тебѣ Тоттъ равно милъ со мною былъ, ты могъ бы его съ собою везти, я же съ тобой разставался. Вторая моя на тебя жалоба, что передъ моимъ отъѣздомъ ты мнѣ сказалъ, «что послѣ меня тебѣ будетъ грустно»; я тебѣ съ откровенностію предлагалъ остаться у тебя до твоего отъѣзда; ты самъ, давъ мнѣ мысль, что мое присутствіе можетъ быть тебѣ полезно, отказался отъ онаго, послѣ чего мнѣ уже оставаться у тебя невозможно показалось, не взирая на то, что я, въ мысляхъ своихъ, готовъ былъ и, клянусь тебѣ, что на языкѣ уже рѣшительное приказаніе, послѣ твоего чаямаго «да», Лемсу[1]) было, чтобы въ твоей спальнѣ мнѣ спать готовить. Вотъ тебѣ жалоба на моего любезнаго Сенюшку, вотъ тебѣ война изъ осажденнаго мной разъ города; но, кончивъ войну, немедленно и миръ заключаю; останемся всякій при своемъ: ты—сохрани мнѣ въ той же силѣ свою дружбу, что для меня безцѣнно, а я—увѣряю тебя, что ничто моей привязанности къ тебѣ перемѣнить не можетъ. И такъ, миръ заключенъ, обоюдное объятіе въ Лондонѣ оное заключитъ!

Теперь скажу тебѣ что нибудь о моей дорогѣ изъ Флоренціи. Поѣхалъ въ 11 часовъ вечеромъ, встрѣтился у воротъ съ Разумовскимъ, который въ оный городъ съ своимъ братомъ, выѣхавшимъ къ нему на встрѣчу, пріѣхалъ. Сей Разумовскій очень на Оберта, бывшаго гувернера моего племянника, похожъ. По пріѣздѣ моемъ въ Римъ изъ Пизы, зачалъ тотчасъ одѣваться, чтобы ѣхать на церемонію въ Capelle Sixtina, гдѣ мнѣ чтеніе разными голосами евангелія св. Матвѣя и соединеніе при этомъ хора очень понравилось. Вечеромъ былъ у фонъ-Визина[2]), который очень оправился и все продолжаетъ покупать. Забылъ тебѣ сказать, что въ день моего пріѣзда была Курляндская герцогиня[3]) папѣ представлена въ сакристіи. Elle s'est parfaitement bien acquitté de cela[4]).

невія, переведеннаго на многіе языки. Какъ человѣкъ военный, гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ интересовался сочиненіемъ ученаго артиллериста.

[1]) Слуга автора,—иностранецъ.

[2]) Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ былъ въ Италіи въ одно время съ Василіемъ Николаевичемъ Зиновьевымъ. Въ 1785 году фонъ-Визинъ занемогъ въ Римѣ нервнымъ ослабленіемъ; но ему стало лучше, о чемъ и замѣчаетъ авторъ. (См. Соч. фонъ-Визина, изд. Ефремова).

[3]) Герцогомъ Курляндскимъ съ 1769 по 1795 г. былъ Петръ Биренъ (р. 1724, † 1800), сынъ знаменитаго временщика Бирена. Герцогъ Петръ Биренъ былъ женатъ: 1) съ 15-го окт. 1765 г. на принцессѣ Вальдекской; она съ нимъ развелась въ 1772 году; 2) на княжнѣ Евдокіѣ Борисовнѣ Юсуповой, которая тоже съ нимъ развелась въ 1778 г. и умерла въ 1780 г.; и наконецъ 3) съ 1779 года на графинѣ Шарлоттѣ Медемъ. Авторъ, очевидно, говоритъ о третьей супругѣ герцога.

[4]) Переводъ: она отлично съ этимъ справилась. Н. В.

6-го марта 1785 г.—Изъ Рима.

Надѣюсь, что ты мое письмо съ Протасовымъ уже получилъ; отправляю тебѣ сіе и прошу сдѣлать мнѣ одолженіе—отвѣчать какъ можно скорѣе. Я предпринимаю одно дѣло, которое, безъ твоего совѣта, никакъ исполнить не хочу. Не думай, что жениться собираюсь! Правда, что хочу пріобрѣсть одну особу, но не живую, а изъ мрамора. Канова, отъ котораго мнѣ хотѣлось маленькую статую имѣть, уговариваетъ и проситъ меня, чтобы я лучше заказалъ того же сидячаго Марса въ натуральный ростъ сдѣлать, говоря, что въ большомъ видѣ онъ самыя малыя части можетъ видными сдѣлать. За маленькую проситъ 400 скудовъ, а за большую 800. Такъ какъ сіе не прежде какъ чрезъ два года кончится, то я думаю оставить ему, при отъѣздѣ, половину, а вторую половину въ два текущіе года заплатить. Я увѣренъ, что буду имѣть вещь, которой подобной у насъ не будетъ; но вопросъ, любезный мой: будетъ ли сіе тобой апробовано? Итакъ, дай мнѣ на то твой совѣтъ; я его ожидаю.

Флоренція.—17-го марта.

Я ѣду отсюда чрезъ полчаса. Заказалъ себѣ рѣзать камни и, между прочимъ, дѣлаю лошадь безъ узды; хочу, по крайней мѣрѣ, вольность носить, когда ея не могу имѣть! И такъ, прошу тебя прислать сюда одинъ «empreinte» [1]) твоего перстня, на которомъ лошадь безъ узды. Прости....

30-го марта.—Изъ Рима.

..... Обѣдалъ у кн. Юсупова, который многихъ за столомъ ругалъ, между прочимъ перваго своего злодѣя, герцога Курляндскаго, который хотя этого и стоитъ, но лучше бы было, когда бы онъ сіе другимъ оставлялъ.

1-го апрѣля. Поутру получилъ твои два письма вдругъ. Одна изъ пріятныхъ для меня вещей было слышать, что кормилица выздоровѣла. Извиненіе твое, что будто я прежде Тотта читать началъ—несправедливо. Да, объ семъ полно; мы миръ сдѣлали и «кто старое

---

[1]) Оттискъ печати.

помянетъ—тому глазъ вонъ». «Война»—куда какъ я ея не люблю, и Канова это знаетъ, изображая мнѣ статую «мира». Что меня, сверхъ того мучитъ—это рекрутскій наборъ: меня нѣтъ на мѣстѣ, и боюсь, чтобы деревни мои посему не пострадали [1]).

Римъ.—7-го апрѣля.

Не видалъ и нынче музея; наложеніе шляпы кардиналу Доріи тому причиной было. Церемонія сія не такъ важная, чтобы памяти была достойна; но однако я долженъ примѣтить, что въ промежутокъ сей церемоніи читали въ консисторіи процессъ святыхъ и между прочими хвалами, которыя одному дѣлали, находилась и та, что онъ никогда на женщинъ не глядѣлъ. По моему, этакій грѣхъ я бы никому не простилъ и счелъ бы нерадѣніемъ не видать самое пріятнѣйшее для насъ твореніе Всевышняго.

До обѣда, ѣздилъ къ ремесленнику Локанжулли, который модель церки св. Петра дѣлаетъ и которую государыня за 1,000 червонцевъ у него заказала, чтобы въ маленькомъ видѣ видѣть освѣщеніе купола въ праздникъ св. Петра. Модель сія въ $24^{3}/_{8}$ раза менѣе нежели настоящая, если я въ своемъ счетѣ не ошибся. Какъ сіе предпріятіе окончится—того не знаю, но болѣе недогадливаго ремесленника я еще не видалъ. Представь себѣ, что онъ, вмѣсто того, чтобы принять какую нибудь положительную мѣру, вздумалъ свою,—и теперь, чтобы привесть всѣ части въ надлежащую препорцію, принужденъ всякую часть самъ въ натурѣ измѣрять. Надобно быть очень просту, чтобы себѣ такой напрасный трудъ сдѣлать!

Послѣ обѣда заходилъ къ Юсупову и засталъ его въ весьма странномъ спорѣ съ кн. Трубецкимъ, въ которомъ онъ, между прочимъ, въ доказательство, что онъ ни за какой женщиной не волочится не имѣвъ ея, письма изъ кармана вытаскивать зачалъ! Я, по чести, не воображалъ, чтобы это въ дѣйствительности быть могло, и считалъ такое позорище единственно приличнымъ для театра! Вечеромъ былъ въ концертѣ у кардинала Берниса, гдѣ меня Лембергъ представилъ маркизу Литтѣ [2]), съ которымъ я буду стараться, въ сует-

[1]) Въ 1785 г. въ Россіи не было войны и авторъ, вѣроятно, лишь предвидитъ ея возможность, по тѣмъ политическимъ компликаціямъ, которыя существовали между европейскими кабинетами.

[2]) Гр. Юлій Помпеевичъ Литта, въ послѣдствіи главный дѣятель въ доставленіи Мальтійскому ордену покровительства императора Павла. Въ октябрѣ 1798 г. онъ женился на гр. Екатеринѣ Васильевнѣ Скавронской, рожденной Энгельгардтъ. Онъ умеръ 24-го января 1839 г., въ Петербургѣ, состоя на русской службѣ, членомъ государственнаго совѣта. Н. В.

номъ своемъ положеніи, болѣе знакомство сдѣлать, ибо онъ мнѣ очень любезнымъ и знающимъ человѣкомъ кажется; я съ нимъ часа съ полтора проговорилъ....

9-го. Былъ въ «Villa Ludovisi», брата того, которому ты папскій стулъ пророчествуешь. Вечеромъ возилъ и представилъ фонъ-Визина—Петракіямъ [1]).

Я сіи три дня весьма весело провелъ; получилъ два твои письма, въ которыхъ ты меня немилосердно ругаешь. Прежде оправданія, я уже мщеніе сдѣлалъ, намаравъ тебѣ много такого, что тебѣ, можетъ, скучно читать будетъ.

21-го. Нынче цѣлый день дома остаюсь, чтобы не подвергаться твоимъ ругательствамъ; работаю, какъ лошадь.

22-го. Съ Гвиталіемъ ѣздили «aux Thermes de Carracala», которыя между оставшимися за лучшія считаются; величина ихъ чрезвычайная и доказательствомъ римской роскоши служитъ, которая, по моему, непростительна! Такія издержки могли бы лучше, по моему, употреблены быть!

Видѣлъ я, какъ въ Римѣ нищимъ потакаютъ и ихъ одобряютъ, раздавая по монастырямъ супы. Я нѣсколько между ними пробылъ и видѣлъ, какъ они веселы; ихъ веселость во мнѣ досаду произвела и я пожелалъ, чтобы короля прусскаго на нѣсколько мѣсяцевъ прислать сюда, чтобы онъ неполезныхъ прибралъ......

Видѣлъ въ Капитоліѣ статую Марка-Аврелія и что̀ Рейфенштейнъ мнѣ ни разсказывалъ не могло меня переувѣрить, какъ сія статуя всѣми и ни славится, что лошадь отлита дурно, потому, 1-е, что она очень тяжела, 2-е, что у ней хвостъ мерзкій и дурно выработанъ, 3-е, что у ней голова къ шеѣ такъ приставлена, какъ ни у какой лошади быть не можетъ, 4-е, что она такъ толста, что никакой человѣкъ не могъ бы на нее сѣсть, безъ опасности получить килу. Что объ ней Фальконетъ [2]) писалъ—того я не знаю, но его лошадь, которую онъ сдѣлалъ, несравненно предпочитаю: съ правой стороны она еще сносна, но съ лѣвой глядѣть нельзя! Сверхъ того, у ней морщины на шеѣ, которыя въ натурѣ быть не могутъ....

---

[1]) Авторъ говоритъ о римскомъ небогатомъ семействѣ Петраки, представитель котораго состоялъ почтовымъ чиновникомъ въ Римѣ. Онъ имѣлъ дочь весьма хорошую пѣвицу, красивой наружности, которою, во время своего пребыванія въ Римѣ, увлекся авторъ настоящихъ писемъ. Мы исключили подробности этого увлеченія, разсказъ о которомъ проходитъ почти по всѣмъ настоящимъ письмамъ.

[2]) Знаменитый художникъ, получившій извѣстность въ Россіи работой памятника Петра Великаго въ Петербургѣ. Умеръ въ Парижѣ въ 1791 году.

Н. В.

Римъ.—26-го апрѣля.

28-го...... Получилъ отъ моего друга [1]) письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что комнаты, въ которыхъ сперва А. Васильевна [2]), а потомъ, по временамъ, разные жили, будто скоро заняты будутъ нѣкоторымъ Ермоловымъ [3]). Циціановъ [4]) свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

Римъ.—1-го мая.

.... Обѣдалъ у кн. Юсупова, который здѣсь, какъ ты знаешь, очень долго зажился.

4-го. Былъ у маркиза Литты и насилу засталъ его дома; онъ мнѣ новую часть своего знанія показалъ въ древности. Правду сказать, если злословить позволено, то онъ почти натянулъ случай для сего; но слабость сія простительна и многимъ знающимъ людямъ свойственна.

9-го. Отобѣдавъ, поѣхали мы «à la Villa Adriana». Великолѣпіе сего замка тебѣ извѣстно. На дорогѣ видѣлъ славное озеро, «il lago del Tartari». Сіе озеро, не взирая на чрезвычайное свое истеченіе, во многихъ мѣстахъ дно неизмѣримое имѣетъ и сколько опытовъ оное узнать ни было, все втунѣ старались. Возлѣ сего озера остатки королевы Зенобіи; въ одномъ произведеніи (?) нашего рода находится, что будто мы отъ ней происходимъ. Тебѣ оставляю сіе судить, зная меня такъ коротко,—находится ли въ твоемъ вѣрномъ другѣ царская кровь?

Римъ.—30-го апрѣля (11-го мая).

.... 13-го. Поѣхали мы въ домъ кн. Киджи, гдѣ видѣлъ трехъ играющихъ «amours di Francesco Vani» [5]), съ которыхъ у тебя копія. Твоя копія мнѣ больше нравится, нежели оригиналъ. Сіе бы

---

[1]) Сличить письма кн. Циціанова къ В. Н. Зиновьеву, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ».

[2]) Гр. Александра Васильевна Браницкая (род. 1754 г., умерла 15-го августа 1838 г.), рожденная Энгельгардтъ, бывшая въ это время статсъ-дамой (съ 1781 г.), а въ послѣдствіи оберъ-гофмейстериной.

[3]) Александръ Петровичъ (род. 1754 г., умер. 1836 г.), генералъ-поручикъ. Его вліяніе при дворѣ начинаетъ выступать именно съ этого времени, т. е. съ начала 1785 г.; оно продолжалось лишь до іюня 1786 г.; съ этого времени онъ удалился отъ двора и путешествовалъ.

[4]) Кн. Павелъ Дмитріевичъ (убитъ измѣннически въ 1806 г.), въ послѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи и кавказскій главнокомандующій. Онъ находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ къ автору этихъ писемъ. Н. В.

[5]) Франческо Ванни (Francesco Vanni), живописецъ, р. 1563, † 1609. Фабіо Гиджи (Fabio Ghigi), въ послѣдствіи папа подъ именемъ Александра VII, былъ однимъ изъ его покровителей. Кн. Л.-Р.

могло тебѣ большой утѣхой быть, если бы такъ знатокъ судилъ; но я зачинаю о себѣ думать какъ о грузинскомъ царевичѣ, который чѣмъ болѣе читаетъ, тѣмъ менѣе понимаетъ, а я чѣмъ болѣе вижу, тѣмъ менѣе зачинаю находить вещей, которыя бы мою апробацію имѣли.

... 14-го. Что Тарбѣевъ [1]) отставленъ, тебѣ извѣстно; но, можетъ, еще не знаешь, что Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ [2]) на Закревской помолвленъ; Козадавлевъ [3]) женился на одной московской княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, сестрѣ той, которая за Дьяболи (или Деболи) вышла. Зная твою короткую связь съ ними, поспѣшилъ пріятную сію вѣсть тебѣ дать.

16-го мая.—Римъ.

.... Поѣхалъ къ Мергену и тутъ про тебя говорилъ. Я всегда случаемъ пользуюсь, когда найду человѣка, который тебя знаетъ. Отъ него поѣхалъ въ домъ маркиза Rondonini. Въ семъ домѣ ты знаешь славную и прекрасную «голову Медузы», статую цѣлую Александра (единственную) и бюстъ Катоновъ, который очень на гр. Ив. Григорьевича Чернышева [4]) похожъ. Вотъ, ты со мной всегда спорилъ, что въ лицахъ ошибиться можно. Когда тебя сіе не уличитъ, то ужъ я и не знаю, чѣмъ твои закоренѣлыя мнѣнія измѣнить можно; ты ясно видишь, что̀ въ этомъ случаѣ сходство лицъ и сходство душъ произвело. Послѣ обѣда, поѣхалъ «à la Villa Pamfili», гдѣ Гвидова дьявола въ папской одеждѣ видѣлъ.

17-го. Ты уже знаешь: гдѣ новая музыка—тамъ и Вася; такъ и ноньче, вторично Геемелеву слышалъ.

---

[1]) Петръ Петровичъ Тарбѣевъ состоялъ въ должности петербургскаго губернатора съ 1784 по 1785 г.

[2]) Гр. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ (умеръ 29-го марта 1796 г.), внучатный братъ кн. Таврическаго и извѣстный генералъ; онъ имѣлъ въ супружествѣ дѣвицу Прасковью Андреевну Закревскую.

[3]) Осипъ Петровичъ Козадавлевъ (род. 1755 г., умеръ 1819 г.), д. т. совѣтникъ и товарищъ, по воспитанію въ Лейпцигѣ, Радищева, Кутузова и В. Н. Зиновьева. Съ 1-го января 1810 г. по 1819 г. состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Голицыной, внучатной сестрѣ князя А. Н. Голицына.

[4]) Гр. Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ (род. 24-го ноября 1726 г., умеръ 26-го февраля 1797 г.), меньшой изъ братьевъ Чернышевыхъ. 12-го ноября 1796 г. возведенъ импер. Павломъ въ достоинство генералъ-фельдмаршала по флоту, почему его въ шутку и называли: «L'amiral d'eau douce». Н. В.

[Безъ числа].

Я въ Неаполѣ. Ты, я вижу, немилосердно меня за это ругаешь; но я все въ томъ мнѣніи, что я брани недостоинъ. Сюда пріѣхалъ 5-го вечеромъ.

6-го. Поутру былъ у Паэзіелло, котораго съ крайнимъ удовольствіемъ видѣлъ; обѣдалъ у Скавронскаго въ деревнѣ, гдѣ весьма пріятно время провелъ. Италинскій свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

7-го. Обѣдалъ у Скавронскаго на дачѣ, «à la terre Greca», бывшей лорда Тильнея [1]), гдѣ обѣдала и мать его [2]), съ своей подружкой, Новосильцевой, премилой дѣвушкой. Паэзіелло, котораго я на сей обѣдъ съ собой привезъ, по своему обыкновенію и снисхожденію, нѣсколько своихъ арій пропѣлъ. Онъ поручилъ тебѣ поклониться и повторить тебѣ увѣренія его привязанности къ тебѣ. Онъ желалъ бы нѣкоторыя штуки своего сочиненія послать, но боится тебя онымъ безпокоить. Хотя онъ и на службѣ здѣшняго короля, но потерялъ надежду возвратиться въ Россію, и здѣсь, по болѣзни своей жены, остаться принужденъ.

Неаполь.—8-го іюня 1785 года.

Обѣдалъ у Скавронскаго въ деревнѣ. Слышалъ на семъ обѣдѣ игру на скрипкѣ славнаго Жардини [3]); но такъ какъ онъ въ квартетахъ игралъ, то не могу о его искусствѣ судить.

9-го. Ѣздилъ въ Портичи. Сожалѣнія достойно, что король не болѣе денегъ употребляетъ, чтобы болѣе въ землѣ вещей искать. Удивительно, что между такимъ количествомъ вещей такъ мало мраморныхъ найдено! Завтра съ свѣтомъ ѣду странствовать.

11-го. Въ 5 часовъ выѣхалъ. Заѣзжалъ къ Скавронскому, гдѣ

---

[1]) Мать гр. П. М. Скавронскаго, гр. Марія Николаевна, рожд. баронесса Строганова (р. 1732, † 1805). Ея двоюродная сестра, баронесса Марія Сергѣевна Строганова, была за Николаемъ Устиновичемъ Новосильцевымъ (отъ этого брака родился извѣстный въ послѣдствіи графъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ). Вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь о какой-то родственницѣ М. С. Новосильцевой, не показанной въ росписи, помѣщенной у Долгорукова, IV, стр. 167.

[2]) Лордъ Тильней (Sir John Child, Vesiount Castlemaim and Earl Tylney), † 1784 г., хол. Съ нимъ угасъ этотъ титулъ.

[3]) Джіардини (Felice Giardini), извѣстный италіанскій скрипачъ и композиторъ, р. 1716, † въ Москвѣ 1796 г. Кн. Л.-Р.

Италинскаго разбудилъ, который эту ночь только 1½ часа спалъ, ибо курьера отправляютъ и онъ письмомъ занятъ былъ.

15-го. Въ Неаполь въ 4 часа поутру пріѣхалъ.

18-го. Обѣдалъ у Гамильтона [1]), гдѣ и Жардини былъ и вечеромъ квартеты игралъ. Я игру Жарновина и Дица [2]) его игрѣ предпочитаю.

19-го. Обѣдалъ съ семьею Скавронскаго въ загородномъ домѣ Гамильтона, гдѣ, не взирая на чрезвычайный вѣтеръ, мнѣ очень весело было. Ты, я думаю, помнишь маленькій его домикъ у взморья, возлѣ Палезипа (Позилиппа?) Теперь, скажу тебѣ объ Италинскомъ, который своимъ состояніемъ и обхожденіемъ Павла Мартыновича совершенно доволенъ, и сіе нѣкоторое участіе, какъ я думаю, имѣетъ, что его здоровье лучше становится. Считая, что ты все еще въ состояніи его участіе берешь, счелъ, что тебѣ не непріятно будетъ сіе слышать.

Римъ.—30-го (19-го) іюня 1785 г.

...Скажу тебѣ еще что нибудь о Неаполѣ. Слышалъ я серенаду подъ своими окнами. Когда бы мода была мужчинамъ серенады давать, я бы подумалъ, что она мнѣ дается.

23-го. Въ этотъ день увидѣлъ я, что Скавронской приревновалъ меня. Къ удовольствію моему, его ревность должна скоро кончиться [3]). Я съ величайшимъ сожалѣніемъ Неаполь оставилъ и, когда бы не праздникъ св. Петра, можетъ быть, я бы долѣе здѣсь пробылъ, нежели ты мнѣ могъ это позволить. Хвалилъ очень Честерфильда,

---

[1]) Сэръ Уилліамъ Гамильтонъ, р. 1730, † 1803, англійскій посланникъ въ Неаполѣ съ 1764 по 1800 годъ, и археологъ. Его вторая жена, леди Эмма Гамильтонъ (р. 1761, † 1815) извѣстна своею красотою, своими похожденіями и своимъ вліяніемъ какъ на неаполитанскую королеву Каролину, такъ въ особенности на адмирала Нельсона. Кн. Л.-Р.

[2]) Жарновинъ и Дицъ—два музыканта-скрипача. Оба состояли на службѣ при императорскомъ театрѣ, въ Петербургѣ. О Дицѣ, кромѣ того, извѣстно, что онъ переставалъ говорить и около года не выходилъ изъ этого безмолвія, не переставая восхищать своей игрой; этотъ случай далъ поводъ Державину и И. И. Дмитріеву написать по стихотворенію на игру Дица (Соч. Державина, изд. Грота).

[3]) Гр. Екатерина Васильевна Скавронская была красавица и гр. Сегюръ, описывая ея наружность, говоритъ, что ея голова могла-бы служить образцомъ для головы амура. Н. В.

что онъ своему наслѣднику въ Неаполь ѣхать запретилъ [1]). Скажу еще тебѣ, что народъ неаполитанскій мнѣ показался гораздо добрѣе, нежели прочій италіанскій.

28-го... Послѣ обѣда ѣздилъ съ кн. Юсуповымъ и его дражайшей «Contessa Devechis» смотрѣть «Cavalchota de P. Collona», а потомъ былъ въ церкви св. Петра.

29-го. Обѣдню, служенную св. отцомъ, видѣлъ и далъ себѣ слово, что я послѣдній разъ церемоніи такого рода смотрю.... Видѣлъ зажженіе купола, которое прекрасное дѣйствіе дѣлаетъ, такъ какъ и освѣщеніе онаго [2]).

Надобно тебѣ хотя однажды одну здѣшнюю новость дать: Аркетти [3]), который здѣсь теперь находится, произведенъ въ легаты, въ Болонію. Сіе, мнѣ кажется, новый родъ славы нашему двору придаетъ. Читалъ ли ты манифестъ о дворянствѣ? [4]). Когда, чрезъ нѣсколько вѣковъ, русское дворянство болѣе почтенныхъ мужей имѣть будетъ, нежели оно теперь имѣетъ, то я думаю, что люди тогдашнихъ временъ себя попрекать будутъ, что они испортились, что старая добродѣтель, которая изъ сего манифеста видна, перевелась, что уже рѣже граждане находятся, которые всѣмъ для отечества жертвуютъ, и т. д. Не подшутили ли наши предки надъ нами? а мы безъ остановки теперешнія времена бранимъ! Очень мнѣ понравились въ семъ манифестѣ благодарность и признательность, которыя государыня дворянству изъясняетъ!

Объ Эссенѣ ты очень выгодно мыслишь; многіе иностранные о немъ иначе судятъ. Я какъ съ княземъ [5]) въ Англіи былъ, — мы также у него приставали. Прости.

---

[1]) Здѣсь говорится о сочиненіи лорда Честерфильда, переведенномъ въ послѣдствіи съ англійскаго на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Духъ лорда Честерфильда или Избранныя мысли изъ нравоучительныхъ его сочиненій и писемъ къ сыну своему». Переводъ И. Л. Спб. Типогр. академіи наукъ. 1815 г. (По росписи Смирдина № 1270-й).

[2]) Авторъ говоритъ объ иллюминаціи въ день св. Петра, 29-го іюня.

[3]) Кардиналъ Іоаннъ Андрей Аркетти (Archetti), изъ маркизовъ Формигарскихъ, архіепископъ халкедонскій, папскій нунцій въ Петербургѣ въ 1783 г. (См. Le Catholicisme romain en Russie, par le C-te Tolstoy. T. II., p. 27-me).

[4]) Вѣроятно, здѣсь разумѣется «Жалованная Грамота», изданная 21-го апрѣля 1785 г.

[5]) Кн. Григорій Григорьевичъ Орловъ, который послѣ своей опалы, уже женатый, путешествовалъ по Европѣ, съ своей супругой, кн. Екатериной Николаевной, и ея роднымъ братомъ, авторомъ настоящихъ писемъ. О путешествіи этомъ извѣстно весьма мало и бумаги села Вышебеши, къ сожалѣнію также о немъ умалчиваютъ. Н. В.

Римъ.—2-го іюля 1785 г.

Поутру былъ у кардинала Аркетти, который, къ удивленію моему, меня еще помнитъ, видѣвъ меня лишь одинъ разъ, какъ я его по городу и по рядамъ возилъ до дворца. Я до сихъ поръ безъ смѣху своей фигуры въ этой каретѣ вспомнить не могу! Купилъ тебѣ «Жизнь Тасса»; желаю, чтобы она тебѣ понравилась; я оную, такъ какъ и Винкельманово сочиненіе, Моценигѣ отвезу, чтобы онъ тебѣ оное доставилъ.

3-го. Былъ въ послѣдній разъ въ музеѣ папы Сикста днемъ и еще разъ восхищался симъ собраніемъ. Послѣ обѣда ѣздилъ смотрѣть иллюминацію модели церкви св. Петра, которая для государыни дѣлается; освѣщена была только одна лантерна, ибо куполъ еще не готовъ. По тому, что̀ я видѣлъ, не думаю, чтобы могло сдѣлать похожее дѣйствіе, какъ церковь являетъ, ибо, я думаю, бо̀льшая причина красы сей иллюминаціи состоитъ въ величинѣ строенія. И такъ, чтобы иллюминацію сей модели нѣсколько сходно съ оригиналомъ сдѣлать, надо неотмѣнно придумать способъ, чтобы чрезъ оптическое стекло увеличить сію модель,—а сіе, я думаю, очень тяжело произвести будетъ. Не знаю, извѣстно ли тебѣ, что 625 Fiacoli (т. е. факеловъ) на всей иллюминаціи зажигается, что для сего слишкомъ 200 человѣкъ употребляется и что сія иллюминація 700 скудовъ сто̀итъ [1]).

4-го. Чрезъ Литту получилъ дозволеніе видѣть кабинетъ «Duca Arozzi», который отмѣнно хорошъ. Вечеромъ ѣздилъ съ Амадуціемъ въ бенедиктинскій монастырь «St. Alessio», къ аббату того монастыря «Nerini», который здѣсь въ великомъ почтеніи и у котораго по понедѣльникамъ многіе кардиналы собираются. Ныньче былъ тутъ кардиналъ «Archioto», который отъ мѣста del Secretario del Stato отказался, что ему здѣсь великое почтеніе пріобрѣло, а сіе мѣсто теперь дано кардиналу Бонкаминію и нашъ общій пріятель пророчествуетъ великія чудеса отъ сего, уподобляя сей выборъ соединенію горы Этны съ Везувіемъ. Я очень люблю его на эту матерію наводить, ибо онъ всегда, разгорячившись, всю силу своего краснорѣчія употребляетъ и, говоря про вулканы, самъ огнедышащей горой дѣлается.

6-го. Обѣдалъ у Юсупова, гдѣ былъ и Бернисъ; онъ въ обществѣ очень пріятный человѣкъ.

---

[1]) Это мѣсто, вѣроятно, относится уже къ самой иллюминаціи церкви св. Петра, а не къ модели. Н. В.

7-го іюля 1785 г.—Изъ Рима.

8-го. Вечеромъ былъ у Амадуцци, который мнѣ неоднократно о своей библіотекѣ говорилъ, въ которой много сочиненій здѣшнихъ ученыхъ «de la moneta»... Пишетъ о деньгахъ, когда всѣ жалуются, что оныхъ нѣтъ!

10-го. Обѣдалъ у кн. Юсупова, гдѣ пріѣзжій братъ Канціонева былъ, который, изъ маленькихъ купчишекъ—банкиромъ сдѣлался. Этакія фортуны заставляютъ думать, что у насъ золото на деревьяхъ растетъ, а мы, бѣдные путешествующіе, за сіе лживое мнѣніе, дѣйствительно золотомъ платить должны.

... 12-го. Ты, я думаю, бранишь меня немилосердно, что я тебѣ объ отъѣздѣ отсюда ничего не говорю?—Смотрѣть уже пересталъ, а все здѣсь остаюсь.....

Римъ.—1-го (12-го) августа 1785 г.

Въ Ріэто пріѣхалъ около обѣда. Въ первый разъ столь пространное обиталище имѣлъ, занимая цѣлый этажъ, въ которомъ, два года назадъ, польскій посланникъ жилъ. Меня здѣсь, какъ медвѣдя, по всѣмъ собраніямъ возили. Собранія сіи изрядныя, ибо состоятъ изъ римскихъ жителей, которые сюда пріѣзжаютъ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ чрезвычайно гостепріимны и кажется, что зрители другъ передъ дружкой хвастаютъ, когда иностраннаго въ своемъ домѣ имѣютъ. Отсюда ѣздилъ древній городъ Авбу смотрѣть. Теперешняя Авба — мѣстечко премелкое, гдѣ крайняя бѣдность властвуетъ. Представь себѣ, что до того бѣдны крестьяне, что когда хижина ихъ развалится, то они не въ состояніи ее построить! и такихъ развалѳнныхъ домовъ много видно во всемъ королевствѣ. Гдѣ я ни былъ—всегда на чрезвычайныя подати жалуются, нѣтъ земли и правленія, гдѣ бы подданные жалобъ не приносили! И такъ, на повѣрку выходитъ, что мы одни только счастливы и оныхъ жалобъ дѣлать не можемъ.

2-го. Поутру поѣхалъ водой въ Отрукіо, которое болѣе на собраніе нищихъ, нежели на обитаемое мѣсто походитъ. Чтобы дать гребцамъ отдохнуть, ходилъ смотрѣть здѣшній почти развалѳнный замокъ, которыхъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ великое множество, что доказательствомъ служитъ, что феодальное правленіе здѣсь перевелось послѣ всѣхъ, ибо почти не видно маленькаго мѣстечка, которое-бы безъ зáмка было, да и до сихъ поръ бóльшая часть дворянъ своихъ подданныхъ судитъ и къ смерти приговариваетъ, хотя послѣднее въ исполненіе, безъ соглашенія королевскихъ судовъ, исполнено быть не можетъ. Какъ слаба была въ прежнее время власть государей и какіе должны были быть безпорядки въ правленіи!

Флоренція.—24-го августа 1785 г.

Вмѣсто Рима сей городъ видишь! Ты долженъ, какъ я думаю, сему дивиться..... неожиданное случилось!

20-го. Поутру въ 6 часовъ выѣхалъ съ Амадуцціемъ изъ славнаго, древняго сего города съ большимъ удовольствіемъ; уменьшаетъ оное только союзъ короля британскаго (что уже во Флоренціи извѣстно, ибо я оное отъ милорда Купера слышалъ). Сей союзъ мнѣ очень досаденъ и я не могу объ ономъ безъ злости думать. Общество Амадуцціево мнѣ отмѣнно пріятно.

22-го. День пробылъ въ Сіенѣ. Здѣсь великій князь многіе монастыри уничтожилъ. Гульбища, гдѣ здѣшнее дворянство собирается, для сего маленькаго города очень изрядно. Красавицъ, которыхъ здѣсь, по большей части, описываютъ,—я не видалъ.....

23-го.... Вечеромъ былъ у славной Корриллы [1]), которая пріятная женщина и теперь еще очень понятно, что она могла великія страсти производить, соединяя съ добрымъ нравомъ пребыстрѣйшій разумъ и необыкновенный оборотъ мыслей.

25-го. Поутру видѣлъ физическій кабинетъ, подъ дирекціей аббата Фонтана [2]), который творецъ онаго. Искусство надзирателя сего кабинета тебѣ извѣстно.

Тосканцы, какъ мнѣ кажется, между италіанцами, то же, что саксонцы между нѣмцами: болѣе просвѣщены и могутъ болѣе славныхъ людей показать, какъ, напримѣръ, Брунолеско, Буонаротти, Галлилея и проч. Мнѣ кажется, что и народъ здѣсь болѣе просвѣщенія имѣетъ, нежели въ другихъ частяхъ Италіи, лучше одѣвается, — особенно крестьянскій народъ. И дворянки здѣшнія въ одеждѣ болѣе вкусу имѣютъ....

---

[1]) Женщина-импровизаторъ. Даръ импровизаціи былъ въ большой модѣ въ Италіи; при музыкальныхъ и поэтическихъ способностяхъ италіанцевъ, при ихъ врожденной артистичности и музыкальномъ ритмѣ, даръ импровизаціи давался имъ весьма легко, что̀ иностранцевъ приводило въ неописанное удивленіе. Пушкинъ въ «Египетскихъ ночахъ» вывелъ на сцену италіанца-импровизатора и этотъ портретъ, нарисованный нашимъ геніальнымъ поэтомъ, можетъ служить живымъ сколкомъ для другихъ такихъ же личностей. Н. В.

[2]) Аббатъ Феличе Фонтана, извѣстный естествоиспытатель, р. 1730, † 1803. Въ физическомъ и анатомическомъ кабинетѣ во Флоренціи было, между прочимъ, болѣе 1,500 восковыхъ анатомическихъ фигуръ. Кн Л. Р.

Флоренція.—30-го августа 1785 г.

Ныньче цѣлое утро и послѣ обѣда бѣгалъ по городу и книги покупалъ.

1-го сентября. Поутру былъ въ домѣ Рикорди; здѣсь видѣлъ другую славную „Improvisatrice Fantastici", которая, чтобы моего товарища и меня увидать, зная, что мы въ этомъ домѣ будемъ, нарочно тутъ явилась. Надобно тебѣ сказать, что Коррилла такую ненависть къ ней имѣетъ, что кто къ Фантастичи ходитъ, тотъ долженъ отречься отъ дома Кориллы, и такъ какъ Амадуцци былъ въ нѣкоторой связи съ первой, то не только не можетъ къ сей послѣдней ходить, но и не имѣетъ позволенія въ тѣхъ мѣстахъ находиться, гдѣ она обыкновенно бываетъ, какъ, напримѣръ, въ академіи, гдѣ я нынѣшнее утро былъ и имѣлъ случай слышать отъ Фантастичи одинъ очень изрядный сонетъ.

Вечеръ провелъ у Кориллы, гдѣ видѣлъ славнаго „Suffren" [1]), который, кажется, ѣздитъ казать свою шпагу, которую ему голландцы подарили. Мнѣ кажется, что въ его славѣ болѣе счастіе нежели искусство причинно. Я не могу повѣрить, чтобы послѣднее въономъ участіе имѣло, увидя его фигуру и услыша его разговоры; но, можетъ, я и ошибаюсь....

2-го. Ныньче цѣлый день пробылъ дома, читая съ великою жадностію „Domina della Revoluzioni d'Italia",—совершенное сочиненіе, и я жалѣю, что мой скорый отсюда отъѣздъ мнѣ мѣшаетъ докончить его здѣсь. Многія мысли и прожекты приходили, которые могли бы быть употреблены съ удобствомъ въ нашемъ отечествѣ, и я новую причину имѣлъ сожалѣть, что я не съ тобой и не могу тебѣ своихъ мыслей сообщить.—Портреты въ миніатюрѣ твоихъ малютокъ поспѣли и я оными очень доволенъ; теперь я ихъ, за стекломъ, цѣловать могу; они мнѣ крайнее утѣшеніе дѣлаютъ и я не думалъ, чтобы они такую радость во мнѣ произвели...

---

[1]) Балльи де-Сюффренъ (род. 1726 г., умеръ 1788 г.), извѣстный французскій адмиралъ и балльи мальтійскаго ордена, отличавшійся во многихъ морскихъ сраженіяхъ. У него было нѣсколько братьевъ, и, вѣроятно, объ одномъ изъ нихъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ, подъ 19-мъ октября 1788 г., замѣтивъ: «Велѣно принять въ нашу службу брата Балльи де-Сюффренъ». Н. В.

Флоренція.—3-го сентября 1785 г.

Утро былъ занятъ чтеніемъ.... а послѣ обѣда ходилъ къ «Fontana», директору физическаго кабинета, смотрѣть, какъ восковыя фигуры и части человѣческія дѣлаютъ.

4-го. Нынѣшнее утро все читалъ. На сіе отвѣчай мнѣ въ Туринъ: я прямо, чрезъ Mont-Senis, во Францію переѣду. Надѣюсь, что наша корреспонденція попорядочнѣе будетъ... Представь себѣ, что болѣе четырехъ мѣсяцевъ я никакого извѣстія изъ Россіи не имѣю. До сихъ поръ не знаю, получилъ ли я продолженіе своего отпуска?....

Изъ Болоніи.—6-го сентября 1785 г.

Выѣхалъ нынче поутру изъ Флоренціи и прибылъ сюда. Я столь населеннаго мѣста никогда не видалъ и великое удовольствіе оное видѣть имѣлъ. Въ Тиролѣ есть многія долины, которыя очень населены, но, въ примѣръ сей—пустыней кажутся.

Я тебѣ уже въ послѣднемъ письмѣ сказывалъ, что я нахожу Тоскану противъ прочей Италіи сходною съ Саксоніей—въ разсужденіи другихъ нѣмецкихъ провинцій. Еще имѣлъ случай сіе подтвердить, ибо только что на папское владѣніе въѣхалъ, примѣтна стала грубость народа, алчность его на деньги, который, чтобы получить ихъ, всякіе обманы выдумываетъ.

8-го. Поутру ѣздилъ по разнымъ собраніямъ картинъ. Забылъ тебѣ сказать, что обѣдалъ у здѣшняго Archiovescovo, которому ты папупесцію (т. е. папство) назначилъ; но дозволь себѣ сказать, что, я не знаю почему, мнѣ кажется, что онъ добрый и почтенный человѣкъ, но не имѣетъ качествъ отмѣнныхъ, которыя бы сіе предвидѣть заставляли. Ты мнѣ на сіе скажешь, что папы не по достоинствамъ выбираются... на это я соглашусь, но тогда предвидѣть трудно—кому сіе достанется.

11-го. Дворянства въ Болоніи мало, ибо оно по деревнямъ разъѣхалось; но изъ малаго, которое здѣсь, можно о пышности онаго судить. Вообще видны два характера въ римскомъ дворянствѣ: или глупая гордость, или непростительное фамиліарство въ обращеніи, а часто оно умѣетъ сіи качества соединить такъ, что между собой надуваются и выступаютъ какъ пѣтухи, а съ слугами своими—лакеями дѣлаются и, кажется, что они только для сего состоянія и сотворены. Видишь, какъ я ѣдокъ противъ сего народа!—но онъ мнѣ день ото дня противнѣе дѣлается.

12-го. Простился съ кардиналомъ «Giovanetti», объ которомъ тебѣ скажу, какъ онъ получилъ кардинальскую шляпу. Нынѣшній папа [1]), бывъ кардиналомъ, былъ въ монастырѣ, гдѣ онъ былъ аббатомъ, и гуляя въ саду онаго, зацѣпилъ за дерево и потерялъ свое beretto. Giovanetti, который за нимъ шелъ, поднялъ его и такъ какъ оно въ пыли замаралось, то, очищая его, онъ сказалъ папѣ: «e un presagio che questo beretto rosso sará ncagiato in un bianco», —на что папа отвѣтилъ: «si al mio sará cangiato in un bianco, furo che il vostro si cangi in un rosso» [2]) и, бывъ возведенъ на святой стулъ, сдержалъ свое обѣщаніе. Завтра со свѣтомъ отсюда ѣду. Прости.

Парма.—14-го (3-го) сентября 1785 года.

.... Пріѣхалъ сюда вечеромъ. Нынче былъ въ библіотекѣ, заведенной маркизомъ Dutilio; она очень хороша на видъ. Что лучше всего, такъ это каталогъ, который чрезвычайно способствуетъ отыскивать книги. Въ академіи художествъ видѣлъ славный «День» Корреджіева «il St. Bartolomeo». Скажу тебѣ мое мнѣніе о семъ, какъ и о сочинителѣ онаго, только съ договоромъ, чтобы ты не разсердился на меня; мнѣ помнится, что ты великій обожатель Корреджіо. Колоритъ его во всѣхъ картинахъ весьма пріятенъ; справедливъ ли онъ или нѣтъ—объ ономъ не хочу судить; тѣни въ картинахъ его отмѣнно хороши, лицо Богородицы изрядно; но Магдалина, въ этой картинѣ, такъ изображена, что ей такъ стоять не можно: она цѣлуетъ ногу Христа, а оборотилась лицомъ къ зрителямъ и, слѣдовательно, ея поцѣлуй—щекой придется. Въ картинѣ его «St. Sepolcro»—тѣ же недостатки нахожу, съ прибавкой, что въ оной картинѣ его ошибки — еще болѣе, что ангелы на верху такъ исковерканы, что не можно разобрать ноги оныхъ и не знаешь, которая кому принадлежитъ; у Богородицы лицо не благочинное. Ты мнѣ на сіе можешь сказать, что тяжело соединить пріятство и красу лица съ почтительнымъ видомъ,—на это я согласенъ; но со всѣмъ тѣмъ, многія картины находятся, въ которыхъ краса, пріятство и величіе сохранены.

15-го. Еще вторично былъ въ академіи, гдѣ съ большимъ удо-

---

[1]) Въ 1785 г. на папскомъ престолѣ находился папа Пій VI. Онъ былъ избранъ въ 1785 г.; умеръ въ 1799 году.

[2]) Переводъ: «это предзнаменованіе, что ваша шапка превратится въ бѣлую».—На что получилъ отвѣтъ отъ Jiovanetti: «если моя превратится въ бѣлую, то ваша должна обратиться въ красную». Н. В.

вольствіемъ «День» твоего любимца видѣлъ. Послѣ обѣда ходилъ въ замокъ здѣшняго герцога[1]). Ты знаешь чудеснаго сего владѣтеля и сколько непонятныхъ противорѣчій въономъ находится. Онъ и его супруга, какъ тебѣ извѣстно, самая чудесная пара!

18-го. Былъ на курсѣ, который, по множеству каретъ, очень на неаполитанскій похожъ.

19-го. Былъ представленъ аршидюку, правителю здѣшнему; но еще въ городѣ знакомства не сдѣлалъ.... На сіе отвѣчай мнѣ въ Парижъ. Скажи мнѣ: долго ли ты въ Англіи пробудешь? Постарайся сдѣлать такъ, чтобы мы вмѣстѣ тамъ пожили....

Парижъ.—9-го января 1786 г.

Поздравляю съ новымъ годомъ и желаю тебѣ въ ономъ, какъ и во всѣхъ будущихъ, возможное благополучіе. Наконецъ я добрался до сего славнаго города. До сихъ поръ я такъ мало имъ тронутъ, что самъ не могу довольно надивиться! Ты звалъ меня къ себѣ,—а я ѣхать отговаривался; теперь мнѣ опредѣляешь жить въ Парижѣ, а я къ тебѣ неотмѣнно быть желаю. И такъ, любезный мой другъ, хочешь или нѣтъ,—я ѣду въ Лондонъ и выѣду отсюда 14-го, т. е. въ субботу. И такъ, прошу тебя сдѣлать мнѣ одолженіе и выслать человѣка въ Дуврь, хотя на подержаніе; ты меня симъ крайне одолжишь и дай мнѣ объ ономъ знать, адресуя письма въ Кале. Причины, для чего я твоего предложенія—остаться здѣсь до марта,—не принимаю, слѣдующія. Первая: чтобы доказать тебѣ, нѣкоторымъ образомъ, что я къ тебѣ не ѣхалъ не по предпочтенію веселья, а по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился. Вторая: что въ теперешнее время Парижъ, а особливо круглежащія мѣста неудобно видѣть, слѣдовательно, я почти время потеряю, живя здѣсь; напротивъ, бывъ въ Лондонѣ, я честь и удовольствіе имѣть буду ваше сіятельство видѣть и прекрайнее удовольствіе моихъ малютокъ такъ часто цѣловать, какъ можно. На тебя, правду сказать, чрезвычайно золъ за твое письмо, которое въ Генуѣ получилъ, и ты собери всѣ свои силы, ибо я на тебя сильно нападу; но не очень страшись: имѣвъ въ одной рукѣ оружіе, въ другой оливковую вѣтвь держать буду, такъ послѣ короткой войны,—долгій миръ заключимъ. Я сюда

---

[1]) Фердинандъ, герцогъ пармскій (р. 1751, † 1802), изъ испанской отрасли Бурбоновъ. Его супруга Марія-Амалія, эрцгерцогиня австрійская (р. 1746, † 1804), была родная сестра императора Іосифа II, который въ первомъ бракѣ былъ женатъ на его сестрѣ. Кн. Л.-Р.

четвертаго дня пріѣхалъ, благополучно пробывъ въ Ліонѣ двѣ недѣли. До скораго свиданія, прости. Малютокъ своихъ и моихъ три раза отъ меня поцѣлуй; я съ нетерпѣніемъ того жду, когда сіе самъ сдѣлать смогу.

Переѣхавъ въ Англію и живя одно время въ домѣ гр. С. Р. Воронцова, ежедневно видаясь съ нимъ и обмѣниваясь взглядами и мыслями, В. Н. Зиновьевъ не считалъ, вѣроятно, уже для себя болѣе необходимымъ письменно излагать свои впечатлѣнія, почему и не велъ своего дневника въ теченіе семимѣсячнаго своего пребыванія въ Лондонѣ; но въ половинѣ іюля 1786 г. онъ предпринимаетъ новое путешествіе, именно по Англіи и Шотландіи и, съ этого времени, начинается новый письменний обмѣнъ мыслей между двумя друзьями. Эти-то письма В. Н. Зиновьева къ гр. С. Р. Воронцову и составляютъ продолженіе дневника.

При изданіи этой части дневника, мы продолжали держаться (какъ и въ первыхъ двухъ частяхъ его: изъ Германіи и Италіи) въ предѣлахъ, по возможности, историческихъ, хотя и не считали умѣстнымъ вовсе, такъ сказать, отнять всякое личное значеніе автора-путешественника; вотъ почему мы оставили его личные взгляды и воззрѣнія на многія встрѣчаемыя имъ явленія и его мнѣнія о далекомъ его отечествѣ, которое онъ любилъ горячо и искренно, сознавая съ тѣмъ вмѣстѣ его недостатки; при этомъ мы руководились, кромѣ того, мыслію, что взглядъ автора и вообще его кругозоръ, хотя и устарѣвшіе уже въ наше время, имѣютъ однако же, по нашему разумѣнію, полное право на занятіе мѣста въ исторической перепискѣ XVIII вѣка, во первыхъ, какъ взгляды товарища по воспитанію Радищева и передоваго человѣка своего времени и, во вторыхъ, какъ письма, адресованныя къ такой выдающейся личности, каковою былъ графъ С. Р. Воронцовъ.

Н. П. Барышниковъ.

Письма В. Н. Зиновьева къ гр. С. Р. Воронцову изъ Англіи.

Варвикъ.—5-го (16-го) іюля 1786 г.

Твое письмо, посланное въ Оксфордъ, получилъ 14-го; благодарю тебя и Якова Ивановича за его приписаніе. Зная, что ты ему мои письма кажешь, я особливаго къ нему не пишу.

Въ Оксфордѣ надо видѣть библіотеку и картинную галлерею тому, кто имѣетъ въ свемъ распоряженіи много времени. Здѣсь, къ крайнему моему удовольствію, удалось мнѣ слышать экзаменъ или пробу одного кандидата, просящаго чина доктора музыки, въ присутствіи

вицъ-президента и части оксфордской публики. Испытаніе это состояло въ концертѣ, на которомъ все разнаго рода сочиненія сей особы играли; между прочимъ, была одна арія съ маленькимъ барабаномъ. Зала наполнена портретами гг-дъ докторовъ онаго искусства; надъ органомъ виситъ портретъ Генделя.

Бирмингамъ.—18-го іюля.

(Начиная съ этого письма, на всѣхъ остальныхъ усматривается надпись: «A Son Exellence, Monsieur le C-te de Woronzof etc. etc. Harlay Street № 36. London).

13-го іюля, поутру.—Изъ Оксфорда.

...... Виндзорскій замокъ, кто цѣнитъ свое время, примѣчанія не достоинъ. Между картинами, въ немъ находящимися, видѣлъ изображеніе свиданія Генриха VIII съ Францискомъ I, и перваго портретъ и физіономію не болѣе пріятно видѣть, какъ о тиранствахъ его слышать.

Отсюда пошелъ къ живописцу на стеклѣ г-ну Жервисъ, и очень доволенъ былъ видѣть его работу. Не думаю, чтобы вещи и животныя лучше могли изображаться, какъ симъ образомъ живописи. Разговорившись съ нимъ объ открытіи сего искусства, онъ мнѣ сказалъ, что никогда не думалъ симъ искусствомъ себя прокармливать, но разными приключеніями доведенъ былъ изыскивать способовъ питаться инымъ, нежели своими доходами, и, искавъ потерянное сіе искусство, разнократными опытами до онаго дошелъ. Я его спросилъ—не написалъ ли онъ свой секретъ, чтобы оный, послѣ его, не потерялся? Его жена, въ его отсутствіе, мнѣ одно весьма невѣроятное приключеніе разсказала; но отъ него въ отвѣтъ на мой вопросъ получилъ, что онъ никакихъ мѣръ по сему не взялъ; но не противенъ чтобы оный, какой ни есть особѣ, продать въ иной землѣ и даже съ дозволеніемъ, по пріобрѣтеніи, чтобы оное употребляемо было, но съ тѣмъ только, чтобы при его жизни оное не публиковать и въ Англіи бы никто, кромѣ его, сего секрета не зналъ. Сверхъ того, сказывалъ онъ мнѣ, что, какъ княгиня Дашкова [1]) здѣсь была, онъ хотѣлъ послать картинку государынѣ, но найдя разныя затрудненія въ ономъ, оставилъ оное. Я сказалъ ему, что онъ теперь сіе

[1]) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова (род. 17-го марта 1740 г., умер. 4-го января 1810 г.), сестра графа Семена Романовича Воронцова, жила въ Англіи нѣсколько лѣтъ сряду, для образованія своего сына, который состоялъ студентомъ Эдинбургскаго университета между 1775 и 1780 годами. Н. В.

черезъ тебя исполнить можетъ и, отдавъ тебѣ, можетъ увѣренъ быть, что оное вѣрно до государыни дойдетъ; а когда оный способъ письма нашей императрицѣ понравится, то она, можетъ, и заблагоразсудитъ купить у него сей секретъ. Онъ симъ очень, кажется, доволенъ былъ и взялъ отъ меня мой и твой адресы, 'прося меня, чтобы я тебя предувѣдомилъ, что онъ къ тебѣ будетъ и доставитъ тебѣ картинку своей работы для пересылки и поднесенія государынѣ. Не знаю, говоритъ ли онъ по французски?—кажется, по рожденію, онъ ирландецъ. Прости, нынѣшнія мои похожденія тебѣ завтра скажу.

15-го (26-го) іюля.—Изъ Лидсъ.

Остаюсь у тебя въ долгу, и начну оный платить, сказавъ тебѣ, что изъ Кастельтона благополучно прибылъ 24-го въ Шефильдъ и отдалъ письмо Якова Ивановича г-ну Турнеру, весьма почтенному человѣку, который чрезвычайное приключеніе съ крайнимъ великодушіемъ сноситъ, а именно: онъ имѣлъ одного сына, при рожденіи котораго онъ потерялъ свою жену, и, любя его, не женился, а онъ, доживъ до 29-ти лѣтъ, умеръ смертію для постороннихъ весьма утѣшительною. Онъ простудился на одномъ пожарѣ, работая на ономъ, занемогъ и нѣсколько послѣ того умеръ, сожалѣемъ не только своимъ отцомъ, но и всѣмъ городомъ.

Теперь о семъ городѣ: онъ очень замаранъ,—такъ же какъ и бо̀льшая часть его жителей, сажей и угольями. Шефильдъ и окрулежащія мѣста принадлежатъ лорду Сорѣ [1]). Здѣсь видѣлъ мануфактуры, между которыми главная одного г. «Tudor et Comp.» и она дѣйствительно примѣчанія достойна. Во всѣхъ подобныхъ фабрикахъ главныя машины лошадьми въ движеніе приводятся. Между прочимъ я тебѣ долженъ сказать, что сей Tudor съ товарищемъ зачалъ свою фабрику съ 800 ф. и имѣя 500 на свою часть, а теперь имѣетъ 20,000 капиталу, да другой—по препорціи. Я думаю, что нѣтъ земли, гдѣ бы съ дарованіемъ можно бы было такъ скоро пріобрѣсти столько денегъ, какъ здѣсь; но теперь даже думаю, что по препорціи сіе во всякой землѣ,—стоитъ только употребить свой разумъ на то. Сіе весьма утѣшительное разсужденіе, при моихъ теперь обстоятель-

---

[1]) Графъ Чарлсъ Сёрре (Surrey), изъ фамиліи Гоуардъ, р. 1767, † 1815, бездѣтнымъ. По смерти отца своего въ 1786 г., онъ принялъ титулъ герцога Норфолькъ (Norfolk). До него Гоуарды неизмѣнно исповѣдывали католическую вѣру; онъ первый изъ этой фамиліи перешелъ въ протестантизмъ. Кн. Л.-Р.

ствахъ: не имѣвъ болѣе 5-ти гиней въ карманѣ и уславъ все свое богатство по почтѣ, адресовалъ письмо къ тебѣ. Ты, можетъ быть, на это спросишь: испыталъ ли я свои силы когда нибудь?—я тебѣ отвѣчу, что я думаю, что силы мои душевныя слабы, но уже давно я того мнѣнія, что человѣкъ, съ нѣкоторымъ разсужденіемъ и твердостію, долженъ въ ономъ успѣть. Пожалуй, не заключи изъ сего разсужденія, что, имѣя только пять гиней, я думаю употребить свое стараніе на пріобрѣтеніе денегъ?—Мнѣ кажется, что въ этомъ я весьма благоразуменъ, былъ и есмь. Можетъ, я благополучнымъ своимъ положеніемъ избавленъ, а, можетъ, еще болѣе разными приключеніями испытать случай имѣлъ, что весьма мало денегъ надобно, чтобы насъ довольными дѣлать. Я думаю вообще, что счастіе и несчастіе всякій человѣкъ въ себѣ, такъ сказать, носитъ и отъ сего происходятъ разныя чувства у людей, при равныхъ приключеніяхъ. Боюсь тебѣ наскучить; я бы еще кое-что къ сему прибавилъ, но полно...

Видѣлъ въ упомянутомъ мѣстѣ кузницы, гдѣ бритвы дѣлаютъ, которыя здѣсь за шилингъ продаютъ, самой той же доброты, которыя въ Лондонѣ за пять. (Ты можешь себѣ представить сколь тамошніе купцы выигрывать должны!); въ другой—пилы; видѣлъ мѣста, гдѣ дѣлаютъ сталь и гдѣ оную перековываютъ и приводятъ въ желаемыя формы, чрезъ водяную мельницу. О всѣхъ сихъ фабрикахъ сдѣлать внятное описаніе—трудно и тебѣ читать скучно будетъ, а при свиданіи нашемъ надѣюсь дать тебѣ о всемъ этомъ довольно внятное понятіе... Здѣсь считаютъ 45,000 жителей, которые день ото дня умножаются переходомъ крестьянъ изъ круглежащихъ мѣстъ. Бывъ здѣсь, я досадовалъ, что наше желѣзо сюда привозятъ, даютъ обрабатывать англичанамъ, а потомъ, то же желѣзо, обработанное, въ 10 разъ дороже мы же покупаемъ, отъ нихъ же. Но теперь образъ своихъ мыслей я перемѣнилъ, не считая первымъ предметомъ фабрики и торговлю въ начинающемъ государствѣ, а какъ о семъ мыслю въ будущемъ, когда мнѣ досугъ будетъ, скажу.

Видѣлъ въ Шефильдѣ какъ уголья привозятъ на колясках, которыя отъ того мѣста, гдѣ уголь вынимается, спускаются и три мили сами бѣгутъ, а назадъ пустыя одной лошадью встаскиваются; колеса у сихъ колясокъ чугунныя и такъ вылиты, что не могутъ выходить изъ брусьевъ, которые на дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ, лежатъ; выгода сего изобрѣтенія отмѣнной прибыли. Самый дурной здѣсь работникъ получаетъ семь шиллинговъ въ недѣлю, а есть такіе, которые и по три ф. имѣютъ!

25-го. Видѣлъ «Wentworth-Hause», принадлежащій лорду William. Новая пристройка къ сему дому огромна, но все это, по моимъ

мыслямъ, тотъ же недостатокъ имѣетъ, какъ домъ лорда Siarsdles[1]), то есть, что портикъ или колоннада на крыльцѣ—не по пропорціи дома, и кажется, что домъ для крыльца съ колоннами, а не на оборотъ, какъ бы должно было; оттого сѣни, наполненныя колоннами, дѣлаются темны и теряютъ свою красу. Внутри дома очень хорошо, покойно и великолѣпное расположеніе; особливо первая зала очень хороша и имѣетъ очень изрядныя копіи древнихъ статуй; но что болѣе всего примѣчанія здѣсь достойно—это картина большая Гверчинова «Агарь съ сыномъ своимъ Измаиломъ».

Лидсъ.—18-го (29-го) іюля 1786 г.

Опять здѣсь, какъ видишь, послѣ трехдневнаго въ Гаригетѣ, довольно скучнаго пребыванія. Здѣсь, такъ же почти какъ и у всѣхъ водъ, съѣзжаются разные люди и весьма часто между ними находятся что̀ называется «авантюристы». Успѣлъ здѣсь только съ однимъ г. «Crowlay» познакомиться, а съ прочими болѣе поклонное знакомство имѣлъ. Видѣлъ здѣсь два англійскіе обычая,—одинъ, что любовники храбрость, силу и вѣрность любовницамъ своимъ испитіемъ вина оказываютъ, а другой, что если въ собраніи, за столомъ, захотятъ нѣкоторые изъ компаніи пить вина болѣе обыкновеннаго, тогда тѣ, которые сего не хотятъ,—выходятъ. Ты себѣ легко представить можешь, какую я далъ тягу,—дѣйствительно, оглянуться боялся, думая, что силой оставятъ. Мнѣ всего страннѣе показалось, что, по нѣкоторому времени, самые сіи же винопіющіе въ залу вошли и разсыпались по дамамъ, говоря съ оными, и мнѣ показалось, что сіе пріятно имъ было. Можетъ быть, я ошибся, и посему не дѣлаю своихъ заключеній, но, кажется, вѣроятныя имѣю.

Поутру былъ въ «Harwood»,—домъ прекрасный и фасада очень хороша, уборъ комнатъ великолѣпія и богатства чрезвычайнаго, но что мое критическое качество до крайности возбудило,—это то, что, при длинной великолѣпной галлереѣ, поставлены четыре бюста: Каракаллы и Комода съ одной стороны, съ другой—Гомера и Фаустина. Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ, видѣть въ Англіи двухъ чудовищъ рода человѣческаго и дѣлать ими украшеніе великолѣпной комнаты! Досадно! до крайности досадно! Что я съ бюстами сихъ тирановъ и оnымъ подобными сдѣлалъ бы—писать здѣсь длинно; но не лучше ли было бы, вмѣсто двухъ сихъ possédés, поставить лорда Чатама и достойнаго

[1]) Лордъ Siarples?? Перековеркано такъ, что понять нельзя о комъ идетъ рѣчь. Кн. Л.-Р.

его сына В. Питта, а вмѣсто Гомера и Фаустина — Мильтона и королевы Елизаветы. Я намѣренъ хозяину сего богатаго дома оное при первомъ удобномъ случаѣ присовѣтовать, чрезъ его знакомыхъ.

Сюда пріѣхалъ въ 12 часовъ, опять поздно, чтобы видѣть продажу суконъ; но былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оное дѣлается; оно называется «Клотсъ-Гаоль» и заведено при началѣ сего вѣка; прежде же на рынкѣ дѣлалось шесть и болѣе часовъ, а иногда и цѣлый день. Для сего построено упомянутое мѣсто и продажа не должна болѣе одного часа продолжаться, что̀ колоколомъ назначается. По вторникамъ и субботамъ съ 8½ часовъ до 9½ продается цвѣтное сукно, а въ прочіе дни бѣлое. Здѣсь самое простое и весьма посредственное сукно продается: цвѣтное отъ 1½ до 9-ти шиллинговъ, а бѣлое до 14-ти бываетъ, которое уже здѣсь красятъ. Оныя сукна привозятся изъ округлежащихъ деревень, крестьянами оныхъ обработанныя, которые за шерстью для сего по всему государству ѣздятъ.

Завтра жду знакомство дѣлать съ славнымъ здѣшней земли математикомъ Смиденъ [1]), который нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашей государыней въ Россію званъ былъ, но предпочелъ остаться въ своемъ отечествѣ. Послѣ завтра, послѣ здѣшняго суконнаго торга, сбираюсь ѣхать въ Іоркъ, гдѣ теперь находятся такъ называемыя «Сейзесъ» и гдѣ я надѣюсь увидѣть что̀ до судебнаго порядка принадлежитъ: сверхъ того Сиденсъ [2]) тутъ же представлять будетъ. Когда часто такіе непредвидимые случаи будутъ, то боюсь долѣе въ своемъ путешествіи остаться, нежели чаялъ.

Лидсъ.—20-го (31-го) іюля 1786 г.

Еще слова два о здѣшнемъ мѣстѣ: 16,000 жителей въ ономъ, а въ приходѣ 40,000. Сей городъ, не смотря на число своихъ жителей, не имѣетъ члена въ парламентѣ; но что еще страннѣе, что онаго и имѣть не желаетъ, приводя къ тому очень хорошую причину, а именно: что во время выборовъ въ народѣ обыкновенно бываетъ большое пьянство, а сіе здѣсь отвадило бы работниковъ отъ нужныхъ упражненій и нанесло бы вредъ здѣшней торговлѣ. Сукна

---

[1]) Смеатонъ (Smeaton, John) род. 1724, умеръ 1792 г., извѣстный англійскій инженеръ и строитель Эдинбургскаго маяка при входѣ въ проливъ Ламанша.

[2]) Сара Кембль, въ замужествѣ Сиддонсъ (Siddons), знаменитая актриса (р. 1755, † 1831 г.). **Кн. Л.-Р.**

здѣшнія идутъ водой въ Гуль, откуда они по разнымъ землямъ— въ Голландію, къ намъ, въ Гишпанію, въ Турцію, въ Италію, въ нѣмецкую землю и т. д., моремъ развозятся. Лошади и шерсть, съ сего времени, здѣсь вздорожали; овецъ уже въ здѣшнемъ графствѣ не пасутъ, ибо называемыя здѣсь «Comons» (земли, владѣемыя вообще разными Freeholders) раздѣлены по Freeholders. Удивительно, что народъ толь давно цвѣтущій имѣетъ такія неустройства! даже были земли, которыя никому не принадлежали! Все сіе заставляетъ меня заключить, что здѣшній народъ такъ занятъ былъ вольностію и торгомъ, что не имѣлъ времени употребить свое вниманіе на домашнее устройство. Меня удивляетъ, какъ сіе прежде временъ Елизаветы не было сдѣлано!

И около здѣшняго мѣста много угольныхъ выемокъ, которыя вчерась, ѣхавъ за городъ обѣдать, я видѣлъ. Изнутри земли уголья вынимаютъ, а на поверхности оной хлѣбъ сѣютъ. Я и тутъ имѣлъ случай повторить и утвердить свое мнѣніе, что сіи уголья—одна изъ главныхъ причинъ богатства здѣшней земли и это средство, которое доставляетъ здѣшнему народу золото гишпанцевъ и португальцевъ, доставляемое оными въ крайній убытокъ своимъ государствамъ. Для выемокъ угольныхъ обыкновенно покупаютъ дозволеніе на оное у владѣльцевъ поверхности земли и не могутъ далѣе идти, какъ до границъ тѣхъ владѣльцевъ, съ которыми договорились. Я, для шутки, спросилъ: «назначена ли глубина?» — на что мнѣ отвѣчали, что до центра земли. Ты можешь представить какіе споры тамъ возстанутъ, когда антиподы Англіи до того же мѣста дойдутъ! Обыкновенно въ угольныхъ заводахъ много воды находится, которую огненными машинами вычерпываютъ.

Нынче поутру былъ у Смидена и тутъ узналъ, что онъ не былъ званъ государыней, но что онъ огненную машину въ Кронштадтѣ прожектировалъ. Онъ строитель славнаго фонала въ Плимутѣ, который въ 1756 г. начался, а въ 1759-мъ оконченъ былъ. Надобно тебѣ знать, что сія башня, посреди моря на камнѣ (rocher), съ безпрерывными сопротивленіями неугомоннаго моря построена, что работники, употребленные на ономъ мѣстѣ, часто въ опасности бывали. Долго бы было тебѣ всѣ затрудненія сего строенія описывать, но вотъ что тебѣ скажу: что сія работа могла только въ отливъ дѣлаться, ибо во время прилива сей камень покрытъ водою бываетъ; что между этимъ временемъ что́ ни было сдѣлано, то заливалось и уносилось водой и хотя пробовали укрѣпить камни прекрѣпкими цѣпями, но при отливѣ ихъ уже не находили. Представь себѣ, что въ бурное время море всю сію башню заливаетъ! Оный фоналъ построенъ

обществомъ, которое нѣкоторую пошлину со всякаго корабля беретъ; караулятъ оный три человѣка, имѣя на полгода провизіи; онъ освѣщается 24-мя сальными свѣчами, которыя по два фунта вѣсятъ. Почтенный архитекторъ сего чудеснаго фонала многія другія работы въ своемъ государствѣ дѣлалъ. Я у него видѣлъ двѣ очень хорошія обсерваторіи, съ разными его въ оныхъ инвенціями, съ астрономическими часами его работы, и зрительныя трубки, также его рукъ,—однимъ словомъ, онъ, кажется, въ математическихъ частяхъ—человѣкъ отмѣнный. Ты знаешь, коль сію полезную науку я чту. почему ты легко себѣ представить можешь, что я весьма доволенъ былъ своимъ визитомъ; но что болѣе всего почтенно въ семъ человѣкѣ,—что онъ, принеся разными стараніями своему государству, себѣ, а потому и семьѣ своей пользу, теперь удалился отъ всѣхъ работъ и единственно занятъ изданіемъ своихъ сочиненій, гдѣ открываются со всевозможною ясностію всѣ ему извѣстныя тайны и его изобрѣтенія. Дай ему Всевышній за то здоровья! — а доброе расположеніе и ему наградой будетъ.

Обѣдалъ у Диксона со всей его фамиліей. Здѣсь имѣлъ случай слышать предлинный разговоръ о романахъ и свои разсужденія сдѣлать; но боюсь тебѣ онымъ наскучить, а такъ какъ я частію сіи письма и для себя пишу, то ты слѣдующее, безъ потери, можешь, когда хочешь, пропустить.

Англичанки, какъ мнѣ кажется, и многихъ другихъ народовъ дѣвушки и женщины съ охотой романы читаютъ, что, по моему, весьма дурныя слѣдствія производитъ, о которыхъ здѣсь длинно говорить. Мнѣ, можетъ быть, сдѣлаютъ вопросъ: чѣмъ же я хочу, чтобы женщины занимались и не лучше ли, чтобы онѣ читали романы, нежели сами случай давали бы оные сочинять?—На сіе я скажу, что въ хорошемъ смотрѣніи дѣвица, и не читавъ романовъ, не подастъ случая свою жизнь онымъ сдѣлать; а желаю я, чтобы ихъ упражненіе было, когда онѣ выучатся читать, во 1-хъ, понятіемъ приличнымъ о вѣрѣ, въ которой онѣ воспитаны, во 2-хъ, чтобы имъ преподали всѣ тѣ знанія, которыя хорошую хозяйку дѣлаютъ, дабы чрезъ то, когда онѣ выдутъ замужъ, чтобы не были въ тягость своимъ мужьямъ, но въ облегченіе, и для того всѣ должны быть выучены всякимъ женскимъ работамъ, арифметикѣ, и могли бы домомъ править. Когда такая дѣвушка выйдетъ замужъ,—она не будетъ въ тягость своему мужу.

Матлокъ.—20-го іюля 1786 г,

.....Получилъ твое письмо и, по прочтеніи онаго, поѣхалъ въ Вудстокъ. Возлѣ сего мѣста находится славный Блендгеймъ. Я рѣдко видалъ что нибудь, чѣмъ бы такъ доволенъ былъ; особливо садъ для меня еще лучше, нежели домъ, и такъ хорошъ, что, не смотря на мою склонность критиковать, мнѣ ничего не остается, какъ только его хвалить..... Здѣсь есть одно мѣсто, которое на одно гатчинское походитъ. Со стороны двора дворецъ очень похожъ на построенный въ Царскомъ Селѣ городокъ, въ которомъ гвардейскіе солдаты живутъ, съ тою разницей, что тутъ огромнѣе несравненно. Внутри отдѣлка комнатъ великолѣпна, картины, по бо́льшей части Рубенсовы... Не обѣдавъ, поѣхалъ въ Стоо, теперь здѣсь есть трактиръ, и пошелъ въ садъ и домъ дюка Букингамскаго. Часто наставленными строеніями въ саду, Стоо очень похожъ на Царское Село и мнѣ совсѣмъ не нравится. Что касается внутренняго убора дворца,—то я свое разсужденіе объономъ оставлю; скажу только тебѣ, что на одномъ плафонѣ, въ золотѣ, сдѣлана цѣпь орденская св. Георгія; не знаю, прилично ли оно на плафонѣ?—До сихъ поръ, мнѣ кажется, что богатые люди, дѣлавъ наряды и украшенія, слишкомъ о вкусѣ пекутся и на то болѣе денегъ тратятъ, нежели бы нужно: оттого столько вкусу налѣпятъ на одномъ мѣстѣ, что, удаляясь отъ простоты,—безъ вкуса дѣлаются. При семъ я вспоминаю очень хорошее слово Рейфенштейна [1]), который говорилъ, что «дурной вкусъ всегда дороже стоитъ, нежели хорошій». Осмотрѣвъ все, я въ «Warwik» поѣхалъ, куда вечеромъ и прибылъ. Для англичанина, можетъ, сіе мѣсто довольно примѣчанія достойно, но для иностраннаго—какое дѣло знать, что 800 лѣтъ тому назадъ здѣсь какой-то «Gug Earl Warwik» жилъ, кабана, какую-то корову и великана убилъ, послѣ чего пустынникомъ жизнь свою кончилъ. Въ замкѣ кажутся его латы, копье и ланцы (т. е. lances), которыя очень на длинные шесты походятъ..... Прибылъ въ Бирминджамъ, отнесъ письмо г-на Тортона къ одному г-ну Masson, который обѣщалъ мнѣ все показать. Можешь представить, какъ я доволенъ былъ сему извѣстію! Массонъ пошелъ къ другимъ, къ которымъ имѣлъ письма, между прочимъ отнесъ письмо г-на Питерса къ одному г-ну Gorbette, который, только что прочелъ письмо, сказалъ, что они недавно сдѣлали положеніе никого въ фабрики не пускать. Онъ мнѣ, съ крайнимъ прискорбіемъ, сказывалъ, что, бывъ въ части въ Корнскихъ за-

[1]) Рейфенштейнъ—чичероне В. Н. Зиновьева въ Римѣ. Н. В.

водахъ, онъ теперь потерялъ много чрезъ переходъ Gascognie (?), что онъ на 20,000 сперва государынѣ товаровъ продавалъ, а теперь оное кончится, потому что онъ слышалъ, что государыня Gascognie даетъ 2,500 фунтовъ на годъ жалованія. На все сіе я отвѣчалъ своимъ образомъ и наше свиданіе кончилось тѣмъ, что онъ мнѣ свое сожалѣніе высказалъ, что не можетъ мнѣ ничего показать и что онъ то же былъ принужденъ сдѣлать съ однимъ французскимъ президентомъ, который ему привезъ письмо отъ бывшаго лорда Шельборна. На другой день, я поѣхалъ на фабрику Больтона и я все съ французскими иностранцами видѣлъ. Проворство работниковъ отмѣнное, машины обыкновенныя и я увѣренъ, что у насъ въ Тулѣ тѣ же; но большая выгода здѣшнихъ фабрикъ—то, что онѣ употребляютъ въ должныхъ мѣстахъ женщинъ, ребятъ и мужчинъ взрослыхъ, а часто взрослаго съ малымъ употребляютъ. Не знаю, полируютъ ли сталь у насъ голыми руками?—въ Бирминджамѣ оное дѣлаютъ. На здѣшней фабрикѣ употреблено отъ 300 до 400 работниковъ. Г-нъ Больтонъ мало о сей фабрикѣ печется, ибо бо́льшій его теперь доходъ—отъ огненныхъ машинъ, которыя онъ въ заводахъ корнвальдскихъ учредилъ, получая одну треть выгоды противъ прежнихъ машинъ. Онъ, сказываютъ, съ г-мъ Ваттомъ [1]) имѣетъ 20,000 фунт. дохода, а фабрика его по прикащикамъ раздѣляется, которые, дѣля барыши, оной управляютъ.

18-го. Былъ у г-на Watt, съ которымъ, на англійскомъ языкѣ, споръ имѣлъ объ архитектурѣ и сдѣлалъ ему одно возраженіе, которое мнѣ понравилось. Онъ защищалъ готическую архитектуру, говоря, что римская не такое дѣйствіе дѣлаетъ, ибо въ послѣдней пропорціи сохранены; на что я привелъ въ примѣръ двухъ высокихъ людей: одного худощаваго, а другаго, по препорціи роста, толстаго; первый, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ болѣе удивленія; но ростъ послѣдняго, не удивляя, несравненно будетъ болѣе нравиться. Желаю, чтобы мое возраженіе и мой примѣръ тебѣ показались.

.....Способы разбогачиваться торговлею такъ здѣсь велики, что люди средняго состоянія не могутъ слугами завестись, ибо они, проживъ у своихъ хозяевъ съ годъ, находятъ способъ торгомъ болѣе наживать, нежели находясь въ услуженіи.

19-го. Послѣ обѣда отсюда поѣхалъ, ночевалъ въ Вартонѣ; славное пиво тебѣ здѣсь извѣстно. Все, что здѣсь дѣлается, привозятъ къ намъ, чрезъ Гуль.

---

[1]) Уаттъ (Watt, James, род. 1736 г., умеръ 1819 г.) знаменитый механикъ-инженеръ, извѣстенъ какъ изобрѣтатель пароваго двигателя. Н. В.

20-го. Былъ въ Дерби; тутъ видѣлъ машину, которая шелкъ навиваетъ; она довольно курьезна и вывезена изъ Италіи. Здѣсь также лучшій фарфоръ дѣлаютъ. Мѣстоположеніе здѣсь отмѣнно хорошо и, какъ говорятъ, «romanesque».

22-го. Объѣхавъ верхомъ романтическое положеніе Матлока, поутру былъ на мельницѣ г-на Arkwright[1]), которая хлопчатую бумагу прядетъ. Все въ оной отмѣнно любопытно, не выключая хозяина, о которомъ скажу два слова: онъ былъ парикмахеръ и, бривъ одного бѣднаго человѣка, получилъ разныя отъ него мысли завести сію мельницу и, предпріявъ сіе съ двумя другими товарищами,—изъ которыхъ одинъ скоро умеръ, а другой свое участіе ему продалъ,—сдѣлался одинъ хозяиномъ сего завода и теперь его считаютъ имѣющимъ 200,000 фун. капиталу.

23-го. Поутру поѣхалъ верхомъ на одну свинцовую мину, называемую Portoway, и видѣлъ все что можно видѣть, даже спускался на самый низъ, гдѣ руду вынимаютъ, и самъ работалъ. Всходя наверхъ и зачиная чувствовать нѣкоторую усталость, мысленно о своемъ сложеніи сожалѣлъ; но мнѣ мой водитель утѣшительную похвалу далъ, что онъ не встрѣчалъ много иностранныхъ, которые бы столь скоро могли всходить; сія похвала, признаюсь, въ моемъ положеніи, мнѣ весьма пріятна была и дала мнѣ новыя силы. Окончивъ сей довольно безпокойный день, послѣ верховой ѣзды на лѣнивой и спотыкливой лошади, прибылъ благополучно въ Щастволидъ.

24-го. Осматривалъ домъ дюка Девоншира, который мнѣ очень понравился. Здѣсь кажутъ комнаты, въ которыхъ королева Марія[2]) многіе годы задержана была. Паркъ изрядный, фонтаны въ ономъ есть; но зная Петергофскіе, только Версальскіе смотрѣть можно,—и такъ, я оные не видалъ.

Въ Грофшофтѣ очень пріятное мѣстоположеніе. Меня весьма удивляетъ, какъ можетъ толь малая земля, какова здѣшняя, имѣть столько обитателей и имѣть столько неплодородныхъ земель!—Еще удалось мнѣ вспомнить мое недоразумѣніе, что я однажды, какъ ты помнишь, утверждалъ, что первое стараніе всякаго правительства должно быть—одобрять хлѣбопашество, а уже потомъ поощрять торговлю. Знаешь ли ты, въ чемъ я безцѣнное богатство Англіи считаю?—въ неисчерпаемомъ множествѣ угольевъ. Когда бы оныхъ у нихъ не было,

---

[1]) Сэръ Ричардъ Аркрайтъ (Arkwright), р. 1732, † 1792., изобрѣтатель машины, которая произвела переворотъ въ произведеніи хлопчато-бумажныхъ издѣлій и обогатила англійскихъ промышленниковъ.

[2]) Королева Марія Стюартъ (р. 1542, † 1587). Кн. Л.

позабыли бы они вывозить наше желѣзо, чтобы оное у себя обрабатывать, другимъ и намъ оное, обработанное, вдесятеро дороже продавать!—и сія одна причина, почему Англія можетъ такъ населена быть, ибо и для топки всякой—имъ ни сучка не надобно...

Іоркъ.—4-го августа 1786 г.

Здѣсь, со 2-го, нахожусь и вообще не могу довольно нахвалиться учтивостью и ласкою здѣшнихъ жителей.

Здѣсь видѣлъ, два дня сряду, судъ преступниковъ и, при семъ случаѣ, старался получить настоящую идею о здѣшнемъ провинціальномъ правленіи и скажу тебѣ только вкратцѣ, болѣе—чтобы помнить, нежели—чтобы сіе описывать. И такъ, лордъ-лефтененть [1])—въ провинціальныхъ городахъ, генералъ-шерифъ и его ассистенты—во всякой провинціи одинъ или болѣе, называемые «Колонель-жостисъ-офъ-письъ», которые первымъ королю предлагаются, такъ какъ и кандидаты. Во второе названіе «Грендъ жюри» и «пети жюри», «Консолорсъ».

Судъ отправляетъ одинъ изъ 12-ти судей, которыхъ сюда два пріѣзжаютъ: одинъ—для уголовныхъ, другой—для гражданскихъ дѣлъ, два раза въ годъ, и судятъ дѣла всего графства. Сверхъ сего, въ уѣздахъ 12 «альдерменовъ», которые младшаго изъ себя въ мэры выбираютъ. Объ образѣ исправленія суда сими судьями ничего не говорю, ибо ты оное знаешь; но оно мнѣ такъ нравится, что желалъ бы, чтобы оно вездѣ учреждено было, и не понимаю, для чего оное не дѣлается? — Вопреки мнѣ скажутъ, что государи потеряютъ большую власть, имѣя, такъ сказать, въ своей волѣ жизнь всякаго человѣка; но на сіе я скажу, что они могли бы себѣ всегда оставить власть, бравъ въ свой особливый судъ такихъ преступниковъ, какихъ пожелаютъ, сказавъ, что дѣлаютъ сіе для скорѣйшаго порядка, а подъ симъ предлогомъ брать всѣхъ тѣхъ, которыхъ только пожелаютъ, и оставлять тѣхъ преступниковъ, которые ихъ мщенія не стоятъ, и дать, чрезъ то, способъ и средство невиннымъ оправдаться. Я не говорю, напримѣръ, сіе о нашемъ отечествѣ, ибо оно, въ разсужденіи сего, можетъ быть, не въ такомъ положеніи находится по причинѣ, 1-е, малаго населенія земли и большихъ разстояній одного мѣста отъ другаго; 2-е, положенія нашихъ крестьянъ; 3-е, не довольнаго просвѣщенія нашего народа. А сколь здѣшній народъ просвѣщенъ—я имѣлъ случай видѣть; но для чего сіе во Франціи и въ бо̀льшей части Германіи не дѣлается—того не понимаю.

[1]) Lord Lieutenant—лордъ намѣстникъ. Кн. Л.-Р.

Единбургъ.—13-го августа 1786 г.

Вотъ гдѣ, любезный другъ, я очутился, но ты, не взирая на сіе, не отдѣлаешься и я съ тобой еще объ Іоркѣ поговорю; и такъ, къ дѣлу: коль мнѣ понравилось производство уголовнаго суда, толь, напротивъ, не хвалю сіе учрежденіе въ гражданскихъ тяжбахъ. 5-го я былъ въ судѣ и слышалъ довольно странное дѣло, а именно: споръ о дорогѣ,—публичная ли она или приватная? и тутъ видѣлъ болѣе 30-ти человѣкъ, отвѣчающихъ подъ присягой, и думаю, что бóльшая часть изъ нихъ противъ принятой присяги и противъ своей совѣсти отвѣчали. Долго бы было о неудобствахъ такого допроса здѣсь объяснять,—я только о двухъ вещахъ упомяну: 1-ое, что я бы присягу, при семъ случаѣ, совсѣмъ уничтожилъ, бывъ увѣренъ, что человѣкъ съ совѣстію на вопросъ, ему сдѣланный въ толь уважительномъ мѣстѣ и въ глазахъ почти всего народа, конечно справедливый отвѣтъ дастъ. Человѣкъ, который толь несчастливъ и потерялъ чувство совѣсти, очень склоненъ нарушить присягу, себѣ черезъ то вредитъ, и смѣю сказать, и слушателямъ, которые привыкаютъ видѣть нарушеніе толь важнаго дѣла. 2-ое, что почти неотмѣнно надобно, чтобы въ гражданскихъ дѣлахъ—одинъ правъ, другой виноватъ былъ; слѣдствіе непремѣнное изъ сего, что часть одна неотмѣнно должна фальшивую присягу сдѣлать. Многія другія причины имѣю не хвалить сей образъ судебнаго порядка; но сіе до свиданія, когда тебѣ угодно будетъ, оставлю. Здѣсь также видѣлъ, что съ проигрышной стороны одинъ квакеръ присягнулъ и противники его дали тотчасъ сіе пяти жюри примѣтить. Сіе собраніе 12-ти человѣкъ весьма уважается и все, что въ судахъ ни дѣлается—все для объясненія имъ, ибо они осуждаютъ преступника или тяжебника. 5-го я выѣхалъ изъ Іорка.

6-го. Вечеромъ пріѣхалъ въ «Рипонъ» и отдалъ письмо г-на Робертсона г-ну Варделеву,—прозваніе очень къ нашимъ приближающееся.

7-го. Былъ въ «Стюдлей-паркъ», гдѣ есть изрядные виды, но много регулярности....

8-го. Деревня, принадлежащая тому же господину, которому и Стюдлей принадлежитъ,—имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе и до сихъ поръ въ Англіи я ничего подобнаго не видалъ. Не совѣтую тебѣ сію землю оставлять, не видавъ сего мѣста. Отъ роду моего не видалъ такого дыма, какъ въѣзжая въ «Нью-кастель»!... Ночевалъ въ Англіи въ Варвикѣ, а 10-го поутру выѣхалъ въ Шотландію.

Теперь дозволь мнѣ главное мое мнѣніе сказать объ этой землѣ: извѣстно, что она всѣмъ изобилуетъ: хлѣбомъ, деньгами, жителями, мануфактурами; но что должно удивить путешественника—это строенія, которыя въ разныхъ городахъ производятся, и, что, такъ сказать, изъ одного города два дѣлается и сіе безъ убытка хлѣбопашества, и я увѣренъ, что эти города получше будутъ тѣхъ, которые по приказу построены [1]); но сіе государство не думало, прежде хлѣбопашества, о построеніи городовъ. Почти вездѣ, гдѣ я ни спрашивалъ—это стало только 50 лѣтъ тому назадъ заводиться, а сія земля въ это время жителей своихъ не умножила. Хорошій примѣръ нашимъ политикамъ! Дѣйствительно, я часъ отъ часу увѣряюсь, что намъ фабрики не нужны и болѣе вредны, и я никакъ не принимаю возраженія, что деньги въ государствѣ остаются: да,—но отнимаются руки отъ пашни. Что дѣлать съ жителями, которые не въ хлѣбородныхъ провинціяхъ живутъ?—переселять половину оныхъ или сколько нужно въ пустыя, казенныя земли. Ты видишь, что я все при своихъ, Гаричетскихъ (?) мысляхъ остаюсь! Долженъ еще одно примѣчаніе сказать о семъ народѣ, что удивительно видѣть во всякомъ городѣ преогромныя строенія для сборщиковъ подъ именемъ: «асамблерумъ»; но что похвальнѣе всего, что, при этихъ строеніяхъ, всегда находятся огромныя же строенія для больныхъ, для бѣдныхъ, для училищъ и сиротъ. Человѣкъ съ чувствами долженъ народъ тотъ почитать, въ которомъ оное видитъ! Что касается до жителей, то скажу, что вездѣ видно изобиліе, пріятная и неподдѣльная чистота, учтивость отмѣнная и пристойная. Средній классъ людей я нашелъ также весьма ласковымъ къ иностранцамъ. Кажется—все, что хотѣлъ тебѣ объ Англіи сказать?—теперь слѣдуй за мной въ Шотландію...

Единбургъ весь взрытъ и въ подобіе англійскихъ городовъ и здѣсь строятъ... Обѣдалъ у лорда Монбодини [2]), который, какъ

---

[1]) Намеки на усиленное въ то время построеніе городовъ въ Россіи. Въ манифестѣ 1785 года апрѣля 21-го сказано, что, въ продолженіе 23-хъ-лѣтняго царствованія императрицы Екатерины II-й, воздвигнуто 216 новыхъ городовъ въ Россіи. Въ послѣдующія царствованія многіе изъ нихъ упразднены, такъ какъ ихъ жители преимущественно занимались хлѣбопашествомъ и не имѣли ни торговыхъ оборотовъ, ни потребности быть городскими обывателями.

[2]) Л-дъ Монбоддо (Burnet James, lord Monboddo), шотландскій философъ, род. 1714 г., умеръ 1799 г.; оставилъ два англійскія сочиненія, исполненныя любопытныхъ изысканій, но съ тѣмъ вмѣстѣ и парадоксовъ: «Происхожденіе и прогрессъ нарѣчій» 1773—1792 гг. 6 част., въ 8-ю д. и «Метафизика древнихъ» 1779—1799 гг. 6 част. въ 4-ю д. Мы полагаемъ, что книги, о которыхъ упоминается, были филологическаго содержанія, какъ потому, что лордъ Монбоддо

ты, чаю, помнишь, тебѣ книги препоручилъ для пересылки къ государынѣ. Скажу тебѣ, что онъ весьма твоей учтивостью хвалится, и мы за твое здоровье пили.

Отсюда всѣ почти по деревнямъ разъѣхались, слѣдовательно я не увижу многихъ весьма достойныхъ людей; но нынче возвратился D. Robertson, котораго я у Роджерсона видѣлъ, ему письма отдалъ и въ понедѣльникъ съ нимъ завтракалъ. Я имѣлъ уже случай познакомиться съ братомъ Ерскини [1]) и съ однимъ Machionichi, и что могу теперь заключить изъ ихъ разсказовъ, такъ это что сія земля въ гораздо болѣе счастливомъ положеніи находится, нежели Англія, ибо она пользуется всѣми выгодами правленія той земли, не имѣя по своему положенію большихъ неудобствъ, которыя въ той землѣ являются необходимымъ слѣдствіемъ выборовъ въ парламентъ. Довольно; чаю, что тебѣ сего будетъ...

Фельфутъ.—13-го (24-го) августа 1786 г.

Это мѣсто ты въ самой подробной географіи не найдешь! Не думалъ прежде Ливерпуля писать, но, имѣя досугъ, пользуюсь симъ случаемъ.

Единбургъ—старый городъ, очень нечистъ и дуренъ, но теперь построили множество новыхъ улицъ, которыя очень хороши. Три моста въ городѣ огромные, изъ которыхъ только одинъ оконченъ, а два только начаты.

... Положеніе Шотландіи и жителей оной мнѣ кажется несравненно выгоднѣй, нежели англичанъ, ибо они пользуются всѣми выгодами послѣднихъ и не имѣютъ неудобствъ, которыя отъ выборовъ въ парламентъ въ народѣ происходятъ, ибо первые, какъ тебѣ извѣстно, они только 46 членовъ посылаютъ, да сверхъ того сей выборъ дѣлается людьми, которые 800 ливровъ доходу имѣютъ, и по-

---

былъ лингвистъ, такъ и потому, что императрица въ 1784 г. предприняла намѣреніе собрать словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ, почему, вѣроятно, и было необходимо государынѣ ознакомиться и съ сочиненіями лорда Монбоддо.

[1]) Ерскинъ, лордъ Томасъ (род. 1750 г., умеръ 1823 г.), англійскій юристъ и ораторъ. Въ 1789 году онъ шелъ рука объ руку съ Фоксомъ, а въ 1806 г. былъ великимъ канцлеромъ. Онъ старался о запрещеніи торга невольниками, защищалъ свободу книгопечатанія и возвысилъ свой голосъ въ пользу грековъ, притѣсняемыхъ турками. Его рѣчи изданы въ Лондонѣ въ пяти частяхъ. Кромѣ того, онъ написалъ, въ 1792 г., сочиненіе «Considérations sur les causes et les consequances de la guerre actuelle avec les Turcs», которое имѣло 43 изданія. (Dictionnaire de biographie et d'histoire, par Désobry et Bachelet).

Н. В.

тому не мѣшаютъ народу слѣдовать обыкновеннымъ и должнымъ своимъ упражненіямъ. Чувствительная разница, при въѣздѣ въ Шотландію, и примѣтно коль бѣднѣе сей народъ аглицкаго. Тебѣ извѣстно, что Шотландія рѣдкіе годы своимъ хлѣбомъ прокармливается и часто оный изъ Англіи или изъ иностранныхъ земель получаетъ. Мое самолюбіе весьма удовольствовано было, ибо, какъ ты изъ моего послѣдняго письма знаешь, мнѣ очень понравился образъ аглицкаго криминальнаго суда и весьма недоволенъ былъ гражданскимъ порядкомъ;—мое мнѣніе подтверждено было, ибо шотландцы приняли первый, а въ разсужденіи другаго остались при своемъ старомъ. Большая часть людей, при моемъ бытіи въ Единбургѣ, по деревнямъ разъѣхавшись была, но я тебѣ упомяну о тѣхъ, которыхъ я видѣлъ, а именно: г. Смитъ [1]), сочинитель той книги, которая тобой и мною почтена; г. Арскинъ (вѣроятно—Ерскинъ), братъ славнаго атторнея въ Лондонѣ и не менѣе его въ Единбургѣ почтенъ. Тебѣ извѣстно, что сіе мѣсто въ разсужденіи медицины весьма славится. Между священниками здѣшней церкви также отмѣнные проповѣдники находятся. Здѣсь видѣлъ г. Рожерсона и г. Бакунина и удивлялся, какъ онъ похудѣлъ и сколь онъ больнымъ кажется.

17-го. Поутру выѣхалъ изъ Единбурга и въ Глазгау пріѣхалъ: былъ вечеромъ въ театрѣ, который былъ весьма наполненъ.

18-го. Я трижды въ Единбургѣ видѣлъ Робертсона [2]), о которомъ тебѣ, какъ о славномъ человѣкѣ, упомянуть забылъ. Учрежденіе, а паче преподаваніе уроковъ здѣсь отмѣнно хорошо. Я большое разсужденіе имѣлъ съ упомянутымъ профессоромъ о ненадобности изученія логики, а что для остренія разума и для приведенія въ порядокъ мыслей нужно употребить математику, и хотя

---

[1]) Смитъ, Адамъ (род. 1723 г., умеръ 1790 г.), знаменитый шотландскій экономистъ, профессоръ экономіи и логики въ Глазговѣ и писатель по предмету политической философіи. Сочиненіе, о которомъ упоминается, вѣроятно: «Изысканіе причинъ народнаго богатства», надѣлавшее во время своего появленія (въ 1776 г.) много шуму, какъ новостію взгляда, такъ и либеральнымъ воззрѣніемъ на торговлю. Это сочиненіе переведено на многіе языки.

[2]) Робертсонъ (William Robertson, род. 1721 г., умеръ 1793 г.)—извѣстный историкъ и ректоръ Единбургскаго университета. Княгиня Дашкова находилась съ нимъ въ перепискѣ, по поводу воспитанія своего сына, и просила его совѣтовъ; но когда Робертсонъ вѣжливо посовѣтовалъ подождать поступленіемъ молодаго князя въ университетъ года на два или на три, чтобы дать ему время лучше подготовиться, то княгиня не послѣдовала его совѣтамъ и немедленно опредѣлила сына студентомъ. (См. Записки княгини Дашковой).

Н. Б.

онъ даетъ уроки въ первой, но я довелъ его почти до признанія, что съ нѣкоторой перемѣной и прибавленіемъ обученія математикѣ, она то же полезное дѣйствіе сдѣлаетъ, что̀ и логика, съ той разницей, что обученіе первой многія выгоды соединяетъ, которыхъ послѣдняя не имѣетъ. Изъ Глазгау выѣхалъ 19-го, а изъ Шотландіи 20-го.

Манчестеръ.—19-го (30-го) августа 1786 г.

... Положеніе женскаго пола здѣсь не весьма выгодно, ибо онѣ, имѣвъ нѣжныя сердца, находятъ въ мужьяхъ своихъ противное оному и которыхъ чтобы тронуть надобно полдюжины на театрѣ убить или показаться публикѣ съ замараннымъ лицомъ и руками въ крови. Я бы хотѣлъ знать сколько находится въ Англіи мужей, которые бы своимъ женамъ послѣ свадьбы сказали: «я тебя чрезвычайно люблю», или что нибудь подобное оному. Съ своей стороны, я не завидую оному хладнокровію и соглашусь скорѣе цѣлый вѣкъ свой проплакать, нежели промѣнять чувствительное сердце на нечувствительное. Я англичанъ весьма почитаю, за то, что они свой разумъ, главное качество души, хорошо употребляютъ; но малая нѣжность ихъ сердца—мнѣ не нравится.

Узналъ я отъ Якова Ивановича [1]), что ты заставляешь переписывать мои письма, то когда сіе не имъ дѣлается, то прошу тебя прервать оное, ибо, какъ ты себѣ весьма легко представить можешь, я не желаю, чтобы иной то зналъ, безъ моего согласія, что̀ я къ тебѣ пишу.

Сюда пріѣхалъ вчера вечеромъ и нынче ходилъ смотрѣть здѣшнія мануфактуры. Сказывали мнѣ, что какой-то здѣшній господинъ выдумалъ машину ткать и хочетъ на нее получить патентъ. Вотъ, я думаю, одна изъ причинъ, что сія земля толь цвѣтетъ, что вмѣсто людей умѣетъ колесы употреблять и дѣлается чрезъ то мануфактурщикомъ всего свѣта.

31-го. Ѣздилъ по каналу дюка Бриждватеръ...

1-го сентября. Выѣхалъ поутру отсюда и прибылъ въ Ливерпуль къ обѣду; вечеромъ былъ въ театрѣ. Зала преизрядная и больше двухъ лондонскихъ. Первая піеса была новомодная опера. Что касается до музыки, то тебѣ, какъ имѣющему настоящій вкусъ,—не-

---

[1]) Если не ошибаемся, то подъ именемъ Якова Ивановича слѣдуетъ разумѣть г-на Жоли, секретаря гр. С. Р. Воронцова; о немъ упоминается въ Запискахъ гр. Комаровскаго. Н. В.

чего говорить. Вообще, я англичанъ, какъ тебѣ извѣстно, паче всѣхъ народовъ люблю; но съ оными въ разсужденіи ихъ вкуса для театра несогласенъ, ибо, по бо́льшей части, ихъ трагедіи—побоище всѣхъ актеровъ, а ихъ комедіи часто неблагоразумные фарсы. Мнѣ кажется еще, что они въ декораціяхъ большіе педанты; напримѣръ, на всѣхъ ихъ сценахъ находятся двѣ двери, похожія на обыкновенныя, у домовъ колокола, часто часы бьютъ и т. д.; чрезъ сіе они думаютъ на своемъ театрѣ до обмана живо представлять, но я думаю, что ни одинъ англичанинъ, ни въ ка́кой піесѣ, не забывалъ, что онъ въ театрѣ; объ иностранныхъ я увѣренъ, что они сіе помнятъ. Напротивъ—во Франціи, гдѣ всѣхъ сихъ штукъ на театрѣ нѣтъ, я увѣренъ, что многіе англичане забывали, что представленіе—сочиненное, а не дѣйствительное, видятъ. Сей же вечеръ видѣлъ здѣсь брата M. Siddens [1]), чрезвычайно хорошаго актера, который съ прекрасной фигурой соединяетъ весьма натуральную акцію; онъ въ одной піесѣ, которую я видѣлъ, женится на злой весьма женщинѣ; чтобы притворной своей злостію ее смягчить, употребляетъ на оное удобнѣйшіе способы и успѣваетъ въ своемъ предпріятіи. Когда бы сіе въ натурѣ могло приключиться, я бы предпочелъ храбрость и сильнодушіе такого человѣка сильнодушію Коломба: сей рисковалъ потерять жизнь, первый—вести навсегда премучительную.

2-го. Видѣлъ здѣшніе доки, которые богатства сего мѣста доказываютъ. Въ городѣ считаютъ 50,000 жителей; онъ ведетъ большой торгъ съ Вестъ-Индіей и съ Африкой въ покупкѣ негровъ, о которомъ намѣренъ распровѣдать, что и исполнилъ, и скажу тебѣ, что главная часть здѣшняго торга состоитъ въ ономъ. Коль несчастна доля сихъ бѣдныхъ араповъ—тебѣ лучше моего извѣстно; но мнѣ сказывали, что они гораздо несчастливѣе, бывъ въ подданствѣ своихъ земляковъ; желаю—чтобы сіе справедливо было, ибо оно тогда нѣкоторое утѣшеніе для чувствительнаго сердца—знать, что люди, которые въ несчастномъ положеніи, еще бы несчастливѣе были, когда бы въ ономъ не находились.

3-го. Если я въ сей землѣ не сдѣлаюсь добрымъ человѣкомъ, то нигдѣ онымъ быть не могу, ибо по обыкновенному своему отмѣнному счастію представляются мнѣ случаи знакомиться съ весьма добрыми

---

[1]) Семейство Кембель (Kemble) состояло изъ сестры, въ послѣдствіи Сиддонсъ и двухъ братьевъ: Джона-Филиппа (р. 1757, † 1823 г.) и Чарлса (р. 1775, † 1854 гг.). Оба были актерами. Здѣсь говорится о старшемъ изъ нихъ, такъ какъ младшій дебютировалъ только шесть лѣтъ спустя (1792).

Кн. Л.-Р.

людьми и оное служитъ мнѣ къ моему исправленію. Вотъ, любезный мой, угольные и золотые мои заводы, вотъ мои огромные парки и замки, которые я настоящимъ предпочитаю!—но надобно и ихъ видѣть и ты будь спокоенъ, я изъ Англіи не выѣду, не видавъ угольнаго завода, почему и надѣюсь, что ты мнѣ простишь, что я въ Нью-кастелѣ оныхъ не видалъ. Ласка и учтивость людей въ здѣшней землѣ отмѣнная и я не могу довольно оными нахвалиться и приписываю сіе своему мало-заслуженному счастію. Ты знаешь, что я неохотно сей путь предпринялъ, а теперь не могу довольно оному радоваться. Я думаю, что человѣкъ, стараясь узнать свои недостатки, не можетъ оные лучше исправить, какъ путешествіемъ; подобно камню, который, треніемъ своимъ со множествомъ другихъ, глаже дѣлается и, полируя, такъ сказать,—себя, иногда неровности другихъ, которые съ нимъ сталкиваются, ровняетъ.

4-го. Вечеромъ былъ въ театрѣ, гдѣ Кембель [1]) Ричарда III-го представлялъ, и послѣ трагедіи и маленькой, съ французскаго переведенной оперы, передъ публикой въ театрѣ читалъ, чтобы показать чистоту и исправный свой выговоръ. Мнѣ кажется, что чтеніе сіе—большое доказательство непостояннаго и малознаемаго настоящаго выговора въ англійскомъ языкѣ. Я думаю, что ни одинъ французъ или нѣмецъ, или какой ни есть человѣкъ другаго народа, не думалъ тѣмъ похвастать, что онъ природный свой языкъ хорошо и правильно выговариваетъ!

Бристоль.—3-го (14-го) сентября 1786 г.

6-го. Выѣхалъ изъ Ливерпуля. Скажу тебѣ (можетъ, тебѣ этого еще неизвѣстно), что французы построили на африканскомъ берегу, близъ селеній англійскихъ, двѣ крѣпости, которыя противъ послѣдняго мирнаго договора построены, и, вслѣдствіе сего, ливерпульскіе купцы, боясь препятствія въ торгѣ, сдѣлали представленіе министерству здѣшнему... Что изъ сего выйдетъ?—Это твоего корпуса должность узнать!

... Ходилъ смотрѣть городъ «Schrewsbury», гдѣ примѣчанія достойно учрежденіе для бѣдныхъ, которые, по силамъ своимъ, принуждены работать.

9-го. Видѣлъ одинъ изъ каналовъ, который соединяетъ многіе въ здѣшнемъ государствѣ, проведенный одной компаніей. Одна изъ большихъ выгодъ здѣшней земли, что для всѣхъ большихъ предпріятій

---

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

находятся очень скоро люди, которые складываются и такимъ образомъ подаютъ способъ производить работы, которыя бы одним не могли произведены быть.

13-го. Былъ у одного Horford и обѣдалъ у него; онъ квакеръ и ты легко себѣ представить можешь, какъ я старался отъ него отобрать все то, что мнѣ казалось нужнымъ о ихъ сектѣ.

Вкратцѣ о нихъ мое мнѣніе тебѣ передамъ, что они лишаютъ себя многихъ выгодъ христіанина и, безъ всякой нужды, многихъ невинныхъ удовольствій сего свѣта. Il me semble que chacun doit avoir de la réligion, puisqu'elle est la source et le plus solide fondement de toutes les vertus; mais on ne doit pas se distinguer des autres que par ces actions, et même dans celles-çi il faut savoir faire la difference; au reste et c'est même du devoir si les circonstances, la situation le permettent, de participer aux plaisirs de ce monde, aux sociétés, aux bals, aux spectacles de toute sorte [1]). Портъ здѣшній, послѣ Лондона, первый; странно, что онъ кончается преузкой рѣкой, которая, въ отливѣ, чрезвычайно мало воды имѣетъ, весьма узка, но, не взирая на сіе, 500 или 600 кораблей въ иностранныя земли отходятъ. Онъ имѣетъ многія привилегіи и самъ собою графство составляетъ, казнитъ смертію, не ожидая королевскаго согласія, и сверхъ того всякій, который женится на дочери фригохдера, получаетъ голосъ въ выборѣ члена въ парламентъ и сіе право очень во зло употреблено было въ послѣднемъ выборѣ, ибо одна женщина часто была обвѣнчана со многими, чтобы дать своему супругу право выбирать,—не бывъ замужемъ ни за однимъ изъ нихъ. 6,000 выборщиковъ считаютъ... а я считаю, что сего довольно для тебя будетъ. Завтра ѣду въ Батъ. Василій Зиновьевъ.

Сообщ. Н. П. Барышниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Переводъ: Мнѣ кажется, всякій человѣкъ долженъ боготворить религію, потому что она источникъ и самое крѣпкое основаніе всѣхъ добродѣтелей; но не нужно отличаться отъ другихъ своими дѣйствіями и даже въ нихъ должно дѣлать разницу. Впрочемъ, если обстоятельства и положеніе дозволяютъ, даже обязательно участвовать въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, посѣщать общества, балы и спектакли всякаго рода.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ

с 13-го сентября по 24-е октября 1828 г.

Здоровье императрицы Маріи Ѳеодоровны начало, по видимому, ослабѣвать съ послѣднихъ мѣсяцевъ 1827 года.

Вдовствующая императрица, вступившая въ шестьдесятъ седьмой годъ возраста и сохранявшая свою свѣжесть, или, по крайней мѣрѣ, моложавость—внезапно почувствовала дурноту прогуливаясь съ княгинею Ливенъ въ Павловскѣ, близь Розоваго павильона, вокругъ котораго была ею собрана многочисленная и прекраснѣйшая коллекція этого рода цвѣтовъ, предпочитаемыхъ ею всѣмъ прочимъ.

Это легкое нездоровье не имѣло послѣдствій, но послѣ него осталась общая слабость, отъ которой Государыня не могла оправиться. Послѣ того, на благородныхъ чертахъ ея лица, не утратившихъ присущей имъ граціи и продолжавшихъ отражать удивительную доброту ея сердца, замѣтили отпечатокъ усталости и страданья, къ которому, по временамъ, примѣшивался оттѣнокъ грусти.

Она всѣмъ говорила, впрочемъ, что чувствуетъ себя хорошо; въ особенности-же успокоивала государя, въ нѣжной его заботливости безпрестанно ее разспрашивавшаго, не чувствуетъ ли она какихъ послѣдствій недавняго внутренняго нездоровья: «я никогда не чувствовала себя такъ хорошо!» повторяла она почти машинально, въ отвѣтъ на всѣ разспросы о ея здоровьи [1]).

Но съ княгинею Ливенъ, баронессою Адлербергъ, княгинею Волконскою и съ прочими статсъ-дамами, императрица была болѣе склонна жаловаться на значительную перемѣну, происшедшую въ общемъ состояніи ея здоровья, прежде столь крѣпкаго и надежнаго: «приходится покориться судьбѣ», го-

---

[1]) Pierre Lacroix (Bibliophile Jacob), Histoire de la vie et du règne de Nicolas I. (Paris, Hachette, 1866). Tome troisième, chapitre LXXXVI, p.p. 185—187.

ворила она съ грустною улыбкою. «Постараемся, однако, не слишкомъ скоро состарѣться!»

Она была однако-же принуждена возложить на приближенныхъ къ ней особъ бремя своихъ занятій, которымъ до того времени, по видимому, не тяготилась. Образъ жизни ея сталъ уединеннѣе, однако-же она удѣляла менѣе времени художественнымъ работамъ, въ которыхъ находила наслажденіе; она, напримѣръ, вовсе отказалась отъ рѣзьбы медалей, утомлявшей ея зрѣніе; перестала также раскрашивать эстампы и проводить долгіе часы за чтеніемъ книгъ, въ великолѣпныхъ библіотекахъ, ею самою собранныхъ, для собственнаго своего занятія, какъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ и въ Павловскѣ.

Предчувствія, отъ которыхъ императрица-мать не могла оборониться, сообщились помимо ея желанія духу августѣйшаго ея сына, котораго преслѣдовали, среди занятій государственными дѣлами, смутныя предчувствія какого-то семейнаго горя.

Императрица Александра Ѳеодоровна, нервная натура которой, съ каждымъ днемъ дѣлавшаяся впечатлительнѣе, ощущавшая равномѣрно отголосокъ тревожнаго состоянія духа своего супруга, видя его печальнымъ и не вѣдая тому причины, вообразила, что императоръ серьезно опасается за свое собственное здоровье: эта мысль жестоко мучила Государыню и она усилила свои просьбы, мольбы и слезы, чтобы императоръ согласился отказаться отъ своего намѣренія ѣхать въ Дунайскую армію.

Николай Павловичъ въ намѣреніи своемъ былъ непреклоненъ, но онъ обѣщалъ императрицѣ дозволить ей ему сопутствовать и что она не проведетъ мѣсяца безъ свиданія съ нимъ. Что касается до Великаго Князя Наслѣдника, которому при всѣхъ торжественныхъ выходахъ назначено было занимать мѣсто рядомъ съ Ихъ Величествами, то Его Высочество, во время ихъ отсутствія, долженъ былъ оставаться на попеченіи и подъ опекою своей досточтимой бабки.

Эти заботы и устройство семейныхъ и политическихъ дѣлъ не мало отразились и на состояніи двора, при которомъ пронесся слухъ, что врачи опасаются за здоровье обѣихъ императрицъ.

Поэтому въ день Рождества Христова,—въ который важное значеніе войны съ Турціей придало особенное оживленіе ежегодному собранію старыхъ офицеровъ и солдатъ, приглашаемыхъ въ Зимній дворецъ на торжество въ память изгнанія непріятелей изъ русскихъ предѣловъ въ 1812 году,—взоры всѣхъ съ участіемъ были устремлены на обѣихъ императрицъ, о болѣзни которыхъ носились слухи и которыя, въ самомъ дѣлѣ, казались нездоровыми. Замѣтили также, не безъ тоскливаго чувства, что императоръ блѣденъ лицомъ и печаленъ. Этого было достаточно для возбужденія опасеній, распространившихся и въ народѣ.

Грустное и глубокое впечатлѣніе произвело на императрицу-мать прощаніе съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ (7-го февраля 1828 года): онъ просилъ родительницу благословить его, какъ-бы видя ее въ послѣдній разъ.

Императрица Марія Θеодоровна, здоровье которой не улучшалось, находилась еще подъ гнетомъ мрачныхъ предчувствій, возбужденныхъ отъѣздомъ цесаревича, какъ новый ударъ внезапно поразилъ ея сердце, отнявъ у него одно изъ самыхъ близкихъ лицъ. Княгиня Ливенъ, бывшая для Императрицы самымъ дражайшимъ другомъ, въ теченіе сорока лѣтъ не разстававшаяся съ нею, была сражена непродолжительною болѣзнію, во время которой Императрица расточала самыя трогательныя попеченія почтенной наставницѣ своихъ дѣтей.

Эта смерть, почти скоропостижная, распростерла скорбь и смущеніе на царскую фамилію, которой княгиня Ливенъ была какъ бы членомъ,—до такой степени царственная семья окружала ее вниманіемъ, уваженіемъ, привязанностью.

Въ особенности императрица Марія Θеодоровна была безутѣшна по утратѣ княгини Ливенъ и подъ вліяніемъ мрачнаго раздумья она сказала многимъ изъ своихъ приближенныхъ, что не долгимъ переживетъ своего оплакиваемаго друга.

Императоръ, не менѣе огорченный этою потерею, принужденъ былъ удвоить внимательность и предупредительность, оказываемыя имъ августѣйшей его родительницѣ, чтобы водворить въ душѣ ея болѣе покорности судьбѣ и спокойствія. Онъ лично, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Павловичемъ, присутствовалъ на погребеніи бывшей воспитательницы великихъ князей и великихъ княженъ; весь дворъ и безчисленная толпа народа приняли участіе въ сожалѣніи, превратившемъ трауръ семейный—во всеобщій.

Обращаемся къ разсказу одного изъ приближенныхъ лицъ Императрицы Маріи Θеодоровны о послѣднихъ дняхъ жизни этой Государыни. Разсказъ принадлежитъ Настасьѣ Петровнѣ Чернышевой, камеръ-юнгферѣ Императрицы. Чернышева служила 15 лѣтъ при дворѣ и подъ живымъ впечатлѣніемъ описала болѣзнь и кончину Маріи Θеодоровны въ письмѣ къ сестрѣ, Натальѣ Чернышевой, бывшей въ 1828 г. камеръ-юнгферой при королевѣ Нидерландской Аннѣ Павловнѣ. Въ послѣдствіи Настасья Чернышева была замужемъ за ген.-лейт. И. О. Дунюковскимъ († 1851 г.) и умерла въ 1872 г.—на 70-мъ году отъ роду. Письмо, въ черновомъ брульонѣ, не полное, сообщено намъ племянницей покойной Л. И. Бѣляевой. Ред.

14-го ноября 1828 г.

....Я опишу все подробно. Конечно, великой княгинѣ [1]) любопытно будетъ знать все, и вѣрно не одинъ разъ спрашивала: писала-ли я, и, можетъ быть, удивится, что не писала во время болѣзни государыни; но признаюсь вамъ, съ какими мыслями писать, а послѣ ни на часъ не имѣла времени; хотя до послѣдняго дня я не теряла надежды, однако, сколько могла, не отходила прочь и замѣчала каждое движеніе.

13-го сентября (1828 г.) возвратились изъ Павловска весьма благополучно и весело, со всѣми дѣтьми; какъ государыня берегла всѣхъ дѣтей, укрывала чтобы не простудились, и, конечно, не имѣла ни малѣйшаго предчувствія не возвратиться на будущій годъ! Государыня такъ была довольна, что ея почивальня сдѣлалась свѣтлѣе: какую-то сдѣлали перемѣну въ садикѣ, все это было такъ пріятно. Лѣто мы провели покойно, пріятно, хотя мы жили въ двухъ дворцахъ, но и къ тому привыкли, ибо у насъ было очень тихо; только намъ больно было смотрѣть на государыню, что она совсѣмъ не пользовалась воздухомъ, была въ безпрестанныхъ занятіяхъ, а особенно на письмо, такъ что ужасно было смотрѣть—иногда въ хорошую погоду только полчаса гуляла, что не имѣла времени; въ среду даже одна обѣдала, ибо писала до 11-го часа вечера. Мы не могли надивиться какъ у ней не болитъ голова и не устаютъ руки; разстроенная ужасно по военнымъ обстоятельствамъ, такъ что иногда, какъ одѣвалась, стоитъ задумавши, молчитъ и глаза наполнены слезъ; наконецъ, въ довершеніе всего, съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстія о Варнѣ, такъ что дурно ночи спала.

И такъ, отправились изъ Павловска; двое маленькихъ впереди съ докторомъ и съ няньками, Наслѣдникъ съ дядькой въ коляскѣ, Елена Михайловна въ другой каретѣ, а Ольга и Александра съ государыней; все это было благополучно. Такъ какъ государыня для дѣтей поѣхала такъ рано, то ей нужно было еще возвратиться въ Павловскъ; 16-го числа опять поѣхала на двѣ ночи;

---

[1]) Великая княгиня Анна Павловна, въ послѣдствіи королева Нидерландская, при которой Наталья Чернышева, сестра Настасьи Чернышевой, была камеръ-юнгферой. Л. В.

послѣ того Елена Михайловна сдѣлалась больна, что остановило государыню съѣздить въ Гатчино на нѣсколько дней; наконецъ, она поправилась.

Поѣхали въ Гатчино 30-го сентября для встрѣчи императрицы 2-го числа; 3-го возвратились въ городъ, и какъ государыня въ Гатчинѣ не успѣла ничего сдѣлать, то намѣрена была туда послѣ возвратиться на нѣсколько дней.

9-го октября, во вторникъ, государыня ѣздила въ Коммерческое училище на экзаменъ; пріѣзжаетъ оттуда во 2-мъ часу и не скидаетъ ни платка, ни кожаные сапоги, что она тамъ очень озябла, ибо не было ни одного окошка двойнаго. Въ 3-мъ часу пріѣзжаетъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о взятіи пагубной Варны, ибо мы это почитаемъ убійствомъ нашей незабвенной царицы. Она была въ такой ужасной радости, что мы всѣ перепугались и говорили между собой: Господи! что это такое, съ нею ударъ сдѣлается, или она помѣшается; Новосильцевъ такъ испугался, что даже въ лицѣ перемѣнился; выходитъ къ намъ и то же самое повторяетъ, что и мы. Я думаю, Господи, что это значитъ, что за ужасъ! Между тѣмъ Новосильцевъ немедленно послалъ за Рюлемъ, а наша государыня пошла къ Александрѣ Өеодоровнѣ; ее еще не было, когда она пришла къ себѣ; но Рюль ходитъ за нею и проситъ ее выпить оранжевой воды для успокоенія, но, къ несчастію, государыня была въ такой радости и такъ бодрилась, что забыла о себѣ и не хотѣла, говорила, что она чувствуетъ себя очень хорошо, совѣтовъ не нужно; послѣ того Рюль проситъ ее принять (лекарство) вечеромъ; она побоялась принять, что на другой день надо было ѣхать въ Казанскую для молебствія. Послѣ сего извѣстія государыня была очень весела; въ среду 10-го утромъ говоритъ: «вотъ первая ночь, что я могла лучше спать». Пріѣзжаетъ изъ Казанской и говоритъ: «счастье будетъ, если мы не простудились, ибо мы очень озябли: двери отворили, вѣтеръ прямо на насъ, и мы стояли безъ ничего, даже не подавали шаль». Этотъ день проходитъ. 11-го въ четвертокъ говоритъ: «Слава Богу, много камней спало съ моего сердца; есть еще довольно, однако теперь грѣхъ сказать; слава Богу, много убавилось и какъ я была весела».

Я этотъ день была дежурная; вечеромъ государыня говоритъ: «il fait un peu froid». Я думала отъ того, что она была въ

кисейномъ платьѣ, то я даже спросила, не угодно ли ей надѣть капотъ, однако не захотѣла. Ввечеру была императрица и вмѣстѣ ужинали; послѣ ужина смотрѣла кровать въ новой почивальной, и говоритъ: «завтра, можетъ, надѣюсь здѣсь спать». Но, слава Богу, что еще тутъ не почивала, а то бы сказали: отъ новой почивальной (Оная на томъ мѣстѣ, гдѣ была большая лѣстница).

Ночью съ 11-го на 12-е число, въ 4 часа утра, въ пятницу, ея величество позвала потереть ей бокъ и спину; я терла довольно долго, на что изволила сказать: «est-ce que vous n'êtes pas fatiguée, ma chère?» Потомъ другую сторону, и спросила который часъ? Это было три четверти пятаго. «Оставь теперь, можетъ быть, меня это успокоитъ». Только что я легла, изволила опять меня спросить кое-что и говоритъ: «il fait froid»; немедля надѣли шалевой платокъ; «il me semble que mon corps me tremble, je voudrais voir Mr. Ruhl, mais il est trop de bonne heure, je ne voudrais pas le réveiller».—Pourquoi pas, Votre Majesté, il est toujours prêt pour V. M.—«Comment est mon visage?»—Le visage est bien, on voit seulement que Votre Majesté a froid. Однако вижу что-то не хорошо и говорю: j'enverrai après Mr. Ruhl.—«Oui, faites le chercher et faites moi donner du thé». Я немедля послала за Рюлемъ и приказала чай; между тѣмъ ея величество съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Рюля и безпрестанно спрашиваетъ тутъ ли онъ? Ужасная тревога—лихорадка началась; Рюль пришелъ и самъ налилъ чай съ виномъ, но когда ея величество держала блюдечко, то руки ужасно тряслись отъ сильной лихорадки. Послѣ чаю (приняты были средства для очищенія желудка, между прочимъ данъ былъ)—ревень; вскорѣ послѣ сего ея величество два раза вырвало, чему государыня очень испугалась: «qu'est-ce que c'est donc? ce n'est pas bien ça?» Но увѣрили, что это не иное что какъ чай съ виномъ; между тѣмъ лихорадка началась сильнѣйшая. Ея величеству угодно было встать съ постели и сидѣть въ креслахъ, покуда (лекарство) не будетъ дѣйствовать. Надѣли чулки, башмаки, шалевую шинель, шаль, салопъ; но какъ ужасно было видѣть такую скорую перемѣну въ лицѣ государыни; вдругъ сдѣлалась блѣдна, худа и лихорадка сильно била, и отъ сильнаго трясенія даже трудно говорила. Тутъ я долго терла ноги; наконецъ (лекарство) очень

хорошо подѣйствовало; послѣ того ея величество изволила опять лечь въ постель; положили къ ея ногамъ горячіе кувшины, и отъ того успокоилась и уснула, но дыханіе было короче обыкновеннаго.

Въ 9 часовъ пробудилась и пила бульонъ и непремѣнно хотѣла встать, ибо безпокоила остановка въ дѣлахъ; но Рюль никакъ не позволилъ встать прежде 8-ми часовъ. Тогда ея величество перемѣнила бѣлье, надѣла опять ночную кофту и капотъ изъ матеріи на подкладкѣ, и сѣла на кушетку; тутъ подали кушать, но государыня кушала весьма мало и ни въ чемъ не находила вкусъ. Потомъ писала по нѣскольку строкъ къ Императору, Цесаревичу и къ Великому Князю, позвала Вилламова отдать письма и спрашиваетъ: «Comment me trouvèz vous?»—Très faible, отвѣчаетъ онъ. «N'est-ce pas? ah comme j'ai été malade (или j'ai souffert, не помню) cette nuit». Потомъ перенесли ея величество на кушеткѣ въ желтую комнату.

Во весь день государыня (или, лучше сказать, во все время своей болѣзни) была въ такой слабости, что все спала, и это всѣхъ очень безпокоило; но Рюль былъ очень симъ доволенъ. Даже императрица Александра Ѳеодоровна очень безпокоилась. Въ 8 часовъ государыня изволила пить чай; тутъ была императрица Александра Ѳеодоровна и сама наливала. Въ 9 часовъ прошла больная немного по комнатѣ, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ; потомъ легла почивать не ужинавъ; ночь провела довольно покойно, два раза только спрашивала.

13-го, въ субботу утромъ, ея величество пила чай; до перваго часа осталась въ постели, послѣ пила бульонъ; встала, также одѣлась и перешла изъ почивальной въ малиновый кабинетъ, никѣмъ не поддерживаема; тамъ опять легла на кушетку; долго не пускали туда идти, ибо готовили отъ государя подарокъ: малахитовый круглый голубой столъ съ такою же вазою и широкою по верху рисованною гирляндою, на малахитовыхъ столбахъ, на сѣрой круглой каменной doскѣ; вверху и внизу поставлены фарфоровые горшки съ цвѣтами. На все это ея величество взглянула весьма хладнокровно; казалось, ничто ея не занимало; «c'est joli», вотъ все что сказала. Послѣ обѣда опять была очень слаба и не вставала съ кушетки. Пришла императрица съ поздравленіемъ, нарядная какъ должно изъ уваженія для такого праздника, съ подарками и со всѣми дѣтьми, въ томъ числѣ Елена и Екатерина Михаиловны, кои всѣ имѣли въ рукахъ по букету цвѣ-

товъ; ея величество приняла ихъ всѣхъ лежа, ибо была очень слаба. Сердце мое раздиралось, видя ее такъ же слабой, какъ и наканунѣ, и я горько отъ того плакала; ввечеру перешла однако въ почивальную, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ. Ночь провела довольно покойно.

Въ воскресенье, въ день торжественнаго для насъ и послѣдняго праздника [1]), ея величество поутру встала, надѣла подаренный отъ императрицы Александры Ѳеодоровны, къ Рождеству еще, кисейный шитый капотъ на бѣломъ атласѣ; когда еще были въ постели, мы всѣ удостоились поздравить ея величество. Послѣ обѣдни императрица также пришла поздравить со всѣми дѣтьми, и наша государыня пила при ней кофе. Александра Ѳеодоровна была такъ рада видѣть, что государынѣ лучше, и говоритъ, что пришелъ отъ императора фельдъегерь, который говоритъ, что императоръ скоро будетъ, можетъ быть, даже сегодня, и проситъ, ради Бога, не тревожиться и не радоваться, а поберечь себя. Государыня слышитъ уже его походку, его голосъ, хочетъ идти ему на встрѣчу въ другую комнату; всѣ удерживаютъ, наконецъ объявляютъ; она спѣшитъ къ нему и уже въ дверяхъ его величество бросается въ объятія; государынѣ тотчасъ подали кресла. Надо было видѣть это трогательное свиданіе; наконецъ вручаетъ ему дѣтей, кои ввѣрены были ея августѣйшему попеченію, каждаго особенно; радость общая, всѣ глядятъ, радуются и плачутъ. Тутъ ея величество осталась съ императоромъ; положили на диванъ и дали кое-что выпить для успокоенія нервовъ; послѣ того ея величество опять перешла въ малиновый кабинетъ и цѣлый день лежала на кушеткѣ. Ввечеру перевели въ почивальную, для ночи положили на бокъ подушку изъ соли; ночь провела не очень покойно, мѣняла подушку, на животъ клали теплыя салфетки.

Но поутру, т. е. (15-го) числа, въ понедѣльникъ, ея величество въ 10-мъ часу спросила чай; раньше еще желала, но не хотѣла спросить: «je n'ai pas voulu vous réveiller, vous dormiez si tranquillement». Послѣ встала въ 1-мъ часу и сказала: «не хорошо такъ поздно вставать, это все разстраиваетъ», надѣла коленкоровый капотъ, шалевой платокъ и перешла въ малино-

---

[1]) День рожденія Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

вый кабинетъ; цѣлый день сидѣла въ креслахъ, а ноги обложили подушками.

16-го, во вторникъ, ея величество надѣла тотъ же коленкоровый капотъ, перешла въ малиновый кабинетъ и сидѣла на стулѣ, ибо въ креслахъ жарко, и, казалось, была лучше; но все жаловалась бокомъ, боялась нѣтъ ли въ боку воспаленія: «Je crois, que mon bon Ruhl se trompe, je suis sûre que j'ai de l'inflammation». И просила поставить піявки на бокъ, однако Рюль положилъ прежде пластырь,—это было въ 11 часовъ,—а если черезъ два часа не будетъ облегченія, то піявки; но ея величество изволила ходить съ государемъ и государыней по комнатамъ и сказала: когда она ходитъ, то чувствуетъ въ боку облегченіе и послѣ того говоритъ, что ей отъ пластыря лучше.

Отобѣдавши въ 3 часа, чувствуетъ опять ознобъ и ходитъ по комнатѣ; между тѣмъ спрашиваетъ: каковъ у нея видъ? я говорю: видъ хорошъ, ваше величество, а между тѣмъ вижу, что лицо становится похоже какъ ночью на 12 часовъ; страхъ меня беретъ, не опять-ли лихорадка? Разъ прошла по комнатамъ и захотѣла лечь на кушетку; началась лихорадка по настоящему. О ужасъ! начали мы тереть ноги, ибо были холодны по колѣна, я внѣ себя отъ страху, лицо мое горитъ отъ ужасу. Я смотрю на государыню, дышетъ ли она, но дышетъ тихо, сама блѣдна; мы думаемъ отъ того, что она была легко одѣта и сидѣла на стулѣ, не такъ какъ вчера—въ креслахъ и обложена подушками; Рюль говоритъ, что это отъ того; государыня ему отвѣчаетъ, какъ будто встревоженная; кругомъ обложили кувшинами, не знаемъ какъ согрѣть. Бѣдный Рюль испугался и думаетъ—отъ того, что государыня перешла вспотѣвши въ другую комнату; однако, слава Богу, когда заснула—потѣетъ какъ должно, но скоро проситъ перемѣнить бѣлье и встать; мы умоляемъ ее того не дѣлать и быть спокойной. Не спитъ и все думаетъ какъ бы встать. Рюль только и проситъ, чтобы успокоиться и уснуть; мы двое остались сидѣть всю ночь. Я всю ночь проплакала глядя на государыню, такъ больно на нее было смотрѣть, никогда не видавши ее такъ больной; притомъ же я очень безпокоилась, однако не ожидала такого несчастія.

Ахъ, милая Наталинька, я пишу, но перо изъ рукъ падаетъ, я совершенно внѣ себя, не понимаю, что̀ со мною дѣлается, пишу,

останавливаюсь, слишкомъ недѣля мое письмо продолжается, не помню чтò надо писать.—Послѣ того надо было остаться ея величеству въ постелѣ, и она такъ береглась, кажется, боялась пошевелиться въ первый день, т. е. въ среду 17-го числа; другіе дни ложилась на бокъ, и все надо было поворачивать и поднимать, такъ она была слаба; однако и сама приподнималась, но съ нашею помощію, и какъ была всѣмъ довольна, то вы себѣ представить не можете; что ни сдѣлаютъ, какъ ни положатъ, за все благодаритъ: «Comme c'est bien, comme c'est commode, comme je suis bien couchée, bien obligée, mes enfants, bien obligée, mes chers enfants». Что за кротость, что за терпѣніе во все время болѣзни, то это непонятно; сколько разъ императору говорила, какъ ей усердно всѣ служатъ, что она такъ всѣми довольна, что она нахвалиться не можетъ, невозможно лучше и усерднѣе служить, какъ ей служатъ. Даже еще въ понедѣльникъ говорила, когда ходила съ императоромъ, и нѣсколько разъ это было повторяемо.

Въ среду, четвертокъ и пятницу осталась въ постели и, казалось, ей отъ того было лучше; хотя ночью три и четыре раза что-нибудь спроситъ, но все не казалось опасно. Въ субботу, во второмъ часу, встала съ постели и я была внѣ себя отъ радости; мнѣ что-то говорило: напрасно ты прежде времени радуешься; на субботу Рюль не ночевалъ у государыни, ибо и самъ сдѣлался боленъ, но это даже и не нужно было; но только государь воспользовался этимъ случаемъ и предлагаетъ государынѣ взять другаго какого доктора, что Рюль не совсѣмъ здоровъ, и сохрани Богъ если онъ совсѣмъ сдѣлается боленъ; ея величество на то отвѣчаетъ, что никакого другаго доктора не нужно, а если Рюль сдѣлается боленъ, то она сама себя будетъ лечить; не забудьте, что Рюль давно просилъ государя, чтобы сдѣлать conseil, но государь боялся матушку встревожить.

Надо вамъ сказать, что государыня кушала и во всемъ находила вкусъ, даже всегда двѣ чашки желе скушаетъ и съ большимъ удовольствіемъ. На воскресенье она не могла спать, то заставила читать газеты и тѣмъ ее успокоили. Въ это утро говоритъ: «вотъ сегодня я своимъ сномъ спала, и совершенно лучше себя чувствую». Надѣла тафтяную шинельку и сѣла на диванъ; послѣ обѣда легла на кушетку и часа два почивала; послѣ опять сѣла на диванъ и дѣлала корпію. Вилламовъ читалъ и она слу-

шала; но какъ ея величество легла этотъ день рано, то и не могла хорошо спать, и заставила ночью читать газеты, чѣмъ ее усыпили.

Въ воскресенье, т. е. 21-го числа, поутру, казалась хороша; Вилламова тогда не было, то я читала молитвы и библію; съ того дня какъ государыня сдѣлалась больна, то не могла сама читать, а всегда Вилламовъ; два раза императрица читала. Послѣ обѣда ея величество не изволила лечь на кушетку, а почивала сидя на диванѣ, подъ ноги подставили скамейку и ноги обвернули шалями; ввечеру была гораздо слабѣе,—мы думали отъ того, что сидя почивала, а не на кушеткѣ,—и даже иногда не хорошо слышала, такъ что раза три иногда надо было повторить. Послѣ 11-ти часовъ даже ужинала, за то хотѣла лечь позже, чтобы лучше уснуть; посидѣла долго и слушала что Вилламовъ читалъ, а сама дѣлала корпію; я стояла подлѣ нея и складывала выдернутыя нитки. Но все что-то сидѣла нагнувши, какъ будто ей трудно было голову поднимать; кто ни войдетъ, на кого ни взглянетъ, на всякаго улыбнется; казалось, она всякому подавала надежду, что ей лучше, и никто еще не отчаявался. Но какое-то тайное предчувствіе говорило, что не видать намъ ее здоровою по прежнему; мы другъ друга обманывали, насъ—государыня, мы—ее: ибо когда на нее взглянешь и она улыбнется, то сердце возрадуется. Однако я въ воскресенье говорю: «намъ кажется, что государынѣ лучше, а она съ перваго дня все въ одномъ положеніи»; но когда ложилась спать, то не могла еще хорошенько лечь, какъ вся опустилась и лежитъ точно мертвая. Ахъ, Боже мой! Какъ мы испугались, видя ее вдругъ такою слабою, и все думаемъ, что она оттого ослабѣла, что не легла хорошенько послѣ обѣда.

Ночью на 22-е октября, т. е. на понедѣльникъ, просыпалась почти каждые два часа; но утромъ имѣла такое прекрасное лицо— будто здоровая, и мы, бѣдныя, такъ обрадовались, и Рюль нашелъ, что пульсъ былъ поутру очень хорошъ и покоенъ; послѣ опять находитъ, что пульсъ немного agité. Государыня на то говоритъ: «vous m'avez dit ce matin que mon pouls était tranquille, et à cette heure vous me dites qu'il est agité; c'est très désagréable quand les médecins changent de paroles». Въ этотъ день ея величество дурно говорила; вечеромъ еще болѣе сидѣла нагнувши. Рюль, видя ее въ такомъ положеніи, рѣшился ей бро-

сить кровь, по совѣту другихъ двухъ докторовъ, кои въ этотъ день только тутъ были. Ея величество тотчасъ сама согласилась и самъ императоръ тутъ былъ; меня всякій разъ била сильная лихорадка, однако надо было забывать себя. Это было уже 11 часовъ вечера. Крейтонъ пустилъ кровь, а я держала чашку и смотрѣла какъ шла кровь; выпустили три чашки, кровь была очень темная. Императоръ ободряетъ государыню, что ея глаза лучше, голосъ чище, и государыня очень бодрится.

Ахъ, Боже милосердый! что за непонятная болѣзнь. Я бы желала знать что̀ чувствовала блаженная наша царица: кротка, добра, терпѣлива, но страдаетъ, ничѣмъ не жалуется, на всякаго милостиво взглянетъ, улыбнется. Этотъ день располагалась даже шить по канвѣ, но не въ силахъ была—то дѣлала корпію; еще до кровопусканія захотѣла выйти въ другую комнату, но черезъ силу, ибо до крайности была слаба, а все мы ничего не понимали, точно она хотѣла проститься съ любимою своею уборною, и въ тотъ день такъ была слаба, что когда ей надобно встать и передъ нею стоишь и держишь ее, то она ляжетъ на плечо. Послѣ кровопусканія ее положили на диванъ, чтобы она успокоилась, но не давали заснуть. Черезъ два часа положили въ постель, и мы стояли всю ночь попеременно и держали руки, чтобы не разшевелить (я не болѣе часу лежала въ эту ночь, такъ я была безпокойна, но не безъ надежды, воображая, что послѣ того ея величеству будетъ лучше), и намъ велѣли наблюдать всякое движеніе; Рюль самъ почти не вышелъ всю ночь изъ почивальной. Ея величество просыпалась каждый часъ, и всякой разъ спрашивала — который часъ, даже о насъ безпокоилась, что мы не спимъ.

23-го во вторникъ, въ 8-мъ часу утра, помолилась Богу и спросила чай, и послѣ того приказала мнѣ сѣсть подлѣ нея, ибо она видѣла, что я очень берегла ея ручку. Даже утромъ говоритъ Государю: «я довольно хорошо спала, но она мнѣ мѣшала, ибо очень берегла мою руку». Государь говоритъ, что это очень хорошо и должно было беречь. Голосъ не чище вчерашняго, даже забывала, что пила чай, и спросила еще въ 10 часовъ и выпила чашку и нѣсколько разъ спрашивала,—молилась-ли она Богу.

И такъ, весь этотъ день Ея Величество когда спала, то не совсѣмъ закрывала глаза, а когда не спала, то не совсѣмъ откры-

вала, а въ половину; но какъ я вдругъ испугалась, видя ее точно умирающей—это было въ 12-мъ часу: лежитъ тихо, легко дышетъ, точно засыпаетъ, глядитъ въ полъ-глаза, слезка выкатилась. Ахъ, Боже милосердый, свѣтъ ли теряется изъ глазъ? сама едва стою на ногахъ, всѣ стоятъ поодаль кровати, гляжу на всѣхъ и вижу, что всѣ въ лицѣ перемѣнились. Въ этотъ день давали принимать камфару, на то государыня: «вѣрно ужасная будетъ нервическая горячка?» Послѣ того принесли шпанскую муху, на что ея величество говоритъ: «on veut me mettre la mouche, mais il est déjà trop tard». Однако послѣ того сидѣла не одинъ разъ, и послѣдній разъ кушала супъ и желе; самъ государь тутъ былъ, держалъ тарелку, наливалъ бульонъ и все еще хорошо было; нѣсколько разъ послѣ того поднимали и всякой разъ весело на всѣхъ поглядывала. А я такъ была глупа, что все надѣялась, меня же увѣряли наши, что это отъ слабости такъ бываетъ, то я бы была все въ надеждѣ; притомъ же очень боялась помыслить въ худую сторону. Ахъ, я бѣдное, несчастное творенiе, должна была наконецъ перенести такое ужасное несчастiе; не постигаю даже, какъ я только могла перенести это все. Вдругъ въ 7 часовъ слышу, что государь ей предлагаетъ причаститься, ибо ея величество наканунѣ еще говорила, что если ее находятъ такъ худо, то она лучше бы желала приготовиться, то государь и воспользовался симъ случаемъ. На что государыня говоритъ: «не лучше-ли оставить до утра, развѣ ее находятъ такъ опасно?» Государь говоритъ: «j'espère pas encore, mais ce serait manquer à notre Seigneur». Государыня тотчасъ согласилась и приказала позвать духовника. Послали за духовникомъ, между тѣмъ Государыня позвала Вилламова; послѣ того стала молиться Богу, дабы приготовиться къ принятiю Святыхъ Таинствъ. Послѣ того проситъ непремѣнно ее переложить на кушетку; исполнили желанiе и переложили вмѣстѣ съ тюфякомъ; послѣ того еще проситъ: «пустите меня, я хочу встать». Всѣ просятъ остаться лежать, чтобы не простудиться, но нѣтъ, все проситъ: «пожалуйста, сдѣлайте мнѣ это удовольствiе». Императоръ съ императрицей плачутъ, ибо не понимаютъ чего желаетъ. Наконецъ я говорю: потѣшьте ради Бога, спустите только ноги; вотъ подставили стулья, подложили толстый салопъ, надѣли шаль и спустили ноги; симъ была ея величество очень довольна; между тѣмъ входитъ духов-

никъ: «подождите, батюшка мой, сдѣлайте милость, подождите», говоритъ твердымъ голосомъ; «теперь положите меня на кровать». И посадили, вошелъ духовникъ. «Il faut que vous sortiez, mes enfants, par ce que je dois me confesser».

Надо было видѣть съ какимъ чувствомъ и съ какою твердостію государыня взяла въ руки образъ и стала говорить свои чувства; тутъ я не смѣла остаться долѣе, но это скоро кончилось и мы опять всѣ вошли. Императоръ, императрица и всѣ плакали; при насъ ея величество пріобщилась въ послѣдній разъ. Ахъ, Боже, каково намъ было это все видѣть; я не чувствовала, что съ нами дѣлается. Императоръ вышелъ съ духовникомъ, послѣ того ея величество легла и примѣтно ослабѣла и начала насъ благословлять. «Adieu, mes enfants, adieu, mes chers enfants, je vous bénis; прощайте, я васъ благословляю; adieu, nous nous verrons». Съ какою твердостію духа и въ какой памяти, чтобы всѣ поняли, что она говоритъ. Государь слышитъ, что съ нами прощается, входитъ и бросается на колѣни, императрица—по другую сторону; императоръ подводитъ Великаго Князя Наслѣдника Александра для благословенія: «voilà mon garçon, maman», но государыня не слышитъ; послѣ сама его спросила; государь въ рыданіи цѣлуетъ руки и проситъ, чтобы ея величество благословила каждаго изъ дѣтей своихъ: «Voilà, maman, pour Constantin, pour Michel, pour Marie, pour Anne, pour Hélène»—для каждаго съ остановкой. Потомъ спрашиваетъ Государь: не угодно-ли видѣть другихъ дѣтей?

— «Oui, où sont ils, amenez-les moi»; это уже было 11 часовъ.

Примѣчаніе. Здѣсь обрывается письмо Настасьи Чернышевой, дошедшее до насъ въ лоскуткахъ, довольно связано и нечетко написанное.

Дополняемъ этотъ разсказъ нѣкоторыми подробностями изъ «Исторіи Николая I-го» соч. Ла-Круа:

17-го (29-го) октября 1828 г., состояніе здоровья императрицы Маріи Ѳеодоровны, по видимому, улучшилось; она спала тихимъ сномъ; силы къ ней возвратились: она могла привстать. Окружающіе вздохнули свободнѣе, почитая ее внѣ повторенія припадка.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней положеніе больной, дѣйствительно, не ухудшалось: она сама вполнѣ вѣрила въ близкое выздоровленіе, но лихорадочное безпокойство не исчезало.

Она, всегда столь воздержная въ рѣчахъ, непрерывно говорила, исключи-

тельно о войнѣ: разспрашивала сына, настоятельно требуя обстоятельнѣйшихъ подробностей о его пребываніи въ арміи, объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, о странахъ, которыя проѣзжалъ, о битвахъ, въ которыхъ участвовалъ, о мельчайшихъ эпизодахъ опаснаго его путешествія. Императоръ съ величайшею охотою исполнялъ желаніе своей высоко-чтимой родительницы, а императрица Александра Ѳеодоровна, находившаяся при ней безотлучно, слушала съ неменьшимъ участіемъ эти разсказы, передаваемые больной.

Императрица-мать съ особенною заботливостью освѣдомлялась о положеніи перевязочныхъ пунктовъ и госпиталей арміи, ибо она помнила, что ея вѣдѣнію ввѣрено главное управленіе всѣми богоугодными и благотворительными заведеніями, и вмѣняла себѣ какъ бы въ обязанность утомительные разспросы относительно попеченій, прилагаемыхъ о больныхъ и раненыхъ. Посѣщеніе ея сыномъ госпиталей Бабадага и Кюстенджи, гдѣ свирѣпствовали тифъ и чума, тронуло ее до слезъ; она ежеминутно съ возрастающимъ волненіемъ возвращалась къ этому предмету разговора и въ одну изъ подобныхъ минутъ, какъ-бы подъ наитіемъ внезапнаго вдохновенія, она начертала слѣдующій рескриптъ на имя графа Воронцова, генералъ-губернатора Новороссійскаго края и Бессарабіи.

— «Графъ Михаилъ Семеновичъ! Желая содѣйствовать хотя-бы и слабымъ приношеніемъ облегченію страданій храбрыхъ воиновъ, пролившихъ кровь на полѣ чести за государя и отечество, обращаюсь къ усердію и заботливости вашимъ, неустанно вами прилагаемымъ для содѣйствія всякому доброму намѣренію. При семъ получите вы сумму въ пятнадцать тысячъ рублей, которую, въ особенное для меня одолженіе, обратите на пособіе офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, какъ гвардіи, такъ и арміи, которые будутъ въ таковыхъ нуждаться по выходѣ изъ госпиталей. Желаю, чтобы при раздачѣ этой суммы руководствовались правилами, установленными при раздачѣ пособій изъ капитала, завѣщаннаго на сей предметъ императрицею, моею возлюбленною свекровью. Къ сему присоединяю нѣкоторое количество корпіи, мною изготовленной для раненыхъ воиновъ, находящихся въ госпиталяхъ. Полагаясь при сихъ распоряженіяхъ на вашу пламенную любовь къ добру, прошу васъ, по мѣрѣ поступленія ихъ, присылать мнѣ списки воиновъ, которымъ выданы будутъ денежныя пособія. Есмь съ истиннымъ уваженіемъ и искреннею благосклонностью вамъ доброжелательная—Марія». С.-Петербургъ, 21-го октября 1828 года.

Это новое благодѣяніе, оказанное одесскому военному госпиталю императрицею-матерью; было, такъ сказать, послѣднимъ подвигомъ жизни этой великодушной и милосердной государыни.

Въ тотъ самый день, въ который она диктовала упомянутый рескриптъ, въ общемъ состояніи ея здоровья произошла внезапная перемѣна, обнаружившаяся постепеннымъ ослабленіемъ всѣхъ ея способностей: душа, зрѣніе и

память были до такой степени угнетены, что доктора, призванные на консиліумъ, признали несомнѣннымъ апоплексическій припадокъ; приложили всѣ старанія къ его предотвращенію, но было уже слишкомъ поздно.

По приказанію ординарныхъ докторовъ ея величества гг. Рюля и Крейтона, была пущена кровь: это кровопусканіе произвело дѣйствіе діаметрально противоположное ожидаемому. Поэтому обвиняли докторовъ въ томъ, что они своею нерѣшительностью допустили усилиться болѣзни, перешедшей въ неизлечимую.

Августѣйшая больная оставалась безъ чувствъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, приходя по временамъ въ себя какъ-бы для сознанія своего безнадежнаго положенія и для приготовленія себя къ смерти. Она скончалась въ ночь на 24-е октября, въ два часа, сожалѣя объ отсутствіи обоихъ своихъ сыновей Константина и Михаила, которыхъ желала обнять въ послѣдній разъ.

— «Я удивлялась,—говорила она при агоніи,—я удивлялась, какъ я такъ долго могла пережить моего возлюбленнаго сына, блаженной памяти Александра! Я отхожу къ нему,—прибавила она,—и на небесахъ мы оба будемъ молиться за всѣхъ васъ и за нашу святую Русь!»

Жители Петербурга, пробудясь отъ звона колоколовъ во всѣхъ церквахъ столицы, узнали о кончинѣ императрицы-матери.

— «Всевышнему было угодно поразить насъ новымъ страшнымъ ударомъ» —такъ возвѣщено было Россіи, манифестомъ 24-го октября 1828 г., о кончинѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны,— «болѣзнь слабая въ началѣ и внезапно усилившаяся, 24-го октября, въ два часа пополуночи, положила конецъ ея драгоцѣнной жизни, коей всѣ минуты были посвящены исполненію обязанностей высокой добродѣтели».... и далѣе: «да успокоитъ Господь на лонѣ Своемъ ея кроткую душу, бывшую вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей».

АЛЕКСѢЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ВЕНЕЦІАНОВЪ,

ОТЕЦЪ РУССКОЙ БЫТОВОЙ ЖИВОПИСИ.

II [1]).

(Продолженіе).

Прошло полтора мѣсяца отъ принятія Тыранова подъ покровительство общества поощренія худонниковъ, какъ Венеціановъ письменно заявилъ (10-го марта 1825 г.) ходатайство о другомъ талантѣ, «который безъ учителей, безъ наставниковъ, занимаясь художествомъ по страсти, оказалъ уже значущіе успѣхи въ той части художества, для которой нужны болѣе природныя способности, нежели какія либо принятыя правила».

«Три года тому назадъ,—писалъ Венеціановъ,—будучи въ Теребенскомъ монастырѣ, Вышневолоцкаго уѣзда, замѣтилъ я между живописцами-работниками одного, который писалъ смѣлѣе всѣхъ прочихъ и былъ моложе другихъ. Отвѣты его на нѣкоторые мои вопросы были довольно удовлетворительны. Узнавъ, что и я художникъ, онъ обратился ко мнѣ съ просьбою дать ему совѣты: тѣ, которые давалъ мастеръ, казались ему неясными и неточными. Пригласивъ его къ себѣ, я показалъ ему случившіяся картины. Толковалъ о необходимости знанія рисунка, который есть главнѣйшій путь къ достиженію совершенства въ живописи; говорилъ, что искать его должно въ хорошихъ произведеніяхъ и въ натурѣ. А какъ хорошихъ произведеній онъ видѣть не можетъ живя въ томъ мѣстѣ, то рекомендовалъ ему копировать натуру, увѣривъ, что и она доведетъ его до большой степени знанія. Онъ послѣдовалъ моему наставленію и прошлаго года удивилъ меня совершенно живописью предметовъ и эффектомъ иконостаса, который писалъ въ сосѣднемъ съ моимъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 265—280.

сельцомъ погостѣ. Удивилъ не меньше и каррикатурами, которыя написалъ онъ. Общество увидитъ изъ представляемой картины художника сего—силу его знанія и способностей. Пріѣхавъ въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ сюда, я предлагалъ ему пріѣхать въ Петербургъ и заняться рисованіемъ въ академіи, что для него всего нужнѣе. Онъ съ восторгомъ на сіе рѣшился, но страшится дорогаго содержанія и боится умереть съ голода въ Петербургѣ, какъ онъ пишетъ ко мнѣ. Убѣжденъ будучи, что художникъ сей скорѣе выиграетъ здѣсь и въ знаніяхъ, и въ состояніи, и, быть можетъ, сдѣлается отличнѣйшимъ, я намѣренъ вызвать его сюда, дать квартиру и столъ, заставить у себя рисовать съ гипсовъ, ходить въ классы академіи. Но, какъ будучи только въ зависимости отъ одного меня, онъ будетъ располагать собою по своей волѣ и, статься можетъ, раньше перестанетъ учиться, нежели должно, то, чтобы связать его и пріохотить надежнѣе, я прошу покорнѣйше общество поощренія художниковъ объявить ему предварительно о своемъ покровительствѣ и дать обѣщаніе, если онъ окажетъ успѣхи и заслужитъ отъ академіи 1-ю серебряную медаль, занять его для общества работою рублей на тысячу или болѣе. Это можетъ возбудить въ немъ рвеніе, отвлечетъ отъ занятій для гостинаго двора и послужитъ къ истинной его пользѣ. Что же касается до выполненія сего обѣщанія, то оно не можетъ, кажется, затруднить общество, ибо по одной литографической части, я увѣренъ, иные прилежные художники, между дѣломъ трудясь, могутъ выработать въ годъ несравненно бо̀льшую сумму. Художникъ, о которомъ имѣю честь представлять, есть калязинскій мѣщанинъ Никифоръ Степановъ, по прозванію Крыловъ, имѣющій отъ роду съ небольшимъ 20 лѣтъ».

Въ этомъ письмѣ бросается въ глаза политика А. Г. Венеціанова, подлаживавшагося подъ вкусъ высокихъ меценатовъ, толковавшихъ о подчиненности. Самъ Венеціановъ, добрѣйшій изъ смертныхъ, и не думалъ своихъ учениковъ въ чемъ либо стѣснять, заботясь главнѣе всего и прежде всего о ихъ артистическомъ развитіи. Предложеніе о литографическомъ рисованіи для изданій общества поощренія художниковъ, въ то время задумавшаго занять вдругъ нѣсколько рисовальщиковъ, — заслуживаетъ объясненія. Въ одномъ изъ предпріятій общества заинтересованъ былъ лично Венеціановъ. Это было изданіе въ литографіяхъ его собственныхъ твореній и произведеній мастеровъ фламандской и голландской школъ, находящихся въ Эрмитажѣ, съ иллюминованіемъ съ оригиналовъ красками имъ самимъ и его учениками. Никифоръ Крыловъ и Тырановъ были заняты обоими родами работъ: рисовали

и раскрашивали. Крыловымъ нарисованы, напримѣръ, пара крестьянскихъ дѣвушекъ съ куклами, надъ корзинкою, прикрытою одѣяльцемъ—«Настя съ Машей». Общество поощренія художниковъ хотѣло, чтобы Венеціановъ, получавшій бо̀льшую часть продажной цѣны экземпляровъ, принялъ на свой счетъ хотя печатаніе литографій, но онъ, въ приготовленномъ по этому случаю условіи (18-го февраля 1826 г.) отъ печатанія на его счетъ отказался, требуя, «чтобы ему иллюминовать никакъ не менѣе 12-ти предметовъ изъ его собственныхъ. Ему бы хотѣлось въ нихъ помѣстить хозяйку, раздающую бабамъ ленъ». Картина эта находилась у вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны, но онъ надѣялся, что Н. М. Лонгиновъ исходатайствуетъ позволеніе ея величества на рисованіе и изданіе. Хотѣлъ Венеціановъ «всего иллюминовать 600 экземляровъ и кончить ихъ въ годъ, получая, при доставленіи работы, никакъ не менѣе 10 руб. за экземпляръ», т. е. выручить 6,000 руб., по его расчету достаточныхъ на обезпеченіе на два года содержанія учениковъ и семейства, при тогдашней дешевизнѣ еще жизни даже въ Петербургѣ.

А для сокращенія издержекъ, онъ расчитывалъ съ мая по сентябрь прожить «въ деревнѣ, заняться произведеніемъ новыхъ предметовъ съ натуры». Поэтому, на лѣтніе мѣсяцы оговаривалъ въ условіи—не требовать отъ него доставленія иллюминованныхъ рисунковъ, окончивъ до весны и сдавъ по 25-ти, «вышедшихъ шести предметовъ и, еще не отпечатаннаго, 7-го». Первыя двѣ картинки мы выше указали, это—работы Тыранова и Крылова. Послѣ «гумна», Венеціановъ написалъ цѣлый рядъ простонародныхъ типовъ и сценъ, съ одною, двумя фигурами; самая сложная изъ нихъ композиція была картина, выполненная для императрицы Елисаветы Алексѣевны, «хозяйка, раздающая ленъ бабамъ» (1824 г.).

По собственнымъ словамъ художника, вслѣдъ за нею написалъ онъ картинки: «крестьянка, чешущая шерсть», «деревенская хозяйка за завтракомъ», «одѣвающійся мужичокъ» и «спящій пастушокъ» (1825 г.). На выставку въ академіи художествъ, въ 1824 году, кромѣ ихъ Венеціановъ поставилъ еще двѣ фигурки мальчиковъ. Первая «Вотъ-те и батькинъ обѣдъ!»—присѣвшій, пригорюнясь, въ лѣсу мальчикъ съ собакой, съ пустымъ буракомъ, изъ котораго вылились щи,—находится у Н. Д. Быкова. Не менѣе интересовалъ публику на выставкѣ, серьезностью выраженія на лицѣ, погруженный въ занятіе, считая себя большимъ, «мальчикъ, свивающій лыки въ клубокъ». Какъ на изображенія дѣйствій никогда невиданныхъ, глазѣла столичная знать и на крестьянокъ, написан-

ныхъ кистью Венеціанова, съ полною оригинальностью присущаго имъ выраженія. Это были двѣ картинки, составлявшія pendant (одна къ другой): «крестьянка съ грибами, въ лѣсу», и «крестьянка, занятая чесаньемъ волны, въ избѣ». Въ обществѣ поощренія художниковъ устроенная весною 1826 года выставка розыгрышей лотереи заключала еще двѣ отдѣльныя «головки крестьянокъ», пріобрѣтенныя П. П. Свиньинымъ и попавшія въ его коллекцію. Какъ извѣстно, съ первой же лотереи своей общество поощренія художниковъ помѣщало въ число выигрышей раскрашенныя литографіи, и живой интересъ, возбуждаемый въ публикѣ произведеніями Венеціанова, давалъ надежду имѣть не просто успѣхъ, но даже выручить на изданіи сценъ народной жизни «капиталъ затрачиваемый, съ хорошими процентами». Поэтому, заключая условіе съ обществомъ, Венеціановъ вставилъ въ него и слѣдующее предложеніе: «4. По отпечатаніи на счетъ общества двухъ картинокъ по 200 экземпляровъ, рисованныхъ Тырановымъ, Венеціановъ предлагаетъ, чтобы общество оные продавало по 3 руб. пару и первою выручкою возвратило свои издержки за бумагу и напечатаніе слишкомъ 400 экземпляровъ. Потомъ бы по 100 оттисковъ продано въ пользу Тыранова за его трудъ. Рисунки же, которыхъ Тырановъ не доставитъ обществу, по числу (обозначенному) въ квитанціяхъ Венеціанова Гельмерсену [1]), обществу считать въ числѣ 100, слѣдующихъ въ пользу Тыранова».

Судя же по силѣ интереса, возбужденнаго картинками Венеціанова,—послѣ выставки 1824 года сдѣлавшимися предметомъ разговоровъ не между одними уже любителями отечественнаго искусства,—художникъ имѣлъ основанія ожидать успѣха. Назначая самую скромную цифру продажныхъ экземпляровъ литографій (по 50 экземпл. для покрытія издержекъ и на изданіе 200 рисунковъ), онъ могъ надѣяться, съ осуществленіемъ предпріятія, имѣть 2,000 рублей, что, по финансовымъ цѣлямъ, для него такъ важно было въ это время. Обращаясь въ концѣ предложенія къ общему расчету, при взвѣшиваніи шансовъ удачи и неуспѣха, Венеціановъ приходилъ къ заключенію, что, «продавая по 12 руб. 50 коп. картинку (замѣнявшую въ нѣкоторомъ случаѣ оригиналъ его, такъ какъ раскраска отъ руки производилась самимъ авторомъ), общество поощренія художниковъ имѣетъ (за издержками на коммисію 1 р. 25 к. и на иллюминовку 10 р.—по 1 р. 25 коп. отъ каждой картинки пользы; а отъ 25 картинокъ 31 р. 25 к.». Слѣдовательно, изъ платы за 50 экземпляровъ покрывался расходъ на камень и рисованіе (30 р.). Въ та-

[1]) Литографу, печатавшему съ камня.

кой-же платѣ за рисованіе на камнѣ, у Венеціанова была: 1) цѣль та, чтобы молодой художникъ былъ награжденъ публикою по мѣрѣ его выполненія, и 2) чтобы не обременить общества издержками для совершенно новыхъ и еще, какъ бы сказать, дикихъ предметовъ».

Напечатанныя разрядкой слова въ изложеніи Венеціанова были отголоскомъ мнѣній академическихъ аристарховъ, этимъ эпитетомъ покуда клеймившихъ «этюды безусловнаго подражанія натурѣ» Венеціанова. Они никакъ не могли понять при своемъ взглядѣ на вещи: что̀ можетъ здѣсь нравиться публикѣ, толпящейся передъ маленькими холстиками мужичьихъ портретовъ, когда ихъ собственныя высокоблагородные сюжеты и портреты высокопоставленныхъ лицъ заслуживали только мимолетнаго взгляда проходящихъ по выставкѣ. Академическіе судьи, трактовавшіе автора народныхъ картинокъ, полныхъ жизни, могли бы впрочемъ замѣтить, что и передъ портретомъ А. М. Полтарацкаго, писаннымъ Венеціановымъ, тоже не надолго останавливались зрители, хотя онъ, безспорно, былъ хорошъ и похулить живопись съ технической стороны было трудно. Дѣло въ томъ однако, что портретный родъ одною техникою не могъ привлекать и тогда уже общаго вниманія на экземпляры, мало разнившіеся другъ отъ друга, при условности позъ, въ то время, не говоря уже о ничтожности выраженія на лицахъ и некрасотѣ костюма вообще, тогда какъ струйка чувства національности въ первый разъ еще забила сильно въ безхистростныхъ на видъ этюдахъ Венеціанова, разломавшихъ разомъ ледъ приличій и условій, державшихъ до того въ оковахъ мысль русскихъ живописцевъ-композиторовъ, занимавшихся всѣмъ чѣмъ угодно, кромѣ своего, непосредственнаго, окружающаго.

Извѣстный самъ въ свое время художникъ-любитель, заявившій одинаковое умѣнье владѣть кистью не менѣе удачно какъ и перомъ, издатель первыхъ «Отечественныхъ Записокъ», академикъ живописи Императорской академіи художествъ, Павелъ Петровичъ Свиньинъ, обозрѣвая выставку въ академіи, въ 1827 году, трудамъ Венеціанова посвятилъ нѣсколько теплыхъ строкъ. Отзывъ Свиньина для насъ особенно важенъ потому, что издатель «Отечественныхъ Записокъ» преклонялся предъ нашими корифеями исторической живописи и, стало быть, хваля Венеціанова,—представителя противнаго лагеря,—высказалъ дѣйствительно тронувшее его самого глубоко. Въ подстрочномъ примѣчаніи рецензентъ еще счелъ нужнымъ оговориться, что «заслуги Венеціанова отечественнымъ художествамъ возбуждаютъ къ нему уваженіе». Для того времени, это сильно сказано. Особенное значеніе придаетъ тутъ оговорка, что за-

слуги Венеціанова искусству, по смыслу словъ рецензента, заключались, кромѣ дѣятельности по школѣ, въ вѣрности передачи эффектовъ русской природы. Относительно этого качества живописи Свиньинъ приводитъ уже не личное свое мнѣніе, а впечатлѣніе, производимое картинами Венеціанова на выставкѣ между зрителями. «Особенное вниманіе публики,—замѣчаетъ обозрѣватель выставки,—обращалось здѣсь на произведенія г. Венеціанова, состоящія, какъ обыкновенно, изъ небольшихъ картинъ, плѣняющихъ русскаго патріота вѣрнымъ изображеніемъ предметовъ, близкихъ его сердцу. Эти лица, это небо, эти вещи,—все это русское, все невымышленное, все взято съ самой природы. Оттого-то картины г. Венеціанова нравятся и намъ и иностранцамъ; оттого-то мы и видимъ удивительные успѣхи его школы».

Павелъ Петровичъ Свиньинъ никогда не былъ энтузіастомъ и осмѣливался даже рѣзко осуждать первокласснаго мастера-натуралиста каковъ портретистъ Доу. Поэтому можно понять, что живость передачи натуры не только въ собственныхъ твореніяхъ Венеціанова,—колористомъ не признавать котораго мы не можемъ и теперь,—но даже въ первыхъ, слабыхъ во всякомъ случаѣ, попыткахъ добиться эффекта у учениковъ его. Работы ихъ, да воспитанниковъ общества поощренія художниковъ (не ходившихъ къ Венеціанову, а учившихся у профессоровъ академіи) наполняли въ этотъ разъ двѣ залы, давая возможность подмѣтить у всѣхъ ихъ признаки таланта разной величины.

III.

Вотъ по возможности полный перечень учениковъ Венеціанова, насколько намъ удалось добраться изъ разностороннихъ указаній.

1. Раньше попавшій къ Венеціанову, младшій Тырановъ, съ конца 1824 года принявшись рисовать съ бюстовъ, скоро былъ переведенъ въ натурный классъ въ академіи и уже въ апрѣлѣ 1825 года написалъ украдкою свой портретъ. На этомъ быстромъ опытѣ обработки глаза его Венеціановъ больше всего нашелъ подтвержденіе вѣрности пріема своего въ руководствѣ начинающаго. Написанный же Тырановымъ, послѣ своего, «портретъ мальчика» такъ былъ хорошъ, что заслужилъ одобреніе императрицы Елисаветы Алексѣевны. Императрица же Марія Өедоровна, пожелавъ видѣть самый опытъ начинающаго, благоволила вслѣдъ затѣмъ ввѣрить Венеціанову молодаго глухонѣмаго, Беллера. Отдавая этого обиженнаго природою молодаго

человѣка, ея величество имѣла въ виду цѣль убѣдиться легко-ли усвоенъ будетъ рисунокъ Беллеромъ, относительно развитія котораго наставники училища глухонѣмыхъ давали отвѣты отрицательные. Конечно, Беллеръ далеко отставалъ отъ другихъ учениковъ Венеціанова и ему стоило сперва большихъ трудовъ втолковать несчастному самую суть пріема. Но, разъ понявъ въ чемъ дѣло, и Беллеръ научился писать съ натуры хорошо, хотя не такъ скоро, какъ мы объяснимъ въ свое время, не забѣгая впередъ. Тырановъ же, послѣ первыхъ двухъ головокъ, получилъ страстную охоту писать съ натуры и съ каждымъ новымъ этюдомъ дѣлалъ попытки разнообразить положеніе модели и условія паденія свѣта, такъ что каждый этюдъ его былъ самъ по себѣ интересенъ, плѣняя прелестью кисти, жизненностью и игрою освѣщенія, большею частью солнечнаго, но скользящаго, боковаго, съ отраженіемъ въ тѣни, или съ отсвѣтомъ на тѣлѣ какого либо яркаго колера. Отъ этого этюды Тыранова съ 1826 года уже начали раскупаться на-расхватъ на выставкѣ общества поощренія художниковъ. Въ половинѣ 1826 года написана имъ была перспективная картина «внутренность французской эрмитажной библіотеки», въ которую чѣмъ больше вглядываешься, тѣмъ обаятельнѣе кажется передача натуры. «Видъ на р. Тоснѣ, близь села Николаевскаго» (на выставкѣ 1827 г.) былъ выполненъ другою, впрочемъ, манерою, не меньше поражавшею, а двѣ портретныхъ головы, «старика» и «дѣвушки» (съ теленкомъ), заключали опредѣлявшіяся уже достоинства молодаго таланта колориста.

2. Крыловъ, поразившій передачею натуры самого Венеціанова еще въ 1824 году,—по пріѣздѣ въ Петербургъ, на первыхъ же порахъ такъ написалъ «видъ изъ окна на палисадникъ, передъ квартирою», что восхищенный Венеціановъ носилъ его всюду показывать и представилъ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, изволившей оставить его у себя. Этотъ первый опытъ пейзажной живописи возбудилъ въ Крыловѣ сильное желаніе изобразить картину зимы, внѣ города, гдѣ нибудь. У Венеціанова было много знакомыхъ, горячо относящихся къ искусству. Изъ числа этихъ почитателей искусства и художника, были купцы братья Чернягины, имѣвшіе въ Тоснѣ химическій заводъ. Услышавъ отъ хлопотуна-Венеціанова о затѣѣ ученика его—написать зимній видъ съ натуры, любезные заводчики изъявили полную готовность помочь съ своей стороны осуществленію предпріятія. Они увезли Крылова къ себѣ, и предоставивъ ему выбрать пунктъ, съ котораго казалось бы ему удобнѣе писать этюды зимней природы, на этомъ мѣстѣ построили деревянный домъ для мастерской, съ примѣненіемъ для возможнаго удобства въ работѣ. Въ быстро по-

спѣшнемъ помѣщеніи, на праздникахъ Рождества въ 1826 году, Крыловъ принялся за работу и въ мѣсяцъ написалъ все съ натуры, что нужно для картины. Особенно хорошо въ ней передалъ молодой художникъ холодный воздухъ и всѣ планы, кромѣ ближайшаго, на которомъ снѣгъ вышелъ очень грубымъ. Этотъ единственный недостатокъ не помѣшалъ, впрочемъ, картинѣ Крылова на выставкѣ 1827 года производить сильное впечатлѣніе обаятельно схваченнымъ зимнимъ освѣщеніемъ, туманностью дали и всѣми отличіями хорошо сохраняемой въ памяти стужи. Живя у Чернягиныхъ, Крыловъ написалъ, въ ростъ, старшаго изъ братьевъ, представивъ его наблюдающимъ измѣненіе ареометра, сидя передъ входомъ въ заводъ свой. Вниманіе и сосредоточенность на лицѣ химика, да стоящая передъ нимъ лягавая собака—поражали всѣхъ правдой и живостью. Не меньше окончательно выполненъ былъ и мѣхъ на шубѣ, обманывавшій зрителей, невольно касавшихся рукою до полотна; не такъ удаченъ былъ только расчетъ перспективы. Безъ этого небольшаго изъяна, слѣдовало бы Крылова за эту картину сдѣлать профессоромъ живописи, какъ замѣтили любители. Но и промахъ перспективный не могъ помѣшать судьямъ изящнаго—другой только годъ учившагося—наградить золотою медалью, вмѣстѣ съ Тырановымъ и братьями Чернецовыми, бывшими въ академіи уже по шести лѣтъ.

3. Цѣнители находили достойнымъ золотой же медали и третьяго ученика Венеціанова, Александра Алексѣевича Алексѣева, написавшаго къ выставкѣ «мастерскую Венеціанова», но медалей отъ общества поощренія художниковъ пожертвовано было на этотъ разъ только двѣ. Неимѣніе третьей медали вызвало даже заявленіе совѣта, что Алексѣевъ достоинъ ея и рекомендуется обществу «за признанныя въ упомянутомъ художникѣ дарованія». «Мастерская Венеціанова» заключала, кромѣ прекраснаго расчета линейной и воздушной перспективы, еще интересную сцену. Одинъ ученикъ изображенъ былъ списывающимъ дѣвушку, въ русскомъ платьѣ, отражавшуюся въ зеркалѣ, повѣшенномъ въ простѣнкѣ между двумя окнами, тогда какъ другой ученикъ заглядѣлся на модель и, передвигая свой мольбертъ, задѣлъ за начатую картину товарища. Трудность передачи момента въ краскахъ тутъ усилена была еще боковымъ лучомъ изъ другой комнаты, черезъ растворенныя двери падающимъ на полъ, слегка скользнувъ по гипсамъ, которыми заставлена вся правая сторона картины. Написавшій эту, трудную въ техническомъ отношеніи, сцену былъ тотъ мальчикъ, котораго въ апрѣлѣ 1823 года нашелъ Венеціановъ у Крылова копировавшимъ съ эстампа «св. семейство» Леонарда да-Винчи. Отданъ онъ былъ въ ученики къ хозяину Крылова,

живописному мастеру, въ годы, помѣщицею (Ольгою Николаевной Куминовой), въ 1825 году, по заявленію общества поощренія художниковъ давшей ему свободу сдѣлаться художникомъ. Своими быстрыми успѣхами Алексѣевъ оправдалъ довѣренность Венеціанову общества поощренія художниковъ, оказывавшаго отцу нашей бытовой живописи всевозможныя одолженія, и вліяніемъ своимъ, и денежными средствами. Ходатайство объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости Алексѣева (по запискѣ Венеціанова, 2-го сентября 1826 года) и Златова было первымъ опытомъ благоволенія общества къ усердному выводителю талантовъ изъ ничтожества. Статсъ-секретарь П. А. Кикинъ, предсѣдатель общества поощренія художниковъ, всюду немедленно писалъ, куда назначалъ въ своихъ запискахъ Венеціановъ.

4. Александръ Алексѣевичъ Златовъ былъ четвертый воспитанникъ Венеціанова, способностями уступавшій тремъ первымъ только ради молодости. Онъ былъ тоже изъ крѣпостныхъ и принадлежалъ родственницѣ Куминовой, помѣщицѣ небольшаго числа душъ, Надеждѣ Михайловнѣ Змѣевой, которая не затруднилась освободить одного изъ крестьянъ, бывшихъ у ней, можно сказать, на счету. Она не потребовала даже никакого вознагражденія отъ общества поощренія художниковъ, готоваго бы и на выкупъ мальчика съ дарованіемъ. Златовъ далеко, впрочемъ, не пошелъ.

5. Александра Ивановича Беллера, глухонѣмаго, должны мы, по времени поступленія, считать пятымъ у Венеціанова.

Вліяніе многозначившаго и въ то время общества поощренія художниковъ, въ дѣйствіяхъ котораго принимали участіе очень вліятельные люди, безъ сомнѣнія, сильно поднимало авторитетъ Венеціанова, находившаго милостивую поддержку въ министрѣ Императорскаго двора, князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ (черезъ посредство основателя общества поощренія художниковъ, П. А. Кикина, на дочери котораго, Марьѣ Петровнѣ, женатъ былъ старшій сынъ князя, Дмитрій Петровичъ).

Надѣясь на эту поддержку, Венеціановъ и обратился по начальству, къ президенту А. Н. Оленину, съ запискою 30-го марта 1827 года. Въ запискѣ, изложивъ милости, оказывавшіяся ему императоромъ Александромъ I и его августѣйшею супругою, описалъ онъ успѣхи своихъ учениковъ, особенно Тыранова. «Тырановъ, по двухлѣтнемъ ученьи у меня (смѣю утвердительно сказать, что до меня никакъ не рисовалъ), написалъ библіотеку Эрмитажа, которая, прошлаго года, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ [1])

---

[1]) Тоже членомъ общества поощренія художниковъ.

была представлена государю императору и мой юный Тырановъ получилъ милостивую награду—перстень. А я питаю желаніе продолжать мой путь: представлять августѣйшему монарху успѣхи моихъ воспитанниковъ, одинъ за другимъ, и показать слѣдствіе и употребленіе мое милостей покойнаго государя императора, а вмѣстѣ съ симъ просить его сдѣлать мнѣ вспоможеніе, подобное въ Бозѣ почивающему августѣйшему брату его, для того, что я уже для содержанія ежедневно натурщиковъ, для заведенія гипсовъ, для большой квартиры, и прочаго, и для содержанія самихъ воспитанниковъ задолжалъ болѣе 4,000 руб.

«Вотъ, ваше превосходительство, чистѣйшая истина первой цѣли моего представленія картинокъ государю императору, а вторая есть желаніе видѣть въ русской галлереѣ продолженіе своихъ трудовъ, въ лицахъ совершенно русскихъ.

«Четверо моихъ воспитанниковъ находятся подъ покровительствомъ общества поощренія художниковъ, котораго я никогда не смѣлъ обременять издержками для нихъ, зная большіе расходы общества для общей пользы художниковъ. И потому они на всемъ моемъ содержаніи».

Это откровенное признаніе имѣло полный успѣхъ. Апрѣля 28-го уже князь П. М. Волконскій написалъ Оленину, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, изъ поднесенныхъ академикомъ Венеціановымъ четырехъ картинъ, оставить для Эрмитажа только двѣ маленькія картинки, за которыя выдать ему изъ кабинета 2,000 руб., остальныя же двѣ ему возвратить».

Возвращенныя двѣ головы стариковъ куплены въ слѣдующемъ году академіей художествъ. Уча вѣрно смотрѣть на натуру начинающихъ и занимаясь съ ними по-долгу, А. Г. Венеціановъ успѣвалъ тоже много работать. При легкости кисти, онъ скоро писалъ портреты и отдѣлывалъ ихъ, какъ этюды вообще. Не съ натуры, а съ готовыхъ изображеній, писать онъ не очень любилъ, но, по просьбѣ членовъ академіи россійской, написалъ съ разныхъ портретовъ историографа Н. М. Карамзина посмертное изображеніе его, считающееся самымъ схожимъ (1828 г.). Кажется, въ это же время, на лѣто уѣхавъ въ деревню, написалъ онъ и первыхъ купальщицъ у ручья, затронутый заживо переговорами собратій-профессоровъ, что онъ умѣетъ только писать однѣ головы, а на цѣлыя фигуры у него будтобы не хватало умѣнья. Нѣтъ сомнѣнія, что формы женскихъ обнаженныхъ фигуръ бралъ Венеціановъ съ античныхъ гипсовъ, а не съ живыхъ натурщицъ. Оттого на попытки композицій въ

этомъ родѣ картинъ отца нашей бытовой живописи никогда не смотрѣли серьезно, тѣмъ болѣе, что картины Венеціанова въ родѣ женскихъ академій не отличались и по вымыслу особенными достоинствами, кромѣ развѣ искусства мягкаго письма и тщательности—впрочемъ, обличавшей медленное производство. Съ своей стороны, на попытки Венеціанова такъ неудачно фантазировать готовы мы смотрѣть какъ на уступку духу времени, можетъ быть, и съ особенною цѣлью. Есть ещё возможность предполагать, что композиціями въ этомъ родѣ думалъ онъ косвеннымъ путемъ достигнуть профессуры, а съ помощью ея сильнѣе двинуть обученіе искусству въ академіи. Судьба, казалось, улыбалась въ это время благородному труженику. Въ профессорахъ онъ не замѣчалъ уже особеннаго нерасположенія, и, еще того меньше, враждебности. Президентъ и вице-президентъ были на его сторонѣ. Преимущество образовательной системы Венеціанова признано было блистательно самимъ совѣтомъ, почти безъ исключеній награждавшимъ учениковъ его медалями. Не обдѣляли его и иконостасными работами. Получилъ бы онъ и профессорство, если бы прямо потребовалъ программы, а не пробовалъ почвы, прибѣгая къ полумѣрамъ въ родѣ выставленія готовыхъ, видимо съ цѣлью, какъ мы замѣтили, писанныхъ картинъ. Академическая партія въ ту пору уже тѣсно сплотилась, заключая все родныхъ да свойственниковъ ректора Мартоса: одинъ зять его былъ профессоръ живописи (Егоровъ), другой—профессоръ архитектуры (Мельниковъ), третій выведенъ въ конференцъ-секретари (Григоровичъ). Всѣ прочіе перекумились. Такъ что сторонняго, да еще отца семейства, могли заправлятели дѣломъ въ академіи принять въ сообщество свое съ неохотою. Поэтому, косвенныхъ маневровъ, хотя и хорошо могли ихъ всѣ понимать и замѣчать, вліятельная партія умышленно старалась не видѣть. Если же бы прямо сталъ Венеціановъ искать званія профессора,—хотя не служащаго сперва,—то при благосклонности, оказываемой ему власть имѣющими внѣ академіи, совѣту академическому пришлось бы удостоить искателя, а не отказывать ему. Не было и мотива отказа, когда заслуги были такъ хорошо видны, и членами общества поощренія художниковъ при всякомъ случаѣ ставились на видъ, а не закрывались.

Къ несчастію, какъ всѣ таланты, Венеціановъ былъ не политикъ и, занятый больше всего своими идеями—упростить развитіе начинающимъ идти по пути искусства, не имѣлъ времени высматривать обстоятельствъ и выбирать удобное время для дѣйствій.

У него въ ходу былъ одинъ мотивъ: умноженіе учениковъ. Едва прошли первыя впечатлѣнія о результатахъ выставки 1827 года,

не успѣла еще совсѣмъ пройти и зима, какъ Венеціановъ обратился къ комитету общества поощренія художниковъ (2-го марта 1827 г.) съ представленіемъ, способнымъ скорѣе обрадовать чѣмъ испугать искренно интересовавшихся дѣломъ художественнаго развитія въ отечествѣ почтенныхъ членовъ его. Упомянувъ объ успѣхахъ четверыхъ своихъ питомцевъ, Венеціановъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

«Теперь я имѣю еще троихъ: молодаго человѣка, начавшаго учиться съ апрѣля мѣсяца прошлаго 1827 года, изъ мѣщанъ, Александра Денисова,—ему 16 лѣтъ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года изъ Вышняго-Волочка пѣшкомъ ко мнѣ [1]) пришедшаго, мѣщанскаго же сына, Василья Зиновьева, котораго трудъ при семъ честь имѣю представить, — и вольно-отпущеннаго Ивана Ушакова, недавно ко мнѣ поступившаго отъ академика Васильева, котораго произведеніе тоже представляю. А трудовъ Денисова, приведенныхъ къ концу, нѣтъ, для того что онъ занятъ въ Эрмитажѣ «старою галлереею». Успѣхи и поведеніе сихъ молодыхъ людей меня утѣшаютъ, почему всенижайше прошу общество удостоить ихъ, подобно первымъ четыремъ, своего покровительства, которое, увѣренъ я, дастъ имъ новый духъ къ успѣхамъ, а мнѣ новое удовольствіе питаться оными».

Съ принятіемъ 6) Денисова, 7) Зиновьева и 8) Ушакова, семья учениковъ Венеціанова начала разростаться примѣтно, но ростъ ея не останавливался, потому что къ 1830 году итогъ пользовавшихся руководствомъ привѣтливаго наставника доросъ до восемнадцати.

Дальнѣйшее поступленіе учениковъ къ Венеціанову слѣдовало въ такомъ порядкѣ.

9. Послѣ Ушакова, слѣдуя указанію, найденному нами въ запискахъ самого Венеціанова, должны мы считать Никанора Ларіоновича Скворцова, кажется,—человѣка со средствами, любителя. Къ нему адресовалъ въ 1836 году Венеціановъ для передачи ученику своему Алексѣеву письмо, которое мы укажемъ въ порядкѣ времени. Скворцова работа была уже на выставкѣ 1830 года. Впрочемъ, Скворцовъ не жилъ у наставника.

10. Послѣ Ушакова былъ взятъ Евграфъ Антоновичъ Булатовъ, работы котораго въ тридцатыхъ годахъ тоже являлись на выставкахъ.

---

[1]) Должно быть—еще въ деревню.

11. Далѣе, или одновременно съ Булатовымъ, поступилъ и Николаевъ, имени котораго отыскать намъ не удалось.

12. Вольноотпущенный Яковъ Давыдовъ тоже взятъ былъ въ 1828 году. Въ описаніи работъ учениковъ Венеціанова на выставкѣ 1830 года, безъ сомнѣнія, по извѣстіямъ, сообщеннымъ самимъ учителемъ, Воейковъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» говоритъ, что учится Давыдовъ «два года ровно» («Рус. Инв.» 1830 г., стр. 998).

13. Тоже два года названъ учащимся, въ 1830 году, и дворянинъ Алексѣй Александровичъ Васильевъ, въ послѣдствіи очень извѣстный портретистъ, за прекрасный портретъ профессора живописи А. Е. Егорова, въ 1845 году признанный академикомъ. Онъ еще живъ теперь, родившись въ 1811 году, 8-го іюля.

14. Полугодомъ позднѣе Васильева и Давыдова (слѣдуя указаніямъ въ статьѣ Воейкова) явился къ Венеціанову Василій Михайловичъ Аврринъ, послѣ выставки 1833 года воротившійся въ Москву и бывшій дьякономъ тамъ при церкви Воскресенья въ Баратахъ.

15. Вмѣстѣ съ Аврринымъ за полтора года до выставки 1830 года (открытой въ сентябрѣ), показанъ у Венеціанова и Василій Семеновичъ Гальяновъ, въ 1830 году уже выставившій свои два произведенія и, съ полученіемъ званія художника, удалившійся въ Архангельскъ, гдѣ онъ обучалъ рисованію (если живъ теперь), почти четыре десятилѣтія, въ гимназіи и женскомъ училищѣ.

16. Полугодомъ позднѣе Гальянова, т. е. съ начала осени 1829 года—что дало право описателю выставки 1830 года въ «Русскомъ Инвалидѣ» указать первый годъ пребыванія у Венеціанова — поступилъ Евграфъ Өедоровичъ Крендовскій. Въ просьбѣ, поданной въ совѣтъ Императорской академіи художествъ въ 1839 году, Крендовскій самъ разсказалъ обстоятельства своего художественнаго обученія. Изъ этой просьбы видно, что Крендовскій, оставившій гражданскую службу въ чинѣ коллежскаго регистратора, «первоначально обучался рисованію въ арзамасской школѣ у академика Ступина; потомъ въ С.-Петербургѣ, подъ руководствомъ академика Венеціанова, и посѣщалъ рисовальные классы Императорской академіи художествъ». Подавъ просьбу, нами приведенную, Крендовскій просилъ и получилъ званіе свободнаго художника и удалился въ Кременчугъ, гдѣ занялся портретною живописью въ миніатюрѣ, съ большимъ успѣхомъ.

17. Одновременно съ Крендовскимъ, взята была Венеціановымъ въ ученицы еще дѣвочка 11-ти лѣтъ, дочь дьячка приходской церкви

на Пескахъ, Елена Рождественская, въ одинъ годъ сдѣлавшая блистательные успѣхи и, вмѣстѣ съ другими, выставившая уже работы свои въ академіи въ 1830 году. Раннее развитіе этой ученицы, независимо таланта, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести къ превосходству пріемовъ наставника.

18. Меньше года до выставки 1830 г., то-есть или въ концѣ 1829 или въ началѣ даже этого самаго года, оказался учащимся у Венеціанова и необыкновенно талантливый Лавръ Филипповичъ (?) Плаховъ.

О Плаховѣ и его необыкновенныхъ способностяхъ сохранилось множество характерныхъ анекдотовъ, сдѣлавъ чуть не легендарными похожденія и эксцентричность этого художника. Основательнаго изслѣдованія объ этомъ талантѣ въ правѣ ожидать современные любители отъ занимающихся исторіею отечественнаго искусства. Самая судьба Плахова, его таинственное исчезновеніе изъ столицы и труженическая жизнь въ провинціи—дѣйствительно заслуживаютъ приложенія усилій къ розысканіямъ о немъ, просто по непосредственному интересу и особенностямъ всего стеченія обстоятельствъ. «Воспоминанія» А. Н. Мокрицкаго, очевидно, били на этотъ конекъ, но, къ сожалѣнію, факты тамъ настолько спутаны, что, не находя подтвержденія въ главномъ, трудно опредѣлить степень достовѣрности во всемъ прочемъ. Что намъ извѣстно точно—мы далѣе укажемъ, заранѣе заявляя невозможность составленія покуда чего-либо болѣе обстоятельнаго.

19. Въ 1831 году, мы находимъ живущимъ у Венеціанова Евгенія Петровича Житиева, очень талантливаго акварельнаго портретиста, род. 1812 года и умершаго 24-го апрѣля 1860 г., отъ чахотки, академикомъ.

20. Вмѣстѣ съ нимъ, или еще и раньше, учился у Венеціанова Тухариновъ, тоже человѣкъ съ большими способностями. Онъ хорошо шелъ въ академическихъ классахъ, но былъ большой загула, наверстывавшій кутежи усиленными работами, не имѣя въ нихъ недостатка. О Тухариновѣ говоритъ Венеціановъ въ письмѣ къ Алексѣеву, выражая полную несостоятельность удержать широкую натуру.

21. За Тухариновымъ въ числѣ учениковъ Венеціанова слѣдуетъ указать на Алексѣя Даниловича Печенкина, тоже выказывавшаго талантъ въ бытовой живописи, но въ послѣдствіи сдѣлавшагося учителемъ рисованія въ Гжатскомъ уѣздномъ училищѣ.

22. Вмѣстѣ съ нимъ, или въ одно время, въ школѣ Венеціанова былъ и Аполлонъ Николаевичъ Мокрицкій (род. 1810 г.), съ 1836 года сдѣлавшійся ученикомъ Карла Павловича Брюллова. Въ

своихъ воспоминаніяхъ о Венеціановѣ, онъ, впрочемъ, называетъ Венеціанова вездѣ своимъ наставникомъ.

23. Судя по времени первыхъ успѣховъ въ академіи, тогда же пользовался уроками Венеціанова и знаменитый въ послѣдствіи портретистъ, профессоръ Сергѣй Константиновичъ Зарянко, род. 1818 г. 24-го сентября, въ Могилевской губерніи и ум. 1870 г. 20-го декабря.

24. Иванъ Ѳедоровичъ Каширинъ былъ съ нимъ въ одно же время, посѣщая, какъ и онъ, академическіе классы и въ 1836 году получивъ званіе художника.

25. Кажется, къ числу учениковъ Венеціанова должны мы причислить и Сергѣя Алексѣева, одновременно съ Мокрицкимъ, въ 1836 г. (16-го янв.), получившаго вторую серебряную медаль за «перспективу портретной галлереи въ Зимнемъ дворцѣ».

Понимая хорошо несостоятельность усилій своихъ выяснить отчетливо составъ школы Венеціанова, мы просимъ знающихъ и живыхъ еще учениковъ его разъяснить и указать, кто были ихъ соученики у Алексѣя Гавриловича, любезно и сочувственно принимавшаго всякаго, кто обращался къ нему за помощью и совѣтомъ. Только такимъ путемъ мы и можемъ дойти до положительныхъ результатовъ въ объясненіи прошлаго, хотя и не очень отдаленнаго.

26. Вотъ, напримѣръ, оставаясь далеко неувѣренными въ принадлежности къ школѣ Венеціанова состоявшаго подъ покровительствомъ общества поощренія художниковъ Сергѣя Алексѣева, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что Григорій Карповичъ Михайловъ, вмѣстѣ съ Мокрицкимъ считавшійся любимымъ ученикомъ Карла Брюллова, до прибытія его въ Петербургъ былъ настолько же близокъ къ сердцу Алексѣя Гавриловича Венеціанова.

27. Въ томъ же положеніи къ наставнику былъ и Александръ Михайловичъ Михайловъ, котораго Венеціановъ хотѣлъ даже включить въ свою фамилію и самъ хлопоталъ о приданіи ему прозванія Венеціановъ-Михайловъ. Любимый наставникомъ, Александръ Михайловичъ былъ у Венеціанова, впрочемъ, какъ увидимъ, позднѣе Григорія Карповича, о которомъ писалъ Венеціановъ, 24-го апрѣля 1836 года, въ комитетъ общества поощренія художниковъ:

«Въ прошломъ 1835 году, общество поощренія художниковъ, снисходя моимъ просьбамъ, два раза дѣлало ученику моему Михайлову денежныя пособія, давало билеты пользоваться академическими рисовальными классами. Михайловъ дѣлаетъ весьма значительные успѣхи, и въ доказательство представляя въ распоряженіе общества его работы картину «кухарка», за которую Императорская академія ху-

дожествъ назначила ему въ награду вторую серебряную медаль[1]),—я покорнѣйше прошу общество поощренія художниковъ, такъ какъ я отъѣзжаю изъ Петербурга на четыре мѣсяца, и Михайлова, оставляя въ своей квартирѣ, не могу дать ему содержанія и нужнаго пособія, чтобы безъ отрывокъ кончить серьезную, начатую имъ прошлаго года въ маѣ мѣсяцѣ, картину внутренности античной галлереи академіи художествъ, къ экспозиціи, то покорнѣйше прошу комитетъ общества поощренія художниковъ пожаловать Михайлову, до возвращенія моего, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ».

Дѣйствительно, трудъ Михайлова былъ очень сложный и выполненъ не торопясь, прекрасно. Желающіе повѣрить наши слова могутъ видѣть картину Михайлова въ академіи художествъ. Картина представляетъ вторую античную галлерею, названную нынѣ заломъ Тиціана, нѣсколько вправо отъ входа въ минцъ-кабинетъ. Слѣва у стѣны, за балюстрадою помѣщены гипсовые слѣпки съ антиковъ, справа на стѣнѣ изображены картины и самъ художникъ представленъ рисующимъ въ правомъ углу картины.

28. Изъ Венеціановыхъ учениковъ, принятъ къ Брюллову и Илья Липинъ, о которомъ не пришлось намъ получить ни откуда извѣстій.

29. Тоже къ Брюллову перешелъ, подготовленный хорошо Венеціановымъ, и Игинъ, имени котораго даже отыскать намъ не удалось.

30. Оставившій портретъ почтеннаго наставника своего, шестидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, Θедоръ Михайловичъ Славянскій (родившійся въ 1819 году) поступилъ къ Венеціанову не ранѣе 1839 года, сперва занимаясь гравюрою, и въ 1839 году еще выставивъ «работы на мѣди и оттиски». У Венеціанова, оставивъ гравюру, перешелъ онъ къ перспективѣ и портрету, и, за портретъ Шебуева, считаясь ученикомъ Маркова въ академіи, въ 1852 г. признанъ академикомъ.

31 и 32. За Славянскимъ, въ числѣ учениковъ Венеціанова должны слѣдовать непосредственно Антоновъ и Бурдинъ. Обстоятельства во время поступленія ихъ къ Венеціанову описаны въ запискѣ его, 4-го октября 1840 года, адресованной въ комитетъ общества поощренія художниковъ. Въ ней рекомендуетъ ихъ Венеціановъ благосклонности общества.

«Неоднократно пользовался я милостивымъ вниманіемъ общества къ

---

[1]) Въ собраніи совѣта 16-го января 1836 г.

ученикамъ моимъ, и, къ удовольствію моему, многіе изъ нихъ оправдали успѣхами своими пособія общества, почему и теперь беру смѣлость представить 12 картинокъ, изъ которыхъ шесть—самый первый опытъ въ краскахъ ученика моего Антонова. Изъ сихъ картинокъ общество изволитъ усмотрѣть его способности, а я, найдя въ немъ склонность къ пейзажной живописи, далъ ему теперь написать во дворцѣ картину съ садика при помпейской галлереѣ. Антоновъ самый бѣдный человѣкъ, имѣетъ мать, проживающую скуднѣйшими доходами съ домика. Я бы желалъ чтобы комитетъ общества соизволилъ принять сколько нибудь изъ его картинокъ и пожаловалъ ему единовременно въ поощреніе, давъ средства произвесть съ успѣхомъ начатую во дворцѣ картину.

«Другія же шесть картинокъ—ученика же моего, Бурдина. Этотъ человѣкъ работалъ въ Москвѣ у подрядчиковъ, имѣлъ кусокъ хлѣба, но не имѣлъ пищи духу. Въ мартѣ мѣсяцѣ (1840 года, разумѣется) почти пришелъ въ Петербургъ и чрезъ знакомыхъ упросилъ меня взять съ собою въ деревню, вмѣстѣ съ Антоновымъ, чтобы ознакомиться съ натурою. Онъ у меня лѣто работалъ, написалъ предлагаемыя шесть картинокъ и доставилъ мнѣ полное удовольствіе любовью своею къ трудамъ, отличнымъ нравомъ и благоразуміемъ. Въ немъ болѣе всего утѣшало меня то, что онъ понялъ свои недостатки и какъ много надобно учиться, чтобы быть художникомъ. Я его посадилъ также во дворцѣ писать маленькую церковь, съ противной стороны той, которую пишетъ для великихъ княженъ мой же ученикъ Венеціановъ [1]). Этому человѣку (т. е. Бурдину) нужно не одно единовременное пособіе, а и постоянное, по крайней мѣрѣ на годъ, почему умоляю комитетъ общества принять отъ него картинокъ столько, сколько благоугодно будетъ пожаловать ему на окопированіе единовременно, и выдавать ежемѣсячно на содержаніе рублей по 20-ти. Я увѣренъ, что эти молодые люди оправдаютъ милости общества, какъ успѣхами, такъ и продолженіемъ прекраснаго поведенія».

Одновременно съ Михайломъ Антоновымъ, о которомъ мы немного знаемъ, да съ Николаемъ Алексѣевичемъ Бурдинымъ, братомъ актера Ѳедора Алексѣевича Бурдина,—дѣйствительно талантомъ, рано похищеннымъ у искусства смертью (онъ родился въ 1814 г. и умеръ

---

[1]) Т. е. Александръ Михайловичъ Михайловъ, о которомъ мы выше говорили.

въ 1857 г.), поступилъ къ Венеціанову еще третій ученикъ въ это время.

33. Это былъ Иванъ Смирновъ, о которомъ въ дѣлахъ общества поощренія художниковъ сохранилось тоже ходатайство Венеціанова, въ формѣ прошенія въ комитетъ общества поощренія художниковъ:

«Принося благодарность комитету общества за вниманіе къ моей просьбѣ о ученикахъ моихъ, Бурдинѣ и Антоновѣ, осмѣливаюсь и еще утруждать моей просьбою: принять въ свое покровительство еще одного изъ учениковъ моихъ, Ивана Смирнова (изъ мѣщанскаго сословія), который уже по милости общества пользуется билетомъ для входа въ классы академіи. Онъ теперь, во дворцѣ, оканчиваетъ картину съ натуры—внутренность помпейской галлереи. За картиной этой ему нужно просидѣть постоянно мѣсяца два или три, слѣдовательно—лишиться постороннихъ средствъ къ пропитанію. Потому покорнѣйше прошу комитетъ общества на это время пожаловать ему какое нибудь содержаніе (теперь у него, просто, буквально, сапоговъ нѣтъ). 21-го марта 1841 г.».

Между тѣмъ сбоку надпись: «исполнено 21-го января 1841 г.».

Ясно, что мартъ проставленъ въ послѣдствіи, и именно помѣта марта оказывается днемъ засѣданія комитета общества поощренія художниковъ. Какъ видно, въ Смирновѣ принималъ участіе еще конференцъ-секретарь академіи художествъ, В. И. Григоровичъ, тоже членъ общества поощренія художниковъ. Его записка отъ 20-го ноября 1840 года приложена къ ходатайству Венеціанова, и записка эта служитъ, такъ сказать, буквальнымъ исполненіемъ просьбы наставника: «Г. Венеціанова ученику, Смирнову, выдать прошу немедленно 25 рублей ассигнаціями, а просьбу его сохранить до засѣданія комитета общества поощренія художниковъ. Григоровичъ». Записка, разумѣется, адресована къ А. П. Сапожникову, казначею общества, отъ котораго и послѣдовала немедленная выдача получателю, тутъ и росписавшемуся.

Эти немногословныя, лаконическія распоряженія, при посредствѣ Григоровича, Сапожникова и Венеціанова, достигавшія цѣли—благородныхъ усилій самихъ бѣдняковъ о развитіи божьяго дара, живо воскрешаютъ въ памяти нашей массу негласныхъ дѣйствій добра и заботливости Венеціанова и его друзей о начинающихъ талантахъ.

Послѣдними учениками Венеціанова были, получившіе въ послѣдствіи громкую извѣстность, жанристъ и пейзажистъ, развившіеся окончательно за границею; это были:

34. Алексѣй Филипповичъ Чернышевъ и

35. Михаилъ Спиридоновичъ Эрасси.

Относительно принятія ихъ подъ покровительство общества поощренія художниковъ, въ дѣлахъ его сохранилось слѣдующее увѣдомленіе отъ комитета общества А. Г. Венеціанову, отъ 2-го мая 1843 года:

«До отъѣзда вашего изъ С.-Петербурга, вамъ угодно было, черезъ г. члена А. П. Сапожникова, представить въ комитетъ общества поощренія художниковъ нѣкоторыя работы учениковъ вашихъ Чернышева и Герасія.

«Усматривая изъ этихъ трудовъ развивающіяся подъ просвѣщеннымъ руководствомъ вашимъ способности этихъ юныхъ художниковъ и желая ободрить ихъ, комитетъ положилъ выдать имъ въ поощреніе 200 рублей ассигнаціями.

«Успѣхи этихъ молодыхъ людей суть новое доказательство постоянныхъ попеченій и усердія вашего на пользу художниковъ и художествъ. И потому комитетъ поставляетъ пріятною для себя обязанностью изъявить вамъ вновь свою признательность».

Въ послѣдній годъ своей жизни А. Г. Венеціановъ, заботясь о Эрасси, еще писалъ въ общество поощренія художниковъ:

«Благоговѣя вниманію (sic) комитета общества къ труду племянника моего Эрасси, питаю себя чистѣйшею благодарностью и полною увѣренностью, что и впредь общество не лишитъ своего вниманія успѣхи Эрасси.

«Этотъ молодой человѣкъ занимался у меня въ деревнѣ два года писаньемъ съ натуры и рисованьемъ съ гипсовъ; у него нѣтъ пылкаго дара, но любовь къ искусству и прилежаніе примѣрны. Теперь онъ въ первый разъ копируетъ пейзажъ Куккука и ходитъ въ академическій гипсовый классъ. Я отъѣзжаю въ деревню и счастливѣйшимъ себя почту, ежели комитетъ общества удостоитъ: поручить надзоръ за ходомъ Эрасси, въ живописи и рисованіи, благоразумію почтеннѣйшаго члена общества Андрея Петровича Сапожникова. 14-го декабря 1846 года».

Этотъ отъѣздъ изъ столицы былъ послѣдній для А. Г. Венеціанова, въ Тверской губерніи, 4-го декабря 1847 г., и умершаго. Тридцать пять учениковъ (т. е. половину того, что указывала дочь)— имъ приготовлены для дѣятельности по искусству—по нашимъ извѣстіямъ, за полноту которыхъ мы, впрочемъ, ручаться не можемъ. По крайней мѣрѣ, сами встрѣчая неразрѣшимыя сомнѣнія о трехъ

лицахъ въ своемъ спискѣ, мы готовы отступиться отъ своего предположенія, что эти три лица пользовались руководствомъ Венеціанова.

Считая нужнымъ сдѣлать эту оговорку, оканчивая перечень извѣстныхъ намъ учениковъ Алексѣя Гавриловича Венеціанова,—укажемъ дѣятельность учителя и учениковъ съ 1830 года, когда можно считать школу Венеціанова достигшею апогея.

П. Н. Петровъ.

Спб. 1878 г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА-АКАДЕМИКА ТЬЕБО

1765—1785 гг.

III [1]).

Аббатъ Рейналь и княгиня Дашкова.—Непріятное приключеніе съ нею въ Парижѣ.—Пребываніе ея въ Берлинѣ, выходки и споры съ учеными и дипломатами.—Дашкова и французскій уполномоченный на вечерѣ у графа Финкенштейна.—Похожденія графа Матюшкина съ дѣвицею Генке.

.... Сочиненіе аббата Рейналя (Raynal) [2]): «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les Indes»—надѣлало ему много хлопотъ во Франціи. Парижскій парламентъ обнаружилъ негодованіе, а духовенство подняло гвалтъ и пустилось интриговать: авторъ перепугался и поспѣшилъ уѣхать въ Готу, гдѣ былъ очень радушно принятъ, но гдѣ ожидалъ съ каждою почтой извѣстія о конфискаціи своихъ доходовъ. Однакожъ, не смотря на лестный пріемъ герцогини Саксенъ-Готской, ему не могло нравиться пребываніе при ея дворѣ, который онъ находилъ слишкомъ тѣснымъ поприщемъ для своихъ дарованій: его влекли въ Берлинъ честолюбіе, жажда громкой извѣстности, собственныя выгоды, надежда на почести со стороны короля-мыслителя и, наконецъ, мысль, что яркій отблескъ этихъ почестей отразится въ Парижѣ и Версали, гдѣ смутитъ или уничтожитъ его враговъ. Въ это время княгиня Дашкова, возвращаясь вмѣстѣ съ сыномъ своимъ изъ Парижа, про-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 507—522.

[2]) Guillaume-Francois Raynal, род. 1713, ум. 1796 г. Выше названное сочиненіе его: «Философская и политическая исторія европейскихъ заведеній и торговли въ обѣихъ Индіяхъ», написанное въ либеральномъ духѣ, особенно прославило его; прочія-же сочиненія этого писателя не пользуются такою же извѣстностью. Д. Р.

ѣзжала чрезъ Готу и остановилась тамъ на нѣсколько дней [1]). Пріѣхала она страшно-взбѣшенною противъ Франціи и французовъ. Въ душѣ ея было свѣжо еще впечатлѣніе досаднаго случая съ нею въ Тюльери, а оно, по самому свойству этого случая, не могло быть скоро забыто,—тѣмъ болѣе особой столь гордою, надменною и порывистою во всѣхъ страстяхъ своихъ, какъ княгиня Дашкова. Дѣло было въ томъ, что эта барыня, дюжая какъ мужчина, весьма некрасивая, съ высоко-закинутою головой, съ смѣлымъ и повелительнымъ взглядомъ, съ широкою поступью, въ одинъ прекрасный день находилась на гуляньѣ въ Тюльерійскомъ саду, а кто-то изъ гуляющихъ, проходя мимо нея, сказалъ своему товарищу: Посмотри, вотъ русская княгиня . . . .

. . . .

Разумѣется, обстоятельства, о которыхъ шла рѣчь, большею частію были выдуманы, но во Франціи, среди публики, слыли за чистѣйшую истину. Легко угадать, что слова прохожаго, переходя изъ устъ въ уста, отъ одного къ другому, въ большой аллеѣ, собрали вокругъ княгини цѣлую толпу любопытныхъ, что̀, наконецъ, привело ее въ сильное смущеніе. Среди обступившихъ ее, стоялъ ближе другихъ кавалеръ ордена св. Людовика, красивой и благородной наружности, но съ нѣсколько строгою физіономіей. Къ нему-то она обратилась съ вопросомъ о причинѣ этого сходбища. «Милостивый государь,—сказала она ему,—что̀ вамъ угодно, что вы такъ меня разсматриваете?» (qu'avez vous donc tant à me considérer?).—«Сударыня,—былъ отвѣтъ,—прошу извинить меня, только я гляжу на васъ, а вовсе не разсматриваю» [2]) (Madame, je vous demande bien pardon; mais je vous regarde et ne vous considère pas!) При этихъ словахъ, княгиня вскакиваетъ въ бѣшенствѣ, протискивается сквозь толпу, спѣшитъ къ себѣ, посылаетъ за лошадьми и мчится въ Готу.

Аббатъ Рейналь, въ исключительномъ своемъ положеніи, легко могъ извинить Дашковой непріязненныя чувства, какія она высказывала противъ Франціи; при томъ-же, онъ расчитывалъ воспользоваться ея пріѣздомъ для дальнѣйшаго путешествія въ ея экипажѣ.

---

[1]) Дашкова путешествовала за границей два раза: въ первый разъ, инкогнито, подъ именемъ госпожи Михалковой, въ 1769—1772 гг.; въ Парижѣ она пробыла тогда всего три недѣли, въ 1770 году. Вторая поѣздка ея за границу продолжалась съ 1775 по 1782 г.

[2]) Здѣсь вышелъ непереводимый каламбуръ. Глаголъ разсматривать—considérer—употребленный Дашковою, имѣетъ еще другое значеніе: почитать, уважать. Слѣдовательно, отвѣтъ, данный княгинѣ, содержитъ въ себѣ такой смыслъ: «я разглядываю, но не уважаю васъ». Д. Р.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ ловко любезничалъ, что барыня эта предложила ему мѣсто въ своей каретѣ, которое онъ принялъ до Берлина, гдѣ, по его словамъ, былъ ожидаемъ, и откуда обѣщалъ герцогинѣ Готской вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, княгиня послала освѣдомиться о здоровьѣ русскаго посланника, князя Долгорукаго, а тотъ, въ свою очередь, явился съ визитомъ къ своей соотечественницѣ и звалъ ее обѣдать къ себѣ на слѣдующій день, съ сыномъ ея и спутникомъ ихъ, Рейналемъ. Къ этому обѣду были приглашены де-Лагранжъ (de-La ranges), Формей (Formey), Меріанъ (Mérian) и я [1]. За столомъ княгиня Дашкова, обращаясь къ аббату Рейналю, начала говорить о дѣлахъ Женевы, осажденной тогда швейцарцами, сардинцами и французами. По мнѣнію княгини, все это было устроено тонкими происками де-Верженна [2]) и затѣяно для того, чтобы, въ концѣ-концовъ, Женева очутилась одною изъ французскихъ провинцій. Тутъ г. Рейналь, не располагавшій ѣхать въ Россію и не нуждавшійся болѣе въ княгинѣ, вновь сдѣлался патріотомъ и прямодушнымъ человѣкомъ.... «Сударыня,—возразилъ онъ,—женевская территорія едва заключаетъ въ себѣ пространство въ два льё; а вамъ хорошо извѣстно, что наши (французскія) провинціи совсѣмъ иного размѣра. Если вы замѣтите мнѣ, что Женева богата, я отвѣчу, что всѣ источники ея богатства—контрабанда, да выгоды отъ смежности съ нашими границами. Если Женеву мы включимъ въ составъ Франціи, то контрабанда и богатства отодвинутся подалѣе, а Женева быстро превратится чуть не въ деревню. И можете-ли вы думать, сударыня, что изъ-за подобнаго городишка (какимъ она сдѣлалась-бы лѣтъ черезъ десять), г. де-Верженнъ станетъ пускаться въ хлопоты и затраты для изворотливыхъ интригъ, ко вреду своей репутаціи честнаго дѣятеля и къ подрыву правъ, какія онъ пріобрѣлъ на уваженіе и довѣріе всѣхъ европейскихъ кабинетовъ? Будьте увѣрены, что онъ умѣетъ расчитывать гораздо лучше и что политика мелочно-стяжательная, коварная, безсовѣстная и раззорительная,—отнюдь не въ его правилахъ».

Тутъ бѣдная княгиня обвела присутствующихъ безпокойнымъ и тревожнымъ взглядомъ, обличавшимъ ея смятеніе, замѣшательство и

---

[1]) Все члены Берлинской академіи. Изъ нихъ Меріанъ (Jean Bernard Merian), базельскій уроженецъ, былъ извѣстенъ своими философскими сочиненіями по метафизикѣ. Род. 1723 г., ум. 1807 г.

[2]) Charles Gravier, comte de Vergennes, род. 1719 г., былъ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVI, съ 1774 г. по самую смерть свою (въ февр. 1787 г.). Д. Р.

даже изумленіе. Было очевидно, что не только она не находила ничего для отвѣта, но и не привыкла къ такимъ твердымъ возраженіямъ, особенно со стороны аббата Рейналя (недавняго ея угодника): а потому быстро перешла къ другому предмету, обратившись къ Лагранжу [1]), моему застольному сосѣду....

— «Г. де-Лагранжъ,—сказала она ему,—вы, безъ сомнѣнія, знаете отца-Жакьè? [2]).

— Я никогда не видѣлъ его, сударыня, и не веду съ нимъ никакой переписки.

— «Но, милостивый государь, это человѣкъ высокаго достоинства по части математики».

— Онъ, сударыня, одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе писали объ этой наукѣ; имъ выпущено, полагаю, томовъ съ шестьдесятъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ мнѣ случалось пробѣгать, то могу отозваться, что вообще слогъ его не дуренъ и что онъ былъ и еще можетъ быть очень полезенъ юношеству; онъ хорошо усвоилъ и передалъ системы или теоріи другихъ ученыхъ.

— «Конечно, онъ человѣкъ умный и пріятный; но, кромѣ того, онъ признанъ за одного изъ первѣйшихъ геометровъ нашего вѣка и за геніальнаго человѣка. Имя отца-Жакьè перейдетъ въ потомство».

— Своими дарованіями онъ могъ-бы этого достигнуть, сударыня; но математики доходятъ до этого вовсе не количествомъ написанныхъ томовъ. Кто за собою насчитываетъ ихъ наибольшее число, тотъ еще не можетъ надѣяться, что его труды будутъ памятны хоть-бы чрезъ двадцать лѣтъ по смерти автора, если онъ не сдѣлалъ въ наукѣ никакого открытія; а, къ несчастію, именно въ подобномъ положеніи и оказывается отецъ-Жакьè, тогда какъ кто либо другой, послѣ кого остался-бы только одинъ клочокъ бумаги, величиною съ ладонь, заслужилъ-бы славу въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ, будь на этомъ клочкѣ начертаніе великаго и изумительнаго открытія,—какъ, напримѣръ, одного изъ законовъ Кеплера.

Тогда княгиня, другъ Екатерины Второй, директоръ Императорской с.-петербургской академіи наукъ, разбитая въ пухъ: по поводу Женевы—аббатомъ Рейналемъ, а по поводу отца-Жакьè—Лагран-

[1]) Josephe-Louis Lagrange, знаменитый французскій математикъ. Род. въ Туринѣ, въ 1736 г.; вступилъ въ Берлинскую академію, по вызову Фридриха II, въ 1766 г., и пробылъ тамъ до 1787 г.; умеръ въ Парижѣ въ 1813 году. Научные труды его высоко цѣнятся. Они составляютъ нѣсколько томовъ.

[2]) Le père François Jacquier, плодовитый французскій ученый писатель по предмету математики. Род. въ 1711 г., ум. въ Римѣ въ 1788 г. Нѣкоторыя изъ его сочиненій писаны по италіански и по латыни. Д. Р.

жемъ,—рѣшилась оставить въ покоѣ вопросы научные и политическіе и принялась за обыкновенные безсодержательные разговоры....

...... Въ другой разъ опять случилось мнѣ тамъ-же встрѣтиться съ княгиней Дашковой: я и баронъ фонъ-Штутерeймъ (Stuthereim), саксонскій посланникъ, обѣдали съ нею у Долгорукаго. Въ разговорѣ она упомянула имя одного иностраннаго министра, бывшаго тогда въ Дрезденѣ, при чемъ Штутерeймъ не преминулъ отозваться о немъ съ наилучшей стороны. Такія усердныя похвалы должны были-бы послужить внушительнымъ предупрежденіемъ для странствующей дамы; но дама эта рѣдко оказывалась похожею на то, чѣмъ ее можно было вообразить себѣ.

—. «Какъ можете вы,—отрѣзала она барону,—говорить столько хорошаго о подобномъ человѣкѣ? Я сама снисходительна, потому что отлично знаю, какую оцѣнку слѣдуетъ давать вашей братьѣ, мужчинамъ; вѣдь всѣ вы одинаковы: слабы и притязательны, горды и несправедливы, вѣчно наклонны къ самовластію и тиранству; вы одинъ другаго стоите. Однакожъ, хотя намъ, женщинамъ, и приходится многое терпѣть отъ васъ и многое вамъ прощать, тѣмъ не менѣе справедливо, что все, обличающее положительный недостатокъ всякаго чувства человѣческаго, не можетъ быть терпимо даже и въ васъ, мужчинахъ. А поведеніе этого посланника съ своей женой не указываетъ-ли на такой недостатокъ? Она дурна собою,—я согласна; но вѣдь онъ это зналъ, когда на ней женился. Если ея непривлекательная наружность оправдываетъ его въ нелюбви къ ней [1]), то оправдываетъ-ли также въ увозѣ жены на чужбину, во Францію, для того, чтобъ тамъ раззорить ее, покинуть и потомъ отослать одну въ отечество, сперва прокутивъ до-тла все состояніе на любовницъ и разныя сумазбродства? И что-же? Это все ничего не значитъ, въ сравненіи съ слѣдующимъ поступкомъ. Бѣдная женщина, не имѣя болѣе никакихъ средствъ, отправляется къ своему брату. Тотъ умираетъ бездѣтнымъ и оставляетъ ее единственной наслѣдницей; а покойникъ былъ очень богатъ, какъ и она сама была прежде. Что-же, затѣмъ, дѣлаетъ ея муженекъ, этотъ всегдашній расточитель, спустившій уже и свое состояніе? Онъ тогда пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ она живетъ, чтобы помириться съ нею, то есть, чтобъ прибрать къ рукамъ имѣніе ея и, быть можетъ, промотать вновь. Къ счастію, она поступила въ этомъ случаѣ, какъ обязана была въ отношеніи къ самой себѣ. Пріѣхавшій супругъ безцеремонно входитъ къ женѣ и застаетъ ее за туалетомъ; она его принимаетъ очень хладно-

[1]) Замѣтьте, что княгиня Дашкова сама была очень дурна. **Авторъ.**

кровно, какъ принимаютъ обыкновеннаго посторонняго гостя, не стѣсняясь; спрашиваетъ его, намѣренъ-ли онъ пробыть нѣсколько дней въ этихъ мѣстахъ, гдѣ онъ займетъ себѣ квартиру и не сдѣлаетъ-ли ей чести откушать у ней сегодня? Такіе вопросы и тонъ ихъ дали ему, наконецъ, почувствовать, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ и онъ тотчасъ-же убрался прочь. Я не думаю, чтобы должно было простить ему отсутствіе человѣческихъ чувствъ, дошедшее до такой степени, что онъ собирался вновь сойтись съ нелюбимою женщиной, раззоренной имъ и безжалостно покинутой, и сблизиться съ нею потому, что она опять разбогатѣла! Этотъ господинъ только и показалъ въ себѣ сердце, когда поспѣшилъ удалиться послѣ сдѣланнаго ему пріема».

—Но,—замѣтилъ г. Штутереймъ,—говорятъ, будто бы не собственно ему должно приписать послѣдній поступокъ, въ какомъ вы его упрекаете; онъ сдѣлалъ такъ противъ своей воли: родные принудили его, нѣкоторымъ образомъ, къ этому. Что-же касается до его первыхъ грѣховъ противъ жены, то это—заблужденія молодости, за которыя онъ и не думаетъ себя хвалить. Впрочемъ, я отозвался о немъ съ хорошей стороны, съ какой мы всѣ вообще говоримъ о немъ. Я сужу его, какимъ онъ теперь среди насъ; а онъ таковъ, что всѣ мы питаемъ къ нему высокое уваженіе.

Княгиня, будучи не изъ уступчивыхъ особъ, стала-было опять спорить; но баронъ ничего болѣе не сказалъ, и тогда она напустилась на меня.

—«Славныя дѣла,—заговорила княгиня, относясь ко мнѣ,—славныя дѣла вы, французы, продѣлываете въ вашей Франціи! вы впадаете въ банкротство передъ цѣлой Европой; всѣ у васъ угнетены, обобраны, раззорены: а между тѣмъ, вы швыряете за окно тридцать милліоновъ, для празднованія свадьбы вашего дофина! Правда, что по милости вашей полиціи, которою вы такъ хвастаете, мошенники дѣлаютъ тревогу среди вашихъ увеселеній; тысяча восемьсотъ человѣкъ погибаетъ во время фейерверка, но что за бѣда? Лишь-бы фейерверкъ вышелъ чудомъ изъ чудесъ! И такъ, въ итогѣ: государственное банкротство, безумные расходы, убійства! о, милостивый мой государь, это прекрасно! это великолѣпно!—Нѣтъ, у насъ въ Россіи не то. Мы имѣемъ государыню, которая дѣйствуетъ иначе: долговъ не дѣлаетъ, платитъ аккуратно; убійствъ при ней не бываетъ; если же случается, что частный банкъ (une caisse particulière) идетъ не хорошо, въ чемъ императрица нисколько не заинтересована, это ничего не значитъ: достаточно, если банкъ этотъ былъ учрежденъ съ ея разрѣшенія, и она, будто поручительница, пополняетъ его дефи-

цитъ. Ну, какъ полагаете вы, въ какомъ видѣ представятся сравниваемыя мною явленія глазамъ потомства?»

Я не могъ ей отвѣчать, потому что былъ въ гостяхъ у русскаго посланника, къ которому, въ добавокъ, былъ лично искренно привязанъ; онъ же, съ своей стороны, не могъ не снисходить къ задушевной пріятельницѣ Екатерины II. Но потомъ я разсказывалъ о выходкахъ Дашковой французскому повѣренному въ дѣлахъ, и тотъ, будучи на слѣдующій день за большимъ ужиномъ у графа Финкенштейна [1]), сказалъ нѣсколькимъ дамамъ, съ которыми разговаривалъ въ то время, когда вошла эта ужасная княгиня (cette terrible princesse): «Ахъ, mesdames, станемъ остерегаться! Спрячьте меня, пожалуйста, или, по крайней мѣрѣ, не оставляйте одного! Эта госпожа пришла сюда, можетъ быть, за тѣмъ, чтобъ обойтись со мной какъ . . . . . Увы, для нея это все равно, что игрушка. Повѣрьте мнѣ, лучше спрячемтесь; при ней никто здѣсь не безопасенъ. Ахъ! Вотъ она опускаетъ руку въ карманъ! Вытаскиваетъ оттуда свой платокъ . . . Пропали мы, пропали! Развѣ вы не знаете, что у ней платокъ любимое оружіе!»—Цѣлый вечеръ продолжались эти шутки и княгинѣ трудно было ихъ не замѣтить по частому хохоту, который раздавался какъ разъ вблизи ея особы.

Въ числѣ русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Берлинъ, былъ нѣкто графъ Матюшкинъ (un comte russe M. Matouchka). Проѣздомъ черезъ этотъ городъ, онъ влюбился въ старшую изъ трехъ дочерей бѣднаго нѣмецкаго музыканта Генкѐ (Hencke), красавицу-дѣвушку, которая многихъ сводила съ ума;—похитилъ ее изъ отцовскаго дома, женился на ней въ Вѣнѣ, а потомъ бросилъ тамъ, уѣхавъ въ Россію. Тогда она возвратилась въ Берлинъ и вела жизнь куртизанки, подъ своимъ законнымъ именемъ и титуломъ графини Матюшкиной....
....Другая же сестра ея, дѣвица Генке, въ послѣдствіи была вліятельнѣйшею любовницей короля Фридриха Вильгельма II, наслѣдовавшаго престолъ Фридриха Великаго.

---

[1]) Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Кто именно былъ этотъ Матюшкинъ, доискаться мы не могли. Не Дмитрій ли Михайловичъ (тайный совѣтникъ), послѣдній въ родѣ графовъ Матюшкиныхъ? Но въ Россіи онъ имѣлъ законную жену, графиню Анну Алексѣевну, рожденную княгиню Гагарину, статсъ-даму Екатерины II и потомъ оберъ-гофмейстерину императрицы Маріи Ѳедоровны. Она род. 1722 г., ум. 3-го мая 1804 г. Дмитрій же Михайловичъ ум. въ 1800 г. Д. Р.

IV.

Пріѣздъ въ Берлинъ наслѣдника русскаго престола в. к. Павла Петровича, для свиданія съ невѣстой.—Сдѣланный ему пріемъ.—Впечатлѣніе, произведенное вообще особою великаго князя.—Потсдамскіе военные маневры и анекдоты по этому поводу о фельдмаршалѣ Румянцевѣ.—Бережливость Фридриха II въ расходахъ.—Его стойкость въ правилахъ.—А. В. Суворовъ.

Изъ придворныхъ праздниковъ, бывшихъ при мнѣ въ Берлинѣ, по случаю брачныхъ союзовъ царственныхъ особъ, скажу теперь о состоявшемся передъ первою женитьбою великаго князя Павла Петровича, который, впрочемъ, не съ прусскою принцессой вступалъ въ супружество и не въ Берлинѣ женился, но пріѣхалъ туда выбрать себѣ и посватать невѣсту. Свадьба же ихъ состоялась послѣ, въ Петербургѣ.

Не знаю, по какимъ тонкимъ политическимъ соображеніямъ, русская императрица послала своего сына въ Берлинъ для выбора невѣсты; но только, около іюня мѣсяца 1776 г., маркграфиня Гессенъ-Дармштадтская, которую Фридрихъ называлъ достойнымъ человѣкомъ (un homme de mérite), пріѣхала къ намъ въ Берлинъ съ тремя дочерьми; а въ то же время генералъ Лентулусъ (Lentulus) отправился до Мемеля на встрѣчу великому князю, съ тѣмъ, чтобы оттуда сопровождать его далѣе и оплачивать расходы путешествія до самаго прибытія ко двору Фридриха, гдѣ великій князь долженъ былъ выбрать изъ трехъ сестеръ-принцессъ ту, которая ему болѣе понравится [1]). Дѣлалось все зависящее, чтобы путь его былъ ознаменованъ торжественными встрѣчами и празднествами, по крайней мѣрѣ, на сколько было возможно при простотѣ и строгости нравовъ этой страны, а также и при скудости всего необходимаго для устройства и разнообразной обстановки подобныхъ зрѣлищъ. Въѣздъ великаго князя въ Берлинъ послѣдовалъ въ одинъ прекраснѣйшій день, въ 3

---

[1]) Авторъ, очевидно, ошибается, перепутывая обстоятельства первой женитьбы Павла съ подробностями второй. Поѣздка его въ Берлинъ (въ іюлѣ 1776 г.) предшествовала послѣднему браку, а не первому. Съ принцессой Гессенъ-Дармштадтскою Августою Вильгельминой, нареченною при мѵропомазаніи Наталіею Алексѣевной (род. 14-го іюня 1755 г. и бывшею, по матери, родною теткой императрицы Елисаветы Алексѣевны) Павелъ вступилъ въ супружество 29-го сентября 1773 г. и овдовѣлъ 16-го апрѣля 1776 г.; а женитьба на двоюродной внукѣ Фридриха Великаго, принцессѣ Виртембергской Софіи-Доротеѣ-Августѣ-Луизѣ, нареченной Маріею Өеодоровной (род. 14-го октября 1759 г., сконч. 24-го октября 1828 г.), состоялась 16-го сентября 1776 г., именно послѣ берлинскаго свиданія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Д. Р.

или 4 часа пополудни [1]). Тріумфальныя арки изъ зелени у городскихъ воротъ и на королевскомъ мосту близъ дворца, повсюду цвѣты, длинный поѣздъ каретъ и отряды пѣхоты и конницы—всего этого было вдоволь: ничего не жалѣли для дорогаго гостя. Для него распорядились починить и старые вызолоченные сплошь фаэтоны и другія парадныя кареты Фридриха Перваго, которыя были брошены на жертву червоточинѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Все обличало безплодныя и неловкія усилія (efforts impuissants et disparates) выказать какую нибудь пышность.

Я былъ представленъ великому князю въ его покояхъ русскимъ посланникомъ; то же было и въ другой разъ, совмѣстно съ моими товарищами и сочленами по академіи, когда великій князь посѣтилъ ее, и, наконецъ, опять при обозрѣніи имъ военно-гражданской школы. Профессора Формей и Боррели (Borrelli) обратились къ нему съ витіеватыми привѣтственными рѣчами; но никто отъ него не получилъ никакого доказательства удовольствія. При его отъѣздѣ изъ Петербурга, съ нимъ было отпущено два полныхъ сундука съ вещами для подарковъ, а онъ привезъ ихъ оба назадъ, непочатыми; но не потому, кажется, что не любилъ дарить, а оттого, что состоялъ подъ руководствомъ фельдмаршала Румянцева и графа Салтыкова. И тотъ и другой имѣли репутацію скупыхъ людей, да притомъ, быть можетъ, они еще расчитывали втайнѣ угодить матери, не допуская сына привлекать къ себѣ въ свѣтѣ сторонниковъ.

Если не было повода подивиться щедрости великаго князя, за то всѣхъ изумила его манера кланяться. Вообще сильные міра сего, при поклонѣ, понижаютъ голову слегка, предоставляя намъ, простымъ смертнымъ, сгибаться всѣмъ туловищемъ; но, по крайней мѣрѣ, они всетаки наклоняются хоть немножко; великій-же князь поступалъ совершенно наоборотъ: онъ бросалъ взглядъ на того, кто дѣ-

---

[1]) Великій князь имѣлъ торжественный въѣздъ въ Берлинъ 21-го іюля 1776 г. Впереди ѣхали 24 почталіона, игравшіе на рожкахъ и трубахъ и 6 почтовыхъ чиновниковъ въ мундирахъ. За ними шло нѣсколько ротъ мѣщанъ, въ мундирахъ-же; за мѣщанами ѣхали три кареты, въ которыхъ находились нѣкоторые изъ прусскихъ сановниковъ; потомъ отрядъ тѣлохранителей и скороходовъ, бѣжавшихъ предъ великолѣпной каретой, гдѣ сидѣли великій князь и принцъ Генрихъ. Въ слѣдующихъ каретахъ находились фельдмаршалъ Румянцевъ, Н. И. Салтыковъ и другіе русскіе, сопровождавшіе великаго князя. Въ заключеніе, шло сто человѣкъ, составлявшихъ почетную стражу великаго князя. Лица городоваго управленія приняли пріѣхавшихъ особъ у тріумфальныхъ воротъ, у которыхъ 70 молодыхъ дѣвицъ, одѣтыхъ нимфами и пастушками, поднесли имъ стихи и гирлянду изъ цвѣтовъ. При въѣздѣ производилась пушечная пальба и играла военная музыка. Д. Р.

лалъ ему поклонъ, и тотчасъ-же вскидывалъ еще выше голову, которую вовсе и не опускалъ. Однимъ словомъ, онъ себѣ позволялъ только вторую половину поклона, такъ что движеніе это выходило у него какимъ-то повелительнымъ пріемомъ. Замѣчу еще, что говорилъ онъ очень мало и въ послѣдствіи не приходилось вспомнить ни одного слова, имъ сказаннаго [1]).

Когда онъ ѣздилъ въ Потсдамъ, Фридрихъ велѣлъ для него произвести, въ его присутствіи, военные маневры, которые были выполнены отлично. Фельдмаршалъ Румянцевъ, ради кого въ особенности хлопотали, чтобы эти маневры шли получше, казался отъ нихъ въ восторгѣ, и потомъ, желая выразить свои впечатлѣнія, сказалъ прусскимъ генераламъ:

— «Эти маневры превосходны; но мнѣ кажется, что они представляютъ подражаніе какому нибудь военному дѣлу древнихъ временъ; скажите мнѣ пожалуйста,—не Александра ли это Великаго, либо Аннибала, или Юлія Цесаря?»

Пруссаки крайне затруднились отвѣчать фельдмаршалу, не зная, какъ бы осторожнѣе и деликатнѣе объяснить ему, что маневры эти были точнымъ изображеніемъ двухъ большихъ побѣдъ самого Румянцева надъ турками во время послѣдней войны. Подражаніемъ этимъ сраженіямъ на маневрахъ Фридрихъ желалъ оказать столь-же лестное, какъ и тонкое вниманіе побѣдителю турокъ. Нечего и говорить, что это недоразумѣніе русскаго полководца вскорѣ сдѣлалось безцѣннымъ анекдотомъ для всѣхъ военныхъ пруссаковъ [2]).

---

[1]) Для сопоставленія, приведемъ тутъ-же небольшой отрывокъ изъ «Записокъ Людовика XVIII», гдѣ очерчена, также съ внѣшней стороны, личность Павла, когда онъ путешествовалъ за границей, бывъ наслѣдникомъ престола: « . . . Въ 1781 г. пожаловали къ намъ высокіе посѣтители: сынъ Екатерины II съ своей супругой. Они представились французскому двору подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ (du Nord). Этотъ принцъ, будущій императоръ Павелъ I, на кого въ послѣдствіи я имѣлъ столько поводовъ лично жаловаться, былъ замѣчательно дуренъ собою (d'une laideur remarquable), но имѣлъ довольно порядочныя манеры (ayant quelques formes polies) . . . . Его супруга, прекрасно-сложенная женщина, высокаго роста, нравилась своимъ благороднымъ и привлекательнымъ видомъ. Она тщательно таила пожирающее ее честолюбіе, зная, что Екатерина II никогда не простила бы въ ней присутствія этой страсти.—Намъ слѣдовало принять высокихъ путешественниковъ подобающимъ образомъ, но я долженъ признаться, что подобныя посѣщенія весьма обременительны для тѣхъ, кто ими удостоивается. Однакожъ, мы выполнили долгъ гостепріимства такъ, что царственные гости могли остаться довольны: они были приняты парижанами еще лучше, нежели императоръ германскій Іосифъ II». (Mémoires de Louis XVIII, Bruxelles, 1832. T. 2). Д. Р.

[2]) Если и вѣрить этому сомнительному анекдоту, то онъ невольно наводитъ на вопросъ: недоразумѣніемъ-ли, или-же ироніей вызваны переда-

Передъ отбытіемъ великаго князя во-свояси, Фридрихъ пріѣхалъ въ Берлинъ (изъ Потсдама) проститься съ нимъ; это было въ воскресный день; при дворѣ былъ большой ужинъ, на которомъ употреблялась золотая посуда. Было чрезвычайно жарко, а въ столовой залѣ набралось множество любопытныхъ, такъ что всѣ задыхались отъ духоты, и король распорядился удалить постороннихъ зрителей.

. . . .

Фридрихъ, желая щегольнуть пышностію (jouer la magnificence) передъ наслѣдникомъ россійскаго престола, не забылъ, въ то же время, своихъ правилъ строгой бережливости: онъ наиподробнѣйшимъ образомъ прослѣдилъ всѣ счеты расходовъ, сдѣланныхъ или заказанныхъ генераломъ Лентулусомъ; нашелъ ихъ преувеличенными или недостаточно вѣрными, и, послѣ того, такъ неласково принялъ этого генерала, что тотъ вскорѣ рѣшился возвратиться въ свое отечество, въ Швейцарію.

. . . .

Когда, въ ожиданіи великаго князя, оберъ-шталмейстеръ получилъ отъ короля повелѣніе исправить поскорѣе и получше старые парадные экипажи и позолоченую упряжь Фридриха Перваго, то, составивъ смѣту расходамъ на эти поправки, доложилъ государю, что они обойдутся, по крайней мѣрѣ, въ десять тысячъ талеровъ. Монархъ отвѣчалъ ему:

— «Я знаю очень хорошо, что ваше превосходительство изволите быть щедры и великолѣпны; а я, перебиваясь кое-какъ посредствомъ соблюденія экономіи, не на столько счастливъ, чтобы имѣть возможность слѣдовать вашему блестящему примѣру. Но что̀ меня отчасти успокаиваетъ, такъ это полная увѣренность, что ваше превосходительство, въ добавокъ, отмѣнно искусны и усердны къ дѣлу; а потому я и льщу себя надеждой, что вамъ благоугодно будетъ произвести всѣ нужныя исправленія за шесть тысячъ. Вотъ все, что я могу на это отпустить. Такъ значитъ, рѣшено: шесть тысячъ. Ни копѣйки больше. Но чтобъ все было хорошо и ни въ чемъ не было недостатка».

И вслѣдствіе этой насмѣшливой отповѣди, имѣвшей грозное значеніе строжайшаго приказанія, бѣдный оберъ-шталмейстеръ нашелъ

ваемыя здѣсь слова русскаго полководца. Вѣдь маневры, при самомъ отчетливомъ и картинномъ ихъ исполненіи, могли и не дать вѣрнаго изображенія румянцевскихъ побѣдъ. Невозможно допустить, чтобы умнѣйшій и даровитѣйшій изъ нашихъ генераловъ обличилъ въ этомъ случаѣ безсознательность въ своихъ дѣйствіяхъ и такую наивность, что даже не могъ догадаться въ чемъ дѣло. Скорѣе есть поводъ предположить, что онъ захотѣлъ тонкимъ образомъ дать почувствовать несходство копіи съ оригиналомъ. Д. Р.

средства сдѣлать почти за полцѣны всю работу, какая требовалась обстоятельствами.

....Въ какомъ бы исключительномъ, особенномъ положеніи ни находился великій король, онъ никогда не дѣлалъ уступокъ въ усвоенныхъ имъ принципахъ и не отклонялся отъ нихъ ни на шагъ. Напротивъ, онъ какъ будто изысканно пользовался всякимъ обстоятельствомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, чтобы въ виду его заявить еще съ бóльшею торжественностію, до какой степени онъ былъ несроденъ отступать отъ своихъ основныхъ правилъ. Такой образъ дѣйствій въ особенности примѣнялся къ его постоянной заботѣ поселить уваженіе къ законамъ, не только касающимся имущественныхъ правъ, но и относящимся къ полицейскому благоустройству.

Послѣ первой войны за Баварское наслѣдство, Франція и Россія условились, наконецъ, двинуть свои войска,—каждая держава по 50,000 человѣкъ,—противъ императора Іосифа II, если послѣдній не согласится на сдѣланныя ему предложенія. Пятьдесятъ тысячъ русскихъ расположились уже въ Польшѣ, въ готовности приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ скоро окажется нужнымъ. Эта армія долженствовала состоять подъ главнымъ начальствомъ князя Репнина, находившагося при королѣ прусскомъ, въ качествѣ уполномоченнаго на веденіе переговоровъ. Однакожъ, князь Репнинъ не имѣлъ порученія завѣдывать всѣми подробностями военныхъ дѣйствій: они были возложены на подчиненнаго ему знаменитаго Суворова (Schuwaroff), котораго я видѣлъ вскорѣ послѣ того въ Берлинѣ много разъ, и изъ устъ котораго слышалъ однажды, бывши у посланника, князя Долгорукаго, слѣдующій разсказъ:

— «Какой необыкновенный человѣкъ,—говорилъ Суворовъ,—король вашъ! Ничто его не поколеблетъ и не преклонитъ. У меня было съ нимъ замѣчательное приключеніе, при чемъ онъ просто поразилъ меня. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, я получилъ отъ императрицы депеши для доставленія королю, о которыхъ зналъ, что онѣ весьма важны и безотлагательны. Мнѣ было приказано проѣхать этотъ путь какъ можно скорѣе, да и самый предметъ моей командировки достаточно побуждалъ меня не мѣшкать ни одной минуты. Легко понять, сколько мнѣ пришлось вытерпѣть отъ медлительности почтарей въ прусскихъ владѣніяхъ. Я имъ щедро давалъ деньги и постоянно твердилъ, какъ необходимо мнѣ ѣхать скорѣе, — и что же? Я не могъ ровно ничего добиться, точно толковалъ автоматамъ. Эта бѣда дошла до послѣдней крайности, когда я проѣзжалъ Померанію, и именно въ то время,

когда все терпѣніе мое истощилось. Въ такомъ-то былъ я положеніи, какъ попался мнѣ почтарь, еще мѣшкотнѣе прочихъ; напрасно я его уговаривалъ, сулилъ ему дать побольше на водку, наконецъ, сердился и грозилъ: онъ еще пуще дѣлалъ проволочки, закуривая свою трубочку и поминутно давая отдыхать лошадямъ, да вдобавокъ сталъ и грубить. Тутъ, вышедъ изъ себя окончательно, я влѣпилъ ему тростью съ полдюжины плотныхъ ударовъ, съ обѣщаніемъ наддачи, если онъ не поѣдетъ шибче. Это средство помогло, и возница мой прибавилъ шагу, но, пріѣхавъ на слѣдующую станцію, онъ подалъ жалобу мѣстнымъ судьямъ (magistrats), которые пришли ко мнѣ, съ объявленіемъ, что, на основаніи законовъ, они обязаны меня задержать до окончанія производства дѣла, начатаго по иску этого просителя; законы-же государства безусловно воспрещаютъ проѣзжающимъ, подъ страхомъ тяжкихъ взысканій, бить почтарей, на которыхъ дано только право жаловаться мѣстному суду. Я замѣтилъ господамъ судьямъ, что если они меня остановятъ, то будутъ отвѣтственны за гибельныя послѣдствія моей задержки. Я показалъ имъ ввѣренныя мнѣ депеши, подъ императорскою печатью, на имя ихъ государя; кромѣ того, они увидали на мнѣ орденъ: все это на нихъ подѣйствовало и они пустили меня ѣхать далѣе.

«Не трудно было предвидѣть, что они непремѣнно донесутъ королю обо всемъ дѣлѣ, а такъ какъ мнѣ приходилось опередить посылку ихъ донесенія, то я рѣшился воспользоваться этимъ преимуществомъ, чтобы поскорѣй самому разсказать о моемъ приключеніи Фридриху, при первомъ же съ нимъ свиданіи. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Бреславль, я былъ позванъ къ нему и принятъ какъ нельзя лучше. Самая благосклонная и привѣтливая физіономія, величайшая вѣжливость, выраженія лестнаго вниманія и удовольствія видѣть меня,—вотъ что́ встрѣтило и ободрило меня сначала. При вопросѣ: «благополучно ли вы ѣхали?» (Avez-vous fait un heureux voyage?), я разсказалъ ему, вкратцѣ, какимъ образомъ почтари,—особенно въ Помераніи,—выводили меня изъ всякаго терпѣнія, и какъ грубость одного изъ нихъ довела меня до крайности ударить его,—чѣмъ, однакожъ, сдѣлана ему больше острастка, нежели нанесена боль; далѣе разсказалъ я, какъ мѣстные судьи на слѣдующей станціи, удостовѣрившись въ моей необходимости спѣшно ѣхать, чтобы своевременно явиться для принятія и исполненія повелѣній его величества короля, рѣшились не препятствовать продолженію моего пути... Съ первыхъ же словъ моего разсказа, я увидѣлъ передъ собой совершенно иного человѣка; никогда въ театрѣ сигнальный свистокъ не производитъ такой быстрой и противоположной перемѣны декораціи.

Этотъ человѣкъ преобразился мгновенно въ серьезно-внимательнаго, холоднаго и строгаго слушателя; онъ неподвижно и безмолвно выслушалъ меня до конца, и, когда я кончилъ, онъ ледянымъ тономъ произнесъ только эти немногія слова: «господинъ генералъ, вы весьма счастливо отдѣлались» (Monsieur le général, vous avez été fort heureux). И затѣмъ онъ поспѣшилъ заговорить о другомъ, причемъ, мало по малу, вновь принялъ на себя прежній видъ пріятнаго собесѣдника. Скажу вамъ, господа, что никогда не понялъ я такъ хорошо, какъ въ этомъ случаѣ, что̀ значитъ и чѣмъ долженъ быть государь, достойный управлять народами, всегда проникнутый сознаніемъ своихъ обязанностей и неуклонный въ поддержкѣ общественнаго порядка и законовъ. Пусть почты въ его странѣ устроены въ самомъ дѣлѣ неудобно для путешественниковъ,—а всетаки, въ ожиданіи, пока не послѣдуетъ правильнаго измѣненія ихъ къ лучшему законодательнымъ путемъ,—дотолѣ онъ обязанъ не оставлять установленнымъ покровительствомъ своихъ почтарей, такъ какъ отнюдь не въ нихъ лично кроется причина зла. Преобразовывайте, улучшайте ваши учрежденія, если это нужно и возможно для васъ; но, до тѣхъ поръ, умѣйте заставить чтить дѣйствующіе законы. Затѣмъ, не могу уже сказать, что̀ онъ отвѣчалъ своимъ судьямъ, потому что я болѣе не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ».

Суворову казалось тогда (около 1779 г.) лѣтъ сорокъ съ небольшимъ [1]). Это былъ маленькій человѣчекъ, довольно крѣпкій, сухощавый, но не тощій, вѣчно подвижной и юркій. На моемъ вѣку я никого не видывалъ, кто былъ бы такъ стремителенъ, какъ онъ (prompt), во взглядахъ, словахъ и движеніяхъ. Казалось, онъ ощущалъ потребность дѣлать одновременно тысячу дѣлъ, переносясь, какъ молнія, отъ предмета къ предмету, или отъ одной мысли къ другой. Мнѣ иногда сдавалось, что я гляжу на помѣшаннаго, да и сами русскіе сознавали, вмѣстѣ со мной, что, по крайней мѣрѣ, онъ слишкомъ страненъ, хотя, впрочемъ, всѣ они, вообще, твердо стояли на убѣжденіи, что это одинъ изъ храбрѣйшихъ и искуснѣйшихъ полководцевъ въ мірѣ. Въ послѣдствіи, я не былъ удивленъ съ его стороны ни повѣшеніемъ двѣнадцати тысячъ поляковъ (!!!) за мужественное противодѣйствіе раздѣлу Польши (?!!!), ни оригинальною и доблестною ролью, какую игралъ онъ въ Италіи и Швейцаріи, сражаясь съ французами за австрійцевъ, противъ которыхъ такъ охотно готовился къ бою, за-одно съ французами, двадцать лѣтъ тому назадъ.

---

[1]) Суворовъ родился въ 1729 г., слѣдовательно, въ 1779 г. имѣлъ ровно 50 лѣтъ отъ роду. Д. Р.

V.

Воспоминанія о нѣкоторыхъ событіяхъ Семилѣтней войны.—Принцъ Генрихъ прусскій. — Его двукратное путешествіе въ Петербургъ. — Политическіе его виды.—Дипломатія прусскаго кабинета при Фридрихѣ II.—Неожиданность раздѣла Польши.—Выпускъ фальшивой монеты изъ Пруссіи и принятыя по этому случаю мѣры Екатериною II.—Королева шведская Ульрика.—Ея воспоминанія о дѣйствіяхъ русскаго посланника. — Принцъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, волонтеръ русской арміи.

Въ Семилѣтнюю войну, русскіе, овладѣвъ Пруссіею, внесли туда всѣ опустошительныя бѣдствія войны: и необычайные поборы, и грабежи, и пожары; страна подверглась жестокому разворенію и дикому произволу. Фридрихъ имѣлъ съ непріятелемъ много битвъ, страшно кровопролитныхъ, и въ одной изъ нихъ [1]) взялъ въ плѣнъ нѣсколько значительнѣйшихъ генераловъ, въ томъ числѣ и Григорія Чернышева, бывшаго въ послѣдствіи военнымъ министромъ [2]). Вечеромъ плѣнниковъ представили королю, съ слѣдущимъ докладомъ: «гг. русскіе генералы». Тогда Фридрихъ, взглянувъ на нихъ съ негодованіемъ, сказалъ: «Русскіе генералы? Скажите лучше—варвары-зажигатели!» И съ этими словами повернулся къ нимъ спиной.

Нѣсколько лѣтъ спустя, тѣ же самые генералы, возвращенные при размѣнѣ плѣнныхъ, находились во главѣ русской арміи, когда воцарился Петръ III. По смерти этого государя, Екатерина II послала своимъ войскамъ приказъ возвратиться въ Россію и принять нейтральное положеніе. Тутъ у Фридриха было свиданіе съ тѣми военачальниками, съ которыми прежде онъ обошелся такъ дурно. Теперь онъ бесѣдовалъ съ ними цѣлый часъ, безъ шляпы, съ непокрытой головой на солнечномъ жару, и въ этомъ разговорѣ, всевозможными любезностями, просьбами, обѣщаніями и, безъ сомнѣнія, убѣдительновѣскими доводами, добился отъ нихъ, чтобы они подержали въ тайнѣ до завтрашняго дня полученный ими приказъ о возвращеніи въ свои предѣлы. Тогда онъ вступилъ въ сраженіе съ австрійцами,

---

[1]) Битва при Цорндорфѣ, 14-го августа 1758 г. Русскими командовалъ графъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ, въ послѣдствіи служившій губернаторомъ въ Смоленскѣ, съ 1763 по 1770 г. Умеръ въ 1771 г.

[2]) Не Григорія, а Захара Григорьевича Чернышева, тогда генералъ-поручика, а въ послѣдствіи фельдмаршала (род. 1772, ум. 1784 г.). Вмѣстѣ съ нимъ попали въ плѣнъ генералы: Салтыковъ, Мантейфель, Сулковскій и бригадиры: Тизенгаузенъ и Сиверсъ. См. «Записки Болотова», изданныя «Русскою Стариной», т. I, стр. 790—792. Д. Р.

сосредоточивъ противъ нихъ всѣ свои силы и обезпечившись тѣмъ, что лѣвый его флангъ былъ прикрытъ русскою арміей, которая собственно не участвовала въ сраженіи, но стояла въ боевомъ порядкѣ. Австрійцы же, ничего не зная о полученномъ изъ Петербурга распоряженіи и опасаясь всего со стороны русскихъ, готовыхъ къ дѣлу, не смѣли въ виду ихъ предпринять никакихъ наступательныхъ движеній, вслѣдствіе чего были разбиты королемъ, который одержалъ надъ ними полную побѣду,—выигранную благодаря невѣдѣнію побѣжденныхъ, вѣроломству свидѣтелей боя, удалившихся только на другой день, и ловкой изворотливости побѣдителя. За то генералъ Григорій (Захаръ?) Чернышевъ, этотъ варваръ-зажигатель, получилъ въ даръ отъ его величества великолѣпную шпагу, украшенную бриліантами, которую онъ свято хранилъ всю свою жизнь. Русскіе военачальники не подпали въ Петербургѣ обвиненію въ ослушаніи, потому что Екатерина II, прочитавъ переписку Фридриха съ Петромъ III [1]), совершенно разувѣрилась на счетъ перваго: она думала прежде, что король прусскій относился, по крайней мѣрѣ, безучастно къ поступкамъ, какіе она испытывала или могла ожидать отъ своего мужа; но прочитанныя ею письма доказали, что, напротивъ, король не пропускалъ ни одного случая смягчать и успокаивать Петра, своего восторженнаго почитателя, и всегда отзывался о ней какъ нельзя лучше. Этой-то умѣренности Фридриха и мудрой его прозорливости слѣдуетъ приписать нейтралитетъ, принятый Екатериною почти вслѣдъ за высказанными-было ею намѣреніями возобновить враждебную политику императрицы Елисаветы относительно Пруссіи.

Когда въ продолженіе Семилѣтней войны русскіе вступили въ Берлинъ, то эти «зажигатели» (какъ называлъ ихъ Фридрихъ II) выказали въ себѣ гораздо болѣе дисциплины, умѣренности и менѣе варварства, чѣмъ австрійцы. Очень многимъ семействамъ, — въ особенности по рекомендаціи знаменитаго Эйлера [2]),—дана была охранная стража; поборы взимались въ возможно-ограниченномъ размѣрѣ; общественныя сооруженія и памятники оставлены неприкосновенными. Былъ даже случай, что за какую-то недобросовѣстную продѣлку

---

[1]) Эта чрезвычайно интересная переписка впервые обнародована въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., томъ III.

[2]) Леонгардъ Эйлеръ, славный математикъ, членъ академій наукъ: парижской, лондонской, берлинской и петербургской. Онъ прожилъ въ Берлинѣ двадцать пять лѣтъ, а потомъ переселился въ Петербургъ, гдѣ потерялъ зрѣніе, и умеръ на 77-мъ году отъ роду. Родился въ Базелѣ въ 1707 г., ум. въ 1783 году. Д. Р.

(friponnerie) русское начальство распорядилось подвергнуть полковаго священника или попа тѣлесному наказанію, публично, причемъ завѣдывавшій экзекуціею генералъ почтительно поцѣловалъ ему руку передъ началомъ и по окончаніи экзекуціи.

Принцъ Генрихъ, второй братъ Фридриха II [1]), два раза ѣздилъ въ Петербургъ [2]), по важнымъ и весьма-секретнымъ тогда политическимъ видамъ: Пруссія желала пріобрѣсти себѣ шведскую Померанію (за которую предоставляла равный участокъ въ Финляндіи) и Мекленбургъ, за Вестфалію и Гельдернъ; кромѣ того, хотѣла обмѣна: Лузаціи на Аншпахъ и Барейтъ, небольшой части Богеміи, что̀ съ правой стороны р. Эльбы, на часть Польши и, наконецъ, домогалась городовъ Данцига, Торна и Эльбинга съ ихъ территоріей.

Есть основаніе заключить, что первый раздѣлъ Польши былъ предложенъ принцемъ Генрихомъ; но онъ отнюдь не хотѣлъ окончательнаго ея уничтоженія и открыто порицалъ второй и даже послѣдній раздѣлъ этого королевства.

..... Политическія соображенія, возбуждавшія его противъ всеобщаго раздробленія Польши, внушали ему особенный планъ; онъ расчитывалъ, что возможно было бы поставить это государство въ положеніе надежнаго передоваго оплота противъ Россіи, Австріи и Турціи, въ случаѣ надобности, и видѣлъ въ Польшѣ весьма полезнаго союзника для Пруссіи, Швеціи и Даніи. Таковы были тайныя причины, по которымъ онъ никогда не могъ простить, во первыхъ,—своему брату Фридриху II противодѣйствія къ возведенію его, Генриха, на польскій престолъ; а во вторыхъ,—племяннику своему, королю Фридриху-Вильгельму II, послѣдняго раздѣла Польши.

..... Изъ всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, берлинскій, при Фридрихѣ II, отличался скрытностью, бдительною внимательностью къ ходу дѣлъ, предусмотрительностью и ловкостью. Спокойный съ виду король былъ, въ сущности, неустанно-дѣятеленъ; непроницаемый для

---

[1]) Фридрихъ-Генрихъ-Людвигъ, принцъ прусскій, род. въ 1726 г. умеръ въ 1802 г. Онъ былъ изъ лучшихъ боевыхъ сподвижниковъ своего геніальнаго брата, но личныя между тѣмъ и другимъ отношенія не отличались особенною короткостію. Генрихъ былъ притязательно-самолюбивъ, угрюмъ и чрезвычайно непривлекателенъ наружностію. Впрочемъ, авторъ этихъ воспоминаній, пользовавшійся его вниманіемъ, постоянно отзывается о немъ въ хвалебномъ смыслѣ.

[2]) Съ октября 1770 г. по январь 1771 г., и съ половины апрѣля по іюль 1776 года. Д. Р.

другихъ, онъ умѣлъ разгадывать всѣхъ. Не смотря на общераспространившееся мнѣніе о крайней тонкости Фридриха, а слѣдовательно, и о необходимости относиться недовѣрчиво къ его замысламъ,—ему всегда удавалось застигнуть врасплохъ другихъ. Отчасти можно судить о томъ по первому раздѣлу Польши. Фридрихъ началъ съ того, что распустилъ слухъ, будто бы тамъ появилась чума и что, для огражденія Пруссіи отъ заразы, границы должны быть оцѣплены военнымъ кордономъ. Эта выдумка обманула рѣшительно всѣхъ,— по крайней мѣрѣ, въ Берлинѣ, гдѣ всѣ горожане запасались уксусомъ четырехъ разбойниковъ. Удивленіе было всеобщее, когда мнимый кордонъ оказался арміею, которая, въ двухдневный переходъ, заняла области, долженствовавшія отойти на долю Пруссіи. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Людовикъ-де-Роганъ [1]), писалъ своему двору, что этотъ раздѣлъ Польши просто небывальщина; герцогъ д'Эгильонъ (duc d'Aiguillon), министръ иностранныхъ дѣлъ въ Версали, утверждалъ то же самое пока, наконецъ, раздѣлъ не осуществился фактически, очевидно для всѣхъ, съ объявленіемъ о томъ самому версальскому кабинету.

Интересно одно обстоятельство: Фридрихъ II, имѣя постоянно карту Польши передъ глазами когда онъ соображалъ ея раздѣлъ между тремя державами, оставилъ по смерти своей эту карту разложенною на томъ-же столѣ, въ собственной библіотекѣ. На ней были проведены линіи перомъ и карандашомъ, для обозначенія границъ, какъ уже опредѣлившихся при раздѣлѣ, такъ, по видимому, и вновь предполагаемыхъ. Этотъ раскрытый атласъ намекалъ на задуманный проектъ новаго передѣла, или показывалъ, что дѣло признано совсѣмъ поконченнымъ: можно думать двояко. Какъ бы ни было, а это обстоятельство и множество подобныхъ обнаруживаютъ, что Фридрихъ мало заботился о мнѣніи общественномъ относительно совершившихся событій.

Въ царствованіе Фридриха II были случаи выпуска фальшивой монеты, и одинъ изъ нихъ произошелъ уже въ мирное время, долго спустя послѣ Семилѣтней войны. Эта поддѣлка монеты, въ мнѣніи публики, слыла дѣломъ самого короля, т. е. послѣдствіемъ его распоряженія. Я не берусь утверждать чего навѣрно не знаю, а только разскажу о происшедшемъ и о толкахъ по этому поводу... Въ дѣлѣ, о которомъ говорю, главнымъ агентомъ является нѣкто Гальсеръ

---

[1]) Rohan-Guémené (Louis-René-Edouard), кардиналъ,—тотъ самый, который извѣстенъ несчастнымъ дѣломъ объ ожерельѣ, купленномъ, будто-бы, для королевы Маріи-Антуанеты. Род. 1734 г., ум. въ 1802 г. Д. Р.

(Galser), одинъ изъ старшихъ секретарей собственной канцеляріи. короля . . . .

. . . .

Передъ первымъ раздѣломъ Польши, Гальсеръ заказалъ тайно сдѣлать милліоновъ на пятнадцать дукатовъ, съ примѣсью недоброкачественной лигатуры на цѣлую треть вѣса. Сбытъ выдѣланной такимъ образомъ монеты былъ порученъ сыну извѣстнаго мастера по этой части, еврею Ефраиму, который отправился въ Польшу, окруживъ себя щегольской обстановкой, подъ именемъ совѣтника Симониса (le conseiller de Simonis). Тамъ онъ дѣлалъ громадныя закупки зерноваго хлѣба, драгоцѣнныхъ камней, золота и серебра,— все на наличныя деньги, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣлъ спустить привезенные съ собой милліоны [1]). Поляки скоро убѣдились, что обмануты на третью часть цѣнности всѣхъ полученныхъ ими платежей, и, въ свою очередь, рѣшились такимъ же способомъ сбыть поддѣльную монету далѣе, къ своимъ сосѣдямъ, русскимъ, расплачиваясь ею за купленные у нихъ товары. Къ несчастію, въ Россіи скоро открыли поддѣлку, возбудившую громкія жалобы обманутыхъ. Жалобы эти дошли до Екатерины II; она велѣла дознать дѣло и безъ труда добралась до первоначальнаго виновника всей операціи,— совѣтника Симониса; послѣднее обстоятельство навело ее на слѣдъ, давъ возможность догадаться, чьимъ именно орудіемъ былъ этотъ господинъ. Тогда императрица распорядилась объявить своимъ подданнымъ, что имѣющіеся у нихъ поддѣльные дукаты будутъ принимаемы въ казенныхъ кассахъ, съ размѣномъ на настоящіе, а Фридриху сообщила обо всемъ этомъ, потребовавъ, чтобы его прусское величество, подъ опасеніемъ весьма серьезныхъ послѣдствій, соблаговолилъ взять назадъ всѣ фальшивыя деньги прусскаго издѣлія, попавшія въ Россію, и размѣнять на монету, употребительную въ торговлѣ. Я не долженъ умолчать передъ читателями, что всѣ вышеизложенные и нижеслѣдующіе факты переданы мнѣ и засвидѣтельствованы друзьями и покровителями г. Гальсера, а потому, съ ихъ же словъ, скажу еще, что Фридрихъ, получивъ депешу отъ Екатерины II, позвалъ къ себѣ Гальсера и сказалъ ему:

— «Вы сдѣлали очень неудачное дѣло по фабрикаціи дукатовъ; по-

[1]) Дѣйствительно, великій Фридрихъ не погнушался ремесломъ дѣлателя фальшивой монеты и, въ ноябрѣ 1771 г., выпустилъ порядочное количество ея въ Польшу (два милліона флориновъ) черезъ евреевъ, съ цѣлію найти въ этой операціи способы къ дешевому содержанію своихъ войскъ, введенныхъ туда предъ первымъ раздѣломъ (см. депешу Сальдерна, въ «Исторіи паденія Польши» соч. С. М. Соловьева, стр. 139). Д. Р.

смотрите что́ пишетъ ко мнѣ о томъ русская императрица. Можете быть увѣрены, что я не навлеку на себя войны изъ-за этой исторіи. И такъ, я приму дукаты, которые мнѣ возвратятъ, по нарицательной ихъ стоимости. Но, сверхъ того, мнѣ остается увѣрить императрицу, что самъ я тутъ ровно не при чемъ; а для этого у меня нѣтъ иного средства, какъ объявить, что фальшивыя деньги вы смастерили безъ моего вѣдома и что за это вы будете мною наказаны, заключеніемъ въ крѣпость Шпандау».

Говорятъ, выслушавъ такое предложеніе, Гальсеръ не соглашался быть опозореннымъ, но его величество прогнѣвался, далъ ему сапогами нѣсколько пинковъ по ногамъ и велѣлъ тотчасъ же засадить его въ крѣпость. Замѣчательно при томъ, что король тутъ же отдалъ строжайшія приказанія о принятіи охранительныхъ мѣръ для сбереженія въ цѣлости имущества бывшаго своего секретаря: его дома, мебели, а въ особенности шестерки великолѣпнѣйшихъ лошадей, считавшихся лучшими во всемъ государствѣ и превосходившихъ лошадей самого короля. Года чрезъ полтора, Гальсеръ былъ выпущенъ изъ крѣпости; ему возвратили все, что ему принадлежало, и назначили мѣстомъ пребыванія одну деревню вблизи Мекленбурга,—можетъ быть, ту, гдѣ онъ родился, но, по крайней мѣрѣ, ту самую, гдѣ жилъ его братъ, въ званіи пастора.. По смерти Фридриха, Гальсеръ получилъ болѣе свободы и, кажется, былъ даже употребляемъ по секретнымъ правительственнымъ порученіямъ.

Сестра Фридриха II, вдовствующая королева шведская Ульрика, прогостила въ Берлинѣ мѣсяцевъ девять. Я часто удостоивался быть въ числѣ приглашаемыхъ ею особъ.

Однажды она разсказывала мнѣ про всѣ интриги иностранныхъ посланниковъ въ Стокгольмѣ во время ея царствованія,—въ особенности же посланниковъ англійскаго и русскаго. Интриги эти затѣяны были съ цѣлію поселить внутри Швеціи разладъ, рознь и смуту для ослабленія государства. Не то обстоятельство раздражало королеву Ульрику, что дипломаты домогались всячески вредить: «они ужъ для этого и были присланы (говорила мнѣ она), — стало быть, такой образъ дѣйствій входилъ въ ихъ обязанность; но, по мнѣнію королевы, пуще всего заслуживалъ негодованія выборъ средствъ, какія они употребляли, особенно представитель Россіи. Англійскій посланникъ всетаки еще соблюдалъ нѣкоторую благопристойность въ своихъ дѣйствіяхъ; правда, онъ пускалъ въ ходъ клеветы собствен-

наго или чужаго изобрѣтенія, но, по крайней мѣрѣ, чтилъ принятыя формы, обычаи и тонъ общества, тогда какъ посланникъ русскій не зналъ въ этомъ случаѣ никакихъ для себя предѣловъ и не стѣснялся ни приличіемъ, ни стыдомъ: онъ сѣялъ свои козни даже въ самыхъ низшихъ слояхъ черни, распространялъ въ этой средѣ вопіющія нелѣпости и самъ обѣгалъ грязнѣйшія харчевни, чтобъ распускать тамъ мерзостные слухи и толки, совершенно ложные и неправдоподобные». Могу положительно сказать, что королева Ульрика питала отъявленную ненависть къ этому русскому дипломату, имя котораго я забылъ, но знаю, что онъ находился очень долго въ Швеціи, прежде чѣмъ королева пріѣхала въ Берлинъ [1]).

Племянникъ короля по матери, принцъ Вильгельмъ Брауншвейгскій, попавшій въ немилость Фридриха [2]), тяготившійся гарнизонной службой въ провинціи, искалъ удобнаго случая выйти изъ этого положенія. Такой случай представился, когда возникла новая война между Россіей и Турціей. Онъ ходатайствовалъ о дозволеніи служить волонтеромъ подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцева, на что и получилъ разрѣшеніе.

. . . . . Въ двухъ большихъ битвахъ, гдѣ Румянцевъ нанесъ

---

[1]) Королева Ульрика, супруга короля шведскаго Адольфа-Фридриха, царствовавшаго съ 1751 по 1771 г., особенно памятна учрежденіемъ въ Стокгольмѣ академіи изящной словесности, въ 1753 году. Внутреннее разъединеніе въ Швеціи, о которомъ здѣсь приведенъ разсказъ этой королевы, явилось послѣдствіемъ борьбы двухъ политическихъ партій, извѣстныхъ въ исторіи подъ названіемъ шляпъ и шапокъ. Обѣ были подъ сильнымъ вліяніемъ представителей иностранныхъ державъ. Первая партія, аристократическая, пользовалась поддержкой Россіи, а вторая, королевская,—Франціи. Крамолы этихъ партій повергли Швецію почти въ состояніе анархіи, прекращенной государственнымъ переворотомъ, который произведенъ былъ королемъ Густавомъ III въ 1772 году.

Русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Адольфѣ-Фридрихѣ и его преемникѣ былъ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, съ 1760 г. по 1774 г., послѣ чего получилъ званіе вице-канцлера. Онъ род. 1723 г., ум. 18-го апрѣля 1811 года, на 89-мъ г., сенаторомъ, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Имѣлъ ордена: Александровскій, Андреевскій и Владимірскій (1-й степени).

[2]) Онъ и братъ его, принцъ Фридрихъ-Августъ, были сыновья сестры Фридриха, герцогини Брауншвейгской, и состояли въ военной службѣ. На ихъ родной сестрѣ женился наслѣдный принцъ прусскій, племянникъ короля, Фридрихъ Вильгельмъ; но этотъ бракъ не былъ счастливъ и расторгнутъ по требованію мужа. Принцъ Вильгельмъ за сестру свою безвинно навлекъ на себя неудовольствіе Фридриха II, чѣмъ былъ сильно потрясенъ. Д. Р.

туркамъ рѣшительное пораженіе [1]), принцъ Вильгельмъ изъ первыхъ стремился въ самый пылъ боя, въ головѣ передовой колонны русскихъ гренадеровъ. Ежеминутно подвергаясь опасности быть убитымъ, онъ даже не былъ раненъ. Въ эти долгіе и трудные два дня онъ покрылъ себя блескомъ славы, но не радовался и даже какъ будто тяготился ею. Душевная его тоска не разсѣялась, а усталость даже увеличила ее, истощеніемъ силъ. Черезъ два дня послѣ втораго изъ этихъ сраженій, у него сдѣлалось воспаленіе, которое произвело смертельную жабу (une esquinance violente), быстро уложившую его въ гробъ, не смотря на всѣ врачебныя пособія .... Фридрихъ II выразилъ глубокое сожалѣніе о безвременной кончинѣ этого доблестнаго и даровитаго принца.

Перев. и сообщ. въ 1874 г. Д. Д. Рябининъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Конечно, при Ларгѣ и Кагулѣ, 8-го и 21-го іюля 1770 г. Д. Р.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... ....ВА

IV [1]).

Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.

1819 г.

Въ концѣ 1817 года, приказъ главнаго командира Кронштадта вызвалъ лейтенанта и двухъ мичмановъ, желающихъ служить въ Охотскѣ. Что касается меня, я обдумалъ и рѣшилъ: въ Кронштадтѣ очень нехорошо, такъ много офицеровъ, чтобы попасть въ походъ, надобна протекція. Содержаніе слишкомъ бѣдно, жить едва можно. Можетъ быть, и въ Охотскѣ нехорошо; если я не найду тамъ лучшаго, то увижу новое—всетаки выигрываю! Эта посылка глубокаго и мудраго размышленія рѣшила: ѣду!

Узнаю, объявили желаніе до сорока человѣкъ! трудно надѣяться на счастье. У меня былъ дядя Бунинъ; тогда онъ былъ знаменитость во флотѣ, онъ всю службу былъ адъютантомъ адмирала Ханыкова и былъ дорогимъ другомъ—всего флота. О немъ современемъ разскажу, а теперь упомяну, что онъ единственный учредитель клуба въ Кронштадтѣ; клубъ, празднуя день своего учрежденія, и до сего времени не забываетъ выпить за здоровье Ивана Петровича Бунина. Жизнь въ Кронштадтѣ такъ была нехороша, что еслибъ была экспедиція въ адъ, то много бы нашлось охотниковъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 98—117.

Я обратился къ дядѣ, прося его содѣйствія. Оказались избранниками: я, товарищъ мой по выпуску Повалишинъ и лейтенантъ Вороновъ. Съ нами отправлялись 25 человѣкъ матросъ—тоже охотниковъ, да два пожилые штурмана—классическіе пьяницы.

Получа полугодовое жалованье и прогоны, въ началѣ лѣта пустились мы въ неизвѣстную тогда страну. Не было ни одного служащаго, возвратившагося изъ Охотска. Охотскъ, Камчатка—тогда были настоящія terra incognita. Для экономіи, мы купили большую повозку и умѣстились трое.

Описать наше долгое путешествіе—пришлось бы описать Россію 60 лѣтъ назадъ, но съ этимъ не совладать мнѣ; взглядъ, понятія юноши-моряка не были подготовлены къ тому. Могу сказать, что насъ вездѣ ласкали, по городамъ отлично кормили, чуть получше городъ—танцы, вездѣ упрашивали погостить. Не разъ я слышалъ на вечерахъ, какъ старухи говорили: «какіе молоденькіе, а за что-то ѣдутъ въ далекую ссылку». По три матроса ѣхали на подводѣ въ одну лошадь, а крестьяне давали каждому по парѣ и благодарили, если матросы сами правятъ: пора была рабочая. Крестьяне, узнавъ въ какую далекую сторону ѣдемъ, отказывались отъ прогонныхъ, кормили возможно лучшимъ образомъ и не припомню, чтобы хотя разъ согласились взять деньги; говорили: «такой далекій путь, вамъ, голубчики, придется нужду терпѣть; Христосъ съ вами, помоги вамъ Богъ, мы дома въ теплѣ». Кланялись, провожая, бабы совали матросамъ лепешки, яица, дарили полотенца, на рубашку. Добра и ласкова тогда была Россія!

Пріѣхали мы въ Омскъ. Знаю, теперь тамъ пребываніе генералъ-губернатора Западной Сибири, но таковъ ли Омскъ теперь—не знаю; разскажу каковъ онъ былъ тогда.

На рѣкѣ Омѣ и Иртышѣ, на краю киргизскихъ степей, была крѣпость съ очень высокимъ землянымъ валомъ: это и былъ Омскъ. Въ крѣпости сосредоточивались всѣ управленія корпусной квартиры, всего сибирскаго войска; тутъ жилъ и корпусный командиръ Глазенапъ, который передъ нашимъ пріѣздомъ умеръ; его скромный домъ и былъ нашею квартирою. Комендантомъ былъ полковникъ Ивановъ; онъ и его семейство, можно сказать, были единственные вполнѣ цивилизованные люди по петербургски. Полковникъ Ивановъ всю свою службу былъ адъютантомъ при генералъ-губернаторахъ; онъ и семейство его были ласковы, при-

вѣтливы; въ первый же день, я сталъ другомъ его и его семьи Вмѣсто Глазенапа, управлялъ корпусомъ генералъ баронъ Клодъ фонъ-Югенсбургъ, уже пожилой, добрый, но страшный флегматикъ; я ему понравился, онъ самъ повелъ меня знакомить съ знаменитостями: генералъ-аудиторомъ, интендантомъ и проч.; онъ вводилъ меня даже въ комнаты дѣвицъ-дочерей. Каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ, что всѣ комнатки дѣвицъ окнами на высоко огороженный дворъ; въ окнахъ толстыя желѣзныя рѣшетки, въ комнату одна только дверь изъ спальни родителей— вотъ настоящая Азія! Баронъ, вводя меня къ дѣвицамъ, надѣвалъ на глаза отломокъ желѣзки съ дырочкою—это, видите ли, былъ самъ амуръ! Въ первый же день, милый комендантъ жаловался, что въ крѣпости частые поджоги. Я спросилъ его, ѣздитъ ли онъ по карауламъ? Онъ пренаивно спросилъ: «за чѣмъ это?» Я объявилъ ему, что онъ можетъ попасть подъ судъ. Оказалось, что онъ не понималъ даже слова «рундъ». Я былъ мудрецомъ передъ нимъ. Совѣтовалъ ѣздить, объяснилъ порядки; онъ упросилъ меня поѣхать съ нимъ. Часовыхъ вездѣ много, но все дремлетъ, отставивъ ружье, и что же? мы нашли горѣвшую головешку очень недалеко отъ пороховаго магазина. Хотя опасности быть не могло и можно думать, что головешка была куда-то несена и брошена— заслышавъ шумъ. Комендантъ обнималъ и благодарилъ меня. Учредили патрули и поджоги прекратились. Такая патріархальность службы не могла не остаться у меня въ памяти. Форштадтъ при крѣпости былъ большой, тамъ жилъ атаманъ линейныхъ казаковъ Броневскій. На другой же день, онъ пригласилъ насъ на балъ. Молодыхъ дамъ и барышень было много, но кавалеровъ танцующихъ мало. Казацкихъ офицеровъ было много и на подборъ красавцы, стройные молодцы, любаго въ натурщики скульптору; комендантъ мнѣ сказалъ, что всѣ они хорошаго поведенія, но малограмотны и для общества не годятся; ихъ дѣлаютъ офицерами для красоты фронта. Я видѣлъ фронтъ казаковъ—это богатыри и красивы, что за люди, что за кони! Танцовали только экосезъ, да кругъ съ шеномъ и крестомъ. Въ первый же балъ, мы стали львами, научили матрадуръ, тампедъ, кадриль съ вальсомъ и даже котильонъ. Начались балъ за баломъ каждый день. Мы ввели, что мужчины не садятся ужинать, а ходятъ, занимая и служа дамамъ. Хорошенькихъ замѣчательно много. дамъ и дѣвицъ, молодыя, скоро

знакомятся. Хорошенькая барышня, развитѣе другихъ, особенно мнѣ нравилась; я уговорилъ ее сѣсть близко музыкантовъ и напѣвалъ ей, стоя за стуломъ. Она испуганно говоритъ: «отойдите, маменька грозится». Старуха, сухая, длинная, съ другаго конца стола, грозитъ сердито предлиннымъ пальцемъ. Я бросился къ старухѣ и притворился увѣреннымъ, что она звала меня пальцемъ. Старуха, чиновная, сконфузилась, увѣряла, что это она—Глафирѣ, но болѣе не грозила. Вотъ какая была Азія въ Омскѣ. Насъ просто не отпускали, насъ ласкали, матросъ кормили; но всему бываетъ конецъ; поѣхали, провожали насъ чуть ни всѣ. Верстахъ въ трехъ, спускаясь въ оврагъ, лошади понесли, повозка наша опрокинулась, мы разлетѣлись; но матросъ, сидѣвшій на козлахъ, оказался со сломанной ключицей. Судьба вернула насъ въ Омскъ. Опять праздники.—Не помню чрезъ сколько дней, ночью, бѣжалъ я отъ гнавшихся за мною двухъ солдатъ съ ружьями и кто-то кричалъ: «убей его, я отвѣчаю!» Бѣгать я не имѣлъ себѣ равнаго, солдатъ я не могъ бояться, я былъ переодѣтъ, меня не узнали; выбѣжалъ я на валъ и забавлялся надъ запыхавшимися солдатами, но пришлось плохо мнѣ: неожиданно на валу, изъ будки, вышелъ часовой навстрѣчу. Въ такомъ критическомъ положеніи, я рѣшился соскочить съ вала. Правда, въ корпусѣ, за булку, я много разъ скакалъ съ галлереи втораго этажа на дворъ, но это было не выше трехъ саженъ, а валъ былъ высотою до пяти саженъ. Разсуждать было некогда, я изъ ближайшей амбразуры, держась руками, спустился по валу, носками сапоговъ успѣлъ выбить ямки—всетаки уменьшилъ высоту вала. Подбѣжали солдаты; прочитавъ молитву, оттолкнулся и сдѣлалъ прыжокъ. Упалъ на ноги, песокъ, большая путаная трава, скоро опомнился—цѣлъ! Слышу, солдаты кричатъ: «тутъ тебѣ и карачунъ проклятому!» я всталъ и пошелъ, солдаты заговорили: «да это шайтанъ, бѣсъ!» Я обошелъ валъ, вошелъ въ вороты и легъ спать. Поутру говоръ въ Омскѣ: кто? какъ? что? и проч. Полагаю, никто не спроситъ, по какой причинѣ я попалъ въ такое происшествіе? Любовь, содержательница міра, душа чувствительныхъ сердецъ! Послѣ обѣда, комендантъ сказалъ мнѣ, что онъ все знаетъ. Запираться передъ другомъ не слѣдовало. «Вы забыли, что здѣсь Азія?»—Я думаю, что здѣсь Россія!—«Нѣтъ, здѣсь Азія, и я за вашу жизнь не ручаюсь».—Мнѣ кажется, вы увеличиваете.—«Нѣтъ, я знаю Омскъ. А вотъ что,

одно средство: вотъ вамъ курьерская подорожная до Иркутска, соберитесь скорѣй, поѣдемъ прогуляться за крѣпость, тамъ сядете на курьерскую, у меня все подготовлено. Съ семействомъ прощаться не нужно».

Такъ я и укатилъ изъ Омска одинъ. Въ Иркутскѣ получилъ отъ коменданта коротенькое письмо: «въ твоемъ тюфякѣ и въ сдѣланной вмѣсто тебя куклѣ, въ ту же ночь, сдѣлано пять ранъ ножами». Вотъ она, Азія! Надѣюсь, теперь Омскъ сталъ европейскимъ городомъ и желѣзныя рѣшетки улетучились.

Въ Иркутскѣ, прямо пріѣхалъ въ адмиралтейство; начальникомъ былъ лейтенантъ Кутыгинъ, холостой; онъ былъ старше меня лѣтъ на десять, личность уважаемая и любимая всѣмъ городомъ; онъ принялъ меня какъ родной и обращался со мною какъ съ сыномъ; видя во мнѣ мало-опытнаго юношу, онъ просто приказывалъ, что мнѣ дѣлать. Тогда во флотѣ былъ духъ: для флотскаго офицера былъ государь, потомъ адмиралъ, и больше старшаго начальства не было; все остальное, попавши на корабль, подчиняется командиру, хотя бы лейтенанту. Поэтому, когда Кутыгинъ предложилъ мнѣ явиться къ гражданскому губернатору Трескину, я находилъ это униженіемъ, но поѣхалъ.

Что такое былъ Трескинъ въ Иркутскѣ, теперь трудно разсказать, а еще труднѣе вѣрить. Николай Иванычъ Трескинъ былъ губернаторомъ 14 лѣтъ въ Иркутскѣ, но какимъ губернаторомъ? Теперь трудно имѣть понятіе. Въ текущемъ столѣтіи, называютъ властителемъ Наполеона I; по моему, онъ былъ неограниченная власть въ войскѣ—при успѣхѣ, а власть гражданская ограничивалась законами. Трескинъ и законы—были синонимы, болѣе: былъ только Трескинъ, а законы были далеко, далеко! По праздникамъ, Николай Иванычъ дозволялъ дамамъ цѣловать свою руку; изъ мужчинъ допускались къ рукѣ только старшіе чины и первогильдейцы. Всѣ дамы цѣловали ручки у его супруги и у дочерей. Разсказовъ о деспотической власти Трескина множество и едва вѣроятныхъ, но вѣрныхъ. Жалобы не доходили до Питера, а если рѣдкая и прорывалась, то для того, чтобы не повторяться.

13 лѣтъ былъ генералъ-губернаторомъ Пестель, былъ ли онъ въ Иркутскѣ—не знаю. Разсказывали, по какому случаю былъ

посланъ Сперанскій. Государь обѣдалъ у извѣстнаго тогда остряка Нарышкина; государь обратился къ Нарышкину: «графъ (онъ всегда называлъ графомъ), временемъ я чувствую необходимость въ очкахъ, но не рѣшаюсь». Нарышкинъ отвѣчалъ: «я знаю удивительныя очки!»—«У кого?» Нарышкинъ всталъ и, указывая рукою черезъ столъ, сказалъ: «в..о..н..ъ у Пестеля: онъ 13 лѣтъ живетъ здѣсь и видитъ все въ Сибири!» Говорятъ, эта шутка, а вѣроятнѣе жалобы, слухи—рѣшили послать пензенскаго губернатора Сперанскаго въ Сибирь генералъ-губернаторомъ. Когда я пріѣхалъ въ Иркутскъ, передо мною (29-го августа 1819 года) пріѣхалъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Трескинъ все еще былъ нетронутый, цѣльный Трескинъ: онъ не вѣрилъ. что бы безъ него могла существовать Иркутская губернія.

Часовъ въ 9 утромъ, пріѣхалъ я къ Трескину. Большая прихожая полна служебнаго люда: два казацкихъ и два полицейскіе офицера, казаки, полицейскіе, да два дежурныхъ чиновника. Тишина. Вхожу въ большое зало—три печи и пять дверей. У глухой стѣны, на разъ назначенныхъ мѣстахъ, стоятъ чиновники съ бумагами; остававшіяся пустыя мѣста около печекъ подходящіе занимали; по видимому, каждый имѣлъ назначенное ему мѣсто. Тишина во всемъ домѣ совершенная, кажется, ни одинъ чиновникъ не пошевелилъ ногой. Я вошелъ и сѣлъ около окна и столика. Не могъ не замѣтить, что на меня значительно поглядывали чиновники; я полагалъ, что имъ въ диковинку чужой человѣкъ, да еще морякъ. Послѣ узналъ—ихъ изумляла моя дерзость, что я сѣлъ. Вошелъ молодчина кавалеристъ, это—комендантъ полковникъ Цейдлеръ съ рапортомъ, осмотрѣлся и сѣлъ около меня. Послѣ я узналъ, что комендантъ осмѣлился первый разъ сѣсть у Трескина и, вѣроятно, ему неловко было стоять, когда сидитъ юноша. Болѣе часу мы сидѣли и очень тихо говорили, а чиновники продолжали стоять, каменные. Замѣтилъ я, что комендантъ не сводитъ глазъ съ маленькой двери. Растворилась эта маленькая дверь, комендантъ быстро вскочилъ, а я заглядѣлся. да и было на что: представьте себѣ, въ отворенную дверь выдвигаютъ мраморную бѣлую статую! Это былъ его превосходительство губернаторъ Трескинъ. Какъ снѣгъ бѣлый колпакъ, изъ-подъ колпака длинные бѣлые волосы, рубашка съ стоячимъ воротникомъ, безъ галстука, какъ снѣгъ бѣлый халатъ, подпоясан-

ный бѣлымъ кушакомъ, изъ-подъ халата внизу видно нижнее бѣлье, чулки и мягкія туфли безъ задковъ. Трескинъ не шелъ, а двигался скользя туфлями. Минуя коменданта, который, рапортуя, называлъ ваше превосходительство, Трескинъ, не слушая, подошелъ прямо ко мнѣ:

— «А ты уже сѣлъ?»

— Съ дороги, ваше превосходительство.

— «Гдѣ ты учился?»

— У дьячка на мѣдныя деньги (Думаю: видишь мундиръ).

— «Сколько у тебя денегъ?»

— Императорское третное въ карманѣ.

Трескинъ взялъ меня за руку и вывелъ на средину залы; держитъ и говоритъ:

— «Не велика птичка, да носокъ остеръ!»

— Къ вашимъ услугамъ, ваше превосходительство.

— «Сколько у тебя душъ?»

— Одна своя, но прекрасная, имѣю честь рекомендовать.

Трескинъ обернулся къ чиновнику и сказалъ: «отведи его къ дѣтямъ».

Въ одну изъ дверей, я пошелъ за чиновникомъ; онъ передалъ меня лакею, который и привелъ меня къ дѣтямъ. Кажется, помню: три взрослыхъ дѣвицы: Юлія—совершенный монголъ, Софія—китайка, хоть на картинку чайнаго ящика: маленькая, нѣжная, съ мягкими движеніями, съ прекрасной кожей и китайскими глазками. Третьей не помню имени—русская. Каждая изъ нихъ сидѣла за пяльцами. Я поклонился, а онѣ и не взглянули; я молча осмотрѣлъ ихъ работы—молчатъ. Одна уронила клубокъ, я бросился поднимать, но, по кадетски, соразмѣрилъ стукнуться головой. «Какъ это вѣжливо!»—Вамъ не должно было безпокоиться, моя обязанность служить вамъ.—«Не нужны ваши услуги!» Думаю, врете, дѣвчаты. Хвалю работы—молчатъ. Критикую—молчатъ. Русская пошла въ комодъ, смотрю,—три перегородки ящика полнешеньки конфектъ. Я быстро и обѣими руками схватилъ по полной горсти; русская закричала: «это что? разбойникъ!» Сестры вскочили—за мной, я на софу, на столъ—въ дверяхъ молча стоитъ самъ Трескинъ и смотритъ съ недоумѣніемъ. Сестры жалуются на меня, я жалуюсь на дѣвицъ и, стоя на столѣ, ѣмъ конфекты. Трескинъ расхохотался и ушелъ, а мы помирились и познакомились. Мир-

но и весело наболтавшись съ дочерьми, пошелъ откланяться отцу; старикъ любезно приказалъ мнѣ обѣдать у него въ 2 часа.

До обѣда, я былъ у коменданта—прекрасная личность, доброе и почтенное нѣмецкое семейство; нѣсколько гостей, разговоръ шелъ о моемъ представленіи Трескину. Кто-то сказалъ мнѣ, что опасно шутить съ Трескинымъ. Я отвѣчалъ: Трескинъ не адмиралъ, мы съ нимъ равны, а попадетъ ко мнѣ на корабль, то будетъ подъ моей командой.

Послѣ я узналъ, что мое представленіе Трескину и разговоръ съ нимъ ходили по городу съ прибавленіями, а такой скандалъ у дочерей былъ невообразимъ для иркутянъ въ домѣ Трескина.

Въ два часа, за обѣдомъ, Трескинъ былъ въ томъ-же нарядѣ, въ какомъ дѣлалъ пріемъ. Кромѣ дѣтей, было человѣкъ пять немолодыхъ чиновниковъ; они были дѣйствующія лица безъ словъ и рѣчей. Я, какъ молодой, ѣлъ за двоихъ, а говорилъ со старикомъ и дочерьми—за всѣхъ. Помню, не упускалъ случая пошутить надъ его беззубою старостію, что очень забавляло его. Старикъ хотѣлъ знать всѣ подробности о фамильныхъ дѣлахъ моихъ, о службѣ, о причинѣ поѣздки, о будущихъ цѣляхъ. Я былъ откровененъ и болтливъ. Я старику понравился и онъ сказалъ: «глядя на него, я давно такъ не ѣлъ; приходи ко мнѣ, какъ можешь чаще, обѣдать». Послѣ обѣда дочери пригласили къ себѣ и угощали на-славу сладкимъ. Зоветъ старикъ; онъ лежалъ въ кабинетѣ на софѣ, далъ мнѣ какую-то книгу: «читай». Какая-то нравственная скука, я началъ читать съ толкомъ, съ разстановкой. Старикъ вскочилъ: «ты не умѣешь лучше читать? Читай скорѣй!» Я замололъ какъ дьячекъ. Старикъ былъ доволенъ. Оказалось, что эта старая голова еще съ такимъ пылкимъ воображеніемъ, что, при медленномъ чтеніи, у него толпятся въ головѣ свои идеи и онъ не можетъ слѣдить за чтеніемъ внимательно. Безтолковое и быстрое мое чтеніе онъ очень хвалилъ.

Я не знаю, чѣмъ былъ прежде Трескинъ—не любопытствовалъ, но почему-то думается, что онъ давнишній чиновникъ Иркутска. Трескинъ, безъ сомнѣнія, былъ умный дѣлецъ, дѣятельность его была изумительна. Полиція, земскіе суды, палаты—онъ или его власть была все! Онъ зналъ все и распоряжался

всѣмъ; онъ зналъ подробно всю частную жизнь Иркутска. Трескинъ былъ деспотъ безграничный! Но мнѣ случилось прочитать немного бумагъ его въ Питеръ къ Пестелю: тамъ онъ скроменъ, добръ, скорбѣлъ о людскихъ слабостяхъ и тяготился обязанностію исправлять падшихъ. Трескинъ былъ страшный корыстолюбецъ, его считали въ десяткахъ милліоновъ, но удивительно то, что вообще мало жаловались на его взяточничество: это мнѣ объясняли тѣмъ, что онъ бралъ, но и умѣлъ дать средство наживать. Я не засталъ жены его живою, о ней тоже не переслушать разсказовъ. Если Трескинъ властвовалъ головою, она властвовала сердцемъ надъ всѣми мужчинами—безъ оппозиціи. Трескинъ въ дѣла жены не мѣшался. Послѣдняго ею избраннаго я хорошо зналъ, его звали Иванъ Ефимычъ Кузнецовъ, а весь Иркутскъ звалъ его королемъ. Дѣйствительно, это былъ рѣдкій красавецъ, его я сравнивалъ съ павлиномъ; говорилъ онъ очень дурно, грубо на о, уродливыхъ провинціализмовъ пропасть. Жена Трескина возвращалась съ королемъ Кузнецовымъ изъ-за Байкала; поѣхали кругомъ Байкала, дорога адская, такою и останется—гора на горѣ и очень высоки. На этотъ разъ, лошади понесли съ большой горы; губернаторша рѣшилась выскочить изъ кареты, попала платьемъ въ колеса и ее буквально разорвало. Король усидѣлъ и спасся.

Трескинъ, какъ медаль, имѣлъ двѣ стороны; сказавши объ одной, надобно сказать и о другой сторонѣ. Мнѣ казалось, Трескинъ не былъ золъ и жестокъ, но, какъ власть, былъ очень строгъ: всѣ полиціи были доведены до совершенства и за то въ Иркутской губерніи не было ни грабежей, ни воровства; я сотни примѣровъ слышалъ: проѣзжій, забывшій въ домѣ крестьянина кошелекъ, часы, бумаги, непремѣнно былъ догоняемъ и получалъ забытое. Дороги, мосты были превосходны, деревни чисты; судя по наружности домовъ, крестьяне были зажиточны; скота, лошадей много; пятнадцать, двадцать троекъ стояли при въѣздѣ въ деревню, платили четыре копѣйки на тройку за версту. Иркутскъ былъ очень опрятный городъ и много хорошихъ домовъ. О преступленіяхъ въ городѣ не было слышно.

12 лѣтъ спустя, я нашелъ: убійства, грабежи, воровство, шайки разбойниковъ близъ города. Села, деревни по наружности очень обѣднѣли; если чего и не забудете, то у васъ укра-

дутъ все, что можно; дороги, мосты очень дурны. Я объясняю такую разницу тѣмъ, что Трескинъ былъ законъ, а Лавинскій повиновался закону. Шесть или семь лѣтъ шайка грабила и убивала. Иванъ Яковлевичъ Козловъ (знакомый по солеваренному заводу) распорядился удачно поймать знаменитаго красавца и храбреца атамана Александрова, который поклялся убить Козлова. Атаманъ никогда не измѣнялъ данному слову. По жалобѣ Козлова, Лавинскій потребовалъ дѣло, ему привезли на двухъ возахъ. Лавинскій не пожалѣлъ русскихъ непечатныхъ словъ, а на послѣдней страницѣ написалъ: «Четырехъ главныхъ наказать кнутомъ нещадно». Артистъ-палачъ Буяновъ каждаго убилъ съ четырехъ ударовъ. Лавинскій получилъ строгій выговоръ и послѣдовало общее распоряженіе: въ приговорахъ, слово нещадно—не употреблять. При мнѣ и на моихъ глазахъ, въ теченіи четырехъ часовъ, въ городѣ Иркутскѣ, днемъ, убили: крестьянина, двухъ женщинъ и дѣвушку, послѣднюю—въ пяти шагахъ отъ меня, на главной улицѣ, человѣкъ—незнающій дѣвушки; но это особая исторія, я былъ слѣдователемъ по просьбѣ Лавинскаго. Когда нибудь разскажу объ этихъ убійствахъ. Вотъ какъ измѣнился цѣлый край—всего въ 12 только лѣтъ!

О Сперанскомъ въ Иркутскѣ мало что было слышно, онъ какъ будто ничего не дѣлалъ. Сперанскій занималъ домъ «короля» Кузнецова. Домъ деревянный, большой—оконъ въ 9, а, можетъ въ 11, на восточномъ краю города, ближайшій къ адмиралтейству. На другой день послѣ Трескина, я явился Михаилу Михайловичу. Изъ прихожей, гдѣ были: казацкій офицеръ, казакъ и полицейскій солдатъ, вхожу въ большую залу—пестрая толпа: буряты, крестьяне, тунгусы. Сперанскій въ форменномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы; онъ говорилъ съ крестьяниномъ, а чиновникъ записывалъ. Только я вошелъ, Сперанскій обратился ко мнѣ, и когда я назвалъ себя, онъ спросилъ:

— «Давно пріѣхали?»

— Только вчера.

— «Куда ѣдете?»

— Въ Охотскъ.

— «Одни?»

— Съ командой, она еще не прибыла.

— «Повеселитесь здѣсь, въ Охотскѣ соскучитесь».

Поклонъ. Разница съ Трескинымъ и въ обстановкѣ и въ пріемѣ.

Портретовъ Сперанскаго очень много и всѣ похожи, только я не видалъ ни одного портрета съ глазами Сперанскаго: есть предметы недоступные для живописи! Такихъ глазъ, какъ у Сперанскаго, я другихъ не встрѣчалъ, не возьмусь и приблизительно описать ихъ. Могу сказать только: глаза Сперанскаго я ни разу не видалъ измѣняющимися—всегда, постоянно тихи, спокойны, ласковы; они не прищурены, но и не открыты, не вызывающіе и не уклоняющіеся—умъ, душа и сердце помѣстились въ этихъ глазахъ! Живопись безсильна! Увѣренъ, что со смертію этихъ глазъ, другихъ такихъ глазъ не осталось; не видавшіе выраженія глазъ Сперанскаго—не составятъ себѣ понятія о прелести оригинальнаго выраженія ихъ! Сперанскій былъ выше средняго роста, сухощавъ, правильно сложенъ. Оригинальный, голый, большой черепъ—очень къ нему шелъ. Правильныя черты всегда покойнаго, добраго лица были привлекательны, голосъ тихій—будто подъ сурдинкой, говорилъ медленно и, казалось, всегда откровенно. Говорилъ мало, будто по необходимости; смѣха не слыхалъ, а улыбка—весьма часто, всегда скромная, очень пріятная. При такой особѣ, провинціальные чины закутывались въ молчаніе, а пріѣхавшіе съ нимъ, знавшіе его добрую снисходительность—болтали, шутили не стѣсняясь, какъ-бы въ его отсутствіе; онъ даже любилъ говорливость другихъ за обѣдомъ, но безъ его участія въ разговорѣ.

День Сперанскаго былъ расчитанъ по табели—не отступая. Утро просителямъ, не много работы, заданной канцеляріи съ вечера, долгая прогулка на открытомъ воздухѣ. Сколько разъ встрѣчалъ я его одного въ—20°,—25° R.: холодная поношеная шинель, на голой головѣ сафьянный черный картузъ, вверху четыреугольный—настоящая конфедератка: Картузъ на шелковой подкладкѣ—и ему не холодно! Ходилъ тихо, размѣренно—какъ говорилъ. Прогулка—недалеко отъ дома и на небольшомъ пространствѣ. Сперанскій никогда не отказывался отъ приглашенія на обѣдъ; тогда онъ былъ въ мундирномъ фракѣ. Орденовъ на немъ никогда не видалъ. Званные обѣды были очень часты и часто я обѣдалъ вмѣстѣ.

Первый обѣдъ, на которомъ я былъ съ Сперанскимъ—это парадный обѣдъ у Трескина; на этомъ обѣдѣ я видѣлъ Сперанскаго въ мундирѣ и въ бѣлыхъ брюкахъ съ золотыми лампасами—только одинъ разъ и видѣлъ Сперанскаго въ мундирѣ. Даже самъ Николай Ивановичъ Трескинъ былъ въ мѣшковатомъ вице-мундирѣ. Манеры Сперанскаго на обѣдѣ были тѣ же, что и на обѣдѣ у купца. Послѣ обѣда Сперанскій вынулъ золотую коробку въ родѣ папиросницы, досталъ изъ нея черную пилюлю и проглотилъ—это было въ гостиной. Недолгая бесѣда послѣ обѣда и если есть дамы, то преимущественно съ дамами, и уѣзжалъ. Послѣ обѣда немного чтенія, въ сумерки ходилъ по залѣ до темноты. При огнѣ принимался за бумаги и, кажется, это время было временемъ усиленной работы. Въ праздники, купцы давали балы въ домѣ ратуши. Сперанскій постоянно посѣщалъ, говорилъ съ дамами, кажется, особенно отличалъ жену коменданта Луизу Ивановну и жену полковника Нараевскаго Наталію Карповну: послѣдняя была красавица. Я, товарищъ мой Повалишинъ, племянникъ Сперанскаго Вейкартъ и какой-то чиновникъ постоянно составляли кадриль. Сперанскій постоянно смотрѣлъ на нашъ танецъ и, кажется, его занимала наша молодая рѣзвость. Тѣмъ и оканчивался его балъ.

Разсказовъ по городу ходило множество о Сперанскомъ; каждое его слово, кажется, каждое его движеніе замѣчалось и повторялось въ публикѣ. Терпѣніе его съ просителями было неистощимо. Однажды, надѣлало много говору: монголъ-бурятъ жаловался, что исправникъ Волошинъ вызвалъ его въ Иркутскъ, въ его отсутствіе забрались въ его юрту волки и собаки, утащили говядину и боговъ. Просилъ взыскать съ исправника убытки. Сперанскій отказалъ. Бурятъ пришелъ другой разъ съ той же просьбой—получилъ отказъ. Пришелъ третій разъ. Сперанскій назвалъ его глупымъ и приказалъ вывести. Это происшествіе сильно удивило всѣхъ, говору было много! Изъ этого можно заключить, какимъ терпѣніемъ обладалъ Сперанскій.

Иркутскъ зналъ, что̀ Сперанскій сказалъ, гдѣ былъ—малѣйшія подробности не ускользали отъ общества, но не было ни одного слова о томъ, что дѣлалъ въ кабинетѣ и дѣлалъ ли что нибудь, готовилось-ли, или не готовилось въ будущемъ для Сибири? Это будущее было непроницаемо, не было даже догадокъ. Три

секретаря Сперанскаго были люди бойкіе, не отказывались отъ удовольствія и даже очень, но о дѣлахъ ни полслова! Всѣ знали, что Цейеръ—правая рука Сперанскаго по бумагамъ. Цейеръ, маленькаго роста, сухенькой, съ большимъ носомъ, въ очкахъ, съ торопливою походкою—не ручаюсь есть ли у него голосъ? Часто видѣлъ его, но положительно не помню, чтобы онъ выговорилъ хотя одно слово. Цейеръ, статскій совѣтникъ, вѣчно съ бумагами подъ мышкою и бѣжитъ, либо къ Сперанскому, либо отъ него. На обѣдахъ, балахъ, Цейеръ почти не бывалъ. Былъ и правитель канцеляріи (Иванъ Ивановичъ Шклаpевскій), но всѣ знали, что онъ носитъ только званіе; Сперанскій не употреблялъ его. Сперанскій былъ чрезвычайно доступенъ, но нельзя было не замѣтить—служащіе при немъ были совершенно свободны внѣ службы, но никогда ни одинъ не приближался къ нему.

На одномъ изъ обѣдовъ, мнѣ пришлось сѣсть противъ капитана путей сообщенія; онъ спросилъ меня:

— «По какой причинѣ морская служба называется смоленая?»

— По той же, по которой служба на канавахъ называется—грязная служба.

— «Вы ходили въ морѣ?»

— Да, я четыре лѣта служилъ на корабляхъ.

— «Вы такъ рано начали службу походами?»

— Мы всѣ привыкаемъ смолоду.

— «Скучная ваша служба?»

— Почему такъ? это неправда, мы всѣ любимъ быть въ морѣ.

— «На корабляхъ не бываетъ дамъ?»

— Не бываетъ. Онѣ только бы мѣшали, на кораблѣ для нихъ нѣтъ времени и мѣста.

— «Признайтесь, первый походъ былъ для васъ страшенъ?»

— Можетъ быть, бываютъ трусы, но такіе переходятъ въ другія службы; изъ моихъ товарищей перешли двое въ вѣдомство путей сообщенія, ихъ никто не держитъ.

— «Моряки очень серьезны и строги».

— Моряки никогда никого не затрогиваютъ.

Это было недалеко отъ Сперанскаго; я на концѣ непріятнаго разговора замѣтилъ, что онъ внимательно слушаетъ и улыбается; я прекратилъ отвѣчать, считая продолжать неприличнымъ.

После обѣда, капитанъ подошелъ ко мнѣ и рекомендовался: Гаврило Степанычъ Батенковъ. Я сказалъ о себѣ.

— «Извините, я, можетъ быть, сказалъ вамъ что нибудь непріятное?»

— Извините, я отвѣчалъ вамъ какъ умѣлъ.

Онъ взялъ меня за руки, просилъ быть знакомымъ.

— «А на счетъ разговора прошу васъ, не стѣсняйтесь, браните меня сколько угодно; кромѣ благодарности, отъ меня ничего не будетъ. Михаилъ Михайловичъ очень любитъ когда я говорю за обѣдомъ, а эти господа (указывая на иркутскихъ чиновниковъ) всякою малостью обижаются, говорить съ ними невозможно. Вы такъ добры и умны, дали мнѣ возможность поддержать разговоръ. Надѣюсь, мы будемъ пріятелями, будемъ садиться противъ и вы выведете меня изъ затрудненія».

На другой день, Батенковъ пріѣзжалъ ко мнѣ, потомъ я бывалъ у него очень часто. Мы подружились.

Батенковъ былъ довольно большаго роста, сухощавъ, брюнетъ, съ золотыми очками, по близорукости; въ фигурѣ его ничего не было замѣчательнаго, но ротъ и устройство губъ поражали своею особенностію. Губы его не выражали ни злости, ни улыбки, но такъ и ожидаешь—вотъ-вотъ услышишь насмѣшку, сарказмъ. Даръ говорить о чемъ угодно занимательно, весело, и говорить цѣлые часы—эта способность была изумительна! Готовность его на отвѣты и возраженія не имѣла равнаго. Батенковъ былъ незлобиваго, добрѣйшаго сердца. Ученость его была замѣчательна, онъ очень легко и много писалъ стиховъ; я много читалъ его басень, но и тутъ—только сатира и сарказмъ, болѣе на извѣстныя лица и нравы. О Батенковѣ я знаю только изъ случайныхъ его разсказовъ; онъ началъ службу въ артиллеріи. Въ 1812-мъ году, ему съ товарищемъ дали по двѣ пушки, приказали защищать мостъ и не уходить.

— «Мы стрѣляли, французы валились; мы стрѣляли, а французы падали и приближались; французы были близко; товарищъ, чтобы спасти пушки, отъѣхалъ; у меня оставались только два канонира, я самъ приложилъ фитиль и отъ удара упалъ; меня проходящіе французы кололи, но мнѣ не было больно, но когда штыкъ попалъ мнѣ подъ чашку колѣна, я потерялъ память. Очнулся я въ палаткѣ, лежатъ раненые французы: я былъ въ плѣну.

Вмѣстѣ съ другими, я былъ отправленъ на югъ Франціи, гдѣ и вылечился отъ 18-ти ранъ. Когда наши взяли Парижъ и мы, плѣнные, получили свободу, я явился въ главный штабъ. Тамъ мнѣ сказали, что Батенковъ убитъ и исключенъ изъ списковъ, требовали документовъ. Какіе документы я могъ представить? Я назвалъ батарею, въ которой служилъ; нашлось только два канонира, которые остались живы; узнавъ меня, засвидѣтельствовали, что я ихъ поручикъ».

— А что было съ вашимъ ушедшимъ товарищемъ?

— «Кутузовъ смотрѣлъ въ трубу съ холма; товарища судили и приговорили за ослушаніе разстрѣлять. Кутузовъ разжаловалъ его въ солдаты, онъ убитъ».

— Какъ же вы попали въ путей сообщенія?

— «Раны меня безпокоили въ ненастье, да и надоѣла мнѣ фронтовая служба; я написалъ въ управленіе путей сообщенія: если желаютъ имѣть хорошаго офицера, то я согласенъ служить».

— Будто бы такъ и написали?

— «Право такъ, у насъ въ Россіи худо просить, искать; иди законнымъ порядкомъ—тысячи затрудненій, проволочки».

— Ну, а какъ же сюда попали?

— «Хотѣлось посмотрѣть Сибирь. Сперанскій, познакомившись, вмѣсто моей обязанности, далъ мнѣ работу: составить новое положеніе о ссыльныхъ. Много собралъ свѣдѣній—путаницы, противорѣчій пропасть; надобно прежде привести къ одному знаменателю и потомъ составить что нибудь цѣлое».

Я съ Батенковымъ каждый день становился дружнѣе; за обѣдами онъ вострился надо мною; если удавалось, и я платилъ ему тѣмъ же. Въ то время и до сего часа, я имѣю природное отвращеніе ко всякому вину; за здоровье Сперанскаго, вмѣсто шампанскаго, я пилъ превосходный медъ; отъ двухъ бокаловъ меда выходилъ изъ-за стола красненькій. Это замѣчалъ Сперанскій; видя мою дружбу съ Батенковымъ, разъ говоритъ ему:

— Пріятель вашъ молодошка-морякъ, можетъ быть, неглупый юноша, но что̀ значитъ среда: такъ молодъ, а уже становится пьяницей.

Батенковъ расхохотался и сказалъ: «вотъ какъ иногда высокостоящіе дѣлаютъ ошибочныя заключенія о маленькихъ. Мой пріятель-морякъ еще въ жизни не пробовалъ никакого вина,

онъ и за ваше здоровье пьетъ медъ, а не шампанское, а что онъ краснѣетъ—виновата юность».

Сперанскій смѣялся надъ своею ошибкою и добавилъ, что онъ желалъ бы почаще сознаваться въ такихъ ошибкахъ.

Батенковъ былъ старше меня лѣтъ на десять, но онъ такъ былъ уменъ и умѣлъ сдѣлать, что я не чувствовалъ этой разницы. Однажды, въ сумерки, между интересными его разсказами, онъ сказалъ мнѣ, что у нихъ есть кагалъ, что у нихъ ходятъ свои почты и что всѣхъ своихъ членовъ кагала они имѣютъ средства быстро двигать къ повышенію по службѣ. «Хочешь, я запишу тебя въ члены?»

— Какая цѣль кагала?

— «Этого я не могу сказать тебѣ: это тайна!»

Я не думавши отвѣчалъ: По моему, Гаврило Степанычъ, гдѣ тайна, тамъ—нечисто!

Мы болѣе не говорили объ этомъ. Я теперь ясно помню: я отвѣчалъ Батенкову безъ всякаго сознательнаго намѣренія, вовсе не обдумавъ. Это время было щегольство фразъ и готовности резонно отвѣчать противорѣча. Въ послѣдствіи оказалось, что 1819-го года называвшійся кагалъ—послѣ было общество 14-го декабря! Не сорвись тогда съ языка глупая фраза, попади я въ списокъ—другимъ бы путемъ пошла вся жизнь моя! Батенковъ не желалъ мнѣ сдѣлать зла, онъ желалъ сдѣлать мнѣ добро, потому что самъ былъ членомъ сильнаго кагала.

Послѣ разговоровъ моихъ съ Сперанскимъ, о чемъ потомъ разскажу, буду продолжать о Батенковѣ что̀ только знаю о немъ. Сперанскій, черезъ Батенкова, предложилъ мнѣ перейти служить къ нему; вотъ слова Сперанскаго:

— «Скажите ему, пусть лучше начинаетъ служить съ головы! Жизнь въ дикой сторонѣ, безъ общества, можетъ очерствить его».

Я отвѣчалъ, что я только и знаю морскую науку, для нея только учился семь лѣтъ и увѣренъ, что я недурной морской офицеръ. Штатская служба мнѣ неизвѣстна; мнѣ надобно учиться вновь—поздно, можетъ быть, и не выучусь; отъ флота отстану, а къ штатскимъ не пристану; кромѣ того, я страстно люблю морскую жизнь. Пусть будетъ какъ будетъ! Благодарю и вѣчно не

забуду милостиваго вниманія ко мнѣ Михаила Михайловича—остаюсь во флотѣ! Хорошо ли я сдѣлалъ, худо ли—не знаю!

Судьба послѣ запрягла меня въ штатскую—совладалъ!

Пришло время ѣхать изъ Иркутска; прощаясь съ Батенковымъ, онъ съ большимъ чувствомъ проводилъ меня, взялъ съ меня слово писать къ нему по пріѣздѣ въ Охотскъ и что я найду тамъ, что я и исполнилъ. Батенковъ писалъ ко мнѣ прекрасныя письма, полныя веселости, какъ будто хотѣлъ утѣшить меня въ дикомъ одиночествѣ. Помню одно письмо изъ Питера: онъ просилъ меня наблюсти и точно объяснить: когда прибываетъ другая вода въ рѣку, то вливается она по дну или по поверхности? Наблюсти было легко тамъ, гдѣ каждыя сутки морской приливъ возвышаетъ воду въ рѣкѣ отъ 10-ти до 12-ти футъ. Я получилъ отъ Батенкова писемъ пять и отвѣчалъ. Когда же дошло до насъ извѣстіе о катастрофѣ 14-го декабря, я вспомнилъ о кагалѣ и не сомнѣвался, что это одно и то же тайное общество; очень боялся за свои письма, хотя тамъ и тѣни не было преступныхъ идей, но въ такихъ случаяхъ во всемъ вина. Читая слѣдствіе и судъ, я успокоился: вѣроятно, Батенковъ уничтожилъ всѣ бумаги.

Будучи начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, я употребилъ возможное стараніе узнать гдѣ Батенковъ? Въ Восточной Сибири его не было. Нашелъ случай навести справки въ Западной—и тамъ не было моего Гаврилы!

Въ 1819 году, въ Иркутскѣ, были особенно дружны: Батенковъ, докторъ Валтеръ и Гедельштромъ. О послѣднемъ послѣ. Между сказанными друзьями, если я не былъ другомъ существительнымъ, то хотя прилагательнымъ, но всетаки былъ очень близкимъ.

Чтобы не забыть: Батенковъ не употреблялъ табаку, не игралъ въ карты и почти не пилъ вина.

Въ 1832 году, является ко мнѣ изъ Питера Гедельштромъ. Матвѣй Матвѣичъ! какими судьбами? Оказалось, что онъ пріѣхалъ при жандармскомъ полковникѣ Килченскомъ, которому поручено было составить статистику всей Сибири. Говоря между нами, ловкій полковникъ составить никакой статистики не могъ, для того и взялъ ученаго Гедельштрома, а самъ исполнялъ другое порученіе. Но это къ разсказу не идетъ. Дѣло было къ обѣду.

Гедельштромъ любилъ выпить, даже и очень; я угостилъ его препорядочно любимой его наливкой съ облѣпихой. Послѣ обѣда, въ гостиной, я упросилъ его разсказать мнѣ подробно, что онъ знаетъ о нашемъ дорогомъ Гаврилѣ? Гедельштромъ приказалъ мнѣ запереть двери гостиной и сосѣднихъ комнатъ, и вотъ что разсказалъ:

— «Послѣ 14-го декабря, Батенковъ оставался недѣли двѣ на свободѣ. Былъ онъ на вечерѣ у вагенмейстера Соломки, стоялъ въ залѣ опершись у стола; гдѣ бы ни былъ Гаврилю, его всегда окружала толпа слушателей. Сказали: пріѣхалъ фельдъегерь! Батенковъ спокойнымъ голосомъ сказалъ: «господа, прощайте, это за мной!» Фельдъегерь увезъ Батенкова. Я зналъ, что Гаврило посаженъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ видѣться съ нимъ не было средствъ. Узнаю, что Гаврило въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ Гаврилой, такъ хотѣлось, что я покоя не зналъ. Какъ ни обдумывалъ, видѣлъ одну невозможность. Подружился я съ капитаномъ Преображенскаго полка; онъ съ ротою ходилъ карауломъ въ крѣпость. Въ минуты откровенности, я высказалъ ему страстное свое желаніе повидаться съ Гаврилой. Долго мы судили и рядили—средствъ не находилось. Придумалъ я—хоть бы побывать въ крѣпости, все ближе къ цѣли. Капитанъ предложилъ взять меня деньщикомъ, я охотно согласился. Но до цѣли далеко! Однажды, шутя проектировалъ капитанъ: «вотъ бы тебѣ одѣться преображенскимъ солдатомъ, стать бы тебѣ на часы въ коридоръ казематовъ, ты могъ бы видѣться цѣлый часъ». Отъ шутливаго предложенія дошло до осуществленія. Добрый капитанъ рѣшился, а я радъ пуститься на все!—лишь повидаться. Приготовилъ я себѣ солдатскій мундиръ, обстригся и въ одинъ изъ карауловъ капитана пошелъ съ нимъ деньщикомъ. Около полночи, я былъ солдатомъ и лежалъ между спящими солдатами. По крику унтера: смѣна внутреннихъ! я взялъ ружье и сталъ съ другими».

Я взглянулъ на Гедельштрома и, видя пожилаго и порядочно полнаго мужчину, не могъ безъ смѣха вообразить его солдатомъ.

— Да какъ же не узналъ васъ унтеръ?

— «Въ караульномъ домѣ полусвѣтъ отъ закопченной лампы, да и все сонное, только проснулись. Привели меня въ длинный коридоръ, тоже же ярко освѣщенный. Порядку смѣны часоваго

научилъ капитанъ, сталъ я на часы. Ружье къ стѣнѣ, дверей нѣсколько, но въ которыхъ Гаврило? Въ каждой двери стеклышко, закрытое снаружи, двери заперты крѣпкими засовами н аружи. Поднимаю закрышку стекла, внутри ночникъ освѣщалъ казематъ. Въ одномъ казематѣ, вижу сидитъ на кровати высокій, тонкій, сѣдой—не Гаврила ли? отодвинулъ засовъ, отворилъ и спросилъ: Гаврило?

Всталъ сухой старикъ и, вмѣсто отвѣта, спросилъ: «кто теперь на престолѣ царствуетъ?»

Я отвѣчалъ: Николай.

— «Чей сынъ?»

— Внукъ Екатерины, сынъ Павла. А вы кто?

— «Я Шушеринъ».

«Я заперъ казематъ и нашелъ Гаврилу. Мы обнялись, говорили вмѣстѣ, Гаврило разсказалъ: «Въ Шлиссельбургѣ было несносно. Удалось написать къ моей невѣстѣ, приказалъ чертенку сходить къ Сперанскому и просить о переводѣ меня въ Петропавловскую крѣпость. Перевели—по болѣзни. Я написалъ письмо къ государю—полное раскаянія, и просилъ помилованія. Заболѣлъ я нервной горячкой. Пріѣзжалъ штабъ-докторъ. Пришелъ въ себя и чувствую приближеніе смерти. Гадко мнѣ показалось, что я малодушно лгалъ, просилъ прощенія и раскаявался. Я потребовалъ священника и продиктовалъ, что я не хочу умереть и унести съ собою подлую ложь. Раскаяніе и просьба о прощеніи—ложь! пусть не вѣритъ государь, никто изъ нашихъ виновныхъ не попроситъ прощенія, а если и будетъ прощенъ, то не отстанетъ отъ начатаго дѣла.—Я выздоровѣлъ и остался на-вѣчно живымъ въ этомъ гробѣ! Найди мою невѣсту, она въ нуждѣ, помоги ей, сколько можешь. Я притворился сумасшедшимъ, думалъ попаду въ сумасшедшій домъ, тамъ всетаки люди». Заслышали хлопнувшія двери: это смѣна. Простились, поплакали, заперъ казематъ и взялъ ружье, смѣнился. Повторить было невозможно, капитанъ увѣрялъ, что онъ много выстрадалъ въ этотъ часъ. Нашелъ бывшую невѣсту Гаврилы, она ...., жила безъ нужды; я подарилъ ей 100 руб. отъ имени Гаврилы; она очень плакала, вспоминая о Гаврилѣ».

— Гдѣ она живетъ?

— «Въ Конюшенной».

Передаю разсказъ Гедельштрома дословно; есть невѣроятное, но это остается на его совѣсти.

Бывшую невѣсту Батенкова, въ 1833 году, нашелъ и я; она еще была недурна .... О Батенковѣ наговориться не могла; она любила его и никого болѣе не любила; были женихи—отказала. Бывшая невѣста Батенкова разсказывала, что Сперанскій принадлежалъ къ обществу 14-го декабря и боялся показаній Батенкова; она нѣсколько разъ была посылана въ казематъ къ Батенкову съ обнадеживаніемъ, что дѣло принимаетъ хорошій оборотъ. Какъ же васъ пропускали?—«Какъ скажу: отъ Сперанскаго, то крѣпостной офицеръ и проведетъ». Эта дѣвушка замѣтно была съ хорошимъ образованіемъ, очень жива, вѣроятно, потому Батенковъ и называлъ ее чертенкомъ.

Гораздо позже я слышалъ подтвержденіе разсказа Гедельштрома о просьбѣ Батенкова съ раскаяніемъ и потомъ объ исповѣди.

Разсказывали мнѣ еще, что когда, по приговору суда, Батенковъ долженъ былъ быть сосланъ въ каторжную работу въ Сибирь, что будто бы Сперанскій входилъ съ докладомъ, что Батенковъ понесетъ двойное наказаніе, потому что въ Сибири извѣстно всѣмъ, что Батенковъ составлялъ положеніе о ссыльныхъ. Что будто бы по этому докладу и сдѣлано для Батенкова исключеніе: вмѣсто Сибири—въ казематъ крѣпости.

Вотъ, кажется, все, что̀ я знаю о Батенковѣ, но ручаюсь только за то, гдѣ лично участвовалъ, а остальное—за что купилъ, за то и продаю.

Сперанскій въ Иркутскѣ все продолжалъ «ничего не дѣлать», но не замѣтно, какъ-то постепенно и тихо, Трескинъ—все еще губернаторъ, но отошелъ на второй планъ. Я не любилъ Трескина и его дочерей, да и было что любить получше.

Сижу одинъ въ адмиралтействѣ; передъ сумерками, является казацкій офицеръ: пожалуйте къ генералъ-губернатору! Одѣлся въ полную форму. Вхожу въ залъ. Михаилъ Михайловичъ стоитъ у косяка окна и читаетъ книжку въ $^1/_{16}$ листа. Увидавъ меня, спросилъ:

— «Что вы такъ примундирились?»

— Къ вашему высокопревосходительству.

— «Посланный, вѣрно, васъ позвалъ къ генералъ-губернатору?»

— Точно такъ-съ.

— «Они не понимаютъ: я приказалъ пригласить васъ къ Михаилу Михайловичу: прошу различать, можете приходить въ сюртучкѣ, мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ вами; снимите вашу саблю, положите шляпу и походимте. Вы, конечно, воспитанникъ Морскаго корпуса?»

— Точно такъ, морскихъ офицеровъ изъ другихъ заведеній нѣтъ.

— «Да, я это знаю. Вашъ главный курсъ астрономія?»

— Учебный курсъ очень разнообразенъ, но главный — математика.

— «У васъ система Коперника?»

— Дѣйствительно такъ, но съ послѣдующими развитіями: Галлилея, Кеплера, Ньютона и другихъ.

— «Скажите мнѣ, довольны вы этой системой?»

Я взглянулъ на Сперанскаго и подумалъ: шутишь, баринъ! или подурачить хочешь?

Сперанскій, замѣтивъ мое молчаніе, сказалъ:

— «Пожалуйста не стѣсняйтесь, прошу, выскажите свои мысли откровенно!»

Я рѣшился на шутку отвѣчать шуткою. Сперанскій такъ былъ привѣтливъ, какъ будто ободрялъ меня.

— Курсъ астрономіи вамъ извѣстенъ; конечно, извѣстно вамъ и то, что вычисленія наши не имѣютъ разницы, если мы принимаемъ, что движется солнце и стоитъ земля и обратно: вотъ уже первое сомнѣніе въ совершенствѣ системы міра. Я не вполнѣ доволенъ.

— «Такъ вы имѣете свою систему?»

— Да, я думаю, должно быть иначе.

— «Право, пожалуйста, объясните ваши мысли».

— Солнце, какъ центръ нашей планетной системы, признано за тѣло, дающее свѣтъ и теплоту. Съ послѣднимъ я согласиться не могу.

— «По какому основанію?»

— Все, что даетъ тепло, съ приближеніемъ къ нему—тепло усиливается, а съ приближеніемъ къ солнцу, на вершинахъ высочайшихъ горъ, на воздушныхъ шарахъ—тепло уменьшается.

— «Но вы не отвергнете, что чувствуете теплоту отъ лучей солнца?»

— Я полагаю, мы еще не знаемъ вполнѣ физико-химическаго свойства лучей свѣта на тѣла; можетъ быть, свѣтъ солнца способенъ только возбуждать теплоту въ тѣлахъ.

— «Хорошо, что же вы создаете на вашемъ основаніи?»

— Отъ дошедшихъ до насъ ученій египетскихъ жрецовъ, Птоломея и грековъ, они признавали нѣсколько небесъ и нѣсколько міровъ. Принимая за основаніе, что, съ удаленіемъ отъ земли, тепло исчезаетъ, а холодъ усиливается, трудно вполнѣ отвергнуть ученіе древнихъ; разумъ, слѣдя за мертвящимъ холодомъ, упрется въ ледяную кору видимаго нами неба, эта видимая синева есть подобіе замерзшей воды.

— «Положимъ, а звѣзды?»

— Если допустить твердую ледяную кору вмѣсто неба, то вмѣстѣ съ тѣмъ, не отвергая безконечности творенія Создателя, будетъ естественно вѣрить, что за этой корой есть другой, высшій міръ—міръ, въ которомъ нашъ воздухъ замѣняетъ камень. Того міра, того свѣта намъ постигнуть не дано, но, повинуясь воображенію, руководимому логическимъ разумомъ, мы можемъ только предполагать о томъ непостижимомъ свѣтѣ, а какъ нѣтъ тѣлъ безъ скважинъ, мы можемъ допустить и въ ледяной корѣ скважины, сквозь которыя крошечныя частицы того свѣта проникаютъ къ намъ.

— «Прекрасно, а солнце, луна?»

— Солнце есть отверстіе большое, но заслоненное полупрозрачнымъ тѣломъ, и потому передаетъ намъ только часть того свѣта, иначе все погибло бы на землѣ. Луна есть холодное, мертвое тѣло, не имѣющее огня, воды, атмосферы, а потому и жизни: луна есть матеріалъ для будущей планеты.

— «Вы думаете?»

— Мы, новые, признаемъ для грѣшниковъ мученіе преисподней: гдѣ она—я не знаю, но мой разумъ допускаетъ, что душа умершаго, какъ эфиръ воспаряя, приближается къ ледяной корѣ: праведные допускаются проникнуть въ тотъ высшій свѣтъ для блаженства, а грѣшные терзаются по сю сторону мертвой ледяной коры.

— «Браво, ваша система не забыла и разрѣшаетъ о дѣлахъ и душахъ людей».

Приплелъ рай и адъ—помня, что говорилъ съ поповичемъ. Въ этомъ родѣ продолжался разговоръ—съ моей стороны серьезно; Сперанскій тоже не улыбался, а какъ бы ободрялъ. Я путалъ все, что зналъ изъ физики—электричество, магнитъ. Между многими вопросами, смѣло разрѣшилъ сѣверное сіяніе, доказывая, что безъ этого магнито-электрическаго процесса земля была бы необитаема отъ испорченности воздуха на экваторѣ. Сперанскій, выслушавъ о сѣверномъ сіяніи, сказалъ:

— «Скажите, какъ это просто, а я думалъ, что этого никто не знаетъ».

Въ сосѣдней комнатѣ подали огонь; Сперанскій подалъ мнѣ руку и сказалъ: «когда вы ничѣмъ не заняты, побывайте у меня, но только помните, къ Михаилу Михайловичу въ мундирѣ не ходятъ. Прощайте, благодарю васъ, меня зовутъ работать».

Когда я болталъ галиматью, часто взглядывалъ на Сперанскаго, ожидалъ видѣть улыбку, но онъ, ходя мѣрными шагами, серьезно слушалъ. Сперанскій былъ въ стареньком сюртукѣ съ очень узкими рукавами, вѣрно—старинная мода.

Хотя я тогда штатскихъ уважать не могъ, но мнѣ казалось, не пересолилъ ли я, такъ много и глупо болтая? Пріѣхавъ домой, я до слова записалъ, и въ тотъ же вечеръ былъ у Батенкова; разсказалъ и прочиталъ записанное, мы вмѣстѣ съ Гаврилой смѣялись. Я спросилъ его, не очень ли я наглупилъ и что меня немного безпокоитъ. Батенковъ успокоилъ меня, сказавъ, что Сперанскому все можно говорить, онъ даже любитъ слушать болтовню веселонравныхъ.

— «Да что тебѣ вздумалось излагать свою систему міра?»

— Мнѣ показалось, что онъ хочетъ дурачить меня, я хотѣлъ сказать небольшую шутку за шутку, да какъ началъ говорить, а онъ поддакивать, то и нагородилъ чушь!

Я спросилъ Гаврилу, не знаетъ ли какую книжку читаетъ Сперанскій?

— «Онъ очень любитъ и постоянно читаетъ Ѳому Кемпійскаго».

На другой день, Батенковъ только явился къ Сперанскому, какъ тотъ началъ смѣяться, разсказывая о моей болтовнѣ. Сперанскій полагалъ, что я серьезно увлекаюсь своей системой. Батенковъ разувѣрилъ его и сказалъ, что я безпокоюсь, не слиш-

комъ ли наглупилъ. Сперанскій приказалъ успокоить меня и прибавилъ:

— «Бойкое молодое воображеніе; мнѣ нравится, онъ смѣлый юноша!»

Батенковъ объяснилъ, что я, какъ морякъ, уважаю только адмирала—остальные чины не существуютъ.

— «Правда, моряки всегда держатъ себя особенно, сдержанно, но время и жизнь научатъ его».

Для меня слова пророческія!

Чтобы быть послѣдовательнымъ, я запишу и вторыя сумерки у Сперанскаго. Дней черезъ пять или семь послѣ первыхъ сумерекъ, явился тотъ же ординарецъ и сказалъ: пожалуйте къ Михаилу Михайловичу. Я надѣлъ вице-мундиръ, безъ сабли, въ фуражкѣ; явился поранѣе въ ту же залу. Сперанскій такъ же ласковъ, спросилъ не занятъ ли я, и сказалъ: «походимте».

— «Гдѣ ваша родина?»

Я отвѣчалъ.

— «Имѣете родныхъ въ Петербургѣ?»

Я назвалъ Анну Петровну и Ивана Петровича Буниныхъ.

— «Это дѣвица-поэтъ?»

— Точно такъ, она мнѣ тетка.

— «Бунинъ—это весельчакъ?»

— Дѣйствительно онъ.

— «Тетку вашу я встрѣчалъ въ обществѣ, а о дядѣ вашемъ много забавныхъ разсказовъ».

— Онъ былъ тоже морякъ.

— «Гдѣ вы прежде учились?»

— Я нигдѣ не учился, умѣлъ только читать, а подписывалъ прошеніе въ корпусъ по карандашу. Тетка отвезла меня въ Петербургъ, а дядя, какъ морякъ, опредѣлилъ.

— «Долго вы пробыли въ корпусѣ?»

— Семь лѣтъ.

— «И успѣли кончить полный курсъ? у васъ наукъ много?»

— Мы каждый день сидимъ въ классахъ восемь часовъ и внѣ классовъ учимъ уроки.

Сперанскій хотѣлъ знать малѣйшія подробности о порядкахъ въ корпусѣ, о начальствѣ, объ обращеніи, о наказаніяхъ, объ обязанности офицеровъ, о пищѣ, даже объ играхъ кадетъ, объ

экзаменахъ. Сперанскій, замѣтивъ, что я говорю о корпусѣ восторженно, съ любовію —

— «Вы любите корпусъ?»

— Я всегда съ благоговѣніемъ вспоминаю Морской корпусъ!

— «Такъ весело вамъ было въ корпусѣ?»

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, корпусъ далъ мнѣ нравственное бытіе, я обязанъ корпусу всѣмъ: я поступилъ въ корпусъ—дикимъ волченкомъ, а вышелъ человѣкомъ, воспоминанія о корпусѣ для меня священны. Начальники были благодѣтели—отцы къ дѣтямъ.

— «Это дѣлаетъ вамъ честь. Но пока вы въ корпусѣ, для васъ внѣшняя жизнь не существуетъ?»

— Напротивъ, мы знаемъ все, что дѣлается, что говорится въ городѣ.

— «Какимъ это образомъ?»

— По субботамъ и праздникамъ насъ отпускаютъ къ роднымъ и знакомымъ; насъ много, насъ, какъ дѣтей, не остерегаются. Когда мы возвращаемся въ корпусъ и разсказываемъ слышанныя новости, мы, своимъ критическимъ умомъ, противорѣчія подводимъ къ общему знаменателю и дѣлаемъ свои заключенія.

— «Обо мнѣ что нибудь говорили у васъ?»

— Какъ же, и очень громко.

— «Что же?»

— Да я васъ повѣсилъ.

— «Какъ такъ?»

— Такъ, вырѣжу изъ бумаги человѣчка, одинъ конецъ нитки на шею, а другой конецъ заверну въ кусокъ жеваной бумаги, брошу въ потолокъ; мокрая жеваная бумага прилипнетъ и человѣчекъ виситъ съ подписью: Сперанскій измѣнникъ.

— «За что же вы меня вѣшали?»

— Говорили, что вы передали Наполеону великіе секреты государя и подписали какую-то бумагу.

— «Такъ вы такіе патріоты въ корпусѣ?»

— Да, мы очень любимъ государя.

— «А Россію?»

— Да какъ любить, чего не знаешь; вотъ я ѣду болѣе года и все Россія, я и теперь ее не знаю.

— «Какъ вы рѣшились ѣхать въ такую даль?»

— Въ Кронштадтѣ не хорошо жить, насъ очень много. Я подумалъ: если въ Камчаткѣ не найду лучшаго, то найду новое— всетаки выигрываю.

— «Смѣлая посылка!»

— Да когда же и искать, какъ не въ мои годы?

— «Вы правы».

Подали огонь; Сперанскій поблагодарилъ, я откланялся.

Иркутскъ веселился напропалую, казалось, никто ничего не дѣлаетъ, а Сперанскій меньше всѣхъ: обѣдъ, балъ—Сперанскій непремѣнно вездѣ присутствуетъ; служащіе при немъ, кажется, затѣмъ и пріѣхали, чтобы праздновать,—только никто не видитъ Цейера и канцелярскихъ, да долго по ночамъ освѣщенъ весь домъ Сперанскаго. Не слыша служебнаго слова и не видя дѣлъ—домъ Трескина постоянно пустѣлъ; домъ, недавно сцентрировавшій въ себѣ всю жизнь Иркутска—сталъ какъ зачумленный, хотя Трескинъ продолжалъ быть губернаторомъ. Въ обществѣ не было о немъ ни полслова.

Какъ-то вдругъ, неожиданно, явились на сцену разговора три исправника: иркутскій—Волошинъ, верхнеудинскій—Гедельштромъ и нижнеудинскій—Лоскутовъ. Первые два были въ Иркутскѣ и были постоянными членами общества; о нихъ заговорили, но они одни, кажется, не слыхали говора. Двухъ первыхъ я хорошо зналъ, а третьяго—никогда не видалъ.

Волошина называли—студентъ, смѣялись, что онъ, бывши еще московскимъ студентомъ, уже былъ назначенъ исправникомъ, занималъ должность 13 лѣтъ.

Гедельштромъ, по разсказамъ, былъ домашнимъ секретаремъ графа Румянцева; по какому-то дѣлу (не сохранила моя память, чуть-ли не въ Ревелѣ), падающему тѣнью на графа, Гедельштромъ принялъ вину на себя и былъ удаленъ въ Сибирь. Человѣкъ, хорошо учившійся, предпринялъ путешествіе къ Ледовитому океану; изданная имъ книжка была у меня, но теперь, вѣроятно, не найдется. Гедельштромъ долго былъ исправникомъ за Байкаломъ. На каждаго исправника, по жалобамъ—насчитывались милліоны взятокъ. Гедельштромъ говорилъ, что у нихъ оставались проценты, а капиталъ попадалъ къ Трескину.

У Волошина были крестины; на парадномъ обѣдѣ былъ Сперанскій, обѣдъ былъ роскошный, помню—стерляжью уху на шампанскомъ; обѣдъ былъ очень веселъ, говорливъ, Батенковъ былъ въ ударѣ, абордировалъ меня немилосердно; Сперанскій добръ, молчаливъ, но былъ привѣтливъ, ласково шутилъ съ хозяиномъ. На другой день слышимъ: у бѣднаго Волошина описали имѣніе и оказалось денегъ—одинъ рубль семьдесятъ три копѣйки. Бѣдный Волошинъ, въ день описи имущества, должно быть съ горя, при мнѣ, вечеромъ, проигралъ въ банкъ до 25-ти тысячъ рублей. Странно, никого это не удивило, еще страннѣе, что Сперанскій зналъ о проигрышѣ, но не показалъ и вида, что ему извѣстно. Объ описи Гедельштрома—не знаю или не помню, а вотъ при описи въ Нижнеудинскѣ Лоскутова, у него нашли—набитую мебель ассигнаціями и только въ мебели нашли 450 тысячъ рублей. Сперанскій, немилосердно, жестоко наказалъ этихъ грабителей—онъ сослалъ ихъ въ Россію! Они, бѣдные страдальцы, переѣхали—кто въ Москву, кто въ Петербургъ. Хотя жестовое, но оригинальное наказаніе—ссылка изъ Сибири въ столицы!

Михаилъ Михайловичъ трудился не надъ исправленіемъ прошедшаго зла, чего и невозможно было исправить, была бы безплодная работа; онъ трудился надъ устраненіемъ зла въ будущемъ и работалъ—пересоздать управленіе Сибири. Разъ, я случайно слышалъ, какъ говорили люди, имѣющіе возможность знать многое, что Сперанскій сначала хотѣлъ сдѣлать изъ Сибири—Финляндію, но получилъ совѣтъ—не начинать.

Передѣланную Сибирь я видѣлъ чрезъ 12 лѣтъ. Плоды труда Сперанскаго были осязательны: власти были ограничены, правленіе Трескина—было слабымъ преданіемъ и умерло въ исторіи, сохранившись въ анекдотахъ. Но какъ всѣ дѣла человѣческія—несовершенны, такъ и послѣдствія благонамѣреннаго труда умнаго человѣка—оказались односторонними. Злоупотребленія властей дѣйствительно уменьшились; не слыхать было жалобъ отъ богатаго купечества и вообще классы имущіе были довольны, но за то обезсиленная власть не имѣла силы сдерживать народъ, впадала въ апатію. Въ нравственномъ бытѣ народа я нашелъ огромную перемѣну, менѣе одного поколѣнія—и народа

узнать было нельзя! Жизнь въ городѣ мало была обезпечена частыя убійства, грабежи, воровства, не далеко отъ Иркутска, въ горахъ—двѣ шайки разбойниковъ. Нѣсколько разъ я слышалъ какъ Лавинскій съ негодованіемъ говорилъ:

— «Человѣкъ готовился лазить на колокольню и звонить въ колокола, а ему поручили передѣлать край! Хорошъ реформаторъ!» и не скупился прибавить непечатныхъ словъ. Болѣе всего поразило меня—это замѣтное обѣднѣніе деревень. Казалось бы, съ уничтоженіемъ деспотической власти полицій, избавленіемъ отъ незаконныхъ поборовъ исправниковъ—жизнь крестьянъ должна бы улучшиться, но результатъ вышелъ противный. Не одинъ разъ слышалъ отъ стариковъ, жалѣвшихъ объ управленіи Трескина, вспоминали какое было спокойствіе, а теперь что...

Я ничего не сказалъ о частной жизни жителей Иркутска, да и вообще не могу сказать многаго. О чиновникахъ говорить нечего, это кочующій народъ—пріѣзжаютъ съ цѣлію, на время, и уѣзжаютъ, достигнувъ по возможности своей цѣли; чиновники не составляютъ кореннаго осѣдлаго населенія Иркутска. Аристократію Иркутска составляютъ первогильдейцы-милліонеры, торгующіе съ Китаемъ чрезъ Кяхту. Градація купцовъ, какъ и вездѣ—по величинѣ капитала. Мѣщане, казаки—всѣ собственники домовъ и не бѣдны. Иркутскіе купцы люди образованные, въ щегольскихъ фракахъ; танцуя съ молодыми женами ихъ, я зналъ, что онѣ въ платьяхъ, не рѣдко выписанныхъ изъ Парижа. Коляски изъ Питера, съ иголочки. Вотъ вамъ купецъ Вася Баснинъ: Лавинскій пошелъ гулять пѣшкомъ и взялъ меня съ собою. «Вотъ близко, зайдемъ къ Васѣ Баснину». Огромный двухъ-этажный каменный домъ, чистота прекрасная. Не приказавъ доложить, мы нашли Васю Баснина въ библіотекѣ, въ богатомъ китайскомъ шелковомъ халатѣ, въ большомъ покойномъ креслѣ, съ новѣйшею книгою. Вася сконфузился, засуетился. Генералъ-губернаторъ запретилъ одѣваться. Вася позвонилъ, явился серебряный шоколадникъ; при насъ сваривъ на спиртѣ, предложилъ намъ прекраснаго шоколада. Лавинскій приказалъ ему надѣть сюртукъ и мы пошли втроемъ продолжать прогулку. Лавинскій взялъ подъ руку Васю, серьезно говорили о средствахъ усилить и улучшить кяхтинскую торговлю. Чувствуя, что я имъ не товарищъ, я откланялся. Вотъ типъ иркутскаго первогильдейца.

Въ 1819-мъ году, выдвигался изъ всѣхъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—по недавнему положенію своему друга сердца губернаторши Тресвиной и потому еще, что онъ тогда былъ товарищемъ откупщика. Его домъ занималъ Сперанскій (Кузнецовъ имѣлъ огромный двухъ-этажный каменный домъ на берегу рѣчки Ушаковки). Дума нанимала нѣсколько отдѣльныхъ, небольшихъ домовъ для проѣзжающихъ—служащихъ, въ домахъ было все удобство на первое время. Содержатель почты обязанъ былъ немедля прислать пару лошадей съ кучеромъ, которые и находились въ распоряженіи проѣзжающаго цѣлый день. Самъ проѣзжающій попадалъ въ распоряженіе Кузнецова, у котораго, въ нижнемъ этажѣ, обѣдъ, ужинъ, чай—день и вечеръ. Обѣдъ даже прихотливый и разливное море; вечеръ—постоянная игра въ карты; самъ Кузнецовъ не игралъ. Случалось быть свидѣтелемъ, какъ выигрывались десятки тысячъ въ банкъ. Но все было чинно, прилично, весело.

Иркутскъ стоитъ на ровной, сухой мѣстности праваго берега Ангары. Отъ востока обходитъ, а сѣверную часть города прорѣзываетъ быстрая рѣчка Ида и тутъ же впадаетъ въ огромную Ангару. Иркутскъ 1819-го года щеголялъ опрятностію улицъ и домовъ. Въ Иркутскѣ всѣ жители имѣли своихъ лошадей, а потому извощикамъ не было мѣста.

Въ штатѣ Сперанскаго былъ весьма приличный господинъ; говорили, что онъ считается чтецомъ Михаила Михайловича, но едвали это правда: этотъ господинъ говорилъ съ сильнѣйшимъ нѣмецкимъ акцентомъ; но онъ былъ замѣчателенъ: превосходно игралъ на скрипкѣ, непобѣдимый игрокъ въ шахматы, артистъ на билліардѣ; вотъ онъ-то и давалъ каждый вечеръ концертъ—на картахъ въ банкъ.

Въ Иркутскѣ былъ Вейкартъ; онъ былъ родной племянникъ Сперанскаго; мы были ровесники, онъ еще нигдѣ не служилъ, превосходно образованъ, воспитанникъ іезуитовъ, которыхъ онъ серьезно боялся—хотя іезуиты и были далеко. Жоржъ Вейкартъ былъ очень недуренъ собою, средняго роста, сильно и стройно сложенъ и предобрѣйшаго сердца. Мы скоро сдѣлались друзьями; Сперанскій, кажется, доволенъ былъ нашею дружбою; онъ очень любилъ Жоржа, но денегъ не давалъ ни копѣйки; Жоржъ всегда былъ хорошо одѣтъ, но и только. Всѣ шалости сходили намъ

безъ замѣчанія. Гдѣ теперь незабвенный мой другъ Жоржъ?—Живъ-ли онъ? а онъ обѣщалъ пойти далеко!

Сперанскій все ничего не дѣлалъ, все продолжалъ бывать на обѣдахъ и балахъ; казалось, все шло по старому. Цейеръ все суетливо бѣгалъ съ бумагами,—никто ничего не зналъ.

Оставшаяся команда въ Омскѣ прибыла въ Иркутскъ поздно осенью; для слѣдованія въ Якутскъ, мы должны были дождаться, какъ замерзнетъ великолѣпная Лена. Въ мое отсутствіе изъ Омска, Вороновъ женился тамъ.

Стала зима, мы должны были ѣхать. Сдѣлавъ прощальные визиты, Трескина, кажется, не видалъ; я не любилъ его, тогда всѣ обходили его, домъ его точно стоялъ оглашеннымъ, хотя онъ и былъ еще губернаторомъ. Когда я откланивался Сперанскому, онъ, ласково улыбаясь, пожелалъ успѣха, не скучать и сказалъ:

— «Совѣтую найти занятіе кромѣ службы и не быть празднымъ».

Батенковъ проводилъ за городъ и съ чувствомъ друга, прощаясь, твердилъ: «пиши, пиши!» Дорогой мой Жоржъ проводилъ меня до первой станціи.

Чрезъ 15 лѣтъ, я видѣлъ только одного Сперанскаго; его уже вносили на лѣстницу; онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ, внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— «Ваше имя не обще-употребительное?»

Я назвалъ себя (Эразмъ).

А онъ улыбаясь прибавилъ «Ротердамскій!» Смотря на мое лицо, Михаилъ Михайловичъ сказалъ: «надѣюсь, вамъ была удача въ вашихъ дѣлахъ?»

— Да, я не могу пожаловаться, до сихъ поръ, я доволенъ и службою и дѣлами.

— «Надѣюсь, такъ и будетъ продолжаться, вы должны имѣть успѣхъ.—Скучали вы?»

— Мнѣ чувство скуки неизвѣстно.

— «Счастливый характеръ».

Я замѣтилъ тогда и убѣжденъ теперь, что Сперанскій не только зналъ, но и уважалъ Лафатера: родимыя пятна на моемъ

лицѣ, по Лафатеру, означають успѣхъ въ жизни. Затѣмъ спрашивалъ о моей службѣ, о жизни въ Камчаткѣ и Охотскѣ. Узнавъ, что я поневолѣ былъ въ Иркутскѣ, хотѣлъ знать, какъ я нашелъ Иркутскъ? Я былъ скроменъ, но онъ сказалъ:

— «Я имѣю свѣдѣнія, что тамъ сталъ порочевъ народъ. Можетъ быть, народъ рано получилъ много воли, можетъ быть, были нужны еще крѣпкія возжи, но будемъ надѣяться лучшаго отъ времени». Въ заключеніе спросилъ, не имѣю-ли я нужды въ его содѣйствіи?

Я почтительно благодарилъ и откланялся. Сперанскій приглашалъ меня раздѣлить свободный часъ, но я болѣе не былъ.

Знаменитость Иркутска въ 1819 году былъ Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ, въ обществѣ назывался король. Въ 1830 году, я нашелъ короля порядочно старымъ, до крайности бѣднымъ; кажется, всего имущества остался деревянный домъ, въ которомъ жилъ Сперанскій. Домъ большой, въ 1819 году—горѣлъ огнями, въ 1830 стоялъ темный. По старому знакомству, помня хлѣбъ-соль, былъ я у короля—пусто, бѣдно! одинокъ, дѣтей нѣтъ и не было. Говорилъ такъ же на о, но былъ молчаливъ, скученъ, даже плохо одѣтъ. Грустное впечатлѣніе! Въ 1833 году, прощаясь окончательно съ Иркутскомъ, заѣхалъ къ королю. Нашелъ его въ маленькой комнаткѣ, въ халатѣ съ сотнею заплатъ; онъ сидѣлъ около наклоненнаго лотка (которымъ дѣти катаютъ яица на Пасхѣ), около него два мѣшка грязнаго песку, а выше лотка—ведро воды. Король со щеткою въ рукѣ вымывалъ песокъ въ лоткѣ.

— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ефимычъ?

— «Да вотъ, по старому знакомству, бѣглый варначекъ принесъ землицы на пробу; не знаю, что̀ будетъ—пробую».

Подумалъ я: ни въ какомъ положеніи надежда не оставляетъ человѣка. Простились съ пожеланіями.

Въ Кіевѣ, получилъ я письмо изъ Иркутска: Иванъ Ефимовичъ Кузнецовъ—милліонеръ, не знаетъ счета деньгамъ, дѣлаетъ громадныя пожертвованія, статскій совѣтникъ, въ орденахъ и сталъ настоящимъ королемъ между милліонерами!—Видѣнный мною грязный песокъ оказался богато-содержащимъ золото; го-

ворятъ, 100 пудовъ песку давали около фунта золотаго песку; это, конечно, неисчислимое богатство, когда считается не бѣдною розсыпь, которая даетъ изъ 100 пудовъ золотникъ золотаго песку.

Трескинъ переселился въ Москву, притворялся бѣднякомъ, дочерей водилъ въ заячьихъ салопахъ. Разсказывали, что Нарышкинъ ходатайствовалъ о вспомоществованіи Трескину и сказалъ, что, по бѣдности, дочери его ходятъ въ заячьихъ салопахъ. Добавляютъ, что государь много смѣялся участію Нарышкина. Кто тогда не слыхалъ о милліонахъ Трескина?

Изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого воспоминанія за 60 лѣтъ, вѣроятно, живутъ не многіе, да и я оживаю только въ прошедшемъ. Настоящее часто напоминаетъ мнѣ, что я хожу по кладбищу!

Э..... .....въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Марья Антоновна Бертгольдъ

въ 1816—1822 гг.

Въ 1816 году, по повелѣнію его императорскаго высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича, главнаго начальника кадетскихъ корпусовъ, я былъ опредѣленъ, для воспитанія, въ 1-й кадетскій корпусъ. По шести-лѣтнему моему возрасту, меня помѣстили въ малолѣтнее отдѣленіе, раздѣлявшееся на шесть каморъ, изъ коихъ каждая состояла въ завѣдываніи особой дамы (мадамъ), при двухъ нянькахъ. 1-ю каморою завѣдывала мадамъ Марья Антоновна Бертгольдъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и начальницею всего малолѣтнаго отдѣленія, 2-ю мадамъ Алабова, 3-ю мамзель Бонніотъ (Елисавета Николаевна, дочь), 4-ю мадамъ Воронцова, 5-ю мадамъ Альбедиль, 6-ю мадамъ Бонніотъ (Марья Ивановна, мать). Не знаю по какому случаю, только я поступилъ въ 1-ю камору и въ послѣдствіи сталъ въ число тѣхъ воспитанниковъ, къ которымъ, за благонравное поведеніе и прилежаніе къ наукамъ, начальница особенно благоволила. Благоволеніе ея ко мнѣ простиралось до того, что, въ послѣднее время пребыванія моего въ малолѣтномъ отдѣленіи, она назначила меня въ своей каморѣ сержантомъ, т. е. старшимъ воспитанникомъ, обязаннымъ имѣть наблюденіе за прочими своими товарищами. Почесть великая, которой удостоивались только по одному воспитаннику въ каждой каморѣ, и такимъ образомъ было шесть сержантовъ во всемъ малолѣтномъ отдѣленіи.

Марья Антоновна Бертгольдъ представляла весьма почтенную и замѣчательную личность, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ и хорошему образованію. Не смотря на преклонныя лѣта,

она неутомимо наблюдала за ввѣренными ея попеченію питомцами, слѣдила за ихъ умственнымъ развитіемъ, старалась вселить въ нихъ всѣ добрыя правила и направить на путь истинный тѣхъ дѣтей, которыя совращались съ него, или по своему нерадѣнію, или по вѣтренности, свойственной ихъ возрасту.

Исповѣдуя лютеранскую вѣру, она была примѣрною христіанкою и считала правила религіи основаніемъ всякаго образованія. Затѣмъ, обращала особенное вниманіе, кромѣ русскаго, на изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, которые знала въ совершенствѣ, пріучала также воспитанниковъ къ вѣжливому и ловкому обращенію,—что составляло необходимую принадлежность хорошаго образованія по программѣ, которой держались во время цвѣтущаго состоянія корпуса при бывшемъ начальникѣ его графѣ Ангальтѣ, который тогда не изгладился еще изъ памяти потомства.

Вообще мадамъ Бертгольдъ трудилась не только добросовѣстно, но и дѣлала добра болѣе чѣмъ того требовали обязанности ея званія. Доказательства этому будутъ приведены ниже сего.

Время воспитанниковъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: по колокольчику, въ 6 часовъ утра вставали, умывались, одѣвались, молились и осмотръ чистоты рукъ и платья въ каждой камерѣ посредствомъ мадамовъ и нянекъ; въ 7 часовъ завтракъ, состоявшій изъ тарелки габерсупа съ изюмомъ, при чемъ давали кусокъ ситнаго хлѣба; въ 8 часовъ классы, 1-я перемѣна до 10-ти часовъ, а вторая отъ 10-ти до 12-ти часовъ, а въ 12 часовъ обѣдъ изъ трехъ блюдъ; послѣ него рекреація въ саду или въ залѣ, въ 2 часа классы до 4-хъ часовъ, въ 4 часа булки, послѣ того опять рекреація; въ 7 часовъ ужинъ изъ двухъ блюдъ; въ 9 часовъ ложились спать, а кто хотѣлъ—могъ лечь въ постель и ранѣе, т. е. тотчасъ послѣ ужина. Въ теченіе цѣлаго дня при воспитанникахъ находилась неотлучно, какъ въ классахъ, такъ и за столомъ, въ рекреаціонномъ залѣ или въ саду, дежурная мадамъ, по очереди чрезъ четыре дня въ пятый, кромѣ начальницы. Очередная мадамъ, для лучшаго наблюденія за поведеніемъ воспитанниковъ, избирала изъ числа ихъ двухъ дежурныхъ себѣ въ помощь. Эти дежурные воспитанники по окончаніи дня, т. е. въ 9 часовъ вечера, обязаны были являться къ начальницѣ съ слѣдующимъ рапортомъ: «madame! nous avons l'honneur de vous faire le rapport, que sur notre déjour tout était tranquille et en ordre». При этомъ иногда присовокуплялась, по приказанію дежурной мадамы, если было нужно, особая фраза, въ родѣ слѣдующей: «Exepté le Cadet N. qui a battu le Cadet M.». Въ послѣдствіе этого прибавочнаго рапорта, на другой день виновный подвергался наказанію, смотря по степени вины, т. е. нѣсколькими уда-

рами розги изъ рукъ няньки; штрафу за завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ или во время рекреацій, или лишенію права на увольненіе въ отпускъ въ предстоящій праздникъ; то же самое ожидало и ученика лѣниваго, который былъ записанъ своимъ учителемъ за незнаніе урока. Праздничный день противу будничнаго представлялъ только ту разницу, что воспитанники утромъ, вмѣсто классовъ, отправлялись въ корпусную церковь, смотря по вѣроисповѣданіямъ: православную, католическую, или лютеранскую, въ сопровожденіи особо наряжаемыхъ корпусныхъ офицеровъ, которые приводили изъ своихъ ротъ за малолѣтними, отводили ихъ по церквамъ и приводили обратно въ малолѣтное отдѣленіе, сдавая на руки дежурной мадамѣ; послѣ обѣда и до самаго ужина воспитанники пользовались рекреаціями, исключая записанныхъ учителями за незнаніе своихъ уроковъ, которые отъ 2-хъ и до 4-хъ часовъ, т. е. до времени раздачи булокъ, должны были отправляться въ классы, для чего наряжался также особый офицеръ съ лѣнивыми.

Изъ этого распредѣленія занятій воспитанниковъ видно, что главное свободное время, предоставленное въ ихъ пользу въ теченіе дня, заключалось отъ 4-хъ до 7-ми часовъ вечера. Въ эти часы каждый по произволу могъ или приготовлять уроки, или гулять, или играть, или вообще заниматься чѣмъ либо другимъ по своему желанію.

Съ наступленіемъ этихъ свободныхъ часовъ, Марья Антоновна обыкновенно всякій день присылала въ садъ или въ залу къ дежурной мадамѣ свою горничную, или сторожа, просить объ отпускѣ къ ней на квартиру отъ пяти до восьми воспитанниковъ 1-й каморы, поимянно. Этимъ приглашеніемъ чаще всего были удостоиваемы, конечно, тѣ, которые были у начальницы на хорошемъ счету, а въ числѣ ихъ и я. Въ квартирѣ ея была особая комната, выходившая окномъ въ садъ, гдѣ на нѣкоторомъ возвышеніи стоялъ по срединѣ столъ, а вокругъ его стулья для кадетъ, желающихъ заниматься приготовленіемъ уроковъ, или чтеніемъ. И тѣ и другіе обращались къ ней, или къ ея сыну съ разными вопросами, для разъясненія того, чего они не понимали, или съ просьбою книжекъ для чтенія, и всѣ ихъ требованія были охотно удовлетворяемы. Свободные же отъ занятій смѣло могли идти или въ залу бесѣдовать съ нею на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, или въ кабинетъ къ ея сыну учиться у него вырѣзывать разныя фигуры изъ бумаги, или же играть съ нимъ въ шашки, или въ дурачки. Счастіе и искусство выигрывавшаго вознаграждалось или фигурными вырѣзками, или небольшимъ лакомствомъ, состоявшимъ изъ изюма, чернослива, орѣховъ и тому подобнаго. Часу въ 7-мъ мадамъ Бертгольдъ угощала всегда своихъ гостей чаемъ со сливками

и сухарями, а послѣ того отпускала ихъ отъ себя, такъ чтобы они поспѣвали къ ужину съ прочими воспитанниками.

Подобное ежедневное угощеніе, какъ оно ни скромно, но дѣлалось безвозмездно, и все же что нибудь да стоило. Тутъ главное дѣло не въ издержкахъ, хотя онѣ для небогатой начальницы, получавшей ограниченное содержаніе, должны были быть ощутительны. Но гдѣ найти подобную благодѣтельную личность, заботящуюся свыше своихъ обязанностей о поступившихъ дѣтяхъ на столько, чтобы ни одного вечера не провести не посвятивъ его имъ и имѣя притомъ на своихъ рукахъ больнаго взрослаго сына, требовавшаго тоже безпрестанныхъ материнскихъ попеченій?

Этотъ сынъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бертгольдъ, молодой человѣкъ около 30-ти лѣтъ, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1805 году, за слабостію здоровья, былъ уволенъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ 14-го класса. Онъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни и страдалъ тихою меланхоліею. Необыкновенно кроткаго и деликатнаго характера, онъ имѣлъ большое расположеніе къ дѣтямъ; часто занимался съ ними, отыскивая для нихъ въ имѣвшихся у него лексиконахъ французскія и нѣмецкія слова, при упражненіи воспитанниковъ въ переводахъ съ этихъ языковъ; дѣлалъ весьма искусно изъ тонкой бумаги маленькими ножницами вырѣзные силуэты и ландшафты и имѣлъ терпѣніе играть съ дѣтьми въ шашки или въ дурачки.

Кромѣ упомянутаго выше препровожденія времени съ избранными воспитанниками, Марья Антоновна два раза въ недѣлю собирала въ свою залу по вечерамъ, послѣ ужина, всѣхъ кадетъ ея каморы, для упражненія въ разговорахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и для практикованія въ правилахъ свѣтской вѣжливости и поклонахъ. Занятія эти сопровождались слѣдующимъ порядкомъ: воспитанники выстраивались въ одну шеренгу съ трехъ сторонъ залы, а на четвертой сторонѣ сидѣла на диванѣ начальница и наблюдала за ними. Ближайшіе два воспитанника, стоявшіе съ лѣвой стороны дивана, поворачивались лицомъ къ лицу одинъ противу другаго и первый задавалъ второму на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ, смотря по назначенію, какой либо вопросъ, изъ числа фразъ, помѣщенныхъ въ діалогахъ на этихъ языкахъ; второй, отвѣтивъ на этотъ вопросъ на томъ же языкѣ, оборачивался затѣмъ къ другому своему сосѣду съ лѣвой стороны и повторялъ тотъ же вопросъ и, получивъ отвѣтъ, поворачивался на свое мѣсто, и такъ далѣе заданный вопросъ съ отвѣтомъ на него обходилъ весь кругъ до послѣдняго воспитанника. Если кто дѣлалъ ошибку, то Марья Антоновна, слѣдя за этими раз-

говорами; исправляла ихъ. Это пріучало дѣтей къ лучшему произношенію словъ на иностранныхъ языкахъ и кромѣ того укрѣпляло въ ихъ памяти тѣ фразы изъ діалоговъ, которыя они обязаны были говорить въ классахъ передъ учителями. Забава эта кончалась тѣмъ, что всѣ воспитанники, начиная съ стоявшаго съ лѣвой руки мадамъ Бертгольдъ, подходили къ ней по одиночкѣ, раскланивались съ нею по правиламъ танцовальнаго искусства и каждый въ свою очередь повторялъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ ей прощальную фразу, въ родѣ слѣдующей: «madame! j'ai l'honneur de vous souhaiter la bonne nuit». Послѣ того всѣ, сдѣлавъ вмѣстѣ общій ей поклонъ, уходили въ свою камору, гдѣ ложились спать.

А. П. Петровъ.

Примѣчаніе. А. П. Петрову принадлежитъ также другой очеркъ изъ исторіи бывшаго I-го кадетскаго корпуса, помѣщенный въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г. томъ XX.

Смоленская губернія 1813—1816 гг.

[Письмо къ Г. А. Глинкѣ].

М. г. Григорій Андреевичъ (Глинка). Обстоятельства не позволили вамъ видѣть Смоленскую губернію въ самомъ несчастномъ ея положеніи, т. е. въ 1813 году, равно и узнать подробности въ какомъ она и по сіе время положеніи. Я, какъ самовидецъ онаго по изгнаніи непріятеля, равно по долгу моему знающій и теперешнее ея положеніе, вамъ сообщаю.

Въ 1813 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, возвращался я изъ Рязанской губерніи черезъ Тулу и Калугу. Въ Смоленской губерніи, проѣзжая Юхновскій уѣздъ, первые слѣды разоренія увидѣлъ я на берегахъ рѣки Угры: большое село Знаменское, принадлежащее кн. Шаховскому; половина сожжена; въ пяти верстахъ отъ онаго, его-жъ, Шаховскаго, село Віошки, гдѣ былъ огромный господскій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями, равно какъ и все село сожжено безъ остатка.

Затѣмъ увидѣлъ я городъ Вязьму, представляющую въ сіе время только однѣ обгорѣлыя стѣны каменныхъ домовъ и обширныя пустыя мѣста погорѣвшаго деревяннаго строенія, а оставшіеся отъ пожара нѣкоторые дома наполнены были многими семействами, жившими прежде въ достаткѣ, но въ сіе время нищими и не имѣющими не только выгодъ въ жизни, но даже и самаго пропитанія, стѣсненными въ чужихъ домахъ, а половина изъ нихъ были больны и безъ помощи.

Проѣзжая съ Вязьмы къ Дорогобужу, 78 верстъ, всѣ селенія безъ изъятія, лежащія на большой дорогѣ и по близости оной, сожжены, и проѣзжая отъ Вязьмы до Дорогобужа не только негдѣ было обогрѣться, но не встрѣчалось ни что живущее на свѣтѣ, и куда-бъ взоръ вашъ ни обращался—находилъ мертвыя тѣла людей, павшихъ лошадей и скота, киверы, башмаки, изорванныя платья и изломанныя повозки. Но гдѣ были обыватели, лишенные жилищъ, ограбленные почти на-голо? разбрелись по разнымъ мѣстамъ, увлекши съ собою старыхъ, больныхъ и младенцевъ; не имѣя покрова, томились въ несчастіи.

Городъ Дорогобужъ сожженъ почти вовсе и едва ли придетъ когда въ прежнее состояніе; обыватели его бѣдны и торги мало значительны; строенъ вѣками—истребленъ въ одинъ день.

Отъ Дорогобужа до Соловьева перевоза 40 верстъ. Мѣста сіи населены большею частію казенными крестьянами волостей Бизиковской и Свереколуцкой; разореніе потерпѣли съ прочими равное, то есть лишились домовъ, лошадей, скота, птицъ, одѣянія и пропитанія, но особенно пострадали отъ болѣзней и уменьшились до половины, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ-то Челновая, гдѣ было до 20-ти крестьянскихъ дворовъ, теперь нѣтъ ни одного, а на томъ мѣстѣ построены дорогобужскими мѣщанами два постоялыхъ двора; другая близь нея лежащая экономическая деревня Козы уничтожилась совершенно.

Пріѣхавъ къ Соловьевскому перевозу, начинается Духовской округъ; домъ мой, оттуда въ одной верстѣ, сначала не былъ сожженъ,—въ немъ гнѣздились французы и по малу жгли нѣкоторыя строенія, самый домъ однако остался не сожженъ, но безъ оконъ, безъ дверей, безъ печей и безъ половъ, а о прочемъ имуществѣ и упоминать не слѣдуетъ; но счастливъ тотъ, чьи крестьяне, такъ какъ мои, остались въ цѣлости, ибо, имѣя жилища свои въ углу Бѣльскаго округа, ужасовъ войны не видали.

Въ Соловьевѣ, на берегу рѣки Днѣпра, французы имѣли маленькое укрѣпленіе и пушки, и при изгнаніи нѣкоторое время тамъ держались, отчего и убито ихъ больше нежели въ другихъ мѣстахъ. Тѣла были тотчасъ прибраны, но еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1813 г. мнѣ случилось видѣть вытаивающія изъ-подъ снѣга тѣла людей и лошадей, а лугъ возлѣ Днѣпра—покрытый киверами, башмаками, сѣдлами и разными кусками изорванныхъ платьевъ, доказывающими истребленіе людей.

Въ домѣ моемъ я нашелъ восемь мертвыхъ тѣлъ убитыхъ французовъ и 180 павшихъ лошадей, и хозяйство началось уборкою оныхъ.

Слѣдуя отъ Днѣпра къ Смоленску, на разстояніи восьми верстъ,

находилось семь ямскихъ деревень, какъ-то: Соловьево, Заднево, Макіевская, Красная ель, Скрышово, село Янево и Слабодавнево, но въ мартѣ мѣсяцѣ и признаковъ оныхъ не было, но всѣ мѣста сіи были занесены снѣгомъ и покрыты мертвыми тѣлами; а обывателей участь была та, что и прочихъ выше мною описанныхъ.

Смоленскъ—губернскій городъ, который послѣ сожженія видѣлъ я въ первый разъ въ концѣ мая мѣсяца 1813 года,—ежели-бы не имѣлъ окружающей его огромной стѣны и оставшихся каменныхъ церквей, нельзя бы было назвать городомъ; форштадтъ, называемый Петропавловскимъ, былъ чистое поле, покрытое пепломъ и углемъ; а погорѣвшіе и засохшіе сады дѣлали мѣсту сему видъ безобразный. Внутри стѣны лучшіе каменные домы сожжены, а нѣкоторые разстрѣляны ядрами; улицы запустѣли, во всемъ недостатокъ и всеобщее уныніе. Въ такомъ положеніи остались извѣстныя мнѣ мѣста по изгнаніи непріятеля.

Въ сіе время, по милосердію государя императора, отпущено на вспоможеніе разоренныхъ 6 милліоновъ; изъ оныхъ отдѣльно для Калужской губерніи 675 тысячъ рублей, а остальные 5.325,000 употреблены для Смоленской губерніи. Казеннымъ крестьянамъ даны пайки на 1813, 1814 и 1815 годы, и поля ихъ засѣяны всѣ, отпущенъ на строеніе лѣсъ; дано по 100 рублей на постройку; каждому работнику 50 рублей на покупку лошади и отпущены деньги на отдачу рекрутъ. Помѣщичьи крестьяне получили пайки на три мѣсяца и полей ихъ засѣяна двѣнадцатая часть.—Въ маѣ мѣсяцѣ 1813 года начали обыватели изъ разсѣянія собираться, по привычкѣ, на мѣсто прежнихъ жилищъ своихъ и нѣкоторое время жили на открытомъ воздухѣ, питаясь грибами и хлѣбомъ. Первое ихъ было дѣло убрать мертвыя тѣла людей и павшихъ лошадей и скота, сдѣлать новые на большихъ дорогахъ мосты и перевозы, строить для хлѣба шалаши. Болѣзни сдѣлались повсемѣстными, люди умирали человѣкъ за человѣкомъ, большею частію среднихъ лѣтъ, поелику они убирали тѣла и заразились. Недоставало не только гробовъ, но и работниковъ рыть ямы для погребенія; священники не успѣвали по долгу христіанскому дѣлать каждому погребеніе. Въ сіе самое время смоленское ополченіе возвратилось, а на мѣсто оныхъ повелѣно собрать рекрутъ съ каждыхъ 500 душъ по 10-ти человѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ другой рекрутскій наборъ изъ 500 душъ по 8-ми человѣкъ, во время когда болѣзни свирѣпствовали, люди умирали, всѣ вещи, принадлежащія къ отдачѣ рекрутъ, вздорожали, денегъ не было, да и пріобрѣсти ихъ нечѣмъ. Сіе обстоятельство привело обывателей въ совершенное изнуреніе. Къ несчастію, падежъ скота и лошадей продол-

жался и повторялся нѣсколько разъ, такъ что кто успѣлъ пріобрѣсти онаго, то повторившееся несчастіе все оное истребило, и желавшій поправить свое хозяйство еще болѣе сдѣлался бѣденъ.

По истеченіи льготнаго времени съ окончаніемъ 1813 года, губернія, какъ будто не пострадавшая, поставлена во всѣ прежнія свои повинности наравнѣ съ прочими губерніями, разоренія не потерпѣвшими, а по мѣстному своему положенію страдаетъ болѣе нежели оныя.

Первое, по изгнаніи непріятеля, обыватели должны были устроить большія дороги, мосты и перевозы—не починить, но сдѣлать совсѣмъ новые, поелику все сіе было истреблено; принять на себя въ натурѣ почтовую гоньбу по всей губерніи, и тѣмъ изнурить остатки тѣхъ лошадей, которыя, по отдаленности своей отъ военной дороги, отъ истребленія непріятельскаго и всеобщаго падежа уцѣлѣли; безпрестанно проводы военныхъ, колодниковъ, воинскихъ командъ, требующихъ подводъ—забирали у нихъ послѣднихъ лошадей и отвлекали крестьянъ отъ полевыхъ работъ; а сіе было въ то время, когда въ большомъ семействѣ едва одинъ человѣкъ оставался не боленъ или только что началъ оздоравливать, а прочіе всѣ лежали на смертномъ одрѣ и симъ лишались послѣдней для себя помощи. Въ семъ положеніи должно было помышлять о постройкѣ для зимы убѣжищъ. Помѣщики для сего срубили послѣднія свои рощи; но во всемъ затрудненія останавливали работы. По неимѣнію достаточнаго числа лошадей, не на чемъ было возить матеріалы. Тутъ настало время платить подати, съ каждой души по 3 рубля, и по положенію почтовой гоньбы наймомъ содержаніе оныхъ съ души по 37 копѣекъ, а по сдѣланному постановленію, что ямщики въ числѣ своемъ уменьшились и разорены, то снять съ нихъ изъ отправляемой ими повинности 90 лошадей почтовыхъ и наложить сію тягость на прочихъ обывателей губерніи, почему и должно было сдѣлать новую раскладку и прибавить къ платимымъ прежде 37 коп. еще на каждую ревизскую душу по 8 коп.

Всѣ эти обстоятельства, совокупно съ тѣмъ, что бѣдный крестьянинъ все кромѣ хлѣба служащее къ его пропитанію, равно какъ и одѣяніе, долженъ пріобрѣсть покупкою, ибо по недостатку скота не имѣлъ съ чѣмъ сварить свои щи, а по неимѣнію овецъ не имѣлъ шубы, ни кафтана. Къ несчастію, крестьяне Смоленской губерніи никогда не занимались торгами или какимъ мастерствомъ, но вся ихъ промышленность состояла въ хлѣбопашествѣ, которое и подорвано въ самомъ своемъ основаніи.

И въ семъ положеніи находится и по сіе время (1816 г.).

Проѣзжіе, не бывшіе прежде въ сихъ мѣстахъ, сего не примѣтятъ, потому что деревни построены на тѣхъ же мѣстахъ и подъ тѣми-же названіями, увидитъ крестьянскія избы новыя, примѣтитъ также нѣсколько скота и лошадей. Но тотъ, кто зналъ мѣста сіи прежде разоренія, увидитъ большую разницу: деревня, въ которой было прежде дворовъ 23, теперь имѣетъ только 7 или 8; крестьянинъ, у котораго было по обыкновенію 2 избы, 3 или 4 клети, скотный дворъ и гумно, теперь имѣетъ только одну избу, а рѣдкій успѣлъ сдѣлать и другую, а вмѣсто сѣней плетень; клеть одна или совсѣмъ нѣтъ ни одной; рѣдкій изъ нихъ успѣлъ построить скотный дворъ, а гумновъ во всей деревнѣ 2 или 3. Во дворѣ, гдѣ было прежде отъ 5 до 10 лошадей и до 12 коровъ, теперь едва 2 лошади и 1 корова, а овецъ почти нѣтъ совершенно. Все сіе для будущихъ временъ обѣщаетъ худыя послѣдствія, поелику почва земли сей такова, что безъ постояннаго удобренія истощается и съ трудомъ ужъ поправлена быть можетъ, а безъ скотоводства сего сдѣлать невозможно; и такъ, проѣзжій, знавшій прежде мѣста сіи, тотчасъ примѣтитъ, что онъ не видитъ на поляхъ тѣхъ скотскихъ стадъ, которыхъ прежде вездѣ встрѣчалъ; примѣтитъ многія нивы и даже цѣлыя поля запустѣвшими и заросшими кустарникомъ; поля паровыя, прежде всегда скотомъ выбитые, теперь—заросшія травой и крапивой. На лицахъ жителей примѣтно уныніе причиняемаго воспоминаніемъ прошедшаго благосостоянія и воображеніемъ настоящаго и будущаго своего несчастія, которое для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что должны передать оное своему потомству.

Дворяне губерніи Смоленской, движимые духомъ усердія къ государю и отечеству, а ненавистію къ непріятелю, какъ будто сдѣлавъ общее условіе, каждый оставилъ свое жилище и имущество на произволъ судьбы и старался удалиться. Желаніе было всѣхъ равное, но обстоятельства различны. Счастливъ тотъ, у кого случились на тотъ разъ деньги немногія, а бо̀льшая часть не имѣла оныхъ достаточно или совсѣмъ ничего. Но сіе не останавливало. Бѣжали въ каретахъ, бѣжали верхомъ, а многія несчастныя семейства пѣшкомъ тащились, не зная куда и что̀ съ ними послѣдуетъ, и вдругъ изъ благосостоянія очутились въ нищетѣ и питались подаяніемъ. Тѣ, которые болѣе имѣли способовъ, увезли съ собою по нѣсколько серебряныхъ ложекъ и у кого были чайные серебряные приборы, дошедшіе до нихъ отъ предковъ и хранимые яко памятники, въ сіе время сдѣлались ихъ ходячею монетою и единственною помощію. Но средства сіи скоро истощились, какъ увидѣли себя въ совершенной бѣдности. Но бывъ утѣшены извѣстіемъ о изгнаніи непріятеля, желали бы эту

минуту очутиться на своей родинѣ, но бо̀льшая часть встрѣтила невозможность; что имѣли съ собою—было продано и издержано, и ужъ довольно поздно прибыли на мѣста своихъ жилищъ и не могли оныхъ узнать. Но людей достаточныхъ счастіе и здѣсь сопровождало, болѣе могли съ собою забрать при побѣгѣ и скорѣе возвратиться въ свои домы, въ надлежащее время подать прошенія свои въ сословія призрѣнія разоренныхъ и получить значительное вспоможеніе; и при томъ достаточное число деревень ихъ, расположенныхъ въ разныхъ округахъ и въ отдаленности, не потерпѣли такого разоренія и служили много къ началамъ возстановленія хозяйственнаго, хоть дѣла ихъ и не пришли въ прежнее положеніе. Кто имѣлъ домъ въ 15 или 16 комнатъ, тотъ живетъ въ двухъ или трехъ вновь построенныхъ хижинахъ, имѣя и прочее имущество по соразмѣрности. Но горе тому, кто имѣлъ небольшую деревню, лежащую на военномъ пути: возвратясь, нашелъ домъ свой и домы крестьянъ своихъ сожженными, людей скитающихся безъ крова и пропитанія, больныхъ и умирающихъ, до такой степени, что едва изъ нихъ третья, а у другаго четвертая часть осталась живыхъ, и то большею частію старыхъ и къ работѣ неспособныхъ, и не имѣющихъ притомъ скота и лошадей, и совершенно безпомощныхъ, поелику небогатый помѣщикъ ихъ во время побѣга своего продалъ все, что имѣлъ съ собою, и возвратился нищимъ, не имѣя не токмо способовъ помочь бѣднымъ своимъ крестьянамъ, но и самъ терпѣлъ голодъ и по бѣдности своей не имѣлъ способовъ занять денегъ, и потому же самому не могъ въ скорости возвратиться въ свое жилище; но иной пріѣхалъ въ нихъ іюля или августа; хотя и просилъ сословіе разоренныхъ, но ужъ было поздно, время прошло и пособія истощились; и ежели бы сіи несчастные не получили по милосердію монаршему пропитанія на три мѣсяца, то всѣ бы бѣдствія ихъ кончились голодною смертію. Въ такомъ положеніи находится по сіе время Смоленская губернія, а именно, богатые нѣсколько поправились, а недостаточные сдѣлались нищими и безъ особаго вспоможенія навсегда таковыми останутся. Тѣ мѣста, которыя отъ театра войны нѣсколько удалены, хотя домы ихъ не сожжены, но распространившіяся болѣзни по многимъ мѣстамъ дѣлали значительныя опустошенія, а повсемѣстный скотскій падежъ лишилъ обывателей скота и лошадей, отчего сельское хозяйство ихъ совершенно упало. Вотъ все, что я могъ, милостивый государь, по свѣдѣніямъ моимъ сообщить вамъ о положеніи Смоленской губерніи. Пребываю и проч. Θедоръ Лыкошинъ, предводитель дворянства Смоленской губерніи. 1816 года мая 7-го дня.

Сообщ. въ 1875 г. **А. Г. Глинка.**

НАРОДНЫЕ СЛУХИ И ТОЛКИ

1827 г.

I.

23-го іюня 1827 года галичскій помѣщикъ, флота капитанъ-лейтенантъ Петръ Петровичъ Фатьяновъ, заявилъ галичскому земскому суду, что съ нѣкотораго времени доходятъ до него слухи, что во многихъ деревняхъ, лежащихъ въ окрестности его усадьбы, объявляется жителямъ, чрезъ сотскихъ, чтобы они не начинали косить травъ до 29-го іюня; «но какъ,—прибавлялъ Фатьяновъ,—мнѣ никѣмъ не было до сего времени объявлено по какому предписанію и причинамъ чинится сіе запрещеніе, то, дабы, по невѣдѣнію моему о семъ распоряженіи вышняго начальства, не содѣлаться безъ причины виновнымъ, нужнымъ считаю просить судъ, дабы чрезъ кого слѣдуетъ объявлено мнѣ было таковое предписаніе».

Находя, что «слухи эти суть ложные, наносящіе общенародный вредъ, о пресѣченіи коего обязанъ дѣйствовать, по должности своей, сотскій той сотни, отъ коего никакихъ по предмету сему свѣдѣній судъ не имѣетъ», земскій судъ потребовалъ къ себѣ, для допроса, красильниковскаго сотскаго деревни Шипелевой, Козьму Иванова, который и объяснилъ, что въ его сотнѣ подобныхъ слуховъ не имѣется, но что 21-го числа старосты трехъ помѣщиковъ сказывали ему будто бы запрещено косить траву до Петрова дня. Услыхавъ это въ первый разъ, онъ тотчасъ отправился въ Галичъ для узнанія истины и узнавъ достовѣрно, «что слухи эти ложные и запрещенія ни откуда на сей случай не имѣется», объявилъ на другой день старостамъ и всѣмъ живущимъ въ его сотнѣ.

Судъ не удовольствовался, однако, этимъ объясненіемъ и поручилъ дворянскому засѣдателю «изыскать виновныхъ, разгласившихъ ложные слухи». Первымъ дѣломъ засѣдателя, по прибытіи на мѣсто, было допросить старосту Кузьмина, на котораго указалъ сотскій, и лишь только онъ началъ свой допросъ, Кузьминъ, «не выслушавъ никакихъ словъ, сталъ божиться и говорить, что знать ничего не знаетъ, а напослѣдокъ сказалъ, что, зайдя къ сотскому, говорилъ, что отъ народной молвы услышалъ о воспрещеніи косить траву до Петрова дня и просилъ отъ него, яко начальника сотни, въ семъ случаѣ разрѣшенія. На это сотскій отвѣчалъ, что съѣздитъ въ Галичъ и узнаетъ о всемъ обстоятельнѣе. Жена же сотскаго говорила ему, что подлинно есть о семъ запрещеніе»; но затѣмъ отъ ссылки своей на жену Иванова Кузьминъ отказался.

Староста другой вотчины, Герасимъ Максимовъ, показалъ засѣдателю, что, возвратясь 20-го іюня домой, засталъ домашнихъ своихъ косящими на огородцѣ траву, а такъ какъ возвращавшіеся съ бывшаго того числа въ Галичѣ торга разные неизвѣстные ему крестьяне и женки говорили, что-де косить траву до Петрова дня запрещено, то опасаясь, чтобы не попасть чрезъ то подъ отвѣтственность, послалъ къ сотскому спросить точно ли есть такое запрещеніе и на другой день получилъ отъ сотскаго отвѣтъ, что «никакихъ нѣтъ запрещеній».

Въ томъ же духѣ объяснилъ дѣло и третій изъ указанныхъ сотскимъ старостъ, Тимофей Даниловъ, съ тою только разницею, что на разсказъ его о народной молвѣ сотскій посовѣтовалъ «погодить косить до тѣхъ поръ, пока онъ съѣздитъ въ Галичъ». Подобный же отвѣтъ сотскій далъ и посланному къ нему старостою Кузьминымъ за недѣлю до 29-го іюня крестьянину Степанову, говоря: «погодите до Петрова дня, ибо уже времени нѣсколько».

Слова эти подали капитанъ-лейтенанту Фатьянову, отъ котораго земскій судъ потребовалъ разъясненія его объявленія, поводъ обвинять красильниковскаго сотскаго, «потому что если онъ не имѣлъ вреднаго намѣренія, то не могъ и не долженъ былъ отвѣчать подобнымъ образомъ, ибо недѣля времени во время работъ много сдѣлаетъ урону въ быту крестьянскомъ». Однако уѣздный судъ прекратилъ это дѣло, въ виду того, «что по изслѣдованіи не открыто, отъ кого именно послѣдовали означенные слухи и всѣ они произошли отъ одной молвы».

Между тѣмъ молва не ограничивалась одною только красильниковскою сотнею; по крайней мѣрѣ, костромской гражданскій губернаторъ и кавалеръ Карлъ Баумгартенъ, въ предложеніи галичскому земскому суду отъ 25-го іюля того же года, писалъ, «что до свѣдѣнія его дошло, что по ввѣренному сему суду уѣзду между обывателями распространены слухи, чтобы до Петрова дня не косить сѣна и не ломать вѣниковъ. Сверхъ того извѣстно, что съ подобнымъ объявленіемъ приходилъ сотскій въ усадьбу Доръ къ помѣщику Ивану Петровичу Тарбѣеву». Поэтому губернаторъ предписалъ суду «строжайше и аккуратнѣйшимъ образомъ изслѣдовать съ чьего приказанія и кѣмъ таковые слухи распространены были».

Сотскій Степанъ Васильевъ, на котораго указывалось въ этомъ предложеніи, отрекся отъ приписываемаго ему запрещенія косить траву и ломать вѣники до Петрова дня, объяснивъ, что управляющему вотчиною Тарбѣева онъ говорилъ только, чтобы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ не работали; но староста деревни Махровой прямо указалъ, что Васильевъ, при встрѣчѣ съ нимъ, сказалъ, «чтобы онъ до Петрова дня сѣна не косилъ и вѣниковъ не ломалъ, о чемъ бы и вотчинѣ подтвердилъ, чтобы они того не производили, ибо-де ему приказано якобы отъ земскаго суда». Въ виду уликъ

старосты на очной ставкѣ, сотскій сознался, что точно разговоръ этотъ между ними былъ, «оттого самаго, якобы имъ слышано, что есть запрещеніе»; и въ дополненіе этого сознанія объяснилъ земскому суду, что объ этомъ запрещеніи онъ слышалъ въ Петровъ постъ, объ Ивановѣ днѣ, на ярмаркѣ въ селѣ Воздвиженскомъ, но отъ кого именно слышалъ—не знаетъ, такъ какъ говорено это было народомъ стороною, а не съ нимъ.

Что касается до Тарбѣева и управляющаго его вотчиною, то извѣстіе о приходѣ къ первому сотскаго съ упомянутымъ въ предложеніи губернатора объявленіемъ не подтвердилось и Тарбѣевъ объяснилъ даже, что онъ уже другой годъ живетъ въ округѣ Буевской, а не въ Галичской, и сотскій у него не бывалъ.

Уѣздный судъ, основываясь на собственномъ сознаніи Васильева, приговорилъ: выдержать его, въ страхъ другимъ, на хлѣбѣ и водѣ при земской полиціи недѣлю, подтвердивъ, чтобы на будущее время отъ подобныхъ разглашеній всемѣрно удержался, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія [1]).

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Языкъ любви сто лѣтъ назадъ.

Въ позднѣйшіе годы все болѣе и болѣе появляется въ отечественной литературѣ историческихъ романовъ изъ прошлаго вѣка, при чемъ сочинители ихъ стараются воспроизводить языкъ, какъ письменный, такъ и разговорный, той эпохи, изъ которой выводятъ своихъ героевъ и героинь. Въ виду этого не безъинтересно привести изъ интимной переписки одной русской дамы—за время болѣе ста лѣтъ тому назадъ—тѣ эпитеты, съ которыми она обращается къ избраннику ея сердца.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: ангелъ, ангелъ мой, батинька, батя, батинька-душа, батинька-сударынька, батинька-голубчикъ-милый, батюшка-голубчикъ, владыко и cher époux (дорогой супругъ), голубчикъ, голубчикъ милой, Гришенокъ мой, Гришенокъ безцѣнный, безпримѣрный и милѣйшій въ свѣтѣ, Гришинька, Гришинька другъ мой, Гришатка мой собственный, голубушка, голубчикъ-другъ-сердечный, голубчикъ-батинька; душа милая, другъ милый, другъ собственный, душа милая-голубчикъ, душенька, душечка, душа моя милая, душенокъ мой дуракъ, дорогія сладкія губки, душатка милая, душечка милая, душечка, душа; жизнь, индѣйскій пѣтухъ, казакъ, котъ заморской, левъ въ тростникѣ, милой, милушка, милуша, миленькой, милая душа, милой и безцѣнной мой, милой мой и прелюбезной другъ, милой другъ, милая милюша, милая милюшечка Гришинька, мамурка, милая Гришифишечка, милюша милая, милюха милушенька, моя жизнь, мой дорогой, моя душа безцѣнная, Московъ; нѣжный мужъ; павлинъ, радость, сударушка, сударка, славной и сладкой, сударка миленькой, собственной мой милой, соколъ мой дорогой; татаринъ, тигръ, шалунъ, яицкой

---

[1]) Изъ дѣлъ архива костромскаго окружнаго суда.

Пугачевъ, Яуръ (?). Cher époux (милый супругъ), mon cher ami, ma perruche (мой попугайчикъ), m'amour (любовь моя), morbleu (чортъ возьми, тьфу пропасть!), mon bijou (моя драгоцѣнность; сокровище), mon ami, mon beau faisan d'or (мой прекрасный золотой фазанъ), mon mari (мой мужъ), mon cher et bien aimé époux (дорогой и возлюбленный супругъ), mon toutou (амка, гамка, вавка).

Сообщ. И. А.

Живописецъ Жанъ Вуаль.

1812 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., т. XXII, помѣщена замѣтка г. Сомова о весьма извѣстномъ у насъ въ прошломъ столѣтіи французскомъ портретистѣ Віолье (онъ-же Вуаль). Віолье былъ еще живъ въ 1812 г. и собирался обратно въ Россію. Вотъ что писалъ о немъ изъ окрестностей Парижа къ графу А. К. Разумовскому нашъ посолъ во Франціи князь Александръ Борисовичъ Куракинъ:

«Pavillon Coislin. Coteau de Bellvue, près Paris, le 22 Mai (3 Juin) 1812.

«M-r le Comte. Permettez moi de recommander aux bontés de V. E. le Conseiller de collège Viollier qui aura l'honneur de lui remettre cette lettre et qui retourne en Russie avec sa famille. Il a le bonheur de jouir de la protection de S. M. l'Imperatrice Mère, dont les bontés l'ont fixé chez nous il y a 30 ans et lui font regarder notre pays comme sa véritable patrie. Ses connaissances dans tout ce qui tient aux beaux arts lui concilieront je l'éspère la faveur de V. E., et j'ose à ce titre lui demander pour M. Viollier un accueil favoralle, auquel je serai bien sensible me flattant qu'il sera aussi un effet des dispositions de V. E. à mon égard. Je la prie и пр. Le Prince Alexandre Kourakin».

Письмо это, находящееся въ архивѣ графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, принадлежащемъ нынѣ правнуку его князю Н. В. Репнину, доказываетъ, что Віолье не только собирался въ Россію, но даже пріѣхалъ въ Петербургъ и доставилъ по назначенію посланіе кн. Куракина.

Сообщ. А. А. Васильчиковъ.

Тревога близь Севастополя 15-го октября 1854 г.

Въ XX-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1877 г., въ Запискахъ доктора А. А. Генрици (стр. 444) изложены обстоятельства тревоги, происшедшей отъ разбѣжавшихся лошадей одного изъ драгунскихъ полковъ. Все это происшествіе изложено не совсѣмъ вѣрно какъ относительно времени, мѣста, такъ и названія драгунскаго полка. Лошади разбѣжались не въ Кинбурнскомъ, а въ Каргопольскомъ драгунскомъ полку. Вотъ вкратцѣ истинное изложеніе этого происшествія.

1-я драгунская дивизія, подъ командою генералъ-лейтенанта Врангеля и въ составѣ трехъ драгунскихъ полковъ, Московскаго, Каргопольскаго и Кинбурн-

скаго, и одного полка Уральскихъ казаковъ, прошла 6-го октября 1854 года чрезъ Перекопъ и въ нѣсколько переходовъ достигла рѣчки Бельбекъ за Бахчисараемъ, гдѣ и была расположена бивакомъ. 13-го октября было получено приказаніе всѣмъ драгунскимъ полкамъ выступить на-легкѣ на Черную рѣчку къ с. Чоргуну; въ 8 часовъ вечера Каргопольскій полкъ выступилъ изъ бивака и въ 4 часа утра 14-го октября перешедши Черную рѣчку вбродъ, остановился на лѣвомъ берегу рѣки и позади Каменнаго моста чрезъ водопроводъ, влѣво отъ него. Здѣсь лошади были покормлены и напоены, съ восходомъ же солнца Каргопольскій полкъ выступилъ чрезъ мостъ водопроводнаго канала на позицію на равнину, гдѣ наканунѣ была производена кавалерійская атака Кардигана и гдѣ еще лежали убитые англійскіе кавалеристы, которыхъ въ это время убирали, а на равнинѣ лежало до 400 труповъ лошадей.

Простоявши цѣлый день 14-го октября на позиціи, къ вечеру кавалерія, оставивъ аванпосты, отошла назадъ за водопроводный каналъ, за исключеніемъ Каргопольскаго драгунскаго полка, который былъ оставленъ на лѣвомъ берегу канала, т. е. на сторонѣ, обращенной къ непріятелю, и расположился на ночлегъ бивакомъ въ эскадронной колоннѣ справа. Такъ какъ полку велѣно выступить на-легкѣ изъ бивака на р. Бельбекѣ и всѣ обозы оставлены были тамъ же, и потому коновязи не были взяты; только командиръ 9-го эскадрона капитанъ Трухачевъ распорядился взять коновязь, раздавъ ее по частямъ въ каждый взводъ. Вслѣдствіе этого остальные девять эскадроновъ не имѣли коновязей и лошади были удерживаемы въ рукахъ солдатъ и приходилось такъ, что лошадей по пяти и болѣе на одного человѣка. Въ 9-мъ же эскадронѣ, который былъ въ тотъ же день дежурнымъ, коновязи были разбиты и у нихъ стояли лошади, только размундштученныя. Ночью, когда большинство людей уснуло, мимо полка проскакала лошадь; былъ ли на ней всадникъ—осталось неизвѣстнымъ, но вслѣдствіе этого шума нѣсколько крайнихъ лошадей шарахнулось, а потомъ и больше лошадей вырвалось съ рукъ сонныхъ людей и всѣ лошади бросились впередъ по направленію къ непріятелю и онѣ не бѣжали на мостъ, такъ какъ онъ былъ сзади. На непріятельской позиціи лошади были встрѣчены выстрѣлами изъ орудій, почему лошади повернули назадъ на отрядъ Жабокрицкаго, который также встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, такъ какъ при темной ночи нельзя было видѣть, что лошади безъ всадниковъ. 9-й же эскадронъ, какъ дежурный, немедленно сѣлъ на лошадей и выѣхалъ впередъ полка и въ этомъ эскадронѣ всѣ лошади оказались на-лицо. Въ то время, когда лошади бросились съ бивака, то часть людей спала въ интервалахъ между эскадронами, а потому нѣсколько было и убитыхъ; я самъ въ это время, проснувшись, видѣлъ въ пяти шагахъ отъ себя убитаго рядоваго 10-го эскадрона шипомъ подковы въ високъ. Съ разсвѣтомъ были посланы драгуны разыскивать бѣжавшихъ лошадей и при помощи казаковъ большинство лошадей было приведено.

Въ Запискахъ же доктора Генрици названъ не тотъ полкъ, въ которомъ разбѣжались лошади, затѣмъ мѣсто бивака указано на правой сторонѣ водопровода, полкъ же стоялъ на лѣвомъ берегу, и, наконецъ, это было не 2-го ноября, а въ ночь съ 14-го на 15-е октября.

Г. Екатеринославъ. Н. Леоновъ.

АРКАДІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЧУБЕЙ

1790—1878.

4-го марта 1878 года скончался въ С.-Петербургѣ, на 89-мъ году своей жизни, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ опекунскаго совѣта Аркадій Васильевичъ Кочубей, одинъ изъ немногихъ послѣднихъ сподвижниковъ славной эпохи 1812—1814 гг. Аркадій Васильевичъ Кочубей былъ правнукомъ Леонтія Васильевича, погубленнаго Мазепою, и младшимъ сыномъ Василія Васильевича Кочубея, отъ брака его съ Еленою Васильевною Туманскою, дочерью генеральнаго писаря, во время управленія Малороссіею графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ. Арк. В. Кочубей родился 9-го февраля 1790 г. въ г. Новгородѣ-Сѣверскѣ (Черниговской губ.) и провелъ первые года дѣтства въ Малороссіи, въ селѣ Ярославцѣ, Кролевецкаго уѣзда, гдѣ жили его родители и гдѣ отецъ его († 1800 г.) въ то время былъ предводителемъ дворянства. Въ 1799 г., когда ему минуло десять лѣтъ, къ нему и брату его Александру Васильевичу [1]) поступилъ гувернеромъ аббатъ Фроманъ, присланный изъ Петербурга графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, двоюроднымъ братомъ его отца. Въ 1802 году, Аркадія Васильевича отвезли въ Петербургъ и помѣстили въ извѣстный тогдашній пансіонъ аббата Николя, куда поступилъ гувернеромъ и Фроманъ; въ этомъ же пансіонѣ воспитывались старшіе братья Арк. В. Демьянъ Васильевичъ [2]) и Василій Васильевичъ. Въ пансіонѣ аббата Николя, находившемся возлѣ нынѣшняго дома министерства путей сообщенія, каждый воспитанникъ имѣлъ свою особенную комнату, число которыхъ никогда не превышало тридцати трехъ. Всѣ науки преподавались на французскомъ языкѣ. Классными товарищами Аркадія Васильевича были братъ его Александръ Васильевичъ, графъ Соллогубъ (отецъ автора «Тарантаса»), Сер. Петр. Неклюдовъ, князь Пав. Павл. Гагаринъ, графъ Ник. Гурьевъ, Обресковъ, графъ Григ. Орловъ, графъ Серг. Павл. Потемкинъ, Алекс. Мих. Потемкинъ, кн. Ал. Як. Лобановъ-Ростовскій, гр. Григ. Самойловъ и Шепингъ. Въ пансіонѣ Аркадій Васильевичъ съ товарищемъ своимъ, графомъ Потемкинымъ, написали оперу въ стихахъ «Душеньку», взятую изъ поэмы Богдановича, и издали ее роскошно съ гравюрами; такъ

[1]) А. В. Кочубей † 1866 г., членъ государственнаго совѣта.

[2]) Умеръ 17-го апрѣля 1858 года, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и въ званіи члена государственнаго совѣта.

же онъ переводилъ Расина. Въ 1806 г. аббатъ Николь сдалъ свой пансіонъ двумъ братьямъ аб. Макаръ, и въ 1807 г. Аркадій Васильевичъ кончилъ свое воспитаніе имѣя всего семнадцать лѣтъ отъ роду. Будучи еще въ пансіонѣ, Арк. В. былъ записанъ юнкеромъ въ иностранной коллегіи, и произведенъ въ переводчики; изъ пансіона его возили присягать на чинъ.

Проведя нѣкоторое время въ Малороссіи, Аркадій Васильевичъ возвратился въ Петербургъ, и, собственно говоря, дѣйствительная его служба началась въ 1809 году, когда онъ, съ братомъ своимъ Демьяномъ Васильевичемъ, перешелъ изъ иностранной коллегіи въ канцелярію Принца Георгія Ольденбургскаго, недавно передъ тѣмъ женившагося на Великой Княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и назначеннаго въ Тверь генералъ-губернаторомъ и главнымъ директоромъ путей сообщеній. Въ Твери, въ 1811 году, Арк. В. былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества.

Когда, въ 1812 году, вспыхнула война, Кочубей покинулъ гражданскую службу и былъ принятъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, поручикомъ, 13-го октября 1812 года, шефомъ котораго былъ генералъ-маіоръ Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ. На четвертый день вступленія своего въ полкъ, Арк. В. участвовалъ въ сраженіи подъ Чашниками 17-го, 18-го и 19-го октября, гдѣ за оказанную храбрость награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ; потомъ былъ въ дѣлахъ 26-го октября при Лукомлѣ, 2-го ноября при Смольнѣ, 12-го при Батурѣ, 15-го подъ Борисовымъ, за участіе въ которыхъ произведенъ въ штабъ-ротмистры; участвовалъ въ занятіи Вильны 30-го ноября, въ дѣлахъ декабря 11-го при мызѣ Кытыніяхъ, 15-го при Тильзитѣ, 22-го при Лабіо, 27-го и 29-го въ дѣлѣ при занятіи Кенигсберга, 30-го при преслѣдованіи непріятеля отъ Баумберга до Эльбинга и занятіи онаго, за которыя награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Въ кампанію 1813 года, Аркадій Васильевичъ участвовалъ въ большихъ генеральныхъ сраженіяхъ: апрѣля 20-го при Люценѣ, 8-го и 9-го мая въ сраженіи при Бауценѣ, въ кровопролитномъ авангардномъ дѣлѣ, въ которомъ были убиты три штабъ-офицера и нѣсколько оберъ-офицеровъ Гродненскаго гусарскаго полка; 10-го подъ Рейхенбахомъ, и въ прикрытіи отступленія, за что награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 13-го и 14-го августа, убита была лошадь подъ Аркадіемъ Васильевичемъ—ядро вырвало ей горло—и сбросило Кочубея съ сѣдла. Гусаръ подвелъ ему свою лошадь, и, такимъ образомъ, онъ продолжалъ участвовать въ дѣлѣ. Послѣ того Арк. В. участвовалъ 2-го октября 1813 г. въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ.

Въ 1814 году Кочубей совершилъ со своимъ полкомъ походъ во Францію, и былъ въ дѣлахъ подъ д. Валеріею 17-го января, при Баргуровѣ 18-го, при д. Лабаекъ 19-го, подъ Труа, при преслѣдованіи непріятеля, за что получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. алмазами украшенный; марта 2-го, 3-го и 6-го въ дѣлахъ на пространствѣ между деревнями С-тъ Мартенъ, Дотеснуханъ и Лахель, 8-го и 9-го въ сраженіи подъ Арси, 13-го подъ Ферштанпенуазомъ, 17-го и 18-го подъ Парижемъ. Здѣсь онъ получилъ отъ короля прусскаго орденъ Краснаго Орла 3-й степени.

Въ 1814 году сентября 14-го, Арк. В. Кочубей произведенъ въ ротмистры, а 10-го октября того же года онъ былъ переведенъ, тѣмъ же чиномъ, лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ, находясь въ то время въ отпуску въ деревнѣ, а потому, въ началѣ 1815 года, Арк. В. возвратился въ Петербургъ и явился въ Царское Село въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, коимъ въ то время командовалъ генералъ-маіоръ Левашевъ. Служа въ лейбъ-гусарскомъ полку, Арк. В. совершилъ походъ въ Вильну, гдѣ было получено извѣстіе объ Ватерлооской побѣдѣ, и гвардія возвратилась въ Петербургъ. Въ гусарскомъ полку Арк. В. Кочубей оставался не долго, потому что, съ перваго дня поступленія въ полкъ, онъ не сошелся съ полковымъ командиромъ. Левашева въ гусарскомъ полку вообще не любили; онъ былъ чрезвычайно жестокъ, кромѣ того, съ нижними чинами.

Арк. В. Кочубей просилъ командира гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, генерала И. В. Васильчикова, о переводѣ своемъ въ корпусъ графа Воронцова, находившійся во Франціи, что и было вскорѣ исполнено. Арк. В. въ 1816 году перевели подполковникомъ въ Тверской драгунскій полкъ, коимъ командовалъ полковникъ Набель, старшій его товарищъ и пріятель по Гродненскому гусарскому полку.

Главная квартира графа Воронцова была въ Мобежѣ, а полка— г. Ритель. Въ Тверскомъ драгунскомъ Арк. В. назначенъ командиромъ втораго эскадрона, и въ отсутствіи полковаго командира, въ 1818 году, когда полковникъ Набель ѣздилъ лечиться въ Висбаденъ, Арк. В. командовалъ временно полкомъ. Потомъ графъ Воронцовъ предлагалъ Арк. В. мѣсто коменданта въ г. Aveines (г. Авенъ), но Арк. В. отказался, предпочитая оставаться въ полку.

Въ 1819 г., послѣ Ахенскаго конгресса, императоръ Александръ I заѣзжалъ въ Мобежъ—осматривать корпусъ Воронцова, и вскорѣ послѣ того, войска наши осенью возвратились въ Россію. Тверской драгунскій полкъ поступилъ во 2-ю драгунскую дивизію корпуса графа Ламберта, стоявшую въ Воронежской губерніи. Квартира Тверскому полку была назначена въ селѣ Бѣлогорьѣ, на берегу р. Дона, въ Острогорскомъ уѣздѣ.

Въ концѣ 1821 года Арк. В. взялъ безсрочный отпускъ и отправился въ деревню Ярославецъ, Черниговской губерніи, и въ 1824 г. вышелъ въ отставку.

Въ поѣздку свою въ Диканьку къ графу Виктору Павловичу Кочубею, онъ влюбился въ племянницу графини Маріи Васильевны Кочубей, княжну Софію Николаевну Вяземскую, на которой и женился въ томъ же 1824 г. 15-го сентября, и послѣ свадьбы вновь поступилъ на службу и опредѣлился по особымъ порученіямъ къ главноначальствующему надъ почтовымъ департаментомъ. Служа въ почтовомъ вѣдомствѣ, Арк. В., уже въ чинѣ статскаго совѣтника, въ 1827 г., въ день крестинъ Великаго Князя Константина Николаевича, пожалованъ былъ въ званіе камергера Двора Его Величества.

Вскорѣ послѣ того, 9-го марта 1828 г., Арк. В. былъ назначенъ кіевскимъ вице-губернаторомъ, гдѣ онъ оставался три года, которые, по словамъ Арк. В. К., были самымъ счастливымъ временемъ его жизни—и дѣйствительно, онъ пользовался въ Кіевѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовію, и оставилъ по себѣ въ кіевлянахъ отрадное воспоминаніе. Наградой за его въ Кіевѣ службу былъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ маѣ 1830 г., во время пріѣзда государя императора Николая въ Кіевъ, Арк. В. К. назначенъ былъ орловскимъ губернаторомъ; здѣсь, въ 1834 году, скончалась послѣ десятилѣтней счастливой супружеской жизни жена Аркадія Васильевича Софія Николаевна Кочубей.

Передъ этимъ, въ 1833 г., Арк. В. получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени. Сентября 20-го 1834 г. государь императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Орелъ для осмотра драгунскаго корпуса, и пробылъ въ Орлѣ восемь дней. Объ этомъ весьмидневномъ пребываніи покойнаго императора Аркадій Васильевичъ любилъ часто вспоминать и говорить.

Государь былъ очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ въ Орлѣ и, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, вручилъ Арк. В. орденъ св. Анны 1-й степени.

Въ 1835 г. Арк. В. принялъ дѣятельное участіе въ учрежденіи орловскимъ помѣщикомъ Брянскаго уѣзда Михаиломъ Петровичемъ Бахтинымъ кадетскаго корпуса, и опять принималъ, 7-го сентября 1835 г., императора Николая Павловича въ Орлѣ, проѣзжавшаго для осмотра войскъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, вслѣдствіе повторенныхъ просьбъ Арк. В. объ увольненіи отъ губернаторской должности, онъ, въ 1837 г., былъ произведенъ въ тайные совѣтники, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, и отчисленъ отъ должности губернатора.

Въ 1842 г. Арк. В. назначенъ сенаторомъ, въ 1-е отдѣленіе 5-го департамента. Въ 1847 г., въ апрѣлѣ, назначенъ почетнымъ опеку-

номъ въ спб. опекунскій совѣтъ и вслѣдъ за симъ попечителемъ больницы Всѣхъ Скорбящихъ.

Больницею Всѣхъ Скорбящихъ управлялъ болѣе двадцати лѣтъ, и при увольненіи отъ управленія Арк. В. удостоился получить Высочайшій рескриптъ:

«Аркадій Васильевичъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, не смотря на преклонныя лѣта и многочисленныя занятія по сенату, вы съ неутомимымъ усердіемъ заботились о благоустройствѣ ввѣренной вашему управленію больницы Всѣхъ Скорбящихъ. Нынѣ, увольняя васъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, отъ обязанностей по означенному заведенію, Я справедливымъ долгомъ считаю выразить вамъ при этомъ случаѣ совершенную Мою признательность и благоволеніе. Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ. Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, 27-го января 1868 года.

Продолжительная служба Аркадія Васильевича Кочубея, въ званіи сенатора и почетнаго опекуна, была вознаграждена 1848 г. орденомъ св. Владиміра 2-й степени, 1851 г. Бѣлаго Орла, 1855 г., уже въ нынѣшнее царствованіе, орденомъ св. Александра Невскаго, 1856 г. чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, 1859 г. бриллiантовыми знаками Александра Невскаго, и послѣднею наградою Арк. В., полученною имъ на службѣ, былъ орденъ св. Владиміра 1-й степени. Послѣдніе годы, уже въ глубокой старости, Арк. В. перестал ъѣздить и въ сенатъ и въ опекунскій совѣтъ.

Аркадій Васильевичъ Кочубей, проживъ до глубокой старости, былъ вездѣ и всегда любимъ всѣми знавшими и окружавшими его.

Отличительною чертою его и двухъ братьевъ его, Демьяна и Александра В. Кочубеевъ, съ которыми его соединяла неизмѣнная дружба, было исчезающее совершенно въ нынѣшній вѣкъ гостепріимство, хлѣбосольство и желаніе помочь ближнему. На сколько онъ могъ, онъ старался помочь каждому нуждающемуся; сколько лицъ были облагодѣтельствованы тремя братьями, про то знаютъ многіе малороссіяне, съ благоговѣніемъ вспоминающіе о своихъ покровителяхъ. Не задолго до смерти, мучимый тягостною болѣзнію, онъ со смиреніемъ переносилъ страшныя страданія, причастился, и, вскорѣ послѣ оправившись, жилъ недѣли три, и тихо заснулъ 4-го марта 1878 года. 7-го марта тѣло Аркадія Васильевича было предано землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, возлѣ могилъ братьевъ-друзей. При выносѣ, ему были отданы воинскія почести, какъ кавалеру золотаго оружія за храбрость. Передъ домомъ, по Мойкѣ, находился въ строю лейбъ-гвардіи Конный полкъ и гвардейская конная батарея.

Графъ Милорадовичъ.

СУДЕБНОЕ ДѢЙСТВІЕ,

ПРОИСХОДИВШЕЕ ДЕКАБРЯ 21-ГО ДНЯ 1809 ГОДА,

ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПАНСІОНѢ,

ВО ВРЕМЯ ГОДИЧНАГО ИСПЫТАНІЯ ЮНОШЕСТВА,

ОБУЧАЮЩАГОСЯ РОССІЙСКОМУ ПРАКТИЧЕСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ,

ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ КОЛЛЕЖСКАГО СОВѢТНИКА

ЗАХАРІЯ ГОРЮШКИНА.

Дѣйствіе производилось въ Уѣздномъ Судѣ, въ залѣ Благороднаго Пансіона, представленной въ видѣ судебнаго мѣста.

МОСКВА.
1809.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Уѣздный судья, ... Павелъ Хотяинцовъ.

Засѣдатели:

Старшій, ... Ефимъ Карновичъ.
Младшій, ... Сергѣй Саларевъ.
Стряпчій, ... Сергѣй Чаплинъ.
Секретарь, ... Θедоръ Гамалѣя.
Протоколистъ, ... Иванъ Выходцевъ.
Регистраторъ, ... Александръ Выходцевъ.

У протоколиста:

Подканцеляристъ, ... Алексѣй Охотницкой.
Копіистъ, ... Степанъ Карновичъ.

У регистратора:

Канцеляристъ, ... Николай Медвѣдевъ.
Подканцеляристъ, ... Иванъ Забѣлинъ.
Копіистъ, ... Петръ Храповицкій.
Повытчикъ гражданскихъ дѣлъ, ... Алексѣй Комаровъ.

У него:

Подканцеляристъ, ... Иванъ Изборскій.
Копіистъ, ... Дмитрій Поповъ.
Повѣренные: . . . . 1-й. Николай Гамалѣя.
» . . . . 2-й. Николай Каменскій.

Предложена для рѣшенія задача:

Имѣетъ-ли право участвовать въ наслѣдственномъ недвижимомъ имѣніи сестра послѣ брата съ дочерью его?

Всѣ назначенные къ отправленію дѣйствія входятъ въ залу слѣдующимъ порядкомъ:

1-е. **Младшій засѣдатель;** за нимъ секретарь и протоколистъ рядомъ.

За ними стряпчій.

Первые трое садятся на свои мѣста, а стряпчій или тутъ остается, или уходитъ.

2-е. **Старшій засѣдатель.**

Секретарь и протоколистъ, вставши, ему кланяются; засѣдатель, сдѣлавши имъ и младшему засѣдателю приличную учтивость, садится на свое мѣсто.

3-е. Наконецъ, входитъ **уѣздный судья.**

Увидѣвши его, всѣ встаютъ и кланяются; онъ, отвѣтствуя имъ также поклономъ, садится на свое мѣсто. Секретарь становится въ концѣ судейскаго стола, подлѣ старшаго засѣдателя, а протоколистъ у налоя, поставленнаго въ концѣ сего стола, и дѣйствіе начинается. Уѣздный судья открываетъ засѣданіе рѣчью, на которую сперва старшій засѣдатель, а потомъ младшій отвѣтствуютъ.

СУДЬЯ.

Милостивые государи! Счастливо государство, въ которомъ каждый гражданинъ споспѣшествуетъ благу ближнихъ, каждый членъ общества ревностно исполняетъ долгъ свой. Воинъ, съ мечомъ въ рукахъ, охраняетъ отечество отъ нападеній непріятеля;—судья неусыпно печется о покоѣ и благоденствіи внутреннемъ, наказуетъ клевету и неправду и отверзаетъ невинности кровъ и защиту надежную; — ученый наставляетъ народъ добродѣтели и просвѣщенію: миръ и блаженство цвѣтутъ въ странѣ сей! На насъ, любезные товарищи! возложена священнѣйшая обязанность блюсти вѣсы правосудія и воздавать каждому по дѣламъ его. Обязанность пріятная, драгоцѣнная сердцамъ нашимъ! Постараемся быть достойными своего званія и оправдать выборъ дворянства!...

СТАРШІЙ.

Правосудіе есть главная добродѣтель судіи. Судья безъ правосудія подобенъ воину безъ меча и храбрости, подобенъ земледѣльцу безъ пажити и трудолюбія. Дворянство почтило насъ своею довѣренностію, вручило намъ вѣсы Ѳемиды. Поклянемся предъ верховнымъ Судіею и предъ престоломъ человѣколюбиваго государя нашего не нарушать законовъ совѣсти и правды.

МЛАДШІЙ.

Такъ, милостивые государи! нашъ долгъ защищать утѣсненную невинность и карать преступленіе. Исполнимъ свято долгъ свой. Признательность сыновъ отечества и спокойствіе совѣсти нашей будутъ для насъ наградою, ни съ какимъ сокровищемъ несравненною.

СУДЬЯ.

Теперь приступимъ къ нашей должности (Звонитъ въ колокольчикъ и говоритъ къ придвернику): Просителей.

ПРИДВЕРНИКЪ (впускаетъ по одному).

ПРОСИТЕЛЬ (входитъ и кланяется съ учтивостію).

СУДЬЯ (знавши его).

А! Семенъ Ивановичъ! что вамъ угодно?

ПРОСИТЕЛЬ.

Мнѣ нужно подать прошеніе отъ жены моей, о утвержденіи за нею недвижимаго имѣнія послѣ родителя ея (Подаетъ).

СЕКРЕТАРЬ (принявъ прошеніе, читаетъ).

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь императоръ Александръ Павловичъ, самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій!

Проситъ титулярнаго совѣтника Семена Иванова сына Добромыслова жена Анна Сидорова дочь; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Сего 1809 года октября 5-го дня, родитель мой коллежскій секретарь Сидоръ Петровичъ Правинъ скончался; за нимъ было во владѣніи недвижимаго имѣнія, доставшагося ему по наслѣдству послѣ родителя его Петра Сергѣевича Правина, Пансіонскаго округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, написанныхъ по нынѣшней 5-й ревизіи за упомянутымъ дѣдомъ моимъ 835 душъ, съ

принадлежащими къ нимъ по генеральному размежеванію землями, оставшіяся за отдачею мнѣ въ приданое въ деревнѣ Игнатьевой 90 душъ. А какъ у него другихъ ни сыновей, ни дочерей не было: то по всему оному, на основаніи уложенія 17-й главы 2-й стать 2-го отдѣленія, состою я одна наслѣдницею. Ибо хотя имянованный родитель мой и имѣетъ родную сестру Марью, но она родителемъ его выдана въ замужство за коллежскаго совѣтника Ивана Гаврилова сына Разсудова, съ даннымъ ей въ приданое недвижимымъ его имѣніемъ, состоящимъ сего же округа въ деревнѣ Сидоровой въ 75-ти душахъ: то она, по силѣ указа 7185 года августа 10-го дня, въ томъ оставшемся послѣ родителя моего недвижимомъ имѣніи при жизни моей участвовать не можетъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было то оставшееся послѣ родителя моего наслѣдственное недвижимое имѣніе, на основаніи законовъ, за мною справить и отказать. Сіе прошеніе подать, за дѣломъ хожденіе имѣть, къ чему надлежитъ, тако же въ удовольствіи и неудовольствіи подписываться вѣрю я имянованному мужу моему, о чемъ дано ему отъ меня вѣрющее письмо, при семъ приложенное.

Всемилостивѣйшій государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ прошеніи рѣшеніе учинить. Вашего императорскаго величества вѣрноподданная Анна Добромыслова. Декабря 21-го дня 1809 года. Сіе прошеніе сочинялъ и на-бѣло переписывалъ Пансіонскаго земскаго суда канцеляристъ Андрей Петровъ сынъ Волковъ. Къ поданію надлежитъ въ Пансіонскомъ уѣздномъ судѣ.

СЕКРЕТАРЬ (къ просителю).

Извольте подписать подачу и дать на производство дѣла гербовой бумаги. (Идетъ къ своему столу, а за нимъ)

ПРОСИТЕЛЬ (подписываетъ подачу такъ):

1809 года декабря 21-го дня подалъ повѣренной Семенъ Добромысловъ.

СЕКРЕТАРЬ (звонитъ между тѣмъ въ колокольчикъ и говоритъ къ придвернику).

Повытчика.

ПОВЫТЧИКЪ.

Что прикажите?

СЕКРЕТАРЬ.

Прими гербовой бумаги 5 листовъ.

ПРОСИТЕЛЬ (подписавши, отдаетъ).

СЕКРЕТАРЬ (къ просителю).

Напишите тутъ же, что и отдали.

ПРОСИТЕЛЬ (пишетъ).

И далъ на производство гербовой бумаги 5 листовъ (И потомъ идетъ къ судьѣ).

СУДЬЯ (къ просителю).

Мы не замедлимъ сдѣлать рѣшеніе по вашей просьбѣ.

ПРОСИТЕЛЬ (поклонясь, уходитъ).

СУДЬЯ.

Кажется, это дѣло обыкновенное. Кому въ такомъ случаѣ, какъ не дочери, быть наслѣдницею послѣ отца.

СТАРШІЙ.

Конечно. Хотя и видно, что послѣ покойнаго оставалась сестра, да она выдана отъ отца ея съ награжденіемъ. При томъ всегдашній опытъ подтверждаетъ, что имѣніе по законамъ, въ прошеніи изъясненнымъ, дается послѣ отца дочерямъ, противъ чего и тетки ни слова не говорили.

СУДЬЯ.

Кажется, будто здѣсь и толковать болѣе нечего.

МЛАДШІЙ.

Однакожъ всегда и во всемъ должно основывать заключенія свои на точной силѣ и словахъ законовъ, и примѣры не должны быть основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ.

СТАРШІЙ.

Кто можетъ вамъ противорѣчить въ этомъ; только и въ законахъ иного ничего не сыщемъ, какъ то, что дочь послѣ отца наслѣдница, а не сестра.

МЛАДШІЙ.

Не говоря еще ничего о законныхъ предписаніяхъ, я скажу только, что и тетка ея также дочь отцу своему, и онѣ между собою, въ разсужденіи ихъ пола, равны. Изъ прошенія видно, что дано въ приданое родителями ихъ: за теткою 75, а за племянницею 90 душъ. И такъ она, получа достальныя 835, будетъ имѣть 925 душъ изъ дѣдовскаго имѣнія: то судя естественно, я не вижу, почему бы должна быть дочь сына предпочтительнѣе дочери отца его.

СТАРШІЙ.

Да что намъ заниматься этими мыслями, когда законы говорятъ иначе

МЛАДШІЙ.

Это какъ вамъ угодно; а я прежде, нежели услышу о томъ слова закона, не смѣю утверждать ни того, ни другаго.

СУДЬЯ.

Иначе и быть не должно; теперь мы только предварительно судимъ, по словамъ прошенія.

МЛАДШІЙ.

Въ прошеніяхъ иногда пишутъ всякъ по своему.

СЕКРЕТАРЬ (въ это время дѣлаетъ на прошеніи помѣту такъ: №, подано декабря 21-го дня. Учиня справку съ архивомъ и выписку изъ дѣла и законовъ, предложить къ докладу. Отдаетъ прошеніе протоколисту, а онъ регистратору. Сей, записавъ его во входящую книгу, отдаетъ повытчику съ роспискою въ ней. Повытчикъ, записавши запросъ въ архивъ, подаетъ его секретарю; онъ, подписавши его, отдаетъ повытчику, и при окончаніи послѣднихъ словъ младшаго, подошедъ къ судейскому столу, къ судьямъ).

Я приказалъ изготовить все, что нужно къ рѣшенію сего дѣла.

СУДЬЯ.

Вотъ увидимъ.

ПРИДВЕРНИКЪ.

Господинъ коллежскій совѣтникъ Разсудовъ приказалъ о себѣ доложить.

СУДЬЯ.

Проси его сюда, и какъ войдетъ, подай стулъ.

ПРОСИТЕЛЬ (съ учтивостію подаетъ судьѣ бумагу и придверникъ ставитъ для него стулъ).

СУДЬЯ (указывая на стулъ).

Прошу садиться. Позвольте спросить, что это за бумага?

ПРОСИТЕЛЬ.

Прошеніе жены моей о раздѣлѣ съ племянницею ея недвижимаго имѣнія, оставшагося послѣ первой—брата, а послѣдней—отца.

СЕКРЕТАРЬ (принявъ, читаетъ).

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь императоръ Александръ Павловичъ, самодержецъ всероссійскій, государь всемилостивѣйшій!

Проситъ коллежскаго совѣтника Ивана Гавриловича Разсудова жена Марья Петрова дочь; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

I.

Родитель мой Петръ Сергѣевичъ Правинъ, имѣя за собою недвижимое имѣніе, состоящее Пансіонскаго округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, людьми и крестьянами, написанными за нимъ по нынѣшней 5-й ревизіи 1,000 душами, со всѣми принадлежащими къ нимъ, по генеральному размежеванію, землями и всякими на ней угодьями, въ 1795 году августа 17-го дня, далъ изъ него за мною въ приданое деревню Сидоровскую, состоящую въ семидесяти пяти душахъ, съ принадлежащею къ ней землею, и 1796 года мая 25-го дня скончался. Послѣ его все оставшееся за нимъ недвижимое имѣніе, на основаніи уложенія 17-й главы 2-й статьи 1-го отдѣленія, дано сыну его, а моему родному брату Сидору. Онъ, владѣя тѣмъ недвижимымъ имѣніемъ, 1797 года января 9-го дня, отдалъ же изъ него въ приданое за дочерью своею Анною деревню Игнатову, имѣющую въ себѣ девяносто душъ, съ принадлежащею къ ней землею, и сего 1809 года октября 5-го дня умеръ. Послѣ его на основаніи оной уложенной статьи и указа 7184 года марта 14-го дня, по 7-му докладу, состою я къ оставшему по немъ, братѣ моемъ, родовому недвижимому имѣнію, обще съ дочерью его, вотчинницею.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было изъ того оставшагося послѣ брата моего наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія, надлежащее по законамъ количество за мною справить и отказать. Сіе прошеніе подать, за дѣломъ хожденіе имѣть, и къ чему надлежитъ руку прикладывать, въ удовольствіи и неудовольствіи подписываться—вѣрю я именованному мужу моему, и что учинитъ—прекословить не буду, о чемъ и даю ему отъ меня особливое вѣрющее письмо, при семъ приложенное.

Всемилостивѣйшій государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Вашего императорскаго величества вѣрноподданная Марья Разсудова. Декабря 21-го дня 1809 года. Сіе прошеніе сочинялъ и переписывалъ Пансіонскаго земскаго суда копіистъ Сидоръ Андреяновъ сынъ Строкинъ. Къ подачѣ надлежитъ въ Пансіонскомъ уѣздномъ судѣ. (Кладетъ прошеніе предъ просителя). Извольте подписать подачу и пожаловать на производство дѣла гербовой бумаги.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я прикажу ее дать. Сколько прикажете?

СЕКРЕТАРЬ.

Три листа.

ПРОСИТЕЛЬ (пишетъ подачу такъ):

1809 года декабря 21-го дня подалъ повѣренной Разсудовъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Извольте тутъ же написать: и далъ на производство гербовой бумаги три листа.

ПРОСИТЕЛЬ (и то пишетъ).

СЕКРЕТАРЬ (взявши прошеніе, на своемъ столѣ пишетъ на немъ помѣту: №, подано декабря 21-го дня. Отдать къ дѣлу и росписать оное и помѣщенные въ немъ законы въ выписку. Отдаетъ протоколисту, и оно по прежнему порядку доходитъ до повытчика, который, что помѣчено секретаремъ, исполняетъ).

СУДЬЯ (къ просителю).

Мы предъ вами не скроемъ: отъ племянницы вашей супруги теперь же подано мужемъ ея прошеніе, чтобъ оставшее послѣ отца ея имѣніе утвердить за нею одною.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я это и прежде зналъ. Къ счастію нашего семейства, оно отнюдь не разстроитъ нашей родственной связи. Мы и безъ того богаты; за нимъ или за мною оно будетъ, меня не обогатитъ, а его не разоритъ.

СУДЬЯ.

Это весьма благородно.

ПРОСИТЕЛЬ.

Я увѣренъ, что племянница сейчасъ охотно бы раздѣлила съ теткою это имѣніе; но мы имѣемъ дѣтей, а дворянская грамота говоритъ: «Благородный наслѣдственнымъ имѣніемъ да не распоряжаетъ инако, какъ законами предписано».—И потому не дѣлая сдѣлки по домашнему, мы положили войти въ судъ къ исполнителямъ законовъ.

СУДЬЯ.

Примѣрное родство!

ПРОСИТЕЛЬ.

Да за что тутъ ссориться? Правосудіе подобно вѣсамъ: съ одной стороны существо дѣла, а съ другой—законъ: то неужели на это должно негодовать, когда положенныя на нихъ тяжести одна другую будутъ перевѣшивать? Это ихъ свойство.

СУДЬЯ.

Однакожъ, кажется, это дѣло не такъ мудрено, чтобъ и дома его не можно было кончить. Примѣры многихъ рѣшеній подтверждаютъ, что послѣ отца дочь наслѣдница.

ПРОСИТЕЛЬ.

Боимся чтобъ, опершись на примѣрахъ, не ошибиться. Пусть лучше скажутъ намъ тѣ, которые обязаны говорить по точной силѣ и словамъ законовъ: да или нѣтъ!

СУДЬЯ.

Мы займемся рѣшеніемъ этой задачи.

ПРОСИТЕЛЬ (вставши).

Покорнѣйше васъ прошу объ этомъ (уходитъ).

СУДЬЯ (старшему).

Неужъ-ли этому иначе быть должно, какъ мы прежде думали?

СТАРШІЙ.

Посмотримъ, что намъ скажутъ законы?

ПОВЫТЧИКЪ (подошедъ къ секретарю).

Выписка изъ законовъ по дѣлу г-жъ Добромысловой и Разсудовой готова.

СУДЬЯ (къ секретарю).

Пожалуй представь намъ скорѣе эту матерію на разрѣшеніе, такъ ли она мудрена, какъ мы объ ней теперь слышали?

СЕКРЕТАРЬ (подписавши выписку).

Выписка готова и повѣренные подписались, чтобъ слушать ее безъ нихъ.

СУДЬЯ.

Читайте.

СЕКРЕТАРЬ.

Существо дѣла вамъ уже извѣстно: не прикажете-ли начать съ законовъ?

МЛАДШІЙ.

По моему, для чего же и не такъ?

СТАРШІЙ.

И я на это согласенъ.

СУДЬЯ.

Читайте законы.

СЕКРЕТАРЬ.

Уложенія глава 17-я о вотчинахъ начинается такъ (читаетъ): «Въ прошломъ во 136 году блаженныя памяти великій государь, царь и великій князь Михайла Θеодоровичъ всея Россіи, и отецъ его государевъ блаженныя-же памяти, великій государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, патріархъ московскій и всея Россіи, указами о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ». Потомъ статьи 2-й въ отдѣленіи 1-мъ (читаетъ): «У которыхъ вотчинниковъ послѣ ихъ останутся дочери ихъ и сестры замужемъ, и объ вотчинахъ ихъ учнутъ бить челомъ по родству челобитчики, тѣхъ умершихъ дочери и сестры, которыя замужемъ, въ вотчину же».

МЛАДШІЙ.

Это какъ двѣ капли воды съ нашимъ дѣломъ.

СТАРШІЙ.

Справедливо. Но послушаемъ, что будетъ далѣе.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«И имъ чинити указъ по уложенію; а онѣ тѣмъ вотчинамъ вотчичи».

СТАРШІЙ.

Это еще не конецъ. Надобно слышать, какой указъ есть объ этомъ далѣе въ уложеніи?

МЛАДШІЙ.

Справедливо. Но что сестра послѣ брата съ дочерью его въ оставшемъ по немъ участвуетъ, то это, кажется, очень ясно сказано.

СУДЬЯ.

Пожалуйте: послушаемъ далѣе, тутъ, можетъ быть, все есть.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«А послѣ которыхъ умершихъ учнутъ бить челомъ о вотчинахъ послѣ отцовъ своихъ сыновья и дочери, и тѣ вотчины давати сыновьямъ, а дочерямъ вотчинъ съ братьею жеребьевъ не давати, пока-мѣста братья ихъ живы, а давати дочерямъ послѣ отцовъ ихъ изъ помѣстей на прожитокъ по указу».

СТАРШІЙ.

Но это при жизни брата такъ и было; что же дѣлать, какъ онъ умеръ?

МЛАДШІЙ.

Кажется, и объ этомъ ясно сказано: «Дочерямъ вотчинъ съ братьею жеребьевъ не давати, покамѣстъ братья ихъ живы». Слѣдовательно, какъ умрутъ, то давать.

СТАРШІЙ.

По заключенію—такъ; но должно знать, что̀ объ этомъ законы говорятъ.

МЛАДШІЙ.

Инъ какъ вамъ угодно.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«А какъ братей ихъ не станетъ, и дочери тѣмъ вотчин амъ вотчичи».

СТАРШІЙ.

Вотъ и конецъ.

МЛАДШІЙ.

Справедливо.

СТАРШІЙ.

Такъ поэтому одна дочь послѣ отца и наслѣдница, а не сестра его съ нею?

МЛАДШІЙ.

А, по моему, надобно прежде разсудить: о чьихъ дочеряхъ тутъ говорится?

СТАРШІЙ.

О чьихъ же, какъ не о сыновнихъ?

МЛАДШІЙ.

А мнѣ кажется—о дочеряхъ отеческой и сыновней.

СТАРШІЙ.

Желалъ бы я, чтобъ мнѣ это было доказано.

МЛАДШІЙ.

Изволили слышать во-первыхъ: умираетъ нѣкто, послѣ его остается дочь его и сестра.

СТАРШІЙ.

Такъ.

МЛАДШІЙ.

И слѣдовательно, онѣ въ отношеніи къ ихъ родителямъ—дочери.

СТАРШІЙ.

Что же далѣе?

МЛАДШІЙ.

Не о нихъ ли послѣ этого сказано, что одна послѣ отца, а другая послѣ брата—вотчичи.

СТАРШІЙ.

Да это уже кончено; требуется повелѣніе объ оставшихся послѣ умершаго сына и дочери.

МЛАДШІЙ.

Я и на это вамъ доложу: наслѣдовалъ въ имѣніи перваго сынъ, а второй—братъ.

СТАРШІЙ.

Правда.

МЛАДШІЙ.

Потомъ умираетъ братъ, остается въ живыхъ его сестра, а перваго дочь: то о комъ же сказать, какъ не о дочери перваго вотчинника, а послѣдняго сестрѣ.

СТАРШІЙ.

Пусть такъ; но тутъ говорится о такомъ братѣ, послѣ котораго не осталось дѣтей, а у насъ есть дочь.

МЛАДШІЙ.

Нѣтъ, здѣсь этого не сказано, а говорится во множественномъ числѣ о дочеряхъ.

СТАРШІЙ.

А что же изъ этого слѣдуетъ?

МЛАДШІЙ.

Слышали вы, что онѣ дочери сына и отца, и что о участіи послѣ одной отца, а другой брата сказано: онѣ вотчичи. — Да положимъ и по вашему, что въ послѣднемъ случаѣ говорится только о смерти одного брата; но оставилъ ли онъ дѣтей, о томъ ни слова не сказано.

СТАРШІЙ.

Что же изъ этого слѣдуетъ?

МЛАДШІЙ.

То, что при какихъ бы обстоятельствахъ ни умеръ братъ, сестра послѣ его вотчинница.

СТАРШІЙ.

Такъ, по вашему, если-бъ братъ и сына оставилъ: то и при немъ тетка его была бы вотчинницею?

МЛАДШІЙ.

У насъ теперь этакой матеріи нѣтъ, то и не нужно ею заниматься, по пословицѣ: о чемъ не просятъ, того не судятъ. А отвѣтствовалъ я только на вашъ вопросъ.

СУДЬЯ.

Такъ-ли, сякъ-ли будетъ, оставимъ до времени судить объ этомъ, а послушаемъ, что далѣе говорятъ законы.

СЕКРЕТАРЬ.

Въ отдѣленіи 2-мъ (читаетъ): «Да въ прошломъ въ 137-мъ году блаженныя памяти великій государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, патріархъ московскій и всея Россіи, указалъ вотчины родовыя и за службы данныя отдавати вотчинамъ дѣтямъ сыну, а буде умершаго сына не будетъ, и тѣ вотчины дочерямъ».

СТАРШІЙ.

Ну, вотъ и кончано. У насъ послѣ умершаго нѣтъ сына, а есть дочь; слѣдовательно, и должна наслѣдовать она, не смотря на то, что послѣ сего осталась сестра.

МЛАДШІЙ.

О! пожалуйста, удержитесь съ своимъ заключеніемъ. Здѣсь очень ясно видѣть можно, что это узаконеніе о томъ, когда послѣ умершаго останется сынъ или дочь, а о сестрѣ его и слова нѣтъ.

СТАРШІЙ.

Да что изъ этого слѣдуетъ?

МЛАДШІЙ.

То, что если судить по вашему, то оба эти закона одинъ другому будутъ противорѣчить; но поелику они говорятъ совсѣмъ о разныхъ случаяхъ наслѣдства женскаго пола, въ самомъ дѣлѣ бываемаго, то этого объ нихъ и мыслить я не смѣю.

СТАРШІЙ.

Для меня такъ это не вразумительно.

МЛАДШІЙ.

Напротивъ, очень ясно. Извольте представить, по вашему, будетъ вотъ какъ: по первому закону будутъ участвовать въ имѣніи и дочь и сестра; а по второму получитъ все одна дочь, хотя бы и была у него сестра: слѣдовательно, одинъ случай будетъ производить разныя дѣйствія, одно другому противныя; то какъ же это назвать, какъ не противорѣчіемъ?

СТАРШІЙ.

Что же далѣе?

МЛАДШІЙ.

А естьли въ первомъ случаѣ будутъ участвовать дочь и сестра, а во второмъ, когда нѣтъ сестры, одна дочь: то будутъ оба эти закона дѣйствовать на каждый особенно случай, а не противорѣчить; и слѣдовательно, въ первомъ дочь сына будетъ въ наслѣдіи равна дочери отца, а не предпочтительнѣе, какъ вы изволите полагать. Вотъ случай одинъ изъ тѣхъ, для которыхъ нужно знать естественное право, дабы удобнѣе понять гражданское!

СУДЬЯ.

Позвольте еще болѣе вникнуть въ слова законовъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Статья 4-я: «О родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ государь указалъ и бояре приговорили быти по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и по уложенію прежнихъ государей отца своего государства блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Россіи и дѣда своего святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха московскаго и всея Россіи 136 и 137 году, какъ писано выше сего, у кого сыновей не останется и родовыя и выслуженныя вотчины давати дочерямъ».

СТАРШІЙ.

Да это все то же, что прежде слышали.

МЛАДШІЙ.

И притомъ все сказанное въ указахъ 136 и 137 годовъ, въ первомъ случаѣ о участіи дочери съ сестрою ея отца, а во второмъ—одной дочери, когда нѣтъ сестры, подобно печати утверждается на вѣчныя времена.

СУДЬЯ (къ секретарю).

Что далѣе?

СЕКРЕТАРЬ.

7184 года марта 14-го въ 7-й статьѣ докладомъ представлено было (читаетъ): «Послѣ котораго умершаго останутся сыновья и дочери, а сыновей не станетъ, а вотчины за сыновьями были не справлены, а за иными справлены, а послѣ ихъ останутся дочери, и тѣ вотчины дочери умершаго дать, или внукѣ его, сыновней дочери».

СУДЬЯ.

Вотъ на этотъ вопросъ, кажется, отвѣтъ можетъ насъ помирить.

СЕКРЕТАРЬ (продолжаетъ читать).

«И великій государь указалъ, и бояре приговорили: Послѣ котораго умершаго останется дочь, да внука, сыновня дочь; и послѣ умершаго, хотя будетъ за сыномъ были вотчины исправлены, дѣлить пополамъ тетки съ племянницы; а за которою дочерью далъ отецъ въ приданыя вотчины, и тѣ вотчины зачитать, и давать то, что доведется противъ остаточныхъ вотчинъ половины».

МЛАДШІЙ.

И правда, что помирилъ; инаго и сказать нечего, какъ быть дѣлу такъ, какъ тутъ законъ говоритъ.

СУДЬЯ И СТАРШІЙ ЗАСѢДАТЕЛЬ (задумываются).

СЕКРЕТАРЬ (подождавши нѣсколько).

Смѣю представить, что этому закону есть отмѣна.

СТАРШІЙ (съ торопливостію).

Пожалуй одолжи.

СЕКРЕТАРЬ.

Въ 7185 году августа 10-го дня, эта статья еще представлена была въ разсмотрѣніе боярамъ; послѣ чего въ указѣ на нее сказано: «Бояре, слушавъ сію статью, для спору и челобитья всякихъ чиновъ людей, приговорили отставить».

СТАРШІЙ (къ младшему съ улыбкой).

Стало, послѣ этого и всякое мудрованіе въ сторону.

МЛАДШІЙ.

О! я совсѣмъ далекъ отъ этого (повторяетъ слова): «Бояре приговорили сію статью, для спору и челобитья всякихъ людей, отставить». А не для того, чтобъ она противна была прежде изданнымъ законамъ.

СТАРШІЙ.

А чтожъ изъ этого вы еще выведете?

МЛАДШІЙ.

Послѣ подумаемъ, въ какомъ уваженіи должны быть боярскіе приговоры.

СТАРШІЙ.

Да какъ вы ни воображайте, только все будетъ то, чтобъ отставить.

МЛАДШІЙ (къ судьѣ).

Позвольте продолжать.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«И приговорили послѣ такихъ умершихъ вотчинниковыхъ сыновей выслуженныя вотчины давать дѣтямъ его, съ того умершаго внучатамъ, буде сыновей не останется, и такія вотчины давать и дочерямъ ихъ, а теткамъ такихъ вотчинъ не давать, и съ племянницами не дѣлить потому, что онѣ, тетки, при братьѣ своей по уложенію не вотчинницы; а будетъ у такихъ тетокъ и племянницъ не останется, и такія вотчины отдавать такимъ, буде послѣ племянницъ умершихъ дѣтей не будетъ: а будетъ такія ихъ племянницы съ тѣми вотчинами выдутъ замужъ и будутъ у нихъ дѣти, и тѣ вотчины дѣтямъ ихъ, и которыя помрутъ въ дѣвкахъ, или и замужъ вышедъ, а дѣтей у нихъ не будетъ, и такія вотчины отдавать теткамъ же ихъ».

СТАРШІЙ.

Вотъ вамъ и все.

МЛАДШІЙ.

И подлинно—все.

СТАРШІЙ.

Что же вы послѣ этого изволите сказать?

МЛАДШІЙ.

Я не знаю, что̀ вы противъ меня скажете, а я смѣю доложить, что противъ этого никому и рта отворить нельзя, не согласясь на то, что̀ я уже сказалъ.

СТАРШІЙ.

Вы шутите, а здѣсь шуткамъ не мѣсто!

МЛАДШІЙ.

Совсѣмъ напротивъ. Какъ бы этотъ боярской приговоръ ни былъ основателенъ на предыдущее время къ рѣшенію по нему дѣлъ, но къ существу нашего дѣла онъ никакого отношенія не имѣетъ.

СТАРШІЙ.

Почему же такъ?

МЛАДШІЙ.

А вотъ почему: уложенная статья и указъ 7184 года говорятъ о родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ.

СТАРШІЙ.

Точно такъ.

МЛАДШІЙ.

Указомъ же 7185 года повелѣно: давать при теткахъ только братнимъ дочерямъ, а ихъ племянницамъ однѣ выслуженныя вотчины; слѣдовательно, до родовыхъ онъ не касается: то поэтому на родовыя должны дѣйствовать законы, прежде его состоявшіеся. Но у насъ дѣло идетъ о родовой вотчинѣ: слѣдовательно, онъ къ нашему дѣлу никакого отношенія не имѣетъ, а должно дѣйствительнымъ остаться то, что сказано уложенія 2-й статьи въ 1-мъ отдѣленіи и указѣ 7184 года на 7-ю статью. какъ на немъ основанномъ и болѣе объясненномъ.

СТАРШІЙ.

Не понимаю, какъ это у меня мимо ушей пролетѣло. Однакожъ вы согласитесь, что этимъ указомъ 7-я статья указа 7184 года вся отставлена.

МЛАДШІЙ.

Теперь нужно посудить о важности этого 7185 года боярскаго приговора.

СТАРШІЙ.

Чтожъ бы тутъ нужно было знать?

МЛАДШІЙ.

Вотъ что: въ уложеніи сказано, что въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ тетка съ племянницею вотчичи; а указомъ 7184 года предписано было и то, какъ ихъ между ими раздѣлять.

СТАРШІЙ.

Пусть такъ.

МЛАДШІЙ.

Но въ 7185 году боярскимъ приговоромъ велѣно: давать при теткахъ племянницамъ выслуженныя вотчины.

СТАРШІЙ.

Правда.

МЛАДШІЙ.

Слѣдовательно, имъ вмѣстѣ съ отмѣненіемъ указа 7184 года въ разсужденіи выслуженныхъ вотчинъ отмѣнена и сила уложенная.

СТАРШІЙ (думаетъ).

МЛАДШІЙ (перерывая молчаніе, говоритъ къ судьѣ).

Не угодно-ли приказать прочесть указъ 1714 года іюня 15-го дня: тамъ, кажется, объ этомъ что-то сказано.

СТАРШІЙ.

Да, да!!!

СУДЬЯ (къ секретарю).

Читайте.

СЕКРЕТАРЬ (читаетъ).

«Ревнуя закону Божіему, дабы во всѣхъ отъ Бога данныхъ его царскому величеству государствахъ судъ былъ повсюду равный, безъ богоненавистнаго лицемѣрія и противныя истинѣ проклятыя корысти, повелѣлъ всякаго чина судіямъ всякія дѣла дѣлать и вершить все по уложенью; а по указнымъ пунктамъ и сепаратнымъ указамъ отнюдь не дѣлать, развѣ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ уложеніи ни мало не упомянуто, а учинены на то не въ премѣну, но въ дополненіе уложенія новоуказные пункты. И того ради тѣ пункты пріемлются во исполненіе онаго законнаго уложенія, дондеже оное уложеніе для недовольныхъ въ немъ рѣшительныхъ пунктовъ исправлено и въ народъ публиковано будетъ, понеже въ уложеніи того не обрѣтается. А тѣ все указы, которые учинены не въ образецъ, также которые учинены противно уложенію, и прочіе тому подобные, хотя помѣчены имянными указы и палатскими приговоры, все отставить и на примѣръ не выписывать».

МЛАДШІЙ.

Вотъ извольте послѣ этого посудить о силѣ боярскаго приговора 7185 года.

СТАРШІЙ (секретарю).

Да, нѣтъ-ли чего далѣе въ законахъ?

СЕКРЕТАРЬ.

Есть, да, кажется, все то же.

СУДЬЯ.

Однакожъ пожалуй-ка прочти.

СЕКРЕТАРЬ.

Указа 1731 года марта 17-го, въ статьѣ 2-й по назначеніи участій женамъ послѣ мужей, мужьямъ послѣ женъ и дочерямъ послѣ отцовъ при братьяхъ сказано: «Прочіе всѣ раздѣля между дѣтьми и родственниками мужескимъ и женскимъ поломъ, чинить по уложенію».

МЛАДШІЙ.

А о новоуказныхъ статьяхъ и слова нѣтъ.

СЕКРЕТАРЬ.

Изволяте услышать.

СУДЬЯ.

Ну, что еще?

СЕКРЕТАРЬ.

Тутъ же въ статьѣ 6-й (читаетъ): «Прочія невершенныя и вновь начинающіяся дѣла дѣлать и рѣшить по сему указу и по уложенію, и по новоуказнымъ статьямъ, которыя учинены въ дополненіе уложенія, и приняты къ законному уложенію, а не въ противность».

СТАРШІЙ.

И подлинно, это одно только подтвержденіе указа 1714 года, о уничтоженіи новоуказныхъ статей, противныхъ уложенію.

СЕКРЕТАРЬ.

Болѣе на эту матерію законовъ нѣтъ.

СТАРШІЙ (къ младшему, съ видомъ учтивости).

Послѣ всего этого мнѣ ничего не остается, какъ просить у васъ прощенія: можетъ быть, я при нашихъ преніяхъ и сказалъ вамъ что нибудь лишнее.

МЛАДШІЙ (съ тою же учтивостію).

О! сдѣлайте милость, не извольте безпокоиться; это все происходило между нами отъ усерднаго желанія исполнить нашу обязанность, а пословица говоритъ: «Ошибиться можно, да въ ошибкѣ признаться должно». Стало, это уже и кончено. А съ другой стороны еще и то говорится: должно то извинить, что можно усердіемъ замѣнить. И такъ, остается намъ только исполнить общему вашему намѣренію, чтобъ рѣшить это дѣло по точной силѣ и словамъ законовъ.

СТАРШІЙ.

По моему, дѣлу кончано: въ раздѣлѣ имѣнія теткѣ съ племянницею поступить по словамъ указа 7184 года, основывающагося на уложенной статьѣ.

СУДЬЯ.

О! пожалуйте! это слишкомъ скоро и отважно. Извѣстно, что дѣла по силѣ указа 7185 года, съ состоянія его, рѣшились противно вашему заключенію: то какъ же можно подумать, чтобъ всѣ прежде насъ бывшіе ошибались?

СТАРШІЙ.

Что дѣлать, сейчасъ читано, что примѣры, чьи бы то ни были, не законъ; я противъ закона не смѣю ничего ни думать, ни говорить.

СУДЬЯ.

Какъ бы то ни было, но мнѣ позвольте взять нѣкоторое время на размышленіе; я въ недоумѣніе прихожу. Какъ это? Указъ 7185 года дѣйствовалъ иначе, нежели вы полагаете, и естьли мы заключимъ противное, то чтобъ намъ грубо не ошибиться.

МЛАДШІЙ.

Кажется, не изъ чего будетъ сдѣлать такого заключенія объ насъ.

СУДЬЯ.

Притомъ думать надобно и о томъ, что мы такимъ рѣшеніемъ наведемъ неудовольствіе тѣмъ племянницамъ, которыя привыкли этимъ правомъ такъ долго пользоваться, между тѣмъ, какъ тетки объ этомъ молчали.

МЛАДШІЙ.

Чтожъ дѣлать, когда законы насъ обязываютъ въ отправленіи правосудія поступать безъ лицепріятія!

СТАРШІЙ.

И безпрестанно подтверждаютъ, чтобъ отдавать каждому ему принадлежащее; а притомъ тетка, которая нынѣ о правѣ своемъ проситъ, тѣмъ не виновата, что другія объ этомъ молчали и тѣмъ права своего лишились.

СУДЬЯ.

При всемъ этомъ, позвольте мнѣ посовѣтоваться съ кѣмъ нибудь знающѣе меня въ этакихъ дѣлахъ.

МЛАДШІЙ.

Это какъ вамъ угодно.

СУДЬЯ.

А естьли и тогда не рѣшусь, то не лучше-ли будетъ представить въ верхнее мѣсто, чтобъ оно меня разрѣшило?

СЕКРЕТАРЬ.

Да и генеральнаго регламента въ главѣ 6-й сказано (читаетъ): «Наипаче надлежитъ того смотрѣть, ежели дѣла сомнительныя и какого изъясненія требующія, чтобъ не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельству напередъ или сенату докладываться, или справиться откуда надлежитъ».

МЛАДШІЙ.

Хотя по законамъ и велѣно представлять въ вышнія мѣста, а имъ докладываться государю, но въ такихъ только случаяхъ, когда въ законахъ покажется темно, или на что законовъ нѣтъ; а на что есть въ законахъ ясныя предписанія, о томъ наистрожайше запрещается представлять и тѣмъ требовать указа на указъ (Указъ 1722 года апрѣля 17-го о храненіи гражданскихъ правъ); взять же время на разсмотрѣніе дѣла, конечно, вамъ отказать въ этомъ не можно.

СТАРШІЙ.

Справедливо: чѣмъ осторожнѣе, тѣмъ лучше.

СУДЬЯ (къ протоколисту).

Запишите въ нынѣшнемъ журналѣ, чтобъ по этому дѣлу имѣть дальнѣйшее разсужденіе въ другое собраніе.

ПРОТОКОЛИСТЪ (пишетъ журналъ такъ):

1809 года декабря 21-го дня.
Въ Пансіонской уѣздной судъ прибыли по полуночи господа:

УѢЗДНЫЙ СУДЬЯ } въ 6-мъ часу.
ЗАСѢДАТЕЛИ

Слушали:	Когда приговоры крѣплены.	Когда испол-нены.
Выписку по прошеніямъ титулярнаго совѣтника Семена Иванова сына Добромыслова жены Анны Сидоровой, и коллежскаго совѣтника Ивана Гаврилова сына Разсудова жены-жъ Марьи Петровой дочерей, о недвижимомъ имѣніи Пансіонскаго округа въ селѣ Ивановскомъ съ деревнями, Приказали: по открывшемуся сомнительству, на основаніи генеральнаго регламента 6-й главы, имѣть разсужденіе въ другое собраніе.		

(Потомъ, подписавши, подаетъ секретарю).

СЕКРЕТАРЬ (то же сдѣлавши, къ судьямъ)

Не угодно-ли подписать нынѣшній журналъ?

СУДЬЯ.

Читайте!

СЕКРЕТАРЬ (прочитавши съ начала до конца, кладетъ протоколъ къ подписанію предъ уѣзднаго судью. Онъ, подписавши, подаетъ старшему, сей—младшему, а младшій отдаетъ протоколисту и потомъ всѣ встаютъ и расходятся).

Примѣчаніе. «Судебное дѣйствіе», напечатанное здѣсь, было изда въ 1809 году, въ 4-ю д., 25 стр., и сообщено намъ А. С. Настав нымъ. Мы сочли его нелишнимъ перепечатать, такъ какъ оно весьм живо воспроизводитъ бумажное, безконечное и безгласное судопроизводст недавней старины: еще въ первой четверти текущаго столѣтія судьи в Россіи должны были справляться съ боярскими приговорами времени Михаила Θедоровича и учащемуся юношеству, будущимъ судьямъ, до лось на основаніи «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича, рѣшать ные юридическіе вопросы, какіе могла имъ представить ихъ будущая дебная практика.

Ред.

и вооруженіе; религіозныя понятія; дѣленіе времени; народные праздники; народное творчество; наконецъ общіе выводы о древнемъ бытѣ западныхъ финновъ.

Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Книга V, вып. I. Подъ ред. Н. А. Попова. стр. 221. Москва. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Весь настоящій томъ занятъ матеріалами, относящимися къ этнографіи Архангельской губерніи и сообщенными въ означенное общество г. Ефименко, давно уже извѣстнымъ въ нашей этнографической литературѣ нѣсколькими подобными трудами. Этотъ матеріалъ распредѣленъ по слѣдующимъ отдѣламъ: общія свѣдѣнія о населеніи; внѣшняя обстановка; одежда и обувь; пища и питье; свадебные обряды; обряды и игры въ теченіе года; нравы, вѣрованія, суевѣрія, гаданія, примѣты; народное врачеваніе; расколъ среди сельскаго населенія. Во второй выпускъ, уже печатающійся, войдутъ: народный языкъ и словесность. Само собою понятно, что эти легкія указанія далеко не исчерпываютъ всего богатства матеріаловъ, заключающихся въ означенномъ собраніи. Общество предполагало сначала представить обработку ихъ подъ заглавіемъ «Описаніе Архангельской губерніи въ историческомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ»; но оставило эту мысль по разнымъ соображеніямъ. Конечно, изданіе матеріаловъ въ настоящемъ видѣ имѣетъ и свои преимущества, если имѣть въ виду постоянное накопленіе новыхъ матеріаловъ и отчасти неполноту сообщенныхъ данныхъ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ, труды г. Ефименка заслуживаютъ того, чтобы на нихъ было обращено должное вниманіе.

Указатель къ неофиціальной части Университетскихъ (Кіевскихъ) Извѣстій за 1861—1877 года. Кіевъ. 1878. 45 стр.

Настоящій указатель даетъ полный перечень научныхъ статей, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ за все время ихъ существованія по 1877 г. включительно, а также всѣхъ статей касающихся состоянія университета св. Владиміра и его учрежденій.

Изданія Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ 1877—1878 гг.

Въ концѣ прошлаго года архивъ издалъ: «**Очеркъ дѣятельности коммисіи печатанія грамотъ и договоровъ**, состоящей при немъ (207 стр. Ц. 1 р.). Въ этотъ очеркъ входятъ: записка о дѣятельности коммисіи (составлен. г. Асимономъ), существованіе которой тѣсно связано съ именемъ незабвеннаго дѣятеля по русской археографіи гр. Н. П. Румянцева, и отчеты архива за 1873—1877 гг. Помимо собственно офиціальнаго интереса, заключающагося въ послѣднихъ, въ нихъ можно найти свѣдѣнія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ архива и занятіяхъ въ немъ нашихъ ученыхъ. Весьма желательно, чтобы Московскій архивъ не замедлилъ также изданіемъ исторіи этого важнаго учрежденія, къ составленію которой уже приступлено теперь, но въ которую вошли бы возможно полныя свѣдѣнія о матеріалахъ, хранящихся въ архивѣ, такъ какъ едва ли можно ожидать въ скоромъ времени появленія въ свѣтъ систематическаго описанія самаго архива, хотя въ его распоряженіи находятся уже прекрасныя описи Н. Н. Бантыша-Каменскаго и реестры позднѣйшихъ пріобрѣтеній этого учрежденія.

Въ то же время означенная коммисія занялась перепечаткою прежнихъ своихъ изданій, какъ-то Памятниковъ рос. словесности XII вѣка, Калайдовича, Древнихъ рос. стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, и издала уже вновь: **Законы В. К. Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича.** (XIX +76. Ц. 1 р.), съ предисловіемъ М. Строева и К. Калайдовича. Новое изданіе провѣрено по подлиннымъ спискамъ, составляющимъ собственность того же архива. Кромѣ того, коммисія печатаетъ каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати библіотеки того же архива, съ 1517—1821 годъ. Въ виду вновь оживившейся дѣятельности коммисіи, можно пожелать, чтобы она приняла на себя трудъ окончить V-й томъ Собр. госуд. грамотъ, печальная исторія котораго такъ подробно разсказана въ очеркѣ дѣятельности коммисіи, и отпечатала бы письма Калайдовича объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Казанской губ. (1823 г.).

В. И—въ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа. IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн. съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. ДЕКАБРЬ. **1878 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ:

Открыта подписка на историческій журналъ: «Русская Старина» 1879-го года [десятый годъ изданія]. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и проч. приложеніями **восемь** руб.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.), 1877 г. и 1878 г. Цѣна каждаго года въ 12-ти книгахъ съ гравированными портретами **по 8 руб.** съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря.

Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ Центральномъ архивѣ въ Витебскѣ изд. подъ ред. архиваріуса Созонова. Выпускъ VII. 1876. Витебскъ. 511. Вып. VIII. 1877. 530. Ц. 4 р.

Дѣятельность Витебскаго архива мало извѣстна въ нашей печати, а между тѣмъ она заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ этотъ архивъ успѣлъ издать уже восемь полновѣсныхъ томовъ актовъ, многіе изъ которыхъ вносятъ новыя данныя въ науку. Бо́льшая часть первыхъ шести томовъ (вышедшихъ въ 1871—1875 гг.) занята приходо-расходными книгами города Могилева (1679—1689 гг.), весьма важными для экономической исторіи этого края. Другіе акты касаются исторіи разныхъ классовъ общества, преимущественно городскаго: сюда относятся королевскія привиллегіи городамъ и цехамъ и акты о копныхъ мѣщанахъ—въ I томѣ; изъ судебныхъ дѣлъ обращаютъ на себя вниманіе дѣла о колдовствѣ, о кладахъ и т. п. Эти акты извлечены изъ полоцкаго и витебскаго земскихъ судовъ и полоцкаго магистрата. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ: дѣло объ оскорбленіи Іоасафата Кунцевича гражданами Могилева (томъ II); актъ о копныхъ судахъ (VI), дающій поправку къ выводамъ покойнаго Иванишева; актъ 1677 г., указывающій на существованіе ордалій въ концѣ XVII вѣка, наконецъ, акты, свидѣтельствующіе о примѣненіи въ магистратскихъ судахъ литовско-русскаго края нѣмецкихъ кодексовъ.

Въ VII-мъ и VIII-мъ томахъ этого изданія продолжаются приходо-расходныя книги города Могилева (1690 и 1691 гг.) и помѣщено 167 новыхъ актовъ за 1577—1637 гг. По своему содержанію, это жалобы, судебныя опредѣленія, явки, акты о выборахъ должностныхъ лицъ, городскія распоряженія, тяжбы, бракоразводныя дѣла, королевскія привиллегіи, смертные приговоры за убійства, прелюбодѣяніе и кражу (напримѣръ, лошади); весьма много актовъ о корчемствѣ. Болѣе важны и интересны данныя, сообщаемыя актами о цеховомъ устройствѣ и городскомъ управленіи, и матеріалы, относящіеся къ семейному праву и въ частности къ праву брачному. Изъ нихъ видно, что бракъ совершался посредствомъ договора между брачущимися, заключаемаго передъ свѣтскою властью; церковное же вѣнчаніе могло слѣдовать и не слѣдовать за заключеніемъ брака, не вліяя на его законность. Съ такою же силою свободная воля супруговъ выражается и въ дѣлахъ о разводѣ. Наконецъ, въ томъ же изданіи есть акты, свидѣтельствующіе о взаимныхъ церковныхъ отношеніяхъ, возникшихъ въ краѣ подъ вліяніемъ уніи.

Къ сожалѣнію однако, къ актамъ Витебскаго архива не прилагается никакихъ указателей.

При этомъ считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателей на весьма обстоятельныя рецензіи всѣхъ восьми томовъ этого собранія, принадлежащія профес. Владимірскому-Буданову и помѣщенныя въ Университ. Извѣстіяхъ 1877 г. (№ 3) и 1878 года (№ 4), въ которыхъ указано значеніе изданныхъ матеріаловъ, подробно разсмотрѣны важнѣйшіе изъ нихъ и, можно сказать, исчерпаны всѣ существенные выводы изъ нихъ для науки.

Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммисіею. Т. IV. 1448 (столбцовъ текста) +236 (столбцовъ указателя)+24 стр. (примѣчаній). Спб. 1878. Ц. 3 р.

Весь этотъ томъ посвященъ памятникамъ полемической литературы въ Западной Руси, составляющимъ по большей части старопечатныя сочиненія, заключающія въ себѣ, помимо литературнаго интереса, много историческихъ данныхъ, иногда и документовъ XVI и XVII вв. Сюда входятъ: дѣянія Виленскаго собора 1509 г., впервые изданныя въ полномъ текстѣ; дѣянія Кіевскаго собора 1640 года, по разсказу Кассіана Соковича, представляющія возможно полныя свѣдѣнія объ этомъ соборѣ; діаріумъ берестенскаго игумена Аѳанасія Филипповича, убитаго поляками въ 1648 году (въ предисловіи къ IV тому Библіотеки, стр. VI, ошибочно поставлено 1646 года, хотя въ самомъ текстѣ правильно), изданный по рукописи синодальной библіотеки, — богатый матеріалъ для исторіи религіозной борьбы въ литовско-польскомъ государствѣ; оборона уніи, уніатскаго архим. Льва Кревзы, и Палинодія или книга обороны каѳолической, кіев. іеромонаха Захарія Ко-

ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА-АКАДЕМИКА ТЬЕБО

1765—1785 гг.

VI [1]).

ранцузскіе литераторы въ гостяхъ у русской государыни: Дидро, Бюффонъ ладшій и Мерсье де-Ларивьеръ.—Екатерина II—членъ Берлинской академіи наукъ.—Академическая кандидатура Моисея Мендельсона.

.... Въ свое время разнеслась въ Берлинѣ вѣсть о путешествіи идро (Diderot) въ Россію [2]). У насъ толковали, будто не императрицею, а имъ самимъ было выражено желаніе, чтобы совершилось о путешествіе: онъ, будто-бы, просилъ своего пріятеля князя Голицына, русскаго посланника въ Парижѣ [3]), замолвить слово госуарынѣ о стремленіи его, Дидро, повергнуть къ ея стопамъ изъвленіе чувствъ своей преданности, признательности и благоговѣйнаго дивленія; а она просто отвѣчала, что если г. Дидро пріѣдетъ въ етербургъ, то ей будетъ пріятно съ нимъ увидѣться. Онъ туда и тправился вмѣстѣ съ другимъ русскимъ княземъ [4]), который пла-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 507—522; 477—500. зд. 1878 г. томъ XXIII, стр. 477—498.

[2]) Дидро (Denis Diderot), род. въ 1719 г., ум. въ 1783 г. О путешествіи о въ Россію, состоявшемся въ 1773—1774 гг., изложены интересныя подробости въ статьѣ М. Ѳ. Шугурова, въ I-й кн. «XVIII в.».

[3]) Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, бывшій посланникомъ сперва ъ Парижѣ (въ 1760 г.), а потомъ, въ теченіи тридцати лѣтъ, въ Нидерландахъ. Онъ былъ большой пріятель Гельвеція и велъ переписку съ Вольтеромъ. од. 15-го мая 1734 г., ум. 1799 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника. Жена его, нягиня Аделаида-Амалія, дочь прусскаго генерала Шметтау (род. 17-го авг. 749 г., ум. 1806 г.), имѣла извѣстность въ нѣмецкой литературѣ, славилась момъ, ученостью и дружбою съ многими изъ знаменитыхъ современниковъ см. «Россійск. родосл. книгу» кн. Долгорукова, т. I, стр. 313).

[4]) Съ Нарышкинымъ. Д. Р.

тилъ путевыя издержки. По пріѣздѣ, Дидро былъ очень хорошо принятъ и снабженъ всѣми средствами содержанія на время своей бытности въ Петербургѣ, гдѣ онъ не мало забавлялъ (amusait) императрицу плодовитостью и пылкостью своего воображенія, богатствомъ и оригинальностію мыслей, также краснорѣчіемъ, смѣлостью и задоромъ, съ которыми онъ открыто проповѣдывалъ безбожіе. Тѣмъ не менѣе, кое-кто изъ придворныхъ сановниковъ, постарше другихъ лѣтами, поопытнѣе и помнительнѣе, представили вниманію государыни и убѣдили ее, что подобная проповѣдь могла-бы принести опасныя послѣдствія, въ особенности при дворѣ, гдѣ многолюдная молодежь, предназначаемая къ высшимъ государственнымъ должностямъ, способна усвоить себѣ такое зловредное ученіе, болѣе увлекаясь юношескою воспріимчивостью, нежели слѣдуя умозаключительнымъ выводамъ. Тогда,—говорятъ,—императрица выразила желаніе, чтобы побудили Дидро къ молчанію о подобныхъ вопросахъ, но чтобы сдѣлали ему это внушеніе подъ рукой, т. е. безъ всякаго видимаго съ ея стороны участія и безъ принудительныхъ мѣръ. Вслѣдъ затѣмъ, однажды вечеромъ сказали французскому философу, что одинъ русскій мыслитель, ученый математикъ и почетный членъ академіи, предлагаетъ доказать ему бытіе Божіе посредствомъ алгебраической формулы, при всемъ дворѣ, и такъ какъ Дидро заявилъ, что будетъ очень радъ выслушать эти доводы, которымъ, однакожъ, онъ заранѣе не вѣритъ, то назначили день и часъ для предстоящаго пренія. Въ условленное время, въ присутствіи всего придворнаго общества, гдѣ было много молодыхъ людей, русскій философъ съ важностію подошелъ къ французскому и возгласилъ, тономъ убѣжденія: «Милостивый государь, $\frac{a+b^n}{z}=X$; слѣдовательно, Богъ существуетъ: отвѣчайте-же». Дидро собрался-было обличать несостоятельность и неприложимость этого доказательства, но, чувствуя невольное смущеніе, обыкновенно ощущаемое въ тѣхъ случаяхъ, когда мы замѣчаемъ у другихъ намѣреніе посмѣяться на нашъ счетъ, не могъ избѣгнуть заготовленныхъ на этотъ случай шуточекъ; а такъ какъ это приключеніе заставило его опасаться еще другихъ подобныхъ, то онъ, недолго спустя, изъявилъ желаніе возвратиться во Францію, при чемъ императрица вызвалась принять дорожныя издержки на себя. Онъ получилъ 50,000 франковъ и отправился въ путь. Около Риги изломалась у него карета и онъ получилъ отъ тамошняго губернатора деньги на починку.

Я не ручаюсь за дѣйствительность или точность всѣхъ этихъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ девятый. ДЕКАБРЬ. 1878 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Открыта подписка на историческій журналъ: «Русская Старина» 1879-го года [десятый годъ изданія]. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и проч. приложеніями **восемь** руб.

Можно получить «Русскую Старину» 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.), 1877 г. и 1878 г. Цѣна каждаго года въ 12-ти книгахъ съ гравированными портретами **по 8 руб.** съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1878.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря.

вопросомъ: не можетъ ли онъ заручиться необходимымъ ей на это время содѣйствіемъ человѣка истинно-даровитаго и достойнаго довѣрія къ его познаніямъ по данному предмету. Князь указалъ на де-Ларивьера, расхваливъ его до-нельзя. Договоръ съ послѣднимъ былъ заключенъ и утвержденъ, съ условіемъ, что онъ явится къ императрицѣ прежде срока, назначеннаго для собранія въ Москвѣ депутатовъ изъ всѣхъ областей имперіи.

Въ минуту отъѣзда Ларивьера, г-жа де Мор*** (m-me de Mor***), очень милая и любезная дама, связанная съ нимъ тѣсною дружбой, не могла рѣшиться пустить его одного на жертву всѣхъ опасностей дальняго пути; съ своей стороны, и жена его обнаружила не менѣе участія къ здоровью мужа, который тоже былъ не въ силахъ противиться столь нѣжной внимательности,—такъ что, въ заключеніе всего, они пустились въ дорогу втроемъ.

По пріѣздѣ путешественниковъ изъ Парижа въ Берлинъ (гдѣ я часто имѣлъ честь ихъ видѣть), они отдыхали тамъ болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ собрались съ духомъ углубиться далѣе на сѣверъ. А между тѣмъ, императрица, желавшая видѣть ожидаемаго путешественника только для того, чтобы посовѣтоваться съ нимъ на счетъ проекта уложенія, приготовленнаго для сословныхъ депутатовъ, приходила въ нетерпѣніе и досадовала. Наконецъ, не задолго передъ наступленіемъ дня открытія собранія, — она уѣхала съ своимъ проектомъ въ Москву, открыла въ опредѣленный срокъ засѣданіе депутатовъ [1]) и внесла проектъ на ихъ обсужденіе. Г. де-Ларивьеръ прибылъ въ Петербургъ чрезъ семь или восемь дней послѣ отъѣзда императрицы; никакихъ относительно себя распоряженій онъ не засталъ и когда выразилъ желаніе отправиться въ Москву, ему отвѣчали, что онъ не можетъ этого сдѣлать: о его пріѣздѣ послали государынѣ донесеніе и возвратившійся отъ нея курьеръ привезъ съ собою только приказаніе, чтобы де-Ларивьеръ остался, въ ожиданіи, на мѣстѣ. Для него и сопутствовавшихъ ему дамъ это ожиданіе заняло цѣлый безконечный мѣсяцъ нетерпѣнія и скуки, не включая въ счетъ ни поздняго раздумья, ни напрасныхъ сожалѣній. Чтобы развлечься, дамы упросили однажды де-Ларивьера повести ихъ въ маскарадъ, въ театральную залу; тамъ онѣ были узнаны и довольно невѣжливо интригованы разными замаскированными людьми. Дѣло зашло такъ далеко, что имъ пришлось убраться оттуда. На бѣду, онѣ еще вздумали дѣлать розыски о своихъ обидчикахъ, вообразивъ, что откроютъ противъ себя какой-то заговоръ со стороны особъ

[1] 30-го іюля 1767 г. Депутатовъ было 565 человѣкъ. Д. Р.

имѣющихъ вѣсъ, и надѣлали столько шума своими жалобами, что много прибавили себѣ враговъ. Возвращеніе императрицы не принесло съ собой никакой перемѣны въ ихъ положеніи: ни приказанія на ихъ счетъ, ни зова, ни какого либо вопроса. Де-Ларивьеръ рѣшился, наконецъ, испросить соизволеніе ея величества на выѣздъ изъ ея владѣній для возвращенія во Францію. Тогда только онъ имѣлъ съ государыней разговоръ,—единственный за все время бытности его въ Россіи. При этомъ свиданіи обѣ стороны старались выдержать свое достоинство. О прошедшемъ не было высказано ни полслова: никакихъ упрековъ или жалобъ, никакихъ сожалѣній. Весь разговоръ между собесѣдниками былъ таковъ: «М. г.,—сказала императрица, подходя къ де-Ларивьеру,—можете ли вы опредѣлить, какое, по вашему мнѣнію, лучшее средство хорошо управлять государствомъ?» — «Государыня, есть одно только: быть справедливымъ, т. е. поддерживать порядокъ, и заставить исполнять законы».—«Но на какомъ основаніи удобнѣе установить законы имперіи?»—«Есть одно лишь основаніе: естество вещей и человѣка» (la nature des choses et des hommes).—«Очень хорошо; но когда желательно дать законы народу, то какими правилами могутъ вѣрнѣе обозначиться тѣ, что лучше подходятъ къ дѣлу?»—«Давать или дѣлать законы, государыня? Но это такое дѣло, котораго Богъ не предоставилъ никому (c'est une tâche que Dieu n'a laissé à personne). Э! Что за твореніе такое человѣкъ, чтобъ ему возмечтать о себѣ, будто онъ призванъ и способенъ предписывать законы существамъ, которыхъ или вовсе не знаетъ, или же знаетъ недостаточно? И по какому праву установлялъ бы онъ законы для существъ, которыхъ Богъ не обрекалъ ему во власть?»—«Въ чемъ же полагаете вы науку государственнаго управленія?»—«Въ основательномъ изученіи, признаніи и примѣненіи природныхъ законовъ, столь явно начертанныхъ Богомъ въ самомъ устройствѣ человѣка, при его созданіи. Домогаться идти далѣе этого—было бы затѣей разрушительною и бѣдственною по своимъ послѣдствіямъ» (une entreprise destructive).—«Милостивый государь, я очень довольна, что васъ слышала: желаю вамъ добраго здоровья» (je vous souhaite le bon jour). Императрица была столько удивлена и какъ бы возмущена такими отвѣтами, что поспѣшила прекратить разговоръ, чтобъ не выказать своего замѣшательства, а потому бесѣда эта не повела за собой другихъ. Де-Ларивьеру выдано было денежное вознагражденіе согласно условіямъ, состоявшимся въ Парижѣ, и онъ отправился изъ Петербурга гораздо поспѣшнѣе, чѣмъ ѣхалъ туда. Въ Берлинѣ онъ пробылъ лишь нѣсколько дней. Король по прежнему, казалось, ничего о немъ не зналъ, однако, де-Ларивьеръ имѣлъ дол-

гіе разговоры съ принцемъ Генрихомъ, который всегда съ любовію разспрашивалъ пріѣзжихъ изъ Россіи, и, разумѣется, не въ настоящемъ случаѣ ему пришлось услышать отголосокъ человѣка довольнаго. де-Ларивьеръ жаловался громко и горячо на все въ Россіи безъ изъятія: и на государыню, и на министровъ, и на всю страну. Я не разъ бывалъ изумленъ пылкостью и рѣзкостью его отзывовъ о нихъ [1]).

. . . Сама ли Екатерина II желала быть членомъ берлинской академіи, или Фридрихъ догадался, что она была бы польщена этимъ, и хотѣлъ, изъ любезности, сдѣлать ей пріятный сюрпризъ,— не знаю; только намъ, академикамъ, велѣно было назначить ее единогласно нашимъ собратомъ и вписать большими буквами въ членскій списокъ, помимо всякихъ степеней старшинства и выше всѣхъ именъ академиковъ, какъ почетныхъ, такъ и ординарныхъ, какъ дѣйствительныхъ наличныхъ, такъ и числящихся иностранныхъ. Мы исполнили это провозглашеніе, перепечатали списокъ согласно королевскому приказу, составили великолѣпный дипломъ почтительнѣйшаго содержанія на имя ея императорскаго величества, и присовокупили ко всему этому письмо, въ высокопарныхъ выраженіяхъ исторженнаго удивленія передъ ея особой, ея правительствомъ и проектомъ свода законовъ, «который ей вдохновленъ собственнымъ геніемъ, въ уровень съ ея попечительностію о благѣ подданныхъ народовъ». При письмѣ приложили мы полный экземпляръ Записокъ (мемуаровъ) нашей академіи, въ роскошномъ переплетѣ, съ императорскимъ гербомъ. Потомъ все это было отправлено къ прусскому посланнику въ Петербургѣ, для всенижайшаго поднесенія ея величеству. Одна вещь надѣлала намъ жестокихъ хлопотъ: у насъ не доставало шести или семи томовъ Записокъ берлинской академіи, съ 1748 по 1754 и 1755 гг.; ихъ нельзя было достать ни въ одной книжной лавкѣ и не имѣлось ни у кого [illegible]

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ, обстоятельства пребыванія въ Россіи де-Ларивьера во многомъ переданы различно отъ этого разсказа; см., напримѣръ, Записки Сегюра (Mèmoires, t. III, p. 34—35) и книгу Вейдемейера «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка», ч. 1, стр. [illegible]. Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 годъ (стр. 359—361) помѣщены въ числѣ писемъ Екатерины II къ генералъ-аншефу и сенатору Ивану Ѳедоровичу Глѣбову, которому ввѣрено было начальствованіе въ Петербургѣ на время отсутствія императрицы, два письма изъ Москвы о де-Ларивьерѣ: подъ № [illegible] (отъ 9-го октября 1767 г.) и подъ № XXII (отъ 7-го ноября 1767 г.). Изъ нихъ видно, что поѣздка въ Россію этого господина обошлась казнѣ весьма недешево. Д. Р.

насъ, а безъ нихъ едва не пришлось отмѣнить посылку, еслибъ не принцесса Амелія, сестра Фридриха: у ней оказались недостающіе томы и она согласилась ссудить ихъ, подъ условіемъ возврата при первой возможности.

Императрица милостиво приняла наше приношеніе и отдарила насъ картой Каспійскаго моря, снятой на ея глазахъ и вывѣренной ею самой, какъ въ опредѣленіи формы, положенія и пространства этого моря, такъ и въ измѣреніи глубины водъ во всей его окружности и даже во многихъ мѣстахъ посреди самаго моря, изслѣдованныхъ въ присутствіи государыни. Получивъ этотъ подарокъ, берлинская академія, пользовавшаяся доходами только отъ сбыта календарей и географическихъ картъ, сперва занялась лишь своими интересами. Мы разочли сколько подаренная карта, если ее хорошо выгравировать, могла бы доставить прибыли, и признали необходимымъ поскорѣе ею воспользоваться, если только не представится къ тому политическихъ препятствій. Для разрѣшенія сомнѣній по послѣднему вопросу, мы писали къ королю, который отвѣчалъ, что усматриваетъ въ этомъ обстоятельствѣ со стороны своей академіи бо̀льшую заботливость о ея выгодахъ, нежели о приличіяхъ; что для изданія карты потребно было бы не его королевское согласіе, а дозволеніе ея императорскаго величества; но испрашивать оное не представляется умѣстнымъ, изъ чего и слѣдуетъ, что академія должна свято хранить лестный и дорогой для нея даръ императрицы, но не дѣлать изъ него никакого другаго употребленія.

Вскорѣ за этимъ высоко-почетнымъ для академіи сопричисленіемъ къ ней царственной особы, открылось вакантное мѣсто въ классѣ умозрительной философіи, и король потребовалъ списокъ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ предполагалъ утвердить кого сочтетъ достойнѣйшимъ избранія. Члены философскаго класса составили этотъ списокъ, отправленной затѣмъ въ Потсдамъ; но король возвратилъ его при жесткомъ письмѣ, гдѣ предлагалъ академіи обращать болѣе вниманія на составленіе вносимыхъ къ нему списковъ и предписывалъ сдѣлать новый. Второй былъ почти подобенъ первому: въ немъ перемѣнили одно только имя, и тогда король назначилъ послѣдняго изъ представленныхъ, но уже не удостоилъ академію письмомъ. Обстоятельство, раздосадовавшее короля, заключалось въ томъ, что во главѣ трехъ кандидатовъ, какъ въ первоначальномъ, такъ и въ другомъ спискѣ, былъ поставленъ еврей Моисей Мендельсонъ [1]),

[1]) Моисей Мендельсонъ (Mendelson), извѣстный многими философскими сочиненіями (а въ особенности подъ заглавіемъ: «Ѳедонъ, или бесѣды о безсмертіи души»), род. въ Дессау, въ 1729 г., ум. въ Берлинѣ, въ 1786 г. Д. Р.

и что внесеніе его кандидатомъ пришлось, по счету, первымъ вслѣдъ за назначеніемъ русской императрицы. Фридрихъ былъ возмущенъ мыслью, что перво-принятый послѣ нея академикъ могъ быть изъ жидовъ, и даже разсердился за представленіе о немъ,—не потому, чтобы не уважалъ Моисея Мендельсона какъ философа, и не по предразсудкамъ, но изъ опасенія, чтобы подобное сопоставленіе именъ не было сочтено въ Россіи, или даже при прочихъ дворахъ европейскихъ, за насмѣшку, либо, по крайней мѣрѣ, за крайнюю непочтительность. Классъ философіи не принялъ на видъ этихъ политическихъ соображеній, которыя я напередъ предугадывалъ, говоря, что императрица преградила къ намъ доступъ еврею. . . . . . Г. Бегелъ (Béguelin), особенно настаивавшій на внесеніе его въ списокъ, поплатился за то въ послѣдствіи: его обошли назначеніемъ на директорскую вакансію.

VII.

Потемкинъ.— Его характеристика.— Сравненіе съ Орловымъ.— Поступки временщика съ своимъ родственникомъ, Березинымъ, и съ пріѣзжими французами: Лафоссомъ и Дюпюи.

. . . . О Потемкинѣ мнѣ многое разсказывалъ секретарь русскаго посланника, князя Долгорукаго, Березинъ. По словамъ его и другихъ особъ, Потемкинъ вовсе не былъ красавецъ и мало того, что некрасивъ лицомъ, а даже какъ-то страшенъ отталкивающимъ выраженіемъ физіономіи; въ добавокъ, былъ косоглазъ и кривоногъ; за то имѣлъ замѣчательные ростъ, станъ и силу. Съ такими существенными достоинствами наружности соединялось еще одно: великолѣпнѣйшіе волосы. Поэтому, на уборку и прическу ихъ употреблялось все время пріема посѣтителей. Сидя въ своей уборной, за перегородкою изъ перилъ, вышиною въ половину человѣческаго роста, онъ видѣлъ передъ собой всѣхъ сановниковъ имперіи на вытяжкѣ, въ полномъ мундирѣ и орденахъ, — въ почтительномъ ожиданіи одного взгляда, или слова: «здравствуй». Съ кѣмъ изъ нихъ онъ хотѣлъ говорить, того удостоивалъ зовомъ по имени, причемъ весь привѣтъ и ласка состояли изъ словѣ: поди сюда (padi-souda), поди прочь (padi-proche); эти слова вызывали въ средѣ предстоящихъ мгновенное исполненіе, съ такимъ изгибомъ внизъ всего туловища, что руки касались пола. Временщикъ, не платившій никогда своихъ долговъ, распоряжался всѣмъ самовластно и надменно. Пора его могущества пробудила живѣйшія сожалѣнія о предмѣстникѣ его, князѣ Орловѣ,

который ничего не упускалъ для того, чтобъ ему назначили роль любимца, и, ограничиваясь ею въ тѣсномъ смыслѣ слова, не забиралъ всѣхъ дѣлъ въ свои руки, но всегда направлялъ ихъ къ тѣмъ лицамъ, кому они были ввѣрены; высказывалъ напрямикъ, что не имѣетъ права въ нихъ вмѣшиваться; обѣщалъ мало, но безъ обмана и смягчалъ вѣжливостью отказы на просьбы.

Потемкинъ, оставшись сиротою съ дѣтства, былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ иныхъ средствъ къ жизни кромѣ благодѣяній своего дяди, отставнаго полковника Березина, который принялъ его къ себѣ и доставлялъ ему все необходимое [1]). Полковникъ, оставившій службу за ранами, былъ самъ не богатъ, потому что правительство, еще при Петрѣ Великомъ, отобрало у него огромное количество земли, обѣщая постоянно владѣльцу замѣнить ее другою, но не выполнивъ этого обѣщанія. Въ послѣдствіи, когда старый дядя узналъ о блестящей карьерѣ своего племянника, то изнутри Московіи отправился въ Петербургъ, въ надеждѣ добиться наконецъ какого нибудь правосудія; но бывшій его питомецъ принялъ очень дурно старика, и, спросивъ у него о причинѣ прибытія, отозвался, что теперь не время обращаться съ подобными просьбами, а потому тутъ же приказалъ не допускать болѣе къ себѣ этого просителя. Березинъ съ негодованіемъ и стыдомъ собирался тотчасъ же уѣхать во-свояси, но старинный его пріятель, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ (le prince Nariskin, grand-écuyer) [2]), удержалъ его, полагая, что

---

[1]) Потемкинъ не остался въ дѣтствѣ круглымъ сиротой: мать его была въ живыхъ. Отецъ его Александръ Васильевичъ, отставной подполковникъ а по другимъ свѣдѣніямъ, гарнизонный маіоръ и небогатый помѣщикъ Смоленской и Тульской губерній, род. 1673 г., ум. 1746 г.; а мать, Дарья Васильевна, рожденная Скуратова, по первому мужу Кондырева, род. 1704 г., умерла въ іюлѣ 1780 г., слѣдовательно, только за одиннадцать лѣтъ до смерти своего сына и уже въ то время, когда онъ былъ на верху своего могущества и счастія. Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій род. въ сентябрѣ 1736 г. (а по другимъ свѣдѣніямъ, въ 1739 г. или даже въ 1742 г.), умеръ 5-го октября 1791 г. — Братьевъ не имѣлъ, а было у него пять сестеръ. Потемкинъ, въ юности, отвезенъ былъ изъ деревни въ Москву, къ родственнику его матери, генералъ-поручику Александру Артемьевичу Загряжскому, изъ дома котораго и поступилъ пансіонеромъ въ Московскій университетъ. Что же касается до участія въ его судьбѣ полковника Березина, объ этомъ обстоятельствѣ умалчиваютъ всѣ имѣющіяся въ виду біографическія свѣдѣнія о Потемкинѣ.

[2]) Вѣроятно, Левъ Александровичъ Нарышкинъ, двоюродный племянникъ Петра I, носившій званіе оберъ-шталмейстера. Онъ былъ извѣстенъ веселымъ характеромъ и забавными выходками. Род. 26-го февраля 1733 г., ум. 9-го ноября 1799 г. Д. Р.

на Потемкина возможно подѣйствовать неотступною настойчивостью. И затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ежедневно, почтенный старикъ томился, какъ безпріютный, въ переднихъ покояхъ своего неблагодарнаго и бездушнаго питомца. Наконецъ Нарышкинъ, по праву стараго заслуженнаго царедворца, имѣвшій возможность быть смѣлѣе другихъ въ своихъ домогательствахъ, взялъ на себя замолвить слово Потемкину: «Знаете-ли вы, что дядя вашъ, мой старинный другъ, сидитъ въ вашей передней, умирая со скуки, и что этакъ онъ каждое утро проводитъ тамъ? Неужто вы ничего для него не сдѣлаете? Пора бы положить этому конецъ».—«Пусть убирается! Онъ давно ужъ мнѣ надоѣдаетъ! Я чуть было не распорядился принять мѣры, чтобы онъ не могъ сюда таскаться и разыгрывать неумѣстную роль, какую онъ здѣсь представляетъ изъ себя. Пусть убирается прочь! Скажите ему хорошенько объ этомъ, а иначе я заставлю его раскаяться въ своей докучливости». — «Но вѣдь онъ вашъ дядя».—«Такъ благодари онъ за это Бога, да напередъ остерегайся!» — И старый полковникъ побрелъ обратно въ свою глушь затаить въ ней чувства оскорбленія и гнѣва [1]).

Пьеръ Лафоссъ (Pierre Lafosse), ученый знатокъ лошадей, знаменитый берейторъ и ветеринаръ, извѣстный замѣчательными сочиненіями по своей части, бывши въ Вѣнѣ, получилъ отъ тамошняго русскаго посланника столь убѣдительныя приглашенія ѣхать въ Петербургъ, при самыхъ заманчивыхъ обѣщаніяхъ, что отправился туда, съ рекомендательными письмами къ вельможамъ и особенно къ князю Потемкину. Пріѣздъ Лафосса подоспѣлъ какъ нельзя болѣе кстати для этого счастливаго преемника князя Орлова. У Потемкина была

---

[1]) О личности обоихъ Березиныхъ—этого полковника и упомянутаго выше секретаря посольства—мы не могли найти никакихъ свѣдѣній. Что за родство было между Потемкинымъ и этою фамиліей, какія были между ними отношенія въ его молодости и въ послѣдующее время—также неизвѣстно. Находимъ, впрочемъ, подтвержденіе того факта, что при Екатеринѣ II дѣйствительно производилось какое-то дѣло, касавшееся Березиныхъ и доходившее до самой государыни. Въ одномъ изъ ея писемъ къ статсъ-секретарю А. В. Олсуфьеву, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. (изд. 2-е, стр. 425), содержится слѣдующее распоряженіе:

«Адамъ Васильевичъ! Изволь Березинымъ еще, въ дополненіе вчерашней моей резолюціи, объявить, что я поѣду рѣшить ихъ дѣло; но они чрезъ то уже потеряютъ апелляцію на мнѣ; и такъ, пускай сами выберутъ».—14-го генваря 1764 г. (Письмо LXIII).

Предостереженіе императрицы тяжущимся о возможности потерять апелляцію собственно на ней самой, кажется, намекаетъ на то, что процессъ этотъ заведенъ былъ противъ казны. Д. Р.

больная лошадь, которую въ Россіи никто не могъ вылечить,—лошадь дорогая и превосходная, подарокъ императора Іосифа Втораго рослому, дородному и дебелому баловню счастія. Нечего и говорить, что Пьеръ Лафоссъ былъ принятъ очень хорошо: онъ пользовался свободнымъ доступомъ къ временщику, при всегдашней полной увѣренности въ ласковомъ пріемѣ. Больное животное было показано ему и отдано на его руки; Лафоссъ распорядился устройствомъ особаго сарая для леченія рѣдкаго коня, къ чему приложилъ возможныя старанія и все свое искусство. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣлъ совершенно вылечить лошадь, за что получилъ изъявленіе словесной благодарности, во всѣхъ преувеличенныхъ формахъ ложной признательности,—но тѣмъ дѣло и кончилось: ему не возвратили сдѣланныхъ по этому случаю затратъ, не вознаградили платой за трудъ и, наконецъ, воспретили ему всякій доступъ,—точно такъ же какъ было съ старымъ дядей Потемкина. Однимъ словомъ, для бѣднаго Лафосса ровно ничего не сдѣлали, и ему пришлось выбраться изъ Россіи, какъ бы изъ львинаго логовища.—Пьеръ Лафоссъ пріѣхалъ въ Берлинъ и привезъ съ собой нѣсколько писемъ ко мнѣ. Онъ пробылъ тамъ нѣкоторое время, часто видѣлся со мной и передалъ мнѣ все разсказанное выше....

....У Вольтера, въ Фернеѣ, жилъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Дюпюи (Dupuis), очень искусный въ своемъ ремеслѣ. Когда Вольтеръ однажды совѣтовалъ ему произвести какую нибудь особенно-изящную работу, достойную славы,—тотъ отвѣчалъ, что у него задуманъ уже проектъ и планъ такой работы, а именно сервиза для завтрака (déjeuner), который годился бы въ подарокъ отъ Вольтера «безсмертной Екатеринѣ Второй» (à l'immortelle Cathérine Seconde). Вольтеръ съ жаромъ ухватился за эту мысль и, одобривъ всѣ подробности художественно-затѣйливаго проекта, доставилъ мастеру нужный для этой великолѣпной работы матеріалъ: золото и серебро.

....Работа долженствовала быть очень продолжительною, судя по тому, что весь приборъ предполагался изъ шести тысячъ составныхъ частей. Къ несчастію, Дюпюи не успѣлъ еще ее окончить, какъ Вольтеръ умеръ въ Парижѣ [1]). Это событіе раззорило бѣднаго мастера: онъ удалился въ Лозанну додѣлывать свой сервизъ и уже почти изготовилъ его въ то время, когда секретарю покойника Вольтера дано было порученіе доставить библіотеку великаго человѣка въ Петер-

---

[1]) Вольтеръ (Marie-François Arouet de Voltaire) род. 20-го февраля 1697 г., ум. 30-го мая 1778 г. Д. Р.

бургъ [1]). Секретарь этотъ, изъ участія къ судьбѣ Дюпюи, вызвался взять его съ собой въ Россію, обѣщая представить императрицѣ сервизъ, какъ работу, нарочно предпринятую для поднесенія ея величеству. Дюпюи принялъ предложеніе, но, среди дорожныхъ сборовъ, заболѣлъ, и секретарь принужденъ былъ уѣхать безъ него. Едва вы-

---

[1]) Екатерина II купила библіотеку Вольтера у его племянницы, г-жи Дени (M-me Denys), и по этому поводу написала ей слѣдующее письмо (не опубликованное Гриммомъ, но вошедшее въ коллекцію документовъ, собранныхъ продолжателемъ Башомона (Bachaumont):

«Je viens d'apprendre, madame, que vous consentez à remetre entre mes mains ce dépôt précieux que M. votre oncle vous a confié,—cette bibliothèque que les âmes sensibles ne verront jamais sans se souvenir que ce grand homme sut inspirer aux humains cette bienveillance universelle que tout ses écrits, même ceux de pur agrément, respirent. Personne avant lui n'écrivit ainsi que lui; il servira d'exemple et de modèle à la race future; mais il faudrait unir le génie à la philosophie, aux connaissances et aux agréments, en un mot être semblable à M. de Voltaire, pour l'égaler; et si j'ai partagé, avec toute l'Europe, vos regrets, madame, sur la perte de cet homme incomparable, vous vous êtes mise en droit de participer à la reconnaissance que je dois à ses écrits. Je suis, sans doute, très sensible à l'éstime et à la confiance que vous me marquez. Il m'est bien flatteur de voir qu'elles sont héréditaires dans votre famille, et la noblesse de vos procédés vous est caution de mes sentiments à votre égard. J'ai chargé M. Grimm de vous remettre quelques témoignages, dont je vous prie de faire usage»:

«Catherine».

Переводъ: «Я узнала, сударыня, о вашемъ согласіи передать въ мои руки драгоцѣнное хранилище, завѣщанное вамъ дядею вашимъ,—его библіотеку, которая не можетъ не напомнить всякому человѣку съ душой, что великій писатель умѣлъ внушить людямъ всеобщее чувство человѣчности, наполняющей всѣ его произведенія, не исключая и написанныхъ въ легкомъ родѣ. Никто до него не писалъ такъ: имъ указанъ примѣръ будущимъ поколѣніямъ, но для того, чтобъ ему слѣдовать, нужно сочетать геній съ мудростью, знаніемъ и изяществомъ,—однимъ словомъ, нужно уподобиться Вольтеру, чтобы сравняться съ нимъ. И если я, съ цѣлой Европой вмѣстѣ, раздѣлила вашу скорбь о потерѣ этого неподражаемаго человѣка, то и вы пріобрѣли себѣ право раздѣлить мою признательность, какою обязана я его твореніямъ. Я, конечно, съ особеннымъ удовольствіемъ и искреннимъ расположеніемъ принимаю тѣ изъявленія уваженія и довѣрія, которыя вы передо мной выразили. Для меня весьма лестно видѣть, что чувства эти преемственны въ вашемъ семействѣ; благородство вашихъ поступковъ можетъ служить порукой и за мои чувства въ отношеніи къ вамъ. Я поручила г. Гримму передать вамъ нѣкоторыя изъ доказательства *), которыя прошу васъ принять для своего употребленія».

«Екатерина».

(Письмо это еще не появлялось въ русской печати до сего времени).

---

*) Деньги, 50,000 экю, въ видѣ кредитива на банкирскій домъ гг. Лаборда и Лабалью (Laborde et Laballue), и, кромѣ того, разные подарки изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ.

Д. Р.

здоровьѣмъ, нашъ бѣдный артистъ пустился въ дорогу за своимъ пріятелемъ, но опоздалъ застать его въ Гаврѣ и отплылъ въ Петербургъ, надѣясь поспѣть туда прежде, нежели его другъ выѣдетъ оттолѣ въ обратный путь. У береговъ Швеціи Дюпюи потерпѣлъ крушеніе и насилу спасся вмѣстѣ съ своимъ сервизомъ,—то есть, единственнымъ своимъ сокровищемъ. Густавъ III,—тотъ самый, что въ послѣдствіи былъ умерщвленъ,—прослышалъ объ этомъ издѣліи, пожелалъ видѣть вещь, пришелъ отъ нея въ восторгъ и спросилъ о цѣнѣ; но злополучный артистъ имѣлъ неловкость отвѣчать, что приборъ этотъ заказанъ и исполненъ для поднесенія императрицѣ, послѣ чего Густавъ ограничился только предоставленіемъ художнику способовъ къ дальнѣйшему путешествію. Когда Дюпюи прибылъ въ Россію, секретарь Вольтера уже выѣхалъ оттуда, и бѣдному страннику не оставалось ни на кого положиться, кромѣ какъ на самого себя. Онъ обратился къ князю Потемкину, дѣйствительно единственному лицу, чрезъ кого можно было получить доступъ къ Екатеринѣ Второй. Всемогущій ея любимецъ, увидѣвъ сервизъ, нашелъ его восхитительнымъ и рѣшился оставить за собой; однакожъ, денегъ за него не заплатилъ, по своему всегдашнему обыкновенію, а вскорѣ затѣмъ не велѣлъ и впускать къ себѣ Дюпюи. Напрасно бѣднякъ обращался къ Потемкину съ просительными письмами: онъ не могъ добиться ни возвращенія своего д е ж е н е, ни пріема у князя, ни отвѣта себѣ. Наконецъ несчастный, въ отчаяніи, явился излить всѣ свои злополучія передъ французскимъ посланникомъ, маркизомъ де-Веракъ (de Vérac) [1]); тотъ былъ живо тронутъ ими и возмущенъ наглымъ грабительствомъ временщика. Онъ старался утѣшить бѣднаго Дюпюи обѣщаніемъ всевозможнаго содѣйствія къ его удовлетворенію, хотя самъ внутренно сознавалъ невозможность расчитывать на какой либо успѣхъ, если не употребить смѣлой и рѣшительной мѣры. Поэтому, французскій посланникъ воспользовался временемъ, когда пріемная зала князя Потемкина была биткомъ набита сановниками имперіи, и представителями иностранныхъ державъ. Въ виду всѣхъ этихъ особъ, маркизъ де-Веракъ ходатайствовалъ о возвращеніи неоплаченнаго сервиза и при томъ далъ почувствовать, что иначе онъ, посланникъ, самъ будетъ обязанъ войти съ офиціальнымъ требованіемъ, чего, безъ сомнѣнія, князь не захочетъ. Раздраженный и озадаченный Потемкинъ отвѣчалъ, что его давно уже обременяла эта вещь. Посланникъ поймалъ его на словѣ и просилъ распорядиться возвращеніемъ прибо-

---

[1]) Маркизъ де-Веракъ прибылъ въ Петербургъ въ іюнѣ 1780 года. Д. Р.

ра, что, дѣйствительно, и сдѣлалось. Такъ—гнѣвъ является доброю чертой у тѣхъ, въ комъ нѣтъ иныхъ, лучшихъ, побужденій для справедливости и сдержанности въ образѣ дѣйствій.

Выручивъ свой драгоцѣнный сервизъ, Дюпюи поспѣшилъ выбраться изъ этой «проклятой страны» (de ce maudit pays), гдѣ рисковалъ всего лишиться. Пріѣхавъ въ Варшаву, онъ работалъ тамъ нѣсколько времени, чтобъ добыть себѣ денегъ на дорогу, что дѣлалъ всюду, гдѣ нуждался въ средствахъ; работу же находить ему было не трудно, такъ какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, обладалъ рѣдкимъ вкусомъ и умѣньемъ. На границѣ прусскихъ владѣній онъ столкнулся съ новыми затрудненіями: ему предъявили законъ, воспрещающій провозъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій безъ уплаты пошлины, въ размѣрѣ 50% на сто—съ суммы ихъ стоимости. Многострадальный Дюпюи оставилъ на границѣ свой сервизъ, свою жену и дочь, и поѣхалъ въ Берлинъ просить милости. Главноуправляющій государственными доходами, де-Лоне (de Labayc de Launay), подтвердивъ ему правильность требованія пограничныхъ сборщиковъ и присовокупивъ, что онъ, де-Лоне, самъ не можетъ быть изъятъ отъ дѣйствія этого закона, посовѣтовалъ ему обратиться къ королю съ письмомъ, для составленія коего указалъ просителю на меня. Мнѣ посчастливилось сдѣлать въ письмѣ столь удачное сопоставленіе Вольтера, Фридриха и Екатерины, что король препроводилъ письмо это къ де-Лоне, съ собственноручной надписью: «разрѣшить провозъ вещи безпошлинно».

....Дюпюи пробылъ два или три мѣсяца въ Берлинѣ, гдѣ досталъ себѣ работу чрезъ посредство де-Лоне, и потомъ уѣхалъ въ Гессенъ-Кассель, надѣясь, что ландграфъ купитъ у него сервизъ. Что съ нимъ сталось далѣе, я не слыхалъ, но всегда тщательно сохраняю одну изъ прекрасносдѣланныхъ имъ вещицъ: миніатюрную голову Вольтера изъ золота [1]).

---

[1]) По поводу анекдотовъ о Потемкинѣ, изображающихъ его въ невыгодномъ свѣтѣ, авторъ, въ предисловіи къ своему труду, говоритъ слѣдующее (т. I, стр. XXXIV):

«Если я въ своей книгѣ не слишкомъ щажу Потемкина, то надѣюсь, что русская нація слишкомъ справедлива, чтобы сѣтовать на меня за это. Я былъ только справедливъ, порицая личность, не имѣвшую никакого права на смягченные о ней отзывы, и въ этомъ случаѣ я сталъ какъ бы мстителемъ за самихъ же русскихъ. Кто зналъ меня, тому извѣстно, что я не одержимъ національными предубѣжденіями; дарованія, геній и добродѣтели свойственны всѣмъ народамъ; но нравы, воспитаніе и образъ правленія бываютъ или благопріятны или враждебны развитію этихъ качествъ. Когда Потемкины забираютъ слишу—

VIII.

Екатерина II въ молодости, по воспоминаніямъ баронессы Принтценъ.—Благодарность за услугу врача.—Библіотека императрицы.—Братья Орловы.—Ихъ предокъ—стрѣлецъ, помилованный Петромъ Великимъ.—Анекдотъ о пребываніи этого государя въ Берлинѣ.—Приверженцы Екатерины II, при ея воцареніи.—Энергическая выходка Григорія Орлова.

Екатерина II, какъ всѣмъ извѣстно, родилась и воспитывалась въ Кюстринѣ, гдѣ отецъ ея, генералъ прусской службы, былъ губернаторомъ [1]). Баронесса фонъ-Принтценъ (Printzen), въ дѣвичествѣ своемъ состоявшая камеръ-фрейлиной или въ званіи статсъ-дамы при этомъ крошечномъ дворѣ, много разсказывала мнѣ и объ ея родителяхъ, и о дочери ихъ, которая, по-истинѣ, отнюдь не воображала сдѣлаться въ послѣдствіи государынею великой державы.—«На моихъ глазахъ,—говорила баронесса,—она родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ передъ отъѣздомъ ея въ Россію. Я пользовалась на столько ея довѣріемъ, что могла думать будто знаю ее лучше чѣмъ кто либо другой; а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности, я только замѣтила въ ней умъ серьезный, расчетливый и холодный, но столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Однимъ словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной, а потому, вы можете судить объ удивленіи моемъ, когда пришлось узнать про необычайныя ея приключенія».

народы изнываютъ подъ тяжкимъ гнетомъ; когда же кормиломъ государства правитъ человѣкъ, исполненный достоинствъ, живущій лишь для добра, поставившій себѣ цѣлію только справедливость, умѣренность, благотворительность и твердость,—тогда народы могутъ надѣяться всего хорошаго; имъ остается лишь благодарить небо и благословлять своего государя. И нѣтъ такого рода славы, нѣтъ такого счастія, которыхъ русскіе не могли бы себѣ ожидать при подобномъ царствованіи!»

[1]) Принцесса Ангальтъ-Цербстъ-Бернбургская, Софія-Августа-Фредерика, въ послѣдствіи Екатерина II Алексѣевна, дочь владѣтельнаго князя Христіана-Августа и жены его, рожденной герцогини Голштинской Іоанны Елисаветы, родилась не въ Кюстринѣ, а въ Штеттинѣ (21-го апрѣля 1729 г.), гдѣ отецъ ея былъ градоначальникомъ и губернаторомъ прусской Помераніи. (Онъ род. 29-го ноября 1690 г., ум. 16-го марта 1747 г., 57-ми лѣтъ отъ роду). Д. Р.

Екатерина, бывши еще великою княгиней, имѣла весьма серьезную болѣзнь, отъ которой благополучно вылечилъ ее одинъ медикъ-французъ, уѣхавшій, чрезъ нѣсколько времени спустя, на свою родину [1]). Сдѣлавшись царствующей государыней, императрица вспомнила услугу, оказанную ей этимъ человѣкомъ, и послала ему патентъ (brevet) на пенсію въ десять тысячъ франковъ. «Если я не имѣю счастія,—сказала она,—быть полезною тѣмъ, кто далъ мнѣ жизнь, то, по крайней мѣрѣ, обязана сдѣлать это для того, кто сохранилъ мнѣ ее». Полный смыслъ этихъ словъ объясняется тѣмъ, что принцесса, мать ея, умершая не задолго до ея воцаренія [2]), жила крайне небогато въ Парижѣ, гдѣ занимала небольшой отель за Люксенбургомъ. Не говорю о родномъ братѣ Екатерины [3]): онъ жилъ и умеръ безъизвѣстнымъ.

Въ чемъ могли позавидовать императрицѣ любители книгъ, такъ это въ устройствѣ ея библіотеки: чтобы достать книгу съ извѣстной полки, стоило лишь прижать пуговку подъ тѣмъ же самымъ нумеромъ; тотчасъ полка выдвигалась впередъ, опускаясь до уровня рукъ, а вторичнымъ давленіемъ пуговки возвращалась на свое мѣсто. Нѣтъ надобности досказывать, что необходимый для того механизмъ былъ скрытъ внутри дерева шкафовъ.

На меня, полагаю, не попеняютъ, если я занесу въ свои «Воспоминанія» то, что дошло до моего свѣдѣнія на счетъ Орловыхъ и что можетъ быть распредѣлено на три пункта: 1) объ ихъ родѣ и семействѣ; 2) объ ихъ участіи въ событіяхъ, въ іюнѣ 1762-го года, и 3) объ особенномъ характерѣ того изъ нихъ, кого прозвали Balafré [4]).

Орловыхъ было пять братьевъ; старшій [5]), никогда не хотѣвшій

---

[1]) Дѣйствительно, она была тогда тяжко больна отъ простуды, и въ теченіи 27-ми дней жизнь ея казалась въ опасности; но вылечилъ ее не французъ, а португалецъ Саншесъ, служившій тогда придворнымъ медикомъ.

[2]) Родилась 24-го октября 1712 г., умерла 19-го мая 1760 года.

[3]) Братъ Екатерины, Фридрихъ-Августъ, бывшій пятью годами моложе ея, служилъ римско-императорскимъ генералъ-фельдмаршаломъ. Былъ женатъ на принцессѣ Ангальтъ-Бернбургской Фредерикѣ-Августѣ-Софіи. Умеръ въ мартѣ 1793 г. Онъ былъ послѣдняя отрасль Ангальтъ-Цербстскаго дома

[4]) Balafré — имѣющій рубецъ на лицѣ. Это прозваніе дали Алексѣю Григорьевичу Орлову (р. 1737, † 24-го декабря 1808 г.) иностранцы и офранцуженные соотечественники высшаго петербургскаго общества, потому что онъ имѣлъ шрамъ на щекѣ, разрубленной ему Василіемъ Шванвичемъ, въ пьяной дракѣ. Подробности объ этомъ случаѣ см. въ IV т. «Русской Старины» 1871 г., въ выноскѣ подъ страницей 387. Д. Р.

[5]) Иванъ Григорьевичъ, дѣйствительно отказавшійся отъ всѣхъ почестей; онъ былъ отставной гвардіи капитанъ Вышелъ въ отставку при самомъ воца-

занять никакого мѣста, не бывшій ничѣмъ по службѣ и прозванный философомъ; второй—пожалованный княземъ [1]); третій—тотъ, что съ рубцомъ на лицѣ; двое другихъ [2]), гораздо моложе первыхъ, не обратившіе на себя особеннаго вниманія. Всѣ пятеро были громаднаго роста и необычайной силы, какую рѣдко встрѣчаешь, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. Второй братъ былъ самый красивый, а третій самый сильный изъ всѣхъ. Шрамъ на его лицѣ былъ послѣдствіемъ спора объ закладъ, предложеннаго имъ въ лѣта своей молодости, съ вызовомъ драться одновременно противъ нѣсколькихъ гренадеровъ, которыхъ онъ и одолѣлъ, получивъ, однакожъ, рану въ лицо, оставившую слѣдъ на всю его жизнь. О происхожденіи этихъ братьевъ мнѣ предстоитъ привести фактъ, читанный мною, а теперь передаваемый здѣсь въ томъ же самомъ видѣ.

Однажды, въ Берлинѣ, пошелъ я на аукціонную продажу книгъ. Войдя въ залу, гдѣ производилась публичная распродажа, я увидѣлъ Лагранжа (товарища своего по академіи), сидѣвшаго у стола; мнѣ удалось добыть себѣ мѣсто подлѣ него, и мы принялись за пересмотръ книгъ, лежавшихъ передъ нами на столѣ. Лагранжъ взялъ брошюру въ синей оберткѣ, страницъ въ пятьдесятъ: то было повѣствованіе, составленное однимъ офицеромъ, о событіяхъ въ Россіи, современныхъ кончинѣ Петра III. Перелистывая брошюру, сосѣдъ мой попалъ въ ней на одно мѣсто, которое указалъ мнѣ; мы вдвоемъ прочли тамъ слѣдующее: «Петръ I, повелѣвъ обезглавить мятежныхъ стрѣльцовъ, распорядился, для вящшей быстроты въ отправленіи казни, положить передъ собой плаху, на которой онъ собственноручно, дюжими ударами топора, препровождалъ на тотъ свѣтъ виновныхъ, выбранныхъ имъ на свою долю въ изрядномъ количествѣ, ловко отсѣкая одну голову за другой. Тутъ между обреченными бойнѣ стрѣльцами явилось горячее соревнованіе наперерывъ идти подъ царскій топоръ, чтобы скорѣе сподобиться чести принять казнь, по примѣру Іисуса Христа (?), и соревнованіе это простиралось такъ далеко, что одинъ изъ нихъ, высокій и очень красивый мужчина, подступивъ къ мѣсту кровавой расправы въ то время когда другой

реніи Екатерины, жилъ большею частію въ Москвѣ. Ум. 16-го ноября 1791 г. Братья уважали его какъ отца.

[1]) Григорій Григорьевичъ—фаворитъ императрицы, род. 6-го октября 1734 г. ум. 13-го апрѣля 1783 года.

[2]) Өедоръ Григорьевичъ, генералъ-аншефъ, род. 8-го февраля 1741 года, ум. 17-го мая 1796 года, и Владиміръ Григорьевичъ, генералъ-поручикъ, род. 1743 г., ум. 1831 года.

Всѣ пять братьевъ возведены въ графское достоинство при коронаціи Екатерины II. Д. Р.

его товарищъ занялъ свою очередь на императорской плахѣ,—положилъ туда же и свою голову, чтобы подвести ее подъ оборотный ударъ топора (un coup de revers). Петръ I, пораженный такою чрезмѣрною покорностью (servilité), объявилъ помилованіе этому человѣку; пощаженный былъ именно дѣдъ Орловыхъ» . . . .

. . . .

. . . .

Далѣе мы не могли продолжать нашего чтенія, потому что брошюра эта была пущена въ продажу за два су, но вызвала постепенныя надбавки до червонца и, конечно, поднялась бы въ цѣнѣ еще выше, если бы въ публикѣ огласился тотъ фактъ, что покупка этой книжки была заказана по порученію русскаго посланника, имѣвшаго предписаніе своего правительства скупить всѣ ея экземпляры, по какой бы ни было цѣнѣ.

. . . .

. . . .

Хотя князь Орловъ (Григорій) и не былъ такой силачъ, какъ братъ его Алексѣй, но надобно думать, что, и за всѣмъ тѣмъ, онъ имѣлъ силу не-дюжинную, если вѣрить случаю, о которомъ мнѣ разсказывали. Говорятъ, что когда надлежало привести гвардейскихъ солдатъ къ присягѣ, Григорій Орловъ, командиръ роты, которая была одѣта по-римски (capitaine d'une compagnie habillée à la romaine) (??), приказалъ ей присягать; но одинъ офицеръ, человѣкъ видный и крѣпкій, вскричалъ, что онъ прежде присягалъ уже государю и потому не можетъ давать клятвъ никому другому. Тогда Орловъ, схвативъ за грудь ослушника, вышвырнулъ его изъ строя съ такой силой, что выброшенный упалъ на довольно далекое разстояніе отъ рядовъ, послѣ чего Орловъ, полуоборотясь къ фронту, скомандовалъ: «маршъ!» и всѣ безпрекословно повиновались командѣ, подъ впечатлѣніемъ этого рѣшительнаго поступка.

Перевелъ и сообщ. въ 1875 г. Д. Д. **Рябининъ**.

ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЯ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

ПО ГЕРМАНІИ, ИТАЛИИ, ФРАНЦІИ И АНГЛІИ

въ 1786—1790 гг.[1]).

Въ концѣ 1786 года, В. Н. Зиновьевъ возвратился изъ предпринятаго путешествія по Англіи и Шотландіи въ Лондонъ и съ этого времени видаясь ежедневно съ своимъ другомъ, гр. С. Р. Воронцовымъ, началъ излагать въ формѣ поденныхъ записокъ свои впечатлѣнія и взгляды на явленія общественной жизни, которыя наиболѣе обращали на себя его вниманіе. Авторъ поденныхъ записокъ почему-то избралъ для нихъ французскій языкъ и, по видимому, мало озаботился о приданіи имъ хотя нѣсколько изящной формы, почему онѣ и представляютъ собою вполнѣ безпорядочный образецъ веденія журнала. Не говоря уже о встрѣчающихся на каждомъ шагу грамматическихъ погрѣшностяхъ, затемняющихъ самый смыслъ,— Записки, кромѣ того, страдаютъ въ неменьшей степени отъ вполнѣ небрежнаго отношенія автора къ самому дѣлу ихъ веденія; тетради ихъ не сшиты, измараны и частію, вѣроятно, утеряны, потому что нельзя, напримѣръ, не замѣтить перерывовъ въ годахъ и отсутствія ихъ окончанія.

Не смотря однако же на эти недостатки и въ виду несомнѣннаго интереса этихъ Записокъ, веденныхъ ежедневнымъ свидѣтелемъ жизни гр. С. Р. Воронцова въ Лондонѣ и русскимъ туристомъ XVIII вѣка,—человѣкомъ, по своему времени, развитымъ и образованнымъ, намъ удалось, до извѣстной степени, возстановить хронологическую ихъ связь, что даетъ возможность прослѣдить за ихъ авторомъ, какъ въ теченіе его жизни въ Лондонѣ и его обратнаго путешествія въ Россію, такъ, отчасти, и за его времяпровожденіемъ въ Петербургѣ, уже по его возвращеніи на родину изъ заграничнаго путешествія. Писанныя по французски, такимъ языкомъ, который

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 207—240; 399—440.

былъ весьма обыченъ людямъ даже высшаго общества XVIII вѣка, то есть вовсе не грамматическимъ, неправильнымъ и исполненнымъ руссицизмовъ,— Записки В. Н. Зиновьева представляютъ въ оригиналѣ немаловажный трудъ для читателя, который еще болѣе усугубляется отъ встрѣчаемыхъ на каждой почти страницѣ отступленій, лишенныхъ историческаго значенія, и обращеній къ Богу за ниспосланныя автору милости и милосердіе. Понятно, что, въ такомъ видѣ, журналъ В. Н. Зиновьева не могъ быть напечатанъ и читатель едва ли вынесъ бы изъ его прочтенія что-либо интересное, кромѣ весьма тяжелаго впечатлѣнія—результата его растянутости. Все это вызвало съ нашей стороны его переводъ и необходимое сокращеніе всего того, что не имѣетъ историческаго интереса, но является въ видѣ неумѣстныхъ длиннотъ, тяжело дѣйствующихъ на читателя и положительно вредящихъ цѣлому.

Н. П. Барышниковъ.

1786 годъ.

По возвращеніи моемъ изъ путешествія [1]).

Въ концѣ сентября, здравъ и невредимъ возвратился изъ моего путешествія. Я не засталъ гр. Воронцова, къ дому котораго я подъѣхалъ, и такъ какъ моя комната была занята моимъ двоюроднымъ братомъ Сенявинымъ, я нанялъ квартиру на той же улицѣ. Г-нъ Парадисъ (Paradis), встрѣтивъ меня однажды, такъ настоятельно уговаривалъ меня заниматься геометріей, что,—не бывъ въ силахъ ему отказать,—мы начали уроки и такимъ образомъ мысль, которую я имѣлъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, начала приводиться въ исполненіе.

Въ половинѣ ноября, я предпринялъ путешествіе въ Нью-Маркетъ, гдѣ видѣлъ скачки и общество клуба. Я возвратился въ Лондонъ въ тотъ день, въ который изъ него выѣзжалъ мой двоюродный братъ, Сенявинъ. Снова началъ брать уроки у г. Парадиса, но когда дѣло коснулось до объясненій, я усмотрѣлъ, что онъ не могъ болѣе мнѣ преподавать, почему я и рѣшился взять другаго учителя, для чего и помѣстился у г. Вильямсона, весьма хорошаго математика и очень образованнаго человѣка.

25-го ноября. По субботамъ я отправлялся ночевать къ гр. Воронцову, гдѣ пробывалъ и воскресенья.

27-го. Въ воскресенье, я былъ пріятно обрадованъ посѣщеніемъ

[1]) Т. е. по возвращеніи автора въ Лондонъ изъ путешествія по Англіи и Шотландіи. Н. В.

кн. Голицына [1]) и, можетъ быть, имѣлъ случай отплатить ему за то, чтó получилъ отъ его брата въ Туринѣ; но нужно сознаться, что онъ принялъ это лучшимъ образомъ нежели я (?).

5-го. Этотъ день былъ днемъ св. Екатерины, по нашему календарю, и послѣ обѣдни я обѣдалъ у гр. Воронцова, гдѣ говорили, что одинъ ирландскій епископъ Берклей [2]) написалъ книгу, въ доказательство того, что тѣла не существуютъ. Намѣреніе его было хорошее, потому что онъ писалъ въ опроверженіе философовъ, которые утверждаютъ, что все въ природѣ—матерія, почему и названы «матеріалистами»; но такъ какъ это обстоятельство было упущено при разговорѣ и, не смотря на это, всетаки продолжали высказывать сужденія на эту тему,—дальнѣйшее слушаніе этого разговора дѣлалось нелѣпостію. При преніяхъ перешли къ мнѣніямъ, которыя, постоянно приближаясь другъ къ другу, никогда не совпадаютъ, и пожелали, чтобы они были прямы; въ это время, съ бóльшею горячностію, нежели бы слѣдовало, и я принялъ участіе въ разговорѣ; но, размысливъ въ послѣдствіи,—мнѣ стало жаль этихъ людей, употребляющихъ свой ничтожный умъ на разрушеніе самыхъ, такъ сказать, чувствительныхъ мыслей, тогда какъ они могли бы употребить свои способности на пріобрѣтеніе реальныхъ знаній; но г-нъ Вильямсонъ меня утѣшилъ, такъ сказать, мнѣніемъ Болинброка [3]), который сравнивалъ споръ этихъ философовъ съ работами вавилонскаго столпотворенія, которое кончилось тѣмъ, что всѣ впали въ замѣшательство и разошлись, не понимая другъ друга.

11-го. Выйдя изъ дому на прогулку, я вошелъ въ лавку, чтобы размѣнять деньги, и былъ немало удивленъ: хозяинъ лавки разговаривалъ съ какимъ-то человѣкомъ о томъ, что планеты не имѣютъ вліянія на поведеніе людей. Въ одной только Англіи торговецъ саломъ можетъ разсуждать о такой матеріи! Я взялъ смѣлость подтвердить мнѣніе торгаша, который былъ противъ этого вліянія. Сегодня за обѣдомъ я вспомнилъ нѣчто, что доставило мнѣ большое удовольствіе, а именно—что у меня никогда не было ссоры и даже въ дѣтствѣ не помню, чтобы я съ кѣмъ нибудь подрался.

...22-го прибылъ въ Батъ. Довольно скучалъ въ этомъ мѣстѣ и кромѣ того съ большимъ безпокойствомъ провелъ двѣ ночи; но онѣ

---

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о какомъ-то князѣ Алексѣѣ Голицынѣ. См. прим. къ письму 11-го января 1786 года.

[2]) Жоржъ Берклей (Berkeley или Berkley), ирландскій епископъ, философъ (р. 1684, † 1753 г.).

[3]) Лордъ Болингброкъ (Bolingbroke) (р. 1678, † 1751 г.)—предвѣстникъ школы энциклопедистовъ. Кн. А. Л.-Р.

мнѣ дороги, потому что я научился слѣдовать совѣту, данному многоуважаемымъ Виллермозомъ.

25-го. Слышалъ проповѣдь самаго высокаго содержанія, какую мнѣ когда либо приходилось слышать.

1787 годъ.

1-го января. Уѣхалъ изъ Бата и сегодня окончилъ мое путешествіе.

2-го. Пріѣхалъ въ Лондонъ утромъ; вечеромъ былъ у леди Пеннъ (Penne), гдѣ познакомился съ г-мъ Дальтономъ [1]), человѣкомъ весьма любезнымъ.

3-го. Произошелъ несчастный случай съ Мишенькой [2]), которому кормилица, упавъ на него, сломала ногу.

7-го. Пробылъ съ Мишенькой одну изъ страшныхъ и полезныхъ ночей.

11-го. Пріѣхалъ Сенъ-Мартенъ [3]) и остановился у г-на Тимана.

12-го. День моихъ имянинъ; я его увидѣлъ (т. е. Сенъ-Мартена) вечеромъ и это свиданіе доставило мнѣ великую радость.

19-го. Обѣдалъ у кн. Голицына и передъ вечеромъ началась рѣчь, которая подала мнѣ мысль, что теперь многіе начинаютъ добиваться познаній съ излишнимъ пыломъ (avec trop d'ardeur) и, мнѣ кажется, что этотъ пылъ служитъ препятствіемъ дальнѣйшему преуспѣянію, котораго слѣдуетъ желать. Но если бы этого въ дѣйствительности и не было, то всетаки чрезвычайно мучительно переходить разныя ступени и лишь шагъ за шагомъ достигать цѣли, до которой можетъ достигнуть всякій. Особы эти, кромѣ того, чрезмѣрно привязаны къ свѣту и, ужъ по этой одной причинѣ, не могутъ приносить ему пользы, что однако же здѣсь должно считать

---

[1]) Дальтонъ (Dalton), лондонскій купецъ, торговавшій шерстью († 1805), мастеръ стула въ масонской ложѣ № 259 (?). См. Thory, Acta Latomorum, I, 224. Кн. А. Л.-Р.

[2]) Несомнѣнно, рѣчь идетъ о сынѣ гр. С. Р. Воронцова, графѣ (въ послѣдствіи князѣ) Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ. Н. В.

[3]) Сенъ-Мартенъ (Louis-Claude de S-t Martin) р. 1743 † 1803, основатель секты извѣстной подъ именемъ мартинистовъ. Въ его біографіи, помѣщенной въ Nouvelle Biographie Générale (XLIII, 65), читаемъ слѣдующее: «En 1786, S-t Martin fit un voyage en Angleterre, ou il se lia étroitement avec le téologien William Law; il se prit surtout d'affection pour les Russes, qui lui parurent plus portés au spiritualisme. Le Prince Alexis Galitzine devint son élève et son ami, et l'emmena visiter l'Italie en 1787». Кн. А. Л.-Р.

ся одной изъ важнѣйшихъ цѣлей, а такое дѣйствіе иногда оттал киваетъ людей, видящихъ въ другихъ столь странный способъ поведенія.

23-го. Открытъ парламентъ, но такъ какъ я еще въ прошломъ году видѣлъ его открытіе, то на этотъ разъ не поѣхалъ на эту церемонію.

26-го. Провелъ вечеръ у гр. (не разобрано фамиліи), датскаго посланника, и пріѣхавъ нѣсколько рано, видѣлъ безпокойство, съ которымъ хозяйка дома устанавливала столы для игры. При этомъ случаѣ, я не могъ не подумать, что люди весьма часто дѣлаютъ себѣ нескончаемый трудъ, заботясь о доставленіи удовольствій для себя и для другихъ. Сколько приготовленій замѣчается въ особенности въ устройствѣ большихъ обѣдовъ, сколько тысячъ людей этимъ заняты!—а результатомъ является то, что остаются съ полчаса времени за столомъ и часто этотъ несчастный получасъ намъ кажется за цѣлый день! Когда же людское поведеніе не будетъ вызывать восклицаніе: «О тщеславіе, тщеславіе!»—Лучшій на это отвѣтъ, быть можетъ, будетъ: никогда въ этомъ свѣтѣ!

Въ этомъ обществѣ я видѣлъ принца Вельскаго и г-жу Фицъ-Герберт [1]). Я въ первый разъ видѣлъ принца въ обществѣ, намѣревался быть ему представленнымъ, но, не знаю право, что меня отъ этого удержало. Здѣсь я также нѣкоторое время смотрѣлъ на игру «въ фараонъ» и это мнѣ напомнило безразсудство, которое я сдѣлалъ въ Дрезденѣ. Но худшее изъ всего, что мнѣ здѣсь приключилось, было то, что я сильно простудился.

28-го. Былъ въ обѣднѣ и моя простуда почти прошла. Обѣдалъ у гр. Воронцова, гдѣ видѣлъ вновь пріѣхавшихъ сира Брауна и его товарища по путешествію, барона Мюниха.

30-го. Годовщина роковаго дня для Карла I-го, который, какъ извѣстно, былъ приговоренъ и казненъ своимъ собственнымъ народомъ,—происшествіе не только необыкновенное, но безпримѣрное; желательно, чтобы оно навсегда осталось единственнымъ въ этомъ родѣ и было бы первымъ и послѣднимъ. Въ царствованіе Карла II-го, парламентъ установилъ постъ въ этотъ день и въ Лондонѣ есть особенная для этого церковная служба. Тѣ изъ духовныхъ

---

[1]) Принцъ Вельскій, Георгъ, въ послѣдствіи регентъ и наконецъ король англійскій подъ именемъ Георга IV (р. 1762, † 1830).

Г-жа Фицъ-Герберт (Марія-Анна), р. 1754, † 1837, вдова Томаса Фицъ-Герберта († 1781), извѣстна была своею красотою и неограниченнымъ вліяніемъ на принца Вельскаго какъ съ женитьбы его, такъ и послѣ.

Кн. А. Л.-Р.

отцовъ, которые желаютъ, въ обществѣ канцлера отправляются въ Вестминстерское аббатство присутствовать при богослуженіи и проповѣди, которая говорится однимъ изъ вновь поставленныхъ епископовъ. Сегодняшній разъ проповѣдь говорилъ епископъ Оксфордскій, но духовные отцы не присутствовали, кромѣ канцлера, которому обязательно находиться при богослуженіи. Нижній парламентъ тоже участвуетъ при отправленіи этого богослуженія въ часовнѣ, гдѣ спикеръ, который, такъ сказать, канцлеръ нижней палаты, долженъ находиться. Проповѣдь въ часовнѣ нижней палаты говорится капеланомъ.

Обѣдалъ у графа, гдѣ послѣ обѣда имѣлъ оживленный разговоръ съ г-мъ Сальведра (Salvedra) [1]), о человѣческихъ наклонностяхъ; онъ хотѣлъ ихъ всѣ подвесть подъ уровень инстинкта!

Парижъ.—20-го іюня 1787 года.

По видимому, этотъ трудъ (ouvrage) перервался на болѣе продолжительное время нежели въ дѣйствительности. Находясь подъ вліяніемъ тысячи необъяснимыхъ обстоятельствъ, я сдѣлалъ привязанность къ дѣвицѣ Юмъ и вскорѣ это отняло у меня возможность продолжать мои уроки алгебры, которые меня достаточно занимали. Въ это время я имѣлъ случай познакомиться съ докторомъ Гривъ (Griv), который настолько поглотилъ мое вниманіе, что я сочинилъ для него нѣчто о безсмертіи души. Въ это же время я познакомился съ Шонборнъ (Schoinborn) [2]). Я былъ свидѣтелемъ того, что случилось съ г-мъ Парадисъ, относительно избранія Провидѣніемъ необыкновеннаго способа, чтобы установить его на истинномъ пути. Я самъ едва не заболѣлъ, когда во время посѣщенія меня гр. Воронцовымъ прочелъ ему, что́ я написалъ для г-на Гривъ, и, не смотря на слабость, ко мнѣ въ самую минуту битвы (combat) возвратились силы. Въ концѣ мая, я оставилъ Англію, проливая слезы, какъ о гр. Воронцовѣ, такъ еще болѣе о Мишенькѣ, который былъ весьма тронутъ моимъ отъѣздомъ. За исключеніемъ, того, что проломили верхъ моей кареты и что я, не зная объ этомъ случаѣ, уплатилъ что́ запросили за ея сохраненіе, я совершилъ весьма счастливо переѣздъ. Въ тотъ день, въ который я покинулъ Кале, погода была очень дождлива и въ карету ко

---

[1]) По всей вѣроятности, не Сальведра, а Сааведра (Saavedra), испанская фамилія, старшій членъ которой носитъ титулъ герцога Ривасъ (Rivas).

[2]) Не слѣдуетъ-ли читать Шельбёрнъ (Shelburne), въ послѣдствіи лордъ Ландедоунъ?

Кн. А. Л.-Р.

мнѣ налилось много воды. Въ мой пріѣздъ я видѣлъ Шантильи и прибылъ сюда 26-го мая. Одѣвшись, я отправился къ нашему послу [1]) и къ княгинѣ Голицыной [2]); но долженъ былъ возвратиться обратно къ себѣ, по причинѣ усталости моихъ лошадей.

27-го. Былъ въ нашей церкви, гдѣ праздновался Троицынъ день, и здѣсь познакомился съ г. Кошелевымъ [3]), у котораго въ тотъ же день обѣдалъ; тутъ же познакомился и съ его супругой г-жой Кошелевой, одной изъ превосходнѣйшихъ мною встрѣченныхъ душъ. Они отчасти и были причиной, что я рѣшился продолжить мое отсутствіе изъ отечества. Боже Всемогущій и Всевѣдующій! снизойди благословить мои добрыя намѣренія и направь шаги мои сообразно Твоей волѣ и на служеніе къ прославленію Твоего имени!

Познакомился съ графиней Разумовской и мы провели два дня, послѣ восхитительнаго вечера, въ назидательныхъ разговорахъ, до двухъ часовъ. Что́ сказать тебѣ, мой дорогой другъ? Я желалъ бы передать тебѣ лишь тысячную часть, но нужно сознаться, что я— несчастный, съ слабымъ, всегда готовымъ воспламеняться сердцемъ, когда не нужно! Не смотря на то, что случилось со мной въ Лондонѣ, я былъ близокъ сдѣлать новую привязанность и излечился отъ нея страннымъ образомъ—на прогулкѣ въ Эрменонвилѣ; тамъ покоится прахъ Ж. Ж. Руссо! Я сдѣлалъ много поѣздокъ по окрестнымъ деревнямъ, между прочимъ былъ въ деревнѣ герцогини де-Бриссакъ, отъ которой получилъ премилое письмо. Тутъ встрѣтилъ моего благодѣтеля Жиро̀ [4]). Отсюда я сдѣлалъ поѣздку въ монастырь Траппистовъ, гдѣ познакомился съ братомъ Просперомъ, въ комнатѣ у котораго нашелъ картину, которую, съ давняго времени, желалъ заказать для себя. По возвращеніи (вѣроятно, въ Парижъ), для рѣдкости случая ѣздилъ въ Пале-Рояль—мѣсто, гдѣ (объ которомъ?) ни съ кѣмъ не говорятъ ни слова. Г. Кошелевъ 20-го отсюда уѣхалъ и оставилъ меня на попеченіи отца Жиро̀, у котораго я сегодня обѣдалъ и гдѣ получилъ хорошій урокъ и подтвержденіе того, что человѣкъ долженъ непремѣнно посѣщать общество, чтобы съ бо̀льшей ясностію замѣчать свои недостатки. Рѣчь объ англійскомъ языкѣ убѣдила меня въ моемъ чрезвычайномъ самолюбіи.

---

[1]) Т. е. Иванъ Симолинъ, русскій посланникъ въ Парижѣ (1784—1792).

[2]) Кн. Наталія Петровна Голицына, рожд. гр. Чернышева (р. 1741, † 1837).

[3]) Родіонъ Александровичъ Кошелевъ († 1827 г.), въ послѣдствіи оберъ-гофмейстеръ, извѣстный мистикъ. Ж. Варвара Ивановна NN.

[4]) Жиро́, докторъ медицины и магнетизеръ, содѣйствовавшій вступленію автора въ масонскій орденъ. Объ немъ будетъ подробно говорено дальше въ «Воспоминаніяхъ». Кн. А. Л.-Р.

Туръ.—24-го іюля 1787 года.

Прекрасна мысль г-жи Кошелевой, которая въ своемъ дѣтствѣ думала видѣть написанное на лунѣ слово: «Богъ»—слово, которое для мыслящаго существа должно читаться на каждомъ древесномъ листкѣ! Смотря на красоту неба, на облака, я восклицалъ: «Какое могущество Того, Кто сотворилъ все это, кто оживилъ своей волею все, что мы видимъ; лишь одному Его слову все подчинилось, все вошло въ повиновеніе! Каково должно быть величіе, окружающее Его престолъ! Каково счастіе предаваться такимъ мыслямъ! Какое зрѣлище можетъ сравниться съ созерцаніемъ природы!

2-го ноября. Ла-Галандри. Прежде отъѣзда изъ этой деревни должно сказать, что я выѣхалъ 24-го іюня, въ воскресенье, послѣ обѣдни. Въ дорогѣ ничего замѣчательнаго не случилось; на другой день, сдѣлавъ 20 станцій, я пріѣхалъ сюда около 7-ми часовъ, найдя уже хозяевъ (т. е. Кошелевыхъ) поселившихся здѣсь, въ этой деревнѣ. Однажды мы обѣдали у г. Конъ (Caun), съ которымъ я имѣлъ очень оживленный разговоръ о Кромвелѣ, и, находясь въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, вслѣдствіе изрядной порціи выпитаго мной вина, у меня возникъ съ моимъ хозяиномъ и другой разговоръ, но всетаки въ болѣе благоразумной формѣ нежели тотъ, который у насъ съ нимъ былъ въ каретѣ, на дорогѣ въ Тушанъ (Touchant), по поводу поведенія министровъ въ политикѣ. Сколько неудовольствій причиняешь себѣ излишнею горячностію! Не знаю, каковы другіе, но, что до меня касается, я—олицетвореніе грѣха и ничтожества! Здѣсь я довольно хорошо употребилъ время: утро было употреблено на чтеніе съ маленькой Коко и съ ея матерью, а послѣобѣденное время было разнообразнѣе. Я имѣлъ нѣсколько споровъ съ хозяйкой дома и въ одномъ изъ нихъ я сознаю себя очень виновнымъ, потому что былъ весьма грубъ; но, съ одной стороны, я имѣлъ случай видѣть ея кроткость и великодушіе, съ другой—что споры, чтобы быть полезными, должны производиться не иначе, какъ съ глазу на глазъ.

Приключившаяся апоплексія старому Сенъ-Мартену привлекла въ здѣшніе края его сына [1]), который, прибывъ къ намъ на три дня, имѣлъ случай произвесть безконечное добро. При этомъ, я имѣлъ возможность видѣть очень дурное качество моего сердца, которое, надѣясь на милосердіе Божіе, съ помощію Его милости измѣнится.

[1]) См. примѣчаніе къ письму отъ 11-го янв. 1787 г.

Велика милость Всемогущаго Существа, что она даетъ возможность узрѣть наши пороки!

Возвращаясь съ водъ, графиня Разумовская проѣхала чрезъ Туръ и пробыла въ немъ одинъ день, находясь въ весьма жалкомъ состояніи относительно своей души.

Назадъ тому 8 дней, какъ Кошелевъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы найти квартиру, а я остаюсь здѣсь съ его супругой, съ нетерпѣніемъ дожидаясь (впрочемъ, не съ такимъ, съ какимъ бы было должно) его письма, которое должно рѣшить нашъ отъѣздъ. Имѣя въ виду достаточно привлекательныя приглашенія въ Ліонъ, я уже болѣе мѣсяца готовъ туда отправиться, но г-жа Кошелева меня удержала и такъ какъ она также рѣшила мой пріѣздъ сюда, то я и этому подчинился, чтобы кончить начатую службу.

Примѣчаніе. Съ этого мѣста продолженіе журнала, въ формѣ писемъ, адресовано: «à ma chère soeur», вѣроятно, въ смыслѣ масонскаго братства, а такъ какъ въ журналѣ повторяются мѣстами слова «ma soeur» съ прибавленіемъ «Barbe», то мы, кажется, не ошибаясь можемъ полагать, что эти письма адресованы къ Варварѣ Ивановнѣ Кошелевой, супругѣ Родіона Александровича Кошелева.

Н. П. Вар[illegible]иковъ.

Ліонъ.—11-го ноября 1787 года.

Вотъ я счастливо и добрался сюда, моя дорогая сестра. Со вчерашняго вечера я еще не видѣлъ ни Милане [1]) (Millanais), ни Виллермоза [2]), но сколько здѣсь, столько же и въ дорогѣ часто думалъ о васъ.

9-го. Въ 4 часа я выѣхалъ; съ большимъ нетерпѣніемъ дождался восхожденія солнца, чтобы оно освѣтило мнѣ интересовавшіе меня виды.

10-го. Спустился съ довольно высокой горы Таранъ (Taran), и, идя пѣшкомъ, остановился на нѣсколько минутъ, пораженный спокойствіемъ, всюду царствовавшимъ! Я думалъ о васъ, дорогая се-

---

[1]) Милане (Millanais, avocat du Roi à Lyon), одинъ изъ вліятельныхъ масоновъ ліонскихъ, авторъ сочиненія: Réponse aux assertions contenues dans l'ouvrage ayant pour titre: De conventu Latomorum apud aquas Wilhelminas. Lyon, 1784, in 8. Въ 1793 умеръ на эшафотѣ, въ Ліонѣ. См. Thory, Acta Latomorum I. 372, II. 354. Кн. А. Л.-Р.

[2]) О Виллермозѣ см. примѣч. къ письму отъ 18-го дек. 1785 г.

стра, о васъ, находившейся въ то время въ самомъ шумномъ городѣ въ мірѣ.

11-го. Былъ у обѣдни, въ церкви св. Іоанна, которая весьма замѣчательна.

12-го. Былъ у Милане, который, вѣроятно, вслѣдствіе своихъ занятій, не могъ меня видѣть; Виллермозъ, который долженъ былъ посѣтить меня утромъ, тоже не пріѣхалъ... вотъ, дорогая сестра, и несчастія! но я утѣшаюсь, зная, что эти люди такъ заняты, что только дѣла самой большой важности имъ мѣшаютъ меня расцѣловать. Нужно вамъ сказать, что я занимаю теперь ту же комнату, въ которой имѣлъ случай сдѣлаться христіаниномъ.

13-го. Наконецъ, я видѣлся съ этимъ превосходнымъ Виллермозомъ! Сегодня я долженъ былъ быть у него въ 10$^1/_2$ часовъ. Какъ нѣжно я цѣловалъ его! Мы не хотѣли разлучаться; онъ былъ окруженъ письмами. Чтобы дать вамъ понятіе, какъ заняты эти достойные люди, скажу вамъ, что онъ не имѣлъ время разобрать свои письма, за три года полученныя; онъ передалъ мнѣ, что въ теченіе недѣли онъ ищетъ свиданія съ Милане, но послѣдній также не имѣетъ свободнаго времени. Я имѣлъ съ нимъ весьма интересный разговоръ о чтеніи св. писанія, которое главнѣйше состоитъ въ таинственности, которая окружаетъ бо̀льшую часть періодовъ, однимъ словомъ, мы говорили о томъ, какъ нужно читать св. писаніе.

Я отыскалъ прекрасную квартиру съ Жиро̀ (Giraud), который будетъ стоять вмѣстѣ со мной,—это отель «Мира».

14-го. Сегодня видѣлъ принятіе въ орденъ, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе и чрезъ которое, назадъ тому почти два года, я также прошелъ и самъ. Здѣсь я имѣлъ случай расцѣловать дорогаго брата Милане.

15-го. Вотъ я наконецъ и въ отелѣ «Мира»! Да ниспошлетъ мнѣ его Господь и да послужитъ мое успокоенное сердце ему обителью!

18-го. Уже нѣсколько дней я не бесѣдовалъ съ вами, моя дорогая сестра, но весьма часто о васъ думалъ. Сегодня съ дорогимъ братомъ Жиро́ я былъ у обѣдни и на возвратномъ пути имѣлъ весьма интересный разговоръ съ однимъ изъ нашихъ, г-мъ Гренвиллъ [1]) (Grainville); онъ, между прочимъ, отнялъ у меня эту большую охоту къ магнетизму (ce grand désir pour le magnétisme), но далъ болѣе ясную мысль о лунатикахъ. Я долженъ замѣтить здѣсь два необыкно-

---

[1]) Гренвиллъ (de Grainville, officier au régiment de Foix) былъ въ числѣ масоновъ, созванныхъ на парижскіе конвенты 1785 и 1787 годовъ. Thory, Acta Latomorum, II. 94. Кн. А. Л.-Р.

венныхъ случая, которые были съ дорогимъ Жиро̀: первый—съ одной особой, которая его нашла въ неизвѣстной для нея деревнѣ, а другой—съ женщиной, находившейся въ лунатизмѣ, въ Парижѣ, и состоявшей на службѣ, въ конторѣ одного нотаріуса.

20-го. Сегодня, съ дорогимъ Жиро́ и сильно любимымъ мной Виллермозомъ, я присутствовалъ на усладительномъ (délicieux) обѣдѣ у одного изъ нашихъ, г. Гренвиллъ. Я затрудняюсь вамъ выразить мною ощущаемую радость, вслѣдствіе моего нахожденія въ этомъ добромъ обществѣ. Дорогой Виллермозъ мнѣ передалъ одно обстоятельство о нашихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ я никогда не думалъ, но которое тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно.

21-го. Былъ сегодня у г. Превенсалъ (Previnçale), гдѣ, какъ первобытные христіане, мы вмѣстѣ читали. Я весьма часто о васъ думаю.

25-го. Надо путешествовать, чтобы быть въ состояніи записывать свои мысли, которыя могли бы быть интересны; перемѣна предметовъ ихъ рождаетъ—вотъ причина, почему до сегодняшняго дня я не могъ вамъ ничего сообщить. Былъ въ обѣднѣ съ дорогимъ Жиро̀ и потомъ обѣдалъ съ моими дорогими братьями и весьма пріятно провелъ время. Послѣ обѣдни видѣлъ одно собраніе, мной еще невиданное и возбудившее во мнѣ многія размышленія.

О парижскомъ парламентѣ получаются весьма дурные слухи; боюсь, чтобы все это не кончилось дурно.

10-го декабря. Наканунѣ дня моего рожденія, хочу вамъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ за это время, и такъ: 7-го вечеромъ, я находился въ большомъ обществѣ моихъ друзей и имѣлъ случай пользоваться ихъ познаніями. 8-го у насъ обѣдалъ Виллермозъ и Гренвиллъ и я имѣлъ случай видѣть одну изъ сторонъ огромной пользы, когда принадлежишь къ этому обществу, потому что почти всѣ его члены навѣстили моего товарища Жиро̀, который боленъ. Здѣсь былъ также и Милане, который говорилъ весьма вѣрно о человѣческой волѣ. 9-го былъ въ нашемъ собраніи. Что за счастливыя для меня здѣсь минуты, моя дорогая сестра! Да славится вѣчно имя Всемогущаго Бога!

11-го. Сегодня день моего рожденія, и такъ, скажу вамъ, дорогая сестра, что мнѣ 32 года. Наша здѣшняя жизнь есть постоянная школа. Счастливы тѣ, которые стараются воспользоваться получаемыми ими уроками! Я нахожусь теперь относительно этого въ весьма выгодномъ положеніи; если этимъ случаемъ не воспользуюсь,—вина падетъ на меня; но надѣюсь, что милосердіемъ Всемогущаго и съ помощію моего дорогаго стража, я воспользуюсь выгодою моего положенія. Я одинъ, безъ общества, безъ родныхъ; друзья, которыхъ я

имѣю, заняты другимъ дѣломъ; вотъ почему, чтобы достигнуть положенія душевнаго довольства, мнѣ нужно искать помощи въ другой сторонѣ; но полагаю, что, отыскавъ ее, моя келья (cellule) будетъ для меня вездѣ пріятнѣйшимъ достояніемъ,—а это большое счастіе, моя дорогая сестра!

16-го. Я, кажется, говорилъ вамъ, что надо путешествовать, чтобы быть въ состояніи писать интересный журналъ. Я веду здѣсь жизнь столь однообразную, что, въ самомъ дѣлѣ, я не знаю, что вамъ сказать, потому что, если бы я повторялъ вамъ каждый день, что весьма часто о васъ думаю,—я боюсь, что это могло бы вамъ наскучить.

19-го. Скажу вамъ нѣчто, что́, можетъ быть, васъ удивитъ, а именно: что, не смотря на то, что нахожусь въ средѣ особъ, исполненныхъ большихъ познаній, мое къ нимъ горячее уваженіе уменьшилось, и, полагая, что достаточно хорошо остаться такимъ, каковъ я теперь, я молю Всемогущаго Бога употребить свое вліяніе, чтобы меня поддержать въ настоящемъ моемъ состояніи духа.

25-го. Сегодня исполнилось два года, что, по милости Всемогущаго, я имѣлъ счастіе сдѣлаться христіаниномъ [1]), чрезъ дорогаго брата Виллермоза, съ которымъ я былъ въ церкви св. Іоанна, также, какъ и въ тотъ знаменательный день! Я только теперь вспомнилъ, что забылъ вознесть благодареніе Богу за эту великую милость! Развѣ я не окаянный?

26-го. У меня обѣдали Мольеръ и Пагануцци (Molière et Paganuzzi), и эта трапеза была по-истинѣ братская.

1788 годъ.

21-го января. Сегодня я обѣдалъ у декана (doyen), гдѣ назадъ тому два года я также былъ на обѣдѣ, который возникъ въ моей памяти, со многими подробностями, возбудившими во мнѣ большое удовольствіе. «Славны бубны за горами!» Прежде нежели пріѣхать сюда, я воображалъ, что рѣчи лицъ, которыя предаются почтенному занятію когда находятся вмѣстѣ, должны лишь касаться его, но увы!—теперь я усматриваю, что только въ уединеніи можетъ развиться истинное чувство. Постараюсь, на сколько могу, воспользоваться этимъ.

---

[1]) Это обстоятельство подробно объяснено дальше въ «Воспоминаніяхъ» автора.

23-го. Вчера обѣдалъ у Виллермоза, гдѣ чрезвычайно хорошо провелъ время, а сегодня у г-на Браунъ, который имѣетъ дѣтей, изъ которыхъ меньшой, кажется, очень уменъ; но его заставляютъ очень много работать, задавая ему часто вопросы, и мнѣ кажется, что умѣстнѣй, чтобы предлагали вопросы дѣти, а не ихъ спрашивали.

1-го февраля. Былъ весьма неудачный день, потому что я провелъ его въ спорахъ—утромъ о магнетизмѣ, а вечеромъ о бракѣ; но за то я и не могъ заснуть до 5-ти часовъ. Вы знаете, что я всегда думалъ, что споры никуда не годятся, и ночью принялъ рѣшеніе никогда не принимать въ нихъ участія; въ этомъ рѣшеніи я еще болѣе утвердился, встрѣтивъ брата Мольера, который мнѣ сказалъ, при моей у него исповѣди, что Іисусъ Христосъ никогда не спорилъ. И такъ, будемъ просить Іисуса Христа, чтобы онъ далъ намъ силы избѣгать споровъ и быть воздержными въ нашихъ рѣчахъ. «Возложи храненіе устамъ моимъ»!

25-го марта. Препятствія мѣшаютъ моему путешествію въ Лондонъ и ставятъ меня въ необходимость возвратиться къ сентябрю мѣсяцу въ Россію.

Рюминьи.—21-го мая.

Вотъ я и покинулъ Ліонъ еще съ 19-го числа, проживъ въ немъ шесть мѣсяцевъ и девять дней. Не смотря на то, что я обѣщалъ вамъ мой журналъ лишь изъ Швейцаріи, но не могу же я разговаривать одинъ!—почему и скажу вамъ, что, чрезъ пребываніе въ Ліонѣ, я достигъ нескончаемаго блага и молю Всемогущаго, чтобы онъ снизошелъ усовершенствовать его еще болѣе и довершить на мнѣ свою работу. Вечеромъ того же дня, я пріѣхалъ въ Гренобль; но на другой день мнѣ встрѣтились препятствія ѣхать въ деревню г-на Тура (Tour), только 21-го числа я могъ это исполнить. Войска окружили парламентъ и я (вижу?) въ числѣ патрульныхъ въ городѣ (Les troupes avaient investi le Parlement et je suis (vois?) des patrouilles dans la ville),—что произвело на меня странное впечатлѣніе. Большое несчастіе, когда государь обязанъ употреблять военную силу, чтобы насиловать своихъ собственныхъ подданныхъ, вмѣсто того, чтобы употребить ее на ихъ защиту!

22-го. Былъ въ Картезіанскомъ монастырѣ (Grande Chartreuse). Мы вышли въ хорошую погоду, но на дорогѣ были застигнуты дождемъ и я совершенно измокъ; по приходѣ же нашемъ, погода прояснилась; мы съ трудомъ спускались въ долины и всходили на крутые подъе-

мы, однимъ словомъ,—здѣсь всего было въ волю. Я не осмѣливаюсь выразить моего мнѣнія о духовномъ обществѣ монастыря, чего бы мнѣ весьма хотѣлось, но мои мысли для этого не достаточно ясны. Уже въ совершенно другую погоду, вчера, 23-го, мы возвратились въ Греноблъ. Я доволенъ начать путь въ Швейцарію и прошу Милосердаго Творца, чтобы снизошелъ благословить его и позволилъ мнѣ, чрезъ Свою неисчерпаемую доброту, вынесть изъ него возможную для себя пользу.

Немуръ.—7-го ноября.

И такъ, это адресовано къ вамъ, моя дорогая сестра; безпокойства, которыя мы испытали прежде отъѣзда изъ Ла-Галандри, вамъ извѣстны, а между тѣмъ они были излишни, потому что все пошло отлично. Съ нами случилось, добрая сестра, то, что случается весьма часто—мы безпокоились тому, чему не слѣдовало безпокоиться.

Въ этотъ же вечеръ мы доѣхали до Орлеана и вчера утромъ я убѣжалъ (et hier matin je me suis enfuis), съ рѣшимостію сопровождать васъ въ Этампъ (Etamp), гдѣ мы разстались, потому что я, такъ сказать, былъ обязанъ васъ сопровождать до этого мѣста. Тѣмъ не менѣе, я благодарю небо, что оно выразило свою волю, чтобы я докончилъ что̀ началъ, и чтобы созналъ ничтожность моихъ услугъ, потому что сдѣлалъ лишь то, что былъ обязанъ сдѣлать. Какъ не благодарить мнѣ добраго ангела, который внушилъ мнѣ мысль говорить съ вами, въ вашемъ отсутствіи!

Было еще свѣтло когда я достигъ Фонтенбло....

Примѣчаніе. Вслѣдъ за симъ помѣщаемый отрывокъ изъ дневника В. Н. Зиновьева представляетъ собой несшитую тетрадь на синей бумагѣ въ листъ. Отрывокъ этотъ безъ начала и конца и веденъ уже по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія. Вслѣдствіе утраты его заголовка, онъ не обозначенъ никакимъ годомъ, но, основываясь на происшествіяхъ, о которыхъ въ немъ упоминается, его съ полной достовѣрностью должно отнести къ 1790-му году. Этотъ отрывокъ веденъ по русски и касается не лишенныхъ интереса эпизодовъ о многихъ лицахъ высшаго петербургскаго общества, а частію и придворной жизни того времени. Въ это время В. Н. Зиновьевъ пережилъ уже весьма многое, почему взглядъ его на многое, какъ намъ кажется, измѣнился, и въ его сужденіяхъ этого времени проглядываетъ несвойственный ему въ прежнее время пессимизмъ и чрезъ меру строгія воззрѣнія на различныя явленія того времени, сами по себѣ совершенно невинныя и безвредныя. Какъ бы то ни было, но отрывокъ этотъ

заслуживаетъ полнаго вниманія и любопытенъ уже потому, что упоминаетъ о нѣкоторыхъ фактахъ петербургской жизни того общества, въ которомъ вращался авторъ дневника, до сего времени мало или вовсе не извѣстныхъ. Очевидно, что существуетъ замѣтный пробѣлъ между началомъ этого отрывка и возвращеніемъ автора въ Петербургъ изъ путешествія, — отсутствіе заголовка къ этому отрывку еще болѣе подтверждаетъ это мнѣніе. Утрата начала этого отрывка изъ дневника В. Н. Зиновьева и продолженія его заставляетъ невольно сожалѣть о нихъ, въ виду близкаго знакомства автора съ лицами, о которыхъ онъ пишетъ, и той среды, въ которой онъ вращался въ Петербургѣ и которая была ему извѣстна во всѣхъ подробностяхъ.

Н. П. Барышниковъ.

1790-й годъ.

5-го октября. Нравы у насъ такъ разстроены, что нигдѣ такихъ вещей не дѣлается, какъ у насъ. Князь Куракинъ [1]) далъ балъ, гдѣ не только три актрисы находились, но и любовникъ ихъ! При самыхъ развращенныхъ нравахъ въ Парижѣ сего не дѣлаютъ. Еще замѣтить здѣсь можно,—дороговизна чрезвычайная, которая здѣсь и непонятна: какъ люди съ посредственнымъ состояніемъ жить могутъ?

6-го октября. Пробылъ цѣлый день у Варвары Ивановны, и тутъ Родіонъ Александровичъ [2]) оказалъ свое лукавство,—осматриваясь, нахожусь ли я въ комнатѣ, чтобы сказать обо мнѣ, что я крѣпко играю. Вѣкъ живи и вѣкъ учись! пословица выйдетъ справедливая: «чтобы узнать другаго, надобно пудъ соли вмѣстѣ съѣсть.—Разговоръ за столомъ былъ, бóльшей частію, о картахъ.

---

[1]) Въ 1790 году кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ находился еще на жительствѣ въ своемъ «Надеждинѣ», почему авторъ, безъ сомнѣнія, говоритъ о князѣ Алексѣѣ Борисовичѣ Куракинѣ. Въ это время онъ служилъ подъ начальствомъ Алексѣя Ивановича Васильева (въ послѣдствіи графа), въ канцеляріи генералъ-прокурора кн. Вяземскаго. **Н. П. Б.**

Сомнѣваюсь въ справедливости этого примѣчанія. Изъ подлинной переписки кн. Александра Борисовича видно, что онъ въ іюнѣ 1792 годѣ выѣхалъ изъ Петербурга въ саратовское свое имѣніе; слѣдовательно, онъ былъ въ Петербургѣ еще до вступленія императора Павла на престолъ.

Кн. А. Л.-Р.

[2]) Мужъ и жена—Кошелевы. Въ Вышебешскомъ архивѣ находятся письма Кошелевыхъ къ автору дневника, изъ которыхъ усматриваются ихъ дружескія отношенія. Во время путешествія Кошелевыхъ по Европѣ, ихъ домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ масоновъ. В. Н. Зиновьевъ познакомилъ съ Кошелевыми и ввелъ въ ихъ общество Сенъ-Мартена. **Н. П. Б.**

8-го октября. Обѣдалъ, въ день рожденія, у Варвары Ивановны, которая была опечалена болѣзнію дочери своей. Погода такъ дурна, что всѣ въ городѣ почти немогутъ, начиная отъ государыни и наслѣдника, у котораго Сергѣй Ивановичъ [1]) не въ милости. Боже Всемогущій! избави меня отъ близкаго знакомства съ вельможами сего свѣта,—оное, мнѣ кажется, весьма опасно. Всѣ наши слабости ведутъ насъ сохранить оное, а въ ономъ надобно или самому испортиться, или противъ совѣсти онымъ льстить! Ужиналъ у имянинника случайнаго Тарсукова [2]). Удивительно, какъ у насъ публика людей дѣлаетъ случайными, которые не таковые, и, не могши чрезъ оныхъ ничего получить, такъ ихъ превозноситъ, какъ будто они половину государства отдать могли!

9-го октября. Обѣдалъ у Завадовскаго [3]), который очень не веселъ былъ. Былъ въ концертѣ, считая слышать гарфирста; кончилъ вечеръ у Варвары Ивановны и въ 10 часовъ былъ у Новосильцева [4]), гдѣ засталъ всѣхъ прилежно играющихъ въ банкъ.

10-го октября. Обѣдалъ у Ковадавлева [5]).

11-го октября. Нынче былъ славный обѣдъ у гр. Ивана Петровича [6]) для поднесеннаго, по имянному указу, ему золотаго кубка. Я сидѣлъ возлѣ Петра Ивановича Новосильцева и тутъ зашелъ разговоръ, что сей кубокъ перейдетъ къ потомкамъ, которые, читая надпись, будутъ имѣть ложное мнѣніе о дѣяніяхъ гр. Салтыкова.

---

[1]) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ (умеръ въ 1802 г., въ Монпелье) извѣстенъ какъ лицо, имѣвшее особенную довѣренность и расположеніе импер. Павла.

[2]) Ардаліонъ Александровичъ Тарсуковъ (умер. въ 1811 г.) въ послѣдствіи былъ оберъ-гофмаршаломъ двора; имѣлъ въ супружествѣ племянницу Марьи Савишны Перекусихиной, Екатерину Васильевну.

[3]) Гр. Петръ Васильевичъ Завадовскій. **Н. В. П.**

[4]) Петръ Ивановичъ Новосильцевъ, въ послѣдствіи д. т. с. († 1805 г.), женатый на Екатеринѣ Александровнѣ Тарсуковой (сестрѣ Ардаліона Александровича Тарсукова). **Кн. А. Л.-Р.**

[5]) Осипъ Петровичъ.

[6]) Гр. Иванъ Петровичъ Салтыковъ (р. 1730 г., умер. 14-го ноября 1805 г.), въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ. Въ 1790 году онъ командовалъ финляндскою арміей. Въ день торжества мира съ шведами, 8-го сентября, графъ награжденъ званіемъ подполковника гвардіи Коннаго полка, шпагой съ алмазами и орденомъ св. Андрея Первозваннаго. При этомъ, какъ усматривается изъ дневника Василія Николаевича, ему поднесенъ, по имянному указу, золотой кубокъ съ надписью. Обстоятельство это, какъ кажется, до сего времени не было извѣстно. Надо полагать, что всѣ эти награды и вызвали, 11-го октября 1790 года, со стороны графа обѣдъ, во время котораго на столѣ красовался упомянутый золотой кубокъ, съ надписью, содержаніе которой намъ не извѣстно.
Н. П. В.

12-го октября. Обѣдалъ дома, а ужиналъ у Кошелевой, гдѣ съѣхалась очень пріятная компанія и гдѣ, послѣ ужина, играли почти всѣ въ Кензъ (quinze).

14-го октября. Обѣдалъ у Новосильцева, а ужиналъ на имянинахъ у Прасковьи Ивановны Голицыной [1]).

16-го октября. Обѣдалъ у Кошелева со Ржевскимъ, ужиналъ на имянинахъ у Анны Петровны Козадавлевой [2]). Съ нынѣшняго дня сбираюсь всякій день писать свой журналъ.

18-го октября. Обѣдалъ у дяди Алексѣя Наумовича [3]). Домъ его день ото дня безпорядочнѣе становится. Ужиналъ у Александры Борисовны Измайловой [4]), гдѣ и послѣ ужина въ карты играли; забава обыкновенная у насъ и которая обратилась въ упражненіе и заставляетъ забывать нужныя и полезныя вещи!

22-го октября. Получилъ премилое письмо отъ гр. Семена Романовича Воронцова; обѣдалъ у Валуева [5]), а вечеромъ былъ у Завадовскаго.

24-го октября. Пробылъ цѣлое утро дома, чтобы отвѣчать на письмо Воронцова, а потомъ поѣхалъ въ Эрмитажъ, гдѣ разныя игры были, и вѣроятно, что оный данъ былъ для графа Старенберга, для пріѣзжаго съ извѣстіемъ о новомъ императорѣ [6]). Мнѣ тутъ довольно скучно было и я поѣхалъ ужинать къ Миниху.

31-го октября. Ничего, примѣчанія достойнаго, не произошло. Вчерась обѣдалъ у Кошелева; послѣ обѣда игралъ въ карты съ Кошелевой и старшимъ Стакельбергомъ [7]), который мнѣ объ-

---

[1]) Княгиня Прасковья Ивановна Голицына, рожденная Шувалова (р. 1734, † 1802 г.), родная сестра Ив. Ив. Шувалова. Кн. А. Л.-Р.

[2]) Анна Петровна Козадавлева, рожденная княжна Голицына, супруга Осипа Петровича и внучатая сестра князя Александра Николаевича Голицына.

[3]) Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ (умеръ въ 1797 г.), адмиралъ и родной дядя Н. В. Зиновьеву, по Авдотьѣ Наумовнѣ—матери автора дневника, которая была родной сестрой Алексѣя Наумовича. Н. П. В.

[4]) Александра Борисовна Измайлова, рожд. княжна Юсупова, вдова д. т. с. Ив. Мих. Измайлова († 1787 г.) и родная сестра кн. Николая Борисовича Юсупова.

[5]) Петръ Степановичъ Валуевъ, въ послѣдствіи д. т. с. (р. 1740, † 1814), женатый на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой (дочери того Александра Родіоновича, о которомъ авторъ говорилъ по случаю пребыванія своего во Франціи). Кн. А. Л.-Р.

[6]) По кончинѣ Іосифа II-го, на германскій престолъ, въ 1790 году, вступилъ Леопольдъ II-й, бывшій сначала герцогомъ Тосканскимъ. Н. П. В.

[7]) Графъ Густавъ Оттоновичъ Стакельбергъ, дѣйств. т. с. и андреевскій кавалеръ. Въ 1773 году былъ назначенъ отъ русскаго двора посломъ въ Варшаву и тамъ его умѣнье вести дѣла доставило ему авторитетъ умнаго и

явилъ, что онъ сбирается волочиться за моей женой, когда бы я женился. Нравы у насъ примѣтно развращаются и, кажется, очевидно день ото дня хуже становятся! Вечеромъ былъ на концертѣ, гдѣ частію подтвержденіе тому имѣлъ, что̀ теперь говорю. Ужиналъ у Козадавлевой.

6-го ноября. На сихъ дняхъ былъ дежурнымъ у государыни и въ первый разъ представлялъ ей трехъ въ кавалергардской, да генералъ-маіора Река, въ дежурной. Въ тотъ же день обѣдалъ шведскій генералъ Стедингъ [1]) и присланный отъ императора Старенбергъ. Былъ балъ у посла 4-го, гдѣ мнѣ очень весело было, послѣ котораго Варвара Ивановна занемогла. 5-го ноября, былъ поутру у Варвары Ивановны и тутъ мнѣ Родіонъ Александровичъ, съ обыкновенной своей горячностію, попрекалъ, что я его жену разбудилъ; но, благодаря Бога, что я передъ выѣздомъ моимъ читалъ проповѣдь о любви, слѣдовательно, мнѣ легче было воздержаться отъ вспыльчивости, которая у меня въ сильномъ градусѣ. Вечеромъ заѣхалъ къ Завадовскому просить его объ Экерманнѣ. Ноньче было собраніе для новаго клуба, но сомнѣваться должно, чтобы онъ состоялся, ибо никто въ директоры идтить не хочетъ. Вечеромъ былъ въ концертѣ у Строганова, гдѣ Стакельбергъ, въ Георгіевскомъ крестѣ, въ шпагѣ и въ мундирѣ, буффонскую арію пѣлъ, такъ что пудра около него летѣла. Нравы наши день ото дня портятся, и не видно что̀ изъ сего выйдетъ,—но хорошаго нечего ожидать.

10-го ноября. Ноньче былъ у Троицы, у обѣдни, и положилъ всякое воскресенье туда ѣздить, а когда дежурный, то тогда послѣ оной во дворецъ пріѣзжать. Обѣдалъ у Анны Осиповны [2]), гдѣ послѣ обѣда заснулъ; а вечеромъ былъ въ Эрмитажѣ, гдѣ совершенныя святки были, которыя намъ великія бѣдствія предвѣщаютъ! Боже ми-

---

способнаго человѣка. Въ Варшавѣ онъ жилъ весьма роскошно. Авторъ «Дневника» едва ли не ошибается причисливъ его къ георгіевскимъ кавалерамъ.

Н. П. В.

[1]) Шведскій генералъ (а въ послѣдствіи фельдмаршалъ) графъ Стедингъ (Stedingk) пріѣхалъ въ Петербургъ съ письмомъ отъ короля шведскаго къ императрицѣ Екатеринѣ, послѣ нашей войны съ Швеціей, и, бывши вскорѣ назначенъ шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ, оставался въ этомъ званіи до февраля 1808 года. Записки его, на французскомъ языкѣ, изданы генераломъ графомъ Біорнстіерномъ, въ Парижѣ, въ 1844—1847 годахъ.

Кн. А. Л.-Р.

[2]) Анна Осиповна Бобрищева-Пушкина, рожденная Козадавлева, тетка Осипа Петровича Козадавлева, имѣла весьма обширный кругъ знакомыхъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, и еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны пользовалась милостями двора. Н. П. В.

лосердный! Тебѣ болѣе извѣстна опасность, въ которой я нахожусь, охрани меня отъ оной, направи стопы моя на путь истины и утверди меня въ ономъ!

11-го ноября. Было молебствіе у двора о взятіи Киліи [1]),—города турецкаго. Ивана Ивановича Шувалова были имянины, гдѣ я до пятаго часа пробылъ.

15-го ноября. Балъ у Тарсукова, гдѣ Брюсъ и Салтыкова были. Печальное состояніе нашего отечества!—молодость (т. е. молодежь) самая развращенная, а старики и разные люди—безъ правилъ, игроки, волокиты и подлецы и не имѣютъ малѣйшаго вѣса надъ юношествомъ.—Что изъ этого выйдетъ?!

17-го ноября. Былъ Эрмитажъ, со многимъ шумомъ. Государыня подходила ко мнѣ и не узнавала меня; но я думаю—нарочно....

Примѣчаніе. Выше помѣщенный отрывокъ дневника В. Н. Зиновьева—послѣдній. Не знаемъ—существуетъ ли продолженіе этого дневника. Изъ словъ этого отрывка усматривается, что авторъ, въ день 16-го октября, отмѣтилъ: «Съ нынѣшняго дня сбираюсь всякій день писать свой журналъ», и необходимо предположить, что авторъ продолжалъ бы его и что таково было его твердое намѣреніе, которое, если не исполнилъ, то независимо отъ своего желанія и по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ.

Изъ числа бумагъ, непосредственно слѣдующихъ, по времени ихъ написанія, за послѣднимъ отрывкомъ дневника, замѣтно выдѣляется «Автобіографія» В. Н. Зиновьева, писанная уже въ 1806 году и озаглавленная «Воспоминаніями». Эти «Воспоминанія» написаны для матери второй супруги В. Н. Зиновьева, г-жи Брейткопфъ, въ послѣдствіи начальницы Екатерининскаго института, съ которой у автора «Воспоминаній» существовали родственныя, дружескія и вполнѣ искреннія отношенія, на что указываютъ и Воспоминанія. О г-жѣ Брейткопфъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ гр. Комаровскій («Русскій Архивъ» 1867 года, стр. 220).

---

[1]) 1790 года 18-го октября, турки сдали русскимъ городъ и крѣпость Килію. 20-го октября наша флотилія, подъ командою генералъ-маіора Рибаса, вступила въ Дунай и заняла постъ при крѣпости Киліи, послѣ чего турецкія войска были совершенно разбиты и у нихъ отнято 19 пушекъ, 7 судовъ и пр.

Н. П. В.

«Воспоминанія» восполняютъ недомолвки и пробѣлы, встрѣчаемые довольно часто, вслѣдствіе разсѣянности автора и его дурной памяти (въ чемъ онъ сознается въ одномъ изъ писемъ своихъ къ гр. Воронцову). «Воспоминанія», кромѣ того, сообщаютъ много новаго о воспитаніи автора и дополняютъ, до извѣстной степени, тѣ отрывочныя понятія о домашнемъ воспитаніи вообще, которое давалось въ это время русскимъ богатымъ дворянамъ. Понятно, что, начавъ въ 30-тилѣтнемъ возрастѣ свой журналъ, въ Лейпцигѣ, онъ оставилъ незатронутыми свои первые дѣтскіе годы, почему они и остались для насъ неизвѣстными,—«Воспоминанія» же, въ этомъ случаѣ, восполняютъ нѣсколько этотъ пробѣлъ. Въ нихъ заключаются не безъинтересныя указанія на жизнь 12-ти русскихъ студентовъ, посланныхъ, въ 1766 году, по желанію императрицы Екатерины, въ Лейпцигъ. Указанія эти, разумѣется, вполнѣ любопытны, потому что добытыя до сего времени свѣдѣнія о ихъ жизни въ Лейпцигѣ далеко не полны и заставляютъ желать во многомъ ихъ восполненія.

«Воспоминанія» писаны ихъ авторомъ въ то время, когда онъ достигъ уже 52-хъ лѣтъ. Пылкій энтузіастъ и искренній масонъ, въ лучшемъ значеніи слова, въ это время В. Н. Зиновьевъ уже критически относился ко многимъ явленіямъ, встрѣченнымъ имъ на жизненномъ пути: въ это время онъ уже безпощадно относится ко многимъ своимъ дѣйствіямъ, онъ уже самъ сознается въ излишней впечатлительности и энтузіазмѣ своихъ прежнихъ лѣтъ. Не переставая отдавать справедливость познаніямъ, такъ сказать, вожаковъ и корифеевъ французскаго масонства, съ которыми онъ сошелся въ прежнее время—въ его отзывахъ о нихъ, находящихся въ «Воспоминаніяхъ», какъ будто слышится нѣкоторое недовольство тѣмъ, что онъ въ нихъ встрѣтилъ. Такъ, онъ положительно радуется, что былъ остороженъ съ Сенъ-Мартеномъ, который безъ этого могъ бы имѣть на него дурное вліяніе. Если къ этому добавимъ его отзывъ изъ Ліона о тамошнихъ масонахъ, по поводу которыхъ онъ привелъ даже русскую поговорку: «славны бубны за горами», то получимъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что В. Н. Зиновьевъ далеко не былъ удовлетворенъ общимъ тономъ заграничнаго масонства, не соотвѣтствовавшимъ его взгляду на общество, отъ котораго истинные масоны требовали чего-то болѣе серьезнаго. «Воспоминанія» написаны по-французски, но мы нашли необходимымъ перевесть ихъ на русскій языкъ, какъ для бо́льшей доступности читателей, такъ и по нежеланію необходимости удерживать языкъ подлинника, исполненный безчисленныхъ неправильностей и грамматическихъ погрѣшностей.

Н. П. Барышниковъ.

Воспоминанія В. Н. Зиновьева.

3-го декабря 1806 года.

Вчера, вы сдѣлали мнѣ вопросъ, на который я спѣшу отвѣтить, въ надеждѣ, что произнесенный приговоръ надъ самимъ собой принесетъ большую пользу, потому что напомнитъ мнѣ о великомъ множествѣ моихъ грѣховъ и о непостижимомъ милосердіи Спасителя, которое Ему угодно было ниспослать такому несчастному грѣшнику, каковъ я.

До двѣнадцатилѣтняго возраста [1]), я находился въ домѣ моихъ родителей, гдѣ, признаюсь вамъ, мнѣ весьма памятно, что я занимался продажей ртути моей покойной сестрѣ [2]) и наушничествомъ. Со стыдомъ воспоминаю объ удовольствіи, съ которымъ это дѣлалъ, но, оставленный на попеченіе порочныхъ слугъ—я шелъ по ихъ стопамъ.

Вы видите, мой другъ, ребенка уже испорченнаго, слѣдовательно, я долженъ благодарить Провидѣніе, которое, не смотря на мои пороки, осыпаетъ меня благодѣяніями, потому что на двѣнадцатомъ году я былъ отправленъ изъ моего отечества и удаленъ отъ всѣхъ окружавшихъ меня негодяевъ. Въ Лейпцигѣ, какъ я уже однажды вамъ говорилъ, самое замѣчательное, что со мной случилось, была одна минута столь безнадежной тоски, что я хотѣлъ лишить себя жизни, но мой внутренній покровитель, мой ангелъ-хранитель мнѣ сказалъ: «какъ предстанешь ты передъ Богомъ, послѣ подобнаго поступка!» и при этомъ мое умственное смущеніе кончилось.

Въ то время, какъ я и нѣсколько молодыхъ людей находились подъ надзоромъ маіора Бокума, насъ выучили по нѣмецки, заставляли читать разныя книги священнаго писанія, и я смѣю сказать, что это чтеніе въ будущемъ принесло мнѣ наиболѣе пользы и было причиной, что, не смотря на мое стараніе заглушить крикъ совѣсти моими пороками, я не могъ этого достигнуть. Въ теченіе этихъ трехъ или четырехъ лѣтъ, я помню, что дѣлалъ дѣтскія шалости и даже грѣхи. При насъ былъ священникъ нашего исповѣданія, но я не помню, чтобы я у него хоть однажды былъ на духу; теперь я пользуюсь случаемъ исповѣди и вхожу въ единственный храмъ — свое сердце. Мое пребываніе въ Лейпцигѣ должно быть раздѣлено на два періода, потому что послѣ побѣга (fuite) маіора, которому мы были

---

[1]) Василій Николаевичъ родился 11-го декабря 1755 г.

[2]) Екатерины Николаевны, бывшей за кн. Г. Г. Орловымъ. Кн. А. Л.-Р.

поручены, насъ помѣстили въ двухъ домахъ (nous fûmes placés en deux maisons) [1]. Я попалъ въ одинъ изъ нихъ, гдѣ женщина дурнаго поведенія заставила меня согрѣшить ранѣе, нежели я могъ бы имѣть къ тому случай. Я оставался въ этомъ домѣ, о которомъ упомянулъ, болѣе двухъ лѣтъ и наконецъ былъ призванъ въ мое отечество моимъ старшимъ братомъ, котораго вы знаете, и, пробывъ около шести мѣсяцевъ въ Россіи, я уѣхалъ изъ нея, въ качествѣ курьера, съ извѣстіемъ о мирѣ. Я былъ посланъ въ Италію съ извѣстіемъ о мирѣ съ турками. Ни во время этого путешествія, ни во время ожиданія мной кн. Орлова въ Италіи, со мной ничего не случилось на столько замѣчательнаго, о чемъ бы стоило здѣсь упоминать. Въ теченіе этого времени я слѣдовалъ моимъ дурнымъ наклонностямъ, но былъ за это наказанъ болѣзнью. Я разстался съ княземъ въ Англіи и опять провелъ около восьми мѣсяцевъ въ Лейпцигѣ, откуда отправился обратно въ Россію и вступилъ во владѣніе моимъ имѣньемъ, раздѣливъ его съ братомъ. Нужно вамъ замѣтить одну странность, а именно, что я получилъ всѣ свои чины во время моего отсутствія изъ того края, гдѣ они раздаются, и помимо моего вѣдѣнія.

Послѣ смерти моей покойной сестры, случившейся въ 1781-мъ, и смерти кн. Орлова въ 1783 году, я рѣшился вернуться въ чужіе края. Причиной этому было то, что я желалъ убѣдиться въ благодатной вѣрѣ, при помощи которой желалъ покинуть это мѣсто скорби и грѣха и сдѣлаться христіаниномъ по сердцу, а не по имени только. Я вообразилъ, что въ чужихъ краяхъ я встрѣчу людей, которые уничтожатъ всѣ мои сомнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ, потому что, не смотря на мои животные инстинкты, мой другъ, я не могъ усыпить свою совѣсть, упрекавшую меня въ нихъ. Болѣе двухъ лѣтъ я былъ игрушкой своихъ страстей и, бывъ еще разъ наказанъ болѣзнью, я рѣшился употребить все свое стараніе, чтобы сдѣлаться болѣе благоразумнымъ.

Какъ самая болѣзнь, такъ и опасеніе быть вновь наказаннымъ, а особенно примѣръ, который я долженъ былъ давать моему племяннику [2], котораго я нашелъ въ Брауншвейгѣ, положили конецъ, на нѣкоторое время, моей безпорядочной жизни. Занимаясь изученіемъ англійскаго языка, я началъ переводить одно нравоучительное сочиненіе, которое принесло мнѣ нескончаемую пользу и пробудило, до

---

[1]) Судьба Бокума, послѣ случившейся съ нимъ катастрофы въ Лейпцигѣ, неизвѣстна. Теперь оказывается, что онъ куда-то бѣжалъ, вѣроятно, вслѣдствіе злоупотребленій, въ которыхъ его обвиняли русскіе учащіеся.

[2]) Сынъ Александра Николаевича Зиновьева, Николай Александровичъ. Въ это время онъ обучался въ Лейпцигѣ въ университетѣ. Н. П. Б.

извѣстной степени, истинныя чувства, оскверненныя моими порочными поступками.

Пробывъ около шести мѣсяцевъ въ Брауншвейгѣ, я отправился въ Италію, черезъ Вѣну, чтобы видѣться съ гр. Воронцовымъ, который въ то время лишился нѣжно-любимой имъ жены. Чтобы не удлиннять моего разсказа и такъ какъ главная моя цѣль—объяснить здѣсь то, что болѣе касается хода вещей, нежели безконечнаго милосердія, которое дало мнѣ познаніе истины, я выпущу многіе случаи моей жизни, не имѣвшіе прямаго отношенія къ этой цѣли.

Въ Римѣ я пробылъ около шести мѣсяцевъ. Я горячо пристрастился къ искусствамъ, что хотя нѣсколько отвлекло меня отъ прочихъ моихъ дурныхъ наклонностей. Проживъ около десяти мѣсяцевъ въ разныхъ городахъ Италіи, я прибылъ въ Миланъ.

Надо вамъ сказать, что, покидая Россію, я узналъ, что покойный герцогъ Брауншвейгскій Фердинандъ состоялъ во главѣ добраго масонскаго общества, и, испрося у него аудіенцію, я открылся ему въ моемъ намѣреніи подвизаться въ правилахъ этого общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ просилъ его покровительства, вполнѣ полагая, по моимъ соображеніямъ, что въ этомъ обществѣ совмѣщаются весьма полезныя знанія, которыя, быть можетъ, мнѣ разъяснятъ много неизвѣстныхъ вещей и чрезъ нихъ, быть можетъ, я буду даже въ состояніи получить то, чего давно желалъ и чѣмъ, въ то же время, достигну предположенной мной цѣли.

Вы увидите, добрый другъ, что, въ послѣдствіи, по неисповѣдимой благости милосердаго Творца, я имѣлъ счастіе достигнуть того, о чемъ мечталъ. Герцогъ Брауншвейгскій снабдилъ меня очень вѣрнымъ понятіемъ объ этомъ орденѣ, надѣливъ многими рекомендательными письмами къ разнымъ его членамъ, разсѣяннымъ частію по Франціи, частію по Италіи, объяснивъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что наиуспѣшнѣе въ дѣлѣ этого общества я могу преуспѣть въ Ліонѣ,—мѣстѣ, которое было главнымъ его центромъ и куда я былъ также отрекомендованъ.

Возвратимся теперь назадъ. Изъ Милана я поѣхалъ въ Туринъ; въ этотъ городъ я имѣлъ письмо герцога къ г-ну Жирò,—доктору медицины и ревностному магнетизеру. У него въ первый разъ я увидѣлъ чудное дѣйствіе этой силы, въ наше время еще столь мало изслѣдованной. Г-нъ Жирò состоялъ также дѣятельнымъ членомъ и въ масонскомъ обществѣ. Не вообразите однако же, милый другъ, что магнетизмъ имѣетъ что нибудь общее съ истиннымъ масонствомъ!

Вамъ приблизительно извѣстенъ мой откровенный характеръ. Я самъ не могу достаточно объяснить причинъ этому, но всегда имѣлъ боль-

шое довѣріе къ масонамъ, вѣроятно, потому, какъ я думаю, что считалъ ихъ за честныхъ людей, а съ таковыми я не могу достаточно наговориться и не открыть имъ вполнѣ своей души, что я всегда дѣлалъ съ недостаточною осторожностію. Насколько я помню, я совершенно открылся доктору Жиро и передалъ ему письмо герцога, сказавъ, что, желая отправиться въ Ліонъ, чтобы подвизаться въ правилахъ общества, въ которомъ и онъ состоялъ членомъ, я нахожусь въ затрудненіи...

Этотъ достойный и нынѣ уже скончавшійся человѣкъ обошелся со мной такъ, какъ я, по моей полной къ нему довѣрчивости, того заслуживалъ.

И такъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія въ Туринѣ, я отправился въ Ліонъ. Здѣсь я немедленно передалъ два или три письма отъ герцога главнымъ членамъ почтеннаго общества, въ которое былъ принятъ. Болѣе всѣхъ мнѣ сдѣлали добра Виллермозъ, Саваронъ, Милане, Периссъ, Мольеръ, Леруа, Ренанъ, Рашесъ и многіе другіе. Я познакомился съ милымъ (charmant) Сенъ-Мартеномъ и даже сдѣлалъ съ нимъ поѣздку въ Парижъ; но, вслѣдствіе предвзятаго о немъ мнѣнія, я отъ него не воспользовался его бесѣдой, на сколько бы могъ; съ нимъ я былъ остороженъ, не смотря на мою къ нему любовь и привязанность. Я не жалѣю объ этомъ; напротивъ, даже благодарю милосердое Существо, потому что съ моими пылкими наклонностями, особливо въ то время, когда онѣ были въ полномъ развитіи силъ, могло легко случиться, что его истинныя и возвышенныя познанія мнѣ причинили бы вредъ. Скажу, что, только женившись на вашей милой дочери [1]), я читаю съ величайшимъ удовольствіемъ его произведенія и смѣю сказать, что они производятъ на меня нескончаемое добро. Во время моего пребыванія въ Ліонѣ, я получилъ двѣ степени въ орденѣ, но, при послѣдней, отъ меня потребовали положительнаго отвѣта, какъ о моей религіи, такъ и о томъ, былъ ли я истиннымъ христіаниномъ—въ душѣ, а не по одному лишь имени? На сколько я могу припомнить, мой добрый другъ, я всегда ненавидѣлъ ложь, но могло случиться, что, можетъ быть, я неоднократно и лгалъ. Къ стыду моему, нарушилъ данное слово одной особѣ, передъ отъѣздомъ моей покойной сестры въ чужіе края! Повторяю, я ненавижу ложь и, кажется, всегда ее ненавидѣлъ,—по крайней мѣрѣ, въ то время, когда меня спросили о внутреннихъ чувствахъ моего сердца. Я твердо рѣшился высказать ихъ такими, ка-

---

[1]) Тутъ говорится о супругѣ Василія Николаевича, Устиньѣ Ѳедоровнѣ, рожденной Брейткопфъ. И. П. Б.

кими они были въ дѣйствительности, а получить новую степень, которую мнѣ предлагали, безъ признанія себя истиннымъ христіаниномъ,—невозможно, потому что я имъ еще въ дѣйствительности не былъ. Я принялся за чтеніе священнаго писанія, чтобы утвердиться въ нашей блаженной религіи; до сего же времени я ограничивался тѣмъ, что возилъ съ собой священныя книги, не раскрывая ихъ. Но, мой другъ, вы, можетъ быть, не мало удивитесь, узнавъ, что чѣмъ болѣе я читалъ, тѣмъ болѣе возрастали мои сомнѣнія и это возбужденное сомнѣніе и безпокойство до того наконецъ усилились, что я долженъ былъ прервать чтеніе... Тогда, не находя спокойствія въ постелѣ, мнѣ послышалось, что меня зовутъ по имени, и когда, отъ страха, я открылъ глаза, мнѣ показалось, что комната моя была наполнена дымомъ! Мои ліонскіе друзья, которымъ я это разсказывалъ, говорили, что, можетъ быть, это было дѣйствіе божественной благодати, въ чемъ однакоже они положительно увѣрять не могли, потому что это могло быть и дѣйствіе воображенія. Я не очень любопытствую постигнуть причинъ этого явленія, зная великую ко мнѣ милость Высшаго Существа и тогда, какъ мое поведеніе заслуживаетъ лишь небесной кары, Оно не устаетъ осыпать меня своими щедротами. Да будетъ же имя Его прославлено во вѣки!

Проснувшись, рано утромъ, 25-го декабря, по новому стилю, я сѣлъ въ карету и отправился къ Виллермозу, чтобы просить его меня успокоить отъ моего волненія, но, повстрѣчавшись съ нимъ на дорогѣ, мы помѣстились въ одномъ экипажѣ, гдѣ я и разсказалъ ему о всѣхъ моихъ безпокойствахъ и о всемъ, что со мной происходило; онъ замѣтилъ мнѣ, что онъ теперь ѣдетъ къ обѣдни и что оттуда заѣдетъ ко мнѣ; я сопровождалъ его въ церковь и тутъ мое ночное безпокойство возвратилось съ бо́льшей силой, сопровождаемое слезами и замираніемъ сердца. Я молился, прося милосердое Существо оказать мнѣ милость—просвѣщеніемъ меня въ истинѣ. Быть можетъ, мой дорогой другъ, я лишь въ первый разъ въ жизни молился какъ слѣдуетъ!

Послѣ обѣдни, мы сѣли передъ огнемъ камина и начали вновь тотъ же разговоръ. Добрый Виллермозъ съ большимъ терпѣніемъ выслушалъ все, что̀ я ему говорилъ, вынулъ изъ кармана маленькую книжку и указалъ на читанное въ этотъ день евангеліе отъ св. Іоанна. Кончилъ ли онъ чтеніе или нѣтъ?—этого не помню, потому что былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы дать вѣрный отчетъ о всемъ случившемся, но, къ удивленію моему, съ этой минуты я былъ убѣжденъ въ божественной религіи нашего Спасителя.

Я не въ состояніи описать вамъ, милый другъ, все, что произо-

шло со мной въ теченіе нѣсколькихъ дней къ ряду, видя и чувствуя непостижимое ко мнѣ милосердіе Спасителя и что моя прежняя, скотская жизнь дѣлала меня Его недостойнымъ! Я долженъ былъ получить послѣднюю степень въ этомъ почтенномъ обществѣ, но, отыскавъ теперь главное, единственное сокровище, я объявилъ членамъ, что я былъ совершенно равнодушенъ къ этому, потому что члены не могли мнѣ дать большаго и лучшаго состоянія, нежели Тотъ, Кого я теперь узналъ. Вопросъ о моемъ повышеніи я предоставилъ членамъ общества на нихъ полную волю, и они возвели меня въ слѣдующій градусъ, къ которому теперь я такъ счастливо былъ подготовленъ. Я долженъ сказать, что они располагаютъ въ обществѣ большими научными свѣдѣніями, которыхъ, можетъ быть, нигдѣ нельзя найти, исключая сочиненій Сенъ-Мартена. Вы поймете, дорогой другъ, какую пользу можно получить въ обществѣ подобныхъ людей, потому что чрезъ нихъ дѣлаешься въ состояніи разрѣшать все для насъ таинственное и необъяснимое, встрѣчающееся на нашемъ жизненномъ пути, и что, вслѣдствіе нашей чрезмѣрной безнравственности, сдѣлалось столь трудно достижимымъ.

Прежде нежели принять послѣдній градусъ въ обществѣ, я однажды утромъ посѣтилъ г. Саварона и, такъ какъ съ этими почтенными людьми я всегда говорилъ съ открытымъ сердцемъ, меня постигли странныя безпокойства, потому что, просвѣтившись истиннымъ свѣтомъ, я не старался избавиться отъ наклонности къ высокомѣрію.

О, дорогой другъ! я не могу выразить вамъ тѣ непріятныя ощущенія, которыя породила эта мысль! На моемъ лицѣ выступилъ холодный потъ, и я очень страдалъ. Добрый Саваронъ, полагая, что на меня нашло вдохновеніе, спѣшилъ поздравить меня съ нимъ, не смотря на мои увѣренія, что душевное состояніе мое далеко отъ этого. Что значатъ люди, добрый другъ! Это продолжалось до той поры, пока я не упалъ передъ распятіемъ и настойчивыми молитвами не сталъ умолять Того, Кто на немъ изображенъ, чтобы Онъ не оскудѣвалъ бросать въ меня свои громы до той минуты, пока не возвращусь къ нему!

Послѣ всего этого, я пробылъ въ Ліонѣ приблизительно около года, много занимаясь чтеніемъ хорошихъ книгъ, не пропуская ни одного собранія этого уважаемаго общества и находясь съ большимъ удовольствіемъ на ихъ дружескихъ обѣдахъ, гдѣ я обыкновенно помѣщался между особами, для которыхъ было открыто мое сердце. Такъ какъ мнѣ часто повторяли о единственномъ пути для достиженія царствія небеснаго, я вообразилъ, что мое вѣроисповѣданіе

было къ этому препятствіемъ, и для того, чтобы мнѣ вступить на этотъ царственный путь, мнѣ нужно сдѣлаться католикомъ. Такъ какъ такое намѣреніе было не бездѣлицей, я совѣтовался о немъ съ дорогимъ Виллермозомъ, и слова, имъ мнѣ сказанныя, напечатлѣлись на моемъ сердцѣ. Вотъ, приблизительно, что̀ онъ сказалъ мнѣ: «Вамъ не нужно дѣлаться католикомъ,—вы можете спастись и безъ этого; не думайте, что я оправдываю раздѣленіе двухъ нашихъ вѣроисповѣданій, которое совершилось при посредствѣ Фотія; онъ, быть можетъ, и до сего времени расплачивается за это. Я не вижу зачѣмъ бы вамъ измѣнять ваше вѣроисповѣданіе». Недавно только я успокоился, что я не католикъ, только недавно я согласовалъ свое мнѣніе съ мыслію, что дѣйствительно существуетъ только одинъ путь, ведущій къ Богу, и, сколько ни есть вѣроисповѣданій,—всѣ они болѣе или менѣе идутъ сбоку главнаго пути, но не по немъ самомъ, потому что, если бы они находились на истинномъ пути,—передъ нами повторились бы апостольскія времена!

Во время моего пребыванія въ Ліонѣ, мнѣ пришло на мысль исповѣдываться и причаститься по католическому обряду, такъ какъ я не могъ этого исполнить по обряду своего вѣроисповѣданія. Добрый Виллермозъ одобрилъ мою мысль. Почтенное духовное лицо,—членъ нашего общества, деканъ Ренанъ, согласился доставить мнѣ это благо, и я дважды исповѣдывался и причастился въ Ліонѣ. При моей первой исповѣди, я старался припомнить всѣ преступленія, совершенныя мной въ дѣтствѣ, и вы можете себѣ представить, что, не смотря на мою память, которая въ этомъ случаѣ мнѣ не очень послужила, какъ я это часто послѣ замѣчалъ, списокъ ихъ былъ весьма длиненъ.

Я сейчасъ замѣтилъ, что, вслѣдствіе моей дурной памяти, я вдался въ ошибку и сдѣлалъ страшный анахронизмъ, потому что это дѣйствіе, о которомъ я сейчасъ говорилъ, случилось, когда я вторично прибылъ въ Ліонъ и когда я тамъ пробылъ шесть мѣсяцевъ. Первый разъ когда я былъ въ Ліонѣ и когда имѣлъ высокое счастіе сдѣлаться христіаниномъ, я оставался въ немъ лишь одинъ мѣсяцъ, и уѣхалъ съ полученнымъ мной сокровищемъ въ Англію.

И такъ, возвратимся назадъ. Я отправился изъ Ліона въ Парижъ съ дорогимъ Сенъ-Мартеномъ; но, бывъ предупрежденъ противъ него, по поводу его двухъ первыхъ сочиненій, въ продолженіе всего путешествія и вообще во все время моего съ нимъ знакомства, я былъ осторожень. Въ этомъ также, мой дорогой другъ, мнѣ видится милосердіе Господне, потому что я до сихъ поръ энтузіастъ. Выборъ гувернера для моего сына служитъ тому неопровержимымъ доказа-

тельствомъ! И такъ, если бы я, дорогой другъ, вслѣдствіе того обстоятельства, о которомъ упомянулъ, не былъ осторожень, этотъ человѣкъ, исполненный небеснаго огня, такъ бы меня подчинилъ себѣ, что я полагаю, что я или сошелъ бы съ ума, или фанатизмомъ, который овладѣлъ бы мной, сократилъ свои дни, и тогда, какъ теперь я наслаждаюсь его сочиненіями,—я увѣренъ, что въ то время, въ которое его зналъ, его дружба причинила бы мнѣ лишь одинъ вредъ. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что онъ излагалъ передо мной хорошія и добрыя мысли, о которыхъ я вспоминаю до сего времени. Во время нашего путешествія мы достаточно страдали отъ холода, и я далъ себѣ слово—въ теплыхъ странахъ, въ это время года, не путешествовать. Въ Парижѣ я остался отъ восьми до десяти дней и познакомился съ княгиней Голицыной, женой князя Владиміра [1]); она проживала тамъ съ своимъ семействомъ, для воспитанія дѣтей.

Я поѣхалъ въ Лондонъ и достигъ его безъ особенно замѣчательныхъ приключеній и весьма счастливо, остановившись въ домѣ у гр. Семена Воронцова. Время свое я проводилъ весьма спокойно, прилежно занимаясь хорошимъ чтеніемъ и читая преимущественно слова Спасителя и «Подражаніе» Ему. Такимъ путемъ я достигъ 100-й главы первой книги, что потрясло мой слабый разсудокъ, возбудило мое воображеніе и во мнѣ во всеоружіи явился энтузіастъ съ головы до ногъ. Я переносился воображеніемъ черезъ моря и переѣзжалъ всѣ четыре части свѣта; но, такъ какъ эти путешествія труднѣе исполнить на дѣлѣ, нежели въ воображеніи, и такъ какъ я увѣрился въ истинѣ чрезъ Виллермоза, къ которому имѣлъ всевозможныя причины питать полное довѣріе, я спрашивалъ его совѣта о моихъ мысляхъ и моихъ химерическихъ намѣреніяхъ. Тутъ явилось испытаніе моему терпѣнію, потому что въ теченіе четырехъ недѣль я не получалъ отъ него никакого отвѣта; я писалъ письмо за письмомъ, не только ему, но даже моимъ другимъ знакомымъ, спрашивая о причинахъ молчанія дорогаго Виллермоза и, ожидая его отвѣта, не двигался изъ Лондона, не смотря на то, что время года благопріятствовало путешествію по Англіи. Въ теченіе этого времени, я познакомился въ Салисбюри съ женой секретаря посольства, г-ой Погенполь [2]), и съ ея двоюродной сестрой, дѣвицей Юмъ,

---

[1]) Княгиня Наталія Петровна, рожден. графиня Чернышева (р. 1741, † 1837 г.), вдова кн. Владиміра Борисовича Голицына.

[2]) Василій Поггенполь, секретарь русскаго посольства въ Лондонѣ. Объ немъ гр. Воронцовъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ письмахъ; см. «Архивъ кн. Воронцова», кн. IX, часть 2-я. Кн. А. Л.-Р.

чтобы нѣсколько разсѣяться отъ безпокойнаго сомнѣнія, явившагося слѣдствіемъ молчанія г. Виллермоза. Г-жа Юмъ была очень опечалена своимъ предстоящимъ поступленіемъ ко двору, къ меньшимъ дѣтямъ короля, въ качествѣ гувернантки. Я ничего почти не припомню изъ того, что происходило съ нами, въ теченіе нашего тамъ пребыванія, но весьма естественно, что безпокойство, явившееся отъ неполученія отвѣта по вопросу, меня на столько интересовавшему, поглощало всѣ мои чувства; тѣмъ не менѣе однакоже, я поставлялъ себѣ въ обязанность—развлекать этихъ двухъ дамъ и мнѣ кажется, что иногда я имѣлъ въ этомъ успѣхъ. Послѣ пребыванія нѣсколькихъ дней въ Салисбюри, мы отправились въ Лондонъ, куда благополучно и пріѣхали и гдѣ я нашелъ письмо отъ дорогаго Виллермоза,—оно было громовое: въ немъ меня упрекали въ нетерпѣніи и во многомъ другомъ.

Это письмо возвратило меня къ разсудку, и, чрезъ нѣсколько дней, я уже сидѣлъ въ каретѣ, чтобы сдѣлать объѣздъ Англіи и нѣкоторой части Шотландіи. Что сказать вамъ, дорогой другъ, объ этомъ путешествіи? Можно сказать многое, и, признаюсь, я это дѣлалъ, потому что писалъ журналъ, который отправлялъ въ письмахъ къ гр. Воронцову; но когда имѣешь въ виду вѣчность,—единственную цѣль, достойную нашего вниманія,—то на многія вещи, о которыхъ, можетъ быть, исписаны цѣлые тома, смотришь какъ на неимѣющія никакой цѣны бездѣлицы; и такъ, тутъ я ограничусь лишь разсказомъ о двухъ происшествіяхъ, находившихся, какъ мнѣ кажется, въ непосредственной связи съ моимъ существомъ.

Первое изъ нихъ то, что когда я былъ въ деревнѣ г. Диксона,—негоціанта въ Лидсѣ, женатаго на прелестной особѣ,—у меня въ теченіе двухъ или трехъ дней была, безъ всякой видимой причины, страшная тоска; потомъ, мнѣ пришло на мысль, что это было время кончины дорогаго и уважаемаго Саварона. Рѣдко я испытывалъ болѣзненное состояніе ума подобное тому, въ которомъ я находился въ этой деревнѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ имѣньи г. Диксона, я продолжалъ путешествіе по Англіи и здѣсь я долженъ упомянуть о страшной бурѣ, которую я перенесъ, сопровождаемой всѣми неудобствами: страхомъ за свою жизнь, ужаснымъ и совершенно противнымъ вѣтромъ, проливнымъ дождемъ, и небомъ, покрытымъ грозными тучами. Не знаю, какъ долго продолжалось мое ужасное положеніе, полагаю, что, по меньшей мѣрѣ—часъ. Я бы напрасно вамъ добавилъ, что, отдавъ свою жизнь въ руки Того, который мнѣ ее даровалъ, я возсылалъ къ Нему горячія молитвы... Наконецъ, показа-

лось солнце. Я затрудняюсь выразить радость и спокойствіе, снисшедшія въ мое сердце чрезъ появленіе этого свѣтила.

И такъ, окончу мой объѣздъ по Англіи, сказавъ вамъ объ удивленіи, которое я испытываю въ настоящую минуту по поводу того, что, во время моего путешествія, я не встрѣтилъ ничего, что могло бы подать мысль моему сердцу найти, положительнымъ образомъ, пристанище, потому, дорогой другъ, что я обязанъ вамъ сказать, что я именно то, что у насъ принято называть «сердечкинъ» (ce qu'on appelle chez nous: «сердечкинъ»), и, не смотря, что мое всегдашнее желаніе жениться было поставлено въ положеніе застоя прочтеніемъ 100 главъ евангелія, оно снова возбудилось къ дѣятельности—письмомъ г. Виллермоза. И такъ, я удивляюсь, какимъ образомъ, посѣщая столько мѣстъ, находясь на водахъ Бристоля и Горижета, мое слабое и черезчуръ нѣжное сердце ничего не встрѣтило, отъ чего бы оно сдѣлалось жертвой. Еще новое милосердіе Провидѣнія, которое такъ явно сохранило меня отъ этого несчастія.

Пріѣхавъ въ Лондонъ и пробывъ нѣсколько дней съ гр. Воронцовымъ, я посѣтилъ дѣвицу Юмъ, которая уже въ это время жила при дворѣ. Кажется, со втораго уже моего посѣщенія, у меня явилась странная мысль—предложить ей мою руку, не смотря на то, что она двумя годами была старѣе меня. Теперь я самъ смѣюсь надъ собой, но увѣряю васъ, что я не сожалѣю ни этой глупости, ни огорченія, которое было результатомъ этой исторіи: оно оказало пользу моему сердцу. При моихъ словахъ, особа, о которой идетъ рѣчь, удивилась и, отказавъ мнѣ почти положительно, добавила, между другими причинами, что не можетъ дать своего согласія безъ соизволенія своего отца, который находится въ Голландіи. Этого было достаточно для такого энтузіаста, какъ я, чтобы заставить меня отправиться въ это мѣсто, съ цѣлью полученія согласія и позволенія ея отца, и я помню, что на этомъ пути, кромѣ дурныхъ дорогъ, ненавистной повозки, ночи и дождя,—мое возбужденное воображеніе заставило меня позабыть о всемъ этомъ, и я ручаюсь, что ваше воображеніе никогда не достигало такого возбужденнаго состоянія. Въ настоящую минуту далеко не оправдывая этого, я отъ всего сердца восклицаю съ мудрецомъ: «Суета суетъ!».

Г. Юмъ, соглашаясь на бракъ своей дочери со мной, написалъ ей объ этомъ письмо, но, къ своему удивленію и къ моему также, получилъ отвѣтъ, въ которомъ его дочь высказываетъ твердое рѣшеніе—остаться дѣвушкой; съ этимъ я и возвратился въ Англію, не помню ужъ въ какомъ настроеніи, но, пріѣхавъ на мѣсто и употребивъ гр. Воронцова и друзей дѣвицы Юмъ, я не могъ, однако же,

добиться положительнаго отказа и, не имѣя возможности ее видѣть ни у ней въ домѣ, ни у ея знакомыхъ, я проводилъ довольно тяжелое время, въ которое, находясь, такъ сказать, подъ бременемъ волненій, не могъ иначе избавиться отъ этого положенія, какъ утомляя себя отдаленными прогулками по лондонскимъ улицамъ, или ложась спать, — что я всегда дѣлалъ до обѣда и послѣ него, когда мнѣ становилось ужъ очень тяжело. Что сказать на это? Бѣдное, несчастное существо!

Вслѣдствіе поздняго времени года, явились непріятности холода. Я принялъ рѣшеніе дождаться весны и вздумалъ въ свободное время, которое мнѣ оставалось, учиться геометріи, а для бо̀льшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, я помѣстился у одного профессора, устроившись какъ школьникъ, приходя къ гр. Воронцову по субботамъ и возвращаясь въ свою школу утромъ по понедѣльникамъ. Такъ какъ я получилъ вкусъ къ этой наукѣ,—а этого только и нужно для энтузіаста, чтобы впасть въ излишество,—то однажды я такъ горячо и такъ продолжительно предался моему ученію, что пересталъ наконецъ понимать, что̀ мнѣ говорилъ мой учитель... Вторично въ моей жизни, я думалъ, что сошелъ съума и, ходя по улицамъ, я испытывалъ себя, спрашивая: находятся ли дѣйствительно предметы, которые я видѣлъ на томъ и другомъ мѣстѣ? Послѣ получасовой прогулки, я усмотрѣлъ, что мое малое количество разума мнѣ еще осталось. Горе тому, кто самообольщается имѣньемъ его въ большомъ достаткѣ и полагая, что онъ имъ только однимъ можетъ довольствоваться въ теченіе нашего несчастнаго, исполненнаго заблужденій положенія, въ которое мы впали. Какъ хорошо объ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ дорогой Сенъ-Мартенъ: «Счастливъ тотъ, кто мыслитъ, что имѣетъ мало или почти ничего; чрезъ это онъ удвояетъ свои усилія, для стремленія къ истинному лишь неизсякаемому источнику разума!» Испытавъ это надъ собой, остальное время я употреблялъ на ученіе и отдохновеніе, или выражавшееся въ прогулкѣ, или въ лежаніи на софѣ. Я бредилъ линіями, даже нашелъ рѣшеніе одной задачи, о которомъ мой профессоръ говорилъ, что оно не существуетъ; но и объ этомъ скажемъ вмѣстѣ съ мудрецомъ: «Суета суетъ и все суета, кромѣ Бога!»

Пройдя все сочиненіе (имя автора не разобрано) отъ доски до доски, со всѣми теоремами, которыя я, слава Богу, снова позабылъ, я дождался весны и сталъ готовиться къ отъѣзду. День его былъ уже назначенъ, но я долженъ былъ отложить его до слѣдующаго дня, потому что король дѣлалъ смотръ своей гвардіи и не было возможности найти лошадей. Это обстоятельство, если смѣю такъ выразиться, явно было устроено Провидѣніемъ, потому что во время

обѣда у графа, на которомъ находился и я,—графъ получилъ записку отъ леди Пальмерстонъ, съ увѣдомленіемъ, что дѣвица Юмъ соглашалась не дѣлать болѣе препятствій къ свиданію со мной, въ домѣ упомянутой леди. Переживъ уже разъ безпокойное состояніе, о чемъ я уже говорилъ, и спасеніе отъ котораго я находилъ, къ счастію, лишь во снѣ, я не захотѣлъ уже болѣе подвергаться риску вновь попасть въ то же положеніе и, отказавшись отдалять свой отъѣздъ,—уѣхалъ на другой день. Прежде однакоже, нежели оставить Англію, я долженъ разсказать вамъ объ одной изъ моихъ опрометчивыхъ выходокъ, которая состояла въ томъ, что, имѣя тамъ друга[1]), пользовавшагося счастіемъ быть христіаниномъ, мнѣ пришло на мысль обратить его на истинный путь и, такъ какъ онъ былъ одного со мной вѣроисповѣданія, то, причащаясь однажды вмѣстѣ съ нимъ, мнѣ показалось, что онъ отнесся къ этому таинству не съ достаточно-приличнымъ настроеніемъ духа. Я позабылъ должныя ему почтеніе и уваженіе, его года, и напалъ на него съ запальчивостію, выговаривая, что онъ сдѣлалъ большой грѣхъ. Не помню, что̀ я ему еще говорилъ въ теченіе дня, но я нѣсколько разъ возвращался къ тому же предмету,—но все напрасно. Еще одинъ [illegible]вый вздохъ! и добавлю къ этому: «Несчастный грѣшникъ и слѣпецъ! ты думаешь просвѣщать другихъ, но самъ-то ты ясно-ли видишь? И отъ кого получилъ ты право обращать другихъ на истинный путь?»

Во время моего пребыванія въ Англіи, пріѣзжалъ Сенъ-Мартенъ и однажды былъ у гр. Воронцова; но такъ какъ это былъ только церемонный визитъ и какъ Сенъ-Мартенъ былъ гораздо осторожнѣе меня, то графъ видѣлъ въ немъ человѣка, какимъ должны быть всѣ люди.

Наконецъ я отправился въ путь. Путешествіе изъ Лондона въ Парижъ теперь вспоминается мной какъ давно видѣнный сонъ; я почти ни о чемъ не помню и во все продолженіе пути ничего замѣчательнаго со мной не случилось. Я пріѣхалъ въ Парижъ, и узналъ, что въ немъ находится русская церковь; отправился въ нее и [illegible] познакомился съ г-мъ и г-жой Кошелевыми. Въ этотъ же день, какъ мнѣ кажется, они пригласили меня къ себѣ обѣдать и мы заключили знакомство, которое въ одно мгновеніе превратилось въ дружбу, вамъ извѣстную, продолжающуюся до настоящей минуты; и я могу сказать, что нѣтъ особы, которую я бы на столько любилъ, какъ эту почтенную женщину. У нихъ была дочь—прелестная [illegible], съ которой они разлучились, по причинѣ ея смерти, но [illegible] что лишь на нѣкоторое время. Ея мать на пятомъ году [illegible] читать и, однажды заставъ ихъ за этимъ занятіемъ, [illegible]

[1]) Повидимому, здѣсь идетъ рѣчь о графѣ С. Р. Воронцовѣ. Сравни [illegible] письмо отъ 13-го ноября 1784 г. Кн. А. Л.-Р.

весьма дурно и часто кончалось слезами дочери и матери, я предложилъ свои услуги, полагая, что въ этомъ не было ничего неприличнаго. Мое предложеніе было принято и было средствомъ, избраннымъ Провидѣніемъ для соединенія насъ еще тѣснѣе. Уроки со мной шли довольно хорошо; я уже и прежде пріобрѣлъ въ этомъ навыкъ, уча по русски дѣтей гр. Воронцова. Кошелевы предложили мнѣ провесть съ ними лѣто въ провинціи Турень, гдѣ они наняли дачу, и, хотя срокъ моего отпуска истекалъ, я согласился на ихъ предложеніе, прося, чрезъ моихъ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) знакомыхъ, о продолженіи моего отпуска. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, въ обществѣ одной изъ почтеннѣйшихъ женщинъ, я провелъ время очень пріятно, занимаясь образованіемъ своего сердца и находясь въ прелестной мѣстности, противъ города Тура, на берегахъ Луары, въ деревнѣ, называемой «Ла-Галандри».

Маленькая Кошелева въ это наше пребываніе выучилась очень правильно читать по французски. Однажды, я имѣлъ очень смѣшную сцену съ г. Кошелевымъ, которая доказываетъ мое самолюбіе. Мы ѣхали втроемъ въ двухмѣстной каретѣ и я помѣщался съ г. Кошелевымъ на скамейкѣ бокъ-о-бокъ; въ такомъ-то положеніи у меня съ нимъ завязался споръ и я какъ бѣшеный накинулся на него, не только съ горячностію, но, можно сказать, съ яростію, и все это, какъ мнѣ теперь помнится, по поводу политическихъ убѣжденій. Бѣдная Кошелева сначала не знала, что̀ дѣлать, но потомъ нашла въ себѣ достаточно благоразумія уничтожить эту размолвку и мы помирились. Послѣ этого мы стали очень осторожны, по крайней мѣрѣ я, и хотя часто не раздѣлялъ взглядовъ г. Кошелева, по причинѣ противоположнаго образа мыслей,—я болѣе не помню, чтобы мнѣ случилось съ нимъ долго спорить, хотя, правду сказать, я имѣю большую наклонность къ спорамъ и хотя и порицаю ее, но тѣмъ не менѣе мнѣ случается забываться. По этому же поводу я долженъ упомянуть, что у меня вышелъ споръ, даже болѣе того — ссора съ покойнымъ княземъ Циціановымъ,—моимъ лучшимъ другомъ, который сопровождалъ меня въ Финляндію для моего же развлеченія отъ горя, причиненнаго мнѣ смертію моей сестры,—и я со стыдомъ вспоминаю, что я былъ такъ взбѣшенъ, что не знаю, какъ не увлекся до требованія удовлетворенія! Нравственная нищета! нищета всегда и на каждомъ шагу.

Г. Кошелевъ уѣхалъ впередъ, чтобы приготовить въ Парижѣ квартиру, а я проводилъ его жену въ Фонтенбло, откуда дорога расходилась на Парижъ и Ліонъ, куда я и направился и гдѣ, какъ выше сказалъ, я пробылъ не четыре, а болѣе пяти мѣсяцевъ.

По прибытіи туда, я сейчасъ же побѣжалъ къ почтенному Виллермозу, котораго нашелъ въ изрядно меблированной комнатѣ, съ абажуромъ на глазахъ, разбирающаго письма, присланныя къ нему отъ разныхъ лицъ; они лежали почти на всѣхъ стульяхъ. «Вы застаете меня,—сказалъ онъ,—въ минуту приведенія въ порядокъ моей корреспонденціи». Принеся ему извиненія въ моемъ нетерпѣніи, я замѣтилъ, что не считалъ себя достойнымъ полученія отъ него громоваго письма. На сколько мнѣ памятно, онъ далъ мнѣ понять, что ошибся въ моемъ поведеніи, въ чемъ, впрочемъ, я не совершенно увѣренъ. Въ это-то мое здѣсь пребываніе, чрезъ одно почтенное католическое лицо, я и причастился св. Таинъ.

Желая видѣть Швейцарію, я оставилъ Ліонъ, чтобы уже никогда болѣе въ него не возвращаться. На это я долженъ замѣтить, что, благодаря Божественному Провидѣнію, мой вкусъ къ чужимъ краямъ совершенно удовлетворенъ. Мое путешествіе по Швейцаріи и остальной Франціи не представляетъ собой ничего на сколько нибудь замѣчательнаго, чтобы быть здѣсь помѣщеннымъ, до той поры, пока мы неожиданно не встрѣтились въ городѣ Брюнѣ съ Кошелевыми. Мы вмѣстѣ посѣтили Цюрихъ, гдѣ видѣли Лафатера, котораго однажды застали заваленнаго бумагами въ его кабинетѣ и весьма занятаго. Въ Женевѣ, молодой, очень любезный человѣкъ г-нъ Де-цонъ дѣлалъ силуетъ г-жи Кошелевой. Свиданіе съ Кошелевыми въ Швейцаріи кончилось тѣмъ, что я съ удовольствіемъ позволилъ себя убѣдить возвратиться въ Россію въ ихъ обществѣ. Это путешествіе не представляетъ ничего замѣчательнаго и почти совершенно изгладилось изъ моей памяти. Проѣхавъ чрезъ Лейпцигъ, гдѣ я видѣлся съ старымъ и мной любимымъ моимъ гувернеромъ, докторомъ Киндъ, мы достигли Нарвы, гдѣ г-жа Кошелева остановилась, чтобы пользоваться у одного мѣстнаго доктора, который ей уже разъ очень помогъ отъ ея постоянной болѣзни губы, которая отъ времени до времени, ужасно распухала. Я пробылъ съ г-жой Кошелевой пять или шесть недѣль, и бо́льшую часть времени глазъ-на-глазъ съ ней, потому что ея мужъ оставилъ насъ, чтобы приготовить все нужное въ Петербургѣ, для пріѣзда своей жены. Въ теченіе этого времени я выучилъ маленькую Кошелеву читать по-русски; она была восхитительный ребенокъ. Послѣ этого съ г-жой Кошелевой я возвратился въ Петербургъ.

Вотъ, мой дорогой другъ, половина моей жизни, о которой вы не знали; что же касается другой половины, то она вамъ, въ большей части, извѣстна. Я не рисовалъ себя правдивыми красками во многихъ грѣхахъ, нѣкоторые совсѣмъ выпустилъ, потому что, признаюсь,

они мнѣ кажутся отвратительными, а я всегда, вспоминая о нихъ, хочу также помнить ослѣпительное милосердіе Господне, мнѣ ихъ простившее! Въ молитвахъ вашихъ прошу вспоминать обо мнѣ; имя же ваше давно уже находится въ моихъ.

Василій Зиновьевъ.

Примѣчаніе. Авторъ журнала, Василій Николаевичъ Зиновьевъ (род. 11-го декабря 1755 года, умер. въ 1816 г. (?), сынъ петербургскаго оберъ-коменданта генералъ-маіора Николая Ивановича и Авдотьи Наумовны (рожд. Сенявиной) Зиновьевыхъ.

Рано оставивъ свое отечество, по 12-му году, т. е. въ 1766 году, онъ былъ отправленъ, по желанію государыни, въ Лейпцигъ, въ числѣ 12-ти русскихъ дворянъ. Слѣдовательно, по своему воспитанію, онъ принадлежитъ къ той выдающейся молодежи, которая разносторонне проявила свою дѣятельность на русскомъ общественномъ и государственномъ поприщѣ. Изъ той же среды вышли личности, принесшія несомнѣнную пользу своему родному краю, каковы Радищевъ, Ушаковъ, Кутузовъ, Козадавлевъ,— всѣ они были товарищами В. Н. Зиновьева и вмѣстѣ съ нимъ обучались въ Лейпцигѣ (См. «Русскій Архивъ» 1870 года, статью: «Изъ семейнаго архива села Вышебени», стр. 333).

Хотя при русскихъ студентахъ находился въ Лейпцигѣ учитель русскаго языка (тамъ же, стр. 953), но надо полагать, что преподаваніе научныхъ предметовъ велось на иностранныхъ языкахъ, чѣмъ и объясняется недостаточное знакомство В. Н. Зиновьева съ своимъ отечественнымъ языкомъ и затрудненіе въ изложеніи на немъ своихъ мыслей. Безъ ошибки можно предположить, что на русскій языкъ весьма мало или вовсе даже не обращалось вниманія и русскіе воспитанники рисковали совершенно позабыть свою родную рѣчь. Письма родителей молодаго Зиновьева, адресованныя къ нему и къ Бокуму, въ Лейпцигъ, представляютъ тому неопровержимыя доказательства. И Николай Ивановичъ и Авдотья Наумовна въ каждомъ письмѣ приказываютъ сыну писать къ нимъ русскія письма и, наконецъ, свое желаніе получать таковыя отъ своего сына выражаютъ въ просьбахъ, адресованныхъ къ Бокуму: «приказать ихъ сыну хотя одно письмо написать по русски». Въ этихъ письмахъ проглядываетъ даже опасеніе, что ихъ сынъ забудетъ вовсе писать по русски. Изъ краткихъ свѣдѣній объ учебныхъ занятіяхъ Василія Николаевича въ Лейпцигѣ, почерпнутыхъ нами въ бумагахъ Вышебешскаго архива, мы вывели заключеніе, что онъ учился прилежно. Въ письмѣ отъ 1-го августа 1768 года,

изъ Петергофа, родитель автора журнала выражаетъ сыну свою благодарность. «Изъ присланной книги,—пишетъ онъ,—о вашемъ экзаменѣ къ ея императорскому величеству, о твоихъ наукахъ, усмотрѣлъ, что ты учишься не лѣностно, за что тебѣ спасибо», и далѣе: «Ея величество неоднократно всемилостивѣйше о тебѣ отзываться соизволила, что ты учишься хорошо». Въ письмахъ Николая Ивановича есть также намеки и слухи о слабомъ преуспѣяніи русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 27-го сентября 1771 г. онъ пишетъ: «слышно, что вы будто очень мало въ наукахъ пріобрѣтенія сдѣлали». Изъ приведенныхъ нами писемъ можно вывести безошибочное заключеніе, что В. Н. Зиновьевъ, какъ болѣе юный изъ посланныхъ въ Лейпцигъ русскихъ дворянъ, оставался тамъ долѣе прочихъ; но съ достовѣрностію однако же обозначить время его возвращенія въ Россію—мы затруднились бы, по неимѣнію на то указаній. Съ нѣкоторою положительностію можно однако же заключить, что В. Н. Зиновьевъ въ 1773 году былъ уже въ Россіи и около этого времени, потерявъ своего родителя, пожалованъ камеръ-юнкеромъ Высочайшаго двора. Въ 1774 году, онъ былъ посланъ курьеромъ въ Италію, съ извѣстіемъ о заключеніи мира съ турками (Кучукъ-Кайнарджскаго, 10-го іюля 1774 г.). По кончинѣ своего родителя, раздѣливъ имѣніе съ своимъ братомъ, Александромъ Николаевичемъ, и получивъ вполнѣ обезпеченное состояніе, Василій Николаевичъ пожелалъ ознакомиться съ европейскою жизнью, чувствуя, съ тѣмъ вмѣстѣ, по своей артистической натурѣ, особенное влеченіе къ изящному. Страстное увлеченіе всѣмъ прекраснымъ, добрымъ и честнымъ, непримѣрное восхищеніе природой, живописью, музыкой,—все въ немъ намекаетъ на эту артистическую струю, бившую сильно и долго. Василій Николаевичъ самъ называетъ себя «энтузіастомъ»—и дѣйствительно, онъ имъ былъ вполнѣ,—даже когда измѣнилъ многіе свои взгляды и смотрѣлъ уже другими глазами на жизненныя и общественныя явленія,—онъ не переставалъ увлекаться. И такъ, болѣе нежели обезпеченное состояніе, общественное положеніе и его связи, безъ затрудненій, во время его путешествія, открыли ему торный путь и легкій доступъ къ европейскимъ дворамъ и коронованнымъ лицамъ. Въ Берлинѣ онъ представляется Фридриху Великому, въ Брауншвейгѣ—герцогу Брауншвейгскому, главѣ всѣхъ масоновъ того времени; въ Неаполѣ онъ также представляется ко двору и приглашается на придворныя празднества.

Увлекаясь всѣмъ человѣчнымъ, добрымъ и честнымъ, понятно, что, знакомясь съ герцогомъ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ, русскій путешественникъ не ограничился только безслѣднымъ и офиціальнымъ ему представленіемъ, но пожелалъ съ нимъ сблизиться и войти въ болѣе тѣсныя отношенія, которыя и выразились въ перепискѣ, веденной въ смыслѣ масонскаго братства. Переѣхавъ во Францію, въ Ліонѣ Василій Николаевичъ

поддался піетическому настроенію, навѣянному на него средой масоновъ, подъ главенствомъ Виллермоза. Здѣсь онъ сходится съ Сенъ-Мартеномъ и едва не подчиняется его вліянію; но его умный другъ и родственникъ, гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ, какъ бы предвидя что-то недоброе въ своемъ молодомъ, увлекающемся другѣ, своими письмами настоятельно требуетъ дѣла,—дѣла производительнаго, а не одного только мистическаго піетизма, который былъ несвойственъ его трезвой, вполнѣ реальной натурѣ. Наконецъ, Василій Николаевичъ переѣзжаетъ въ Англію и, подъ зоркимъ наблюденіемъ гр. Воронцова, предается изученію разныхъ предметовъ. Занятія эти, разумѣется, не носятъ на себѣ печати строгой системы и законченности, — это нѣчто порывистое, артистическій диллетантизмъ, къ которому, быть можетъ, отчасти и примѣшивался капризъ избалованнаго русскаго барича, но всетаки, на глазахъ гр. Семена Романовича, эти порывистыя занятія получаютъ значеніе пользы и цѣлесообразности, могущія современемъ принесть добрые результаты и, во всякомъ случаѣ, восполнить сумму познаній занимавшагося.

Отъ усиленныхъ занятій математикой и изученія англійскаго языка, Василій Николаевичъ вновь всецѣло отдается страсти къ путешествіямъ; онъ объѣзжаетъ Англію и Шотландію и хотя это путешествіе совершилось подъ вліяніемъ новаго увлеченія, но безспорно, что, до извѣстной степени, оно прибавило новыя свѣдѣнія къ существовавшему уже итогу его познаній. Все это, однакоже, взятое въ совокупности, не расширило бы умственнаго кругозора автора журнала, если бы не существовало между нимъ и гр. Воронцовымъ той дружбы и пріязни, которыя, выражаясь въ устныхъ бесѣдахъ и обмѣнѣ мыслей, вносили благотворное вліяніе въ его развитіе и научали, хотя и любознательнаго, но молодаго и увлекающагося человѣка критически относиться къ окружающимъ явленіямъ и анализировать и вдумываться въ причины, ихъ производящія.

Пробывъ довольно долгое время въ Англіи и живя въ Лондонѣ частію въ домѣ русскаго посольства, частію же неподалеку отъ него, Василій Николаевичъ часто видался съ гр. Воронцовымъ и былъ всегда принятъ у него вполнѣ дружески и интимно. Покинувъ Англію и съ грустнымъ чувствомъ разставшись съ семействомъ русскаго посла, Василій Николаевичъ переправился во Францію и здѣсь вновь подпадаетъ вліянію масоновъ. Онъ безвыѣздно, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, проживаетъ въ Ліонѣ и положительно впадаетъ въ піетизмъ. Дѣла по его имѣнью въ Россіи и окончаніе его отпуска, наконецъ, вырываютъ его изъ масонской среды и онъ отъѣзжаетъ обратно въ свое отечество. На этомъ и останавливается его журналъ или письма въ формѣ журнала.

Дальнѣйшая жизнь Василія Николаевича намъ почти не извѣстна, помимо вполнѣ дружескихъ его отношеній съ княземъ П. Д. Цыціановымъ,

выразившихся въ перепискѣ, нами сообщенной въ «Русскій Архивъ» въ 1872 году. Существуютъ кромѣ того нѣкоторыя печатныя, но краткія о немъ свѣдѣнія, разбросанныя по разнымъ литературнымъ и историческимъ изданіямъ—свѣдѣнія, впрочемъ, не провѣренныя критикой и въ большинствѣ случаевъ невѣрныя.

Василій Николаевичъ былъ женатъ три раза.

Въ первый бракъ онъ вступилъ 17-го февраля 1790 г. съ фрейлиной Варварой Михайловной Дубянской (род. 23-го октября 1763 г., умер. 17-го іюля 1803 г.), дочерью унтеръ-егермейстера бригадирскаго полка, Михаила Өедоровича и Натальи Өедоровны. Варвара Михайловна Дубянская была принята во фрейлины и взыскана милостями императрицы, потому что родной дѣдъ ея, протопресвитеръ Өедоръ Яковлевичъ Дубянскій, дѣти котораго, въ 1761 году, возведены Елисаветой Петровной въ дворянское достоинство, былъ духовникомъ Екатерины, по прибытіи ея въ Россію. Вѣнчаніе происходило въ большой придворной церкви, въ присутствіи великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Өедоровны. Эта первая супруга Василія Николаевича погребена между ближайшими родственниками, Дубянскими, въ Невскомъ монастырѣ. (См. Списки Карабанова. Фрейлины русскаго двора XVIII-го стол. «Русская Старина», т. IV-й, стр. 391-я).

Вторично женился В. Н. Зиновьевъ на Іустинѣ Өедоровнѣ Брейткопфъ, дочери начальницы Екатерининскаго института, Анны Ивановны Брейткопфъ. И наконецъ, въ третій разъ, Василій Николаевичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Розановой. Отъ этихъ трехъ браковъ у него было 18 человѣкъ дѣтей. (См. «Русскую Родословную Книгу», составленную кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, изданіе редакціи «Русской Старины», томъ I, стр. 169—170).

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія объ авторѣ журнала. Если же прибавимъ къ нимъ, что В. Н. Зиновьевъ достигъ чина тайнаго совѣтника и званія дѣйствительнаго камергера, при отправленіи должности президента медицинской коллегіи,—то извѣстія о немъ будутъ вполнѣ исчерпаны.

12-го марта 1877 года.
Г. Орелъ.

Н. П. Варыпаевъ.

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

Э..... .....ВА.

V [1]).

Жизнь и служба въ Симбирскѣ

1834—1839 гг.

Бывши начальникомъ адмиралтейства въ Иркутскѣ, въ февралѣ 1832 года, поѣхалъ я въ Кяхту; февраль у китайцевъ—мѣсяцъ праздниковъ новаго года. Не доѣзжая станціи три до Троицкосавска, зимній путь прекращается; на этой мѣстности никогда не бываетъ ни снѣга, ни дождя. Въ Троицкосавскѣ—главное управленіе таможни, населеніе города большое; тутъ живутъ постоянные и временные рабочіе изъ Кяхты, тысячи обозниковъ—движенія очень много. Отъ Троицкосавска до Кяхты 4 версты. Кяхта небольшой городокъ съ своеобразнымъ бытомъ и населеніемъ: это міръ первогильдейцевъ, которые только одни имѣютъ право вести заграничную торговлю. Въ городкѣ совершенная тишина, движенія никакого; въ это время шли переговоры и сдѣлки съ китайцами. Тузы иркутскіе всѣ были мнѣ знакомы, я сдѣлалъ имъ визиты, т. е. выпилъ чашекъ десятокъ чаю и прихлебнулъ изъ десятка рюмокъ вина. Всѣ были заняты, всѣ озабочены. Возвратясь на квартиру, вмѣсто контръвизитовъ, получилъ столько же ящичковъ чаю. Не буду описы-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 99—117; 499—530.

вать Кяхту, Маймачинъ, тамошніе порядки у русскихъ и китайцевъ — все это описано и переписано десятки разъ. Подъ покровительствомъ Васи Баснина, обѣдалъ у богатаго купца-китайца; сосчиталъ шариками хлѣба 93 кушанья, какія это кушанья? право не знаю, но пробовалъ всего чайною ложечкою, всѣ блюда сносны и многія вкусны. Обратило мое вниманіе блюдо съ турецкимъ табакомъ, очень пышно наложеннымъ; смотрю, всѣ ѣдятъ, макая въ сою; взялъ и я, во рту таетъ, спросилъ что такое? сказали — свиная кожа! Своеобразный міръ китайцевъ извѣстенъ, а если скажу, что начинается обѣдъ конфектами и кончается супомъ, то достаточно выражу противоположность всему русскому. Мы гордимся изобрѣтеніемъ самовара, но едва ли это вѣрно: мы придумали только дать другое употребленіе самовару. Самоваръ съ незапамятныхъ временъ употребляется китайцами, но не для чая, какъ у насъ: у нихъ кипящій самоваръ подается послѣднимъ блюдомъ за обѣдомъ. Въ самоварѣ кипѣла разная зелень и коренья; каждому изъ насъ подали на блюдцѣ тонко, претонко нарѣзанные ломтики сыраго фазана; каждый палочками бралъ ломтики, опускалъ въ кипящій бульонъ, и, подержавъ недолго, кушалъ. Право, это недурно. Самоваръ прекрасной формы, не такъ давно и Тула переняла эту форму. Пили китайцы не больше наперстка, но пили очень часто, [illegible] спиртъ изъ риса — какъ огонь острый, думаю, градусовъ до 70-ти. Не взирая, что я былъ предупрежденъ разсказами и чтеніемъ, но былъ удивленъ міромъ другой планеты! Былъ съ визитомъ у Дзаргучея, очень важный и очень вѣжливый китаецъ. Обѣдалъ у него въ какой-то ихъ праздникъ, было 113 блюдъ, порціи одни. Я замѣтилъ, что у Дзаргучея акцентъ и даже голосъ разговора не похожъ на другихъ; мнѣ сказали, что эта манера говорить употребляется при дворѣ, гдѣ Дзаргучей былъ чиновникомъ. У одного китайца, какъ оказалось, полицейскаго Дзаргучея, уши въ стеклянныхъ футлярахъ. Китаецъ на вопросъ объяснилъ: «Русскіе, когда худо видятъ, то носятъ стекла на глазахъ; я худо слышу, тоже надѣлъ стекла на уши». Видно, физика не процвѣтаетъ въ Китаѣ. Извѣстно, что китайское правительство запретило быть женщинамъ въ Маймачинѣ, для того чтобы не ссориться съ русскими, потому что исторія Китая ра-

сказываетъ, что всѣ ссоры, войны, происходили изъ-за женщинъ. Это доказываетъ, что китайскія женщины—не другой планеты!

Возвратился въ Троицкосавскъ. Тамъ въ это время жилъ баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ. Этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ пріѣхалъ изъ Питера для изученія религіи Далай-Ламы. Извѣстно было, что этотъ баронъ—отецъ всѣхъ наукъ и братъ мудрости. Вечеркомъ я сдѣлалъ ему визитъ; прося лакея доложить, получилъ отвѣтъ:

— Барону, его прев—ству, не докладываютъ, пожалуйте.

Цивилизованный лакей годился бы въ старинную французскую комедію. Въ небольшомъ домикѣ, въ первой низенькой комнаткѣ, около стола, спиною къ дверямъ, сидѣлъ толстякъ въ халатѣ; противъ него, у того же ломбернаго стола, наклонился черезъ столъ въ одеждѣ священника; оба разсматривали какую-то брошюрку на китайскомъ языкѣ. Тихо войдя, слышу—говоритъ баронъ:

— Да вы, отецъ Іакинфъ, обратите вниманіе, не кабалистика ли это?

Я сталъ за кресломъ барона, оба такъ были углублены въ книжку, что не обратили вниманія на мой приходъ. Сталъ и я смотрѣть на книжку, мнѣ казалось неприличнымъ прервать интересное разсужденіе. Вижу, книжка вся состоитъ изъ цифръ въ нѣсколько рядовъ съ китайскими буквами. Въ это время, баронъ перевернулъ листокъ, я увидѣлъ сбоку чертежъ сферическаго треугольника съ отмѣтками извѣстныхъ и неизвѣстныхъ. Дѣло знакомое, я сказалъ:

— Да это логариѳмы!

Баронъ обернулся ко мнѣ и не вставая—что, кажется, едвали и возможно было—подалъ руку и самой привѣтливой манерой усадилъ меня къ столу и представилъ отцу Іакинфу. Въ двѣ, три минуты, я чувствовалъ себя коротко знакомымъ, такъ привлекательна была манера барона, а я подумалъ: вотъ удалось однимъ камнемъ убить два воробья: хотѣлось видѣть монаха Іакинфа Бичурина, да не зналъ какъ. Тотчасъ потребовалось отъ меня объясненіе, что̀ я разумѣю подъ названіемъ логариѳмъ, и почему я признаю эту непонятную книжку, надъ которою они ломаютъ голову,—логариѳмами? Я объяснилъ до подробностей употребленіе логариѳмъ и даже объяснилъ способъ

вычисленія ихъ. Оказалось, брошюрка издана іезуитами въ Пекинѣ. Любезность барона наименовала меня ученымъ. Скоро баронъ овладѣлъ разговоромъ и съ гордостью хвасталъ, что онъ считалъ громаднымъ успѣхомъ пріобрѣтеніе Ганжура и не теряетъ надежды пріобрѣсти Данжуръ, что Европа не имѣетъ ничего подобнаго и проч. и проч. Эти Ганжуръ и Данжуръ, въ религіи Далай-Ламы,—почти то же самое, что у папы костѣльное право, одно пространное, другое сокращенное.

Хитрые логариемы сблизили меня съ барономъ. Что за увлекательный человѣкъ: пропасть путешествовалъ, знакомъ и въ перепискѣ съ учеными знаменитостями цѣлаго свѣта. Занимательныхъ разсказовъ, всегда умныхъ, интересныхъ анекдотовъ—безъ конца. Баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ былъ небольшаго средняго роста, необыкновенной толщины. Всегда привѣтливое выраженіе недурнаго лица, глаза полные веселости и блеска. Баронъ былъ холостъ. Обращеніе его было—человѣка самаго высшаго тона. Онъ имѣлъ искусство оставить увѣренность въ каждомъ, что Шиллингъ находитъ его умнымъ человѣкомъ. Въ Петербургѣ я видалъ, какъ дамы, и особенно молодыя, ласкали его: онъ умѣлъ заставить ихъ хохотать и быть внимательными къ его анекдотамъ. Шиллингъ былъ другъ всего высшаго круга Питера. Помню разъ, какъ баронъ заставилъ усердно хохотать все большое общество своимъ разсказомъ въ лицахъ, какъ тощіе италіанцы несли громадную его толщину на Этну; онъ самъ не смѣялся, но разсказъ былъ мастерской и чрезвычайно комиченъ.

Возвратясь въ Петербургъ съ идеями стараго флота, но побывавъ въ Кронштадтѣ, я страшно разочаровался! Той отдѣльной касты, того завѣтнаго братства, той независимости, кажется, отъ цѣлаго свѣта—ничего не нашелъ! Достойные старики, около которыхъ кристаллизовалась молодежь и продолжала нравы флота—одни поумирали, другіе удалились. Изъ огромнаго моего выпуска, нашелъ только семь товарищей—всѣ разбрелись, а оставшіеся казались будто каждый сцентрировался въ себѣ; нѣтъ прежней разгульной откровенности, бѣдность большая, я былъ богачъ между ними. Далъ товарищамъ хорошій

обѣдъ въ трактирѣ Стюарта. Обѣдъ прошелъ молчаливо. Всѣ были ласковы по товарищески, но и только! На вопросы, что съ вами? отвѣчали: «не то время, поживешь, увидишь». Самые искренные, и тѣ тихо, жаловались на князя Меншикова.

45 лѣтъ прошло—разскажу мое первое представленіе князю Меншикову. Это время было время проектовъ—кто могъ, тотъ и умничалъ, я еще въ Сибири понялъ современную моду. Надумалъ и я проектовъ для Охотска и для Байкала. Являюсь смѣло князю. Я надѣялся щегольнуть, заинтересовать своими проектами, но не на того напалъ; я съ незрѣлой и недоконченной мыслью хотѣлъ сдѣлать скачокъ, не тутъ-то было: князь крѣпко держалъ нитку начатой идеи! Я понялъ, что могу остаться въ дуракахъ, и замолчалъ.

— «Что-жъ вы молчите?»

— Извините, ваша свѣтлость, я не могу говорить съ вами.

— «Отчего?»

— 15 лѣтъ я не видалъ такъ высоко стоящей особы и во всю жизнь не встрѣчалъ такого могучаго ума.

— «Ну, такъ какъ же мы будемъ говорить съ вами?»

— Ваша свѣтлость, я искренно доложу вамъ, что, стоя передъ вами, я потерялъ способность мыслить, я чувствую свое ничтожество!

— «Вы одичали, поживите въ Петербургѣ, отдохните, иногда приходите (кажется) по середамъ пить чай. Прощайте».

Мнѣ только и хотѣлось дозволенія пожить въ Питерѣ. Деньжонки у меня были, я счелъ дозволеннымъ себѣ упиться удовольствіями, отъ которыхъ былъ отчужденъ 15 лѣтъ.

Во флотѣ я разочаровался: упадокъ общаго духа, бѣдность товарищей, поразили меня—какая будущность? Я долго думалъ и рѣшился искать другой службы. Тогда самое большое содержаніе было, какъ въ новомъ учрежденіи, въ корпусѣ жандармовъ, но безъ протекціи какъ попасть туда? Бродя по Питеру, я вспомнилъ барона Шиллинга, засталъ его дома, онъ принялъ меня очаровательно; разговаривая со мною, заставилъ меня высказать откровенно о причинахъ моего намѣренія. Спросилъ мою квартиру и мы простились. Утромъ, получаю съ жандармомъ записку отъ начальника штаба корпуса жандармовъ Дубельта, всѣмъ знакомой формы: «свидѣтельствуя совершенное

почтеніе» и проч., приглашался я въ штабъ, для нѣкоторыхъ личныхъ объясненій. Дубельтъ хотѣлъ знать объ Американской компаніи, а кончилось приглашеніемъ меня въ жандармы.

Явился къ князю Меншикову; опять исторія проектовъ, я опять замолчалъ и повторилъ въ родѣ первой продѣлки, а на вопросъ князя: «какъ же мы будемъ говорить?» я просилъ позволенія написать. — «Такъ вы литераторъ? Ну, сочините, посмотримъ». Я написалъ и принесъ, князь читалъ саркастически улыбаясь и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— «Предметы такъ важны, что превосходятъ мою власть; отнесите въ совѣтъ адмиралтейства, но будьте осторожны (понизивъ голосъ), тамъ сидятъ все мудрецы!»

Это онъ сказалъ съ такимъ сарказмомъ презрѣнія, что я будто теперь слышу.

Въ адмиралтействѣ я нашелъ Васильева, съ которымъ я бралъ обсерваціи въ Камчаткѣ, Рикорда, съ которымъ служилъ тамъ же, и другихъ. Моряки приняли меня по родному; я подалъ проектъ, много хохотали и спросили: да чего ты хочешь? я просилъ позволенія пожить въ Питерѣ. Мнѣ дали билетъ съ прописаніемъ не отлучаться изъ Петербурга до разсмотрѣнія моихъ проектовъ.

Мнѣ того и нужно было, чтобы не отдѣлиться отъ жандармовъ. Государь уѣхалъ и вызвалъ кн. Меншикова въ Мюнкенгрецъ. Я объявилъ Дубельту: если желаютъ, чтобы я былъ жандармомъ, то это можно сдѣлать только безъ кн. Меншикова. Отвѣтъ изъ флота о мнѣ много стоилъ мнѣ хлопотъ и я обязанъ много Лермантову.

Я—жандармъ. Возвратившійся князь очень гнѣвался, узнавъ, что я перешелъ въ жандармы. Лермантовъ разсказывалъ, что князь назначалъ меня командиромъ новаго фрегата, по методѣ Стефенса; при этомъ и доложилъ Лермантовъ, что меня уже нѣтъ во флотѣ; князь гнѣвно спросилъ:

— «Кто его выпустилъ?»

— Моллеръ.

— «Охъ, этотъ гнилой, онъ всѣхъ распуститъ».

Мнѣ хотѣлось имѣть патентъ изъ флота. Князь бросилъ патентъ на полъ и сказалъ: «никогда не подпишу». Послѣдовало сепаратное повелѣніе: изъ флота не переводить.

У меня былъ двоюродный братъ Василій Семеновъ; онъ былъ тогда цензоромъ, къ нему собирались литераторы и любители. Въ одинъ вечеръ Семеновъ объявилъ, что онъ прочтетъ замѣчательную вещь. В. Семеновъ, превосходный чтецъ, прочиталъ «Большой выходъ у Сатаны» Сенковскаго. Только ахали, удивленію, похваламъ, восторгамъ—не было конца. Но когда братъ сказалъ, что пропустить не можетъ, всѣ заговорили: это преступленіе, это грабежъ литературы, это убійство таланта, это святотатство и проч., долго судили и рядили. В. Семеновъ рѣшилъ, что если не поможетъ графъ Бенкендорфъ—на него послѣдняя надежда—онъ другаго средства не видитъ. Графъ хорошо зналъ Семенова, который, говоря о своемъ сомнѣніи въ статьѣ, божился, что въ ней ничего нѣтъ, но сомнѣвается по своей неопытности. Графъ приказалъ мнѣ положить у него на туалетъ. Я отлично припряталъ и прикрылъ бумагами. Каждую недѣлю приходилъ Семеновъ за статьею; графъ увѣрялъ, что еще не дочиталъ, а я видѣлъ, что и не дотрогивался. Пришелъ Семеновъ третій разъ и увѣрилъ, что литераторъ настоятельно проситъ, работа срочная. Графъ приказалъ мнѣ подать, я отвернулъ послѣднюю страницу и графъ написалъ: «дозволяется печатать». Говорятъ, государь былъ недоволенъ цензурою, оборвалось на Бенкендорфѣ.

Меня назначили въ Симбирскую губернію.

Откланиваясь графу Бенкендорфу, я просилъ его наставленія, чего я долженъ достигать нравственно, исполняя свою обязанность? Графъ отвѣчалъ:

— «Ваша обязанность—утирать слезы несчастныхъ и отвращать злоупотребленія власти, а обществу содѣйствовать быть въ согласіи. Если будутъ любить васъ, то вы легко всего достигнете».

— Ваше сіятельство, общество играетъ въ запрещенныя игры—въ карты, долженъ ли я мѣшаться?

— «А вы любите играть?»

— Нѣтъ.

— «Ну, такъ позволяю вамъ играть въ банкъ до 5 руб., но вы не должны дозволять обыгрывать неопытную юность и хранителя казенныхъ суммъ».

Я далъ честное слово исполнить.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ, кажется, 8-го января 1834 года;

предмѣстника моего, полковника М......, я не засталъ уже, но засталъ озлобленіе всего общества противъ него, а вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе и нерасположеніе къ голубому мундиру.

Разбирая дѣятельность М......, я нашелъ, что онъ совершенно не понималъ своей обязанности: онъ хотѣлъ быть сыщикомъ, ему казалось славою—рыться въ грязныхъ мелочахъ и хвастать знаніемъ домашнихъ тайнъ общества. Жена его любила щеголять знаніемъ всѣхъ сплетень и такъ была дѣятельна, что для помощи мужу, осматривала предварительно рекрутъ, хотя это и не было обязанностію жандармскаго штабъ-офицера, но М...... совался вездѣ. Однимъ словомъ, М...... хотѣлось быть страшнымъ и—достигъ общаго презрѣнія!

Симбирскъ отъ Москвы болѣе 700 верстъ, а отъ Питера до 1,500 верстъ; ѣхать для зимнихъ удовольствій въ столицы—слишкомъ далеко, да тогда и сообщенія были не такія, какъ теперь. Богатаго дворянства много; по необходимости, по окончаніи лѣтнихъ хлопотъ по хозяйству, на зиму всѣ помѣщики группировались въ Симбирскѣ и веселились такъ, какъ уже не веселятся!

Я зналъ по опыту, что тотъ не находитъ любви, кто ее ищетъ: общая любовь и довѣріе заслуживаются нравственною правдою, уваженіемъ условій общественныхъ и неприкосновеніемъ семейнаго домашняго быта.

Первый визитъ губернатору, онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ:

— «Съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали?»

— Содѣйствовать возвышенію власти вашего прев—ства.

— «Какіе ваши планы?»

— Я еще ничего не знаю.

— «Имѣете знакомыхъ?»

— Никого.

— «Если вы намѣрены искренно содѣйствовать мнѣ, то чего вы требуете отъ меня?»

— Только личнаго ко мнѣ уваженія и когда мнѣ нуженъ будетъ секретъ, то сохранить, я тогда только и буду вамъ полезенъ.

— «Это такъ немного, что я не только даю вамъ честное слово, но считаю прямою своею обязанностію исполнить».

— Мнѣ болѣе ничего и не нужно.

— «Вы, господа жандармы, любите много писать?»

— При данныхъ вами обѣщаніяхъ, я даю вамъ слово по-

казывать вамъ все, что я буду писать, но до тѣхъ поръ, пока вы будете исполнять свои условія.

— «Наши условія такъ несложны, что мнѣ пріятно подать вамъ руку дружбы».

Мы простились. Слышу, всякій день въ городѣ обѣды, балы, но я расчелъ не навязываться на знакомство, дать забыть систему М....... Первымъ пріѣхалъ ко мнѣ Борисъ Петровичъ Бестужевъ, отставной лейтенантъ начала столѣтія; старикъ узналъ, что я служилъ во флотѣ, не утерпѣлъ не повидаться и упросилъ къ себѣ на балъ. Скоро я сталъ членомъ общества. Скоро я узналъ въ курильныхъ кабинетахъ, что все общество ненавидитъ губернатора, причинъ — безчисленное множество, какъ обыкновенно бываетъ при неудовольствіяхъ. Во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ есть непремѣнно центръ, откуда и расходятся мнѣнія и причины—какъ радіусы. Въ этомъ случаѣ, оказались два помѣщика: Т. и О.—несомнѣнно люди умные! я къ губернатору:

— Васъ здѣсь не любятъ.

— «Это правда».

— Какая причина?

— «Право, не знаю».

— Быть главной властью и быть нелюбимымъ—непріятно.

— «Непріятно, да что же сдѣлать?»

— Я скажу вамъ средство, отъ васъ зависитъ помириться съ обществомъ.

— «Пожалуйста, я на все согласенъ».

— Вы дѣйствительно не знаете причины?

— «Честное слово, не знаю!»

— Т. и О. главные ваши враги, причины неважны; пригласите ихъ, вы съумѣете смягчить; объяснитесь и помиритесь, тогда все общество повернется къ вамъ лицомъ.

— «Очень много вамъ благодаренъ, вы дѣйствуете какъ мой другъ!»

— Но надѣюсь—вы обо мнѣ не упомянете, мой успѣхъ въ секретѣ.

— «Будьте покойны, я помню наши условія».

Предъ этимъ, я нашелъ случай познакомиться съ Т. и видѣлся съ О. Зналъ я, что губернаторъ приглашалъ къ себѣ

этихъ господъ утромъ. Вечеромъ, я былъ у Т. Холодный поклонъ, молчатъ, отворачиваются. Я притворился сиротиной и не понимаю, говорю любезности дамамъ. Т. не выдержалъ и въ досадѣ началъ говорить даже оскорбительно:

— «Мы думали, что вы человѣкъ съ характеромъ и не имѣли нужды скрывать своихъ чувствъ передъ вами, а вы унизились и передали подлецу» и проч.

— Я хотѣлъ согласія, единодушія общества съ властію; если унизился, по вашему, то съ доброю цѣлію. Жалѣю, что я ошибся, но кто не ошибался? Могу я узнать, какая была сцена между вами?

— «Губернаторъ усадилъ насъ въ кабинетъ и сказалъ: господа, между нами есть непріятности, и вы и я имѣемъ обоюдныя причины; полагаю, какъ благородные люди, мы не обязаны давать въ томъ кому бы ни было отчета, но, къ удивленію моему, вы малодушно сообщили жандарму! Ха, ха, ха, да знаете ли кто этотъ жандармъ? онъ, по просьбѣ моей, присланъ сюда для моихъ услугъ! вотъ кому вы довѣрились. Господа, я не отнимаю у васъ права имѣть ко мнѣ неудовольствіе, но будьте-же благородны, дѣйствуйте сами, безъ жалкаго жандарма. Прощайте, я счелъ долгомъ сказать вамъ это».

Каково мнѣ было слушать этотъ монологъ! Я высказался искренно, не имѣя причинъ не вѣрить губернатору; жалѣю, что я обезпокоилъ уважаемыхъ мною людей, но надѣюсь, другой разъ не ошибусь. Мы помирились, согласившись, что губернаторъ [болѣе чѣмъ человѣкъ не хорошій].

Рано утромъ—я у губернатора. Ласковъ, привѣтливъ, хорошій другъ!

— Не утерпѣли, не сохранили секрета?

— «Языкъ мой—врагъ мой! Кругомъ виноватъ!»

— Ну, по условію—вы губернаторъ, а я жандармъ, но помните, у меня огорода нѣтъ, а у васъ столько огородовъ—куда ни брось камень, попадешь въ вашъ огородъ!

— «Не будемъ ссориться, я виноватъ, прошу прощенія; увлекся съ не......ми, больше этого не будетъ».

Тутъ пристала страдалица-жена его съ просьбой—простить.

— Такъ и быть, этотъ разъ не въ счетъ, забудемъ; но другой разъ не забудемъ!

— «Душою и сердцемъ—согласенъ!»

Вскорѣ повторился другой подобный случай....

Тогда установленной формы для переписки въ корпусѣ жандармовъ не было; армейскіе писали рапортами, такая форма не позволяла вольничать, я принялъ манеру писать: письмами, докладами и простыми записками, но рапорта—никогда! Составилъ письмо къ шефу объ отношеніяхъ моихъ къ губернатору и объ его безхарактерности и въ концѣ увѣрилъ, что не пройдетъ много времени, какъ выяснится необходимость смѣнить его.

Пришелъ къ губернатору и прямо сказалъ: намъ болѣе говорить нечего! Онъ началъ извиняться, я подалъ ему письмо къ шефу и сказалъ: я далъ слово показать вамъ, что̀ я пишу—прочтите. Прочитавъ, поблѣднѣлъ и сказалъ:

— «Вы такъ писать не можете!»

— Отчего?

— «Я буду жаловаться на васъ!»

— Тѣмъ лучше, скорѣй объяснятся ваши дѣйствія.

— «Вы не пошлете».

Я кликнулъ жандарма, запечаталъ у губернатора и приказалъ отнести на почту.

Кто такой губернаторъ Z.? Онъ былъ въ отставкѣ капитаномъ Преображенскаго полка. 14-го декабря, онъ явился къ дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтовщиковъ и убѣдить ихъ, чтобъ покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и Z. за нимъ. Якубовичъ, вмѣсто убѣжденія, говорилъ: «ребята, держись, наша беретъ, трусятъ, ура! Константинъ!» и бунтовщики кричатъ: «ура, Константинъ и супруга его Конституція!» Якубовичъ возвращался и докладываетъ: «изволите слышать, они съума сошли, хотѣли въ меня стрѣлять».

Такъ было нѣсколько разъ и Z. всякій разъ ходилъ и одинъ разъ перевязалъ ногу платкомъ, прихрамывая, будто ударили его по ногѣ.

Государь не забывалъ усердія и сказалъ в. к. Михаилу Павловичу: «я видѣлъ усердіе Z., спроси его, чего онъ хочетъ?» В. к. Михаилъ спросилъ Z.: «чего ты хочешь?» Z., не задумавшись, отвѣчалъ: желаю быть губернаторомъ.

— «Не много ли это будетъ?»

— Для государя все возможно!

И вотъ Z. чрезъ разныя метаморфозы—губернаторъ въ Симбирскѣ. Это я знаю отъ него самого.

Z. былъ очень недуренъ собой, средняго роста, строенъ, всегда щеголь, образованія—для гостиной, не дурной актеръ. Дѣла, бумаги для него дѣло постороннее.

Застаю Z., подписываетъ кучу бумагъ: «какъ же это вы не читаете?»

— «Пробовалъ читать, ничего не понимаю; пробовалъ не читать—все равно, такъ лучше не читать—результатъ одинъ».

Былъ рекрутскій наборъ; для пріема въ Симбирскѣ пріѣхалъ маіоръ Ю., а для наблюденія въ губерніи флигель-адъютантъ полковникъ К. Высочайше повелѣно: при пріѣздѣ флигель-адъютанта, хотя бы и младшаго чиномъ, жандармскій штабъ-офицеръ обязанъ явиться къ нему; но не позже какъ на другой день, хотя бы генералъ-адъютантъ, обязанъ отдать визитъ. Я вообще былъ строгій исполнитель служебныхъ обязанностей, немедля явился къ флигель-адъютанту К.; онъ принялъ меня, какъ петербуржецъ—вѣжливо, ласково, какъ милый товарищъ. Прошло два дня—не ѣдетъ ко мнѣ, думаю, вѣрно не знаетъ распоряженія. Между безконечными моими разсказами изъ жизни, я напомнилъ К., что онъ обязанъ быть у меня. Онъ расхохотался, любезно назвалъ меня мелочникомъ и что подобная претензія не достойна меня и проч. Я доказывалъ ему, что моя служебная сила зависитъ отъ наружнаго уваженія ко мнѣ, и увѣрялъ, что не прину[ждаю] его. Не поѣхалъ ко мнѣ К., но мы оставались пріятелями.

Рекрутскій наборъ шелъ; слышу, маіоръ Ю. беретъ взятки, но это тогда была вещь обыкновенная. Нѣсколько помѣщиковъ жаловались мнѣ, что помѣщичьяго рекрута не принимаютъ безъ пяти полуимперіаловъ. Одинъ коротко знакомый мнѣ отдавалъ своего лакея; я видѣлъ его: молодчина, 9-ти вершковъ роста, молодой, красавецъ. Приказавъ вести въ присутствіе, пошелъ и я туда же; дошла очередь до лакея; маіоръ Ю. посадилъ его на полъ спиною къ стѣнѣ, ноги его скосилъ въ одну сторону и оказалось—одна нога короче, закричалъ: затылокъ! Я, какъ не имѣющій права мѣшаться, молчалъ, но когда совѣтникъ отмѣчалъ въ книгѣ, я шопотомъ попросилъ дать мнѣ выписку за что обракованъ. Услыхалъ неразумный маіоръ, поднялъ шумъ, заходилъ пѣтухомъ и говорилъ грубости, что всякій тутъ мѣшается

и проч. Я, не выронивъ и полслова, напомнилъ тихо предсѣдателю правило на зерцалѣ. Добрякъ предсѣдатель Огневъ остановилъ расходившагося маіора. Я составилъ записку о рекрутѣ и маіорѣ и подалъ флигель-адъютанту К. Онъ объяснилъ мнѣ, что маіоръ родной братъ служащаго и въ большой силѣ при дворѣ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ дѣла маіора Ю., что и мнѣ будутъ непріятности. К. хотѣлъ возвратить мнѣ записку, но у меня были заняты руки, что я не могъ взять записки, и она осталась у К. Одинъ небогатый помѣщикъ, хорошо знакомый, просилъ моего участія сдать рекрута съ небольшимъ изъяномъ. Я своего унтера преобразилъ въ мужика отдатчика, далъ ему пять полуимперіаловъ, четыре мужика при немъ....... Унтеру приказано—отдавая деньги маіору, уронить на полъ. Рекрутъ принятъ.

Въ городѣ громко говорили о сценѣ въ присутствіи и удивлялись, какъ я перенесъ молча. Одинъ только старикъ почтмейстеръ Лазаревичъ, выслушавъ, сказалъ:

— «Господа, та собака, которая не лаетъ, всегда больно кусаетъ, я за маіора и гроша не держу, онъ пропадетъ».

Наборъ конченъ, маіоръ набралъ до 8-ми тысячъ руб., но въ Симбирскѣ же и проигралъ, бѣдный. Я составилъ о всемъ подробную записку и упомянулъ, что К. не отдалъ мнѣ визита.

Въ февралѣ, вечеромъ, пью чай. Буря, мятель страшная, колокольчикъ у воротъ; входитъ холмъ снѣга и говоритъ:

— «Имѣю честь явиться! прошу извиненія, виноватъ кругомъ!»

Это былъ флигель-адъютантъ, полковникъ К. За чаемъ разсказалъ, что его очень бранилъ Бенкендорфъ за неотданіе визита.

— «На балѣ у Фикильмона, танцую кадриль съ государыней; только кончилъ, фельдъегерь подалъ бумагу: ему приказано немедля отвезти меня въ Симбирскъ, а мнѣ собственноручно произвести слѣдствіе о злоупотребленіяхъ маіора Ю. при рекрутскомъ наборѣ».

Мнѣ предписано содержать подъ строгимъ надзоромъ маіора Ю., до окончанія слѣдствія.

Флигель-адъютантъ К..... остановился въ домѣ губернатора. К. не имѣлъ понятія, какъ и приступить къ слѣдствію; Z. далъ ему чиновника, служащаго у него по особымъ порученіямъ. На другой день, я узналъ, что допрашивалъ и писалъ чиновникъ. Я къ полковнику К. и тутъ сказалъ:

— Говорятъ, что будто бы слѣдствіе дѣлаетъ чиновникъ?

Перепугался, поблѣднѣлъ К., забожился, заклялся честнымъ словомъ и проч., что это неправда. Мнѣ жаль было бѣднягу, и сказалъ, что я удовлетворенъ и вѣрю ему. Привезли маіора Ю. подъ арестомъ унтеръ-офицера и солдата.

Пріѣхалъ графъ Протасовъ; онъ состоялъ при особѣ государя, полковникъ. Удѣльныя имѣнія были разбросаны по всей Россіи; неудобно и дорого было управленіе, предполагалось: удѣльныхъ крестьянъ возвратить въ казну, а симбирскихъ казенныхъ крестьянъ, тысячъ до четырехсотъ, обратить въ удѣльные. Это и поручено было исполнить гр. Протасову. Послѣ него пріѣхалъ жандармскій полковникъ Ф.... Графъ Протасовъ—добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, но страшный педантъ службы.

Симбирскіе казенные крестьяне—на черноземѣ, на Волгѣ были богаты, много домовъ крыты тесомъ, синіе кафтаны, красные кушаки—жили привольно. Дѣлаясь удѣльными, становились помѣщичьими—переходъ не радостенъ! Надобно было быстро и ловко обдѣлать дѣло. Все исполненіе пало на меня. Понявъ любовь гр. Протасова къ крайней аккуратности, я каждый день посылалъ ему отчетъ въ каждомъ часѣ моей дѣятельности.

Въ это время, я проѣзжалъ въ сутки 300 верстъ.

Я успѣлъ взять подписки со всѣхъ деревень въ согласіи на переходъ, а Ф.... еще сочинялъ проектъ, какъ приступить къ дѣлу. Губернаторъ не участвовалъ, но ему хотѣлось прицѣпиться къ наградѣ; онъ вздумалъ взбунтовать одну отдаленную деревню Буинскаго уѣзда. Я упросилъ графа съѣздить со мною. Городничій Буинска не могъ отвѣчать графу ни на одинъ статистическій вопросъ, даже не сказалъ сколько церквей въ городѣ. Графъ спросилъ меня: «что онъ—дуракъ пошлый?»

— Нѣтъ, вы не умѣете спрашивать, мнѣ онъ отвѣтитъ: г. городничій, сколько у васъ кабаковъ?

Бодро и быстро отвѣчалъ—шесть!

Графъ легъ спать, а я—въ деревню къ бунтовщикамъ и такъ настращалъ ихъ именемъ графа, что когда онъ пріѣхалъ, то нашелъ всю деревню на колѣняхъ; но тутъ же я узналъ, что пріѣзжалъ переодѣтымъ чиновникъ по приключеніямъ, но доказать было трудно и я просилъ дѣла не поднимать.

Огромная была власть у Протасова. Когда я поразсказалъ о полковникѣ К. и что онъ флигель-адъютантъ, но живетъ у губернатора, гр. Протасовъ послалъ за К., а мнѣ приказалъ сѣсть за ширмы. Боже мой, я и теперь слышу тотъ повелительный голосъ графа! Оба полковники и К.—флигель-адъютантъ, но графъ такъ жестоко бранилъ его, какъ я не бранилъ бы писаря,—глупцомъ, соусникомъ, блюдолизомъ и проч.... Укорялъ его, какъ довѣреннаго государя: къ нему долженъ прибѣгать обиженный, а кто же пойдетъ съ жалобой на губернатора, когда онъ лижетъ его тарелки! Приказалъ чрезъ два часа съѣхать—и съѣхалъ. Во все время, К. покорно молчалъ. Я такъ и ждалъ, вотъ К. треснетъ графа.

Когда собирался графъ уѣзжать, то я, боясь неустановившагося еще дѣла и боясь шаловливости Z., совѣтовалъ придумать что нибудь. Графъ послалъ меня къ губернатору сказать, что графъ будетъ у него офиціально.

Пришли мы съ графомъ, губернаторъ встрѣтилъ во фракѣ. Графъ спросилъ: какъ передалъ вамъ г. маіоръ? На отвѣтъ губернатора, графъ сказалъ:

— «Я пришелъ офиціально передать губернатору волю государя, съ лакеемъ я говорить не могу, надѣньте мундиръ и придите выслушать».

Пришелъ въ мундирѣ губернаторъ. «Слушайте повелѣніе государя: вы устраняетесь отъ всякаго участія въ дѣлахъ по переименованію казенныхъ крестьянъ въ удѣльные. Государь императоръ повелѣваетъ всѣ распоряженія по этимъ дѣламъ поручить вамъ, г. маіоръ! вы имѣете дѣйствовать не сносясь съ губернаторомъ; малѣйшее косвенное вмѣшательство губернатора замѣтите—пришлите немедля курьера».

Губернаторъ только успѣлъ сказать, что онъ не заслужилъ такого недовѣрія.

Графъ крикнулъ: «молчать! когда приказываетъ государь, тогда не разговариваютъ, а исполняютъ; еще слово—я отправлю васъ въ телѣжкѣ!»

Я былъ свидѣтелемъ два раза страшной власти графа Протасова. Не будучи посвященъ въ іерархію дворскихъ чиновъ, я изумлялся власти полковника и осторожно высказалъ это графу;

онъ много смѣялся моему невинному невѣжеству и сказалъ: «флигель-адъютантовъ много, а при особѣ государя—два, три».

За этими хлопотами, я потерялъ изъ вида слѣдствіе о маіорѣ Ю. Послѣ слышалъ: флигель-адъютанта полковника К. назначили въ какой-то армейскій полкъ—младшимъ. Маіору Ю. не давать въ команду отдѣльной части—милостиво! На счетъ виновныхъ доставить въ Петербургъ забракованнаго рекрута.

Старшимъ, чванству, я никогда не спускалъ, но часто попадались по жалобамъ секретари, столоначальники, засѣдатели и тому подобные: берутъ взятки—бери, Богъ съ ними, на то они и крапивное сѣмя, а то жадные, возьметъ съ одного и беретъ съ противника, обиженная сторона жалуется. Сейчасъ записку: свидѣтельствуя совершенное почтеніе и проч., имѣю честь просить пожаловать для личныхъ объясненій. Въ залѣ всегда есть просители или знакомые. Приходитъ виновный, я самымъ ласковымъ образомъ говорю, что я затрудняюсь въ одномъ дѣлѣ и обращаюсь къ его опытности; прошу его совѣта и приглашаю въ кабинетъ, двери на замокъ и тамъ уже объясненіе, отъ котораго сойдетъ съ головы мыла три! Видя трусость и раскаяніе, обѣщаніе немедля возвратить обиженному деньги и клятва болѣе такъ не дѣлать,—выходя изъ кабинета, я вѣжливо благодарю его за умный и опытный совѣтъ—далѣе кабинета не шло. Не помню случая, чтобы были рецидивисты. Цѣль достигалась безъ оскорбленія.

Чрезъ 10 лѣтъ, я былъ въ Симбирскѣ, имѣлъ дѣло совершить три купчія въ гражданской палатѣ. Совершили въ одинъ день и въ какой—въ субботу! Представьте мое положеніе, я скажу хотя невѣроятную правду, есть свидѣтели, но мнѣ никто не повѣритъ: 1848 года въ 30-й день ноября, въ день Андрея Первозваннаго, я вынулъ 500 руб., чтобы благодарить секретаря и надсмотрщика крѣпостныхъ дѣлъ. Эти господа руки назадъ и сказали: «извините, ваши деньги прожгутъ наши карманы и принесутъ несчастіе нашимъ дѣтямъ; вы были нашимъ отцемъ, за вами мы жили какъ у Христа за-пазухой; извините, полковникъ, не обижайте насъ, мы вашихъ денегъ взять не можемъ!»

Представьте—и не взяли!!! Такой исключительный случай въ тѣ старые годы невѣроятенъ, но былъ; признаться, я считалъ

себѣ высокою наградой за службу въ Симбирскѣ и вѣрилъ, что тамъ я былъ не лишній.

Припоминая прошедшее, дѣйствительно не припомню, чтобы я кому нибудь изъ этой мелкой сошки сдѣлалъ бы существенный вредъ, а что̀ бывало въ кабинетѣ, того никто не зналъ. Оказалось, лекарство было полезное.

Наступили дворянскіе выборы, съѣзжалось дворянъ до 300. Великодушныхъ (болѣе 100 душъ) въ губерніи было много. Выборы обыкновенно были шумны, бывали и серьезныя ссоры, но я не мѣшался. Я на выборы смотрѣлъ какъ на дѣло семейное, сегодня ссорятся, а завтра мирятся—только не мѣшать.

Еще до выборовъ, я зналъ, что князь Д. сосваталъ старшую дочь губернскаго предводителя князя Б. Давненько ходили сплетни, что будто бы губернаторъ Z. наряжался старухою и ходилъ на свиданіе къ теперешней невѣстѣ и что будто бы Z. такъ хорошо гримировался, что отецъ-князь Б. разъ встрѣтилъ старуху-губернатора и не только не узналъ, но указалъ, что дочь его въ саду. Сплетенъ всегда много въ провинціи, а тѣмъ болѣе въ такомъ большомъ обществѣ; но на этотъ разъ разыгралась весьма серьезная исторія, такъ что я вынужденъ былъ высказать весь авторитетъ моей власти.

Былъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т.; былъ холостой, жилъ въ Симбирскѣ, но числился по иностранной коллегіи. Графъ Т. былъ другомъ Z. и, еще болѣе—другомъ князя Д., жениха. Z. похвасталъ мнимою интрижкой съ княжной передъ графомъ Т.; послѣдній, любя князя Д., сообщилъ ему о признаніи губернатора Z.

Князь Д. былъ отставной гвардеецъ; онъ кавказскій князь и, говорили, владѣтельнаго дома. Князь Д. былъ брюнетъ, хорошаго средняго роста, стройный, одѣвался отчетливо въ черное, говорилъ сквозь зубы, стригся подъ гребенку, молчаливъ, холоденъ, корчилъ Байрона—тогда много было Байроновъ, мода! Князь Д. считался вспыльчивымъ, храбрымъ; за нимъ была странность, онъ имѣлъ антипатію къ кошкѣ. Я думалъ, что онъ притворяется. Мы были знакомы съ нимъ по шапошному. На одномъ вечерѣ, я, увидѣвъ идущаго по улицѣ князя, поймалъ котенка, посадилъ въ столъ и далъ ему сахару. Встрѣтивъ князя, взялъ

его подъ руку и, говоря, велъ его къ столу; подходя, я почувствовалъ, что онъ вздрогнулъ, а подойдя—поблѣднѣлъ, вырвался отъ меня и сказалъ, что онъ не можетъ тутъ быть. Это былъ фактъ сильной антипатіи! Котенка я выкинулъ, но никому не сказалъ о моей шалости. Впрочемъ, князь держалъ себя весьма прилично, въ карты не игралъ, вина почти не пилъ, былъ ненарушимо одинаковъ, но на то онъ и былъ Байронъ. Ни одной исторіи не было за княземъ Д.

Какъ только князь Д. выслушалъ графа Т., тотчасъ же объяснился съ отцомъ княземъ Б. и отказался отъ невѣсты. Невѣста въ глубокомъ обморокѣ, отецъ несчастливъ, князь Д. бѣснуется. Узнаю вечеромъ, что князь Б., какъ губернскій предводитель (кажется, въ теченіи 18-ти лѣтъ), намѣренъ утромъ жаловаться дворянству и просить защиты—старому слугѣ дворянства! Князь Д. клянется разбить рожу губернатору въ соборѣ!

Поздно вечеромъ, я нашелъ губернатора въ страшной тревогѣ: онъ слышалъ о намѣреніи князя Б. Зная нерасположеніе къ нему дворянства и какого дворянства—дружнаго, гордаго, симбирскаго,—было отъ чего въ отчаянье придти! А я прибавилъ о намѣреніи князя Д. Это окончательно сдѣлало губернатора неспособнымъ мыслить! Онъ только и видѣлъ спасеніе въ моей помощи. Но какъ же онъ и просилъ меня спасти его!

Я спросилъ Z.: что̀ побудило его хвастать? онъ отвѣчалъ:

— «Имѣть успѣхъ въ женщинѣ и не разсказать, все равно, что, имѣя андреевскую звѣзду, носить ее въ карманѣ».

Исторія—во всѣхъ отношеніяхъ скверная. Не будь Z. губернаторомъ, то была бы смѣшная, скандальная исторія, но хоть лыкомъ шитъ, а онъ—губернаторъ, власть! Разыграйся глупость —огорчила бы государя и на все честное и благородное симбирское дворянство упала бы тѣнь преступленія! Я рѣшился дѣйствовать не для спасенія Z., котораго я уважать не могъ, а для спасенія власти губернатора.

Рано утромъ, я былъ въ кабинетѣ губернскаго предводителя и, послѣ обычныхъ вѣжливостей, я прямо приступилъ:

— До свѣдѣнія моего дошло, что ваше сіятельство намѣрены сегодня говорить передъ дворянствомъ и жаловаться на Z.?

— «Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, неправда».

— Если неправда, то тѣмъ лучше; вамъ остается, князь, дать мнѣ честное слово, что вы говорить не будете, я вамъ повѣрю.

— «Кто вамъ далъ право: требовать отъ меня честное слово и входить въ мои дѣла?»

— Моя обязанность, князь.

— «Въ чемъ она состоитъ?»

— Въ секретной инструкціи, утвержденной государемъ!

— «Я вамъ слова не дамъ и думаю—наши объясненія кончены!»

— Нѣтъ, князь, если не дадите слова, то я дамъ вамъ слово, что вы отсюда не выйдете!

— «Это какъ?»

— Я васъ арестую!

— «Вы имѣете право арестовать губернскаго предводителя?»

— Имѣю право всякаго арестовать, для охраненія власти, ввѣренной государемъ.

— «Вы молоды судить объ оскорбленіяхъ, вы не отецъ!»

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ!

— «Вы знаете эту несчастную исторію?»

— Все подробно знаю и знаю, что тутъ все ложь и глупость. Дѣла скандаломъ не поправите, а я, сочувствуя вамъ сердцемъ и душою, беру на себя и ручаюсь, что все дѣло выяснится къ спокойствію вашему и общему; пострадаетъ тотъ, кто виною огорченія вашего.

— «Какое вы можете дать ручательство?»

— Честное мое слово, которому я не измѣнялъ во всю жизнь!

— «Молодой человѣкъ, вы много берете на себя; помните, вы отвѣтите передъ оскорбленнымъ отцомъ!»

— Вамъ нѣтъ исхода, князь: либо вѣрьте моему слову и дайте мнѣ ваше честное слово, либо вы не выйдете отсюда.

Князь заплакалъ и далъ мнѣ честное слово, что говорить передъ дворянствомъ не будетъ. Я успокоивалъ его, какъ умѣлъ. Грустно видѣть старыя слезы оскорбленнаго отца. Разговоръ былъ дливенъ, я записалъ только главные пункты.

Покончивъ съ однимъ княземъ, я посѣтилъ князя Д. Выходитъ ко мнѣ князь, съ плотно обстриженой головой, воротнички

à l'enfant, какъ Байронъ на портретѣ, съ трубкой, и цѣдить сквозь зубы—англичанинъ да и только!

— «Чему я обязанъ, что вы пожаловали ко мнѣ?»

— Князь, прежде всего здравствуйте и позвольте сѣсть; мнѣ нужно поговорить съ вами.

Обстановка слишкомъ проста: во всю комнату простой крашеный столъ, около такая же голая скамейка, точно въ бѣдной школѣ; на скамейкѣ мы и усѣлись.

— Вы, князь, огорчены и очень раздражены изъ глупой лжи, дошедшей до васъ.

Князь какъ-то засопѣлъ, сжалъ чубукъ такъ, что у него хрустнули пальцы; странно сопѣвши, придвигался ко мнѣ. Молчитъ, не можетъ или не рѣшается сказать слово. Я спокойно посовѣтовалъ не придвигаться такъ близко, а то намъ неудобно говорить. Азія немного утихла и князь сквозь черные зубы процѣдилъ:

— «Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?»

Я разсмѣялся и сказалъ: жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла. Вы сердитесь, князь, а, узнавъ мои намѣренія, вы не отвергнете моего участія.

— «Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!»

— Дѣло-то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— «Позвольте узнать, какая вамъ необходимость соваться въ мои дѣла?»

— Вы, князь, намѣрены разбить рожу Z. публично?

— «Ну, что же вамъ за дѣло?»

— До рожи Z. мнѣ совершенно нѣтъ дѣла, но п..... рожа Z. принадлежитъ губернатору, вотъ это и перемѣняетъ видъ дѣла. Моя обязанность устранить всякое публичное оскорбленіе власти, поставленной государемъ; я пришелъ доложить вамъ: пока Z. губернаторомъ, вы не исполните своего намѣренія.

— «Кто можетъ остановить меня?»

— Я, князь, затѣмъ и пришелъ къ вамъ.

— «Какимъ это образомъ?»

— Я прошу васъ, пока Z. губернаторомъ, не оскорблять его, въ чемъ и прошу вашего честнаго слова!

— «А если я вамъ слова не дамъ?»

— Я вынужденъ буду арестовать васъ.

Опять засопѣлъ и процѣдилъ:

— «Вы не посмѣете этого сдѣлать!»

— Князь, даю честное слово—сдѣлаю!

— «Кто далъ вамъ право?»

— Секретная инструкція, высочайше утвержденная!

— «Вы не понимаете моего оскорбленія и не можете понять».

— Я вамъ сказалъ, что я все знаю подробно; думаю, что и сочувствовать вамъ могу, что̀ вы и увидите.

— «Въ чемъ же ваше сочувствіе? Какъ вы поймете, что этотъ п...... изъ счастливаго человѣка сдѣлалъ меня несчастнымъ?»

— Прошу васъ выслушать меня безъ раздраженія. Прежде всего скажу вамъ, что вы будете счастливы!

— «Я вамъ не вѣрю и вижу, что вы ничего не знаете».

— Эхъ, почтенный мой князь, какой же я былъ бы жандармъ, еслибъ не зналъ всего; только публикѣ неизвѣстно, что я все знаю, и не узнаютъ безъ нужды.

— «Можете вы мнѣ сказать, что̀ вамъ извѣстно?»

— Очень охотно: малодушный хвастунъ Z. считалъ гордостью для себя похвастать интригой съ прекрасной и уважаемой дѣвушкой, передъ графомъ Т.; послѣдній, какъ вполнѣ благородный и честный человѣкъ, счелъ долгомъ предупредить васъ. Тутъ правы и Т. и вы, князь. Презрѣнно виноватъ Z. Я радъ возможности удостовѣрить васъ честнымъ моимъ словомъ, что Z. солгалъ: ничего подобнаго не было.

— «Какъ вы можете знать и ручаться?»

— Князь, еще повторю: я жандармъ!

— «Но позвольте, вы сами дворянинъ и можете быть въ моемъ положеніи; спрашиваю васъ, не имѣю ли я права наказать его?»

— Вашего права я не отвергалъ и не отвергаю, но согласитесь, какое же вамъ удовлетвореніе, если вы красивой рукой будете бить—кого же?—Z.! Меня бы не удовлетворила подобная месть!

— «Чего же я могу желать или что̀ сдѣлать, по вашему?»

— Вотъ это дѣло, мой почтенный князь; спокойно обсудивъ,

можно найти разумный исходъ. Вы мнѣ сдѣлали вопросъ, а я спрошу васъ: какого вы хотите удовлетворенія?

— «Что же вы можете сдѣлать?»

— Все, что вы хотите!

— «Ну, а еслибъ я потребовалъ, чтобы м......... сознался, что онъ солгалъ?»

— Только-то, князь?

— «Мнѣ и этого будетъ довольно!»

— Нѣтъ, князь, я не того хочу, я обѣщаю вамъ, что онъ долженъ при васъ написать, что онъ п.... солгалъ и что если болтнетъ одно слово, то безъ претензій, гдѣ бы ни было, дозволитъ вамъ разбить свою р....

— «Будто вы можете это сдѣлать?»

— Даю вамъ слово, но и вы дайте мнѣ честное слово, что, пока онъ губернаторомъ, вы не оскорбите его.

— «Слово даю вамъ, но помните, въ случаѣ неудовлетворенія меня, моя ненависть обратится на васъ!»

— Согласенъ, князь, но пока будетъ секретъ.

Съ княземъ Д. мы разстались въ мирномъ настроеніи. Пошелъ я къ Z., увѣдомилъ его, что князь Б. не будетъ жаловаться дворянамъ. Сколько было радости, благодарности—даже черезчуръ! Но зная легкомысленную и шаловливую натуру Z., спускать съ веревочки нельзя его. Я нарисовалъ цѣлый адъ мести въ князѣ Д. и не ручаюся за его отчаянную рѣшимость.

— «Да, я знаю, это кавказскій дикарь, у него кинжалъ всегда готовъ! Батюшка, помогите, я по гробъ буду вамъ благодаренъ!»

— Погодите, что могу, то сдѣлаю. Прощайте, мнѣ сегодня необходимо съѣздить въ уѣздъ по дѣлу.

Боже мой, какъ струсилъ мой губернаторъ!

— «Какъ же вы бросите меня на жертву! мнѣ необходимо будетъ выйти изъ дома—дикарь, кинжалъ!»

— Вотъ какъ мы сдѣлаемъ: я прибавлю вамъ двухъ жандармовъ, которымъ вы послѣ заплатите; выходить не совѣтую, скажитесь больнымъ, а еще лучше прикажите поставить себѣ дюжину пьявокъ: это сдѣлается всѣмъ извѣстно и болѣзнь будетъ прилична.

— «Охотно принимаю вашъ совѣтъ».

Я уѣхалъ въ уѣздъ. Возвратясь, нашелъ моего губернатора въ постелѣ. Еще болѣе я настращалъ его княземъ Д. По моему описанію, это былъ крокодилъ, пантера! Въ нѣсколько дней, до того деморализовалъ моего Z., что онъ впалъ въ отчаяніе. Наступилъ моментъ: все, что я хотѣлъ, могъ сдѣлать съ Z. Публика догадывалась, со всѣхъ сторонъ сыпались ко мнѣ вопросы, но успѣхъ могъ быть тогда, когда дѣло было въ однѣхъ моихъ рукахъ, безъ посторонняго участія; публика могла испортить весь эффектъ. Z. ужасно обрадовался, когда я взялъ на себя прекратить все дѣло съ нѣкоторыми пожертвованіями съ его стороны. Z. соглашался на все безусловно. Я предложилъ свиданіе съ княземъ Д. вечеромъ. Z. долженъ написать подъ диктовку князя письмо и вручить ему лично. Z. опасался, что, при свиданіи, князь пырнетъ его кинжаломъ, я показалъ ему мою саблю, отточенную какъ бритва, и свиданіе будетъ при мнѣ. Z. соглашался написать какое угодно письмо, хотя на гербовой бумагѣ, но только бы не видѣться; я требовалъ свиданія и Z. согласился на все.

Въ 9 часовъ вечера, князь одѣтъ по послѣдней модѣ во фракѣ. Z. въ халатѣ исполнялъ роль больнаго. Большой круглый столъ въ гостиной былъ поставленъ недалеко отъ дверей спальной жены; я поставилъ Z. около стола со стороны и близь дверей— на случай ретирады; на столѣ письменный приборъ. Привелъ князя Д. и поставилъ его на діаметръ противъ Z., а самъ сталъ въ срединѣ между нихъ. Оба молчатъ. Я сказалъ Z.:

— Князь желаетъ продиктовать письмо—угодно вамъ написать?

— «Охотно исполню все!»

— Князь, извольте диктовать.

Послѣ: «Милостивый государь», князь диктовалъ, процѣживая сквозь зубы:

«Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжнѣ Б., совершенно ложныя и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что я солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если-жъ я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д., вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка Z.».

Преотвратительно писалъ Z., а тутъ стоя, въ испугѣ,—еще

хуже, и подалъ князю Д. Комическая сторона этой сцены выразилась тѣмъ: когда диктовалъ князь, то, поглядывая на меня, улыбался и подмигивая показывалъ на пишущаго Z.,—понятно говорилъ: какой д....! Когда же Z. передалъ письмо князю Д. и тотъ внимательно читалъ, то Z. улыбаясь подмигивалъ мнѣ и тоже выражалъ глазами — какой д.....! А что̀ я думалъ, стоя между ними? позвольте умолчать!

Князь Д., прочитавъ письмо, положилъ въ карманъ и, съ полупоклономъ, молча ушелъ. Бѣдная страдалица-жена Z. мучилась во все время не меньше мужа. По уходѣ князя, я очутился въ роли благодѣтельнаго генія,—благодарности, чуть не молитвы за спасеніе отъ бѣдъ и напастей. Князь Д. совершенно удовлетворился. Князь Д. объяснился съ княземъ Б. и съ ожившей для радостей невѣстой.

Мнѣ остается сказать: я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ. Всѣ счастливы, довольны, но конецъ-то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи, и вотъ, чрезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора Z. и высочайшее повелѣніе «впредь никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ.

Бывшій губернаторъ Z. горько плакалъ и жаловался, что онъ не знаетъ причины, по которой лишился мѣста, что онъ такъ бѣденъ, что не знаетъ какъ выѣхать и вывезти семейство (у него была одна дочь, которая послѣ была женою брата П** и умерла, оставя красавицу дочь).

Откупщикъ Бенардаки подарилъ Z. карету. Добряки дворяне собрали деньжонокъ и поручили Бенардаки отдать Z. отъ своего имени. Уѣхалъ Z. безъ проводовъ.

Вмѣсто Z. назначенъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. Въ «Русской Старинѣ» есть посмертныя Записки его; мнѣ приходится сказать о немъ, какъ стороннему зрителю.

Послѣ графа Протасова, полковникъ Ф.... продолжалъ жить въ Симбирскѣ; дѣла ему не было, да едва ли онъ способенъ былъ на дѣло. Онъ предполагалъ что-то начать, все думалъ начать, но такъ ничего и не началъ; онъ даже не зналъ, что̀ я дѣлаю; губерніи ему не поручали, а числился онъ при штабѣ; можетъ быть, забыли о немъ, или хотѣли забыть. За дѣ-

ствіе при графѣ Протасовѣ, я получилъ подполковника, а Ф.... Владиміра на шею. За что ему? Не знаю! Корпусъ жандармовъ избавился отъ него, сдѣлавъ его подольскимъ губернаторомъ, гдѣ онъ былъ—калифъ на часъ. Я же и былъ на его похоронахъ въ Кіевѣ. Припомнилась мнѣ дѣятельность Ф.... въ Симбирскѣ. Пишетъ ко мнѣ Дубельтъ и присылаетъ доносъ на меня отъ Ф..... Не хотѣлъ я и показать Ф.... его глупости, да и рѣдко съ нимъ видѣлся.

Такъ было недавно, съ небольшимъ 40 лѣтъ, но, какъ ни бужу свою память, не могу добиться отъ нея воспроизведенія момента съ подробностями, какъ явился Жиркевичъ въ Симбирскъ, и думаю, едвали солгу сказавъ, что никто этого не зналъ; какъ тогда, такъ и теперь, не съумѣю объяснить: пѣшкомъ пришелъ или пріѣхалъ Жиркевичъ? Днемъ или ночью? Какъ-то всѣ вдругъ узнали, что новый губернаторъ занимается дѣлами. Говорили въ обществѣ о Жиркевичѣ такъ, какъ будто онъ и не выѣзжалъ изъ Симбирска и какъ будто онъ давно уже губернаторомъ. Всезнайки разсказывали: когда спросили его, когда онъ позволитъ представиться чиновникамъ?—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ безпокоиться, я съ господами служащими познакомлюсь занимаясь вмѣстѣ дѣлами». Въ губернскомъ городѣ всѣ знаютъ, кто что ѣстъ, о пріѣзжемъ извѣстно—богатъ, бѣденъ, скученъ, веселъ, играетъ ли, танцуетъ ли, даже хорошо ли говоритъ по французски, и проч. О Жиркевичѣ я не слыхалъ ни одного вопроса, никто не интересовался и почти не упоминалась фамилія: просто говорили—губернаторъ. Я куда-то ѣздилъ; возвратясь, немедля явился къ новому губернатору. Въ залѣ два чиновника съ кипами бумагъ; я просилъ доложить, отвѣчали: не приказано, и указали на отворенную дверь въ кабинетъ. Губернаторъ у стола, уложеннаго бумагами, на двухъ стульяхъ—дѣла. Только я вошелъ, Жиркевичъ всталъ на встрѣчу мнѣ. Онъ былъ больше средняго роста (вершковъ восьми); правильное и, можно сказать, красивое лицо, но не только серьезное, почти суровое выраженіе; темно-русые волосы приглажены по военному; въ форменномъ штатскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы—видна привычка къ военной формѣ. Жиркевичъ былъ сухаго сложенія, но не худъ; поклонъ, движенія мнѣ напоминали воспитаніе въ корпусѣ; говорилъ скоро, какъ-то отрывисто. При-

гласилъ сѣсть. Думаю, захочетъ знать о губерніи, объ обществѣ... Ничуть не бывало, хоть бы слово спросилъ, а отъ кого же и узнать, какъ не отъ жандарма! Странное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня Жиркевичъ. Онъ вѣжливъ, но очень молчаливъ; всѣ вопросы его касались только лично меня. Я попробовалъ сказать шутку—онъ не слыхалъ; я хотѣлъ заинтересовать его серьезнымъ—онъ не обратилъ вниманія. Откланявшись, я рѣшительно не могъ составить себѣ понятія о характерѣ Жиркевича.

Жиркевичъ скоро отдалъ мнѣ визитъ, и опять странность—пѣшкомъ, тогда какъ въ Симбирскѣ и мѣщане не ходили, а ѣздили; я не сказался дома; на карточкѣ просто: Иванъ Степановичъ Жиркевичъ.

Зашелъ къ Жиркевичу вечеромъ—читаетъ и подписываетъ бумаги; около стоитъ правитель канцеляріи Раевъ. Жиркевичъ отпустилъ Раева, сказавъ: «я бумаги къ вамъ пришлю». Ну, думаю, теперь разговоримся. Жиркевичъ, все въ форменномъ застегнутомъ сюртукѣ, былъ очень вѣжливъ, говорилъ о погодѣ, мѣстоположеніи города—сухая исторія! Я коснулся было общественной жизни, что дворяне любятъ веселиться и привыкли, чтобы участвовалъ съ ними губернаторъ. Онъ отвѣчалъ, что какъ обдѣлается съ дѣлами, то и онъ не прочь раздѣлить общее удовольствіе. Но такъ и не обдѣлался! Я разсказалъ какой-то анекдотъ, думая сорвать улыбку—разсказъ мой прошелъ мимо! Видаясь по разнымъ случаямъ съ Жиркевичемъ, я всегда заставалъ его за бумагами и составилъ о немъ себѣ понятіе, что это человѣкъ дѣла. Онъ всегда былъ какъ-то сдержанъ, очень вѣжливъ, но малѣйшая несправедливость, плутовство по дѣламъ—выводили его изъ себя; вспыливъ, онъ уже не зналъ границъ гнѣва. Много ходило разсказовъ по городу, какъ онъ, забывшись, гнался до крыльца за совѣтникомъ. Мошенники для него теряли личность, но за то и боялись его чиновники!

Жиркевича полюбить очень трудно, но нельзя было не почитать его, нельзя было не уважать честной его дѣятельности, его безкорыстія; онъ отдался весь, безъ остатка, полезному служебному труду. Жиркевичъ былъ ходячій законъ. Узнавши его, я готовъ былъ поклоняться ему, но, къ сожалѣнію, видѣлъ, что онъ не по дому пришелся въ Симбирскѣ. Мои сношенія съ нимъ были прекрасны, но сухи.

Я заговаривалъ съ дворянами, какъ бы губернатора завлечь въ общество? Мнѣ отвѣчали: «Зачѣмъ? Онъ пріѣзжій, долженъ самъ искать въ насъ; не хочетъ, пусть будетъ губернаторомъ, мы ему не мѣшаемъ и не нуждаемся въ немъ».

На послѣднихъ выборахъ, губернскій предводитель, князь Б., прослуживъ предводителемъ, если не ошибаюсь, лѣтъ 18, отказался: на него сильно подѣйствовала разсказанная исторія, онъ заболѣлъ отъ огорченія.

Вмѣсто князя Б., выбрали отставнаго генералъ-маіора Бестужева; онъ былъ старый холостякъ, веселонравный, часто впадалъ въ роль буффа.

Почиталъ я Жиркевича и очень любилъ генерала Бестужева, но вотъ случай, поставившій меня въ затрудненіе: были парадныя похороны уважаемой особы; лѣтній день превосходный, весь городъ высыпалъ проводить гробъ въ монастырь. Въ Симбирскѣ въ общемъ употребленіи: на длинныхъ, тонкихъ дрогахъ устроены очень низко дрожки, на нихъ могутъ сѣсть семь, восемь человѣкъ. На такихъ дрожкахъ, или городовомъ тарантасѣ, сѣли: Жиркевичъ, Бестужевъ и я—между ними посрединѣ. Народъ толпился около важныхъ лицъ. Надобно разсказать бывшій передъ тѣмъ случай. Былъ архитекторъ и въ то же время небольшой помѣщикъ Симбирска. Какая-то казенная постройка или починка поручена архитектору; обыкновенно: смѣта, справочныя цѣны. Архитекторъ не расчиталъ, что ему придется имѣть дѣло съ Жиркевичемъ. Обычная увѣренность спеціалистовъ—что̀ тамъ смыслитъ губернаторъ! Жиркевичъ сразу поймалъ не на одной плутнѣ и еще бы ничего, но архитекторъ упорно заспорилъ; Жиркевичъ вспылилъ, вышелъ изъ себя, и архитекторъ дѣйствіемъ вылетѣлъ изъ кабинета и изъ дома. Архитекторъ, какъ помѣщикъ, принесъ жалобу губернскому предводителю. Сначала мы ѣхали почти молча, Бестужевъ очень скромно сказалъ:

— «Ваше превосходительство, вы на дняхъ очень неосторожно выгнали здѣшняго помѣщика».

— Кого это?

— «Архитектора».

— Онъ мошенникъ, воръ.

— «Этотъ мошенникъ всетаки дворянинъ, помѣщикъ, такъ нельзя поступать».

— Мошенникъ, воръ—не имѣетъ званія, я выгналъ подлеца и выгоню всякаго вора.

— «Если такъ будете поступать съ дворянами, то къ вамъ придутъ всѣ дворяне!»

— Я прикажу баталіону выгнать ихъ!

Вижу, закипѣлъ Жиркевичъ, дошло до крупнаго, народъ окружаетъ плотно; я рѣшился войти въ свои права и, не смотря ни на котораго, сказалъ: «Ваши превосходительства, господинъ губернаторъ и господинъ губернскій предводитель! На основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, прошу прекратить разговоръ, унижающій главныя власти; здѣсь не мѣсто, васъ окружаетъ народъ!»

Замолчали оба мои пріятели и молча доѣхали до могилы. Послѣ съ обоими я не коснулся этого случая.

Честный и ретиво-трудолюбивый Жиркевичъ не могъ понравиться симбирскому дворянству, которое было гордо, богато, независимо и дружно. Дворянство привыкло видѣть въ губернаторѣ члена общества, не мѣшая ему быть губернаторомъ. Жиркевичъ не могъ отдѣлиться отъ службы; какъ онъ для общества, такъ и оно для него, не существовали.

Весьма часто я писалъ къ шефу, что Жиркевичъ феноменъ между губернаторами, но въ Симбирскѣ онъ пришелся не по дому. Писалъ, что Жиркевича достанетъ управлять тремя губерніями, стоялъ за его благородную честность, неутомимость, но, какъ губернаторъ, въ Симбирскѣ онъ совершенно нелюбимъ дворянствомъ, которое можетъ уважать губернатора, но когда онъ стоитъ въ головѣ общества и дѣлитъ съ ними удовольствія.

Хлопотавши съ Z., я потерялъ изъ вида дѣла по удѣльнымъ имѣніямъ; доходили до меня слухи о неудовольствіяхъ на удѣльное управленіе, но полагалъ—дѣло новое, еще не освоилось, не надо мѣшать, обойдется. Лишь только я хотѣлъ пощупать осторожно, что дѣлаетъ удѣльная контора, какъ является ко мнѣ лучшій мой унтеръ-офицеръ Варакинъ, посланный мною въ уѣздъ, и разсказываетъ, «что въ татарской деревнѣ Бездна, удѣльныхъ чиновниковъ, съ управляющимъ NN., татары засадили въ пустую избу и заколотили—подъ арестъ. Татаръ на-

бралось множество изъ другихъ деревень, всѣ верхами, скачутъ по полю съ ножами и кистенями, бормочатъ по своему; я въ сосѣднемъ русскомъ селѣ дождался ночи и тихимъ манеромъ освободилъ чиновниковъ».

— За что татары арестовали удѣльныхъ?

— «Ничего не знаю».

Я къ Жиркевичу, ему только что донесъ исправникъ; явился удѣльный управляющій и говоритъ объ ужасномъ бунтѣ. Отъ какой причины бунтъ—покрыто мракомъ неизвѣстности. Я спросилъ Жиркевича, что онъ намѣренъ дѣлать?

— «Поѣду, прочитаю законъ».

— Татары, не понимая русскаго языка, не послушаютъ.

— «Тогда приведу войска».

— Какія?

— «Здѣшній баталіонъ».

— Въ баталіонѣ до 300 человѣкъ, но не наберется здоровыхъ и 100 человѣкъ, остальные калѣки, а ружей кой-какъ годныхъ, съ замками, не найдется и 50-ти, что же вы можете съ этой арміей?

— «Исполню законъ».

— Но вы знаете, что это не только безполезно, но вредно тѣмъ, что татары разъ испытаютъ безсиліе воинской команды, тогда нужна противъ нихъ армія, вѣдь татаръ 40 тысячъ!

— «Что же дѣлать, я долженъ исполнить законъ».

Въ этихъ словахъ выразился весь Жиркевичъ.

Сознавая вредъ отъ буквальнаго исполненія закона, я, у него же въ кабинетѣ, написалъ къ нему конфиденціальное письмо, въ которомъ, изложивъ безсиліе его дѣйствовать противъ взбунтовавшихся татаръ—исполняя буквально статьи закона, и могущій произойти отъ того вредъ, то, въ отвращеніе вредныхъ послѣдствій, я, на основаніи секретной инструкціи, высочайше утвержденной, останавливаю ею дѣйствія по этому дѣлу и принимаю на свою отвѣтственность. Подалъ Жиркевичу, онъ прочиталъ внимательно два раза, спросилъ:

— «Вы не возьмете назадъ?»

— Нѣтъ.

— «Что заставляетъ васъ соваться въ такое рискованное дѣло и брать добровольно на свою отвѣтственность?»

— Безполезность вашихъ дѣйствій и польза отъ моей удачи, вѣдь я русскій человѣкъ!

Жиркевичъ обнялъ меня и сказалъ:

— «Вы честный и благородный дуракъ!»

— Спасибо.

— «На вашемъ мѣстѣ, я бы не взялъ на себя, а вамъ дай Богъ успѣха!»

Татары въ Симбирской губерніи называются лашманы. Это названіе первоначально было, вѣроятно, лоцманъ.

Въ Симбирской губерніи, если не ошибаюсь, находится до 270-ти тысячъ десятинъ удивительнаго корабельнаго дубоваго лѣса, есть сосновыя рощи мачтовыхъ деревъ. Петръ I-й возложилъ на татаръ, по требованію адмиралтейства, нарубить и вывезти на пристань дубы по указанію разныхъ тимермановъ; за это татары-лашманы избавлялись отъ податей и отъ рекрутства. Татарамъ, какъ я узналъ, повинность эта обходилась очень дорого, но азіаты гордились отличіемъ особой привиллегіи отъ христіанъ и охотно исполняли хотя и тяжелую повинность.

Съ переводомъ казенныхъ крестьянъ въ удѣльные, о татарахъ-лашманахъ не было и рѣчи; татары оставались прежними лашманами. Пока я хлопоталъ съ Z., потомъ женился, удѣльная контора. въ тихомолку, стала забирать лашманъ въ свое завѣдываніе, стала предписывать волостямъ. Пока шло дѣло о мелочахъ, татары молчали. Контора неразумно коснулась религіозныхъ правъ татаръ, предписала запретить многоженство. Татары зашумѣли. Удѣльная контора не остановилась, вздумала учредить общественную запашку. Татарамъ показалось, что этимъ равняютъ ихъ съ христіанами, лишаютъ привиллегій и дѣлаютъ удѣльными. Пріѣхали удѣльные чиновники въ большое татарское село Бездну и хотѣли ввести общественную запашку. Татары осатанѣли: Азіаты на коней, кинжалы, кистени, съ гикомъ загнали чиновниковъ въ пустую избу и заколотили. Какъ сказываютъ, жандармскій унтеръ-офицеръ, ѣхавшій случайно мимо, умно освободилъ. Исправникъ докладывалъ, что къ татарамъ и показаться опасно, такъ они взбѣсились.

Чтобы не дать вида и тѣни физической силы, я взялъ съ собою жандарма безъ оружія, татарина Абрешитку, не видного собою, но ловкаго и преданнаго. Пріѣхалъ въ Бездну вечеромъ.

Абрешитка секретно предувѣдомилъ муллу, что я буду у него ночью и чтобы онъ тайно пригласилъ къ себѣ богатыхъ татаръ. Абрешитка имѣлъ инструкцію—увѣрить татаръ и болѣе муллу, что я пріѣхалъ спасать ихъ отъ страшной бѣды. Около полночи Абрешитка провелъ меня закоулками, огородами, къ муллѣ; тамъ я нашелъ человѣкъ девять главныхъ капиталистовъ.

Азіаты—страшно честолюбивый народъ; я вмѣстѣ съ ними пилъ чай, которымъ потчивалъ мулла. Между разговорами, я увѣрилъ ихъ, что мнѣ извѣстно—вся сила народа въ ихъ рукахъ, что народъ, какъ стадо овецъ, повинуется ихъ разуму и силѣ ихъ капитала. Они сказали мнѣ, что въ Бездну собралось до 8-ми тысячъ татаръ. Я сказалъ имъ мудрую и краснорѣчивую рѣчь, въ которой выяснилъ: положимъ, они могутъ не повиноваться удѣльнымъ, даже губернатору, но они знаютъ, что я особый слуга государя, могу потребовать сто тысячъ солдатъ: что̀ тогда будетъ съ ними? Прежде силы, я, любя ихъ и желая имъ добра, нарочно пріѣхалъ тайно переговорить съ ними и вразумить, что вся бѣда оборвется на нихъ, потому что простой народъ повинуется имъ, какъ мурзамъ, князьямъ. Нарисовалъ имъ спокойный и довольный видъ настоящаго и—ссылка въ Сибирь, въ каторгу, а способные—въ солдаты, тогда лишатся своихъ милыхъ красавицъ-женъ и дѣтей, своего капитала; но это случится тогда, когда они, своимъ неповиновеніемъ, лишатъ меня силы помогать имъ. Тутъ они сказали мнѣ, что удѣльные лишаютъ ихъ вѣры Магомета. Я поручился имъ своимъ словомъ, что уничтожу такія распоряженія. Боялись они, что какъ покорятся, то ихъ заберутъ въ тюрьму. Я объявилъ имъ, что если покорятся мнѣ, то у нихъ не будетъ никакого начальника—кромѣ меня, а я даю слово, что безъ меня до нихъ никто не дотронется пальцемъ, а передъ государемъ я буду ходатайствовать за нихъ. Вижу, подѣйствовало мое краснорѣчіе. Я еще усилилъ настоящій рай и будущій адъ, а главное—ударялъ на лишеніе женъ На вопросъ ихъ: чего же ты хочешь, бачка?—Чтобы вы приказали народу покориться.

— Теперь ночь, бачка, ничего не подѣлаешь.

— Я завтра нарочно буду долго спать, то вы успѣете переговорить. Я прикажу сотскимъ собрать весь народъ на полѣ,

вы станьте около меня, и когда я прикажу стать на колѣни, то вы первые становитесь, а далѣе увидимъ.

Татары спросили: а удѣльные пріѣдутъ?

Я увѣрилъ ихъ, что пока они будутъ покорны мнѣ, то одинъ я буду ихъ начальникомъ и до повелѣнія государя другаго начальника не будетъ. Мы еще разсуждали, но надобно было быть очень осторожнымъ съ подозрительными азіатами, одно сомнительное слово могло испортить дѣло.

Утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собрать весь народъ на лугѣ; жандармъ устроилъ небольшой столъ и стулъ, чтобы взлѣзть мнѣ. Самъ я былъ въ сюртукѣ съ эполетами, въ шарфѣ, шляпѣ, но безъ сабли. Абрешитка держалъ мою шинель. Весенній день былъ очень хорошъ. Когда я взлѣзъ на столъ, то, дѣйствительно, была огромная масса ермолокъ. Около самаго стола стояли мои богачи. Я говорилъ, можетъ быть, геніально, но толпа ни слова не понимала. Вдругъ толпа забормотала, зашумѣла. Я крикнулъ: молчать! и потребовалъ покорности. Толпа сердито бормочетъ, я будто зажалъ свои уши и крикнулъ: молчать! Затихло. Я громко, съ разстановкой и, должно быть, торжественно (безъ смѣха не могу вспомнить) сказалъ: еще одно слово и я лишу васъ моего покровительства! Эти грозныя слова ошеломили толпу. Видя вліяніе, я закричалъ: на колѣни! Стоявшіе тузы около стола стали на колѣни, толпа, одни за другими, всѣ на колѣняхъ. Я подумалъ: наша взяла, еще потребую: голову на землю, и я вашъ покровитель! (сильно сказано). Всѣ ермолки легли на землю. Этотъ моментъ нравственной силы и побѣды забыть нельзя. Я помню, можетъ, 20 секундъ посмотрѣлъ на эту картину и промелькнули въ головѣ Чингизъ-ханы, Тамерланы. Приказалъ встать и милостиво объявилъ, что, за ихъ покорность, я одинъ ихъ начальникъ и больше никого нѣтъ. Обрадовались, кричатъ: исправника не будетъ? удѣльныхъ не будетъ?—Никого не будетъ, только я.—Ладно, бачка, ты нашъ, а мы твои, прикажи, не выдадимъ.—Такъ какъ вы отдаетесь подъ мою власть, то намъ нужны условія, по которымъ вы должны повиноваться, а потому выберите депутатовъ, съ которыми я и напишу условія.—Выбрали депутатовъ и изъ сосѣднихъ деревень. Я развернулъ Х-й томъ законовъ и выписалъ земскія обязанности; согласились, подписалъ я и депутаты приложили тамгу. Я

объѣхалъ нѣсколько сосѣднихъ татарскихъ деревень, принятъ былъ съ почетомъ, какъ владѣтельный князь. Когда я возвратился въ Бездну, какъ въ свою резиденцію, мнѣ объявили почетные старики, что они подали за меня болшой записка до Магометъ и что я буду счастливъ. Ничего не понимая, я усердно благодарилъ ихъ и сказалъ, что я былъ бы доволенъ и малой запиской. Они удивились моему невѣжеству и растолковали, что, по малой запискѣ, я пошелъ бы тоже въ рай, но сзади, а по большой запискѣ пойду впереди. Я опять, какъ невѣжа, не понялъ. По моему, быть въ раю первому или послѣднему—все равно. Этому непонятію татари еще болѣе удивились и внушительно объяснили мнѣ: послѣднему достанутся изъ гурій оборыши, тогда какъ первый выберетъ лучшенькихъ, и примигнули.

Вотъ она, въ лицахъ матеріальная Азія! Понявъ прекрасный даръ татаръ, я преусердно благодарилъ моихъ новыхъ друзей. Но такъ какъ у меня много важныхъ дѣлъ, то я долженъ уѣхать въ Симбирскъ, а чтобы никто не обидѣлъ ихъ, то я пришлю къ нимъ моего адъютанта, черезъ котораго и буду присылать мои приказанія; но и этого мало: для моего спокойствія, чтобы хотя разъ въ недѣлю присылали ко мнѣ посланниковъ, отъ которыхъ я и буду знать, все ли у нихъ благополучно. Титулъ посланника очень понравился честолюбивымъ азіатамъ.

Возвратясь въ Симбирскъ, я немедля видѣлся съ Жиркевичемъ и разсказалъ ему комично фарсъ на полѣ и успѣхъ—но подготовку скрылъ. Жиркевичъ, слушая, только покачивалъ головою и сказалъ:

— «Вы поступили какъ сумасшедшій, но успѣхъ оправдываетъ все. Поздравляю васъ. Видно, вы родились въ сорочкѣ».

Мы уговорились, чтобы безъ моего билета никакой чиновникъ не заглянулъ къ татарамъ.

Я хотѣлъ послать къ шефу по почтѣ, но узналъ, что NN. два дня уже ускакалъ въ Питеръ. Боясь, что онъ обезпокоитъ государя своими разсказами, въ Питерѣ могутъ принять серьезно, вѣдь Симбирскъ знакомъ съ Пугачевымъ, губернія, въ которой никогда не квартировало войско, да мало ли что можно подумать слушая такого храбреца, какъ NN., которому выгодно было до крайности раздуть бунтъ для оправданія себя. Принявъ все въ соображеніе, я послалъ жандарма курьеромъ,

съ подробнымъ донесеніемъ, въ которомъ изложилъ причины волненія, его размѣры и мѣры для его утишенія, мною принятыя.

Пока ѣздили курьеры, я важно принималъ посланниковъ. Чтобы быть въ глазахъ татаръ почтеннымъ, я сшилъ себѣ халатъ такихъ яркихъ цвѣтовъ, что глазамъ было больно. Докладываютъ: посланники пріѣхали. Для меня выносили кресла, а для посланниковъ стулья. Облекшись въ халатъ, я важно усаживался на крыльцѣ, а посланники на дворѣ. Послѣ докладовъ о благополучіи, шли разсужденія о внутренней политикѣ. Я боялся какихъ нибудь происшествій, требующихъ слѣдствія, моя политика была: я—власть и нѣтъ другой власти. Татаринъ укралъ у татарина деньги и сѣдло, произошла драка, вору вышибли глазъ. Резолюція: ворованное сполна возвратить и, по приговору выбранныхъ судей, на общемъ сходѣ и при обиженномъ, вора высѣчь строго. Пока я былъ властитель, я установилъ въ каждой деревнѣ американскій линчь, но съ моимъ утвержденіемъ, и шло хорошо. По окончаніи всѣхъ дѣлъ, посланники угощались чаемъ. Важно откланиваясь, отправлялись въ свои села довольными, а тамъ разсказовъ—на недѣлю.

Вечеромъ является курьеръ съ конвертомъ, мнѣ предписано быть въ распоряженіи генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта князя Лобанова-Ростовскаго.

Въ полной формѣ явился немедля князю. Князь принялъ меня очень сухо, даже не всталъ, не поздоровался и не пригласилъ сѣсть.

— «Что у васъ тутъ за безпорядки?»

— Какіе, ваше сіятельство?

— «По какой причинѣ ваши татары бунтуютъ?»

— Татары не мои, не бунтуютъ; о причинѣ ослушанія могутъ объяснить удѣльные, а мнѣ неизвѣстна.

Пріемъ князя очень оскорбилъ меня, притомъ же я хорошо зналъ себѣ цѣну: безъ меня некому было дѣлать. Я рѣшился проучить питерскаго вельможу. Спросилъ еще что-то князь; я вмѣсто отвѣта, просилъ позволенія удалиться—чувствую пароксизмъ лихорадки, и уѣхалъ.

На другой день, князь рано былъ у Жиркевича; послѣ я узналъ, что Жиркевичъ сказалъ князю: безъ [illegible]

скаго штабъ-офицера трудно что нибудь сдѣлать, все дѣло у него въ рукахъ. Князь подъѣхалъ къ моему дому; я выслалъ адъютанта доложить, что я боленъ и принять не могу, а самъ стою у окна и князь не могъ не видать меня. Князь присылаетъ сказать, что онъ—на нѣсколько минутъ. Отвѣчаю, что лежу въ постелѣ. Князь желаетъ сказать нѣсколько словъ у постели.—Скажите, что я лежу на кровати жены, не могу принять.—Долго стоялъ князь у воротъ; я утѣшался: хоть немного отплатилъ гордецу, еще поклонится. Наконецъ, князь просилъ передать, что онъ имѣетъ крайнюю нужду говорить со мною, чтобы я пріѣхалъ, какъ могу.

Жиркевичъ, отдавая визитъ князю, выслушавъ его разсказы о нежеланіи моемъ видѣться, сказалъ:

— «Мы, провинціалы, очень щекотливы, не обидѣлся ли онъ чѣмъ нибудь?» и повторилъ, что безъ меня не съ кѣмъ дѣлать. Объ этомъ узналъ я послѣ.

Между прочимъ, я узналъ, что князь пріѣхалъ въ дормезѣ съ NN., что мнѣ очень не нравилось. Вечеромъ явился къ князю. Пріемъ другой: встрѣтилъ, подалъ руку и подвинулъ кресло. Послѣ участія къ моему нездоровью, начался разговоръ о бунтѣ татаръ:

— «Объясните пожалуйста мнѣ это происшествіе?»

— Татары арестовали удѣльныхъ чиновниковъ и отказались повиноваться властямъ; узнавъ ожесточеніе татаръ и зная ничтожныя средства губернатора, я рѣшился дѣйствовать лично и остановилъ законныя дѣйствія губернатора.

— «Въ какомъ положеніи теперь бунтъ татаръ?»

— Татары смирились на условіи, чтобы не подчиняться удѣльнымъ.

— «И вы приняли эти условія?»

— Я бы принялъ все, лишь бы укротить озлившихся татаръ, вѣдь ихъ до сорока тысячъ въ губерніи.

— «Вы должны были подчинить татаръ прямому ихъ начальству—удѣльнымъ!»

— Это я предоставляю вашему сіятельству, я не умѣлъ этого сдѣлать.

— «Удѣльное начальство требовало законнаго, они ослушались, то нужно сломить ихъ!»

— Первый разъ слышу, что лашманы подчинены удѣльнымъ. Я исполнялъ волю государя и переводилъ казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ. О татарахъ-лашманахъ не было слова, они пользуются особою привиллегіею и остались лашманами. По какому праву удѣльные вмѣшались въ татаръ? Никто этого не знаетъ, это наглое самоволіе. Сломить татаръ—нѣтъ войска въ губерніи.

— «Государю это угодно!»

— Надобно объявить формально, законнымъ порядкомъ. Лашманы пользуются законною привиллегіею и несутъ весьма тя-лыя обязанности.

— «Я нахожу дѣйствія удѣльныхъ совершенно правильными».

Меня опять взбѣсила такая пристрастная односторонность, я опять почувствовалъ пароксизмъ, прекратилъ разговоръ и откланялся.

Князь послалъ черезъ удѣльныхъ призвать нѣсколькихъ татаръ. Не послушались, а пріѣхали ко мнѣ; я послалъ ихъ съ адъютантомъ къ князю и приказалъ доложить, что это тѣ самые, которыхъ онъ требовалъ чрезъ удѣльныхъ.

Князь нѣсколько разъ въ день приглашалъ меня къ себѣ: болѣнъ! Думаю, поклонишься мнѣ. Когда я видѣлся съ Жиркевичемъ, онъ дружески совѣтовалъ мнѣ поладить съ княземъ. Былъ я у князя: очень, весьма ласковъ, просилъ меня составить планъ, какъ приступить къ дѣлу. Я, ссылаясь на болѣзнь, совѣтовалъ дѣйствовать чрезъ начальство татаръ—удѣльныхъ; онъ поморщился, я указалъ на жандармскаго полковника Ф..., живущаго въ Симбирскѣ безъ дѣла, но Жиркевичъ предупредилъ князя; князь засмѣялся и сказалъ: «мнѣ сказано пользоваться вашею помощью». По моему, князь спустилъ флагъ. Я спросилъ: чего вамъ угодно достигнуть?—«Чтобы татары сдѣлали общественную запашку».—На что планы, планы на мѣстѣ дѣйствія. Попробую устроить это, но съ условіемъ, чтобы теперь не вмѣшались удѣльные. Есть ближайшая небольшая татарская деревня, я сегодня же отправлюсь туда и, если устрою, то дамъ знать. Отъ перваго успѣха или неуспѣха будетъ зависѣть дѣло.

Пріѣхалъ къ татарамъ; опять принялся я за кротость; людямъ побогаче нарисовалъ картину страшныхъ...

ослушанія и спокойнаго довольства съ женами—при покорности, и болѣе убѣдилъ тѣмъ, что я сдѣлаю ихъ начальниками, а работать будутъ простые татары, которые привыкли повиноваться имъ, какъ мирзамъ. Пилъ съ ними чай, они вѣрили, что я ихъ другъ и стою за нихъ. Князя и власть его представилъ могуществомъ отъ земли до неба. Согласились, но болталъ съ ними до полночи.

Немедля послалъ жандарма къ князю и просилъ его пріѣхать до полдня, чтобы въ тотъ же день окончить запашку.

Утромъ собрались татары съ сохами, боронами и съ лукошками черезъ плечо съ зерномъ для посѣва. Ловко настращалъ княземъ; татары говорили, что они надѣются на мою защиту, не то—лучше бѣжать. Научилъ рабочихъ стать на колѣни около орудій, а какъ подъѣдетъ князь, то поклониться въ землю, а подойдетъ, то говорить: помилуйте, ваше сіятельство!

Вижу, далеко по степи несется князь въ коляскѣ шестерней; ближе—вижу съ нимъ сидитъ NN......, меня такъ и передернуло. Я полагалъ, что князь, по моей просьбѣ, проститъ татаръ и на этой радости скорѣй отправится парадомъ самъ на поле, чтобы при себѣ сдѣлать какъ нибудь посѣвъ.

Встрѣча князя была какъ по писанному; татары просили: помилуй, ваше зіятельство! я кланялся и просилъ за татаръ; князь, улыбаясь неожиданному фарсу, простилъ татаръ. Но, вмѣсто того, чтобы при себѣ сдѣлать запашку, князь приказалъ NN...... распорядиться. Я внутренно бѣсился и жалѣлъ, зачѣмъ я поѣхалъ.

NN......, въ мундирѣ, съ шпажонкой, суетливо и радостно повелъ рабочихъ, мы съ княземъ ушли въ домъ. Я сердился и почти не отвѣчалъ князю. Немного погодя, мой Абрешитка подмигнулъ мнѣ, я вышелъ; онъ доложилъ, что всѣ рабочіе, съ явнымъ недовольствомъ, даже съ руганью, разошлись по домамъ. Я не сказалъ князю, но, подъ видомъ духоты, предложилъ прогуляться. Только вышли за ворота, смотрю и едва вѣрю глазамъ: около недалекой мечети, татаринъ сидитъ верхомъ на бѣлой лошади, съ сохою на боку; по правую сторону уцѣпился за поводъ узды NN...... и тянетъ лошадь направо, а татаринъ спокойно дергаетъ лѣвый поводъ; лошадь, слушая хозяина, рысцой бѣгаетъ кругомъ мечети; NN......, придерживая путающуюся шпажонку, въ припрыжку бѣжитъ наравнѣ съ лошадью. Я едва не

расхохотался, но, замѣтивъ, что князь близорукъ, я притворился, что не могу разсмотрѣть какого-то движенія около мечети. Князь въ лорнетъ разсмотрѣлъ, хохоталъ и сказалъ: «вотъ глупѣйшій скандалъ! Прикажите NN....... придти сюда!»

NN......., едва переводя духъ, могъ только сказать: «татары разбѣжались».

Князь сердито сказалъ: «кромѣ одного на бѣлой лошади». Князь обратился ко мнѣ: «что теперь дѣлать?»

— Ничего. Заставить ихъ нельзя. Развѣ NN....... можетъ, а я не могу.

— «Но, однако, что же дѣлать далѣе?»

— Дѣло испорчено, а было направлено хорошо; теперь, что вы прикажите дѣлать?

Князь подалъ мнѣ руку и сказалъ: «ошибка моя, я полагалъ болѣе способности въ NN.......; я долженъ былъ положиться на вашу опытность».

— Ваше сіятельство, неопытность—не преступленіе, а [illegible] NN....... узнаете, что онъ настоящая причина ослушанія этихъ бѣдныхъ людей (статскій совѣтникъ хоть бы слово).

— «Охотно вамъ вѣрю, я видѣлъ опытъ его неловкости».

— Еще повторю, неловкость — не преступленіе, узнаете современемъ.

— «Я не спорю съ вами, но что намъ дѣлать далѣе?»

Я подумалъ: ага, просишь прощенія и по-дѣломъ тебѣ, ну-ка, придумай самъ, что̀ тебѣ дѣлать.—Поѣдемте далѣе, въ [illegible] верстахъ село Бездна, это главная квартира бунта, тамъ и были арестованы удѣльные. За успѣхъ не ручаюсь, но желалъ бы поменьше показывать удѣльныхъ.

— «Мы прикажемъ пріѣхать имъ ночью и вовсе не выходить изъ дома».

Пріѣхали въ Бездну, народу полны улицы; остановились въ домѣ богатаго татарина, огромный крытый дворъ полонъ народа. Князь вышелъ на заднюю галлерею и сказалъ, что его прислалъ государь съ повелѣніемъ, чтобы они повиновались.

Загалдѣли татары всѣ вдругъ. Абрешитка перевелъ, что они сердятся и не хотятъ повиноваться. Князь приказалъ мнѣ переписать всѣхъ имена и фамиліи. Я пошелъ въ средину толпы; знакомые татары смѣются и говорятъ: здравствуй, бачка, [illegible]

вешь? Кого ни спрошу, какъ зовутъ—либо молчитъ, либо отвѣчаетъ: не знаю. Я доложилъ князю.

— «Что же теперь дѣлать?»

— Подождите до завтра, я что нибудь сдѣлаю ночью.

Моимъ пріятелямъ-татарамъ приказалъ прислать: куръ, яицъ, утокъ, масла, все принесли; взялся изготовить лакей князя. Послѣ чая, я ушелъ къ муллѣ, тамъ собрались мои друзья. Не буду передавать долгихъ толковъ, трудно было смягчить отвращеніе ихъ къ удѣльнымъ. Успокоивалъ ихъ тѣмъ только, что я остаюсь защитникомъ ихъ и что я ихъ другъ. Кончилось тѣмъ, что мнѣ удалась опять штука: я обѣщалъ назначить ихъ—кого старшиной, кого ревизоромъ, распорядителемъ, надзирателемъ и проч., составилъ огромный штатъ честолюбивыхъ татаръ, поманилъ могущими быть медалями. Согласились, но просили побить ихъ при народѣ, потому что весь народъ присягалъ не слушаться. Ну, за наказаніемъ дѣло не станетъ.

Съ вечера послалъ нарочнаго въ Симбирскъ съ приказаніемъ прислать на подводахъ 40 солдатъ съ боевыми зарядами, солдатъ назначить изъ поляковъ—это были отличные молодцы-мародеры. Приказалъ быть 10-ти жандармамъ безъ коней.

Пріѣхали команды. Татаръ собралось очень много. Я, будто случайно, взялъ изъ толпы согласившихся со мною ночью, назначилъ имъ должности. Первый—старшина—отказался повиноваться. Я крикнулъ: фухтеля! Два жандарма обнаженными саблями весьма неосторожно ударили разъ пять, упалъ на колѣни побитый; слѣдующимъ по два фухтеля, покорились и говорили толпѣ со слезами въ свое оправданіе. Ружья заряжены при толпѣ (выстрѣлили-ли бы? не ручаюсь). Каждому битому чиновнику далъ по два солдата и, на отвѣтъ чиновника, приказалъ привезти сохи, бороны, сѣяльницы. Чрезъ Абрешитку объявилъ толпѣ, что за ослушаніе не только буду стрѣлять, но сожгу ихъ дома съ женами.

Привели рабочихъ болѣе, чѣмъ нужно. Объявилъ всѣмъ, что если не проститъ князь, то всѣ сгніютъ въ тюрьмахъ. Приказалъ жандармамъ поставить всѣхъ на колѣни, а муллѣ приказалъ читать молитвы, чтобы князь простилъ.

Прихожу къ князю—онъ приготовился къ катастрофѣ: пистолеты заряжены, шашка, сабля острыя, вынуты изъ ноженъ.

Князю сказали о прибытіи командъ, но онъ, проученный уже, не мѣшалъ мнѣ, да и не зналъ, что я дѣлаю. Я пригласилъ князя прощать, и условился—не прощать, пока я не поручусь. Попросилъ его надѣть звѣзды.

Подошелъ князь: «на караулъ!» Барабанщикъ съ дроби сбился на генералъ-маршъ. Я просилъ простить татаръ, князь гнѣвался; я просилъ, просили татары. Князь объявилъ, что онъ не можетъ вѣрить ослушникамъ и спросилъ меня, могу ли я поручиться за нихъ? Я спросилъ татаръ, не выдадутъ ли они меня?

— «Ручись, бачка, не выдамъ».

Князь простилъ, я представилъ мною испеченный штабъ чиновниковъ. Князь утвердилъ. Тутъ же, съ мѣста, отправились парадно на поле, сдѣлали никуда негодную запашку. Богатыхъ татаръ спросилъ: что лучше—въ тюрьму или наказать розгами? Тѣ, переговоривъ съ массой, въ одинъ голосъ отвѣчали: розгами! Близко былъ исправникъ, приказалъ ему дать всѣмъ по 100 розогъ, но за то князь далъ слово татаръ болѣе не трогать, и татары счастливы и совершенно успокоились.

Я просилъ князя ночевать, чтобы узнали татары во всѣхъ деревняхъ. Князь много благодарилъ меня, завидовалъ моему характеру, что изъ серьезнаго дѣла я умѣю сдѣлать фарсъ. Я вышелъ на первый планъ, а NN...... стушевался.

Проѣхали мы всѣ уѣзды, были во всѣхъ татарскихъ деревняхъ, продѣлали фарсъ легче, чѣмъ въ Безднѣ. Всѣмъ татарамъ, для спокойствія ихъ, я назначилъ по 100 розогъ, съ тѣмъ, что не пойдутъ въ тюрьму, а исправники, исполняя наказаніе, взяли по полтиннику, о чемъ я узналъ послѣ. Въ Курмышѣ я такъ напугалъ княземъ старика Ахуна (глава магометанскаго духовенства), что мы боялись, чтобы онъ не умеръ.

Осматривали по пути корабельные лѣса: ничего подобнаго и видѣть нельзя: дубы—2, 3 аршина въ діаметрѣ, стоятъ густо, сплошь. Одинъ дубъ, подъ названіемъ матка, былъ около 4-хъ аршинъ діаметра. Дубъ, упавшій отъ старости, пастухи выжгли больше половины, въ эту арку я прошелъ въ султанѣ и не задѣлъ. Лашманы, чтобы вывезти дубъ на пристань, въ особые для того сани запрягаютъ до 150 лошадей. Двинуть съ мѣста мало 200 человѣкъ и бьются не одинъ день. Я видѣлъ новый двухэтажный амбаръ: дубъ направился на амбаръ и стеръ его,

перешедши черезъ. 270 тысячъ десятинъ такого лѣса Перовскій хотѣлъ пріобрѣсти въ удѣлъ, лишивъ флотъ. Лѣсъ стоилъ иного маленькаго государства, но пока я былъ въ Симбирскѣ—отстаивалъ, а Перовскій—гнѣвался.

Возвратясь въ Симбирскъ, я сдѣлался неразлучнымъ съ княземъ; ему хотѣлось доискаться причины бунта татаръ. . . . . Я попросилъ своихъ друзей-татаръ найти мнѣ хотя одинъ приказъ въ волости отъ удѣльной конторы, о запрещеніи татарамъ имѣть болѣе одной жены. Я зналъ, что NN...... отобралъ и уничтожилъ всѣ приказы. Ночью привезли мнѣ единственный экземпляръ приказа, сохраненный писаремъ на границѣ Казанской губерніи. Я настаивалъ на существованіи распоряженія . . . . я подалъ князю приказъ, подписанный NN......, съ печатью конторы. Боже мой, какъ разсвирѣпѣлъ мой честный князь. . . . .

Мнѣ пріятно вспомнить, что Иванъ Степановичъ Жиркевичъ, принимая искреннее участіе, очень былъ доволенъ моими успѣхами, а подготовка, всетаки, осталась въ секретѣ [1]). Всѣ удивлялись успѣху, видя только наружную сторону дѣла.

Князь Лобановъ-Ростовскій былъ очень красивый мужчина, очень статный, отъ 40-ка до 45-ти лѣтъ, справедливъ и храбръ какъ шпага. Если не ошибаюсь, онъ началъ службу адъютантомъ при князѣ Волконскомъ,—вотъ отчего онъ, можетъ быть, безсознательно, заступался за удѣлъ, но послѣ я узналъ—вся продѣлка отъ Льва Перовскаго черезъ князя Волконскаго. Перовскій былъ вице-президентомъ удѣловъ.

Еще при объѣздѣ татаръ, князь посылалъ курьеровъ, а изъ Симбирска—то и дѣло летѣли курьеры; князь писалъ государю на оторванной страничкѣ маленькой почтовой бумаги и всегда вдоль бумаги и по французски, непремѣнно дѣлалъ помарки: un и une, такъ и посылалъ съ помарками. Моя обязанность была печатать и пломбировать сумку жандарма. Я совѣтовалъ перепи-

[1]) См. отзывъ И. С. Жиркевича о дѣятельности составителя этихъ «Очерковъ и разсказовъ» при усмиреніи волненія лашманъ-татаръ, «Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXIII, «Записки Жиркевича», стр. 41—43. Ред.

сать помарки, онъ отвѣчалъ: «Государь требуетъ отъ насъ дѣла, а не формы»...

Проводилъ я князя до границы губерніи и не дала мнѣ судьба повидаться съ нимъ; былъ я въ перепискѣ съ княземъ, хотя рѣдко.

Пока я хлопоталъ съ лашманами, неудовольствіе росло противъ Жиркевича. Одинъ Жиркевичъ не замѣчалъ того и это потому, что онъ не сознавалъ своей вины (?!) къ обществу, онъ не могъ быть другимъ, какимъ онъ былъ. Я продолжалъ писать, воздавая хвалу честному его трудолюбію, безукоризненной нравственности, высокимъ служебнымъ достоинствамъ, но вреднымъ (!?) для Симбирска. Любить Жиркевича трудно, но не уважать нельзя.

Получено извѣстіе, что государь Николай Павловичъ посѣтитъ Симбирскъ. Не описывать же мнѣ, какъ готовился городъ къ пріѣзду государя: суета, хлопоты, бѣлятъ, метутъ—всегда и вездѣ одинъ порядокъ. Развѣ разскажу весьма важный случай удивительной находчивости частнаго пристава. Въ Симбирскѣ жили двѣ старыя дѣвицы, сестры Ивана Ивановича Дмитріева, поэта и министра. Къ этимъ старухамъ и приступа не было для полиціи; на всякое требованіе полиціи—одинъ отвѣтъ: «да что ты, батюшка, никакъ съ ума сошелъ, развѣ не знаешь, что у меня братъ министръ!» Полиція ретировалась. Деревянный домъ на Покровской улицѣ, чуть ли не ровесникъ Симбирску, дѣвственно существовалъ со своего созданія; улица—одна изъ главныхъ, на пути проѣзда государя, полиція претендовала побѣлить домъ. Частный приставъ лично предъявилъ требованіе и встрѣтилъ неопровержимый аргументъ: «мой братъ министръ». Частный приставъ хотя и былъ ошеломленъ, но важность обстоятельствъ выжала его находчивость; онъ, подумавши, отвѣчалъ:

— «Оно, конечно, у васъ братецъ министръ, я и уважаю, но и у меня дяденька царь Соломонъ, а потому побѣлить извольте».

Этимъ доводомъ такъ озадачились старухи, что покорились и выбѣлили домъ.

Коснувшись почтенныхъ старухъ, сознаюсь въ своемъ плутовствѣ. У этихъ старушекъ-дѣвицъ воспитывалось по племянницѣ, дѣвицы прехорошенькія и уже въ возрастѣ невѣстъ. Ста-

рухи страстно любили своихъ красавицъ, не надышатся на нихъ, утѣха остальныхъ дней старухъ, жизнь которыхъ была связана съ красивою юностью; о замужствѣ племянницъ не могло быть и въ помышленіи, дѣвицы жили въ очарованныхъ замкахъ, знакомыхъ старухи не имѣли, потому что братъ—министръ. Въ нашемъ маловѣрующемъ и развратномъ вѣкѣ побѣждаютъ и Черномора и Бабу-Ягу. Пріѣхали въ отпускъ два гусара (охъ, эти гусары!); говорятъ, будто дѣвицы и не видали гусаръ, а племянницы ушли отъ милыхъ и дорогихъ тетенекъ съ незнакомыми, ушли въ одинъ претемный вечеръ. Объяснить этотъ непонятный казусъ для всѣхъ была задача, но я легко и здраво разрѣшилъ колдовствомъ. Хотя я зналъ гдѣ вѣнчались гусары, но когда сестрицы министра потребовали поймать преступныхъ гусаръ, я разсвирѣпѣлъ. Да, помилуйте: я начальникъ нравственной полиціи и въ моемъ присутствіи смѣютъ совершаться такіе скандалы. Я немедля раздѣлилъ команду на два отряда и на попонкахъ послалъ по двумъ дорогамъ (шагомъ, вмѣсто проѣздки), съ приказаніемъ привезти живыхъ или мертвыхъ—вотъ какъ строго! А колдуны-то вѣнчались возлѣ дома, въ церкви Покрова. Что дѣлать, сплутовалъ и признаюсь. Сестры министра, въ справедливомъ гнѣвѣ, отказали въ наслѣдствѣ преступнымъ племянницамъ и не пускали на глаза, грозно сердились цѣлую недѣлю. Съ шалунами-гусарами совершилась метаморфоза: шалуны превратились въ благородныхъ, добрыхъ помѣщиковъ и въ уважаемыхъ членовъ общества.

За три дня до пріѣзда государя, народъ изъ далекихъ деревень: татары, чуваши, мордва, русскіе, на четыре версты отъ Симбирска заняли почтовую дорогу по обѣимъ сторонамъ, тутъ и ночевали.

Государь пріѣхалъ передъ сумерками, занялъ домъ губернатора. Съ пріѣздомъ государя, весь народъ города и съ дороги наполнилъ большую площадь передъ домомъ губернатора и около собора. Жандармы, полиція были спрятаны въ сосѣднихъ домахъ, но тишина и благонравіе толпы были образцовыя во все время. На другой день утромъ назначенъ пріемъ.

Вотъ память мнѣ измѣнила—въ день пріѣзда государя или передъ тѣмъ, полученъ указъ объ увольненіи Жиркевича? Не помню. О себѣ скажу, что я усердно готовился и хотѣлъ быть

умнымъ, голову свою наполнилъ статистикою губерніи до точности, чуть ли я ни могъ отвѣчать, сколько въ губерніи тараканов; пути сообщенія, торговля, промыслы—все какъ на ладони. Но вышло, что я оказался ...... вотъ увидите. Я зналъ, что мой шефъ, гр. Бенкендорфъ, не щеголялъ памятью; въ мое время въ Питерѣ, дѣлая визитъ французскому посланнику и не имѣя съ собою карточки, приказалъ швейцару записать, а на вопросъ: какъ прикажите?—графъ забылъ свою фамилію, да уже графъ Орловъ ѣхавши крикнулъ: Бенкендорфъ! Графъ поскорѣй вернулся, твердя свою фамилію, и записался. Для представленія, я написалъ записочку своей фамиліи и адъютанта. Графъ благодарилъ. Дворянъ было столько, сколько могла вмѣстить большая зала; дворяне помѣщались около стѣны съ окнами, а служащіе у противной стѣны.

Государь вышелъ къ дворянамъ и весело сказалъ:

— «Ого, вижу, что я пріѣхалъ въ черноземную губернію такой ростъ не вездѣ встрѣчается!»

Нарочно или случайно, съ головы ряда стояли человѣкъ 18 ростомъ выше государя. Представлять дворянъ долженъ былъ губернскій предводитель. Мой другъ, предводитель дворянства Бестужевъ, былъ въ генеральскомъ мундирѣ. Лакей догадался списокъ дворянъ положить въ задній карманъ мундира. У моего друга такъ была развита нѣкоторая часть тѣла, что, при всемъ усиліи, руки предводителя не доставали до кармана. Я съ удовольствіемъ готовъ былъ помочь страдательному положенію друга, но самъ стоялъ во фронтѣ. Государь улыбаясь ожидалъ. а списокъ такъ и остался въ карманѣ. Жиркевичъ былъ въ залѣ, какъ любитель, въ вицъ-мундирѣ. Я долженъ замѣтить что Жиркевичъ былъ, противъ обыкновенія, оживленъ и былъ какъ дома. Видя страдательное и безвыходное положеніе губернскаго предводителя, Жиркевичъ подскочилъ и сказалъ государю:

— «Я попробую представить вашему величеству».

Пошелъ по ряду, называя фамиліи. Правда, онъ называлъ Ивана Петромъ, а Кузьму Степаномъ, но шелъ смѣло, не останавливаясь. Государь остановился передъ бодрымъ старикомъ Петромъ Петровичемъ Бабкинымъ и сказалъ:

— «Вашего мундира и я не знаю, скажите, какой это мундиръ?»

— Вѣчной памяти матушки Екатерины, капитана Преображенскаго полка.

Государь поклонился и сказалъ: «Славнаго вы роста».

— Я, государь, былъ выше, но осѣлъ.

— «Какъ это?»

— У меня обѣ ноги прострѣлены.

Государь съ милостивою улыбкою поклонился.

Какъ попало Жиркевичъ кончилъ представленіе, а капризный списокъ такъ и не явился на свѣтъ. Государь былъ очень милостивъ и веселъ; обратясь къ дворянамъ, сказалъ:

— «Господа, скажите, кто у васъ былъ лучшимъ и любимымъ губернаторомъ?»

Въ одинъ голосъ отвѣчали: «Жмакинъ!»

Государь обернулся къ Бенкендорфу и сказалъ: «вотъ видишь, графъ Александръ, можно быть взяточникомъ и любимымъ».

Государь подошелъ къ нашей сторонѣ, я стоялъ на флангѣ. Графъ Бенкендорфъ, представляя меня, сказалъ: «жандармскій штабъ-офицеръ, въ Симбирской губерніи находящійся (смотря на эполеты), подполковникъ.... подполковникъ».... вижу, что графъ данную ему мною записку мнетъ въ правой рукѣ, но забылъ и фамилію и бумажку. Государь улыбался и милостиво сказалъ:

— «Вы Стоговъ?»

Я поклонился.

Государь изволилъ спросить: «сколько лѣтъ вы здѣсь служете?»

Я былъ готовъ отвѣчать на самые трудные и сложные вопросы и, какъ камчадалъ, не предполагалъ, что государи такъ просто спрашиваютъ; хорошо помню, первая цифра пролетѣла сквозь голову—8, за ней 80, 800, никакъ не поймаю мысль, стою и молчу, чувствую—кровь приливаетъ къ головѣ, стою и молчу, какъ ...... умникъ. Государь очень милостиво, съ его невыразимо привлекательной улыбкой, тихо сказалъ:

— «Ну, чтожъ вы молчите? Вы здѣсь служете три года, я помню васъ и доволенъ вами, продолжайте служить».

Я только кланялся, но можно вообразить, какъ я былъ недоволенъ собою. При привычной находчивости моряка, вдругъ на меня нашелъ столбнякъ. Я бы объяснилъ причину, но боюсь быть еще глупѣе. Чиновниковъ представлялъ Жиркевичъ; на

лѣвомъ флангѣ стояли удѣльные, государь не позволилъ представить ихъ и сказалъ:

— «Идите, я изъ васъ—единицы—сдѣлаю четыре нуля».

По окончаніи представленій, государь, обращаясь къ Жиркевичу, сказалъ:

— «Къ тебѣ не идетъ статское платье», а къ графу Адлербергу: «надѣнь на него военный мундиръ». Потомъ сказалъ Жиркевичу: «я даю тебѣ славную губернію, Витебскую, тамъ у меня лучшіе два элемента: жиды и поляки, поляки и жиды».

Слушая это, я чувствовалъ себя награжденнымъ.

Послѣ представленія назначено быть въ соборѣ. Графъ Бенкендорфъ приказалъ мнѣ очистить соборъ:

— «Государь не любитъ, чтобы очень много было».

Государя всѣ хотѣли видѣть; мужчины представлялись, понятно, дамы избрали для себя церковь. Очистить церковь полную дамъ, выгнать сливки симбирской интеллигенціи — дамъ, отъ покровительства которыхъ зависитъ мое спокойствіе, мое существованіе, моя сила, мой успѣхъ, мое счастіе! Прогнавши дамъ, остается повѣситься. Велятъ очистить церковь—пренепріятная задача, отъ которой—хоть въ Волгу. Говоря о тѣснотѣ, выражаются: некуда упасть яблоку, а я увѣряю, въ церкви дамы, дамы и только дамы, да такъ плотно, что и булавкѣ упасть некуда. Насилу я пробрался въ алтарь; тамъ архіепископъ съ причтомъ въ облаченіи. Я, какъ можно громче, сказалъ:

— Владыко, государь не будетъ въ соборѣ, онъ изволитъ слушать обѣдню у Николая (кажется такъ, маленькая церковь близко дома губернатора).

Архіепископъ сказалъ: «Ну, братія, такъ пойдемъ, собирайтесь, да не забудьте чего нибудь».

Какъ услышали дамы мои слова, такъ и бросились изъ собора, чтобы захватить мѣста у Николы. Я тихонько приказалъ архіерею остаться, церковь запереть и поставилъ трехъ часовыхъ—не пускать, такъ и выпутался. Послѣ, во время службы, я пускалъ дамъ по немногу, оказывая дружеское покровительство.

Послѣ церкви—разводъ. Я очертилъ вѣрно симбирскій баталіонъ. Корпусный Капцевичъ заранѣе присылалъ по ночамъ изъ разныхъ баталіоновъ для показа государю. Передъ представленіемъ, я составилъ записку о ловкости Капцевича и подалъ

шефу. Государь дѣлалъ смотръ. Жандармы на лошадяхъ и полиція едва сдерживали народъ. Бенкендорфъ, Адлербергъ, флигель-адъютанты, я—человѣкъ семь—стояли кучкою, въ сторонѣ, къ срединѣ площади. Кончивъ ученье, государь скомандовалъ:

— «Рязанцы, орловцы, нижегородцы, ... впередъ!» Вышли, молодецъ къ молодцу.

Государь выбралъ всѣхъ въ гвардію, а окружному генералъ-маіору Мандрыкѣ сказалъ: «отправить всѣхъ на счетъ Капцевича, а съ нимъ я расчитаюсь».

На другой день, чрезъ Бенкендорфа, дворяне просили расквартировать одинъ корпусъ войскъ. Государь весело сказалъ:

— «Вамъ жениховъ надо? Хорошо, подумаю».

На третій день сказалъ: «какъ ни расчитывалъ, не могу, слишкомъ далеко отъ всѣхъ границъ».

Когда государь приказалъ подать экипажъ, народъ прорвалъ цѣпь и, придя въ изступленный восторгъ, наполнилъ плотно пространство между государемъ и экипажемъ; насъ такъ сдавили, что мы едва не задыхались; у ногъ Бенкендорфа разрѣшилась женщина. Бенкендорфъ, уже привычный къ восторгамъ народа, но и тотъ испуганно сказалъ: «да что же это будетъ, это сумасшедшіе». Я сказалъ: пока не сядетъ государь, намъ ничто не поможетъ. Долго пробирался государь къ экипажу и тотъ къ государю; народъ, дѣйствительно какъ безумный, не помнилъ себя, молился на государя, ложился къ ногамъ, но только государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ, мы остались одни. За экипажемъ все бѣжало, обгоняли и крестились, шапки, полушубки валялись на землѣ, восторгъ былъ невыразимый. Замѣчу, послѣ многихъ я спрашивалъ, для чего всѣ бѣшено бросились къ государю по окончаніи смотра? Единогласно отвѣчали: всѣ слышали, какъ государь крикнулъ: «Народъ мой, ко мнѣ!»—чего, конечно, не было.

Помню, одинъ разъ, при выѣздѣ государя изъ дома, какая-то женщина побѣжала передъ лошадьми, платокъ съ головы сняла, машетъ имъ и кричитъ ура! Вдругъ споткнулась и упала почти подъ ноги лошадей и давай кричать караулъ. Бенкендорфъ бросился къ кучеру и осадили лошадей. Государь очень смѣялся. Отъ «ура» до «караулъ»—одинъ шагъ.

Замѣчу, во все пребываніе государя я не видалъ ни одного пьянаго.

Государь пробылъ въ Симбирскѣ трое сутокъ; дворяне не забудутъ милостиваго и ласковаго вниманія государя. Въ городѣ остались памятники: прекрасный спускъ къ Волгѣ, площадь около собора превратилась въ гулянье съ кустарниками и дорожками, но всего не разсказать и не припомню.

Государь уѣхалъ, помѣщики разъѣхались хозяйничать и охотиться, все затихло, одни удѣльные чувствовали себя нулемъ съ минусомъ. Жиркевичъ съ большимъ чувствомъ простился со мною; не знаю, догадывался ли онъ, что я стоялъ за него горою, между нами не было слова. Какъ пріѣхалъ онъ невидимкою, такъ незамѣтно и уѣхалъ.

Пока не пріѣдетъ новый губернаторъ, я что нибудь разскажу, а разсказовъ—безъ конца.

Симбирская губернія хлѣбная, нищихъ въ Симбирскѣ почти не было. Вдругъ быстро стали наполняться улицы, церкви—нищими. Причинъ не было, урожаи обильные, а нищихъ все прибавляется. Одной старухѣ я часто подавалъ копѣйку, и однажды спрашиваю: на чтò тебѣ, старая, деньги: вонъ котомка полна хлѣба?

— «Какъ же, мой родненькой, намъ безъ денегъ нельзя».

— Зачѣмъ?

— «Какъ зачѣмъ? какъ не заплачу, то либо выгонятъ, либо въ тюрьму угожу».

— Что ты врешь, старая, грѣшишь: кто съ тебя возьметъ?

— «Какъ кто возьметъ, не заплати-ка я 40 коп. въ недѣлю, то ты, батюшка, только бы и видалъ меня; не вру я, всѣ платятъ, другіе и больше меня».

— Кому же ты платишь, старая корга?

— «Да вонъ этому полицмерскому, всѣ платятъ и я плачу».

— Да васъ много, онъ не упомнитъ.

— «Какое не упомнитъ, на то у него книжка, тамъ каждый на счету».

Это обратило мое вниманіе, я распорядился—украсть книжку у полицмерскаго.

Новый полицмейстеръ, не помню фамиліи, былъ ротмистръ по кавалеріи, по наружности щеголь. Книжка у меня въ ру-

нахъ—прелюбопытная. Нѣсколько сотъ нищихъ (сколько—забылъ) записаны по именамъ, многіе отмѣчены чѣмъ искалѣчены, всякій, по степени лѣтъ, калѣчества, оцѣненъ еженедѣльной податью; были и такіе, что платили 80 коп.: это безъ обѣихъ ногъ. Аккуратность замѣчательная: кто не доплатилъ 3 копѣйки, отмѣтка на полѣ: доплатить въ такой-то день.

Я написалъ шефу, что обязанность всякаго русскаго патріота выдвигать на пользу государства генія, могущаго принести пользу государству. Случайно я открылъ въ симбирскомъ полицмейстерѣ удивительную финансовую способность, геніальную голову, могущую обогатить казну безъ отягощенія общества. Описавъ всю продѣлку и приложивъ, какъ фактъ, книжку, просилъ покровительства ему и взять его изъ Симбирска, гдѣ геніальность его не можетъ имѣть полнаго развитія.

Полицмейстеръ вытребованъ въ Питеръ, улетучился и далѣе не слыхалъ о немъ. Вотъ и такіе бываютъ артисты.

Саратовскій помѣщикъ Петръ Ивановичъ Богдановъ, осенью, выѣхалъ на охоту изъ Саратова въ поле, съ собаками; куда бѣжали зайцы и лисицы, туда и Богдановъ ѣхалъ съ охотою; такъ за зайцами и лисицами доѣхалъ до Симбирска, гдѣ захватила его зима. Между Саратовымъ и Симбирскомъ до 400 верстъ по почтовой дорогѣ. Богдановъ остался зимовать въ Симбирскѣ. Богдановъ хорошъ собой, богатъ, щеголь, танцоръ, немного поэтъ—быстро сталъ необходимымъ членомъ общества, познакомился и я съ нимъ. Однажды Петръ Ивановичъ приходитъ ко мнѣ. Весьма ловко, искренно и прилично объясняетъ, что онъ очень любитъ играть въ карты, но ничего не любитъ дѣлать тайно: пришелъ просить позволенія играть. Я подумалъ: не позволю —будутъ играть скрытно, ловить ихъ—низко, я согласился дозволить, но съ условіемъ: по окончаніи игры, каждое утро сообщать мнѣ, чѣмъ кончилась игра, и если я признаю, что нужно возвратить проигравшему, то исполнить, въ чемъ и прошу дать мнѣ честное слово. Богдановъ протянулъ руку и далъ честное слово; я добавилъ, что если буду обманутъ разъ, то условіе прекращается. Богдановъ подтвердилъ. Кто будетъ играть? Онъ назвалъ 8 человѣкъ, людей богатыхъ, молодыхъ, независимыхъ. Я не находилъ препятствія.

Однажды приходитъ утромъ и говоритъ: вчера К. проигралъ

30 тысячъ. К. было только 18 лѣтъ, сынъ богатыхъ родителей, но не отдѣленъ; отецъ въ большихъ связяхъ въ Питерѣ, много надѣлаетъ шума; какъ несовершеннолѣтнему, я попросилъ деньги возвратить. Въ тотъ же вечеръ проиграли ему обратно. Обыграли ремонтера, тоже возвратили. Я видѣлъ пользу въ дозволеніи. Игроки были молодежь, люди образованные, веселые шалуны, необходимые въ обществѣ.

На Троицу бываетъ большая ярмарка въ Корсунѣ, куда выводилось до двухъ тысячъ заводскихъ лошадей. Я—комендантъ ярмарки. Богдановъ, съ своею партіею игроковъ, просятъ позволенія покутить три дня. «Господа, могутъ быть жалобы, моя обязанность, мой долгъ, быть справедливымъ и строгимъ».— «Мы ручаемся чѣмъ угодно, жалобъ не будетъ, мы не дѣти».—«Ну, смотрите, чтобы не было худо, кутите». Слышу, дѣйствительно кутятъ, но никто не жалуется; конечно, главную роль играли красавицы. На третью ночь меня будятъ: пожаръ! Ярмарка вся составлена изъ плетня, лавки крыты лубомъ и рогожами, вся ярмарка вспыхнетъ, какъ порохъ. Бѣгу, и что же я нашелъ: кутиламъ недостало вина; французъ, торгующій винами, заперъ магазинъ и легъ спать. Кутилы поотдаль домъ обложили соломой, человѣкъ 100 поставили съ водою кругомъ соломы, ночь была совершенно тиха; солому зажгли и отворили ставни у оконъ француза; тотъ, увидавъ пожаръ, торопился спасать и выкидывалъ ящики съ виномъ, что и нужно кутиламъ. Солома къ приходу моему была потушена. Французъ не жаловался, а я прекратилъ кутежъ.

Одинъ близкій мнѣ человѣкъ,—не назову его, онъ еще здравствуетъ,—страстно любилъ играть и проигрывалъ постоянно. Я взялъ слово съ Богданова не играть съ нимъ. Этотъ близкій мнѣ человѣкъ гостилъ у меня. Я былъ въ гостяхъ; даютъ мнѣ знать, что гость мой два раза пріѣзжалъ за деньгами и подгулявши. Я отправился къ Богданову; помню, онъ жилъ въ Кирпичномъ переулкѣ, отдѣльный новый домъ въ три окна. Сквозь ставни огня не видно и ничего не слышно, суконныя шторы, ворота на запорѣ. Тишина. Заборъ очень высокъ; я своему кучеру приказалъ нагнуться и съ плечъ его прыгнулъ черезъ заборъ. На дворѣ много саней, но ни одного кучера; я отперъ ворота а кучеру приказалъ стоять у крыльца. Въ прихожей

куча шубъ и никого. Въ залѣ, со стаканомъ шампанскаго, старый грѣшникъ, проигравшійся коноводъ; въ боковой комнаткѣ, съ свѣчою и съ книгою подъ мышкою, маклеръ. Старый грѣшникъ хотѣлъ сказать: «полк...», я пригрозилъ. Вхожу въ другую комнату, Богдановъ мечетъ банкъ, кругомъ стола человѣкъ шесть. Только увидалъ меня Богдановъ, задрожали руки и карты разсыпались; остальные господа всѣ нагнулись подъ столъ и что-то ищутъ. Я только сказалъ: «вы, Петръ Ивановичъ, нарушили свое слово», собралъ со стола всѣ деньги, засунулъ пьяненькому моему гостю въ карманъ, взялъ его подъ-руку и пошелъ съ нимъ вонъ. Въ комнатахъ была страшная жара. Я расчитывалъ на быстрый ударъ. Моя шуба была въ саняхъ, я моего гостя, безъ шапки, завернулъ въ свою шубу. Богдановъ вышелъ съ товарищами и на морозѣ опомнились: «да, позвольте, полковникъ, такъ нельзя». Пошелъ! Слышу, гонятся за мною съ бубенчиками. Улицы глухія, безъ фонарей, я велѣлъ пустить въ карьеръ до фонарей, Уложилъ гостя спать, а самъ явился гдѣ былъ въ гостяхъ. Никто и не замѣтилъ моего отсутствія.

На другой день, утромъ, является Богдановъ, блѣдный, сконфуженный.

— «Полковникъ, чѣмъ же это кончится?»

— Что такое, мой другъ?

— «Да что, вы были вчера вечеромъ?»

— Это у Петра Антоновича Ахматова? Тамъ играли въ фанты.

— «Я говорю не объ Ахматовѣ, а что вы были у насъ».

— Милый другъ, если ты не пьянъ, то вчера перепилъ и бредишь. Я отъ Ахматова не отлучался, что засвидѣтельствуетъ тебѣ все общество.

— «Да помилуйте, мы не сумасшедшіе. Я пришелъ спросить, чѣмъ вамъ угодно кончить?»

— Что̀ такое кончить, я не понимаю?

Долго я тарантилъ, дурачилъ его; когда онъ сталъ просить прощенія и извинялся тѣмъ, что они два раза прогоняли того, съ кѣмъ я не приказалъ играть, но онъ побожился, что вы дозволили ему играть. Тогда я объяснилъ Богданову, что никто не долженъ знать, что я былъ у нихъ, въ противномъ случаѣ, я обязанъ исполнить свой долгъ, а вы знаете какой?

— «Знаемъ, въ тюрьму, но на этотъ разъ простите».

— Охотно прощаю, но кажется, я захватилъ деньги? (тысячи двѣ).

— «Что о деньгахъ, мы ему еще бы вдвое дали, только бы онъ не приходилъ къ намъ».

— Ну, Петръ Ивановичъ, на этотъ разъ дѣло кончено, будьте осторожны.

— «Полковникъ, я почитаю и всѣ любимъ васъ, умоляю, не пріѣзжайте такъ неожиданно и одни; впрочемъ, мы приняли мѣры».

— Какія мѣры ни принимайте, но нарушите условіе—я буду у васъ.

— «Не совѣтую и умоляю: не являйтесь одни, какъ вчера».

— Это почему?

— «Намъ исходъ одинъ, мы за себя не отвѣчаемъ».

— Ха, ха, ха, что̀ вы говорите, а у кого вчера la main дроже и разсыпались карты? А что такое искали господа подъ столомъ? Всѣ вы струсили.

— «Клянусь вамъ, полковникъ, мы гнались вчера за вами, рѣшившись на крайнюю мѣру».

— Все вы врете, вы видѣли меня безъ сабли, а не видали двухъ двухствольныхъ пистолетовъ, спрятанныхъ въ карманахъ, да у кучера ножикъ въ аршинъ (все я совралъ). Куда вамъ!

Я простилъ и игроки болѣе не нарушали моего условія. Богдановъ послѣ былъ губернскимъ предводителемъ въ Саратовѣ; онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что, за соло въ кадрилѣ, мать давала ему 10 тысячъ; у старухи былъ большой кованный сундукъ, полный денегъ. Недавно я получилъ письмо изъ Саратова, что уже лѣтъ десять, какъ Богдановъ умеръ, проигравшись. Обыкновенная доля игроковъ!

Не помню точно времени, привезли въ Симбирскъ изъ Тифлиса царевну Тамару, подъ мой строгій надзоръ. Не подумайте, что эта Тамара подобна Тамарѣ Лермонтова, нѣтъ, непохожа. Длинная, узкая въ плечахъ и вся ровная до конца ногъ, лицо длинное, чисто армянское, лѣтъ подъ 50. Привезли плачущую, и сколько разъ ни навѣщалъ ее, видѣлъ плачущею и всегда въ одной позѣ: съ своею служанкою сидятъ на полу и раз-

бираютъ спутанный разноцвѣтный шелкъ. Нельзя было не бывать у ней, а идти—наказаніе: не люблю плачущую женщину, еще бы хорошенькую, да и то не надолго, молоденькія слезы не горьки. Не буду утверждать, долго ли надоѣдали мнѣ слезы Тамары, но, въ пріѣздъ государя, я рѣшился хлопотать сбыть съ рукъ плаксу. Составилъ пречувствительную записку и молилъ графа Бенкендорфа доложить государю о помилованіи Тамары; это было вечеромъ, графъ отвѣчалъ: «убирайся, спать хочу, поди къ Адлербергу, онъ ходатай за всѣхъ ......». Я къ добрѣйшему изъ добрыхъ, графу Адлербергу; подавъ записку, сталъ неотступно просить его. Трудно вѣрить, но прошу не сомнѣваться: прося графа Адлерберга, у меня капнуло слезъ пятокъ, право такъ! Графъ съ участіемъ спросилъ: вы такое близкое принимаете участіе? Я не сказалъ, что она мнѣ надоѣла. Благодѣтельный графъ тотчасъ пошелъ къ государю и вынесъ помилованіе Тамарѣ. Я приказалъ разбудить ее и объявилъ ей радость. Не буду разсказывать о сценѣ ея благодарности, право, и тутъ ничего не было пріятнаго. Черезъ 4 дня отправилъ царевну съ жандармомъ въ Тифлисъ, тамъ выѣхали 20 каретъ встрѣчать ее. Ну и дай Богъ ей здоровья!

Пишетъ Дубельтъ: «подъ твой надзоръ назначенъ бывшій волынскій губернскій предводитель, графъ Петръ Мошинскій. Облегчи его положеніе, что отъ тебя зависитъ».

Является Мошинскій, небольшаго роста, съ самымъ добрымъ и скромнымъ выраженіемъ въ лицѣ; мнѣ казалось, что его забила судьба, но нѣтъ, онъ таковъ отъ рожденія; ему лѣтъ 35, плѣшивъ, хорошо образованъ. Сосланъ былъ въ Тобольскъ за 14-е декабря. Въ первый же часъ я спросилъ его: «чего онъ хочетъ?» Онъ не вдругъ отвѣчалъ: «я не знаю, чего я могу желать». — Какое ваше самое большое желаніе? Онъ послѣ признался мнѣ, что ему очень забавно казалось, что какой-то подполковникъ такъ самонадѣянно спрашиваетъ, когда первыя лица въ государствѣ ничего не могли для меня сдѣлать, но отвѣчалъ: мое желаніе одно—сблизиться съ женою и дочерью. «Ну, вотъ, видите-ли, я черезъ 4 мѣсяца подвину васъ къ вашей семьѣ, но съ условіемъ: вы должны всякій день непремѣнно являться ко мнѣ, дабы я не лгавши могъ сказать, что я всякій день вижу

васъ. Я не всегда свободенъ, но вотъ вамъ комната, книги и трубка. Исполните вы, исполню и я».

Рѣдкую почту не писалъ я о Мошинскомъ и писалъ правду: что онъ вполнѣ раскаялся, искренно преданъ государю и Россіи, сознаетъ глубоко безуміе поляковъ и проч. Прогрессивныя мои донесенія выходили ладны и я собирался повести атаку—выслать Мошинскаго на югъ. Вдругъ курьеръ: графъ пишетъ, чтобы я употребилъ все искусство, осторожно, но непремѣнно убѣдить Мошинскаго подписать прилагаемую бумагу. Читаю. Это не болѣе, не менѣе—согласіе Мошинскаго на разводъ съ своею женою. Графъ оканчиваетъ, что онъ надѣется на мою деликатность и участіе къ положенію Мошинскаго.

Я даже не вдругъ и сообразилъ, что̀ мнѣ дѣлать. Мошинскій только и мечталъ о счастіи увидаться съ своею семьею, а я долженъ—осторожно, деликатно, съ участіемъ, поднести для его подписи разводъ съ любимою имъ женою! Прежде всего я мысленно проклялъ всѣхъ полекъ (теперь приглядѣлся и не проклинаю). Не стану разсказывать, какъ я хитрилъ, подготовляя бѣднаго Мошинскаго, но конецъ концовъ тотъ: несчастный, чтобы подписать, падалъ два раза въ обморокъ, подписалъ и заболѣлъ. Желая сколько нибудь вознаградить Мошинскаго, я каждую почту просилъ о переводѣ Мошинскаго на югъ, добылъ и послалъ свидѣтельство доктора, что необходимъ для него теплѣе климатъ. Ровно черезъ три мѣсяца со дня прибытія ко мнѣ Мошинскаго, онъ переведенъ въ Черниговъ, куда и выѣхала къ нему дочь.

Съ этого времени я забылъ о Мошинскомъ. Я—въ Кіевѣ. Въ 1839 году ко мнѣ на квартиру явился какой-то полякъ и объясняетъ, что меня очень любитъ Петръ Мошинскій.

— «Гдѣ теперь Петръ Мошинскій?»

— Онъ съ дочерью въ Черниговѣ.

— «Что же вамъ отъ меня нужно?»

— Я ѣду къ Мошинскому, желаю быть управляющимъ въ одной изъ его деревень, прошу отъ васъ рекомендательнаго письма.

— «Письма вамъ не дамъ, потому что васъ не знаю; поѣзжайте, скажите Петру, что я его люблю и что мы скоро увидимся, онъ дастъ вамъ мѣсто и безъ письма».

Перевести Мошинскаго въ Кіевъ мнѣ было не трудно: тогда

болѣе сотни поляковъ разослали по заговору Канарскаго. Мнѣ не трудно было убѣдить Бибикова, для примиренія съ дворянами, представить о пользѣ перевода Мошинскаго въ Кіевъ. Дозволено. Мошинскій бросился ко мнѣ на шею и со слезами радости называлъ меня своимъ благодѣтельнымъ провидѣніемъ. Дочь его — предоброе дитя. Явился графъ Ш....къ; мнѣ крайне не нравился, но какія-то старинныя фамильныя связи—дочь Мошинскаго вышла за Ш....ка, который сдѣлалъ ее несчастною, промоталъ ея одиннадцать тысячъ душъ крестьянъ и бросилъ ее, бѣдную!

Передъ свадьбой, я же хлопоталъ и писалъ представленіе о помилованіи Мошинскаго. По симбирской привычкѣ, Мошинскій аккуратно, всякое утро, приходилъ пить кофе. Когда пришло помилованіе, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ и объявилъ, что уѣзжаетъ, обнялъ меня и просилъ принять на память дружбы наслѣдственный отъ бабушки фермуаръ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Брилліанты блестящіе меня не плѣняли, но въ срединѣ былъ невиданный, огромный восточный густой изумрудъ. Любовь моя къ этому камню, должно быть, родилась со мною; я полюбовался изумрудомъ, поцѣловалъ Петра Мошинскаго и возвратилъ ему фермуаръ. Просьбы его, даже слезы, доказательства, что это не деньги—ничто не помогло. Болѣе я не видался съ Мошинскимъ. Получилъ отъ него письмо, онъ начинаетъ: «родился я графомъ, крестился графомъ, однако я графомъ никогда не былъ». Вотъ до чего обрусѣлъ человѣкъ: полякъ и не хочетъ быть графомъ!

Присланы ко мнѣ подъ надзоръ съ десятокъ поляковъ, по мятежу 1830 года; два доктора, одинъ очень хорошо учился, онъ и теперь живетъ недалеко отъ меня, фамилія его Станкевичъ; присылаетъ ко мнѣ поклоны, но самъ не ѣдетъ, можетъ быть, и я не поѣхалъ бы на его мѣстѣ. Поляки были очень смирны, былъ и ксендзъ. Было бы что̀ и разсказать о нихъ, но когда нибудь послѣ.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ новый губернаторъ, Иванъ Петровичъ Хомутовъ. Онъ пріѣхалъ шумно, весело; ко всѣмъ визиты, къ нему всѣ—противоположность Жиркевичу.

Хомутовъ хорошей наружности, лѣтъ подъ 50, высокъ, плѣшивъ, съ большимъ носомъ—весьма представительная личность, любезенъ, веселонравенъ, любитъ общество.

Жена его—маленькая горбунья, но за то урожденная Озерова—это нужно замѣтить. Дѣтей у нихъ не было.

Хомутовъ, бывши полковникомъ, въ извѣстномъ елисаветинскомъ дѣлѣ—Паскевичъ доносилъ о позиціи, но, говоря о лѣвомъ флангѣ, писалъ, что «онъ слабъ, но тамъ у меня храбрый полковникъ Хомутовъ и я спокоенъ». Хомутовъ хранитъ рескриптъ: «Храброму полковнику Хомутову съ товарищами» и проч. Хомутовъ извѣстенъ былъ въ арміи тѣмъ, что онъ ни разу не поклонился ядру. И это нужно замѣтить!

Съ губернаторомъ Хомутовымъ, кажется, въ двѣ минуты я сталъ другомъ—прелюбезный человѣкъ. Передъ пріѣздомъ Хомутова, въ Симбирскѣ образовалась шайка воровъ, сначала мелочныхъ, а потомъ смѣлыхъ до дерзости. Я шелъ съ Хомутовымъ въ первые дни его губернаторства, вечеромъ, и разсказывалъ ему о дѣятельности воровъ; онъ сказалъ громко и самонадѣянно: «я всѣхъ ихъ уничтожу». Я предупредилъ, что неравно который нибудь лежитъ за заборомъ и сдѣлаютъ что нибудь въ насмѣшку ему. Поутру получаю отъ него записку: «пожалуйста не разсказывайте, подлецы украли изъ прихожей мою шубу; если можно, помогите найти». Шуба, еще до свѣта, была разрѣзана на нѣсколько частей и вывезена въ разныя заставы.

Воры дошли до крайней дерзости: недалеко отъ моей квартиры забрались къ купцу въ домъ и когда тотъ хотѣлъ вылѣзть въ окно, его въ окнѣ придержали за руки внутри, а съ улицы за ноги, и хорошо высѣкли розгами. Губернаторъ созналъ безсиліе своихъ средствъ. Я совѣтовалъ ему написать ко мнѣ письмо, съ изложеніемъ, что средствъ городской полиціи недостаточно для уничтоженія дерзкой шайки воровъ въ городѣ, а потому и проситъ моего содѣйствія. Я просилъ его отдать полицію въ мое распоряженіе. Лучшая тайная моя полиція въ городѣ были кантонисты, съ которыми я сносился черезъ моихъ писарей.

Симбирскъ, между Волгой и Свіягой, раздѣляется преглубокимъ оврагомъ, который служилъ удобнымъ помѣщеніемъ навоза со всего города. Въ одномъ концѣ, на днѣ оврага, жили въ ла-

чужкахъ отставныя и бѣдныя солдатки; тутъ, въ тайникахъ, былъ складъ вещей мелкаго воровства. Моя тайная полиція дала мнѣ знать, что, въ эту ночь, шайка будетъ праздновать у одной вдовы-солдатки, въ оврагѣ. Около 11-ти часовъ темной ночи, составилъ я стратегическій планъ: полиція употреблена для фальшивой атаки, а жандармы—молча и скрытно въ засадѣ, поперегъ оврага. Самъ я—въ половинѣ высоты крутаго бока оврага, въ углубленіи, гдѣ брали глину, на тропинкѣ. Полиція подняла крикъ, воры бросились бѣжать, но попали въ крѣпкія руки жандармовъ; одинъ воръ прорвался и бѣжалъ по тропинкѣ мимо, не замѣтивъ меня; бокъ оврага крутъ, вижу, воръ бѣжитъ и чѣмъ-то упирается правой рукой. Я пропустилъ его мимо себя, быстро догналъ и, неожиданно для него, такъ ловко и сильно ударилъ его по шеѣ, что онъ, кувыркаясь, погрузился въ жидкій навозъ; я крикнулъ жандармовъ и тѣ взяли его. Оказалось, что это былъ бойкій атаманъ, упирался онъ пистолетомъ. Шайка вся была въ плѣну. Дуло пистолета было полно земли; когда вымыли, на дулѣ оказалась золотая надпись: Бенкендорфъ. Послалъ я пистолетъ шефу. Дубельтъ писалъ ко мнѣ, что этотъ пистолетъ выпалъ изъ сѣдла, когда графъ шелъ въ атаку подъ Лейпцигомъ, товарищъ пистолета сохранился и что шефъ очень желаетъ знать, какимъ путемъ пистолетъ очутился у вора, въ Симбирскѣ. Но я могъ узнать только, что воръ купилъ пистолетъ на толкучкѣ, въ Тамбовѣ. Для пистолета-то я и разсказалъ этотъ случай.

Въ началѣ Великаго поста, ко мнѣ курьеръ—предписаніе: «немедля отправиться въ Саратовъ, совершенно секретно, и находиться тамъ въ распоряженіи генералъ-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго».

Отъ князя письмецо: «Дружище, въ Саратовѣ не сладятъ съ раскольничьимъ монастыремъ; государь посылаетъ меня, а я выпросилъ тебя у государя въ помощь, не сердись. Сдѣлай тамъ подготовочку, на которыя ты такой мастеръ, и пришли жандарма, у меня будетъ уложенъ дормезъ—явлюсь. До свиданія».

Совершенно секретно—отъ кого? значитъ, отъ цѣлаго свѣта. На курьерскихъ помчался я по пензенской дорогѣ, проѣхавъ верстъ 100, свернулъ на проселокъ и выбрался на саратовскую

почтовую дорогу. Дорога была адская, нѣсколько разъ у извощиковъ лилась кровь изъ горла, бросалъ ихъ на дорогѣ и доѣзжалъ съ жандармомъ. Верстахъ въ сорока не доѣзжая до Саратова, была деревня брата моей жены. Въѣзжать въ Саратовъ, на курьерскихъ, секретно—нельзя, я взялъ въ деревнѣ брата рогожную кибитку и въ ясный полдень, по улицамъ почти уже безъ снѣга, въѣзжалъ самъ въ формѣ, а жандарму, тоже въ формѣ, приказалъ идти пѣшкомъ, никто не обратилъ вниманія. Тогда Саратовъ былъ не то, что теперь, тогда Саратовъ былъ—огромная деревня. Остановился я въ только что построенномъ маленькомъ (въ три окна) трактирѣ «Москва». Живу три дня, никто меня не спроситъ, какъ будто я не въ городѣ. Въ эти три дня я узналъ все, что дѣлается въ Саратовѣ и что дѣлалось съ монастыремъ. Трактиръ—благодарное поле для узнанія общихъ секретовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: за Волгой, на рѣкѣ Иргизѣ, былъ старинный раскольничій монастырь; этотъ монастырь благословлялъ Пугачева на русское царство и былъ повсемѣстно въ большомъ уваженіи. Послѣдовало высочайшее повелѣніе: на мѣстѣ монастыря образовать уѣздный городъ Николаевскъ. Назначенъ штатъ чиновъ и духовенства. Раскольники отказались повиноваться. Ѣздили совѣтники, жандармскій штабъ-офицеръ—всѣмъ отказъ. Поѣхалъ самъ губернаторъ, но, видно, не изъ храбрыхъ: въ какой-то домикъ вызвалъ архимандрита монастыря и говорилъ съ нимъ оградившись отъ него двумя жандармами съ обнаженными саблями, скрещенными передъ особой губернатора. Преэффектная картина, когда я скажу, что злодѣй-архимандритъ былъ маленькій старичишка, для уничтоженія котораго довольно одного кулака. Согласія не послѣдовало. Въ Саратовѣ квартировала артиллерія; помню, командиръ—безногій генералъ Арнольди. Губернаторъ потребовалъ, чтобы артиллерія привела въ повиновеніе ослушниковъ. Пришла артиллерія къ монастырю. Раскольники, сцѣпившись руками и ногами, покрыли всю площадь около церквей тѣлами своими, какъ черепомъ. Говорили объ одномъ нашемъ фанатикѣ, который умолялъ объ ядрушкахъ, но его не послушали. Артиллерія тихо и скромно проѣхала близь тѣлъ, говорятъ: ни крика, ни ропота не слыхали отъ раскольниковъ! На этомъ дѣлѣ и остановилось дальнѣйшее распоряже-

ніе губернскаго начальства. Узналъ я много злоупотребленій въ городѣ, всѣ интриги, а сплетень, сплетень!

На четвертый день явился къ губернатору, назвалъ свою фамилію; губернаторъ спросилъ:

— «Не Иванычъ-ли?»

— Да, я сынъ Ивана Дмитріевича.

— «Такъ поди ко мнѣ, ты мой племянникъ»,—и обнялъ по родному. «Давно-ли ты пріѣхалъ?»

— Четвертый день.

— «Какъ же это я не зналъ?»

— Не мудрено, я живу тихо.

— «Зачѣмъ пріѣхалъ?»

— По своему частному дѣлу.

— «Какое у тебя дѣло?»

— Покупаю имѣніе.

— «Браво! я тебѣ помогу; далеко имѣніе?»

Я назвалъ имѣніе брата.

— «Очень радъ. Гдѣ остановился?»

— Въ трактирѣ Москва.

— «Переѣзжай ко мнѣ, а теперь будемъ обѣдать вмѣстѣ».

Губернаторъ—Степановъ; онъ написалъ нѣсколько удачныхъ романовъ и повѣстей: «Постоялый дворъ», «Чортовы салазки» и проч. Толстякъ, вдовецъ, лѣтъ подъ 60, человѣкъ умный, пріятный, но, право—не губернаторъ.

Въ разговорѣ съ дяденькой, я узналъ все дѣло съ монастыремъ, но, конечно, безъ крестообразныхъ сабель. Я представился такъ заинтересованнымъ монастыремъ, что пожелалъ съѣздить; хотя и отговаривалъ дядя, находя опаснымъ, я, для отвращенія опасности, упросилъ дать мнѣ открытое предписаніе, чтобы уѣздныя полиціи оказывали мнѣ содѣйствіе по моему требованію.

Послѣ обѣда я уже отправился въ монастырь. Въ ближайшей къ монастырю деревнѣ, былъ штатъ чиновъ будущаго города. Разговаривая со всѣми и особенно съ умнымъ старикомъ-крестьяниномъ, при разныхъ разсказахъ, обратила мое вниманіе одна повторяющаяся фраза: «раскольники причащались и присягали не оставлять монастырь добровольно». Значитъ, могутъ оставить монастырь не добровольно—не нарушивъ при-

сяги. Болѣе навелъ меня на эту мысль квартальный Голяткинъ, изъ писарей-кантонистовъ.

Такъ какъ князь Лобановъ пишетъ ко мнѣ о подготовочкѣ только, а не о личномъ моемъ дѣйствіи, то я и счелъ правильнымъ сначала явиться переодѣтымъ и вглядѣться въ дѣло, а далѣе дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

Монастырь раскольниковъ, въ собственномъ смыслѣ—не монастырь, а сбродъ безпорядочныхъ лачужекъ, въ которыхъ жили мужчины и женщины вмѣстѣ. Все населеніе состояло изъ бѣглыхъ: солдатъ, крестьянъ, преступниковъ изъ Сибири, изъ тюремъ. Говорили, было болѣе пяти тысячъ, управлялъ всѣмъ старичишко архимандритъ, но власть его была почти номинальная, управляли всѣмъ фанатики-начетчики. Приношенія въ монастырь были громадныя, изъ разныхъ мѣстъ, но главныя и постоянныя—изъ Оренбургской губерніи и съ Дона. Посреди большая площадь, на которой стояли каменныя церкви, весьма хорошей архитектуры.

Хотя я пріѣхалъ какъ любитель, но открытое предписаніе, въ случаѣ, давало мнѣ власть. Я еще въ трактирѣ зналъ, что вся полиція на откупу у монастыря, надѣяться на помощь такихъ людей и дѣйствовать съ ними открыто—опасно. Вообще, уровень чиновниковъ въ Саратовской губерніи былъ весьма невысокъ.

Опираясь на фразу присяги: не оставлять добровольно, я совѣтовалъ чиновникамъ собрать сколь можно болѣе отставныхъ и понятыхъ, приготовить носилокъ.

Въ монастырѣ знали о каждомъ движеніи противъ нихъ. Утромъ сняли свои караулы у околицы и на площади образовали черепаху. По моему совѣту, попробовали: съ краю черепахи, одному раскольнику розняли руки и ноги и, положивъ на носилки, вынесли за околицу. Только увидалъ раскольникъ, что онъ внѣ околицы монастыря, вскочилъ съ носилокъ, перекрестился на монастырь и только пятки его мелькнули, такъ онъ удралъ въ степь. Понятно, началась механическая работа. Такимъ способомъ прочистили широкую дорогу къ церкви, прошли съ пѣніемъ наше духовенство, а какъ окропили церковь святою водой, начетчики сказали, что церковь опоганѣла, и монастырь сталъ очищаться день и ночь. Говорили послѣ, что раскольники образовали свой монастырь въ пустыняхъ къ Каспійскому морю.

И на этотъ разъ, серьезное дѣло разрѣшилось фарсомъ. Возвратясь въ Саратовъ, я увѣрилъ дяденьку, что я только подъѣзжалъ къ монастырю, и не знаю, что̀ тамъ дѣлалось.

Немедля послалъ жандарма курьеромъ къ князю Лобанову-Ростовскому и въ концѣ письма просилъ извиненія, что дѣло кончилось безъ него.

Между прочимъ, чтобы продолжать секретъ, я получилъ отъ брата довѣренность: имѣніе его имѣю право заложить, продать и проч. Начавъ залогъ, гражданская палата потребовала съ меня 30 коп. съ рубля; поторговавшись, согласились на 25 коп. и только для меня, и такъ были добры, что показали мнѣ дѣлежъ этихъ денегъ, кому и сколько съ рубля. Часто мнѣ приходилось писать къ шефу, но слыша, что саратовская почта очень любопытна, я сначала посылалъ чрезъ коммисіонерство, а потомъ чрезъ госпиталь; въ Питерѣ, распечатавъ и увидавъ внутри конвертъ къ шефу, доставляли. Уѣхать изъ Саратова безъ предписанія я не имѣлъ права. Дядю губернатора я полюбилъ и, желая ему добра, совѣтовалъ выйти въ отставку,—не согласился. Квартальному Голяткину приказалъ выйти въ отставку и уѣхать.

Возвратился жандармъ—отъ князя тысяча благодарностей съ поцѣлуями, много шутитъ и пишетъ очень весело. Мчаться по злой распутицѣ—мало удовольствія. Жандарму князь далъ 25 р. и приказалъ показать ему, что дормезъ совсѣмъ уложенъ и чтобы онъ объ этомъ сказалъ мнѣ. Гр. Бенкендорфъ благодарилъ и разрѣшилъ мнѣ возвратиться въ Симбирскъ.

Послѣ меня довольно было переборки въ Саратовѣ: дядю моего исключили изъ службы, съ тѣмъ чтобы никуда не опредѣлять; николаевскую полицію предали суду; жандармскаго штабъ-офицера исключили изъ корпуса жандармовъ и проч.

Саратовскіе чиновники, въ особенности полиція того времени, мнѣ очень неправились, казались апатическими, на всѣхъ какой-то тонъ холодной формы, ни малѣйшей энергіи къ дѣлу; можно судить потому, что я, жандармъ, пріѣхалъ, остановился въ трактирѣ, прожилъ трое сутокъ и полиція не знала, хотя и существовалъ полицмейстеръ. Таковъ порядокъ показался мнѣ во всей губерніи, даже жандармская команда—сонная!

Изъ саратовскихъ, я видѣлъ въ послѣдствіи одного только

бывшаго квартальнаго Голяткина. Въ 1838 году нашелъ я его младшимъ полицмейстеромъ въ Кіевѣ. Весь Кіевъ возненавидѣлъ старшаго полицмейстера, сдѣлали исправляющимъ должность полицмейстера Голяткина. Похвастаю—Голяткинъ еще живъ. Когда вступилъ онъ въ должность полицмейстера, пришелъ ко мнѣ и просилъ научить его быть любимымъ полицмейстеромъ. Голяткинъ пробылъ 10 лѣтъ полицмейстеромъ, былъ любимъ жителями, что̀ рѣдко въ этой должности, вышелъ въ отставку по своему желанію, къ общему сожалѣнію; о совѣтѣ моемъ бывшему кантонисту позвольте умолчать, секреты на улицѣ не валяются.

Возвращаясь изъ Саратова въ Симбирскъ, я поѣхалъ по берегу Волги; это было въ концѣ Вербной недѣли. Проѣзжая Сызранскій уѣздъ, узнаю—бывшіе казенные, теперь удѣльные крестьяне бунтуютъ; по разсказамъ, уже тысячъ до восьми не повинуются. Такіе бунты разливаются какъ пожаръ. Я къ губернатору Хомутову, оказалось, что онъ ничего не знаетъ. Я предложилъ и торопилъ Хомутова, чтобы онъ обдѣлалъ дѣло на Страстной, пока народъ весь трезвъ. Хомутовъ упросилъ меня ѣхать съ собою. Съ нимъ отправился правитель его канцеляріи, Раевъ.

Пріѣхали въ главную бунтующую деревню, названія не помню. Народу очень много. Ловкій мой жандармъ, чрезъ какого-то родню, отставнаго солдата, узналъ, что главный бунтовщикъ Өедька и указалъ мнѣ его. Мужиченко небольшой, плотный, лѣтъ 35-ти, въ синемъ кафтанѣ, красный кушакъ, сапоги съ напускомъ и новая шапка изъ мерлушекъ. Стоитъ козыремъ, около него кучка народа.

Рано утромъ, черезъ сотскихъ, я приказалъ собраться крестьянамъ, что имъ будетъ читать законъ губернаторъ. Послушались, собрались и стали въ родѣ фронта. Я сказалъ губернатору, что, проходя по ряду, противъ главнаго коновода Өедьки я кашляну, но совѣтую не трогать: при массѣ и бранить не должно, а всякое дѣйствіе опасно. Проходя—Өедька стоялъ въ срединѣ ряда—я только кашлянулъ, какъ губернаторъ остановился, вызвалъ Өедьку и молодцомъ крикнулъ:

— «Кнутьевъ! Вотъ я покажу тебѣ какъ бунтовать! Раздѣть его!»

Только тронулись за Өедьку, какъ вся масса гаркнула и бро-

силась выручать Ѳедьку. Мой храбрый губернаторъ—бѣжать, Раевъ за нимъ. Толпа съ крикомъ гналась за ними и губернатора съ правителемъ выгнали за околицу. Я остался на мѣстѣ: крикъ, шумъ, я только указываю, чтобы не дотрогивались до меня, никто не дотронулся; напираютъ задніе, около меня падаютъ, смотрятъ на меня добро и смѣются. Разошлась толпа, я нашелъ губернатора въ постелѣ, боленъ, кровавая дизентерія.

Вижу, дѣло очень плохо; послалъ за солдатами съ боевыми патронами и приказалъ явиться 12-ти жандармамъ безъ коней. Цѣлую ночь придумывалъ, какую бы штуку выкинуть, а безъ штуки нельзя, потому что силы нѣтъ. У татаръ вывезли меня богатые торговцы, а тутъ нѣтъ богатыхъ и нѣтъ трехъ—четырехъ женъ у нихъ. Проклятые русопетки, преупорные и озлобленные, а что еще хуже, раскуражились побѣдою надъ губернаторомъ. На всякій случай приказалъ исправнику собрать побольше понятыхъ и отставныхъ.

Противъ церкви стояли отдѣльно пять домовъ, по обыкновенію, рядомъ съ крытыми дворами, внутри разгороженными плетнемъ; плетни выломать и образовался одинъ крытый дворъ изъ пяти. Понятыхъ спрятать ночью во дворѣ. Заготовить веревокъ и розогъ.

Рано утромъ пріѣхали команды. Спиною къ домамъ, въ одну шеренгу, выстроилъ 40 солдатъ, между церковью и солдатами собралъ бунтовщиковъ, сказалъ имъ убѣдительную рѣчь и спросилъ: повинуются-ли? Въ одинъ голосъ: нѣтъ, не повинуемся! —«Вы знаете, ребята, по закону я долженъ стрѣлять».—Стрѣляй, батюшка, пуля виноватаго найдетъ, кому что Богъ назначилъ.—«Слушайте, братцы»,—я снялъ шляпу и съ чувствомъ перекрестился на церковь,—«я такой же православный, какъ и вы стрѣлять никогда не поздно, мы всѣ подъ Богомъ; можетъ, найдется невиновный, то, убивши его, дамъ строгій отвѣтъ Богу, пожалѣйте и меня, а чтобы не было ошибки, я каждаго спрошу и кто не покорится, тотъ самъ будетъ виноватъ». Обратился къ первому:

— «Повинуешься ты закону?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Законъ далъ государь, такъ ты не повинуешься и государю?»

— Нѣтъ, не повинуюсь.

— «Государь—помазанникъ Божій, такъ ты противишься Богу?»

— Супротивляюсь.

Крестьянина передалъ жандарму, съ словами: «ну, такъ ты не пеняй на меня!» Жандармъ передалъ другому; жандармы были разставлены такъ, что послѣдній передавалъ во дворъ, тамъ зажимали мужику ротъ, набивали паклей, кушакомъ вязали руки, а ноги веревкою и клали на землю.

Я имѣлъ терпѣніе каждому мужику сдѣлать одни и тѣ же вопросы, и отъ каждаго получилъ одинаковые отвѣты, и каждаго передалъ жандармамъ, и каждаго во дворѣ вязали и клали. Процедура эта продолжалась почти до вечерень. Послѣдніе десятка полтора мордвы и русскихъ покорились, ихъ отпустилъ домой. Ночь не спалъ, не пилъ, не ѣлъ, сильно усталъ, но въ такихъ дѣлахъ успѣхъ зависитъ отъ быстроты.

Пришелъ во дворъ, всѣ дворы устланы связанными бунтовщиками. «Розогъ! давайте перваго». Выводятъ старика лѣтъ 70-ти. — «Повинуешься?» — Нѣтъ!—«Сѣките его». Старикъ поднялъ голову и проситъ: батюшка, вели поскорѣй забить. Непріятно, да дѣлать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дѣло. Наконецъ, старикъ умеръ, я приказалъ мертвому надѣть кандалы. Одинъ за другимъ, 13 человѣкъ засѣчены до смерти и на всѣхъ кандалы. 14-й вышелъ и говоритъ: я покоряюсь. «Ахъ, ты негодяй, почему ты прежде не покорился? Покорились бы и тѣ, которые мертвы, розогъ! Дать ему 300 розогъ».

Это такъ подѣйствовало, что всѣ лежащіе заговорили: мы всѣ покоряемся, прости насъ. — «Не могу, ребята, простить, вы виноваты противъ Бога и государя».—Да ты накажи, да помилуй.

Надобно знать русскаго человѣка: онъ тогда искренно покоренъ и спокоенъ, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщаніе его ничего не стоитъ, онъ тревожится, ожидаетъ что еще съ нимъ будетъ, а въ головѣ у него—семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, того и гляди, наглупитъ. Наказанный—боится быть виноватымъ вновь и успокоивается.

Приказалъ солдатамъ раздѣлиться на нѣсколько группъ и дать всѣмъ бунтовщикамъ по 100 розогъ, подъ надзоромъ исправника. Потомъ собралъ всѣхъ, составилъ нѣсколько каре и объ-

явилъ: «я сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать по закону, простить ихъ можетъ только губернаторъ; онъ можетъ всѣхъ въ тюрьму, тамъ сгніете подъ судомъ».—Батюшка, будь отецъ родной, заступись; какъ Богъ, такъ и ты, перемѣни гнѣвъ на милость. Я поставилъ ихъ на колѣни, научилъ просить помилованія и далъ слово, что буду ходатаемъ за нихъ, но губернаторъ очень сердитъ. Кричатъ: заступись, батюшка, выручи!

Прихожу къ губернатору, лежитъ болѣнъ, не знаетъ что я дѣлалъ. Мнѣ доложили, что засѣченные ожили, ихъ обливали водою, и я повеселѣлъ. Говорю губернатору: «пойдемте прощать».

Не вѣритъ.

— Только прошу, долѣе сердитесь, не прощайте, а простите только подъ моимъ ручательствомъ за нихъ.

Подходя къ фронту, губернатору, хотя и штатскому—«на караулъ!», барабанщикъ двѣ дроби, «здравія желаемъ вашему превосходительству!»—все для эффекта. Подходимъ къ группамъ я снялъ шляпу и почтительно, низко кланяюсь, представляю раскаявшихся. Виновные въ одинъ голосъ: помилуй, ваше превосходительство! — «Не могу, вы такъ виноваты, что васъ слѣдуетъ судить». А мужики, кланяясь въ землю, твердятъ: помилуй, ваше превосходительство, ни впредь, ни послѣ того не будетъ. А я-то униженно, безъ шляпы, кланяюсь и прошу помиловать. Губернаторъ гнѣвно сказалъ, что онъ бунтовщикамъ вѣрить не можетъ и согласится тогда, если кто за нихъ поручится.

Я обернулся къ мужикамъ: ручаться-ли за нихъ?

Какъ заорутъ въ одинъ голосъ: ручайся, отецъ, небось, не выдадимъ, ручайся, батюшка. — «Ребята, смотри, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтѣ за васъ».—Отецъ ты нашъ, вотъ-тѣ пресвятая! положимъ жизнь за тебя, ручайся!—Я поручился. Губернаторъ умилостивился, простилъ.

Я распустилъ всѣхъ по домамъ, приказалъ сотскимъ накормить солдатъ и жандармовъ. Откуда что взялось: снесли столы, зажгли лучины, явились десятками горшковъ щей, каши, кисели съ сытой, все постное; вѣроятно, было готово для мужей, но имъ не удалось поѣсть, съѣли солдаты. Въ тюрьму пошелъ только одинъ Ѳедька.

Только я вошелъ къ губернатору, онъ, какъ чисто русскій

человѣкъ, поклонился мнѣ плѣшивой головой въ землю; признаться, я отскочилъ и, обнявъ его, поцѣловалъ.

Вотъ и справедливо, что человѣкъ не во всѣхъ случаяхъ равно храбръ. Мой губернаторъ былъ извѣстнымъ храбрецомъ во всей арміи, а передъ безоружными мужиками струсилъ и бѣжалъ. Да и вашъ покорный слуга, кажется, струсилъ и не могъ отвѣчать, сколько лѣтъ служитъ въ Симбирскѣ.

Не взирая на ночь, губернаторъ торопился ѣхать домой, показываетъ мнѣ письмо отъ своей жены, она пишетъ: «Ваничка, брось все, я лежу въ ваннѣ, со мной конвульсіи; я умру, если ты скоро не пріѣдешь», и проч. Хомутовъ спрашиваетъ: кажется, и вы получили письмо? Я тогда только вспомнилъ о письмѣ—не до того было—вынулъ свернутую на уголокъ сѣрую бумажку и прочиталъ. Хомутовъ спросилъ: можно прочитать?—Извольте. Моя 19-ти-лѣтняя худенькая жена писала: «Шишмаревъ (адъютантъ) сказалъ, что вы требуете солдатъ съ боевыми патронами; можетъ, есть опасность? Не думайте обо мнѣ, я буду гордиться всю жизнь, что мужъ мой исполнилъ свой долгъ». Иванъ Петровичъ такъ и ахнулъ: такая пичужка и такого геройскаго характера. «Подарите мнѣ это письмо».—Зачѣмъ?—«Я вставлю въ рамку и буду хранить». Послѣ этого, мой Хомутовъ чуть не молился на мою жену.

Для читателя, разрѣшилась исторія новымъ фарсомъ. Но, однако, предположить, что это не была бы Страстная и такой упорный народъ не былъ бы трезвъ, можетъ быть, изъ фарса вышла бы трагедія и сколько было бы несчастныхъ. Эту исторію я докончу.

Наступило время жатвы хлѣба; староста мой увѣдомляетъ меня, что пришли какіе-то люди и просятъ позволенія сжать хлѣбъ. Я поскакалъ въ деревню, оказалось, что это сызранскіе бунтовщики, пришли съ женами и, изъ благодарности за мою добродѣтель, хотятъ сжать хлѣбъ мой. Меня не могло не тронуть такое доброе и честное русское сердце. «Да вѣдь васъ побили, друзья мои?»—«Эхъ, батюшка, что такое что поучили, а какъ бы не ты, такъ и теперь бы маялись въ тюрьмѣ и раззоромъ раззорились бы; мы за тебя Богу молимся». Жены при этой оказіи всплакнули отъ воображенія, что раззорились бы, еслибъ мужья попали въ тюрьму. Отъ этой теплой сердцу взятки я от-

казаться не могъ; гости не позволили даже жать барщинскимъ, въ два дня все сжали. Это было въ селѣ Чамбулѣ, Собакино тожъ, Сенгилеевскаго уѣзда; теперь принадлежитъ Ѳедору Ивановичу Ермолову. Для гостей я приказалъ убить нѣсколькихъ барановъ, быка, напечь пироговъ, по чаркѣ водки и донесъ откровенно шефу.

Вотъ и судите о русскомъ человѣкѣ: онъ, сквозь наказаніе; видитъ доброту. Наказаніе ему ни по чемъ, оно кратковременно, только не отдавай его піявкамъ полицейскимъ и судейскимъ. Наказаніе онъ считаетъ родительскою наукой, а хозяйственное раззореніе—нравственная смерть. Есть два способа изучить народъ: одинъ въ кабинетѣ, а другой на практикѣ. Который лучше? Думаю, въ кабинетѣ умнѣе и основательнѣе.

По усмиреніи, написалъ князю Лобанову-Ростовскому, что чуть-чуть не удалось было повидаться мнѣ съ нимъ и описалъ ему коротенько. Онъ очень мило отвѣчалъ: «подготовочка опять удалась! Хватъ, молодецъ, доложу государю» и проч....

Въ концѣ 1840-хъ годовъ, князь ѣхалъ въ Кіевъ, писалъ, что ѣдетъ ко мнѣ въ гости, давно не видались. Кажется, въ Козельцѣ князь умеръ отъ холеры.

Отъ какихъ же безпорядковъ было ослушаніе противъ удѣльныхъ? говорятъ, дымъ безъ огня не бываетъ. Разговаривая съ умными и зажиточными крестьянами, какъ имъ лучше—теперь или прежде? отвѣчали:

— «Теперь не въ примѣръ легче. Бывало, въ годъ разъ наѣдетъ исправникъ, выберешь жирнаго барана, взвалишь на плечи, да и прешь, ажно лобъ не разъ взопрѣетъ; а теперь наѣдутъ эти господа удѣльные, то возьмешь хворостину, да и сгонишь что есть на дворѣ, и легко и скоро. Теперь намъ несравненно легче. Мы скоро и одежонки лишимся какая была».

Обращусь еще къ прекращенію ослушанія въ Сызранскомъ уѣздѣ. Мѣры для усмиренія, по нынѣшнимъ порядкамъ, покажутся жестокими, варварскими. Совершенно согласенъ и не противорѣчу. Попробую прекратить это ослушаніе новѣйшимъ филантропическимъ способомъ. Взбунтовались нѣсколько деревень; уѣздная полиція безсильна. Пріѣхалъ губернаторъ—выгнали. Мѣстной воинской команды почти нѣтъ. Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ едва ли въѣхалъ бы въ околицу. Черезъ три

дня Пасха—разрѣшеніе на водку. Успѣхъ противъ губернатора и безсиліе власти возбудили бы надежду въ сосѣднихъ уѣздахъ. Неудовольствіе общее, потому что причины однѣ. Ослушаніе превращается въ бунтъ и такъ быстро, какъ пожаръ, въ началѣ незначительный, охватываетъ всю массу, могущую горѣть. Надобно принять въ соображеніе, что удѣльныхъ въ губерніи до 400 тысячъ. Надобны войска, а ближе 400—500 верстъ нѣтъ солдата. Прибывшее войско, безъ сомнѣнія, усмиритъ, но усмиреніе пьяныхъ людей можетъ обойтись не безъ потерь въ людяхъ. Но пока достигнутъ успѣха эти мѣры, волнующійся народъ, наполняя кабаки, не обсѣетъ поля. Положимъ, что усмиреніе произойдетъ безъ потери въ людяхъ, что̀ очень трудно, судя по ожесточенію. Слѣдствіе, что̀ покажетъ слѣдствіе? Всѣ виноваты и виноваты равно, это видно изъ одинаковыхъ отвѣтовъ каждаго на мои вопросы. Всѣхъ нельзя посадить въ тюрьму, всѣхъ судить нельзя—амнистія. Зная русскаго простаго человѣка въ одиночку и въ массѣ, амнистія—прощеніе безъ наказанія—не примиряетъ его ни съ собою, ни съ причиной, произведшей неудовольствіе. Тюрьмы полны, ссылка—семьи раззорены окончательно. Раззорившійся крестьянинъ не справится въ одно поколѣніе. Неуваженіе и злоба съ горькимъ недовѣріемъ выросли къ своему начальству, которое хотя и прекратитъ причины къ неудовольствію, но недовѣрія изъ сердца не вырвешь. Прибытіе войска, усмиреніе по всей губерніи—пройдутъ мѣсяцы. Слѣдствіе суды протянутъ годъ. Годъ безпокойства, тревоги, пьянства народа, едва ли исправитъ нравы. Еще повторю: разъ раззоренный крестьянинъ потерянъ почти навсегда. Я изъ всѣхъ золъ выбиралъ меньшее. Гдѣ родилось неповиновеніе, тамъ усмирено въ два дня. Усмирено главное гнѣздо — покорились всѣ. Что не осталось горечи, ожесточенія, видно изъ добровольной благодарности къ усмирявшему, благодарности, выразившейся въ простой, но искренной русской формѣ. Которая система лучше, варварская или современная филантропическая—не мнѣ рѣшать.

Возвратившись въ Симбирскъ, узнаю, пока я былъ въ Саратовѣ, произошелъ разрывъ между обществомъ и домомъ губернатора. Непріятное извѣстіе, но какая причина? Узнавши болѣзнь, можетъ быть, найдется лекарство.

Расправивъ крылья, я узналъ отъ дамъ—родныхъ моихъ друзей (бываютъ и двоюродные друзья), что всему причиною губернаторша. Она неосторожно сказала, что для нея мелко симбирское общество, что она по рожденію своему Озерова, привыкла быть въ высшемъ аристократическомъ обществѣ. Этого было довольно. Въ симбирскомъ обществѣ, дѣйствительно, было много фамилій, происшедшихъ и носящихъ историческія имена; для симбирскаго общества сочинитель трагедій неважная личность; симбирскіе дворяне считаютъ своими: Карамзина, поэта Языкова, Дмитріева и многихъ другихъ—что̀ для нихъ Озеровъ?

Причина, оскорбившая общество, оказалась важна и глубока. Говорили: если мы низки для нея, то пусть и сидитъ одна на высотѣ, мы безъ нея жили и будемъ жить, и проч., и проч. Въ бунтахъ народа немудрено найтись, а между дамами—подготовки не придумаешь. Вообще впутаться въ исторію между дамъ—все равно, что попасть рукой между дверей, неизбѣжно выйдешь побитымъ. Я осторожно переговорилъ съ Хомутовымъ, онъ смѣясь сказалъ: «Бабьи сплетни! вотъ я дамъ имъ хорошій балъ и помиримся!» Я подумалъ: посмотримъ.

Передъ баломъ Хомутовъ сдѣлалъ визиты, разосланы билеты. Хомутовъ просилъ меня пріѣхать пораньше. Моя жена не выѣзжала по нездоровью.

Домъ прекрасно освѣщенъ, губернаторъ и его супруга разряжены, полный хоръ музыкантовъ, въ отдѣльной комнатѣ накрытъ ужинъ на 70 или 80 приборовъ, прислуги много, все парадно, обдуманно, подъѣздъ иллюминованъ, полиція, жандармы,—все важно, по губернаторски. 10 часовъ, ѣдутъ кареты, засуетились встрѣчать. Кареты проѣхали около дома—мимо. Погодя, ѣдутъ кареты—мимо. Мы ходимъ, разговариваемъ, а кареты то и дѣло ѣдутъ—мимо. Ожиданіе гостей стало непріятнымъ, я попросилъ, чтобы хотя музыканты играли. Музыканты играютъ, а кареты грохочутъ мимо. Минула полночь, хоть бы кто нибудь показался. Губернаторъ не въ духѣ, губернаторша молчитъ; кончилось тѣмъ, что мы трое сѣли за длинный столъ и ужинали одни—парадно! Тѣмъ и кончился балъ, примиреніе не состоялось.

На другой день узнаю, что было нѣсколько вечеровъ въ городѣ; кареты мимо дома губернатора ѣздили пустыя—злая насмѣшка. Разрывъ общества съ губернаторомъ непримиримый.

Много хохотали, когда я рисовалъ ожиданіе гостей, игру музыкантовъ и, наконецъ, парадный ужинъ. Не буду передавать что говорили въ обществѣ ....

Написалъ я къ шефу объ отношеніяхъ общества къ губернатору и о причинѣ, но, искренно любя Хомутова, просилъ, какъ достойнаго, перевести его туда, гдѣ менѣе дворянства. Черезъ годъ онъ былъ переведенъ въ Вятку.

Въ другихъ губерніяхъ дворяне могутъ быть такъ же благородно горды, но такъ дружна и единодушна вся масса общества, какъ общество симбирское, едва ли гдѣ есть.

Пріѣхалъ въ Симбирскъ вице-президентъ удѣловъ, сенаторъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Я къ нему. Половина залы чиновниковъ. Только я вошелъ, онъ раздвинулъ толпу и, придворно-дипломатической, почти неслышной походкой, повелъ меня одного въ гостиную, усадилъ меня на софу, а самъ сѣлъ въ кресло. Говорилъ очень много объ услугахъ моихъ удѣлу и такъ хвалилъ меня, что я только кланялся и думалъ скорѣй уйти; когда я откланялся, Перовскій проводилъ меня до прихожей.

Хотя бы я и знаменитость былъ, но такой пріемъ и столько льстивыхъ словъ поселили во мнѣ недовѣріе. Я учредилъ за нимъ надзоръ.

Первое впечатлѣніе дѣлаетъ Перовскій непріятное—весьма! При среднемъ ростѣ, сухощавости, движенія вялы, походка дѣланная, продолговатое лицо кажется изношеннымъ, цвѣтъ кожи безъ жизни, съ желтоватымъ отливомъ, выраженіе лица кажется застывшимъ. Глаза, обращенные куда-то, но никогда на человѣка, съ кѣмъ говоритъ,—производятъ полное недовѣріе. Вообще, послѣ разговора съ Перовскимъ, разговора, переполненнаго льстивыхъ похвалъ мнѣ, я вынесъ тяжелое впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ недобромъ, и избѣгалъ случая увидать его другой разъ.

Мнѣ кажется, мы съ Перовскимъ имѣли обоюдную антипатію. Забѣгу впередъ. Перовскій—министръ внутреннихъ дѣлъ, а я все тотъ же подполковникъ въ Кіевѣ; ничего общаго между нами не было, какъ у слона съ комаромъ. Я былъ представленъ къ наградѣ двухъ тысячъ рублей ежегодно, пока на службѣ. При представленіи, государь изволилъ спросить о мнѣ: «не изъ жандармовъ-ли?» Бибиковъ отвѣчалъ утвердительно. Государь

изволилъ сказать: «Я его знаю, это прераспорядительный штабъ-офицеръ», и удостоилъ награды. Я Бибикову не разсказывалъ о прежней своей службѣ и онъ былъ удивленъ, что государь изволилъ вспомнить о такой инфузоріи. Возвратясь, Бибиковъ очень интересовался о причинѣ милостиваго вниманія ко мнѣ государя и спросилъ:

— «Почему же вы мнѣ не сказали прежде?»

— Зачѣмъ? Что было, то прошло.

— «А за что ненавидитъ васъ Перовскій?»

— Почему вы такъ думаете?

— «Перовскій вечеромъ сидѣлъ у меня и мы курили сигары у стола; я разсказалъ ему, какъ я былъ удивленъ, когда государь изволилъ вспомнить о васъ. При этомъ я почувствовалъ что столъ задрожалъ, и Перовскій вскрикнулъ: «какъ, такъ при васъ этотъ злодѣй? и вы его терпите!» Я объяснилъ ему, что, напротивъ, я вижу въ васъ скромнаго и очень искренняго офицера. «Ради Бога, не держите его, онъ много надѣлаетъ вамъ непріятностей; послушайтесь меня, удалите этого вреднаго и злаго человѣка». Я смѣялся, но Перовскій въ гнѣвѣ дрожалъ. Пожалуйста, разскажите откровенно, что̀ между вами могло быть?»

Я разсказалъ. Бибиковъ спросилъ: «вы не боитесь Перовскаго?»

— Я никого не боюсь, я горжусь, что удостоился ссоры съ министромъ; еслибъ онъ былъ менѣе противенъ мнѣ, я перешелъ бы къ нему служить, онъ полюбилъ бы меня.

— Отъ чистаго сердца не совѣтую».

Перовскій объѣхалъ во всѣхъ уѣздахъ удѣльныя имѣнія Просьбы крестьянъ выслушивалъ, но не удовлетворялъ, находя чиновниковъ правыми; часто заговаривалъ о мнѣ, а въ городахъ выспрашивалъ у откупщиковъ и купцовъ, какія со мною сношенія. Но, по пословицѣ: «какъ чесноку не ѣлъ, то и не пахнетъ». Петербуржцу мерещилось, что въ провинціи всѣ должны брать взятки.

Перовскій уѣхалъ, я не видался съ нимъ.

Курьеръ: шефъ приказываетъ—сколь можно поспѣшнѣе явиться къ нему. Въ четверо сутокъ я былъ въ штабѣ. Дубельтъ показываетъ мнѣ большой доносъ на меня государю, подписанъ: «министръ двора кн. Волконскій, съ донесенія къ нему Перов-

скаго». Прочитавъ, я видѣлъ желчную руку Перовскаго. Резолюція государя:

— «Вызвать Стогова и потребовать объясненія».

Дѣло весьма серьезно—стоять передъ государемъ съ княземъ Волконскимъ. Я набросился на Дубельта, почему не предупредили меня, я взялъ бы съ собою факты для опроверженія. Дубельтъ смѣется и говоритъ: «ты и такъ отгрызешься, мы тебя знаемъ, камчадала». Имъ шутки, а меня не могло не тревожить: не равна борьба подполковника съ вельможами! Помню, я такое чувствовалъ волненіе, что не ложился спать, выпилъ четыре графина холодной воды, и къ утру написалъ отвѣты.

. . . .
. . . .
. . . .

Государь изволилъ жить въ Петергофѣ; долги показались мнѣ часы ожиданія. Движимый справедливостью, императоръ Николай Павловичъ написалъ: «теперь мнѣ дѣло ясно, Стоговъ правъ». Подполковникъ, эта маленькая инфузорія передъ недосягаемою свѣтлостью — получилъ защиту!

. . . .
. . . .
. . . .

Бываютъ условія въ жизни неизбѣжныя; миновать, можетъ быть, условія связей вельможъ, обоюдныхъ уступокъ—невозможно. Для этихъ связей, уступокъ, мы, маленькіе люди, дѣлаемся необходимою жертвою.

Возвратясь, не успѣлъ я отдохнуть, получаю переводъ въ Саратовъ. Меня не переводъ оскорбилъ, а оскорбило невниманіе, почему не спросили моего согласія, хотя изъ вѣжливости. Я подалъ прошеніе въ отставку. Прошеніе возвращено и Дубельтъ пишетъ: «ты рогожку дерешь, графъ не хочетъ и слышать о твоей отставкѣ, приказалъ спросить: «чего ты хочешь?»

—Ничего, въ Саратовъ не поѣду, я вамъ не мальчикъ дался. Тогда высочайшимъ приказомъ назначенъ я въ Кіевъ къ генералъ-губернатору, управлять военною частію. Я—просьбу въ от-

ставку. Получаю просьбу обратно и письмо отъ шефа, написанное бриллiантами; пишетъ, что родственникъ его, Бибиковъ, проситъ его выбрать изъ корпуса жандармовъ въ помощь ему штабъ-офицера. Гордясь такою честію для корпуса, шефъ, просматривая списокъ, (будто) всякій разъ останавливался на моей фамиліи; увѣренъ, что это назначеніе разовьетъ мои способности и проч. — мастера писать! Въ заключеніе проситъ принять должность на одинъ годъ и если не понравится, то корпусъ жандармовъ, за мою службу, считаетъ долгомъ предоставить мнѣ избрать мѣсто по желанію.

Я очень хорошо понималъ, что удѣльнымъ необходимо нужно было отдѣлаться отъ меня, житья имъ не было; Перовскому выговоры не нравились, и я—жертва продѣлки Перовскаго чрезъ князя Волконскаго.

Послѣ такого письма, я согласился ѣхать въ Кіевъ, но съ тѣмъ, чтобы утвердили мнѣ двѣ тысячи столовыхъ и дали бы двѣ тысячи на подъемъ—и то и другое исполнили съ первою почтою.

Я закончилъ мою службу въ жандармахъ предсказаніемъ, что въ Симбирской губерніи, по деревнямъ, если не будетъ бунта, то выразится неудовольствіе поджогами; что бы приняли заранѣе мѣры—озлобленіе очень велико.

Черезъ Кіевъ проѣзжалъ чиновникъ III-го отдѣленія и передалъ мнѣ, когда начались поджоги въ Симбирской губерніи по деревнямъ и когда бросили въ огонь исправника и еще кого-то, тогда въ III-мъ отдѣленіи вспомнили обо мнѣ, а архиваріусъ принесъ мое послѣднее сказаніе. Пророчество мое поскорѣй спрятали.

Изъ 40-ка-лѣтней моей службы, 15 лѣтъ въ Кіевѣ была самая непріятная служба. Я пользовался большою властію въ трехъ губерніяхъ. Государь поручалъ мнѣ дѣла лично, помимо генералъ-губернатора, всегда милостиво разговаривалъ со мною. Послѣдній разъ, въ 1850 году, на вопросъ мой о здоровьѣ, императоръ Николай Павловичъ изволилъ спросить:

— «А ты, старый драбантъ (я былъ уже сѣдой), все еще служишь?»

— Устарѣлъ, ваше величество, хочу въ отставку.

— «Погоди, вмѣстѣ пойдемъ».

Отчего непріятна и грустна была служба въ Кіевѣ? быть можетъ, разскажу въ другой разъ.

Э. И. С...овъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Рукописный пяти-язычный словарь въ Нижегородской семинарской библіотекѣ и его происхожденіе.

Въ систематическомъ каталогѣ Нижегородской фундаментальной семинарской библіотеки 1874 года подъ № 3,887 значится: «Словарь языковъ разныхъ народовъ, въ Нижегородской епархіи обитающихъ, имянно: россіянъ, татаръ, чювашей, мордвы и черемисъ, по высочайшему соизволенію и повелѣнію ея императорскаго величества премудрой государыни Екатерины Алексѣевны, императрицы и самодержицы всероссійской, по алфавиту россійскихъ словъ расположенной и Нижегородской семинаріи отъ знающихъ оные языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ преосвященнаго Дамаскина епископа нижегородскаго и алаторскаго, сочиненной 1785 года, въ двухъ томахъ».

Не безъинтересна для ученыхъ, археологовъ и филологовъ исторія происхожденія этого доселѣ не изданнаго словаря.

Заботясь о просвѣщеніи инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, императрица Екатерина II пожелала имѣть у себя словари этихъ иноплеменныхъ народцевъ. Съ этою цѣлію она писала о своемъ желаніи тѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, въ епархіяхъ которыхъ жили тѣ или другіе изъ иноплеменныхъ народцевъ, и, между другими, и тогдашнему преосвященному нижегородскому Дамаскину Семенову-Рудневу. Вотъ рескриптъ императрицы къ епископу Дамаскину о семъ:

«Преосвященный епископъ нижегородскій Дамаскинъ! Считая, что въ Нижегородской семинаріи преподается ученіе языковъ разныхъ народовъ, въ епархіи вашей обитающихъ, я желаю: чтобы ваше преосвященство доставили мнѣ словарь тѣхъ языковъ съ россійскимъ переводомъ, расположа оной по алфабету россійскихъ словъ, и, сверхъ письмянъ оныхъ народовъ, написавъ по россійски каждое слово, какъ оное произносится. Пребываю въ прочемъ вамъ доброжелательная Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 26-го 1784 года.

Получивъ такой рескриптъ, преосвященный Дамаскинъ немедленно приступилъ къ выполненію монаршаго желанія.

Сначала избраны были для этого ученики семинаріи, а вскорѣ вызваны къ нимъ въ Нижній-Новгородъ и нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ, знающихъ иноплеменные языки. Вызывались преосвященнымъ также свѣдущіе изъ обратившихся въ христіанскую вѣру татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ. Всѣ они, подъ непосредственнымъ надзоромъ Дамаскина, трудились въ семинаріи и въ архіерейскомъ домѣ надъ составленіемъ пяти-язычнаго Словаря. Дѣятельность преосвященнаго не осталась безъ плода: въ 7 мѣсяцевъ приготовленъ былъ словарь въ двухъ томахъ. Порядокъ словъ расположенъ въ немъ по алфавиту русскому; противъ каждаго русскаго слова въ другихъ графахъ писались также по русски, только съ удареніями, слова татарскія и по татарски, мордовскія, чувашскія и черемисскія только по русски съ удареніями «за неимѣніемъ, какъ сказано въ заголовкѣ графъ, собственныхъ письмянъ у тѣхъ народовъ». Къ составленному словарю въ предисловіи Дамаскинъ написалъ краткое историческое и статистическое свѣдѣніе объ этихъ народахъ. Весь словарь съ предувѣдомленіемъ отосланъ къ императрицѣ 15-го апрѣля 1785 года въ копіи, а подлинникъ его, въ двухъ томахъ, содержащій въ себѣ болѣе 1,000 листовъ, отданъ въ Нижегородскую семинарскую библіотеку «для храненія въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній императрицы».

Хотя вся эта исторія пяти-язычнаго словаря описана архимандритомъ Макаріемъ (что нынѣ епископъ архангельскій), въ его «Исторіи Нижегородской іерархіи», въ біографическомъ очеркѣ преосвященнаго Дамаскина (стр. 171 и 172; Спб. 1857 г.), но тамъ нѣчто измѣнено въ существѣ дѣла, а кое-что передано невѣрно. Такъ, напримѣръ, архимандритъ Макарій почему-то измѣнилъ самый текстъ высочайшаго рескрипта, опустивъ въ немъ слова: «.... съ россійскимъ переводомъ, расположа оной по алфабету россійскихъ словъ, и сверхъ письмянъ оныхъ народовъ....» По смыслу рѣчи архимандрита Макарія выходитъ, что онъ опустилъ эти слова императрицы ради вящшаго восхваленія Дамаскина въ ущербъ мудрости императрицы Екатерины II, такъ какъ онъ въ панегирикѣ Дамаскину—по приведеніи рескрипта—далѣе говоритъ, что «епископъ (Дамаскинъ) самъ выбралъ методъ для составленія словаря»,—тогда какъ ничего подобнаго не бывало со стороны Дамаскина, а этотъ методъ, по которому и составленъ словарь, указала Дамаскину сама императрица въ выпущенныхъ архимандритомъ Макаріемъ словахъ рескрипта. Правда, архимандритъ Макарій, приводя рескриптъ, говоритъ въ примѣчаніи, что «подлинный рескриптъ хранится въ Нижегородской консисторіи», почему выходитъ, будто онъ этотъ рескриптъ списалъ для біографіи Дамаскина съ подлинника, а не съ копіи, приложенной къ словарю, и это какъ бы оправдываетъ пропускъ въ рескриптѣ, учиненный архимандритомъ Макаріемъ, но копія сдѣлана съ подлинника (взятаго, какъ увидимъ ниже, вопреки завѣщанію, изъ семинарской библіотеки въ консисторію въ 1803 году), свѣрена канцеляристомъ Степаномъ Ильинскимъ и подтверждена въ вѣрности съ подлинникомъ 1803 года марта 24-го дня секретаремъ Соколовскимъ. Далѣе архимандритъ Макарій говоритъ: «.... въ другихъ графахъ писались также по русски, только съ удареніями, слова татарскія, какъ и мордовскія, и чувашскія, и черемисскія». Но на дѣлѣ было не такъ: слова татарскія писались и русскими буквами съ удареніями и тутъ же и татарскими письменами, мордовскія же, чувашскія и черемисскія только русскими буквами съ удареніями, потому, какъ на-

мѣчено въ заголовкахъ графъ этихъ языковъ, что «у народовъ сихъ языковъ нѣтъ собственныхъ письмянъ». Наконецъ, архимандритъ Макарій говоритъ, что къ императрицѣ былъ отосланъ подлинникъ этого словаря, а въ семинарскую библіотеку переданъ списокъ съ него, но это не вѣрно. Вотъ подлинное завѣщаніе преосвященнаго Дамаскина о судьбѣ этого словаря, написанное имъ собственною рукою на оборотѣ заглавнаго (перваго) листа экземпляра пяти-язычнаго словаря, хранящагося въ Нижегородской семинарской библіотекѣ: «Какъ сей словарь на разныхъ языкахъ народовъ, въ Нижегородской губерніи обитающихъ, сочиненъ по именному ея императорскаго величества повелѣнію, то и рескриптъ ея величества, въ сей силѣ къ преосвященному Дамаскину епископу Нижегородскому насланный, прилагается при семъ въ оригиналѣ за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ: которой рескриптъ, равно какъ словарь, весь въ двухъ томахъ состоящій, съ коего точная копія послана къ ея величеству 15-го апрѣля 1785 года, отсылается въ семинарскую библіотеку съ тѣмъ, чтобы съ протчими семинарскими книгами хранился въ вѣчные роды, яко достопамятный монументъ премудрыхъ узаконеній ея императорскаго величества Екатерины Вторыя, императрицы и самодержицы всероссійскія. «Смиренный Дамаскинъ епископъ Нижегородской и Алаторской».

Ради ученаго интереса и возстановленія правды и истины я и рѣшился написать предложенную замѣтку.

Нижній-Новгородъ. **Аполлонъ Можаровскій.**

К. В. Чевкинъ

въ 1855—1862 гг.

Замѣтки къ статьѣ Н. Н. Селиѳонтова («Р. Старина», т. XXII, стр. 1—38).

Такъ какъ почтенный авторъ этого очерка, къ сожалѣнію, не служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія во время управленія имъ Константина Владиміровича, то очеркъ его основанъ большею частію на письменныхъ дѣлахъ и документахъ центральнаго управленія министерства.

При такомъ способѣ составленія очерка не мудрено, что въ немъ оказались нѣкоторые фактическіе недосмотры и недостатки, которые мы считаемъ нужнымъ пополнить. Во первыхъ, въ очеркъ дѣятельности бывшаго главноуправляющаго графа Клейнмихеля не извѣстно зачѣмъ попало сооруженіе обводнаго канала въ Москвѣ.

Обводный каналъ устроенъ еще при постройкѣ перваго постояннаго моста въ Москвѣ, такъ называемаго «Каменнаго моста», въ XVI-мъ столѣтіи [1]), для отвода р. Москвы на время его сооруженія; до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, онъ былъ въ видѣ рва около низменной площади, на которой останавливались хлѣбные обозы, называвшейся болотомъ.

При проектированіи, на счетъ строительныхъ суммъ храма Христа Спаси-

---

[1]) Древній мостъ этотъ уже разрушенъ и замѣненъ новымъ.

теля въ Москвѣ, канала, соединяющаго р. Москву съ Волгой, обводный каналъ этотъ вошелъ въ систему проектируемаго канала, для чего онъ значительно углубленъ и обдѣланъ камнемъ, а вынутою изъ него землею возвышена болотная площадь.

Въ началѣ канала устроена чрезъ р. Москву разборчатая плотина для наполненія канала водою, а въ концѣ устроенъ шлюзъ для выпуска судовъ въ р. Москву; всѣ эти сооруженія окончены задолго до назначенія графа Клейнмихеля главноуправляющимъ, но плотина была повреждена водою, а потому былъ поднятъ вопросъ о перестройкѣ оной по новой системѣ, и перестройка-то этой плотины, начатая прежде, окончена при вступленіи въ управленіе графа Клейнмихеля. Точно также Днѣпровско-бугскій каналъ и расчистка днѣпровскихъ пороговъ начаты до графа П. А. Клейнмихеля, и нельзя даже сказать, чтобы они были при немъ окончены, а только прекращена на нихъ работа, такъ какъ поднятъ былъ вопросъ о производствѣ работъ на другихъ основаніяхъ.

Самую любопытную часть статьи составляютъ выдержки изъ воспоминаній одного лица, служившаго въ центральномъ управленіи министерства, во время управленія имъ Константина Владиміровича; къ сожалѣнію, эти выдержки слишкомъ коротки.

Мы вполнѣ сочувствуемъ заключительнымъ словамъ характеристики Константина Владиміровича: «чуждый пристрастіямъ, онъ не имѣлъ фаворитовъ и въ назначеніи на должности соблюдалъ строгую справедливость».

Чтобы соблюсти эту справедливость, онъ старался лично ознакомляться со всѣми своими подчиненными; можно смѣло сказать, что, за исключеніемъ лицъ, служившихъ въ строительныхъ коммисіяхъ [1]), не было въ корпусѣ путей сообщенія инженера, котораго бы онъ не зналъ лично, и не зналъ, на что онъ способенъ. Для этого каждое незнакомое ему лицо, являвшееся въ Петербургъ, Константинъ Владиміровичъ подвергалъ строгому допросу о его службѣ и его занятіяхъ, — при объѣздахъ округовъ онъ приглашалъ всегда по нѣскольку инженеровъ къ себѣ на обѣдъ и въ откровенной послѣобѣденной бесѣдѣ наводилъ рѣчь на техническіе вопросы, и при своей проницательности вѣрно опредѣлялъ достоинство собесѣдника и потому ему легко было соблюдать справедливость въ наградахъ и назначеніяхъ.

При немъ мѣстное начальство не могло затереть лицо способное, и часто онъ удостоивалъ наградъ и назначалъ на должности вовсе не тѣхъ лицъ, которыхъ представляло ближайшее начальство, и когда одинъ начальникъ округа спросилъ канцелярію, почему дана награда лицу, имъ не удостоенному, то получилъ отвѣтъ, что главноуправляющему лично извѣстна служба каждаго инженера, и награды онъ раздаетъ по своему усмотрѣнію.

Въ очеркѣ Н. Н. Селифонтова, разсказанъ эпизодъ о постройкѣ Кіевобрестскаго шоссе и высказано, что Константинъ Владиміровичъ предполагалъ подвергнуть виновнаго отвѣтственности. Такимъ образомъ бросается непріятная тѣнь на лицо, заслуживающее полнаго уваженія; зная близко это дѣло, я могу сказать, что едвали Константинъ Владиміровичъ могъ имѣть подобное желаніе.

Такъ какъ лицо, избавленное отъ отвѣтственности, уже сошло съ жизненнаго поприща, то смѣло можно назвать его имя: лицо, избавленное отъ отвѣт-

---

[1]) На которыхъ, какъ справедливо сказалъ авторъ, онъ мало обращалъ вниманія. Н. П.

ственности по манифесту—инженеръ-генералъ-лейтенантъ Четвериковъ 1-й. Одно это имя уже показываетъ, что тутъ не могло быть никакихъ злоупотребленій [1]). Добросовѣстный во всемъ, но крайне мѣшкотный, онъ не рѣшался представить о добавкѣ платы Гладину (которому подрядъ былъ отданъ его предмѣстникомъ) безъ полнаго и фактическаго удостовѣренія въ дѣйствительной невозможности выполнить подрядъ, для чего онъ, подъ своимъ наблюденіемъ, заготовлялъ камень и щебень, для разныхъ участковъ, съ строгою экономіею, и только тогда представлялъ о добавкѣ Гладину денегъ, когда собственнымъ опытомъ убѣждался, что эта добавка есть дѣйствительная необходимость; на производство этихъ опытовъ онъ употреблялъ деньги, назначенныя на другія предпріятія. Зная вполнѣ службу, честность и добросовѣстность Четверикова, Константинъ Владиміровичъ прикрылъ самовольный поступокъ Четверикова высочайшимъ манифестомъ, но, конечно, этотъ манифестъ не спасъ бы отъ отвѣтственности лицо менѣе честное, чѣмъ Четвериковъ.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что наши личныя сношенія съ Константиномъ Владиміровичемъ оставили въ насъ только пріятныя воспоминанія, и мы всегда были въ рядахъ его поклонниковъ. Мы лично присутствовали при докладѣ ему дѣла по нашему проекту и можемъ только подтвердить все сказанное объ этихъ докладахъ Н. Н. Селифонтовымъ, но не можемъ не добавить, что докладъ дѣлъ начальникомъ отдѣленія, а не директоромъ департамента, кромѣ личнаго знакомства съ прямыми работниками, къ чему всегда стремился Константинъ Владиміровичъ, показывалъ его большую административную способность, ибо это очень облегчало ему прямое знакомство съ дѣломъ, которое ему предлежало рѣшать. Конечно, онъ дорожилъ способнымъ лицомъ на каждомъ мѣстѣ, но мы не вѣримъ, чтобы Константинъ Владиміровичъ могъ сказать, какъ то разсказываетъ Н. Н. Селифонтовъ со словъ одного изъ сослуживцевъ Константина Владиміровича, что «чиновника особыхъ порученій онъ можетъ брать съ улицы любого». Онъ не только не бралъ никого съ улицы, но не бралъ и чиновниковъ изъ другихъ вѣдомствъ, безъ короткаго знакомства съ дѣятельностію избираемаго.

Инженеръ Ник. Ив. Палибинъ.

Г. Тифлисъ.

Отъ Редакціи. Н. Н. Селифонтовъ, какъ не служившій въ вѣдомствѣ путей сообщенія ни при генералѣ Чевкинѣ, ни при графѣ Клейнмихелѣ, могъ руководиться при составленіи очерка лишь письменными документами и въ томъ числѣ сохранившеюся въ библіотекѣ покойнаго члена государственнаго совѣта Николая Ивановича Бахтина копіею съ извѣстнаго отчета графа Клейнмихеля, озаглавленнаго: «Обзоръ главныхъ распоряженій и работъ по указаніямъ незабвеннаго и вѣчной памяти достойнаго, въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича, произведенныхъ по вѣдомству путей сообщенія и публичныхъ зданій, съ 1842 по 1856 годъ».

Въ обзорѣ этомъ, подъ рубрикою «Устройство городовъ», «Въ Москвѣ», «по рѣкѣ Москвѣ», читаемъ:

«Судоходство въ Москвѣ, направляющееся отъ Оки по низовой части

---

[1]) Некрологъ покойнаго помѣщенъ нами въ «Журналѣ министерства путей сообщенія». Н. П.

р. Москвы, прекращалось близь Кремля у Каменнаго моста, построеннаго еще въ XVII столѣтіи. Возвышенный флюдбетъ его преграждалъ ходъ судовъ изъ одной части столицы въ другую.

«Для устраненія этого препятствія, сооруженъ Обводный каналъ, длиною 3½ версты, а для учрежденія непрерывнаго судоходства, при Бабьемъ городкѣ, гдѣ каналъ отдѣляется отъ рѣки Москвы, русло рѣки запружено разборчатою плотиною, а въ концѣ канала сооруженъ Краснохолмскій шлюзъ.

«Составленъ проектъ на перестройку Каменнаго моста съ пониженіемъ и уширеніемъ его, и сдѣланы распоряженія къ производству самыхъ работъ съ 1856 года.

«Выше Каменнаго моста, противъ храма Христа Спасителя, предположено соорудить черезъ р. Москву мостъ, отъ него открыть новую улицу до Обводнаго канала, и черезъ каналъ этотъ устроить мостъ для прямаго сообщенія Тверской и Пречистенской части съ Замоскворѣчьемъ. На всѣ эти работы проекты составлены» и т. д. Ред.

Замѣтка о стихотвореніи, приписываемомъ архіепископу Иннокентію.

Мы получили эту замѣтку по почтѣ отъ неизвѣстнаго лица, не подписавшаго своей фамиліи:

«Стихотвореніе «Не унывай» принадлежитъ не архіепископу Иннокентію, какъ пишетъ составитель его біографіи («Русская Старина» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 547), а — Соколову: такъ сообщилъ мнѣ архіепископъ литовскій Макарій. Въ эту ошибку Н. М. В—ва ввело собраніе сочиненій Иннокентія, изданное г. Вольфомъ, въ которое вошло это стихотвореніе; но въ этомъ собраніи есть и другія невѣрности. Стихотвореніе «Не унывай» находится у меня подъ рукою». Z.

Замѣтка по поводу разсказа г. Вистенгофа: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ».

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 193—216, статью подъ заглавіемъ: «Андрей Николаевичъ Карамзинъ», я, какъ несправедливо задѣтый авторомъ оной г. Вистенгофомъ, считаю своимъ долгомъ написать опроверженіе, не какъ оправданіе,—считая его совершенно излишнимъ,— но чтобы открыть истину и уничтожить несправедливую клевету, взведенную авторомъ на славный Александрійскій гусарскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить безвыходно сорокъ лѣтъ. Строкамъ моимъ прошу васъ, г. редакторъ, дать мѣсто въ уважаемомъ мною вашемъ журналѣ.

На стр. 193, авторъ заявляетъ, что большинство офицеровъ полка были польскаго происхожденія и что полковникъ Карамзинъ, прибывши въ полкъ, былъ встрѣченъ командиромъ полка, флигель-адъютантомъ графомъ Алопеусомъ, не особенно привѣтливо. Въ дѣйствительности же въ полку въ то время было только восемь офицеровъ польскаго происхожденія, что

можетъ всякій провѣрить взявъ списки полка того времени и что означаетъ, что офицеровъ польскаго происхожденія было далеко не большинство. Всѣ они были отличные офицеры, хорошіе товарищи и даже между собой объяснялись на русскомъ языкѣ, избѣгая разговоровъ на польскомъ, и никогда не употребляли его предъ фронтомъ. Карамзинъ былъ принятъ въ полку радушно и вскорѣ со всѣми познакомился, очаровавъ всѣхъ своимъ умомъ и любезностію. Графъ Алопеусъ встрѣтилъ его какъ стараго товарища, очень любезно, и все время былъ по прежнему къ нему въ хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Въ полку исстари было заведено принимать радушно прибывающихъ вновь достойныхъ товарищей, безъ задней мысли, что садятся на шею, тѣмъ болѣе этого не было относительно Карамзина.

На стр. 200, авторъ, какъ опытный наблюдатель, замѣтилъ на моемъ лицѣ неподдѣльное самодовольствіе по случаю назначенія моего будто-бы командующимъ полкомъ. Командиръ полка графъ Алопеусъ рапорта о болѣзни не подавалъ и приказъ по полку о назначеніи меня командующимъ не отдавался, а потому если бы и дѣйствительно я былъ такъ мелоченъ, какъ полагаетъ авторъ, то причинъ радоваться не имѣлъ; полковникъ Карамзинъ тоже рапорта о болѣзни не подавалъ, а увѣдомилъ запиской бывшаго начальникомъ отряднаго штаба князя Васильчикова, что онъ, по случаю пароксизма лихорадки, съ дивизіономъ на аванпосты идти не можетъ; но такъ какъ дивизіонъ выступилъ изъ лагеря 15-го мая, въ 9 часовъ утра, и Вистенгофъ, находясь въ 4-мъ эскадронѣ, тоже выступилъ, поэтому онъ не могъ слышать разговора Васильчикова съ Карамзинымъ, а тѣмъ болѣе самъ съ ними бесѣдовать, и все объясненное имъ на стр. 200—203 не болѣе какъ выдумка досужей фантазіи.

Разговоръ Вистенгофа съ подполковникомъ Сухотинымъ, стр. 205—208 лишенъ всякаго вѣроятія и я не допускаю, чтобы это говорилъ Сухотинъ, знавши его какъ человѣка правдиваго и съ которымъ я все время находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

1854 г., 16-го мая, въ 5 часовъ утра, эскадроны были готовы къ выступленію и, по неимѣнію мѣста выстроиться въ колонну, стояли передъ коновязями, которыя были разбиты, по той же причинѣ, въ разныхъ мѣстахъ, какъ позволяла мѣстность; люди были уже на лошадяхъ и офицеры находились на своихъ мѣстахъ. Ровно въ 5 часовъ я сѣлъ верхомъ и подъѣхалъ, прямо отъ своей палатки, не подъѣзжая къ фронту, къ палаткѣ Карамзина и вмѣстѣ съ нимъ уже подъѣхалъ къ фланговому эскадрону,—стало быть, не имѣлъ ни времени, ни случая вести съ офицерами выдуманный авторомъ разговоръ. Карамзинъ тотчасъ пустилъ лошадь въ карьеръ, обскакалъ всѣ эскадроны здороваясь съ людьми, но никакой рѣчи не говорилъ, а, поручивъ мнѣ вести отрядъ, самъ поѣхалъ къ начальнику дивизіи генералъ-лейтенанту фонъ-Фишбаху съ докладомъ, а въ городѣ около моста встрѣтилъ отрядъ и ѣхалъ впереди его; при выступленіи отряда Сухотинъ еще спалъ.

Описанный авторомъ статьи ходъ боя подъ Каракуломъ лишенъ всякой справедливости и я сомнѣваюсь, чтобы нашелся кто либо изъ участвовавшихъ въ бою, кто бы могъ передать автору все въ такомъ извращенномъ видѣ, а приписываю это желанію автора выставить въ неблагопріятномъ видѣ общество офицеровъ полка того времени, чтобы тѣмъ оправдать себя предъ лицомъ другихъ, какъ оставившаго полкъ не по собственному желанію.

Генералъ-маіоръ Дика.

Одесса. 1878 г.

Императрица Екатерина II.

О дозволеніи братьямъ Гернгутерамъ селиться въ Россіи

1763—1764 г.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской всеподданнѣйшій докладъ сѵнода. По высочайшему В. И. В—ва имянному, въ письменномъ сѵнодальнаго члена Димитрія, митрополита новгородскаго, предложеніи, объявленному повелѣнію, о выѣхавшихъ сюда изъ-за границы иноземцахъ, Гернгутами имянуемыхъ, что можно-ль допустить ихъ къ поселенію и жительству въ Россіи, сѵнодъ общее имѣлъ разсужденіе. А понеже сѵнодальные члены, упомяненной новгородскій митрополитъ Димитрій и Гавріилъ архіепископъ санктпетербургскій, изъ тѣхъ Гернгутовъ съ двоими—однимъ архидіакономъ (Павелъ Лайрицъ) а другимъ ассесоромъ (Иванъ Лорецъ) называющимися, имѣли довольные разговоры, и письменныя о состояніи секты ихъ на латинскомъ языкѣ извѣстія разсматривали, и изъ оныхъ примѣчано, что ученіе ихъ сходствуетъ съ лютеранскимъ, а паче съ реформатскимъ ученіемъ, съ малою токмо нѣкоторою отмѣною. А что касается до обрядовъ и честнаго христіанскаго обращенія, то уподобляютъ они себя первенствующимъ христіаниномъ, и называются общебратствомъ евангелическимъ. Того ради сѵнодъ всеподданнѣйше В. И. В—ву представляетъ, что, по разсужденію сѵнода, означеннымъ иноземцамъ, Гернгутами имянующимся, выѣздъ на поселеніе къ жительству въ Россіи позволить можно, такъ какъ и прочія лютеранской и реформатской и прочихъ религій люди свободнымъ здѣсь жительствомъ безпрепятсвенно пользуются, точію притомъ крѣпкое учинить имъ должно подтвержденіе, чтобъ они, въ свою въ Россіи бытность, никого изъ подданныхъ В. И. В—ва ни подъ какимъ видомъ, въ силу указовъ, своей секты учить и въ оную совращать отнюдь не могли. Болѣе же сѵнодъ предаетъ во особливое В. И. В—ва благоволеніе. В. И. В—ва всенижайшіи раби и богомольцы: Смиренный Димитрій митрополитъ новгородскій. Смиренный Гавріилъ архіепископъ санктпетербургскій. Лаврентій архимандритъ Троицкой Лавры. Кириллова монастыря Бѣлоезерскаго архимандритъ Сѵмеѳнъ. Оберъсекретарь Остолоповъ.

Декабря 22-го дня
1763 года.

Собственноручная резолюція императрицы Екатерины II на семъ докладѣ на полѣ: «По силѣ сего доклада Гернгутамъ дозволеніе поселиться отъ насъ дано будетъ».

Примѣчаніе. При семъ докладѣ приложенъ отпускъ диплома Гернгутскому братству на поселеніе въ Россіи 1764 года февраля 11-го дня, писаннаго на латинскомъ языкѣ и подписаннаго вице-канцлеромъ княземъ Александромъ Голицынымъ, по повелѣнію императрицы. На латинскій языкъ переложилъ этотъ дипломъ съ русскаго оригинала Григорій Тепловъ.

Въ 1764 году 6-го января архидіакономъ Павломъ Лайрицомъ и ассесоромъ Иваномъ Лорецомъ поднесена была Екатеринѣ II книга о вѣрѣ Гернгутеровъ, на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Exposition de l'origine, de la doctrine, des constitutions, usages et ceremonies ecclesiastiques de l'Eglise de l'Unité des Frères Evangeliques». Эта книга хранится при дѣлѣ въ великолѣпномъ золотомъ переплетѣ.

Распоряженія по случаю недостатка хлѣба въ Смоленской губерніи

1766 г.

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской отъ сената всеподданнѣйшій докладъ. Смоленская губернская канцелярія доношеніемъ въ сенатъ, отъ 28-го минувшаго февраля, представила о недостаткѣ въ тамошней губерніи у обывателей, а особливо у крестьянъ, въ хлѣбѣ, по причинѣ бывшаго въ прошломъ 1765 году неурожая, а притомъ доноситъ, что оною канцеляріею опредѣлено: 1-е, изъ наличнаго въ Смоленскомъ магазинѣ хлѣба выдать описной по корчемному дѣлу у полковника Потемкина деревни Рябинки крестьяномъ, до новаго урожая заимообразно, на первый случай, ржи 10, да ячменю 5 четвертей. 2-е, на основаніи указа 1723 года, чрезъ нарочнаго при канцеляріи секундъ-маіора Порошина и опредѣленнаго отъ магистрата, у смоленскихъ мѣщанъ хлѣбъ описать, и сколько явится, кромѣ подрядчиковъ и винныхъ поставщиковъ, прочимъ въ расходъ употреблять запретить. 3-е, въ Смоленской уѣздъ отправить прямо изъ Смоленска, а въ городы изъ тамошнихъ канцелярій нарочныхъ, чтобъ развѣдали тотчасъ и секретно, у кого есть хлѣба достаточное число, и потомъ освидѣтельствовавъ объявили-бъ, чтобъ никуда въ расходъ безъ указу не употребляли, а притомъ взяли-бъ о числѣ душъ сказки. 4-е, на Порецкой и Бѣльской пристаняхъ хлѣбъ также описать, и до будущаго указу оной въ Ригу отправлять и никуда въ расходъ употреблять не велѣть. 5-е, по присылкѣ-жъ всѣхъ оныхъ извѣстій

сколько изъявлявшагося хлѣба самимъ хозяевамъ оставить и поколику неимущимъ раздавать распоряженіе учинено будетъ. 6-е, ежели между тѣмъ окажется хлѣбъ на полки и команды или на вино и пиво подрядной, оной изъ описи выключить. 7-е, къ коммисарамъ послать ордеры, чтобъ помѣщикамъ объявили, дабы они по такому неурожаю крестьянъ и людей своихъ въ случаѣ недостатка довольствовали не надѣясь на казну, инако же сверхъ собственнаго своего убытка, когда оные разбредутся и за границу побѣгутъ, должны они подушныя деньги за нихъ платить. И о семъ надлежащее исполненіе учинено. А въ сенатъ, для извѣстія, доноситъ, какихъ ради причинъ на то поступлено; притомъ же представляетъ, что какъ изъ положенной 10,000 р. суммы употреблено для содержанія заграничнаго монастыря 2,376 рублевъ, да не употребленныхъ осталось 2,904 рубли 63 копѣйки съ четвертью, всего 5,280 рублевъ 63 копѣйки съ четвертью, то не соизволено-ль будетъ, на случай недостатка оныя, отпустить изъ коллегіи экономіи, а къ тому и еще сколько разсудится прибавить, дозволя на тѣ деньги хлѣбъ въ дешевыхъ мѣстахъ купить и неимущимъ раздавать.

В. И. В—ву сенатъ всеподданнѣйше представляетъ, что хотя въ доношеніи Смоленской губернской канцеляріи нимало не изъяснено, во сколькихъ мѣстахъ и коликое число людей недостатокъ въ хлѣбѣ претерпѣваетъ, а одна небольшая деревенька, въ которой оная канцелярія, описывая болѣе другихъ настоящую въ пропитаніи крайнюю нужду, доноситъ, что жителямъ той деревни выдать велѣно заимообразно ржи десять и ячменя только пять четвертей, примѣромъ на всю губернію служить не можетъ, тѣмъ наипаче, что сія деревня изъ-за помѣщика, въ корчемствѣ приличившагося, вышедъ въ опись, конечно, и безъ того можетъ быть въ такомъ состояніи, что и при хорошемъ хлѣба урожаѣ прокормить себя едва-ль можетъ, слѣдовательно и нельзя бы еще утверждать, чтобъ въ той губерніи обыватели и крестьяне совершенной недостатокъ въ пропитаніи имѣли, особливо когда въ то-жъ время получено отъ тамошняго губернатора увѣдомленіе, что, въ число годовой туда препорціи вина 26,000 ведръ, явилось тамошнихъ помѣщиковъ къ поставкѣ слишкомъ уже на 18,000 ведръ; но понеже, напротивъ того, сенатъ, усматривая, какъ изъ присланной изъ Смоленской губернской канцеляріи вѣдомости весьма возвысившіяся въ самомъ Смоленскѣ, а паче въ уѣздахъ хлѣбныя цѣны, такъ и по полученнымъ при томъ доношеніи не единственно изъ означенной уже одной малой деревеньки, но изъ шести разныхъ селеній весьма того худаго хлѣба пробамъ, которой въ оныхъ селеніяхъ нынѣ уже въ пищу употребляется, принужденъ не сомнѣ-

ваться, что въ тамошней губерніи, по нѣкоторымъ мѣстамъ, великой въ хлѣбѣ недостатокъ, то ко отвращенію онаго, другаго средства нѣтъ, какъ что буде у смоленскихъ мѣщанъ и у помѣщиковъ довольно излишняго хлѣба въ казну по настоящимъ цѣнамъ купить не сыщется, то необходимо надобно изъ приготовленнаго къ отпуску въ Ригу на Порецкой и Бѣльской пристаняхъ хлѣба, хотя по третей части у каждаго промышленника за деньги по настоящимъ же цѣнамъ въ казну взять, и тѣмъ совершенно неимущихъ пропитанія крестьянъ и обывателей заимообразно ссудить, ибо какъ изъ доношенія-жъ Смоленской губернской канцеляріи усмотрѣно, что хотя еще съ 1750 года заведенъ тамъ для таковыхъ случаевъ магазейнъ, и велѣно употребить на то до 10,000 рублевъ, почему и искуплено было хлѣба тысячъ на семь, однакожъ оной будучи въ разныя времена неимущимъ розданъ, донынѣ, за ихъ бѣдностію, еще не возвращенъ, такъ что теперь въ томъ магазейнѣ наличнаго хлѣба не болѣе какъ 192 четверти ржи, 64 четверти овса и 144 четверти ячменю состоитъ, и потому сенатъ, поднося для всевысочайшаго В. И. В—ва усмотрѣнія одну пробу изъ присланнаго при доношеніи Смоленской губернской канцеляріи хлѣба, пріемлетъ смѣлость В. И. В—ву всеподданнѣйше представить: не соизволите ли В. И. В—во изъ матерняго къ подданнымъ своимъ милосердія всемилостивѣйше повелѣть, на покупку въ Смоленской магазейнъ нужнаго къ пропитанію тамошнихъ жителей и крестьянъ хлѣба, отпустить изъ обращенныхъ на богоугодныя дѣла экономическихъ доходовъ до 15,000 рублевъ.

Всемилостивѣйшая государыня! сенатъ проситъ на оное В. И. В—а всевысочайшаго указа, дабы, получа оной, можно было, еще прежде открытія водяной коммуникаціи, смоленскому губернатору подать достаточныя наставленія къ отвращенію какъ недостатка въ пропитаніи народномъ, такъ и могущаго быть отъ тамошнихъ промышленниковъ неудовольствія въ случаѣ когда-бъ по необходимости принуждено было изъ приготовленнаго ими къ отпуску хлѣба удержать нѣкоторую часть на мѣстѣ. Князь Яковъ Шаховской. Петръ Панинъ. Адамъ Олсуфьевъ. Оберъ-секретарь Ермолаевъ.

Марта 14-го дня 1766 года.

Полученъ того же дня. Слушанъ марта 15-го дня 1766 году.

Повелѣніе Екатерины II: «Быть по сему; а что касается до покупки хлѣба, то оной стараться въ землѣ искупить, а болѣе у извѣстныхъ богачей, а ежели у нихъ достаточно не сыщется, то въ такомъ случаѣ покупать на пристаняхъ».

Изустный указъ императрицы Екатерины II о покупкѣ для арміи суконъ съ россійскихъ фабрикъ

1766 г.

Ея императорское величество всевысочайше указать соизволила: на армію английскихъ суконъ не покупать, а подряжать всегда съ россійскихъ фабрикъ и сіе содержать въ секретѣ. Генералъ-квартирмейстеръ князь Вяземскій.

Сентября 19-го 1766 года.

Слушанъ того жъ 19-го числа сентября.

О расходахъ на строенія—замѣтка Екатерины II.

1766 г.

На Царское Село.	15,000
На Петергофъ.	60,000
На Ораніенбаумъ.	50,000
На Зимній дворецъ	120,000
На Дѣвичій монастырь	40,000
Берегъ	200,000
	485,000
	24,000
На строеніе Александро-Невскаго монастыря. .	20,000
	529,000

Письмо Григорія Потемкина къ Екатеринѣ II

24-го мая 1769 г.

Всемилостивѣйшая государыня! Безпримѣрныя вашего величества попеченія о пользѣ общей учинили отечество наше для насъ любезнымъ. Долгъ подданнической обязанности требовалъ отъ каждаго соотвѣтствованія намѣреніямъ вашимъ и съ сей стороны должность моя исполнена точно такъ, какъ вашему величеству угодно. Я высочайшія вашего величества къ отечеству милости видѣлъ съ признаніемъ, вникалъ въ премудрыя ваши узаконенія и старался быть добрымъ гражданиномъ. Но высочайшая милость, которою я особенно взысканъ, наполняетъ меня отмѣннымъ къ персонѣ вашего величества усердіемъ.

Я обязанъ служить государынѣ и моей благодѣтельницѣ, и такъ, благодарность моя тогда только изъявится въ своей силѣ, когда мнѣ для славы вашего величества удастся кровь пролить; сей случай представился въ настоящей войнѣ и я не остался въ праздности.

Теперь позвольте, всемилостивѣйшая государыня, прибѣгнуть къ стопамъ В. В—ва и просить высочайшаго повелѣнія быть въ дѣйствительной должности при корпусѣ князя Прозоровскаго, въ какомъ званіи В. В—ву угодно будетъ, не включая меня навсегда въ военной списокъ, но только пока война продлится.

Я, всемилостивѣйшая государыня, старался быть къ чему ни есть годнымъ въ службѣ вашей, склонность моя особливо къ конницѣ, которой и подробности я смѣло утвердить могу, что знаю, впрочемъ, что касается до военнаго искусства, больше всего затвердилъ сіе правило, что ревностная служба къ своему государю и пренебреженіе жизни бываютъ лучшими способами къ полученію успѣховъ. Вотъ, всемилостивѣйшая государыня, чему научила меня тактика и тотъ генералъ, при которомъ служить я прошу вашего высочайшаго повелѣнія. Вы изволите увидѣть, что усердіе мое къ службѣ вашей наградитъ недостатки моихъ способностей и вы не будете имѣть раскаянія въ выборѣ вашемъ. Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Григорій Потемкинъ.

Въ квартирѣ кн. Прозоровскаго.
24-го мая 1769 году.

Повелѣніе Екатерины II о приготовленіи пасторовъ изъ русскихъ подданныхъ

1786 г.

На проектѣ Фитингофа объ учрежденіи главной консисторіи лютеранскаго и реформатскаго исповѣданія, поднесенномъ императрицѣ Екатеринѣ II, въ докладѣ отъ сената въ іюлѣ 1786 г., императрица собственноручно написала:

«Сей проектъ составленъ, по моему приказанію, д. т. совѣтн. Фитингофомъ и клонится къ тому, чтобъ заводить въ Лиф-Эст-и Финляндіи такожде, а въ Россіи гдѣ есть, протестантскія кирки поповъ изъ россійскихъ подданныхъ тѣхъ законовъ, дабы избавиться бродягъ шведскихъ и иныхъ націй, кои развращаютъ тѣ народы и не вперяютъ въ нихъ вѣрность и ревность къ Россіи, что нынѣ лѣтомъ въ Финляндіи довольно оказалось».

Графъ Ѳ. И. Толстой.

Мнѣ очень лестно, что разсказы о моемъ отцѣ, гр. Ѳ. Ив. Толстомъ, прозванномъ американцемъ, вошли въ литературной трудъ г-жи Новосильцевой, и, отдавая полную справедливость ея прекрасному таланту, я не могу однако не находить страннымъ, что авторъ не обратился ко мнѣ за болѣе вѣрными свѣдѣніями и согласіемъ моимъ на ихъ напечатаніе.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 538, г-жа Новосильцева говоритъ, что отецъ мой, въ англійскомъ клубѣ, заперъ двери и вынулъ пистолетъ, для побужденія къ расчету; не говоря о томъ, что эта трактирная сцена немыслима не только въ англійскомъ клубѣ, въ который въ то время ѣздили не иначе какъ во фракахъ, но даже невозможна и въ любомъ шустеръ-клубѣ, гдѣ есть старшины и нѣтъ запираемыхъ на ключъ комнатъ для игры; къ этому я должна прибавить, что гр. Толстой никогда не носилъ при себѣ пистолета. Охоты онъ не любилъ и въ нашемъ домѣ не было ни одной вещи, ее напоминавшей.

Разсказы г-жи Новосильцевой, помѣщенные ею въ «Русской Старинѣ» томъ XXI, стр. 334, тоже не вѣрны.

Отецъ мой умеръ на моихъ рукахъ, въ присутствіи моей матери и любимаго имъ семейства, графини Прасковьи Васильевны Толстой. Петра Александровича Нащокина при этомъ не было и никто изъ семейныхъ не находилъ нужнымъ извѣстить его о близкой кончинѣ графа. Причина же, объясняющая въ разсказѣ г-жѣ Новосильцевой его отсутствіе, не заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ непроѣздныхъ дорогъ, по шоссе, въ 80-ти верстномъ разстояніи отъ Москвы, 24-го октября, трудно себѣ представить.

Никакими кольцами Нащокинъ съ отцомъ моимъ не мѣнялся, но у графа было особаго фасону вѣнчальное кольцо, по образцу котораго Петръ Александровичъ когда-то заказалъ такое же для себя.

Отецъ похороненъ безъ кольца; никогда не дрался на дуэли вмѣсто Нащокина, съ нимъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ, одиннадцать разъ не былъ разжалованъ, а два раза, и не попадалъ къ Крузенштерну прямо съ дороги на балъ.

Покорнѣйше прошу редакцію журнала «Русской Старины» напечатать мою замѣтку въ вашемъ журналѣ, а въ случаѣ печатанія новыхъ статей, касающихся моего отца, обращаться ко мнѣ.

Прасковья Ѳедоровна Перфильева,
рожденная графиня Толстая.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ
ГУСТАВА III,
КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО,

1788 года, іюля 6-го дня.

Стихотвореніе В. П. Петрова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1788.

Это сатирическое произведеніе В. П. Петрова, по словамъ митр. Евгенія («Словарь свѣтскихъ писателей», т. II, 118), было напечатано въ 1788 году только въ 50 экземплярахъ. Оно уже давно сдѣлалось величайшею библіографическою рѣдкостью, неизвѣстною ни одному изъ библіографовъ нашего времени. Только начало стихотворенія, до словъ: «клади всю Русь подъ саблю!» сохранилось въ корректурныхъ листахъ въ библіотекѣ М. П. Полуденскаго и было перепечатано А. Н. Аѳанасьевымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 года (№ 19, стр. 605—608), а въ 1867 г. отыскалась и полная копія съ рукописи въ собраніи А. Ѳ. Бычкова. Мы тогда напечатали ее отдѣльной брошюркою, но только въ количествѣ 100 экземпляровъ, изъ которыхъ въ продажу поступило не болѣе 25, такъ что и наше изданіе можно считать какъ бы рукописью. Оно не попадалось въ руки даже такимъ спеціальнымъ изслѣдователямъ отношеній Екатерины II къ Густаву III, какъ Я. Гротъ и А. Брикнеръ, изъ которыхъ первый три раза печаталъ о Екатеринѣ II и Густавѣ III (въ «Старой и Новой России», въ «Запискахъ Академіи» и отдѣльно), а второй, кромѣ обширнаго изслѣдованія о войнѣ съ Швеціей 1788—1790 г., посвятилъ особую статью комической оперѣ Екатерины: «Горе богатырь». Между тѣмъ оба изслѣдователя вовсе не упоминаютъ о сатирѣ В. Петрова, имѣющей близкое соотношеніе съ комедіей императрицы.

Напомнимъ вкратцѣ читателямъ о Густавѣ III и его «приключеніи», послужившемъ основою стихотворенія.

Густавъ III, король шведскій, сынъ и преемникъ Фридриха-Адольфа, царствовалъ съ 1771 по 1792 годъ. Онъ былъ человѣкъ образованный, умный, отважный и рѣшительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне тщеславный и расточительный, и имѣлъ несчастную слабость выказываться полководцемъ и доблестнымъ рыцаремъ давно минувшихъ временъ, въ чемъ доходилъ нерѣдко до донкихотства. Почти во все время своего царствова-

нія онъ пользовался любовью народа и ненавистью аристократіи, у которой при самомъ вступленіи на престолъ отнялъ власть, находившуюся въ ея рукахъ со смерти Карла XII. Съ Россіей Густавъ III сначала былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и дважды пріѣзжалъ на свиданіе съ императрицею Екатериною II, одинъ разъ въ Петербургъ (въ 1777 г.) и другой разъ въ Фридрихсгамъ (въ 1783 г.). Императрица при этомъ хорошо узнала его слабыя стороны и въ послѣдствіи превосходно умѣла пользоваться ими для своихъ политическихъ цѣлей. Получивъ отъ нея 200 т. рублей, въ видѣ вознагражденія издержекъ за поѣздку въ Фридрихсгамъ, Густавъ III отправился путешествовать по Европѣ и этимъ путешествіемъ, сопряженнымъ съ разными выходками и крайнею расточительностью, много потерялъ въ мнѣніи своего народа, а Россіи доставилъ случай на свободѣ управиться съ его союзниками — турками. Въ 1786 г. Англія и Пруссія начали подстрекать его къ войнѣ съ Россіею, чтобы, пользуясь войной ея съ турками, онъ возвратилъ всѣ прежнія утраты земель шведскаго королевства. Густавъ III легко поддался искушенію и предлогъ къ войнѣ нашелъ въ незначительной схваткѣ шведскаго отряда съ русскимъ при ссорѣ за мостъ на пограничной рѣчкѣ Кюмени. Утверждаютъ даже, что онъ велѣлъ нерерядить часть шведовъ въ русскіе мундиры и напасть имъ на другихъ шведовъ.

Эта неожиданная Россіей война началась лѣтомъ 1788 г., при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, потому что всѣ военныя силы были на югѣ и даже Петербургъ былъ безъ защиты. Тѣмъ не менѣе, императрица отвергла непомѣрныя условія Густава III для мира и наскоро были собраны всѣ средства къ оборонѣ. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ отправился въ походъ, но однако вскорѣ былъ отозванъ императрицею. Сухопутнымъ войскомъ въ Финляндіи начальствовалъ король Густавъ, а флотомъ его братъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Послѣдній однако пропустилъ удобное время для нападенія и далъ срокъ собраться всему русскому флоту, такъ что въ морскомъ сраженіи при о. Гохландѣ, 6-го іюля 1788 г., шведы были разбиты и принуждены уйти къ Свеаборгу. На сухомъ пути самъ Густавъ предпринялъ осаду Фридрихсгама, но представители аристократической партіи въ войскѣ успѣли въ это время составить заговоръ, извѣстный подъ именемъ Аньяльскаго союза. Въ началѣ августа военные начальники объявили королю, что они не могутъ принимать участія въ наступательной войнѣ, начатой безъ согласія государственныхъ чиновъ, а солдаты отказались идти на штурмъ, не смотря на всѣ убѣжденія короля. Онъ не могъ ничего сдѣлать, а между тѣмъ было получено извѣстіе о вторженіи датчанъ въ Швецію, и Густавъ III поспѣшилъ въ Стокгольмъ, куда и прибылъ въ сентябрѣ. Аньяльскій союзъ (такъ названный отъ Аньяльской мызы, гдѣ собирались заговорщики) вступилъ между тѣмъ въ переговоры съ русскими и заключилъ перемиріе.

До этого момента войны В. Петровъ довольно подробно передаетъ всѣ обстоятельства похода въ пророчествѣ Карла XII Густаву III, изъ чего и можно заключить, что стихотвореніе написано въ послѣдней четверти 1788 года. Сама императрица также не оставила безъ насмѣшки неудачную попытку Густава III, и написала по этому поводу комическую оперу: «Горе-богатырь».

Добавимъ еще, что Густавъ III, при помощи угрозъ Англіи, съумѣлъ удачно раздѣлаться съ датчанами и этимъ возвратилъ себѣ часть потеряннаго уваженія и любви городскаго и сельскаго населенія; а опираясь на него и на духовенство, онъ еще разъ успѣлъ сломить, на сеймѣ 1789 г., враждебную себѣ аристократію и еще болѣе расширилъ королевскую власть и поднялъ значеніе средняго сословія, предоставивъ ему доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ, прежде исключительно принадлежавшимъ аристократамъ. Войну съ Россіей онъ продолжалъ, съ неравнымъ успѣхомъ, до половины августа 1790 г.; шведскій флотъ неоднократно терпѣлъ пораженія отъ русскаго, но и русскій флотъ былъ разбитъ въ іюнѣ 1790 года. Густавъ III однако не извлекъ выгоды изъ этой побѣды: онъ уже задумалъ въ это время воевать съ Франціей за освобожденіе Людовика XVI. Миръ съ Россіей былъ заключенъ 14-го августа и все было оставлено по прежнему, какъ и до начала войны.

Послѣ этого Густавъ началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Франціей, въ союзѣ съ Россіей и нѣмецкими государями, для чего и предпринималъ поѣздку въ Германію. Но, по возвращеніи его оттуда, аристократическая партія, опасаясь новыхъ стѣсненій, рѣшилась прибѣгнуть къ убійству. Въ ночь на 17-е марта 1792 г., во время маскарада, Густавъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ пистолета отставнымъ гвардейскимъ маіоромъ Анкарстремомъ и умеръ черезъ 12 дней.

П. А. Ефремовъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

ГУСТАВА III,

КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО.

1788 г. іюля 6-го дня.

Густавъ,
Въ покоѣ жить уставъ,
Войной на Русь воздвигся;
По Карлову остригся
Въ страхъ русскихъ городовъ и селъ,
И чтобъ избыть въ здоровьѣ траты,
Одѣлся въ латы,
Какъ въ кожу льва оселъ:
Богатырина страшной,
Коль рокъ послужитъ вертопрашной!
Обставя пушками Нейшлотъ,
Онъ вывелъ въ море сильный флотъ.
Была велика сшибка!
И въ томъ Густавова немалая ошибка,
Что флотъ пустилъ безъ латъ.
Желая драться споро,
Онъ скоро
Потребовалъ заплатъ;
Въ немъ часты сдѣлались прорѣхи.
Летали ядра какъ орѣхи,
Картечи какъ горохъ;
Нѣтъ времени промолвить: охъ!
Затеръ Густавъ густую брагу,
Такъ надобно имѣть распить ее отвагу.

Понтъ тихъ,
Рокъ лихъ,
Стрѣльба не умолкаетъ;
Суда недвижны смерть толкаетъ
Со всѣхъ сторонъ,
Безъ милосердья ихъ рѣшетитъ,
И въ шведовъ безъ ошибки мѣтитъ;
Великъ уронъ!
Лишась отваги,
Неволей преклоняютъ флаги.
Густавъ велитъ налечь
И не жалѣть картечь;
Усталымъ снова жаръ вдыхаетъ,
И силой въ бой увѣчныхъ пхаетъ.
Но тщетны всѣ труды:
Густаву въ дракѣ носъ разбили до руды.
Кровавыхъ каплей видя росу
И трату кораблей,
Въ несчастну ночь
Дырявый флотъ онъ тянетъ прочь,
Для поправленія мачтъ, палубъ и рулей,
И для починки носу.
Лишь выступилъ на брегъ,
Искалъ уединиться,
И вздумалъ въ ближнюю долину уклониться,
Оставя всѣхъ.
Тамъ сталъ какъ вкопаной и голову повѣсилъ,
Воображая, чтò сегодня начудесилъ.
Тогда надъ нимъ полна
Свѣтила блѣдная луна,
Нигдѣ вокругъ не слышно было шуму;
Тѣмъ больше онъ погрузнулъ въ думу:
Не разъ свои полки въ умѣ пересчиталъ,
И средства разныя, томясь, изобрѣталъ,
Съ котораго зайти бы боку,
Чтобъ рану дать Руси глубоку.
Среди задумчивости таковой,
Тѣнь Карлова къ нему подходитъ,
И обоймя его, какъ человѣкъ живой,
Съ нимъ рѣчь сію заводитъ:
«Какой на морѣ звукъ
Надѣлалъ ты, мой внукъ?
Ажнò я въ гробѣ пробудился.
За что на Русь ты такъ жестоко разсердился?
Я съ ней поставилъ вѣчной миръ;
Что значитъ сей кровавой пиръ?»

* * *

«Одѣвшись въ латы»,
Густавъ ему въ отвѣтъ,
«Я тщуся возвратить утраты,
Что мой надѣлалъ дѣдъ».

КАРЛЪ.

О! это, другъ мой, поздно,
Минувше ты забудь;
Коль было таково сужденье неба грозно,
Покоренъ року будь;
Ты прёшь противъ рожна напрасно;
Кто вредной далъ тебѣ совѣтъ?
Съ соперникомъ своимъ согласно
Твой дѣдъ на свѣтѣ томъ живетъ;
Ему на здѣшнемъ подражая;
Съ Россіей дружно ты живи,
И, никого не обижая,
Отцомъ народа прослыви.

ГУСТАВЪ.

Однако, дѣдъ, вѣдь то не худо,
Чтобъ былъ умаленъ Россъ?

КАРЛЪ.

Но произвесть такое чудо
Мой внукъ, мнѣ мнится, не доросъ.

ГУСТАВЪ.

Какъ! нѣтъ такого силъ достатку
Во сродникѣ твоемъ,
Чтобъ горду Русь нагнуть къ упадку?
Я льщусь успѣть со славой въ семъ,
Льщусь русскихъ разметать какъ чурокъ;
Тѣмъ занятъ весь, на то иду;
Мѣшками золота отъ турокъ
На ихъ подкупленъ я бѣду:
Ты знаешь ли—межъ ихъ идетъ ужасна ломка,
И туркамъ плохъ въ сраженьяхъ прокъ;
Такъ твоего они потомка
Просили облегчить ихъ рокъ.

И я, вообразя о нихъ къ тебѣ заслугѣ,
Беру ихъ къ сердцу честь,
И въ брань вступаю надосугѣ;
Палю, за тѣмъ что порохъ есть.

КАРЛЪ.

Такъ ты воюешь, внукъ, за взятки
И ставишь подданныхъ подъ пушки на подрядъ!
Коль слабъ твой умъ и мысли шатки!
Ну, что, когда грѣкомъ съ тобой такой же лядъ
Послѣдуетъ, какой съ султаномъ?
Доселѣ, внукъ мой, жилъ ты паномъ;
Теперь, военному вдаваяся труду,
Самъ кличешь на себя бѣду.

ГУСТАВЪ.

Такъ развѣ опускать мнѣ пользы очевидны
И лучшихъ случаевъ къ наживѣ тщетно ждать?
Твои мнѣ рѣчи, дѣдъ, обидны;
Ты долженъ по себѣ о внукѣ разсуждать.
Открыться на-прямки: я ту-жъ ко славѣ жажду
Питаю, какъ и ты.
Я мучился минуту кажду,
Мнѣ мало трона суеты,
Мнѣ сфера надобна пошире,
Повыше почестей амвонъ,
Чтобъ видѣнъ былъ я въ цѣломъ мірѣ,
И всѣ бъ, уставя перстъ, кричали: вонъ онъ! вонъ!
Ка̀къ я къ тебѣ приближенъ,
Великій дѣдъ, родствомъ—
Хочу быть близокъ удальствомъ;
За тѣмъ-то я, взгляни, по твоему остриженъ!

***

Сколь ни былъ Карлъ угрюмъ,
Неволей усмѣхнулся,
Подумавши—никакъ ума Густавъ рехнулся.
Но чтобъ возобновить въ немъ прежню здравость думъ,
За сумасшествіе его не обличаетъ,
Но кротко отвѣчаетъ:

«Я вижу, ты себя по-дѣдовски остригъ,
Да волосовъ въ царѣ важна ли, внучекъ, стрижка?
Когда чрезъ то добротъ въ душѣ твоей нѣтъ лишка,
Все въ мѣру твоего ты дѣда не достигъ.»

***

«Какъ! я не дѣдъ?» Густавъ тутъ крикнулъ велегласно;
«Я дѣдомъ быть искалъ всечасно,
Да имъ и сдѣлался, всю мочь употребя:
Всмотрись въ Густава ты, увидишь въ немъ себя!»
То молвя, какъ солдатъ предъ тѣнью выступаетъ,
Бросаетъ ноги вверхъ, бьетъ крѣпко въ земь пятой.
Движеній разнотой
Почтеніе себѣ у дѣда покупаетъ.
Вдругъ, мечъ изъявъ, кричитъ: «во фрунтъ! ступай! рази!
Клади всю Русь подъ саблю!
Не значитъ ли сіе течь въ дѣдовски стези;
Я Карлъ и Карлова въ жизнь духа не оставлю!
О, жаръ какой въ груди моей скопленъ!
Мнѣ нужно было расходиться,
А то пойдетъ бѣда плодиться
И русскихъ неизбѣженъ плѣнъ».

***

Качая головой, тутъ Карлъ ему вѣщаетъ:
«Твой жаръ и похвальба,
Страхъ, ужасъ и пальба
Мнѣ, милой внукъ, отнюдь добра не обѣщаетъ.
Одумайся, смирись,
Моимъ примѣромъ умудрись.
Ты лучше бы прегрѣшности исправилъ,
Когда бы мирно правилъ.
Теперь шумя, бурля, взнимая гордо бровь,
Боюсь, надѣлаешь ты тратъ ужасныхъ вновь;
Отвага безъ ума — больша въ войнахъ помѣха,
И гнѣвъ безъ силъ достоинъ смѣха.
Ты въ сердцѣ разбуди къ отечеству любовь
И некрещеному престань дружить невѣждѣ:
Арабска золота дороже шведска кровь.
Не вѣрь прельщающей надеждѣ:
Обрушиться тотъ можетъ въ мигъ,
Кто силъ не мѣряетъ своихъ.
Межъ нами молвить, внукъ, хотя и мнишься ты,
Среди подъятой суеты,

Быть страшенъ
На здѣшнемъ берегу;
Но льзя ли утаить, что носъ тебѣ расквашенъ
На первый въ бой шагу,
Что шведскій флотъ разбитъ, растраченъ, измочаленъ,
Что чернь и весь сенатъ тѣмъ сильно опечаленъ,
И въ гробѣ принужденъ и я вздыхать: охъ, охъ!
Вотъ твой зачинъ! сколь выѣздъ въ море плохъ!»

***

«Великій предокъ!»
Густавъ прервалъ съ сердцовъ;
«Между героевъ ты сколь храбростью ни рѣдокъ,
Дозволь себѣ сказать правдивы пять-шесть словъ:
Ты весь перемѣнился нравомъ,
Мнѣ кажется, на томъ ты свѣтѣ поглупѣлъ;
Живя межъ смертными и бывъ въ разсудкѣ здравомъ,
Ты тò ли пѣлъ?
Любилъ подъ лаврами корону,
Ни людямъ не давалъ, ни пушкамъ угомону,
Ходилъ съ ружьемъ вблизи, вдали,
Всегда кричалъ: пали! пали!
Теперь меня склоняешь къ миру,
Чтобъ я бездушному подобенъ былъ кумиру,
Сидѣлъ
Безъ дѣлъ,
Поджавши руки,
И умиралъ со скуки.
Нѣтъ,
Милый дѣдъ!
И я хочу искать побѣдъ!
Коль тысячи людей моей послушны волѣ,
За чѣмъ на ратное и мнѣ не выйти поле,
За чѣмъ не посадить съ разбѣгу на рога
Стариннаго врага?
Что жарко встрѣченъ я, въ томъ нѣтъ большой потери,
Отворены и мнѣ впередъ къ побѣдамъ двери;
Премѣнно счастье на войнѣ —
Сегодня имъ, а завтра мнѣ.
А ты журишь меня,
Какъ глупаго молокососа;
Напоминаешь мнѣ расквашеніе носа,
Некстати надо мной труня.
Ты счастья на войнѣ превратность самъ извѣдалъ!
Я чаю — если ты не все забвенью предалъ,

Что съиграно съ тобой
Насмѣшницей судьбой —
Ты помнишь тотъ разгромъ, ту вяху подъ Полтавой,
Когда на вѣкъ разставшись съ славой,
Изъ боевой стѣны
Ты первый на-утекъ всѣмъ махомъ побѣжалъ
И чуть штаны
На мѣстѣ, гдѣ сидѣть имъ должно, удержалъ.
И послѣ, будучи и слабъ и хромъ отъ раны,
Не преставалъ ты бить тревогу въ барабаны,
Пока тебя ядро, ударивши въ високъ,
Повергло мертва на песокъ.» [1])

***

Тутъ Карлъ, чело нахмуря
И двигаясь какъ буря,
Весь гнѣвомъ запылалъ,
И изъ-подъ руки пыхъ за пыхомъ посылалъ;
Три раза кулакомъ на внука замахнулся;
Три раза отъ него внукъ съ нуждой увернулся;
Впослѣдокъ, разъярясь, онъ возопилъ: «Щенокъ!
Тебѣ ли получать побѣдами вѣнокъ?
Шишимора, не воинъ!
Не лавра—смѣха ты, иль больше, слезъ достоинъ!
Для безопасности отъ пуль
Запрятавшись ты въ латы,
Какъ въ крѣпкостѣнныя палаты,
Заранье всѣмъ далъ знать, что ты въ герояхъ нуль.
О, черепъ на хребтѣ носящая улитка!
Смѣшна твоя на брань попытка;
Смѣшонъ порывъ
Россіи сопротивъ!
Ты, злостью на нее пылая,
Не смѣлъ съ ней явно рукъ смѣсить;
Но какъ лукавый песъ, не лая,
Хотѣлъ, подкравшись, укусить,
Пятой ее ударить въ зубы.
Оплакивай теперь свои поступки грубы,
Сумбуръ взысканій и угрозъ,
И, плача, утирай кровоточивый носъ.

---

[1]) Карлъ подъ Полтавой не убитъ; наканунѣ сраженія раненъ опасно въ ногу; въ сраженьяхъ качалка его пушечною картечью разбита, а онъ цѣлъ остался и бѣжалъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ Бендеры. *(Примѣч. въ рукописи).*

Измѣнникъ отчества, свободы общей хищникъ,
Что подданныхъ кровьми торгуешь какъ барышникъ,
На кучу ты даровъ Абдуловыхъ взгляни
И кучу съ оною тѣхъ мертвыхъ тѣлъ сравни,
Безвинно коихъ ты подвелъ подъ русски пушки.
Иль жизни ихъ, злодѣй, не стоятъ ни полушки?
Кто выучилъ тебя такъ мыслить, басурманъ,
Что, если королю угодно,
Премногихъ съ тратой душъ онъ можетъ благородно
Свой златомъ набивать карманъ?
Ты, конча, въ-тай пріялъ магометанску вѣру,
Что преданъ туркамъ такъ надмѣру.
Надѣнь, надѣнь чалму,
Поклонникъ Магометовъ,
И свѣту покажи всему,
Что первый ты для мзды обрѣзался изъ шведовъ.
Между даровъ тебя въ честь присланъ алкоранъ,
Абдулъ и ты—души не слышите другъ въ другѣ:
Великомочный онъ на югѣ,
Ты въ Нордѣ маленькой тиранъ;
Софы султанскія подпора,
Для боли сердца моего,
Въ бѣду отечества всего
И христіанству для позора.
Но, о второй визирь! Магмедовъ богатырь!
Когда ты такъ упоренъ
И здравымъ мыслямъ непокоренъ,
Рѣшился Швецію преобратить въ пустырь,
Такъ слушай же тебѣ грозящія впредь бѣдства.
Мнѣ всѣ войны открыты слѣдства;
Изъ устъ моихъ теперь
Внимай число твоихъ потерь:
Ты много тысячъ пудъ утративъ солонины,
Солдатамъ хлѣбъ твоимъ представишь изъ мякины.
Они, его ѣдя не всласть,
Колькратно будетъ онъ въ ихъ горлѣ становиться—
Тебя за симъ столомъ согласно будутъ клясть,
Желая тѣмъ тебѣ всѣхъ прежде подавиться.
Ты будешь казанье въ церквахъ читать, какъ попъ,
И ленты раздавать съ амвона,
Чтобъ твоего въ защиту трона
Охотнѣй тотъ, кто глупъ, на смерть свой ставилъ лобъ.
Вельможи, видя то, въ-тай сердца будутъ плакать,
А чернь, розиня рты,
Дивиться, смѣючись, что ты
Снисходишь безъ чиновъ такъ въ публикѣ калякать.—
Чтобы во твой предѣлъ не допустить врага,

Ты каменны мосты, смыкающи брега,
Велишь ломать отъ страху,
И то испортить съ-маху,
Что прежде бранныхъ бѣдъ
Стояло много лѣтъ.
Который чортъ и что̀ тебѣ далъ за охоту
Губить безъ жалости рукъ собственныхъ работу?
Въ сильнѣйшемъ твоего неистовства жару,
Въ самомъ на бой яру,
Оружники твои, къ отечству равнодушны,
Окажутся тебѣ презрительно-ослушны.
Ты скажешь имъ: во фрунтъ! о други, полетимъ!
Они тебѣ: — король! мы драться не хотимъ!
Вложи въ ножны свой клинокъ,
Иль, ежели ты смѣлъ,
Такъ выйдь противъ Руси одинъ на поединокъ.
Намъ ребры надобны и свѣтъ не надоѣлъ! —
А какъ тебя тутъ взбѣситъ,
Ты радъ бы всѣхъ ихъ съѣсть,
Но страхъ въ душѣ твоей всю лютость перевѣситъ:
Ты долженъ нѐхотя досаду горьку снесть.
Вскричишь, съ ума сойдя:
Казните дерзкихъ строго!
Но смѐкнешь, разсудя,
Что ты—одинъ, ихъ много.
Не на̀йдешь палача,
Самъ развѣ ихъ накажешь:
Кого нибудь по шеѣ смажешь
Рукой державной съ-горяча,
И тѣмъ явишь въ себѣ кулачника исправна.
Комедія забавна:
Царь будетъ гнѣваться, браниться, топотать,
А подданны надъ нимъ внутрь сердца хохотать! —
Отъ одного державы края
Походъ къ другому простирая,
Чрезъ горы, долы, рѣкъ струи,
Чрезъ лѣсъ, потоки и ручьи,
То на конѣ, то пѣшій,
Шататься будешь ты, какъ лѣшій,
Туда
Сюда,
Голодныхъ воиновъ таская,
И ихъ до подлости лаская —
Съ тобою вмѣстѣ жить, съ тобою умереть;
А самъ назадъ всякъ часъ смотрѣть
Всѣ-ль идутъ за тобою слѣдомъ:
Чтобъ вмѣсто предлагаема врага,

Склоненьемъ въ сторону шага,
Не погнались куда невѣжи за обѣдомъ.
Рушенье видя стѣнъ,
Людей твоихъ постыдный плѣнъ,
Какъ нищій будешь ты просить о перемирьи,
Чтобъ датчане тебя не трогали, какъ чирьи:
Ты съ ними не дрался,
Ты съ этой стороны къ войнѣ не собрался.
Тутъ сдѣлаешься ты вдругъ кротокъ какъ овечка,
И снявъ чалму или шеломъ,
Постыдно будешь бить предъ стряпчими челомъ:
Замолвить за тебя противнымъ полсловечка;
Съ турецкимъ золотомъ развяжешь кошельки,
Самъ будешь ужъ дарить всей чливостью руки;
Войны ни перервать и продолжать не смѣя,
И что начать недоумѣя,
Замучишься тоской, свой видя близкій матъ,
Абдулу, и дарамъ, и животу нерадъ.
Въ послѣдокъ довершить несчастье
И съ ногъ до головы чтобъ въ студъ тебя облечь—
Судьба изъ рукъ твоихъ исторгнетъ самовластье,
Служившее тебѣ, какъ бѣшеному мечъ.
Въ погибели людей и флота
Потребуютъ съ тебя отчета;
Ты станешь совѣсти на судъ
И будешь обличенъ, какъ скверный ты сосудъ,
Буянъ отъ хмѣля непокойный,
Монарша сана недостойный.
Представь, что̀ будешь ты тогда,
Когда
Златая вольность вновь возникнетъ,
И весь народъ ура! ей въ радости воскликнетъ,
Кляня тиранскихъ вслухъ насиліе когтей;
Когда мечтамъ твоимъ поставятся предѣлы,
И перевязи бѣлы
У всѣхъ спадутъ съ локтей.
И такъ ты былъ великъ неслишкомъ —
Военныхъ послѣ бѣдъ
Презрѣннымъ будешь ты въ Европѣ королишкомъ,
Иль какъ ненадобный для царства кормоѣдъ.
Нельзя уже тогда задрать тебѣ сосѣдей,
А развѣ на волковъ возстанешь и медвѣдей,
Или на кабановъ, средь блатныхъ камышей,
И крысъ дворцовыхъ и мышей.
Не нужно тутъ ужъ войскъ, ни ядръ, ни пуль свинцовыхъ—
Наступливай, драчунъ!
Одною головою,

С предлинной булавою,
Какъ Геркулесъ имъ дашь ты скоро карачунъ;
Всѣ твари мечъ твой, трясучись, почуютъ!
Тогда-то ужъ, мой другъ,
Большой тебѣ досугъ —
Пріобрѣтать вѣнки, трофеи, пирамиды.
Послушай-же, Густавъ, какъ можно не робѣй,
Всѣхъ гадинъ перебей;
Безъ панцыря и пушекъ
Дави лягушекъ
И что ни попадетъ все, вышедъ изъ земли;
Корыстями твои обвѣшай верей;
Чтобъ лапы ихъ, хвосты и мѣръ различныхъ морды
Казали издали твои побѣды горды.
Вотъ храбрости твоей сколь много будетъ пробъ!»
Рѣчь кончилъ Карлъ и скрылся въ гробъ.

КНЯЗЬЯ ДОЛГОРУКОВЫ

въ 1730—1740 гг.

ЗАМѢТКА.

Читатели «Русской Старины» получили при ея книгахъ 1878 года, между другими портретами, изображенія двухъ страдальцевъ изъ фамиліи князей Долгоруковыхъ: это князь Василій Лукичъ и князь Иванъ Алексѣевичъ. Портреты рѣдкіе, никогда до сихъ поръ не изданные и воспроизведенные для нашего изданія искуснымъ рѣзцомъ академика Сѣрякова съ невышедшихъ, въ свое время, въ свѣтъ гравюръ изъ собранія Платона Бекетова, нынѣ принадлежащихъ П. А. Ефремову.

До сихъ поръ намъ довелось видѣть живописный портретъ только одного изъ этихъ Долгоруковыхъ—именно князя Ивана Алексѣевича—на выставкѣ портретовъ русско-историческихъ лицъ въ 1870 г. въ Петербургѣ.

Страданія той группы представителей этой фамиліи, къ которой принадлежатъ князья Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ, страданія и казни, понесенныя ими въ царствованіе Анны Іоанновны, были предметомъ нѣсколькихъ статей и біографическихъ замѣтокъ, составленныхъ сначала по актамъ, обнародованнымъ въ ту же эпоху оффиціально, и по извѣстіямъ иностранцевъ-современниковъ, затѣмъ по симъ же послѣднимъ и по документамъ фамильныхъ архивовъ (таковы матеріалы о нихъ въ соч. кн. П. В. Долгорукова); наконецъ, въ послѣднія 15 лѣтъ, и по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, сохранившимся въ подлинномъ о нихъ розыскномъ дѣлѣ бывшей Тайной Канцеляріи (Государственный архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ).

С. М. Соловьевъ въ своемъ монументальномъ трудѣ: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» отвелъ двѣ-три страницы судному дѣлу о Долгоруковыхъ и кровавой его развязкѣ, совершившейся въ 1739 году. (См. томъ XIX, стр. 318—319; томъ XX, стр. 409—411).

Мы не станемъ повторять достаточно уже извѣстныхъ фактовъ, по крайней мѣрѣ опустимъ весьма многіе изъ нихъ; но въ виду изданныхъ «Русскою Стариной» портретовъ князя Василія и князя Ивана Долгоруковыхъ напомнимъ въ сжатомъ очеркѣ судьбу какъ ихъ, такъ и многочисленныхъ родичей за время съ 1730 по 1742 годъ.

Матеріалами для этой замѣтки послужили рукописи, принадлежащія ред. «Русской Старины», а именно: I. Обстоятельная статейка извѣстнаго библіомана и библіофила Якова Ѳедуловича Березина-Ширяева, сообщенная намъ въ 1871 г. II. Большая выписка (экстрактъ) изъ подлиннаго розыскнаго дѣла о князьяхъ Долгоруковыхъ, сдѣланная въ 1740-мъ году и въ копіи сообщенная ред. «Русской Старины» изъ архива покойнаго Ѳ. В. Булгарина—Т. А. Сосновскимъ. Выписка занимаетъ 24 стр. убористаго письма въ листъ, и носитъ заглавіе: «Бѣдствія, претерпѣнныя фамиліею князей Долгорукихъ». III. Нѣсколько выписокъ изъ подлинныхъ указовъ и распоряженій 1739 г., до ссылки и казни Долгоруковыхъ относящихся, сообщены И. Андреевскимъ, и IV. Два—три документа о княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, сообщенные изъ Сибири, въ 1872 г., изъ Барнаула, почтеннымъ сотрудникомъ «Русской Старины» С. Гуляевымъ.

Князь Василій Лукичъ, въ царствованіе Петра Великаго, состоялъ сначала при посольствѣ Якова Ѳедоровича Долгорукова въ Парижѣ, а потомъ посланникомъ при разныхъ дворахъ. При Екатеринѣ I онъ находился въ Стокгольмѣ, а въ царствованіе Петра II—состоялъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, сынъ Алексѣя Григорьевича, род. въ 1708 г., воспитывался въ Польшѣ, у своего дяди. По пріѣздѣ въ Россію, онъ былъ опредѣленъ Екатериною, въ 1725 году, гофъ-юнкеромъ ко двору царевича Петра II и вскорѣ сдѣлался его любимцемъ и товарищемъ забавъ. Честолюбивый и могущественный Меншиковъ, обручившій съ юнымъ императоромъ дочь свою Марію, не обращалъ особеннаго вниманія на привязанность Петра къ своему любимцу и самовластно распоряжался дѣлами. Владычество при дворѣ Меншикова устрашало нѣкоторыхъ вельможъ, оскорбленныхъ его надменнымъ обращеніемъ, и они стали искать случая къ погибели временщика. Графъ Остерманъ и Василій Лукичъ Долгоруковъ въ особенности старались свергнуть иго Меншикова и для достиженія своей цѣли избрали посредникомъ любимца государева; они снабжали наставленіями Ивана Алексѣевича Долгорукова какъ говорить императору о Меншиковѣ и въ какомъ видѣ представлять его корыстолюбіе. Иванъ Алексѣевичъ, руководимый своимъ дядею и графомъ Остерманомъ, съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ могущественнаго временщика и вскорѣ достигъ цѣли. Князь Меншиковъ былъ лишенъ всѣхъ почестей и сосланъ съ семействомъ сначала въ Раненбургъ, а потомъ въ Березовъ.

Съ паденіемъ Меншикова Долгоруковымъ уже не было опаснаго соперника и, казалось, сама судьба вела ихъ на высшую ступень государственныхъ почестей. Петръ II, по прибытіи въ Москву для коронованія, возвелъ любимца своего, двадцати-лѣтняго юношу, князя Ивана Алексѣевича, въ званіе оберъ-камергера и пожаловалъ андреевскою лентою. Долгоруковъ безот-

лучно находился при государѣ, забавлялся съ нимъ охотою и разными увеселеніями въ окрестностяхъ Москвы. Во время такихъ забавъ, Петръ не рѣдко заѣзжалъ къ отцу своего любимца, князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, жившему въ подмосковномъ селѣ своемъ Горенки, и съ удовольствіемъ проводилъ у него по нѣсколько часовъ. Тамъ, однажды, увидалъ юный Петръ сестру своего любимца, княжну Екатерину Алексѣевну, которую и избралъ себѣ въ супруги. 19-го числа сентября 1729 года, Петръ объявилъ верховному совѣту о предстоящемъ своемъ бракѣ съ княжною Долгоруковою, а 30-го ноября, въ Лефортовскомъ дворцѣ, совершено было ихъ обрученіе [1].

Отецъ невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ верховнаго совѣта, будущій родственникъ государя, получилъ въ даръ двѣнадцать тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Братъ невѣсты, Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ царя, стоялъ на высшей ступени государственныхъ почестей. Князь Василій Лукичъ, дядя невѣсты, пользовался также особенными милостями государя, однимъ словомъ—всѣ Долгоруковы были возведены въ высшіе чины и сдѣлались самыми могущественными при дворѣ лицами.

19-го января 1730 г. было назначено бракосочетаніе императора съ княжною Долгоруковою, но 6-го января, въ день Богоявленія, императоръ Петръ, бывъ съ своею невѣстою на торжественномъ водосвятіи, происходившемъ на Москвѣ-рѣкѣ, сильно простудился и, пріѣхавъ во дворецъ, почувствовалъ себя нездоровымъ. На другой день у него открылась оспа и болѣзнь съ каждымъ днемъ стала усиливаться. 17-го января уже не оставалось никакой надежды на выздоровленіе государя и 19-го числа, въ день, предназначенный для свадьбы, во второмъ часу пополуночи, скончался императоръ Петръ, на рукахъ любимца своего, князя Ивана Алексѣевича, и барона Остермана.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, предвидя, что съ перемѣною государственнаго правленія можетъ утратиться ихъ прежнее могущество, старался упрочить за собою власть, какими бы то ни было способами. Для достиженія своей цѣли, онъ еще во время предсмертной агоніи государя рѣшился составить отъ его имени духовное завѣщаніе, которымъ императоръ передавалъ престолъ обрученной своей невѣстѣ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой.

Мысль о составленіи этого завѣщанія была положена на семейномъ совѣтѣ Долгоруковыхъ: князей Алексѣя, Сергія и Ивана Григорьевичей, князя Василія Лукича и юнаго оберъ-камергера Ивана Алексѣевича. На томъ же совѣтѣ—сочинена была эта духовная. «И на-черно ту духовную написалъ

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г, томъ XXI, стр. 340, нѣкоторыя интересныя данныя о княжнѣ Екатеринѣ Долгоруковой.

князь Сергій, а потомъ съ той духовной написалъ оной же князь Сергій двѣ такія же духовныя уборнымъ письмомъ».

По приказу князя Алексѣя Григорьевича, сынъ его, князь Иванъ, подписалъ одну изъ этихъ духовныхъ—именемъ императора Петра II «такимъ почеркомъ», какимъ «его величество имя свое подписывалъ».

Но какъ ни были смѣлы составители подложнаго духовнаго завѣщанія, они спѣшили найти поддержку для проведенія своего дерзкаго плана и прежде всего поддержку въ своихъ родичахъ; таковы были: подполковникъ л.-г. Преображенскаго полка князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ и братъ его князь Михаилъ Владиміровичъ. Старшій изъ нихъ былъ въ отлучкѣ; за нимъ было немедля послано, по распоряженію князей Алексѣя Григорьевича и Василія Лукича.

Вотъ какъ разсказывалъ девять лѣтъ спустя князь Василій Владиміровичъ объ этомъ роковомъ для него и для всей его фамиліи днѣ. Приводимъ его разсказъ, дополнивъ показаніями прочихъ участниковъ событія, его родичей:

«Во время болѣзни его императорскаго величества Петра II—былъ я, князь Василій, въ деревнѣ у княжны Вяземской. И въ ту мою бытность, изъ Москвы, отъ князя Алексѣя Григорьева сына, или отъ князя Василія Лукина сына, или отъ брата моего роднаго князя Михайла Долгорукихъ, того не упомню,—присланъ былъ ко мнѣ, а кто не упомню же;—который присланный отъ нихъ объявилъ мнѣ, что его величество весьма болѣнъ и приказали-де просить меня, чтобы я былъ во дворецъ, безъ замедленія. И я изъ оной деревни пріѣхалъ въ Москву. И по пріѣздѣ, на другой день съ братомъ своимъ, княземъ Михайломъ, пріѣхалъ во дворецъ. И за тяжкою болѣзнью его величества видѣть времени мы не получили. Потомъ поѣхалъ я, съ братомъ своимъ княземъ Михайломъ въ Головинскій домъ, къ князю Алексѣю. И по приходѣ къ нему въ покои, были тогда у него князь Василій Лукинъ сынъ, князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, да сынъ князя Алексѣя—Иванъ. И я спросилъ князя Алексѣя: «Каковъ его величество и есть-ли къ выздоровленію надежда?» И князь Алексѣй мнѣ сказалъ, что его величество весьма болѣнъ. И потомъ онъ, князь Алексѣй, поѣхалъ къ его величеству, во дворецъ.

«Послѣ отъѣзда князя Алексѣя во дворецъ, князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти (по приказу брата своего Алексѣя) говорили мнѣ: «вотъ-де его величество весьма болѣнъ; и ежели скончается, то надобно какъ можно удержать, чтобъ послѣ его величества наслѣдницею россійскаго престола быть обрученной его величества невѣстѣ княжнѣ Екатеринѣ». И я, и братъ мой князь Михайло—князю Сергію и князю Ивану Григорьевымъ дѣтямъ говорили: —«этому, чтобъ княжнѣ Екатеринѣ послѣ его величества быть наслѣдницею, статься не можно, понеже она за его величествомъ въ

супружествѣ не была».—На такія слова—князь Сергій и князь Иванъ говорили мнѣ:—«Какъ этому не сдѣлаться! ты-де въ Преображенскомъ полку—подполковникъ, а князь Иванъ—маіоръ, то можно учинить; и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому; сверхъ же того говорить о томъ будемъ графу Гаврилу Головкину и князю Дмитрію Голицыну; а ежели они въ томъ заспорятъ, то будемъ ихъ бить».

«И я онымъ князьямъ Сергію и Ивану говорилъ: «что вы, ребята, врете! какъ тому можно сдѣлаться, и какъ мнѣ полку объявить! Услыша отъ меня объ ономъ объявленіи, не токмо будутъ меня бранить, но и убьютъ, понеже неслыханное въ свѣтѣ дѣло вы затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницею! кто ей подданнымъ быть (пожелаетъ); не только посторонніе, но и я, и прочіе фамиліи нашей никто въ подданствѣ у ней быть не захотятъ. А ежелибъ она за его величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда-бъ въ учиненіи ея наслѣдницею не безъ сумнѣнія было, понеже по кончинѣ государя императора Петра Великаго покойную государыню императоръ при животѣ своемъ короновалъ».

«И на то князь Сергій и князь Иванъ Григорьевы дѣти говорили: «Княжну Катерину государь императоръ нынѣ изволилъ самъ учинить наслѣдницею по себѣ». И я сказалъ: «тобъ хорошо, понеже оное въ волѣ его величества состоитъ, но токмо какъ и о такомъ несостоятельномъ дѣлѣ разсуждать можно, потому что если вы говорите, что его величество весьма болѣнъ и говорить не можетъ, то какъ его величеству оное учинить можно!»—И притомъ онымъ князю Сергію и князю Ивану Григорьевымъ дѣтямъ, а послѣ того, какъ пріѣхалъ къ нимъ князь Алексѣй, то и ему, князю Алексѣю, говорилъ я, чтобъ они отъ означеннаго намѣренія своего отстали, что тому сдѣлаться не можно, что это дѣло ни къ чему негодное, чтобъ они о такомъ противномъ дѣлѣ думать перестали, и что они еще сами себя въ томъ погубятъ.—И они, князь Алексѣй, и князь Сергій, и князь Иванъ Григорьевы дѣти за то на меня осердились. И я, съ братомъ своимъ Михайломъ, отъ нихъ поѣхалъ въ домъ свой».

Относительно той мысли «о наслѣдствіи» дочери князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, что «когда-бъ она была за государемъ въ супружествѣ, и тогда-бъ» могъ осуществиться замыселъ «родичей» Василія Владиміровича, послѣдній хотя и самъ однажды высказалъ эту мысль, но «въ такомъ намѣреніи, что ежели-бъ она, Катерина, могла быть за его величествомъ въ супружествѣ, то, можетъ бы, быть его величество, по своему соизволенію, ее и короновалъ при себѣ, какъ дѣдушка его учинилъ, о чемъ онъ, князь Василій, и Долгорукимъ (кн. Алексѣю, Сергію и Ивану Григорьевичамъ) сказывалъ и разсуждалъ имъ, что когда Богъ того не сдѣлалъ, то нынѣ, видя его величество въ тяжкой болѣзни, думать о томъ не надлежитъ,—что собою того дѣлать никакъ не можно, и дѣло то страшное,

и чтобъ они отъ того отстали, понеже въ томъ могутъ сами пропасть;— но токмо отъ оныхъ, князя Алексѣя съ братьями, къ отвращенію отъ того склонности онъ не присмотрѣлъ,—но всѣ злобу они за то на него, князя Василія, имѣли».

Кромѣ того, родичи Василія Владиміровича говорили, что еслибы государь подписалъ духовную о преемствѣ ему престола его невѣстѣ «и призвавъ министровъ, сенаторовъ и генералитетъ, вручилъ имъ и о исполненіи словесно повелѣлъ и, такимъ образомъ, могло-бы въ дѣйствіе произойти».

Но кн. Василій Владиміровичъ продолжалъ «на-крѣпко подтверждать» своимъ родичамъ, чтобъ они «отъ своего намѣренія отстали», такъ какъ «по ихъ намѣренію ничего сдѣлаться не можетъ».

Всѣ доводы Василія Владиміровича къ отвращенію «родичей его отъ ихъ замысла и чтобъ они намѣреніе свое отложили» — остались безсильными.

Что касается до князя Василія Лукича, то кн. Василій Владиміровичъ отъ него ничего по отношенію къ наслѣдованію престола княжной Катериной не слыхалъ; видѣлъ его «въ печальномъ образѣ» и, какъ показалось князю Василію Владиміровичу, кн. Василій Лукичъ уже «не хотѣлъ слышать отъ князя Сергія съ братьями показаннаго ихъ противнаго намѣренія»; мало того, князь Василій Лукичъ, какъ самъ увѣрялъ потомъ, даже отговаривалъ своихъ родичей отъ ихъ замысла.

На пути домой—два брата, князь Василій и Михайло Владиміровичи, разговорились.

— «Вотъ мы отговариваемъ и претимъ,—сказалъ князь Михайло,—что княжнѣ Катеринѣ наслѣдницей быть не можно, а когда его величеству отъ болѣзни будетъ легче, то князь Алексѣй съ братьями своими за то насъ сгубятъ».

— «Плюнуть на нихъ лучше,—отвѣтилъ князь Василій;—правду имъ говорить, а не манить».

Члены верховнаго совѣта также не поддержали предложенія, въ числѣ другихъ имъ заявленное, объ избраніи на престолъ княжны Екатерины Долгоруковой. Князь Василій Лукичъ вполнѣ уразумѣлъ несообразность и преступность этого замысла князя Алексѣя съ братьями и живѣйшимъ образомъ поддержалъ мысль объ избраніи на престолъ герцогини Курляндской.

Извѣстна попытка «верховниковъ» къ ограниченію самодержавной власти вновь избранной императрицы, посольство за нею въ Митаву, заблаговременное увѣдомленіе противниками кн. Долгоруковыхъ герцогини объ актѣ ограниченія власти, подписаніе ею этого акта, наконецъ, прибытіе 15-го февраля 1730 г. въ Москву.

Кн. Василій Лукичъ былъ дѣятельный участникъ и даже «затѣйщикъ» въ дѣлѣ ограниченія власти вновь избранной государыни; онъ ѣздилъ съ актомъ этимъ въ Митаву, онъ и сопутствовалъ Аннѣ Іоанновнѣ въ Москву.

Тогда же, въ намѣреніи выгородить себя изъ неудавшагося замысла своихъ родичей о духовной, кн. Василій Лукичъ счелъ необходимымъ донести ей «о дураческомъ дерзновеніи князей Сергія и Ивана Григорьевичей—что они министровъ бить хотѣли, ежели совѣту ихъ слушать они не станутъ»; но эта забѣжка зайцемъ впередъ не выгородила князя Василія Лукича изъ общей судьбы съ его «дерзновенными» родичами.

15-го февраля 1730 г. Анна Іоанновна имѣла торжественный въѣздъ въ Москву, а 24-го февраля уже разыгралась извѣстная сцена: явились депутаты отъ дворянства бить челомъ императрицѣ вступить во всѣ прерогативы верховной самодержавной власти.

— «Такъ ты обманулъ меня, Василій Лукичъ»,—сказала при томъ императрица, выслушавъ депутацію, и актъ, ею подписанный въ Митавѣ, былъ разорванъ. Въ Москвѣ не замедлилъ явиться Биронъ.

Въ апрѣлѣ 1730 г. князь Василій Лукичъ лишенъ чиновъ и орденовъ, а 12-го іюня того же года посланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Того же числа іюня князя Алексѣя Григорьевича съ женою Прасковьей Михайловной, съ дочерью Екатериной Алексѣевной, этой «разрушенной» (какъ ее тогда называли), также съ дочерьми Оленой и Анной, съ четырьмя сыновьями, сослали въ Березовъ.

Какъ извѣстно, князей Долгоруковыхъ не переставали преслѣдовать и въ послѣдующее время: однимъ назначили мѣста ссылки — въ крѣпость, другихъ переводили съ одного мѣста ссылки на другое. При этомъ, по извѣтамъ или доносамъ разныхъ лицъ, возникало и производилось множество дѣлъ относительно фамиліи Долгоруковыхъ. Такъ продолжалось болѣе восьми съ половиною лѣтъ.

14-го октября 1739 г. знаменитый «истязатель», генералъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подполковникъ и генералъ-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ объявилъ высочайшее повелѣніе, что «по экстракту изъ дѣлъ о князьяхъ Долгоруковыхъ «надлежащее разсужденіе имѣть ему, Ушакову, съ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ гр. А. И. Остерманомъ».

17-го октября Остерманъ и Ушаковъ въ той же канцеляріи представили мнѣніе «чего Долгорукіе по винамъ своимъ достойны». Въ этомъ же мнѣніи указанъ былъ также составъ «генеральнаго собранія ко учиненію надлежащаго приговора» и приведены вопросные пункты, по которымъ повелѣно было допросить кн. Василія Лукича Долгорукова и поступить (съ нимъ) генералу Ушакову.

Вотъ эти пункты:

«1) Во время болѣзни его императорскаго величества Петра II, отъ васъ, или отъ другаго кого, сочинена-ль была какая духовная? 2) Кто оную духовную на-черно сочинялъ и послѣ на-бѣло переписывалъ? 3) Что въ оной

духовной имянно было написано? 4) По переписыванія оной на-бѣло, кому она отдана и у кого осталась? 5) Не подписывался ли кто на оной подъ руку его императорскаго величества Петра II? 6) И напослѣдки, гдѣ оная духовная дѣвалась и гдѣ-жъ въ сохраненіи имѣется? 7) Кто при сочиненіи оной духовной были совѣтники и кто-жъ о той духовной вѣдалъ? 8) Чтобъ онъ, Долгорукій, по симъ пунктамъ объявилъ сущую и истинную правду и не утаилъ бы ничего, помня страшный судъ Божій, и за неправду, и за утайку, страшась ея императорскаго величества жесточайшаго гнѣва и наказанія.

«Ежели оный Долгорукій будетъ объявлять менѣе, какъ отъ князя Ивана и князя Сергія Долгорукихъ объявлено, тогда отъ показаніевъ ихъ выписавъ то, чего отъ онаго князя Василья Долгорукова показано не будетъ, допрашивать его въ томъ особо. А буде оный князь Василій обстоятельнѣе объ оной духовной покажетъ, и болѣе, нежели отъ князя Ивана и князя Сергія объявлено, то обо всѣхъ обстоятельствахъ его подробно допрося, возвратиться въ С.-Петербургъ. А ежели онъ по вышеписаннымъ пунктамъ запираться станетъ, тогда показать ему въ отвѣтѣ, писанномъ рукою князя Сергія, токмо то, какъ онъ о сочиненіи означенной духовной объявилъ, а потомъ прочесть ему показаніе князь Иваново, какъ онъ о сочиненіи оной духовной и о подпискѣ подъ руку его императорскаго величества Петра II показалъ. И понеже чаять надобно, что, по такому обличенію, онъ уже правду объявить принужденъ будетъ, тогда велѣть ему противъ вышеписанныхъ же пунктовъ подробно отвѣтствовать, и поступать съ нимъ противъ вышеписаннаго-жъ. А когда онъ въ той духовной повинится, то допросить его о нижеслѣдующемъ:

«Для чего онъ о той духовной, какъ надлежало совѣстному и присяжному человѣку, ея императорскому величеству не объявилъ». «Анна».

«Въ Тайную Канцелярію. Полученъ іюня 16-го 1739 года».

21-го октября 1739 г. состоялся высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось произвести въ «генеральномъ собраніи» судъ надъ князьями Долгоруковыми, при чемъ утвержденъ былъ и «реестръ, кому въ собраніи быть». Въ этомъ указѣ, между прочимъ, было изъяснено: «Понеже, по слѣдствію, князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, князь Василій Лукинъ сынъ, князь Сергѣй и князь Иванъ Григорьевы дѣти Долгорукіе, забывъ страшный и неизбѣжный судъ Божій и презря присягу свою, въ государственныхъ безбожныхъ тяжкихъ преступленіяхъ и злодѣйскихъ воровскихъ замыслахъ и намѣреніяхъ явно обличены, и сами въ томъ винились, и изъ нихъ помянутый князь Иванъ Алексѣевъ сынъ, будучи уже въ ссылкѣ, зловымышленно дерзнулъ произносить важныя злыя слова, о которыхъ въ нашей Тайной Канцеляріи по дѣлу явно; тако-жъ князь Василій и князь Михайло

Володиміровы дѣти Долгорукіе объ означенныхъ злодѣйскихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ вѣдали, и, гдѣ надлежитъ, о томъ прямо не токмо не доносили, но еще въ первыхъ своихъ вопросахъ о томъ закрывали и ни о чемъ не показывали, о которыхъ оныхъ Долгорукихъ важныхъ винахъ и преступленіяхъ, изъ имѣющагося въ нашей Тайной Канцеляріи о нихъ дѣла, учинено обстоятельное изображеніе; того ради, для суда оныхъ Долгорукихъ въ такихъ ихъ тяжкихъ винахъ, какъ по божескимъ, такъ и по государственнымъ нашимъ правамъ, указали мы учредить генеральное собраніе, состоящее изъ персонъ, въ приложенномъ при семъ реестрѣ означенныхъ; и оному генеральному собранію вышеобъявленное въ Тайной нашей Канцеляріи объ ихъ, Долгорукихъ, тяжкихъ преступленіяхъ, учиненное обстоятельное изображеніе для рѣшенія и учиненія приговора сообщить. И для того, тому отъ насъ учрежденному генеральному собранію всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобъ для сего дѣла, сего октября 31-го дня, въ сенатскіе аппартаменты собрались и, по выслушаніи того изображенія и совѣстномъ въ тѣхъ преступленіяхъ разсужденіи, учинить генеральный приговоръ».

А вотъ «реестръ, кому въ собраніи быть»:

Кабинетные министры.

Трое первые синодальные члены.

Сенаторы всѣ.

Изъ придворнаго штата:

Оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ.

Гофмаршалъ Шепелевъ.

Изъ гвардіи ея императорскаго величества:

Маіоры: Альбрехтъ, Апраксинъ, Черноцовъ, князь Черкасскій.

Изъ генералитета и изъ военной коллегіи:

Генералъ-фельдмаршалъ князь Трубецкой. Генералъ Чернышевъ. Генералъ-маіоры: Петръ Измайловъ, Степанъ Игнатьевъ.

Изъ адмиралтейской коллегіи:

Адмиралъ графъ Головинъ, генералъ кригсъ-коммисаръ Соймоновъ, совѣтникъ Мишуковъ, генералъ-интендантъ Головинъ.

Изъ губернской канцеляріи—тайный совѣтникъ Наумовъ.

Изъ ревизіонъ-коллегіи—президентъ Панинъ.

Изъ камеръ-коллегіи—вице-президентъ Аленинъ.

Изъ юстицъ-коллегіи—совѣтникъ Квашнинъ-Самаринъ». «Анна».

«Генеральное собраніе, по обсужденіи дѣла о тяжкихъ винахъ князей Долгорукихъ», приговорило: князя Ивана Алексѣевича къ смертной казни, послѣ колесованія, отсѣчь голову, а Василью Лукичу, Сергію и Ивану Григорьевичамъ—просто отсѣчь головы, что и было исполнено 8-го ноября 1739 года, на Красномъ полѣ, въ Новгородѣ.

«Въ 1869 г. мнѣ пришлось быть въ Новгородѣ и посѣтить могилы князей Долгоруковыхъ,—разсказываетъ Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ. Князья Долгоруковы похоронены неподалеку отъ мѣста ихъ казни, на Рождественскомъ кладбищѣ, находящемся за Малымъ Волховцемъ, верстахъ въ 3-хъ отъ города. Прежде существовалъ на этомъ мѣстѣ мужской монастырь, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1388-мъ годомъ, и скудельницы или общія ямы, въ которыя, во время мора и другихъ повѣтрій, зарывали тѣла умершихъ. Кромѣ скуделенъ, при монастырѣ находилось еще особое кладбище для погребенія странниковъ, нищихъ и казненныхъ. Въ 1764 г., съ учрежденіемъ штатовъ, Рождественскій монастырь былъ уничтоженъ, и церковь его переименована въ городскую приходскую.

Въ недальнемъ разстояніи отъ Рождественской церкви находится другая, небольшая, каменная церковь, во имя св. Николая Чудотворца. Эта церковь была основана въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1745 г. княжна Долгорукова, бывъ въ Новгородѣ, посѣтила могилы своихъ казненныхъ родственниковъ—брата и дядей. Желая сохранить отъ забвенія то мѣсто, гдѣ были погребены останки несчастныхъ ея родныхъ, она заложила надъ могилами ихъ церковь во имя св. Николая Чудотворца. Нѣкоторые полагаютъ, что нынѣ существующая каменная церковь построена сыномъ казненнаго Ивана Алексѣевича, Михаиломъ Ивановичемъ Долгоруковымъ [1]).

Рано утромъ пріѣхалъ я на Рождественское кладбище и, встрѣтивъ тамошняго причетника, обратился къ нему съ просьбою указать мнѣ мѣсто, гдѣ похоронены князья Долгоруковы. Причетникъ поспѣшилъ исполнить мое желаніе, и, сходивъ за ключами, отперъ дверь церкви Николая Чудотворца. Войдя въ храмъ съ сѣверной стороны, я увидѣлъ двѣ каменныя гробницы, одинаковой величины, находящіяся по правой сторонѣ отъ входа; онѣ примыкаютъ къ западной стѣнѣ церкви и окружены съ трехъ сторонъ деревянною загородкою. Гробницы довольно большаго размѣра и обложены простою щекатуркою; на нихъ нѣтъ никакой надписи, но надъ гробницами, на стѣнѣ, находится черная деревянная доска съ словами, что на этомъ мѣстѣ погребены Василій Лукичъ, Иванъ Алексѣевичъ, Сергій и Иванъ Григорьевичи Долгоруковы.

Въ церкви Николая Чудотворца сохраняется нѣсколько вещей, принадлежавшихъ кн. Долгоруковымъ, и, между прочими, замѣчательный по древности образъ Николая Чудотворца, бывшій съ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ въ Березовѣ. Въ алтарѣ я видѣлъ икону Знаменія Божіей Матери, напрестольное евангеліе, блюдо, кадило и подсвѣчникъ, пожертвованные Долгоруковымъ въ вѣчный поминъ отца его, Ивана Але-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1866 г, стр. 43.

ксѣевича, и прочихъ родственниковъ. Въ иконостасѣ есть изображенія святыхъ, имена которыхъ напоминаютъ о семействѣ Долгоруковыхъ [1]).

Въ церкви находится небольшой придѣлъ во имя Іоанна Златоустаго; онъ устроенъ за западною стѣною. Этотъ придѣлъ, какъ говорятъ, сдѣланъ по желанію княгини Натальи Борисовны, въ память супруга ея, Ивана Алексѣевича, съ которымъ дочь знаменитаго фельдмаршала Шереметева девять лѣтъ раздѣляла страдальческую жизнь въ Березовѣ.

По обозрѣніи долгоруковской церкви и ея достопримѣчательностей, я вышелъ на кладбище, и причетникъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ прежде были скудельничьи ямы, въ которыя зарывали тѣла умершихъ во время мора. Такихъ ямъ было три, и теперь на мѣстѣ ихъ поставленъ большой крестъ, у котораго въ опредѣленное время совершается общая панихида.

Напомнимъ о судьбѣ прочихъ членовъ этой фамиліи.

Какъ видно изъ приговора 1-го ноября 1739 г.—князь Василій Владиміровичъ заточенъ въ Иванъ-городѣ, въ Нарвѣ; князь Михайло Владиміровичъ—въ Шлюссельбургѣ.

У князя Михайла были сыновья: князь Александръ—въ маѣ 1739 г. служившій подполковникомъ въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку.

Князь Сергѣй Михайловичъ служилъ въ рижскомъ гарнизонѣ маіоромъ. 2-го мая 1739 г. императрица Анна велѣла его «отъ воинской и статской службы отставить, и жить ему въ подмосковной деревнѣ, селѣ Покровскомъ, безвыѣздно».

Князь Петръ да князь Василій Михайловичи въ 1736 г. зачислены въ драгуны, въ Троицкій полкъ, на дѣйствительную службу [2]).

Внучаты—дѣти князя Сергѣя Михайловича: кн. Михайло—прапорщикъ драгунскій, князь Ѳедоръ—вахмистръ драгунскій, князь Иванъ, да княжна Марья Сергѣевна 17-ти лѣтъ, Авдотья 4-хъ лѣтъ жили въ 1740 г. въ Москвѣ.

Наконецъ упомянемъ о судьбѣ княжны Екатерины Алексѣевны. Въ 1740 г. она, вмѣстѣ съ двумя своими сестрами, Оленой и Анной, отправлена, «за надлежащимъ карауломъ» изъ оберъ-офицеровъ, въ Сибирь съ тѣмъ, чтобы сибирскій митрополитъ, по собственному усмотрѣнію, размѣстилъ сестеръ по монастырямъ, и затѣмъ повелѣвалось «въ тѣхъ мона-

---

[1]) Кромѣ поименованныхъ предметовъ, я видѣлъ еще нѣсколько старинныхъ иконъ, изъ которыхъ одна икона, съ изображеніемъ святыхъ и разныхъ животныхъ, особенно достойна изслѣдованія археолога. Я. Ш.

[2]) Дочери князя Михаила: Анна была въ замужствѣ за Львомъ Александровичемъ Милославскимъ, а Настасья—за Александромъ Романовичемъ Брюсомъ; кромѣ того оставались въ 1739-мъ г., въ Москвѣ, «дѣвками»: княжна Авдотья и княжна Аграфена.

стыряхъ по обыкновенію постричь ихъ въ монахини, и настоятельницамъ тѣхъ монастырей ни для чего отнюдь не выпускать, и писемъ писать не давать и посторонним никого ни для какого сообщенія къ нимъ не допускать, и чтобъ никаковыхъ шалостей и непотребнаго отъ нихъ не происходило; пищею и одеждою содержать ихъ, по обыкновенію тѣхъ монастырей, равномѣрно противъ прочихъ монахинь безъ всякой отмѣны».

Екатерина Алексѣевна была пострижена въ монахини (1740 г.) въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, а Анна—въ верхотурскомъ Покровскомъ.

Эти монастыри, какъ и всѣ вообще въ Сибири, были крайне бѣдны, «весьма малобратственные и нищенскіе, единою милостынею питаемые, въ которыхъ не только карауловъ содержать, но и обычайныхъ монастырскихъ службъ исправлять (было) некому».

Сибирскій митрополитъ Антоній, указомъ отъ 17-го декабря 1739 г., требовалъ отъ архимандрита томскаго Алексѣевскаго монастыря свѣдѣній о женскомъ Рождественскомъ монастырѣ, въ которомъ была пострижена Екатерина Алексѣевна. Изъ донесенія архимандрита, между прочимъ, видно, что въ монастырѣ было шесть деревянныхъ келій и больница—длиною 18-ти, а шириною 4-хъ сажень,—всѣ ветхія, стояли врознь; какого либо другаго монастырскаго зданія не было; вообще монастырь былъ крайне скуденъ и бѣденъ. Въ описаніи монастыря, приложенномъ къ донесенію, говорится, что «монахинь семь; стары и дряхлы, и ходить изъ келій не могутъ, а одна очами не видитъ. Вкладчиковъ монастырскихъ нѣтъ, но токмо живутъ въ монастырѣ четыре вдовы неимущихъ, для послуженія больнымъ монахинямъ. А денежнаго и хлѣбнаго жалованья прежде сего производилось, отъ прошлыхъ лѣтъ по 1731 годъ: денегъ 6 рублевъ, хлѣба по 2 четверти каждой монахинѣ, а съ 1736 по 1740 годъ дачи имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья не было и нынѣ нѣтъ; а пропитываются монахини милостынею».

Въ виду такихъ «резоновъ» признано было необходимымъ: «оберъ-офицеровъ изъ солдатъ», сопровождавшихъ княженъ изъ Березова въ Сибирь, «для караула оставить при оныхъ Долгорукихъ по два человѣка, до указу».

Екатерина Алексѣевна была освобождена изъ монастыря 29-го декабря 1741 года.

С. Федорцево.
1878 г.

Императоръ Александръ I.

Встрѣтились мнѣ въ одной рукописной тетради 1824 года два анекдота объ императорѣ Александрѣ I. Вѣроятно, въ то время они были многимъ извѣстны и передавались въ изустныхъ разсказахъ, но были-ли гдѣ напечатаны—не знаю. Вотъ эти анекдоты:

I.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1824 года, императоръ Александръ Павловичъ прогуливался, въ полдень, на Каменномъ острову; пробило 12 часовъ. Государь, проходя мимо часоваго, остановился и спросилъ: «сколько било часовъ?» Солдатъ не смутился отъ неожиданнаго вопроса и бойко отвѣчалъ: 36 часовъ, ваше императорское величество. Государь съ изумленіемъ взглянулъ на часоваго, но, ни слова не сказавъ, прошелъ далѣе. Возвратясь съ прогулки въ Каменноостровскій дворецъ, императоръ велѣлъ князю Волконскому узнать: не помѣшанъ-ли въ умѣ солдатъ, стоящій на часахъ въ такомъ-то мѣстѣ.

Князь Волконскій поспѣшилъ исполнить повелѣніе государя, отправился къ часовому и спросилъ его:

— Проходилъ мимо тебя государь императоръ?

— Проходилъ, ваше сіятельство.

— Замѣтилъ онъ тебя или нѣтъ?

— Точно такъ, в. с., замѣтилъ и изволилъ спросить, сколько часовъ било.

— Что-жъ ты отвѣчалъ?

— Отвѣчалъ, что било 36 часовъ.

— Какъ ты могъ дать такой глупый отвѣтъ: развѣ часы могутъ бить столько разъ?

— Столько било, в. с.,—съ увѣренностію отвѣтилъ солдатъ.

— Какой вздоръ,—съ гнѣвомъ возразилъ князь,—какіе часы могли бить столько разъ и гдѣ ты ихъ слышалъ?

— Государь императоръ желали знать сколько часовъ било и я отвѣчалъ 36, потому что въ крѣпости пробило 12, въ адмиралтействѣ 12 и здѣсь на острову 12, а всего 36 часовъ.

Князь Волконскій подробно передалъ государю отвѣтъ часоваго. Государь разсмѣялся и, признавая справедливымъ отвѣтъ солдата, послалъ ему въ награду 25 рублевиковъ въ своемъ платкѣ.

Князь Волконскій самъ отправился къ часовому съ монаршею наградою и хотѣлъ ему вручить ее, но часовой сказалъ:

— Никакъ нѣтъ-съ, в. с., я не могу принять монаршей награды, потому что нахожусь на часахъ, а часовой не имѣетъ права ничего брать до смѣны; потрудитесь положить возлѣ меня, и когда я смѣнюсь, то возьму присланное.

— Хорошо,—сказалъ князь,—въ этомъ платкѣ тебѣ присланы отъ императора деньги которыя я положу возлѣ тебя, но платокъ долженъ возвратить государю.

— Что прислано въ даръ императоромъ—то назадъ не отнимается,—сказалъ солдатъ,—при томъ же, в. с., платокъ вмѣстѣ съ деньгами уже находится подъ моимъ карауломъ, и я не могу его отдать.

Волконскій передалъ императору бойкій и находчивый отвѣтъ солдата, и государь, похваливъ его, велѣлъ произвести часоваго въ унтеръ-офицеры.

II.

Императоръ Александръ I, какъ извѣстно, часто путешествовалъ по Россіи. Кажется въ 1824 году, пріѣхавъ въ городъ Чембары, императоръ былъ встрѣченъ однимъ священникомъ тамошней церкви, который съ крестомъ въ рукѣ вышелъ на паперть и ожидалъ императора. Лишь только государь вошелъ въ церковь, то священникъ сказалъ ему краткую рѣчь, которая такъ понравилась императору, что онъ, по выслушаніи ея, тотчасъ обратился къ сопровождавшему его адъютанту и сказалъ: «выдать священнику 1,000 и пожаловать камилавку».

Отстоявъ краткій молебенъ и проложась ко кресту, императоръ попросилъ священника повторить снова свою рѣчь. Священникъ немедленно исполнилъ желаніе императора, и по окончаніи рѣчи осмѣлился сказать:

— «Повторите же и вы свои милости, в. и. величество».

Такая необыкновенная находчивость священника весьма понравилась государю и онъ приказалъ выдать ему еще 2,000 рублей и крестъ св. Анны 3-й степени.

Сообщ. **Яковъ Веревинъ-Ширяевъ.**

1871 г.

Замѣтки.

Помѣщаю на страницахъ «Русской Старины» двѣ замѣтки, изъ которыхъ одна—библіографическая, а другая—біографическая.

Въ І-мъ т. Пушкинскаго (втораго) изданія Исакова (Спб. 1871 г., т. I, стр. 268—269) значится стихотвореніе:

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ, и т. д.

Озаглавлено оно «Княгинѣ Е. А. Голицыной», въ примѣчаніяхъ же, помѣщенныхъ въ концѣ книги, поясняется, что оно посвящено «Княгинѣ Еленѣ Александровнѣ Голицыной, рожд. княжнѣ Салтыковой», бывшей въ бракѣ за моимъ отцомъ, княземъ Николаемъ Борисовичемъ Голицынымъ [1]).

Это не вѣрно; какъ мнѣ извѣстно изъ положительныхъ данныхъ, Пушкинъ не писалъ стихотворенія этой княгинѣ Еленѣ Александровнѣ Голицыной, но другой, рожденной Нарышкиной, супругѣ князя Василія Сергѣевича Голицына [2]), бывшей въ первомъ бракѣ за княземъ А. А. Суворовымъ, матери теперешнихъ старшихъ представителей князей Суворовыхъ. Княгиня съ 1830-хъ годовъ постоянно жила на югѣ, то въ Одессѣ, то въ Крыму, на дачѣ Wassili-Saraï, и скончалась въ 1860-хъ годахъ. Самое стихотвореніе помѣчено: Одесса.

Въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1876-го года были помѣщены статьи о тамбовскомъ холерномъ возмущеніи, въ которомъ упоминалось какъ бы мелькомъ о роли, которую игралъ нѣкто кн. Г. (мой отецъ — князь Николай Борисовичъ Голицынъ) при усмиреніи его. Свѣдѣнія той и другой статьи относительно моего отца не вѣрны. Онъ никогда не подвергался оскорбленіямъ толпы, хотя чуть-чуть не поплатился жизнью [3]); онъ игралъ главную роль въ цѣломъ ходѣ этого несчастнаго происшествія, взялъ на себя, безъ чьего либо разрѣшенія, обязанности коменданта города, будучи единственнымъ тогда лицомъ военнаго сословія въ Тамбовѣ, а также въ виду бездѣйствія гражданскаго губернатора Миронова; былъ назначенъ презусомъ военно-судной коммисіи и участвовалъ въ постановленіи приговора. Списокъ приговоренныхъ (черновой), сущность обвиненія каждаго и родъ наказанія, вообще разныя черновыя бумаги этого дѣла были въ моихъ рукахъ еще недавно, когда я, приводя окончательно въ порядокъ бумаги покойнаго отца († 1866 г.), уничтожилъ эти разрозненные листки. За дѣйствія свои по прекращенію бунта, онъ получилъ высочайшую благодарность.

С. Бичевое. **Кн. Н. Н. Голицынъ.**

---

[1]) Князь былъ военный писатель, переводчикъ, поэтъ, изслѣдователь историко-богословскихъ вопросовъ и проч. Съ Пушкинымъ онъ былъ хорошо знакомъ, и поэтъ написалъ четверостишіе на кончину одного изъ его дѣтей († 1823). Извѣстно его же французское письмо къ князю, которымъ благодаритъ за переводъ «Клеветникамъ Россіи» (Aux détracteurs de la Russie) и хвалитъ его (см. Библіографическія Записки 1858, № 16, столб. 197).

[2]) Сынъ генерала-отъ-инфантеріи князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына и княгини Варвары Васильевны, рожденной Энгельгардтъ (воспѣтой Державинымъ:... «Плѣнира сердцемъ и лицомъ»...)

[3]) Его привезли домой въ телѣгѣ, спрятаннымъ подъ соломою. **Кн. Н Г.**

Пѣсня.

Со вечера дожо́к,
Со полуночи снѣжок,
Ко бѣлу свѣту порошиця мягкенькая,
А по тому по порошу
Двое саночек бѣжитъ.
Однѣ сани со козырями,
Другіе з подрѣзами;
А на первых санях
Салтыков господин,
На другихъ же санях
Там 'Лединскій был.
А 'Лединскій говорит:
«Пора коников кормить»,
А Салтыков говорит:
«Ко Андрею воротить—
А в Андрея мужика
Много сѣна, много 'вса
В его дочь хороша,—
Свѣт-Матронушка душа»....
А Матронушка по сѣнишках
Похаживает,
Алу ленту поплечикам поглаживает.
«То-то лента,
То-то лента,
То-то ленточка моя.
Мнѣ не батюшка купил,
Не родимой подарил,—
Мнѣ купил—подарил
Салтыковъ господин!»...
При ком денежки платил?
«Тамъ 'Лединскій был!»...

Записалъ въ Калуж. губ. и сообщ. **Д. Носъ.**

Гор. Велижъ (Витебск. губ.).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1878 года.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Съ выпускомъ настоящей книги окончивъ девятый годъ нашего изданія, считаемъ необходимымъ, какъ то дѣлали и въ каждый изъ предшествовавшихъ годовъ, оглянуться назадъ и дать себѣ отчетъ, что внесла въ литературу отечественной исторіи и словесности «Русская Старина» изданіемъ этого года.

Записки и воспоминанія, изслѣдованія историческія, біографическіе очерки, литературно-художественныя произведенія прошлаго времени, а также историческіе и литературные матеріалы, статьи, замѣтки и разсказы, посвященные изученію близкаго прошлаго нашего отечества,—вотъ тѣ отдѣлы, которые съ самаго основанія «Русской Старины» входятъ въ это изданіе.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

I.

Ни одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ нашего повременнаго историческаго сборника не былъ столь богатъ Записками и Воспоминаніями, какъ 1878-й годъ. Въ самомъ дѣлѣ: лица всевозможныхъ сословій, положеній и умственнаго развитія представили въ своихъ Запискахъ очерки ими пережитаго, передуманнаго, видѣннаго и испытаннаго, живописуя, нерѣдко въ самой безъискусственной формѣ, ту среду, изъ которой они вышли или въ которой довелось имъ вращаться. Такимъ образомъ «Русская Старина» 1878-го года представила: Записки крестьянина,

вынесшаго въ началѣ текущаго столѣтія солдатскую лямку и подъ монашескимъ клобукомъ нашедшаго себѣ успокоеніе, это— Назаровъ (1790—1839); казака, добровольно оставившаго спокойную и сытую жизнь, чтобы броситься въ похожденія и приключенія разнаго рода, голодать и воевать на берегахъ Дуная, бродяжничать въ степяхъ южной Россіи, явиться однимъ изъ основателей и первобытныхъ жителей города Екатеринодара, быть вершителемъ дѣлъ и распорядковъ бравыхъ черноморцевъ-казаковъ, и проч., и проч., это—Мигринъ (1770—1850 гг.). Записки протоіерея Виноградова (1800—1836 гг. раскрываютъ другія картины, правда, уже знакомыя, но всегда являющія нѣкоторыя новыя подробности: мы говоримъ о средѣ духовнаго сословія, ихъ воспитаніи, о домашнемъ и общественномъ бытѣ и о ихъ міровоззрѣніи. Подлѣ узкаго эгоизма, нетребовательнаго отношенія и къ себѣ, и ко всему окружающему, и столь спокойно мирящагося со всѣми явленіями, которыя наполняли жизнь и окружали протоіерея Виноградова,—пріятно остановиться на личности пастора Іоанна Губера: дневникъ его воскрешаетъ предъ нами поволжье въ роковую эпоху первой, по времени, холеры 1830-го года. Какіе ужасы развертываются въ картинѣ, рисуемой Губеромъ день за днемъ, и сколько самоотверженія являетъ дѣятельность этого служителя алтаря Господня. А вотъ и еще подвижникъ церкви и ея служитель, ксендзъ прелатъ Буткевичъ: съ безпристрастіемъ, столь рѣдкимъ въ прозелитахъ римскаго первосвященника, съ спокойствіемъ и ясностью воззрѣнія на предназначеніе и судьбы своего народа, долженствующаго жить и преуспѣвать въ единеніи съ своимъ могучимъ собратомъ по крови, Буткевичъ даетъ отчетъ въ видѣнномъ, слышанномъ и имъ самимъ испытанномъ въ кровавую усобицу Польши и Россіи въ 1830—1831 гг.; Записки этого священника нельзя не признать цѣннымъ матеріаломъ для исторіи той эпохи—исторіи, увы! никого ничему не научившей и не отвратившей повторенія кровавыхъ событій 1830-го года чрезъ тридцать съ небольшимъ лѣтъ.

Въ Запискахъ Жиркевича—читатели «Русской Старины» встрѣтили стараго, крайне увлекавшагося, зачастую невоздержанно-рѣзкаго, но честнаго и, въ сущности, добраго знакомаго— это самъ составитель Записокъ Иванъ Степановичъ Жиркевичъ. Предпринимая изданіе его мемуаровъ еще лѣтъ пять тому назадъ.

мы тогда-же опредѣлили значеніе этого памятника по отношенію къ исторіи быта и развитія русскаго общества: Жиркевичъ—до извѣстной степени продолжатель Болотова; преемство и связь Записокъ того и другаго не только хронологическая: Жиркевичъ начинаетъ свои Записки съ 1790-хъ годовъ, т. е. съ того именно времени, которымъ прерывается монументальный трудъ Андрея Тимофеевича Болотова, повторяемъ—не только хронологическая, но и по существу, по внутреннему ихъ духу и содержанію, Болотовъ и Жиркевичъ—русскіе дворяне, такъ сказать, средней руки, какъ по воспитанію, такъ и по своему положенію, т. е. представители громаднѣйшаго большинства русскаго дворянства; но Болотовъ, по преимуществу—представитель сельскаго помѣстнаго дворянства, Жиркевичъ—чисто-служилаго. Оба замѣчательно честные, исполненные самыхъ благородныхъ побужденій, горячо любящіе свою родину и ей служащіе въ тѣхъ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ довелось имъ быть. Но крайне спокойному міросозерцанію Болотова рѣзко противостоитъ пылкая, горячо возстающая противъ всякой неправды личность Жиркевича.

Въ предъидущихъ главахъ его Записокъ въ «Русской Старинѣ» (1873—1876 гг.) читатели ознакомились съ кадетскимъ-шляхетскимъ воспитаніемъ, съ боевой службой русскаго дворянства въ эпоху великой борьбы Россіи съ Наполеономъ, затѣмъ съ службой военной на мирномъ ея положеніи, съ бытомъ всевозможныхъ представителей русскихъ помѣщиковъ, далѣе съ цѣлою пучиною злоупотребленій военной администраціи 1830-хъ годовъ и проч. и проч.

Въ главахъ XXI—XXIV явившихся изъ Записокъ Жиркевича въ «Русской Старинѣ» 1878 г., мы видимъ Ивана Степановича на посту губернатора, правителемъ одной изъ обширныхъ и богатыхъ черноземныхъ губерній.... (1833—1835 гг.). Самое назначеніе Жиркевича на этотъ постъ живо переноситъ насъ въ ту эпоху, когда фронтовой офицеръ, съ одинаковою легкостью, назначался и въ чиновники, и въ техники, и въ администраторы; когда казалось и вѣрилось, что достаточно наименовать въ приказѣ или повелѣніи любаго офицера на какой угодно постъ и онъ дѣлался судьей, правителемъ цѣлой области, посланникомъ-дипломатомъ, министромъ, полководцемъ......

Жиркевичъ, по крайней мѣрѣ, старался возмѣстить недоста-

токъ въ себѣ знанія и подготовки къ исполненію возложенной на него обязанности губернатора пылкою преданностью правдѣ и жаждою со всѣмъ ознакомиться и изучить весь механизмъ представившейся ему службы, для того чтобы немедля выступить —умѣлымъ или неумѣлымъ—это другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, искреннимъ борцомъ противъ всевозможныхъ злоупотребленій... Не скрывая своихъ недостатковъ, ошибокъ и увлеченій, Жиркевичъ безпощадно поражаетъ тѣхъ лицъ, общественная и служебная дѣятельность которыхъ казалась ему, быть можетъ и вполнѣ ошибочно, недостаточно честною.... Весьма вѣроятно, что отзывы его исполнены страстности и увлеченія, какими исполнена была вся личность этого рѣдкаго, въ то время, по своей честности, губернатора, тѣмъ не менѣе они имѣютъ и интересъ и значеніе для исторіи русскаго общества 1830-хъ годовъ и для характеристики, такъ сказать, областной администраціи той эпохи.

Но здѣсь мы должны остановиться, чтобы напомнить объ одной изъ трудностей, которая зачастую представляется намъ при обнародованіи тѣхъ или другихъ мемуаровъ изъ эпохи не весьма отдаленной: при своеобразномъ взглядѣ на печать большинства грамотнаго—мы разумѣемъ дѣйствительно читающаго — люда въ Россіи, при совершенномъ отсутствіи въ теченіе долгаго и долгаго времени свободнаго у насъ обсужденія общественной и служебной дѣятельности различныхъ лицъ, не говоря уже изъ современной дѣйствительности, но даже изъ прошлаго, отстоящаго отъ насъ на двадцать, тридцать, на сорокъ лѣтъ—нерѣдко еще являются лица, которыя находятъ для себя оскорбительнымъ очеркъ таковой дѣятельности въ тѣхъ или другихъ мемуарахъ. Эти лица забываютъ, что общественная дѣятельность не можетъ не быть предметомъ самыхъ разностороннихъ сужденій и что документальное въ печати опроверженіе ошибочныхъ или почему либо пристрастныхъ отзывовъ—вотъ лучшее и благороднѣйшее оружіе для отраженія и разсѣянія таковыхъ отзывовъ.

Цѣль нашего изданія—**истина**, его руководитель—**безпристрастіе**.

Этотъ девизъ «Русской Старины» мы не только повторяли и повторяемъ, но мы неуклонно ему слѣдовали въ теченіи девяти лѣтъ нашей редакторской дѣятельности и будемъ слѣдовать. Въ

самомъ дѣлѣ, можетъ ли кто нибудь упрекнуть насъ въ отступленіи отъ этого девиза? скажетъ-ли кто, что мы отказали кому либо въ помѣщеніи поправки, дополненія или и совершеннаго опроверженія того, что явилось въ тѣхъ или другихъ Запискахъ, разсказахъ, документахъ и Воспоминаніяхъ, въ нашемъ изданіи напечатанныхъ?

Повторимъ то, что мы сказали еще въ обзорѣ перваго трехлѣтія «Русской Старины» (1870—1872 гг.):

«....Изданіе наше, выдвинувшись изъ сферы современной публицистики, не усвоиваетъ себѣ никакихъ исключительныхъ симпатій или антипатій ни къ эпохѣ, ни къ личности.....

«...Всякое тенденціозное направленіе «Русской Старины» было бы непростительною ошибкой, такъ какъ оно неизбѣжно отняло бы у нея ту полную независимость, какою должно безусловно пользоваться каждое подобнаго рода изданіе. Оно должно единственно служить отголоскомъ прошедшаго, безъ всякихъ заранѣе составленныхъ предубѣжденій ни за, ни противъ.

«Поэтому мы беремъ каждый историческій матеріалъ свободными, не связанными ничѣмъ руками и съ спокойною совѣстью передаемъ его подъ типографскій станокъ, не дѣлая изъ него ни панегирика, ни памфлета; затѣмъ, конечно, уже не наша вина, если онъ иной разъ принимаетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ какъ бы особенный оттѣнокъ, затрогивающій чье либо фамильное, иногда, впрочемъ, совершенно ложное самолюбіе. Въ томъ же, что мы постоянно руководствуемся чувствомъ историческаго безпристрастія, читатели наши могутъ легко убѣдиться, между прочимъ, изъ того, что мы охотно помѣщаемъ всякое опроверженіе......»

Обращаясь къ обязанностямъ нашимъ по отношенію къ изданію «Русской Старины», мы тогда же, въ первомъ отчетѣ нашимъ читателямъ, говорили:

«.....Было бы крайне ошибочно или даже чрезвычайно недобросовѣстно искажать историческіе матеріалы въ виду того опасенія, что какое нибудь сообщаемое въ нихъ свѣдѣніе или обстоятельство можетъ показаться оскорбительнымъ для того, къ кому относится лично или наслѣдственно. При томъ, понятіе объ оскорбленіи такъ удобо-растяжимо, что редакція «Русской Старины», при всей, даже самой мелочной, щепетильности и безпредѣльной осторожности, никогда не можетъ быть увѣрена, что какое нибудь извѣстіе не вызоветъ противъ нея чьего либо неудовольствія. Слѣдовательно, еслибы редакція «Русской Старины», издавая подлинные историческіе матеріалы, стала раздумывать, какъ будутъ приняты находящіяся въ нихъ

извѣстія отдѣльными личностями, то понятно, что она позволила бы себѣ тѣмъ самымъ ставить личныя притязанія выше исторической правды, а вмѣстѣ съ тѣмъ передѣлки и сокращенія, произвольно допускаемыя редакціею въ упомянутыхъ матеріалахъ, неизбѣжно должны были бы подорвать въ общественномъ мнѣніи ихъ историческій кредитъ. Это — съ одной стороны. Съ другой же стороны, мы полагаемъ, что, печатая матеріалы, выставляющіе какую либо личность въ неблагопріятномъ свѣтѣ, мы тѣмъ самымъ не только не вредимъ ея чести, но, напротивъ, предоставляемъ удобный случай ограждать ее отъ несправедливыхъ нареканій. Нельзя не принять въ соображеніе, что тѣ рукописные матеріалы, которые до настоящаго времени хранились подъ спудомъ и теперь являются впервые на страницахъ нашего изданія, все равно—и безъ насъ, рано или поздно,—выступили бы въ печати на свѣтъ Божій. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе проходитъ времени отъ дѣятельности какого нибудь лица, тѣмъ болѣе представляется затрудненій для возстановленія ея въ истинномъ видѣ. Современники такого лица сходятъ постепенно съ земнаго поприща, у остающихся же въ живыхъ многія частности улетучиваются изъ ихъ памяти, а также утрачиваются или теряются изъ виду разные письменные документы, которые въ извѣстныхъ случаяхъ, еще по горячимъ слѣдамъ, могли бы представить собою оправдательныя данныя. Независимо отъ этого, копіи съ рукописей, а также устные, заимствованные изъ нихъ, разсказы, распространяются въ публикѣ все болѣе и болѣе, получая въ послѣдствіи окончательную, полную достовѣрность.

«Вслѣдствіе всего этого, мы твердо убѣждены, что чѣмъ ранѣе появится о комъ нибудь въ печати такой отзывъ, который можетъ показаться оскорбительнымъ или ему самому, или близкимъ къ нему по родству лицамъ, считающимъ своею обязанностью охранить его честь, тѣмъ болѣе представляется удобствъ и средствъ для защиты дѣйствительно оскорбленнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для возстановленія правды путемъ печати. Въ такихъ, вполнѣ достаточныхъ, способахъ защиты никогда не было и не будетъ со стороны редакціи «Русской Старины» ни малѣйшаго отказа»... [См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 8—10; см. также изд. 1874 г., томъ XI, стр. 789—791].

Это обѣщаніе мы постоянно исполняли и въ теченіе истекшаго, девятаго, года нашего изданія. Ни одно изъ присланныхъ намъ объясненій и опроверженій, хотя бы таковыя были и совершенно голословныя, не оставлено безъ вниманія: всѣ они напечатаны и непремѣнно въ изданіи того же года, въ которомъ помѣщена та статья, къ которой они относятся.

Впрочемъ, по отношенію къ обозрѣваемому, 1878-му году,—

съ удовольствіемъ отмѣтимъ два факта: во первыхъ—ни одной изъ подобнаго рода статеекъ и замѣтокъ не явилось въ постороннемъ изданіи, всѣ онѣ сообщены непосредственно «Русской Старинѣ», согласно неоднократно повторенной и нынѣ повторяемой просьбѣ: всякую ошибку или невѣрность, въ нашихъ сообщеніяхъ вкравшуюся—на страницахъ нашего же изданія и исправлять; во вторыхъ, помянутыя поправки, объясненія или опроверженія почти всѣ написаны съ большимъ достоинствомъ и сдержанностью, безспорно дѣлающими честь ихъ составителямъ: таковымъ благородствомъ и правдою дышетъ, напримѣръ, замѣтка высокодостойнаго (по отзыву кн. И. В. Васильчикова) участника въ войнѣ 1853—1855 гг. генерала (тогда еще подполковника) Дика. Искренно желаемъ чаще и чаще встрѣчать въ нашихъ корреспондентахъ столь благородную сдержанность и уваженіе къ печатному слову.

Въ ряду Записокъ, обнародованныхъ въ настоящемъ году «Русскою Стариною», безъ сомнѣнія, не прошли незамѣченными: «Очерки, воспоминанія и разсказы» лица, скрывшаго себя подъ начальною буквою его имени —Э..... Съ своей стороны, не скроемъ того удовольствія, съ которымъ дали мѣсто въ нашемъ изданіи этимъ живо, мастерски набросаннымъ очеркамъ. Они отличаются замѣчательною свѣжестью и яркостью красокъ при воспроизведеніи картинъ прошлой жизни или при воспроизведеніи образовъ тѣхъ лицъ, съ которыми доводилось разскащику встрѣчаться, таковы Сперанскій, Трескинъ, Батенковъ, Лавинскій, архіепископъ иркутскійИриней, Протасовъ, Перовскій, и многіе другіе. Любопытно, что г. Э. — однокашникъ по воспитанію въ Морскомъ корпусѣ знаменитыхъ братьевъ Бестужевыхъ (декабристовъ), сослуживецъ Жиркевича, въ послѣдствіи правая рука одного изъ правителей юго-востока Россіи, — доживши до девятаго десятка лѣтъ, до позднѣйшаго времени никогда не выступалъ въ печати. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ печальнымъ, униженнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась до 1850-хъ годовъ русская печать: много лицъ, обладавшихъ несомнѣнно бойкимъ, талантливымъ перомъ, даже не пробовали силъ своихъ въ печати, не находя этого ни удобнымъ, ни возможнымъ, именно вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыя была поставлена

въ Россіи печать, и въ особенности того взгляда, какой былъ въ сферахъ власть имѣвшихъ на лицъ подвизавшихся въ печати.

Редакція «Русской Старины» съ удовольствіемъ можетъ напомнить въ обзорѣ текущаго года, что въ ряду Записокъ, явившихся въ 1878-мъ году на страницахъ этого изданія, были мемуары трехъ женщинъ; таковы Записки княгини Зинаиды Александровны Волконской (рожденной княжны Бѣлосельской)—объ императорѣ Александрѣ I (1824—1825 гг.); Любовь Павловны Никулиной-Косицкой (1829—1868 гг.)—артистки Императорскаго московскаго театра, и Татьяны Петровны Пассекъ. Записки Косицкой—это исповѣдь самородка-таланта, какъ нельзя лучше рисующая тѣ преграды, одолѣть которыя довелось даровитой женщинѣ, чтобы выбиться изъ ничтожества на славный путь артистки. Г-жа Пассекъ въ послѣднихъ главахъ ея Воспоминаній съ обычною этой писательницѣ теплотою и художественностью воспроизводитъ прекрасную личность графа Ѳедора Петровича Толстаго—это свѣтлое и крупное явленіе въ исторіи русскихъ художествъ и искусствъ. Эти главы тѣмъ въ особенности интересны, что главный герой ихъ выступаетъ въ собственныхъ разсказахъ о разнообразныхъ событіяхъ эпохи Александра I (масонскія ложи, ланкастерскія школы, аракчеевщина), а также объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и отношеніяхъ его къ русскимъ художникамъ......

Кстати напомнимъ то, о чемъ мы оговаривались и въ прежнее время: Записки и Воспоминанія не есть непреложный, подлинный историческій документъ. Составители ихъ, къ сожалѣнію, не всѣ и не всегда отличаются безпристрастіемъ, не всегда подкрѣпляютъ свою память о повѣствуемыхъ ими событіяхъ справками въ офиціальныхъ и другихъ непреложныхъ источникахъ, а потому зачастую дѣлаютъ ошибки хронологическія и другія.... И такъ, безъ строгой критики и провѣрки—этимъ отдѣломъ матеріаловъ невозможно пользоваться; но въ виду того громаднаго значенія, какое имѣютъ мемуары для ознакомленія съ общимъ характеромъ той или другой эпохи, а также въ виду тѣхъ живыхъ характеристикъ дѣятелей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, художниковъ, писателей, артистовъ и вообще общественныхъ дѣятелей, какія мы зачастую находимъ въ сказаніяхъ современниковъ, лично ихъ знавшихъ,—нельзя не извинять составителямъ

Записокъ ихъ хронологическихъ или другихъ, сознательныхъ или безсознательныхъ, ошибокъ. Впрочемъ, въ печатаемыхъ нами мемуарахъ мы всегда исправляемъ помянутыя неточности, либо сами, либо печатая указанія и поправки, сообщаемыя читателями.

Записки доктора А. А. Генрици о войнѣ 1853—1855 гг. окончены въ текущемъ году; о значеніи ихъ мы уже говорили въ отчетѣ за 1877 годъ «Русской Старины». Не маловажнымъ также вкладомъ въ историческую литературу Крымской кампаніи и Севастопольскаго погрома должны послужить Записки генерала А. Е. Попова, бывшаго по 1-е декабря 1854 г. начальникомъ штаба гарнизона многострадальнаго города; конечно, историкъ выдѣлитъ въ этихъ бойко написанныхъ Запискахъ правду отъ пристрастія, вызваннаго ненавистью къ князю Меншикову, дѣйствительно тяжко оскорбившему молодаго тогда полковника, составителя Записокъ.

Дневникъ пристава при Шамилѣ П. Г. Пржецлавскаго есть продолженіе уже начатаго въ изданіи «Русской Старины» прошлаго года; онъ еще не конченъ—окончаніе его будетъ въ слѣдующемъ году; напечатано однако достаточно для того, чтобы найти въ дневникѣ весьма обстоятельный матеріалъ для знакомства съ группою злѣйшихъ враговъ Россіи, каковыми были Шамиль и его семейство, и по отношенію къ которымъ нельзя не вспомнить пословицы «какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ».

Берлинскій академикъ Тьебо съ своими воспоминаніями о встрѣчахъ съ русскими людьми, путешествовавшими въ 1765—1785 гг. за границей, единственный иностранецъ, Записки котораго помѣщены въ «Русской Старинѣ» текущаго года. Мы уже объяснили, въ прежнихъ обзорахъ, почему рѣдко и неохотно даемъ мѣсто въ нашемъ сборникѣ писаніямъ иноземцевъ о Россіи и русскихъ людяхъ. Даже дневникъ знаменитаго публициста Варнгагена фонъ-Энзе послужилъ намъ источникомъ лишь для небольшихъ выдержекъ, которыя какъ нельзя лучше показываютъ сколь искаженныя свѣдѣнія имѣли иноземцы о нашемъ отечествѣ въ столь близкое къ намъ время, каковы 1845—1850 года. Другое дѣло русскій иностранецъ пасторъ Зейдеръ—русскій подданный, но думавшій, говорившій и писавшій только по нѣмецки. Пострадалъ онъ однако совершенно по русски, и нельзя безъ глубокой

скорби за время, въ которое возможны были такія явленія, читать повѣсть о его страданіяхъ, имъ самимъ двукратно начертанную.

Къ отдѣлу мемуаровъ можно отнести обширное собраніе писемъ Василія Николаевича Зиновьева изъ путешествія его по Германіи, Италіи, Англіи и Шотландіи въ 1785—1789 гг. Хотя письма эти довольно длинны, монотонны, мѣстами совершенно скучны, тѣмъ не менѣе они имѣютъ значеніе какъ замѣтки одного изъ образованнѣйшихъ представителей Екатерининскаго русскаго общества о художествахъ, искусствахъ, наукахъ, а также о политической и гражданской жизни Западной Европы. Любопытно сопоставить эти письма съ одновременными почти замѣтками другаго путешественника, именно желчнаго Дениса Ивановича фонъ-Визина, автора «Бригадира» и «Недоросля».

Изложенный перечень показываетъ, что въ 1878 г. въ «Русской Старинѣ», какъ мы сказали выше, появились Записки самыхъ разнообразныхъ по образованію и общественному положенію лицъ: крестьянинъ (онъ же солдатъ и монахъ), казакъ, протоіерей, пасторъ, ксендзъ-прелатъ, морякъ и жандармскій штабъ офицеръ, докторъ, женщины-писательницы и въ ихъ числѣ драматическая артистка, генеральнаго штаба офицеръ, губернаторъ — все это составители изданныхъ «Русскою Стариной» 1878 г. мемуаровъ. Можно подумать, что этимъ значительно исчерпано собраніе этого рода матеріаловъ, собранныхъ и подготовленныхъ редакціею «Русской Старины» къ помѣщенію на страницахъ этого изданія, между тѣмъ мы съ удовольствіемъ можемъ сообщить, что въ ея распоряженіи находится еще девяносто семь неизданныхъ этого рода рукописей, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ изъ нѣсколькихъ томовъ [1]).

---

[1]) Общее число изслѣдованій, мемуаровъ, статей и замѣтокъ, сообщенныхъ «Русской Старинѣ» (по 1-е декабря 1878 г.)—2,827. Изъ этого числа довольно много цѣлыхъ фамильныхъ архивовъ, значащихся подъ однимъ нумеромъ. Едвали шестая доля этихъ сообщеній исчерпана «Русскою Стариной» (1870—1878 гг.), остальное будетъ печататься въ 1879-мъ и послѣдующихъ годахъ этого журнала.

II.

Историческихъ изслѣдованій «Русская Старина» представила въ отчетномъ году не много[1]), но изъ нихъ нельзя не указать на изслѣдованіе-очеркъ Н. И. Костомарова—о казакахъ. Эта статья даровитаго нашего историка и ученаго имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, что предметъ ея—изъ области исторіи, спеціально и всесторонне разработанной г. Костомаровымъ, именно изъ исторіи Малороссіи. При недостаткѣ статей-изслѣдованій, «Русская Старина» 1878 года представила рядъ довольно обширныхъ біографическихъ очерковъ. Таковы біографіи генералъ-аншефа Ив. Ив. Бутурлина, 1661—1738 гг., одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго; князя Друцкаго-Любецкаго, 1777—1846, бывшаго министра финансовъ Царства Польскаго, человѣка по-истинѣ геніальнаго; цесаревича Константина Павловича—этотъ послѣдній трудъ, почти исключительно составленный по матеріаламъ, принадлежащимъ редакціи «Русской Старины», есть первый опытъ біографіи цесаревича, бывшаго сподвижникомъ Суворова, невольнаго виновника кровавой смуты 14-го декабря 1825 года и польской революціи 1830 года. Отсутствіе біографіи этого, хотя и второстепеннаго, но крупнаго по своему положенію, дѣятеля въ исторіи Россіи XIX столѣтія давно чувствовалось и «Русская Старина» нынѣ восполнила этотъ пробѣлъ, представя не только біографію Константина Павловича (трудъ нашего почтеннаго сотрудника Е. П. Карновича), но и нѣсколько дополнительныхъ къ ней статей, таковы: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Вержбнѣ, 20-го ноября 1830 г.», «Пріѣздъ польскаго депутата къ цесаревичу Константину Павловичу въ 1830 г.», «Народные толки о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ». Точно также обиліе собраннаго редакціей матеріала дало возможность приступить къ біографіи другихъ, на совершенно иномъ поприщѣ, дѣятелей: мы говоримъ о жизнеописаніи Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго (1800—1857 гг.)—россійскаго Златоуста, какъ прозвали этого витію его безчисленные и пламенные поклонники,

[1]) Таковы, между прочимъ, «Деспоты Зеновичи въ XVI—XVII столѣтіяхъ» статья С. Л. Пташицкаго, «Князья Долгоруковы въ 1730—1739 г.», «Военная политика и военныя учрежденія» статья М. И. Богдановича и друг.

а также о біографіи покойнаго государственнаго мужа Константина Владиміровича Чевкина. Въ первомъ трудѣ, еще неоконченномъ, мы надѣемся представить весьма много совершенно новыхъ данныхъ къ ознакомленію читателей съ этимъ знаменитымъ іерархомъ россійской церкви, а второй - представляетъ лишь одну, такъ сказать, главу изъ жизнеописанія Чевкина,—именно время управленія имъ путями сообщеній—весьма обстоятельная монографія Н. Н. Селифонтова, частью по бумагамъ, завѣщаннымъ покойнымъ Константиномъ Владиміровичемъ редакціи «Русской Старины», частью по свѣдѣніямъ изъ офиціальныхъ источниковъ и изъ бумагъ Н. И. Бахтина.

Довольно полнымъ очеркомъ жизни кавказскаго генерала Г. В. Новицкаго, 1800—1877 гг., и біографическими замѣтками о А. Ѳ. Корниловичѣ и И. А. Анненковѣ (декабристѣ), профессорѣ А. И. Селинѣ и поэтѣ Н. А. Некрасовѣ исчерпывается обозрѣваемый отдѣлъ въ «Русской Старинѣ» изданія 1878 г.

III.

Въ ряду отдѣльныхъ историческихъ матеріаловъ, каковы правительственные и юридическіе акты, указы, письма государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, небольшія полуобдѣланныя монографіи объ отдѣльныхъ эпизодахъ, преимущественно изъ новѣйшей исторіи Россіи, разсказы и замѣтки—должно назвать:

Завѣщаніе и переписка одного изъ представителей именитой фамиліи Деспотъ Зеновичей, изъ эпохи XVI столѣтія: особенно любопытно завѣщаніе Юрія Деспота Зеновича 1562 года—обширный документъ, рисующій бытъ знатнаго западно-русскаго помѣщика каштеляна Смоленскаго, на 300 лѣтъ отдаленнаго отъ насъ времени, притомъ православнаго исповѣданія. «Монастырскій судъ въ 1610 г.», «Москва въ 1687—1688 гг.». Челобитная 1721 года на злоупотребленія горнозаводчика Акинфія Демидова въ Пермскомъ краѣ. Нѣсколько документовъ, рисующихъ мрачное время правленія Анны Іоанновны; таково убійство, по распоряженію ея правительства, полковника Синклера (1739); сожженіе на кострѣ одного башкирца въ Екатеринбургѣ (1738); примѣчанія неизвѣстнаго лица, кажется—исторіографа Миллера, на

письма лэди Рондо о русскомъ дворѣ (1730—1739) – переводъ интересной рукописи, принадлежащей Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу; «Русскій дворъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ 1761 г.»—переводъ съ рукописи Лафермiера, также принадлежащей Августѣйшему Владѣтелю Павловска, изъ превосходной библіотеки котораго заимствовано редакціей «Русской Старины», съ благосклоннаго разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, вообще довольно много драгоцѣнныхъ матеріаловъ къ отечественной исторіи XVIII вѣка.

Нѣсколько собственноручныхъ повелѣній и замѣтокъ Екатерины II и проч. Одному изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ въ исторіи кратковременнаго царствованія императора Павла—суду и кровавой казни казацкихъ полковниковъ Грузиновыхъ, посвящена въ «Русской Старинѣ» обозрѣваемаго года особая монографія, составленная исключительно по военно-судному о нихъ дѣлу 1800 года.

Современная великая борьба Россіи съ Турціей за освобожденіе нашихъ многострадальныхъ братій славянъ Балканскаго полуострова вызвала насъ на напечатаніе, въ видѣ исторической справки, «извѣстія современника о призывѣ посломъ римскаго (австрійскаго) императора московскихъ царей на борьбу съ Турціей въ 1684 г.»; проекта адмирала Грейга объ овладѣніи Дарданеллами, съ замѣчаніями князя Потемкина (1783 года), и обширнаго маршрута отъ Рущука до Константинополя—1793 года, составленнаго русскими офицерами изъ свиты М. И. Голенищева-Кутузова, ѣхавшаго въ тотъ годъ посломъ въ Константинополь. Имѣя же въ виду, что война 1877-го года уже дѣлается достояніемъ исторіи, мы помѣстили разсказъ о баязидскомъ славномъ сидѣніи, и теперь же

— приглашаемъ участниковъ минувшей войны представлять на страницы «Русской Старины» свои воспоминанія, разсказы, замѣтки, документы—словомъ, все, что можетъ послужить матеріаломъ къ исторіи этой войны.

Разсказы современниковъ: «Императоръ Павелъ и старообрядцы», «Послѣдніе дни жизни и кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны», «Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 г.», «Разсказы

изъ прошлаго г-жи Новосильцевой», «Разсказы стараго лейбъ-казака», нѣсколько документовъ къ исторіи заселенія западнаго Кавказа (1861—1863 гг.) и нѣкоторыя другія замѣтки и матеріалы составляютъ ту Записную Книжку ред. «Русской Старины», изъ которой мы издавна черпаемъ самыя разнообразныя мелкія подробности къ освѣщенію тѣхъ или другихъ крупныхъ событій или достопамятныхъ дѣятелей и представителей власти или и самой среды русскаго общества той или другой эпохи. Въ ряду этихъ мелочей — всего до 70-ти небольшихъ статей и документовъ — не осталось, конечно, незамѣченнымъ «Судебное дѣйствіе» —діалогъ начала XIX столѣтія, знакомившій будущихъ юристовъ съ механизмомъ тогдашнихъ судейскихъ распорядковъ въ Россіи.

Переходя отъ изслѣдованій, очерковъ и матеріаловъ чисто историческихъ къ отдѣлу литературному, необходимо еще упомянуть о двухъ обширныхъ генеалогическихъ трудахъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» обозрѣваемаго года: дѣло идетъ о двухъ родословіяхъ: Романовы-Юрьевы-Захарьины съ XIII в. до 1613 г. и Царствующій въ Россіи домъ Романовыхъ въ XVII—XIX вв. Необходимость составленія и изданія этихъ родословій обусловливалась отсутствіемъ обстоятельно и совершенно полно составленной генеалогической росписи этой фамиліи, а также безпрерывными упоминаніями о различныхъ ея членахъ въ «Русской Старинѣ»—изданіи всецѣло посвященномъ изученію русской исторіи.

IV.

Разработка исторіи отечественной словесности съ самаго основанія нашего изданія всегда входила въ кругъ главнѣйшихъ задачъ «Русской Старины», но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе значительности, по числу и объему, напечатанныхъ нами Записокъ и Воспоминаній, а равно въ виду обилія прочихъ историческихъ матеріаловъ, недостатокъ мѣста не позволилъ намъ представлять новыя данныя по отдѣлу исторіи отечественной словесности въ томъ количествѣ, какъ бы то намъ было желательно и чему могли бы съ удобствомъ служить обширныя наши собранія этого рода матеріаловъ. Тѣмъ не менѣе, и въ 1878 году мы обнародовали нѣсколько историко-біографическихъ и литературныхъ матеріаловъ, а именно

по отношенію къ Жуковскому, Пушкину, Гоголю, Лермонтову (варіанты изъ подлинной рукописи: «Героя нашего времени») и Далю; равнымъ образомъ напечатали большое собраніе писемъ и критическихъ замѣтокъ (1822—1830 гг.) знаменитаго польскаго историка Лелевеля по поводу монументальнаго труда Карамзина: «Исторія государства россійскаго», наконецъ, въ обозрѣваемомъ же году «Русской Старины» напечатаны нѣкоторыя сатирическія литературныя произведенія прошлаго времени, каковы: «Приключеніе Густава III», сатира извѣстнаго піиты Екатерининскаго вѣка Василія Петровича Петрова († 1800 г.), «Митюха Валдайской, зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ» — остроумная пародія П. Н. Семенова (1810 г.) на трагедію «Дмитрій Донской» Озерова; пародія эта имѣетъ не только интересъ какъ весьма выразительное проявленіе въ средѣ русскаго общества начала XIX вѣка сознанія неестественности и нелѣпости драматическихъ произведеній, созданныхъ хотя бы и талантливыми писателями (каковымъ, напримѣръ, былъ Озеровъ), но по ложно-классическому шаблону. Независимо отъ этого, «Митюха Валдайской» имѣетъ и другое значеніе, именно по своему превосходному языку: дѣйствительно, въ немъ чисто народный говоръ, живая струя вполнѣ народной безъискусственной рѣчи съ ея крайне образными и мѣткими выраженіями.

«Царь Горохъ» — шутка-пародія 1834-го года, равнымъ образомъ, — произведеніе вполнѣ русскаго бойкаго юмора; въ ней осмѣивается также безжизненность, ходульность, высокопарность и безсодержательность формы, но уже не въ литературѣ, а въ наукѣ, жрецы которой — по просту сказать — въ силу тѣхъ или другихъ условій, въ которыхъ находилась тогда наука, съ усердіемъ, заслуживающимъ лучшаго дѣла, зачастую толкли воду, или занимались изслѣдованіемъ совершенно безплодныхъ и ни для кого не нужныхъ вопросовъ.

Независимо однако отъ біографическаго матеріала и «смѣхотворныхъ» произведеній изъ добраго прошлаго, «Русская Старина» въ 1878 году представила одно серьезное, вполнѣ художественное произведеніе: мы говоримъ объ обширной поэмѣ В. К. Кюхельбекера «Вѣчный Жидъ». Никогда до сихъ поръ не напечатанное, произведеніе это замѣчательно не только само по себѣ, по своимъ литературнымъ достоинствамъ, каковы художественность нѣкоторыхъ поэтическихъ картинъ, въ немъ разсѣян-

ныхъ,—но и какъ яркое выраженіе того мистическаго направленія, подвижникомъ котораго является въ ряду поэтовъ Пушкинской эпохи—Кюхельбекеръ.

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ—до сихъ поръ вовсе не упоминался въ исторіи отечественной словесности; «Русская Старина», напечатавъ его «Вѣчнаго Жида», а нѣсколько ранѣе нѣкоторыя стихотворенія Кюхельбекера и его литературный дневникъ въ тюрьмѣ, — даетъ возможность историкамъ отвести этому поэту подобающее мѣсто въ пантеонѣ россійской словесности. Здѣсь только отмѣтимъ необыкновенную начитанность и, можно сказать, ученость Кюхельбекера: при обстоятельствахъ самыхъ гнетущихъ,—каково десятилѣтнее тюремное заточеніе и затѣмъ ссылка въ мѣста отдаленныя въ Сибирь,—Кюхельбекеръ не переставалъ обогащать свой умъ изученіемъ иностранныхъ, европейскихъ и восточныхъ, литературъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ трудиться для пламенно любимой имъ отечественной словесности: обширное собраніе этихъ трудовъ, какъ переводовъ, такъ и оригинальныхъ произведеній, свято сбереженное и предоставленное въ распоряженіе редакціи «Русской Старины» дѣтьми Кюхельбекера, еще ждетъ изданія и надлежащаго опредѣленія ихъ значенія для исторіи отечественной словесности.

Представляя литературно-художественныя произведенія прошлаго времени, «Русская Старина» сохраняетъ на своихъ страницахъ и созданія народнаго творчества. Таковы напечатанныя въ ней въ 1878 г. «Скопческія пѣсни», также нѣсколько историческихъ народныхъ пѣсень, «Стихъ о раззореніи скитовъ», «Народные заговоры» и проч.

V.

Въ послѣдніе годы, въ «Русской Старинѣ» довольно много мѣста отведено исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи. Такъ, нами изданы обширные біографическіе очерки русскихъ художниковъ съ обозрѣніемъ состоянія искусствъ въ нашемъ отечествѣ въ тѣ годы, когда подвизались эти художники, а также не менѣе обширныя собранія ихъ писемъ и замѣтокъ, знакомящихъ съ исторіей и процессомъ ихъ творчества. Въ 1878 г. этому отдѣлу въ «Русской Старинѣ» весьма посчастливилось: здѣсь напечатанъ

очеркъ изслѣдованія о жизни и дѣятельности, такъ сказать, отца бытовыхъ русскихъ живописцевъ Алексѣя Гавриловича Венеціанова (1780—1846), почтенный трудъ П. Н. Петрова—безспорно одного изъ знатоковъ исторіи искусствъ въ нашемъ отечествѣ и весьма много для нея потрудившагося. Въ «Русской же Старинѣ» 1878 г. помѣщенъ рядъ автобіографическихъ разсказовъ нашего геніальнаго мариниста И. К. Айвазовскаго о его XLII-хъ лѣтней художественной дѣятельности (1836—1878 гг.).

Айвазовскій принадлежитъ къ группѣ тѣхъ отмѣченныхъ Провидѣніемъ талантовъ, которые составляютъ гордость и славу страны, которой они принадлежатъ—и мы считаемъ себя счастливыми, что могли на страницахъ нашего изданія сохранить, въ его живыхъ и увлекательныхъ разсказахъ, весьма важный для будущаго его біографа матеріалъ.

Въ этомъ же году мы представили, кромѣ небольшихъ замѣтокъ (Жанъ Вуаль—живописецъ, А. Клепиковъ—медальеръ), нѣсколько довольно крупныхъ, по значенію, данныхъ для біографіи покойнаго вице-президента Академіи Художествъ гр. Ѳ. П. Толстаго, славнаго живописца-гравера-медальера, и окончили печатаніемъ собраніе писемъ, очерковъ и замѣтокъ А. Н. Сѣрова объ искусствѣ вообще и музыкѣ въ особенности. Письма эти вызывали неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей—за ихъ, якобы, сухость, манерность и чрезвычайную растянутость,—тѣмъ не менѣе мы остаемся при высказанномъ уже нами убѣжденіи (см. «Русскую Старину» изд. 1877 г., т. XX, стр. 731), что мы не въ правѣ не издавать матеріалъ для изученія дѣятельности такихъ заслуженныхъ подвижниковъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ, какимъ былъ даровитый, поразительно трудолюбивый и, можно сказать, ученый, вполнѣ строгій къ себѣ и другимъ, какимъ былъ А. Н. Сѣровъ. Если талантъ его и не стоялъ на высотѣ его обширнаго образованія и того многолѣтняго упорнѣйшаго труда, который онъ посвятилъ на его развитіе,—тѣмъ не менѣе трудовая жизнь Сѣрова положительно заслуживаетъ изученія, какъ свидѣтельство того, до чего можетъ достигнуть человѣкъ, съ энергіей и твердою волей неуклонно преслѣдующій свои идеалы въ области искусствъ.

VI.

Въ 1878-мъ году въ «Русской Старинѣ» вмѣсто голаго перечня вновь вышедшихъ книгъ по исторіи и вспомогательнымъ къ ней наукамъ, каковой тянулся на оберткѣ книгъ нашего изданія въ прошломъ году, возобновился «библіографическій листокъ»,— печатавшійся съ 1870-го по 1876 г. включительно. Составленіе этого листка принадлежитъ профессору русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ В. С. Иконникову, извѣстному нѣсколькими весьма замѣчательными трудами въ области какъ до-петровской, такъ и новѣйшей отечественной исторіи. Благодаря этому листку, читатели «Русской Старины» своевременно ознакомились со значеніемъ и достоинствомъ до 30-ти вышедшихъ въ послѣднее время главнѣйшихъ трудовъ и сборниковъ по отечественной исторіи, археологіи, географіи, этнографіи и нумизматикѣ.

VII.

Намъ остается сказать, что изданіе «Русской Старины» за обозрѣваемый годъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, украшено нѣсколькими художественными приложеніями, а именно при книгахъ 1878 года помѣщены: портреты злополучныхъ, по своей трагической смерти (въ 1739 г.), князя Василія Лукича Долгорукаго — славнаго дипломата, сподвижника Петра Великаго, и Ивана Алексѣевича Долгорукаго—любимца Петра II; также рѣдкій портретъ императора Александра I (1802 г.), силуэтъ пастора Зейдера, наконецъ портретъ кавказскаго генерала Г. В. Новицкаго. Напомнимъ при этомъ случаѣ, что, предпринимая въ 1870 году изданіе «Русской Старины», мы не обѣщали никакихъ художественныхъ приложеній и, напротивъ, самое изданіе, соотвѣтственно крайне умѣренной подписной на него цѣнѣ, предполагали издавать въ размѣрѣ не свыше восьми печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ.

Но вотъ, по мѣрѣ возрастанія сочувствія къ «Русской Старинѣ» ея читателей, это изданіе стало выходить въ полтора, иногда даже въ два раза большемъ противу прежняго объемѣ и съ весьма цѣнными приложеніями, каковы портреты достопамятныхъ русскихъ людей въ гравюрахъ отечественныхъ талантливыхъ художниковъ: на мѣди—академика И. П. Пожалостина, и на деревѣ—академика Л. А. Сѣрякова (гравёра Его Императорскаго Величества). Произведеній рѣзца этихъ художниковъ накопилось теперь въ изданіяхъ «Русской Старины» довольно много, такъ что, не говоря уже о рисункахъ, чертежахъ и снимкахъ, приложенныхъ къ «Русской Старинѣ», если бы собрать въ одинъ альбомъ только портреты, ею изданные, то таковой вмѣстилъ бы въ себѣ болѣе пятидесяти портретовъ [1]).

Не ограничиваясь гравюрами, ред. «Русской Старины» время отъ времени прилагала хромолитографіи. Такъ, въ 1878 г. изданъ нами хромолитографическій (красками отпечатанный) снимокъ портрета Н. В. Гоголя. Трудность возможно точнаго воспроизведенія этого портрета, принадлежащаго кисти знаменитаго художника А. А. Иванова (1841 г.), вызвала продолжительность этой работы, исполненной въ Парижѣ извѣстнымъ литографомъ Лемерсье [2]). Изданію «Русскою Стариной» хромолитогравированнаго снимка съ лучшаго портрета Н. В. Гоголя предшествовало появленіе на страницахъ нашего изданія (1878 г.) весьма обстоя-

---

[1]) Вотъ они: Александръ I.—Анна Іоанновна.—Гр. Аракчеевъ (2 портрета).—Биронъ.—Болотовъ (2 портрета).—Брауншвейгское семейство (4 силуэта).—Булатовъ.—Бѣлинскій.—Воейковъ.—Волковъ.—Гоголь (отпечатанъ красками).—Грибоѣдовъ.—Княгиня Дашкова.—Денисовъ, атаманъ.—Гр. Дмитріевъ-Мамоновъ.—Дмитрій самозванецъ.—Князья В. Л. и И. А. Долгорукіе (казнены въ 1739 г.).—д'Эонъ.—Екатерина II.—А. П. Ермоловъ.—Зейдеръ (силуэтъ).—Кн. Зубовъ. — Императоръ Іоаннъ Антоновичъ. — Каразинъ. — Кн. Кутузовъ-Смоленскій.—Клугенау.—Лермонтовъ (отпечатанъ красками). — Княгиня Ловичъ.—Наталья Ѳедоровна Лопухина (статсъ-дама, казненная въ 1742 г.). — Михельсонъ (побѣдитель Пугачева). — Муравьевъ - Карскій. — Новицкій. — М. Ѳ. Орловъ.—Петръ Великій.—Платовъ, атаманъ.—Кн. Потемкинъ.—Пугачевъ (2 портрета).—Рябининъ, крестьянинъ, пѣвецъ былинъ.—Филаретъ, митрополитъ Московскій.—Фотій, архимандритъ Юрьевско-Новгородскій.—Чевкинъ.—Шамиль.—И. А. Яковлевъ и нѣк. другіе.

[2]) Производство снимка и отпечатаніе онаго въ Парижѣ, въ 5,725 экз., со многихъ камней, продолжалось болѣе года и стоило намъ 1,875 франковъ.

тельное излѣдоваіне П. А. Ефремова о портретахъ Гоголя и рисункахъ къ его сочиненіямъ. Изслѣдованіе это можетъ служить образцомъ для критическаго обозрѣнія портретовъ того или другаго изъ наиболѣе популярныхъ писателей, государственныхъ и вообще общественныхъ дѣятелей.

Прочія приложенія къ «Русской Старинѣ» 1878 года состоятъ изъ снимка (автографа) съ подлиннаго стихотворенія И. А. Крылова и нѣсколькихъ мелкихъ рисунковъ: виды землянокъ подъ Севастополемъ, 1854—1855 гг., знакъ масонской ложи «Соединенныхъ славянъ» и изображеніе памятника на могилѣ пастора Зейдера.

Ред.

Сельцо Өедорцево.
1878 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ" историческія или историко-литературныя статьи и матеріалы.

Поименовываемъ въ настоящемъ спискѣ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ находятся въ распоряженіи редакціи и, по возможности, будутъ напечатаны въ книгахъ ежемѣсячнаго историческаго изданія «Русской Старины» 1879-го и послѣдующихъ годовъ:

В. П. Авенаріусъ, — Аврамовъ, — Н. Агафоновъ, — А. К. Адинцовъ, — М. П. Азанчевскій,—И. К. Айвазовскій,—И. И. Акутинъ,—П. В. Алабинъ,—В. А. Альфонскій,—И. Амелицкій,—И. Андозкій,—И. Я. Андреевскій,—Анненковъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—А. П. Арбузовъ,—И. А. Аренсъ,—проф. Н. Я. Аристовъ,—Арнольди,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—П. Я. Аршеневскій,—Асташевъ,—Н. Н. Ахвердовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

Баландовичъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе,—Н. П. Бараніусъ,—С. И. Барановскій,—П. И. Барановъ,—А. А. Баранцевъ,—А. И. Барзецовскій,—проф. Н. И. Барсовъ,—Н. П. Барсуковъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—Батюшковъ,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—Башуцкій,—кн. В. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безукладиновъ,—Н. В. Бергъ, П. В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—Ад. П. Берже,—Беръ,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Р. И. Бжостовская,—Н. Билибинъ,—баронъ Бистромъ, — Бобровскій,—С. Богоянскій, — М. И. Богдановичъ,—Н. К. Богушевскій,—И. Н. Божеряновъ,—М. П. Болотовъ, — Боричевскій,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—Я. И. Борзецовскій,—Д. Благово, — проф. А. Г. Брикнеръ, — Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, — Бутковъ, — Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутурлинъ, — Н. Д. Быковъ,—акад. А. Ѳ. Бычковъ, — А. Бѣлаго, — Н. А. Бѣлозерская,—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель,—И. И. Василевъ,—А. П. Васильевъ,—П. П. Васильевъ,—Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—г. Вахтинъ,—В. Н. Ведерниковъ, П. Н. Великопольскій,—А. Величковъ,—Вельяминовъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. П. Венюковъ,—акад. К. С. Веселовскій,—Н. И. Викинскій, — Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—К. А. Висковатовъ,—В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ,—Ѳ. К. Витбергъ,—Н. П. Вишняковъ,—Владимірова,—М. Владыкинъ,—П. П. Вознидынъ,—А. Ѳ. Волковъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—П. А. Вороновъ,—Вороновъ,—Воскобойниковъ,—Н. М. Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронъ Вревскій,—баронесса Вревская,—Вудъ,—А. Н. Вульфъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. Гагаринъ,—К. И. Гамаринъ,—А. Гакъ,—А. Д. Галаховъ,—Гвоздиковъ,—Г. Н. Геннади,—Н. В. Гербель,—Герцыкъ,—П. П. фонъ-Гецъ,—Гилюсъ,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Ѳ. С. Глинка,—Глуховъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—И. Голышевъ,—Голубевъ,—И. Ѳ. Горбуновъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—Н. В. Губерти,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—свящ. В. Гурьевъ.

В. Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Данильченко,—П. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—Н. Д. Де-ла-Флизъ,—А. П. Демидовъ,—Фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ Зеновичъ, — К. К. Детловъ,—Діятроптовъ,—Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій,—Я. И. Довголевскій,—В. Док—ій,—кн. В. Долгоруковъ,—А. Долгоруковъ,—кн. С. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—Н. Ѳ. Дубровинъ,—Н. П. Дуровъ.

К. Евлентьевъ,—от. П. П. Еланскій,—кн. Енгалычевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—А. Ерошкинъ,—А. П. Есиповъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. Ѳ. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Журавскій.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—И. Е. Забѣлинъ,—Л. А. Загоскинъ,—А. Г. Затлеръ, — И. Захарьинъ, — К. Зенденгорстъ,—А. Змѣевъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова.

П. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина,—А. В. Ивановъ,—Н. И. Иванова,—Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Иверсенъ,—Игнатьевъ,—П. А. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—М. А. Имбергъ,—В. А. Инсарскій,—Н. О. Иствиской,—С. Ѳ. Исѣевъ.

Казадаевъ, — П. С. Казанскій, — Казачокъ,—М. К. Казина,—Казинъ,—П. С. Калачевскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—Канаринъ А., кн. М. А. Кантакузина, — гр. П. И. Капнистъ, — В. Н. Карамзинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—А. М. Каратыгина,—П. А. Каратыгинъ, — С. А. Каратыгинъ,—П. П. Каратыгинъ,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,—С. Д. Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. Карцевъ,—Н. С. Кашкинъ,—Н. Т. Кедровъ,—Н. П. Кельшъ,—Т. Кибальчичъ,—Кирилловъ,—А. Н. Кирилинъ,—Киселевъ,—П. А. Китицынъ,—Ѳ. Н. Кишенскій,—И. Кларкъ,—П. Клепиковъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,—Г. А. Ковалевскій,—Н. И. Коведаевъ,—М. М. Ковязинъ,—Козадавлевъ,—С. Козловскій,—Н. И. Койленскій,—Колачевскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—гр. Н. М. Коновницына,—Д. А. Копьева,—Е. Ѳ. Корвинъ-Круковская,—И. П. Корниловъ,—Ю. В. Косова,—Я. И. Костенецкій,—Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ.—Н. П. Косяровскій,—А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскій,—М. Круповичъ, —В. Ф. Кудрявцевъ, — М. П. Кудрявцевъ, — Г. И. Кузминскій, — С. Е. Кулеша,—акад. А. А. Куникъ,—И. К. Купріяновъ,—кн. Куракинъ,—М. Куропѣевъ,—М. Н. Кучаевъ,—М. В. Кюхельбекеръ.

Проф. Н. Лавровскій,—А. М. Лазаревскій,—И. К. Лапотниковъ,—С. Лашкаревъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,— А. А. Левшинъ,—А. И. Левшинъ,—архимандр. Леонидъ, — Леоновъ,—А. Ф. Леопольдовъ,—В. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ, —К. Ф. Де-Ливронъ, — В. Лихачевъ,—А. В. Лишинъ,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова.—Е. А. Лопушинскій,—Г. Лохвицкій,—В. К. Луцкій,—В. И. Лѣствицынъ,—Любарскій,—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—В. Н. Майновъ,—И. В. Майновъ,—Л. Н. Майковъ,—С. М. Макарова,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—И. П. Малаховскій,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—К. А. Маньковскій,—Маринъ,—М. А. Марковъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ.—Ив. Матченковъ,—

П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Мельниковъ,—П. Н. Меншиковъ,—А. Е. Мерцаловъ,—Мешетичъ,—Г. И. Мигринъ,—Н. Д. Мизко,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—О. Б. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина,—Г. Минъ,—С. Миропольскій, — М. П. Митковъ,—В. Михайловъ,—Г. Михельсонъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—гр. А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—П. Морозовъ,—Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Муликовскій,—Н. Н. Мурзакевичъ,—Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—Нарбутъ,—А. Нарохницкій,—А. С. Наставинъ,—П. И. Небольсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ, — Неѣловъ,—С. А. Никитенко,—баронъ А. Н. Николаи,—А. А. Никольскій,—В. В. Никольскій,—Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. Новицкій,—А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ.

Кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Огаревъ,—П. Огіевскій,—Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—П. О. Омельяненко,—Ѳ. К. Опочининъ,—И. И. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. Б. Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А. Орловъ,—проф. Н. А. Осокинъ, — гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ.

Л. Н. Павлищевъ,—И. Д. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—Н. Палибинъ, — А. В. Пальчиковъ, — Панаевъ, — Н. И. Пановъ,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренцовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—Перетцъ,—Перфильева, — Петровскій, — Ал. Н. Петровъ,—Андр. Н. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — А. А. Плансонъ,—Платонова,—А. А. Повало-Швыйковскій,—А. Ѳ. Подвысоцкій, — И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ, — акад. И. П. Пожалостинъ, — Е. Ц. Поздѣевъ, — А. П. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—В. Поляковъ, — Н. А. Поливановъ, — В. Н. Поливановъ, — А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Пономаревъ,—Анд. Н. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—А. Е. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—Н. Н. Правиковъ,—А. Преображенскій,—О. А. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій,—М. С. Прокудинъ-Горскій, — С. Л. Пташицкій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. П. Пятковскій.

А. Раменскій,—М. М. Рангъ,—А. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—С. А. Регменскій,—Н. В. Реутскій,—графъ Ржевускій,—Людмила Ив. Рикордъ,—А. Ѳ. Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—Д. П. Родіоновъ, — А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. Фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розенъ,—Д. А. Рокотовъ,—А. Н. Романовскій,—Ю. А. Романовъ,—П.Рословъ,—А. Роснопювъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ.—Д. Рубакинъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—Н. Рудыковскій,—К. Рудницкій,—В. Р. Руммель,—Руничъ,—Н. Рындовскій,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

П. И. Савваитовъ,—А. И. Савельевъ,—А. А. Савурскій,—Савельевъ,—Д. Садовниковъ,—Садовскій,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Саитовъ,—Н. Ѳ. Самаринъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамочкинъ,—Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—В. И. Семевскій,—П. Семеновъ,—Сергѣевъ, —баронъ М. Н. Сердобинъ,—Сердюкова,—Сеславина,—Симоновъ,—Скальковскій,—Д. И. Скобелевъ,—Б. Скоробогатый,—В. Смирновъ,—Д. Смышляевъ,—А. И. Соболевскій,—В. Соколовскій, -

акад. Ѳ. Г. Солнцевъ,—акад. С. М. Соловьевъ,—А. И. Сомовъ,—Р. Сорокинъ,—Т. А. Сосновскій.—П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. І. Спасскій,—Н, И. Стародубскій,—А, Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—А. Д. Столыпинъ, — Сторожевскій, — Стороженко,—Стронинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій,—А. И. Стригоцкій,—Н. С. Стромиловъ,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ, — Г. И. Студенкинъ, — С. Ступишинъ,—А. А. Суворовъ, князь Италійскій графъ Рымникскій,—С. Судаковъ,—С. Н. Сулима,—В. Сульменевъ,—А. И. Сулоцкій,—П. Суходольскій,—Сушковъ,—С. П. Сысоевъ,—акад. Л. А. Сѣряковъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—Темниковъ,—Н. М. Тереховъ, — Тимофѣевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимощукъ,—В. П. Титовъ,—И. Тихомировъ,—К. Н. Тихонравовъ, — проф. Н. С. Тихонравовъ, — Толстая,—Томашевъ,—Н. Е. Топчіевъ,—Л. Н. Трефолевъ,—П. Трофимовскій,—А. Н. Труворовъ,—Туганъ-Мирза Барановскій,—Турау,—С. И. Турбинъ, — кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

Н. Федоровъ, — А. И. Фелькнеръ, — Т. И. Филипповъ,—К. Н. Флиге,—И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ,—О. Е. Франкъ,—Фрезе,—А. В. Фрейгангъ.

А. Ханъ-Аговъ,—Хмѣльницкій,—П. Ф. Хомутовъ,—А. Н. Хребтовъ,—Н. Хупотскій.

Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ.

Графъ Э. К. Чапскій, — В. И. Чаславскій,—Ад. П. Чеботаревъ,—Чешихинъ,—Г. С. Чириковъ.—И. А. Чистовичъ,—Я. А. Чистовичъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ,—П. А. Чумиковъ.—К. Н. Чупинъ.

И. И. Шамшевъ,—Н. И. Шигановъ,—кн. Ив. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ, — Б. С. Шевыревъ, — П. В. Шейнъ, — А. В. Шереметевъ,—Н. К. Шильдеръ, — Г. И. Ширяевъ, — А. Д. Шишковъ, — А. Шкляревскій,—А. О. Шлейснеръ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ, — Н. Е. Штрандманъ,—М. Ѳ. Шугуровъ,—Б. К. Шульцъ,—В. В. Шульцъ.

П. К. Щебальскій,—Н. Н. Щукинъ.

П. И. Юркевичъ.

Языковъ,—С. М. Якимахъ,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ, — Якушкинъ, — Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Яньковскій,—Ястржембскій,—П. Ясницкій,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Ятвиль.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ съ признательностію упомянуть о покойныхъ: А. И. Артемьевѣ,—А. Н. Аѳанасьевѣ,—Я. П. Баклановѣ,—Е. А. Бестужевой,—М. А. Бестужевѣ,—О. М. Бодянскомъ,—И. Д. Бѣляевѣ,—И. Д. Варпаховскомъ,—Н. В. Веригинѣ,—А. С. Вороновѣ,—А. Ѳ. Гильфердингѣ,—А. К. Гриббе,—В. И. Далѣ,—П. М. Дараганѣ, — Н. Н. де-Прерадовичѣ,—И. И. Европеусѣ, — К. К. Злобинѣ,—Ф. В. Каразинѣ,—от. К. Кустодіевѣ,—А. М. Княжевичѣ,—П. П. Ламбинѣ,—П. С. Лебедевѣ,—Е. Ф. Лермонтовой,—кн. С. А. Мадатовой, — П. К. Менковѣ, — от. М. Я. Морошкинѣ, — Ѳ. Н. Муратовѣ, — П. А. Мухановѣ, — акад. П. П. Пекарскомъ, — А. Н. Поповѣ,—В. Ѳ. Ратчѣ,—А. И. Рыжовѣ, — И. И. Свіязевѣ,—В. И. Фелькнерѣ, — М. Д. Хмыровѣ и К. В. Чевкинѣ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо̀льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамильные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи «Русской Старины» и также постепенно будутъ печататься.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1878 году.

Въ 1878 г. экземпляры «Русской Старины» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл.
(381,900 жит.).

Акмолы	1
Кокчетовъ	1
Омскъ	16
Петропавловскъ	1
	19

Амурская обл.
(44,297 жит.).

Благовѣщенскъ	6
Албазинъ	3
Михайло-Семеновская	1
Черняева	1
	11

Архангельская губ.
(291,695 жит.).

Архангельскъ	12
Онега	1
Пинега	1
Сороцкая	1
Шенкурскъ	1
	16

Астраханская губ.
(612,625 жит.).

Астрахань	21
Зинзелинская	1
Красный Яръ	1
	23

Бакинская губ.
(539,383 жит.).

Баку	11
Куба	1
Ленкоранъ	1
Маразинская	1
Сальяны	1
Шемаха	2
	17

Бессарабская губ.
(1,254,706 жит.).

Кишиневъ	29
Аккерманъ	4
Байрамча	1
Бендеры	5
Каушаны	1
Секурянская	2
Сороки	1
Тарутино	1
Хотинъ	2
	46

Варшавская губ.
(949,965 жит.).

Варшава	68
Александровъ Пограничный	1
Влоцлавскъ	3
Ловичь	4
Новый Дворъ	9
Скерневицы	2
	87

Виленская губ.

(1,123,206 жит.).

Вильно	36
Вилейка	2
Дисна	3
Молодечно	2
Свенціаны	1
Солы	1
Щучинъ	1
	46

Витебская губ.

(912,844 жит.).

Витебскъ	5
Велижъ	3
Динабургъ	10
Дрисса	1
Невель	1
Сеньковская	1
	21

Владимірская губ.

(1,280,550 жит.).

Владиміръ	18
Александровъ	4
Бараново	1
Болдинская	1
Васильевское	1
Второвская	1
Вязники	3
Гавриловъ посадъ	1
Гороховецъ	3
Иваново-Вознесенскъ	5
Киржачь	4
Мовровъ	2
Меленки	1
Мошка	1
Муромъ	5
Никольское	1
Покровъ	1
Сима	1
Судогда	1
Суздаль	2
Тейково	4
Шуя	3
Юрьевъ-Польскій	1
	65

Волынская губ.

(1,877,961 жит.).

Житоміръ	8
Владиміръ	2
Волочискъ	2
Дубно	4
Заславъ	1
Ковель	2
Корецъ	1
Кременецъ	4
Купель	1
Любарская	1
Луцкъ	2
Новоградъ Волынскій	2
Овручь	2
Олыка	1
Островъ	1
Печановка	1
Радзивило въ	3
Ровно	4
Старо-Константиновъ	2
	44

Вологодская губ.

(1,041,269 жит.).

Вологда	13
Великій Устюгъ	1
Вельскъ	1
Кадниковъ	2
Никольскъ	1
Тотьма	2
Устьсысольскъ	1
	21

Воронежская губ.

(2,259,973 жит.).

Воронежъ	26
Бестужевская	1
Бирючь	2
Бобровъ	4
Бутурлиновка	2
Валуйки	3
Задонскъ	1
Землянскъ	3
Калачь	2
Константиновская	1
Коротоякъ	1
Ливенскъ	2
Мандрово	1
Нижнедѣвицкъ	1
Новохоперскъ	2
Острогожскъ	6
Павловскъ	1
Ровенки	1
Россоша	1
Хрѣново	2
	63

Выборгская губ.

(289,170 жит.).

Выборгъ	3
Сердоболь	1
Фридрихсгамъ	1
	5

Вятская губ.

(2,448,600 жит.).

Вятка	13
Воткинскій зав.	1
Дебесы	1
Елабуга	5
Ижевскій зав.	3
Кикнурская	1
Лубянская	1
Малмыжъ	2
Нолинскъ	1
Орловъ	1
Сарапуль	3
Слободской	1
Уржумъ	2
	35

Гродненская губ.

(1,033,678 жит.).

Гродно	11
Брестъ-Литовскъ	7
Бѣлостокъ	4
Заполье	1
Зельвы	1
Кобринъ	1
Пружаны	1
Слонимъ	1
	27

Дагестанская обл.

(477,731 жит).

Дербентъ	2
Гунибъ	2
Дашлагаръ	1
Петровскъ	3
Темиръ-Ханъ-Шура	6
Чиръ-Юртъ	1
	15

Донская обл.

(1,275,686 жит.).

Новочеркаскъ	43
Амвросіевка	1
Боковская	2
Голодаевка	4
Грушевская	2
Есауловская	1
Константиновская	3
Миллерово	1
Нижнечирская	1
Новогригорьевская	1
Урюпинская	4
Усть-Медвѣдицкая	4
Харцызская	2
Цымлянская	4
Шалаевская	2
Шахтная	1
	76

Екатеринославская губ.

(1,488,016 жит.).

Екатеринославъ	23
Азовъ	2
Александровскъ	5
Бахмутъ	1
Верхнеднѣпровскъ	5
Гавриловка	1
Еленовское	1
Канцерополь	1
Константиновка	1
Куцеваловская	1
Лозовая	2
Лозовая	1
Луганскій зав.	3
Маріуполь	3
Марченская	1
Новомосковскъ	3
Павлоградъ	6
Перещепино	6
Петропавловка	1
Ростовъ	16
Самойловка	1
Славяносербскъ	2
Славгородъ	2
Софіевка	1
Таганрогъ	13
	102

Елисаветпольская губ.

(593,784 жит.).

Елисаветполь	6
Делижанъ	1
Новоакстафинская	1
Шуша	1
	9

Енисейская губ.

(372,862 жит.).

Красноярскъ	9
Енисейскъ	7
Каргино	3
Корелино	1
Минусинскъ	3
	23

Забайкальская обл.

(430,780 жит.).

Чита	6
Верхнеудинскъ	3
Горбиченская	1
Кавыкучи-газимурская	1
Кяхта	2
Нерчинскъ	3
Нерчинскій зав.	3

Средняя Кара	1
Стрѣтенская	1
Троицкосавскъ	2
Шелопугинская	2
	25

Закаспійскій отд.

(275,000 жит.).

Красноводскъ	1
	1

Закатальскій окр.

(68,839 жит.).

Закаталы	1
	1

Заравшанскій окр.

(163,185 жит.).

Самаркандъ	7
Каты Курганъ	1
	8

Иркутская губ.

(378,244 жит.).

Иркутскъ	28
Витимскъ	3
Жигаловская	3
Нижнеудинскъ	1
Нохтуйскъ	4
Тельминская	1
Тулуновка	1
Хоготская	1
	42

Казанская губ.

(1,739,909 жит.).

Казань	54
Воробьевская	1
Козмодемьянскъ	1
Лаишевъ	4
Маріинскій зав.	1
Свіяжскъ	3
Спасскъ	7
Царевококшайскъ	1
Чебоксары	2
Чистополь	5
	79

Калишская губ.

(717,927 жит.).

Калишь	6
Клодава	1
Konинъ	1
Ленчица	1
Турекъ	1
	10

Калужская губ.

(1,010,628 жит.).

Калуга	14
Александровскій хуторъ	1
Боровскъ	1
Брынь	1
Жиздра	6
Козельскъ	3
Медынь	2
Петрищевская	1
Серпейскъ	1
Суборовская	1
Таруса	1
Троицкая	1
	33

Кіевская губ.

(2.251,404 жит.).

Кіевъ	81
Бердичевъ	2
Богуславъ	1
Бособродская	1
Бѣлая Церковь	2
Воронцовская	3
Гребенская	1
Гуровщизна	1
Казатинъ	1
Каменка	1
Каневъ	1
Коростышевская	1
Корсунь	1
Лысянка	1
Махновка	1
Мокрая Калигорка	1
Радомыслъ	4
Ружинъ	1
Самгородокъ	1
Сквира	2
Смѣла	7
Тараща	3
Умань	2
Худолѣевка	1
Черкасы	2
Шпола	1
	124

Ковенская губ.

(1,348,936 жит.).

Ковно	2
Вилькоміръ	2
Ворнянская	3
Кейданы	1
Ново-Александровскъ	1
Поневѣжъ	1
Субочь	1
Таурогенъ	1
Тельши	1

Шавли	4
Юрбургъ	1
Яново	1
	29

Костромская губ.
(1,198,870 жит.).

Кострома	18
Буй	1
Варнавинъ	1
Ветлуга	2
Вичуга село	1
Вичуга ст.	2
Галичь	2
Евдокимово	1
Кинешма	6
Клеванцово	1
Кологривъ	1
Малоугарская	1
Нерехта	2
Парфеньевъ пос.	1
Плесъ пос.	1
Солигаличъ	2
Урень	1
Чухлома	1
Юрьевецъ-Повольскій	4
	49

Кубанская обл.
(831,740 жит.).

Екатеринодаръ	14
Ейскъ	5
Коневское	1
Крымская	1
Ладожская	1
Майкопъ	5
Невинномыская	1
Темрюкъ	1
Тихорѣцкая	2
Устьлабинская	1
	32

Курляндская губ.
(637,146 жит.).

Митава	4
Либава	3
	7

Курская губ.
(2,020,679 жит.).

Курскъ	19
Бѣлгородъ	7
Дмитріевъ	3
Короча	1
Кочетки	1
Льговъ	5
Марьино	1
Мирополье	2
Новый Осколъ	1
Обоянь	1
Путивль	3
Рыльскъ	8
Старый Осколъ	7
Суджа	3
Тимъ	3
Фатежъ	1
Щигры	3
	69

Кутаисская губ.
(638,125 жит.).

Кутаисъ	8
Зугдиды	1
Квирилы	1
Ново-Сенаки	1
Поти	1
	12

Кѣлецкая губ.
(537,936 жит.).

Кѣльцы	3
Андреевъ	1
Мѣховъ	1
Пинчовъ	2
Стопница	1
	8

Лифляндская губ.
(1,017,074 жит.).

Рига	15
Больдерея	1
Верро	1
Дерптъ	7
	24

Ломжинская губ.
(511,088 жит.).

Ломжа	8
Островъ	2
Пултускъ	1
Тыкоцынъ	1
	12

Люблинская губ.
(766,982 жит.).

Люблинъ	7
Бѣлгорай	1
Грубешовъ	1
Замостье	1
Иванъ-городъ	1
Новая Александрія	2
Холмъ	4
	17

Минская губ.

(1,222,642 жит.).

Минскъ	10
Бобруйскъ	5
Борисовъ	2
Домоновичи	1
Игуменъ	1
Мозырь	1
Несвижъ	1
Новогрудокъ	1
Пинскъ	1
Слуцкъ	1
Столбцы	1
	25

Могилевская губ.

(976,601 жит.).

Могилевъ	11
Быховъ	1
Гомель	3
Горы-Горки	1
Климовичи	1
Костюковка	1
Краснополье	3
Мстиславъ	1
Орша	2
Рудня	1
Чаусы	1
Чериковъ	1
	27

Московская губ.

(1,803,740 жит.).

Москва: а) чрезъ газетную экспедицію	195
б) чрезъ московскіе книжные магазины	411
Богородскъ	1
Бронницы	1
Верея	2
Волоколамскъ	1
Воскресенскъ	3
Дмитровъ	1
Завидовская	2
Звенигородъ	2
Каменка	1
Клинъ	1
Клинская	1
Коломна	2
Можайскъ	2
Молоди	1
Москва ст.	2
Подольскъ	3
Подсолнечная	2
Руза	1
Сергіевъ посадъ	11
Серпуховъ	9
Стрѣлецкія слободы	1
Фаустово	1
	657

Нижегородская губ.

(1,293,643 жит.).

Нижній Новгородъ	27
Арзамасъ	5
Богородское	1
Василь	1
Городецъ	1
Кадницкая	1
Княгининъ	1
Лукояновъ	1
Лысково	3
Мангушевская	2
Починки	3
Семеновъ	2
Сергачь	3
	51

Новгородская губ.

(1,021,317 жит.).

Новгородъ	18
Боровичи	2
Бронницы	1
Валдай	3
Грузино	1
Демянскъ	1
Ереминская	1
Зарѣчье	2
Крестцы	1
Кукуйская	1
Любань	1
Меглецы	2
Сомино	1
Спасская полисть	2
Торбино	1
Устюжна	4
Череповецъ	3
Шимская	1
	46

Нюландская губ.

(183,845 жит.).

Гельсингфорсъ	7
Свеаборгъ	2
	9

Олонецкая губ.

(298,364 жит.).

Петрозаводскъ	7
Вытегра	4
	11

Оренбургская губ.
(926,165 жит.).

Оренбургъ	22
Верхнеуральскъ	2
Грачевка	1
Илецкъ	2
Кочькарь	1
Челябинскъ	3
	31

Орловская губ.
(1,668,311 жит.).

Орелъ	33
Александровка	2
Архангельская	1
Болховъ	2
Брянскъ	7
Брянскъ ст.	1
Дмитріевъ	3
Донъ	1
Дросково	2
Дубовецъ	1
Елецъ	14
Измайлково	1
Карачевъ	6
Котомки	1
Кромы	2
Ливны	5
Малоархангельскъ	5
Мценскъ	6
Россошное	1
Русскій Бродъ	2
Сѣвскъ	2
Толстогубово	1
Трубчевскъ	1
Хотынецъ	1
	101

Пензенская губ.
(1,209,964 жит.).

Пенза	26
Воейково	1
Инсаръ	3
Исса	1
Каменка	1
Керенскъ	2
Краснослободскъ	1
Мокшаны	1
Наровчатъ	2
Нечаевскій Уметъ	1
Нижній Ломовъ	3
Саранскъ	4
Симанщино	1
Студенецъ	1
Чембаръ	4
	52

Пермская губ.
(2,240,960 жит.).

Пермь	14
Билимбаевскій зав.	2
Богословскій зав.	3
Веретія	1
Верхотурье	1
Далматовъ	2
Екатеринбургъ	27
Ирбитъ	3
Каменскій зав.	1
Катайская	1
Красноуфимскъ	2
Кунгуръ	3
Кушвинскій зав.	5
Невьянскій зав.	2
Нижнетагильскій зав.	4
Оса	1
Солпкамскъ	2
Сугатская	2
Сысертскій зав.	1
Чердынь	1
Шадринскъ	1
	79

Петроковская губ.
(708,008 жит.),

Петроковъ	1
Бендинъ	5
Лодзь	
Сосновицы	1
Ченстоховъ	8
	11

Плоцкая губ.
(490,975 жит.).

Плоцкъ	5
Добржинъ	1
Млава	1
Млава ст.	1
Плонскъ	1
	9

Подольская губ.
(1,996,046 жит.).

Каменецъ-Подольскъ	12
Балта	3
Баръ	1
Брацлавъ	2
Винница	3
Гайсинъ	2
Голованевскъ	1
Джуринская	1
Дережня	1
Круты	1
Летичевъ	2
Литинъ	2
Могилевъ	3

Немировъ	1
Новая Ушица	2
Ольгополь	4
Пиково	1
Попелюха	1
Проскуровъ	2
Тынна	1
Тульчинъ	1
Ямполь	1
Ярышевская	1
	49

Полтавская губ.

(2,154,847 жит.).

Полтава	28
Божковъ	1
Бутенковская	1
Бѣлоцерковка	1
Гадячь	4
Жуковская	1
Зеньковъ	3
Золотоноша	7
Кобеляки	2
Кононовичская	1
Константиноградъ	1
Кременчугъ	8
Лохвица	4
Лубны	6
Малая Перещепина	1
Миргородъ	6
Опошня	1
Переяславъ	6
Пирятинъ	3
Прилуки	3
Ромны	4
Рѣшетиловка	1
Хороль	3
Яготино	3
	99

Приморская обл.

(44,820 жит.).

Николаевскъ	2
Владивостокъ	2
Софійскъ	1
Хабаровская	3

Псковская губ.

(834,069 жит.).

Псковъ	10
Боровичи	1
Великіе Луки	4
Горицкая	1
Новоржевъ	4
Опочка	1
Островъ	1
Порховъ	4
Сольцы	1
Сорокинская	1
Торопецъ	3
Холмъ	5
	36

Радомская губ.

(562,191 жит.).

Радомъ	5
Конскъ	1
Липскъ	1
Опатовъ	1
Сандоміръ	2
Сташовъ	2
	12

Рязанская губ.

(1,524,442 жит.).

Рязань	14
Данковъ	1
Егорьевскъ	3
Ерахтурская	1
Зарайскъ	8
Караблинская	1
Касимовъ	5
Луховицы	1
Михайловъ	5
Пронскъ	2
Раненбургъ	2
Ряжскъ	2
Сапожокъ	2
Сарай село	2
Скопинъ	2
Спасскъ	1
Старожилово	1
	53

Самарская губ.

(1,904,153 жит).

Самара	17
Алексѣевка	1
Балаково	1
Борки	1
Бугульма	2
Бугурусланъ	3
Бузулукъ	3
Екатериновка	1
Екатериненштадтъ	1
Кичуй	1
Мелекесъ	1
Новый Узень	3
	35

С.-Петербургская губ.

(1,367,503 жит.)

С.-Петербургъ: а) по почтѣ	948
б) безъ доставки	163
Гатчино	9
Гдовъ	2
Доможирово	1
Колпинская	1
Красное Село	1
Кронштадтъ	21
Левашовка	1
Луга	1
Молосковицы	1
Нарва	4
Новая Ладога	2
Ораніенбаумъ	1
Павловскъ	4
Парголово	1
Петергофъ	3
Преображенская	1
Саблино	1
Сергіевская	1
Сестрорѣцкъ	1
Сиверская	3
Царское Село	14
Шлиссельбургъ	1
Ямбургъ	1
	1187

Саратовская губ.

(1,768,138 жит.)

Саратовъ	29
Аткарскъ	3
Балашовъ	4
Беково	3
Вольскъ	4
Дубовскій посадъ	1
Екатериновка	2
Камышинъ	2
Ключи	1
Колено	1
Кондаль	1
Кузнецкъ	2
Маріинская	1
Никулино	2
Петровскъ	2
Ртищево	2
Рудня	1
Сердобскъ	3
Сосновка	1
Таловка	1
Хвалынскъ	3
	69

Семипалатинская обл.

(610,123 жит.)

Семипалатинскъ	5
Алтайская	1
Зайсанскій постъ	2
Каркаралы	1
	9

Семирѣченская обл.

(539,530 жит.)

Вѣрный	6
Бахты	1
Караколъ	1
Кульджа	2
Нарынское	1
Токмакъ	1
	12

Симбирская губ.

(1,218,888 жит.)

Симбирскъ	13
Алатырь	3
Ардатовъ	4
Болховская	1
Краснососенская	3
Корсунь	11
Курмышъ	5
Новоспасское	1
Промзино Городище	1
Сызрань	8
Тагайская	1
Тетюшская	1
Ясашно Ташлинская	1
Юрловка	1
	54

Смоленская губ.

(1,214,637 жит.)

Смоленскъ	12
Бѣлой	3
Вязьма	5
Гжатскъ	2
Дорогобужъ	1
Духовщина	1
Ельня	1
Ивановская	1
Ивановская	1
Каменская	1
Коски	2
Пересна	1
Полуево	1
Порѣчье	1
Рославль	2
Рославецъ	1
Рославль ст.	1
Серги-Ивановская	1
Сычевка	1
Сѣщинская	1
Уваровская	1
Юхновъ	1
	42

Ставропольская губ.
(473,974 жит.)

Ставрополь	16
Александровское	1
Медвѣжинское	2
Прасковея	1
Средній Егорлыкъ	1
	21

Сувалкская губ.
(537,807 жит.)

Сувалки	6
Вержболовская	3
Владиславовъ	1
Волковышки	1
Маріамполь	1
Сейны	1
	13

Сѣдлецкая губ.
(575,978 жит.)

Сѣдлецъ	3
Бѣла	5
Мендзержыцъ	1
Радинъ	1
	10

Сыръ-Дарьинская обл.
(1,239,649 жит.)

Ташкентъ	19
Казалинскъ	6
Чимкентъ	1
Чиназъ	1
	27

Тавастгусская губ.
(202,250 жит.)

Тавастгусъ	1
	1

Таврическая губ.
(747,009 жит.)

Симферополь	19
Бердянскъ	5
Большой Токмакъ	1
Евпаторія	2
Зуя	1
Карасубазаръ	2
Каховка	2
Керчь Ениколь	8
Кринички	3
Мелитополь	3
Ногайскъ	1
Орѣховъ	1
Перекопъ	2
Севастополь	12
Севастополь ст.	1
Сирогозская	1
Судакъ	1
Ялта	7
Ѳеодосія	5
	77

Тамбовская губ.
(2,262,136 жит.)

Тамбовъ	30
Борисоглѣбскъ	8
Волконская	1
Грязи	3
Добринка	1
Елатьма	2
Каргашино	2
Кирсановъ	7
Козловъ	11
Козловская	1
Лебедянь	4
Липецкъ	4
Муравьевская	1
Моршанскъ	4
Новочеркутино	1
Просянополянская	2
Разсказово	1
Спасскъ	1
Темниковъ	1
Уметъ	2
Усмань	3
Царицынъ	4
Шацкъ	2
	96

Тверская губ.
(1,561,300 жит.).

Тверь	16
Брусовская	1
Бѣжецкъ	3
Весьегонскъ	1
Высокое	1
Вышній Волочокъ	4
Калязинъ	2
Кашинъ	5
Максатиха	1
Малышево	2
Осташковъ	3
Ржевъ	6
Селижарово	3
Спировская	1
Старица	1
Сытьковская	1
Торжокъ	6
Троицкая	2
	59

Терская обл.
(530,980 жит.)

Владикавказъ	10
Веденская	1
Воздвиженская	1

Грозный	2
Ессентукская	1
Кизляръ	1
Пятигорскъ	6
Хасафъ-Юртъ	3
	25

Тифлисская губ.
(662,859 жит.)

Тифлисъ	64
Ахалкалаки	1
Ахалцыхъ	1
Боржомская	1
Гори	2
Деланъ-Оглы	1
Душетъ	1
Игдырь	1
Царскіе Колодцы	2
	74

Тобольская губ.
(1,086,848 жит.)

Тобольскъ	8
Еланская	1
Ишимъ	1
Курганъ	3
Новозаимская	1
Туринскъ	1
Тюкалинскъ	1
Тюмень	7
	23

Томская губ.
(838,756 жит.)

Томскъ	12
Барнаулъ	9
Бійскъ	1
Змѣиногорскъ	3
Итатская	1
Маріинскъ	1
	27

Тульская губ.
(1,216,593 жит.)

Тула	27
Алексинъ	3
Богородицкъ	2
Бѣлевъ	3
Веневъ	3
Доробино	1
Епифань	2
Ефремовъ	5
Иваново	1
Кашира	3
Лапотково	1
Новосиль	3
Одоевъ	5
Пахомово	1
Толстыхъ	1
Чернь	3
Чернская	1
Шаховская	1
Ясенки	1
	67

Уральская обл.
(346,715 жит.)

Нижнеуральскъ	5
Гурьевъ	1
Калмыковъ	1
	7

Уфимская губ.
(1,550,146 жит.)

Уфа	11
Байсарово	1
Бирскъ	2
Мензелинскъ	4
Саткинскій зав.	1
Стерлитамакъ	1
	20

Ферганская обл.
(960,000 жит.)

Коканъ	1
Маргеланъ	7
Намаганъ	3
Ошъ	1
	12

Харьковская губ.
(1,739,220 жит.)

Харьковъ	56
Алексѣевка	1
Аатырка	2
Брвенково	1
Богодуховъ	3
Боромлянская	1
Бѣлополье	2
Бѣловодскъ	1
Волчанскъ	4
Голая Долина	1
Дергачи	4
Зміевъ	2
Изюмъ	6
Котельва	1
Краснопавловка	1
Купянскъ	3
Новоекатеринославская	1
Сеньковская	1
Славянскъ	2
Старобѣльскъ	2
Сумы	15
Чугуевъ	3
	113

Херсонская губ.
(1,739,280 жит.)

Херсонъ	10
Александрія	3
Ананьевъ	1
Березовка	2
Бериславъ	1
Бирзула	1
Вознесенскъ	7
Врадіевка	1
Джемурлѣевская	2
Елисаветградъ	11
Знаменка	2
Константиновская	1
Курисово-Покровская	1
Любашевка	1
Максимовская	1
Марьяновская	1
Николаевъ	20
Новогеоргіевскъ	1
Новомиргородъ	2
Ново-Воронцовка	1
Новая Прага	1
Одесса	61
Ольвіополь	1
Очаковъ	1
Павлышская	2
Песчаный Бродъ	1
Помошная	1
	138

Черниговская губ.
(1,704,090 жит.)

Черниговъ	10
Батуринъ	1
Бахмачъ	1
Березна	1
Бобровицы	1
Бобровицы	2
Борзна	1
Глуховъ	5
Грузское	1
Елонская	1
Клинцы	2
Козелецъ	2
Конотопъ	3
Конотопская	1
Коропъ	1
Кролевецъ	2
Мѣна	1
Новгородъ-Сѣверскъ	6
Новозыбковъ	1
Новый Ропскъ	1
Нѣжинъ	8
Остеръ	1
Плиски	1
Погаръ	1
Почепъ	2
Рѣпкинская	1
Семипольская	1
Стародубъ	6
Суражъ	1
Тулиголовъ	1
Чемерская	1
Чернотичи	1
	69

Черноморскій окр.
(15,735 жит.)

Новороссійскъ	1
Анапа	1
Туапсе	1
	3

Эриванская губ.
(547,693 жит.)

Эривань	2
Александрополь	17
Новый Баязетъ	1
	20

Эстляндская губ.
(325,715 жит.)

Ревель	5
Раке	1
	6

Якутская обл.
(234,851 жит.)

Якутскъ	4
	4

Ярославская губ.
(1,008,315 жит.)

Ярославль	27
Большесельская	1
Великое село	1
Даниловъ	1
Молога	1
Мышкинъ	1
Петровскъ	1
Пошехонье	1
Романовъ-Борисоглѣбскъ	1
Ростовъ	4
Рыбинскъ	11
Рыбинскъ ст.	1
Тихменево	1
Угличъ	1
Харино	1
	54

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Австрія	5
Англія	3
Бельгія	1
Бразилія	1
Болгарія	71
Германія	10
Голландія	2
Данія	1
Египетъ	1
Италія	7
Китай	3
Португалія	1
Турція	1
Франція	15
Швейцарія	6
	128

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.

1. Акмолинской обл.	19
2. Амурской обл.	11
3. Архангельской губ.	16
4. Астраханской губ.	23
5. Бакинской губ.	17
6. Бессарабской губ.	46
7. Варшавской губ.	87
8. Виленской губ.	46
9. Витебской губ.	21
10. Владимірской губ.	65
11. Волынской губ.	44
12. Вологодской губ.	21
13. Воронежской губ.	63
14. Выборгской губ.	5
15. Вятской губ.	35
16. Гродненской губ	27
17. Дагестанской обл.	15
18. Донской обл.	76
19. Екатеринославской губ.	102
20. Елисаветпольской губ.	9
21. Енисейской губ.	23
22. Забайкальской обл.	25
23. Закаспійскомъ отдѣлѣ	1
24. Закатальскомъ округѣ	1
25. Заравшанскомъ окр.	8
26. Иркутской губ.	42
27. Казанской губ.	79
28. Калишской губ.	10
29. Калужской губ.	33
30. Кіевской губ.	124
31. Ковенской губ.	29
32. Костромской губ.	49
33. Кубанской обл.	32
34. Курляндской губ.	7
35. Курской губ.	69
36. Кутаисской губ.	12
37. Кѣлецкой губ.	8
38. Лифляндской губ.	24
39. Ломжинской губ.	12
40. Люблинской губ.	17
41. Минской губ.	25
42. Могилевской губ.	27
43. Московской губ.	51
44. Нижегородской губ.	51
45. Новгородской губ.	46
46. Нюландской губ.	9
47. Олонецкой губ.	11
48. Оренбургской губ.	31
49. Орловской губ.	101
50. Пензенской губ.	52
51. Пермской губ.	79
52. Петроковской губ.	11
53. Плоцкой губ.	9
54. Подольской губ.	49
55. Полтавской губ.	99
56. Приморской обл.	8
57. Псковской губ.	36
58. Радомской губ.	12
59. Рязанской губ.	53
60. Самарской губ.	35

61. С.-Петербургской губ. . .	76
62. Саратовской губ.	69
63. Семипалатинской обл. . .	9
64. Семирѣчинской обл. . . .	12
65. Симбирской губ.	54
66. Смоленской губ..	42
67. Ставропольской губ. . . .	21
68. Сувалкской губ..	13
69. Сѣдлецкой губ.	10
70. Сыръ-Дарьинской обл. . .	27
71. Тавастгусской губ. . . .	1
72. Таврической губ.	77
73. Тамбовской губ.	96
74. Тверской губ.	59
75. Терской обл.	25
76. Тифлисской губ. . . .	74
77. Тобольской губ.	23
78. Томской губ.	27
79. Тульской губ.	67
80. Уральской обл.	7
81. Уфимской губ.	20
82. Ферганской обл..	12
83. Харьковской губ.	113
84. Херсонской губ.	138
85. Черниговской губ.. . . .	69
86. Черноморскомъ округѣ . .	3
87. Эриванской губ.	20
88. Эстляндской губ.	6
89. Якутской обл.	4
90. Ярославской губ.	54
Итого	3376
II. Въ Москвѣ.	606
III. Въ Петербургѣ (*съ доставк. и безъ доставки*).	1111
IV. За границей.	128
	5221

Завѣдывающая экспедиціей *К. Ѳ. Кармалина.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XXIII ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1878 г.

(СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

А.

Б.

В.

Д.

Е.

Ж.

I.

К.

Л.

М.

П.

Р.

С.

Т.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1878 года.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Историко-біографическіе очерки.

Акты, переписка, разсказы и замѣтки.

Время до Петра I.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Анны Іоанновны.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованіе Александра II.

Исторія русской литературы.

Писатели XIX-го вѣка.

Художники.

I. Жанъ Вуаль.

(См. выше, стр. 544).

II. Алексѣй Гавриловичъ Венеціановъ.

(См. выше, стр. 265—280; 457—476).

III. Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

(См. выше, стр. 55—74; 281—306).

Портреты и рисунки.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлемань, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. заглавную виньетку).

II. Портретъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, казненнаго 26-го октября 1739 г., близь Новгорода. Рисовалъ, съ весьма рѣдкой гравюры, сообщ. П. А. Ефремовымъ, художникъ К. О. Брожъ; гравировалъ, въ Парижѣ, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 1)

III. Портретъ ген.-артил. Георгія Васильевича Новицкаго, Рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ въ Парижѣ, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. стр. 161).

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Труды III-го Археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ въ августѣ 1874 г. Т. I. 352; т. II, 330 † 361. (На оберткѣ 9-й кн. «Русской Старины» 1878 г.).
2. Древности. Труды Московскаго археологическаго Общества, изданные подъ редакціею **В. Е. Румянцева.** Т. VII, выпускъ I. (Тамъ же).
3. Извѣстія о занятіяхъ IV Археологическаго съѣзда въ Казани. Казань 1877 г. 192 стр. (На оберткѣ 10-й кн. «Русской Старины» 1878 г.).
4. Матеріалы для исторіи и статистики Орловской губерніи, собранные секретаремъ Орловск. Губернск. Статистич. Комитета **А. Пупаревымъ,** Орелъ, 1877 г., 129 † 64, съ таблицами и чертежемъ гор. Орла, составленнымъ въ 1741 г. (Тамъ же).
5. Нижегородскій сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, подъ ред. секретаря Комитета **А. С. Гацискаго.** Т. VI, 1877 г., XIV † 357, 241—480. (Тамъ же).
6. Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составл. и изд. Центр. Статистич. Комит. Мин. Внутр. Дѣлъ. I. Костромская губ. Спб. 1877. LXXIV † 465. II. Уфимская губ., CXXXIX † 196. III. Вятская губ. CXXIV † 991. (На оберткѣ 11-й кн. «Русской Старины» 1878 г.)
7. Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Ч. III. Акты о Гайдамакахъ. Томъ III. Кіевъ, 1876 г. 129—897. (Тамъ же).
8. О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка, по соч. д-ра Алквиста, сост. **Л. Майковъ.** Спб. 1877. 107. (Тамъ же).
9. Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ. Книга V, вып. I. Подъ ред. **Н. А. Попова.** 221. Москва, 1877 г. (Тамъ же).
10. Указатель къ неофиціальной части Университетскихъ (Кіевскихъ Извѣстій за 1861—1877 года. Кіевъ. 1878. 45 стр. (Тамъ же).
11. Изданія Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ 1877—1878 г. (Тамъ же).
12. Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральномъ архивѣ въ

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, вкрались слѣдующія погрѣшности:

Въ статьѣ: «Похожденія Ивана Мигрина», на стран. 5-й и 6-й, Васюринскій курень названъ Васютинскимъ.

Въ нынѣшней области Кубанской, въ составъ которой вошла прежняя земля Черноморскаго казачьяго войска, есть и теперь станица Васюринская, прежде именовавшаяся куренемъ Васюринскимъ, по имени бывшаго въ Запорожьѣ куреня Васюринскаго.

Въ той же статьѣ, стран. 20, строк. 3, вмѣсто Пороxля («съ ... сотникомъ Пороxлею»), полагаю, слѣдуетъ — Порохня.

Фамилія Порохня извѣстна въ бывшемъ Черноморскомъ (нынѣ Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ. Въ 1850-хъ годахъ былъ еще живъ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ,—отставной штабъ-офицеръ Евдокимъ Ивановичъ Порохня. Вѣроятно, о немъ и говоритъ въ своей автобіографіи Г. Мигринъ. Сынъ Евдокима Ивановича Порохни, Иванъ Евдокимовичъ Порохня,—нынѣ генералъ-лейтенантъ, — въ 1850 — 60-хъ годахъ занималъ должность члена управленія иррегулярныхъ войскъ и жилъ (вѣроятно, и теперь живетъ) въ Царскомъ Селѣ, въ собственномъ домѣ.

Въ статьѣ: «И. К. Айвазовскій», стр. 286 и слѣдующія, генералъ Котляревскій, вмѣсто Петра Степановича, названъ Петромъ Семеновичемъ.

Сообщ. **Николай Рындовскій**.

Екатеринославъ.

ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
Томъ XXII, стр. 605	1 строка	съ низу:		камоничекъ.	каноничекъ
» 643	6	»	съ верху:	nafura	natura
» 649	12	»	съ низу:	1825	1823.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
Томъ XXIII, стр. 18	10-я строка		съ верху:	съ такоюку чею денегъ	съ такою кучею денегъ.
» 158	2-я	»	съ верху:	вторая его жена	вторая жена его отца,
» »	8, 11 и 19		съ верху:	Винкаймы	Вешкаймы
» »	18-я строка		съ верху:	Оболинымъ	Обалиномъ
» 183	1-я	»	съ верху:	1713—1814 гг.	1713—1714 гг.
» 266	9-я	»	съ верху:	путами	путями
» 426	2-я	»	съ низу:	большоепьянство	большое пьянство.

пыстенскаго, напечатанная по рукоп. синодальной библіотеки (основной списокъ), Публичной библіотеки и Румянцевскаго музея; наконецъ, посланія старца Артемія къ разнымъ лицамъ (кн. Чарторыйскому, Симону Будному, ц. Ивану Грозному и пр.), дающія нѣсколько новыхъ чертъ для исторіи религіознаго движенія въ Литвѣ XVI вѣка и уясняющія образъ мыслей самого Артемія, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ Максиму Греку и заподозрѣннаго потомъ въ единомысліи съ Башкинымъ и Косымъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы примѣчанія къ этимъ статьямъ удовлетворяли вполнѣ научнымъ требованіямъ. Такъ, въ библіографической замѣткѣ о Полинодіи нѣтъ указаній на статьи о Полинодіи, помѣщенныя въ Кіев. Епарх. Вѣд. (1873, № 24, и 1874, № 11 и 12); въ примѣчаніи къ сочиненіямъ Артемія не указанъ разборъ дѣла о немъ, помѣщенный въ истор. моногр. Костомарова (I, 437—448), а между тѣмъ сдѣлана ссылка на Унив. Изв. 1875, ноябрь, стр. 763, гдѣ упоминается только имя Артемія. Притомъ относительно Артемія сдѣлана въ примѣчаніи странная ошибка, а именно, что осужденіе Артемія послѣдовало по опредѣленію Стоглаваго собора, причемъ дѣлается ссылка на грамату собора, напечатанную въ Актахъ археогр. экспедиціи (т. I, № 239), но Стоглавый соборъ былъ въ 1551 году, а соборная грамата о ссылкѣ Артемія послѣдовала 24-го января 1554 и къ Стоглаву никакого отношенія не имѣетъ. Она была написана отъ имени другаго собора, созваннаго противъ еретиковъ; притомъ Артемій самое игуменство въ Троицкомъ монастырѣ получилъ уже послѣ Стоглаваго собора (Макарій, Ист. церкви, VI, 286), слѣдовательно, приговоръ противъ него никакъ не могъ быть объявленъ отъ имени этого собора! Прибавимъ къ этому, что въ 5-мъ № Унив. Изв. 1878 года появилась теперь подробная статья объ Аѳанасіѣ Филипповичѣ—г. Левицкаго, дополняющая свѣдѣнія о немъ нѣкоторыми новыми данными.

Къ настоящему тому Библіотеки приложены указатели: именъ, мѣстъ, предметовъ и реченій,—послѣдній особенно подробный.

Сборникъ Русскаго Историческаго общества. Т. XXII. Спб. 1878. 637. Ц. 3 р.

Въ этомъ томѣ помѣщены донесенія графа Сольмса Фридриху II и отвѣты на нихъ короля прусскаго за 1763—1766 гг. Такимъ образомъ, эти матеріалы составляютъ необходимое дополненіе къ перепискѣ Фридриха II и Екатерины II за начало ея царствованія, изданной уже въ XX томѣ Сборника. Бумаги XXII тома извлечены проф. Германомъ изъ дѣлъ берлинскаго секретнаго государственнаго архива; впрочемъ, на нихъ было обращено уже вниманіе въ изданіяхъ Курда-фонъ-Шлецера, Шмитта, Л. Гейсера и М. Дункера, которыя необходимо имѣть въ виду при пользованіи означенными матеріалами.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ съ иностранными державами. Составилъ Ф. Мартенсъ. Т. IV. Ч. I. Трактаты съ Австріею. 1815—1849. Спб. 1878. XVIII + 601. Ц. 3 р.

Изданіе это продолжается въ прежнемъ направленіи. Акты, собранные издателемъ, сопровождаются обыкновенно весьма подробными объяснительными статьями и историческими очерками дипломатическихъ отношеній, составляющими прекрасный матеріалъ для исторіи дипломатіи Россіи независимо отъ самыхъ актовъ. Въ IV томѣ собрано такихъ данныхъ даже гораздо болѣе чѣмъ въ трехъ предъидущихъ. Изъ новыхъ документовъ здѣсь помѣщены: мартовская конвенція 1833 г. (№ 134) относительно политики трехъ сѣверныхъ державъ въ бельгійскомъ вопросѣ; мюнхенгрецкая конвенція 1833 г. (№ 135), касающаяся Восточнаго вопроса и представляющая въ иномъ свѣтѣ отношеніе Россіи и Австріи къ этому вопросу, чѣмъ утверждалъ Пальмерстонъ; впервые же помѣщенъ и актъ 1846 г. о присоединеніи Краковской республики къ Австріи (№ 141).

Вообще, кромѣ нѣсколькихъ дополнительныхъ матеріаловъ къ акту Священнаго союза, этотъ томъ проливаетъ свѣтъ на дѣятельность Россіи по Восточному вопросу въ періодъ 1821—1841 гг., по устройству Польши и по вопросамъ внутренней политики.

Въ заключеніе снова повторимъ наше желаніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ концѣ послѣдней части этой серіи документовъ, были приложены указатели. **В. И.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1879 г.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины", на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова,** на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

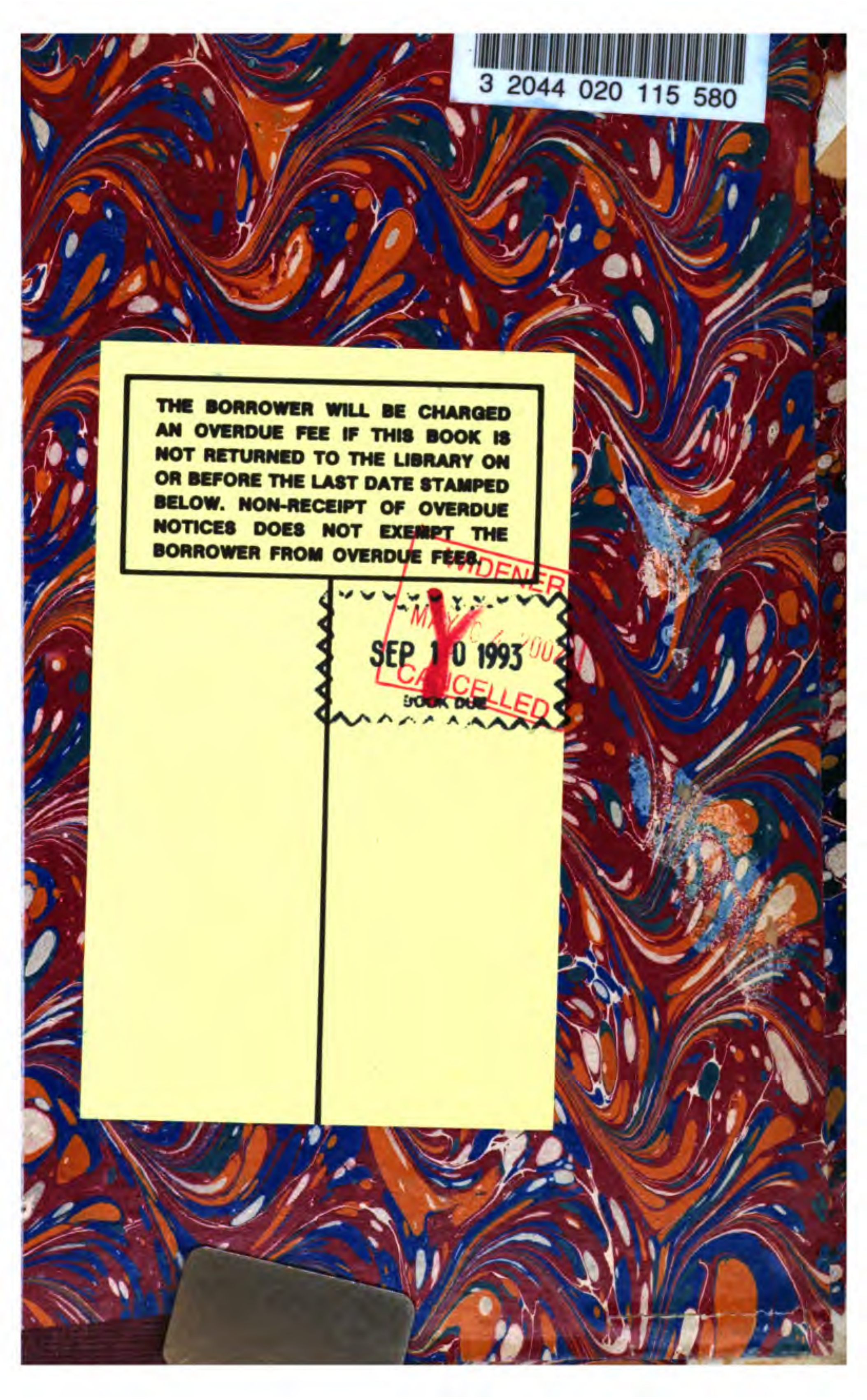
I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—VI. Библіографическія замѣтки о рус.-исторической литературѣ.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ и повѣрьяхъ русскаго народа.

IX. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

„Русская Старина" **1870** г., третье изд., **12** кн. съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина" **1876** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина" **1877** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.
„Русская Старина" **1878** г., **двѣнадцать** книгъ, съ портретами, **8** руб.

Издат.-редакторъ **М. И. Семевскій.**

3 2044 020 115 580
THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
WIDENER
SEP 10 1993
CANCELLED
BOOK DUE

